

Рудольф Гайм

Гердер, его жизнь
и сочинения

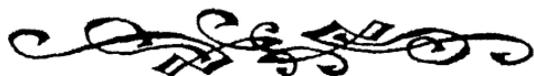
Рудольф Гайм

II

Том 87

Рудольф Гайм

ГЕРДЕР, ЕГО ЖИЗНЬ
И СОЧИНЕНИЯ

Том II

*Перевод с немецкого
В. Н. Неведомского*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2011

УДК 1(091)
ББК 87.3
Г14

Серия основана в 1992 году

Редакционная коллегия серии «Слово о сущем»

В. М. КАМНЕВ, Ю. В. ПЕРОВ (председатель),
К. А. СЕРГЕЕВ, Я. А. СЛИНИН, Ю. Н. СОЛОНИН

Гайм Р.

Г14 Гердер, его жизнь и сочинения / Пер. с нем. В. Н. Неведомского. Т. II. — СПб.: Наука, 2011. — 963 с. (Серия «Слово о сущем». Т. 87).

ISBN 978-5-02-026361-1

ISBN 978-5-02-026360-4

Данное издание подготовлено на основе перевода В. Н. Неведомским (1827—1899) монографии Р. Гайма (1821—1901) о немецком философе-просветителе И. Г. Гердере (1744—1803).

УДК 1(091)

ББК 87.3

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

© Издательство «Наука», серия
«Слово о сущем» (разработка,
оформление), 1992 (год осно-
вания), 2011

ISBN 978-5-02-026361-1 (Т. 2)
ISBN 978-5-02-026360-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе я оканчиваю биографию Гердера, гораздо позже чем предполагал. Причиной этой медленности вовсе не было желание выждать появления в печати того богатого материала, который заключается в каждом новом томе издания Суфана, — как в тексте этого издания, так и во введениях и объяснительных примечаниях издателя. В противном случае мне пришлось бы дожидаться окончания этого издания, между тем как я мог пользоваться для моей работы только восемнадцатью томами издания Суфана (I—IV, VI и VII, X—XII, XVII—XXII, XXVI—XXVIII). Появление некоторых из этих томов действительно иногда замедляло мою работу, потому что заключающиеся в них сведения заставляли меня сызнова переначинать мои собственные исследования, проверять и дополнять мои выводы; но главная причина моей медленности заключалась в моем собственном неумении скоро справиться с собранным мной материалом, а чужая работа, напротив того, лишь поощряла меня к скорейшему окончанию моего предприятия. Благодаря предупредительной любезности моего друга Суфана — о которой я с благодарностью упоминал еще в предисловии к первым книгам этой биографии — я нередко имел возможность пользоваться не только теми, оставшимися после смерти Гердера, бумагами, которые уже были приготовлены для помещения в новом издании, но и теми, которые еще не были рассмотрены новым издателем сочинений Гердера. Поэтому не подлежит сомнению, что вследствие обширного предприятия Суфана мне пришлось бы многое исправлять и дополнять в моем изложении, и я, конечно, не буду ставить себе в заслугу то, что в моей работе я иногда пытался доказать основательность некоторых легких уклонений от воззрений и выводов, изложенных в издании Суфана.

Теми рукописями, которые были найдены после смерти Гердера и заключали в себе некоторые биографические указания, я мог в течение всей моей работы пользоваться так же свободно, как и в то время, когда они находились в Веймаре в заведовании государственного министра Штихлинга; этим я был обязан любезности прусского министра народного просвещения, в распоряжение которого те рукописи перешли уже несколько лет тому назад вместе с некоторыми другими, хранившимися в других местах. Кроме того, я не

мог обойтись без помощи почтенного внука Гердера, так как он стоял в то время во главе веймарского министерства народного просвещения. Благодаря ему, я мог пользоваться теми документами, из которых только и можно составить себе ясное понятие о служебной деятельности Гердера в Веймаре.

Тому, кто черпает сведения из таких первоначальных источников, иногда приходится оставлять без внимания источники хотя и ценные, но второстепенные. Ко вреду моего биографического очерка я слишком поздно вспомнил об одной очень известной книге; если бы я имел ее в свое время под рукой, я не выдавал бы некоторые из сообщенных мной сведений за совершенно новые. Люди, знакомые с содержанием этой книги, быть может, найдут в моем изложении некоторые недосмотры; но чтобы заглазить мою вину, я сам указал на замеченные мной недостатки в небольшом приложении под заглавием «Дополнения и поправки».

Другая неблагоприятная для моей книги случайность заключается в том, что во время ее продолжительного печатания появились некоторые сочинения на ту же тему. Это побудило меня сделать некоторые дополнения в подстрочных примечаниях, не говоря уже об алфавитном указателе, который хотя и не отличается совершенной полнотой, но в связи с оглавлением может облегчить отыскивание того, что интересует читателя. В подстрочных примечаниях я, естественно, придерживался прежнего способа делать ссылки на издания сочинений Гердера и на сборники его писем; а под буквами SWH следует разуметь то гемпелевское издание нетеологических сочинений Гердера, которое было составлено почти исключительно Дюнцером и которым я нередко пользовался с чувством признательности.

Итак, мне снова приходится заводить речь о моей признательности. Я должен выразить мою искреннюю благодарность шафгаузенскому пастору Бехтольду, доставившему мне возможность познакомиться с хранящимися в шафгаузенской библиотеке гердеровскими рукописями и с письмами, которыми обменивались Георг Мюллер и Гердер. В моей книге я не позабыл упомянуть ни об одной из сколько-нибудь значительных услуг, которые были мне оказаны. Самым предупредительным образом помогали мне: в Мюнхене — Франц Мункер, сообщавший мне на просмотр рукописи, в Веймаре — Рейнгольд Кёлер, открывший мне свободный доступ в местную библиотеку. К сожалению, уже нет в живых того человека, который был для меня самым услужливым помощником и отзыв которого о моей книге был бы для меня самым интересным: имя Адольфа Шёлля я должен бы был назвать и в начале этой книги, и на, ее последней странице.

Рудольф Гайм

Галле, 6 июня 1885 г.

КНИГА ПЯТАЯ

**ПЕРВЫЕ СЕМЬ ЛЕТ ЖИЗНИ ГЕРДЕРА
В ВЕЙМАРЕ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИБЫТИЕ В ВЕЙМАР. НОВАЯ ОБСТАНОВКА И НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Гердер прибыл со всем своим семейством в Веймар 1 октября 1776 г. поздно вечером¹; его шурин Флаксланд приехал туда немного ранее, для того чтобы помочь ему в распаковке багажа и в распоряжениях по хозяйству. Бойе также помог ему в этом случае своими советами. Гердер изменил свое первоначальное намерение не останавливаться в Гёттингене и провел в этом городе по меньшей мере целый день, а в Гальберштадте он провел целую неделю в доме Глейма².

Первые впечатления, испытанные Гердером в Веймаре, были чрезвычайно приятны. Через две недели после своего приезда он писал Лафатеру и Клейкеру, что все относится к нему с самым высоким уважением и с самой большой предупредительностью и что он «еще не живет, а только дрожит от радости»³. Его первый визит был к Виланду, которому он привез рекомендательное письмо от Глейма и который с первой минуты знакомства стал относиться к нему с безусловным дружеским доверием. Обе герцогини и сам герцог приняли его с самой почтительной любезностью, а вечером 2 октября сам Карл Август посетил новоприезжих на возвратном пути с охоты за жаворонками. Что Гёте часто виделся в то время с Гердером, видно из его дневника⁴. В только

¹ В «Воспоминаниях» сказано, что Гердер приехал в Веймар 2 октября. Но из письма Каролины к Глейму от 6 октября и из дневника Гёте (сообщ. Р. Кейль, с. 85) видно, что Гердер приехал туда 1 октября. Он выехал из Гальберштадта 30 сентября рано утром (Глейм к Виланду: *Pröhle*. Лессинг, Виланд, Гейнзе. С. 102—103).

² *Weinhold*. Воие. С. 183; Каролина к Глейму (С, I, 49).

³ К Лафатеру 13 окт. 1776 г.; к Клейкеру 14 окт. 1776 г. (*Рамуен*. Иоанн Фр. Клейкер, с. 64 и сл.).

⁴ К началу пребывания Гердера в Веймаре относится и та записочка Гёте к Гердеру, которая помещена в сборнике Дюнцера под № 42 (А, I, 65). Упоминаемое там небольшое сочинение Гамана, очевидно, не что иное, как рукопись филологических заметок и сомнений с находящимся с ней в связи посланием «*Au Salomon de Prusse*», а упоминаемая там статья об Откровении не что иное, как старая рукописная статья Гердера.

что упомянутом нами письме к Лафатеру Гердер писал: «Я нашел, что Гёте еще более прежнего добросердечен, чувствителен и благороден. Виланд — *bon homme*, которому будешь многое извинять, когда с ним ближе познакомишься... Герцог — благородный, прямодушный и добрый юноша... Герцогиня прелестна и великодушна, как ангел; она стала в тысячу раз лучше, чем когда-то была. Молю Бога, чтобы он научил меня угодить им всем!» На положение дел в Веймаре он сначала смотрел глазами Гёте и Виланда. Он скоро убедился в неосновательности переданных ему Циммерманом¹ и некоторыми другими друзьями слухов о неурядице, будто бы господствовавшей при Веймарском дворе, с тех пор как Карл Август стал во главе управления, и в особенности с тех пор как Гёте поселился в Веймаре. В конце своего письма к Клейкеру Гердер писал: «Все рассказы, о которых вы мне сообщали по слухам, неосновательны и лживы. Герцог — юноша или молодой человек, который самостоятельно смотрит на жизнь и у которого очень доброе сердце. Гёте преследует здесь очень благородные цели, а все рассказы о его проделках передаются здесь в таком виде, что служат для него настоящими похвалами»².

Впрочем, Гердеру скоро пришлось узнать на деле, насколько была прочна дружба Гёте и в какой мере он мог быть доволен своим новым положением. В половине октября состоялось его официальное вступление в высшую консисторию и его приведение к присяге. Только тогда оказалось, что еще не вполне были устранены те затруднения, с которыми было сопряжено его назначение в Веймар. Веймарское духовенство было недовольно тем, что с назначением Гердера лишалось некоторой части своих прежних доходов³; поэтому герцог издал рескрипт, в силу которого «министрам, советникам и кавалерам вместе с их женами и детьми (т. е. тем лицам, для которых Гердер должен бы был служить духовным отцом) дозволялось и впредь исповедоваться у прежде избранного ими придворного пастора». Этот рескрипт

¹ Циммерман к Гердеру 19 июня 1776 г. (А, II, 374, 375).

² И в более позднюю пору Гердер, как кажется, был того же мнения, так как осенью 1777 г. Мерк (*Вагнер*. II, 99) высказывал такое же мнение, ссылаясь на Флаксланда, который провел девять месяцев в Веймаре в доме своей сестры.

³ Находящаяся у меня в руках докладная записка, которая была подана веймарскому министерству обоими придворными дьяконами, Готтшальгом и Шульце, и советником высшей консистории и архидьяконом Шнейдером, помечена 20 февр. 1776 г.

представлял резкое противоречие с той инструкцией, которая была дана новому пастору при его вступлении в должность¹. Но Гердер не был из числа таких людей, которые были бы способны подчиниться таким предписаниям, и потому он предъявил протест в самой консистории. В письме к Гёте он заявил, что ввиду нанесенного ему оскорбления и ввиду того, что у него отнимают его прихожан, он не вступит в отправление своей должности; но к герцогу он обратился с просьбой оградить его от нарушения тех прав, которые связаны с его должностью. Всякая проволочка в окончательном разрешении спорного вопроса угрожала Гердеру серьезной опасностью, так как ему предстояло произнести 20 октября его вступительную проповедь. Благодаря дружеским усилиям Гёте, было своевременно издано герцогское приказание, разрешавшее спор в пользу Гердера. Прямо из собиравшегося у герцога совета Гёте приехал известить Гердера о состоявшемся решении, и на следующий день Гердер произнес ту безыскусственную и горячо прочувствованную вступительную проповедь, которая разом положила конец всем безрассудным толкам о его неспособности произносить церковные проповеди, о его несочувствии к христианскому учению и т. п. и которая разом привлекла к нему все сердца. Однако Гёте был не совсем доволен тем, что мужественный протест его друга причинил ему так много хлопот; из его уст вырвалось слово «поповщина», и тогда возник первый зародыш размолвки между двумя друзьями².

Эти недоразумения привели только к тому, что все стали уважать Гердера. Через три месяца после своего прибытия в Веймар он писал своим друзьям, что вполне доволен своим положением,

¹ Под номером 10 перечисленных в этой инструкции должностных обязанностей сказано, что Гердер «должен быть духовным отцом для *Serenissimum Regentem*, для всех высокопоставленных лиц, для министров, советников, придворных кавалеров, придворных дам, равно как для жен и детей министров, советников и придворных кавалеров».

² Все вышеизложенное извлечено как из печатного, так и из рукописного текста «Воспоминаний». Содержание этих «Воспоминаний» дополнено и частью исправлено при помощи дневника Гёте и официальных документов. Извлечения из этих документов можно найти в статье Пейцера «*Herders Berufung nach Weimar*», помещенной в «*Herderalbum*» (с. 64); там же (с. 65 и сл.) напечатана вступительная проповедь Гердера. Из официальных документов видно, что вторичный рескрипт, отменявший прежнее распоряжение, был опубликован лишь 22 окт. В следующее воскресенье Гердер снова произнес церковную проповедь (дневник Гёте от 27 окт.). Касательно впечатления, произведенного первой проповедью, сравн. письмо Виланда к Якоби в переписке этого последнего (I, 254).

которое сравнивал со своим положением в Риге. Гарткноху он писал 13 января 1777 г.: «Здесь я пользуюсь общей любовью; ко мне относятся с уважением и двор, и простонародье, и вельможи; их одобрение превосходит всякую меру»; лишь только он вступил в должность, тотчас прекратились все прежние нелепые толки и «теперь все преклоняются перед ним до земли»¹. Он очень смеялся, читая рассказы о распущенных вне Веймара слухах, будто он произносит церковные проповеди в обшитом галунами платье и в сапогах со шпорами, будто после каждой проповеди он три раза объезжает вокруг церкви, будто он выезжает из церковных ворот верхом и т. п.² Даже сфера и важность его новых должностных обязанностей сначала приходились ему совершенно по вкусу. «Вы ошибаетесь, думая, что я в Веймаре не что иное, как церковный проповедник, — писал он Лафатеру, — я, кроме того, главный придворный проповедник, член высшей консистории и церковного совета, генерал-суперинтендант, Pastor primarius и ношу еще десяток других не менее длинных титулов, а от авторской деятельности надеюсь, с помощью Божьей, совершенно отказаться». Клейкеру он также писал, что у него много важных занятий и что он намеревается все более и более отвыкать от чтения книг и от сочинительства. В течение первой зимы, проведенной в Веймаре, ему, естественно, приходилось тратить много времени на изучение всего, что входило в сферу его служебных обязанностей; однако в письме, которое он написал в январе Гарткноху, слышится скорее хвастливость, чем недовольство, когда он говорит, что «у него страшно много дел» и что в пучине своих служебных занятий он чувствует себя еще более одиноким, чем в Бюкебурге.

Но тон его писем скоро изменился. Впрочем, он легко перенес желчную лихорадку, которой занемог на Рождество 1776 г. и которая возвратилась к нему следующей весной вместе с болями в печени. В июле он ездил лечиться от этой болезни в Пирмон. Он возвратился оттуда в Веймар со свежими силами и с убеждением, что его здоровье совершенно поправилось. Экономические затруднения также не вызывали с его стороны громких жалоб, несмотря на то что в течение первых лет веймарской жизни ему приходилось очень нуждаться в деньгах по причине значительных трат на переезд из Бюкебурга и на обустройство в Веймаре.

¹ То же самое писал он Гаману, как это видно из письма Гамана к Гарткноху от 30 янв. 1777 г.

² Статья Циммермана в «Ганноверском сборнике» (1779. № 42. С. 650).

Но он уже привык к лишениям этого рода и по своему характеру не был способен отравлять себе жизнь материальными заботами. В письме к Гарткноху от 4 января 1778 г.¹ он говорит, что выносит такую нужду в деньгах, какой не выносил ни в Кёнигсберге, ни в Риге: «Молю Бога, чтобы он помог мне пережить еще только два года!» Но он ошибся в своих расчетах: что он не умел выйти из своего стесненного положения, видно из того, что в течение следующих лет он неоднократно обращался за денежной помощью к своему верному другу Гарткноху; однако, как ни было тягостно для Каролины это стесненное положение, оно никогда не нарушало душевного спокойствия самого Гердера.

У него были другие заботы, которыми он все более и более тяготился. Он находил не в меру тяжелым бремя своих деловых занятий, которые иногда так надоедали ему, что ему все казалось противным — и его должность, и его дом, и его кабинет, и вся окружающая атмосфера. Однако по прошествии одного года, проведенного в Веймаре, он решительно отказывается променять должность генерал-суперинтенданта в Веймаре на такую же должность в Риге, потому что первая из них без всякого сравнения более почетна и доставляет более широкую сферу деятельности. Почти в то же время он жаловался на то, что среди служебных занятий и необходимых развлечений он не узнает сам себя и завидует всякому, кто может жить для самого себя². Действительно, трудно поверить, чтобы при своей привычке много читать и писать он долго мог заглушать в себе влечение к чтению и к авторской деятельности! Это было бы, пожалуй, возможно, если бы его деловые занятия действительно были такими важными и такими лестными для его самолюбия, какими они казались ему сначала, и в особенности если бы он мог ожидать от своей усидчивой работы каких-нибудь важных результатов. Но на деле оказалось противное, и потому он стал высказывать все более и более сильное недовольство. Уже в конце 1777 г. он с грустью писал Глейму, что изнемогает под бременем таких деловых занятий, которые истощают все его умственные силы, что он мало читает и не пишет почти ничего, кроме проповедей и циркуляров; через год после того он писал тому же другу, что в своем пасторском облачении пресмыкается подобно улитке и что редко находит что-нибудь такое, что могло бы радовать его. Но всего

¹ Это место опущено в печати (С, II, 81).

² К Гарткноху 25 сент. 1777 г.; к Гейне в авг. или в сент. 1777 г.; к Клейкеру 13 ноября 1777 г. (*Ратиен.* С. 67).

откровеннее выражается он в письме к Гаману от 20 марта 1778 г.; это письмо яснее всех других доказывает нам, в какой мере он был разочарован в своих ожиданиях после того, как прожил в Веймаре только полтора года¹. «Я живу здесь, — писал он, — совершенно одиноким среди постоянной суматохи; Сизифова работа, которой я занят, не позволяет мне заниматься ничем другим, так что я не узнаю сам себя... Церковная ограда, которая торчит прямо перед моими глазами, кажется мне настоящей бастилией, а моя просторная квартира, в которой не все комнаты обитаемы, постоянно казалась мне тюрьмой — этим верным символом моей должности...» Он иногда старается удерживать себя от преждевременных жалоб и высказывает надежду, что с помощью Божьей когда-нибудь настанут более светлые, радостные дни, но вслед за тем он снова впадает в уныние, которое выражается в тяжелых вздохах и в бранных словах. В течение всей зимы он чувствовал такое истощение сил, что не мог заниматься своими служебными делами и с ужасом думал о том, что с наступлением весны ему придется взяться за эти дела. Так, в его портфеле уже четверть года лежал рескрипт с проектом учительской семинарии. Далее он говорит, что страна, в которой он живет, истари управлялась людьми с детским слабоумием и была среди окружающих ее гор незавидным приобретением реформаторов². Из письма, написанного в конце декабря 1780 г.³, еще яснее видны причины недовольства Гердера. Именно по поводу предположенного основания вышеупомянутой учительской семинарии Гердер старается наглядно объяснить своему другу, как ведутся дела в Веймаре. Он называет этот проект «смешным» и дающим «верное понятие о местных порядках». Затем он рассказывает, что еще во время регентства вдовствующей герцогини было задумано основание учительской семинарии, что на этот предмет была назначена необходимая сумма денег и был выписан неспособный директор заведения; назначенное этому директору содержание было выдано, несмотря на то что он ровно ничего не сделал, а намерение основать семинарию кануло в воду.

¹ В собрании сочинений Гамана (V, 282) это письмо ошибочно помечено 1 апреля. Большая часть того, что нами извлечено из этого письма, опущено в печати.

² Следует полагать, что такие же откровенные признания высказывались Гердером в других не дошедших до нас письмах к Гаману; напр., сравн. в сочинениях Гамана (VI, 121—222, 188, 277).

³ Соч. Гамана. VI, 172 и сл. Приведенные нами в тексте выражения опущены в печати.

Два года тому назад местный сейм снова взялся за старый проект и снова отпустил двести талеров на расходы; теперь Гердеру было поручено составить план устава для новой семинарии, и он только по этому случаю узнал все вышерассказанные подробности, узнал не из официальных документов, в которых ничего об этом не говорится, а случайно, от одного из своих сослуживцев. Но он намерен отказаться от этого дела, если увидит, что оно будет вестись по-прежнему. «Извините, — говорит в заключение Гердер, — что я вдаюсь в такие подробности, но эти подробности свидетельствуют о положении, в котором находятся здешние учебные заведения. Здесь повсюду строят грязные домишки вроде свиного хлева, но строят их отдельно один от другого, так, чтобы никто не имел над ними надзора и чтобы никто не заметил, как они завтра же начнут разваливаться».

Из того же письма видно, что Гердер и по другим причинам имел основание быть недовольным своим личным положением в Веймаре. Именно в то время возник разлад между ним и Лафатером, который стал отзываться о нем совершенно иначе, чем прежде. Не известно, на основании одних догадок или на основании кем-нибудь доставленных ему сведений он считал виновниками такой перемены Гёте и герцога, которые во время своей поездки в Швейцарию восстановили против него Лафатера; в том же подозревал он и Кнебеля, также ездившего в Швейцарию. Он был уверен, что ошибочные о нем суждения были заимствованы Лафатером от некоторых господ, и высказал это убеждение в письме к самому Лафатеру¹. В письмах к Гаману он говорил об этих господах еще с более сильным озлоблением: «Здешние *illustres voyageurs* внушили Лафатеру такое обо мне мнение, которого, как кажется, не в состоянии переварить этот добродушный человек и которое имело на него влияние неудобоваримой пищи. Тем не менее я намерен не обращать никакого внимания на этих господ. Они описали меня Лафатеру желчным человеком, который не желает с ними сблизиться или с которым они не в состоянии сблизиться; однако я не сказал ни одного неодобительного слова об их разнообразных начинаниях. Им неприятны мое молчание и мое нежелание мешаться в их химерические замыслы. Поэтому несходство наших общественных обязанностей и наших характеров препятствует нашему сближению. Герцог разыгрывал в Цюрихе роль религиозного человека, который горячо желает просветить свой ум и доискаться истины; он говорил Лафа-

¹ К Лафатеру 3 нояб. 1780 г. (А, II, 206).

теру, что я даю ему лишь поверхностное понятие о религии, а настоящее о ней понятие он получает от Гёте... После своего возвращения из Швейцарии он только один раз был в церкви; впрочем, он очень ревностный моралист, а Лафатер предсказал, что из него выйдет такой человек, пред которым будет с удивлением преклоняться весь мир».

Из этих слов ясно видны причины, по которым первоначальное довольство Гердера превратилось, в течение четырехлетнего пребывания в Веймаре, в сильное недовольство.

Его должностные обязанности действительно были очень обременительны. Наряду с обязанностью часто произносить проповеди и публичные речи и исполнять разные церковные требы, он должен был присутствовать на заседаниях в консистории, экзаменовывать кандидатов на духовные должности и преподавателей, наблюдать за ходом учения в веймарской гимназии, заботиться о духовенстве и о школьных учителях своего прихода, и наконец — что было для него всего более обременительно и постоянно вызывало с его стороны жалобы — должен был проверять многочисленные отчеты о расходовании церковных денег¹. Эти обязательные занятия были особенно обременительны, вследствие того что занятая Гердером должность оставалась вакантной в течение пяти лет и оттого утратила прежнее значение и прежнюю доходность: Гердер был крайне недоволен тем, что ему приходилось формально требовать уплаты назначенного ему жалованья.

Еще сильнее раздражало его то обстоятельство, что его ревностное старание быть полезным для церкви и для школы встречало препятствия именно в той среде, от которой он был вправе ожидать сочувствия и содействия. Между его сослуживцами только соборный пастор Вебер оказался таким человеком, с которым он мог откровенно говорить о богословских вопросах и о своих должностных занятиях. В консистории все дела решались по личному произволу ее председателя Линкера, исполнявшего приказания министра Фриша. Оба они были деловые люди, не любившие уклоняться от издавна проложенной колеи. Фриш, как известно, лишь с большим трудом примирился с новыми порядками, которые вводились в то время в Веймаре, и с назначением Гёте на веймарскую должность². Он сам сознавался, что был до крайности взыскателен, что никому не делал никаких

¹ В «Воспоминаниях» (II, 233) лишь вкратце изложены инструкции, которыми должен был руководствоваться Гердер.

² Сравн.: *Beaulieu-Marconnay*. Anna Amalia, Carl August und der Minister von Frisch. Веймар, 1874.

уступок и мало обращал внимания на господствовавшие вкусы. Он строго придерживался установленных форм, которые были так ненавистны для Гердера, был привязан к религии своих предков, относился с недоверием к новому пришельцу, вызванному в Веймар по рекомендации Гёте, и не питал сочувствия к проектам реформ, которые Гердер намеревался вводить в церкви и в школе. И члены консистории были люди старого закала: они были недовольны назначением Гердера, сознавали его умственное превосходство и слишком часто оказывали ему общими силами противодействие. Гердеру приходилось или высказывать одинакие с ними мнения, или молчать. Заседания в консистории были для него тяжелыми испытаниями, а мелочные вопросы, которые ему приходилось обсуждать на этих заседаниях, были ему противны еще более, потому что не было никакой возможности что-либо изменить в исстари установившихся порядках¹.

Гердер принял приглашение в Веймар, без сомнения, в надежде, что Карл Август будет управлять своим маленьким государством в духе нового времени. Положение, которое занимал Гёте при юном герцоге, вероятно, казалось Гердеру достаточным ручательством за то, что он найдет в Веймаре более благоприятную, чем в Бюкебурге, почву для практического применения своих идей. Он надеялся найти в герцоге покровителя, а в Гёте деятельного помощника, но обманулся в своих ожиданиях. Приверженцы старых порядков относились к нему с недоверием, потому что видели в нем нововводителя, а герцог и Гёте не имели никакого понятия о тех делах, которые касались религии и потому более всех других интересовали его. В глазах первых он был слишком либерален, а в глазах последних он был недостаточно либерален; он не умел проводить свои идеи с такой же осмотрительной отвагой, какой отличался Гёте, — для этого ему не доставало и ловкости, и хладнокровия, и терпения, и умения выжидать удобного случая, и умения соединять уступчивость с настойчивостью. Гёте писал ему: «Тебе здесь нужно будет показать себя именно таким, каков ты есть; таковы здесь политические условия в настоящее время»; но разве Гёте имел верное понятие о своем друге, когда приглашал его на такую роль, которая требовала, с одной стороны, ловкости «волка, одетого в овечью шкуру», а с другой стороны, умения, в случае надобности, употреблять в

¹ «Indignatio versus facit». — «Воспоминания» приводят эпиграмму «An das Crucifix im Consistorium», в которой Гердер выразил свое раздражение. Судя по внешней форме этого небольшого стихотворения, следует полагать, что оно было написано в начале 80-х годов.

дело «плеть»? В прежней литературной деятельности Гердера действительно заметна способность к исполнению такой двойственной роли; но с тех пор как он променял свою скромную бюкебургскую должность на более широкую сферу деятельности и на более ответственную должность, ему не было возможности избежать разных неосновательных обвинений и противодействия то с одной стороны, то с другой. Ведь всякому казалось странным, почему писатель, сначала так горячо интересовавшийся вопросами касательно изящного вкуса, вдруг превратился в защитника святости духовного звания, в мистического истолкователя библейского откровения и христианских догматов. Чего можно было ожидать от такого теолога, который, с одной стороны, прибегал к крайне странным гипотезам при объяснении библейского рассказа о сотворении мира, а с другой стороны, отзывался о новейших ученых объяснениях Священного Писания с презрением непоколебимого приверженца ортодоксии? Чего можно было ожидать от такого теолога, который сопоставлял изречения св. Иоанна с мнениями Спинозы, а в то же время упорно отстаивал свои собственные воззрения и яростно нападал на своих противников? Разве можно удивляться тому, что гёттингенский богословский факультет не брался решить, принадлежит этот писатель к числу приверженцев или к числу противников ортодоксии, а те, которые не были лично знакомы с Гердером, верили слуху, что он произносит церковные проповеди в сапогах со шпорами? Ум этого человека, очевидно, находился в сильном брожении; он иногда со страстным увлечением усваивал религиозные верования, а иногда прорывался сквозь окружавший его религиозный туман, для того чтобы отважно и решительно перейти на почву натуралистических воззрений и врожденных человеческих чувств. В особенности с тех пор как он перестал опасаться приговора гёттингенских богословов, он стал чаще прежнего уклоняться от мистических воззрений и от мистических способов выражения и стал более прежнего сочувствовать Гёте и Ленцу. Это видно не только из того, что он с удовольствием читал «Нового Менозу» и восхищался «Стеллой», а также из того, что он еще из Бюкебурга послал Виланду для помещения в «Меркурии» статью о Гуттене, которую впоследствии сам называл «диким произведением»¹. В этой статье он хвалит Гуттена

¹ «Hutten» — под этим заглавием статья Гердера была напечатана в «Меркурии» (1776. № 7. С. 3 и сл.). Она была перепечатана с некоторыми изменениями, под заглавием «Denkmal Ulrichs v. Hutten» в 5-м сборнике «Разбросанных листков» (1793. С. 327 и сл.). См. предисловие к этому сборнику, с. X.

как такого писателя, который «не был создан для педантического сочинительства» и у которого все, что он писал, было полно жизни и действия. Он с увлечением рассказывает жизнь Гуттена и берет его сторону, нападая на его врагов, в особенности на малодушного Эразма. Он превозносит «юношеские, геройские выходы» этого отважного человека, и деяния его рыцарского друга Сикингена; он высказывает сожаление о том, что до сих пор еще не издано полное собрание сочинений «нашего соотечественника, реформатора, просветителя, проповедника свободы, единственного Демосфена нашей нации», и приглашает предпринять такое издание. То было простительной ошибкой, что эту статью приписывали Гёте; ведь она в сущности имеет некоторое сходство с «Гёцом». Здесь Эразм играет такую же роль, какую играет в «Гёце» Вейзлинген. Автор старается придать своему рассказу отпечаток той эпохи, вставляя в него энергические выражения, вышедшие из-под пера Сикингена и Гуттена; его слог отзывается той же отвагой, даже той же цинической грубостью, которой отличались те воинственные герои и которая была отличительной чертой описываемой эпохи. Но и некоторые личные связи были причиной того, что на нового генерал-суперинтенданта не смотрели с тем уважением, на которое он имел право по своему званию. Вместе с шурином Гердера приехал в Веймар из Дармштадта неблаговоспитанный и составивший себе дурную репутацию молодой человек по имени Кауфман, который проповедовал необходимость сохранять физические силы и здоровье, сам никогда не стриг бороды и своей манерой себя держать иногда напоминал Самсона, иногда Диогена¹. Он был рекомендован Лафатером и, несмотря на то что был пустоголовый малый, сумел внушить к себе уважение не только Гердеру, но даже Гёте, Виланду и герцогу благодаря своей бессодержательной восторженности, благодаря своей простодушной грубости, своему медицинскому шарлатанизму и своим педагогическим планам, которые должны были доставить счастье всему человеческому роду. Впоследствии все убедились, что этот мнимый гениальный человек был очень обыкновенный плут, а покуда и Гердер, и его жена были в восторге от этого молодого человека, выказавшего на брате Каролины, Флаксланде, свои удивительные медицинские

¹ Сравн. соч. Дюнцера «Christof Kaufmann, der Apostel der Geniezeit und der hiernnhutische Arzt» (Лейпциг, 1882); дневник Гёте от 22, 24, 26, 28, 30 сент., 9 окт., 24, 25 дек. 1776 г. Каролина к Глейму 6 окт. 1776 г. (С, I, 50). Гердер к Лафатеру 13 окт., к Клейкеру 14 окт. 1776 г. Виланд к Якоби 1 ноября 1776 г. в избранной переписке Якоби (I, 253).

дарования и помогавшего Флаксланду в устройстве гердеровской квартиры. Кауфман оттолкнул в Веймаре от Гердера почти всех доброжелателей. И Гердер, и Каролина находили наслаждение в обществе этого благородного швейцарца, умевшего разыгрывать роль мученика за правду и за благо человеческого рода. Они считали этого обманщика и честолюбца «за одного из самых безукоризненных, самых добросердечных людей». Гердер писал Лафатеру: «Моя душа так крепко привязана к его душе, что ничто в мире не может разорвать этой связи. Я до сих пор полагаюсь и всегда буду полагаться на его любовь как на твердую опору». Гердер даже ставил молодому герцогу в большую заслугу его обыкновение обходиться с Кауфманом по-братски. К счастью, этот новый апостол скоро отправился в Дессау и во время своих дальнейших странствований лишь мимоездом останавливался в Веймаре; но его дружеская связь с Гердером еще долго поддерживалась письмами¹. С 1 апреля 1776 г. и Ленц жил в Веймаре; в половине сентября он поселился в Кохберге, в имении г-жи Штейн, и там произошло его первое свидание с Гердером². Ленц, бесспорно, имел право на участие со стороны Гердера, но тот, кто связывается с «причудливыми, гениальными людьми», должен знать, что и на него падет ответственность за бестактности и «безрассудные выходки» этих людей. Гердер, как кажется, скоро пришел к убеждению, что был слишком высокого мнения о поэтических дарованиях Ленца; но он не мог отказать в дружеском участии энтузиасту, который при всех своих безрассудствах был очень добродушен. Когда Ленц стал позволять себе непростительные выходки, Гёте передал Гердеру поручение удалить этого нарушителя общего спокойствия³. Гердер исполнил это неприятное поручение самым деликатным образом и этим заслужил признательность и доверие несчастного молодого человека; благодаря его ласковому обхождению Ленцу была менее тяжела необходимость разлуки⁴.

¹ До нас дошли две записочки Кауфмана к Гердеру, написанные из Дессау в ноябре, и более длинное письмо из Риги, которое, как кажется, было написано в мае 1777 г. (сравн.: Соч. Гамана. V, 236 и сл.), — все эти три письма совершенно бессодержательны. В третьем из них есть упоминание о письме, полученном от Гердера. Даже в январе и в мае 1778 г. жена Кауфмана писала письма к Каролине Гердер.

² Дюнцер (А, I, 220); Schmidt E. Lenz und Klinger. С. 18 и сл.

³ Дневник Гёте от 26, 28, 29, 30 нояб. 1776 г.

⁴ См. письма Ленца к Гердеру № 13—15 (А, I, 243 и сл.). Впоследствии (3 ноября 1779 г.) Гарткнох просил Гердера о содействии назначению Ленца на должность ректора при рижской церковной школе. Дюнцер (А, I, 222 и сл.)

Впрочем, Гердер не мог бы долго жить в дружбе ни с Кауфманом, ни с Ленцем, а если бы ему пришлось близко сойтись с распрославленным Гуттенем, то он скоро бы убедился в невозможности разделять мнения этого друга. И в его отношениях к Гёте скоро обнаружился разлад. Гёте был очень удивлен тем, что Гердер стал с энергией исполнять роль духовного руководителя; поэтому он постарался удержать за собой роль светского ментора, которую исполнял при герцоге; он поставил Гердера в невозможность приобрести влияние на ум герцога и стал оказывать противодействие самым благородным стремлениям своего страсбургского наставника. Живя в Риге, Гердер пользовался безграничным уважением городских жителей, а живя в Эйтине он пользовался безграничным доверием двора; напротив того, в Веймаре он был поставлен в крайне неприятное положение: тот друг, на которого он привык смотреть, со времени своего пребывания в Страсбурге, как на своего ученика, препятствовал его сближению с герцогом и не давал хода тем из его проектов, которые имели в его мнении самую большую важность. «Воспоминания» очень неодобрительно отзываются о поведении Гёте и герцога¹ и дают нам некоторое понятие о том, как смотрел сам Гердер на положение дел в Веймаре, после того как улетучилось благоприятное впечатление, которое сначала произвели на него Гёте и герцог. Он смотрел на положение дел в Веймаре почти так

приводит то место из письма Гарткноха, в котором идет речь об этом назначении и которое опущено в С, II, 87. В моих руках находится письмо, написанное Ленцем к Гердеру из Риги от 2—13 ноября 1779 г. На этот раз несчастный Ленц выражается очень сдержанно и трусливо: «Друг Гёте, как кажется, совсем забыл меня... Он, как видно, не может или не хочет мешаться в мои дела... его, как кажется, сердят или беспокоят мои письма... мне было бы всего приятнее, если бы рекомендация на новую должность исходила от вас». Вслед за тем Ленц уверяет в своей готовности принять новую должность, перечисляет все то, что он мог бы предпринять, если бы состоялось его назначение, и в заключение говорит, что со смирением покорится своей участи, если ему предпочтут какого-нибудь более достойного кандидата. Ответное письмо Гердера к Гарткноху находится у меня в подлиннике. Оно было написано, без сомнения, в течение декабря и очень коротко: «О Ленце нечего и думать — хоть я и желаю ему добра, но нахожу, что он не годится для этой должности». На должность ректора в Риге был назначен Шнелль.

¹ Рукописный текст «Воспоминаний» сокращен и неясно изложен в печати (II, 231). В печатном экземпляре «Воспоминаний» идет речь о «разных» модных воззрениях, между тем как в рукописном экземпляре прямо говорится о воззрениях Гёте и герцога. Сверх того, следует иметь в виду ту главу «Воспоминаний», которая была в первый раз напечатана Суфаном в «Preussische Jahrbücher» (XLIII, 415 и сл.).

же, как смотрел на него Клопшток, — а с содержанием переписки Клопштока с Гёте познакомил его в Пирмоне Циммерман¹. Гердер находил — и, конечно, не без достаточного основания, — что Гёте как будто старался сгладить недостатки прежнего искусственного воспитания герцога и с этой целью доводил до крайности противоположную методу воспитания, приучая своего ученика к преувеличенной естественности и необузданности. Ему казалось, что Гёте, взявшись так энергично за «перевоспитание» герцога, вредно влиял на его характер и на его убеждения, внушая ему властолюбие и презрение ко всяким стеснительным требованиям нравственности. Ему казалось, что Карл Август и его поэтический ментор с пренебрежением относились к пасторскому званию и ко всему, что касалось церковных и школьных учреждений, и были бы очень довольны, если бы им удалось настроить на тот же тон и деятельность самого Гердера. Сверх того, он с огорчением замечал, что герцог обнаруживал расположение подчиняться влиянию Лафатера и искал вне Веймара того, что мог найти у себя дома. Неужели же Гердер был совершенно ничтожный человек, на которого не стоило обращать внимания? Вот почему он стал отдаляться и от Гёте, и от герцога под влиянием своего душевного раздражения, к которому примешивалось чувство зависти. Он был так недоволен всем, что делалось, что не был в состоянии искать сближения с герцогом и этим сам лишал себя возможности приобрести влияние на дела управления.

Мы имеем немало неоспоримых доказательств того, что недобрительные суждения Гердера о деятельности Гёте были основаны на недоразумениях и что Гёте руководствовался самыми благородными целями, давая полную волю врожденным влечениям своего воспитанника. Поэтому нельзя не пожалеть о том, что дружба между двумя старыми страсбургскими друзьями охладела и что они в течение многих лет шли разными путями — пока обоюдная душевная потребность наконец не привязала их друг к другу прочными узами. Минутами казалось, что возникший между ними разлад прекращался, но вслед за тем он обнаруживался с новой силой. Они то сходились, то расходились в своих убеждениях, а иногда, по-видимому, не питали один к другому ни малейшего сочувствия: таковы были их взаимные отношения в течение первых семи лет, проведенных Гердером в Вей-

¹ Последние слова в конце письма Циммермана к Гердеру от 26 окт. 1777 г. (А, II, 377); сравн. письмо к Каролине от 30 мая 1779 г. (А, II, 379).

маре. Познакомимся по мере возможности с подробностями этих неприязненных отношений!

Мы уже упоминали о первом столкновении, происшедшем между Гёте и Гердером при вступлении этого последнего в местную консисторию. Как кажется, именно на это столкновение намекает письмо, посланное г-жой Берлепш осенью 1777 г. из Веймара в Ганновер. В этом письме говорится, что две скалы — Гёте и Гердер — точно будто старались обрушиться одна на другую или по меньшей мере одна скала приходила в сильное колебание, между тем как другая (т. е. Гердер) стояла непоколебимо, как утес Божий¹. Дружеская связь между этими двумя людьми заметно слабела. Что она еще не была совершенно прервана до 1779 г., видно из дневника Гёте и из его писем к г-же Штейн. Эта дама пользовалась уважением Гердера, была в дружеских отношениях с Гёте и потому могла служить посредницей между старыми страсбургскими друзьями; кроме того, Гердер интересовался поэтическими произведениями Гёте, а Гёте интересовался теми сочинениями Гердера, которые касались поэзии, и в особенности сборником народных песен; литературная деятельность их обоих живо напоминала им то время, когда они так часто видались в Страсбурге, и поддерживала в них взаимное сочувствие². Однако уже в августе 1779 г. Гёте писал г-же Штейн³: я сознаю, что отдаляюсь от всех и все от меня отдаляются, «а о Гердере я вовсе ничего не слышу». Поздней осенью того же года состоялась поездка Гёте в Швейцарию. В одном из своих писем, написанных из Цюриха, он вспомнил о Гердере⁴; он говорил, что надеялся по своем возвращении встретить от своих друзей радушный прием; однако, несмотря на то что все превозносили благотворное влияние, которое произвела на Гёте и на герцога их поездка в Швейцарию, именно эта поездка была крайне неприятна для Гердера, который стал с тех пор держаться совершенно в стороне. После того как Гёте с удовольствием прочел «очень приятное письмецо от жены Гердера»⁵, он получил от нее такое наполненное резкими выражениями письмо, которое вызвало с его стороны жалобы

¹ Циммерман к Гердеру 26 окт. 1777 г. (А, II, 377).

² Суфан напечатал в «Preuss. Jahrbücher» (XLIII, 419 прим.) выдержки из писем Гёте к г-же Штейн. Из письма от 10 нояб. 1777 г. видно, что сплетни Циммермана (А, II, 377) еще не имели в то время никакого влияния на Гердера.

³ Schöll. I, 234.

⁴ Гёте к Кнебелю 30 нояб. 1779 г.: «Поклонись Гердеру и передай ему то, что касается в этом письме лично его».

⁵ 21 мая 1780 (Schöll. I, 306).

г-же Штейн. Он писал 30 июня 1780 г., что, по его возвращении в Веймар, жена Гердера заговорила с ним о таких неприятных вещах, которые вовсе не касаются ее. «Я решился, — говорит он, — заставить ее молчать и высказать ей откровенно мое мнение; я нахожу, что всего лучше откровенно объясниться и раз навсегда положить конец неприятностям». В августе он писал Лафатеру¹, что «Гердер по-прежнему отравляет жизнь и себе, и другим». И г-жа Штейн не была в состоянии прекратить своим вмешательством холодные отношения между старыми друзьями. Во время одной загородной поездки вместе с герцогом Гёте отвечал 8 сентября на письмо г-жи Штейн: «Я замечаю, что Гердер и его жена воспользовались моим отсутствием, для того чтобы втереться в ваш дом; я желал бы знать, насколько это касается лично меня, а покуда я этим очень недоволен». Очевидно, к Гердеру относится и поклон, который Гёте поручал 2 октября г-же Штейн передать «моему собрату не во Христе, а в невежливости и в неумении обходиться с людьми». Ко всем этим подробностям служат комментариями сердечные излияния, которыми наполнял Гердер свои письма к Гаману. Сравнивая содержание писем Гёте с содержанием писем Гердера, мы приходим к заключению, что главную причину охлаждения между двумя старыми друзьями следует искать в ипохондрической впечатлительности Гердера, в его старании держаться в стороне, в его упорном уклонении от всяких личных объяснений. Гердер первый стал избегать личных объяснений, а Гёте стал их избегать, потому что поведение Гердера принуждало его молчать.

В конце февраля 1781 г. Гердер был глубоко огорчен известием о смерти Лессинга. Быть может, не вследствие простой случайности именно в то время обнаружили признаки сближения между ним и Гёте. Литературные интересы были той нейтральной почвой, на которой он сходил с Гёте. Этот последний не переставал относиться с уважением к своему стразбургскому наставнику, хотя и не был настолько юн и несамостоятелен, чтобы по-прежнему молча выносить причудливые выходки Гердера. Именно в то время его сильно интересовало небольшое сочинение Фридриха Великого о немецкой литературе. С кем же мог бы он поговорить об этом сочинении, как не с автором «Отрывочных заметок»? Ему, конечно, хотелось знать мнение Гердера о том диалоге, в котором он изложил свои мысли по поводу того королевского сочинения; он дал прочесть этот диалог своему

¹ Письма Гёте к Лафатеру (*Гирцель*. С. 103).

старому другу и с благодарностью выслушал его замечания¹. Как он был доволен тем, что провел с Гердером целый час в дружеской беседе и снова нашел в нем ту привлекательную любезность, в которой выражалась горячность его чувствительного сердца! Гёте с удовольствием вспоминал об этих приятных минутах и, конечно, не он был виной того, что такие минуты были редки. После одного вечера, проведенного в обществе Гердера, он писал 1 июня: «Гердер был очень любезен; если бы он чаще был таким, то не оставалось бы желать ничего лучшего»; а в своем дневнике он сделал заметку: «сближение с Гердером». Это было в сентябре. Гердер изъявил желание просмотреть сборник гётевских стихотворений, и Гёте прислал ему 21 сентября этот сборник вместе с записочкой, которая дышала радостью и дружеским доверием; но в тот же день Гёте писал Кнебелю: «С Гердером я вступил в такие сношения, от которых могу ожидать в будущем всего хорошего. Относись к нему снисходительно! Ради нашего собственного интереса мы не должны быть строги и взыскательны к тем людям, с которыми мы можем со временем снова сойтись». Этому сближению, конечно, содействовало и то обстоятельство, что Гердер незадолго перед тем был болен лихорадкой, а в то время чувствовал себя особенно хорошо и «душевно, и физические»². Кроме того, в течение последних месяцев того же года Гердер написал несколько очень понравившихся Гёте небольших статей для «Немецкого Меркурия» и для других журналов; в особенности его диалоги о переселении душ встретили со стороны Гёте полное одобрение³.

Тем не менее то было лишь скоропреходящее примирение. Пропась, разделявшая этих двух людей, сделалась в 1782 г. еще более глубокой, чем прежде. Причины разлада были все те же. Гердер был недоволен и отношениями Гёте к Лафатеру, и его дружеской связью с Карлом Августом, и его официальным положением в Веймаре. Письменные сношения между Гердером и Лафатером были прерваны, а между Гёте и Лафатером они не прекращались. Кроме того, Гердеру очень не нравился светский склад ума поэта, который нисколько не сочувствовал его стараниям усилить влияние религии и церкви. Все это раздражало Гердера, а это раздражение выразилось в отзыве Каролины о лафатеровском «Понтие Пилате», входившем в состав главы

¹ К г-же Штейн 10 марта 1781 г.; к Гердеру 23 марта 1781 г.

² Каролина к Глейму 26 ноября 1781 г.

³ Гёте к г-же Штейн 20 и 28 декабря 1781 г.

«о драматизме в истории Иисуса». По мнению Каролины (а ее мнения всегда сходились с мнениями ее мужа), «господин тайный советник Гёте» был тот, кто внушил Лафатеру влечение к драме, а добрый Лафатер стал, из желания угодить Гёте, облекать свои размышления об Иисусе Христе в драматическую форму¹. Ей, очевидно, не было известно, что Гёте не находил ничего назидательного в «Понтие Пилате» и что эта манера драматизировать историю Христа казалась ему крайне бессмысленной и безвкусной, так что у него возникло намерение написать пародию на произведение добродушного Лафатера². Но всего более раздражало Каролину то, что Гёте был «тайный советник». В начале июня 1782 г. Гёте был возведен в дворянское достоинство, а через несколько дней после того ему было поручено исполнение обязанностей внезапно уволенного от должности президента палаты фон Кальба. Как же отнеслись к этим фактам супруги Гердеры? Сам Гердер с ясно проглядывавшим негодованием писал в конце июля своему молодому другу И. Г. Мюллеру в Шафгаузен³: «Гёте, как вам уже известно, сделался господином фон Гёте и живет вельможей»; к этим словам служит комментарием письмо, которое было написано в то же время Каролиной и в котором изложены все другие причины неудовольствия: «Мы только что узнали, что сюда ждут Лафатера, — странно! А мы живем в Ильменау! Господин фон Гёте залепит ему глаза, так что он уедет отсюда таким же слепцом, каким приедет. Нет возможности описать, как здесь сильно общее недовольство. Лучшие люди здешних коллегий втайне ищут службы вне Веймара. И знатные, и незнатные люди презирают и проклинаят Гёте — ведь президент палаты был уволен за то, что в течение четырех лет убеждал его и герцога быть более сдержанными, доказывая им, что необходимо положить конец таким порядкам. Лучшие люди здесь в полном пренебрежении, и герцог относится с презрением ко всем своим служителям — вот почему Гёте захватывает в свои руки все значительные должности. С тех пор как он сделался дворянином, у него собираются гости по субботам; но у него никого не бывает, кроме молодых офицеров и участвующей в охотничьих забавах молодежи, кроме г-жи Штейн, г-жи Шардт и нашей дорогой герцогини, которая теперь стала ездить к нему и обедать у него, потому что он принадлежит к дворянскому со-

¹ К И. Г. Мюллеру (*Gelzer. Protest. Monatsbll. XIV, 97*).

² Гёте к г-же Штейн 6 апр. 1782 г. (*Schöll. II, 183 и сл.*); к Лафатеру 29 июля 1782 г. (Письма к Лафатеру. С. 144).

³ *Gelzer. Protest. Monatsbll. XIV, 98*.

словию. Он сумел воспользоваться слабыми сторонами ее характера, но ему не удастся заглушить ее хорошие влечения». Свой рассказ о переменах, происшедших в сфере государственного управления, Каролина заканчивает насмешливым перечислением должностей, возложенных на Гёте, начиная с звания «действительного тайного советника» и кончая званиями «Directeur des plaisirs, сочинителя театральных пьес, комедианта и герцогского фаворита»¹. Итак, супруги Гердеры были крайне недовольны и личным влиянием Гёте, и его высоким официальным положением; они не имели верных сведений о настоящем положении дел и потому смотрели на возвышение Гёте не только с недоброжелательством, но даже с завистью; они примкнули к тем недовольным, которым приходилось играть ничтожную роль; по меньшей мере Каролина была так раздражена, что охотно верила всем сплетням, в которых партия недовольных искала облегчения для своих душевных страданий. Но и сам Гердер, как следует полагать, не мог предохранить себя от «ипохондрического недовольства» тем направлением, которое приняли в Веймаре дела государственного управления; о том, какими глазами он смотрел на все, что делалось в Веймаре, дают ясное понятие следующие увещания Гамана²: «Не сердись на дурных людей и не завидуй им!.. Честолюбие отравляет жизнь еще сильнее, чем вертеровская Шарлотта с ее гнусными прелестями». Гердер отвечал очень нелюбезно на поэтическое послание, при котором «сочинитель театральных пьес и комедиант» Гёте прислал в то время своему другу свою «лесную и водяную драму» «Рыбачка» и в котором приглашал этого друга присутствовать на представлении этой пьесы³. Разве можно быть любезным по заказу! Разве тот, кто впал в мрачное душевное настроение, способен видеть вещи такими, каковы они на самом деле! Гердер на все смотрел иными глазами и именно потому был недоволен всем, что его окружало, а всего более был недоволен самим собой. Кроме всех только что указанных причин недовольства его раздражали и бремя служебных занятий, и невозможность применять на практике его идеи, и нездоровье Каролины, и новые резкие нападки со стороны Николаи — и он стал помышлять об отъезде из Веймара! Каролина выразила это желание в письме к Гейне от 19 августа, а через несколько дней после того Гердер высказал то же желание в таких выражениях,

¹ Там же. С. 99, 100.

² 11 авг. 1782 г. (Соч. Гамана. VI, 277, 278).

³ 17 июля 1782 г. (А, I, 67 и сл.).

которые дают нам ясное понятие о его душевном настроении и вместе с тем напоминают нам следующие слова в письме Гёте к Кнебелю: «Относитесь к нему снисходительно!»¹. Но он помышлял не о Гёттингене и не о профессорской должности. Он не мог жаловаться на то, что его не уважали и не любили в Веймаре; еще менее мог бы он жаловаться на недостаток средств существования: ему недоставало того, что было главной целью его желаний, — он искал душевного спокойствия и желал жить подальше от мирской суеты. «Я был бы доволен на несколько лет, — писал он, — если бы мог получить какое-нибудь хорошее пасторское место в вашей стране, в красивой местности, среди гор, хотя бы это была должность генерал-суперинтенданта в долине Клауза — лишь бы на мне лежали только духовные обязанности, и я мог бы наслаждаться душевным спокойствием! Меня гонит отсюда и гнетет только то, что происходит в моей душе; этот внутренний гнет очень тяжел для меня — он внушает мне отвращение к людям, и все усиливается. Во всем, что здесь делается, я усматриваю влияние таких людей, которым я не сочувствую, а то, что ожидает меня в будущем, еще менее утешительно»².

Это мрачное душевное настроение не прекращалось в течение первых шести лет, проведенных Гердером в Веймаре. Письмо, которое он написал к Гаману в ноябре 1782 г., наполнено жалобами на «тяжелое бремя его занятий и разных придинок», на «бесчисленность и разнообразие его мелочных служебных обязанностей», которые напоминают ему латинское изречение *sic vos non vobis*, — и он со скорбью в душе говорит о том, что вовсе лишен душевного покоя³. «Кроме моей жены, — пишет он далее, — здесь никто не близок к моему сердцу; все другие не имеют ничего общего со мной или же только сбивают меня с толку. Теперь Веймар похож на голубятню; сюда беспрестанно приезжают иноземцы, желающие приобрести громкую известность, но эти голуби редко приносят с собой масличную ветвь». Каролина была все лето больна, а разные неприятные случайности беспрестанно мешали ей поправиться. Это нездоровье, конечно, было причиной раздражительного тона ее писем и может служить для него оправданием. Но между тем как сам Гердер ограничива-

¹ № 61 и 63 в переписке Гейне с Гердером (С, II, 194 и сл.).

² Сравн. письмо к Глейму, написанное в конце августа 1782 г. (С, I, 82): «И для меня течение жизни нередко бывает тускло и печально»; и Каролина упоминала в письме от 31 окт. о том, что Гердер избегает общества.

³ Письмо от 4 нояб. 1782 г., напечатанное в сочинениях Гамана (VI, 291 и сл.) с пропусками.

ется общей характеристикой своего неприятного положения, его жена входит в разные мелкие подробности. В письме к И. Г. Мюллеру от 12 ноября она снова изливает свою досаду на Гёте и на Лафатера: на Гёте — за то, что он не хотел содействовать назначению Мюллерова брата в Йену и вообще «пренебрегает всем, что касается ученого мира», а на Лафатера — за то, что он «распространял слух, будто Гёте примирил герцогиню с герцогом». Время или случайность, прибавляет она, раскроют истину, «а теперь все мелькает перед нашими глазами, как призрак»¹. А в письме к г-же Шардт от 2 ноября она говорит: «Гёте не приглашает нас к себе; да и к чему стали бы мы ездить к нему, когда между нами нет ничего общего!»².

Итак, в общем результате оказывается, что старые страсбургские друзья снова сближались лишь изредка и на короткое время и что в течение тех шести лет Гердер принадлежал к числу порицателей и недругов поэта, который превратился в государственного человека и руководил всеми действиями герцога. Эта вражда могла бы поставить Гердера в неприязненные отношения к веймарскому двору, если бы и там не обнаруживалось нерасположение к Гёте. Впрочем, вдовствующая герцогиня была так благоразумна, что держалась в стороне от придворных партий. Она уже кончила свою политическую роль, а тот дружеский кружок образованных людей, который у нее собирался, был нейтральной сферой, в которой охотно и с уважением принимали Гердера. И герцогиня Луиза вовсе не обнаруживала намерения набирать себе приверженцев и организовать особую политическую партию; но благодаря обстановке, в которой жила, и благодаря своему общественному положению она невольно сделалась опорой для всех тех, кто был не доволен причудливыми выходками герцога, его образом жизни и системой управления. Между тем как Гёте относился с пристрастным сочувствием к герцогу, Гердер относился с таким же сочувствием к супруге герцога.

Герцогиня Луиза с безмолвной грустью взирала на буйную жизнь, которую вел ее супруг сообща с Гёте. Она привыкла в Дармштадте к иному образу жизни, и ей крайне не нравилось всё, что делалось вокруг нее. При своем серьезном уме и чувствительном сердце она высоко ценила нравственную сторону жизни, а безукоризненная нравственность была, по ее мнению, нераздельна со строгой сдержанностью и благопристойностью.

¹ *Gelzer*. XIV, 100, 101.

² *Дюнцер*. *Zwei Bekehrte*. С. 307.

Ввиду буйной необузданности, в которой герцог тратил свои юношеские силы без всякой видимой цели, герцогиня все более и более сосредоточивалась в самой себе, впадала в меланхолию и тревожилась мрачными предчувствиями. Как мало было сходства между ней и бюкебургской графиней Марией, которая находила счастье и душевное спокойствие в своем благочестии и в своей нежной привязанности к мужу! Супруга Карла Августа была похожа на графиню Марию только своим добрым сердцем и своей строгой нравственностью, а для своего оскорбленного сердца и для своего склонного к меланхолии душевного настроения она находила противодействие в своей гордости и в своем мужестве. Она, так же как и графиня Мария, была святой женщиной, но она была одарена «римским складом ума и римским сердцем»; всякий, кто любил ее, удивлялся ей, а всякий, кто сочувствовал ей, уважал ее. Поэтому Гердер, также строго относившийся к требованиям нравственности и находившийся в таком же стесненном положении, каким тяготилась герцогиня, стал чувствовать сильное к ней влечение, а она со своей стороны стада находить в нем опору и утешение. Однако Гердер не мог ожидать от нее такого же ласкового обхождения и такого же детского доверия, с какими относилась к нему графиня Мария; он не мог сделаться таким же духовным руководителем для герцогини, каким был Гёте для герцога, — этому препятствовали и требования этикета, и самостоятельность ее ума, и ее стыдливое старание скрывать то, что делалось в ее сердце.

Эту связь скрепили семейные отношения. Бывшая дармштадтская принцесса не была незнакомкой для Каролины, и эти две женщины дружески сообщали одна другой свои материнские надежды, радости и огорчения. Когда в семействе Гердера появился на свет, в феврале 1778 г., третий ребенок, герцогиня Амалия и герцогиня Луиза были восприемницами при крещении новорожденного¹. Через год после того и сам Гердер, и его жена принимали самое живое участие в первом радостном для герцогского семейства событии. По поручению герцогини Гердер известил 3 февраля 1779 г. Лафатера² о рождении принцессы; в этом письме каждое слово свидетельствует о сердечной радости Гердера и о его сочувствии к этой «золотой женщине». «Она такова, — пишет он, — какой ты ее знаешь, и еще в тысячу раз луч-

¹ Не попавшая в печать часть письма от 20 марта 1778 г.; Соч. Гамана. V, 282 и сл.

² А, II, 178.

ше: она одарена непоколебимым душевным мужеством, а по своей нравственной чистоте и неизменной дружеской преданности похожа на самый нежный цветок». С такой же любовью отзывалась о герцогине Каролина, когда осенью 1781 г. первая из них разрешилась от бремени мертворожденным ребенком. Она писала Глейму¹, что при этом материнском горе герцогиня вела себя, как ангел, как избранная любимица высшего существа. «Нас все более и более привязывают неразрывные узы к этой благородной женщине, у которой так много прямоты и сердечной доброты», — говорит Каролина в том же письме. Наконец, когда в начале февраля 1783 г. родился давно желанный наследный принц, весь Веймар пришел в восторг. Шарлотта фон Штейн и Каролина ухаживали за герцогиней в те мучительные часы, когда ожидается разрешение от бремени², а на Гердере лежала, по его званию, обязанность публично выразить чувства всей страны. По этому случаю он произнес проповедь, в которой каждое слово отличалось искренним благочестием и вырывалось прямо из его сердца. Еще к тому времени, когда герцогиня должна была принимать молитву после первых родов, он сочинил для нее кантату, которую скромно называл «произведением сердца и благочестия»³; а теперь он стал соперничать с Виландом — он сочинил кантату для церкви, между тем как Виланд сочинил кантату для герцогского двора⁴. Ему пришлось произнести благодарственную проповедь по случаю рождения наследного принца в то время, как он был болен лихорадкой. Тем не менее он произвел сильное впечатление на слушателей. Два раза к нему являлась депутация от местных граждан с просьбой напечатать его проповедь; он исполнил это желание, и его проповедь была напечатана в одно время с речью, которую он произнес при крещении новорожденного принца⁵. Ввиду препятствий, которые

¹ С, I, 75.

² Сравн. записочку Шарлотты к Каролине от 10 марта 1783 г., помещенную Суфаном в «Preuss. Jahrbücher» (L, 5, с. 499 и L, 6, с. 604) в статье, озаглавленной «Aus Weimar und Kochberg». Более подробные указания можно найти в том отрывке из письма Гердера к Гаману (написанного в марте 1783 г.), который напечатан Дюнцером в «Bremer Sonntagsblatt» в 1859 г. под № 42.

³ SW в отделе литературы. IV, 222 и сл.; эта кантата была в первый раз напечатана в Веймаре в 1779 г. Письмо к Глейму от 22 марта 1779 г. (С, I, 63).

⁴ SW в отделе литературы. IV, 226 и сл.; Гёте к Каролине (А, I, 69 с прим. Дюнцера); Каролина к Глейму 31 марта 1783 г. (С, I, 84).

⁵ Речь, произнесенная при крещении, была сначала напечатана отдельно, а потом вместе с благодарственной проповедью, произнесенной в 5-е воскресенье после праздника Крещения (Zwei Predigten. bei Gelegenheit и т. д.); те-

встречала его жажда деятельности, он старался влиять на умы посредством проповедей и обучения лиц, готовившихся к Св. Причастию, и вообще посредством всего, что входило в сферу его пасторских обязанностей. Так как он был устранен от всякого влияния на дела государственного управления, то он довольствовался личным влиянием такого рода в течение первых шести или семи лет, проведенных им в Веймаре. Но самыми выдающимися моментами такой деятельности были события, близко касавшиеся его дорогой герцогини и возбуждавшие скорбь или радость как в герцогском семействе, так и во всей стране. Тогда веймарские граждане отдавали справедливость личным достоинствам своего генерал-суперинтенданта и выражали ему свою признательность за то, что он так мастерски и таким изящным языком умел выражать их собственные чувства. Тогда снова укреплялись слабые узы, привязывавшие Гердера к его должности, от которой он бывал готов отказаться в минуты досады и утомления. Тогда он чувствовал, что у него есть общие интересы и с герцогом, и с маленьким государством к которому он принадлежал по своей должности. В этих случаях он даже старался возбудить в себе сочувствие к Гёте и к его политическим воззрениям. Их на минуту сблизила общая радость по случаю рождения наследника престола. Гёте выразил свое удовольствие по случаю написанной Гердером кантаты, а этот последний отдал своему другу на просмотр свои две проповеди до поступления их в печать. Письмо, в котором Гёте изложил свои цензорские замечания, дошло до нас¹; оно дает нам некоторое понятие о натянутых отношениях между двумя старыми друзьями и о разномыслии, которое было причиной этой натянутости. Гёте благодарил Гердера за доверие, которым уже давно не пользовался, и указывал в самых мягких выражениях те пункты, в которых желал бы изменений, хотя и остался доволен главным содержанием тех проповедей. Он сожалел о том, что Гердер не сказал ни одного утешительного слова, которое могло бы оказать благотворное влияние на герцога; он обращал внимание Гердера на то, что кроме других более серьезных обязанностей на правителе страны также лежит обязанность покровительствовать изящным искусствам и наукам; наконец он намекал на то, что умеет ценить влияние христиан-

перь она помещена в SW в отделе теологии (X, 52 и сл.) вместе с проповедью, которую произнес Гердер по случаю принятия герцогиней молитвы после родов. Письмо Каролины к И. Г. Мюллеру от 24 февр. 1783 г. (*Гельцер*. С. 101, 102).

¹ От 20 марта 1783 г. (A, I, 70 и сл.).

ской религии на общественную нравственность гораздо более, чем как мог бы предполагать Гердер.

Но кроме указанных нами личных и политических мотивов немало было и других причин, по которым отношения Гердера к герцогине превратились в дружескую привязанность, которая хотя временно и ослабевала под влиянием разных случайностей, но тем не менее в течение многих лет беспрестанно снова выражалась с ее стороны в ясных доказательствах уважения и доверия, а с его стороны в готовности помогать ей советом и делом и в изъявлениях безусловной преданности. Он выпросил у герцогини для своего милого чудака Клаудиуса значительное денежное вспомоществование, когда этот последний отказался в мае 1777 г. от своей дармштадтской должности и задумал переселиться в Вандсбек¹. А Гердеру, поучительные беседы которого ей так нравились, она подарила сделанную из черного камня Минерву, которая была поставлена в его кабинете². Уже в течение первой зимы, которую он провел в Веймаре, он стал заниматься с ней сначала английским языком, а потом и латинским³; для него было наслаждением знакомить ее с идеями древних писателей и с духом шекспировской поэзии. Но ей всего более нравились римляне, и она не могла, по выражению Гердера, «насытиться римским духом»; она посвящала так много времени на чтение книг, которыми снабжал ее Гердер, что этот последний впоследствии восхвалял в своих письмах из Рима приобретенные ею из чтения такие многосторонние сведения о римской литературе, в сравнении с которыми его собственные сведения были ребяческими. И сочинения самого Гердера нравились ей благородством и возвышенностью идей; она охотно читала их, потому что черпала из них свежие жизненные силы для своей измученной души. После того как она прочла в начале 1782 г. в «Немецком Меркурии» гердеровскую статью, наполненную полемикой с Шлоссером, она писала Гердеру: «Шлоссеровские идеи о переселении душ кажутся мне невыносимыми, а ваши идеи о том же предмете я нахожу и привлекательными и верными. Как утешительна надежда, что нужно только один раз вынести испытания земной жизни, чтобы после того достигнуть блаженства; эта на-

¹ Клаудиус к Гердеру 24 мая 1777 г. (А, I, 420).

² Гельцер. XIII, 168; Каролина к И. Г. Мюллеру в том месте из письма, написанного в мае 1782 г. (Гельцер. XIV, 96 и сл.), которое осталось ненапечатанным.

³ Воспоминания. II, 229 (рукописный текст подробнее печатного); сравн.: Соч. Гамана. V, 285.

дежда дает силу выносить все испытания; а как потом покажется нам сладкой новая жизнь при полном душевном спокойствии! Небеса должны вознаградить вас за ваше понимание их величия и царствующей в них правды»¹. Герцогиня могла, без опасения остаться непонятой, раскрывать свою душу перед тем, кто затрагивал такие струны в ее сердце и чьи сочинения служили для нее источником утешения. Из своей летней резиденции в Вильгельмстале она писала Гердеру, что ее одиночество, быть может, послужит целительным бальзамом для ее души и пробудит в ней такие чувства, которые, конечно, еще не умерли, а только скрыты от человеческих глаз. Другой раз она уверяла его в своей неизменной дружбе и сама себя упрекала за то, что становится все более и более сдержанной и недоверчивой. Она жаловалась на то, что ей как будто от рождения суждено всегда оставаться никем не понятой, потому что ей не дано способности выражать то, что таится в глубине ее души. Ее собственные огорчения делали ее способной понимать, почему и Гердер тяготился своим положением. Летом 1784 г., когда Гердер получил от своих гёттингенских друзей совет, «как можно дольше не покидать свою церковь», герцогиня намекала ему и на свое собственное неприятное положение в следующих словах: «Мне уже давно незнакомо то чувство, которое называется надеждой». Она намекала на свои личные отношения к Гердеру, когда писала ему: «Хотя среди нас и мало хороших людей, но эти люди незаметным образом оказывают влияние друг на друга». Она, конечно, была не в силах устранить причины недовольства Гердера, точно так же как была не в силах устранить то, что служило препятствием для ее супружеского счастья. Однако из ее коротеньких писем к Гердеру видно, что советы и поощрения уважаемого ею человека оказывали благотворное влияние на ее образ действий и душевное настроение и что, наоборот, ей самой нередко приходилось успокаивать его и заглушать случайно зарождавшееся в его душе недоверие к ней. Но взаимное влечение нисколько от того не ослабевало. В особенности для Гердера ее дружба была настоящим благодеянием; он ясно это сознавал тогда, когда начинал помышлять о выезде из Веймара; но он никогда не сознавал этого так глубоко, как в течение того года, который был им проведен вдали от нее в Италии. О том, что его привязанность к герцогине побудила его не отказываться от веймарской должности и после его возвраще-

¹ Это письмо без пометы времени, подобно большинству сохранившихся в подлинниках писем герцогини к Гердеру и к его жене.

ния из Италии, будет говорено впоследствии; но мы должны теперь же познакомиться с откровенными признаниями, которые он высказывал перед тем кризисом, так как они бросают яркий свет на его отношения к герцогине в течение предшествовавших годов, о которых здесь идет речь. «Одному Богу известно, — писал он ей 28 октября 1788 г. из Рима¹, — как я уважаю вашу светлость и как всегда буду уважать; на моем узком и трудном жизненном пути ваша личность была замечательным и привлекательным явлением; поэтому она всегда будет возбуждать во мне такие мысли и чувства, которые может уничтожить только тот поток, который в конце концов унесет всех нас из этого мира. Я никогда не был в состоянии выразить словами и еще менее способен описать, как много я обязан вашей светлости». Однако через несколько месяцев после того он стал описывать свои чувства к герцогине с самой полной откровенностью, так что из его признаний видны и причины его прежней сдержанности, и причины его непоколебимой преданности². «Между близкими к вам людьми едва ли найдется хоть один, который любил бы вас с таким же, как я, искренним сочувствием и уважал бы вас с таким же, как я, сознанием ваших достоинств; было время, когда я действительно жил не столько в самом себе, сколько в вас. Зачем я стал бы скрывать от вас, что я иногда замечал в вас высокомерное равнодушие, которое сначала огорчало меня, а потом заставляло меня быть более сдержанным, потому что я говорил сам себе, что, при несходстве нашего общественного положения и образа жизни, более горячее сочувствие было бы безрассудством, что оно отравило бы мою жизнь, потому что на меня всегда смотрели бы как на постороннего человека». Живя в Италии, вдалеке от герцогини, он осмелился откровенно признаться ей и в этой вине, которая, быть может, была «последствием слишком глубокого уважения»; «в моей душе, — писал он, — происходит точно то же, что происходит в душе человека, который наконец ясно рассмотрел изящный предмет, до того времени скрытый от его глаз дымом и туманом, и который с радостью сознает, как прежде был глуп, считая туманность за свойство самого предмета»³.

¹ «Веймарский альманах», изданный по случаю празднования 400-летней годовщины со времени изобретения книгопечатания (с. 103 и сл.). Ответное письмо герцогини от 28 ноября находится у меня в подлиннике.

² Рим, 14 марта 1789 г. (Buchdrucker Album. С. 107 и сл.).

³ Сравн.: *Гельцер*. XIII, 190. Aus dem Herderschen Hause. С. 70.

Но и кроме Гердера в Веймаре было немало людей, относившихся к герцогине с пристрастным сочувствием, в особенности в первые годы нового царствования. Лучшие из этих людей видели в лице Гердера (по выражению «Воспоминаний») «нравственную преграду» против тех не в меру вольнодумных и оскорбительных для нравственности принципов, которые служили для Гёте и для герцога руководством в их образе жизни и в делах управления. К числу таких недовольных принадлежал граф Гёрц, хотя к причинам его недовольства и примешивались некоторые личные мотивы. Он стоял во главе обиженных и недовольных. Он в течение многих лет руководил воспитанием Карла Августа и потому надеялся, что будет иметь голос в совете молодого герцога. Но герцогиня-регентша с завистью смотрела на влияние, которое он приобрел над ее сыном, — он был устранен немедленно вслед за передачей государственного управления в руки герцога, его назначили обер-гофмейстером при герцогине Луизе и осыпали наградами за его многолетнюю службу¹. Его убеждения сходились с убеждениями Гердера; в проповедях Гердера и в личных с ним беседах он искал утешений для своего оскорбленного самолюбия; тогда возникла между ним и семейством Гердера та дружеская привязанность, которую он доказал на деле по прошествии многих лет, в то время когда его общественное положение совершенно изменилось. Мы должны допустить, что и его убеждения имели влияние на суждения Гердера о тогдашних влиятельных людях и о тогдашнем положении дел в Веймаре; ведь он, в минуту откровенности, раскрыл перед Гердером всю свою душу, а после своего отъезда из Веймара рассказывал в письме к Гердеру, как было ему больно сознаться, что после четырнадцатилетних трудов он не мог осуществить свое единственное желание — желание быть полезным для общества². Личные сношения между ним и Гердером продолжались недолго. В 1778 г. он поступил на дипломатическую службу в Пруссии и по этому случаю признавался, что Гердер был из числа тех немногих людей, с которыми ему было жалко расстаться при отъезде из Веймара.

И Фойгт, приглашенный в 1777 г. на должность советника в Веймар, сначала примкнул к кружку тех должностных лиц, кото-

¹ Сравн.: *Beaulieu-Marconnay*. С. 54, 96 и сл.

² Гёрц к Гердеру 10 мая 1778 г. из Берлина; 5 ноября 1782 г. из Петербурга (это письмо сохранилось в подлиннике). Также сравн. письмо Гамана к Гердеру от 17 сент. 1779 г. (Соч. Гамана. VI, 97, 99). Гердер послал Гёрцу свое сочинение на премию о влиянии системы управления (Гердер к Гарткноху 25 янв. и 1 марта 1781 г.).

рые не любили всемогущего герцогского фаворита. О происшедшем в 1782 г. государственном перевороте он отзывался едва ли менее неодобрительно, чем Каролина Гердер. Этот многосторонне образованный человек, не утративший влечения к научным занятиям, к произведениям литературы и поэзии даже при своих крайне обременительных служебных обязанностях, сначала принадлежал к числу самых близких знакомых Гердера. Только в то время, как летом 1785 г. он жил вместе с Гердером в Карлсбаде, произошел разрыв между их женами, а вследствие того и между их семействами. Касательно этого разлада говорится в «Воспоминаниях», что Фойгт с коварным притворством искал дружбы Гердера, но что его склад ума и характер скоро внушили Гердеру сильное отвращение. Однако относящиеся к тому времени документы не подтверждают этого рассказа. Гердер нашел в Фойгте такого же охотника до книг, каким был сам, и потому охотно сблизился с человеком, которого называл «архивом всего, что есть замечательного в литературе. Фойгт занимает первое место между теми, кого часто встречал молодой И. Г. Мюллер зимой 1781/82 г. в доме Гердера и кому он потом пересылал поклоны из Швейцарии. Два семейства уже давно были привязаны одно к другому тем, что сообща воспитывали детей, а эта связь была прервана лишь в 1786 г. Из переписки Гёте с Фойгтом (издан. Jahn) можно видеть, каким образом в начале 1781 г. соседи Гердер и Фойгт вступили в поэтическое соперничество с целью подшутить над Виландом и над его «Меркурием»¹.

Более самостоятельно держал себя добрый Кнебель, не примыкавший ни к одной из партий, которые образовались при новом дворе и в среде правительственных лиц. С осени 1774 г. он состоял гувернером при принце Константине и в этом звании сопровождал обоих принцев во время их поездки в Париж; этот благоразумный и образованный царедворец соединял светскую благопристойность с добродушием и искренностью честного человека; поэтому он не искал при дворе никаких отличий и жил в добром согласии со всеми членами герцогского семейства: и с герцогом, и с Гёте, которые были обязаны ему своим знакомством, и с вдовствующей герцогиней, и с молодой герцогиней, и со

¹ Там же. С. 453 и сл. И то, что нами изложено далее, извлечено из этого издания, с. 35, 24. Упоминаемое на с. 25 в прим. 3 письмо Гердера к Фойгту, вероятно, было написано зимой 1781/82 г. О неприятностях, случившихся в Карлсбаде, упоминает Каролина в письме к Мюллеру от 14 окт. 1785 г. — в том месте этого письма, которое опущено в печати у Гельцера (XIV, 110). Сюда же относится одно место в письме Гёте к г-же Штейн от 5 сент. 1785 г.

всеми, кто был привязан к старым порядкам. Находившийся вблизи от Веймара Тифурт он превратил из деревни в загородную дачу, в «горадиевский Тибур» — как выражался Гердер; там он принимал вместе со своим принцем гостей, благодаря тому что устраивал там празднества и со всеми обходился с непринужденной любезностью; он сумел привлекать туда и герцога с его семейством и с его свитой, и тех людей, которые придавали своими личными достоинствами блеск герцогскому двору. Туда съезжались на более или менее долгое время Карл Август и Гёте, обе герцогини, Виланд и Гердер и все те, кому открывали туда доступ знатность происхождения, ум, талант или красота¹. Но между Гердером и Кнебелем скоро возникли более интимные сношения. Для них служили связью и сходство их серьезных воззрений на нравственность, и одинаково глубокое уважение к правде, справедливости и честности, и одинаково сильное влечение к поэзии и ко всему, что входит в сферу наук и литературы, «хотя, — как прибавляет Каролина в рукописном экземпляре «Воспоминаний», — у Кнебеля все эти влечения большей частью оставались в его фантазии, между тем как у Гердера они были неотъемлемой принадлежностью его характера и применялись к делу». Что таково было мнение и самого Гердера о Кнебеле, видно из следующей заметки в дневнике И. Г. Мюллера: «Гердер сказал, что Кнебель одарен блестящей фантазией, которая составляет для него всё». Письма и записочки, которыми они сначала часто обменивались по поводу разных литературных явлений и общественных связей, отзываются сердечностью, взаимным доверием и любезностью. На нас производит приятное впечатление игривый и шуточный тон их болтовни, и мы невольно приходим к убеждению, что такую дружескую связь не могло ослабить никакое случайное столкновение. Гердер стал холоднее относиться к этому другу, быть может, с тех пор как Кнебель, получив увольнение от своей должности при принце Константине, побывал летом 1780 г.² в Швейцарии и вступил там в сношения с Лафатером. Но какова бы ни была причина этого охлаждения, оно было лишь продолжительным перерывом их дружеских сношений. Этот перерыв совпадает с многолетним пребыванием Кнебеля на его родине, во Франконии. После того как Кнебель возвратился в июле 1784 г. в Веймар, он уже никогда не прерывал своих дружеских

¹ Сравн. оставшиеся после смерти Кнебеля литературные произведения (I, XXX и сл.). Касательно того, что нами изложено далее, см.: Там же. II, 229, напечатанные письма и, кроме того, С, III, 1 и сл.

² Касательно времени этой поездки см.: Соч. Гамана. VI, 134.

сношений с Гердером. Он писал тогда своей сестре¹: «Возобновление знакомства с Гердером произвело на меня благотворное влияние. В моем сердце совершенно заглохли все неприятные воспоминания, которые улетучились уже с тех пор, как я прочел его последнее сочинение, и я снова нашел в Гердере прежнее благородство ума и прежнюю горячность сердца».

В Веймаре состоял при принце еще один гофмейстер, который также мог бы примкнуть к партии недовольных, если бы был от природы одарен честолюбием графа Гёрца. Но политическое честолюбие не принадлежало к числу нравственных недостатков благоразумного Виланда. Он прежде был наставником обоих принцев, а теперь с добродушной скромностью старался приноровиться к новым порядкам, которые обрекали его на бездействие; он относился к Гёте со свойственным ему добросердечием, несмотря на то что Гёте обошелся с ним очень неделикатно. То было новым доказательством его добродушия, что он посоветовал пригласить Гердера в Веймар. Если бы он был более осмотрителен и недоверчив, он постарался бы противодействовать такому намерению; ведь он должен был предвидеть, что Гердер будет более всего дорожить дружбой Гёте, а разве он мог быть уверен в том, что и его примут в этот союз между старыми друзьями?

Лишь незадолго перед тем он стал отзываться с одобрением и даже с энтузиазмом об авторе «Отрывочных заметок» и «Древнейшего документа». Он стал отдавать справедливость дарованиям Гердера немедленно вслед за появлением его первых литературных произведений. Он писал в то время Риделю²: «Я еще никогда не встречал человека, ум которого представлял бы такую же, как у Гердера, странную смесь метафизики, фантазии, остроумия, влечения к греческой литературе, изящного вкуса и юмора. При таких задатках из Гердера должен выйти или настоящий дурак, или — что более вероятно — замечательный писатель». Но оскорбленное самолюбие скоро заставило Виланда изменить его высокое мнение о даровитости Гердера. Многочисленные похвалы, которыми Гердер осыпал его в своих первых сочинениях, должны бы были внушить ему убеждение, что этот критик будет гораздо более надежной опорой для его авторской деятельности, чем Ридель и компания; но его прогневил один

¹ Оставшиеся после смерти Кнебеля литературные произведения (III, 370).

² *Gruber. Leben Wielands. II, 550.*

гердеровский отзыв, заключавший в себе двойную обиду. Гердер был введен в заблуждение одним неясным намеком в «Письмах о литературе» (во втором сборнике «Отрывочных заметок») и приписал Виланду написанные Вегелином «Последние беседы Сократа с его друзьями»; а последствием этого заблуждения было то, что Гердер стал горячо обвинять Виланда в карикатурном изображении афинского мудреца¹. Виланд, которому уже не раз приходилось выносить разные неприятности, вследствие того что ему приписывали чужие сочинения, счел нужным публично протестовать против неосновательных нападок Гердера². Этому последнему было известно, что обиженный им писатель ждет от него публичных извинений; но он полагал, что достаточно загладил свою ошибку, признавшись в ней в своих письмах к Мерку и к Глейму³.

Но лучшим оправданием для Гердера служили все его другие отзывы о произведениях Виланда. Он постоянно отдавал полную справедливость дарованиям юного бодмерианца. В «Отрывочных заметках» он неоднократно заводил речь о Виланде и хотя не выдавал автора стихотворения «О природе вещей» за немецкого Лукреция, но и не принадлежал к числу тех, которые обвиняли автора «Шутливых рассказов» в бесстыдстве и в склонности к сладострастию; предъявляя более строгие требования, он все-таки отдавал справедливость поэтическим дарованиям Виланда и его комическому юмору⁴. В рецензии, напечатанной в «Allg. Deut. Bibliothek», он ставил Виланда наряду с Клопштоком, Рамлером, Глеймом и Герстенбергом, как такого поэта, который, со времени появления в свет «Веймарских приложений», придал языку поэзии особую «выразительность и силу»⁵. Мало того, он в «Отрывочных заметках» горячо защищал Виланда от резких критических нападок Лессинга, защищал его от журнальных упреков и насмешек по поводу метаморфозы, происшедшей в его образе мыслей⁶. Во втором «Критическом леске» шла речь о «милом, согревающем душу Виланде»⁷, а если бы появился в печати четвертый «Критический лесок», то обиженный поэт на-

¹ Сравн. примечание Суфана (SWS. I, 542).

² Поэтические произведения. 3-е изд. 1770 г. С. 9, 10. — Сравн.: *Böttiger. Litt. Zustände. I*, 261.

³ Гердер к Каролине (А, III, 69, 74, 79) и к Глейму (С, I, 26).

⁴ Отрывочные заметки. III, 206 и 152; также сравн.: II, 283, 293.

⁵ LB. I, 3, б, 47 (SWS. IV, 272).

⁶ Отрывочные заметки. II, 197; III, 297.

⁷ KW. II, 107, сравн.: Там же. 76, 127, 130.

шел бы полное удовлетворение и в отзывах вроде следующего: «Возвышенная фантазия Виланда питалась произведениями Платона и Лукиана», и в желании Гердера дожить до «появления новых произведений виландовской музыки»¹. Из писем, которые Гердер писал к Гарткноху во время своего путешествия, видно, что то желание было вполне искренним, точно так же как и другое его желание — чтобы Виланд разорвал свои связи с партией Клотца и перешел на его сторону². От его внимания, конечно, не ускользали недостатки Виланда. Он с ужасом помышлял о том, в каком виде появится «Тристрам Шенди», «переведенный на немецкий язык монотонным слогом Виланда», а о виландовских переводах Шекспира он был одного мнения с «шлезвигскими письмами о литературе»; в этих переводах попадались такие места, за которые он «хотел бы выцарапать переводчику глаза»³. Однако его сочувствие к плодовитому поэту постоянно усиливалось. Ему особенно нравились два виландовских произведения. Он читал «Агатона» не только с сочувствием философа и педагога, но также с увлечением влюбленного, ум которого совершенно отуманен чрезмерной чувствительностью. Он полагал, что это сочинение еще долго будет служить для него кодексом гуманности; для наглядного уяснения различий национального воспитания он желал бы, чтобы для каждой нации была написана особая история Агатона, а сыну герцога — своему ученику — он дает ласкательное прозвище Агатона. О Психее и Данае он много болтал с Каролиной при первом с ней знакомстве в Дармштадте, и эта книга, в которой описано так много чувствительных сцен, служила для него утешением после разлуки с его возлюбленной⁴. Почти в то же время он очень восхищался идеями Виланда о нравственности, которые были очень остроумно изложены в опровержение мнений Руссо в «Приложениях к истории человеческого рода»; Гердеру особенно нравился в этом сочинении сон Прометея; ему даже казалось, что поэт-философ нередко высказывает те же воззрения, которые он сам намеревался изложить в

¹ SWS. IV, 123, 169. Одобрительные отзывы о «Шутливых рассказах» (с. 190).

² LB. II, 34, 40, 55. Сравн. с. 487 и 285.

³ LB. II, 107 и касательно переводов из Шекспира: LB. III, 229 и сл., 238; О немецкой жизни и искусстве. С. 9.

⁴ Путевой журнал (LB. II, 186; SWS. IV, 365); С, II, 22; LB. III, 131, 76; А, III, 257. Что в «Воспоминаниях» (I, 224) под словом «Агатон» разумеется принц Петр, видно из того, что сам принц подписался этим именем в одном письме к Гердеру; сравн.: I, 418, прим. 2.

«Археологии евреев»¹. Живя в Бюкебурге, он усердно читал и прежние, и новые произведения Виланда. Хотя он и находил в этих сочинениях некоторые недостатки, но вообще ставил их наряду с сочинениями своего любимого писателя Шефтсбери². Он был заранее уверен, что Виланд лучше всякого другого установит границы между красотой и добродетелью, если только сдержит данное слово и напишет критический разбор зульцеровского сочинения о нравственном влиянии изящных искусств³. Романы Виланда вместе с романом г-жи Ларош он считает первыми в своем роде, а романы Герстенберга и Рамлера, которые прежде так высоко ценил, он ставит гораздо ниже романов Виланда по причине их напыщенности⁴. Его несколько не смущает неблагоприятное впечатление, которое произвел Виланд на Каролину в Дармштадте; он говорит, что после Клопштока Виланд более всех возбуждает в нем желание личного знакомства. «Со времени появления „Агатона“, — писал он Глейму, — в Германии едва ли найдется много людей, которые читают все произведения Виланда так же охотно, как я»⁵. Наряду с этими одобрительными отзывами, которые Гердер высказывал в своих письмах, следует упомянуть по крайней мере об одном публичном отзыве, который был высказан Гердером в статье об Оссиане; там говорится, что Виланд принадлежит к числу тех богато одаренных от природы поэтов, которые умели соединять непосредственное выражение чувств с предварительной рефлексией, — хотя он и пишет «под влиянием хранящегося в его сердце знания света»⁶. Эти похвалы, конечно, были очень умеренны в сравнении с безусловными похвалами, которыми он осыпал в той же статье сочинения Клопштока; кроме того, к ним примешивалось неодобрительное мнение о виландовских переводах Шекспира. Хорошее мнение, которое он составил себе о поэте Виланде, даже не помешало ему презрительно насмеяться над журналистом Виландом в тех несдержанных отзывах о литературе 1773 г., которые были напечатаны в Кёнигсбергской газете⁷; там он говорил о «французских

¹ LB. III, 85; A, III, 61. Что он ценил Виланда и как лирического поэта, видно из LB. II, 391; III, 185, 235, 338.

² A, III, 58. Его отзывы о «Диогене» см.: LB. III, 85, о золотом зеркале: A, III, 281, 305; C, II, 138; Соч. Гамана. V, 10.

³ C, I, 334; II, 138.

⁴ C, II, 22.

⁵ A, III, 70; Воспоминания. I, 205 и сл.; C, I, 26; A, III, 270.

⁶ О немецкой жизни и искусстве. С. 45.

⁷ Im neuen Reich. 1873, II, 519; сравн.: I, 680.

полусапожках» так называемого «Немецкого Меркурия» и предсказывал этому журналу, что кошелек, который он держат в руках, скоро будет «совершенно пуст».

Именно в «Немецком Меркурии» разыгралась литературная распря между этими двумя людьми. Этот журнал оплатил смелому критику за все, в чем он провинился перед Виландом. Там было предоставлено безусловное право нападать на Гердера тому самому Шмидту, который уже прежде писал разборы гердеровских сочинений во вкусе приверженцев Клотца. Хотя в «Критических заметках о немецком Парнасе» (в ноябре 1774 г., с. 175 и сл.) и были ошибочно приписаны Гаману те «бессмысленные издевательства», которые были напечатаны в Кёнигсбергской газете, но вслед за тем там говорилось о Гердере как о втором после Гамана вожаке той партии, которая соединяет с пламенной фантазией сильную склонность к философствованию и необузданное влечение к нововведениям; Гердеру ставилось в вину все, что отзывалось сумасбродством в поэтических произведениях Гёте и Ленца; наконец, из старых произведений Гердера удостоивались сколько-нибудь благосклонного отзыва только «Приложения к философии истории», но безусловному порицанию подвергались «Провинциальные листки» за их пылкую декламацию и в особенности «Древнейший документ» за его надменные притязания, за его загадочность и неудобопонятность. Однако Виланд скоро устранил автора этих критических разборов, «чудака» Шмидта¹. Он был наведен на более верные суждения о дарованиях Гердера частью Мерком, частью Якоби, а всего более, как кажется, Лафатером. Хотя «гердеровский тон», так резко отличавшийся от его собственного, и был ему неприятен, но, когда он сам прочел летом 1775 г. «Древнейший документ», он невольно увлекся обаянием этой книги. Она внушила ему такое же расположение к своему автору, какое внушил Гердеру «Агатон». Он писал Якоби: «С этих пор едва ли найдется более меня горячий поклонник Гердера... Если бы друг Гердер решился писать так, как писали в течение четырех тысяч лет все другие честные люди, то, конечно, все стали бы преклоняться перед ним, как перед одним из самых гениальных людей нашего времени». Вышеупомянутый критический отзыв Шмидта он стал считать за позор для «Меркурия» и постарался загладить свое участие в этом чужом прегрешении. Лафатер охотно взял на себя роль примирителя и благодаря его посредничеству был напечатан в мартов-

¹ Виланд к Мерку (*Вагнер*. II, 137).

ском номере «Немецкого Меркурия» 1776 г. похвальный отзыв о сочинении Гердера, написанный Гефели¹. Но Виланд старался и другими путями снискать дружбу великого писателя. В январском номере 1776 г. Мерк рекомендовал вниманию публики «Приложения к философии истории», а в майском номере появилось составленное также Мерком изложение содержания гердеровского сочинения на премию о причинах извращения вкуса. После того как «великий декан» (так называли Гердера) был осыпан лестными похвалами, от него стали ожидать приличного вознаграждения. По совету Якоби, Виланд обратился к Гёте с просьбой оказать поддержку «Меркурию»; тот же Якоби указал ему на превосходные рецензии Гердера, появившиеся в «Allg. Deut. Bibliothek», и советовал приобрести в лице Гердера неопцененого сотрудника для «Меркурия»². Под влиянием этих советов у Виланда впервые зародилась мысль о возможности доставить Гердеру место в Веймаре. Еще 2 января 1776 г. Гёте писал Гердеру в Бюкебург: «Ты должен помочь Виланду в издании „Меркурия“, от которого зависят средства существования его семейства». Гердер не имел никакого основания отказывать Виланду в своих услугах — в майском номере «Меркурия» было помещено через посредство Ленца несколько гердеровских басен, переложенных в стихи³, а для июльского номера сам Гердер написал прекрасную статью о Гуттене.

Однако, как ни была остроумна эта статья, она была вовсе не из таких, которые могли бы упрочить только что возникшие дружеские отношения. Именно при обсуждении этой темы всего резче обнаруживалась противоположность между воззрениями двух писателей. Еще для февральского номера «Меркурия» Виланд сам написал характеристику Гуттена, к которой прибавил биографические сведения об этом писателе. Но его суждения о Гуттене не имели никакого сходства с суждениями нового сотрудника! Этот последний от всего сердца сочувствовал рыцарскому бойцу за свободу и за истину, а Виланд относился к нему с хладнокровной рефлексией. Страстный Гуттен, обнаруживавший неудержимое влечение к деятельности и «нередко тративший свое мужество невпопад», был изображен в статье Виланда

¹ К Якоби 5 авг. 1775 г. (Избранная переписка Якоби. I, 220, 221); к Лафатеру 27 окт. 1775 г. (Archiv für Litteraturgeschichte. IV, 308); сравн. письма: Лафатера к Гердеру от 8 нояб. 1775 г. (А. II, 149), Виланда к Лафатеру от 11 янв. 1776 г. (Archiv für Litteraturgeschichte. IV, 314).

² Виланд к Мерку 24 июля 1776 г. (Вагнер. II, 71); Якоби к Виланду (Избранная переписка Якоби. I, 231, 232).

³ Сравн. письмо Ленца к Гердеру от 9 июня 1776 г. (А, I, 241).

вовсе не образцовым героем; статья Гердера осыпала Гуттена восторженными похвалами, а статья Виланда была выражением тех чопорных воззрений на человеческую жизнь, которые относятся ко всякому пылкому чувству с добродушно насмешливой улыбкой и со словами: «*ne quid nimis*». Поэтому, как ни было приятно издателю «Меркурия» приобретение такого замечательного сотрудника, как Гердер, горячность этого сотрудника не подходила к скромному тону журнала. В письме к Мерку¹ Виланд говорит, что «никак не может выносить манеры Гердера отзываться о всех с презрением и беспрестанно делать сравнения в пользу одних и в ущерб другим». Именно в этом и провинился Гердер в своей статье о Гуттене; он принял сторону Гуттена против Эразма и осыпал этого последнего выражениями своего презрения, несмотря на то что Виланд питал сильное сочувствие к Эразму. Кроме того, гердеровский радикализм сталкивался с тем принципом веротерпимости, которого благоразумно придерживался Виланд с целью приобретать для своего журнала подписчиков и среди католиков, и среди протестантов. Не желая никого отталкивать от себя, этот осмотрительный писатель прибегнул к своему обыкновенному средству — он прибавил к гердеровской статье небольшую приписку, в которой старался примирить противоположные мнения. Он самым наивным образом заявил, что отзывался о Гуттене иначе, чем Гердер, потому, что желал не оскорблять ничьих религиозных предрассудков и что ему не может нравиться тон гердеровской статьи. Он отзывался с большим уважением об анонимном авторе этой статьи: «Я не знаю, — говорил он, — ни одного немецкого писателя, который был бы более способен воздвигнуть памятник этому всеми позабытому немецкому герою». По его словам, автор статьи очень хорошо сделал, что «приноравливался в своих суждениях к складу ума Ульриха, к его сердечным влечениям, к его эпохе и к его житейской обстановке». Но вслед за тем начинаются разные оговорки: «Разве можно, по прошествии трех столетий после смерти Гуттена, говорить с горячностью этого человека о тех вопросах, которые занимали его современников; разве можно осыпать немцев нашего времени упреками с горячностью и с негодованием Гуттена; а из сочувствия к Гуттену разве можно забрасывать грязью Эразма, который, конечно, был более кроток и слабохарактерен, но в своей сфере деятельности был не менее Гуттена добрым, благородным человеком, которого любили лучшие люди его вре-

¹ Вагнер. II, 73.

мени?» Виланду хотелось напечатать в его журнале еще более энергичную статью в защиту Эразма, и он обращался к Мерку с просьбой написать такую статью¹; но и его собственной приписки к гердеровской статье было бы достаточно, для того чтобы прервать его дружеские сношения с Гердером, если бы этот последний находился в то время в дурном расположении духа. К счастью, Гердер находился в самом хорошем расположении духа и в то время как готовился к отъезду в Веймар, и в то время как вступал в новую сферу деятельности в Веймаре². Он привез Виланду письмо от Глейма, стал ухаживать за ним и вовсе не заводил речи о той нелепой приписке, насчет которой и Гёте выразил свое неодобрение; а в доказательство того, что Гердер и Виланд сходились в своих мнениях о Гуттене и об Эразме, была напечатана в ноябрьском номере «Меркурия» новая гердеровская статья, которая не могла бы вызвать новую дополнительную приписку со стороны Виланда даже в том случае, если бы этот последний не раскисался в напечатании своей первой приписки³.

И по своему заглавию, и по своему содержанию эта новая статья («Две родные сестры — философия и мистицизм»)⁴ была чем-то вроде ответа на заданную «Меркурием» тему на премию: в какой мере основательна и полезна полемика антиплатоников и последователей Лукиана против мечтательности. Автор статьи, очевидно, не принадлежал к числу мечтателей. Изложенные в ней воззрения Гердер уже ранее высказывал Лафатеру, хотя они и развились из гамановских идей⁵, но в сущности не расходились и с мнениями Виланда. Гердер красноречиво и убедительно доказывал, что философия и мечтательность ненавидят одна другую именно потому, что между ними есть близкое духовное родство. Одна создает умственные отвлеченные понятия, а другая — чувственные, и потому они нередко сходятся в своей деятельности. Между ними трудно установить ясное различие, точно так же как трудно установить ясное различие между оригинальностью и подражанием. Если бы оригинальный мечтатель и доискивался истины при помощи своей чувствительности, а оригинальный философ при помощи мышления, то эту истину прикрыли бы туманом их подражатели. Именно таковы взаимные

¹ Вагнер. I, 96.

² И по случаю перепечатки его статьи, Гердер постарался в предисловии к «Разбросанным листкам» (V, XI) смягчить свой строгий отзыв об Эразме.

³ Виланд к Мерку 7 окт. 1776 г. (Вагнер. II, 78).

⁴ «Немецкий Меркурий». С. 138 и сл.; SW в отделе философии. VIII, 43 и сл.

⁵ Гердер к Лафатеру (A, II, 134); Соч. Гамана. VI, 228; VIII, 378.

отношения между Клопштоком и толпой его подражателей, между Лейбницем и Вольфом, между английской философией здравого смысла и немецкой популярной философией. Во всех сферах человеческой деятельности обнаруживается склонность к подражанию. Наш век есть век «бесчувственной мечтательности и вдающейся в мечтательность бесчувственности». Идеи Винкельмана, Гагедорна и Липперта об искусстве также повторялись бездарными подражателями. То же случается теперь со всеми гениальными людьми. Гердер высказывает свой взгляд на литературу периода бурных стремлений, в которой сам стал подвизаться ранее других, и в то же время отказывается от заблуждений и преувеличений своего прежнего литературного направления, когда говорит: «Теперь только умеют, запинаясь, высказывать нетрезвые идеи из желания подражать тем двум или трем писателям, у которых есть твердые убеждения; у нашего родного языка, который и сам по себе грубоват, отнимают остальные гласные буквы и союзы и отрезают у него хвост и уши, а вместо того чтобы выразить непосредственные чувственные впечатления, стараются отличиться смелостью, шумливостью и грубостью»; все это так же достойно сожаления, как и противоположное явление — неуклонное подражание «старому классическому стилю». По мнению Гердера, эти подражатели — «жалкие мечтатели, старающиеся говорить языком старого времени; их головы похожи на аптеки, в которых хранятся старые обвалившиеся осенние листья; они не имеют глаз, чтобы видеть распускающиеся в лесу почки и зелень». А какое же положение занимает сам Гердер между двумя крайностями? Он держится середины между философией и мечтательностью. Он признает полезность и той, и другой, потому что они противодействуют одна другой и поддерживают между собой равновесие; «таким образом, — говорит он, — ядро человечества твердо и спокойно катится далее вместе со своими двумя половинами». Цельный здоровый человек в одно и то же время и философ, и мечтатель, потому что у него есть и голова, и сердце. Гердер оканчивает свою статью следующими словами: «Мудрец, который обладает ясными идеями, т. е. знает, когда и в каких случаях следует прибегать к отвлеченным понятиям, и у которого сердце полно энтузиазма, т. е. всеобнимающей, жаждущей деятельности, сердечной теплоты, — такой мудрец не увлекается ни философией, ни мечтательностью, видит недостатки той и другой и прибегает то к той, то к другой; он говорит: пусть они вступают между собой в рукопашный бой, я пройду незамеченным промеж них!»

Итак, первая статья, напечатанная Гердером после его переезда в Веймар, обнаруживала новое направление его идей и была предвестницей нового периода в его литературной деятельности. Она доказывала, что взамен «мистического воодушевления», с которым он брался за перо в Бюкебурге, и взамен неудержимой горячности, с которой он выражался в своих последних сочинениях и даже в статье о Гуттене, он стал вносить в свою литературную деятельность более сдержанности и осмотрительности. Это был первый шаг на том пути, на который в то же время вступил Гёте. Но так как в характере Гердера не было устойчивости, так как многосторонность его умственных влечений не имела границ, а в своем способе изложения он привык не руководствоваться никакими твердо установленными правилами, то ему было гораздо труднее идти по этому пути, чем Гёте, и только пока он находил опору в уме Гёте, он был в состоянии не сбиваться с этого пути и достигать того равновесия между ясностью изложения и сердечной теплотой, которое он сам считал за признак человеческой мудрости. На этот путь наводила Гердера и его веймарская обстановка. Немаловажную роль играло в этом отношении и влияние Виланда. Статья о философии и о мечтательности была как будто нарочно написана Гердером для того, чтобы доказать сходство его идей с идеями Виланда; она, быть может, выражала лишь те воззрения, которыми обменивались два друга во время своих первых бесед о современной литературе. В ней Гердер становился в такое же срединное положение между философами и мечтателями, какое занимал Виланд. Этот последний мог быть доволен такой переменной в направлении гердеровских идей еще и потому, что Гердер обещал ему впредь избегать тех неправильных способов выражения, которые так оскорбляли его поэтический слух.

Это сближение по литературным вопросам отразилось и на личных отношениях Виланда к Гердеру. При потребности Виланда быть любимым и при его готовности преклоняться перед выдающимися людьми Гердеру не трудно было снискать его сочувствие. Сердце Виланда воспламенилось при знакомстве с Гердером, точно так же как за год перед тем оно воспламенилось при знакомстве с Гёте. В письме к Мерку он изливал в следующих выражениях свою радость по случаю личного знакомства с Гердером¹: «Вот уже целая неделя, как здесь находится Гердер со своей милой Евой. При первой с ним встрече мое сердце не-

¹ Вагнер. II, 77.

удержимо устремилось к нему навстречу. Всякий раз, как я вижу его, я говорю сам себе, что его следовало бы назначить заместителем Христа и главой всей католической церкви. Веймар не достоин его; но если он здесь уживется, то Веймар будет казаться ему не хуже всякого другого города. А если осуществится мысль Гёте, то Веймар сделается горой Араратом, на которой будут находить для себя пристанище хорошие люди, между тем как остальной мир будет покрыт повсеместным потопом». Через несколько недель после того Виланд отзывался о Гердере с еще более почтительными похвалами в письме к Якоби¹: «Мне было бы приятно говорить тебе о Гердере, потому что я всей душой любил этого замечательного человека. Но он так велик в моих глазах, что я не в состоянии судить о нем. Именно величие его гения и служит здесь, в Веймаре, некоторого рода препятствием для его полного счастья. Гёте не может часто видаться с ним, потому что должен жить для герцога и для своих служебных обязанностей, а кроме Гёте разве здесь найдется хоть один человек, который мог бы стоять наравне с Гердером? Кто же в состоянии равняться с ним умом? Не говоря уже о том, что, конечно, никто не в состоянии вступать с ним в соперничество. Что касается меня, то я сам сознаю его превосходство надо мной. Я могу только восхищаться им и любить его так, как еще никто не любил его; но ведь все это не может удовлетворять человека с таким всеобъемлющим, могучим умом!» В заключение Виланд хвалит проповеди Гердера: «Его проповеди не имеют себе подобных по искренности, безыскусственности и ясности; тем не менее они отличаются глубиной мысли, чистотой чувств и богатством содержания! А всего замечательнее то, что при своей ясности и искренности они отличаются такой ортодоксальностью, которая не имеет ни малейшего сходства с проповедями наших модных богословов!» Наконец через три месяца после того Виланд писал после чтения второй части «Древнейшего документа»²: «Ты не можешь себе представить, как много выигрывают сочинения этого человека от личного с ним знакомства. Вообще можно сказать, что это необыкновенный человек».

А этот человек изъявил готовность писать статьи для «Меркурия»! Гердер взялся писать биографические заметки и характеристики, которые прилагались к портретам замечательных людей. Он стал выражаться более сдержанно, чем в статье о Гутте-

¹ 1 ноября 1776 г. (Избранная переписка Якоби. I, 254).

² 22—27 янв. 1777 г. (Zöppig. I, 18, 19).

не, даже несколько понизил тон своих статей до одного уровня с тоном журнала, издававшегося преимущественно для «малообразованных людей»; он писал о Копернике, о Рейхлине, о Савонароле¹ и даже намеревался писать о Пико делла Мирандоле². За эти литературные услуги Виланд был в состоянии оплачивать разными житейскими услугами. Он пользовался всяким удобным случаем, чтобы на деле доказывать Гердеру свою дружескую привязанность, а всего чаще он помогал Гердеру деньгами, в которых тот сильно нуждался в первые годы своей жизни в Веймаре вследствие экстренных расходов на обустройство³. Упрочению этих отношений способствовала дружеская связь между двумя семействами. После того как Виланд описал Мерку впечатление, которое произвела на него личность Гердера⁴, завязалась дружба между женами Виланда и Гердера, между старшим сыном Гердера и маленькой дочерью Виланда. В том письме к Якоби, где Виланд превозносил Гердера до небес, говорилось между прочим: «Мой дом служит чем-то вроде прибежища для Гердера и для его ангельской жены. В моем семействе все от них в восторге». Таких ресурсов не могли доставить Гердеру ни веймарский двор, ни Гёте. Еще в разговорах с Экерманом⁵ Гёте признавался, что он никак не ожидал от Виланда такой восторженной привязанности к Гердеру. «С тех пор как Гердер появился в Веймаре, — писал Гёте, — Виланд изменил мне; Гердер отнял его у меня, потому что личность этого человека в высшей степени привлекательна».

Однако такая дружеская связь, в которой один из друзей сознавал свое ничтожество перед другим, никогда не могла сделаться прочной. По своим врожденным дарованиям и по своему складу ума Виланд и Гердер были так мало похожи один на другого, что могли сходиться лишь на какой-нибудь нейтральной почве, но не могли служить опорой один для другого. Тот из них, который был одарен более могучим умом, соединял с чувствительным сердцем такую самостоятельность убеждений, которая могла казаться оскорбительной для другого. А тот из них, кото-

¹ Немецкий Меркурий. 1776, ноябрь. С. 169 и сл.; 1777, февраль. С. 178 и сл.; декабрь. С. 267 и сл. (SW в отделе философии. XV, 66 и сл.).

² Бенцлер к Гердеру 26 сент. 1777 г.: «Когда же наконец получим мы вашу статью о Пико делла Мирандоле?» Сравн.: Немецкий Меркурий. 1777, май. С. 181 и июнь. С. 271.

³ Воспоминания. II, 225.

⁴ 17 окт. 1776 г. (Вагнер. II, 81).

⁵ 3-е изд. I, 237.

рый был менее богато одарен от природы, хотя и был готов преклоняться перед своим другом, но в то же время желал, чтобы его дарованиям и заслугам отдавалась должная справедливость и чтобы к его недостаткам относились снисходительно; он, подобно всем поэтам, был очень обидчив и тщеславен. Поэтому ему скоро пришлось умерить энтузиазм, с которым он отзывался о своем друге. В том же письме к Мерку от 13 июня 1777 г.¹, в котором он жаловался на то, что Гёте уже не так общителен, как прежде, Виланд откровенно описывал более свежие впечатления, которые он вынес из сношений с Гердером. Мерк, сам на себе испытавший непрочность привязанностей Гердера, уже давно предсказывал Виланду, что и его ожидает такое же разочарование. Но Виланд сначала не обращал внимания на эти предостережения и даже старался примирить Мерка с Гердером²; а теперь он писал Мерку: «Все, что вы предсказывали мне касательно моих отношений к Гердеру, буквально исполнилось на деле... Как я ни старался угодить ему, я наконец был вынужден заглушить в моем сердце добродушную преданность, которая была в его глазах лишь сердечной слабостью. Этот человек похож на насыщенное электричеством облако. Издали этот метеор производит великолепный эффект, но кому же приятно видеть его над своей головой? Я более всякого другого всегда готов преклоняться перед выдающимися людьми; но я не могу выносить в Гердере его высокого мнения о его личных достоинствах, а когда я вижу, что он вечно над всеми насмехается, мне хочется, чтобы меня отделяла от него дюжина Пиренеев». Даже Гёте в своей молодости с трудом выносил насмешливость Гердера; но ее еще труднее было выносить такому более пожилому человеку, каким был Виланд; подобно всем поэтам, этот последний желал, чтобы его произведения читались с удовольствием, — он нуждался в похвалах и принимал их с детской признательностью. Но не так относился к его произведениям Гердер; в письме к Якоби³ Виланд говорит, что Гердер лишь слегка пробегает новые сочинения и судит о них под влиянием минутного расположения духа. Разве его прекрасная «Летняя сказка» не стоила какого-нибудь

¹ Вагнер. I, 103.

² К Мерку 22 ноября 1776 г. (Вагнер. II, 85). Что между Гердером и Мерком дело не дошло до дружеских сношений, видно из следующих слов (опущенных в печати) в письме Гердера к Гаману от 21 мая 1779 г.: «Здесь ожидают на днях Мерка; я буду видеться с ним только так часто, как этого требуют приличия»; то же видно из письма Гердера к Кнебелю (Litt. Nachlaß. II, 303).

³ 22 января 1777 г. (Zöppfl. I, 17).

комплимента со стороны Гердера? Ведь Мерк так расхвалил ее, а Гёте также отозвался о ней одобрительно. Но не так поступал Гердер. «Мне кажется, — писал обиженный поэт Мерку¹, — что бы ни читал этот странный человек, он всегда воображает, что он написал бы то же самое, но иначе и лучше». Бедный Виланд! Ведь Мерк был вполне прав, когда говорил, что Виланд жил под игом двух потентатов — Гердера и Гете — и был доведен ими до крайнего уныния². Однако обиженный поэт сумел в конце концов примириться со своим положением. С Гердером он стал уживаться, как сам рассказывал в письме к Мерку в июне 1778 г.³ Теперь, писал он, я на «совершенно хорошей ноге» с Гердером. «Мы не часто видимся, но, когда мы сходимся, он производит на меня приятное впечатление, и я, как кажется, также прихожусь ему по вкусу. Я могу сравнить его гениальность с солнцем; после продолжительной холодной погоды оно так приятно согревает вас своими лучами, что вы не чувствуете ни обжогов на вашем теле, ни воспаления глаз. Но его блеск и электрическая сила мало-помалу становятся невыносимыми; тогда я укрываюсь от его лучей, как могу, и сумрачный день кажется мне таким же приятным, каким казался солнечный; ведь мне была приятна солнечная теплота именно потому, что я чувствовал потребность быть наэлектризованным». Поэт был вне себя от радости, когда великий Гердер с одобрением отзывался о его стихотворении в честь вдовствующей герцогини или же безусловно хвалил «Оберона»⁴. Напротив того, на устах самого Виланда всегда была похвала. Он был в восторге от проповеди, которую Гердер произнес при крещении наследного принца⁵. Он беспрестанно обращался к Мерку с просьбой писать для «Меркурия» рецензии гердеровских сочинений, и по меньшей мере о сборнике народных песен Мерк написал самый лестный отзыв⁶. Из всего сказанного видно, что дружеские отношения между Виландом и Гердером то прерывались, то возобновлялись. Вероятно, и сам Виланд иногда бывал виновником ссор, но, после того как их сношения оставались на некоторое время прерванными, Виланд был тот, кто делал уступ-

1 22 сентября 1777 г. (*Вагнер*. II, 102).

2 К Лафатеру 14 января 1778 г. (*Вагнер*. II, 120).

3 *Вагнер*. II, 152.

4 *Вагнер*. II, 118, 154; С, I, 69. Сравн. благосклонный отзыв о Виланде (*SW* в отделе литературы. XVI, 290).

5 К Мерку 10 февраля 1783 г. (I, 375).

6 *Вагнер*. I, 105, 135; II, 144, 154; *Немецкий Меркурий*. 1778, август. С. 191.

ки с целью примирения¹. Впрочем, Виланд постоянно преклонялся перед даровитостью Гердера, никогда не обнаруживая зависти; Гёте, Гердер и Лафатер были для него «святыми людьми», а Якоби, Гердер и Гёте были таких «три человека», каким не было подобных². Мерилом для этих изменчивых личных отношений служил «Меркурий». Гердер смотрел свысока на этот пестрый журнал, у которого не было никакого определенного направления, и не хотел иметь с ним дела³; но он не был в состоянии постоянно отвечать отказом на просьбы докучливого издателя; тогда снова появлялись в журнале его статьи. Сношения между Виландом и Гердером были самыми дружескими в начале 80-х годов — в то время как начал усиливаться разлад между Гердером и Гёте. Именно около этого времени Гердер написал для «Меркурия» целый ряд статей. Их появление в печати начинается с последней четверти 1780 г. и не прекращается до августа 1782 г.⁴; но мы познакомимся с их содержанием только в связи с более крупными произведениями Гердера.

¹ О таких заискиваниях со стороны Виланда Гердер писал Мерку в марте 1783 г. (Bremer Sonntagsblatt. 1859. № 42). Описывая эти отношения со слов Виланда, Бёттигер говорит, что «в течение почти каждых шести недель дело доходило до примирения» (Litt. Zust. I, 261).

² Zöppriv. I, 60; Gruber. Leben Wielands. III, 186.

³ И. Г. Мюллеру он писал в начале ноября 1780 г. (эти слова пропущены в печати у Гельцера, XIV, 84), что поместит в «Меркурии» объявление о выходе в свет «Истории Швейцарского союза», но что «вообще не имеет дела с Меркурием».

⁴ Кроме более крупных статей Гердер поместил в «Меркурии» (1780, окт. С. 81 и сл.) отзыв об издании «Blatt zur Chronik von Riga»; сравн. Суфана (Zeitschr. für deutsche Philol. VI, 67, прим. 3); письмо Гамана к Гарткноху от 6 окт. 1780 г. (Соч. Гамана. VI, 163). Из находящегося у меня в подлиннике письма Гарткноха к Гердеру от 18/29 июля 1780 г. видно, что названное издание было прислано Гердеру ратманом Христофором Беренсом. Гердером же, как следует полагать, было написано извещение о предстоявшем издании гамановского перевода диалогов Юма (Там же. С. 90); сравн. Соч. Гамана. VI, 155, 158, 173, 176. Бесспорно, Гердером была написана заметка о «смерти Лессинга» и в высшей степени вероятно, что им же была написана помещенная вслед за тем статья «De la littérature Allemande» (1781, март. С. 268 и 270), равно как «Lobgesang nachdem Persischen», подписанные буквами I и E стихотворения (1782, январь. С. 3 и сл.) и наконец «Litterarische Briefwechsel» (1782, январь). О сотрудничестве Гердера, бесспорно, свидетельствует находящееся у меня в подлиннике письмо И. Г. Мюллера к Гердеру от 23 ноября 1782 г. Кроме того, нам известно, что Гердер по меньшей мере намеревался написать для «Меркурия» еще несколько статей, а именно: о смешанных произведениях Якоби (Гердер к Якоби 29 мая 1783 г.: Соч. Якоби. III, 472), об «Истории Швейцарии» И. Мюллера и о переводе сочинений Персия (об этом упоминает Виланд в письме к Каролине, не попавшем в печать).

Около того же времени достигла своей высшей степени развития совершенно иная личная привязанность Гердера.

В течение многих лет Гердер подчинялся обворожительному влиянию, которое производили на него женская любезность и лесть. В своих биографических заметках — там, где идет речь о многочисленных доброжелательницах гердеровского семейства, — Каролина говорит подробно только о родственнице г-жи Бешеффер, о девице Фольгштедт. Она, конечно, была вправе не упоминать о такой женщине, к стопам которой Гердер клал самые изящные выражения своей чувствительности, к которой сама Каролина относилась как к родной сестре, но с именем которой были связаны крайне неприятные для Каролины воспоминания. Что же касается нас самих, то мы вправе не обходить молчанием такую сердечную привязанность, которая, раскрывая перед нами душу Гердера, знакомит нас и со слабыми сторонами его характера и с твердостью его нравственных правил.

Отношения Гердера к Софии Шардт напоминают нам отношения Гёте к Шарлотте Штейн. Ни одна из многочисленных любовных связей Гёте не была так продолжительна, как его связь с Шарлоттой, а в жизни Гердера мы не находим другой привязанности, которая, подобно его привязанности к Софии, носила бы отпечаток не только восторженной преданности, но даже влюбленности. Положение этих двух женщин и относительно их мужей, и относительно веймарского общества было совершенно одинаково. И ту, и другую неизбежно ожидали разочарования. Но этим и ограничивается сходство их положения. Гёте был привязан к своей возлюбленной такой потребностью любить, которой он не мог удовлетворить супружеской связью и которая не мешала ему заводить множество других мимолетных любовных связей; а Гердера, уже наслаждавшегося супружеским счастьем с любимой женщиной, привлекала к Софии не потребность любить, а минутное увлечение, которое было для него лишь опасной забавой и не могло быть продолжительным. Гёте жил своей любовью к Шарлотте Штейн; а привязанность Гердера к Софии Шардт была лишь роскошью, от которой он мог отказаться без всякого ущерба для своего сердца. Гёте находил подле своей возлюбленной душевное спокойствие, а привязанность Гердера была для него источником душевных тревог. Гёте вложил в свою привязанность всю свою душу, а Гердер тратил на свою привязанность только самые нежные влечения своего сердца; Гёте был поэт до мозга костей, поэтому и его поэзия всецело питалась его любовью; а Гердер был поэтом только отчасти, и только эта поэ-

тическая частица его характера заставила его временно разыгрывать роль влюбленного. Поэта никогда не тревожила мысль о безнравственности его любовной связи; а совесть Гердера громко заявила протест при первом искушении, при первой возможности выйти из пределов нравственного долга.

София Шардт была дочь Бернсторфа, служившего директором канцелярии в Ганновере¹; ей было только два года, когда она лишилась отца. Вскоре после того она лишилась матери и переехала на жительство к своей тетке — жене датского министра Бернсторфа. С ней познакомился в Гольштинии брат г-жи Штейн, тайный советник Шардт; она вышла за него замуж и переселилась двадцати двух лет, в мае 1778 г., в Веймар, куда в начале следующего года переехала и ее тетка в сопровождении своего поверенного в делах Боде, который принадлежал к числу старых гамбургских знакомых Гердера. Для высшего веймарского общества это было очень приятное приобретение. Молодая женщина была одарена привлекательной наружностью, но была еще более привлекательна живостью своего ума. У нее были черные выразительные глаза, а то, что было искусственного и натянутого в ее обхождении, имело внешний вид наивности и естественности. Она не была лишена некоторых поэтических дарований, охотно занималась изучением иностранных языков и особенно любила английский язык. Но всего более она отличалась «грацией лукавства» и способностью во всем подмечать смешную сторону². Живости ее ума соответствовала и пылкость ее сердца. Она не могла жить без какой-нибудь страстной привязанности и беспрестанно переходила от одной сердечной связи к другой. На более хладнокровных наблюдателей она производила впечатление женщины, склонной к чувственным наслаждениям, и кокетки. Одним из таких наблюдателей был Шиллер, познакомившийся с ней уже в то время, когда ей было тридцать два года. Он описывал ее своему другу Кёрнеру³ в следующих выражениях: «Это — изящное, лукавое, вкрадчивое существо, не лишен-

¹ Сравн. касательно биографических указаний статью Дюнцера «Zwei Bekehrte» (с. 281 и сл.), содержание которой извлечено большей частью из ненапечатанных писем. Изложенные там документы касательно сердечной привязанности Гердера дополнены содержанием других документов, доставленных мне А. Шёллем. Именно из этих последних мы извлекли самые интересные указания.

² На эту черту характера указывает Шарлотта Кальб; *Palleske. Charlotte*. С. 161, 180.

³ 12 июня 1788 г.; см. переписку с Кёрнером (I, 308); также сравн.: I, 173; 2-е изд. I, 198 и 112.

ное ума и даже гениальности; это — нечто вроде поэтессы; я сам видел некоторые довольно красивые образчики ее поэтических дарований; при этом она очень кокетливая и страстная женщина; иначе говоря, это такое чувственно-духовное существо, с которым нет возможности скучать. Вместе с тем она отличается такими деликатными и изящными манерами, которые всякому нравятся и нравились бы еще больше, если бы она не обнаруживала слишком ясно своего старания пленять сердца и не прибегала с этой целью к разным искусственным средствам и к лести».

Гердер не принадлежал к числу таких хладнокровных наблюдателей. Он очень скоро сошелся с новоприезжей и очень скоро пленился ее прелестями. Она выразила желание учиться у него греческому языку, для того чтобы быть в состоянии читать в подлиннике произведения Анакреона; это, конечно, было лучшее средство завладеть его сердцем — ведь он так охотно давал уроки и так любил греческих писателей! До нас дошло немало записочек, в которых она приглашала Гердера на уроки греческого языка; он со своей стороны «горячо желает» скорей прсечь Анакреона; он поощряет ее прилежно изучать «изящные грамматические правила о склонениях и спряжениях» и обращается к ней с ласковыми словами χαῖρε ἑρασμίη πελεῖα. В ее юношеской жажде знания и в ее умственной живости он видит нравственную чистоту и совершенство; этим-то она и обворожила и самого Гердера, и Каролину. Посылая ей для чтения трагедию английского писателя Рау «Прелестная грешница», он называет ее «милой праведницей, одной из тех праведниц, которые не нуждаются в покаянии»; и Каролина называет ее «милой простодушной женщиной» и своей сестрой. Из Ильменау, где Гердер провел летом 1780 г. несколько недель для отдыха, он постоянно переписывался с ней, а нежные имена, которыми он ее называл, ясно доказывают, что с мыслью о ней соединялись в его уме понятия о привлекательности, сердечной доброте и невинности. Она для него «образец доброты и любви» и «невинный ангел», и ему приятно на душе, когда он вдали от нее припоминает черты ее «веселого и привлекательного лица». Еще осенью 1778 г. он послал ей только что оконченные «Песни любви» и, как кажется, вместе с посвящением на греческом языке. Нежная чувствительность, с которой он теперь собирает «цветки из греческой антологии», находится в близком родстве с той чувствительностью, которая заставляет его называть г-жу Шардт цветком. И общество, среди которого он жил в то время, поддерживало в нем вле-

чение к поэзии. После отъезда принца Константина и Кнебеля из Тифурта все стали собираться у герцогини Амалии, а памятником остроумных забав, которыми занимались в этом кружке, служит тот рукописный журнал, в котором принимали литературное участие даже дилетанты. К числу членов этого кружка принадлежала и София Шардт. Она поместила в тифуртском журнале стихотворение «Воспоминание», написанное в тоне гердеровских стихотворений, и переведенный ею сонет Петрарки. В том же журнале появились первые из тех нежных гердеровских стихотворений, которые получили от своего автора название «Парамифий». Эти поэтические произведения, по-видимому, были написаны в честь маленькой гречанки, отличавшейся таким привлекательным простодушием. А из предисловия к первому сборнику «Разбросанных листков» положительно видно, что они были написаны под влиянием избранного тифуртского общества, точно так же как и диалог, в котором Аполлон разрешает спор между музой живописи и музой музыкального искусства. Когда Гердер читал вслух в немногочисленном обществе свои переводы из Антологии, г-жа Шардт часто принадлежала к числу слушателей, и даже к числу его любимых слушателей; она присутствовала вместе с г-жой Вертер на тех собраниях, перед которыми Гердер читал бенцлеровский перевод Петрарки, и не кому другому, как Гердеру она отдавала на просмотр свои собственные переводы стихотворений Петрарки или английских поэтов. Он принимал от нее подарки, свидетельствовавшие об изяществе ее вкуса, а сам отдаривался какими-нибудь поэтическими произведениями. Это были то чувствительные, то юмористические стихотворения, в которых он поздравлял ее с каким-нибудь наступающим праздником. Его письма к г-же Шардт как будто невольно принимают стихотворную форму, в которой его сочувствие к этой «сестре и другу» выражается еще яснее, чем в письмах, написанных прозой. Он, очевидно, старается приискивать для нее самые нежные ласковые названия — точно будто он сам хочет себя уверить, что она внушила ему не сильную привязанность, а лишь нужное сочувствие, в котором нет ничего безнравственного. Их сближению много способствовало то обстоятельство, что г-жа Шардт была неоднократно обманута в своей надежде сделаться матерью и что в этих случаях она находила утешение в сердечном участии Гердера. Она отплатила ему за это участие тем, что ухаживала за ним во время его болезни и в то время, как он находился в болезненном душевном настроении. За это она получила изъявления признательности от Каролины,

которая писала ей: я никогда не позабуду тех услуг, которые вы оказали моему мужу и, стало быть, также мне. В своих записочках к г-же Шардт Гердер иногда прибегал к таким выражениям глубокого уважения, с какими можно обращаться только к святой женщине; например, он писал ей: «Поверьте мне, что я люблю вас такой же чистой и искренней любовью, как дневной свет и невидимый небесный эфир!» Однако к этим признаниям примешиваются и признания другого рода, в которых проглядывает сознание Гердера, что настроенная на такой высокий тон чувствительность угрожает их сердцам серьезной опасностью. Ведь уже прежде того он обращался к ней с такими словами: «Будем тщательно следить за самими собой, для того чтобы наша чувствительность не нарушила чистоту нашей взаимной привязанности»; а теперь между ними стали случаться такие сцены, которые встревожили его еще более прежнего и заставили его быть еще более прежнего осторожным.

В конце апреля 1783 г. Гердер был вынужден куда-нибудь переселиться из своей квартиры, для того чтобы не заразиться оспой, которой заболели трое его детей¹. Он нашел для себя на короткое время пристанище, как кажется, именно в доме г-жи Шардт, откуда предполагал предпринять продолжительное путешествие ради отдыха. Это ясно видно из записочки, которую он написал г-же Шардт 26 апреля рано утром в ожидании, что с наступлением дня снова с ней увидится, и с целью предохранить себя от упреков с ее стороны. «Я должен высказать все, что лежит у меня на сердце, и взяться за перо, чтобы писать тебе, дорогая ангельская сестра, священный, прелестный, невинный цветок! Посмотрим, каково наше теперешнее положение. Мы любим друг друга горячо, даже слишком горячо, как бы мы ни старались это скрывать. Я глубоко сознаю, что люблю тебя, как мою родную сестру, а ты любишь меня в тысячу раз более нежной, чистой любовью; я вижу все, что делается в твоём сердце. Но мы не без человеческих слабостей, а прелестный цветок нашей дружбы и вечной любви должен всегда цвести под утренней росой». — «Благодарю Бога! я снова бодр душой! Мое сердце протестует против моих заблуждений, а небо прощает их мне. Ты также простишь их; в этом служит мне порукой твоя правдивость. С тобой можно говорить о чувствах, как с ангелом, и о нравственном долге, как с мужчиной. Это служит для меня утешением — иначе я ни в чем не мог бы найти утешения. Не отве-

¹ С, I, 86, прим. 2.

чай мне на все, что я пишу; прими благосклонно мои признания и явись передо мной такой же веселой, как утренняя заря... С этих пор ты будешь для меня сестрой, т. е. олицетворением самой святой и ненарушимой дружбы». Таковы были начало и окончание того письма, которое было обречено Гердером на сожжение и в котором наряду с безупречными чувствами проглядывает нечто, напоминающее нам «Новую Элоизу». Из приведенных выше выражений ясно видно, какая происходила в душе Гердера борьба между его пылкой страстью и сознанием нравственного долга. После того как он принес такое покаяние перед «священным алтарем у ног» своей возлюбленной, он с чистой совестью снова стал наслаждаться счастьем, которое находил в ее любви. Ее «детская душа» сделала этого серьезного человека чем-то похожим на ребенка. Так, в день своего отъезда он пишет ей в шутовском тоне записочку, в которой благодарит ее за ее любовь и высказывает надежду скоро снова сойтись на каком-нибудь «зеленом лужке». И г-жа Шардт собиралась в то время вместе со своим мужем к отъезду в Гольштинию; Гердер надеялся встретиться с ней если не в Гамбурге, который был конечной целью его путешествия, то дорогой — в Гальберштадте или в Бланкенбурге. Поэтому он остановился на некоторое время в Гальберштадте в ожидании г-жи Шардт, которая выехала после него из Веймара. Но ее отъезд замедлился по причине холодной погоды, и нетерпение, с которым ожидал ее Гердер, стало усиливаться. Немедленно после прибытия в дом своего друга Глейма Гердер послал ей 4 мая письмо. Получив от нее свежие известия, он снова писал ей 12 мая: «Я ждал вас с таким нетерпением, с каким ни один любовник не в состоянии ожидать свою любовницу». Действительно, те письма, которые Гердер писал женихом к своей невесте, далеко не так пылки и страстны, как его письма к г-же Шардт. «Не следует, — читаем далее, — так горячо любить друг друга. Во время путешествия нужно быть свободным, как птица на ветке, а именно тогда наша душа предается самым милым мечтам, для того чтобы вводить себя в обман. Сегодня утром я видел вас во сне, но не могу описать вам этого сна; он был для меня извещением о вашем скором приезде. Затем я получаю ваше письмо! Если бы я был благоразумен, я сегодня же уехал бы отсюда, но я еще сам не знаю, что буду делать...» Наконец он получает из Веймара известие, что день отъезда г-жи Шардт уже назначен. Тогда он снова берется за прерванное письмо. «Какая радость!» — восклицает он, и его строки сами собой превращаются в стихи, в которых он описывает тоном пастушеской идил-

лии ожидаемое радостное, свидание на «зеленом лугу, где пасутся стада»:

O wie hüpfet das Herz mir, Unschuldswesen,
Deine kleine geliebte Spur zu treten,
Noch einmal vor'm Scheiden den kuß woll Kühle,
Voll von erquickendem Thau
Sanft Dir zu entküssen...¹

Они наконец свиделись, но, как кажется, не в Гальберштадте, а в Бланкенбурге, куда Гердер переехал из Гальберштадта. Записочка, написанная Гердером если не перед отъездом из Веймара, то в последние дни его пребывания в Бланкенбурге, служит новым свидетельством мечтательности, которой предавался в то время этот серьезный человек с увлечением юноши: «Милый, прелестный ангел, я хочу перед отъездом сказать тебе еще несколько слов! Я прощаюсь с тобой, единственная, дорогая моему сердцу, сестра! Моя душа привязана к тебе любовью, мое сердце обожает тебя: для меня открылся такой источник нежных чувств, который может иссякнуть только с моей смертью. Прощай, ангел невинности, искренней сердечности и невыразимых небесных чувств. Эти чувства блещут из твоих глаз, слышатся в твоей легкой поступи, в биении твоего сердца, в каждом нежном слове, которое исходит из твоих уст. Будь всегда со мной, милый ангел, и люби меня. Здесь твоя пастушеская дорожная сумка. Мне хотелось бы, чтобы ты переписала для меня некоторые из находящихся в ней бумаг или подарила бы их мне...»

Очевидно, не одной только живостью характера г-жа Шардт привлекала к себе Гердера, который так легко впадал в мрачное настроение духа. Он нашел в своей жене — как сам постоянно в том сознавался — самую верную утешительницу в своих заботах, а в своей привлекательной подруге он находил развлечение от этих забот и вместе с тем противовес против тяжелых условий своей житейской обстановки. Поэтому он бессознательно придавал кокетливой прелестнице такие идеальные качества, каких у ней вовсе не было. Он приписывал ей такие же чувства, какие находил в своем собственном сердце, а чем-то вроде платонической мечтательности он заглушал то впечатление, которое производила на него чувственная натура г-жи Шардт. Своей кокетливой манерой то привлекать к себе мужчин, то отталкивать их

¹ О, невинное создание! Как сильно бьется мое сердце при мысли, что я снова буду ходить по следам твоих милых маленьких ножек, а перед расставаньем снова получу с твоих уст поцелуй, который освежает и услаждает душу, подобно утренней росе.

от себя эта женщина еще усиливала то очарование, которым привязывала их к себе. Как бы то ни было, а сердечное увлечение Гердера устояло гораздо долее, чем можно бы было ожидать при свойственном г-же Шардт непостоянстве, — хотя оно и не всегда было так же сильно, как в начале 80-х годов. В письме, которое он послал ей в июле 1788 г. в Карлсбад, он называет ее «милой маленькой Психеей», *Donna suavissima, spirito gentil, alma cara*, и другими подобными ласковыми именами, которые напоминают его прежние страстные признания в любви; дружеские отношения между ними не прекращались, и он не переставал выражать ей свою привязанность в нежных стихах. Даже в сорок восьмом письме «О гуманизме» — когда он по поводу современных политических событий подсмеивался над ней как над аристократкой — он публично выразил ей свою преданность, а она со своей стороны давала в начале 90-х годов уроки французского языка его дочери Луизе. Хотя в то время он и стал обращаться к ней с менее нежными названиями, но его привязанность к ней не прекратилась даже после того, как ему пришлось пережить очень прискорбное разочарование. Мы не в состоянии подробно рассказать, когда и как это случилось, но до нас дошел очень интересный документ, который знакомит нас с тем, что происходило в душе Гердера, когда он убедился, что его страстная привязанность к г-же Шардт была основана на иллюзии. Ему было крайне неприятно, что г-жа Шардт пришла в восторг от самого ненадежного из всех святых людей, от Захарии Вернера, стала поверять ему свои сердечные тайны и наконец стала искать для своего страстного сердца спокойствия в католицизме; но он был очень огорчен и встревожен, когда узнал, что женщина, которую он считал такой простодушной и безупречной, могла сделаться по меньшей мере сумасбродной. Тогда он обратился к ней не с выражениями восторженной преданности, а со строгими отеческими увещаниями. Он писал ей с «горечью на сердце», что в последний раз называет ее «милой сестрой». Он, ничем не стесняясь, указывал ей на ее фальшивое положение и на ее безрассудства. В глазах публики — таковы его собственные выражения — ее дом со всех сторон в пламени, а это зрелище радуется ее недоброжелателей. Ведь она завела дружбу и переписку с таким человеком, который открыто ненавидел и презирал ее мужа. Ничтожество ее нового друга не подлежало никакому сомнению, как бы ни старались прикрывать его разными прикрасами. Он был так же низок характером, как был беден умом. Он постоянно старался пленять сердца, для того чтобы потом унижать

тех, кто сделали себя жертвами соблазна. «До сих пор он пробовал свое счастье над крайне ничтожными людьми; а теперь ему захотелось низвести до его уровня и погубить более изящное существо, принадлежащее к иному разряду людей и по своему уму, и по своему нежному сердцу... Не знаю, какая счастливая случайность могла бы спасти вас; это было бы такое счастье, какого еще никто не видывал, с тех пор как существует мир. Намерение исправить и облагородить этого недостойного человека было бы безрассудным и смешным!.. Все женские попытки исправить любовников такого рода кончались комическими фарсами или трагедиями». Вслед за этим Гердер настоятельно советует г-же Шардт как можно скорее, но с большой осмотрительностью, прервать ее связь с Вернером. Он не хочет слышать никаких возражений и оканчивает свое письмо следующими словами: «Прощай, милая, нежная душа, которую небо украсило такой привлекательной невинностью и добротой и, как я до сих пор думал, также любовью к правде — и которая теперь брошена на улице! Но она загладит прошлое и снова расцветет в утренней заре своей невинности, чистоты и искренности — иначе это была бы в моей жизни первая женщина, которую я никогда не желал бы видеть... Еще раз прощайте и да сохранит вас Бог!»

И эти последние слова, и все содержание письма еще раз доказывают нам, что привязанность Гердера была для него и источником наслаждений, и причиной сильных душевных тревог. Из всех сердечных связей, которые он заводил с женщинами и до, и после своего вступления в брак с Каролиной, связь с г-жой Шардт более всех других носила на себе эротический отпечаток. Он вообще от природы чувствовал сильное влечение к женскому полу и со своей стороны внушал такое же влечение. В его натуре было нечто похожее на женскую чувствительность и впечатлительность, хотя он и стоял выше женщин шириной и возвышенностью своего ума. Мягкие черты его характера, отражавшиеся и в его голосе, и в его обхождении, нравились женщинам, а осмотрительность его суждений и благородство его манер в связи с тем авторитетом, который придавало ему его общественное положение, производили на женщин чарующее впечатление. При его способности глубоко всматриваться в чужое душевное состояние ему было от природы суждено сделаться поверенным и руководителем женщин. Его беседа приводила в восторг его слушательниц, а его проповеди служили для них назиданием. Но он не только внушал нежные чувства, а также сам увлекался ими. Если Тереза Гейне мечтала о нем как о самом привлекательном из всех

знакомых ей мужчин, то и он со своей стороны питал к графине Марии привязанность, доходившую до обожания, и относился к герцогине Луизе с восторженной преданностью. На него производила неотразимое чарующее впечатление безукоризненная нравственность, соединяющаяся с привлекательной наружностью, ему нравились кротость, благородство и чистота женского сердца. Между тем как достоинства мужчин вызывали с его стороны возражения и возбуждали в нем сознание его собственного превосходства до такой степени, что вовлекали его в юмористические и саркастические выходки, — напротив того, он охотно отдавал справедливость женским достоинствам, которые не возбуждали в нем ни соревнования, ни каких-либо сомнений насчет его личных превосходств. Он преклонялся перед женщинами, потому что и они преклонялись перед ним и потому что ласковые выражения их сочувствия не мешали ему держать себя с достоинством педагога и духовного наставника.

Некоторые из таких сердечных привязанностей возникли еще в Бюкебурге. Те благочестивые люди, которым была дорога память умершей графини Липпе-Шаумбургской, постоянно обменивались письмами с другом и духовником покойной. С Гердером переписывались и графиня Элеонора Бентгейм-Штейнфурт до своей помолвки с графом Бюдингеном, и княгиня Генриетта Ангальт-Дессауская до 1779 г.¹ Эта последняя сообщала ему и о своих воспоминаниях об умершей подруге, и о своем сочувствии к Кауфманну, в котором она сначала видела «любимца и избранника Божия», и о своей тревожной супружеской жизни, и о своих домашних делах, и о своих материнских заботах и обязанностях, и вообще обо всем, что шевелилось в глубине ее благочестивой и твердой души; а из ее писем видно, что Гердер отвечал на ее доверие выражениями искреннего сочувствия, духовными утешениями и практическими советами.

Вслед за этими связями, сильно отзывавшимися пиетизмом, возникли после переезда Гердера в Веймар и такие связи, в которых пиетизм не играл никакой роли. Своему другу Циммерману и своим ганноверским связям Гердер был обязан знакомством с эксцентричной г-жой Берлепш, урожденной Оппель². Осенью

¹ Шесть писем графини Элеоноры и восемь писем княгини Генриетты, написанные в промежуток времени от 1776 до 1779 г., находятся у меня в подлинниках.

² То, что следует далее, извлечено из находящихся у меня многочисленных писем г-жи Берлепш, из которых первое помечено 29 окт. 1777 г., последнее — 10 дек. 1801 г.

1777 г. эта дама приехала в Веймар вместе со своим мужем, состоявшим на ганноверской службе¹; она была очарована Гердером и так подружилась с ним и со всем его семейством, что он стал знакомить ее с содержанием своих новых сочинений и просил ее быть крестной матерью его новорожденной дочери. Эти дружеские отношения поддерживались неоднократно приездами г-жи Берлепш в Веймар и ее перепиской с Гердером, которая была особенно оживленной в начале 80-х годов. Г-жа Берлепш искала утешений в дружбе Гердера и во время своей болезни, и во время разных семейных огорчений, и во время своей размолвки с мужем. Он был для нее «всем тем, чем могут быть люди друг для друга», — как она сама выражалась после того, как провела в доме Гердера осень 1781 г. Она постоянно обращалась за советами к своему другу, которого называла своим ангелом-хранителем и добрым гением; она откровенно поверяла ему все свои сердечные тайны и несбыточные мечты. С 1782 г. она стала заниматься литературой и писать стихи; она надеялась, что Гердер отрекомендует публике ее сочинения, потому что она была его ученицей — как сама себя называла. Действительно, в ее бессодержательной и напыщенной фразеологии есть что-то напоминающее и мысли Гердера, и его способ выражения; в особенности ее «*Dichtungen aus der Unschuldswelt und Fabellehre*» имеют некоторое сходство с «Парамифиями». И в более позднюю пору ее жизни, после того как она развелась со своим мужем, она поддерживала дружеские и литературные сношения со своим дорогим наставником. Она написала высокопарное стихотворение по случаю возвращения Гердера из Италии. Так как она нигде не находила душевного покоя, то иногда приезжала искать его в Веймаре в доме Гердера. Зимой 1790/91 г. она принадлежала к небольшому кружку, собиравшемуся у герцогини Амалии; тогда она любила читать вслух, и Гердер хвалил ее приятный голос. В Веймаре она познакомилась с шотландцем Макдональдом, которого потом посетила в Эдинбурге, для того чтобы испытать новое разочарование. Описание своей поездки в Шотландию, которое впоследствии появилось в печати под заглавием «Каледония», она сообщила еще в 1801 г. автору «Адрастеи» и была порадована сделанным в «Адрастее» указанием на эти «интересные заметки о местных нравах» и на разбросанные в них переводы разных отрывков из Оссиана. В судьбе г-жи Берлепш наконец совершилась перемена к лучшему. Она вышла второй раз

¹ Циммерман к Гердеру 26 окт. 1777 г. (А, II, 377).

замуж и в своих последних письмах к Гердеру описывала свое домашнее счастье. Каким неизменным, терпеливым и снисходительным другом был для нее Гердер, видно из ее собственных слов; она сама благодарила его за то, что он защищал ее от внушенных злобой «нелепых светских пересудов», несмотря на ее прежние «безрассудства» и на «тревожное состояние ее души».

Совершенно иного рода было доверие, с которым относилась к Гердеру супруга готского министра, г-жа Франкенберг; эта женщина была так же несчастна, как г-жа Берлепш, но выносила свое горе с большей кротостью. Она была «добросердечна, привязчива, как ребенок, очень сдержанна в своем поведении и была похожа на несчастного ангела» — так отзывался о ней сам Гердер в одном из своих писем к Каролине. Гердер познакомился с г-ном и с г-жой Франкенберг в Готе весной 1777 г. на возвратном пути из Пирмона¹. Немедленно вслед за тем он вступил в переписку с этой разумной, высокообразованной женщиной; но, к сожалению, до нас дошли лишь немногие из ее рукописей, заключающих в себе разные стихотворения и остроумные заметки о гердеровских сочинениях. До какой степени была сильна и искренна привязанность Гердера к г-же Франкенберг, видно из писем, которые писала Каролина своему мужу во время его поездки в Италию². В этих письмах иногда проглядывает нечто похожее на ревность; но после того как Каролина убедилась в неосновательности своих подозрений, она писала своему мужу: «Я очень хорошо понимаю, что эта женщина не может жить без тебя. Будь же для нее тем, чем можешь! Мне нередко кажется, что она имеет большое сходство с бюкебургской графиней». Впрочем, и сама Каролина принимала некоторую долю участия в сердечных привязанностях своего мужа — так, она относилась к г-же Франкенберг с безусловным доверием во время тяжелого кризиса, вызванного в 1795 г. разрывом с Гёте.

Такой же нежностью, искренностью и обоюдным уважением отличались отношения Гердера к г-же Диде, которая была дочерью графа Калленберга и супругой датского тайного советника и посланника в Регенсбурге барона Диде³. Эта дружеская связь, возникшая в начале апреля 1781 г. в Веймаре, поддерживалась пребыванием баронессы в Веймаре в 1782, 1788 и 1800 гг. и ин-

¹ Принц Август Готский к Гердеру 29 окт. 1777 г.; Воспоминания. II, 229.

² В, 27, 34, 55.

³ То, что следует, извлечено из сохранившихся в подлинниках многочисленных писем г-жи Диде к Гердеру и из некоторых писем самого Гердера.

тересом, который возбуждала в ней поездка Гердера в Италию; она прекратилась лишь за несколько месяцев до смерти баронессы. Эта дама была, по свидетельству ее мужа, одарена всеми теми достоинствами, которые составляли, по мнению Гердера, главное украшение женщин — красивым телосложением, грацией в манере себя держать, благородным приличием и привлекательностью разговора, здравомыслием, безупречной душевной чистотой, не допускавшей «даже никаких безнравственных помыслов», глубоким непритворным благочестием и сердечной добротой. Кроме того, она была одарена музыкальными способностями, а это обстоятельство немало усиливало то чарующее впечатление, которое она производила на Гердера. Одно из своих писем, написанное к ней незадолго перед отъездом в Италию, он оканчивал следующими словами: «Целую с самым нежным чувством уважения и любви вашу дружескую руку, которая умеет извлекать из струн такие приятные звуки». Через тринадцать лет после того он писал ей в ответ на ее отзыв о первой части «Адрастеи»: «Вы хвалите меня с такой же сердечной теплотой, с какой извлекаете звуки из струнных инструментов; мне кажется, что я слышу концерт, в котором узнаю Цецилию». Эти нежные слова, сказанные «без малейшей лести», доказывают нам, как сильно было влияние, которое производил этот удивительный человек на нежные женские натуры.

Из всего сказанного видно, что кружок почитательниц Гердера не ограничивался веймарскими знакомствами. Но и в этом отношении Гердер нашел в Веймаре гораздо более того, что мог ему доставить Бюкебург. К притягательной силе герцогского двора присоединялась притягательная сила тех знаменитостей, которых собирал у себя молодой герцог. В Веймар беспрестанно приезжали знатные или чем-нибудь прославившиеся иностранцы; они вносили в местную жизнь оживление, которое иногда надоедало Гердеру, а иногда служило для него развлечением и возбуждало его к умственной деятельности. В числе гостей, всего чаще приезжавших в Веймар около того времени, когда переселился туда Гердер, и встречавших самый любезный прием, находился эрфуртский наместник Карл Дальберг¹. Этот образованный человек уже давно был близко знаком с сочинениями Гердера, а своими похвалами уму и дарованиям автора содействовал его назначению в Веймар². Теперь между ними очень ско-

¹ См.: *Beaulieu-Marconnay*. Karl von Dalberg.

² Гёте к Гердеру 2 янв. 1776 г. (А, I, 55).

ро завязались личные сношения, а вслед за устными беседами, происходившими то в Веймаре, то в Эрфурте, между ними завязалась очень оживленная переписка, продолжавшаяся с января 1777 г. до мая 1781 г.¹; они стали сообщать друг другу свои философские и религиозные убеждения. Несмотря на то что Дальберг не одобрял гипотез, которые находил в «Древнейшем документе», это сочинение очень нравилось ему оригинальностью воззрений, горячностью чувств и религиозным направлением. Даже различие вероисповеданий не только не препятствовало сближению этих двух людей, а, напротив того, внушало им желание обсуждать самые важные для человечества вопросы с противоположных точек зрения и доискиваться в противоречивых убеждениях общих основных принципов. Оба они признавали свободу мнений, а Дальберг относился к умственным превосходствам Гердера как ученик, сильно жаждущий знаний. Он смотрел на непогрешимую церковь не как на политическую ассоциацию, а как на плод компромисса между различно мыслящими и различно чувствующими христианами; поэтому он и в философских вопросах считал обмен противоположных воззрений за средство к соглашению. Именно в то время его занимали размышления о вселенной, которые были изданы им в 1777 г. под заглавием «Betrachtungen über das Universum». Это были остроумные, но изложенные без всякой методы мечтания, свидетельствовавшие о христианском благочестии автора и — как основательно заметил Мерк — напоминавшие сочинения Гемстергюи. Придерживаясь основных положений Лейбница, Дальберг усматривал во всей системе мироздания один общий закон и считал любовь за основу той внутренней связи, которая соединяет все, что существует, в одно целое. Только в человеке Дальберг усматривал стремление нарушить цельность системы мироздания — усматривал свойственное ему со времени грехопадения высокомерие; он полагал, что противодействием против этой человеческой слабости служит божеская благодать, обнаружившаяся в пришествии Христа и в спасительных церковных учреждениях — в христианских таинствах, в поклонении святым и т. д., и что приверженцы различных религиозных верований должны в конце концов возвратиться в материнское лоно католической церкви. Дальберг отрывками сообщал эти размышления Гердеру, в котором они возбудили сильный интерес².

¹ Эта переписка издана Дюнцером (С, III, 245 и сл.).

² Еще в одном примечании к своему «Gott» (с. 233 1-го изд., с. 273 2-го изд.) Гердер делает ссылки на сочинение Дальберга.

Самые веские из своих возражений Гердер изложил в той статье, которая помещена в полном собрании его сочинений под следующим заглавием: «О природной склонности человека ко лжи»¹. Он, подобно Дальбергу, старается подвести все явления и физического мира, и духовного под одну точку зрения; исторические события и духовную жизнь человека он объясняет естественными законами, а в явлениях природы он усматривает нравственный закон. Но воззрениям своего католического друга он противопоставляет более глубокомысленные воззрения протестанта. Дальберг говорит, что в мироздании все основано на правде, только в человеке обнаружилась склонность ко лжи, а Гердер доказывает, что точно такие же противоречия, какие мы усматриваем в человеческой натуре, заметны во всем мироздании, но в этом последнем они в силу высшего положительного закона сводятся в одно гармоническое целое. Эти противоречия всего более заметны, по мнению Гердера, в человеке, потому что человеку суждено подчиняться положительному закону Божию путем свободы, между тем как планеты вертятся вокруг солнца в силу ненарушимого закона природы. Грехопадением человек нарушил божеский план, для исполнения которого был создан, но благодаря божеской благодати и пришествию Христа он возвращается на указанный Богом путь, постоянно стараясь заглушать в себе самолюбивую гордость. Его постоянная задача заключается в том, чтобы стремиться к более возвышенному существованию и посредством истинной свободы заглушать в себе ложное высокомерие и стремления к ложной свободе. Таков закон христианства, господствующий во всем мироздании — *lex contrariorum, divergentia in unum redacta*. Здесь яснее, чем в котором-либо из более ранних произведений Гердера, изложены его теологические и философские воззрения; здесь он облек в определенную форму и мнения, заимствованные от Лейбница, и то, в чем он сочувствовал Спинозе, и внушенное ему Гаманом отвращение к рационализму, и те идеи, при посредстве которых он старался примирить философию с мистицизмом. Статья, о которой здесь идет речь, имеет связь, с одной стороны, с теми сочинениями, которые он писал в Бюкебурге, а с другой стороны, с его позднейшими историко-философскими и теологическими сочинениями.

¹ SW в отделе философии. XV, 357 и сл. — В гемпелевском издании сочинений Гердера (XVII, 457 и сл.) приведена следующая надпись, верно указывающая, что побудило Гердера написать эту статью: «Zu K. v. Dalbergs — Betrachtungen über das Universum».

Гердеру приходилось приноравливаться к самым разнообразным людям и к самым разнообразным убеждениям и что-нибудь заимствовать от тех и от других; этим и объясняется, почему в его собственных убеждениях иногда обнаруживались колебания из одной стороны в другую. Вскоре после своего переезда в Веймар он близко сошелся с двумя людьми, представлявшими собой резкую противоположность с погруженным в теологические размышления Дальбергом; это были два оригинала, два живших в праздности юмориста, возбудившие в Гердере интерес и нравившиеся ему своим характером.

Август Эйнзидель — младший брат того Фридриха Эйнзиделя, который состоял камергером при герцогине Амалии, — приехал весной или осенью 1777 г. в Веймар и благодаря своим поэтическим дарованиям сумел сделаться необходимым гостем на придворных вечерах. Он в то время намеревался навсегда снять с себя военный мундир, для того чтобы, ничем не стесняясь, удовлетворять свое влечение к серьезным занятиям. Гердер столкнулся с ним в Тифурте, и они очень скоро подружились, потому что предметом любознательности Эйнзиделя были натуральная история, география и этнография, т. е. именно те науки, которыми всего более интересовался Гердер. Это влечение к научным занятиям было главным преимуществом младшего брата перед старшим, но остроумная веселость, добродушие и юмор были, как кажется, наследственными достоинствами обоих братьев. Младший Эйнзидель не любил подчиняться в своем образе жизни никаким стеснениям; поэтому придворная жизнь была ему не по вкусу, а впоследствии оказалось, что он не был в состоянии исполнять никаких служебных обязанностей. Но и в научных занятиях он не любил подчиняться установленным правилам и придерживаться ранее проложенной колеи. Из отцовского поместья он переехал на жительство в Гёттинген, для того чтобы слушать там лекции Кестнера, Бюттнера и Лихтенберга; но ему скоро надоели однообразные приемы университетского преподавания. В этом отношении он встретил сильное сочувствие со стороны Гердера. Этому последнему нравились и оригинальный склад ума, и богатство идей, и наблюдательность самоучки, старавшегося проложить новый путь сквозь возделанные нивы учености, относившегося с недоверием к школьным преданиям и формулам и стремившегося к непреложной истине и ясности идей. Из Гёттингена, а потом из Фрейберга, где он учился у Вернера и получил должность советника по горному ведомству, Эйнзидель неоднократно приезжал в Веймар, в особенности в

промежуток времени между 1780 и 1785 гг. Тогда Гердер с удовольствием просиживал далеко за полночь в разговорах с этим начитанным человеком, особенно хорошо изучившим минералогию и химию, а Эйнзидель сохранял самые приятные воспоминания о тех вечерах, которые проводил в семействе своего друга. Гердер советовал ему не прерывать его служебной карьеры, потому что при богатстве своих познаний он мог приносить большую пользу для общества. Но, несмотря на все увещания, Эйнзидель не был в состоянии выносить иго обязательных занятий. Это было ему так же трудно, как трудно цыганскому табору привыкнуть к оседлой жизни. Действительно, этот человек имел некоторое сходство с цыганами — но он был цыган-философ. Он питал врожденное сочувствие к идеям своего времени и к натуральному евангелию, которое проповедовал Руссо. Но он смотрел на это евангелие не с точки зрения ипохондрика, а с точки зрения веселого юмориста. Увещаниям Гердера он противопоставлял свою философию, пропитанную равнодушием ко всему окружающему. Он горячо отстаивал эти убеждения против возражений самого «угрюмого из всех людей» — так он называл своего веймарского друга. Он утверждал, что все стремления к улучшениям и преобразованиям исходят единственно из скуки и что всех благоразумнее тот, кто надо всем смеется и все обращает в шутку. Однако природная веселость не мешала Эйнзиделю глубоко вдумываться в серьезные вопросы. Он много читал, наблюдал и часто излагал свои собственные идеи. Недовольствуясь изучением естественной истории, он составил себе самостоятельное понятие о древнейшей истории Египта, о египетской хронологии и мифологии и, кроме того, непрерывно занимался исследованием понятий о нравственности. Он, конечно, не придерживался никакой методы в своих занятиях, но у него не было недостатка в поражающих своей оригинальностью идеях. Писать книги он считал за скучное занятие, и многие из начатых им статей остались неоконченными; но не имея никакого желания писать для публики и для рецензентов, которых вполне основательно презирал, он охотно писал для самого себя, для того чтобы отдавать самому себе отчет в своей умственной работе. Он накопил целую массу письменных заметок, из которых составилась целый том, носивший заглавие «Идеи»; это был готовый материал если не для учебного сочинения, то для «Исповеди», вроде той, какую написал Руссо. Эйнзидель не только не скрывал этих заметок от Гердера, но даже предоставил их в его распоряжение; Гердер нашел эти «Идеи» своего друга такими интересными, что стал делать из

них извлечения. Вот почему мы находим в числе мелких произведений Гердера небольшой томик в осьмую долю листа, заключающий в себе извлечения, которые делал Гердер из «Идей» Эйнзиделя в промежуток времени от 1791 до 1797 г. Из этих извлечений видно, чьему влиянию подчинялся ум автора. Наряду с замечаниями о физике, химии, медицине и вообще о естественных науках мы находим здесь размышления о психологии, о педагогике, о морали, о государственном хозяйстве и о политике. Лишь мимоходом автор заглядывает в сферу литературы — ведь он сам заявил Гердеру, что вовсе не компетентен во всем, что касается изящного вкуса. Напротив того, он позволяет себе рассуждать о религиозных вопросах, хотя и сознается, что не питает сильного сочувствия к духовному званию. Ненавидя все, что отзывается религиозной нетерпимостью, он рассуждает как натуралист, для которого христианская догматика не что иное, как «софистическая болтовня». Что всякая религия вредна — для него неоспоримый факт. Причину возникновения религий он усматривает, с одной стороны, в склонности человеческого ума к лени, с другой стороны, в склонности людей к рабской зависимости — в том, что им более приятна зависимость от распоряжающегося по своему личному произволу правителя, чем зависимость от неизменных естественных законов. Он полагает, что самый большой вред исходит от веры в бессмертие души, потому что эта вера мешает человеку понимать его настоящее назначение и умалывает цену земной жизни. С особенной резкостью он нападает на христианское учение; он говорит, что это учение более всего другого содействовало порабощению человеческого ума. Он сравнивает потребность в религии с привычкой к спиртным напиткам; мнимую опасность, с которой сопряжено упразднение религии, он сравнивает с упразднением обыкновения ходить не иначе как на костылях. Но тот, кто бросит в сторону костыли, будет ходить быстрее. Эйнзидель полагает, что если отложат в сторону веру в бессмертие души, то все пойдет лучше, чем теперь, потому что люди будут тогда вынуждены руководствоваться не той обманчивой верой, а своими чувствами. Становясь на эту точку зрения, он надписывает на своем знамени слова *борьба с установленными воззрениями*. Но именно то, что придает его складу ума слишком резкий радикальный отпечаток, делает его радикализм совершенно безвредным. Он полагает, что настоящая задача просвещения — искоренять добытые размышлением убеждения и заменять их чувствами. Религия, нравственные законы, правительство — все это, по его мнению, не что иное, как

костили, необходимые для варваров, но совершенно бесполезные для образованных людей! Политический радикализм Эйнзиделя стоит на одном уровне с его радикализмом религиозным. В его глазах нет ничего более бессмысленного, как считать волю одного человека за закон и полагать, что человек может сделаться законодателем только благодаря своему происхождению. Народ, который живет под тиранией закона, нисколько, по его мнению, не лучше того народа, который выносит тиранию от людей; закон большей частью выражает волю уже умерших людей и потому его обязательная сила еще более достойна осмеяния, чем личный произвол живых людей. Эта ненависть нашего философа к обязательной силе законов заходит так далеко, что даже в признании существования естественных законов он усматривает применение человеческих понятий к природе. При этом его чувства восстают против тяжелой необходимости подчиняться требованиям государственной и деловой жизни. Войну он считает за доказательство варварства; воинственные правители, по его мнению, хуже людоедов, потому что убить человека для того, чтобы его съесть, и более естественно, и более разумно, чем убить его на войне, — а разбойник все-таки лучше солдата, потому что более свободен в своих действиях! Не менее неосновательны воззрения на нравственность, которые истекают из натурализма автора «Идеи». Вопрос, откуда происходят дурные человеческие наклонности, кажется ему таким же бессмысленным, как вопрос, почему на дубе не растет виноград. Право владения ограничивается в его мнении временным пользованием; поэтому он не признает ни права собственности, ни наследственных прав, ни прав супружеских. Он без всяких обвиняков заявляет, что женщина принадлежит тому, кому отдается по собственному выбору, а ее выбор может падать на нескольких мужчин. Иными словами, Эйнзидель проповедует необходимость возврата к натуральным человеческим влечениям, которым противопоставляет «бессодержательные слова». Современную цивилизацию он считает никуда не годной и пророческим тоном возвещает наступление такого века, в котором будет господствовать настоящая цивилизация. Приведем, ради примера, его собственные выражения: «Настанет время, когда исчезнут все позорные заблуждения, которые запятнали наш век, — исчезнут войны, несправедливости, привычка навязывать другим свои собственные мнения, привычка обманывать народ, предрассудки и заблуждения; тогда естествознание будет доведено до такого совершенства, что всякий будет знать, каким способом можно всегда сохранять здо-

ровье; тогда исчезнут всякие неравенства; труд не будет заходить далее того, что поддерживает здоровье и доставляет наслаждение; чувство справедливости достигнет такой утонченности, что люди перестанут увлекаться пристрастием и никогда не будут возводить друг на друга никаких обвинений; тогда исчезнут материальные лишения и нищета; обмен верных суждений будет служить для людей ежедневным наслаждением. Люди не будут знать никаких других бедствий, кроме смерти и каких-нибудь несчастных случаев; смерть будет не чем иным, как прекращением жизни вследствие преклонных лет; предсмертные часы не будут отравлены безрассудным желанием загробной жизни или сожалениями о том, что прошло безвозвратно. Когда начнется такой золотой век, трудно предсказать, потому что мы до сих пор стоим на очень низкой ступени цивилизации; но, может быть, кто-нибудь из нас и доживет до таких важных перемен, которые позволяют с точностью предсказать наступление того золотого века!»

Все эти порицания существующих порядков и человеческого безрассудства завершаются самыми светлыми надеждами на лучшую будущность. Это — те же идеи, которые проповедовались Бэконом и Руссо, но в уме Эйнзиделя они доведены до самых крайних выводов и искажены. Несмотря на то что они были до крайности парадоксальны или, вернее, вследствие того, что они были до крайности парадоксальны, они возбуждали интерес в Гердере, который нередко впадал в такие же преувеличения в свои юношеские годы и в то время, как писал свой дневник путешественника. В хаосе эйнзиделевских идей он находил отзвук своих собственных юношеских мечтаний и даже в ту пору своей жизни, о которой здесь идет речь, сочувствовал некоторым из радикальных воззрений Эйнзиделя — сочувствовал его презрению к «бессодержательным словам», его порицанию университетского преподавания, его протесту против множества негуманных законов, которые считаются необходимыми для поддержания существующего общественного строя. Его привлекали идеи Эйнзиделя своей натуральной свежестью, но он был в состоянии очистить их от всякой негодной примеси благодаря чистоте своего сердца, глубине своих религиозных убеждений и в особенности своим историческим познаниям. Подобно тому как богатая содержанием мистика Гамана, в которой также было немало разной грязной примеси, превратилась в обильный источник его собственных идей, и более грубая философия ни во что не веровавшего Эйнзиделя усиливала в нем желание доискаться истины.

Идеи Эйнзиделя оказали ему точно такую же услугу, какую оказало Лессингу ненапечатанное сочинение Реймаруса, и он готов был вступить за некоторые из этих идей, подобно тому как Лессинг вступился за «Волфенбюттельские отрывки». Даже то, что отзывалось у Эйнзиделя чрезмерной резкостью и сумасбродством, вовсе не было искусственной натяжкой, а исходило из горячего влечения к истине. Впрочем, Эйнзидель как человек был гораздо лучше своих философских воззрений: он был добродушен, привязчив и на его дружескую преданность можно было вполне полагаться.

Сочувствие Гердера к этому странному человеку не раз подвергалось тяжелым испытаниям. Эйнзидель уже давно помышлял о поездке в Африку и не скрывал этого намерения от своего друга. Ему хотелось побывать в такой стране, где он мог бы стряхнуть с себя оковы тогдашней ненавистной цивилизации и где имел бы дело с «простодушными, беззаботными людьми, не желающими ни повелевать ни исполнять чужую волю», — потому что там он мог бы играть первую роль. После многолетних колебаний Эйнзидель наконец приступил к исполнению своего замысла. Весной 1785 г. он отправился в путь вместе с двумя такими же, как он сам, отважными братьями и вместе со своей любовницей г-жой Вертер, которую обманом похитил у мужа. Но он не поехал далее Туниса; после того как он провел в этом городе одно лето и одну зиму, там стала распространяться моровая язва, которая заставила его отказаться от предполагаемой дальнейшей поездки внутрь Африки и возвратиться в Германию через Италию, Швейцарию и южную Францию. Не подлежит сомнению, что Гердер сожалел о безрассудствах своего друга, но это не помешало ему заботиться об участии Эйнзиделя: он постарался доставить этому сумасброду такую должность, на которой он мог бы загладить воспоминания о своем неудавшемся предприятии. Он посоветовал Эйнзиделю искать у французского правительства какой-нибудь должности по горному ведомству, но этот совет был вовсе не по вкусу такому человеку, который не был в состоянии выносить какую-либо зависимость. Эйнзиделю хотелось получить такое место при Берлинской академии, которое давало бы ему хорошее содержание и не требовало усиленных занятий, и он был так наивен, что обратился к Гердеру с просьбой о содействии; но можно бы было биться об заклад, что в случае успеха это дело кончилось бы тем же, чем кончились хлопоты Гердера о доставление Клаудиусу должности в Дармштадте. Гердеру пришла в голову более счастливая

мысль — он стал хлопотать о прикомандировании Эйнзиделя к экспедиции, которую снаряжало в 1784 г. русское правительство для отправки в южные моря с целью открытий; но и эта попытка не удалась. Положение возвратившегося в Веймар Эйнзиделя было крайне неприятно; строгий этикет закрывал ему доступ ко двору, несмотря на то что его брат состоял на службе при герцогине. Но Гердер по-прежнему был убежден, что у Эйнзиделя «верное сердце и редкая душа», поэтому он подал герцогскому двору пример великодушной снисходительности. После девятилетней разлуки он принял возвратившегося Эйнзиделя с прежним дружеским участием, а примеру генерал-суперинтенданта последовал и герцогский двор. Однако и после того Эйнзидель оставался таким же непрактическим философом и мечтателем, каким был прежде. Он не отказался от своих прежних иллюзий, манивших его к берегам Африки, — он надеялся, что после взрыва Французской революции он найдет в Париже «остров блаженства». А высокое мнение, которое составил себе о его дарованиях Гердер, обнаружилось в том факте, что приступая в 1799 г. к изданию нового журнала «Аврора», Гердер надеялся найти в нем полезного сотрудника¹.

Едва ли менее странной, чем дружба с Эйнзиделем, была дружба Гердера с братом герцога готского, принцем Августом. И в том, и в другом случае Гердер совершенно откладывал в сторону свои богословские убеждения, потому что Эйнзидель был еще более радикален, чем Руссо, а принц был безусловным поклонником Вольтера. Хотя принц и называл Гердера своим философски-нравственным духовным отцом, в сочинениях и проповедях которого иногда черпал назидательные поучения, но у него не было никаких задатков для роли искренно верующего христианина. Воспитание принца было до такой степени воспитанием француза, что он не любил сочинения Лессинга за их нападки на то, что считалось изящным вкусом, и не мог простить

¹ См. далее последнюю главу седьмой книги. Все, что нами изложено в тексте, извлечено из дополненных по рукописному экземпляру «Воспоминаний» (II, 226 и сл.), из писем Эйнзиделя к Гердеру (С, II, 343), из Введения, предпосланного Дюнцером к сборнику этих писем, и наконец из упомянутого нами сборника «Идеи» Эйнзиделя. Кроме того, следует сравнить письмо Гердера к Глейму от 13 июня 1784 г. (С, I, 108), Кнебея (Litt. Nachl. II, 301, 250, 318 и С, III, 20 и 23), письма Гердера к Форстеру (А, II, 404—412); Schöll. Письма Гёте к г-же Штейн (III, 163, прим. и 272). Каролина также писала И. Г. Мюллеру 14 окт. 1785 г. о приключениях г-жи Вертер, а 4 февр. 1787 г. о возвращении Эйнзиделя.

автору «Драматургии» ни его старания восстановить его соотечественников против великой нации, ни его нападков на Вольтера. Он держался точки зрения скептического эмпиризма. Он был так далек от всяких мечтаний о наступлении золотого века, что постоянно насмеялся над гердеровским историко-философским оптимизмом. Он не допускал ничего сверхъестественного, отвергал и веру в чудеса, и метафизику, но не касался в своих насмешках морали, которая, по его мнению, должна быть основана на здравом эгоизме — на следующем правиле: «Избегай того, что может причинить вред тебе самому или другим!» Эти убеждения он так откровенно высказывал в письмах к своему другу-богослову, что Гердер отказался от всякой надежды обратить этого еретика на истинный путь. В ответ на присланную ему Гердером кантату принц признавался, что ему «не нравится восточный вкус», а через двадцать лет после того когда он не без интереса прочел речь, произнесенную Гердером по случаю конфирмации наследного принца, он писал Гердеру: «Вы сели на корабль в Яффе, неподалеку от Иерусалима; а я сел на корабль у берегов Франции и все-таки надеюсь прибыть в ту же гавань, в которую вы направляетесь. Il ne faut jamais désespérer de rien». Он усердно читал все сочинения неутомимого Гердера, находил удовольствие в этом чтении, но не сделался оттого «более благоразумным». Он сам это сознавал и высказывал по поводу чтения сочинения Спинозы; гердеровский *Deus optimus maximus* был в его мнению не чем иным, как отвлеченным понятием, из которого он не умел сделать никакого полезного применения; только «Метакритика» и «Каллигона», написанные Гердером в опровержение кантовской критики, показались ему совершенно непроверяемыми по своим основным идеям. Таким образом, эти два друга расходились во всем, что касалось религиозных воззрений и достоверности евангельского повествования, но сходились в своем несочувствии ко всему, что отзывалось схоластикой и трансцендентальной философией. Кроме того, вольтерянца привязывали к автору «Древнейшего документа» литературно-эстетические интересы и взаимные дружеские отношения. Эти узы были так крепки, что не разрывались в течение четверти столетия. Гердер познакомился с принцем в Пирмоне летом 1777 г.; оттуда принц повез в своей карете своего нового друга в Готу. В Веймаре, куда принц приезжал иногда на довольно долгое время, он поддерживал дружеские сношения как с Виландом и Гёте, так и с Гердером; иногда и Гердер приезжал в Готу по настоятельным приглашениям принца. Еще в 1779 г. этот послед-

ний согласился быть крестным отцом у четвертого сына Гердера, Адельберта. Отношения между двумя друзьями были самые непринужденные и искренние. Княжеское достоинство вовсе не было препятствием для обоюдного доверия, потому что принц, при своем просвещенном уме, был совершенно чужд как сословных, так и всяких других предрассудков — ведь он восхищался Французской революцией и потому не одобрял ни сочувствия немецких владетельных князей к французским эмигрантам, ни их старания поддерживать во Франции королевскую власть и аристократию. В сентябре 1792 г. он писал Гердеру, что в переписке со своими друзьями он придерживается обыкновения тех благочестивых кардиналов, которые, плотно затворив двери, вынимают из-под скуфьи *lagrima Christi* и пьют *la salute di Christo*, — точно так и он втихомолку пьет со своими друзьями *la salute della liberta*. Не пользуясь никаким влиянием и не увлекаясь никакими честолюбивыми замыслами, он спокойно жил умственной жизнью для себя и для своих немногочисленных друзей, которых выбирал между самыми достойными и самыми выдающимися людьми. Он обходился с этими друзьями с изысканной вежливостью и любезностью, но вместе с тем скромно признавал их умственное превосходство, подобно доброму «Эпиметею», как его однажды назвал Гёте. Его скромность доходила до того, что он иногда насмехался над самим собой: так, ввиду напряженной умственной деятельности Гердера, он говорил, что содействует достижению великой гуманной цели этого писателя, точно так же как «собака содействует приготовлению большого обеда, помогая повару поворачивать вертел». Ему не трудно было довольствоваться такой скромной ролью, потому что слабое здоровье заставило его с ранней молодости отказаться от всякой служебной карьеры и вести спокойную домашнюю жизнь. Его физические страдания не мешали ему относиться к друзьям с искренним участием и даже не отнимали у него врожденной веселости, которая всего более блистала остроумием именно тогда, когда он чувствовал приближение смерти. Гердер не мог быть взыскательным к такому человеку, который, при своей склонности к безвредным насмешкам, умел так горячо хвалить все хорошее и умел быть неизменно преданным другом. Правда, письма из Готы в Веймар посылались гораздо чаще, чем письма из Веймара в Готу; тем не менее самый усердный из тружеников не переставал поддерживать письменные сношения с тем, кто сам называл себя тунеядцем. Впрочем, это был тунеядец особого рода. Он много читал, любил заниматься литературой и находил удовольствие в сочи-

нении небольших очерков и стихов. Поэтому он в шутку называл себя коллегой Гердера и вовсе не шутя называл себя жалким простофилей, которому недостает твердой воли и который по своей изнеженности и лености не в состоянии ничего сделать толком. Он отдавал Гердеру на просмотр свои поэтические упражнения, а ввиду его скромного сознания, что он был только дилетантом в литературе, Гердер относился к этим упражнениям как самый снисходительный критик. С другой стороны, принц был тем посредником, благодаря которому Гердер знакомился со всем, что было нового во французской литературе. При готском дворе, как известно, зорко следили за всеми событиями в парижском литературном мире; новые сочинения, как появившиеся, так и не появившиеся в печати, получались там вместе с новейшими анекдотами из жизни французских писателей, подобно тому как в других местах получались из Парижа новые моды или лакомства. Для такого любознательного человека, каким был Гердер, неоценимой услугой было то, что ему доставлялись произведения французских писателей и философов, лишь только они появлялись в печати или даже лишь только были доведены до конца в рукописи. Гердер присылал принцу свои собственные сочинения, а принц присылал ему или какую-нибудь еще ненапечатанную статью Дидро, или какое-нибудь редкое или дорогое произведение искусства, или полное собрание сочинений Вольтера¹.

Как ни глубоки и тверды были личные убеждения Гердера, все-таки не подлежит сомнению, что дружеские сношения и обмен мыслей с такими двумя отъявленными вольнодумцами не могли оставаться совершенно бесследными — хотя бы влияние этих людей ограничилось только тем, что Гердер приучился выслушивать их мнения с хладнокровием и беспристрастием. В наших глазах не лишен важного значения уже тот факт, что он в одно и то же время стоял на дружеской ноге и с благочестивым католиком, и с просвещенным ненавистником всех религий, и с

¹ Источником для вышеизложенного служили письма принца к Гердеру, найденные в числе почти двухсот в оставшихся после Гердера бумагах. Все старания отыскать письма самого Гердера остались безуспешными. Черпавший из того же источника, Schöll уже обрисовал личность принца (Im neuen Reich. I, 1021 и сл. Ein Brief Wielands an Goethe); сравн. помещенные там же: Beiträge zur Kenntniß des Herzogthums Altenburg von Hans von Thümmel). Живя в Готе в гостях у принца, Гердер написал к своей жене 30 сент. 1789 г. письмо (С, II, 331; сравн.: *Knebel*. Litt. Nachl. II, 248); о том, что Гердер получил от принца Августа рукописную статью Дидро «Jacques le fataliste», он сам упоминал в мае 1780 г. в письме к Гаману.

поклонником энциклопедистов. Влияние как этих, так и всех других описанных нами связей неизбежно должно было отразиться и на сочинениях нового периода в литературной деятельности Гердера. И сам Гердер ясно сознавал, что он вступал в новую эпоху своей жизни и как человек, и как писатель. Извещая Гарткноха¹ о своих литературных замыслах, он говорил, что все его новые сочинения или все переделки его прежних сочинений будут по своему достоинству и влиянию иметь мало сходства с тем, что он писал до того времени. Что он сам ясно понимал причину такой перемены, видно из его собственных слов: «С тех пор как я живу в Саксонии, увеличилось число и тех людей, которых я знаю, и тех, которые меня знают; с тех пор я сделался и более опытным человеком, и более зрелым, и более энергичным; поэтому мне кажется, что я теперь вступаю в новую эпоху моей жизни».

¹ В сборник Дюнцера не попало то письмо, которое было приложено к рукописи «Воспоминаний» и о котором мы уже упоминали ранее (с. 7, прим. 2).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в 1777—1779 гг.

Прошел целый год, прежде чем Гердер успел до такой степени свыкнуться со своей новой сферой деятельности в Веймаре и со своим новым общественным положением, что был в состоянии снова взяться за литературные проекты. Только осенью 1777 г., после того как он укрепил свое здоровье поездкой в Пирмон, он в только что упомянутом письме к Гарткноху снова заговорил о своем намерении взяться за перо. Его желание исполнить все данные им Гарткноху обещания служит внешней связью между его старыми и новыми литературными произведениями; он хочет довести до конца все, что было лишь начато в Бюкебурге, хочет привести в порядок весь собранный им ранее ученый материал, хочет устранить недостатки своих прежних сочинений посредством переделки этих сочинений для новых изданий. Не довольствуясь исполнением своих служебных обязанностей, произнесением проповедей, составлением докладов и циркуляров, он излагает широкую программу своей будущей литературной деятельности. Он намеревается воспользоваться зимним досугом прежде всего для того, чтобы довести до конца два сочинения, которые он привез с собой из Бюкебурга, подобно «Энею, привезшему с собой своих пенатов»; под этими двумя сочинениями он понимает или «Откровение Иоанна», или «Пластику» и написанную на премию статью о познании и чувствовании¹. Кроме того, он считает своим долгом писать продолжение «Древнейшего документа» и выражает надежду, что, издав три небольшие части этого сочинения, он доведет это предприятие

¹ К «Откровению Иоанна» более, чем к «Пластике», применимо замечание, что одно из этих сочинений уже было в руках у многих; то же можно сказать о замечании, что «самое большое» из этих сочинений почти равняется своим объемом с азбукой. И к сочинению на премию, и к «Пластике» можно отнести выраженное Гердером желание, чтобы имя издателя не было названо, — «хотя это имя, конечно, будет угадано и хотя все мои смоковные листья одинаково плохи».

до конца¹. Он впадает в странное противоречие, когда называет это сочинение «знаменитым древнейшим документом» и в то же время сам сознается, что оно неудобопонятно. Ему, очевидно, более по вкусу другие темы сочинений, в особенности те, которые интересовали его в молодости. Он надеется, что Веймар окажется и для автора, и для издателя таким же удобным центром деятельности, каким была Рига, и что там будут «снова вызваны к жизни „Отрывочные заметки“». Он уже разделяет содержание этих новых «Отрывочных заметок» на четыре части, из которых в первой будет идти речь о восточной литературе, во второй — о греческой, в третьей — о римской, а четвертая часть, «к сожалению, уже появившаяся в печати», будет переделана и будет посвящена немецкому языку. Кроме того, он замышляет переделку и продолжение небольшого сочинения о философии истории и даже новое издание «Провинциальных листков», не говоря уже о сборнике народных песен, для которого он вынужден искать другого издателя.

Эти разнообразные проекты по обыкновению не были приведены в исполнение в том виде, в каком были задуманы. Некоторые из них были надолго отложены в сторону и наконец совершенно позабыты — как например продолжение «Древнейшего документа» и «Провинциальных листков»; некоторые другие были приведены в исполнение или под новыми названиями (как например, продолжение «Отрывочных заметок»), или совершенно новым и более блестящим способом (как например, продолжение «Философии истории»); в то же время к заранее задуманным литературным предприятиям стали примешиваться новые проекты, вызванные или какими-нибудь внешними мотивами, или внутренними влечениями Гердера. Согласно с установленной программой были изданы в течение зимы 1777/78 г. только сочинение «О познании и чувствовании», «Пластика» и первая часть сборника народных песен. Через год после того была издана вторая часть этого сборника и в том же 1779 г. было издано «Откровение Иоанна». В промежутках между этими занятиями трудолюбивый автор находил время писать статьи на академические премии; но, за исключением этих статей и

¹ Так как по первоначальному плану «Древнейший документ» должен был состоять из семи частей, то Гердер еще в октябре 1780 г. писал Георгу Мюллеру о трех недостающих частях; в одной из этих частей должна была идти речь о всемирном потопе и о спасении Ноя, в другой части — о главе X Книги Бытия; третья часть должна была носить заглавие «Summa Summarum» (*Bächtold. Aus dem Herderschen Hause. С. 30*).

некоторых других более мелких, он был занят в начале своей веймарской литературной деятельности лишь изданием своих прежних сочинений. Он доводил до конца то, что было начато им в Бюкебурге, или же заново переделывал прежние сочинения.

Поэтому мы в полном праве рассматривать как принадлежащие к продуктам бюкебургской литературной деятельности изданные им во время пребывания в Веймаре сочинения «О познании и чувствовании» и «*Mağan atha*»¹. А прочие сочинения мы относим к веймарскому периоду, потому что они находятся по своему содержанию в связи с новыми сочинениями, написанными в Веймаре.

І. «Пластика»

В одно время с сочинением «О познании» вышло в свет и сочинение «Пластика», о котором Гердер так часто упоминал в своих письмах к издателю². В течение почти десяти лет оно занимало ум Гердера, но в сущности не получило более широкого развития. Оно было наполовину готово еще в Эйтине, но оставалось неоконченным, потому что автор предполагал дать ему гораздо более широкий объем. В 1773 г. Гердер предупреждал Гарткноха, что это сочинение будет состоять из двух небольших томов³. Он ожидал случая запастись новыми материалами и новыми идеями: одно время он надеялся, что с помощью оставшихся после смерти Винкельмана бумаг он придаст своему сочинению новый интерес; в другой раз он писал, что это сочинение ожидает только наступления «греческой весны, или *si Di favent*, поездки в Италию»; а какие широкие размеры он намеревался придать этому сочинению, видно, между прочим, из того факта,

¹ Сравн.: Т. I. С. 846 и сл., 823 и сл.

² Сравн.: Т. I. С. 846, 535, прим. 1. В конце марта 1778 г. рукописи обоих сочинений находились в типографии Брейткопфа; медленность, с которой происходило печатание, и множество ошибок очень раздражали Гердера; некоторые листы «Пластики» пришлось перепечатывать заново (С, II, 82, 83, 85). 21 июня Гердер уже мог отправить к Гану экземпляры обоих сочинений. Ввиду сходства их содержания у Гердера зародилась мысль о возможности издать их под одним общим заглавием; эту мысль он высказал в 1781 г., когда писал издателю о намерении приступить к новому изданию (С, II, 89). «Пластика» помещена в SW в отделе литер. (XIX, 24 и сл.).

³ Это видно из сохранившегося в подлиннике письма, написанного в октябре 1773 г. (С, II, 47).

что он предполагал включить туда статью «О том, как древние изображали смерть»¹.

Но теперь Гердер отложил в сторону мысль о таких дополнениях своего сочинения. Точно будто под влиянием нетерпеливого желания скорее что-нибудь издать и наконец поделиться с читателями богатством своих идей он ограничился тем, что к прежним исписанным листкам прибавил несколько заключительных глав. К заглавию «Пластика» он присовокупил следующую скромную приписку: «*Einige Wahrnehmungen über Form und Gestalt aus Pygmalions bildendem Traume*». Он сам называет свое сочинение «не вполне удовлетворительным приступом к таким же очеркам анаглифики, оптики, акустики и т. д.»; в самом тексте (с. 133) он высказывает надежду, что впоследствии будет продолжать свой труд, а Лафатеру, отозвавшемуся о новой книге не с полным одобрением, он указывает на то, что сам сознательно вставил свою тему в узкие рамки (А, II, 183). Он по-прежнему утверждает, что его сочинение было «написано большей частью в промежуток времени между 1768 и 1770 гг.». Что он впоследствии помышлял о продолжении и исправлении своей работы, видно из того, что через три года после ее выхода в свет он обращался к издателю с вопросом, не понадобится ли новое издание. Наконец, вполне понятно, что он стал помышлять о переделке своего сочинения, когда наконец осуществил свою давнишнюю мечту о поездке в Италию. После того как он познакомился с римскими памятниками искусства, ему «сделалась противной его „Пластика“»; он писал 8 октября 1788 г. в Веймар (В, 177), что его «Пластика», по всему вероятно, будет тем сочинением, которое он захочет заново переделать прежде всех других. А так как нам уже известно, как возникали в уме автора основные идеи этого сочинения и как он излагал их частью в четвертом «Критическом лессе», частью во время своего пребывания в Париже², то мы не найдем в «Пластике» много нового. И в этом сочинении, и в прежних статьях автор проводит одну и ту же основную идею, доказывая что сущность различных искусств зависит от различных чувственных органов; разница только в том, что теперь он ограничивается применением своей основной идеи к скульптуре как к искусству осязания в отличие от живописи как искусства зрения. Поэтому выводы «Пластики» большей

¹ К Гарткноху 12 апр. 1773 г.; к Лафатеру в мае 1774 г.; к Циммерману в окт. 1774 г.

² Сравн.: Т. I. С. 363, 476.

частью сходятся с тем, что было изложено в третьей, четвертой и пятой главах четвертого «Критического леска». Но здесь совершенно выпущены полемические нападки на риделевскую эстетику. Сохранились только случайные упоминания о поверхностных эстетических воззрениях Клотца и его последователей, а к этим упоминаниям иногда примешиваются нападки и на других признанных за авторитеты писателей, как например на Фальконе. Главные нападки автора направлены на господствовавшее в современной скульптуре и живописи, и в особенности в этой последней, ошибочное обыкновение придерживаться на практике следующего основного правила: «живопись не должна подражать скульптуре, а скульптура не должна подражать живописи». Главное отличие нового сочинения от прежних статей, занимавшихся тем же предметом, заключается в том, что оно более близко касается общих основ искусства и господствовавших в том столетии понятий об изящном вкусе. Оно обращает главное внимание на теорию с целью указать художникам более верные принципы и навести их на более правильный путь; поэтому его можно считать за настоящее дополнение к Лессингову «Лаокоону»¹.

Но, кроме того, в теории Гердера теперь в первый раз развивается та мысль, что пластика должна изображать человеческую душу в телесной оболочке, — а эта мысль созрела в уме автора лишь после того, как был написан четвертый «Лесок». После того как Гердер довел до конца свое сочинение о пластике, он писал Лафатеру, что старался в этом сочинении объяснить, каким образом пластика должна изображать все, что есть лучшего в человеческой наружности и в человеческом уме. Эта новая мысль примкнула лишь косвенным путем к первоначальным воззрениям Гердера, носившим на себе отпечаток сенсуализма. Исходя из понятия чувств в тесном смысле этого слова, т. е. в смысле осязания, автор доходит до следующего заключения: осязание постороннего тела одушевляется вследствие того, что мы чувствуем нашу собственную телесность. Впрочем, это двойственное воззрение на пластичность чувств не было ясно выражено с самого начала сочинения. Напротив того, автор сначала обращал главное внимание на чувственную сторону наших ощущений с

¹ Сравн.: Т. I. С. 356, 365. — К сожалению, Лессинг — которому Гердер, как кажется, прислал экземпляр своей «Пластики» — был так занят своими спорами о теологии, что не обратил серьезного внимания на это сочинение и даже, быть может, вовсе не читал его (Лессинг Гердеру 25 июня 1780 г.).

целью установить резкое различие между настоящим осязанием и лишь скольльзящим по поверхности предмета зрением, а вместе с тем между скульптурой и живописью; отсюда он лишь мало-помалу переходит к более глубокомысленному и более остроумному воззрению. Он незаметным образом ставит осязающую душу выше осязающего пальца. Он говорит, что не следует ограничиваться внешним осматриванием или осязанием скульптурных произведений, а следует осязать их посредством наших внутренних чувственных органов: «Мы составим себе верное понятие об изяществе предмета только тогда, когда всем нашим существом углубимся в сущность осязаемого изображения».

Эти рассуждения Гердера, бесспорно, не отличаются своей ясностью; они так же двусмысленны, как и слово «чувство». В них смешиваются две точки зрения, из которых одна объясняет (как сказано Гердером в более старой рукописи) «иллюзию статуи телесно», а другая объясняет ее «духовно». Из этой двойственности воззрений даже можно сделать заключение, что автор вовсе не обладал от природы тем, что требуется для умения наслаждаться пластическими искусствами и оценивать их по достоинству. Действительно, Гердер не из скромности и не в шутку признавался цюрихскому физиогномисту, что его глаз лишь скользит по предметам, а его внутреннее чувство не дает ему ясного о них понятия. Оттого-то он, с одной стороны, искал для себя опоры в чувстве осязания, а с другой стороны, заменял осязание внутренним чувством. В этих двух противоположных крайностях обнаруживалась та сильная впечатлительность, благодаря которой он мог лучше всякого другого оценивать произведения поэзии.

Однако Гердер умел гениальным образом взять верх над тем врожденным недостатком. Те две противоположные точки зрения, которыми он руководствовался при объяснении пластической красоты, сводятся у него к следующему основному положению, которого он придерживался вплоть до того времени, когда стал писать «Каллигону»: всякая изящная форма человеческого тела «в сущности не что иное, как внешнее выражение здоровья, жизни, силы, благосостояния в каждом члене искусственно созданного произведения», стало быть, «красота означает лишь внутреннее совершенство». Путем подробного анализа он перешел от эмпирического понятия о красоте к более широкому идеалистическому пониманию ее сущности. Для него механическая сторона предмета находится в тесной связи с его духовной стороной, а внешняя — с внутренней, и он считает себя вправе

утверждать, что «вечные законы человеческой красоты, метафизические и физические, нравственные и пластические, совершенно тождественны».

Но о гениальной энергии его ума свидетельствует не только это воззрение, а также всестороннее и плодотворное освещение обсуждаемого предмета. Ввиду заблуждений, в которые впадали современные художники и в теории, и на практике, — ввиду стараний Фальконе и Кановы подражать живописи и ввиду стараний Фюссли и Давида достигать в живописи таких же эффектов, к каким стремится скульптура¹, — Гердер оказал чрезвычайно важную услугу, постаравшись установить ясные и даже резкие границы между сферой живописи и сферой пластики и указав как свойственные каждой из этих сфер пределы, так и необходимую для каждой из них свободу действия. Таким образом был положен конец тем разнообразным захватам, которые делались художниками из посторонних сфер искусства. Впрочем, Гердер не избежал некоторой односторонности и жесткости в своих суждениях. По меньшей мере натяжкой была его попытка доказать, что происхождение гладкой драпировки греческих статуй объясняется желанием «обмануть наше осязание», между тем как именно в этом случае скульптор явно рассчитывал на обман наших глаз. Не без некоторых оговорок основательно мнение Гердера, что только внешние формы живописи изменяются вслед за изменениями человеческих нравов и обычаев, а внешние формы скульптуры, напротив того, всегда остаются неизменными. Но и для этих односторонних суждений служит поправкой выдвинутая в третьей главе сочинения на передний план точка зрения, что над простым осязанием берет верх то чувство, которое во всем распознает внутренний смысл. То было второй важной заслугой Гердера, что он восстал против формализма в искусстве, против главного корня всех других заблуждений. Он во всех сферах старался оживотворять то, что омертвело. Он восставал и против отвлеченных понятий философии, руководствовавшейся одними умственными соображениями, и против бессодержательных формул ортодоксии, и против поверхностных суждений той теологии, которая руководствовалась рассудком, и против механизма государственных учреждений, и против

¹ Эти указания на современные понятия об искусстве метко оценил Ad. Schöll в ранее упомянутой нами статье, которая была напечатана в веймарском альбоме Гердера под заглавием «Herders Verdienst um Würdigung der Antike und der bildenden Kunst»; здесь Schöll ведет речь преимущественно о «Пластике» и делает образцовый анализ ее содержания.

склонной к подражанию и безжизненной поэзии, и против современного просвещения, которое находило свою конечную цель в самом себе; он от всех требовал ясных понятий, внутреннего смысла и богатства содержания. Такие же требования он предъявлял и к области искусства. Он доказывал, что гогартовские изящные очертания не имеют сами по себе никакого достоинства, если в них нет той жизненности, которая понятна нашим чувствам. Он остроумно объяснял значение каждой части человеческого тела и ее целесообразную красоту; особенно метки его замечания о «бессодержательном ничтожестве» силуэтов и о том, как злоупотребляли этими изображениями многие физиогномы. Автор очень удачно применяет к пластике принцип индивидуальности, когда требует — со ссылкой на пластические изображения греческих богов, — чтобы в каждом характере, в каждой внешней форме, в каждом положении выражалась определенная индивидуальность. Он не без раздражительности высказывает ту истину, что наше, не согласное с требованиями природы, образование несовместимо с процветанием искусства, которое возникло в Греции из юношеских наслаждений народа, жившего по законам природы, и развитию которого благоприятствовали и нравы, и все житейские условия. Наконец в последней главе автор превосходно разрешает вопрос, в какой мере образовательные искусства могут прибегать к аллегориям, и основательно восстает против существовавшего в его время ошибочного обыкновения изображать вместо живых личностей отвлеченные идеи. Вообще вся эта последняя глава вместе с приложенными к ней общими замечаниями касательно истории искусства производит на нас такое впечатление, что она как будто слишком долго пролежала готовой на бюро автора и наконец была выпущена в свет под гнетом необходимости, — ведь автор теперь вовсе не заботится о проверке своих теоретических положений на различных эпохах истории искусства, а едва ли можно допустить, чтобы такая проверка не входила в первоначальный план сочинения.

Тем не менее это сочинение заключает в себе все самые лучшие идеи Гердера, уже успевшие достигнуть полной зрелости. С ним находится в тесной связи все, что Гердер впоследствии писал об археологических вопросах или об истории искусства, и все, что он говорил, после своей поездки в Италию, в своих «Письмах о гуманизме» о цикле греческих изображений богов. Именно потому это сочинение и производит на нас такое сильное впечатление, что все главные идеи автора изложены в нем без

всяких прибавлений, в сжатом виде и во всей своей полноте. Так как занятый своей работой художник подчиняется иным, гораздо более сильным, влияниям, чем влияние теоретических рассуждений, и так как обращавшийся к нему с поучениями эстетик не указывал ему на достойные подражания образцы, то сочинение Гердера не могло равняться по своей занимательности ни с Лессинговым «Лаокооном», ни с некоторыми из прежних гердеровских сочинений — ни с «Отрывочными заметками», ни с первым «Леском», ни со статьей об Оссиане; но по своему внутреннему содержанию оно может быть поставлено наравне с самыми своеобразными произведениями Гердера; вовсе не плохим доказательством его достоинств служит тот факт, что оно нравилось А. В. Шлегелю более всех других сочинений Гердера, а Иоанн Мюллер говорил, что этот «прелестный небольшой томик полон широких идей, что это — одно из лучших сочинений Гердера». Оно не так тщательно обработано, как письма об Оссиане, но оно привлекает читателя такой юношеской свежестью, таким богатством идей и таким красноречием, каких мы не находим у Гердера в более зрелую эпоху его жизни, вследствие того что он с течением времени все более и более заботился о внешних достоинствах изложения. В особенности в своей второй, менее тщательно обделанной, половине сочинение отличается тем энергическим слогом, какой впоследствии едва ли где-нибудь встречается у Гердера даже в пылу полемики. Говоря о наших чувственных впечатлениях, описывая характеры и личности, которые кажутся ему или привлекательными, или противными, он сбрасывает с себя все узы, налагаемые общественными приличиями, и нисходит до площадных выражений, делая грубые и цинические сравнения, но вслед за тем снова возвышается до уровня благородных и возвышенных поэтических воззрений¹. Он еще не совершенно отказался от вычурных оборотов речи и ничем не стесняется ни в приискивании новых выражений, ни в оригинальном построении своих предложений². На одной из последних страниц своего сочинения он говорит: «Die Natur hasset abst-

¹ Вот некоторые образчики таких площадных выражений: «Höle und Abtritt» (с. 78); «Grindköpfc mit einer Haarmüße» (с. 83); «das arbeitende Kriechen auf der Brust» (с. 84); «статуи, выставленные напоказ, daß jeder Hund an sie pisset».

² Сравн. следующие выражения в его «Пластике» с теми, которые приведены в т. I (с. 765, прим. 2): *beträumen*, *affenernstlich*, *Beigehörde* (в смысле дополнительного произведения), *Trödelkopf*, *Antikennarr*, *hinwegantikisiren*, *Schaugeschöpf*, *Nichtohne* (οὐ οὐχ ἄνευ), *unüberschwungen* и т. п.

racta: sie gab nie Einem Alles und Jedem das Seinige auf die seineste Weise». Эти слова свидетельствуют не только об умении автора создавать новые выражения, но также о том, что в своем языке и слоге он старался достигнуть того же, чего требовал от пластики.

II. Панегирик Винкельману

Гердер стал с ранней молодости интересоваться скульптурой благодаря сочинениям Винкельмана, из которых познакомился с историей искусства; поэтому и в своей «Пластике» он нередко ссылаясь на воззрения Винкельмана, на его описания статуй, на его суждения и подлинные выражения, частью одобряя их, частью делая против них возражения.

Еще прежде чем приступить к окончательной отделке «Пластики» для печати, Гердеру очень хотелось составить цельное изложение его отзывов о Винкельмане и с этой целью пересмотреть как содержание «Леска об истории искусства», так и написанные на ту же тему главы, которые были предназначены для нового издания второго сборника «Отрывочных заметок»¹; а лишь только он довел до конца свою «Пластику» и схожее с ней по содержанию сочинение «О познании», он принялся писать панегирик Винкельману. Это было первое из новых литературных предприятий, задуманных Гердером со времени его переезда в Веймар.

Гессенский ландграф Фридрих II возвратился из своего заграничного путешествия с богатой коллекцией художественных произведений и по этому поводу основал в Касселе в апреле 1777 г. общество любителей древности с целью содействовать изучению археологии². В своем публичном заседании 16 августа 1777 г. это общество избрало похвалу Винкельмана темой для сочинения на премию, в котором следовало подробно изложить, на каком пункте Винкельман застал археологию и на каком пункте она остановилась после него³. Эта задача как будто нарочно

¹ См.: Т. I. С. 329, 294 и сл.; SWS. IV, 199 и сл.; SWS. II, 120 и сл.

² Сравн.: *Бернгарди*. Краткий очерк истории общества древностей в Касселе. — Помещен в журнале общества, которое было основано для изучения гессенской истории и этнографии (Т. I. Кассель, 1837. С. 1 и сл.).

³ В печатном официальном объявлении эта тема изложена так: «L'Eloge de Mr. Winkelmann, dans lequel on fera entrer le point où il a trouvé la science des Antiquités, et à quel point il l'a laissée». В награду была назначена золотая медаль ценой в 400 ливров.

была придумана для Гердера! Он немедленно решил воздвигнуть если не памятник, то по меньшей мере «торс» памятника в честь такого человека, который был в его глазах даже выше Аббта; он сообщил об этом своему кёнигсбергскому другу, который стал горячо поддерживать его в таком намерении¹. Однако не ранее апреля следующего года Гердер нашел достаточно свободного времени для того, чтобы приступить к делу². Он вручил свое сочинение секретарю общества лишь 11 мая. Оно было допущено к конкуренции, несмотря на то что было представлено позже назначенного срока, т. е. позже 1 мая. Комитет, от которого зависало присуждение премии, нашел сочинение Гердера посредственным, не дочитав его до конца. Другое сочинение, прочитанное прежде всех других, вызвало единогласное одобрение. Премия была присуждена единственному конкуренту, который мог быть опасен для Гердера, — его другу Гейне³.

Сочинение Гейне было немедленно напечатано на немецком языке одновременно в двух различных изданиях, а через два года после того оно было напечатано во французском переводе, в первом и единственном томе журнала «*Mémoires de la société des Antiquités de Cassel*»⁴. Оно строго придерживалось заданной темы. Гейне объяснял, в какой мере в лице Винкельмана соединились

¹ См. ответ Гамана на полученное им 4 сент. письмо Гердера, которое, стало быть, было написано в конце августа (от 8—13 окт. 1777 г.: Соч. Гамана. V, 253, 256): «Я желал премии для моего маленького крестника, а для чести Винкельмана ожидал от вас *Exegi perennius et altius* вашей немецкой музыки, т. е. чего-нибудь более значительного, чем „торс“ или отрывочная заметка» (эти слова заимствованы из подлинника, который появился в печати с некоторыми пропусками).

² Гердер Гаману 20 марта 1778 г. (таким числом помечено в подлиннике письмо): «Я еще не имел времени подумать о Винкельмане» (Соч. Гамана. V, 282 и сл.). После того как состоялось присуждение премии, мы находим упоминание об этом деле только в следующих, опущенных в печати, словах из гамановского письма к Гердеру от 25 нояб. 1778 г.: «Разве вы не участвовали в соискании кассельской премии?»

³ Приведенные нами подробности извлечены из официальных документов ученого общества. О том, что премия была присуждена Гейне в заседании комитета, происходившем 3 июля 1778 г., было объявлено в публичном заседании, происходившем 15 августа; тогда же была вторично вслух прочитана статья Гейне.

⁴ Этот панегирик был напечатан в 1778 г. в Касселе (21 стр. 4-го) под следующим заглавием: «*Lobschrift auf Winckelmann von Chr. Gottl. Heyne etc., welche bei der Hessen-Casselischen Gesellschaft etc.*». Под тем же заглавием и совершенно такого же содержания панегирик был напечатан в том же году в Лейпциге, у Вейганда (36 стр. 8-го). Французский перевод помещен в «*Mémoires*» (Т. 1. 1780. С. 1—26).

внешние и внутренние условия для успешного изучения древности; потом он указывал на неудовлетворительное положение археологии до Винкельмана, который был первым после графа Кайлюса (Caylus) писателем, направившим археологию на правильный путь — на изучение искусства, и составившим обзор искусств во всем их объеме. Объясняя важность этих заслуг, Гейне вместе с тем высказывал критические замечания касательно слабых сторон позднейших сочинений Винкельмана; он закончил свою статью перечислением всего, чего не достает находящейся в своей юности археологии. Панегирист, очевидно, ставил себя выше гениального писателя, о котором вел речь; а когда он говорил о необходимости написать критический разбор винкельмановской истории искусства, составить список античных произведений искусства, заняться подготовкой к изучению древности, ближе познакомиться с вспомогательными науками и главным образом издать хорошее сочинение о мифологии древних — кто мог бы, ввиду этих разумных требований, не вспомнить, что ученый панегирист сам оказал важные заслуги в этом отношении, и кто не вынес бы из чтения статьи того впечатления, что ее автор ясно сознавал важность этих заслуг?

Иначе говоря, как бы разумна, основательна и неопровержима в своих выводах ни была статья Гейне, она была все-таки скорее произведением школьного учителя, чем произведением гениальным. В сравнении с прекрасно написанным и полным душевной теплоты гердеровским панегириком, она кажется вялой и крайне бесцветной.

Статья Гердера носит следующее заглавие: «Памятник Иоанну Винкельману, воздвигнутый перед Академией древностей в Касселе по поводу назначения в 1777 г. первой задачи для соискания премии»; она уже давно напечатана¹ и, без сомнения, бу-

¹ «Памятник Иоанну Винкельману. Не удостоенное премии сочинение Иоанна Готфрида Гердера, написанное в 1778 г. По находящейся в Касселе рукописи в первый раз издано вместе с историко-литературным введением докт. Альберта Дункера, главного библиотекаря городской кассельской библиотеки. Кассель, 1882». Издатель рассказывает во Введении, по какому случаю он отыскал написанный рукой самого Гердера манускрипт (36 лист. 4-го) между многочисленными ненапечатанными статьями, которые хранились в ученом обществе. Также сделаны указания на официальные документы, с содержанием которых я познакомился, благодаря услужливости издателя, еще до их напечатания. Еще задолго до отыскания кассельского манускрипта была найдена между оставшимися после смерти Гердера бумагами копия гердеровской статьи, написанная чужой рукой; содержание этой копии сходится слово в слово с содержанием манускрипта, но в ней нет примечаний и цитат и нет пер-

дет включена в новое издание сочинений Гердера. Она того достойна и по своему содержанию, и по своей внешней форме, и потому что она заключает в себе первую дельную оценку произведений Винкельмана, и потому что она служит блестящим доказательством гениальности автора. Сам Гердер оставил ее ненапечатанной или потому, что не хотел оскорблять самолюбие более счастливого соискателя премии, который был его другом, или потому, что его собственное самолюбие было оскорблено. Только небольшую часть ее содержания он перенес в ту коротенькую заметку о Винкельмане, которую он присовокупил, вместе с еще менее значительной заметкой о Зульцере, к своей прекрасной статье о Лессинге, напечатанной в 1781 г. в «Немецком Меркурии». Именно с этой последней статьей может быть поставлен наравне «Памятник Иоанну Винкельману».

Однако кассельские ученые отдали предпочтение такой статье, которая не могла равняться своими достоинствами со статьей Гердера; о причинах такого неосновательного предпочтения было немало оживленных толков и в то время как «Памятник Винкельману» появился в печати, и после того. Конечно, нельзя назвать неосновательным предположение, что в той статье, которая была прочитана с начала до конца, члены комитета тотчас узнали гёттингенского филолога и потому заранее решились присудить премию этому знаменитому ученому. Но и по своему содержанию статья Гейне приходилась кассельским ученым гораздо более по вкусу, чем статья Гердера. Умственная посредственность этих судей была настоящей причиной того, что они признали статью Гердера за *mediocre*. Эта статья показалась им посредственной именно потому, что она — подобно представленной в Берлинскую академию статьи о происхождении языка — глубоко проникала в сущность заданной темы, потому что для винкельмановской точки зрения она искала психологических объяснений в душе и в житейской обстановке автора, а для того пункта, на котором остановился Винкельман, искала объяснений в его уме, указывая на противоречия между его выводами и его собственными суждениями. Напротив того, Гейне более строго придерживался содержания заданной темы, с большей точ-

вых страниц; также найден написанный рукой самого Гердера очень подробный проект статьи, в котором, однако, недостает последних страниц. Обо всем этом подробно говорится в статье Суфана «Eine klassische Lobschrift auf Winkelmann», напечатанной в «Preuss. Jahrbücher» (L, 6, 593 и сл.) и в отзыве Э. Наумана о дункеровском издании (см.: *Anzeiger für deutsches Alterthum*. 1883. С. 195 и сл.).

ностью и с большей ученостью описывал положение археологии до и после Винкельмана и, кроме того, выражался более спокойно, более плавно, без всякого неуместного воодушевления. Наконец, не следует упускать из виду и то обстоятельство, что в кассельской Société des Antiquités постоянно во всем проглядывало то же пристрастие к французскому складу ума, к французскому языку и литературе, которое господствовало при кассельском дворе так же исключительно, как в Берлине и в Потсдаме. Само собой разумеется, что французский язык был в том ученом обществе деловым языком и что только на нем объяснялись между собой все знатные люди и все придворные. Устав общества положительно требовал, чтобы все его ученые труды издавались на французском языке. Звание председателя удерживал за собой сам основатель общества, а должность постоянного секретаря занимал французский *homme de lettres*, невежественный и надменный фаворит ландграфа маркиз де Люше¹. В глазах этого фаворита «Памятник Винкельману» был по меньшей мере сатирой на господствовавший в академии французский этикет, а этот этикет был для г-на де Люше гораздо более дорог, чем честь Винкельмана и чем успехи археологии. Статья Гердера начиналась так: «Прежде всего я прошу дозволения писать о Винкельмане на немецком языке. Винкельман был немец и оставался немцем даже тогда, когда жил в Риме, — он и в Италии писал свои сочинения по-немецки и для немцев; он сохранял в своем сердце привязанность к своим соотечественникам и к своему отечеству даже тогда, когда был далеко от них; наконец, он, как кажется, не хотел умереть, не побывав снова в своем отечестве, которое в сущности очень мало заботилось о нем. Он принадлежит к числу тех немногих людей, которые заставили уважать немецкое имя даже там, где привыкли называть немцев готами, и он считал за особую для себя честь свою принадлежность к числу этих немногих людей наряду с Менгсом и с Вилле. Слог его сочинений останется достойным подражания, пока будет существовать немецкий язык; он переживет и значительную часть содержания сочинений Винкельмана и их направление — зачем же осуждать Винкельмана и после его смерти на такое же отчуждение от его родины, на какое он был обречен во время своей жизни? Зачем же писать его панегирик на иностранном языке, который ему никогда особенно не нравился, и этот написанный на чужом языке панегирик читать

¹ Кроме статьи Бернгарди см. биографию де Люше у Штридера (*Strieder F. W. Hessische Gelehrten Geschichte. Bd III. S. 117*).

перед немецким владетельным князем, в самом центре его отечества, в кружке членов первой академии, основанной в Германии для изучения его сочинений? Что касается меня, то я пишу по-немецки. Мое сочинение будет переведено, если окажется того достойным¹; если же ему не будет оказано такой чести, то пусть оно останется немецким памятником — грубым необтесанным камнем с именем Винкельмана, пусть оно будет одиноким могильным курганом, посвященным памяти героя». Вслед за этим Гердер доказывает, что самое содержание заданной темы дает ему право воздерживаться от тона тех *Eloges*, которые обыкновенно пишутся у французов. Он резко осуждает французскую манеру довольствоваться запасом нескольких бессодержательных фраз, которые заканчиваются каким-нибудь остроумным замечанием; он полагает, что, даже лежа в могиле, Винкельман был бы возмущен такой манерой писать панегирики, так как она всегда казалась ему отвратительной.

Не подлежит никакому сомнению неосновательность предположения, будто Гердеру было неизвестно, какую роль играл Люше в Касселе и в какой мере он был виновником распространившейся там «французской заразы». Также неосновательно предположение, будто Гердер, сознательно ставший в оппозицию к французским симпатиям кассельского общества и ничем не стеснявшийся в своем ответе на заданную тему, вовсе не стремился к получению премии². Напротив того, он не был равнодушен ни к получению премии, ни к удовлетворению своего самолюбия. Но и в настоящем случае точно так же, как при сочинении прежних статей на премию, он не старался подделываться под вкусы академиков. Он, правда, делал некоторые небольшие уступки этим вкусам, но во всех главных пунктах обнаруживал свою обычную гениальность и прозорливость. Все, что ему хотелось высказать, он высказывал и без наглого высокомерия, и без расчетливой сдержанности. Через три года после того он писал Гейне, что «постоянно имел в виду лишь свою цель, подобно тому, кто садится играть или отправляется на охоту»³. Надежда

¹ В объявлении о заданной теме было сказано: «Il peut être écrit en Français, en Allemand, en Italien ou en Latin, mais il ne sera imprimé qu'en Français»; однако это требование было отложено в сторону при состоявшемся в следующем году назначении новой темы на премию.

² Первое предположение высказано Дункером (с. XXV), второе предположение — Науманом (с. 198 и сл.).

³ Это не попавшее в печать письмо от 23 июля 1781 г. (восполняющее вместе с двумя другими письмами, написанными в сентябре 1777 г. и 12 янв.

на успех, конечно, усиливала его рвение; но в то время, как он был занят этой работой, желание достигнуть успеха было у него гораздо менее сильно, чем желание изложить свои воззрения, излить все свои мысли и чувства. Поэтому академия со своей золотой медалью и на этот раз стояла у него на втором плане, а на первом плане стояли его любовь к Винкельману и его желание воздвигнуть этому писателю достойный его памятник. Он, конечно, не отказался бы добровольно от премии, но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что никакая премия в мире не могла бы заставить его написать бессодержательный французский панегирик вместо зрело обдуманного немецкого; даже заглавие его статьи не обнаруживает его готовности отказаться от премии; в этом заглавии высказывается только скромное признание, что автор заботился прежде всего о славе своего великого соотечественника.

Никто не мог бы усерднее его взяться за исполнение такой задачи, как это видно из рассказанной им истории его отношений к Винкельману. «Издание сочинений Винкельмана, — говорит Гердер, — совпало с прекрасной эпохой в истории немецкой литературы и с прекрасной эпохой в моей собственной жизни. Я читал их с таким же юношеским увлечением, с каким читают письма невесты». То, что он изложил на бумаге, уже в течение многих лет хранилось в его уме, потому что он ожидал издания оставшихся после смерти Винкельмана сочинений; потом он почти совершенно отказался от этих исследований, служивших для него развлечением в часы отдыха и во время его путешествий. «Но заданная академией тема, — говорит он, — побудила меня освежить в моем уме прежние впечатления и собрать все, что было мной прежде написано об этом предмете».

Нам уже известно, что именно было им ранее написано, а вследствие того нам заранее известна значительная доля содер-

1778 г., пробел в напечатанной корреспонденции между мартом 1776 г. и мартом 1782 г.) служит новым доказательством того, что Гердер без всякого озлобления относился к предпочтению, которое было оказано такому сопернику. К тому же Гейне он обращался за советом, каким способом превратить в деньги полученные им в виде премии медали. Грустное впечатление производят на читателя следующие слова Гердера: «Медали лежат у меня без всякой для меня пользы; еще менее приносят мне пользы вычеканенные на этих медалях лавровые венки. На них уже вдоволь нагляделись мои дети, и мне хотелось бы превратить их в деньги». Для того, кто пишет биографию Гердера, не представляет никакого интереса вопрос о том, был ли Гейне виновником непомещения гердеровского панегирика в SW. Я склонен думать, что в этом случае друг Гердера не провинился в мелочной завистливости.

жания панегирика. Гердер начинает с характеристики Винкельмана как человека, которая была нам ранее известна только из первого тома сборника писем, изданного Дассдорфом. Он превозносит Винкельмана за его благородную гордость, за его непоколебимую привязанность к свободе, за его способность сочувствовать безыскусственному складу ума древних народов. Он не может говорить о бедности и о лишениях Винкельмана без выражений горького негодования на невнимание своих соотечественников к материальным нуждам даровитых людей. Вслед за тем он переходит к трудному вопросу: что внушило Винкельману непреодолимое и неугасавшее в течение всей его жизни влечение к изучению древнего искусства? Не что иное, отвечает Гердер, как дрезденский античный музей и мастерская Ёзера, — «ведь дух древних народов имеет так мало сходства с духом нашей жизни, он так давно покинул наши деловые, университетские и профессиональные занятия, даже наши школы и библиотеки, что только уцелевшее от разрушительного потока времени безмолвное художественное произведение или мирная мастерская художника, освоившегося с духом и нравами древности, в состоянии привлечь к себе человеческую душу, проникнутую греческими чувствами, и раскрыть перед ней такую возвышенную сферу деятельности, где ничто не напоминало бы ей о нашей заново сложившейся жизни, не имеющей ничего общего с жизнью древних». От этих размышлений автор переходит к порицанию тех пустомелей, которые составляли арьергард Винкельмана и толковали об искусстве, не имея никакого о нем понятия, — а за этими порицаниями следует длинный эпизод, в котором автор защищает Винкельмана от обвинений, взведенных на него французом Фальконе в статье о статуе Марка Аврелия, — Гердер говорит, что этот ученый человек не должен бы был позволять себе суждений об искусстве, о котором имеет право говорить только художник. От этой защиты Винкельмана автор переходит к указанию результатов его деятельности, придерживаясь того порядка, в каком появлялись его сочинения. Он с благоговением и с пылким увлечением указывает на первое сочинение Винкельмана (о подражании греческим произведениям искусства) как на тот полный юношеской свежести зародыш, в котором уже заключались все идеи, даже все странности и недостатки позднейших сочинений Винкельмана. Гердер переносит нас вслед за Винкельманом в Рим; он сначала описывает впечатления, вынесенные из первого обзора статуй, и по этому случаю высказывает скромную догадку касательно Аполлона Бельведер-

ского: действительно ли здесь изображен Аполлон, возвращающийся после своей победы над Пифоном? Ведь змея, которая обвивается вокруг древесного пня, — не что иное, как известная эмблема Аполлона, а положение статуи и колчан доказывают, что это тот самый гневный, мечущий в ахеян смертоносные стрелы бог, который описан в первой песни «Илиады»¹. Винкельман помышлял о таком сочинении, в котором были бы подробно описаны все древние скульптурные произведения; а его панегирист полагает, что было бы лучше составить исторический и критический «*catalogus realis древнего искусства*». Говоря о других, более мелких, сочинениях Винкельмана, Гердер отдает полную справедливость той статье, в которой шла речь о способности чувствовать красоту в произведениях искусства; по этому случаю он хвалит ту отдаленную эпоху, когда занимались всесторонними философскими исследованиями сущности изящного. Наконец он переходит к главному сочинению Винкельмана, к «Истории искусства». И какое высокое значение он придает этому смелому сочинению, объясняя трудности предстоявшей задачи и устранив все мелочные придирки критиков! Только со скромной сдержанностью и идя по стопам своего великого предшественника, он старается объяснить, что осталось после Винкельмана недоконченным и чего не был в состоянии довести Винкельман до конца по причине своего стесненного положения и преждевременной смерти.

Здесь Гердер излагает те же замечания, которые высказывал за девять лет перед тем, когда вел речь о произведениях Горация. Но свое первое основное положение — что сочинение Винкельмана «более похоже на научную систему, чем на историю», что его нельзя назвать ни настоящей, ни полной историей — он снова здесь повторяет только с целью доказать, что Винкельман сделал все, что можно было сделать, и что отчасти вследствие разнообразия материалов, отчасти вследствие недостатка в материалах он взглянул на свою задачу с такой точки зрения, какая была в то время возможна. Винкельман смотрел на свою задачу с «идеальной» точки зрения и потому написал такую историю

¹ В проекте панегирика Гердер противопоставляет этому воззрению на «торс» Геркулеса как на изображение обоготворенного героя (и в «Пластике» (с. 76) такое воззрение названо приятной мечтой) другое воззрение — он говорит, что эта статуя, быть может, изображала юного Геркулеса в тот момент, когда в нем происходила борьба между влечением к сладострастию и сознанием долга и когда это последнее чувство взяло верх. Это замечание заимствовано от Наумана (с. 202).

искусства, в которой «обрисовал в силуэтах общие черты различных наций и различных характеров». Вслед за тем возникает вопрос, правильно ли смотрел Винкельман на эти национальные различия и на различный у каждого народа характер искусств и умел ли он находить внутреннюю связь между этими различиями? В ответ на это Гердер высказывает свое второе основное положение, изложенное им в его старых бумагах, — что Греки не сами создали свои искусства, а были учениками египтян. Наконец Гердер повторяет и свое третье основное положение — что Винкельман оценивал египетское искусство не по его внутренним достоинствам, а с точки зрения греческого искусства, как этого и следовало ожидать от «научной системы»; египетское искусство, говорит Гердер, представится нам в совершенно новом свете, если мы вникнем в его историческое происхождение и если мысленно перенесемся в положение народа, «привыкшего смотреть на статуи только как на окаменелое спокойное царство мертвых».

Вкратце опровергнув винкельмановское сравнение Антиноя с Мелеагром¹, Гердер переходит к «очерку аллегории», мимоходом упоминает о «*Monumenti inediti*» и наконец изливает свою скорбь по поводу трогательных подробностей смерти Винкельмана. Содержание этой последней части сочинения было перенесено в написанную для «*Меркурия*» статью, но подверглось там некоторым сокращениям. При этом было опущено, во-первых, то, что говорится в сочинении на премию о значении, которое имел Винкельман лично для Гердера, — автор панегирика рассказывает академикам, не хотевшим его слушать, с какими чувствами он когда-то писал свою оду в честь своего соотечественника, отлетевшего в среду богов; вместе с этим он обращается к самому Винкельману со следующими словами: «Когда я узнал о твоей смерти, я оплакивал тебя не поэтическими, а человеческими слезами, полными признательности и любви за те приятные часы и сладкие мечты, которыми я был обязан твоим сочинениям; тогда моя юношеская душа обнимала отлетавшего друга и стремилась вслед за ним в ту привлекательную даль, где царят небесная юность, любовь и красота». Во-вторых, была опущена та часть панегирика, где Гердер высказывает надежду, что оставленное Винкельманом литературное наследство будет собрано и что по проложенному им пути пойдут еще далее мно-

¹ В проекте статьи это опровержение было уже ранее помещено в том месте, где идет речь о торсе Геркулеса.

гие другие, подобно Лессингу и Гейне; вслед за этим Гердер высказывает на последней странице панегирика еще более возвышенное желание, чтобы дух Винкельмана сошел на такого художника, который применил бы на практике теорию своего наставника; ведь «полная душевной теплоты теория прекрасного, изложенная со свойственными древним простотой, достоинством и искусством, служит предвестницей появления такого человека, который будет для немцев новым Рафаэлем и Микеланджело и который создает для нас таких же людей и такое же искусство, какие мы находим у греков».

Мы просим извинения у читателя в том, что привели несколько выдержек из статьи, с содержанием которой всякий может теперь сам ознакомиться. Но и после своего появления в печати эта статья казалась нам почти такой же привлекательной, какой она была для нас в то время, когда мы читали ее в рукописи. По своим внутренним достоинствам она должна нравиться всякому читателю, который не будет смотреть на нее глазами членов касельского ученого общества. Это настоящий «классический панегирик»! Всякий заметит, что от нее веет такой юношеской свежестью и таким юношеским воодушевлением, какими отличались только ранние и самые лучшие произведения Гердера; а противовесом для этого юношеского отпечатка служит благородный, безыскусственный и чистый слог, напоминающий красноречивую речь Винкельмана.

III. «Песнь песней» Соломона

Точно так же как в «Памятнике Винкельману», и в «Пластике» Гердер не постоянно придерживался сферы античных идей. Одна, еще не упомянутая нами, особенность этого последнего сочинения заключается в том, что в своем описании и объяснении значения различных частей человеческого тела Гердер неоднократно ссылался на библейские воззрения, и в особенности на поэтические воззрения автора «Песни песней». К энтузиазму, с которым он говорил о произведениях греческой скульптуры, примешивалось сочувствие к тем идеям, которые создавала поэтическая фантазия евреев. Как ни велико различие между точкой зрения греков и точкой зрения восточных народов, эти несходные воззрения дружно уживались в уме Гердера. Он излагал рядом одни с другими самые разнообразные суждения и массы самых разнообразных идей; даже в «Древнейшем документе»

он иногда заводил речь о том, что входит в сферу пластики, а содержание его «Пластики» местами напоминает способ выражения и идеи Библии — в особенности той книги, которая уже ранее привлекала его внимание, а теперь снова стала сильно интересовать его.

При своем сильном влечении ко всему, что отзывалось поэзией, он еще в Бюкебурге стал с увлечением изучать своеобразный характер новозаветных и ветхозаветных книг и находил, что их поэтическое содержание безжалостно извращается разными истолкованиями. Еще 19 октября 1776 г. Лафатер обращался к нему за сведениями касательно его статьи о «Песни песней» — из чего следует заключить, что Гердер извещал его о своем намерении написать такую статью. Именно к тому времени, когда Гердер жил в Вестфалии, относятся те слова в «Теологических письмах», которые касаются небольшой статьи о «Песни песней»¹, а в примечании к этому месту «Писем» (во 2-м изд.²) положительно сказано, что та статья была написана за несколько лет перед тем, как была напечатана. Действительно, Гёте читал эту статью в рукописи еще в апреле 1777 г. и потом передал ее г-же Штейн. После того как она была напечатана, Гердер послал ее 3 ноября 1778 г. Глейму, причисляя ее к привезенным им в Веймар пенатам, а 26 декабря эти «песни любви, петые мудрым царем и комментированные мудрым человеком» перешли из рук Гёте в руки г-жи Штейн³.

Заглавие книги — «Песни любви; самые древние и самые изящные из восточных песен вместе с сорока четырьмя старинными любовными песнями»⁴ — должно казаться очень странным, когда идет речь о «Песни песней». С этой последней Гердер обошелся еще более бесцеремонно, чем с «Откровением Иоанна». Ведь помещение эротических песен в священных книгах, написанных по внушению Божию, всегда считалось таким чудовищным фактом, признанию которого предпочитались самые

¹ «То, что я писал об этом (о «Песни песней») пять или более лет тому назад, вы можете прочесть в „Песнях любви“» (I, 196).

² I, 175; SWS. X, 132.

³ Письма Гёте к г-же Штейн (I, 94 и 191); С, I, 54.

⁴ Эта книга была напечатана — без имени автора и взамен предисловия с эпиграфом из сочинений Лютера — не у Гарткноха, а у того же издателя, для которого был предназначен сборник народных песен (Лейпциг, у Вейганда, 216 стр. 8-во). В SW в отделе теологии (IV, I и сл.) приведенное нами заглавие заменено следующим: «Соломоновы песни любви». С тем, что следует, можно сравнить сочинение Вернера «Гердер как теолог» (с. 112 и сл., 220 и сл.).

смелые и самые бессмысленные истолкования содержания тех песней. По этому поводу истолкователи предавались настоящей оргии таких же аллегорических объяснений, какие прежде применялись к некоторым не совсем приличным библейским выражениям. Они утверждали, что любовь, о которой идет речь в этих песнях, должна быть понимаема в смысле духовной любви, что под влюбленным следует разуметь Иегову или Христа, а под прекрасной возлюбленной — народ Божий или церковь, т. е. общество верующих, что «пурпуровые очертания губ» были намеком на «*Symbolum Nicaenum*» и «*Athanasianum*», что пупок невесты, похожий на круглый кубок, был намеком на употребление круглой чаши при причащении Святых Тайн, а лисицы, портившие виноградник, — намеком на еретиков, и множество других тому подобных бессмыслиц. Только урывками иногда предьявляло свои права более естественное объяснение этой задачи; еще незадолго перед тем Михаэлис высказал мнение, что «Песнь песней» была не что иное, как «брачная песнь, наполненная выражениями свойственной восточным жителям склонности к сладострастию»; но и этот здравомыслящий истолкователь не понял поэтической прелести «Песни песней». Гердер утверждает, что его побудила публично высказать свое мнение о замечательной книге еще не столько бессмысленность старинных мистических истолкователей, сколько пошлость истолкователей прозаических. Точно так же, как и во всем, что он писал о Библии, он соединяет самое либеральное воззрение на содержание священных книг с самым глубоким уважением к их историческим и религиозным достоинствам; благодаря тому что его тонкое нравственное чутье соединялось с чрезвычайно сильной поэтической восприимчивостью, его объяснения подходят к истине гораздо ближе, чем объяснения которого-либо из его предшественников. Точно так же как при объяснении «Апокалипсиса», Гердер намеревается придерживаться «ясного смысла слов, который извращали все истолкователи», он хочет верно передать поэтическое содержание книги вместе с теми восточными понятиями, под влиянием которых она была написана. Поэтому он приводит в поэтическом переводе некоторые отрывки из этой книги, указывая более или менее твердую связь между ними то с уверенностью, то в виде догадок и вовсе не стараясь блеснуть учеными объяснительными примечаниями. Гердер говорит: «Каждая песнь и каждая строка должны по мере возможности сохранить свое особое благоухание, свой особый отпечаток; их не следует ни украшать, ни обновлять и не следует отрывать от их места, от

их времени, от их родины». Как было трудно исполнить эти требования, он сам сознавал во время перевода на каждом шагу; он начал переводить немецким стихотворным размером¹, но потом сам признал этот размер неподходящим и стал ссылаться на лютеровский перевод, который, «несмотря на некоторые недостатки, все еще незаменим и неподражаем по своей привлекательности, безыскусственной простоте и вместе с тем по своему энергичному и полному жизни изложению». Оттого-то ему и приходилось прибегать к объяснениям при переводе дополнительных отрывков; но тогда он еще раз узнал на опыте, как трудно передавать нашим языком выражения восточной любви, несмотря на твердое намерение не уклоняться от «цели и духа переводимой книги».

Это удалось ему не вполне. Его душа была слишком восприимчивым и вследствие того не совсем верным зеркалом. Кроме того, он и в этом случае увлекался энтузиазмом и потому не мог верно передавать дух восточных песен. Точно так же как и в его книге «*Maran atha*», его похвалам нет никаких границ, а его воззрения отличаются девственной наивностью, которая мешает ему передавать содержание «Песни песней» во всей ее «старинной еврейской простоте». Гердер не жалеет слов и не стыдится повторений, стараясь уверить нас, что мы имеем дело с «первобытной песнью любви». Он говорит, что всякий, кому когда-либо случалось воспевать любовь, писал только вариации на «Песнь песней» и что не существует другой песни, в которой «танец был бы так же облагорожен и идеализирован», как в седьмой главе рассматриваемой книги. «Пусть укажут мне, — говорит он, — у какого-нибудь поэта, воспевающего природу и любовь, описание такого положения, которое нравится нам своей естественностью и возбуждает в нас сострадание, — и я тотчас укажу вам в этой книге еще более изящное описание такого положения». Восхваляя эту прелестную «миртовую рощу любви», он бессознательно впадает в крайне наивную сентиментальность

¹ Следует полагать, что именно такова была внешняя форма перевода, о котором Гердер писал своей невесте еще 21 марта 1772 г. по поводу переведенных им романсов (А, III, 205): «Если хотите, я вам пришлю еще кое-что — пришлю греческие песни, а если у вас разыграется аппетит, даже могу вам доставить перевод Иова и Соломоновой „Песни песней“». Что он старался писать рифмами, видно из помещенных в книги (с. 134, 137, 153) переводов некоторых отрывков из Библии. Касательно того, что он иногда вносил в такие переводы тон романсов, см. заключительные примечания Суфана к «Теологическим письмам» и к «Еврейской поэзии» (SWS. XII, 408 и сл.).

и всего более восхищается идиллическими сценами. В качестве последователя Жан Жака Руссо он влагает следующие слова в уста девушки, которая зовет своего возлюбленного вслед за собой в поле и в виноградник: там, «в жилище простоты, где силы природы еще действуют в ничем не прикрытой чистоте», настала теперь весна любви; а по поводу этой сцены автор обращается с воззванием к невинной природе, которую называет «Храмом Божьим».

Кто же, как не такой пылкий мечтатель, был бы способен сделать такую правильную оценку рассматриваемой книги, которая не отзывалась бы ни теологическими предрассудками, ни площадным отсутствием изящного вкуса? Действительно, воззрение Гердера на содержание и характер «Песни песней» в сущности сходится с теперешним научным воззрением. Он был вполне прав, считая эту книгу за сборник эротических песен, в котором между отдельными описаниями также мало внутренней связи, как между «нанизанными на шнурок изящными жемчужинами». Гердер основательно отвергает мнение тех, которые усматривали в этом сборнике сходство с драмой, и настоятельно утверждает, что это были отрывочные лирические песнопения. Но ему следовало бы воздержаться от всяких дальнейших подробностей; ведь его разделение песен по разрядам совершенно произвольно, а его попытка доказать, что автор «Песни песней» проводит сквозь шесть или семь сцен одну и ту же главную идею, оказалась совершенно неудачной. Когда он подробно объясняет, что у собирателя или автора песен описана любовь, начиная с ее зародыша, по всем ступеням ее развития вплоть до ее полного удовлетворения, то он приписывает сборнику песен такую философскую цельность основной идеи, которая существовала только в его собственном уме, принимавшем продукты его пылкой фантазии за действительные факты.

С меньшей уверенностью и с большей осмотрительностью обсуждает Гердер вопрос о происхождении приписываемых Соломону песен. Он отвергает предположение, будто все эти песни были написаны самим царем; он довольствуется тем, что этот сборник был «чисто соломоновский по своему характеру», что он служит «верным выражением вкусов и понятий о любви, господствовавших во времена Соломона и уже никогда более не существовавших у еврейского народа», что он был «самым изящным памятником счастливой соломоновской эпохи»; наконец, Гердер смело высказывает следующее мнение, еще менее других основательное: «То была младшая сестра мудрости

по своим изречениям и по своему умению проповедовать слово Божье».

Вслед за этой оценкой книги Гердер разрешает вопрос: каким образом могло случиться, что такая книга вошла в состав Библии? И в постановке этого вопроса, и в ответе на него Гердер является не поэтическим истолкователем, а теологом — остроумным и свободномыслящим теологом. Библия остается для него тем же, чем была для автора «Древнейшего документа» и «Провинциальных листков», — такой книгой, которая заключает в себе Откровение Божье и историческое свидетельство Божеского управления миром. И в Ветхом Завете Бог поучает людей историческими событиями и, руководя одним народом, указывает пример для всего человеческого рода. Отсюда истекает и та точка зрения, с которой следует смотреть на исторические факты, входящие в содержание любовных песен Соломона, и на тех людей, которые были исполнителями воли Божьей. К числу таких людей принадлежал и Соломон со своими добродетелями и со своими слабостями. Его «Песнь песней» вошла в состав Библии как «допущенное Богом свидетельство о его характере и образе жизни». Именно с этой точки зрения следует объяснять его книгу, которая, по идеальному воззрению Гердера, есть не что иное, как чистая непорочная жемчужина любви; ее следует читать в связи с другими сочинениями Соломона и с его жизнеописанием; на нее следует смотреть как на «венец чистых юношеских лет избранника Божия», мудрого царя, в конце концов сделавшегося безумцем от страсти к женщинам; тогда мы, быть может, будем в состоянии извлекать из «привлекательной наивности тех песен целебный сок для нашего жалкого века!» Такое разрешение этого щекотливого вопроса, конечно, обнаруживает заботливость комментатора о человеческой нравственности и о спасении нашей души, но оно находится в резком противоречии с безусловным отречением Гердера от всяких аллегорических объяснений. Здесь Гердер снова переходит на почву церковной теологии, и его статья получает некоторое сходство с его сочинением об «Откровении Иоанна». Разница только в том, что здесь он не извращает натурального смысла слов, а лишь применяет к требованиям церковного благочестия все, что говорится у Соломона о любви. «Натура, точно так же как сердечная чувствительность и любовь, повсюду одинакова: если твое сердце пожелает молиться, говорить, судить и любить словами этой книги, ты можешь это делать беспрепятственно, подобно Исае, Христу и Иоанну».

Но чтобы усилить впечатление, которое производит этот сборник любовных песен, Гердер присовокупляет к своей статье средневековый поэтический перевод «Песни песней» во вкусе миннезингеров. В этом переводе нет никаких мистических объяснений, и та старинная песнь получает внешний вид песни трубадуров. Гердер не высказывает намерения сопоставлять ее с песнями миннезингеров, но это намерение ясно видно из заглавия его статьи. Еще другое впечатление выносим мы из чтения этой статьи: перепечатывая упомянутый выше перевод, столь ценный для «любителей немецкого языка и поэзии миннезингеров», Гердер указывает на внутреннюю связь между поэтическими приемами различных стран и эпох; в этом случае он является перед нами не в роли истолкователя священного текста, а в роли исследователя, хорошо знакомого с историей поэзии и литературы. Независимо от старания устранить ложные толкования библейской книги он интересуется всем, что касается прошлой истории нашего языка и его литературных памятников. Летом 1777 г. он выписал из Йены доставленный туда из библиотеки Фридриха Мудрого кодекс поэзии миннезингеров с объяснениями Видебурга¹. Уже в течение многих лет Гердер интересовался этим сюжетом, постоянно отыскивая памятники древнегерманского языка и всячески стараясь ближе ознакомиться «с духом и с языком отдаленных времен». Наряду с греко-римской древностью его интересовал Восток; наряду с Востоком его интересовал древнегерманский мир; наряду с древнегерманской поэзией его интересовали не только поэтические произведения других европейских народов, но также поэтические произведения всех народов, всех стран, всех времен! Эти широкие стремления сводились к желанию доискаться того, что есть неподдельного и первобытного в проявлениях человеческого духа. Гердер имел в виду народные песни, когда вел речь о живом источнике всякой поэзии.

¹ К Гаману 20 марта 1778 г. (Соч. Гамана. V, 284); к Лессингу 25 декабря 1778 г. (с примечанием Редлиха в гемпелевском издании сочинений Лессинга. XX, 2, 960); еще в «Воспоминании о некоторых древних немецких поэтах», помещенном в «Разбросанных листках» (V, 213 и сл.), Гердер упоминал (1793) об этой рукописи и о том, что изучал ее. Самые необходимые для нас подробности касательно ее содержания и достоинств можно найти в сочинении Гагена (Minnesinger. IV, 900).

IV. Издание сборника народных песен

Намерение издать сборник английских, немецких и других народных песен было близко к своему осуществлению еще в 1773—1774 гг.; с тех пор его исполнение было не окончательно отложено в сторону, а лишь отсрочено¹. Те, кому было известно существование сборника, беспрестанно напоминали о необходимости издать его. Бенцлер обращался к Гердеру 24 сентября 1777 г. с вопросами: «Что случилось с Вашим сборником народных песен? Почему Вы так долго не выпускаете его в свет?» Но всех настойчивее был в своих напоминаниях Глейм. В письме от 18 февраля 1776 г. он убеждал Гердера приступить к изданию народных песен, не обращая внимания ни на черта, ни на его детей; а 21 июня 1776 г. он снова писал Гердеру: «Прошу Вас ради моих преклонных лет скорее издать Ваши народные песни!» Встретившись с Гердером в сентябре того же года в Гальберштадте, Глейм прибегнул к более верному средству — к посредничеству Каролины. По совету Глейма, Каролина не давала своему мужу покоя, пока он не привел в порядок свой сборник и не приготовил его к печати; это видно из письма от 22 декабря 1777 г., в котором Глейм называл Гердера «первым и почти единственным в Германии издателем народных песен»². Действительно, со времени своего переселения в Веймар Гердер снова стал серьезно помышлять об издании своего сборника. Разве мог он допустить, чтобы последнее слово осталось за Николаи, который в первом томе изданного им в конце 1776 г. альманаха перепечатал без всякого разбора разные народные и площадные песни с целью выставить намерение Гердера в смешном виде? Разве мог он считать за осуществление его собственной идеи предпринятое в начале 1777 г. Урсинусом издание старинных английских и шотландских баллад и песен? Он помогал советом и делом благонамеренному Урсинусу, взявшемуся за это дело под влиянием того, что вычитал из «Листков для немецкой жизни и искусства»³; но как узок был план издателя, как неудовлетворителен был запас материалов, которыми мог располагать этот издатель, не обла-

¹ Сравн.: Т. I. С. 875 и сл.

² С, I, 51; касательно того, что следует, сравн.: *Weinhold*. 183.

³ В письме от 7 декабря 1776 г., находящемся у меня в подлиннике, Урсинус извещал Гердера о своем намерении, прося его указать хорошо переведенные песни и доставить его собственные переводы. Он говорил, что имеет целью познакомить всех молодых поэтов с *Reliques* и вместе с тем доказать, что «поэт, в настоящем смысле этого слова, должен писать не для одних только

давший никакими поэтическими дарованиями! Только Гердер был бы в состоянии довести до конца такое предприятие. И накопленные им литературные сокровища, и его многолетние заботы о собирании и переводе народных песен, и его желание оказать поэзии самую большую услугу, какую ей можно было оказать в то время, и поощрения со стороны его жены и друзей — все это наконец побудило его приступить к изданию сборника. Бойе взял на себя роль поверенного и посредника. Еще в январе 1777 г. он был уполномочен Гердером переговорить об издании сборника с Вейгандом, и даже существовало предположение издать сборник от имени Бойе. Но в то время, как велись переговоры, а Бойе обратил свое внимание на другого издателя — на жившего в Гёттингене Дитриха, Гердер неутомимо трудился над исправлением и пополнением сборника. Так, 28 ноября 1777 г. он обращался к Герстенбергу с просьбой о присылке северных народных песен — и, конечно, безуспешно¹. Несмотря на то что он не захотел поручать издание Гарткноху и еще в ноябре поручил Бойе заключить условие с Вейгандом, он обращался к Гарткноху с просьбой собрать у рижских знакомых эстонские, латышские и русские народные песни и снабдить его словарями и грамматиками². С той же целью он настоятельно просил Глейма о присылке испанских, итальянских и французских романсов и, без сомнения, с целью изучать народные песни стал в начале зимы 1777/78 г. учиться испанскому языку — «по необходимости» как он писал Гаману. К Гейне он обращался 12 апреля 1778 г. с просьбой о присылке галльского словаря и грамматики, а из Рима ему прислал принц Август Готский морлакские песни, до-

ученых или людей, считающих литературу за ремесло». Присылая свою книгу при письме от 26 апреля 1777 г., Урсинус благодарил Гердера за оказанные ему поощрение и содействие, просил извинить непомещение гердеровских переводов, доставленных слишком поздно, и выражал надежду, что Гердер будет присылать ему статьи для второй части (сравн.: *Ursinus. Balladen. С. 352*). На заглавном листе этой книги изображен распеваящий баллады певец, которого окружают люди всяких наций, а сам компилятор выглядывает из-за угла; в ней помещены некоторые произведения самого Гердера, извлеченные из «Листков о немецкой жизни и искусстве», и, кроме того, на страницах 255, 259, 263, 281 некоторые произведения Гердера, подписанные его именем, но ранее того помещенные им в гёттингенском «Альманахе муз» без имени автора.

¹ Это письмо Гердера сообщил мне Редлих в копии. В оставшихся после Гердера бумагах найдено ответное письмо от 30 дек. 1777 г., в котором Герстенберг с сожалением сообщает Гердеру, что у него вовсе нет в запасе таких песен.

² С, II, 81, 82, 84.

ставленные, из Венеции аббатом Фортисом¹. Между тем он подготавливал и публику к появлению сборника. Бойе поместил в 1777 г. в ноябрьском номере «Музея» (с. 421 и сл.) без имени автора гердеровскую статью «О сходстве средневековой английской поэзии с немецкой и о разных истекающих из этого сходства выводах»; к этой статье издатель сделал приписку, в которой говорил, что издание народных песен, быть может, будет готово к предстоящей ярмарке².

Нам уже известно, что эта статья была не что иное, как переделанные в одно целое предисловия к первой, третьей и четвертой книгам первоначального сборника 1774 г.³ Этим объясняется неуклюжий заголовок, не подходящий по меньшей мере к последней главе помещенной в «Музее» статьи; именно эта последняя глава подверглась самым значительным сокращениям; содержание остальных глав также сокращено и, кроме того, отброшены примеры, вставленные при первоначальной редакции. Гердер старался смягчать и сглаживать свои выражения, однако не был в состоянии сдерживать бурный поток своего красноречия; несмотря на различные поправки, он был уверен, что слог его статьи покажется напыщенным. Впрочем, ее привлекательности отчасти вредило то обстоятельство, что она появилась отдельно от сборника тех песен, для которых введения служили подготовительными объяснениями. Но между сделанными прибавками к введениям заслуживайте особенного внимания следующие три: то место, где Гердер превозносит Глейма как единственного подражателя тех песен миннезингеров, с которыми познакомил нас Бодмер; то место, где он задает хороший урок Николаи за напечатанную им разную дрянь; наконец то место, где он превозносит (несмотря на то, что вовсе не принадлежал к числу безусловных поклонников «Леноры»⁴) осмеянного Даниилом Зейберлихом Бюргера как такого поэта, которому хорошо знакомы язык и сердце простого народа, который писал романсы

¹ Письмо принца помечено 29 апр. 1778 г.; письмо к Гейне осталось ненапечатанным.

² Эта статья была снова напечатана в SW в отделе литер. (VII, 47 и сл.) без приписки Бойе и с неполным заголовком; кроме того, из нее были выпущены некоторые резкие выражения.

³ См.: Т. I. С. 882 и сл., и в особенности с. 888.

⁴ См. переписку Гейне с Гердером (С, II, 166, 167, № 29), также оставшуюся ненапечатанной, назначенную для «Эрфуртских известий» заметку о написанной Альтгофом биографии Бюргера (SWS. XX, 377 и сл.) и насмешливые намеки в «Адрастее» (II, 2, 278 и сл.).

и песни и переводил на немецкий язык Гомера¹ с неподдельным поэтическим талантом и который когда-нибудь будет в состоянии писать эпические стихотворения в духе национальных песен.

В этой статье Гердер высказал все, что у него лежало на сердце, но при издании сборника песен он намеревался действовать с крайней осмотрительностью. Он руководствовался в этом случае точно такими же соображениями, какие побуждали его медлить с изданием сборника. «При издании первой части, — писал он Глейму, — я буду главным образом стараться не доставлять Николаи с компанией никакого повода для презрительных насмешек и потому буду всего более осмотрителен при выборе немецких песен». Те же опасения он высказывал в письме к Лессингу от 25 декабря 1778 г.: «Пустоголовые представители нашей литературы, которые относятся несочувственно ко всякому новому предприятию, потому что сами не в состоянии предпринять что-либо новое, находили смешными и мой замысел, и заглавие новой книги; поэтому я сделал лишь легкую пробу того, что можно бы было сделать». И в продолжение всей своей работы он находился под влиянием досады, которую возбудил в нем несочувственный отзыв о предстоящем издании сборника, и под влиянием опасения, что приверженцы Николаи будут осыпать его насмешками и оскорблениями. Поэтому он предпослал первой части, вместо своего собственного предисловия, отзывы Лютера, Лессинга и Герстенберга о достоинстве народных песен; то же старание защитить себя от обвинений проглядывает в выборе эпиграфов. Только для того чтобы «предотвратить разные кривые толки», он прибавил в конце первой части коротенькую приписку — но и в этой приписке проглядывает раздражительность человека, у которого отбили охоту от его любимого предприятия и который не уверен в успехе. Он говорит, что не желает сделаться для немцев тем же, чем был Перси для англичан, что не имеет достаточно свободного времени для исполнения такой роли и что не чувствует к ней призвания. Еще менее мог он питать без-

¹ В «Немецком Меркурии» (1776. № 5) появилась 6-я песнь «Илиады». Впрочем, Бюргер не догадался, кто был автором статьи, напечатанной в «Музее» (*Strodtmann. Briefe von und an Bürger. Berlin, 1874. II, 203*). Из одного письма Бойе к Бюргеру (Там же, 181) видно, как горячо Гердер хлопотал об успехе подписки на сочинения Бюргера в Лифляндии, Курляндии и Пруссии. Некоторые из стихотворений Бюргера — «который напоминает миннезингеров и поет серебристым голосом» — Гердер хвалил в 1772 г. в своих письмах к Мерку и к Каролине (*Вагнер. I, 42; A, III, 360*).

рассудное намерение вытеснить современные продукты поэтического творчества; ему хотелось только доказать негодность новейшей манеры писать романсы и народные песни. С другой стороны, он старался заменить плохие переводы более удовлетворительными, но и эти последние были лишь слабыми отголосками того, что он думал и чувствовал при чтении подлинников, — «он не имел в виду образованную публику, которую забавлять или поучать он не чувствует в себе призвания, а лишь хотел доставить удовольствие самому себе и тем немногим людям, которые сочувствуют ему в этом предприятии». В письме к Лессингу он говорит, что первая часть сборника более похожа на «*confusum chaos*, на взрыв негодования, чем на настоящий сборник». В том же тоне досады и даже негодования написано послесловие второй части; разница только в том, что этой второй части предпослано обширное введение. Мы с жадным любопытством читаем это введение, которое написано с целью «объяснить смысл и значение этих разнообразных стихотворений». Но на самом деле оно служит новым доказательством того, что разные посторонние соображения мешали автору издать сборник в том виде, в каком он был задуман в 1774 г. Поэтому нам нелегко будет следить за идеями автора, которому беспрестанно приходится сворачивать в сторону от прямого пути.

Гердер начинает со своего старого основного положения, что поэзия и в особенности песня были в своем начале продуктами общенародной умственной деятельности. Поэзия «жила в ушах народа, на устах и в арфе певцов; она воспевала исторические события, необъяснимые тайны, чудеса и знамения; на ней лежал самый изящный отпечаток отличительных особенностей народа, его языка и страны, деловых занятий и предрассудков, страстей и притязаний, музыкальных способностей и душевных влечений». Вслед за этим следовало бы ожидать от автора исторических доказательств его основного положения; как от переводчика «Песни песней» от него следовало бы ожидать ссылок на поэзию евреев; но — к удивлению читателя — об этой поэзии не говорится ни слова в сборнике народных песен; автор делает ссылки на Гомера, на его метрический размер, так хорошо подходящий к вкусам греков, на Гезиода и Орфея. Он неожиданно заводит речь о трудности и даже невозможности переводить эти греческие стихотворения; то же замечание относится к хорам, которые, «без сомнения, были идеалом греческих народных песнопений», и к произведениям Пиндара. Отсюда видно, что он не проводит ясной границы между поэзией народной и поэзией искусственной.

Чтобы предохранить себя от насмешек, он делает ссылки, между прочим, и на лучшие искусственные произведения поэзии, и только невозможность переводить поэтические произведения служит для него оправданием в том, что он приводит лишь несколько образчиков греческих песенок, застольных песен и мелких стихотворений. «Я потихоньку пробираюсь вдоль берега, — говорит Гердер, — и предоставляю другим плавание по открытому морю».

Еще более ясно проглядывают умственный колебания Гердера в том, что он говорит о составе сборника. После краткого упоминания об утрате римских народных песен, следы которых он, однако, усматривает у Катутла и у Лукреция, он заводит речь о старинных христианских песнопениях отцов церкви и утверждает, что эти песнопения, вернее, уцелевшие старинные их переводы на немецкий язык не должны входить в его сборник. Вслед за тем он переходит к «немецким песнопениям и народным песням» и при этом ясно доказывает, что уже далеко уклонился от своих прежних воззрений на этот предмет. Он прежде высказывал твердое упование на то, что какому-нибудь немецкому Перси удастся собрать в его отечестве такую же богатую коллекцию старинных песен, какую собрал в своем отечестве англичанин; и в письмах об Оссиане, и в предисловии к первой книге первоначального сборника народных песен он настоятельно поощрял к отысканию и собиранию таких песен. А теперь он утратил прежнюю надежду и не повторяет прежних поощрений. Ведь его собственные усилия имели так мало успеха, а то, что было собрано стараниями Николаи «на городских улицах, больших дорогах и рыбных рынках», могло лишь заглушить интерес к немецким народным песням; да и советы друзей не внушали Гердеру бодрости. Его искренний доброжелатель Петр Штурц, с которым он познакомился в июне 1777 г. в Пирмоне, горячо сочувствовал идеям, высказанным в той статье, которая была напечатана в «Музее», «но, — говорил он в письме от 25 декабря 1777 г., — я поверю возможности издать настоящие немецкие народные песни только тогда, когда увижу их собственными глазами. У немцев не было настоящего народа, а были лишь рабы, угнетаемые дворянством, духовенством и владетельными князьями... Народ способен петь и выражать в песнях свои чувства только тогда, когда ему предоставлена некоторая свобода, когда тяжелый гнет властителей не заглушает в нем радостных чувств, доставляемых природой и жизнью... И песни миннезингеров были господскими песнями, а немецкий народ не знал ни праздности, ни пирушек,

ни песнопений». Гердер узнал, что Лессинг также помышлял об издании сборника народных песен. Разочаровавшись в своей надежде отыскать достойные печати старинные немецкие стихотворения, он обратился к Лессингу с вопросом, не были ли его усилия более успешны. На это Лессинг отвечал 10 января 1779 г., что он намеревался издать не народные немецкие песни, а немецкие народные стихотворения, состоящие частью из приамелей¹, частью из рифмованных загадок. Вместе с этим он привел несколько образчиков приамелей. «У наших предков, — писал он, — я нашел мало таких песен, которые стоило бы сохранять, вернее, вовсе не нашел; я даже удивлялся, откуда вы набрали их так много. Чтобы воздать должную честь нашим предкам, следовало бы обратить внимание на их произведения в сфере повествований и догматики, а не в сфере лирики». К тому же убеждению привел Гердера его собственный опыт. То было чем-то вроде отголоска мнений Лессинга и Штурца, когда Гердер утверждал в предисловии, что «лирическая поэзия не была выражением нервной чувствительности немецкого народа, не была лучшим цветком в его поэтическом венке», что следовало бы заняться собиранием не лучших песен, а лучших дидактических стихотворений и эпиграмм; «немецкая арфа, — говорит Гердер, — была исстари нема, в голосе народа было мало благородства и жизни, поэтому и роль немецкого Перси была бы очень жалкой».

Итак, в этой части предисловия Гердер говорит не столько о том, что ему удалось собрать, сколько о том, чего ему недоставало. Вслед за этим он делает обзор тех стихотворений, которые имеют хоть какое-нибудь слабое сходство с народной песнью. Всего долее он останавливает свое внимание на исторических песнях, потому что указание таких песен могло бы принести пользу тому, кто вздумает писать «истории немецкой песни и немецкой поэзии». От исторических песен он переходит к песням миннезингеров и мейстерзингеров, к песням церковным, «романтическим и любовным», застольным и товарищеским. При этом он постоянно повторяет, что не может или не желает делать никакого употребления из тех песен. Так, он не отвергает народного отпечатка в песнях миннезингеров, потому что «нет надобности быть по рождению простолюдином или петь для простолюдинов, чтобы иметь право называться народным пев-

¹ Приамели — особенного рода немецкие стихотворения XIV—XV столетий. — *Прим. пер.*

цом», — но он утверждает, что в языке и в способе выражения миннезингеров и мейстерзингеров «мы находим мало лиризма». Гердер постоянно стесняется в своих суждениях разными побочными соображениями и, между прочим, нежеланием задеть тех господ, которые не признавали никаких достоинств в народных песнях; наконец, он прибегает к оговорке, которая не совсем подходит к тому тону, каким он когда-то возвещал о появлении своего сборника, — он говорит, что большей частью ограничивался «почти совершенно позабытыми немецкими поэтами и их лучшими стихотворениями».

Таков его собственный отчет о содержании сборника немецких песен; к этому отчету прибавлено лишь несколько замечаний об английских народных песнях, о переведенных на немецкий язык стихотворениях испанских и итальянских. Между тем он почти на каждой странице вставляет самые презрительные нападки на тех, кто принудил его быть таким осмотрительным и почти совершенно отказаться от его собственных убеждений. Наряду с «Альманахом» Николаи и с его «всеобщей и бесконечной библиотекой» служит целью для его насмешек рамлеровский сборник лирических стихотворений — этот образцовый сборник правильно написанных и исправленных стихотворений, и в особенности предисловие ко второй части этого сборника — это напыщенное объявление войны любителям всего, что не отзывается классицизмом, и тем поэтам, которые возвратили нашу поэзию в детство, «стараясь унижить ее примесью оборотов речи, заимствованных у простонародья всех провинций и всех времен»¹. Этим-то «классикам» Гердер предлагает свой «скромный и бедный сборник». Он предлагает им не «чеканные классические монеты», а «материал для изящных поэтических произведений — необделанный материал в том виде, в каком он вышел из недр природы»; он предлагает им такие песни, которые имеют право называться неподдельными песнями. В связи с этим он объясняет, в чем заключается сущность песни. Он говорит, что песня вовсе не имеет целью рисовать приятными для глаз красками картинки, что в ней играет главную роль не внешняя блестящая отделка, а мелодическое выражение страсти или чувства, поэтические модуляции и певучесть, потому что она сочиняется

¹ «Я еще не читал рамлеровского ремесленного произведения», — отвечал Гердер 6 декабря 1778 г. на то письмо, в котором Глейм приглашал его 22 ноября обратить внимание на вторую часть лирического сборника и на его предисловие.

не для того, чтобы ее читали, а для того, чтобы ее слушали «ушами сердца». С этим находится в связи и то, что говорил Гердер о своей манере переводить народные песни. Он требует от переводчика верной передачи тона подлинника. Между тем как Рамлер исправлял изданные им песни и прибавлял к ним разные заплатки, Гердер старается возбудить сочувствие к старинному складу песни и этим способом вызвать к жизни новую лирику. В этом смысле он ведет речь о пользе, «которую могла бы доставить некоторым высохшим ветвям нашей поэзии эта маленькая капелька росы, упавшая с чужих облаков». С этой же целью он включил в свой сборник полдюжины собственных песен, гётевскую рыбацью песню и вечернюю песнь Клаудиуса.

Как из содержания сборника, так и из содержания предисловий и дополнительных приписок видно, что Гердер находился под влиянием сочувственных и несочувственных отзывов о его предприятии, доходивших до его сведения с начала 70-х годов. Его убеждение в важном значении народной песни было так глубоко и так тесно срослось со всеми его идеями и стремлениями, что он уже не был в состоянии изменить свою точку зрения. Но он приступил к изданию своего сборника уже не с той любовью к делу и не с той самоуверенностью, с какими брался за это издание за пять лет перед тем. Сознывая необходимость применяться к испорченному вкусу своих современников и привыкши более строго проверять свои собственные суждения, он, с одной стороны, многое выбросил из своего сборника, а с другой стороны, многое вставил в него и придал ему такой отпечаток разнородной смеси, который смягчал общий тон сборника. Из желания отплатить своим противникам за вынесенные от них обиды Гердер позволял себе резкие выражения, которые неизбежно должны были навлечь на него новые нападки со стороны критиков. Во второй части сборника он еще менее сдерживал свою раздражительность, чем в первой¹. Заголовок второй части гласит: «Народные песни, перемешанные с другими стихотворениями», а в

¹ Историю печатания первой части, происходившего под надзором Бойе, можно проследить по письмам Бойе к Бюргеру (*Штротман*. II, 201, 234, 276, 283). Из этих писем видно, что рукопись находилась в руках Бойе уже 1 января 1778 г., а печатание было окончено в конце мая. Около 20 мая (по указанию Дюнцера) Гердер послал вышедшие из печати народные песни Глейму. Из письма Гердера к Лессингу от 25 дек. 1778 г. видно, что он работал в то время над второй частью; 22 марта 1779 г. он уведомлял Глейма о предстоявшем выходе в свет второй части, и уже 27 мая принц Август благодарил его за присылку этой книги. Вторая часть вышла ровно через год после первой.

предисловии сказано, что ввиду «визгливых протестов, вызванных изданием народных песен», он совершенно изменил общий тон этой части и вставил в нее такие стихотворения, которые не принадлежат к числу народных песен. Такая же оговорка встречается в некоторых небольших примечаниях, которыми он сопровождает в оглавлении каждый отдельный номер сборника, — между тем как эти примечания писались или с целью указывать источники, или с целью объяснять тон и характер стихотворений, или с целью указывать изменения, пропуски и недостатки в переводах. Он полушутя-полусерьезно говорит, что, включая в свой сборник французские песенки, он приносил жертву господствовавшим вкусам, а вставляя между эстонскими и литовскими песнями переводы из «Аналектов» Брунка, он иронически замечает, что делал это с целью «вознаградить нужные греческие сердца за варварство предшествующих и последующих песен».

В общем результате оказывается, что новый сборник почти втрое объемистее прежнего и что в нем решительно преобладает эстетическая точка зрения. Эта точка зрения служила в 1774 г. руководством при выборе и распределении стихотворений только во второй части¹, а теперь она служит таким руководством во всем сборнике. При этом Гердер или совершенно отложил в сторону, или отодвинул на задний план и прежний патриотический пафос, и прежние нападки на дух современного просвещения, и прежние этнографические и исторические соображения. Но эти соображения все еще живо представлялись уму автора; они выдвинулись бы снова на передний план, если бы Гердер привел в исполнение свое намерение *палингенизировать* свой сборник. Тогда — как он выражался в 1803 г. в «Адрастее» — он расширил бы содержание сборника и распределил бы его по различным странам, временам, языкам и нациям, так что его сборник сделался бы «чем-то вроде живого языка различных народов и даже всего человечества»².

¹ В прежнем предисловии к этой части Гердер говорил, что будет распределять стихотворения по различным сферам искусства и что он находит у Шекспира много образчиков полной жизни натуральной поэзии. Поэтому он начинает с самых страстных стихотворений и переходит к более нежным, начиная со «сладких любовных романсов». После того он приводит образчики шекспировского «волшебного стиля», от которого исходит к «крестьянскому» стилю, затем возвращается к наводящим ужас стихотворениям (вроде сцены шабаша ведьм) и оканчивает своими собственными песнями.

² Адрастее. V, 2, 275. — На основании этих слов Мюллер издал сборник под заглавием «Голоса народов в песнях» и при распределении его содержания придерживался этнографического принципа (SW в отделе литературы.

Тем не менее Гердер утверждает, что цель изданного им в 1778 и 1779 гг. сборника не осталась вовсе не достигнутой. Действительно, мы и до сих пор замечаем следы его влияния на исследования сущности и истории народной поэзии. Только со времен Гердера понятие о народной песне получило более ясную определенность и сделалось настоящим историческим понятием. С тех пор исследователи стали изучать происхождение народной поэзии, ее постепенную замену искусственной и сословной поэзией и ее пробуждение после продолжительного безмолвия; наконец они стали следить и за изменениями, которые происходили в характере песен под влиянием исторических событий и степени умственного развития народов. С тех пор начали тщательно изучать разнообразный характер народных песен в его зависимости от условий почвы, от темперамента, от фантазии, от чувственной впечатлительности; затем стали обращать внимание на общие характеристические черты народных песен и на то, как они переходят от одного народа к другому. Все это делалось на основании постоянно разраставшегося запаса материалов. Между тем как Гердер собирал цветки народной поэзии со всех концов земли и нередко вплетал в свой пестрый букет искусственные цветы, напротив того, позднейшие исследователи стали изучать народную поэзию какого-нибудь одного племени, одной страны и даже одной провинции. Подобно тому как по следам первого рудокопа, открывшего золотую руду, идут толпы других рудокопов, и по стопам издателя народных песен шли целые толпы исследователей и собирателей, накопивших необозримые запасы продуктов первобытной поэзии. В особенности немецкая народная песня вступила с тех пор в свои законные права — ее стали изучать и с поэтической, и с научной точки зрения.

Гердер еще не мог в ту пору помышлять о настоящей истории немецкой поэзии; он сам признавался¹, что для такого предприятия ему недоставало и свободного времени, и терпения. Он

Т. VII и VIII). Сравн. напечатанную в 3-м томе «Zeitschr. für deutsche Philologie» статью Суфана «Herders Volkslieder und J. von Müllers Stimmen der Völker in Liedern». Без сомнения, для предположенного палингенезированного сборника было написано Гердером «Посвящение народных песен», помещенное в Адрастее (VI, 2, 159 и сл.; SW в отделе литературы. VII, 94 и сл.). Предположение Суфана (с. 462), что это посвящение было написано еще для сборника 1778 г., опровергается и тоном двустишия, непохожим на тон предисловий и приписок, и его нравоучительной основной мыслью, и наконец его аналогией с пробной главой «Адрастеи» (V, 2, 274 и сл.).

¹ В 1793 г. в начале писем о некоторых старинных немецких поэтах; см. 5-й сборник «Разбросанных листков».

познакомился с содержанием изданного в Йене кодекса миннезингеров и, как видно из его письма к Оберлину, уже давно старательно разыскивал произведения старинных, почти совершенно позабытых, немецких поэтов. Немедленно вслед за изданием второй части сборника народных песен он обратился к страасбургскому ученому с просьбой доставить ему список тех поэтов XV, XVI и XVII столетий, произведения которых можно отыскать в Страсбурге, и между прочим говорил, что ему уже давно хотелось прочесть стихотворения Векгерлина¹. Это последнее желание, как следует полагать, скоро исполнилось, потому что именно о Векгерлине идет речь в первом письме, которое Гердер написал к издателю «Немецкого музея» под заглавием «Воспоминания о некоторых старинных немецких поэтах»². При этом Гердер высказывает желание увидеть изданными отборные стихотворения Векгерлина и делает разные замечания о вольном стихотворном размере поэта. Он находит, что этот размер отличается своей естественностью и придает стихам своеобразную физиономию и живость. И в этом суждении он руководствовался тем несочувствием к бездушным обязательным правилам, которое сказывалось во всех его воззрениях на метрику; но он ошибочно принял за благородную естественность именно то, что было в высшей степени неестественно³.

В течение следующих двух лет Гердер постоянно доставлял в «Немецкий музей» письма о литературе и в то же время высказывал свои замечания о древней немецкой поэзии даже в своих письмах о теологии⁴. В первом и втором письмах он высказывал ошибочные догадки касательно того поэта, который скрывал свое имя под прозвищем поселянина Филидора⁵; в письмах третьем и пятом он приводил из «старинного немецкого Анакре-

¹ К Оберлину от 19 июня 1779 г. — Оберлин безуспешно старался исполнить желание Гердера (см. его письма к Гердеру от 7 окт. 1779 г. и от 14 марта 1780 г.). В этой переписке идет речь преимущественно о доставке греческих классиков и о предпринятом Оберлином издании «*Scherzii Glossarium*», для которого Гердер собирал между своими знакомыми подписчиков. О доставке нескольких народных песен и своего «*Essai sur le patois*» Оберлин извещал Гердера 21 августа 1781 г.

² Немецкий музей. 1779, октябрь. С. 299 и сл.

³ Сравн.: Höpfner Weckherlins Oden und Gesänge. С. 13 и сл.

⁴ Немецкий музей. 1780, ноябрь. С. 415 и сл.; 1780, декабрь. С. 481 и сл.; 1781, январь. С. 2 и сл.; 1781, март. С. 264 и сл.

⁵ Только 16 окт. 1786 г. Эшенбург писал Гердеру, что, как он случайно узнал, настоящее имя Филидора было Иаков Швигер, а Гердер полагал, что под именем Филидора скрывался Шох.

она» образчики застольных песен, в которых ему особенно нравился наивно-веселый тон, так мало похожий на «пошлый изящный тон нашего времени»; в четвертом письме он указывал на сочиненную иезуитом Бальде хвалебную песнь в честь Девы Марии как на доказательство того, что в католической церкви найдется немало таких же прекрасных стихотворений; всего подробнее и с особенным сочувствием он говорил во втором письме о земляке Векгерлина, Иоганне Валентине Андреэ.

Гердер познакомился с произведениями этого замечательного человека, вероятно, еще ранее 1780 г. и потом всячески старался воскресить заглохшие о нем воспоминания. Великий теолог — который до и во время смутной эпохи тридцатилетних войн так метко бичевал безрассудства ученых, оплошности правителей и недостатки духовенства, который был наставником, врачом и избавителем своих сограждан — неизбежно должен был сделаться любимцем Гердера, лишь только этот последний успел ближе ознакомиться с его личностью. Этих двух людей связывало духовное родство, потому что оба они были теологи и оба были поэты. Они походили один на другого и умственной подвижностью, и обнаружившейся с ранних лет жаждой знания, и влечением к литературным занятиям, и готовностью вести борьбу за свои убеждения, и потребностью практической деятельности. Оба они чувствовали отвращение к бесплодной схоластике и к мрачному мистицизму, оба были представителями живого, применимого к вседневной жизни христианского учения; наконец, оба они обладали достаточными поэтическими дарованиями для того, чтобы выражать стихами остроумные идеи и нравственные поучения. Вот почему, когда Гердер пишет характеристику Андреэ, нам кажется, что он пишет свою собственную характеристику. «Его наружность, — говорит Гердер, — вероятно, отличалась таким же изяществом, каким отличались его нравственные идеи, потому что и его остроумие, и все его замечания, и все его чувства, и даже самые резкие из его суждений, самые колкие из его сатир обнаруживали самое тонкое нравственное чутье. Ни громадный запас его познаний, ни его сильное влечение к искусствам и наукам, ни даже его разнообразные деловые занятия и многочисленные сношения с людьми всякого рода не могли заглушить в нем той любви к правде, которая называется во всем, что он писал». Эти слова вполне применимы и к тому, кто их писал. В конце статьи, написанной для «Музея», Гердер говорит: «Если Андреэ и не был настоящим поэтом, зато он был выше поэтов — он поучал настоящему человеколюбию и

настоящей человеческой мудрости». Сам Гердер, конечно, не был бы недоволен, если бы кто-нибудь высказал о нем такое же лестное мнение.

Итак, нет ничего удивительного в том, что Гердер искренно полюбил этого писателя и постарался извлечь для себя пользу из его сочинений, переводя их с латинского языка на немецкий. Он начал с того, что напечатал в «Христианском сборнике» Пффеннингера некоторые из нравоучительных изречений Андреэ и некоторые из переведенных с латинского разговоров¹. В статье, назначенной для «Музея», он старался главным образом воскресить воспоминания о забытом поэте, который, живя в эпоху горячих споров, схоластических предрассудков и еретических заблуждений, был похож «на розу среди шиповника». Он снова превозносил метрические и стилистические вольности наших старинных поэтов; он называл старинный немецкий стихотворный размер самым лучшим размером для дидактических и повествовательных стихотворений и говорил, что его «почти можно считать за старинные немецкие гекзаметры». Вслед за этими предварительными замечаниями он приводит образчик «умственной игривости» поэта и делает все это с целью облегчить труд того приятеля, который собрал разбросанные сочинения Андреэ, перечитал их, частью перевел и намеревается воздвигнуть в честь этого писателя сообразный с требованиями времени памятник. Нам нетрудно угадать, что этот приятель был не кто иной, как сам Гердер. В этом Гердер сознался в письме к Лессингу², от которого нередко получал нужные для того памятника материалы, и через пять лет после того в предисловии к переводу стихотворений Андреэ. Предположенный памятник должен был появиться в свет еще к пасхальной ярмарке 1781 г., но остался недоконченным, потому что Гердер был занят другой работой³. Не толь-

¹ В «Христианском сборнике» (1780. № 2. Ч. 3) на с. 102 и сл. под заглавием «Переведенные с латинского языка диалоги знаменитого, благочестивого и даровитого теолога прошлого столетия» напечатаны семь разговоров (два из них см.: Разбросанные листки. V, 101 и 138) и на с. 209 и сл. «Die verborgene Liebe и Gute Zeichen an einem Menschen» (см. их с некоторыми изменениями: Разбросанные листки. V, 266 и сл.).

² Гердер к Лессингу 15 янв. 1781 г.

³ Из находящихся у меня в руках бумаг видно, что переговоры об этом издании вела Каролина с Гарткнохом между 14 сент. и 25 ноября 1780 г. и что при этом играл некоторую роль вопрос о денежном вознаграждении. В письме Гердера от 25 янв. 1781 г. читаем: «К будущей ярмарке ничего не будет готово касательно Андреэ». К задуманному сооружению памятника отношу я и следующий вопрос в письме И. Г. Мюллера от 14 мая 1781 г.: «Когда же выйдет

ко в Пфеннингеровом журнале, но также в «Геологических письмах» Гердер иногда приводил отрывки из сочинений Андреэ с целью обратить внимание публики на забытого поэта¹. Poleмику, которую он вскоре после того завел с Николаи касательно тамплиеров и масонов, послужила для него поводом для объяснения участия, которое принимал Андреэ в основании общества розенкрейцеров; при этом он не преминул напомнить «неизвестному» писателю, помещавшему в «Немецком музее» стихотворения, параболы и диалоги Андреэ, что до сих пор еще остается не исполненным его обещание воздвигнуть памятник забытому писателю². Наконец в 1786 г. Гердер издал перевод стихотворе-

сочинение об Андреэ?» Мюллер узнал о намерении написать такое сочинение в то время, как останавливался в доме Гердера, в окт. 1780 г. Он писал то же, что подтверждается перепиской Гарткноха с Каролиной: «Гердер подарил своей жене рукопись той статьи об Андреэ, которую предполагалось издать к будущей Святой Неделе» и т. д. (*Bächtold. Aus dem Herderschen Hause. С. 28*).

¹ «Христианский сборник» выходил с 1781 г. под заглавием «Sammlungen zu einem Christlichen Magazin». В 1-м томе этого журнала напечатаны две параболы, принадлежащие Андреэ, и упомянуто о памятнике, которого с трудом ожидать от автора появившихся в «Музее» писем; в том же томе напечатано одно стихотворение Андреэ. Предположение, что напечатанные на с. 172 и сл. басни также принадлежат Андреэ, опровергнуто в конце 2-го тома. Доставивший эти басни Гердер обратился к И. Г. Мюллеру (*Gelzer Monatsbl. XIV, 91*) с просьбой опровергнуть ошибочное предположение, для того чтобы «не приписывали Андреэ того, что недостойно его дарований». В «Письмах касательно изучения теологии» он пометил три написанные Андреэ параболы в связи с 23-м письмом и две в связи с 24-м письмом; наконец к 29-му письму он присоединил длинный отрывок из «Geistliche Kurzweil — Das gute Leben eines rechtschaffenen Dieners Gottes», на который он делал ссылки еще в «Немецком музее». Из «Геологических писем» были перепечатаны две параболы и в прибавлениях к «Христианскому сборнику» (I, 2, 150 и сл.). Сравн. прим. ко 2-му изд. «Геологических писем» (II, 329).

² Немецкий Меркурий. 1782, март. С. 227 и сл. и в особенности с. 233. Касательно полемики с Николаи см. далее гл. 3. Тогда Гердер снова обращался в вольфенбюттельскую библиотеку с просьбой доставить ему оставшиеся после Андреэ сочинения и рукописи и поэтому случаю узнал от Лессингова преемника Лангера, что Николаи обращался в библиотеку с такой же просьбой, но отказался от своих требований в пользу Гердера (Письма Лангера к Гердеру от 6 апр. и 26 мая 1782 г.). Копией с жизнеописания Андреэ Гердер был обязан тому Филиппу Матвею Гану (бывшему пастором сначала в Корнвестгейме, а потом в Эхтердингене), который назван в «Письмах для распространения гуманизма» (I, 40) человеком с «настоящей ньютоновской головой». Когда этот вольнодумец и единомышленник Андреэ был подвергнут суду консистории, Гердер принял живое участие в его судьбе. В моих руках находятся четыре письма от Гана, написанные в 1780, 1781 и 1787 гг.; в последнем из этих писем Ган рекомендует веймарскому генерал-суперинтенданту молодого магистра Паулуса.

ний Андреэ¹, прибавив к заголовку слова: «В назидание нашим современникам». В «письме к переводчику», заменявшем предисловие, Гердер охарактеризовал личность Андреэ и снова завел речь об отношениях этого писателя к розенкрейцерам; поэтому эта небольшая книжка действительно могла бы считаться за давно обещанный памятник. Но автор письма все еще не отказывался от намерения воздвигнуть в честь Андреэ памятник более самостоятельным способом. Этим объясняется, почему он не только перепечатал в пятом сборнике «Разбросанных листков» (1793) свою старую статью, написанную для «Музея», но также поместил там несколько переведенных на немецкий язык парабол и диалогов своего «старого, дорогого» Андреэ вместе с длинными объяснительными примечаниями². С тех пор имя Андреэ упоминалось с подобающим ему уважением и в истории немецкой литературы, и в истории немецкой теологии — со статьями Гердера находится в связи все, что предпринималось в течение нашего столетия Госсбахом, Пабстом, Толуком, Грюнейзенем и другими с целью оценить этого писателя по достоинству и познакомить публику с его произведениями³.

V. Написанная на премию статья о влиянии поэзии

Внутренняя связь между «Воспоминанием о некоторых старинных немецких поэтах» и сборником народных песен побудила нас заглянуть далее той эпохи в литературной деятельности Гердера, которую мы здесь описываем. Но все эти мелкие дополнения к истории нашей старинной поэзии (к числу которых можно отнести и помещенную в 1782 г. в «Меркурии» заметку о приамелях⁴) находятся в менее тесной внутренней связи с духом сборника, чем та более обширная гердеровская статья, которая была написана еще в то время, когда Гердер готовился к изданию народных песен. Она относится к народным песням точно так же, как панегирик Винкельмана относится к «Пластике» и по-

¹ Joh. Bal. Andreä Dichtungen zur Beherzigung unsers Zeitalters. С предисловием Гердера. Лейпциг, 1786.

² Разбросанные листки. V, предисловие на с. 111 и сл.; с. 1 и 249 и сл.

³ Сравн. статью Генке об Андреэ: Allgemeine Deutsche Biographie.

⁴ Это первый подписанный буквой Z номер «Литературной переписки» в августовском номере «Немецкого Меркурия» 1782 г. (с. 169 и сл.).

добно тому панегирику была написана для получения академической премии.

Баварская академия наук была основана в 1759 г. только для изучения истории и философии; но в своем заседании 1 апреля 1777 г. она, «с согласия своего светлейшего основателя», в первый раз назначила такую задачу на премию, которая относилась к сфере изящных наук¹. Заданная ею тема: «какое влияние оказывала поэзия на нравы народов в старые времена и какое оказывает она в настоящее время» — была в высшей степени заманчива для Гердера, которого не устрасила даже краткость назначенного срока. Статью следовало представить в Академию в конце декабря, а Гердер начал писать ее, без сомнения, лишь в последние месяцы того года. Касательно своих зимних занятий он писал 20 марта 1778 г. своему кёнигсбергскому другу, что в нем снова пробудилось желание писать статью на премию и что назначенная Академией награда была ему присуждена единогласно; Академия присудила ему премию в своем заседании 25 февраля².

Из содержания заданной темы видно, что академики имели в виду прагматическую и частью нравоучительную цель. Но ее нетрудно было приспособить к сфере гердеровских идей, подобно тому как Гаман и Гердер когда-то поступили с берлинской темой касательно взаимного влияния языка и народных мнений. И на этот раз, точно так же как в статьях об извращении вкуса и о Винкельмане, главная заслуга Гердера заключалась в том, что он взглянул на заданную тему с более возвышенной точки зрения, чем с какой она была задумана академиками. Он придал более глубокий смысл слову «влияние» и доказывал, что поэзия оказывает влияние на нравы в силу своих природных отличительных особенностей, в силу того что она по своей натуре нравственна в самом широком значении этого слова. В заключение своих объяснений он приходит к тому выводу, что поэзия влияла на нравы только в той мере, в какой она находилась в живой связи с нравами и с нравственностью. Вторая заслуга Гердера заключается в том, что он придавал своим доводам наглядность посредством

¹ Сравн.: Westenrieder, Geschichte der bayrischen Akademie der Wissenschaften. I, 403; Münchner Intelligenzblatt. 1777. 12 апр. — Как этими указаниями, так и другими сведениями касательно сочинений на премию, написанных Гердером для Баварской академии, я обязан предупредительным стараниям Франца Мункера.

² Münchner Intelligenzblatt. 1778. 28 февр.; Мюнхенская газета. 1778. 2 марта. — Премией служила золотая медаль ценой в десять дукатов (Соч. Гамана. V, 284). По словам Вестенридера (II, 92), Гердер имел несколько конкурентов.

ссылок на исторические факты. Его статья была в сущности похожа на очерк истории всей поэзии. Она излагала в историческом освещении те же идеи о натуральном развитии поэзии, которые Гердер неоднократно высказывал и в своих статьях о народных песнях, и в своих приложениях к философии истории, и в своей статье об извращении вкуса. Автор лишь на короткое время останавливает свое внимание на тех общих соображениях, которые можно найти в каждой пиитике, и приступает к заданному вопросу с той его стороны, которая соприкасается с историей. Он старается, чтобы его ответ приспособлялся к нравам той или другой эпохи, того или другого народа и чтобы он не напоминал «улитку, которая всюду носит с собой свое узкое, четырехугольное жилище»¹.

В первой главе автор вкратце излагает немногочисленные основные положения, которыми он руководствуется при обозрении исторических фактов и которые имеют много общего с положениями, высказанными Гаманом в его «*Aesthetica in nuce*». Он говорит, что поэзия — дар природы, а поэт передает лишь то, что производит природа. Поэзия выражается языком чувства, страсти и фантазии, вследствие чего и производит сильное впечатление. Такова была ее сущность в особенности во время детства и юности человеческого рода. Ее влияние, точно так же как и влия-

¹ Эти слова находятся в первоначальном экземпляре статьи, напечатанном в первом и единственном томе изданных в 1781 г. в Мюнхене «*Abhandlungen der bayrischen Akademie über Gegenstände der schönen Wissenschaften*» (с. 31). А в том экземпляре статьи, который напечатан в SW в отделе литер. (XVI, 210), та же мысль выражена в иной форме: «а не переносить всюду свою собственную узкую точку зрения, подобно тому как улитка всюду переносит с собой свое жилище». Эта цитата может служить образчиком тех изменений, которые Гердер впоследствии вносил в текст статьи, — впрочем, ограничиваясь только ее первой главой. Такие же улучшения слога сделал он и во второй статье на баварскую премию: «О влиянии изящных наук на высшие науки», и очень удачно сделал их с начала и до конца статьи. Я не могу согласиться с мнением Дюнцера (SWH. XVII, с. 3), что переделка была предпринята Гердером с целью приступить к изданию полного собрания его сочинений, — ведь это намерение зародилось в уме Гердера лишь в последние годы его жизни. Я нахожу более правдоподобным, что Гердер намеревался приступить ко «второму исправленному изданию» своих двух статей на баварские премии, подобно тому как в 1789 г. он предпринял 2-е исправленное издание обеих статей, написанных на премию Берлинской академии. Нет ничего невозможного и в том, что он исправлял те статьи для помещения в «Разбросанных листках». Впрочем, немедленно вслед за тем, как ему была присуждена премия за статью «О влиянии поэзии», он просил о дозволении задержать эту статью для некоторых несущественных изменений; это видно из сообщенной мне Мункером переписки Гердера с секретарем Академии Кеннеди.

ние всякой другой природной силы, не может быть иначе как благотворным; только в том случае, когда ее употребляют во зло, она может превратиться в траву.

Вслед за этими предварительными объяснениями автор, «без всяких дальнейших метафизических оговорок», раскрывает книгу истории. Во второй главе он говорит о поэзии евреев, греков, римлян и северных народов, а в третьей главе о поэзии Средних веков и Нового времени.

Он начинает с влияния, которое имела поэзия на евреев. Из того, что он здесь говорит, нам становится ясно, почему в предисловии к сборнику народных песен не было сказано ни одного слова о еврейской поэзии. И здесь, точно так же как в статье о «Песни песней», мы находим восполнение для пробелов того предисловия. Убеждение в коренных превосходствах натуральной поэзии внушило Гердеру высокое мнение о достоинствах народных песен — а в рассматриваемой нами главе он превозносит неподражаемые совершенства и божественность еврейской поэзии под влиянием своих теологических убеждений и как бы в подтверждение слов Гамана, что путь к спасению указан нам евреями. При этом автор, точно так же как и в «Древнейшем документе», не считает за настоящую поэзию первые главы Библии, вплоть до рассказа о разделении народов; он говорит, что в этих главах изложены такие древнейшие сказания, которые повторяются и у других народов в разнообразной переделке и которые имели большое влияние на нравственность и на первоначальное умственное развитие народов. Но так как на этот сюжет уже написано немало книг с самыми смелыми подробными объяснениями, то автор спешит перейти к «настоящей национальной поэзии евреев». Он начинает с того, на чем остановился в «Древнейшем документе», — с песен Моисея, с песни Деборы и делает обзор всей ветхозаветной поэзии. Сначала он говорит о царь-псалмопевце Давиде, об авторе «Песни песней» Соломоне, а потом о пророках: иначе говоря, эта глава имеет то же самое содержание, которое было впоследствии изложено в «Теологических письмах» и еще более подробно в сочинении о духе еврейской поэзии. Эта поэзия имела, по словам автора, сильное влияние не только на еврейский народ, но через его посредство и на многие другие народы, потому что она исходила от Бога более непосредственно, чем какая-либо другая, потому что она возникла на алтаре Бога истины и добродетели. Но она, конечно, имела национальную внешнюю форму, ведь иначе она и не могла бы быть настоящей поэзией. Именно этим и объясняется ее нравст-

венное влияние. Тем не менее и влияние этой поэзии, и ее происхождение были божественны. Вместо вымыслов, которыми наполнены произведения всех других поэтов, здесь служит содержанием истина; вдохновение свыше служит здесь источником для поэзии. Таким образом, Гердер ставит еврейскую поэзию на одну ступень выше поэзии человеческой, впрочем не совершенно разрывая связь между той и другой.

Вслед за этим Гердер утверждает, что и у греков поэзия сначала также носила божественный отпечаток, — потому что древнейшая греческая поэзия имела священное нравственное содержание и богослужебную цель, а с другой стороны, находилась в связи с восточными сказаниями. Она имела огромное влияние на нравы и на государственное устройство греков, на весь склад их жизни и на их философию; но при дальнейшем объяснении, как развивалась у греков поэзия в соперничестве с другими искусствами и как она все более и более налагала поэтический отпечаток на характер нации, автор указывает преимущественно на вредные стороны такого влияния. Он восставал против грекомании еще в переделанном втором сборнике «Отрывочных заметок», в первом «Критическом леске» и в «Приложении к философии истории», а теперь он еще настойчивее прежнего старается унижить достоинство греческих поэтов, конечно, потому, что в это время еще более прежнего увлекался чтением Библии. У греков, говорит он, было слишком много поэтического таланта, и потому они все превращали в «изящную игрушку», в которой не было никакого внутреннего содержания. Так как в их мифологии поэтическая фантазия смешивалась с религией, то и «в умы народа неизбежно проникали изящные суеверия и неверие». Да и сама поэзия имела у них в виду преимущественно изящество внешней формы; поэтому она и превратилась в художническое ремесло, в сочинение разных вымыслов для забавы публики. Едва ли можно верить словам Аристотеля, что греческая трагедия облагораживала страсти, — ведь афиняне могли же с удовольствием слушать пьесы Аристофана! «Тем не менее, — говорит в заключение Гердер, — греческая поэзия навсегда останется изящным изображением нравов народа, еще не пережившего своей юности».

Автор переходит вслед за тем к поэзии римлян. Но вместо того чтобы говорить только о влиянии, которое имела эта поэзия, он описывает ее развитие, делает характеристику ее общего направления и приходит к следующему заключению: «...в Риме поэзия никогда не была пружиной и еще менее была основой римской государственной жизни».

После того он с горячим сочувствием говорит о влиянии поэзии у северных народов, о том, как песни германцев и норманнов дышали диким геройским мужеством, а песни Оссиана звучали более мягко. Впрочем, здесь он выражается менее определенно, потому что сходит с исторической почвы; он ограничивается выражением своих желаний в следующем восклицании: «Как жаль, что у нас нет бардов! Как жаль, что у наших предков не было другого Оссиана!» При этом он снова превозносит достоинства национальных песен, нередко составлявших единственное сокровище тех так называемых диких народов, у которых «нравы нередко были чище наших».

Переходя к истории поэзии в Средние века, автор все более и более придает своей статье историко-философский характер, так что она получает вид подготовки к позже написанным «Идеям о философии истории». Поэтому она находится в близкой связи с написанным в 1774 г. «Приложением к философии истории». В особенности та глава, в которой идет речь об арабах и об их поэзии, в сущности сводится, подобно тому «Приложению», к защите Средних веков, изложенной лишь более спокойным тоном. Еще более сходства с «Приложением» — в следующих главах, где идет речь «о влиянии христианской поэзии на народные нравы» и «о влиянии поэзии на нравы новых времен». Здесь автор говорит о благотворном влиянии священных гимнов и псалмов и доказывает, что написанные в эпоху возрождения поэзии на народном языке первые поэтические произведения были «детьми, вышедшими на свет из недр религии». Но отсюда сам собой возникает вопрос: почему же поэзия Нового времени утратила свое влияние? Оттого — гласит ответ, — что ученым нравилось подражание древним поэтам. Именно по этой причине поэзия не имеет ничего общего с природой, с народом, с душой самого поэта, она превратилась в «развлечение, в изящное искусство, в забаву». При этом имели некоторую долю влияния и общие условия общественной жизни. Механический порядок заменил личное мужество и личное влияние. Так называемая философия извратила содержание религии и этим отняла у поэзии сердце и душу. Изобретение книгопечатания и находящееся с ним в связи отделение музыки от поэзии превратили эту последнюю в бездушный набор слов, в лишенную всякого влияния философию.

Это воззрение автор подкрепляет ссылками на поэтические произведения итальянцев, французов, англичан и наконец немцев. Тон этих характеристик насмешлив и язвителен, в особенности

когда идет речь о Вольтере, о французской публике и об английских романах. Но самым язвительным, вернее, самым жалобным тоном автор говорит о новейшей немецкой поэзии. Причинами жалоб служат раздробление германского отечества на мелкие части и отсутствие определенных вкусов у читающей публики — ведь цена печатных произведений устанавливается не публикой, а издателями и их наемными рецензентами. Автор упоминает с похвалой лишь о некоторых литературных произведениях — о произведениях Клопштока, Глейма и Виланда, но вовсе не с тем восторженным тоном, с каким отзывался о них в «Отрывочных заметках» и в письмах об Оссиане. В заключение он советует преклоняться перед волей Божьей и предъявляет некоторые требования, которые не отличаются ясной определенностью. Только Бог может ниспослать настоящего поэта, способного создать для себя читающую публику. Но в наше время «противоестественного слабодушия» едва ли можно ожидать появления таких настоящих поэтических произведений, которые действуют на нашу нравственность и на наше умственное развитие. «Когда словами *религия, народ, отечество* выражаются заглохшие, неясные понятия, и звуки всякой благородной арфы будут казаться нам глухими и неясными».

Не подлежит сомнению, что в неодобрительных воззрениях Гердера на современную литературу сказывалось влияние его личного положения и его веймарской обстановки. Кроме того, он сознавал, что не находит сочувствия в публике. «О теперешнем положении дорогой мне литературы, — писал он 6 декабря 1778 г. Глейму, — я имею так же мало понятия, как о положении душ усопших. О моих сочинениях никто не думает и всякий поступает так, что их как будто вовсе не существует — пока о них не заговорит Николай». Отсюда понятен контраст между его неодобрительными критическими отзывами о современной литературе и тем горячим воодушевлением, с которым он говорил о поэзии прошлых времен, о поэзии «Песни песней» и «Апокалипсиса». Относительно тех библейских книг он является оптимистом и энтузиастом, а относительно современных литературных произведений холодным критиком и почти пессимистом.

Статья «О влиянии поэзии» дошла до нас не только в печати, но также в рукописном очерке. В этом более старом виде она является менее обработанной. В главе о новейшей поэзии встречаются некоторые резкие выходки и смелые выражения, которые были впоследствии отброшены; отзыв о французских театральных пьесах, в которых отражается не народная поэзия, а поэзия

высшего общества, напоминает то, что говорилось Гердером о французском театре в его путевом журнале; похвалы, которые он расточает Шекспиру, точно будто переписаны из старой статьи о великом драматурге, а о Бутлере и Свифте говорится, что напиток, вызвавший появление этих болячек на английской поэзии, похож «не на нектар муз, а на английское пиво». Впрочем, самые значительные отклонения от содержания напечатанной статьи встречаются лишь на последних страницах, где идет речь о положении немецкой литературы. Здесь еще более энергичны указания на то, чего недоставало клопштоковской «Мессиаде», для того чтобы быть народным поэтическим произведением. Но вслед за этими жалобами высказываются пророческие предчувствия и поощрения. Гердер наконец вспоминает, что рядом с ним живет автор «Вертера», что он сам уже был свидетелем могучего влияния поэзии, что он сам принадлежит к такому поколению, которое стремится к природе и к истине как к настоящим источникам полной жизни поэзии. Он указывает на неблагоприятные для процветания поэзии условия своего времени. «Однако, — восклицает он, — разве позволительно терять мужество и впасть в отчаяние ввиду стольких затруднений, встречаемых немецкой музой? Мы медленно, но твердыми шагами подвигаемся вперед; мы позднее других выступим на сцену, но, быть может, именно потому мы будем ближе к нашей цели. Разве произведения двух или трех поэтов (которых нет надобности называть по именам) не доказали нам, какое впечатление могут производить и на Германию безыскусственные, верные описания природы? Они все охватывали, как огненное пламя; всякий читал их и снова перечитывал; одно из этих произведений, именно самое безыскусственное, вызвало истерические припадки и покушения на самоубийство; оно вызвало появление множества подражаний, прибавлений, улучшений. Стало быть, и Германия способна подчиняться влиянию поэзии, лишь бы появлялись поэты, способные оказывать на нее влияние».

VI. Второе сочинение на баварскую премию

Статья Гердера, о которой мы только что говорили, едва ли получила бы от Баварской академии более одобрительный отзыв, если бы из нее не были выпущены те места, в которых шла речь о гётевском «Вертере» и о новых немецких поэтах как о предвестниках процветания нашей литературы. Члены Акаде-

мии стояли по своему умственному развитию ниже соискателя премии. В числе их было лишь немного людей, пользовавшихся заслуженным влиянием даже только в Баварии, — было немного даже таких людей, как Лаврентий Вестенридер, Людвиг Фронгофер и Карл Экартсгаузен. Только с тех пор как в начале 1779 г. были введены в Академии реформы, в ней было прибавлено к отделениям историческому и философскому третье отделение «изящных наук». Тогда было решено ежегодно издавать по одному тому беллетристики; но дело ограничилось изданием только одного тома, и уже с 1784 г. новое отделение впало в полное усыпление — из чего можно заключить, что оно не находило надлежащей почвы для своей деятельности. Когда Людвиг Фронгофер произносил торжественную речь в заседании Академии 4 ноября 1779 г., он воображал, что защищает интересы изящных наук, горячо нападая на клопштоковские нововведения в орфографии и на пренебрежение молодых писателей к установленным правилам. «Если так будет продолжаться, — говорил он, — то настанет конец золотому веку немецкой беллетристики»; поэтому он приглашал членов нового отделения противодействовать такому вредному направлению литературы. Но в этом же заседании Академия вторично присудила премию тому писателю, который стоял во главе людей нового направления. Очевидно, из желания доказать, что она интересовалась не одними только строго научными вопросами, она избрала следующую тему для сочинения на премию: «О влиянии изящных наук на высшие науки». Гердер взялся за разрешение этой задачи со своей обычной горячностью, а в своем кратком и красноречивом ответе на предложенный вопрос придерживался не исторической, а психологической и педагогической точки зрения. Из всех написанных им на премию статей эта статья была самой незначительной по объему; она была написана без всяких претензий на ученость и была похожа на бегло изложенную на бумаге речь, на приготовление которой потребовалась однодневная работа. Академия ожидала более подробного изложения и ссылок на исторические факты, но не могла не признать меткости суждений автора. Она решила, что ни одна из доставленных статей не заслуживает премии, а гердеровской статье оказала оскорбительное отличие, присудив за нее половинную премию¹.

¹ *Westenrieder*. Geschichte der Bayrischen Akademie (в особенности II, 97; III, 630). Из Мюнхенской газеты от 2 марта 1778 г. и из Мюнхенского справочного листка от 28 февр. 1778 г. видно, что в своем заседании 25 февр. Ака-

Гердер был оскорблен или по меньшей мере пристыжен этим решением; он обменялся с представителем Академии не совсем вежливыми объяснениями, но в конце концов выразил в самой почтительной форме свою готовность подчиняться уставу Академии¹. Впрочем, этим дело не кончилось. Ввиду содержания речи, произнесенной Фронгофером, Гердер счел нужным очистить себя от подозрения, что содействовал изданием народных песен господствовавшему в тогдашней поэзии извращению вкуса. Он, конечно, не впадал в противоречие с самим собой, когда положительно заявлял, что, предпринимая издание сборника народных песен, он желал выставить за образец лишь то, «что отзывалось в древние времена простодушием и естественностью, а не то, что отзывалось дикостью и непристойностью», и что ему была вовсе не по вкусу народная поэзия Бюргера и его последователей. Прежде он горячо и смело отстаивал право писателя ничем не стесняться в употреблении самых естественных выражений, а теперь он стал сознавать необходимость некоторых уступок. Когда ему пришлось иметь дело с академической корпорацией, он стал придерживаться таких же правил, какими руководствовался в предисловии к народным песням и в своей полемике с Николаи и с Рамлером, — он постарался держаться середины между натурализмом и классицизмом. Сделанные им заявления, в сущности, оказывались излишними ввиду содержа-

дения назначила в награду за статью об изящных науках медаль ценой в 12 дукатов, а сроком для представления статьи назначила конец июля 1779 г. Поэтому следует полагать, что Гердер писал свою статью летом 1779 г. В отчете о заседании Академии, происходившем 4 ноября 1779 г. (Мюнхенский справочный листок от 24 ноября), сказано, что не было возможности присудить премию ни за одну из представленных статей, но что за статью Гердера была выдана золотая медаль в 6 дукатов, а за статью лейпцигского профессора Экка серебряная медаль. Кеннеди извещал Гердера 9 ноября 1779 г. о неполном успехе его статьи словами «Historia desiderabatur». Статья Гердера была сначала напечатана в первом и единственном томе журнала «Abhandlungen der Bayerischen Akademie über Gegenstände der schönen Wissenschaften» (с. 139—168), а потом была перепечатана в новой редакции в SW в отделе литер. (XVI, 183 и сл.).

¹ Письма Гердера к Кеннеди от 25 ноября 1779 г.; Кеннеди к Гердеру 9 дек. и Гердера к Кеннеди 27 дек. 1779 г. В первом из этих писем Гердер жалуется на то, что его имя было публично названо; это письмо было представлено от Кеннеди в Академию; Кеннеди писал, что Гердер выражался в этом письме непривычным для Академии языком, но далее говорил, что в образе действий Гердера не было ничего неправильного и достойного порицания. Вестенридер (II, 97) говорил, что Гердер чувствовал себя обиженным; эти слова, как следует полагать, были сказаны на основании того, что было известно из официальных документов.

ния его статьи, вовсе не отличавшейся ни пренебрежением к установленным правилам, ни натуралистической разнузданностью.

Он начинает свою статью опровержением ошибочного мнения, будто под названием изящных наук следует разуметь «занимательные сладострастные сочинения, бессодержательные стишки и романы, критические статьи и юмористические журналы»; он утверждает, что такое поверхностное понятие об изящной литературе вредно влияет и на молодые умы, и на развитие наук, и на образ жизни. Но при правильном взгляде на изящные науки они могут оказывать лишь благотворное влияние на высшие научные занятия. Основательность этого мнения Гердер доказывает психологическими доводами. Изящные науки, говорит он, способствуют развитию так называемых высших душевных способностей; но эти низшие способности в конце концов соединяются в одно целое с высшими — здравомыслие обуславливается правильным пользованием нашими чувственными способностями; стремление к добру возможно только тогда, когда мы умеем руководить нашими природными влечениями и страстями; поэтому изящные науки должны давать правильное направление нашим чувствам, нашей фантазии и нашим природным склонностям; они должны возделывать почву нашей души. В подтверждение этого взгляда автор ссылается на древних. Он говорит, что верное понятие об изящном, служащее подготовкой к изучению всех наук, мы можем извлечь из чтения греческих и римских писателей, которые были гораздо ближе нас к истине и к природе и в своих поэтических произведениях, и в своих ораторских речах, и в своем образе жизни. Вслед за тем он объясняет, какую пользу могли бы извлечь из изучения древних писателей и из настоящего эстетического образования и богословы, и законоведы, и историки, и государственные люди, и философы. Наконец ввиду той цели, для которой он пишет свою статью, и ввиду того общества, которое будет читать его статью, он считает нужным объяснить, какого метода следует придерживаться при воспитании юношества, для того чтобы установить правильную связь между теми двумя рядами наук. Он руководствуется в своих суждениях своим личным опытом в качестве школьного преподавателя и имеет в виду педагогическую цель. При этом нам невольно приходит на память та речь, которую он произнес при своем вступлении в рижскую церковную школу, — и тогда он доказывал, что в школе должна господствовать грация, и тогда он старался придать реалистическому образованию гуманисти-

ческий отпечаток. Первое основное положение, которое он теперь высказывает, заключается в том, что в образовании юношества изящные науки должны предшествовать высшим наукам, но так, чтобы в основе их также лежала истина. Он мотивирует это требование последовательностью, с которой происходит развитие наших душевных сил. Сначала развиваются чувства и фантазия, и только впоследствии предъявляют свои права рассудок и способность высказывать основательные суждения. Поэтому прежде всего следует знакомиться с изящными и занимательными описаниями природы и с историей человеческого рода, а потом уже браться за отвлеченные науки, за физику, метафизику и мораль. Здесь мы снова усматриваем ту же руководящую мысль, придерживаясь которой он излагал в своем путевом журнале план школьного образования и распределял преподавание по различным ступеням; здесь также снова высказывается его протест против бессодержательной стилистической фразеологии. Но в былое время он старался применяться к реалистически-практическому складу ума своих рижских сограждан, не придавал надлежащей цены грамматическим познаниям и даже был готов отдавать новейшим языкам и новейшей литературе предпочтение перед произведениями древних писателей. И в педагогическом отношении он в то время стремился к роли вольнодумного распространителя просвещения. А теперь он, в качестве главного руководителя гимназического преподавания, старается согласовать свои прежние реалистические влечения со своим уважением к возвышенному характеру древнего образования. Он требует, чтобы от чувственного и наглядного мы возвышались до уяснения наших понятий и до приведения их в систему, — он требует, чтобы при чтении и при изучении древних писателей слова не отделялись от мыслей, выражения не отделялись от сущности их содержания. Дальнейшие объяснения касательно метода при занятии изящными науками истекают из второго основного положения Гердера: эти науки существуют для людей всех званий, между тем как каждая из высших наук не заходит далее своей определенной сферы. «Ведь изящные науки, — говорит Гердер, — представляют собой нечто вроде общественной нивы, на которой сходятся и отдыхают все люди, обладающие высшими научными познаниями». Это те самые науки, которые обыкновенно называются *humaniora*, т. е. такими научными занятиями, которые развивают в нас гуманные чувства. Эту цель и следует иметь в виду при установлении метода преподавания; при этом автор снова превозносит древних за то, что в своих тео-

ретических правилах для поэзии и для ораторского красноречия они имели в виду преимущественно гуманные чувства. И наша школа должна действовать в духе тех древних писателей и в духе тех новейших писателей, которые соединяют поэзию с наукой узами гуманности; так, гуманистическая школа Трощендорфа вступила на правильный путь, стараясь извлекать из изящных наук пользу для высших наук.

Если бы оставалось еще малейшее сомнение в том, что рассматриваемая нами статья заключает в себе все основные педагогические воззрения Гердера, то оно должно рассеяться при чтении тех двух школьных речей, которые были произнесены Гердером в Веймаре. Из этих речей видно, что он по-прежнему был врагом того пошлого формализма, который приобретению серьезных научных познаний предпочитает подражание изящным оборотам речи и риторическим украшениям, которые встречаются как у новейших писателей, так и у древних; а ввиду того что в Веймаре было немало молодых талантливых людей, увлекавшихся поверхностным изяществом легкой литературы, он с особенной настойчивостью требовал того, что реально и существенно полезно. Поэтому он высказывал перед воспитанниками своей гимназии те же идеи, которые излагал в статье для Баварской академии. В школьной речи, произнесенной в 1780 г., он восставал против тех юных любителей изящного, которые увлекаются романами и «легкими, как зефиры, песенками» и мысленно живут в садах Армиды и в гроте Калипсо. В школьной речи, произнесенной в 1782 г., он снова протестует против привычки забавляться тем, что удобно, заманчиво и с виду изящно, и рекомендует те науки, которые делают нас гуманными людьми, способствуют всестороннему развитию наших способностей и требуют предварительного изучения древних языков.

Эти школьные речи, по-видимому, были не только отголосками его прежних статей о том же предмете, но также продуктами его педагогической практики и его служебной деятельности в Веймаре.

VII. Третья премия, полученная от Берлинской академии

То же можно сказать и о последней статье, написанной Гердером на академическую премию: «О влиянии системы управления на науки и наук на систему управления».

«Quelle a été l'influence du gouvernement sur les lettres chez les nations où elles ont fleuri? Et quelle a été l'influence des lettres sur le gouvernement?» Таково было содержание темы, заданной 4 июня 1778 г. отделением изящных наук Берлинской академии на 1780 г. Сочинения на премию следовало доставить не позже 1 января 1780 г. Поэтому следует полагать, что Гердер писал свою статью в течение последней трети 1779 г., т. е. после того как он довел до конца свою «*Mağan atha*»¹.

Заданная тема должна была воскресить в его уме старые литературные замыслы. Она имела некоторое сходство с темой той политической статьи, над которой он так много трудился в Нанте: «О культуре различных народов и в особенности о культуре России»². И при более узком взгляде на заданную тему она все-таки находилась в тесной связи с историей человеческого ума: она, по выражению Гердера, указывала на тот «узел, в котором политическая история сплетается с историей наук». В ту пору Гердер, конечно, уже не помышлял о приобретении влияния на внутренние преобразования в обширном русском государстве; но разве Берлинская академия не была проникнута тем же духом, какой господствовал в системе управления Фридриха Великого? И разве тот писатель, который стал бы разрешать заданный вопрос перед таким трибуналом, мог оставить без внимания личность великого короля, его влияние как правителя, писателя и просветителя своих подданных? Понятно, что и академическая статья неизбежно должна была получить отпечаток политического мемуара. Таким образом, для Гердера представился удобный случай изложить его мнения о значении наук в государстве, о пределах правительственного влияния на умственную жизнь народа, об общественных заведениях, основанных с целью содействовать успехам национальной культуры. В ма-

¹ Mémoires de l'Acad. Année 1778. С. 27. — Высказанное нами предположение о том, в какое время Гердер занимался сочинением статьи, отчасти подтверждается словами самого Гердера в письме к Гаману (Соч. Гамана. VI, 134). К своему отзыву о сочинении Эбергарда на премию «*Allgemeine Theorie des Denkens und Empfindens*» Гердер присовокупил: «Я еще не видел новой темы на премию; если она попадется вам, пришлите мне ее. Мне хотелось бы еще раз получить медаль для моего второго мальчика: вторую я получил в виде золотой монеты и полагаю, что третья достанется также мне». В письме к Гаману, написанном в начале июня 1780 г., он извещает своего друга о полученной в 1780 г. премии и говорит: «Вам уже известно, что мне очень хочется получить третью премию, я ее предоставляю моему четвертому сыну Адальберту, так как он появился на свет в 1779 г. в день моего рождения».

² См.: Т. I. С. 458 и сл.

леньком Веймаре он был так связан по рукам, что не мог приобрести никакого практического влияния на дела управления: там ему приходилось уживаться с такими порядками, которых он не был в состоянии изменить, — ему постоянно приходилось умалчивать о таких благих замыслах, для исполнения которых недоставало у бедного веймарского правительства денежных средств. А теперь ему представлялся случай познакомиться с его политико-педагогическими идеями не только Берлинскую академию, но и всю Германию. И его многолетняя опытность, и его официальное положение служили ручательством за то, что его новая академическая статья будет и более зрело обдуманной, и более толковой, чем та статья, которую он когда-то намеревался писать для императрицы Екатерины.

Через несколько лет после того, когда Гердеру представилась возможность получить должность во владениях прусского короля, он писал Глейму¹, что содержание его академической статьи может служить для него рекомендацией в мнении министра фон Зедлица. Заданный Академией вопрос обнимал бесконечно разнообразную сферу идей. Для его всестороннего разрешения приходилось изложить целый океан фактов и наблюдений. Но Гердера не утратила такая задача, и он написал статью, которая служила подготовкой к его «Идеям о философии истории» и во многих отношениях соприкасалась с содержанием его сочинения «О влиянии поэзии» и его «Приложения к философии истории». Монтескьё служил для него образцом, когда он писал то политическое сочинение, которое касалось вопроса о народном образовании; вполне понятно, почему и его новая статья напоминала литературные приемы автора «Духа законов». Он намеревался сделать из исторических фактов общие выводы и с этой целью старался распределить исторический материал по различным рубрикам. С этого он начинает свой ответ на первый вопрос: «какое влияние имеет система управления на науки?»; он излагает этот ответ в трех главах: сначала он говорит о своей отечественной системе управления, потом о деспотических правительствах и наконец о республиканском режиме. Но в этой схеме все яснее и яснее выступает наружу историческая точка зрения. Там, где идет речь о влиянии республиканских учреждений, автор, в сущности, рассказывает историю Греции и Рима. Под заголовком «О влиянии правительств на науки в борьбе с варварством и с суевериями» автор делает обзор истории Средних веков и указывает

¹ С, I, 103.

как на заслуги, так и на ошибки правительств Западной Европы, папского и магометанского. После того он ведет речь об эпохе Реформации и наконец об эпохе возрождения литературы. Обозрев эту массу исторических фактов, он приступает к общим выводам. «Общие наблюдения над влиянием правительств на науки» приводят нас, говорит он, к заключению, что это влияние приобретает через посредство поощрений, воспитания, образцовых произведений, практики и наград. Он оканчивает главу «общими замечаниями о переменах, которые происходят в научном преподавании вследствие перемен в системе управления». Вторая, гораздо менее обширная, часть статьи посвящена ответу на второй вопрос: «как и каким способом науки оказывают влияние на систему управления?». Соответственно содержанию первой части и здесь автор объясняет, в чем заключалось полезное и вредное влияние литературы на отеческую систему управления и на деспотическую и республиканскую системы управления, — каково было ее влияние в Средние века и со времен Реформации.

Но лишь немногие из его общих выводов, из его основных воззрений на историю философии и на историю культуры, не встречаются в его прежних сочинениях. Он напоминает нам содержание «Приложения к философии истории», когда старается доказать, что первые зачатки наук были повсюду обязаны своим возникновением и своим развитием родовому быту, племенной национальной гордости и отеческой системе управления, что деспотические правительства обыкновенно заботятся о распространении богословских познаний вместе с разными вымыслами, что красноречие, театр, философия, историография были обязаны своим процветанием греческим республиканским учреждениям, что ораторское искусство, история, практическая философия, дидактическая поэзия, военные науки и законоведение стали процветать при римских республиканских учреждениях. Но достоин внимания тот факт, что на этот раз Гердер воздерживается от всяких нападок на существующие правительства и на стремление своих современников к просвещению. Его теперешняя статья уже несколько не похожа на полемическую статью, написанную против современного просвещения и против монархической системы управления. Его теперешняя точка зрения гораздо ближе подходит к той, которой он придерживался в Нанте, чем к той, которой он придерживался в Бюкебурге. К числу тех средств, посредством которых правительство может содействовать умственному развитию народа, он называет свободу мысли; он говорит, что эта свобода — то же, что чистый не-

бесный эфир, благодаря которому правительство достигает успеха во всех своих начинаниях, и в особенности в тех, которые касаются распространения научных познаний. Автор точно будто превозносит правительственные принципы Фридриха Великого, когда говорит, что государственное управление, основанное на законности, на свободе, на человеколюбии, предохраняет государство от тех внутренних потрясений, которым могло бы подвергнуть его всякое высказанное сгоряча мнение и всякий пасквиль недовольного литератора, — он говорит, что религия такого государства не боится никаких критических статей, а напротив того, лишь остается от них в выгоде. Он горячо восхваляет республиканские учреждения и считает за неоспоримый факт, что «самые смелые, самые божественные идеи зарождались в человеческом уме в республиках, что именно там приводились в исполнение самые благородные замыслы». После этого автор переходит к конституционной монархической системе управления, которая развилась из ленной системы и из доведенного до утонченности деспотизма и которая является преобладающей в наше время. Он даже отдает предпочтение перед республиканскими учреждениями «мягкой системе монархического управления, основанного на уважении к законам». В республиках, говорит он, «зажигалось пламя», но только монархии были в состоянии его поддерживать. Он полагает, что новейшие государства приобретают в своей силе и прочности вознаграждение за то, что достигают процветания не так скоро, как древние государства. «Ни одно из них не достигло процветания искусств и литературы так же скоро, как Рим и Афины, но при своем медленном развитии они принесли несравненно больше пользы». Это почти те же самые идеи, которые Гердер излагал в своем памфлете 1774 г., стараясь смягчить прежние нападки на свой век; но на этот раз мы уже не встречаем в его статье прежнего горячего протеста против новейшей философии и против целей новейшего просвещения. И этого еще мало: прежде Гердер нападал на новейшее просвещение за то, что при своих новых открытиях и при своей связи с политикой оно сводится к чему-то похожему на бездушный механизм; а теперь он почти готов хвалить то, что прежде порицал. Теперь он отдает должную справедливость всему, что есть благородного и полезного в стремлениях Нового времени. Он с сочувствием говорит об успехах, достигнутых после Реформации физико-математическими исследованиями. Эти новые науки он называет «чрезвычайно ценными, полезными и основанными на прочном фундаменте», а основанные для распространения

этих наук академии он считает за рассадники братской привязанности между людьми. «Человеческий ум именно тогда и сознает в себе присутствие божественной искры, когда его мысли обнимают и небо, и землю, когда он следит за течением звезд, когда преломляет солнечный луч, когда смело проникает в тайны природы, изучая ее законы и вычисляет то, что бесконечно». Старанию извлекать из научных познаний практическую пользу для всех сторон человеческой жизни он придает такую же важность, какую ему придавали те самые проповедники просвещения, о которых он когда-то отзывался с таким презрением. Не в смысле порицания, а в смысле похвалы он называет свой век «хозяйственным веком» и даже для этих хозяйственных стремлений он указывает, как на достойный подражания образец, на то, что сделано для Пруссии ее великим монархом. Он уже не повторяет своих прежних указаний на контраст между просвещением и человеческим счастьем, а напротив того, усматривает отличительную черту своего времени в том, что «просвещение ведет к добру и к счастью».

В конце своей статьи Гердер говорит, что взялся отвечать на академический вопрос не из тщеславного желания выказать свою ученость, а «с целью высказать все, что им добыто наблюдениями и опытом, и этим способом содействовать процветанию наук в своем отечестве». Эта практическая цель и служит внутренней связью между его теперешними воззрениями и его прежними резкими нападками на такое просвещение, которое служит целью само для себя. Он все еще восстает против отвлеченного интеллектуализма, против склонности к бессодержательным умозрениям, но, кроме того, он стремится к более возвышенным, идеальным целям, стараясь применяться к духу своего времени и к господствовавшим в государстве и в науке влияниям. Высказываемые им в статье требования и желания имеют в виду главным образом введение таких порядков в области политики и литературы, которые были бы и более прежнего полезны, и более прежнего нравственны. Прежде всего он требует от правительств введения чего-то похожего на полицейский надзор за нравами. Свое требование свободы для человеческого ума он когда-то высказывал так же настойчиво, как теперь высказывает требование мудрых законов, которые не дозволяли бы употреблять ту свободу во зло. Он ничего не хочет слышать о той малодушной трусливости, которая смотрит подозрительно на всякую новую мысль, и считает всякое смелое предприятие за преступление, которое следует предупреждать при помощи цензуры и инквизиции; но

он советует не допускать той разнузданности идей, которая подкапывается под основные государственные принципы и препятствует правителям заботиться о благе их подданных. Он полагает, что на государстве лежит обязанность решительно воспрещать некоторые науки, развлечения и занятия, потому что «благосостояние дороже отвлеченных умозрений, а благосостояние большинства выше того счастья, которое доставляют умозрения лишь очень немногим». Еще более определенные требования предъявляет автор, когда заводит речь о вредном влиянии богохульных и безнравственных сочинений. Он советует не ограничиваться безусловным запрещением таких сочинений, так как от него нередко лишь усиливается зло, а, кроме того, прибегать к содействию благонамеренных писателей. Он требует постоянного надзора за теми молодыми людьми, которые готовятся к поступлению на государственную службу или уже состоят на службе; он ведет речь о кондуитных списках, о возложении на издателей обязанности называть по первому предъявленному им требованию имена писателей и даже о необходимости запретить печатание анонимных критических статей. Вслед за этими требованиями Гердер излагает свои жалобы на характер экзаменов, путем которых достигают назначения на государственные должности; он говорит, что это «настоящие пасквили на науки и на государственные должности», потому что они не имеют никакого практического применения к служебным обязанностям. Но всего более нуждаются в реформах, по мнению Гердера, наши университеты. Еще с тех пор как он сам слушал университетские лекции, он почувствовал отвращение к старой университетской рутине, а его сочувствие к Аббту было вызвано, между прочим, тем, что и Аббт с энергией восставал против старых университетских порядков. Все, что он видел в Страсбурге, и все, что он вынес из своих личных сношений с гёттингенскими профессорами, не внушило ему более благоприятного мнения о положении немецких университетов. И в нашей литературе сказывался такой же протест; она развивалась независимо от университетской учености и даже в противоположность с ней. В соперничестве Бодмера и Брейтингера с Готтшедом важную роль играло стремление к свободному, самостоятельному развитию и желание высвободиться из-под гнета школьных и университетских правил. Винкельман вынес из Галле глубокое презрение к высокомерной и педантической профессорской мудрости; такое же чувство вынес Лессинг из Лейпцига; и Гердер разделял в этом отношении убеждения двух писателей, имевших такое сильное

влияние на направление его идей. Он воспользовался рассматриваемой нами статьей, чтобы излить все свое негодование против университетских порядков. Он говорит, что в своем теперешнем положении немецкие университеты не что иное, как «готические здания», как остатки Средних веков, требующие радикальных преобразований. Описывая «ремесленнические приемы» университетского преподавания, Гердер осыпает их язвительными насмешками. «Теперь, — говорит он, — не признается никакая *facultas*, не принадлежащая ни к одному из факультетов; вне университетов нет спасения, а *universitates litterariae* заключают в себе такую всеобъемлющую ученость, из которой все исходит и на которой зиждется все, что необходимо для просвещения и для пользы государства; путем к этому источнику мудрости служат пробные лекции, а главным занятием для университетских ученых служат диспуты; преподаватели большей частью совершенно теряют из виду практическое применение научных познаний к государственной пользе, к условиям обыденной жизни; они нередко вовсе лишены здравого смысла и изящного вкуса, занимаются отвлеченностями и *generalibus*, постоянно читают одну и ту же логику, метафизику, догматику или одни и те же краткие обзоры этих наук, и так как им приходится в короткое время излагать всю массу научных сведений, то они превращаются в иссохшие скелеты, у которых головы наполнены ни на что не годными познаниями, — разве учреждения такого рода могут приносить правительству ту пользу, какой следует от них ожидать?» Исходя из той точки зрения, что университетское воспитание должно приносить пользу и для государства, и для практической жизни, Гердер настаивает на необходимости расширить кругозор учащейся молодежи, не терять из виду взаимного влияния одних наук на другие и допустить соперничество в чтении лекций. Даже от духовенства он требует главным образом, чтобы оно приносило пользу для людей всяких сословий. Впрочем, он ограничивается не совсем ясными указаниями на сущность необходимых преобразований. Он хочет, чтобы взамен университетов были основаны профессиональные местные школы.

Совершенно иными глазами смотрит он на академии, потому что видит в этих учреждениях Нового времени рассадники полезных наук и изобретений. Но для того чтобы академии вернее достигали своей цели, для того чтобы они пробуждали стремление к новым открытиям, которые можно делать только по собственному почину, а не по заказу, он хочет, чтобы в Германии был

основан высший ученый трибунал, которому всякий даровитый человек мог бы представлять на рассмотрение свои изобретения или свои образцовые произведения и от которого получал бы награду по своим заслугам. Вместо того чтобы назначать задачи на премии, академии должны лишь в общих чертах обозначать ту сферу умственной деятельности, в которую должны входить представляемые на премию сочинения и изобретения. Почти ту же самую мысль и почти в таких же выражениях он уже ранее излагал в представленном кассельскому ученому обществу панегирике Винкельмана; он излагал ее несколько иначе в составленном в 1787 г. для маркграфа Карла Фридриха Баденского проекте учреждения Всеобщей немецкой академии; он говорил в этом проекте, что будущая патриотическая Академия не должна ограничиваться назначением задач на премию, а должна назначать награды за всякое, написанное по чьему-либо личному почину сочинение, автор которого умеет пробуждать чувство национального достоинства и чем-либо содействовать народному благосостоянию¹.

Из разбросанных в рассматриваемой статье практических указаний и требований едва ли можно составить себе ясное понятие о политических и организаторских дарованиях автора. Все, что он говорит, так неопределенно, так односторонне в своих подробностях, что возбуждает в нас недоверие к его способности указать средства и пути для осуществления его реформаторских замыслов. Но в глазах Академии эти недостатки не имели значения. Она обратила внимание лишь на бэконовский дух статьи, вполне согласовавшийся с ее собственными понятиями о просвещении, и на внешние достоинства блестящего изложения. В своем заседании 1 июня 1780 г. она признала статью достойной премии, и ее секретарь Формей поспешил поздравить Гердера с *rapauté académique*, которую он приобрел с получением этой третьей премии². И на этот раз Гердер испросил у Академии дозволение сделать, прежде напечатания статьи, некоторые к ней прибавления с целью яснее высказаться по некоторым пунктам и предотвратить возражения; но он не воспользовался данным ему позволением и обратно отослал 10 августа свою рукопись; она появилась в печати в конце 1780 г. с французским за-

¹ Denkmal Winckelmans / Изд. Дюнцера. С. 34; Idee zum ersten patriotischen Institut für den Allgemeingeist Deutschlands; Адрастея. VI, 2, с. 227.

² Mémoires de l'Acad. Année 1780. С. 14; Формей к Гердеру 2 июня 1780 г.; сравн.: Гердер к Гаману (Соч. Гамана. IV, 134); Гёте к Лафатеру 3 июля 1780 г. (Гирцель); письма Гёте к Лафатеру, с. 88.

головком¹ и, по остроумному замечанию Гамана, послужила новым «доказательством влияния правительства». Гердер, как кажется, выразил Формею желание быть принятым в число членов Академии, а Формей посоветовал ему обратиться с просьбой об этом к королю; но он не захотел прибегать к такому средству — он так высоко ценил честь быть членом Академии, что «считал неприличными всякие заискивания»². Только через семь лет после того сама Академия почтила его — по предложению министра Герцберга — единогласным избранием в свои почетные члены, а этому примеру вскоре последовала и Берлинская академия искусств и механических наук³.

¹ Dissertation sur l'influence des sciences sur le gouvernement et du gouvernement sur les sciences, qui a remporté le prix proposé par l'Acad. royale des sciences et Belleslettres pour l'année 1779. Berlin, 1780 (in 4-to); SW в отделе филос. XIV, 205 и сл.; Гаман к Гердеру 18 дек. 1780 г. (Соч. Гамана. VI, 169); также сравн.: Соч. Гамана. VI, 140, 175, 180.

² Формей к Гердеру 23 июня; Гердер к Формею 10 авг. 1780 г.

³ Герцберг к Гердеру 25 авг. 1787 г. — Дипломы помечены 23 авг. 1787 г. и 10 февр. 1789 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПИСЬМА И ЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ. ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

І. «Теологические письма»

После издания своего сочинения «Откровение св. Иоанна» Гердер предполагал отдохнуть от литературных трудов и даже навсегда отказаться от всякой новой литературной деятельности; такие мысли приходили ему в голову, очевидно, потому, что при исполнении своих многосложных служебных обязанностей он не находил достаточно свободного времени, для того чтобы, ничем не стесняясь, излить на бумаге все гнездившиеся в его уме идеи. Он жаловался на то, что церковные отчеты и консисториальные постановления отнимали у него то время, которое он привык посвящать литературным трудам, а когда он был занят литературной работой, он жаловался на неблагодарность публики и полагал, что мог бы лучше тратить свое время на другие, более необходимые, занятия. Эта двойственность влечений всего слабее отразилась на тех двух статьях, содержание которых только что было нами рассмотрено. Они находились в некоторой связи со служебными занятиями Гердера; ведь он сам заявил баварским академикам, что писал статью на премию главным образом потому, что при тогдашнем господстве «рыночных и уличных ребяческих суждений» он считал академию за пристанища настоящей учености и за такие высшие заведения, приговоры которых неподкупны¹. Но разве не было еще другого способа согласовать литературную деятельность со служебными обязанностями? Разве Гердер не мог избрать для своих сочинений такой сюжет, который находился бы в связи с его пасторскими занятиями? Ведь вместо того чтобы писать сочинения для всей читающей публики, он мог бы писать сочинения только для теологов и для тех, кто готовится к поступлению в духовное звание.

¹ Гердер к Кеннеди 27 дек. 1779 г.

В конце 1780 г. он писал Гаману, что в Веймаре никто не заботится о подготовке кандидатов на духовные должности и что он намерен основать для этих кандидатов нечто вроде семинарии, лишь только найдет достаточно свободного времени¹. Этот замысел зародился в его уме с тех пор, как он поселился в Веймаре. Он задумал основать семинарию помимо всякого постороннего вмешательства и потому еще в декабре 1776 г. восстал против намерения двух других членов консистории обратиться к сейму с просьбой об основании семинарии для церковных проповедников; он поступил так на том основании, что «первые семена проповеднического искусства следует сеять негласно»². А пока исполнению его проекта препятствовали разные затруднения, он мог что-нибудь написать с целью разбудить умы юных богословов даже вне пределов его нового необширного отечества. Он мог написать такое сочинение, в котором объяснил бы этим богословам обязанности их звания и которое вполне удовлетворяло бы его врожденное влечение к роли педагога. Ведь еще в то время, когда он писал свои путевые заметки, он, между прочим, помышлял о новом, более понятном и более привлекательном изложении всей теологии, и в особенности догматики, гомилетики и библейского учения. Для такого сочинения у него уже был накоплен вполне достаточный материал; в особенности для всего, что касалось объяснений Библии, могли служить подготовительной работой его прежние статьи об этом предмете. Итак, независимо от гнета денежной нужды, постоянно заставлявшей его искать литературных заработков³, он мало-помалу втянулся в новое литературное предприятие, так что 1780 г. — который, по его словам, был самым непроизводительным и даже «разорительным»⁴ — оказался одним из самых доходных. Желание оказать

¹ И. Г. Мюллер писал в своем дневнике осенью 1780 г. (Aus dem Herderschen Hause. С. 45): «Гердер намеревается основать этой зимой в Веймаре семинарии для молодых людей духовного звания с целью главным образом упражнять их в экзегетике. Они будут представлять ему на рассмотрение свои статьи, будут собираться у него в назначенные дни и т. д.»

² Эти слова извлечены из официальных документов Высшей веймарской консистории.

³ Доказательством того, что Гердер требовал чрезмерно высокую плату за свои статьи, служит не попавшее в напечатанную корреспонденцию его письмо, в котором он предлагал 4 сент. через посредство Каролины рижскому издателю свою статью об Андресе. Как кажется, только после того, как Гарткнох согласился издать эту статью не без некоторых оговорок, Гердер нашелся вынужденным поспешить с окончанием «Теологических писем».

⁴ В письме к Гаману в мае 1780 г. (полученном 31 мая): Соч. Гамана. VI, 132.

помощь невежественным молодым людям, готовящимся к духовному званию¹, и восполнить пробелы их университетского образования побудило его написать в том году ряд «Писем касательно изучения теологии»; две первые части этого сборника писем были изданы в 1780 г. ко дню св. Михаила, а две остальные части — к Пасхе 1781 г.²

Из содержания этих писем ясно видна торопливость, с которой они были написаны. Хотя некоторые из них и были заново переписаны с некоторыми поправками, но в общем Гердер не придерживался своего прежнего обыкновения по несколько раз переделывать написанное, а напротив того, торопливо отправлял рукописные листы в печать. Этим объясняется, почему и композиция, и слог «Теологических писем» отличаются такой небрежностью, какой мы не замечаем в предшествовавших статьях. Излагая свои идеи в форме писем — а не в виде руководства для изучения теологии, как сначала предполагал, — он мог отложить в сторону заботу о внешней отделке написанного. А в том, что его изложению недоставало строгой последовательности, он сам сознавался в предисловии ко второй части. Его письма отличаются расплывчивостью, повторениями одного и того же и отступлениями, нарушающими их внутреннюю связь. Он выражался без всяких стеснений, точно будто вел устную беседу. Он мимоходом затрагивал все вопросы, какие интересовали его в то время, и в особенности нередко заводил речь о старинной немецкой литературе. Эта манера напоминает некоторые из его позднейших произведений — «Письма о гуманизме» и «Адрастею», в которых он вставлял извлечения из чужих сочинений и разные отрывки из произведений Гетца, Витгофа и Андреэ. Во всех своих богословских сочинениях, начиная с «Древнейшего документа» и кончая статьей об Откровении Иоанна, он нередко заводил речь о поэзии, и, наоборот, в своих эстетических произведениях,

¹ Aus dem Herderschen Hause. С. 29.

² Во всем, что следует далее, мы придерживаемся этого 1-го изд., вышедшего в Веймаре из типографии Гоффмана без имени автора. Со 2-го изд., выпущенного в 1785—1786 гг. с именем автора, «Теологические письма» перепечатаны в SW в отделе теол. (XIII и XIV); это 2-е изд. принято за руководство и Суфаном (SWS. X и XI, 1—153). Суфан полагает, что Гердер начал писать «Теологические письма» весной 1780 г. Он послал 9 сент. 1780 г. Эйхгорну первый том, заключавший в себе 1-ю и 2-ю части, а 22 окт. читал эту книгу Лафатер (А, II, 191). Во всяком случае не подлежит сомнению, что две следующие части (том II) были написаны в очень короткое время. Касательно торопливости, с которой работал Гердер, Гарткнох писал ему 15 мая 1781 г.: «Почему вы работаете для других так торопливо, а для меня так мешкотно?»

в «Письмах об Оссиане», в «Пластике», в статье о влиянии поэзии, он постоянно имел в виду Библию. И в «Теологических письмах» мы находим такое же смешение воззрений на религию с воззрениями на эстетику.

Содержание «Писем» исходит из того же основного положения, которого Гердер неуклонно придерживался со времени своего вступления в духовное звание, — что лучший способ изучения богословия заключается в изучении Библии. Целая половина книги имеет внешний вид введения к изучению Ветхого и Нового Завета. В третьей части автор переходит к догматике и наконец в четвертой части к практическому применению теологических познаний.

Три основные идеи служат фундаментом для гердеровской теологии и в то же время связью между «Теологическими письмами» и прежними теологическими сочинениями Гердера — в особенности теми, которые были написаны в Бюкебурге: уверенность в превосходстве исторической точки зрения над отвлеченными умозрениями; уверенность, что конечная цель, которую имел Бог при создании человека, обнаружилась в том, как он руководил иудейским народом, и должна получить свое полное осуществление с наступлением царствия Христова; убеждение в том, что Библия заключает в себе самые достоверные указания на проявления этой Божеской воли. По словам автора, фундаментом для христианства служат главным образом исторические факты и ясное их понимание, т. е. простая, безыскусственная вера. Только эти факты способны удовлетворить требования человеческого сердца, а все они изложены в Библии. Ветхий Завет и Новый Завет объясняют нам, в чем заключается план Божества, обнаруживающийся во всемирной истории. Оба Завета заключают в себе непрерывный ряд Божеских откровений. Божеская заботливость об иудеях есть величайшая из всех поэм. Новый Завет заключает в себе исполнение того, что было предсказано в Ветхом Завете, но и сам по себе он указывает на предстоящее еще более полное осуществление Божеского плана — на второе пришествие Христа.

Однако старание автора опровергнуть все возражения критиков оказываются по-прежнему безуспешными; его апологетические объяснения Библии оказываются еще более прежнего шаткими и неточными. Так, он снова высказывает ту же мысль, которую уже ранее развивал в «Древнейшем документе», — что история грехопадения не вымысел, а во всех своих подробностях действительная история человеческого рода, полная истины и

мудрости; однако он лишь мимоходом упоминает о словах, сказанных змием, и точно так же поступает с историей Валаама; кому же не бросится в глаза такая двойственность воззрений? Мы безусловно разделяем мнение Гердера, когда он говорит, что не хочет знать преднамеренно вымышленных рассказов; мы признаем за бесспорный шаг вперед, когда Гердер отвергает все объяснения, извращающие поэтическое содержание Библии, когда он протестует против возникшей в Новое время манеры изображать древних евреев вовсе не такими, какими они были на самом деле; мы вполне готовы не искать в поэтическом произведении ничего, кроме поэзии; но мы не в состоянии следовать за автором, когда он делает скачок от сочувственного объяснения наивных поэтических произведений к вере в поэтизированные факты. Разве можно отыскать ясный и определенный смысл в мнении автора, что все, что есть двусмысленного и баснословного в рассказе о рае и о грехопадении, было свойственно тому времени и что это — «очаровательный рассказ о счастливых и, к сожалению, утраченных мечтах детства», заключающий в себе самую безыскусственную философию? А когда Гердер, изложив историю пророка Ионы, говорит: «Если какой-нибудь рассказ изящен, возвышен и полезен, как поэтическое произведение, то почему же не принимать его за настоящую историю?» — он точно будто хочет зажать рот критику, здравый смысл которого протестует против таких несообразностей. На каком нетвердом фундаменте зиждется критика нашего теолога, когда он усматривает в несложности и бессвязности Моисеевых законов отпечаток неподдельности, а потом эту неподдельность принимает за доказательство достоверности фактов, находящихся в связи с изданием тех законов! Веру в достоверность евангельского рассказа он основывает на следующей альтернативе: «Или мы ничего не знаем о Христе, или же мы знаем о нем то, что рассказывают евангелисты; поэтому мы должны вычитывать из евангелий только то, что в них написано». Автор прибегает к самому жалкому доводу, когда, стараясь устранить недоверие к неправдоподобным подробностям евангельского рассказа, ссылается, например, на того индийского царя, который не верил в существование льда, потому что «считал его неправдоподобным». Он позволяет себе резко бросающуюся в глаза *petitio principii*, когда говорит, что все неправдоподобное в том рассказе так свойственно Христу, что Христос не был бы Христом, если бы все подробности его жизни, страданий, смерти, воскресения не были неправдоподобны.

Но таким мнимым доказательствам и софизмам гердеровской апологетики нет конца, а ее недостатки ясно обнаруживаются в разносторонности ее аргументов. Именно из того факта, что Гердер старался прикрывать своим красноречием неудовлетворительность своих доводов, ясно видно, что почва под его ногами снова стала колебаться. Живя в Бюкебурге, он восставал против всего, что было продуктом неверия и современного просвещения. Тогда его воинственная ярость не знала пощады. Тогда он выражался резко и презрительно с недопускавшей возражений самоуверенностью и с гневным тоном пророка. Не то мы видим теперь — он уже не увлекается по-прежнему самообольщениями юношеского энтузиазма. В его уме снова стали предьявлять свои права здравый смысл и скептицизм; ему приходилось вести борьбу с самим собой; извороты, к которым ему приходилось прибегать, ставили его самого в затруднительное положение. Именно в то время критика нашла для себя такого представителя, которого никто не посмел бы упрекнуть в легкомыслии и который отличался дальнозоркостью, внушавшей общее к нему уважение. Во главе тех писателей, которые вели борьбу с теологами, занял место Вольтера и Юма, Шпальдинга и Михаэлиса такой человек, мнения которого всегда имели огромный вес в глазах Гердера. «Вольфенбюттельские отрывки» и примыкавшие к ним полемические статьи Лессинга придали старым спорным вопросам совершенно новый характер. Они сильно интересовали Гердера. «Я не в состоянии выразить, — писал он 25 декабря 1778 г. Лессингу, — как сильно интересуют меня ваши „Отрывки“ и полемические статьи; я от всей души желаю видеть издание всего вашего сочинения и не понимаю, как могут этого не желать все ваши друзья и враги»¹. Он был убежден, что это издание принесет большую пользу, а ответные статьи, отличавшиеся «грубостью и наглостью», не могли ему нравиться. Статья «О цели Иисуса» «глубоко огорчила его», а то, что там говорилось о вторичном пришествии Христа, возбудило в его уме серьезные сомнения, которые лишь усиливались от перечитывания «Апокалипсиса». Итак, автор «Теологических писем» не всегда сходился в своих воззрениях с автором «Вольфенбюттельских отрывков»²; он останавливал свое внимание в особенности на статье о

¹ На другой день после того он написал то письмо, в котором спрашивал Глейма (С, I, 597), не пожелает ли он содействовать изданию рукописи анонимного автора без всяких пропусков.

² К И. Г. Мюллеру в марте 1781 г. (*Гельцер*. С. 85).

цели Иисуса, то высказывая свои возражения, то одобряя Лессинга за ее издание¹.

Гердер, очевидно, был поставлен статьями Лессинга в необходимость строго проверять свои религиозные верования, вследствие чего и внес в рассматриваемые нами письма такое вольнодумство и такую мягкость выражений, каких мы не находим в его заносчивых бюкебургских статьях. Своим гипотезам он старается, насколько может, придавать самый широкий гуманный смысл. В начале 25-го письма он говорит, что теология самая либеральная из всех наук, — а эти слова могли бы служить эпиграфом для всего сборника писем. Они более всего применимы к воззрению Гердера на Библию, потому что вслед за положением, что изучение Библии есть лучшее средство для изучения теологии, он говорит, что эту божественную книгу следует читать по-человечески. Он решительно отвергает все суеверные и пошлые воззрения на божественность Библии, все детские понятия о вдохновении свыше. Он требует, чтобы при объяснении Библии не пренебрегали никакими научными вспомогательными средствами — ни изучением языка, на котором была написана Библия, ни какими-либо другими научными указаниями. Он не допускает такого отвлеченного догматического понятия о божественности Библии, которое заставляло бы позабыть о поэтическом характере этой книги; например, он требует, чтобы при объяснении ветхозаветных пророчеств принимались в соображение и личные характеристические особенности каждого пророка как человека, и исторические условия, при которых каждый из них писал свои послания; поэтому он невысокого мнения о тех, кто ищет в истолкованиях пророческих писаний главным образом намеков на пришествие Христа. Но наряду с научной точкой зрения на поэтически-историческое содержание Библии, у Гердера проглядывает старание извлекать из этого содержания практические благочестивые поучения. Несмотря на его убеждение, что библейские книги выражаются «языком Божеским, а не человеческим», он полагает, что практическое применение содержащихся в них поучений более полезно, чем все рассуждения о том, каким путем нисходило вдохновение свыше на тех, кто их писал. Он требует, чтобы их читали с благочестивым простосердечием, а это требование служит для него главным средством для устранения всех сомнений, возбуждаемых критикой. В этом случае он сходится с мнениями Лессинга, и потому нет ничего удивитель-

¹ Теологические письма. I, 238; II, 137, 144 и сл.

ного в том, что он с восторгом читал и перечитывал «Натана»¹. Он стал проповедовать веротерпимость на основании убеждения, что история выше всякого умничанья и что христианство — историческая, фактическая истина. Чтобы отстоять достоверность некоторых подробностей евангельского рассказа, ему нередко приходилось прибегать к таким доводам, которых не допустил бы Лессинг, но в своих конечных выводах он все-таки сходил с Лессингом. Он утверждал, что о достоинстве фактов могут свидетельствовать только факты и что лучшим доказательством истины христианства служит само христианство. Не одобряя полемику, которая велась в его время о религии, он требует прекращения всяких споров и распрей, возбужденных этой полемикой; он повторяет то же, чему поучал в Риге, — что «христианство не должно возбуждать никаких гонений», потому что «основой для христианства служат исторический факт и простосердечная, выражающаяся в делах вера». Что он всего энергичнее восставал против всяких споров о догматах, объясняется, между прочим, и тем, что он ставил историю выше философии. Точно так же, как и в своих первых богословских сочинениях, он утверждает, что догматика не что иное, как извлеченная из Библии философия, которая поэтому и не должна отдаляться от своего источника. Итак, Гердер считает правильными только филолого-исторические объяснения догматики, а не философские. Он отвергает всякие замысловатые рассуждения, как например те, которые касаются недоступной для нашего понимания сущности Божества. Он полагает, что христианству не принесли никакой пользы ни философия гностиков и последователей Платона, ни схоластическая философия последователей Аристотеля, ни даже философия Вольфа; в простосердечии он видит самое верное средство положить конец всяким спорам о догматах; «только обоюдная терпимость, сдержанность, любовь к свободе и к истине, — говорит он, — могут со временем примирить все противоположные мнения». Таким образом оказывается, что все гипотезы, которые он высказывает с точки зрения верующего, сходятся с теми практическими воззрениями на христианство, которые высказывал Лессинг со своей критической точки зрения. Его старания объяснить некоторые догматы сводятся к тому, что он старается извлечь из этих догматов практическую пользу и придать им нравоучительный смысл. Наконец, он не

¹ Гердер к Гаману 21 мая 1779 г. (Соч. Гамана. VI, 86); к Лессингу 1 июня 1779 г. (Aus dem Herderschen Hause. С. 60).

только требует от других терпимости и сдержанности, но и сам старается исполнять это требование. Так, он вступает в полемику с автором «Вольфенбюттельских отрывков», но в конце своего 35-го письма выражается с крайней сдержанностью: он говорит, что вовсе не питает никакого озлобления против Лессинга, потому что Лессинг смотрит на спорный вопрос совершенно иными глазами не столько по своей вине, сколько по вине тех писателей, которые старались придавать нечеловеческий характер всему, что было в Христе человеческого. В рассматриваемой нами книге уже нигде не проглядывает резкий и грубый тон прежних гердеровских сочинений. Указывая юным богословам на то или другое литературное произведение, он старается заимствовать как от друзей, так и от врагов все, что считает поучительным и полезным. Он избегает всяких нападок на личности и даже отдает справедливость заслугам Михаэлиса и Шпальдинга. Его теология стоит на дружеской ноге со всяким умственным развитием, со всякими научными познаниями. Он черпает то, что ему нужно, из произведений и христианских, и языческих писателей, — и из Библии и из сочинений мирского содержания. Он с сочувствием отзывается и о греческих, и о римских писателях и советует юным теологам изучать произведения «пользующихся такой дурной славой натуралистов и деистов», произведения таких писателей, как Шефтсбери и Руссо, и даже произведения «так называемого атеиста» Спинозы.

В заключение приведем следующие слова И. Г. Мюллера из его предисловия к «Теологическим письмам», перепечатанным в полном собрании сочинений Гердера: «Ширина взгляда, с которой автор обозревает всю область богословских знаний, обогащая и украшая эти знания всем, что находит изящного и полезного в так называемой светской учености; оригинальность, новизна и поэтический характер его идей; множество гениальных указаний на лучший способ излагать богословие, которое так часто извращалось от произвольных толкований, от старания приспособлять его к господствующим в данное время школьным системам и к той или другой схоластической точке зрения; живое сочувствие к гуманным идеям и наконец практическое направление, которое автор дает своим воззрениям с целью содействовать распространению настоящего гуманного образования, — вот в чем заключаются отличительные особенности и неувядаемые достоинства книги, несмотря на то что некоторые из изложенных в ней идей устарели, а некоторые подробности требуют исправлений».

II. Гердер и Иоанн Георг Мюллер

Тот, кто написал вышеприведенные слова, имел более всякого другого право произносить окончательный приговор над новым произведением Гердера: ведь Гердер имел в виду мнения Мюллера и в то время, как писал две первые части «Теологических писем», и в то время, как писал две последние части. Появление «Теологических писем» имеет тесную связь с дружбой, которая связывала Гердера с младшим братом автора «Истории Швейцарского союза», Иоанном Георгом Мюллером.

История детского возраста этого человека¹ имеет во многих отношениях сходство с историей детского возраста Гердера. В родительском доме Мюллера также господствовали скромная простота образа жизни и старинное благочестие. Мюллер родился в 1759 г. в Нейнкирхе, в шафгаузенском кантоне, и провел свое детство в Шафгаузене, куда его отец был назначен в 1760 г. пастором и преподавателем гимназии. Своим воспитанием он, как кажется, был всего более обязан не отцу, а матери, которая была чрезвычайно деятельной и практичной женщиной и умела с ранних лет приучить сына к набожности. Внешний гнет, препятствовавший его умственному развитию, заставил его сосредоточиваться в самом себе. В школе ему пришлось переживать тяжелые испытания. Он молча возмущался школьной тиранической дисциплиной и, не находя в бездушном школьном преподавании удовлетворения для своей жажды знания, стал жадно читать все попадавшиеся ему в руки книги, стал предаваться фантастическим мечтаниям и подвергать себя лишениям аскетов. Вследствие чтения Библии, «Ночных дум» Юнга, сочинений Лафатера и в особенности лафатеровского дневника, в нем наконец созрела

¹ Она известна нам из автобиографии Мюллера, которая доведена до 1784 г.; эта автобиография почти целиком напечатана в 18-м томе «Protestantische Monatsblätter» Гельцера (с. 35—84). Она хранилась в рукописи в шафгаузенской библиотеке и составляет первую часть написанной покойным деканом Карлом Штокаром биографии Мюллера, которая будет в скором времени издана шафгаузенским обществом любителей древности. До выхода в свет этого издания можно познакомиться с подробностями жизни Мюллера из трех статей, помещенных Кирхгофером в журнале, посвященном изучению шафгаузенской истории (№ 2, с. 65 и сл.; № 3, с. 145 и сл.). Здесь будет не лишним упомянуть и о прекрасной статье Баумгартена «Herder und Georg Müller» (Preussische Jahrbücher. Т. XXIX. С. 23 и сл.; С. 127 и сл.).

решимость посвятить себя преподаванию религии. После смерти своего отца он отправился девятнадцатилетним юношей в Цюрих с целью слушать богословские лекции и поселился там, в качестве пансионера, в доме Гефели. Нет ничего удивительного в том, что ему показалась очень привлекательной чрезмерная чувствительность, которой отличались члены лафатеровского кружка, и что он сначала всецело уверовал в теологическую систему цюрихских писателей. Но когда он переехал из Цюриха в Гёттинген, его подвижному уму пришлось переживать новый кризис. В Гёттингене он попал в совершенно иную умственную атмосферу. Там его ум освежился под влиянием более просвещенных воззрений на теологию, с которыми он познакомился из лекций гёттингенских профессоров. Он увлекся более светлыми идеями таких преподавателей, как Коппе, но вместе с тем утратил прежнюю самоуверенность и душевное спокойствие. Его стали мучить сомнения в основательности его верований; его не могло удовлетворять здравомыслие гёттингенских профессоров, излагавших какую-то странную смесь старых идей с новыми, и он стал искать более чистого источника знаний, из которого мог бы черпать руководящие идеи для своих занятий и успокоение для своей измученной души. Еще живя в Шафгаузене, он читал гердеровский «Древнейший документ» и был поражен восточно-поэтическим отпечатком этой книги; ему показался крайне привлекательным таинственный полумрак, окружавший гердеровские объяснения Откровения. Это впечатление не покидало его и по ночам; писатель, так красноречиво говоривший об утренней заре, однажды представился ему во сне на отдаленной окраине широкого ландшафта, над которым начинало светить восходящее солнце. В Цюрихе он не переставал изучать произведения писателя, вызывавшего столько похвал даже со стороны Лафатера, Гефели и Пфеннингера. Уже в то время у него зародилось намерение посетить Гердера, а теперь он решил привести это намерение в исполнение. Во время осенних каникул 1780 г. он отправился из Гёттингена в Веймар пешком, «подобно тому как в древности отправлялись в чужие страны на поклонение мудрецам». На третий день он уже явился к Гердеру с рекомендательным письмом от Гефели. Его робость исчезла перед оказанным ему дружеским приемом, и он с первого свидания совершенно очаровал Гердера. Этот последний так извещал свою жену о прибытии нового гостя: «Ко мне явился один швейцарец; этот человек настоящий ангел; мы поместим его в нашем

доме»¹. Тогда Мюллер перебрался из гостиницы в квартиру Гердера; он стал со дня на день откладывать свой отъезд, прожил в семействе Гердера целую неделю и наконец, в слезах расставаясь с хозяевами, обещал скоро возвратиться. Таково было начало той связи, которая оказалась такой прочной и такой благотворной для обоих друзей. Младший из них нашел для себя руководителя на всю свою жизнь, а старший нашел такого доброжелателя, который был предан ему с ребяческим самоотвержением и, при своей постоянной готовности во всем помогать ему, всегда считал себя его должником.

Мюллер описал вынесенные им из Веймара впечатления в дневнике, к ведению которого приступил лишь через несколько недель после своего возвращения в Гёттинген. Этим он доставил нам возможность познакомиться с домашней жизнью Гердера, которого мы до сих пор знали лишь по его сочинениям, по его письмам и по его служебной деятельности. Хотя дневник и написан восторженным юношей, безусловно преданным Гердеру, но то, что он теряет от явно заметного пристрастия своего автора, вознаграждается полным отсутствием всякой предвзятой цели и наивностью изложения.

Мюллер описывает счастливый домашний быт, в котором жизнь течет спокойно и правильно. Отец семейства любит проводить время среди толпы игривых детей, а мать семейства пользуется полным доверием мужа. Гердер говорит своему юному другу, что все его многочисленные знакомые ничто в сравнении с Каролиной — в которой он нашел единственную верную подругу, ниспосланную Богом для его счастья. Его главное желание — сохранить его домашнее счастье и хорошо воспитать детей. Он не скрывает неприятностей, с которыми сопряжены его отношения к герцогскому двору и его усиленные должностные занятия. Более однообразная жизнь в Бюкебурге кажется ему теперь потерянным раем, но он надеется, что спокойно проведет последние годы своей жизни «где-нибудь в деревне, вдали от знати». Он, по мере возможности, ограничивается самым небольшим кружком знакомых, очень любит дальние прогулки и почти ежедневно отправляется в небольшую загородную рощу; там он ищет отдохновения от трудов и наслаждается природой точно так же, как когда-то наслаждался в райской роще на своей ро-

¹ См. рукописный экземпляр «Воспоминаний» (то место, которое относится к II, 237 напечатанного экземпляра) и письмо Каролины к И. Г. Мюллеру от 11 дек. 1805 г.

дине. Музыка по-прежнему доставляет ему такое же наслаждение, какое он находит в созерцании природы. Несколькоими нетрудными аккордами на фортепьяно он аккомпанирует какую-нибудь клопштоковскую песню или одну из своих любимых церковных песен, текст которой постоянно у него на уме благодаря своему трогательному содержанию или возвышенности идей. Вечером, когда все семейство собирается вокруг стола, он читает вслух какую-нибудь хорошую книгу и рассуждает о том, что прочел. Разговор Гердера по-прежнему жив и поучителен. При этом нам приходят на память рассказы Гёте о разнообразных впечатлениях, которые он выносил из бесед со своим страбургским наставником. Несмотря на то что рассказы Гёте и Мюллера не имеют между собой ничего общего ни по времени, когда были написаны, ни по своим целям, в их содержании встречаются некоторые общие черты, так что они могут служить один для другого и дополнением, и подтверждением. Гёте упоминал о том, что обхождение Гердера отличалось мягкостью, изяществом и строгим соблюдением приличий. А Мюллер изображает Гердера «юношей, который точно будто парит над землей с грацией жениха и с улыбкой счастливого человека»; ему кажется, что Гердер едва касается ногами до земли, а выражается всегда дружелюбно, мягко и обдуманно. С тех пор как Гердер жил в Страсбурге, прошло почти десять лет; теперь он вполне достиг возмужалости и научился владеть самим собой. В Страсбурге он был болен, и тамошняя жизнь была не по нем; а теперь он был совершенно здоров, имел под своими ногами твердую почву, жил не в одиночестве, а под благотворным влиянием счастливой семейной обстановки. Он еще не утратил склонности к насмешливости, даже к суровому порицанию, но он дает волю этой склонности только в крайних случаях, а его сарказмы и возражения отличаются таким мягким тоном, что ими никак нельзя обижаться. Заносчивого молодого поэта Гердеру приходилось сдерживать и пристыжать, а скромного теолога ему приходилось успокаивать и возбуждать к предприимчивости. Ему, очевидно, было очень приятно общество неиспорченного юноши, у которого все влечения были безукоризненны, а все понятия идеальны. Он не мог относиться к этому юноше иначе как со снисходительной кротостью и с отцовской любовью. Он привлекал к себе молодого швейцарца не тем, что был автором «Отрывочных заметок» и «Пластики» и издателем народных песен, а тем, что был теологом. Поэтому и в беседах между двумя друзьями теологические вопросы стояли на первом плане. В дневнике Мюллера

нам всего ярче бросается в глаза непритворное глубоко религиозное благочестие Гердера, и нам становится понятным сильное влияние этого человека на душу юноши. Гердер всегда готов выслушивать наивные признания Мюллера и успокаивать своего друга или поучительными рассказами, или излияниями своих сердечных чувств. Он знакомит Мюллера с сочинениями Гама-на, из которых сам когда-то извлекал такую богатую пищу для своего ума. Он раскрывает перед Мюллером светлый мир разума, а потом снова заводит его в мрачные дебри верований и даже суеверий, в область той религии предчувствий и видений, которая лежала в основе его мирозерцания. Он снабжает Мюллера множеством указаний на литературные произведения, а любознательный юноша с жадностью выслушивает отзывы своего начитанного ментора о старых и новых книгах, о характере того или другого писателя, о внутренних достоинствах и о практической пользе светских и в особенности теологических сочинений.

Мюллер не мог более удачно выбрать время для своего прибытия в Веймар. Он хотел посоветоваться с Гердером насчет направления своих теологических занятий, а именно в то время Гердер был занят сочинением обширного введения к изучению теологии. Подобно тому как Гёте сошелся с Гердером именно в то время, когда писалась статья о происхождении языка и в уме ее автора созрел план статей о Шекспире и Оссиане, о пластике и о еврейской поэзии, и Мюллер застал Гердера в работе над «Теологическими письмами». Молодой швейцарец немедленно обратился к Гердеру с некоторыми вопросами, касавшимися его занятий; тогда Гердер вручил ему только что доведенную до конца первую часть «Писем об изучении теологии» — а эта книга оказалась как будто нарочно написанной для Мюллера, который, по его собственному признанию, нашел в ней «ответы не только на те вопросы, которые намеревался предложить, но и на те, которые мог бы предложить впоследствии»!¹ Это была счастливая случайность, оказавшаяся одинаково полезной и для наставника, и для ученика. Подобно тому как в «Листках для немецкой жизни и искусства» слышится отголосок тех бесед, которые Гердер вел в Страсбурге с автором «Гёца», и на продолжении «Теологических писем» отзываются воспоминания о тех вопросах и ответах, которыми обменивались Мюллер и Гердер. После возвращения Мюллера в Гёттинген Гердер писал ему в начале но-

¹ Примечание издателя «Воспоминаний» Мюллера (II, 236).

ября¹: «Мой дорогой Мюллер, я нередко вспоминаю о вас, когда берусь за продолжение „Теологических писем“, а когда мне приходится вести речь о тех вопросах, которые были предметом наших разговоров, мне нередко кажется, что я пишу как будто для вас одних». Так и было на самом деле. Письма Гердера утрачивают свой прежний характер условной литературной формы, а в предисловии к продолжению этих писем автор положительно указывает на субъективный характер их происхождения. Они были написаны или по меньшей мере доведены до конца непосредственно вслед за прибытием Мюллера в Веймар; те из них, которые были вновь написаны, касаются именно таких вопросов, которые уже обсуждались в устных беседах, и рекомендуют именно те книги, на которые Гердер указывал в разговорах со своим юным другом. Мюллер нашел включенными в текст книги некоторые из тех стихотворений, которые читались Гердером вслух за вечерним столом, и он с удовольствием вспоминал, как Гердер, во время этого чтения, иногда пожимал ему руку и перечитывал лучшие места в стихотворении. Гердер обещал ему, что употребит в дело оружие ума и любви для борьбы с новейшими безжалостными переделывателями старинных церковных песен, — и он нашел исполнение этого общения в 46-м письме. У него было так сильно убеждение, что именно для него были написаны две новые части «Теологических писем», что он принимал на свой счет те «ласковые укоры», с которыми автор обращался вовсе не к нему².

Но кроме печатных писем отправлялись из Веймара в Гёттинген и рукописные. Мюллер пользовался данным ему позволением изливать свою душу перед прозорливым и благосклонным наставником, сообщать о своих недоразумениях и колебаниях, спрашивать совета даже в случае самых мелочных затруднений, а в знак своей признательности он оказывал наставнику разные мелкие услуги, присылал книги и копии университетских лекций. Ответные письма Гердера, нередко сопровождавшиеся приписками Каролины, доказывают нам, как горячо оба они полю-

¹ А не 18 октября, как сказано у Гельцера (XIV, 81). Неверность этого указания времени была замечена еще Баумгартеном в «Preuss. Jahrbücher.» (XXIX, 34 прим.). Так как в письме (т. е. в подлинном письме) упоминается о вложенном в него письме к Лафатеру, которое, без всякого сомнения, есть то самое письмо от 3 ноября, которое напечатано у Дюнцера (А, II, 201), то мы и сочли себя вправе указать на начало ноября.

² Письмо Мюллера от 14 мая и письмо Гердера, написанное в Троицын день 1781 г.

били этого «благородного юношу и брата». Это были настоящие письма отца к сыну: они были наполнены дружескими поощрениями и вносили успокоение в душу юноши, когда он не знал, как избавиться от мучительных сомнений. Гердер выражался в своих письмах не высокомерным тоном наставника, а тоном друга, обращавшегося к другу; он не только сообщал юноше о своих замыслах и литературных трудах, но далее посвящал его во все закулисные тайны своей домашней жизни, даже признавался ему в своих неудачах и ошибках.

Эти письма не только внушали молодому студенту рвение к учению, но также научали его лучше прежнего пользоваться ученостью его гёттингенских преподавателей, в особенности Коппе и Шпиттлера; его заранее радовала мысль, что по окончании трех гёттингенских семестров он, на возвратном пути домой, завернет на несколько дней к Гердеру — как это было условлено при их расставании. Он предполагал пройти последний семестр в Тюбингене; но университетская жизнь была ему не по вкусу, и ему внезапно пришла в голову мысль: не лучше ли бы он сделал, если бы отправился к Гердеру, вместо того чтобы отправляться в пустынный Тюбинген? Он решился обратиться с этим вопросом к Гердеру. Ему на это отвечали, что его примут как верного сотоварища, друга и брата. Ему еще нужно было получить разрешение от матери, которая по многим причинам не одобряла его намерения. Но его брат Иоанн уговорил мать, и наш Иоанн Георг с радостью покинул 27 сентября 1781 г. университетский город.

Он провел в доме Гердера всю зиму вплоть до 25 марта 1782 г. При таких продолжительных интимных сношениях, натурально, случалось, что не всегда светило яркое солнце, что иногда набегали и черные тучки. В начале 1782 г. с Гердером иногда случались болезненные припадки; поэтому он не всегда приветливо обходился со своим гостем. Из дневника Мюллера и из написанной им впоследствии автобиографии¹ видно, что Гердеру причиняли немало неприятностей малодушие и недоверчивость его жильца, которого он называл «деревом, постоянно колеблющимся от ветра». Тем не менее, когда Мюллер вспоминал о днях, проведенных в доме Гердера, он называл их самыми счастливыми и самыми полезными. Ведь всякий раз как он падал духом, ему снова внушали бодрость дружеские поощрения, а иногда и откровенные суровые порицания Гердера. Этот последний ста-

¹ Aus dem Herderschen Hause. С. 107 и сл. С. XV и сл.

рался влиять на него не одними только наставлениями, а также своим личным примером, своим образом жизни, своими проповедями; он в сущности не задавал ему никаких уроков, а только часто заставлял практиковаться в произнесении проповедей и потом высказывал ему свое мнение о том, что слышал. В ту пору Гердер втихомолку основал у себя нечто вроде семинарии для будущих церковных проповедников; он собирал у себя на воскресенья молодых кандидатов на духовные должности и преподавал им нечто вроде руководства к их богословским занятиям, а на этих лекциях, конечно, и Мюллер бывал в числе слушателей. Гердер вовсе не требовал от Мюллера безусловной покорности, отчасти потому что сам еще не выработал никакой системы преподавания, отчасти потому что не такова была его цель: он старался внушать нерешительному юноше любовь к свободе, советовал ему не подчиняться безусловно чужим мнениям, а самостоятельно во все вдумываться и выработать свои убеждения независимо от всякого внешнего гнета¹. Сам Гердер самостоятельным трудом разрешил мучившие его сомнения и заглушил свою склонность к мечтательности; и своего ученика он учил держаться середины «между цюрихской сердечной горячностью и гёттингенской холодностью». И в натуре Мюллера были врожденные задатки для такого сочетания благочестия со «свободо-мыслием; Гердер только вызвал к жизни эти задатки». «Вот, — говорит сам Мюллер, — моя краткая биография: на здоровом дереве вырос бутон; хотя он долго не распускался, но всякий, кто ближе в него всматривался, предсказывал ему хорошую будущность. Тогда появилась гусеница, которая стала объедать его корень, и он стал увядать. Вслед за тем появился доброжелатель, который снял гусеницу и вдохнул в бутон свежие жизненные силы, — и бутон стал мало-помалу оживать и распускаться»².

Да и самому Гердеру принесло немало пользы гостеприимство, оказанное швейцарцу. Он был обязан этому гостеприимству личным знакомством с братом И. Г. Мюллера, написавшим «Истории Швейцарского союза». Он с большим вниманием прочел первую часть этой истории, и она так ему понравилась, что он намеревался писать о ней рецензию для «Меркурия»; он называл ее

¹ Сравн. предисловие И. Г. Мюллера к SW в отделе теол. (I, X и сл.) и некоторые из писем Мюллера, как например от 3 ноября 1788 г. и написанное осенью 1794 г.

² Kirchhofer. С. 96.

автора «человеком старинного закала, последователем Монте-скьё и Тацита». В юношеских письмах знаменитого историка было так много пылкого воодушевления и обширных замыслов, что их тон совершенно подходил к тону гердеровского путевого журнала. Оба они отличались ненасытной жадностью знания; душа у Мюллера была такая же гибкая и мягкая, как у Гердера; даже их умственное развитие, завершившееся переходом от современных понятий о просвещении к положительным верованиям, было одинаково; наконец, у них обоих заметное странное сочетание чувствительности, фантазии и отвлеченного мышления и то сильное влечение к поэзии, благодаря которому сам Гердер едва не сделался поэтом, а Мюллер сделался таким искусным колористом в описании исторических событий. После того как между ними завязались первые дружеские сношения путем доставки книг и статей, Иоанн Мюллер прибыл в Веймар с целью провести несколько дней вместе со своим братом перед его отъездом в Шафгаузен. Личное знакомство между Гердером и Мюллером имело благотворные последствия для них обоих, и в особенности для Мюллера, который впоследствии не оставлял без внимания ни одного из гердеровских сочинений; немедленно вслед за пятидневным пребыванием в Веймаре он писал Гердеру: «Вы привязали меня к себе на всю мою жизнь; я предвижу, что старание нравиться вам послужит мне в пользу». И Гердер со своей стороны воспользовался этим удобным случаем, чтобы познакомиться с содержанием мюллеровских лекций, которые произвели на него сильное впечатление, впоследствии отразившееся и на его собственных исторических сочинениях. В своих письмах к г-же Мюллер он хвалил ее обоих сыновей за их ум и доброе сердце и высказывал желание перевести Иоанна на более приятную и более видную должность — в Эрфурт или в Гёттинген. Из его письма к Гейне от 24 мая 1782 г. всего яснее видно, как высоко он ценил дарования Иоанна и какую блестящую предсказывал ему будущность. Он был уверен, что, если Иоанн перестанет увлекаться чрезмерной экзальтацией, он приобретет своими лекциями громкую известность, потому что запас его познаний громаден, его рвение беспримерно, а его умение соединять историю языка с характеристикой различных эпох и народностей неподражаемо. Наконец, он хвалил Иоанна за его юношескую любовь к его занятиям, за его готовность жертвовать своими личными интересами для пользы юношества. Ведь и сам Гердер был таким же энтузиастом во всем, что касалось преподавания; ведь и он только с течением времени заглушил в себе склонность к чрез-

мерной экзальтации. Стало быть, он хвалил в Иоанне своего единомышленника¹.

Но еще более сильно было сочувствие Гердера к его дорогому Иоанну Георгу. В обществе этого молодого человека он подкреплял свои душевные силы и сам как будто молодел. Какое сильное влияние имели на него воззрения этого чистого душой и любознательного юноши, всего яснее было бы видно в том случае, если бы Гердер исполнил свое намерение не останавливаться на четвертой части своих «Теологических писем». Содержание следующих частей было бы, по словам Гердера, еще более прежнего «специально, внушительно и индивидуально»². Ведь он еще не успел исчерпать содержание своей обширной темы. Многие из того, что было первоначально предназначено для частей третьей и четвертой, было отложено в сторону. Автор писем намеревался между прочим изложить свои размышления о «совершенно человеческом образе действий Иисуса Христа»; он придавал особую важность такому изложению, для которого он уже наметил некоторые основные черты в «Провинциальных листках», — но его намерение осталось неисполненным, потому что «всякий раз, как он приступал к этой работе, перо выпадало из его рук». Касательно частей третьей и четвертой он писал И. Г. Мюллеру: «Это не более как преддверие к настоящему центру христианства, в которое я еще не проникал»; почти то же говорил он при отсылке Мюллеру тех двух частей: злой дух постоянно удерживал его руку и мешал ему излагать то, что было у него на уме. Впрочем, предположенное продолжение «Теологических писем» не было совершенно отложено в сторону. Оно превратилось в новый ряд писем, которые должны были появиться под заглавием «Писем к Феофрону». Феофрон было имя того ученика, к которому Шефтсбери писал свои письма, вызвавшие от Гердера похвалы в конце четвертой части «Теологических писем». Но Гердер разумел под этим именем своего друга Иоанна Георга. Это молодой человек, уже окончивший курс своих университетских занятий. «Как приятно будет мне, — писал Гердер, — входить во все перемены вашего положения и видеть, что Вы с Вашей обычной юношеской откровенностью сообщаете

¹ Письмо к Гейне (С, II, 193); Каролины к Глейму 25 апр. 1782 г.; Каролины и Гердера к Глейму 26 ноября 1781 г. (*Гельцер*. XIV, 95 и сл.; *Bächtold*. Aus dem Herderschen Hause. С. III). Наконец, письма Иоанна Мюллера к Гердеру от 19 марта, 2 апр. и 12 авг. 1782 г. (*Мюллер И.* Полн. собр. соч. Ч. XVI), к его матери (Там же. V, 79), к его брату от 15 июня 1782 г. (Там же. С. 85).

² Предисловие к 3-й части «Теологических писем».

мне о всех впечатлениях, которые выносите из Вашего житейского опыта; я также буду относиться к Вам с полной откровенностью, и Вам будет казаться, что я нахожусь подле Вас всякий раз, как Вы будете читать мои письма или вспоминать обо мне, применяя к делу мои указания». Этот индивидуальный характер писем ясно проглядывает в конце первого письма к Феофрону, и вообще все эти письма заставляют нас мысленно переноситься в Швейцарию, потому что в них беспрестанно идет речь о «горах, равнинах, озерах и хижинах» отчизны Феофрона. В их содержании мы находим не много нового. В той незаконченной форме, в какой они дошли до нас, они не следят за жизнью Феофрона вплоть до его вступления в должность, наперекор данному автором в предисловии обещанию. Многое из того, что должно было войти в их содержание, было впоследствии переделано для вышедшего в 1785—1786 гг. 2-го издания «Теологических писем». Наконец, самостоятельную цельность имеет тот «Опыт практического применения теологических познаний, приобретаемых при трехлетнем слушании университетских лекций», который сначала должен был служить приложением к «Письмам к Феофрону», а потом был помещен в начале более обширного сочинения¹. Но в «Письмах к Феофрону» есть одна очень характеристическая особенность. Они написаны с сознательным несочувствием к той теологической мнительности, от которой еще не вполне отделался бывший ученик Лафатера. Они обращаются к Феофрону как к такому молодому человеку, который уже достиг некоторой зрелости в своих убеждениях. Даже в тех случаях, когда они лишь повторяют ранее изложенные объяснения, они глубже вникают в сущность дела и вообще отличаются еще большим свободомыслием, чем четыре части «Теологических писем», из которых они зародились — по словам предисловия — «точно так же, как день зарождается из утренних сумерек». В особенности в шестом письме к Феофрону автор старается заглушить в своем друге страх, внушаемый «нашими теперешними переворотами и брожениями умов в сфере христианства». Он вступает за свободу исследований во всех богословских вопросах так энергично, как

¹ Напечатан в SW (XV) с пометой 1782 г. Весьма правдоподобно предположение, что с этим очерком была тождественна та «небольшая книжка, похожая на учебник», которую Гердер предлагал 13 февраля 1783 г. Гарткноху для издания. Сравн. относящееся к «Письмам к Феофрону» введение в SW (XV, 18; SWS. XI, 211) и предисловие ко 2-му изд. «Теологических писем» (SWS. X, 4). Кроме того, см. заключительные примечания Суфана к т. X—XII его издания, в особенности с. 366 и сл.

не вступался даже в то время, когда жил в Риге — «человеческому уму должна быть предоставлена свобода, хотя бы он и употреблял ее во зло». Свобода, говорит он, есть фундамент всех протестантских церквей, как это видно даже из их названия. Свобода есть фундамент здравомыслия, всех благородных свойств человеческого сердца, всяких возвышенных стремлений; ограничения этой свободы должны истекать из ее самой. В подтверждение этой мысли Гердер ссылается на произведенный Лютером переворот, который был вызван только требованиями совести и глубокими убеждениями. Он признает за светскими властями лишь крайне ограниченное право стеснять свободное выражение вольнодумных идей и не допускает, чтобы сословные предрассудки могли служить поводом для подобных стеснений. Он требует настоящей веротерпимости, которая сблизила бы нас с католическими странами Германии, причем решительно протестует против той ложной веротерпимости, которая «все возводит в одну систему, основанную на неверии». Он доказывает, что новейшие исследования касательно религии не представляют никакой опасности, что знакомство с английской теологией принесло Германии не вред, а пользу, — и указывает на пример Михаэлиса, к которому прежде питал такую сильную вражду. Наряду с Михаэлисом он называет Гейльмана, которого когда-то намеревался прославить вместе с Баумгартеном и Аббтом. Он по-прежнему вступает за Землера и до такой степени заглушает в себе всякое чувство личной вражды, что указывает на хорошие стороны «Всеобщей библиотеки» и произведений Эбергарда и Штейнбарта. Он советует пользоваться поучениями от обеих враждующих между собой партий — благоразумно и скромно держаться между ними середины. Так выражается теперь тот самый писатель, который еще за несколько лет перед тем был таким горячим приверженцем одной из тех партий. Он на основании собственного опыта уверяет своего ученика, что привязанность к какой-либо партии не может быть долговечной: «Высокомерные мечты юности улетучиваются с течением времени; человек начинает стыдиться своих юношеских заблуждений, а если он благоразумен, то даже из этих заблуждений извлекает пользу». Этими словами Гердер, очевидно, выражал осознание своих собственных юношеских заблуждений.

III. Ссора с Лафатером

Но то же самое сочинение, которое было памятником сближения Гердера с Г. Мюллером, послужило поводом для разрыва дружеских уз, в течение восьми лет связывавших Гердера с наставником Мюллера, Лафатером.

Дружба между этими двумя писателями поддерживалась лишь издали, через посредство писем и литературных произведений. Она возникла между двумя энтузиастами в такое время, когда идеи Гердера находились в самом сильном брожении, а предметом дружеского сочувствия со стороны Гердера был такой человек, у которого здравый смысл постоянно затемнялся чрезмерной чувствительностью и фантазией и наконец совершенно заглох. Читая письма, которыми обменивались эти друзья, мы невольно приходим к убеждению в неискренности и благоговейного уважения, с которым Лафатер относился к Гердеру, и смешанных с критическими замечаниями похвал, с которыми Гердер отзывался о произведениях Лафатера. Однако дружеские сношения не прекращались, несмотря на то что Гердер неоднократно упрекал Лафатера в чрезмерной болтливости и был не доволен пошлыми выходками этого благочестивого писателя. То было лишь легким предвестием возможности разрыва, когда Гердер упрекнул (в первом письме, написанном из Веймара) своего друга за краткость его последних писем: «Я замечаю, что ты тяготишься перепиской со мной. Я буду ждать перемены к лучшему». Впрочем, этот упрек, очевидно, был вызван лишь чувством неудовлетворенной дружеской привязанности, потому что остальное содержание того же письма дышит самой сердечной искренностью. Гердер говорит, что появление Кауфмана сблизило его с живущим вдалеке другом: «Всех вас я теперь люблю еще больше прежнего; Кауфман ввел меня в ваш кружок, и благодаря ему все вы — и Лафатер, и Пфеннингер, и Гефели — сделались моими братьями». А вскоре вслед за тем Гердер, в написанных 25 ноября стихах, просил у своего друга извинения за сделанный ему упрек. Между тем письма Лафатера были бедны содержанием, коротки и написаны наскоро. Гердер со своей стороны был не доволен тем, что Лафатер, в третьей части своей «Физиогномики», облил его физиогномию каким-то «соусом»¹;

¹ Гёте к Лафатеру 10 марта 1777 г. (*Гегнер*. С. 98). — Циммерман писал Лафатеру 10 окт. (Там же. С. 106): «Мне кажется, что Гердер не доволен тобой. Я полагаю, что причиной этого неудовольствия — третья часть твоей „Физиогномики“, о которой он говорит, что ты делаешь из нее Голгофу для

наконец обмен писем сделался редким, а когда Гердер, после долгого молчания, уведомил по поручению герцогини 3 февраля 1779 г. своего друга о рождении принцессы, его письмо состояло из нескольких торопливо написанных строк и вместе с уверениями в старой дружбе заключало в себе насмешки над физиогномическими причудами друга. Только присланные Гердером сочинения о «Пластике» и «О познании» вызвали от Лафатера несколько дельных замечаний; он признавался, что «Пластика» произвела на него «удручающее» впечатление, и, хотя он присоединил к этому отзыву самые лестные похвалы, все-таки для Гердера было ясно, что касательно таких сюжетов он никогда не сойдется во мнениях с физиогномистом. Ответное письмо, написанное Гердером в июле 1779 г., носит на себе ясные следы с трудом сдерживаемого неудовольствия, от которого было недалеко если не до насмешливости, то по меньшей мере до равнодушия. Были и другие причины, содействовавшие разрыву старой дружеской связи. Кауфман когда-то был в глазах Гердера блестящим представителем цюрихского литературного кружка, а теперь эта звезда померкла и Гердер стал смотреть иными глазами на цюрихских литераторов. Другим посредником между двумя старыми друзьями был Циммерман; но он стал теперь писать для «Ганноверского сборника» такую ребяческую болтовню, которая оттолкнула от него Гердера. Но еще более важное влияние имел тот факт, что чем более Гердер очищал в Веймаре свои теологические воззрения от своего прежнего чрезмерного религиозного рвения, тем более казалась ему невыносимой умственная ограниченность цюрихских богословов, их нетерпимость и склонность к суевериям. Ему был вовсе не по вкусу издававшийся с 1779 г. Пфеннингером «Христианский сборник», в котором его также приглашали участвовать и в котором было помещено несколько похвальных отзывов о его сочинениях¹. Он также не сочувствовал основанию «Общества для поощрения к практическому применению христианского учения». Еще менее мог он одобрять содержание напечатанной в упомянутом сборнике

твоих друзей. Он находит смешным то, что ты относишь его к числу религиозных людей, называешь его пророком и т. д. Он говорит, что цюрихские литераторы, и именно те из них, которых он считает своими друзьями, составили себе совершенно ложное о нем понятие и выставили его в глазах всей Германии таким, каким он не желает казаться. Его цюрихские враги и т. д.» (Лафатер к Гердеру 8 марта 1777 г.).

¹ Пфеннингер к Гердеру 24 июля 1778 г.; Гердер к Лафатеру в июле 1779 г.; Лафатер к Гердеру 7 авг. 1779 г.

статьи Иакова Штольца, который высокопарным тоном говорил о знамениях своего времени, предвещавших вторичное пришествие Христа, и, описывая неверие своих современников, горячо нападал на «тогдашнего верховного жреца» Лессинга и на статью «О целях Иисуса». Гердер откровенно признался Лафатеру, что относится к убеждениям Лессинга с большим сочувствием, что вовсе не считает разрешенным вопрос о новом пришествии Христа при современном поколении и что уже высказал в статье об «Апокалипсисе» свой взгляд на этот предмет.

Именно эта статья об «Откровении св. Иоанна» и поколебала прежнюю уверенность Лафатера, что его воззрения на христианство сходятся с воззрениями Гердера. Из его собственных слов видно, что эта статья показалась ему неудобоваримой умственной пищей и что она очень не понравилась ему отсутствием «ясности и простоты»¹. О том же свидетельствует письмо, написанное через несколько лет после того И. Г. Мюллером. «Причина происшедшего между вами разрыва, — писал Мюллер Гердеру², — заключается, по моему мнению, только в том, что прежде Лафатер преклонялся перед вами почти как перед божеством, потому что приписывал вам такие продукты своей пылкой фантазии, которые вовсе не в вашем духе». Наполненная фантастическими видениями, пророчески-мистическая книга «Откровение св. Иоанна» соответствовала лучше всех других библейских книг чувственно-фантастической форме христианских убеждений Лафатера. Именно в то время он писал на сюжет этой книги нечто вроде новой «Мессиады». Эту-то «Мессиаду» он и противопоставил теперь сочиненно Гердера. Впрочем, он не привел в исполнение своего намерения изложить свои критические замечания об этом сочинении и сообщить их Гердеру³. Только «Теологические письма» вполне убедили его в разномыслии с Гердером, только они развязали ему язык. Прочитав две первые части этого нового сочинения, он изложил 23 октября 1780 г. на бумаге вы-

¹ В письме от 6 дек. 1780 г. (А, II, 208).

² 16 авг. 1793 г. Это письмо осталось ненапечатанным.

³ Гёте писал 7 февраля 1780 г. Лафатеру: «Я слышал, что вы собрали в одно целое ваши отзывы о книге Гердера и отправили их к нему». Но до нас дошло только письмо от Гефели (от 13 янв.), из которого видно, какое впечатление произвела книга Гердера в цюрихском кружке, и в котором сказано: «Лафатер, вероятно, скоро напишет отзыв об „Откровении“». Если бы Лафатер действительно писал тогда такой отзыв, то едва ли бы он умолчал о нем в своей переписке с Гердером касательно «Теологических писем».

несенное им из этого чтения впечатление. Хотя эта книга и «разогрела в его сердце некоторые старые нежные чувства», хотя он похвалил ее за «мягкость тона, за ясность и общедоступность, за плавность изложения и за слог», но, с другой стороны, он нашел в ней множество недостатков, на которые указал своему другу в таких неделикатных выражениях, каких прежде никогда не употреблял. Когда он не увлекался своей фантазией, он был способен высказывать здравые и остроумные суждения. Со своей точки зрения верующего он вполне основательно протестовал против двусмысленностей и недомолвок гердеровских объяснений Священного Писания, а с другой стороны, его пугали и отталкивали еретические суждения вольнодумного автора. Он находил, что воззрения Гердера на содержание Библии были не в меру поэтичны и недостаточно религиозны. Он мог считать за личную для себя обиду нападки Гердера на тех, кто позволял себе брать из Библии сюжеты для стихотворений, и в особенности на тех, кто позволял себе перефразировать священный текст, — так как именно такова была экзегетическая метода Лафатера. Иначе говоря, «Руководство к изучению теологии» было, по мнению Лафатера, недостаточно религиозно и даже не совсем согласно с теологическими истинами. Таково же было его мнение о гердеровских объяснениях «Апокалипсиса»; он решительно заявил, что ему была в высшей степени противна манера Гердера обобщать смысл текста, в котором все так ясно и определено. Вместе с этим он известил Гердера о том, что пишет «Лафатеризированный Апокалипсис», и закончил свое письмо резким выражением своего разномыслия — это письмо с начала до конца доказывает, что старые друзья придерживались совершенно различных точек зрения и что прежнее мнение Лафатера о Гердере совершенно изменилось.

Когда Г. Мюллер приезжал на несколько дней в Веймар, он своими рассказами расшевелил в уме Гердера приятные воспоминания о маленьком кружке цюрихских друзей; тогда даже личность Лафатера снова сделалась привлекательной для Гердера; но все было испорчено «ужасным письмом» Лафатера¹. «В ответ на мои письма, — писал Гердер Гаману², — Лафатер прислал мне длинное письмо, наполненное кисло-сладкими замечаниями, из которых я заключаю, что нам обоим следует молчать друг перед другом». Гердер всегда обижался порицаниями,

¹ Каролина к И. Г. Мюллеру в конце июля 1782 г. (*Гельцер*. XIV, 99).

² В декабре 1780 г. (Соч. Гамана. VI, 173).

от кого бы они ни исходили, но порицания со стороны Лафатера были для него вдвойне оскорбительны, потому что были неожиданным высказаны другом, когда-то отзывавшимся о его сочинениях в совершенно противоположном тоне. Этот небывалый тон так удивил его, что он приписал происшедшую в Лафатере перемену тем *illustres voyageurs*, которые наговорили в Цюрихе так много дурного на его счет¹. Он поспешил выразить свое удивление в ответном письме, которое было еще более кисло-сладким, чем письмо Лафатера. Он не отвергал того, что некоторые из критических замечаний Лафатера были основательны. Он признавался Лафатеру, точно так же как признавался и Гаману², что некоторые суждения, особенно не понравившиеся критику, были им высказаны по необходимости — вследствие того что он счел нужным приравниваться к предрассудкам своего времени. Это было равносильно признанию, что он изменил ту точку зрения, которой руководствовался в своих сочинениях, написанных в Бюкебурге. Он говорил, что смысл его слов не всегда был верно понят Лафатером; а всего настойчивее он протестовал против манеры Лафатера парафразировать и поэтизировать библейские рассказы. По мере того как его письмо приближалось к концу, он выражался тоном все более и более резким и оскорбительным: «Я не буду, да и не желаю тебя убеждать; ведь я не могу силой навязывать мою точку зрения ни тебе, ни кому-либо другому». Ему кажется, что кто-нибудь восстановил против него Лафатера; поэтому он будет молчать, пока Лафатер не откажется от своих предубеждений. Он говорит, что «Откровение», изложенное Лафатером в стихах, он еще не читал и, вероятно, еще не скоро прочтет, и просит Лафатера не «утруждать» себя присылкой ему этой книги в подарок!

Нетрудно было предвидеть, что вслед за этими пререканиями произойдет окончательный разрыв. Возражения, изложенные Лафатером в письме от 6 декабря с большим добросердечием и с очевидным старанием избегать оскорбительных для Гердера выражений, были оставлены этим последним без ответа. Каждый из двух друзей остался при своих прежних убеждениях, и лишь по временам то один, то другой вспоминал о том, что когда-то привязывало их друг к другу. В двух последних частях «Теологических писем» снова делаются ссылки на «прекрасные места» в ла-

¹ См. выше, с. 15; сравн. в переписке Гердера с Лафатером (А, II, 206) и ответ Лафатера (Там же, 208).

² Соч. Гамана. VI, 173.

фатеровских «Мыслях о вечности» и «Библейских поучениях», между тем как в предисловии, очевидно, принимались в соображение высказанные Лафатером упреки за «несоразмерность» в распределении содержания. И продолжение «Теологических писем», впоследствии получившее название «Писем к Феофрону», было вызвано желанием Гердера устранить высказанные Лафатером возражения и еще яснее прежнего оттенить новую, более либеральную, точку зрения. В течение некоторого времени Гердер не переставал с уважением отзываться о «благородном гуманном сердце» благочестивого мечтателя и отдавать полную справедливость всему, что находил хорошего и полезного в его сочинениях; но чем более очищался его собственный литературный вкус, тем менее он стеснялся в выражениях своего несочувствия к отсутствию изящного вкуса в сочинениях Лафатера¹. Кроме того, усилению этого разлада содействовал разлад с Гёте, которого Гердер считал за лафатеровского доброжелателя², — но, когда Гердер снова сдружился с Гёте, а этот последний охладил к Лафатеру, вражда между Гердером и Лафатером приняла еще более резкий отпечаток. Однако это не помешало Гердеру поддерживать добрые сношения с цюрихскими друзьями Лафатера. Через посредство Мюллера он пересылал дружеские поклонны Гефели, так горячо вступившемуся в «Немецком Меркурии» за «Древнейший документ», и был очень рад свидеться с Гефели в то время, как этот последний останавливался в Веймаре на пути в Дессау³. И за Пфеннингера был горячим заступником Миллер; поэтому даже в 1781 г. Гердер посылал в «Христианский сборник» статьи, которые так резко отличались своим направлением от статей цюрихских литераторов; это были последние отголоски старой дружеской связи с жившими в Цюрихе благочестивыми писателями⁴. Узы этой старой связи унаследовал Мюллер. Ссора с Лафатером так сильно грызла сердце Гердера, что не могла не набросить некоторую тень и на его отношения к быв-

¹ Гердер и Каролина к И. Г. Мюллеру (*Гельцер*. XIV, 91, 93, 97, 99, 101, 108, 109). Там же (с. 108, написанная 12 дек. 1784 г.) читаем: «К чтению лафатеровских сочинений я имею очень мало охоты, хотя не питаю никакой вражды к его особе. Я уже достаточно упивался излипаниями его сердечных чувств, но Боже меня сохрани от его „Мессии“».

² Там же, 97, 99, 101.

³ Письмо Гефели к Гердеру от 6 июля 1781 г. и написанное из Бремена письмо от 4 мая 1794 г. Касательно проезда Гефели через Веймар см.: *Гельцер*. XIV, 105, 108; письма Мюллера к Гердеру в январе 1784 г.

⁴ См. выше, с. 120, прим. 1.

шему ученику его прежнего друга, — однако в общем результате оказалось, что в душе молодого швейцарца влияние Гердера взяло верх над влиянием Лафатера.

IV. Памятник Лессингу

В то время как Гердер разошелся с Лафатером вследствие «разномыслия», смерть похитила того человека, которому Гердер был обязан более либеральными и более возвышенными воззрениями на теологию.

Он вступил с 25 декабря 1778 г. в переписку с Лессингом, которая хотя и касалась преимущественно справок в вольфенбюттельской библиотеке, но кроме того обнаруживала горячее сочувствие Гердера к теологическим и философским сочинениям Лессинга¹. Обращаясь к Лессингу, по поручению Гамана, с просьбой о присылке рукописного продолжения «Бесед о масонстве», он коснулся того пункта в статье «О целях Иисуса», который имел в его глазах особую важность, — вопроса о втором пришествии Христа, и жадно читал все мелкие статьи, в которых Лессинг развивал свои религиозные мнения. Так как Лессинг всегда отвечал на его запросы самым дружеским и почтительным тоном, то их взаимные отношения приняли очень интимный характер, но этой дружеской связи положила конец внезапная смерть Лессинга.

Гердер был глубоко огорчен известием об этой утрате; только тогда он понял, как благотворно было для него влияние Лессинга. Он называл эту утрату невознаградимой². «Если бы я знал, — писал он 26 ноября 1781 г. Глейму, — что я мог бы еще раз встретиться у вас с Лессингом, я тотчас прилетел бы к вам!.. Я не могу выразить, до какой степени я осиротел с его смертью; я теперь похож на странника, который не видит ни одной звезды на покрытом черными тучами небе». Но всю свою скорбь Гердер излил в письме, написанном 21 февраля к Мендельсону. Он уже ранее возобновил свои сношения с этим писателем — он прислал Мендельсону свою «*Mağan atha*»; в двух первых частях своих

¹ Эта переписка со всеми необходимыми объяснениями помещена теперь в Редлиховом издании писем Лессинга (*Lessing. Briefe / Hrsg. Redlich. Berlin: Hempel, 1879. XX, отделы 1 и 2*).

² Гердер к Фойгту тотчас после получения известия о смерти Лессинга; письма Гёте к Фойгту (с. 462), к Гарткноху 1 марта 1781 г. (см. *Jahn*).

«Геологических писем» он неоднократно указывал на достоинства статей Мендельсона о Ветхом Завете; в третьей части этих писем он выразил свое уважение к Мендельсону, опровергая слух, будто он был автором «Вольфенбюттельских отрывков»¹. А когда он узнал о смерти Лессинга, то не мог устоять против желания высказать все, что у него было на сердце, именно тому человеку, с которым был так дружен умерший: «Несмотря на то что мы писали и мыслили вдалеке один от другого, я теперь чувствую такую душевную пустоту, что как будто я очутился среди необитаемой пустыни». В сближении с Мендельсоном Гердер мог найти некоторое вознаграждение за понесенную утрату. Он признается, что недружелюбные отношения к Николаи заставляли его из чувства приличия отдаляться и от Мендельсона, но что теперь он желал бы считать этого писателя за своего единомышленника. Он заходит еще далее в своих заискиваниях дружбы Мендельсона — он намекает на то, что его звание налагло на него обязанность многое допускать и терпеливо выносить, и высказывает надежду, что оба они сойдутся на пути к истине.

Эта добродушная откровенность не могла не произвести впечатления даже на такого хладнокровного и осмотрительного философа, каким был Мендельсон. Однако в своем ответном письме² он выражался хотя и с полной откровенностью, но без горячего сочувствия к Гердеру. Он поступил невеликодушно, напомнив Гердеру его сдержанность во время личного свидания в Пирмоне в 1774 г.; он был вполне прав, когда утверждал, что Гердер отдалялся от него из сословных предубеждений — оттого, что он еврей. Но веймарский Гердер уже отбросил предубеждения бюкебургского Гердера и сделался совершенно другим, более свободно мыслящим человеком.

Свои новые воззрения он не скрывал и от публики, точно так же как не скрывал их от Мендельсона. И свое уважение к Лессингу, и свой более либеральный взгляд на религиозные вопросы он выразил в памятнике, который публично соорудил в честь великого усопшего. Еще в мартовском номере «Немецкого Меркурия» он напечатал по поводу смерти Лессинга несколько страниц, на которых лишь более подробно и более красноречиво

¹ Теологические письма (1-е изд.). I, 78, 203; II, 164 и сл.

² От 15 марта; это письмо находится у меня в подлиннике; оно напечатано без всяких изменений в полном собрании сочинений Мендельсона (V, 582 и сл.). См. письмо Гердера от 21 февр. (A, II, 220 и сл.).

высказывал то же, что писал Мендельсону¹. Но он этим не ограничился. Подобно тому как смерть Аббта когда-то напоминала ему о Баумгартене и Гейльмане и навела его на мысль о статье, посвященной памяти этих трех писателей, и смерть Лессинга напомнила ему о тех двух писателях, которые наряду с Лессингом содействовали развитию немецкой литературы и немецкого искусства. С этой точки зрения он был вправе сопоставлять Лессинга с Винкельманом — и с Зульцером. Этот последний едва ли имел право стоять наряду с первыми двумя. Но памятники воздвигает уважение к умершим. Именно такое уважение побудило Гердера поместить в «Немецком музее», в течение первого месяца после смерти Лессинга, поэтическое воззвание к тому, умершему в 1777 г., дифирамбическому стихотворцу, с которым его когда-то связывали и личная дружба, и литературные интересы². А теперь то же чувство побудило его написать трилогию на тему: Винкельман, Лессинг и Зульцер³. В центре этой группы он поставил Лессинга, для которого двое остальных служили только «рамкой»⁴. Он лишь немногими штрихами охарактеризовал автора всеобщей теории изящных искусств; даже из панегирика Винкельману, уже вполне обделанного для представления на кассельскую премию, он извлек лишь некоторые из самых светлых идей с целью сосредоточить самые яркие лучи света над головой автора «Лаокоона». Хотя эта статья включает в себе лишь краткую характеристику Лессинга, она может быть отнесена к числу образцовых произведений. И мы, вместе с Гаманом, восхищаемся ее сердечною теплотой, благородством и зрелостью изложенных в ней идей⁵. Только после ее чтения Мендельсон с удовольствием принял предложенную ему Гердером дружбу и окончательно отложил в сторону свою прежнюю сдержанность⁶. Он стал хвалить автора еще более, чем его статью, и принял памятник Лессингу за доказательство прогресса в умственном развитии Гердера. «Да, друг мой, — писал он Гердеру, — Вы теперь сделали тот шаг вперед, которого недоставало для цельности ва-

¹ Немецкий Меркурий. 1781, март. С. 268 (сравн. выше, с. 53, прим. 4).

² *Herder. Auf Willamovs des deutschen Dithyrambensängers Tod.* // Немецкий музей. 1781, февр. С. 190 и сл.; SW в отделе литер. III, 187 и сл.

³ Статью о Винкельмане см.: Немецкий Меркурий. 1781, сент. С. 193 и сл. (статья перепечатана в SW в отделе филос. XV, 119 и сл.); статьи о Лессинге и Зульцере см.: Там же. 1781, окт. С. 3 и сл. Эти статьи подписаны буквой Н.

⁴ К Глейму 26 ноября 1781 г.; С, I, 75.

⁵ Гаман к Гердеру (Соч. Гамана. VI, 225); сравн. письмо к Гарткноху (Там же, 229).

⁶ К Гердеру 24 ноября (а не в сентябре, как сказано в А, II, 229) 1781 г.

шего характера. Теперь вы уже не смотрите на людей глазами педагога, который ищет повода для порицаний; теперь вы уже не смотрите на человеческие стремления к истине только как на сюжет для сатиры... Теперь я на хожу больше гармонии между Вашим сердцем и Вашим умом, и даже Ваш слог, как мне кажется, лучше прежнего выражает ваши чувства и мысли.

Гердер начинает свою статью указаниями на влияние, которое имел Лессинг на немецкую литературу, на его заслуги в том, что касается изящного вкуса, на своеобразности его языка и слога — со времен Лютера, говорит он, еще никто не писал таким своеобразным немецким языком. Затем он делает обзор всей литературной деятельности Лессинга, отдает должную справедливость Лессинговым теоретическим объяснениям сущности басни и эпиграммы и сопровождает свои похвалы некоторыми критическими замечаниями, которые частью уже нам известны, частью будут изложены далее. Гердер лишь вкратце говорит о поэтических произведениях Лессинга, но более подробно говорит о философском содержании и глубокомыслии его критических статей и об участии, которое он принимал вместе с Мендельсоном в издании «Писем о литературе». О «Лаокооне» он говорит как о «философском художественном произведении, которое художник оставил недоконченным нарочно, для того чтобы не позабывали, что его уже нет в живых». Упоминая о борьбе Лессинга с приверженцами Клотца и о прекрасной статье «Как древние представляли смерть», Гердер припоминает некоторые сцены из своей собственной жизни, потому что сам он во многом старался подражать великому писателю. Но он всего долее останавливает свое внимание на богословских сочинениях Лессинга. Эта последняя часть статьи самая интересная. Смерть уважаемого человека точно будто заставила его окончательно сбросить с себя стеснявшие его узы. Именно потому что он прежде шел иной дорогой, его совесть требует от него публичных и вполне откровенных признаний. «То, что я говорю, — писал он 27 октября 1781 г. Эйхгорну, — чистая правда. Я ненавижу трусливую набожность или бабью мудрость, которая прикрывается священнической рясой; она причиняет страшный вред и в конце концов внушает недоверие и презрение ко всему, что есть святого в этом мире». В этом щекотливом деле брали сторону Лессинга только приверженцы радикальной партии, и то не всегда безусловно; а теперь в первый раз берет его сторону человек, который уже дал немало доказательств своей привязанности к религиозным верованиям, который был первой духовной особой во всем Сак-

сен-Веймарском герцогстве и который принадлежал к числу теологов, «осмеянных» Лессингом в «Натане». Он вступает за приверженцев Лессинга не из-за угла, как то делал в борьбе с партией Клотца, а открыто, без малейшего намерения скрывать свое имя. «Я также принадлежу к числу теологов, — говорит он, — а интересы религии мне не менее близки к сердцу, чем кому-либо другому». Он признается, что и его огорчали некоторые колкие замечания автора «Вольфенбюттельских отрывков», что он и до сих пор не знает, что можно бы было возразить против некоторых доводов Лессинга. Однако это не мешает ему вступить за Лессинга; даже те идеи автора «Отрывков», которые всего более ему не нравились, были, по его мнению, высказаны «единственно с целью вызвать более свободные и более всесторонние исследования истины». Поэтому он советует пользоваться изданием «Отрывков» для продолжения серьезных исследований. «Вред, который могло бы причинить это сочинение, не уменьшится, а увеличится от бесполезных крикливых порицаний и от разных клеветнических выдумок. Стоны женщин не могут защитить крепость от неприятельского нападения; поэтому, когда неприятель идет на штурм, женщин отправляют по домам». К концу письма Гердер все более и более увлекается своим пылким красноречием. Он приглашает своих собратьев-теологов отложить в сторону сословные предрассудки и поучать религии общепонятным способом, не вдаваясь ни в какие споры; талантливый теолог давал этот урок вульгарным теологам, потому что ему было известно, что именно своей вульгарностью эти последние вызвали со стороны Лессинга такие желчные нападки на духовное звание. Наконец, упомянув о последних сочинениях Лессинга, Гердер обращается с красноречивым воззванием к благородному знатоку и поборнику истины, который всего более ненавидел низкое лицемерие, притворную уступчивость и «в особенности скучную, усыпительную полуистину, которая издавна разъедает человеческую душу, подобно ржавчине или раку».

Этими словами панегирист как будто отождествился с великим усопшим и заявил о своем намерении далее развивать его идеи. Писатель, так решительно осуждавший все проявления старинного религиозного фанатизма, уже не мог снова заговорить таким же тоном верующего, каким когда-то выражался в «Древнейшем документе» и в «Провинциальных листках». А выдавая Лессинга за образцового писателя, указавшего настоящий путь к истине, он налагал на себя обязанность и впредь придер-

живаться этого образца. Когда Гердер, через тринадцать лет после того, снова принялся за богословские сочинения, его сочувствие идеям Лессинга окрепло в его уме и получило еще более определенную внешнюю форму.

У. Последняя распря с Николаи

Под впечатлением тяжелой утраты, понесенной со смертью Лессинга, Гердер постарался снова сблизиться с самым интимным из друзей покойного. Несмотря на то что он уже давно отказался от роли рецензента, он поместил в 1782 г. в «Немецком Меркурии» несколько писем о литературе¹; в одном из них он с горячим сочувствием отзывался о только что изданных Эшенбургом статьях, найденных в бумагах Лессинга, в другом с таким же сочувствием отзывался о некоторых мелких статьях Мендельсона. Но он иначе обошелся с другим другом Лессинга — Николаи, которому все еще не мог простить отзыва о «Древнейшем документе». Несмотря на то что он разошелся в убеждениях с Лафатером, ему еще было далеко до либеральных воззрений Николаи; его религиозная точка зрения уживалась с лессинговским направлением ума и с мендельсоновской философией, но не уживалась с бездарностью Николаи. Он считал Николаи за своего личного врага, влиянию которого приписывал все неблагоприятные отзывы о его сочинениях, появлявшиеся в журналах со времени выхода в свет «Древнейшего документа». По поводу ссоры между Николаи и Виландом, вызванной делом Бункеля², Гердер осмелился высказать Лессингу свое неблагоприятное мнение о Николаи и попытался склонить Лессинга к разрыву с его старым другом — но это письмо было оставлено Лессингом без ответа. А теперь, когда Лессинга уже не было в живых, он под влиянием застарелой ненависти к Николаи решил на такое дело, за которое едва ли бы взялся при жизни Лессинга. К. Г. Антон выпустил в 1781 г. в свет 2-м изданием свой «Очерк истории ордена тамплиров», в котором доказывал, что члены этого ордена понесли строгое наказание без всякой со своей стороны вины;

¹ Herder. Litterarischer Briefwechsel // Немецкий Меркурий. 1782, авг. С. 169 и сл. (сравн. выше, с. 53, прим. 4). В третьем письме Гердер хвалил шпиттлеровский «Очерк истории христианской церкви».

² Касательно этой ссоры из-за плохой книги, изданной Николаи в 1778 г., см.: Lessing. Briefe / Hrsg. Redlich. Отдел 1. С. 777, прим. 2.

это побудило Николаи написать опровержение, в котором он доказывал виновность тамплиеров на основании официальных документов, изданных Дюпюи. В связи с этой темой Николаи постарался опровергнуть мнение Лессинга, что общество масонов возникло в конце XVII столетия из существовавшего в Лондоне общества тамплиеров; он утверждал, что масонство было обязано своим возникновением отчасти высказанной Валентином Андреэ идее об основании общества розенкрейцеров, отчасти уже существовавшему в Лондоне обществу естествоиспытателей. Гердер еще 29 апреля 1780 г. признавался Лессингу, что хотя он сам, «к сожалению», масон, но имеет очень скудные понятия об этом обществе, после того он собирал некоторые сведения по этому вопросу, а с сочинениями Андреэ уже был хорошо знаком. Иначе говоря, он вообразил, что имеет в своем распоряжении достаточно материалов, для того чтобы доказать совершенную негодность статьи, в которой Николаи, по его мнению, неосновательно доказывал виновность тамплиеров и которая действительно заключала в себе немало таких суждений, которые было нетрудно опровергнуть. И его сангвинический темперамент, и его склонность к торопливым выводам, и его ненависть к Николаи — все это вместе взятое скрыло от его глаз и недостаточность его доводов, и недостаточность его познаний. Он воображал, что теперь ему представлялся самый удобный случай, чтобы публично разоблачить высокомерие и дерзость этого «невежды из невежд» и отплатить ему за «обиды, которые приходилось выносить от него стольким достойным людям»¹. Он торопливо приступил к работе; уже в мартовском номере «Немецкого Меркурия» 1782 г. были напечатаны два его письма под заглавием «Исторические недоразумения» и т. д.; в апрельском номере того же года появились еще два письма, а в июньском номере наконец появилось и последнее письмо². Касательно возникновения масонства Николаи делал свои выводы без всякой критической разборчивости из какой-то смеси фактических указаний с

¹ Письмо к Глейму от 25 апреля 1782 г. Сравн. письмо к Эйхгорну в конце мая 1782 г. (С, II, 273).

² Historische Zweifel über das Buch: Versuch über die Beschuldigungen, welche dem Tempelherrenorden gemacht worden etc. von Friedrich Nicolai // Немецкий Меркурий. 1782, март. С. 224 и сл.; Briefe über Tempelherren, Freimäurer und Rosenkreuzer. Eine Fortsetzung der Historischen Zweifel etc. // Там же, апрель. С. 46 и сл.; Briefe über Tempelherren etc. // Там же, июнь. С. 232 и сл. Письма подписаны крестом. Они были снова напечатаны в SW, в отделе филос. XV, 258 и сл., в SWH. XVII, 337 и сл.; сравн. напечатанное там же Введение Дюнцера и предварительные замечания на с. XX и сл.

догадками. Поэтому анонимный автор писем был совершенно прав, когда утверждал, что большая часть суждений его противника не основана ни на каких доказательствах, — например, когда он решительно отвергал предположение Николаи, будто Бэкон приступил к своей *instauratio magna* по совету Андреэ. Но вслед за этим Гердер дозволил себе высказать оскорбительную для Николаи догадку: он позволил себе заметить, что Николаи, приплетая к своему рассказу и розенкрейцеров, и Бэкона, и партию яковитов, и наконец тамплиеров с их деизмом, имел в виду заинтересовать людей различных партий и различных общественных слоев и этим способом приобрести побольше читателей. И при разрешении вопроса о виновности или невинности тамплиеров Гердер впал в заблуждение. В настоящее время уже положительно дознано, что тамплиеры были представителями модного просвещения рыцарства, — были представителями рационалистического неверия и индифферентизма XIII столетия, что это был духовный орден, занимавший очень почетное место в сфере иерархии, что его членами были светские люди, погрязшие в чувственных наслаждениях, отвергавшие учение церкви, но платившие очень богатую дань суевериям своего времени; вместе с этим положительно дознано, что взведенные на них обвинения не были только предлогом для уничтожения ордена и для отобрания в казну его богатств¹. Почти к таким же выводам пришел и Николаи на основании находившихся в его руках официальных документов. Он попытался доказать правдоподобие взведенных на тамплиеров обвинений на основании их собственных признаний. Хотя он и отнесся снисходительно к еретическим заблуждениям тамплиеров, хотя он и вступился по этому поводу за религиозную терпимость, но пришел к таким выводам, в которых свидетельство официальных документов взяло верх над его просвещенными убеждениями. К сожалению, нельзя не заметить, что Гердер не имел в своем распоряжении такого же запаса сведений, каким располагал Николаи, и что он не вникнул в сущность дела. Он довольствовался большей частью только теми материалами, какие нашел в книге своего противника, а его исследование было далеко не беспристрастным частью вследствие предвзятого убеждения в несправедливости судей, разбиравших дело тамплиеров, частью вследствие предвзятого убежде-

¹ *Wilcke F. Geschichte des Ordens der Tempelherren.* 2-е изд. 1860. II, 106 и сл., 171 и сл.; *Prutz H. Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherren-Ordens.* Berlin, 1879.

ния, что правда не могла быть на стороне Николаи. Он хвалился, как это видно из самого заголовка его статьи, тем, что «приступил к делу настоящим историческим путем»¹; однако, вместо того чтобы ссылаться на исторические факты, он постоянно высказывает только смелые догадки. Достоин внимания и тот факт, что каждый из двух соперников отложил в сторону свою обычную точку зрения. Ревнитель просвещения Николаи выступил в роли обвинителя тамплиеров, преданных суду за еретические мнения, а Гердер, так часто громивший представителей пошлого просвещения, отзывался о еретиках и об их судьях точно так же, как отзывался о них Томазиус. Обвинения, которые были взведены на членов ордена, он находит нелепыми и понятными только с точки зрения «инквизиционных и народных предрассудков». Он утверждает, что меч, под ударами которого пали тамплиеры, был общеупотребительный в то время меч инквизиции, а в своем последнем письме он говорит, что тамплиеры обладали великой тайной — умением наживать богатства при помощи философского камня. Напечатанные в «Меркурии» письма не лишены остроумия; они написаны легким слогом и резко отличаются от чрезмерно длинной статьи Николаи, написанной самодовольным и хвастливым тоном; можно бы было подумать, что Гердер старался подражать тону Лессинговых «Писем антикварного содержания», только с той разницей, что он не счел нужным запастись такими же подробными и точными сведениями, какими запасался Лессинг. Впрочем, в некоторых подробностях касательно вопроса о тамплиерах правда была на стороне Гердера, а не на стороне Николаи. Так, этот последний, плохо знавший греческий язык, понял под словом *Баффомет* крещение мудрости ($\beta\alpha\phi\acute{\eta}\ \mu\eta\tau\omicron\upsilon\varsigma$) и выводил отсюда заключение о влиянии гностиков на тайное учение тамплиеров; а Гердер основательно возражал, что имя того чтимого тамплиерами идола было не чем иным, как извращением имени Магомета². Кроме того, Гердеру удалось отыскать в статье Николаи несколько бесспорных ошибок и неточностей — но, к сожалению, и он сам вовлекся в еще более грубые ошибки вследствие своей торопливости и вследствие страстного желания опровергнуть мнения противника: в одном из протоколов допроса тамплиеров он прочел вместо *malhommérie* (негодность, низость) *mahommérie* и усмотрел в этом слове доказатель-

¹ В ненапечатанном письме к И. Г. Мюллеру от 22 апр. 1782 г.

² Касательно того, что здесь разумелось под тем словом, см.: Prutz H. Geheimplöhre... С. 87 и сл.

ство того, что тамплиеров основательно обвиняли в поклонении Магомету; в том же месте он ссылаясь на заимствованные у Дюпюи слова: *que le Supérieur montrant l'Idole, dit ce mot Sarrazin: Yhalla*, но по непонятной неосмотрительности он цитировал эти слова в следующем виде: гроссмейстер, указывая на идола, сказал: «*Sarrazin y alla!*» Николаи, конечно, поспешил воспользоваться этими промахами. Еще до появления последнего письма Гердера в июньском номере Меркурия¹ он объявил, что будет возражать своему противнику², которого публично называл по имени, — и ревностно принялся за работу. Это возражение появилось осенью 1782 г. в форме второй части «Очерка», еще более объемистой, чем первая часть, на два печатных листа; оно носило следующий эпиграф с неприятным для Гердера намеком: Ο αὐτὸς Ἦλος τῆκε μὲν τὸν κηρὸν, ξηραίνει δὲ τὸν πηλόν. Таким образом, и по своей внешней форме эта книга имела сходство с той репликой, которая была написана Шлёцером в 1773 г. и о которой Николаи не преминул напомнить читателям. Но она дышала еще более сильной ненавистью к противнику. Наряду с сочувственными отзывами о доводах, изложенных в новой статье Антона, особенно резко бросаются в глаза нападки на «Неизвестного» писателя, имя которого, однако, было хорошо известно читателям. Антипатия, которую уже в течение многих лет питали друг к другу два противника, получила в возражениях Николаи еще более грубую форму выражения, чем в письмах Гердера. Много-речивый и выразившийся тяжелым слогом Николаи видит в талантливом, легко увлекающемся своей фантазией Гердере такого писателя, который не обладает основательными познаниями и выражается неясно, который, сверх того, очень заносчив и позволяет себе в отношении к другим все, что ему приходит в голову. Однако едва ли кто-либо мог превзойти самого Николаи в неясности выражений. Он не дает себе труда возражать на указания его собственных ошибок, но настойчиво отстаивает основательность своей смешной этимологии слова «Баффомет». Он с невыносимым самодовольством говорит о своем правдолюбии и хвастается приобретенной многолетними трудами основательностью своих познаний. Гердер приписывал издание его книги о тамплиерах разным вымышленным мотивам; но он не довольствуется

¹ Там ошибочно говорилось о продолжении писем, которое «будет печататься в ином месте».

² Гердер писал Мюллеру в конце июля 1782 г. (*Gelzer*. XIV, 98): «Николаи собирается писать против меня и извещает об этом во всех журналах, называя меня по имени. Какой благородный противник!»

опровержением взводимых на него «низких клевет» и позволяет себе утверждать, что было бы гораздо более правдоподобно приписывать разным низким мотивам нападки «Провинциальных листков» на «честные убеждения богословов», «непонятную бессмыслицу» «Древнейшего документа» и странные идеи, изложенные в статье об «Апокалипсисе» в связи с одной из гипотез Абоци. Увлекаясь своей страстной ненавистью к Гердеру, он доходит до нелепого заявления, будто два указанных нами выше недосмотра Гердера были преднамеренной фальсификацией и будто Гердер писал свои возражения касательно происхождения масонства единственно с целью восстановить масонов против Николаи. Ко всему этому он приплетает разные злобные замечания о Гердере — например, он говорит, что Гердер всегда умел украшать себя чужими перьями. Наконец, не менее сильной злобой дышало его восклицание, вызванное некоторыми смелыми нападками противника: «Со времен Клотца в Германии еще не было ни одного писателя, который при своей набранной отовсюду мнимой учености предлагал бы своим читателям разный вздор с таким же бесстыдством, с каким это делает анонимный автор».

Однако, несмотря на то что Николаи писал свои возражения грубым и страстным тоном и несмотря на то что ему не удалось доказать правильность его этимологии слова «Баффомет», все-таки он излагал свои исследования с большим знанием дела, чем его противник, и потому ближе этого последнего подошел к исторической правде. Гердер с самого начала своей статьи возбудил к себе недоверие несколькими промахами, явно свидетельствующими о его неосмотрительной торопливости. Весы общественного мнения, натурально, стали склоняться на сторону Николаи. «Вы, вероятно, уже прочли пошлую книгу Николаи, — писал Гердер Гаману 4 ноября 1782 г., — а я еще не читал ее, но уже слышал, что в Берлине она приобрела общее сочувствие. Как вы посоветуете мне поступить? Отвечать или молчать? Мне чрезвычайно важно знать ваше мнение». Гаман восхищался написанными против Николаи письмами своего друга, от которых, по его мнению, веяло духом Лессинга, а вместе с ним и Гиппель радовался «поражению болтуна и философа»¹. Тем более он был огорчен победой «Всеобщей библиотеки» и поражением Гердера. Проклятое сочинение лежало у него на сердце, как камень², и

¹ К Гердеру 9 и 10 июня 1782 г. (Соч. Гамана. VI, 251, 254, 255).

² Соч. Гамана. VI, 282, 285 (к Рейхардту), 280 (к Гарткноху).

он охотно взял бы на себя ответственность за содержание напечатанных в «Меркурии» писем своего друга или даже поступил бы с Николаи точно так же, как когда-то поступил с Шлёцером, т. е. вооружился бы всей своей ученостью, для того чтобы учинить над Николаи хорошую расправу; но он не находил возможности опровергнуть взведенные на Гердера убийственные обвинения, хотя и был убежден, что, несмотря на некоторые промахи, Гердер стоял на почве настоящей философии истории, а Николаи судил о прошлых временах с точки зрения своего времени и, несмотря на свою заботливость о мелких подробностях, был не прав. Поэтому он посоветовал Гердеру вооружиться «смирением и великодушием христианского епископа», отложить в сторону всякие придирки, собрать в одно целое все свои доводы и снова постараться завладеть полем сражения¹. Но Гердер старался на время выбросить из своей головы всё, что могло ему напоминать об этой расправе. На сделанный ему Гаманом запрос он отвечал в марте следующего года, что ему еще некогда было думать о Николаи и что до наступления лета он для этого не найдет свободного времени². Он не отказывался от намерения еще раз возражать Николаи в «Немецком Меркурии», и на этот раз выражаться с полным хладнокровием³, но это намерение оставалось неисполненным не только в течение всего лета, но и в течение следующей зимы. Он наконец принял такое решение, в котором сказывалось не мужество, а малодушие. Он сделал новый шаг, несколько напоминавший то письмо, при котором он послал Шпальдингу «Провинциальные листки». Он вообразил, что снова сделавшийся его другом Мендельсон может помирить его с Николаи. Нет ничего неправдоподобного в том, что Гердер принимал за доказательства миролюбивого настроения Николаи и помещенную в «Allg. Deut. Bibliothek» благосклонную рецензию на «Maran atha», и в особенности тот факт, что Николаи поручил

¹ К Гердеру 17 ноября 1782 г. (Соч. Гамана. VI, 296 и сл.).

² Этот запрос был сделан Гаманом в письме от 1—5 февр. 1783 г., которое не вполне напечатано в сочинениях Гамана (VI, 319 и сл.): «Как уладится дело с Набалом? Читали ли вы его „Libellum famosum“ и будете ли вы отвечать?» Ответ Гердера можно прочесть в том отрывке из его письма, который помещен Дюнцером в «Bremer Sonntagsbl.» (1859, № 42); следует полагать, что это письмо было написано около 20 марта 1783 г., так как оно было получено Гаманом 29 марта (Соч. Гамана. VI, 330).

³ Об этом намерении Гердер сообщал на словах одному неизвестному, который писал об этом Николаи из Брауншвейга летом 1783 г. Письмо этого неизвестного (Иерусалема?) находится у меня в подлиннике.

Эйхгорну¹ написать рецензию на сочинение о еврейской поэзии; нет ничего неправдоподобного и в том, что Гердер не позабыл данного ему Гаманом совета поступать в этом деле со свойственным Паскалю смирением. Наконец и личные расчеты, без сомнения, играли в этом случае немаловажную роль. Ведь именно в то время, т. е. в начале мая 1784 г., Гердер настоятельно просил своего друга Глейма похлопотать для него в Берлине о получении места в Клостербергене и очень опасался противодействия со стороны Николаи². Он стал искать примирения с этим врагом точно так же, как во время распри со Шпальдингом старался снискать доброе расположение Зульцера³. Посылая Мендельсону 4 мая 1784 г. только что доведенную до конца первую часть своих «Идей о философии истории», он писал⁴: «Я не могу окончить этого письма, не высказав еще одной просьбы. Вам, конечно, известны мои отношения к Николаи — не касаясь вопроса о том, на чьей стороне вина, я признаюсь Вам, что это положение невыносимо для меня и что я готов на всякие уступки, лишь бы положить конец этой вражде. Если я чем-нибудь и обидел его, то он уже достаточно отплатил мне за эти обиды, а я ни слова не возражал против его второй части (хотя я и мог бы возражать на каждую из ее страниц и не постыдился бы откровенно сознаться в моих собственных ошибках), для того чтобы не подливать масла в огонь и не доставлять удовольствия дурным людям. Возьмите на себя роль посредника и устройте так, чтобы все прошлое было позабыто. Я делаю это предложение от чистого сердца, не под гнетом необходимости или каких-либо опасений, — если Николаи примет его, я буду искренно рад и в моем сердце не останется ни малейшей вражды. Даже в случае, если он не примет моего предложения, я никогда не буду упоминать о наших личных пререканиях...»

Мог ли бы Гаман одобрить эту попытку Гердера?⁵ Ведь вовсе не легко придерживаться евангельского указания — быть крот-

¹ На это указывает вышеприведенный отрывок из письма к Гаману от (20?) марта 1783 г.

² Гердер к Глейму в начале мая 1784 г. (С, I, 106) и приписка Каролины.

³ Т. I данного издания. С. 853; сравн. с. 795.

⁴ Оставшаяся ненапечатанной приписка к письму, напечатанному у Дюнцера (А, II, 230).

⁵ В письме Гердера к Гаману от 10 мая ничего не говорится ни о желании получить место в Клостербергене, ни о попытке примирения с Николаи. И к тому, и к другому предприятию могут быть отнесены следующие слова (Соч. Гамана. VII, 138), которые находятся в конце того письма: «Быть может, я скоро сообщу Вам такие известия, которые или удивят Вас, или обрадуют (я же-

кими, как голуби, и благоразумными, как змеи. Во всяком случае это не значит быть наполовину кроткими и наполовину благоразумными. А именно так поступил Гердер. Он прибегнул к полумере. Разве можно было ожидать, что Николаи удовольствуется домашним улажением такой распри, которая происходила на глазах всей читающей публики? Разве можно было ожидать, что он примет такое мирное предложение, которое сопровождалось чем-то похожим на угрозу? В своем письме к Мендельсону от 28 июля он отвечал на предложенное примирение тем же самоуверенным и самодовольным тоном, каким всегда выражался. Он уверял Мендельсона, что в ученых спорах никогда не смешивал сущность дела с личностью своего противника и был готов позабыть все оскорбления, — но что в предложении Гердера слышится не совсем миролюбивый тон. Он ни на волос не отступает от своего убеждения, что во всем, что касается сущности спорного вопроса, и во всем, что касается личных отношений, правда на его стороне; с этой точки зрения он смотрит и на слова Гердера, что он мог бы возражать на каждую страницу, написанную Николаи. «Если бы Гердер действительно мог и хотел возражать, — продолжает Николаи, — то для меня оставалось бы непонятным, каким образом его возражения могли бы подливать масло в огонь. Истина всегда была моей единственной целью. Кроме того, я никак не могу допустить, чтобы, в случае моего согласия на предложенное Гердером примирение, это согласие приписывалось моему желанию предотвратить дальнейшие возражения со стороны Гердера. Если он все еще не убежден в основательности моих доводов, то я желал бы, чтобы он проверил все факты при помощи документов». Мендельсон немедленно переслал Гердеру это письмо в подлиннике. Он писал Гердеру, что желал бы найти в этом письме менее раздражительности и разных оговорок и что он может дать своему другу только один совет — не прекращать полемики, но вести ее таким же мягким тоном, каким стал бы ее вести с самим Мендельсоном¹. Гердер, конечно, не был в состоянии последовать этому совету. Заявление Николаи точно будто окатило его холодной водой. Старая ненависть еще не улеглась в его сердце — она проглядывает в приме-

лаю и надеюсь, что случится последнее); но теперь я не хочу сказать вам о них ни одного слова».

¹ Мендельсон к Гердеру 3 авг. 1784 г. (Полн. собр. соч. Мендельсона. V, 615). Приложенное к этому письму подлинное письмо Николаи к Мендельсону найдено в бумагах, оставшихся после смерти Гердера, и находится теперь в моих руках.

чании, которое он написал к перепечатанному во втором сборнике «Разбросанных листков» 1786 г. «Памятнику в честь Лессинга» и в котором он ведет речь об участии Николаи в «Письмах о литературе»; только в восьмом сборнике «Писем для распространения гуманизма» (1796) на с. 157 и сл. он высказал столько беспристрастия, что заговорил о заслугах Николаи в области эстетико-литературной критики. Он никогда не сходил с своим недругом лицом к лицу и был очень рад тому, что не столкнулся с ним во время своего пребывания в Готе в 1798 г.¹ Он благоразумно избегал с ним всякой встречи и на литературном поприще. Спорного вопроса о принадлежности Андреэ к обществу розенкрейцеров он коснулся лишь однажды и то слегка². Он отложил в сторону свое намерение написать статью о тайных обществах³, в которой ему снова пришлось бы затрагивать те самые вопросы, которые вызвали его полемику с Николаи; а в главе о масонстве, вошедшей в состав четвертой части «Адрастеи», он вел речь, совершенно в духе Лессинга, не о происхождении масонства, а о его целях и его метафизике.

И Виланд, который был также замешан в эту распрю, был того мнения, что Гердеру следовало прекратить полемику, которая не могла доставить ему никаких лавров. Он полагал, что Гердеру следовало снова выступить на сцену с каким-нибудь большим сочинением, так как это было лучшее средство загладить все следы прошлых неприятностей⁴.

Гердер скоро оправдал эти ожидания. В то время как другие не переставали писать статьи о тамплиерах и о масонах⁵, он приступил к более достойной его гения работе. Уже на Пасху 1782 г. вышла в свет первая часть его сочинения «О духе еврейской поэзии»; через год после того вышла и вторая часть этого сочинения, а в 1784 г., с изданием первой части своих «Идей о философии истории», он достиг такой громкой известности, которую не могли запятнать никакие нападки со стороны приверженцев Николаи.

¹ К Каролине (С, II, 331).

² О значении слова «Баффомет» он изменил свое мнение и высказал его в написанных в 1798 г., но оставшихся ненапечатанными «Персепольских письмах» (SW в отделе филос. I, 244); он полагал, что под этим названием изображен древний персиянин «на манер гностиков».

³ «Уже в течение трех лет я ношусь с намерением написать диалог или статью о тайных обществах, о тайных науках и символах», — писал он Гейне 13 июня 1786 г.

⁴ К Мерку 8 ноября 1782 г. (*Вагнер*. II, 215).

⁵ Статью (Фогеля) «Briefe, die Freimäurer und Tempelherren betreffend» Гердер мог считать написанной в духе его собственных воззрений; сравн.: В, 20.

VI. «О духе еврейской поэзии»

Это новое сочинение возникло из идей, уже ранее изложенных Гердером в «Теологических письмах»¹. Оно еще отзывалось практически-поучительным характером тех «Писем», но по своему содержанию было более самостоятельно-научным — это было более подробное изложение того введения к изучению Ветхого Завета², которому были посвящены первые двенадцать писем и к которому автор счел нужным присовокупить историю еврейской литературы.

Но это новое большое сочинение непременно было бы написано и в том случае, если бы автор не считал его необходимым дополнением к первой части «Писем», — потому что его появление не было вызвано никакими случайными соображениями. Гердер писал Гаману, что еще с детства помышлял об этом сюжете и что принялся за работу с ребяческим увлечением³. Это было продолжением и дополнением многих прежних сочинений, служивших подготовкой к новому литературному предприятию. Для него служила чем-то вроде фундамента еврейская археология, получившая в неопытных руках автора «Древнейшего документа» внешний вид грубой циклопской постройки. Там шла речь о древнейшей еврейской поэзии, но история этой поэзии не была доведена до конца. Гердер предполагал написать еще три части, из которых первая должна была заключать в себе историю всемирного потопа, вторая — изложение еврейского законодательства, третья — общие выводы⁴. Но дело не подвигалось вперед; ввиду того что критика подняла «страшный шум», Гердер отложил исполнение своего намерения на несколько лет, в надежде что когда-нибудь снова примется за него со свежими силами и без всяких следов прежнего раздражения и доведет дело

¹ Дессау. 1782, 1783 (SW в отделе теологии. I, II и III; SWS. XI, 213 и сл. и XII).

² Гердер сам указывал на эту связь в предисловии ко 2-му изд. «Теологических писем».

³ По указанию И. Г. Мюллера в предисловии к 1-й части SW в отделе теологии. С. XV.

⁴ Это говорил Гердер в письме к И. Г. Мюллеру (*Гельцер*. XIII, 171; *Aus dem Herderschen Hause*. С. 30). Еще за три года перед тем, извещая Гарткноха (в оставшемся непечатанным письме от 25 сент. 1777 г.) о сочинениях, которые предполагал доставить ему, он говорил: «Я намерен написать продолжение „Древнейшего документа“ в трех частях, которые придадут новый интерес тому сочинению, потому что пристыдят глупцов и уяснят цель всей работы».

до конца¹. Хотя он никогда не отказывался от этого намерения², он долго не приступал к работе и даже неоднократные напоминания со стороны Гамана³ не могли заставить его взяться за дело. Он задумал перейти от доисторической эпохи иудейского народа к его древней истории и от его поэтических сказаний к истории его поэзии. Отрывки из этой истории он уже излагал в статье о «Песни песней» и в статье «Откровение св. Иоанна». После того, в статье «О влиянии поэзии» он сделал талантливый очерк различных периодов еврейской поэзии, примыкавший к содержанию «Древнейшего документа». К этому очерку были сделаны некоторые дополнения в первой части «Теологических писем», а в «Письмах к Феофрону» были сделаны новые к нему дополнения⁴. Таким образом мало-помалу возникло сочинение «О духе еврейской поэзии», которое в сущности служило лишь подготовкой к другому, еще более важному предприятию: ведь конечной целью, постоянно мелькавшей в уме автора, был полный перевод Библии. Он получил в подарок от графини Марии роскошно переплетенную тетрадку с чистыми страницами, на которых он должен был писать свой перевод. В своем первом письме к И. Г. Мюллеру он писал, что эти страницы еще долго будут оставаться чистыми, потому что он намерен заняться переводом Библии только в конце своей жизни⁵. У него был теперь на уме другой замысел — он намеревался заняться не простым переводом Библии, а таким изложением ее содержания, в котором «каждая из ее книг была бы представлена в первоначальном смысле без разделения на главы и стихи, а поэзия была бы тщательно отделена от истории»; эту задачу он предполагал исполнить если не для публики, то по меньшей мере для самого себя и для своих друзей и «не в виде перевода Библии, а в виде сборника древних письменных памятников». Так выражался он в «Письмах к Феофрону»; там же он называл подготовкой к этой работе свое сочинение «О поэзии евреев», план которого потом был напечатан в

¹ К Мендельсону 21 февр. 1781 г. (А, II, 222).

² Воспоминания. III, 114, 115. Оставшиеся ненапечатанными письма Гедера к сыну Гарткноха от 24 янв. 1793 г. и от 14 февраля 1794 г.

³ Эти напоминания повторялись в письмах от 10 марта 1777 г. до 6 авг. 1784 г. (Соч. Гамана. V, 267; VI, 68, 99, 128, 196, 229, 366; VII, 149).

⁴ См. примечание Мюллера ко второму «Письму к Феофрону» (SW в отделе теол. XV, 75; SWS. XI, 170).

⁵ *Gelzer*. XIV, 83. Впоследствии Мюллер неоднократно напоминал ему об этом намерении в письмах, которые находятся у меня в подлинниках. Сравн.: Воспоминания. III, 115 и *Christl. Schriften*. IV, 126 (SWS. XX, 18).

начале самого сочинения и был совершенно согласен с содержанием издательских объявлений¹.

Осенью 1781 г. — после того как он вслед за окончанием «Теологических писем» написал несколько мелких статей для «Немецкого музея» и для «Меркурия» — он серьезно приступил к задуманной работе. Он писал 26 ноября Глейму: «Теперь я занимаюсь историей еврейской поэзии и надеюсь достигнуть удовлетворительного результата». Каролина писала тому же другу, что первая часть этой истории была написана среди разных помех и нередко при очень дурном расположении духа и что сам Гердер был недоволен ею, потому что считал ее далеко не достигавшей своей цели. Эти слова доказывают нам, какие чрезмерные требования автор предъявлял к самому себе и с какой энергией он боролся с трудностями своей важной задачи. Что его ум был всецело погружен в эту работу, нам известно от И. Г. Мюллера, который именно в течение той зимы гостил в доме Гердера. «Сосредоточившись в самом себе, — говорит Мюллер, — он по целым неделям не говорил ни слова о том, чем был занят, но не трудно было заметить, что его ум над чем-то работал. Он окружал себя массой книг, некоторые из них только слегка просматривал, некоторые другие перечитывал более внимательно; наконец, отложив их в сторону, он принялся с горячностью за свое сочинение и без остановок довел его до конца... И днем и ночью ему беспрестанно приходили на ум возвышенные и трогательные выражения Иова, и мне нередко случалось видеть на его глазах слезы сочувствия к жалобам этого страдальца»². 25 апреля он уже мог отправить к Глейму отпечатанную первую часть³. Она была продуктом работы нескольких зимних месяцев. Наше удивление еще усилится при знакомстве с различными стадиями, через которые проходила его работа. По всему вероятно не ранее 1781 г. он писал свое сочинение не в разговорной форме; потом он придал ему разговорную форму, которую снова значительно переделал⁴. Но Гердер не был в состоянии без перерывов продол-

¹ Второе письмо к Феофрону (SWS. XI, 171 и сл.). Издательское объявление появилось во втором номере «*Berichte der Buchhandlung der Gelehrten*» 1782 г., а теперь напечатано в начале самой книги (SWS. XI, 215 и сл.). Касательно этой типографии ученых, в которой печаталась книга, см. Суфана (SWS. XII, 447).

² SW. Предисловие к первой части отдела теол. С. XV; Воспоминания. III, 202, прим.

³ Сравн. письмо Гердера и Каролины к И. Г. Мюллеру от 22 апр. 1782 г.

⁴ На эти переделки более подробно указывает Суфан (SWS. XII, 384 и сл.) на основании рукописей. При этом он высказывает мнение, что напечатанные

жать начатую работу. Для второй части у него уже было заготовлено несколько отрывков, которые он не поместил в первой части, для того чтобы она не была слишком объемиста¹; но в конце зимы, как бы для отдыха от только что оконченной работы, он, к сожалению, вступил в полемику с Николаи, которая не только отняла у него много времени, но и отвлекла его ум от продолжения его большого сочинения. У него отбили охоту продолжать его работу главным образом неприятности, которые он навлек на себя той полемикой, а не помехи, которые, по его словам, дозволяли ему лишь украдкой ловить минуты душевного спокойствия, необходимого при таком предприятии². Он писал в ноябре Гаману, что для продолжения начатого дела ему недостает ни охоты, ни воодушевления. Но для его неутомимо работавшего ума было лишь одно средство снова воодушевиться бодростью — ему стоило только увлечься более широкими замыслами, более труднодостижимыми целями: в конце октября он задумал переделать свое старое сочинение о философии истории³. Он прекратил эту работу только тогда, когда его план принял такие широкие размеры, что его не было возможности исполнить в течение зимы. Но этот перерыв принес Гердеру большую пользу: тем временем его ум освежился и он снова принялся за прежнюю работу. Уже в начале ноября он снова был занят еврейской поэзией. Он стал усердно писать, по своему обыкновению по несколько раз пере-

в январском и февральском номерах «Немецкого Меркурия» 1782 г. разговоры о переселении душ были «подготовительными и дополнительными упражнениями» к тому диалогу, который входит в содержание сочинения о еврейской поэзии; конечно, нет ничего невозможного в том, что мелкие статьи Гердера имели влияние и на его капитальное произведение; но едва ли можно положительно доказать, что содержание тех разговоров находится в связи с содержанием сочинения о еврейской поэзии, а очень отдаленное сходство вступления к первому разговору о переселении душ со вступлением к первому диалогу в сочинении о еврейской поэзии незаметно в той первоначальной форме, в какой те разговоры были напечатаны в «Немецком Меркурии»; такое сходство стало заметным лишь впоследствии, когда Гердер переделал те разговоры в 1785 г. для первого сборника «Разбросанных листков» с намерением сгладить следы первоначальных мотивов, побудивших его предпринять эту работу. О том, в чем заключались эти мотивы и с которым из гердеровских сочинений разговоры имеют связь по своему содержанию, будет идти речь в одной из следующих глав.

¹ Гердер к Эйхгорну от 12 июля 1782 г. и к Мюллеру в конце июля в том месте, которое опущено у Гельцера (XIV, 98).

² К Эйхгорну летом 1782 г. (но по всему вероятно, позже) (С, II, 275); к Гаману 4 нояб. 1782 г. (Соч. Гамана. VI, 291).

³ Каролина к Глейму 31 окт. 1782 г. (С, I, 84); Гердер к Гаману 4 нояб. 1782 г., Каролина к Гарткноху 13 февр. 1783 г. (С, II, 95).

дельвая написанное, и, несмотря на то что страдал глазами, подписал 24 апреля 1783 г. предисловие, а в половине мая уже мог разослать своим друзьям новую книгу¹.

К сожалению, сочинение Гердера остановилось на этой второй части. Именно история философии, уже много повредившая содержание второй части, скоро потребовала от автора такого сосредоточения его умственных сил, что он, при всем своем желании довести до конца историю еврейской поэзии, не был в состоянии это сделать. К этому следует присовокупить и то обстоятельство, что, с точки зрения издателя, книга не имела успеха: она плохо раскупалась, и ее издатель обанкротился. Между тем уже прошло то время года, когда можно было ожидать успешного сбыта новых книг. «Еврейскую поэзию» постигла одинокая участь с «Древнейшим документом». Чем богаче был материал, требовавший обработки, и чем шире были замыслы самого Гердера вследствие выхода в свет сочинений Эйхгорна и некоторых других писателей касательно ветхозаветных книг, тем труднее было ему осуществить его надежду, что он наконец снова примется за свою любимую работу², которую он уже успел зрело об-

¹ К тем ссылкам, которые делает Суфан (SWS. XII, 397), следует прибавить только то ненапечатанное место из письма Каролины к Мюллеру от 5 мая, в котором Каролина извещает о предстоящем окончании печатания новой книги.

² Хотя Суфан и придает слишком большую важность препятствиям, мешавшим Гердеру довести его предприятие до конца, однако он тщательно проследил причины перерыва работы и указал на то, что автор не терял надежды когда-нибудь написать последнюю часть своей книги (SWS. XII, 400 и сл.). Еще в то время, когда Гердер был занят второй частью, он радовался, «как ребенок», помышляя о третьей части (к Эйхгорну 1 февр. 1783 г.). Он говорит в письме к Эйхгорну от 8 ноября 1783 г., что появление сочинения Эйхгорна снова возбудило в нем желание продолжать начатую работу, но что он должен был заглушить в себе это желание, для того чтобы не откладывать в сторону уже начатой им истории философии. Через два года после того, 8 окт. 1785 г., он писал Эйхгорну: «Моя третья часть еврейской поэзии не выйдет к будущей Пасхе. Издательская касса оказалась пустой, и мне придется ждать еще несколько лет, чтобы мое сочинение поступило в мою полную собственность». Вследствие этой несостоятельности право издания перешло путем покупки к вдове Гаук (Юсти в предисловии к своему изданию еврейской поэзии, с. XIV); Гердер старался склонить Гарткноха к приобретению права издания, как это видно из ненапечатанных писем Гарткноха к Гердеру и к Каролине. Но эти переговоры не имели успеха. Осенью 1794 г. И. Г. Мюллер с радостью узнал от Гердерова сына, что его отец помышляет о переделке и об окончании своего сочинения о еврейской поэзии (Мюллер к Гердеру 7 окт. 1794 г.). Действительно, и сам Гердер писал 13 мая 1795 г. Эйхгорну, что намеревается окончить в течение лета третью часть; о выходе этой третьей части к празднику

думать и для которой ему нужно было «только от четырех до шести недель свободного времени».

Вместе с жалобами на встречавшиеся препятствия он высказывал уверенность, что никто не мог бы написать конец книги так же хорошо, как он. Что ни один из тогдашних писателей действительно не мог бы написать две первые части «Истории еврейской поэзии» так же хорошо, как он их написал, не подлежит никакому сомнению — точно так же, как не подлежит сомнению, что никто не мог бы в то время написать историю древнего искусства так же хорошо, как ее написал Винкельман. Поэтому многие основательно сравнивали сочинение Гердера с сочинением Винкельмана. Оно имеет сходство с этим последним и по своим тенденциям, и по своему характеру, а своим заглавием оно напоминает великое политическое сочинение Монтескьё. Здесь мы знакомимся с духом еврейской поэзии точно так же, как из винкельмановского сочинения мы научаемся понимать отличительные особенности древнего искусства. Но мы стали бы тщетно искать в сочинении Гердера систематического исторического изложения. Он смешивает различные виды поэзии, для того чтобы можно было высказать более того, что требуется от настоящей истории. Это смешение является результатом богатства его идей: его поэтическая точка зрения мало-помалу переходит в теологическую и он научает нас понимать религиозную жизнь евреев, отразившуюся на их поэтических произведениях. Наконец, он смотрит на истории еврейской поэзии и еврейской религии как на чрезвычайно важную составную часть всемирной истории — истории Божеских предначертаний относительно иудейской нации и всего человеческого рода. К заглавию книги прибавлено, что она написана не для одних только любителей еврейской поэзии, а также для любителей древнейшей истории человеческого ума. Но всё ее содержание находится в связи с библейской поэзией, на которую автор до такой степени обращает

св. Михаила было около того времени публично объявлено (Мюллер к Гердеру в конце мая 1795 г.). Дальнейшие следы намерений Гердера обнаружались в 1797 г.: тогда в одном из примечаний к с. 49 третьего сборника «Христианских сочинений» была сделана ссылка на предстоявшее продолжение истории еврейской поэзии. Гердер снова утешал 8 августа 1800 г. своего шафгаузенского друга: «„История еврейской поэзии“ выйдет в свет скоро — к Рождеству или к Пасхе» (*Gelzer*. XIV, 291). К тому, что говорит об этом Каролина в «Воспоминаниях» (III, 114, 115, 235), следует прибавить еще более подробные ее указания в письмах к издателю богословских сочинений ее мужа И. Г. Мюллеру; выдержки из этих писем см.: С, III, 335 и 337. Сравн. приписку Мюллера в SW в отделе теол. III, 303.

свое внимание, что из ее истолкователя превращается в ее переводчика, наконец и сам не может воздержаться от излияния своих собственных поэтических чувств.

При изучении этой книги для нас может служить руководством напечатанный в ее начале обзор содержания. Автор предполагал начать с предварительных объяснений, в которых указал бы на основные элементы еврейской поэзии. Он намеревался доказать, что эта поэзия была обязана своими отличительными чертами поэтическому складу и богатству еврейского языка, старинным космологическим идеям евреев и наконец истории их предков от Авраама до Моисея. Затем, объяснив, как было сильно влияние Моисея на характер и на дальнейшее развитие еврейской поэзии, он приступил бы к изложению истории евреев. Он разделил бы эту историю на три отдела, из которых в первом шла бы речь о периоде времени от Моисея до Давида, во втором — о поэзии Давида и Соломона, в третьем — о пророках. При этом он «доискивался бы происхождения самых изящных произведений еврейской поэзии, взвешивал бы их достоинства с точки зрения восточных жителей и объяснял бы, какое влияние они имели на дальнейшее развитие еврейской поэзии». Но автор не намеревался заканчивать свое сочинение характеристикой ветхозаветных пророков — он предполагал, кроме того, изложить историю еврейского народа во времена его упадка, указать, вплоть до сочинения Апокалипсиса, какое влияние имела старинная еврейская поэзия на содержание Нового Завета и даже проследить влияние тех старинных поэтических произведений «вплоть до наших времен». А для того чтобы обозреть «результаты этой поэтической деятельности» во всей их совокупности, для того чтобы уяснить, какую принесла она пользу, можно бы было в заключение проследить вызванное ею подражание как у евреев, так и у других народов, можно бы было проследить ее отношение к теперешней поэтике и ко всеобщей литературе. Тогда новое сочинение примкнуло бы своим содержанием к той главе «Отрывочных заметок» о новейшей немецкой литературе, в которой шла речь о восточной поэзии. Тогда осуществилось бы высказанное в «Отрывочных заметках» *pium desiderium* — перевести восточные поэтические произведения, сопровождая перевод филологическими и историческими комментариями; тогда автор мог бы еще основательнее прежнего доказать справедливость своего мнения, что наши немецкие поэты почти все без исключения были «плохими и бессмысленными подражателями».

Сочинение «О духе еврейской поэзии» не было доведено до такой широко задуманной цели; оно остановилось на обзоре поэтических произведений пророков. Мы находим только некоторые отрывочные указания на то, что обширная задача, за которую взялся Гердер, была постоянно присуща его уму во всех своих разнообразных разветвлениях. Так, касательно влияния древней еврейской поэзии на поэтические произведения раввинов он написал для «Немецкого Меркурия» статью, в которой привел несколько образчиков таких новейших «иудейских стихотворений и басен», а во вторую часть своего сочинения включил одно из этих стихотворений в качестве поэтического отголоска его собственных воззрений на значение моисеевского законодательства¹. Наконец, намерение рассматривать еврейские поэтические произведения с точки зрения всеобщей теории поэзии и сопоставлять их с однородными произведениями других народов обнаруживается в предисловии, которое было написано Гердером в конце 1780 г. к переводу «Плача Иеремии» Бёрмеля². Этот перевод был очень посредственным трудом одного кандидата на духовные должности, а Гердер наскоро составил то предисловие из своих старых заметок с целью «поощрять молодых людей к работе»³. Эти заметки были первоначально предназначены для продолжения «Горса» и, стало быть, принадлежали по своему содержанию к сфере «Отрывочных заметок»; в них объяснялось понятие об элегии. И предисловие, о котором идет речь, занималось таким же объяснением с положительными ссылками на третий сборник «Отрывочных заметок»; оно перечисляло различные сюжеты элегии и переходило к «Плачу Иеремии», относя это произведение к числу самых благородных и самых патриотических видов элегии.

Ввиду таких дополнительных статей, главное сочинение Гердера представляется нам чем-то вроде громадного отрывка. Оно не только не было доведено до конца, но и само по себе было незрелым произведением. Только в самых общих чертах автор придерживался ранее намеченного обширного плана. Он менее все-

¹ Herder. Iüdische Dichtungen und Fabeln // Немецкий Меркурий. 1781. № 9. С. 224 и сл.; № 10. С. 44 и сл.; Das Gesetz Gottes und Moses. Иудейское стихотворение в «Евр. поэзии» (II, 185 и сл.).

² SW в отделе теол. IV, 143 и сл.; SWS. XII, 329 и сл.

³ К Гаману в дек. 1780 г. (Соч. Гамана. VI, 173); к Эйхгорну 27 окт. 1781 г. (С, II, 271). Мендельсон к Гердеру 24 нояб. (а не сент.) 1781 г. (А, II, 228); сообразно с этими указаниями следует исправить 3-е прим. Суфана к SWS. XII, 375.

го заботился о строгой последовательности и о соразмерной обработке отдельных частей и был вполне доволен, если ему удавалось охарактеризовать дух еврейской поэзии и выразить те чувства, которые она возбуждала в его душе. Поэтому он прерывает историческое изложение общими соображениями: он то подвигается вперед, то возвращается назад с целью уяснить последовательность развития или посредством указаний на позднейшее влияние еврейской поэзии, или посредством исследования причин, вызвавших появление того или другого поэтического произведения. Чтобы исчерпать все богатое содержание своей темы, он иногда снова возвращается к содержанию ранее написанных глав и рассматривает его с новой точки зрения. Кроме тех затруднений, которые истекали из самой сущности дела, и разные посторонние соображения заставляли его уклоняться от первоначального плана. Чтобы придать содержанию своего сочинения «разнообразие», он вставляет в изложение исторических фактов собственные рассуждения. Из опасения, что первая часть будет слишком объемиста, он перенес некоторые из входивших в ее состав объяснений во вторую часть¹. Наконец и собственные рассуждения автора, и исторический рассказ служат как бы дополнениями к беспрестанным цитатам переводов, в которых дух еврейской поэзии сказывается с особенной наглядностью. Эти переводы вставляются не только в виде иллюстраций для исторических фактов, но также в виде приятных перерывов, которые доставляют автору случай выразить его горячее сочувствие к рассматриваемому предмету. Он положительно заявляет, что эти переводы составляют «цель его книги», что это «звезды среди пустынного пространства». Действительно, они ранее всего другого стали занимать ум автора. Даже можно сказать, что все сочинение Гердера возникло из переводных попыток, точно так же как сочинение Винкельмана возникло из описания статуй Аполлона, Геркулеса и Лаокоона. Ведь у Гердера изложение теории и истории поэзии сопровождается старанием подражать древним поэтическим произведениям. У Лессинга собственные поэтические произведения служили подтверждением ранее изложенных критических соображений — были не чем иным, как практическим применением тех соображений, а у Гердера теория является продуктом тех поэтических произведений, которыми занят его ум. Лессинг путем остроумного анализа устанавливает правила для того или другого вида поэзии, для того чтобы подчиняться им на

¹ К Эйхгорну 1 февр. 1783 г. и 12 июля 1782 г.

практике; а Гердер воспроизводит национальные или индивидуальные отличительные черты поэтического произведения и вслед за тем обрисовывает их характер и те исторические условия, при которых они возникли. Точно так поступал он и тогда, когда писал «Историю еврейской поэзии». Он исстари интересовался переводами и переделками библейских отрывков, в особенности из книг Моисея, из Псалмов и из произведений Иова. Путем переводов он освоился с духом еврейской поэзии и потом выражал в подражаниях свои собственные поэтические чувства и свои воззрения на Библию. Было время, когда понятие о народной поэзии совпадало в его мнении с понятием о поэзии вообще. И на библейскую поэзию он смотрел как на поэзию народную. В первые годы своей жизни в Веймаре он отыскивал баллады и романсы даже в Библии, а в его портфеле складывались, вместе с переведенными на немецкий язык английскими романсами, отрывками из Оссиана и песнями дикарей, греческие песни, отрывки из Иова и из «Песни песней»¹; мало того, он был так очарован тоном песен, собранных Перси, что стал облекать сказания времен патриархов в популярную форму рифмованных шотландских и английских баллад². С этой точки зрения Гердер мог бы в своем предисловии к народным песням вести речь о еврейской национальной поэзии, об остатках старинных еврейских песен, об Иове и о «Песни песней», точно так же как он вел там речь о Гомере и Гезиоде, о хоровых песнях трагиков, о Пиндаре и о греческих песнях; и в самом сборнике народных песен переводы отрывков из ветхозаветных книг были бы совершенно на своем месте рядом с греческими сколиями и отрывками из Сапфо. Но не так было на самом деле, конечно, не потому, что Гердер опасался вызвать протесты, а потому что в нем успело созреть убеждение, что сравнение библейской поэзии со светской народной поэзией позволительно лишь до некоторой степени. Так как автор считал ветхозаветные книги за боговдохновенные, то он, натурально, отмежевал для еврейской поэзии особую сферу. Тем не менее и сочинение «О духе еврейской поэзии», точно так же как статья о «Песни песней», отчасти имеет вид дополнения к народным песням. На него можно смотреть как на сборник переведенных отрывков из еврейской национальной поэзии — эти отрывки составляют «плод» книги, а их исторические объяснения составля-

¹ См. в особенности отрывок из написанного в Бюкебурге письма (А, III, 205).

² Я отсылаю читателя к прекрасным объяснениям Суфана, через какие стадии проходила переводная работа Гердера (SWS. XII, 408 и сл.).

ют ее «скорлупу»; но эту скорлупу нельзя отделять от плода, потому что она по меньшей мере такая же сочная и питательная, как самый плод.

Однако эта скорлупа иглиста, вследствие того что автор придерживался в своей первой части разговорной формы изложения. Он придерживался этой формы в своем первом сочинении при разборе клопштоковской «Мессиады» с диалектической целью — с целью согласовать точку зрения христианскую с иудейской. Впоследствии он увлекся желанием подражать мендельсоновскому «Федону» в вопросе о бессмертии души, и наконец на шлоссеровский диалог о переселении душ он отвечал также диалогом. Он еще в «Теологических письмах» вел речь о том, что разговорная форма способствует отделке слога, а в некоторых других сочинениях выражал свое высокое уважение к мастерскому диалогическому изложению Платона, Шефтсбери, Дидро, Лессинга и Гемстергюи. Но уже в «Древнейшем документе» он отказался от разговорной формы как крайне неудобной, а как же могла она годиться для такой темы, которая требовала длинного ряда исторических указаний? Конечно, только благодаря своему врожденному отвращению ко всякой строго систематической форме и благодаря своему влечению к художественности изложения он мог увлечься желанием подражать Лессингову диалогу о масонах в той заключительной его части, где он переходит от развития идей к историческим исследованиям. Однако главные соображения, побудившие Гердера отказаться от разговорной формы, были иного рода. Ему был вовсе не по вкусу натянутый тон тех декламаций, которые раздавались с университетских и с церковных кафедр, и он желал впредь воздерживаться от полувосторженного тона, которым отличался его «Древнейший документ». Не встретив в публике сочувствия, он намеревался впредь употреблять самые мягкие выражения и не вдаваться в полемику. Он сам скоро отказался от своего прежнего убеждения, что будто разговорная форма — даже такая, которая напоминала бы катехизис, — придала бы его изложению более сжатости. Уже в конце первой части он прибегает к форме писем, предположив, что его собеседник куда-то уехал, — при этом нам невольно приходит на ум его юный друг, живший в то время в Швейцарии. Уже тогда Гердер решительно отказался от употребления разговорной формы во второй части. В предисловии к этой части он основательно замечает, что прежняя форма изложения «отложена им в сторону, потому что она неудобна там, где идет речь о множестве мелких подробностей, и потому

что она лишь ослабляет впечатление, производимое историческими исследованиями». Даже в случае нового издания первой части автор предполагал снять с нее ее «диалогическое одеяние». Он не без пользы для себя испробовал и разговорную форму, и форму писем; быть может, именно благодаря этим неудачным попыткам он выработал тот спокойный и плавный способ изложения, которым отличаются «Идеи о философии истории».

Однако пора перейти от внешней формы сочинения к его содержанию!

Придерживаясь своей старой, высказанной в «Отрывочных заметках», основной идеи, что гений языка всякой нации есть вместе с тем и гений ее литературы, Гердер отыскивает корень еврейской поэзии в недрах еврейского языка. Прежде всего он старается изучить характер этого языка. Опираясь на тезис Лессинга, что «действие и изображение» составляют сущность поэзии, он говорит, что еврейский язык имеет более всякого другого право называться поэтическим языком, потому что в нем «все живет и действует», потому что в нем каждое слово «изображает предмет именно в том виде, в каком этот предмет действует на наши чувства». От богатства слов в еврейском языке автор переходит к его грамматическим своеобразностям. Невозможность обозначать различия времени посредством изменения окончаний в глаголах кажется Гердеру очень поэтической, потому что она заставляет нас мысленно переноситься в прошлое и даже историю превращает в поэзию. Способность еврейского языка выражать одним словом множество разнообразных отношений Гердер также находит очень поэтической — тогда «основная идея стоит посередине, как царь; его окружают слуги и придворные, которые выступают вперед вместе с ним, подобно маленькому легиону». Здесь мы снова встречаемся с множеством идей, уже знакомых нам из прежних сочинений Гердера, но облеченных в новую форму. Еще в том сочинении на премию, которое Гердер начал писать в Страсбурге, он считал возникновение языка за возникновение поэзии, а теперь он смотрит на поэзию как на достигший некоторой степени развития человеческий язык. Подобно тому как извне стекающиеся в нашу душу впечатления одушевляются нашей чувственной восприимчивостью и превращаются в слова, и поэзия, в особенности еврейская, возникла из образного языка. Первая степень развития, которой достигает внешнее впечатление, одушевленное нашей чувственной восприимчивостью, есть олицетворение, которое потом переходит в басни и в пословицы; в особенности на Востоке, где даже коренные начала языка «на-

полнены вымыслами», все поэтические произведения принимали внешний вид изречений, основанных на каком-нибудь вымысле. Дальнейший шаг заключался в том, что из соединения выдающихся внешних впечатлений в одно целое возникало вымышленное символическое существо и выдающиеся явления природы превращались в нечто совершенно баснословное и неправдоподобное. Из этой колеи не выходит и символический образный язык пророков — он отличался лишь тем, что имел дело только с готовым материалом; он также не отдалялся от корня «образного языка», который со своей стороны возник из природных элементов языка. Новый вид поэзии возникает только в одно время с изобретением музыки. Образным языком выражается только один человек, а в пении участвуют многие; под влиянием музыки тот язык осваивается с более возвышенным тоном, с мерными кадансами и даже с рифмами.

Но в предисловии к своему сочинению автор высказывал намерение подробно говорить не о музыке, а о двух других факторах, имевших влияние на развитие еврейской поэзии. Он намеревался доказать, что оригинальные воззрения иудеев на природу и их исторические традиции много содействовали тому, что их образный язык облекся в форму олицетворений, символических вымыслов, басней и поэтических сказаний. Поэтому во второй главе того предисловия идет речь о древнейших космологических понятиях евреев, а в третьей главе — об их родовых преданиях до времен Моисея.

Обозрение мифологических элементов еврейской поэзии начинается с истории мироздания, на которую автор смотрит как на солнечный восход, т. е. точно так же, как смотрел на нее в «Древнейшем документе». Он объясняет, каким образом из созерцания природы возникло понятие о Боге как о всемогущем и вездесущем Существо. Элоимов автор считает гениями природы, ангелов — олицетворениями тех сил природы, которые находятся в распоряжении Божества. Он всего долее останавливается на «обыкновении сопоставлять небесное с земным», которое постоянно обнаруживается и в мироздании евреев, и в их поэзии. Вслед за тем он обрисовывает своеобразные проявления еврейской фантазии и в подтверждение своих суждений цитирует немало отрывков из произведений еврейской поэзии. Этот обзор наводит его на те описания природы, которые встречаются в книге Иова — в этой единственной в своем роде и неподражаемой книге, дающей нам ясное понятие о поэзии евреев. Автор находит, что Иов не только одушевляет природу, олицетворяя ее, не

только изображает ее в действии, но также указывает нам на заранее обдуманый план мироздания. Книга Иова, по его мнению, самая древняя из всех ветхозаветных книг; хотя она и была первоначально написана на еврейском языке, но ее автором был какой-нибудь идумейский эмир. В качестве поучительного поэтического произведения, восхваляющего тех, кто даже в страданиях боится Господа, это «едва ли не самое древнее из всех художественных произведений». Возвращаясь к прерванному изложению мифологических понятий евреев о мироздании, автор относит описание рая и грехопадения к числу древних ребяческих сказаний. Он останавливает свое внимание на мифологической фикции о херувимах и делает исторический обзор различных форм, в которые облекалась эта фикция в религиозном культе, в поэзии и в пророческих видениях. С такой же исторической точки зрения он смотрит на антропологические понятия Ветхого Завета, в особенности на понятие о царстве мертвых. Это была одна из его любимых тем — ее разработке он посвятил особую статью, написанную для «Немецкого Меркурия»; здесь он не ограничился обзором еврейских понятий об этом предмете, а сопоставил с теми понятиями различные воззрения арабов, кельтов и так называемых диких народов на загробную жизнь¹. Но в своем предисловии автор, кроме того, ведет речь об истории Каина и Авеля, о всемирном потопе и о вавилонском столпотворении и относит эти рассказы к числу тех сказаний, из которых возникли в позднейшей поэзии понятия о Провидении. Отсюда он незаметным образом переходит к третьему отделу введения — от древнейших поэтических сказаний он переходит к настоящим племенным преданиям в промежуток времени от Авраама до Моисея. И в этих племенных преданиях автор старается указывать поэтические элементы; так как он уверен в их исторической достоверности, то он принимает их за точку исхода для описания начинающегося со времен Моисея развития еврейской поэзии. Вслед за этим он приступает к капитальному содержанию своей статьи.

Он начинает с блестящей характеристики того «великого человека, который заложил главный фундамент как для всех изра-

¹ Herder. Hades und Elysium, oder Meinungen und Dichtungen verschiedener Völkervom Zustande der Menschen nach diesem Leben // Немецкий Меркурий. 1782, апрель. С. 3—32. Намерение писать продолжение этой статьи осталось неисполненным, и она была напечатана с незначительными изменениями в виде отрывка в шестом сборнике «Разбросанных листков» (с. 95 и сл.) под следующим заглавием: «Das Land der Seelen»; отсюда она была перепечатана в SW в отделе филос. (VIII, 125 и сл.).

ильских государственных учреждений, так и для развития еврейской поэзии». Он доказывает, что Моисей тройным способом оказал влияние на поэзию своего народа, и прежде всего своими подвигами и своими учреждениями. Благодаря ему пастушеский народ превратился в нацию, управляемую на теократических началах, а его поэзия превратилась в священную поэзию. Во-вторых, влияние Моисея обуславливалось его собственными поэтическими произведениями. Он сам был поэт и потому прежде всех других внушил своему народу склонность к литературе. Наконец, принимая на себя роль пророка, он вызвал появление всех позднейших пророческих книг. Говоря в своем предисловии об элементах еврейской поэзии, автор постоянно указывал на то, как из этих элементов развивалась еврейская поэзия; а теперь, говоря о тройном влиянии Моисея, он старается изучить дух позднейшей еврейской поэзии и отыскивает в ней следы того влияния. Поэтому он уже здесь заводит речь о поэтическом характере пророчеств. Он указывает на встречающиеся у псалмопевцев и пророков намеки на рассказ о странствовании евреев в пустыне; обрисовывая характер теократического законодательства Моисея, он постоянно указывает на то, что дух и язык этих законов имели влияние на позднейшую литературу; он останавливает свое внимание на поэзии Моисея, для того чтобы указывать на ее отголоски в позднейших поэтических произведениях евреев. В дальнейшем изложении он придерживается нити исторических событий. Он останавливается на поэтических отрывках, которые находит в книгах Иисуса Навина и судей — на этих остатках от «поэтической юности Израиля». Говоря о песни Деворы, он делает некоторые замечания касательно связи музыки и танцев с поэзией; точно так же, говоря о басне Иофама, он делает некоторые замечания касательно басней, загадок, игры слов, созвучий и рифм. От Самуила он переходит к псалмопевцу Давиду. При этом последнем лирическая поэзия евреев достигает блестящего развития: «рассыпавшийся дикий полевой цветок был тогда пересажен в качестве царского цветка на гору Сион»; музыка и поэзия служили вспомогательными средствами для того, чтобы придавать особую торжественность богослужебным обрядам — царствование Давида было периодом «классической поэзии евреев». Однако и в этом случае классические достоинства имеют лишь условное значение в глазах любителя природной и народной поэзии — потому что, полагает он, еврейская поэзия утрачивала относительно своей натуральной выразительности то же, что она приобретала от своих богослужебных, политических и

лирических элементов. Стараясь объяснить сущность этой поэзии псалмов, автор доказывает, что песни Давида знакомят нас с его историей, а его история отражается в его песнях; он старается установить различие между главными видами лирической поэзии псалмопевцев и обрисовывает характер каждого из псалмопевцев. От Давида автор переходит к Соломону и объясняет, какое влияние имели на произведения пророков те псалмы, в которых шла речь о пришествии Мессии. Он говорит, что пророки не только находили для себя умственное возбуждение в тех изречениях, которые внушались самим Богом, но также развивали далее эти изречения, придавая им еще более духовное и возвышенное значение. Далее говорится, что «сам Бог еще далее развил те изречения совершенно иным способом» — что наконец появился величайший из пророков, Христос, основатель небесного царства, обнимающего весь мир. В эпилоге своего сочинения, отличающемся особой торжественностью и воодушевлением, автор говорит: «Это было единственное в своем роде событие, последствия которого распространяются на всю вечность. Мы стремимся навстречу к властителю этого царства по той привлекательной тропе, которую проложили к нему пророки».

Итак, Гердер оканчивает свое сочинение «О духе еврейской поэзии» точно так же, как оканчивается сочинение Гамана «*Aesthetica in puse*», — обращением к тому, перед кем всякий должен преклонять колена. И не вдруг, а постепенно он придает своему сочинению этот богословский отпечаток. Точно так же как и в статье о влиянии поэзии, он говорит, что еврейская поэзия, преимущественно перед всякой другой, отличается божественностью в высшем значении этого слова, что история еврейского народа имеет такое высокое значение, какого не имеет никакая другая история, и что только в ней усматривается божеская воля в направлении исторических событий. Он еще раз настаивает на том, что еврейская поэзия резко отличается от поэтических произведений греков, римлян и северных народов, что только в ней обнаруживается цель Божеского управления этим миром, что даже те древнейшие сказания, с которых начинается ее развитие, были такой «поэзией сближения с Богом», какой мы не находим ни у какого другого народа. Автор не ограничивается тем, что при всяком удобном случае указывает на высокое религиозное чувство и на глубокое благочестие, которые выражаются в тех сказаниях и поэтических произведениях, — он превращает поэзию в истину, а сказания в историю, которая укрепляет его собственные верования. Как в «Древнейшем документе» и в

«Теологических письмах», так и в сочинении «О духе еврейской поэзии» обнаруживается его непроверенная критикой склонность соединять с поэтическим объяснением пророческих сказаний апологию лежащих в их основе исторических фактов, будто бы свидетельствующих о том, что судьбами человеческого рода руководит сам Бог.

Впрочем, в этом новом сочинении Гердер несколько уклоняется от своей прежней точки зрения. Перед Гаманом он извинял либеральный отпечаток своих «Теологических писем» тем, что был принужден приноравливаться к духу своего времени. Напротив того, в письме к Эйхгорну он говорил, что новое сочинение было доказательством его умственной свободы и что в особенности во второй части он по мере возможности старался отбросить священно-мистические идеи¹. Действительно, божественное происхождение языка и в особенности еврейской поэзии играет в новом сочинении очень скромную роль. Уже в объявлениях о предстоявшем издании этого сочинения² Гердер говорил, что будет, ничем не стесняясь, оценивать достоинства библейской поэзии, что ее божественное происхождение не будет первой посылкой для выводов, а, напротив того, будет выводом из свободных исследований. Так как древнейшая история человеческого ума, по его мнению, не дает нам никаких указаний на Божеское вмешательство, то он намеревается «рассматривать происхождение поэзии с человеческой точки зрения». И он сдерживает свое обещание. Он смотрит на Библию как на отрывочный остаток еврейской литературы и поэзии и потому считает ее за одно из таких же явлений, какие мы находим в истории литературы других народов. Ни в каком другом сочинении он не высказывал с таким же красноречием свою основную мысль, что о поэтических произведениях какого-либо народа или какой-либо эпохи нельзя судить с точки зрения другого народа или другой эпохи. Зависимость этой поэзии от своеобразных условий национальной жизни он объясняет в особой главе «О причинах ее субъективного происхождения» и называет ее поэзией пастушеского народа — продуктом гордости замкнутого в самом себе племени, у которого рано развилась письменность. Он находит, что в лирике псалмов Давида высказывались индивидуальные человеческие чувства и мнения, и потому настойчиво утверждает, что ее не следует «разносить по всему миру» как образцовое выраже-

¹ К Гаману (Соч. Гамана. VI, 173); к Эйхгорну (С, II, 280 и 278).

² SWS. XII, 403, прим. 2 к письму 52-го «Теологического письма».

ние благочестивых чувств, потому что «тот, кто хочет повсюду находить неземное величие, кончит тем, что ровно ничего не найдет». Во всех этих поэтических произведениях он находит не небесные, а только поэтические достоинства. Сосредоточивая свое внимание только на поэтической стороне тех произведений, он, конечно, иногда вовлекается в не выдерживающие критики иллюзии, подобно зрителю, который до такой степени увлекается игрой актеров, что принимает содержание разыгрываемой на театре пьесы за действительное происшествие. Однако он вовсе не старается навязывать другим эти иллюзии. Он восстает не против неверия, а против тех, у кого нет влечения к поэзии, и придерживается главным образом поэтической точки зрения, а не теологической. Его прежние теологические воззрения отличались такой неопределенностью, что возбуждали тревогу в душе искренне верующих: изложение гипотезы, составляющей главное содержание «Древнейшего документа», беспрестанно сопровождалось словами «быть может» и «по всему вероятно»; рассказы о рае были, по его мнению, неоспоримыми, потому что в их основе лежало «какое-нибудь событие первобытного мира»; все древние сказания, вошедшие в состав Книги Бытия, были в его глазах историческими фактами, к описанию которых только «примешивалась» поэзия; но теперь он останавливает свое внимание почти исключительно на этой поэтической примеси — на поэтическом характере тех рассказов. Он говорит: «Не наше дело доказывать достоверность исторических фактов... мы смотрим на традиции как на древнейшие народные сказания и обращаем внимание только на заключающиеся в них зачатки поэзии». Он становится не на теологическую, а на эстетическую и историко-литературную точку зрения, когда называет бессмысленные ортодоксальные догматы пошлыми рационалистическими объяснениями тех древних ребяческих сказаний. Он неоднократно заявляет, что будет объяснять эти сказания в том же смысле, в каком они возникли и были вымышлены, что он не будет придавать им тайного значения, которое им приписывали комментаторы, а будет смотреть на них с точки зрения того времени. Он даже допускает предположение, что они не что иное, как вымыслы, а все, что в них есть сверхъестественного, не что иное, как внешняя поэтическая оболочка. Он не берется решать, что естественно и что сверхъестественно в поэтических рассказах о странствованиях в пустыне и о законах, полученных от Бога на горе Синае. Эта либеральность воззрений обнаруживается прежде всего в разговоре между вольнодумцем Алкифроном и

безусловно во все верующим Эвтифроном: первый оказывается таким здравомыслящим противником, что последний как будто выведен на сцену только для того, чтобы яснее была видна противоположность двух воззрений. Алкифрон и Эвтифрон так же хорошо уживаются друг с другом, как хорошо уживаются в собственном уме автора рационализм и поэтическая точка зрения. Даже в тех случаях, когда они высказывают резко противоположные суждения, — как например, касательно св. Михаила, — тон их полемики чрезвычайно мягок. Нападки Алкифрона на характер иудейской нации вызывают самые скромные возражения; даже в ответ на злобные остроумные выходки деиста Эвтифрон старается пристыдить своего противника «кроткими увещаниями». Насколько было высокомерно и язвительно предисловие к «Древнейшему документу», настолько же было мягко и сдержанно предисловие ко второй части «Истории еврейской поэзии». «Я старался никого не обижать, — говорит автор, — старался ни над кем не произносить окончательных приговоров. Я не отрицаю ничьих заслуг, а только собираю колосья для общей пользы или цветки для общего удовольствия».

Либеральное направление этого самого объемистого из всех сочинений, какие писал Гердер о Библии, следует приписать благотворному влиянию разносторонних личных сношений, недостаток которого был в значительной мере причиной резкого тона сочинений, написанных Гердером в Бюкебурге. В особенности одна из личных связей Гердера принесла большую пользу сочинению о еврейской поэзии. Из желания опровергнуть воззрения Михаэлиса автор «Древнейшего документа» превратился в религиозного фанатика, а благодаря влиянию самого способного из учеников Михаэлиса он перестал безусловно верить в основательность своих прежних теологических гипотез. Летом 1780 г. он в качестве веймарского суперинтенданта вступил в сношения с Эйхгорном, занимавшим с 1775 г. кафедру профессора восточных языков в Йене, и стал питать глубокое уважение к этому «свободно мыслящему и честному человеку»¹. Их дружескую связь скрепили частые личные свидания и переписка. Гердер не оставался в бездействии, когда в 1783 г. нужно было воспрепятствовать перемещению Эйхгорна в Вену; он полагал, что это перемещение было бы тяжелой утратой не только для Йенского университета, но и для всей протестантской церкви. Ему было

¹ Гердер к Эйхгорну 9 сент. 1780 г. И то, что следует далее, извлечено из этих же писем, напечатанных с некоторыми пропусками (см.: С, II, 269 и сл.).

очень утешительно сочувствие Эйхгорна к точке зрения его «Теологических писем» и к его суждениям о Лессинге. Кроме того, он сошелся с ученым ориенталистом на почве однородных исследований. Он уже был занят историей еврейской поэзии, когда получил от Эйхгорна первую часть его введения к Ветхому Завету; и вторая часть этого введения уже находилась в его руках в то время, как он оканчивал первую часть своего сочинения. Они одновременно разрабатывали одну и ту же тему, и каждый из двух друзей подчинялся благотворному влиянию другого. Читателям Гердер хвалил произведение своего друга как «первое введение, в котором изящный вкус и ученость соединяются равномерно», а Эйхгорн отзывался с горячими похвалами о произведении Гердера. В обоих сочинениях видно одинаковое старание объяснять содержание библейских книг сообразно с воззрениями древних народов наперекор предрассудкам как христианского духовенства, так и деистов. При этом на стороне Эйхгорна было то преимущество, что он обладал более широким запасом научных познаний и более тщательно следил за мелкими подробностями, а на стороне Гердера — то преимущество, что его сочинение отличалось богатством идей и более живым обзором всей совокупности исторических явлений. Первый из них относится к своему сюжету с такой критической разборчивостью, что почти совершенно теряет из виду религиозное содержание библейских книг, а второй до такой степени увлекается поэзией этих книг, что почти совершенно теряет из виду необходимость критической проверки. Оба они кое-что позаимствовали друг от друга. Автор вышеупомянутого введения был обязан автору «Истории еврейской поэзии» глубокомыслием своих руководящих идей, а этот последний был обязан более строгим научным приемам и здравомыслию первого тем, что стал воздерживаться от увлечений своей пылкой чувствительности и своей фантазии. Доказательством этого обоюдного влияния служат их письма. Эйхгорн неоднократно заявлял, что питал свой ум идеями своего друга, а Гердер, восхищавшийся «разнообразием научных познаний, критическими замечаниями и изящным вкусом», которые находил в сочинении Эйхгорна, был обязан этому «милому еретику» (как однажды назвал его) тем, что при продолжении своей работы все более и более старался сбрасывать с нее «мистический покров». Свои отношения к этому другу он обрисовал в следующих замечательных словах после чтения третьей части сочинения Эйхгорна: «Вы воспользовались целым рядом моих идей, точно так же как я пользовался вашими идеями, и я этому радуюсь от

всего сердца. Хороша или дурна наша работа, мы во всяком случае работаем общими силами и стремимся к одной цели. Само собой разумеется, что у вас гораздо более учености и вы можете излагать ваши мнения более свободно, между тем как мое звание заставляет меня более тщательно взвешивать мои слова и выражать мои мнения в самой мягкой форме».

В истории изучения Библии с благодарностью упоминаются имена Гердера и Эйхгорна наряду одно с другим. Обоим писателям можно ставить в вину одни и те же недостатки — непрочность критико-исторического фундамента, опрометчивость выводов, невнимание к мелким подробностям, привычку обходить встречающиеся на пути затруднения. Тем не менее новейшие исследователи — несмотря на то что обладают более точным методом и руководствуются более зрелыми воззрениями — идут по следам этих предшественников и имеют полное основание относиться снисходительно к их заблуждениям. Благодаря Гердеру впервые были признаны своеобразные и неподражаемые достоинства священной поэзии евреев; благодаря ему на Библию стали смотреть как на такую божественную книгу, которая поражает поэтичностью своего содержания; благодаря ему история ветхозаветной поэзии была поставлена наряду с историей литературы других народов и была сделана попытка объяснить внутреннюю связь между ходом ее развития и ходом развития еврейского народа. Только вследствие более тщательного и более осмотрительного осуществления этих широких целей новейшим исследователям удалось превзойти и самого Гердера, и его ученого сотрудника. С тех пор были найдены такие усовершенствованные способы критической проверки, которые навели на совершенно новые заключения касательно происхождения Пятикнижия и остальных ветхозаветных книг; эти ученые исследования вступили при нашем поколении в такую новую стадию, что, быть может, не оставят и камня на камне от гердеровской истории израильтян, израильской религии и поэзии — но все-таки за Гердером останется та великая заслуга, что он подал пример свободы исследований и расширил точку зрения на этот предмет. Он достиг еще более ценных результатов, стараясь знакомить с поэтическими достоинствами ветхозаветных книг. Открыв нам доступ к источникам восточной поэзии, точно так же как он открыл нам доступ к источникам народной поэзии, он придал нашей отечественной поэзии и новые тоны, и новое направление, и новые формы. От тех стихотворений, которые писал Клопшток в подражание восточным поэтам, очень далеко до песен и до об-

разного языка гётевского «Западно-восточного дивана» — их разделяют «История еврейской поэзии» Гердера, его переводы библейских отрывков, его еврейские басни и стихотворения и собранные им цветки восточной поэзии. Этим объясняется, почему в подстрочных примечаниях к «Западно-восточному дивану» рядом встречаются имена Гердера и Эйхгорна. Гёте вспоминает о том времени, когда эти два писателя научили его и его современников смотреть на Библию как на древнейший сборник поэтических произведений Востока, а доставленное ему этими двумя писателями наслаждение он сравнивает с тем наслаждением, которое испытываешь при виде «ясного солнечного восхода».

VII. После работы

Доведя до конца вторую часть истории еврейской поэзии, Гердер почувствовал необходимость отдохнуть от своих усиленных занятий. Пятидневное путешествие, которое он предпринял отчасти с целью наслаждаться природой, отчасти с целью повидаться со старыми друзьями, обозначает начало той эпохи в его веймарской жизни, когда и его умственные влечения, и его литературная деятельность приняли новое направление.

Он уже не раз высказывал желание уехать куда-нибудь подальше от Веймара, чтобы подышать новым воздухом. С тех пор как он провел весну 1777 г. в Пирмоне, он ежегодно намеревался побывать у Глейма, а Глейм неоднократно приглашал его в Гальберштадт или в какое-нибудь другое место, где они могли бы съехаться. Но Гердеру всякий раз что-нибудь мешало исполнить его желание — то болезнь жены, то собственное нездоровье, то какие-нибудь другие непреодолимые препятствия¹. Узнав о чем-то отъезде из Веймара, он с грустью воскликнул: «Только я принужден здесь оставаться, точно воткнутый в землю кол!» В другой раз, когда ему пришлось отказаться от задуманной поездки, он сказал: «Судьбе угодно, чтобы именно здесь я и умер, и сгнил!»². Только в июне 1780 г. и в августе 1782 г. ему удалось провести вместе с его семейством несколько недель среди окру-

¹ Это видно из переписки Глейма с Гердером (С, I, 12) и, кроме того, из писем, которые писала Каролина в промежутке времени от 3 ноября 1778 г. до последних чисел октября 1782 г.

² К Гаману в июне 1780 г. (Соч. Гамана. VI, 134) и к Глейму 25 апр. 1782 г. (С, I, 80).

жающих Ильменау гор¹. Наконец весной 1783 г. он решился пуститься в более далекое путешествие. «Мой муж расправил свои крылья, чтобы улететь отсюда», — этими словами Каролина (С, I, 85) извещала гальберштадтского друга о приезде своего мужа еще за четыре недели до выезда из Веймара. Кроме посещения Глейма Гердер имел в виду поездку в Гарц и наконец предполагал побывать в том городе, куда его влекли воспоминания дружеской связи с Клаудиусом. Кроме Клопштока, с которым он давно желал свести личное знакомство, он надеялся еще раз повидаться или в первый раз познакомиться в Гамбурге с несколькими другими людьми; кроме того, Клаудиус, с которым он в последнее время редко переписывался, настойчиво приглашал его к себе в Вандсбек, в свой недавно приобретенный просторный дом². План этой поездки получил особую для Гердера привлекательность, вследствие того что г-н и г-жа Шардт предполагали почти в то же время года проехать через Гарц в Гамбург. Каролина, конечно, имела основательные причины, чтобы восставать против замыслов своего мужа, но зато уже перед самым отъездом Гердера было решено, что вместе с ним поедет его старший сын, девятилетний Готфрид. Итак, Гердер выехал 30 апреля из Веймара в самом веселом расположении духа и в уверенности, что ему придется провести немало приятных дней среди полной свободы³.

Он прожил несколько времени в Гальберштадте, в доме Глейма, наслаждаясь ничем не нарушимым душевным спокойствием. Глейм выложил перед ним свое лучшее сокровище — письма Клейста, и Гердер охотно занялся чтением песен и басен старого гренадера. Другие гальберштадтские знакомства не доставляли ему большого удовольствия, но ввиду ожидавшегося приезда г-жи Шардт он со дня на день откладывал свой отъезд. Тем временем он предпринимал загородные поездки, а о том, как

¹ В только что указанном месте из письма к Гаману и в письме Каролины к Глейму от 8 янв. 1781 г. (С, I, 71) идет речь о первом пребывании Гердера в Ильменау; в письме Гердера к Глейму, написанном в конце августа 1782 г. (Там же, 82), и в письме Каролины к И. Г. Мюллеру, написанном в конце июля (а не в начале августа, как полагал Гельцер (XIV, 98)) 1782 г., идет речь о вторичном пребывании в Ильменау. На этот раз Гердер прожил в Ильменау от 1 до 16 августа вместе со всеми детьми и со всей домашней прислугой.

² Клаудиус к Гердеру 2 янв. и 17 апр. 1782 г.

³ Каролина к И. Г. Мюллеру в том месте из ее письма от 5 мая 1783 г., которое опущено у Гельцера. Гердер к г-же Шардт 29 апр.; у Дюнцера (Zwei Bekehrte. С. 310).

он был обрадован приездом г-жи Шардт, уже было говорено ранее. Только 18 мая он выехал из Бланкенбурга, где жила г-жа Шардт, и направился в Брауншвейг¹. В этом последнем городе он провел два дня в обществе Эберта, Эшенбурга, Лейзевица и Шмидта. «Предупредительная любезность», с которой там относились к нему, показалась ему несколько преувеличенной; особенное дружеское внимание оказывал ему аббат Иерусалем, даже представивший его ко двору, несмотря на то что принадлежал к кружку берлинских литераторов, не питавших сочувствия к Гердеру. Автор «Размышлений о главнейших истинах христианской религии» окончательно изменил свое прежнее неблагоприятное мнение о Гердере, после того как лично познакомился с ним; впрочем, уже после чтения «Теологических писем» он стал отдавать полную справедливость философским познаниям и политической прозорливости их автора². Но Гердер спешил ехать далее. В Гамбурге он надеялся встретиться с г-жой Шардт; туда же обещал приехать Глейм. Но боль в ногах принудила этого доброго старика сидеть дома, и он только мысленно мог переноситься в среду собравшихся в Гамбурге друзей — Клопштока, Клаудиуса, Фосса и Реймаруса. То, что писал ему оттуда Гердер, не вполне удовлетворяет наше любопытство. У Клаудиуса, в Вандсбеке, Гердер провел целую неделю; несмотря на интимность своих взаимных отношений оба друга скоро пришли к убеждению, что в течение последних семи лет, т. е. с тех пор как они виделись в последний раз, они совершенно разошлись в своих мнениях. Гердер не скрыл от своего друга, что не разделяет его сочувствия к мистическому сочинению Сен-Мартена «Des erreurs et de la verité», а Клаудиус был недоволен тем, что в «Теологических письмах» делаются нападки на его любимых мистиков и мечтателей³. После отъезда из Вандсбека Гердер, по-видимому, писал Гаману, что нашел Асмуса сильно состарившимся⁴; после того Асмус нашел в гердеровских диалогах о переселении душ больше ума, чем чистой правды; он даже вообразил, что Гердер изобразил его в этих диалогах в лице Харикла и заставил его играть очень глупую роль; из этих фактов уже ясно видно, каковы были впечатления, вынесенные старыми друзьями из их по-

¹ См. переписку Глейма с Гердером (С, I, 86 и сл.) от № 59 до 65, а также выше, с. 51 и сл.

² К Глейму № 64 и 67.

³ Гердер к Кнебелю в оставшихся после Кнебеля литературных произведениях (II, 264); Клаудиус к Гердеру (А, I, 427).

⁴ Гаман к Гердеру (Соч. Гамана. VI, 350).

следнего свидания; еще более красноречивым доказательством происшедшей перемены служит то обстоятельство, что и после возвращения из Вандсбека Гердер предоставлял своей жене переписку с Клаудиусом. Очевидно уже навсегда миновало то время, когда он мечтал о счастье жить рядом с этим другом¹.

И встреча с автором «Мессиады» не доставила ему такого же удовольствия, какое могла бы доставить ему в конце 60-х или в начале 70-х годов. Впрочем, несмотря на то что он был сдержан в своих похвалах «Мессиады», несмотря на то что он ясно видел недостатки драматических произведений Клопштока, считал ребяческими его орфографические нововведения и в одном из своих писем к Гаману называл его новым Филиппом Цезеном, совершенно погрузившимся в самодовольное созерцание своего величия², все-таки он еще незадолго до личного с ним свидания называл его в своих «Теологических письмах» (I, 340) величайшим из лирических поэтов, а в «Истории еврейской поэзии» (II, 343, 345) новым Асафом, впервые научившим немцев понимать настоящий тон псалмов. Поэтому он все еще считал за важное событие в своей жизни личное знакомство с тем писателем, чьи чувства так часто сходились с его собственными чувствами, чей стихотворный язык служил для него предметом внимательного изучения, чьи оды он заучивал наизусть, чьи поэтические произведения нередко служили для него предметом подражания и чьи поэтические дарования служили для него путеводной звездой в его эстетической критике. Действительно, великий критик уже извлек так много пользы из продолжительного изучения произведений великого поэта, что, когда он, достигнув сорокалетнего возраста, впервые лично сошелся с шестидесятилетним Клопштоком, это знакомство уже не могло доставить ему новой пользы, не могло расширить его умственного кругозора. Гердер, без сомнения, вынес приятные воспоминания из дома Клопштока, где пользовался самым дружеским гостеприимством; но на эти воспоминания набросила мрачную тень племянница Клопштока, г-жа Винтем, которая заведовала хозяйством своего дяди и очень ревностно охраняла репутацию автора «Мессиады». Она по чьему-то указанию обратила свое внимание на высказанное Гердером в 19-м «Теологическом письме» порицание тех писателей, которые превращают евангельский рассказ в тему для эпических

¹ Клаудиус к Гердеру 13 дек. 1783 г. (А, I, 430); Гердер к Якоби из Вандсбека 29 мая 1783 г. (Соч. Якоби. III, 473).

² Соч. Гамана. VI, 118 и 132 (в рукописи).

стихотворений, а эти порицания были, по ее мнению, тождественны с безусловным отрицанием всяких достоинств в клопштоковской эпопее. Она, не без основания, находила очень странным, что Гердер уклонялся от всяких суждений о «Мессиаде», и для нее казалось непонятным, чтобы такой образ действий мог быть согласован с признанием великих поэтических дарований Клопштока. Она нисколько не скрывала своего несочувствия к Гердеру и написала ему длинное письмо, в котором просила его объяснить причину такого двусмысленного поведения¹. Гердер, по всему вероятно, оставил это письмо без ответа; он снова сблизился с Клопштоком лишь по прошествии двенадцати лет, в такую эпоху своей жизни, когда стал смотреть на современную литературу вовсе не теми глазами, какими смотрел на нее в начале 80-х годов.

Вообще можно сказать, что пребывание в Гамбурге не доставило Гердеру тех наслаждений, которых он ожидал. Он, между прочим, видался там с Бюшем, но не видался ни с супругами Штельберг, ни с Элизой Реймарус². В его характере была та странная черта, что, живя дома, он мечтал о чужих краях, а, заехав в чужие края, очень скоро пресыщался новыми впечатлениями и стремился домой. И теперь он сам сознавался, что какое-то внезапное, непонятное для него беспокойство заставило его торопливо покинуть берега Эльбы, не повидавшись со многими из тех людей, свидание с которыми было целью его поездки. И на возвратном пути его не покидало это душевное беспокойство, которое он принимал за предчувствие какой-нибудь беды; хотя он еще раз заехал к Глейму, но лишь на очень короткое время. Наконец, когда он прибыл вечером 6 июля домой, ему принесли новорожденного сына. Именно в то время, когда он 1 мая бродил по люнебургской равнине и «чувствовал что-то странное в своем сердце», родился его сын Эмиль Эрнст Готфрид³.

¹ Это письмо помечено 2 сент. 1783 г.; оно было ответом на то благодарственное письмо Гердера к Клопштоку от 3 июля (у Лаппенберга), которое находится у меня в подлиннике.

² Гаман к Гердеру (Соч. Гамана. VI, 347); Штольберг к Гердеру 9 июня и 10 авг. 1784 г.; Якоби к Элизе Реймарус 21 июля 1783 г.; Избранная переписка (I, 365).

³ К Клопштоку 3 июля 1783 г.; к Якоби 6 сент. 1783 г.; к Глейму 8 июня 1783 г.

КНИГА ШЕСТАЯ

**ГЕРДЕР НА ВЕРШИНЕ СВОЕЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ИДЕИ О ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ»

І. Основная мысль и начало работы

Если бы кто-нибудь вздумал схарактеризовать каждую из главных эпох в жизни Гердера заглавием появившего в течение ее замечательного сочинения, то пришлось бы охарактеризовать рижскую эпоху словом «Отрывочные заметки», бюкебургскую эпоху — словами «Древнейший документ», а первую треть веймарской эпохи — словами «Дух еврейской поэзии». Однако и этими названиями не исчерпывалась бы вся литературная деятельность Гердера: множество других выдающихся статей могли бы предъявить одинаковые права на наше внимание. Что же касается того десятилетия, к описанию которого мы теперь приступаем, то его нельзя иначе охарактеризовать, как эпохой «Идей о философии истории». Это сочинение бесспорно служит средоточием для всего, что писал Гердер в течение тех десяти лет. Все другие сочинения, которыми он был занят одновременно с «Идеями», или находились в связи с этими последними, или служили для них дополнениями. «Идеи» — бесспорно самое важное и самое тщательно обработанное из всех литературных произведений Гердера; с ними не может равняться никакое другое из его сочинений ни по объему, ни по выдержанной до конца внешней отделке. Он писал их в зрелых годах и напрягал все свои усилия к тому, чтобы изложить в них всю совокупность своих воззрений и умственных стремлений.

Посмотрим же, что навело его на мысль о таком сочинении. И тогда, когда он занимался вопросом о происхождении языка и изящными искусствами, и тогда, когда его интересовала психология, и тогда, когда он выступал в роли критика и историка литературы или же писал богословские статьи и объяснял содержание Библии, — он старался отыскивать причину умственных явлений в естественных законах, в человеческой способности

воспринимать чувственные и умственные впечатления и в конце концов во всем усматривал откровение Божие. Свои идеи о философии истории человечества он разбросал во всех своих сочинениях, а то сочинение, которому он специально придал это название, лишь собирало в одно целое и дополняло то, что им было прежде написано. Еще в своей молодости — когда у него возникло желание направить все его идеи к одной конечной цели — он помышлял об «Истории человеческого ума» или о «Всеобщей истории умственного развития». В бесконечном разнообразии исторических явлений он усматривал такую внутреннюю связь, у которой непременно должна быть какая-нибудь прочная основа и какая-нибудь конечная цель. Поэтому он на все смотрел с исторической точки зрения и его философия была философией истории. Он сам говорит в предисловии к своему сочинению, что в мире всё имеет свою философию и свою научную теорию, стало быть, и история человечества должна иметь и свою философию, и свою научную теорию; эта мысль нередко приходила ему в голову еще в молодости, когда нивы знания представлялись его взорам во всей своей утренней красе; на эту мысль его наводили метафизика и мораль (он мог бы прибавить: психология и эстетика), физика и натуральная история и в особенности религия. Эта последняя служила связью между его научными влечениями и его горячей верой в Бога. Его теологические убеждения истекают из его воззрений на историю и потому выражаются даже в его взглядах на историю литературы, а с другой стороны, его философский взгляд на историю основан на убеждении, что сущность религии составляют деяния Божьи, о которых до нас дошли исторические предания. Теологическая точка зрения Гердера совпадает с его точкой зрения на философию истории; если иногда и случается, что он, по-видимому, впадает в противоречия с самим собой, то это объясняется только тем, что ему приходится прокладывать новую дорогу, на которой он встречает неожиданные затруднения; но в конце концов все эти кажущиеся противоречия сводятся к одной основной мысли, что премудрый и благой зиждитель мира непременно имел премудрую и благую цель как в распределении времени и пространства, так и в направлении судьбы человеческого рода.

Вполне под влиянием теологических идей было написано в 1774 г. то небольшое сочинение о философии истории, в котором Гердер лишь поверхностно говорил о том, что развязкой всемирно-исторической драмы будет наступление царствия Христова. Оно осталось недоконченным очерком, между тем как положи-

тельная сторона такого воззрения на историю получила широко задуманное объяснение в главном теологическом сочинении того периода — в «Древнейшем документе». При переработке этой старой темы наконец дошла очередь и до темы историко-философской. Подобно тому как в «Теологических письмах» и в сочинении «О духе еврейской поэзии» Гердер снова и подробнее прежнего обсуждал религиозные и библейские вопросы, он приступил теперь к более подробному объяснению основной идеи всех своих литературных произведений: в своих «Идеях о философии истории» он поставил историческую точку зрения выше точки зрения теологической; натуральная история является у него основой для истории человечества — но так, что этот путь, по-видимому исходящий от Бога, в конце концов снова приводит нас к Богу.

Сам Гердер считал свое «Приложение к философии истории» за «одно из своих лучших сочинений»; еще в сентябре 1777 г. он извещал рижского издателя о своем намерении написать вторую часть «Приложений» и издать их снова. Он вообще любил «заново одевать своих детей, выпущенных в свет почти совершенно нагими», он любил «извлекать из обращения свои незрелые юношеские произведения» или же показывать их в сколько-нибудь сносном освещении¹. Издатель, конечно, предпочел бы окончание «Древнейшего документа» или продолжение «Отрывочных заметок». Однако из всех изданных им сочинений Гердера всего больше раскупалась история философии. В начале 80-х годов она уже была распродана, но ее всё еще часто спрашивали. Поэтому он неоднократно убеждал своего друга снова приняться за эту работу, а его просьбы были особенно настойчивы, вследствие того что Гердер еще не доставил ему многих ранее обещанных статей². Но чем яснее Гердер сознавал недостатки «Приложений» в «их первоначальном жалком виде» и чем тщательнее он постоянно собирал «материалы для своей любимой философии», тем менее он был способен торопливо переделать ее заново; ни на какое другое из своих сочинений он не потратил так много времени и напряженных усилий. Так как эта тема казалась ему очень привлекательной по своей ширине и так как издатель

¹ К Глейму, в конце окт. 1782 г.; к Гейне 9 янв. 1786 г.

² «Ни у издателя, ни у автора уже не оставалось ни одного экземпляра для продажи», — это было сказано в окт. 1783 г. (С, II, 286). Уже за пять лет перед тем оставалось только 54 экземпляра, как это видно из оставшегося ненапечатанным ответа Гарткноха на письмо Гердера (от 15/26 окт. 1777 г.).

«мучил» его требованиями нового издания, то он принялся за эту работу в конце октября 1782 г. Уже ранее было нами рассказано, при каких обстоятельствах и под влиянием каких внутренних побуждений он решился писать продолжение «Приложений», каким образом это намерение столкнулось с его желанием продолжать сочинение о еврейской поэзии и по каким причинам это последнее желание одержало верх. Но он предполагал ограничиться только второй частью «Приложений», потому что более широкий замысел не давал ему покоя и сосредоточивал на себе все его внимание, с тех пор как он возвратился из поездки, предпринятой для отдыха весной 1783 г. Он писал Якоби, что в его голове бродит целый мир идей, но, к сожалению, лишь в очень неясных очертаниях¹. Эти слова очень знаменательны: они доказывают нам, как было мучительно зачатие нового сочинения и как неясно Гердер сознавал трудности великой задачи, за которую осмеливался взяться. Он, по-видимому, повиновался точно такому же неудержимому влечению, какое побудило его обсуждать в его путевом журнале с юношескою торопливостью те же самые важные вопросы о постепенности человеческого развития. Теперь он взялся за ту же задачу более серьезно и решился вполне обработать ее по мере своих сил. Когда ему пришлось делать выбор между духом еврейской поэзии и духом всемирной истории, он отдал предпочтение этому последнему. Он писал 8 ноября 1783 г. Эйхгорну, что считает нужным отложить в сторону всякие помыслы об окончании сочинения о еврейской поэзии, для того чтобы не обратилось в несбыточную мечту его намерение писать философию истории, что эта работа не имеет никакого сходства с его прежней работой, но что она представляется его уму еще в очень неопределенной форме². Эйхгорн был именно тот человек, который мог своим собственным примером сосредоточить все усилия Гердера на новой работе. Он за месяц перед тем сообщил Гердеру о своем намерении писать всеобщую историю литературы, прося у него советов и указаний³. Из соревнования с Эйхгорном Гердер писал свое сочинение о еврейской поэзии; как будто из соревнования с тем же Эйхгорном он стал писать «Идеи о философии истории».

¹ К Эйхгорну в начале окт. 1783 г. (С, II, 286); к Якоби 6 сент. 1783 г. (А, II, 250).

² С, II, 288. Следует полагать, что в том же смысле он выражался в письме, которое было получено Гаманом 9 нояб.; сравн. ответ Гамана от 8 дек. 1783 г. (Соч. Гамана. VI, 366).

³ № 19 и 20 в переписке Гердера с Эйхгорном.

Но только с наступлением зимы он нашел возможность уяснить бродившие в его уме идеи. И он сам, и Каролина провели лето «в хандре и в скуке и постоянно хворали». Весенняя поездка не принесла ему той пользы, какую он ожидал. По этому поводу он высказывал свои жалобы и Глейму, и Клопштоку, и Якоби. О положении, в котором он находился уже в начале сентября, он писал, что, после того как снова погрузился в свои веймарские «бездельные деловые занятия», он похож «на часы, которые после громкого звона внезапно остановились и стали издавать какие-то неясные звуки»¹. После того, вплоть до глубокой осени, его отрывали от занятий счета по церковному управлению, которые он должен был сводить два раза в год — к Пасхе и ко дню св. Михаила и которые были для него настоящей мукой. Наконец, в начале декабря он серьезно принялся за изложение своих «Идей»; но и тогда нездоровье несколько раз заставляло его прерывать работу. В течение всей зимы он был занят первой частью сочинения, а вторую часть только начал писать². Во время этих занятий он неоднократно жаловался на разные помехи и неприятности, а один из самых близких к нему людей говорил, что в то время, когда он оканчивал первую часть, он уже стал чувствовать отвращение к этой работе. Но, с другой стороны, та же работа иногда служила для него источником наслаждений. Именно та сфера возвышенных идей и чувств, в которой он вращался, заставляла его равнодушно относиться к мелким неприятностям повседневной жизни. Он жил в этой работе новой лучшей жизнью; она доставляла ему так «много сладких минут в течение суровой, холодной зимы»³. Кроме того, для него служило утешением содействие со стороны Каролины и Гёте. Он сам сознавался, что

¹ Каролина к И. Г. Мюллеру 14 дек. 1783 г. (*Гельцер*. XIV, 103); Гердер к Глейму в конце июня 1783 г. (С, I, 95); к Клопштоку 3 июля (*Ланненберг*. Письма от Клопштока и к Клопштоку. С. 310); к Якоби 6 сент. (А, II, 248). Еще в 1789 г. Каролина (В, 391) вспоминала о том, что после поездки Гердера в Гамбург его отвлекали от домашних занятий служебные обязанности в течение нескольких месяцев.

² Каролина к Глейму 12 апр. 1784 г. Сочинение печаталось в Эрфурте с марта (Гарткнох к Гердеру 10 мая 1784 г.); предисловие в первой части помечено 23 апр. Книга вышла в свет к пасхальной ярмарке 1784 г. под следующим заглавием: «Ideen zur Philosophie der Geschichteder Menschheit von Iohann Gottfried Herder, Riga und Leipzig bei Hartknoch in 4-to». Гердер послал новую книгу Мендельсону 4 мая (А, II, 230 — в этом письме, конечно, не могла идти речь о сочинении 1774 г.), и Глейму (С, I, 107).

³ К Глейму 26 апр. 1784 г.; Гёте к г-же Штейн 12 марта 1784 г.; Гердер к Эйхгорну 23 июня 1784 г.

главным образом благодаря этому содействию его работа не приостановилась, несмотря на «разные душевные заботы и внешние помехи». Он писал 10 мая 1784 г. Гаману: «Все осталось бы в положении неразвившегося зародыша, если бы я не нашел неусыпного поощрения и поддержки со стороны Каролины, которая была настоящим *autor autoris* моих сочинений, и со стороны Гёте, который случайно познакомился с содержанием первой части».

II. Намерение писать «Идеи» возникло в то время, когда Гердер сблизился с Гёте

Своим сочувствием Гёте содействовал появлению первой части «Идей»; но он точно так же относился и ко всем остальным частям нового сочинения. Начало этой работы совпадает с тем временем, когда между двумя старыми друзьями снова завязались те дружеские отношения, которые имели важное влияние на литературную деятельность Гёте, но еще более важное влияние на все, что писал Гердер в течение следующих десяти лет. Эту новую эпоху в жизни Гердера можно назвать и эпохой идей о философии истории, и эпохой совокупной литературной деятельности Гердера и Гёте.

Этот последний пригласил Гердера и его жену к себе в гости в день своего рождения, 28 августа 1783 г.; он сделал этот первый шаг к примирению, вероятно, потому, что сам тяготился холодными отношениями к своему старому другу. Но для того чтобы их прежняя дружба могла окрепнуть, по-видимому, был необходим временный разрыв: так как один из них привык относиться к другому как к ученику, с полным сознанием своего умственного превосходства, то им нужно было предварительно поставить себя на равную ногу. Этот процесс уравнивания в правах встречал серьезные препятствия в том, что младший из них стоял выше старшего по своему общественному положению, что каждый из них был вправе дорожить своим личным достоинством, что Гердер был склонен к обидчивости и недоверчивости, а Гёте терпеть не мог никаких пререканий касательно личных вопросов. Однако они не могли обойтись один без другого. Никакие другие дружеские связи — со включением дружеской связи с Виландом — не могли заменить для них того интимного обмена чувств и мыслей, какой мог происходить только между ними

двумя. Им не было равных по уму, и оба они принадлежали к одному разряду гениальных людей. Так как один из них был поэт, а другой был посвящен во все тайны поэзии, то они как нельзя лучше дополняли один другого. Вспоминая о том, чем они когда-то были один для другого, они, натурально, не переставали любить друг друга и сожалели о разрыве прежних сношений даже тогда, когда расходились во мнениях и чуждались друг друга. В особенности из писем Гердера ясно видна его привязанность в Гёте — но такая привязанность, которая чувствует себя обиженной, потому что ею пренебрегают. На другой день после празднования дня рождения Гёте благодарил его за посещение и известил о своем намерении предпринять продолжительную поездку в Ильменау и в Гарц; он, между прочим, писал: «Твоя жена, конечно, рассказала тебе о возникшем между нами недоразумении. Поэтому я прошу тебя изложить твои мысли касательно системы нашего школьного преподавания и сообщить их мне по моем возвращении. Я охотно постараюсь помочь тебе во всем, что ты найдешь полезным». Из этих слов видно, что Каролина рассказала ему обо всем, что стесняло ее мужа в исполнении его служебных обязанностей, рассказала и о том, что все усилия Гердера восполнить недостатки школьного образования оставались бесплодными, и о том, что он усматривал равнодушие или даже противодействие со стороны Гёте, который по своему высокому положению мог бы помочь ему в этом деле. Именно в этом и заключалось то недоразумение, о котором писал Гёте и на счет которого было достигнуто соглашение, обещавшее самые благотворные результаты. Каролина внезапно изменила свое неблагоприятное мнение о Гёте. «Он всегда был и всегда будет благородным человеком, достойным того, чтобы его любили», — писала она под свежим впечатлением вечера, проведенного у Гёте 28 августа. В то время она была уверена, что ее муж может вполне полагаться на дружбу поэта!¹

Вслед за тем завязались самые интимные сношения с возвратившимся из продолжительной поездки Гёте. В одно время с первым недоразумением было устранено и другое. Из откровенных бесед со своим другом Гердер скоро убедился, что неприятности и стеснения, которые ему приходилось выносить, мешали ему ясно видеть, до какой степени самому Гёте была нелегка роль министра и герцогского фаворита. Только тогда он

¹ К И. Г. Мюллеру 7 сент. 1783 г. (*Gelzer*. XIV, 103). К своему мужу 29 мая 1789 г. (В, 384).

понял, что его собственное положение было менее неприятно, чем положение Гёте, что получать отказы на все свои проекты и предложения менее прискорбно, чем быть вынужденным уживаться с неурядицей, в то время как занимаешь высокий пост и пользуешься милостивым доверием своего государя. Гердер нашел в Гёте до некоторой степени такого же страдальца, каким был сам; он убедился, что, подобно ему, и Гёте — «жалкий раб своих служебных обязанностей», стоящий «на краю такой же пропасти, в какую был низвергнут Иксион». Он понял, что тем более Гёте вмешивался в дела управления, чем чаще ему приходилось отказываться от его лучших намерений ввиду встречающихся препятствий и капризных выходов герцога, чем чаще ему приходилось заглушать благородные влечения его ума, тем более душевных страданий приходилось ему выносить и тем менее завидным было его положение. Все это служило для Гердера утешением и вместе с тем заставляло его раскаиваться в прежнем недоверии к старому другу. «Наш горизонт начинает проясняться, — писала 14 декабря 1783 г. Каролина в Шафгаузен; — Гёте относится к моему мужу с искренним доверием, а это душевное настроение одинаково благотворно для них обоих — ведь Гёте душевно страдает еще более моего мужа». В письме к Гаману от 10 мая 1784 г. Гердер с удовольствием рассказывал, что в течение всей зимы того года Гёте обходился с ним «дружески, с прежней искренней привязанностью»; но в том же письме Гердер говорит: «Гёте, так же как и я, страдает душевно, но выносит эти страдания великодушнее меня». Он сознается, что прежде составил себе самое неверное понятие о роли фаворита, выпавшей на долю Гёте, а теперь близко с ней ознакомился и потому может говорить не иначе как с горячим одобрением того, как исполнял эту роль Гёте. Так как его собственное положение имеет некоторое сходство с положением Гёте, то он понимает, почему этот последний вполне отдается своим благородным влечениям только тогда, когда занят своими гениальными произведениями или когда проводит время в откровенной беседе; но вслед за тем — как будто сознавая свою неспособность возвыситься до одного уровня с Гёте — он говорит, что «даже в самых мелочных и самых скучных деловых занятиях Гёте обнаруживает такое душевное спокойствие, что можно бы было подумать, будто такие занятия составляют его главное призвание». В том же смысле и в то же время он в шутку замечает, что по свидетельству старинных монет можно бы было подумать, что его друг когда-то был в Риме *dictator perpetuus* и *imperator* под именем Юлия Цезаря, по-

тому что по прошествии почти восемнадцати столетий наказан возведением в звание тайного советника в Веймаре¹. И Гердер, и Каролина сходились в убеждении, что Гёте был во всех отношениях — настоящий человек, что в каждом его шаге обнаруживались ясность ума и благородство сердца. Так отзывались они о Гёте и в то время, когда он находился в отсутствии из Веймара². Из уст Гердера лились еще более обильные похвалы, когда он говорил о находившемся в Италии Гёте с автором «Дон Карлоса», на время захавшим в Веймар. По словам Шиллера, описавшего этот разговор в письме к Кёрнеру, Гердер говорил, что «любит Гёте со страстью, даже с чем-то похожим на обожание, что у этого человека ясный всеобъемлющий ум, самая непритворная и искренняя чувствительность, замечательная чистота сердца. Все-му, за что он берется, он отдается всей душой и, подобно Юлию Цезарю, способен одновременно стремиться к разнообразным целям. У него нет ни малейшей склонности к интригам. Он любит ясность во всем, даже в мелочных подробностях своих государственных обязанностей, а вследствие того ненавидит мистицизм, придирчивость и запутанность. Он достоин удивления еще более как деловой человек, чем как поэт. Его гений всеобъемлющий»³.

Эти выражения безграничной преданности и уважения находятся в противоречии с прежними не совсем сочувственными отзывами Гердера и в особенности с теми резкими порицаниями, которые слышались из его уст в более позднюю пору его жизни. Однако если бы мы постарались собрать в одно целое все высказанные им похвалы, мы все-таки не получили бы такой же цельной характеристики поэта, как та характеристика Гердера, которую мы находим в «Поэзии и правде». Поэтому мы остановим наше внимание только на той эпохе в жизни Гердера, когда его дружба с Гёте достигла своего апогея. При этом нам невольно приходит на память дружеская связь, возникшая впоследствии между Шиллером и Гёте и оказавшаяся пагубной для дружбы Гёте с Гердером. Но первая из этих связей возникла при совершенно особых условиях. Она была чрезвычайно полезна для той сферы немецкой литературы, которая считалась классической,

¹ К Якоби 2 нояб. 1784 г. (А, II, 259); к Кнебелю 6 нояб. 1784 г. (Литературное наследие Кнебея. II, 236, 237).

² Гердер к Кнебелю 2 марта 1785 г. (Литературное наследие Кнебея. II, 240); Каролина к Глейму 23 февр. 1787 г. (С, I, 129).

³ Шиллер к Кёрнеру 24 июля и 12 авг. 1787 г. (Переписка с Кёрнером. 1-е изд. I, 104 и 136, 137).

и потому о ней дольше будет вспоминать потомство; напротив того, вторая связь была более естественной, более искренней и сердечной. Первая была продуктом умственного сочувствия; она была единственной в своем роде, потому что была основана на обоюдной потребности самосовершенствования, потому что сводилась к тождеству идеальных стремлений, к сознанию высших целей художественного творчества, а вследствие того и была ограждена от мелочных личных столкновений и пререканий. Два поэта любили друг друга как два мастера в одном и том же искусстве: они понимали и дополняли один другого, относились один к другому с высоким уважением и с ясным сознанием тех границ, далее которых не заходили их стремления. А Гердер и Гёте были связаны, в течение описываемого нами периода, узами искренней братской привязанности, которая зародилась в их молодости и освежалась воспоминаниями о прошлом. Они привязались один к другому, не для того только чтобы делиться между собой поэтическими идеями и философскими воззрениями, а также для того чтобы находить один в другом поддержку и утешение. В доме Гердера Гёте находил семейную жизнь, которой ему недоставало, а в лице Каролины находил разумную женщину, которую так же мог включить в дружеский союз с ее мужем. Это было для него неоценимым прибавлением к разным другим благам, которые выпали на его долю. Он писал 12 ноября 1783 г. к Якоби: «То было большим счастьем в моей жизни, что прискорбные недоразумения, так долго отдалявшие от меня Гердера, наконец рассеялись, и — как я в том уверен — рассеялись навсегда». В конце того же года он писал Лафатеру¹: «Я считаю за одно из самых счастливых событий в моей жизни то, что окончательно устранены причины моей размолвки с Гердером. Если бы я не имел дурной привычки избегать личных объяснений, то уже давно все было бы улажено; зато теперь я могу ожидать самых благотворных результатов, потому что едва ли можно найти человека с более благородным сердцем и с более обширным умом». Он писал Кнебелю (5 декабря 1784 г.), что г-жа Штейн и Гердер составляют едва ли не единственный его «капитал, с которого он пользуется процентами», а г-же Штейн он признавался (14 июля 1786 г.), что без нее и без Гердера он находился бы в Веймаре в совершенном одиночестве. Как бы отголоском этих признаний были признания с противоположной стороны. «Наряду с живыми сокровищами, которые находятся в нашем доме, — писала

¹ Письма Гёте к его швейцарским друзьям. С. 6.

Каролина, — Гёте здесь для нас всех дороже»; она все более и более ценит его «душевное благородство и братскую привязанность». Всю свою жизнь они делят с этим человеком, «принадлежащим к числу тех немногих смертных, которым знакома житейская мудрость и с которыми так приятно идти одной дорогой». Гердер, который так легко впадал в уныние, освежал свои душевные силы в беседе с другом. Даже можно сказать, что он довольствовался только обществом этого друга. И тяжелый гнёт служебных занятий, и отвращение к придворным увеселениям, и несочувствие к веймарскому обществу, и наконец заботливость о сбережении физических сил — все это развивало в нем склонность к одиночеству; поэтому частые свидания с Гёте служили для него единственным развлечением¹.

О разных подробностях таких дружеских сношений письма Гёте к г-же Штейн доставляют нам самые точные сведения. В этих письмах беспрестанно идет речь об обоюдных приглашениях и посещениях². Всего чаще, не реже одного раза в неделю, Гердер и г-жа Штейн сходились у Гёте для дружеских бесед, на которых иногда присутствовала г-жа Шардт, а впоследствии г-жа Имгоф³. Там читались вслух собственные произведения Гёте и новейшие сочинения Гердера, и велась речь о новых явлениях в сфере литературы. Такой дружеский и плодотворный обмен мыслей не прекращался даже во время разлуки двух друзей. Даже из далеких стран Гёте извещал о своих занятиях, о своих открытиях или новых стихотворениях тех друзей, которые были его любимой публикой. Этим друзьям было очень тяжело его отсутствие, в особенности во время его продолжительного пребывания в Италии. И сам Гёте неохотно расставался со своей возлюбленной и со своим другом; ради них ему хотелось домой, ради них он наконец возвратился из Италии, с которой ему было так трудно расстаться. В его путевых письмах мы часто находим откровенные выражения чувств⁴, но нам приходится сожалеть о

¹ Все вышесказанное извлечено из писем Каролины к Мюллеру от 12 дек. 1784 г., 4 февр. 1787 г. (*Gelzer*. XIV, 106—107) и из двух ненапечатанных мест в письмах от 14 окт. и дек. 1785 г.; кроме того, см. письма: Каролины к Глейму 8 февр. 1787 г., Гердера к Якоби 20 дек. 1784 г. (А, II, 262) и к Гейне 13 июня 1786 г. (С, II, 203).

² Например, 19 окт., 26 нояб., 4 и 5 дек. 1783 г. и т. д.

³ Гердер к Гаману 10 мая 1784 г. (Соч. Гамана. VII, 138); Каролина к И. Г. Мюллеру 14 дек. 1783 г., к Глейму 10 апр. 1785 г.; *Schöll*. III, 218 и т. д.

⁴ Например, в письмах к Гердеру 20 июня и 6 сент. 1784 г., к г-же Штейн 3 и 20 июня 1784 г.

том, что до нас не дошли ответные письма Гердера. Уцелела только одна коротенькая записочка в несколько строк, при которой Гердер возвращал своему другу «Гёца», присланного ему на просмотр перед поступлением в печать для нового издания¹: «Дорогой брат! При сем возвращаю тебе твоего „Гёца“, твоего однородного вечного Гёца с его вечно взволнованной душой... Да благословит тебя тысячу раз Господь, за то что ты создал Гёца!» О «Вертере» он отзывался с такими же восторженными похвалами. Ни в том ни в другом случае дело не обходилось без остроумных критических замечаний, но сочувствие к произведениям Гёте стояло на первом плане и как бы сливалось в одно целое с сочувствием к их автору. Ни один из остроумных отзывов Шиллера о поэтических произведениях Гёте не носил на себе такого же отпечатка искреннего восторга. Похвалы вроде той, какая высказана в приведенной нами выше записочке, Гёте мог слышать только из уст того, кто обнял его перед бюстом Шекспира, — из этой записочки ясно видно, в чем заключалась разница между позднейшей эстетико-философской дружбой Гёте с Шиллером и его братски-сердечной дружбой с Гердером.

Тем не менее и эта последняя дружеская связь принесла обильные плоды и оставила после себя глубокие следы в нашей литературе. Частые свидания между такими двумя гениальными людьми, естественно, привели к соперничеству в творческой деятельности и к обмену плодотворных идей. Но прежние роли на этот раз изменились. Гёте уже так многому научился от Гердера, что едва ли мог научиться от него чему-нибудь новому. Широкие воззрения страасбургского наставника уже впитались в его плоть и кровь — теперь он мог только в некоторых частных вопросах пользоваться указаниями или возражениями Гердера. Но теперь и сам Гердер стал сознательно учиться у Гёте — и он не стыдился такой зависимости, потому что обладал таким богатым запасом оригинальных идей, что умел облекать в своеобразную форму даже то, что заимствовал от других. В общем итоге оказывалось, что влияние, которому он подчинялся, было более сильно, чем его собственное. Оно обнаруживалось во всех его сочинениях описываемого периода, и мы постараемся проследить его шаг за шагом. Оно всего яснее сказалось в большом историко-философском сочинении Гердера — в содержании и во внешней форме его «Идей».

¹ Schöll. III, 271 (и 267).

То было чрезвычайно благоприятной для Гердера случайностью, что недоразумения, оттолкнувшие его от Гёте, были устранены именно в то время, когда он предпринял новую литературную работу, близко соприкасающуюся с такой научной сферой, которой сильно интересовался Гёте. Этот последний никак не ожидал, что его друг займется историей человечества, в основе которой будет лежать изучение мироздания — изучение нашей земли и ее обитателей. Это предприятие было задумано Гердером вполне самостоятельно: оно находилось в неразрывной связи с его прежними идеями, в основе которых всегда лежало старание изучать законы естественного развития и в конце концов во всем находить осуществление божеских предначертаний. Он набросал первоначальный план нового сочинения еще за несколько лет перед тем — в то время, когда были прерваны его сношения со сведущим в естественных науках другом и когда этот друг также занимался вопросами, касавшимися учения о происхождении мира¹. При этом он руководствовался ранее набросанным очерком — тем учебным планом, который был составлен для молодого Цешау² и в котором он намеревался излагать историю человеческого рода в непрерывной связи с естествоведением. Этонисколько не удивило Гёте, хорошо знавшего, как широк кругозор Гердера, — и он отнесся с горячим сочувствием к новому литературному предприятию, лишь только познакомился с началом нового сочинения. После того как Гердер прочел вслух в начале декабря, в маленьком кружке избранных друзей, первые «великолепные главы» своих «Идей», Гёте писал г-же Штейн, что это чтение было для него «лакомым метафизическим кушаньем». Вслед за тем он писал Кнебелю: «Гердер пишет философию истории, вполне новую по своей основной мысли. Первые главы этого сочинения мы все вместе читали и нашли их превосходными»³. Итак, с первого момента своего примирения два друга сошлись на одной умственной почве и занялись таким важным и неистошимым сюжетом, который доставлял им случай убеждаться в сходстве их воззрений и наводить друг друга на новые идеи. Занятие естественными науками оказалось привлекательным даже для тех женщин, которые принадлежали к маленькому кружку избранных друзей; для наглядного уясне-

¹ Гёте к Кнебелю 21 нояб. 1782 г. (Переписка Гёте. I, 39).

² См.: Т. I. С. 910 и сл.

³ Schöll. II, 355 (4 дек. 1783 г.); к Кнебелю 8 дек. 1783 г. (Переписка Гёте. I, 49).

ния обсуждавшихся вопросов рассматривались рисунки и географические карты, а читавшиеся вслух описания путешествий по далеким странам удовлетворяли любознательность и возбуждали фантазию. «У нас теперь все неистово увлекаются всемирной историей и естественными науками», — писал Гёте Кнебелю в то время, когда маленький кружок друзей заинтересовался первыми главами гердеровского сочинения, вслед за которыми скоро были прочитаны вслух и следующие главы¹. Каролина охотно занималась всем, что касалось космологии и погрузилась в изучение географии. В качестве жены, быстро усваивавшей идеи своего мужа, она так отзывалась о содержании «Идей» после выхода в свет первой части: «Из этой книги видно поразительное родственное сходство человека со всем, что его окружает, но вместе с тем видны его высокое положение и его бесподобная организация, посредством которых натура возвела его в звание своего любимца!»² Отчасти под влиянием г-жи Штейн она вычитала из новой книги догадку, что мы, по всему вероятно, «сначала были растениями и животными»; «Гёте, — прибавляет она, — глубоко вдумывается в эти вопросы, и все, до чего он сам додумался, в высшей степени интересно!»³

Сближению двух старых друзей много содействовало то обстоятельство, что именно в то время, когда Гердер довел до конца первую часть «Идей», Гёте сделал важное открытие в сфере естествознания: он пришел к убеждению, что у человека также есть *os intermaxillare*, и в этом факте усматривал непрерывное развитие остеологического типа. Об этой интересной находке он по секрету сообщил одновременно и г-же Штейн, и Гердеру и ему было приятно подумать, что его открытие имеет «связь с основной идеей Гердера»⁴. Он постоянно принимал самое горячее участие в продолжении начатого сочинения, а когда герцогиня Луиза была погружена в грусть вследствие смерти ее маленькой дочери, он прочел ей вслух только что вышедшие из печати листы первой части с целью утешить ее и примирить с мыслью о

¹ Гёте к Кнебелю 8 дек. 1783 г.; еще 14 нояб. 1783 г. он писал: «Мы теперь совершенно погрузились в изучение всемирной истории, естественных наук, описаний путешествий и всего, что имеет связь с этими сюжетами» и т. д.

² Каролина к И. Г. Мюллеру 14 дек. 1783 г. (*Gelzer*. XIV, 104); она к нему же 8 авг. 1784 г. (*Гельцер*. XIV, III и сл.).

³ К Кнебелю 1 мая 1784 г. (*Дюнцер*. *Zur deutschen Litteratur und Geschichte*. I, 120).

⁴ К г-же Штейн 27 марта 1784 г. (*Schöll*. III, 31); к Гердеру от того же числа (А, I, 75).

непродолжительности нашей земной жизни¹. После окончания своей статьи о межчелюстной кости он объяснил Кнебелю² связь между своим анатомическим открытием и развитой в «Идеях» основной мыслью, что человек имеет родственное сходство с животными не столько в мелочных подробностях, сколько в цельности своей организации, но что он в то же время занимает высшую ступень между творениями Божьими. Он был очень доволен тем, что Гердер, которому он прочел вслух свою статью, выразил свое полное одобрение; «этот человек идет настоящим натуральным путем, — писал Гердер Кнебелю, — а счастье идет к нему навстречу»³. Впоследствии Гердер осыпал Гёте еще более горячими похвалами: «В качестве естествоиспытателя Гёте обнаруживает самый свободный, самый основательный и самый светлый ум; в этой сфере он — настоящий *exemplar humanae naturae*»⁴.

Благодаря своей начитанности Гердер был в состоянии помогать остроумному исследователю и наблюдателю своими указаниями. Он познакомил Гёте с сочинением Е. Ф. Вольфа «*Theoria generationis*». Так как он нашел в этой книге немало любимых идей своего друга, то он поспешил указать на нее Гёте⁵. Но важнее всего было то, что он сам сочувствовал этим любимым идеям. Между тем как Гёте преднамеренно не делал никаких выводов из сделанных им самим открытий — как например, когда писал свою статью о межчелюстной кости, — напротив того, Гердер как бы заранее предугадывал эти выводы. Останавливая все свое внимание на отдельных явлениях, Гёте старался наглядно доказать, что в технике природы все сводится к одной общей цели. А нетерпеливый Гердер искал для своих широких идей подтверждения в собранных другими фактах. Несмотря на то что два друга придерживались различных методов в своих исследованиях естественных явлений, все-таки они сходились в том отношении, что каждый из них высоко ценил заслуги другого. Гердеру было нетрудно включать в сферу своих воззрений меткие

¹ К г-же Штейн 12 и 25 марта 1784 г. и к Каролине 25 марта (*Schöll*. III, 28, 30 и А, I, 74).

² Переписка Гёте с Кнебелем. I, 55 (нояб. 1784).

³ Гердер к Кнебелю 6 нояб. 1784 г. (Литерат. наследие Кнебеля. II, 236).

⁴ К Гейне 13 июня 1786 г. (С, II, 203).

⁵ Впрочем, по словам самого Гёте (*Zur Morphologie* / Полн. собр. соч. Изд. Гемпеля. XXXIII, 84), ему указал на эту пригласительную работу одноименник автора А. Вольф; сравн. письма Гердера к Кнебелю от 15 и 19 дек. 1784 г. (*Knebels litt. Nachl.* II, 293, 297) и некоторые другие (с. 267, 268). Сам Гердер делает во второй части «Идей» ссылки на сочинение Вольфа (с. 104 и 106, прим.).

наблюдения Гёте, а этому последнему было нетрудно освещать сделанные им открытия широкими воззрениями Гердера, который, хотя и заносился в посторонние сферы — в сферы нравственности и религии, никогда не вступал в противоречия с дознанными фактами. На деле оказывалось, что своими исследованиями природы Гёте бессознательно собирал доказательства в подтверждение основной мысли Гердера: ведь Гердер не переставал развивать с различными вариациями все одну и ту же мысль, что всё, касающееся умственной жизни, может быть объяснено не иначе как генетическим путем, что язык и литературу, искусство и поэзию следует изучать лишь в их различных приспособлениях к той или другой эпохе, к той или другой местности, к тому или другому народу. Гёте только расширил этот принцип постепенного развития, когда пришел к убеждению, что всякое бытие находится в процессе своего перерождения, что в природе нет ничего постоянного, законченного, что «все постоянно находится в движении и в колебании», — и вследствие того стал требовать, чтобы и мы, в подражание природе, развивали в себе умственную подвижность и способность воспринимать новые идеи¹. С другой стороны, и Гердер лишь иначе применял тот же принцип, когда считал происходящий в природе процесс перерождения за основу резких перемен в исторических судьбах человеческого рода. Гёте усматривал в природе аналогию с умственным развитием и с историей человечества, а для Гердера такие воззрения на природу, наоборот, служили ключом к пониманию истории человечества.

Из всего сказанного ясно видно, как были полезны и для Гердера, и для Гёте те интимные беседы, во время которых они делились друг с другом своими идеями. В то время как первый из них прилежно трудился в начале 1785 г. над второю частью своей философии истории², Гёте писал Кнебелю, что споры с Гердером заставляют его еще усерднее прежнего заниматься естественными науками. О поощрении, какое он находил для этих занятий в беседах с Гердером, он упоминал много времени спустя, после того когда составлял краткий обзор своих морфологических исследований. В своих заметках о морфологии³ он говорит: «Мои

¹ Так выражался сам Гёте в статье zur Morphologie (см.: Гёте. Полн. собр. соч. XXXIII, 7).

² 6 янв. 1785 г. (Переписка Гёте с Кнебелем. I, 59).

³ В 1817 г. В гемпелевском издании сочинений Гёте (XXXIII, 13); сравн. также слова Фалька в его «Goethe aus näherem persönlichen Umgang dargestellt» (с. 36).

трудные и мучительные исследования становились для меня легкими и даже приятными, благодаря тому что Гердер начал излагать свои идеи об истории человечества. Первоначальное положение земного шара и постепенное появление на нем органических существ были предметом наших ежедневных бесед, а наши научные сведения ежедневно становились и более точными, и более разнообразными, благодаря тому что мы делились друг с другом тем, что знали, и вступали в ученые споры». То было, вероятно, не простой случайностью, что при перепечатке «Метаморфозы растений» в 1831 г. он поставил в начале этого сочинения тот же самый греческий эпиграф, который когда-то был поставлен Гердером в начале написанного им в 1774 г. небольшого приложения к философии истории. Еще более ясным доказательством обоюдного влияния этих двух людей служит тот факт, что в конце шестнадцатой книги своих «Идей» Гердер приступает к характеристике христианства, цитируя одну строфу из гётевского стихотворения «Die Geheimnisse».

III. Первая часть «Идей» и разговоры о переселении душ

Только познакомившись с содержанием «Идей», можно составить себе ясное понятие о том, в какой мере воззрения Гердера сходились с воззрениями Гёте. В состав этого сочинения входят наполовину естественные науки, наполовину исторические факты; по мысли автора, эти две массы идей должны бы были находиться в тесной связи между собой, но на самом деле они не вполне сходятся в одно целое. Изложенная здесь философия истории сводится к тому основному положению, что человек — продукт природы, высший продукт генетических сил нашей планеты, а потому и законы исторического развития тождественны с естественными законами. Это основное положение привело автора, с одной стороны, к изучению физиологических условий, при которых возник человеческий род, с другой стороны, к изучению тех исторических фактов, в которых выразилась жизнь человеческого рода. Понятие о гуманности и в своем натуральном, и в своем нравственном значении служит связующим звеном между физиологической частью сочинения и исторической или, вернее, поворотным пунктом от первой к последней. В физиологической части автор излагает нечто вроде квинтэссенции

современных понятий о естествоведении, для которой он собирает материалы из всех известных ему исследований и описаний природы; в исторической части он собирает все необходимые материалы для изложения такой всеобщей истории, какая еще никогда не была написана, — он, по его собственному выражению¹, старается прорубать аллеи в лесу исторических фактов и раскрывать более широкий горизонт для будущих исследователей.

Эта широкая цель служит главным отличием нового сочинения от «Приложений к философии истории», и сам автор указывает на это описание в своем предисловии. Он писал Гаману², что в первой части «Идей» нет ни одного слова, напоминающего о тех «Приложениях», — до такой степени «основная мысль нового сочинения является и более широкой, и более глубокой». Именно эти основные идеи и требуют внимательного изучения; именно они и находятся в самой близкой и непосредственной связи с исследованиями Гёте по естественной истории.

Чтобы составить себе понятие о назначении человечества, следует, по мнению автора, изучать законы всего мироздания, потому что назначение человека обуславливается тем, что для него служит местом жительства Земля, которая не что иное, как одно звено в бесконечном ряду миров. Она — звезда среди других звезд, а по своему положению, по своим размерам, по продолжительности своего двойного вращательного движения она принадлежит к числу миров средней величины. Сообразно с этим и умственные способности земных созданий имеют известные пределы — человек одарен только таким ограниченным разумом, какой можно иметь на Земле; даже его добродетели соответствуют этому среднему размеру земных организмов, потому что «и ум, и нравственность находятся в зависимости от физических условий». Кроме того, наша Земля пережила много переворотов, прежде чем сделалась такой, какой мы находим ее теперь, и прежде чем появился на ней человек. Далее: она имеет форму шара, на котором все непостоянно и изменчиво; так как этот шар вращается вокруг Солнца, то и вся человеческая деятельность приспособляется к различным временам года. Кроме Солнца на Землю влияет и атмосферический воздух; этому влиянию, натурально, подчиняется и человек.

¹ К Гейне 9 янв. 1786 г. (С, II, 199).

² 10 мая 1784 г. (Соч. Гамана. VII, 135 и сл.).

Наконец, наша планета есть масса гор, возвышающихся над поверхностью вод; все страны примыкают к подножию гор; горные цепи и потоки служили линиями направления для всемирно-исторических событий; достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы убедиться в том, что вследствие распределения горных возвышенностей наши два полушария должны были сделаться театром самых разнообразных событий.

От космических и географических условий, влиявших на развитие и на историю человеческого рода, вторая книга «Идей» переходит к внутренней связи между человеком и остальными земными созданиями. Только в виде подготовки к тому, что следует далее, автор указывает на сходство жизненных условий, на взаимное влияние растений и людей, животных и людей. Вслед за тем он указывает на более тесную внутреннюю связь. Он говорит, что при всем разнообразии живущих на Земле созданий натура, по-видимому, «создала их всех из одного материала»; но человеку, по-видимому, «дана самая выработанная внешняя форма, в которой соединяются отличительные черты всех отдельных видов в их самой изящной совокупности». Доказательства этой истины следует искать в сравнительной анатомии. Каждое создание следует изучать на других созданиях; в организме животных следует отыскивать признаки основного типа. Такое предприятие поистине заслуживает названия философского; при этом человеческий ум осмеливается «брать за образец всеобъемлющий разум Божий».

Опираясь на результаты исследований Бюффона, Добантона, Кампера и Галлера, автор указывает в следующей книге на сходные черты в организме растений и животных с целью доказать, что деятельность органических сил увеличивается при переходе от растительной жизни к животной и от низших форм животной жизни к высшим. Таким образом, автор доходит до органического отличия человека от животных и находит это отличие в том, что человек ходит, подняв голову. Он полагает, что эта отличительная особенность человека составляет его неотъемлемое достояние, потому что никакое создание никогда не выходило из пределов тех органических сил, какими оно было первоначально наделено; натура не позволяет ни одному живому существу выходить из границ той сферы, какая была ему первоначально отмежевана; было бы ошибкой думать, что человек переродился из животного; напротив того, его способность ходить, подняв голову, обозначает начало новой эпохи, новой организации природ-

ных сил. Эти идеи, очевидно, не имеют сходства с идеями Дарвина¹.

В следующей, четвертой, книге Гердер старается доказать, что все другие характеристические особенности человека являются лишь последствием того, что он ходит подняв голову. Чтобы придать этой смелой мысли некоторое правдоподобие, он сравнивает человеческий организм с организмом тех животных, которые имеют самое близкое сходство с человеком. При этом он пользуется наблюдениями Кампера над различиями физиологии, но прибавляет к этим наблюдениям предположение, что физическая причина тех различий заключается в более или менее горизонтальном или перпендикулярном положении головы. Он, как видно, принимает отдельный внешний признак за общий принцип, которым все объясняется. Он основательно восстает против физиогномики, основанной на одних догадках, и ищет причину тех или других очертаний лица во внутреннем влиянии органических сил. Тем не менее он сам часто довольствуется бездоказательными догадками. Он довольно искусно старается объяснить, в чем заключается внутренняя связь между прямой человеческой походкой и умственными человеческими достоинствами. Благодаря тому что человек стал ходить подняв голову, он получил возможность пользоваться своими руками, создал для себя язык, а вследствие того сделался способным учиться разуму — но, заметьте, только учиться, потому что разум не есть такое же врожденное свойство, как инстинкт: он развивается соразмерно с физическими силами человека и соответственно с его чувственными влечениями. То же можно заметить о человеческой свободе. Только благодаря своей привычке ходить подняв голову человек способен лучше всех других созданий уживаться со всякими климатическими условиями и распространяться по всей земле — а взамен доказательств этого положения Гердер ограничивается восклицанием: «Не будем в этом сомневаться!» Вслед за тем он выражает словом «гуманность» все, чего может достигнуть человек благодаря указанным выше особенностям своего организма. Гуманность есть сущность человеческой природы и конечное назначение человечества. «Чтобы обрисовать обязанности человека, достаточно обрисовать его наружность». Эта наружность удовлетворяет требованиям и справедливости, и приличия, и красоты — одним словом, нравст-

¹ Беренбах в своем небольшом сочинении (Берлин, 1877) не мог отказать себе в удовольствии отнести Гердера к числу «предшественников Дарвина».

венности. Но с нравственностью неразрывно связана религия. Она не что иное, как высшая гуманность, как плод духовно-нравственного человеческого предназначения, которое со своей стороны есть результат человеческого физического сложения. Таким образом, и религия подводится здесь под общую точку зрения автора и ставится в зависимость от естественных законов; вместе с этим она на одно мгновение утрачивает всё, что в ней есть мистического и сверхъестественного. Она — натуральный продукт рассудка, ищущего конечных причин, и, с другой стороны, натуральный продукт добровольного подчинения тем законам природы, которые признаны разумными; а в том и в другом случае она находится в естественной связи с верой в бессмертие души.

Здесь мы снова встречаемся с одной из старых любимых тем Гердера! Он еще за много лет перед тем вел об этом предмете споры с автором «Федона» и отстаивал еретическое мнение, будто нет никакого другого бессмертия души, кроме возрождения душ в другом, также человеческом теле¹. Но в начале 70-х годов, когда в его религиозных воззрениях произошел решительный поворот, настоящий вопрос представился его уму в новом освещении. Хотя фантастический рассказ о вечности, написанный Лафатером, и встречал с его стороны так же мало сочувствия, как метафизический роман Мендельсона, но все скептические колебания были теперь заглушены сердечной потребностью верить в загробную жизнь — и он стал искать опоры для новых убеждений и в намеках, и обещаниях, которые находил в Библии, и в аналогиях с явлениями природы, и в народных верованиях, и наконец даже в арсенале метафизики. В этом духе были написаны те заметки, которые должны были служить дополнениями к задуманному Лафатером стихотворному описанию будущей жизни. В этом духе он намеревался написать для веймарской герцогини несколько сократических рассказов о том, что «даже в этом мире человек предчувствует будущую жизнь». В этом духе он произносил проповеди об утешительных надеждах, возникающих при виде гроба, — и вообще во всех тогдашних сочинениях выражал уверенность в бессмертии души. Но тот бессодержательный догмат бессмертия души, которого придерживались представители тогдашнего просвещения и смысл которого был истолкован берлинским Сократом, превратился в его пылком

¹ См.: Т. I. С. 413 и сл., а касательно того, что следует далее: Там же. С. 663 и сл.

сердце и в его живом уме в более богатое содержанием упование, для которого служили опорой нравственные влечения. Он по-прежнему верил, что загробная жизнь будет чувственно-духовной, верил в возрождение, к которому мы должны готовить себя в этой жизни, воспитывая в себе «будущих ангелов»; но потом он нашел ручательство за основательность его убеждений в воскресении Христа и в том рассказе о воскресении мертвых, о котором идет речь в Новом Завете¹. Поэтому еще в «Теологических письмах» он указывал на все заключающиеся в библейских книгах намеки на бессмертие души; разница с его теперешними убеждениями заключалась тогда только в том, что в «Теологических письмах», отличавшихся до некоторой степени свободомыслием, он обращал должное внимание и на философические доводы, а с другой стороны, отзывался более беспристрастно о тех понятиях касательно будущей жизни, которые возникли в уме апостолов после появления воскресшего Христа². Вместе с тем он стал высказывать желание, чтобы появился новый «Федон», который изложил бы в разговорной форме правильные христианские понятия о бессмертии души. Впрочем, он едва ли предназначал для самого себя исполнение этой задачи. Его собственные воззрения на этот предмет обнимали гораздо более широкую сферу идей, которая хотя и имела своим средоточием христианские воззрения, но в начале 80-х годов уже не ограничивалась ими. Под влиянием одного внешнего мотива он снова стал развивать свои прежние понятия о палингенезии человеческих душ, а в их изложении держался середины между своими прежними скептическими возвратами и своим новым теологическим воззрением. В конце 1781 г. он написал для «Немецкого Меркурия» «три разговора о переселении душ»³.

Их появление было вызвано разговорами на ту же тему, изданными незадолго перед тем И. Г. Шлоссером⁴. Автор этих раз-

¹ Сравн.: Древнейший документ. II, 17, 187; Объяснения Нового Завета. С. 143; О познании. С. 94; Как древние представляли смерть // *Nannov. Magazin*. 1774. С. 1530; кроме того, см.: Т. I. С. 866.

² Теологические письма. III, 184 и сл. (письмо 37-е).

³ Он известил Глейма о своем намерении писать эти разговоры 26 нояб. 1781 г. (С, I, 76). Два первых разговора были напечатаны в январском номере «Немецкого Меркурия», а третий был напечатан в февральском номере (с. 12 и сл., 97 и сл.). Первые два разговора, вероятно, были те самые, которые Гёте читал еще 28 дек. 1781 г. (см. его письмо к г-же Штейн. II, 131).

⁴ *Schlosser J. G. Über die Seelenwanderung*. Basel, 1781. Сравн.: *Nicolovius A. Schlosser's Leben und literarisches Wirken*. Bonn, 1844. С. 78.

говоров задумал развить и отстоять гипотезу, изложенную Лессингом в «Воспитании человеческого рода». Он пытался доказать, что переселение души из одного человека в другого есть единственное средство делать нас все более и более достойными вечного блаженства и вместе с тем вести нас к нашему назначению: ведь достигать этих целей можно только тогда, когда человек научится собственным опытом распознавать добро и зло при самых разнообразных условиях своего положения. Переселяющаяся душа, конечно, не уносит с собой воспоминаний о всем прошлом; однако эти воспоминания, быть может, воскресают после того, как она переселилась. Новый Платон назвал свою гипотезу сладкой мечтой, приплёл к ней доказательства ее совместимости с откровением и с верой в «язывы Христовы», а выражавшему свои сомнения собеседнику ответил: переселение прекращается в недрах божества.

В этом разговоре между Евгением и Клеомафом было высказано немало идей, напоминавших самые старые убеждения Гердера, — как например там было высказано положение, что для человеческой души всегда необходимы телесные органы; кроме того автор мимоходом намекал на «Приложения к философии истории», когда говорил, что «один поэт-философ» сравнил различные эпохи в истории человеческого рода с различными человеческими возрастами. Именно это обстоятельство в связи с убеждением автора, будто его фантастические воззрения не находятся в противоречии с христианским учением, и вызвало возражения со стороны Гердера, который относился несочувственно к Шлоссеру, с тех пор как этот последний стал писать рецензии для «Франкфуртского указателя»¹. С горячностью человека, ясно сознающего свои прежние заблуждения, он поспешил воспользоваться этим удобным случаем, для того чтобы восстать против фантастических грез, которыми он сам когда-то увлекался, и для того чтобы познакомить публику с новыми грезами, которые были, по его мнению, и более светлы, и более возвышенны, и более правдоподобны. При выборе внешней формы для своих возражений он мог последовать примеру Шлоссера. Poleмические цели облегчали изложение в разговорной форме. Было еще одно обстоятельство, оказавшееся благоприятным для его замысла: он писал эти три разговора в течение той зимы, когда молодой Мюллер жил в его доме и часто сопровождал его в прогулках. Феаг и Харикл вели свои разговоры, гуляя по полям и ле-

¹ Сравн.: Т. I. С. 632.

сам, любуясь утренней зарей или усеянным звездами вечерним небом. Размышления о природе, которые они примешивали к изложению своих идей, напоминают нам рассказ Мюллера о его беседах с уважаемым наставником и о привычке Гердера читать поучения во время прогулок. Но Миллер ошибался¹, думая, что Гердер изобразил Клаудиуса в лице того собеседника, который делал неосновательные возражения: в личности Харикла, не отличающегося самостоятельностью характера и даже иногда кажущегося бестолковым, смешивались некоторые отличительные черты Шлоссера и Мюллера.

Феаг относится свысока к своему собеседнику, играющему роль защитника гипотезы, которую Шлоссер заимствовал от Лессинга. В своей заносчивости Гердер влагает в уста этого защитника даже такие аргументы, к каким не прибегал Евгений в шлоссеровском диалоге; поэтому нельзя осуждать Шлоссера за то, что он написал второй диалог, в котором «мудрый Горгий» выражается не менее заносчиво, чем Гердер, и искусно выставляет на вид опрометчивость этого последнего². Аргументы, которые Гердер неосновательно приписывал Шлоссеру, очевидно, были те самые, с помощью которых прежде он сам старался подкрепить свою гипотезу о переселении душ. Поэтому, опровергая мнения Шлоссера, он опровергал свои собственные мнения. Теперь он решительно отвергает «отвратительную» гипотезу, которая ставит человеческие души в одинаковое положение с «лошадьми, которым завязывают глаза и потом заставляют ходить вокруг мельничного колеса»; он находит, что эта гипотеза заставляет нас бродить по земле, «подобно домовым и привидениям», и «нередко с трудом вымалывать духовную пищу в виде милостыни». Эта теория, напоминающая труд Сизифа, всего менее совместима с религией. В Дантовом аду точно так же бродят лицемеры, беспрестанно оглядывающиеся назад со своими свихнутыми шеями. «Такое евангелие может служить источником утешений для некоторого разряда людей, но не для стремящихся к высшим целям людей со свободным и благородным умом».

¹ К Гердеру 13 дек. 1783 г. (А, I, 431).

² *Schlosser J. G. Über die Seelenwanderung. Zweites Gespräch.* Basel, 1782. — И. Г. Мюллер писал по поводу этой статьи 8 авг. 1782 г. Гердеру: «В опровержение ваших мнений Шлоссер напечатал второй разговор о переселении душ. От имени мудрого Горгия он опровергает по пунктам все, что Вы написали. Мне кажется, что этот разговор очень остроумен». Оба шлоссеровских разговора были снова напечатаны в третьей части его мелких статей (Базель, 1783. С. 1—72).

Эти пропитанные желчным раздражением слова были вычеркнуты автором, когда он по прошествии нескольких лет приступил к переделке своих разговоров для включения их в первый сборник «Разбросанных листков». От полемических нападков он переходит к изложению убеждений Феага. Взамен ошибочных понятий о переселении душ он излагает более основательные понятия, по которым человеческая душа не бродит, как мельничная лошадь кругом колеса, а переходит из низшего положения в высшее. Его возражения против старинных догадок пифагорейцев основаны на здравых воззрениях на природу, с которыми согласуются понятия о психологии и морали. Он дает натуральное объяснение всем фактам, которые, по мнению его противников, могут служить доказательствами предсуществования. Так, многочисленность великих людей — которые играют в истории роль гениев и большей частью одновременно появляются в известные эпохи, точно будто они заново родились или воскресли из мертвых, — Гердер объясняет гораздо проще непонятными для нас тайнами человеческого организма в связи с местными и климатическими условиями, с воспитанием и с разными случайными причинами. Предчувствия, которые мы часто принимаем за воспоминания о том, что мы когда-то пережили в иной телесной оболочке, суть не что иное, как воспоминания о первых юношеских впечатлениях, воскресающие в нашем уме по естественному закону сочетания идей. С другой стороны, он не может согласиться с мнением, будто мы можем сделаться достойными высшего блаженства, только после того как испробуем на собственном опыте самые разнообразные жизненные условия; напротив того, он утверждает, что всякое человеческое блаженство может быть только относительным и что с нашей стороны было бы большой смелостью предписывать Провидению законы по нашему узкому масштабу и однообразный способ сведения окончательных расчетов. На нашей земле ни в чем нет совершенства. Даже неравенство людей по их способностям входит в план Создателя. «Наша планета должна носить на себе и производить только то, что может носить и производить». Она есть «шар с самыми разнообразными климатическими и местными условиями, с самыми разнообразными растениями, животными и людьми». Но с этим законом разнообразия соединяется закон постепенного развития. Все земные создания стремятся доразвиться до человека, точно будто природа создала «только один тип, по которому все развивается и с которым стремятся сравняться» все организмы, начиная с пылинки и кончая человеком; снаружи все

это кажется лабиринтом самых разнообразных форм, но, заглядывая во внутренность этого лабиринта, мы находим там не что иное, как постоянное брожение душ, стремящихся к более высокому развитию! Эта цепь разнообразных существ не обрывается и на своем высшем члене — человек также должен стремиться к совершенствованию. Ведь сфера земной жизни вставлена в очень узкие рамки; здесь все обставлено материальными нуждами, и мы стараемся высвободиться из-под их гнета заодно со всеми другими созданиями. Надежды на успех наших усилий поддерживает не только религия, но и сама природа. В солнечной системе мы можем найти наглядное объяснение того, как следует понимать бессмертие нашей души. Мы находим там те же законы, какие находим здесь; «нравственность есть не что иное, как высшая физика ума». Разве судьба обитателей различных миров не может быть регулирована так же, как регулированы отношения планет между собой и к солнцу? Разве различные величины развешенных на небесном своде звезд не соответствуют различным степеням нашего нравственного развития? Разве наше будущее назначение не может примкнуть в виде нового звена к нити нашего здешнего развития, подобно тому как наша Земля привязалась к Солнцу, а Луна к нашей Земле? Так как мы, вследствие положения нашей планеты, очевидно, принадлежим к разряду существ среднего разряда, то, быть может, — и, конечно, только быть может, — другие миры предназначены для переселения наших душ, для такого переселения, при котором мы по-прежнему будем в руках Божьих, в «беспредельных недрах божества», но в то же время будем ближе к нему, будем ближе к источнику всякого света. Эта надежда не только служит для нас утешением и возвышает нас — она также объясняет нам, в чем должна заключаться наша нравственная задача. Шлоссеровская гипотеза заглушает всякие широкие воззрения на нравственность, а та надежда научает нас извлекать пользу из нашего земного существования; благодаря ей мы сознаем, что стоим на высшей ступени земных созданий; благодаря ей мы стараемся заглушать в себе животные влечения, стараемся употреблять в дело все наши человеческие преимущества и воспитывать в себе будущих ангелов. Не столько Шлоссер, сколько автор «Воспитания человеческого рода» считал усовершенствование наших умственных способностей и приобретение «новых познаний» за доказательство того, что наша душа будет еще не раз возвращаться на свое земное поприще. Гердер опровергает это предположение в конце своих разговоров. Он говорит, что главная суть заключает-

ся не столько в развитии нашего ума, сколько в воспитании нашего сердца. Человеческое сердце может дать правильное направление своим чувствам, независимо от того в каком положении находится человечество; для достижения этой цели оно не нуждается ни в каких странствованиях по различным мирам. Гердер приходит к следующему окончательному выводу: «Очищение сердца, облагорожение души вместе со всеми ее побуждениями и влечениями — вот в чем заключается настоящая палингенезия здешней жизни, а после нее нам, без сомнения, предстоит радостное, но неизвестное нам превращение».

Похвала, с которой Гёте отзывался об этих разговорах, рекомендуя их своей возлюбленной, была вполне основательна. Они были во многих отношениях прелюдиями к изложению «Идей». К религиозным, и в особенности нравственным, мотивам, поддерживавшим в Гердере веру в бессмертие души, очень удачно приплетаются здесь врожденные чувственные влечения, на которые автор всего чаще ссылается, опровергая странную и смешную гипотезу Шлоссера. Те выражения, в которых он осуждает попытку Шлоссера указывать Создателю пути, которые приведут к достижению его целей, были бы совершенно на своем месте в книге Иова. Наконец, самые возвышенные мысли излагаются в диалоге в том месте, где автор откладывает в сторону резкий полемический тон и с увлечением говорит о гармонической стройности мироздания. Эти идеи, как нам известно, оказывали благотворное влияние на угнетенное душевное состояние герцогини, которая находила в них отголосок своих собственных надежд и мнений, — точно так же, как и г-жа Штейн¹. По тем же причинам могли служить для нее утешением и внушать ей душевную бодрость последние главы первой части «Идей», когда Гёте читал их вслух, двумя годами позже, для убитой горем матери: ведь эти последние главы в сущности были лишь вариациями на ту же тему, изложенными без примеси полемики и с более широкими основными воззрениями.

Уже первые страницы «Идей» служили подготовкой к обсуждению этой темы; уже там высказывалась мысль, что космические условия нашего существования служат ручательством за такую же вечность, какая составляет неотъемлемую принадлежность невидимых законов и сил, действующих во вселенной. К этой мысли автор возвращается в пятой книге. Прежде он высказывал решительное намерение отложить в сторону «всякие

¹ См. выше, с. 34.

метафизические идеи и довольствоваться физиологией и опытом», но теперь он снова заглядывает в область метафизики; он ссылается на такое положение, основательность которого, без всякого сомнения, не может быть доказана опытом, — на то положение, что непрерывному внешнему развитию земных созданий должен соответствовать такой же восходящий ряд невидимых сил. Он снова выражается как метафизик, когда называет само по себе понятным положение, на которое уже прежде ссылался в доказательство бессмертия души, — то положение, что никакая сила не может исчезнуть. Он говорит, что во вселенной повсюду находятся в действии бесчисленные органические силы; каждая из них имеет органы, которые выработала для своего употребления. Но из этого вовсе не следует, что силы и их органы тождественны; напротив того, сила может переходить из одного органического медиума в другой. А такой переход в сущности есть прогресс. Все разряды существ суть не что иное, как внешние формы, внутри которых низшие существа развиваются в нечто более совершенное, — все разнообразные виды организмов (как сказано в «Разговорах») соответствуют различному состоянию душ, которые переселяются из одного организма в другой и стремятся к совершенствованию. Поэтому не подлежит сомнению, что если позади нас всё старается доразвиться до человеческого типа, то развитие самого человека не останавливается. Но он отличается от стоящих ниже его созданий тем, что он одарен более высокими и более духовными силами, для которых тело служит лишь органическим медиумом. Его сущность заключается в гуманности. Подобно тому как растет и развивается наше тело, в нас развивается «внутренний духовный человек»; с самого начала жизни наша душа «стремится только к тому, чтобы приобрести «внутренний вид и внешнюю форму гуманности». Это наше назначение исполняется на земле лишь не вполне. Создание человека имеет бесконечно более высокую цель, а потому и развитие человека совершается иначе, чем развитие животных. Для животных служит надежным руководителем их инстинкт, а человек рождается только со способностью к гуманности и далеко не вполне развивает лежащий в нем зародыш человеческих совершенств. Таким образом, цель нашего существования прямо указывает на иную, неземную, жизнь. Земля служит для нас только местом практических упражнений и подготовки; уже то хорошо, если зародыш гуманности пускает здесь ростки: он может расцвести только при иных, неземных, условиях существования. Гердер только мимоходом упоминает о господст-

вовавших у различных народов понятиях касательно переселения и окончательного назначения человеческой души; об этом предмете он кое-что писал в сочинении о еврейской поэзии и в той недоконченной статье «Гадес и Элизий», которую он поместил в «Меркурии» непосредственно вслед за разговорами о переселении душ¹; а здесь он только с энергией отстаивает ту же мысль, которую когда-то высказывал по поводу лафатеровских «Мечтаний о вечности», — что не стоит труда придумывать разные догадки о будущей форме нашей гуманности. Он даже воздерживается здесь от повторения тех догадок, которые высказывал в своих «Разговорах»; он довольствуется тем, что из двусмысленного понятия о гуманности — которое когда-то являлось у него результатом нашей природной организации, а потом превратилось в цель нашего нравственного назначения — он делает тот центральный пункт, около которого сосредоточиваются все его доказательства в пользу бессмертия души. Эти доказательства сводятся лишь к надежде, что наша душа бессмертна. Гердер говорит, что человек должен вникать в свое будущее положение не умом, а верой; он должен стремиться к истине, к добру и к богоподобной красоте — тогда он непременно достигнет своей цели.

Однако и он, подобно Лафатеру, вовлекается в фантастические мечтания о вечной жизни. Стараясь объяснить происхождение языка, он называл слух посредствующим чувством; Землю он считал за посредствующую планету, человека он охарактеризовал как посредствующее создание между животными. Теперь он снова смотрит на человека как на посредствующее звено между двумя находящимися в тесной между собой связи системами мироздания, как на естественное и вместе с тем духовно-нравственное существо, как на гражданина двух миров. При изложении этих воззрений фантазия автора до такой степени разыгрывается, что доводит его до крайних пределов мечтательности. Он никогда не мог заглушить в себе склонности к фантастическим мечтаниям о вмешательстве высшей силы в здешнюю земную жизнь, никогда не переставал верить в предчувствия и в чудотворные внешние влияния; а теперь он стал отыскивать для этих мечтаний нечто вроде разумных основ. Так как наше будущее положение, говорит он, по всему вероятно, развивается из нашего теперешнего положения, подобно тому как последнее развилось из положения низших организмов, то не подлежит сомнению, что

¹ На эту статью уже было нами указано ранее, в прим. к с. 198.

оно находится в более тесной связи с нашей земной жизнью, чем мы думаем. Так как деятельное сочувствие есть отличительная черта гуманности, то те из наших братьев, которые достигли более высокой ступени развития, будут невидимо помогать нам и подготавливать нас к участию в их блаженстве. Только такими влияниями свыше можно объяснить некоторые шаги в истории человеческого рода, как например изобретение языка; хотя наши органы способны воспринимать такие чудотворные впечатления преимущественно в болезненном состоянии, все-таки эти факты указывают на существование в нашей душе таких скрытых сокровищ, которым суждено обнаруживаться при дальнейшем ее развитии.

Итак, в этой первой части «Идей» автор основывает свои воззрения главным образом на естествознании и от ссылок на естественные законы переходит к нравственно-религиозным соображениям, которые черпает из христианского учения о нравственности; но он не останавливается на христианских догматах и на историческом развитии христианских верований, а в заключение увлекается поэтическими мечтами и заходит за пределы, установленные как наукой, так и религией.

Достоин внимания, каким образом сам Гердер отзывался о первой части «Идей» в своем письме к Гаману¹. Он утверждал, что в новом сочинении он в сущности приходит к тем же выводам, какие излагал в «Древнейшем документе», но приходит к этим выводам иными путями; это верно только в том отношении, что и в «Древнейшем документе» все возводилось к тому основному положению, что первоначальное божеское откровение было приспособлено к человеческой натуре, что человек создан по подобию Божию и что вместе с тем он служит эмблемой для всего видимого и невидимого мира; но «иные пути», о которых говорит Гердер, — т. е. основанные на изучении естественных законов соображения, которыми заменяются прежние бесконечные объяснения Библии, — придают прежним выводам совершенно новую основу. А желание приноровиться к точке зрения его друга заводит Гердера так далеко, что он вполне сознательно отрекается от этой основы, точно так же как когда-то отрекался от философских воззрений, изложенных в его сочинении о происхождении языка. Он говорит, что выложил весь этот ученый хлам, только для того чтобы «пропеть своим современ-

¹ В письме от 10 мая 1784 г., на которое мы уже не раз указывали (Соч. Гамана. VII, 136, 137).

никам новую песню в их собственном тоне», что он усвоил отличающиеся лишь внешним блеском основные идеи своего времени, только для того чтобы «мало-помалу уклоняться от того пункта, на котором теперь остановились все естествоиспытатели!» Однако с этим пренебрежением к естествоведению нелегко согласовать любознательность, с которой он старался вникать в самую сущность естественных законов и которая проглядывает во всех главах его сочинения. Но, с другой стороны, так же несомненно и то, что он отыскивал следы внутренней связи в жизни всех живых существ не только с напряженным вниманием естествоиспытателя, но также с напряженным вниманием ученого и верующего. Действительно, он постоянно переносится в высшие сферы мышления, постоянно вступает в борьбу с материалистическими выводами. Приступая к работе, он писал Эйхгорну¹, что взамен иных проповедей охотно стал бы публично говорить о том, что составляет содержание его сочинения; эти слова следует понимать в том смысле, что натуральное откровение могло бы доставить ему неистощимую тему для церковных проповедей. В предисловии к рассматриваемому нами сочинению он вовсе не двусмысленно объясняет свою основную идею в том виде, в каком она представлялась его уму в то время. «Проявления божества в природе, — говорит он, — и те идеи, которые Предвечный излагал нам в своих созданиях, — вот что составляет ту священную книгу, которую я разбирал и буду разбирать по складам хотя и с неопытностью ученика, но по меньшей мере с добросовестностью и с усердием... Аналогия, которую мы замечаем во всех явлениях природы, постоянно наводила меня на истины религии, и я с трудом заглушал в себе религиозные чувства, потому что хотел шаг за шагом следить только за тем ярким светом, который повсюду обнаруживает тайное присутствие Творца в его творениях. Тем более приятно будет и для моих читателей, и для самого меня, если, продолжая идти этим путем, мы наконец увидим, что сверкающий из сумрака свет превратился в яркое пламя и солнце».

¹ В начале окт. 1783 г. (С, II, 286).

IV. Дальнейшее содержание «Идей»

1. Вторая часть

Однако дальнейшее содержание «Идей» несколько не оправдало тех ожиданий, на которые давали право только что приведенные слова. Сам Гердер¹ с насмешкой говорил об опасениях Мендельсона, что продолжение «Идей» сведется к изложению фантастических воззрений христианина и что их автор в конце концов зажжет такой светильник, который не «для нас» — т. е. не для Мендельсона и не для его единомышленников. Хотя он и признавался, что во второй части действительно зажжет такой светильник, но вместе с тем он заранее предупреждал, что намеревается мигом задуть его в третьей части; а в другом месте он говорит, что раздует огонь того светильника в большое пламя, но, прибавляет он, не иначе как в историческое пламя.

На самом деле оказалось, что в первой части «Идей» гердеровская философия истории витает в небесных пространствах и что в следующих частях автор лишь изредка снова заносится в эти высшие сферы. С самого начала второй части он снова переселяется на землю и придает еще более ширины своей основной идее о влиянии естественных законов. От общих размышлений о том, какое место занимает человек среди живых существ, он переходит к частностям: он пытается обрисовать различия во внешней организации народов, разбросанных по всей земной поверхности, и заимствует свои краски из рассказов путешественников. Но все это не более как «предварительные основные воззрения» — не более как «пьедестал для статуи»²; все это служит подготовкой к развитию того историко-философского положения, что несмотря на упомянутые выше различия человеческий род представляет собой одно своеобразное целое, не имеющее ничего общего даже с теми животными, которые имеют самое близкое сходство с человеком. Автор не допускает даже тех различий происхождения, которыми обуславливается различие рас. Различные видоизменения в человеческом роде он объясняет только тем, что наряду с производительными силами земли обнаруживается влияние климата. От внешних свойств человеческой природы он переходит к внутренним. Те внутренние различия,

¹ К Якоби 25 февр. 1785 г. (А, II, 268); также к Гаману (Соч. Гамана. VII, 226).

² К Кнебелю (Litt. Nachl. II, 267, 297); сравн. с началом седьмой книги.

которые возникают вследствие «разлада между климатическими условиями и основными условиями бытия», он старается объяснить различием духовных человеческих способностей, начиная с ощущений и переходя к человеческим чувствам и влечениям; он смотрит на землю как на теплицу натуральных чувств и дарований, способностей и искусств, душевных сил и добродетелей, которые постоянно принимают новый вид и смешиваются между собой¹. После всего вышеизложенного можно было ожидать, что автор немедленно приступит к исследованию, в какой мере указанные им различия влияют на осуществление идеала гуманности. Но вместо того он неожиданно задается другим вопросом. От понятия о гуманности он внезапно переходит к понятию о блаженстве и вслед за тем не совсем ясно доказывает, что между этими двумя понятиями существует внутренняя связь. В какой мере, спрашивает он, все врожденные душевные свойства делают человека способным достигать блаженства, и в чем заключается человеческое блаженство? Его мерило, гласит ответ, кроется в груди каждого отдельного человека. Блаженство есть глубокое, ничем не заменимое сознание своего существования. Оно заключается не в избытке чувств и идей, а в отношении чувств и идей к действительному наслаждению нашим существованием. Эти повторения одной и той же мысли в различных выражениях сводятся к тому положению, что цель человечества осуществляется в каждом индивидууме сообразно с его врожденными чувствами. Взамен идеала гуманности, о котором ранее шла речь, автор излагает натуралистические воззрения на человеческое назначение; таким образом, оказывается, что содержание восьмой книги отзывается мудростью эвдемонизма и вовсе не удовлетворяет тех ожиданий, которые были в нас возбуждены окончанием пятой книги. «Натура, — говорит Гердер, — истощила на земле все человеческие формы, для того чтобы доставить каждой из них в свое время и в своем месте то наслаждение, посредством которого она морочит смертных в течение всей их жизни».

Эта мысль, конечно, не могла быть последним словом человека, взявшегося писать философию истории. Ранее высказанная им мысль, что гуманность не может достигнуть полного разви-

¹ Отрывки из того, что он писал по этому предмету, были помещены для пополнения пробелов еще в 1783 г. в ноябрьском номере «Меркурия» (с. 178 и сл.) под заглавием «Exemplare der Menschheit in Vorstellungsarten, Sitten und Gebräuchen» (SW в отделе филос. XIII, 242).

тия в земной жизни, а будет продолжать свое развитие в загробной жизни, не имела в себе никаких исторических элементов. Точно так же не имела никакой связи с историей и та мысль, что уже в земной жизни каждый может находить источник блаженства в своем сердце. Поэтому Гердер выставляет новый принцип, который он называет «настоящим принципом в истории человечества», — что история есть не что иное, как развитие, и существует она только в силу взаимной связи между индивидуумами и вследствие взаимного влияния одних индивидуумов на других. Он горячо восстает против ложного мнения, будто индивидуум становится благодаря самому себе таким, каков есть. Только при содействии других людей человек достигает гуманности, и потому главный интерес истории заключается в «непрерывном ряде житейских связей и традиций». Человек находится в зависимости, с одной стороны, от органических сил природы и от климатических влияний, с другой стороны, от традиций. Он имеет двойное происхождение — естественное и духовное. Только благодаря этому последнему, благодаря тем узам, которые связывают индивидуума со всем человеческим родом, гуманность может достигнуть своего полного развития. Другими словами, существует воспитание человеческого рода. Так как каждый человек связан со своим семейством, со своим народом, а вследствие того и со всем человеческим родом, то наша земля превращается в обширное воспитательное заведение, в котором «хотя и много особых отделений, но все эти отделения приспособлены к одному типу преподавания».

Объяснению «духовного происхождения» человека исключительно посвящены две последние книги второй части. Автор полагает, что природа создает, а культура воспитывает человека, но обе они стремятся к одной цели — к гуманности; по крайней мере, таков смысл следующей формулы: «человек создан и развивается для гуманности и для блаженства». Однако только в этом общем указании конечной цели сходятся те два основных положения, которые должны служить переходом к философии истории. Перевернув еще две страницы, мы замечаем, что под вышеприведенной формулой кроются противоречия.

Спрашивается, что же составляет цель истории — гуманность индивидуума или гуманность человеческого рода?

Автор намеревается проследить в истории непрерывную нить развития. Поэтому он по необходимости должен указывать на развитие гуманных идей во всем человеческом роде. Он сам говорит, что благодаря той непрерывной нити развития из оскол-

ков человеческой истории образуется такое «целое, в котором человеческая личность исчезает из виду, но человеческий дух живет и действует вечно». Каждый из нас умирает, но каждый из нас не перестает жить в том влиянии, которое он оказывает на души своих ближних.

Однако, с другой стороны, производительные силы природы достигают в каждом индивидууме одного высшего пункта, одного типа гуманности. Этот вывод становится еще более неизбежным вследствие того, что автор сопоставляет гуманность с блаженством. Он снова утверждает, что каждый человек достигает гуманности сообразно со своим положением, что каждый человек рождается и развивается для того, чтобы наслаждаться какой-нибудь формой человеческого благополучия. Отсюда следует заключить, что целью для истории служит индивидуум.

Гердер постарался согласовать эти противоречия, не входя в их подробности. «Все дела Божии, — говорит он, — имеют ту отличительную особенность, что каждое из них представляет само по себе нечто целое, несмотря на то что составляет часть необозримого целого»; то, что служит целью для человеческого рода, служит целью и для каждого человека в отдельности взятого, и наоборот. Но вопрос заключается в том, каким образом эти две цели сводятся в одну. Именно из желания ответить на этот вопрос Лессинг изложил свою гипотезу о переселении душ. Гердер отвергнул эту гипотезу на основании уважительных мотивов. Он, пожалуй, мог бы дать более удовлетворительный ответ на тот вопрос, опираясь на свое предположение, что гуманность не перестает развиваться и в загробной жизни. В качестве теолога он мог бы еще легче разрешить задачу, сославшись на пришествие Христа, на его воскресение и на призвание всех людей в царствие Божие. Однако эта последняя мысль вовсе не входит в кругозор «Идей», и с началом второй части окончательно опускается занавес над тем, что находится вне здешнего мира. Доступ ко всем путям, которые ведут в иной мир, совершенно закрывается. Автор следит только за «золотой нитью человеческого развития», только за прогрессом гуманности в земной истории человеческого рода. Все остальные «Идеи» Гердера о философии истории в сущности не что иное, как подробное изложение следующего основного положения, которым заканчивается первая глава девятой книги: «Гений гуманности расцветает, постоянно принимая более молодежавые формы и снова проникая в умы народов и новых поколений».

Однако прежде чем приступить к описанию этого великолепного зрелища, автор заводит речь о средствах, которые содействуют прогрессивному умственному развитию человеческого рода, — и тогда снова обнаруживается противоречие между теми двумя конечными целями, к которым Гердер старается направлять все исторические явления.

Главным сотрудником людей он называет язык. Только благодаря языку развивается разум и является возможность распространять разумные понятия. Это идеи Гамана, который с удовольствием находил в сочинении своего друга свои собственные воззрения¹. Ранее Гердер искал в сравнительной анатомии физиологических основ для своей философии истории, а теперь он находит, что лучшей историей и характеристикой человеческого рассудка и сердца будет философское сравнение языков. Благодаря языку человек мог вступить на тот путь, который ведет ко всем наукам и искусствам, которые со своей стороны делаются новыми вспомогательными средствами для распространения образования. Не менее важно в этом отношении влияние государственного устройства, но самым важным из всех вспомогательных средств является религиозная традиция, которая даже древнее языка и рассудка и которая была настоящим источником всякой культуры.

Уже в первой части «Идей» автор говорил, что человек создан для обладания языком и рассудком — для гуманности и религии. Теперь он указывает на то, как эти врожденные человеческие влечения расширяются при помощи традиции и как важно их значение для общественной жизни, а следовательно, и для развития культуры. Но он идет еще далее. В его философии истории проникает масса старых идей, изложенных в «Древнейшем документе», и у него на минуту зажигается тот «светильник», который он намеревался раздуть в широкое пламя лишь в третьей части своего нового сочинения! Где и когда возникли религия и язык? Где кроется начало всяких традиций? Где находится первое звено в непрерывной нити духовно-нравственного человеческого развития? Отвечая на эти вопросы, Гердер снова прибегает к рассказу книги Бытия и старается доказать, что эта «древнейшая философия человеческой истории» согласна с его собственной философией. В рассказе о грехопадении он усматривает чрезвычайно важные нравственные истины, лишь «прикрытые баснословными вымыслами». Но самым важным пунктом в из-

¹ Сравн.: Соч. Гамана. VI, 365; VII, 292.

ложении его философских воззрений и тем светильником, который он намеревался раздуть, является его убеждение в том, что первые люди действительно находились в непосредственных сношениях с Иеговой, от которого получали внушения. С тех пор как он вследствие протеста Гамана отрекся от более рациональных воззрений, изложенных в его сочинении на премию, он неуклонно держался мнения, что язык был «даром Божиим». Он воображал, что для его иррационального воззрения можно найти рациональную основу: действительно, превосходства человеческой природы были, по его мнению, лишь врожденными способностями, а развивались они и передавались потомству при помощи воспитания, языка, традиций и искусств; поэтому ему приходилось «с самого начала искусственным образом связывать» звенья той непрерывной нити, которая, но его мнению, ведет к развитию врожденной гуманности!

В новом сочинении едва ли найдется другой вопрос, относительно которого идеи Гердера так же сбивчивы, как относительно происхождения языка. Он незадолго перед тем с удовольствием прочел первую часть сочинения Монбоддо *of the origin and progress of language*, и по его инициативе эта книга была переведена на немецкий язык¹. Он видел в ней «философию человечества», которая была лишь подготовкой к «истории человечества», а познакомился он с ее содержанием именно в то время, когда собирался писать свою философию истории. Предисловие к вышеупомянутому переводу было им написано лишь несколькими неделями ранее предисловия к первой части «Идей». Монбоддо опирался на тщательные исследования, на очень неудовлетворительный запас исторических данных и на разные баснословные рассказы древних и новых писателей, когда пытался доказать, что язык возник лишь после того, как люди стали соединяться в правильно организованные политические общества, что развился он из постепенного улучшения натуральных нечленораздельных звуков человеческого голоса, сначала под гнетом

¹ Des Lord Monboddo Werk von dem Ursprunge und Fortgange der Sprache / Übersetzt von E. A. Schmid. Mit einer Vorrede des Herrn Generalsuperintendenten Herder. Часть первая. Рига: у Гарткноха, 1784; сравн. С, II, 96, 97. Вторая часть перевода, в которой было вкратце передано содержание второй и третьей книги подлинника, вышла в свет в 1785 г. Гердеровское предисловие было перепечатано в SW в отделе филос. (II, 163 и сл.). Касательно того, что Гердер и впоследствии интересовался сочинениями Монбоддо, см.: Zur Erinnerung an F. L. W. Meyer. I, 166; С, II, 244; Письма о гуманизме. X, 174, 186; Метакритика. I, 431 и сл.

необходимости, а потом путем сознательных искусственных усовершенствований. Это воззрение находилось в резком противоречии как с воззрениями Гердера, изложенными в его сочинении на премию, так и с воззрениями Гамана, который поэтому и считал его за ложное по своей основной идее. Тем не менее оно произвело сильное впечатление на Гердера своим дальнозорким прагматизмом. Хотя он и был вынужден возражать против основных идей английского писателя, в особенности против его непонимания специфических отличий человека от животных, однако это не помешало ему ставить Монбоддо выше всех других писателей, обсуждавших ту же тему. Этот торопливый приговор кажется нам непонятным в устах человека, доказывавшего, что язык возникает из своеобразного человеческого организма, а рассудок развивается при посредстве языка; но Гердер сам отменяет этот приговор, восставая в своем предисловии против ошибочного мнения, будто язык был создан некоторыми образованными народами, которые потом сообщили его другим, менее образованным, народам. Здесь он усматривает в системе английского писателя пробел, который намеревается восполнить в другом месте. Нам уже известно содержание этого места: Гердер старался там согласовать развитие языка при помощи традиций с вложенным свыше стремлением человека к созданию языка.

Такая попытка не могла иметь успеха! Ведь слова «врожденный» и «постепенно развивающийся» находятся в явном противоречии между собой. Тезис Гердера указывает на его сочувствие к убеждениям Гёте, а его антитезис — на его старую умственную зависимость от Гамана. Он старается оправдать двойственность своих воззрений таким способом, к которому не хотел прибегать в своем сочинении на премию, потому что видел в нем не что иное, как игру слов. Он говорит, что развитие природных свойств доходит только до того пункта, где обнаруживается способность человека мыслить; здесь натуральное развитие прерывается и уступает место культуре. И вместо того чтобы представлять способность мышления ее натуральному развитию, он прибегает к содействию высшего разума, влияющего на это развитие извне. Это равносильно сознанию, что нельзя довольствоваться натуральным происхождением разума и что необходимо допустить его существование *a priori*. Автору не удастся согласовать сверхъестественное с естественным и тогда, когда он снова развивает прежнюю мысль, что «наши братья, стоящие на более высокой ступени развития», невидимо протягивают нам руку помощи. Напротив того, он придает тому априористи-

ческому понятию мистический отпечаток, указывая на его связь со старым библейским мифом, так что он получает исторический или, вернее, псевдоисторический характер, т. е. характер чуда.

К счастью, это — последнее и единственное чудо, к которому прибегает Гердер в своей философии истории. Уже к остальным частям описанной Моисеем первобытной истории человечества он относится со здравомыслием, свободным от всяких предрассудков. Рассказы о всемирном потопе он считает за народные сказания, которые имеют лишь ограниченное историческое значение. На древние предания он ссылается только тогда, когда находит в них подтверждение таких фактов, достоверность которых кажется ему несомненно доказанной, — как например в подтверждение того, что человеческий род произошел от одной пары, что Азия была колыбелью человеческого рода и первым обширным театром исторических событий.

2. Исторический обзор в третьей и четвертой частях

С самого начала третьей части Гердер становится твердой ногой на историческую почву и делает обзор тех фактов, в которых выразились стремления различных народов к гуманности и к блаженству. Это чисто исторический обзор без всякой примеси сверхъестественного; набросанный широкими штрихами, он состоит из рассказов и характеристик, промеж которых разбросаны размышления автора.

Он начинает с самых древних азиатских государств — с Китая и примыкающих к нему стран. Уже из его остроумной и меткой характеристики «отличительных особенностей китайцев» ясно видно, с каким мастерством он умеет извлекать из массы наскоро прочитанных книг их самое ценное содержание — даже из барды умеет выжимать виноградный сок. Всякий раз как у него находятся под рукой необходимые исторические указания, он умеет так искусно соединять все характеристические черты в одно целое, что описываемый им народ является перед нашими глазами, как живой. Его гений заменяет ему все ученые методы. Он чрезвычайно удачно обрисовывает физиогномию каждого народа и оказывается великим мастером в сравнительной антропологии, когда, по его собственному выражению¹, «приносит на рынок под своим плащом сотни народов». Сведения о древней

¹ К Эйхгорну 7 янв. 1787 г. (С, II, 294).

культуре восточных стран еще были очень скудны в то время; поэтому в тех главах, где идет речь об индийцах, о вавилонянах и ассириянах, о мидянах и персах, исторические очерки недостаточно подробны, даже не совсем верны, точно так же как недостаточно подробны и верны географические карты тех малоизвестных стран. Однако даже в не совсем верных очертаниях видны стиль и мастерство живописца; поэтому и гердеровские характеристики — если смотреть на них в некотором отдалении — поражают нас своими меткими штрихами, в особенности в тех случаях, когда автор объясняет, какое влияние имели географические условия на культуру, на искусства, на образ жизни, на государственное устройство и на историческую судьбу тех народов.

На этот раз автор совершенно теряет из виду аналогию с различными возрастами человеческой жизни: от мидян и персов он переходит к евреям и, таким образом, в первый раз становится на ту почву, которая уже ранее была для него предметом самостоятельных исследований. Но с высоты своей всемирно-исторической точки зрения он смотрит совершенно иными, чем прежде, глазами на ту нацию, которую он когда-то так усердно старался поставить выше всех других наций ради ее поэзии и религии. Он вполне сознательно откладывает в сторону теологическую точку зрения, ограничиваясь замечанием, что «благодаря отчасти христианству, отчасти магометанству эта маленькая нация сделалась чем-то вроде основы для всемирного просвещения». В противоположность с многосторонностью тех точек зрения, которыми он прежде руководствовался при оценке исторических явлений, он выбирает для своих суждений об избранном народе самую неблагоприятную для него точку зрения — политическую. При этом он по-прежнему признает величие иудейского законодателя, но уже не восхищается теократическим духом моисеевского законодательства. Он полагает, что относительно государственного устройства едва ли найдется народ, который играл бы более жалкую роль, чем евреи; он видит в евреях такой «народ, который был испорчен своим воспитанием, потому что никогда не достигал зрелого развития политической культуры на своей собственной почве, а вследствие того ему никогда не было знакомо настоящее чувство чести и свободы». Он не забывает того, что со священными книгами евреев не могут равняться никакие другие священные книги древних народов; но тот же самый писатель, который так часто и с таким увлечением превозносил божественность Библии, теперь положительно утвержда-

ет, что неправильное понимание еврейских священных книг и употребление их во зло были вредны для человеческого разума, тем более потому что «их влияние было основано на уверенности в их божественности».

Мы не будем останавливаться ни на характеристике Финикии и Карфагена, этих «прототипов больших торговых республик», ни на характеристике «священного сфинкса» египтян. Изложение Гердера становится более интересным с переходом к Греции. Описание греческой культуры и греческой исторической жизни принадлежит к числу образцовых очерков в сочинении Гердера. Здесь он соединяет в одно блестящее целое все, что он прежде говорил о греках и что говорил впоследствии. В подробном и богатом историческими данными изложении он тщательно выведывает все подробности и указывает их совокупное влияние; от географического положения и населения Греции он переходит к языку, к мифологии и к поэзии греков, к продуктам их идеального художественного инстинкта, к их нравственно-политической жизни, к их научной деятельности и кончает обзором их истории. На этой нарисованной яркими красками картине лежит блестящий отпечаток непритворного горячего сочувствия. Здесь стоят на первом плане не мрачные стороны народной жизни — как при характеристике иудейского народа, — а светлые стороны. Контраст между этими двумя характеристиками и пристрастное старание автора высказывать вслед за каждым порицанием греков какую-нибудь горячую похвалу свидетельствуют о перевороте, происшедшем в образе мыслей Гердера в течение тех лет, когда он жил в дружбе с Гёте. Еще небольшой шаг вперед — и Гердер очутился бы на той же винкельмановской точке зрения, которую он прежде неоднократно порицал за ее исключительный грецизм. Он не отрекается от тех несочувственных воззрений на греческую жизнь, которые разбросаны в его более старых сочинениях, в «Истории еврейской поэзии» и в особенности в статье о влиянии поэзии, но эти воззрения утрачивают прежний вес при теперешнем направлении его идей. Теперь он на все смотрит с точки зрения «гуманности» и потому находит, что с греками не может равняться никакой другой народ, что и впредь все должны заимствовать от них их образованность и понятия о человечности. Искусство было доведено у них до своего апогея; основанные на патриотизме и просвещении, греческие республики были первым шагом к совершеннолетию человеческого ума; их история была родиной философии истории и наполнена такими событиями, каких не переживал никакой другой

народ; это — единственный в своем роде народ, которому нет подобных на всем земном шаре.

Вслед за характеристикой греческого мира Гердер приступает к однородной с ней характеристике римского мира, и ввиду особого характера этой темы обнаруживает всю силу своего красноречия. Когда Гёте, живя в Риме, читал эти историко-философские диатрибы на серьезную деловитость и мещанскую суровость римской государственной жизни, на жажду славных подвигов, отражавшуюся даже на произведениях римских писателей, на бездушную гордость и бесстыдную смелость повелителей, он находил, что Гердер смотрит на историю римлян как на «историю демонов», а суждения Гердера казались ему поверхностными¹. Причину такого несочувственного отзыва следует искать в том, что Гердер не изменил своих прежних мнений о римлянах. Влияние римского языка и римских государственных учреждений на культуру новейших европейских государств и теперь он находил почти таким же вредным, как в то время, когда настаивал в третьей части «Отрывочных заметок» на необходимости свергнуть иго латинского языка. С точки зрения гуманности римляне не могли внушать ему такого же сочувствия, какое внушали греки. Только преклонение перед душевным величием знаменитых римлян — между которыми Брут был по-прежнему его любимцем, а Цицерон вызывал с его стороны горячие похвалы — служило противовесом для порицаний воинственного духа римского народа. Ему было нетрудно излагать разные философические воззрения на римскую историю, потому что прагматическое направление римских историков ярко освещало внутреннюю связь исторических событий. Кроме того он воспользовался сочинением Монтескье; объясняя, каким образом возникли те государственные учреждения, которые создали военное могущество Рима, и указывая на причины распада этого величественного здания, он придерживался глубокомысленных размышлений французского писателя о причинах величия и падения римлян.

С целью описать возникновение другого величественного государственного здания — «европейской республики», Гердер начинает четвертую часть не совсем связными этнографическими сведениями о народах, принимавших участие в сооружении того здания. В этом очерке автор выдвигает на первый план германские племена и старается объяснить их могущественное влия-

¹ Гёте к Гердеру 27 окт. 1787 г. (*Гёте. Итальянское путешествие // Полн. собр. соч. Гёте / Изд. Гемпеля. XXIV, 421*).

ние — насколько это было возможно при тогдашнем уровне исторических исследований — их характером, географическим положением их родины и их государственными учреждениями. При этом он вкратце упоминает о других народах, негерманского происхождения, также имевших долю влияния на судьбы Европы, и высказывает некоторые замечания касательно географических условий, от которых находилась в зависимости история европейских народов.

Только с седьмой книги автор начинает более глубоко проникать во внутренний смысл исторических событий, потому что здесь идет речь о той «чужеземной религии», которая послужила «странным орудием» для духовных завоеваний и для соединения стольких племен в один народ и на которой зиждется вся европейская образованность. Уже характеристика ветхозаветного народа подготовляла нас к такому воззрению на христианство, какового мы не могли бы ожидать от теологического писателя, от автора «Приложений» и «Объяснений Ветхого Завета» или даже от автора только «Истории еврейской поэзии» и «Теологических писем». Уже в той характеристике, в главе о евреях, шла речь о том, что влияние христианства, основанное на добровольном чисто нравственном сочувствии к его учению, было совершенно извращено, вследствие того что иудеи сделали из христианской религии государственную; тем не менее нас поражает удивлением смелость и последовательность, с которыми Гердер развивает теперь ту же мысль. Его описание земной жизни Христа заключает в себе лишь такие легкие и почти стыдливые упоминания о том, что в ней было сверхъестественного, что он как будто допускает возможность рационалистических воззрений на этот предмет. Происходивший от старинного царского рода Иисус был, по его словам, тот человек, который произвел замечательный переворот в человеческих нравах и в человеческом складе ума. «Сын человеческий поучал не чему иному, как самой неподдельной гуманности, которая служила для него руководством в течение его жизни и которую он скрепил своей смертью. Так как он был духовным спасителем человеческого рода, то он старался сделать людей способными пеcись о благе ближнего из самых бескорыстных побуждений; именно в этом смысле он говорил о царствии небесном, т. е. о таких общественных порядках, при которых гуманность во всем оказывала бы свое влияние. Но Гердер хочет вести речь не о верховном главе и основателе этого царствия, а о христианстве. Он, подобно Лессингу, отличает христианскую религию от религии Христа. Эта последняя имела, по его

словам, в виду благо человечества, но ее передавали другим народам большей частью в виде «веры в Христа», т. е. в виде бессмысленного поклонения его личности и его кресту. Вслед за тем Гердер посвящает длинную главу рассказам о том, что эта религия возникла на иудейской почве из упований иудейского народа, что она подавила иудейство и этим открыла к себе доступ, что заблуждения и злоупотребления скоро примешались к ее чистому учению и приросли к ее корню, что вера в скорое вторичное пришествие Христа упрочила существование новой религии, что ее человеколюбивый дух доставил ей последователей, но в то же время дал ей такое направление, что на все человеческое общество стали смотреть как на «огромный госпиталь» (это выражение заимствовано Гердером от Гёте¹), что обыкновение поручать духовным наставникам управление общиной приучало людей к слепому послушанию, что к обряду крещения примкнули бессмысленные догматические формулы, о которых возникли нелепые споры, что безбрачная жизнь Христа послужила образцом для противоестественных лишений монашеской жизни, что возвешение о предстоявшем наступлении небесного царствия вызвало вредный энтузиазм, и т. д. Здесь идет речь только о вкравшихся в христианское учение извращениях его смысла, но описание этих извращений почти совершенно закрывает от наших глаз хорошие стороны христианства. Можно бы было подумать, что мы читаем произведение одного из тех ревнителей просвещения, которые усматривали в истории христианской религии уклонение от чистой морали Христа, считали эту религию за создание лукавого и властолюбивого духовенства и находили в ней множество вредных суеверий. Разница только в том, что очерк Гердера более гениален, что его краски отличаются свежестью, а его рассуждения глубокомыслием. Хотя он и преклоняется перед личностью Христа как перед идеалом гуманности, но, с другой стороны, его мастерская, нарисованная самыми яркими красками характеристика той религии, с которой связано имя Христа, производит такое сильное впечатление, какого еще никогда не производили ни критики-рационалисты своими декламациями, ни даже легкомысленные скептики, изливавшие на эту религию потоки своей ненависти и своих насмешек². Наш философ даже

¹ Гёте. Итальянское путешествие // Там же. XXIV, 316.

² После чтения четвертой части «Идей» принц Август Готский писал 3 нояб. 1791 г. Гердеру: «Вольтер сделал в своем „Essai sur les moeurs et l'esprit“ все, что можно было сделать в его время, но этого было мало: вы постави-

позволяет себе самые резкие нападки на легкое верование христиан, с которыми не может равняться даже пуническая верность, и на то недомыслие, которое отпечатлелось на каждом христианине в знамение креста. В сущности он выражается не тоном новейших ревнителей просвещения, а тоном такого человека, в душе которого пылкая вера в новую религию гуманности смешалась с очищенными языческими верованиями — с сочувствием к тем изящным формам человеческого существования, которые он превозносил в своем описании греческой жизни.

В том же стиле написаны следующие главы, в которых описано распространение христианства на Востоке, в греческих и латинских провинциях. Автор постоянно старается объяснить, каким образом «капля христианства» упала в море несходных с ним верований и вследствие того вызвала самые странные смешения и брожения идей. Он нападает то на религиозную нетерпимость католиков, отстаивая право еретиков на умственную свободу, то на софистическую форму эллинизированного догматического христианства, которое осуждает во имя здравого смысла и ничем не стесняющегося правдолюбия. Еще за много лет перед тем, еще прежде, чем он увлекся в Бюкебурге мистицизмом, он написал оду к тому христианскому учению, которое было установлено на вселенских соборах¹; в этой оде он предсказывал окончательное торжество свободной гуманности над «призрачным зданием» римского религиозного верховенства, но тщательно скрывал от других эту смелую мысль. Теперь же он открыто вступил в борьбу с «двуглавым чудовищем» официального христианства. И в своих воззрениях на византийско-христианскую империю он руководствовался знаменитым сочинением Гиббона; он даже находил, что суждения английского историка о христианстве «слишком мягки»². Впрочем, и он сам выражается сравнительно мягко, когда говорит о возникновении папства и о том, каким образом дух римских государственных учреждений придал христианству политический отпечаток; с этого пункта его изложение становится более спокойным и более объективным.

ли на ноги тот колосс, члены которого были откопаны Вольтером по одиночке, и вы сходите в мнениях с этим писателем едва ли не чаще, чем думаете и желаете».

¹ LB. III, 11; сравн. с. 332; в своей позднейшей форме это стихотворение помещено в «Воспоминаниях» (II, 156).

² Сравн. отзыв Гамана о Гиббоне (к Гердеру 6 февр. 1785 г. // Соч. Гамана. VII, 207).

Но Гердеру еще предстояло описать влияние христианства среди варваров. Поэтому он в сжатом очерке говорит о переселении северных народов в принадлежавшие Римской империи провинции и делает обзор вновь образовавшихся государств, по временам останавливая свое внимание на каком-нибудь выдающемся историческом явлении, как например на личности Карла Великого. Более обстоятельные суждения (для которых служили подготовкой его прежние исторические статьи¹) он высказывает касательно положения дел в Германии, касательно основ ленной системы и отношений немецких владетельных князей к папской власти. Вслед за тем он делает всестороннюю характеристику римской иерархии, папской политики, принципов и влияния папского владычества. Похвалы, которые он расточал средневековым порядкам в своем небольшом сочинении, написанном в 1774 г., натурально уступили теперь место противоположным воззрениям. Так как в то время Гердер горячо восставал против современного просвещения, то он обращал свое внимание только на блестящую сторону медали, а теперь его понятия о просвещении слились с понятием о гуманности и потому он стал обращать внимание преимущественно на темную сторону медали — он стал смотреть на «грубые, мрачные, варварские» Средние века такими же глазами, какими смотрели на них представители тогдашнего просвещения. К благотворному влиянию, за которое превозносили католическое духовенство в Средние века, примешивалось, по мнению Гердера, много вреда, бессмыслиц и нечеловеколюбивых идей, и даже то, что было хорошего и величественного в здании церковной иерархии, теряло свою цену, потому что в это готическое здание вовсе не проникал дневной свет. Стараюсь проследить те пути, по которым дневной свет стал мало-помалу проникать в это здание, автор переходит к возникновению магометанства, описывает причины упадка арабского владычества и вслед за характеристикой арабской образованности указывает, какое влияние имела эта образованность на направление идей в христианской Европе. Описание торговой предприимчивости и рыцарского духа доводит его до эпохи Крестовых походов. Под влиянием отвращения, которое внушали Гердеру попытки извращать настоящий смысл христианского учения, он с энергией протестует против тех благотворных последствий, которые так часто приписывались Крестовым походам. Он усматривает мало пользы, но много вреда в «безрассудных Крестовых

¹ См.: Т. I. С. 843.

походах» — в этом «священном безумии», распространившемся по Западной Европе подобно моровому поветрию; он отзывается об этом замечательном явлении с таким несочувствием, что здесь яснее, чем где-либо, обнаруживается его способность оценивать положительные результаты исторических событий. «Всякое событие, — говорит он в заключение своей строгой критики, — может приносить существенную и продолжительную пользу только в той мере, в какой в нем играет роль человеческий разум».

Из всего сказанного видно, что Гердер, так часто усматривавшей в жизни человечества влияние иной, более благотворной, силы, чем сила человеческого разума, стал все более и более сходиться в своих мнениях с теми из своих современников, которые принимали за мерило прогресса развитие интеллигенции и распространение образования. Слову «разум» он придает более возвышенный смысл, чем тот, какой ему придавало горделивое самообольщение современников, — но цель последней главы его сочинения заключается только в том, чтобы доказать, что с окончанием средневековой эпохи «нравственные и политические понятия человечества стали мало-помалу очищаться и устанавливаться». Поборниками этой зарождавшейся культуры, основанной на разуме, являются свободные секты реформаторов, аристотелевская схоластика и наряду с ней мистика, законоведение, университеты и в особенности вольные города, в которых развился дух промышленной предприимчивости и общественности, а жители привыкли вести деятельную жизнь и отстаивать свои гражданские права. Важные открытия послужили вспомогательными орудиями для нового направления умов, искавшего для себя опоры в науке и полезных изобретениях, в искусствах и трудолюбии и мало-помалу вытеснявшего поповщину и рыцарство. Настало начало новой эпохи — но на ее пороге остановилась гердеровская история философии.

3. Заключительные историко-философские выводы третьей части

Мы проследили все идеи, которые высказывает Гердер в связи с описанием исторических событий. Они принимают к концу его сочинения все более и более конкретный характер, касаясь преимущественно характеристических особенностей каждого исторического явления. Напротив того, в третьей части «Идей»,

там, где автор останавливает свое внимание на греческой истории, и в особенности там, где он, по его собственному выражению, «останавливается на пороге древней истории как в центре», он делает общие выводы из описываемых им исторических явлений. Этими выводами, служащими дополнением к содержанию двух первых частей, в сущности заканчивается гердеровская философия истории. В первых двух частях он искал для такой философии руководящих идей в человеческой природе и в общих условиях, которыми определяется ход исторических событий; а теперь, после того как им уже сделан довольно широкий обзор жизни различных народов, он ищет подтверждения тех идей в исторических фактах с целью установить общие «законы» исторического развития. Посмотрим же, в какой мере эта новая нить идей примыкает к ранее изложенным соображениям.

Нить идей о развитии культуры была связана с концом второй части «искусственным», т. е. сверхъестественным, способом. Напротив того, философия третьей части «Идей» не прибегает ни к чему сверхъестественному, точно так же как философия второй части вовсе не заглядывает в другой мир. Якоби не нравилось в этой второй части «нечто похожее на смесь физики с теологией»¹. Теперь эта смесь исчезла в ущерб теологии. Автор снова и исключительно становится на точку зрения естествознания, хотя и ведет речь не об этнографических отличиях одного народа от другого, а о неразрывной связи между историческими событиями. Он считает за «основной закон» истории то же положение, которое уже не раз встречалось нам в его лучших исторических сочинениях, — что история есть натуральный продукт человеческих способностей, находящихся в зависимости от местных и временных условий, и что на нашей земле могло происходить только то, что было по силе тем факторам. В исторических событиях действует тот же закон, который мы усматриваем во всех явлениях природы. Вся история человечества есть не что иное, как «натуральная история человеческих способностей, деяний и влечений, подчиняющихся влиянию местных и временных условий». Для точки зрения, которой старается придерживаться Гердер, очевидно, служит идеалом та точка зрения естествоиспытателя, которой его приводил в восторг его друг Гёте. Он требует, чтобы человеческий разум исследовал исторические явления точно так же, как он исследует явления природы. Он требует, чтобы в описании исторических событий господствовало самое

¹ К Гаману 12 сент. 1785 г. (*Гильдемейстер*. V, 105).

безусловное правдолюбие, чтобы при оценке этих событий постоянно имелась в виду их внутренняя связь. Он говорит, что для объяснения какого-либо наличного факта не следует прибегать к другим несуществующим фактам, что следует «ясно видеть вещи такими, каковы они на самом деле», потому что тогда ясно обнаружится и причина, почему они не могут быть иными. По мнению автора, здравая философия должна держаться именно этого пути, указанного натуральной историей и математикой также для историографии.

Эта «здравая философия» не допускает ни субъективных воззрений, ни идеалистического бреда. Поэтому она энергически восстает и против возможности чудотворного вмешательства сверхъестественной силы в естественный ход событий и против всяких попыток объяснять ход исторических событий вымышленными целями. Нападки на такие ошибочные теологические воззрения на историю встречаются с начала до конца третьей части. Мы не должны, говорит Гердер, «отыскивать в исторических явлениях какие-то тайные, не известные нам предначертания». В другом месте он говорит: «Философия конечных целей не принесла для натуральной истории никакой пользы — она удовлетворяла своих последователей не научными исследованиями, а иллюзиями; какую же пользу могла бы она принести для человеческой истории, цели которой расходятся в тысячи различных сторон!» Вместо вопроса «для чего» следует ставить только один вопрос: «почему»; конечные цели могут быть только продуктами вымысла; можно исследовать только действующие причины. «Почему появились на свете просвещенные греки? — Потому что *появились* и при данных условиях не могли быть иначе как просвещенными. Почему Александр двинулся в Индию? — Потому что он был сын Филиппа, потому что его наводили на такой смелый замысел введенные его отцом учреждения, геройский дух его нации, его собственный возраст и его характер, его увлечение произведениями Гомера и т. д. При этих условиях он не мог придумать ничего лучшего». Далее: для чего существовал Рим, для чего его владычество и его язык распространялись по всей земле? Не для того ли, чтобы расчистить путь для распространения христианской религии? На этот вопрос Гердер отвечает: «В той же мере, в какой я безусловно признаю благотворное влияние этой религии на весь человеческий род, я убежден, что ради нее ни один шоссейный камень не был положен римлянами». Всякое событие, всякий шаг в сфере культуры совершается не ради чего-либо другого, а ради самого себя. На

всемирно-исторические явления не следует смотреть как на средства для осуществления заранее намеченной цели; на них даже не следует смотреть как на ступени в постепенном развитии. Например, мы должны отказаться и от того ошибочного мнения, будто римляне выступили на историческую сцену, для того чтобы служить вслед за греками еще более совершенным звеном в нити культурного развития. Иными словами, Гердер — если мы верно его поняли — придерживается мнения, что в истории нельзя указать ни определенной цели, ни прогресса.

Не говоря уже о том, что, вследствие твердой решимости не допускать в объяснении исторических событий ничего сверхъестественного, автор мог лишь искусственным способом связать со своим изложением начало развития культуры, — разве он не впадает в противоречие с самим собой, признавая невозможность указать в истории определенную цель и прогрессивное развитие, после того как он в первой части «Идей» доказывал, что в природе совершается направленное к определенной цели развитие низших организмов, стремящихся сравняться с человеческим организмом? Если человек служит высшей целью для природы, то разве можно допустить, что в истории человеческих деяний нет ни цели, ни последовательности, ни смысла?

Сам Гердер ясно сознавал и невозможность устранить этот вопрос, и трудность его разрешения. Он начинает пятнадцатую книгу «Идей» скептически-пессимистическими размышлениями о тленности всего земного, о тщете всех человеческих деяний и стремлений, о том, что в этом мире зло одерживает верх над добром. Однако все дальнейшее содержание названной книги состоит из попыток разрешить возникшие недоразумения. Только наружная сторона всемирных событий, говорит Гердер, может возбуждать такие недоразумения; если же мы глубже вникнем в смысл тех событий, то мы придем к убеждению, что и в истории есть мудрая цель, что самые разнообразные деяния и судьбы человечества сводятся в один стройный порядок.

Посмотрим, каким путем Гердер приходит к этому выводу.

Не следует, говорит он, смешивать вымышленные цели с теми, на которые указывает самая сущность вещей. Цель всего, что является не простым безжизненным средством, и, стало быть, цель всех произведений природы кроется в них самих. Поэтому и цель человечества определяется его сущностью, а ранее уже было указано, что мы созданы от природы для гуманности. Такова же и цель истории. Так как человек не руководствуется инстинктом, а действует свободно по внушению своего рассуд-

ка, то и достижение вышеуказанной цели зависит от него самого; но при этом для него служат опорой священные, вечные естественные законы. Самый всеобщий из этих естественных законов заключается в том, что божественные силы самой природы вносят в путаницу порядок, а этот факт истекает из того особого закона, что охранительные силы берут верх над разрушительными. В истории совершается то же, что и в природе. В силу благотворного закона природы, и в человеческом роде гораздо менее разрушителей, чем охранителей. Человеческий рассудок, с течением времени все более и более подчиняющийся этому закону, наконец когда-нибудь достигнет того, что число разрушительных демонов будет постоянно уменьшаться, а человеческий род будет находить новые средства, чтобы делать безвредным то, чего не была в состоянии искоренить сама природа; разнообразные искусства и изобретения являются вспомогательными средствами для того, чтобы сдерживать как вредные влияния в природе, так и вредные страсти в сердце самих людей. Но то положение, к достижению которого все стремится и в природе, и в истории, можно определить еще с большей точностью, можно доказать, что сущность гуманности объясняется самыми общими законами всякого бытия. А именно: математическое естествознание (здесь Гердер руководствуется мнениями Ламберта, умалчивая об этом позаимствовании) признает «несомненно доказанное существование закона», что сущность и свойства каждого предмета, его внутренние совершенства и красота зависят от известного максимума и от известной соразмерности действующих в нем сил. Этот закон имеет силу как в самых несложных предметах, так и в самых сложных, представляющих собой целую систему действующих сил. Кроме того доказано, что всякий предмет, вытесненный из своего естественного положения, стремится возвратиться в него. И человек — и не только каждый индивидуум, но также каждое человеческое общество, каждая нация и наконец все человечество — нечто иное, как натуральная система самых разнообразных жизненных сил. Поэтому и здесь, как в частностях, так и в целом, существуют максимум и соразмерность взаимно сдерживающих одна другую сил, от которых зависят свойства, а вместе с тем и жизненные наслаждения индивидуумов, наций и всего человечества. Хотя этот максимум, т. е. степень культурного развития той или другой нации, изменяется сообразно с местными и временными усилиями, но его общая норма заключается в отличительном принципе человечества. Этот принцип заключается в гуманности, т. е. в разуме и в спра-

ведливости. Человечество стремится к этой цели не всегда с одинаковой энергией, не всегда при одинаковой соразмерности действующих сил. Равновесие между этими силами беспрестанно нарушается, но человечество постоянно делает самые напряженные усилия, чтобы восстановить его: нить исторических событий похожа на ломаную линию то с выступающими наружу, то с врезывающимися внутрь ее углами. Тем не менее эта нить постоянно тянется далее и ведет все к более и более высокому максимуму гуманности. Мы постоянно «плывем дальше». Каждый день и каждое столетие служат поучениями для следующего дня и для следующего столетия. Распространение людей по земной поверхности расширило их кругозор. Человеческая изобретательность, обнаруживающаяся в искусствах и в науках, кладет все более прочные основы для цивилизации и придает все более высокое значение понятиям о гуманности. Только разум и справедливость долговечны — и «никак нельзя назвать иллюзией надежду, что повсюду, где живут люди, когда-нибудь будут жить разумные, справедливые и счастливые существа, а каждое из них будет счастливо не только благодаря своему собственному рассудку, а также благодаря рассудку всего человеческого рода».

Такова нить гердеровских идей. Но кто же не заметит, что в ней даже приблизительно нет той цельности, с какой автор описывал в первой части «Идей» постепенное развитие всех земных существ до человеческого организма? Мотивы натуралистические и рационалистические переплетаются одни с другими и служат опорой одни для других. Только из свойств разума можно бы было извлечь доказательства того, что в человеческом роде совершается дальнейшее развитие разума, но автор не делает ни малейшей попытки исследовать эти свойства. Напротив того, он усматривает в истории преобладающее влияние естественных законов; и хотя те естественные законы, на которые он указывает, служат, по его мнению, объяснением постоянно возобновляющегося развития, процветания и упадка, постоянно возобновляющихся стремлений к совершенствованию, но он не указывает такого абсолютного максимума человеческих совершенств, который можно бы было считать за конечную цель человеческой истории. Он высказывает только надежду, что существует такая цель, — надежду, основанную на убеждении, что как в природе, так и в судьбах человечества всем руководит благодать Божья и что тот же самый Бог, который внес такой стройный порядок во все мироздание, разрешит и диссонансы, обнаруживающиеся в истории. Итак, его доказательства отзываются тоном церковной

проповеди, а его философия истории начинает походить на благочестивую веру. Хотя он и высказывает смелую догадку, что с течением времени — когда внутренняя связь между различными историческими периодами сделается более наглядной — можно будет доискаться законов, по которым совершается историческое развитие, но мы тщетно стали бы искать у него точных указаний на те принципы, которыми следует руководствоваться при таком исследовании. Наконец и те естественные законы, на которые он ссылается, разве достойны названия естественных законов? Они частью остаются недоказанными, частью изменяют свой смысл, когда переносятся с естественной почвы на почву исторических явлений. Автор подводит исторические явления под мнимые естественные законы, предварительно придав этим последним нравственный смысл. Действительно, его старание доказать, что развитие гуманности есть необходимый результат естественных законов, сводится к теории нравственности. Естественные законы превращаются у него в следующий нравственный закон: «пусть человек устраивает свое положение сообразно с тем, что он признает за лучшее!» История постоянно поучает нас, что человек должен стремиться к развитию своего рассудка и понятий о справедливости, иначе он будет страдать от последствий своих заблуждений и будет несчастлив по своей собственной вине. Поэтому гуманность представляется нам чем-то вроде проблемы, а история задает нам требующие разрешения задачи. Хотя Гердер и ссылается на заимствованные у рационализма доказательства того, что разум и понятие о справедливости совершенствуются с течением времени, но сущность его идей все-таки заключается в том основном положении, что история всех народов есть «школа, в которой ученики бегают взапуски в надежде удостоиться самого изящного венка за гуманность и за человеческое достоинство». Будь прилежен и бодр в этой школе, читаем далее, старайся достигнуть того венка, сознавая твоё назначение, указанное самой природой, осуществляй путем свободы то, что совершается низшими существами бессознательно, тогда ты будешь вправе надеяться, что и ты содействовал наступлению лучших времен; мало того, тогда ты будешь наслаждаться тем счастьем, которое дается разумом и добродетелью.

Действительно, можно сказать, что философия истории служит для Гердера соединительным путем между его натуралистическими воззрениями и нравственными.

V. Внешняя и внутренняя история изложения «Идей»

Из сделанного нами анализа ясно видно отсутствие внутренней связи между различными частями капитального сочинения Гердера. «Идеи» далеко не отличаются цельностью своего содержания. Перед нами точно будто развернута географическая карта страны, берега которой, по-видимому, часто врезаются в море в виде длинных полос земли; но, взглядываясь ближе, мы замечаем, что эти полосы земли — острова, отделяемые от континента морскими волнами.

Главную внешнюю причину этого факта следует искать в том, что Гердер писал свое сочинение по частям и переходил от одной части к другой после продолжительных перерывов. Итак, дополним изложенную нами историю возникновения «Идей» историей их продолжения!

Ко второй части своего сочинения Гердер приступил немедленно вслед за окончанием первой¹, но надежда окончить ее в течение лета 1784 г. не осуществилась по причине и физического, и душевного расстройства². Только в начале декабря Гердер снова принялся за эту работу, несмотря на головные боли и на плохое состояние здоровья. Так как ему хотелось скорее довести работу до конца, то ему казалось, что она не двигается с места³; но она быстро подвигалась вперед, благодаря тому что содержание первых книг второй части было давно готово; 19 декабря он уже мог познакомить Кнебеля с содержанием шестой книги, которой начинается вторая часть; а благодаря одобрению и поощрению со стороны Кнебеля и Гёте и две следующие книги были готовы через несколько недель⁴. К содержанию этих книг, в которых еще шла речь о естествоведении, относятся следующие слова Гёте в письме от 20 февраля 1785 г.: «Касательно всего содержания этих книг я говорю „да и аминь!“ Нельзя было сказать

¹ См. уже ранее цитированное письмо Каролины к Глейму от 12 апр. 1784 г. и письмо Гердера к Гаману от 10 мая того же года. Хотя в этом последнем письме и сказано, что вторая часть «уже написана», но эти слова не следует понимать в их буквальном смысле.

² К Эйхгорну 23 июня 1784 г. и к нему же 1 авг. 1784 г. (а не 1783 — С, II, 279, как это видно из сравнения с письмом Гейне к Гердеру от 4 июля 1784 г. — С, II, 197); Каролина к Глейму 23 июля 1784 г.

³ Каролина к Г. Мюллеру 12 дек. 1784 г. (*Gelzer*. XIV, 106); В конце письма Гердера к Якоби 20 дек. 1784 г. (А, II, 266, сравн. 262).

⁴ *Knebels litt. Nachl.* II, 297; II, 268; Гёте к Гердеру (А, I, 83).

ничего лучшего на тему: так возлюбил Бог созданный им мир! Все это очень хорошо изложено, а то, чего ты не мог или еще не хотел высказать, прекрасно подготовлено и удачно прикрыто». Но когда Гердер дошел до девятой книги — до того пункта, откуда начинается переход к зачаткам культуры и нить его идей круто поворачивает в другую сторону, — можно было опасаться за продолжение начатой работы. Глава «о женщинах» сильно надоела ему, и он с большим трудом осилил главу «о правительствах». Он находит негодным то, что написал; он сознается, что не в состоянии написать ничего лучшего и наконец решается положить на усмотрение Гёте¹. Из уцелевших листков более старого изложения ясно видны колебания Гердера, а Гаман вполне основательно указывал слабые стороны той формы изложения, на которой наконец остановился Гердер². Между тем у автора пропала охота заниматься этой работой; из «лени» он покуда оставляет последнюю книгу ненаписанной; медленность типографии служит для него предлогом, чтобы снова приостановить типографскую работу; иными словами, вторая часть не была готова к назначенному сроку на Пасхе, и только вследствие настоятельных просьб издателя могла выйти в свет к Иванову дню; Гердер разослал ее своим друзьям не ранее конца августа, после своего возвращения из поездки в Карлсбад³.

После окончания второй части Гердер приступил к обработке третьей части лишь через полтора года. Он всего более работал в течение зимних месяцев, но зимой 1785/86 г. у него достало охоты и сил только для посторонних занятий. В письме к Георгу Мюллеру он жаловался на то, что не находит в своей душе ни пружин, ни нервов, что он как будто превратился в камень, что ему приходится приневоливать себя к труду, но что это ни к чему не ведет⁴. Поэтому и собранный для продолжения «Идей» материал покуда оставался нетронутым; автор надеялся «приступить

¹ К Кнебелю 2 марта 1785 г. (Litt. Nachl. II, 240) и через несколько дней после того (Там же, 310). К Якоби 25 февр. 1785 г. (А, II, 268).

² Гаман к Гердеру 9 нояб. 1785 г. (Соч. Гамана. VII, 291); Гаман к Якоби в половине нояб. 1785 г. (Gildem. V, 136).

³ Каролина к Глейму 10 апр. 1785 г. (С, I, 110) и к Г. Мюллеру 24 апр. 1785 г. (Gelzer. XIV, 109); Гердер к Гарткноху 14 апр. 1785 г. и ответ Гарткноха от 1 мая (С, II, 99). — Возвратившись из Карлсбада 3 августа, Гердер послал новую книгу Глейму 22 августа (С, I, 112). Уже 4 авг. он извещал Гамана, что книга выслана ему из типографии (Соч. Гамана. VII, 271); сравн. письма к Эйхгорну (С, II, 291), к Кнебелю 28 авг. (Litt. Nachl. II, 249) и ответ Кнебеля от 13 сент. (С, III, 21); Якоби к Гердеру 3 сент. (Избранная переписка. I, 390).

⁴ В дек. 1785 г. (Gelzer. XIV, 113, 115).

к его разработке втихомолку», кода найдет более удобное для того время¹. Он писал 15 января 1786 г. Гарткноху, что третью часть никак не может приготовить к Пасхе и будет очень доволен, если окончит ее к дню св. Михаила. В то же время он говорил о своем намерении написать вместо продолжения «Идей», как бы в зачет того, что обещал издателю и публике, небольшое сочинение, которое будет служить «приложением ко второй части, но по своему содержанию не могло быть включено в ее состав»². Но для этого приложения не нашлось свободного времени; и третья часть не была готова к дню св. Михаила. Гердер был с Пасхи занят важным служебным делом — полным преобразованием находившейся под его надзором гимназии; весной возобновились его старые физические недуги, и ему пришлось снова отправиться в августе в Карлсбад. Только благодаря благотворному действию карлсбадских вод он был в состоянии снова приняться за свое капитальное сочинение зимой 1786/87 г.; он чувствовал себя более здоровым, чем в течение предшествовавших зим, и мог работать «с таким сосредоточенным вниманием и с таким спокойствием, с какими едва ли мог работать над которым-либо из своих прежних сочинений»³. Причиной такой сосредоточенности отчасти было и одиночество, на которое он был обречен отъездом Гёте. В третьей части ему приходилось вести речь большей частью о таких предметах, с которыми он уже давно был близко знаком, — о древне-восточном мире, о греках и о римлянах; кроме того ему нужно было изложить окончательные выводы из его основной философской идеи. Вторую часть он писал и с перерывами, и неохотно, а эту третью часть он написал без остановок, хотя и не без труда, но с таким трудом, который, по его собственному признанию, «в избытке вознаграждался внутренним удовольствием». Понятно, что эта часть была особенно тщательно отделана и получила одинаковый с первой частью отпечаток. В конце апреля 1787 г. автор уже получил первый отпечатанный экземпляр⁴, а на всю работу он употребил не более четырех месяцев.

¹ К Гейне 9 янв. 1786 г. (С, II, 199).

² С, II, 100 и сл. — И в ненапечатанных письмах Гарткноха от 12 июля и от 15 ноября 1786 г. делаются запросы касательно третьей части «Идей».

³ К Эйхгорну 7 янв. 1787 г. (С, II, 294); то же писал он еще 22 дек. 1786 г. Глейму (С, I, 122).

⁴ Он послал новую книгу Эйхгорну 25 апр. (С, II, 294), Гейне — 28 апр. (С, II, 204), Якоби — 7 мая (А, II, 285), прося этих друзей откровенно высказать их мнение в особенности касательно последней книги, самой важной в философском отношении. Мюллера он просил (30 апр.; это письмо пропущено у Гельцера) сообщить ему отзыв Иоанна Мюллера.

Четвертая часть требовала более усиленной работы, потому что должна была заключать в себе обзор чрезвычайно длинного промежутка времени со введения христианской религии до конца XIV столетия¹. Гердер говорил, что эта часть будет «настоящим котлом ведьм, наполненным дикими народами и веками варварства»². И стоило ли труда вносить свет в этот хаос? Разве это имело какую-нибудь связь с главной целью Гердера изложить философию истории и проследить в стремлениях различных народов развитие понятия о гуманности? Но как бы то ни было, а эта важная задача не давала Гердеру покоя. Он сам признавался, что по горло погрузился в то, что намеревался писать. В другом письме он говорил, что уже в течение полугода — т. е. с тех пор, как он довел до конца третью часть, — новая часть до такой степени лежала у него на сердце, что могла бы вытечь ключом из-под его пальцев, но что он все еще не мог приступить к работе³. Однако вслед за тем, а именно с декабря 1787 г., он взялся за обработку собранного материала, несмотря на бремя непрекращавшихся служебных занятий. Он неоднократно жаловался на трудность этой работы, с которой возился в течение всей неслосной зимы⁴. Из того, что он сообщал о ходе своих занятий своему другу в Шафгаузен, и из его переписки с Кнебелем видно, что в короткий промежуток времени от начала декабря до половины февраля 1788 г. он написал первые три книги, — и мы готовы удивляться такой быстроте вместе с Кнебелем, который прежде всех других был и читателем, и цензором нового сочинения⁵. Но работа Гердера подвинулась еще далее — после разговора с Гердером в мае 1788 г. Шиллер уверял, что хотя издание четвертой части «Идей» и замедлилось, но что эта часть уже «давно готова»⁶. Действительно, она уже была почти совершен-

¹ К Г. Мюллеру 30 дек. 1787 г. (*Гельцер*. С. 119).

² К Глейму 15 дек. 1787 г. (С, I, 133).

³ В только что упомянутых письмах к Мюллеру и к Глейму; сравн. также письмо к Мейеру в дек. 1787 г. (*Zur Erinnerung an F. L. W. Meyer*. I, 173).

⁴ К Г. Мюллеру, 3 февр. 1788 г. (*Гельцер*. С. 121 и сл.); весной 1788 г. к Эйхгорну (С, II, 297); сравн. также письмо Гердера к Каролине 27 дек. 1788 г. (В, 206); говоря о том, что происходило в начале года, Гердер писал: «Я пишу четвертую часть „Идей“».

⁵ Из письма, которое он написал Мюллеру в февр., видно, что 3 февр. он уже окончил главу о переселении народов, а глава об арабах была уже готова в его уме. Из писем к Кнебелю от 13 и от 22 янв., и от 11 февр., равно как из ответов Кнебеля (сравн. также переписку Кнебеля с его сестрой Генриеттой, с. 76), видно, что около того времени он давал Кнебелю читать в рукописи 16-ю, 17-ю и 18-ю книги.

⁶ Шиллер к Кёрнеру 17 мая 1788 г. (Переписка Шиллера. I, 297).

но доведена до конца. Гёте читал ее с сочувствием и с одобрением в рукописи, во время поездки Гердера в Италию. Он читал ее для самого себя, но кроме того читал вслух главу о христианстве для принца Августа и для герцога, а главу предпоследней книги об истории церковной иерархии — для герцогини¹. Следует полагать, что во время продолжительного перерыва по случаю поездки в Италию (от 6 августа 1788 до 9 июня 1789 г.) оставалась ненаписанной только последняя, двадцатая, книга, и кроме того требовался пересмотр всего сочинения. Шиллер — до которого дошел слух, будто Гердер «совсем сбился с толку» в своих суждениях о христианстве, — высказал догадку, что выходу четвертой части препятствуют «неприятные для Гердера причины». Но эта догадка, конечно, была неосновательна: ведь веймарскому генерал-суперинтенданту едва ли могло быть дело до того, что именно в то время с берлинским двором случился припадок ортодоксии². Задержка вышла только от того, что уже наступила Пасха, а четвертая часть еще не была готова для печати³. Через три года после того, извещая своего шафгаузенского друга о предстоящем выходе новой книги, Гердер писал, что эта книга была им написана еще до поездки в Италию, а теперь он только заново переделал ее и окончит ее как может⁴. Доброму Гарткноху не было суждено дожить до этого окончания. Когда Гердеру пришлось 29 марта 1790 г. снова оправдываться в задержке четвертой части, то он адресовал свое письмо уже не самому Гарткноху, а его сыну⁵. Что он наконец нашел время для окончательной редакции сочинения, следует приписать, бесспорно, настояниям Георга Мюллера в письме от 30 августа 1790 г.⁶ В течение 1790 г. Гердер был постоянно болен и приступил к окончательной редакции не прежде января 1791 г.⁷ Но ему пришлось работать при крайне неблагоприятных условиях: бремя служебных

¹ Гёте к Гердеру в начале сент. (А, I, 94); Каролина к Гердеру (В, 28, 29, 73) и от 29 авг. 1788 г. (Там же, 49) и от 15 мая 1789 г. (Там же, 373).

² *Julian Schmidt*. Einleitung zu der Brockhausischen Ausg. der Ideen. С. LXXV.

³ Гарткнох к Гердеру 29 сент. 1787 г., 3 февр. 1788 г., 9 мая и 18 нояб. 1788 г. (С, II, 105); 14 янв. 1789 г. (Там же, 106).

⁴ 4 апр. 1791 г. (*Гельцер*. 212).

⁵ В подлиннике читаем: «Я был бы очень рад, если бы успел окончить четвертую часть „Идей“ к пасхальной ярмарке, но это оказалось невозможным. Я примусь за эту работу, как только это окажется возможным, а покауда я уведомил о том же рудольштадтскую типографию Шираха».

⁶ Это письмо см.: *Preussische Jahrbücher*. XXIX, 44.

⁷ Письмо Гердера к Кнебелю от 7 янв. 1791 г. (*Knebels Litt. Nachl.* II, 261).

занятий сделалось для него вдвое более тяжелым вследствие болезни председателя консистории, а после смерти ректора Гейнце ему пришлось взять на себя заведование гимназией — так что ему оставалось чрезвычайно мало свободного времени. «Все-таки, — писал он 6 марта 1791 г. Кнебелю, — у меня достало духу, чтобы заниматься в редкие свободные часы четвертой частью „Идей“, которую я уже довел до третьей главы. Но я с крайним трудом справляюсь с громадной шириной моей задачи и ничем не остаюсь доволен». По прошествии одного месяца половина книги уже была готова¹, а по прошествии еще шести недель Каролина извещала издателя, что ее муж занят окончанием сочинения. Но медленность печатания и предпринятые в июне и в июле поездки на воды сделались причинами новой и последней отсрочки². Вот почему Гердер работал над этой книгой до конца сентября и мог разослать ее друзьям не прежде конца октября и начала ноября³. Он постоянно упоминал в своих письмах об утомлении, которое причиняла ему работа. «А я, — писала Каролина Глейму, — находила большое удовольствие в том, что мало-помалу читала моему мужу его рукопись; да и для него это служило отдыхом от его служебных занятий». Гёте был того мнения, что после своего возвращения из Италии Гердер придаст новому сочинению лишь внешний блеск, но ничего не изменит в своих основных идеях, которые так неподражаемо верны и хорошо изложены⁴. Действительно, сравнивая напечатанное сочинение с тем, что сохранилось от первоначального чернового изложения, мы приходим к убеждению, что Гердер не сделал в своем сочинении никаких существенных изменений после своего итальянского путешествия. Но мы тщетно стали бы искать и того внешнего блеска, о котором говорил Гёте, — если разуместь под этим словом тот отпечаток, который он придал своей «Ифигении», живя под итальянским небом. Хотя некоторые отрывочные замечания и напоминают нам о том, что автор видел собственны-

¹ Каролина к Г. Мюллеру 4 апр. 1791; начало письма, не попавшее в сборник Гельцера (XIV, 211), напечатано в: *Preussische Jahrbücher*. XXIX 44 и сл. Каролина писала, что книга будет готова к Пасхе, а в тот же день (*Гельцер*, 212) Гердер писал, что она будет готова к Иванову дню.

² Каролина писала 15 мая 1791 г. Гарткноху-сыну, что, по причине предпринятая Гердером путешествия, печатание новой книги должно быть приостановлено с 7 июня до второй половины июля.

³ Каролина к Г. Мюллеру 13 нояб. 1791 г. — Книга была отослана 31 окт. Эйхгорну и Гейне (С, II, 301 и 216), 6 нояб. Глейму (С, I, 144), 13 нояб. Г. Мюллеру.

⁴ Каролина к Гердеру 29 авг. (В, 49).

ми глазами «древнюю царицу мира» и «мирный храм уцелевших древних сокровищ», но он оттуда не привез более ярких красок для характеристики римской иерархии. До какой степени было ничтожно влияние его итальянского путешествия на окончательную отделку его сочинения, мы увидим далее при описании этого путешествия. Поэтому и четвертая часть «Идей» должна быть отнесена к доитальянскому периоду в жизни Гердера.

Теперь нам предстоит познакомиться с внутренней историей продолжения «Идей», с влияниями совершенно иного рода — с внутренними причинами тех колебаний, которые происходили в уме Гердера после окончания второй части «Идей».

Новое сочинение Гердера принадлежит к той важной эпохе в истории нашего отечества, когда желание изучать философию было сильно возбуждено с двух противоположных сторон и когда философские воззрения получили твердую определенность. Появление кантовской «Критики чистого разума» вызвало решительный переворот в научном мышлении, а Якоби снова обратил внимание своих современников на систему Спинозы, почти совершенно позабытую по причине неправильного ее понимания и по причине незнакомства с ее содержанием. Юному критицизму предстояло испробовать его силы и выказать его влияние в борьбе со снова пробудившимися влечениями к безусловному догматизму.

Так как Гердер когда-то был учеником Канта и уже давно стал изучать произведения обесславленного Спинозы, то его намерение писать философию истории неизбежно вовлекало его в двойной поток философских идей — в тот, который исходил от автора «Критики чистого разума», и в тот, который исходил от автора «Этики». Прежде всего посмотрим, как он боролся с идеями Канта и с, другой стороны, каким образом его философия истории доставила критицизму случай проникнуть в новые для него сферы.

Нам положительно известно, что «Критика чистого разума» находилась в руках Гердера с начала 1782 г.¹, но мы не имеем ни малейших указаний на то, что он уже изучил ее в то время, или даже на то, что он прочел ее. Он сначала не считал нужным зада-

¹ В ненапечатанном месте из письма от 11 июня 1781 г. к Гарткноху Гердер говорит, что намеревается выписать «Критику» от Гертеля (гарткноховского комиссионера в Лейпциге), а 10 февр. 1782 г. Каролина писала Гарткноху, что Гертель прислал «Критику». О присылке кантовских «Prolegomena» и основ метафизики нравов Гердер просил в ненапечатанном месте из письма к Гарткноху от 15 мая 1786 г.

вать себе такой труд, без сомнения, потому, что подчинялся влиянию Гамана. Этот последний, с жадностью прочитавший сочинение Канта, лишь только оно вышло из печати, писал Гердеру, что это не что иное, как «новый органон скептической тактики», лишь с той разницей, что «прусский Юм» не признает юмовский принцип веры, а между тем, сам того не сознавая, фантазирует о пространстве и времени не лучше Платона, — что у Канта всё в конце концов сводится к школьному педантизму и к бессодержательным фразам, что трансцендентальная болтовня о чистом разуме основана на образе выражения, что образ выражения — «Deipara чистого схоластического разума», его органон и критерий, а предание составляет второй элемент¹. После того как северный чародей «сдал в архив» свою наскоро написанную рецензию кантовского сочинения, он, по желанию Гердера, высказал свое мнение об этом сочинении в статье, которую он предоставил в распоряжение Гердера и которая носила следующее заглавие: «Метакритика о пуризм чистого разума»². Эта статья имеет две стороны — отрицательную и положительную. В первом отношении Гаман утверждает, что Кант старается доказать независимость разума не только от всяких преданий, но также от всяких указаний опыта, даже от всякой материи, и вместе с тем старается при помощи чистого разума превратить метафизику в систематически составленный инвентарь всех наших умственных богатств; эта теория сводится, по мнению Гамана, к лишенному твердой почвы формализму, а с другой стороны, — вследствие отдаления чувственности от разума, — к насильственному и ни на чем не основанному разобщению того, что неразрывно связала сама природа. Положительная сторона «Метакритики» заключается в том, что Гаман возводит происхождение разума к происхождению языка, так как при этом воззрении чувственность и разум соединяются самым удачным образом в силу предназначения свыше. И в то время, и в более позднюю пору своей

¹ Гаман к Гердеру 27 апр. 1781 г. (Соч. Гамана. VI, 181) и 10 мая 1781 г. (Там же, 186); сравн. его письмо от 8 дек. 1783 г. (Там же, 365).

² Гаман к Гердеру 5 авг. 1781 г. (Соч. Гамана. VI, 201). К сожалению, до нас не дошли те письма, в которых Гердер поощрял Гамана написать эту статью; что Гердер писал такие письма, мы знаем из ответных писем Гамана. «Ваши поощрения, — писал Гаман 8 дек. 1783 г. (VI, 365), — снова внушили мне охоту заняться моей метакритикой о пуризме чистого разума»; а 26 янв. 1784 г. (VI, 370) он писал: «Вследствие сделанного в вашем последнем письме намека я мучил себя над метакритикой о пуризме разума». — Его рецензию см.: Соч. Гамана. VI, 45 и сл., а метафизику: Там же. VII, I и сл.

жизни, Гердер смотрел с точки зрения гамановского комментария на самое выдающееся явление в новейшей немецкой философии. Не кантовская «Критика», а гамановская «Метакритика» была его философским евангелием. Посылая это последнее произведение Якоби, он писал, что для понимания гамановской статьи следует «пробежать» сочинение Канта¹. По-видимому и он сам внимательно изучал содержание гамановской статьи, а сочинение Канта только «пробежал».

Но Кант не отнесся к произведению своего бывшего ученика с таким же невниманием, с каким этот ученик отнесся к его капитальному сочинению. После окончания своей «Критики» и своих «Prolegomena» он приступил к изложению практической части своей философии и, таким образом, очутился в той самой сфере, к которой принадлежали гердеровские идеи о философии истории. Он был в числе тех, кому Гаман поспешил прислать только что вышедшую первую часть «Идей»². Ему также предстояло обсудить ту тему, которая служила содержанием для «Идей»: ведь он предполагал развивать свою теорию из чисто разумной и, стало быть, свободной воли, а когда ему пришлось бы доказывать, что безусловное требование этой свободы совместимо с фактической определенностью нашей деятельности в сфере внешних явлений, то сам собой возник бы вопрос о внутреннем значении исторических событий. Облегчалась ли бы ему эта задача вследствие появления гердеровского сочинения? Как бы то ни было, но он посвятил разбору этого сочинения особую статью, которая была напечатана в ноябрьском номере берлинской «*Monatsschrift*» 1784 г. под следующим заглавием: «*Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*»³. Кант излагал в этой статье следующие воззрения: так как в своих деяниях, из которых слагается история, люди не руководствуются, подобно животным своим инстинктом, и не руководствуются, подобно чисто разумным существам, заранее обдуманном планом, то возникает вопрос, можно ли и в истории точно так же, как во всяком другом явлении природы, указать конечную естественную цель. Этот вопрос имел очевидное сходство с тем вопросом, которым был занят Гердер, — к чему предназначен человек от природы. Исходя из основного положения (которое было согласно и с убеждениями Гердера), что все природные способности дарованы жи-

¹ Гердер к Якоби 2 нояб. 1784 г. (А, II, 260).

² Гаман к Гердеру 6 авг. 1784 г. (Соч. Гамана. VII, 148).

³ С. 386 и сл.; Соч. Канта / 1-е изд. Гартенст. IV, 291 и сл.

вым существам, для того чтобы когда-нибудь достигнуть полного и целесообразного развития, Кант утверждает, что под это правило должны подходить и природные способности человека. Но так как у него идет речь об истории, то он не идет по одной дороге с Гердером, который в первой части своих «Идей» перешагнул от вышеизложенного положения в сферу загробной жизни. Напротив того, непродолжительность человеческой жизни приводит его к следующему заключению: свое намерение вполне развить врожденные человеческие способности природа осуществляет в почти необозримом ряде созданий, передающих одни другим свое просвещение путем преданий, — осуществляет путем подбора. Всё существует для разума и посредством разума: отсюда следует далее, что натура позаботилась не столько о том, чтобы человек был счастлив, сколько о том, чтобы он мог сделаться достойным счастья. Средство, к которому прибегает природа для достижения этой конечной цели, заключается в антагонизме соединившихся в общество людей — в борьбе между их влечениями к общежитию и их дикими наклонностями. Из этой борьбы, из этого соперничества человека с ему подобными существами, «которых он не может терпеть, но без которых не может обойтись», возникает всякий прогресс культуры и в конце концов правильное общественное устройство. Итак, высшая задача природы по отношению к человеческому роду заключается в создании такого общества, в котором свобода каждого индивидуума ограничивалась бы свободой всех других людей, т. е. в создании вполне справедливых гражданских учреждений, а эта задача, по-видимому, может быть разрешена только при том условии, чтобы все отдельные государства образовали из себя один народный союз — чтобы они выработали всеобщие всемирно-гражданские учреждения. Кант полагает, что стоило бы труда изложить всемирную историю с этой точки зрения. Наряду с удивлением, которое возбуждает в нем премудрость, усматриваемая нами даже в создании неразумных существ, такая история послужила бы новым доказательством того, что и в истории обнаруживается воля Провидения.

Гердер еще не успел воспользоваться этими воззрениями для своего плана философии истории, когда Кант вознамерился опровергнуть основные идеи этой философии. Отзыв Канта о «Древнейшем документе» был скрыт Гаманом от Гердера¹, а теперь в одном из первых номеров только что основанного в Йене

¹ См.: Т. I. С. 784, 725.

литературного журнала появилась на самом видном месте рецензия первой части «Идей», хотя и никем не подписанная, но в каждой строчке изобличавшая своего автора¹.

В этой рецензии Кант говорит, что не находит у Гердера строгого научного направления. В качестве осмотрительного мыслителя и философа он не может сочувствовать тому, кто хотя и даровит, но занимается философией в качестве любителя. Он отдает полную справедливость литературным дарованиям «остроумного и красноречивого» писателя, гений которого умеет налагать своеобразный отпечаток на массу отовсюду собранных идей. Он хвалит этого писателя за ширину его взгляда, за то, что он «быстро подыскивает подходящие аналогии, а в употреблении этих аналогий обнаруживает смелую фантазию», соединяющуюся с умением «действовать на чувства читателя и устремлять его внимание на конечную цель, которая постоянно представляется его взорам в отдаленном полумраке». Все это Кант находит достойным похвалы, но вместе с тем он дает понять, что намеки, щедро разбросанные этим плодовитым умом, приносят науке пользу лишь косвенным путем. Он говорит, что философия требует совершенно иных умственных качеств. Она немыслима без «логической тонкости в определении понятий», без «умения тщательно различать основные положения и никогда не уклоняться от них». Гердеровская философия истории не заслуживает названия философии в строгом смысле этого слова.

Вслед за тем рецензент рассматривает содержание книги и метко указывает ее слабые стороны.

Гердер вел речь о постепенном развитии организмов вплоть до той высшей формы существования, которая ожидает человека после его смерти; но Кант разрушает эту сладкую мечту чрезвычайно простым и неопровержимым замечанием: даже если допустить, что тот постепенный процесс развития земных существ до их уравнивания с человеком не подлежит сомнению, то отсюда можно вывести по аналогии заключение, что где-нибудь вне земного шара, например на какой-нибудь другой планете, есть существа, достигшие более высокого развития своего организма, чем человек; но отсюда никак нельзя заключить, что такого высшего развития достигает живущий на земле человек. Гердер прибежал

¹ Гаман предупредил Гердера о предстоявшем появлении этой рецензии (Соч. Гамана. VII, 152, 174). Она напечатана в A. L. Z. 1785, № 4 от 6 янв. (с. 17 и сл. и приложение, с. 21 и сл.); в Соч. Гамана — IV, 311 и сл. Там же напечатаны и те отзывы Канта об «Идеях», о которых будет говорено далее.

еще к другой аналогии — к превращению гусеницы в бабочку. Но Кант в нескольких словах доказывает негодность такого сравнения. Он говорит, что в этом случае перерождение происходит не после смерти насекомого, а после того как оно вышло из положения куколки. Выводы, которые делает Гердер из своего сравнения, были бы правильны только в том случае, если бы он был в состоянии доказать, что трупы животных даже после их разложения или сожжения получают от природы новую жизнь с более совершенными организмами. К убеждению, что человек будет жить и после своей смерти, быть может, можно прийти на основании нравственных идей, пожалуй, даже метафизических доводов, но такое убеждение никак не может быть результатом какой-либо аналогии с доступными для нашего зрения произведениями природы.

Гердер отказался от всяких ссылок на метафизику; но Кант основательно замечает ему, что, допуская существование невидимого мира духовных сил, лежащих в основе органического мира, он переносится в область метафизики, «даже становится очень догматическим метафизиком». Это очень не нравится Канту, который усматривает у Гердера «попытку сослаться для объяснения того, что непонятно, на то, что еще менее понятно. По мнению этого осмотрительного мыслителя, сходство пород вовсе не служит доказательством их родства по происхождению и, стало быть, также не может служить доказательством единства органической силы, которая принимает самые разнообразные внешние формы; эта идея находится совершенно вне сферы тех естественных законов, которые доступны для нашего наблюдения.

Наконец, по мнению Канта, Гердер все перевертывает вверх дном, когда объясняет духовную натуру человеческой души организацией человеческого тела, когда усматривает главную причину умственных способностей человека в том, что он ходит держа голову вверх и что вследствие того его мозг получает особую форму и особые свойства. Таких доводов нельзя извлечь ни из естествознания, ни из метафизики; это — такое предприятие, говорит Кант, «которое не по силам человеческому разуму; он может только ощупью цепляться за физиологические доводы или же парить в воздушном пространстве, прицепившись за метафизику».

Это была безжалостная критика — безжалостная главным образом потому, что в ней лишь мимоходом упоминалось о «прекрасно изложенных, возвышенных и верных суждениях» Герде-

ра. Она не усматривала в «Идеях» почти никаких научных достоинств. Какая была польза в том, что в ее конце Кант называл разумной и похвальной смелую попытку связать крайние концы человеческой истории — тот пункт, из которого она исходит, с тем пунктом, где она теряется в бесконечности? Разумный совет сдерживать в продолжении «Идей» «свой пылкий гений» мог показаться Гердеру — после всего, что было ранее сказано рецензентом, — чем-то похожим на насмешку; даже когда Кант хвалил мужество автора, «не стеснявшегося свойственными лицам его звания посторонними соображениями» и писавшего о философии на основании своих самостоятельных исследований, — разве такая похвала не была обидна для Гердера?

Кантовская рецензия произвела на Гердера точно такое же впечатление, какое когда-то производили на него нападки со стороны Николаи. От Канта менее, чем от кого-либо другого, он ожидал такой критики¹. Он только что с горячими похвалами цитировал на одной из первых страниц своего сочинения кантовскую всеобщую натуральную историю и теорию неба, и он был вполне уверен, что с изложенными в этом сочинении идеями в сущности сходится его собственная философия истории, также начинающаяся с того, что происходит на небесах, и развивающаяся далее сообразно с законами мироздания. А когда тот самый человек, от которого поощрение и похвала были бы ему более приятны, чем от кого-либо другого, публично заявил ему, что сочинение, которое он писал с такой любовью к своему сюжету и с таким увлечением, никуда не годится в философском отношении — разве можно было удивляться тому, что он был глубоко оскорблен появлением кантовской рецензии? Именно в то время, как он только что прочел эту рецензию, он нашел некоторое утешение в письме Зёммерринга, выражавшего самое горячее сочувствие к сочинению, в котором находил «более широкое развитие своих собственных идей» и «суждения, изливавшиеся на бумагу из глубины души»; но это письмо лишь усилило в Гердере желание услышать публичный протест против критических отзывов кёнигсбергского метафизика. Как он был бы доволен, если бы Зёммерринг решился протестовать в гёттингенском журнале против «крайне неверной, пошлой и злобной рецензии» и

¹ «Представьте себе, что самым горячим порицателем моих „Идей“ является такой человек, от которого я мог ожидать порицаний менее, чем от кого-либо другого; это — мой бывший наставник Кант» (К Г. Мюллеру в дек. 1785 г. — *Гельцер*. XIV, 114).

объяснить читателям, в чем заключаются цель и достоинства «Идей»! — именно об этом Гердер просил майнцского анатома в своем ответном письме¹. Но так как в гёттингенском «Вестнике» уже было говорено о выходе в свет «Идей»², то Гердеру пришлось обратиться за помощью к кому-нибудь другому. Все друзья были его мнения, что ему было нанесено неза заслуженное оскорбление³; поэтому Виланд убедил своего любимца Рейнгольда напечатать в февральском номере «Меркурия»⁴ опровержение кантовской рецензии — несмотря на то, что Рейнгольд еще был в то время так же мало знаком с содержанием «Критики чистого разума», как и сам Гердер. Рейнгольд подписался под своей статьей словом «пастор» и изложил в ней мнения самого Гердера. Он говорил, что рецензент обошелся слишком бесцеремонно с гениальным сочинением Гердера, что, приводя цитаты из этого сочинения, он изрезывал высокие идеи автора в куски, что в своей рецензии он высказывал только порицания, — но все это объясняется тем, что рецензента сбивала с толку его собственная школьная метафизика, его «метафизическая ортодоксия»; иными словами, Рейнгольд старался ослабить вес критических отзывов рецензента, выдавая его за очень дюжинного метафизика, — за такого метафизика, который придает решающее значение только «отвлеченным понятиям, вовсе не принимая в соображение указаний опыта»!

¹ Письмо Зёммерринга от 15 янв. 1785 г. (вместе с другим позднее написанным письмом без указания времени) находится у меня в подлиннике; ответное письмо Гердера от 28 фев. напечатано у Р. Вагнера (*Sömmerrings Leben*. I, 29 и сл.).

² Эта слабая рецензия была напечатана в «Вестнике» (1785. № 8. С. 65 и сл.). Кроме того, Зёммерринг неоднократно ссылался на «превосходные» идеи Гердера в своем сочинении о различии телосложения у негров и у европейцев, а старый друг Гердера Мерк (*Вагнер Р. I*, 290) излил потоки своего злобного здравомыслия, говоря о «невыносимой галиматье», которую нашел в сочинении Гердера.

³ Уведомляя Гердера о появлении кантовской рецензии, Кнебель писал 7 янв. 1785 г. (С, III, 17): «Было бы очень жаль, если бы такие ученые ослы могли хоть на один шаг задержать Вас на Вашем пути, или если бы они могли испортить хоть один час в Вашей жизни». Принц Август писал Гердеру 2 февр. 1785 г.: «Из любви к Вам я настоятельно прошу Вас не отвечать ни одного слова на отвратительную рецензию ни в предисловии ко второй части, ни в ее тексте, ни в подстрочных примечаниях».

⁴ Немецкий Меркурий. 1785, февр. С. 148 и сл. — О том, что это опровержение было написано Рейнгольдом, свидетельствует «*Reinholds Leben und literarisches Wirken*» (с. 29). Какого мнения о Рейнгольде был в то время Гердер, видно из его письма к Глейму от 22 авг. 1785 г. (С, I, 112).

Кант поспешил доказать бессмысленность этой болтовни мнимого пастора и, повторив самые веские из своих критических замечаний, выразил надежду, что в продолжении «Идей» Гердер заглядит то, что было неосмотрительно высказано в первой части¹.

Но Гердер вполне разделял мнения мнимого пастора. Не говоря уже о том, что кантовская рецензия оскорбила его самолюбие, кроме того и напечатанная в берлинском ежемесячном издании статья заключала в себе такие основные положения, которые находились в резком противоречии с его натуралистическими воззрениями, со всем направлением его ума. Он находил, что все ее содержание было извращением «Идей», — поэтому ему очень хотелось, чтобы Якоби или Гаман написал возражения на рецензию, а сам он не хотел вступать в полемику со своим прежним наставником, полагая что этого не позволяют приличия. «Прочти рецензию, — писал он Якоби, — и посмотри, как я должен бы был писать мои „Идеи“ и к каким я пришел бы выводам, если бы захотел удовлетворить требования чистого разума. Какая ш..!»² Вслед за этим он не без некоторых искажений приводил основные положения Канта, что человек — животное, которому нужен повелитель и которое может достигнуть своего только путем соединения всех государств в одно целое, — и писал далее: «Мне хотелось бы, чтобы Господь внушил тебе намерение написать статью о такой метафизической бессмыслице, отзывающейся самодовольным раболепием. Тебе это легче сделать, чем кому-либо другому, а я был бы так рад, если бы мы сошлись в наших мнениях. Ведь нельзя ждать добра от таких магистров семи свободных искусств. Лишь только кто-нибудь выступит вперед и вымолвит только одно слово, они тотчас начинают доказывать, что они более сведущи, и лезут со всех сторон со своими назиданиями. Если то, что написано в рецензии и в статье, не заслуживает названия самого жалкого, холодного, как лед, и раболепного мистицизма, то я не скажу более ни слова. Сохрани Боже, если он прочтет вторую часть!»³ Почти в том же тоне писал он, через три дня после того, Гаману: «Странно, что такие метафизики, как Ваш Кант, не хотят видеть истории даже в исторических событиях и даже как будто совершенно отрицают ее существование.

¹ Кантовская реплика была напечатана в «Anhang zum Märzmona der A. L. Z.» вслед за № 74 (Соч. Канта. IV, 325 и сл).

² Точно то же писал он 12 дек. 1799 г. Меркелю (*Böttiger. Litt. Zust. I, 130*).

³ К Якоби 25 февр. 1785 г. (А, II, 269).

Я соберу груды горючего материала и разведу широкое пламя для освещения исторических событий, хотя бы мне пришлось испытать то же, что случилось после издания „Древнейшего документа“, — хотя бы я сжег на этом костре мою репутацию философа. Пусть они занимаются исследованиями в своих холодных, как лед, и пустых небесных пространствах!»¹ Благоразумный Гаман уже ранее того искал способа притупить острие кантовской рецензии; он советовал своему другу не роптать и запастись терпением и писал ему, что всецело углубившийся в свою систему Кант не в состоянии беспристрастно судить о содержании «Идей»². Извещая Гердера о предстоящем появлении реплики Канта на статью мнимого пастора, он высказывал надежду, что, «небольшая метафизическая суматоха не приостановит спокойного течения гердеровских „Идей“»³; наконец, когда к нему обратились с просьбой защитить его друга от обвинений рецензента, он отвечал уклончиво, ссылаясь на то, что и он был привязан к Канту узами признательности. «В ваших „Идеях“, — писал он Гердеру, — есть такие выражения, которые похожи на стрелы, прямо направленные в Канта и в его систему, хотя, быть может, вы вовсе не думали о нем; я также полагаю, что в его рецензии есть много такого, чему вы придавали слишком неблагоприятный для вас смысл»⁴.

Но все это не принесло Гердеру никакой пользы. Так как друзья не хотели за него вступиться, то ему приходилось искать помощи в самом себе. Вторая часть «Идей», как нам уже известно, была доведена им до конца лишь с перерывами. Причину этих перерывов следует искать отчасти в неприятном впечатлении, которое произвела на него кантовская рецензия, отчасти в тех воззрениях, которые Кант противопоставлял его собственным воззрениям. Эти внешние влияния становятся заметными начиная с восьмой книги⁵. Здесь автор снова направляет свои стрелы в тех метафизиков, которые принимают за точку исхода определенное понятие о душе, между тем как он сам принимает за основу своих идей не отвлеченные понятия, а историю и придержива-

¹ К Гаману 28 февр. (Соч. Гамана. VII, 227).

² К Гердеру 6 февр. 1785 г. (Соч. Гамана. VII, 208).

³ Это сказано в письме к Гердеру от 28 марта 1785 г.; но эти слова выпущены в печати вместе с другими сведениями и замечаниями о литературной деятельности Канта.

⁴ К Гердеру 8 мая 1785 г. (Соч. Гамана. VII, 246 и сл.).

⁵ По просьбе Гердера, ему была доставлена статья Канта Кнебелем (Кнебелс. Litt. Nachl. II, 306).

ется положительных фактов. Он утверждает — совершенно в духе гамановской метакритики, — что врожденные умственные способности человека находятся в зависимости, с одной стороны, от законов природы, с другой стороны, от традиции и от обычаев. Когда он говорит, что естественное состояние человеческого рода не война, а мир, и тратит свое красноречие на подробное развитие этой мысли, его рассуждения направлены не против одного Гоббса. Еще яснее направлена против Канта та глава, в которой Гердер утверждает, что назначение людей заключается в блаженстве — в самых разнообразных видах блаженства. Наконец, он открыто опровергает кантовскую идею, что на историю следует смотреть с всемирно-гражданской точки зрения. Эти опровержения вертятся на тех двух пунктах, которые уже были указаны Гердером в письме к Якоби. Он с презрением и с отвращением восстает против мнения, будто человек существует для государства. Он находит это мнение вдвойне непонятным и ложным — во первых, потому что, по его мнению, существование всякой правительственной власти вызывается лишь невозможностью обойтись без нее, во вторых, потому что, по его мнению, всякое хорошо устроенное государство — не что иное, как машина. Он составил себе такое низкое и чисто внешнее понятие о государстве, которое объясняется только его несочувствием к преобладавшей в его время неограниченной форме монархического управления. Вследствие своей склонности к натурализму он снова увлекается причудливыми идеями Руссо, которые прежде сам отвергал как отзывающиеся романтизмом. Заодно с Руссо он превозносит тех людей, которые не вмешиваются в вызванную цивилизацией изнурительную борьбу, которые «живут на вольном воздухе, а не среди заразительных городских испарений». Семейные и дружеские привязанности внушаются, по его мнению, самой природой и служат для всех источниками счастья; «государство в состоянии доставить нам только искусственные средства для достижения счастья, но оно, к сожалению, может отнимать у нас нечто более ценное — право распоряжаться нашей собственной личностью». Он считает счастливым дикаря, который при своей узкой сфере деятельности печется о своих родственниках и в своей убогой хижине оказывает гостеприимство всякому иноземцу; но «слишком широкое сердце космополита ни для кого не служит приютом». Он не знает, как вывернуться из того затруднения, что государственное устройство необходимо как единственное средство приучить людей к обществу, а между тем форма государственного управления носит

повсюду более или менее резкий отпечаток деспотизма. Вот почему неоднократно заново переделанная глава о правительствах — самая сбивчивая во всей восьмой книге; вот почему он всячески ищет способа выйти из своего затруднительного положения и наконец останавливается на той мысли, что государства играли очень жалкую роль в ходе исторических событий. Государственное устройство было в глазах Канта правильно организованной свободой, а Гердер, увлекшись своей любовью к свободе, восстал против мнений своего противника, которые понял в превратном смысле. «То было бы, — говорил он, — очень непрочным и злокачественным фундаментом для философии истории, если бы мы допустили, что человек — животное, которому необходимо нужен повелитель, и что от этого повелителя зависит достижение конечной цели его назначения. Это положение следует изложить навыворот: человек, которому необходимо нужен повелитель, похож на животное; лишь только он делается настоящим человеком, он не будет нуждаться ни в каком повелителе!» Ему крайне противна и другая мысль Канта — будто путем перерождений достигается цель истории. Придавая и этой мысли превратный смысл, он говорит: разве можно допустить, что человек создан для беспредельного развития своих духовных способностей, а все человеческие поколения в сущности созданы только для последнего поколения, которое будет наслаждаться тем, что было для него подготовлено предшественниками. Он до такой степени извращает мысль Канта и, при своем влечении к индивидуализму и к конкретным понятиям, до такой степени возмущается ею, что восклицает: «Конечно, если бы кто-нибудь сказал, что развивается не отдельный человек, а целый человеческий род, то его слова были бы непонятны для меня, потому что род и порода — лишь общие понятия, если они не олицетворяются в каждом отдельном существе; эти общие понятия нисколько не лучше общих понятий „о животном, о камне, о металле“. «Наша философия истории, — продолжает Гердер, — не пойдет по этому пути вслед за философией Аверроэса, которая учит тому, что весь человеческий род имеет лишь одну очень низкую душу, которая лишь отчасти переходит в каждого отдельного человека».

Все это высказывалось сознательно и непосредственно в опровержение мнений Канта; и вся остальная часть книги заключала в себе не что иное, как полемику с Кантом, так как в ней применялись к философии истории философские воззрения «Метакритики». Но нас поражает удивлением тот факт, что Гердер,

по-видимому, нашел для себя полное удовлетворение в своих собственных полемических нападках на Канта и объявил, что больше не нуждается ни в чьей помощи. Он писал Якоби: «Не впутывай меня в твои споры с Кантом. Он был моим наставником, а если бы его публично пристыдили, то мне пришлось бы скрыться под плащом Иафета». Поистине удивительно, что он сам стал нападать на Канта, но в то же время как будто старался скрыть от самого себя то, что сделал. «Мне очень хотелось бы знать, — писал он далее, — будет ли Кант разбирать и мою вторую часть или же будет молчать; но я сам в сущности не написал против него ни одной строчки»¹. Эти последние слова были так же согласны с истиной, как и уверение Гердера, что «Провинциальные листки» в сущности не были написаны против Шпальдинга! Правда заключалась в том, что он не умел сдерживать свою раздражительность, а после того как дал ей полную волю, был бы очень рад, если бы мог помириться с Кантом. К тому же он был обрадован длинным письмом, в котором знаменитый Кампер одобрял общее направление «Идей» и разбросанные в них размышления, «qui sont si justes, si grandes et si immensément riches»².

Но хотя Кант и был занят более важным делом, чем писание рецензий, он не оставил без внимания вторую часть «Идей»³. Гаман уведомил Гердера, что живший с ним в соседстве философ обратился к нему с просьбой о присылке новой книги, продержал ее, против своего обыкновения, больше недели и, по-видимому, остался очень доволен первыми главами⁴.

Очень скоро написанная Кантом рецензия⁵ первых книг второй части действительно была довольно благоприятна для Гердера; в ней Кант по крайней мере хвалил искусный выбор из служивших для тех книг источниками описаний различных народов, мастерское распределение материала и повсюду разбросанные остроумные суждения. Но она скоро переходит в скептически-иронический тон. Рецензент предоставляет другим решить, в какой мере некоторые напыщенные выражения были бы более уместны в какой-нибудь оде, чем в описании исторических событий. Он не берется расследовать, действительно ли автор

¹ Гердер к Якоби 16 сент. 1785 г. (А, II, 280).

² Там же; письмо Гёте к г-же Штейн от 11 сент. (III, 183); письмо Кампера от 31 авг. (С, III, 294 и сл.); сравн. письмо Кампера к Мерку (*Vagner*. I, 449).

³ Кант к Шюцу 14 сент. 1785 г. (Соч. Канта. X, 498).

⁴ К Гердеру 9 нояб. 1785 г. (Соч. Гердера. VII, 291).

⁵ Она появилась в А. L. Z. (№ 271 от 15 нояб. 1785 г. С. 153 и сл.; Полн. собр. соч. Канта. IV, 328 и сл.).

«иногда переходит из философской сферы в сферу поэзии и таким образом произвольно раздвигает границы этих сфер». Он высказывает желание, чтобы кто-нибудь предварительно расчистил для автора почву своими критико-историческими исследованиями и этим предохранил бы его от привычки строить шаткие гипотезы на основании односторонних рассказов путешественников. Он как бы мимоходом замечает, что автор едва ли имеет ясное понятие о расе и что, пожалуй, можно допустить ту теорию генетически развивающегося жизненного принципа, которую он противопоставляет эволюционной теории и механическому возникновению организмов, — но из этого еще не следует, что он приблизился к верному пониманию значения пород и видов. Насмешливый тон усиливается там, где рецензент говорит о мнении автора, будто перворожденный человек получал указания от Элоима, и об обещании подробнее поговорить об этом в другом месте. «Посмотрим, — говорит Кант, — как ему удастся исполнить это обещание, а если и удастся, то найдет ли он надежный путь, чтобы вовремя возвратиться домой, т. е. в жилище разума, и подготовить себе преемников». Наконец, Кант переходит к защите своих основных положений, вызвавших опровержения со стороны Гердера, и объясняет существенное различие между этими положениями и гердеровскими идеями о философии истории. Гердер назвал злокачественной кантовскую мысль, что человек — животное, которому непременно нужен повелитель. На это Кант возражает с тонкой иронией, что та мысль вовсе не злокачественна, а «скорее злокачествен тот, кто ее высказал». Затем он переходит к противоположному воззрению Гердера, будто для природы служило целью не государство, а благополучие каждого человека, взятого в отдельности. Действительно, говорит Кант, во все эпохи государственной жизни масса благополучия распределялась между индивидуумами в постоянно изменявшейся внешней форме и при постоянно изменявшихся внешних условиях — но каждый индивидуум наслаждался этим благополучием в различной мере, поэтому оно не может служить руководящей нитью при изучении истории, не может считаться за главную цель Провидения. Главный вопрос, требующий ответа, касается не положения того или другого человека, а общих условий существования всех людей. «Если бы счастливым жителям Отаити было суждено никогда не вступать в сношения с более образованными нациями и прожить тысячи столетий в их спокойном бездействии, то разве автор был бы в состоянии дать удовлетворительный ответ на следующие вопросы: для какой

цели существуют эти счастливые островитяне и разве что-нибудь переменилось бы, если бы их остров был населен счастливыми овцами и коровами, а не людьми, которые проводят время только в том, что наслаждаются жизнью?» Для нас имеет важное значение не то, что люди чувствуют, а то, что они сами из себя вырабатывают, — не призрачное благополучие, которое каждый из них понимает по-своему, а постоянно развивающаяся предприимчивость и культура, от которых зависит достижение благополучия. Но высшая степень предприимчивости и культуры может быть только продуктом государственного устройства, основанного на понятии о человеческих правах, — поэтому только это устройство может быть конечной целью мудрого Провидения в общем направлении исторических событий. Именно потому только порода может вполне достигать своего назначения. Гердер ошибается, думая, что порода — не что иное, как выраженная словом отвлеченная мысль; напротив того, этим словом обозначается реальное целое — бесконечный ряд существ, составляющих одно целое; а в том не будет никакого противоречия, если мы скажем, что порода во всех своих составных частях не соприкасается с прямой линией своего назначения, однако в общем результате сходится с ней, т. е. что назначение человеческого рода заключается в непрерывном прогрессивном развитии, а достижение этого назначения есть та идеальная цель, к которой мы должны непрерывно стремиться. В этой мысли нет ничего «оскорбительного для величия природы» — хотя Гердер и утверждает противное очень неясным языком. Рецензент мимоходом указывает на то, что Гердер, увлекаясь своим красноречием, впадает в противоречия с самим собой и нередко сам признает основательность воззрения, которое оспаривает; рецензия оканчивается тем, что Кант поднимает на смех слова Гердера касательно философии Аверроэса. Он говорит: «Из этих слов можно заключить, что наш автор, так часто порицавший всё, что до сих пор выдавалось за философию, хочет доказать всему миру, в чем заключается образец настоящей манеры философствовать, — хочет доказать это не посредством бесплодных объяснений на словах, а на самом деле и на примере своего тщательно обдуманного сочинения».

Стараясь доказать, что конечная цель истории достигается только путем развития породы, Кант едва ли успел предотвратить все возражения, которые можно ему сделать с точки зрения чувства, не знакомого ни с какими предвзятыми идеями. Постоянно всплывающие наружу притязания на полное удовлетворе-

ние индивидуальных целей нелегко примирить с тем фактом, что каждый индивидуум играет в развитии целого лишь второстепенную, несамостоятельную роль; но это примирение находится в связи с таким рядом идей, которого не касался Кант в своей рецензии: оно может быть лишь результатом убеждения в безусловном значении чисто нравственной воли и истекающего отсюда заключения, что эта воля может достигать своей цели и в никогда не прекращающемся существовании индивидуума. Став на почву философии истории, Кант вовсе не высказывал этой нравственно-метафизической идеи, точно так же как Гердер уже не повторял своей прежней, основанной на аналогии с природой, мысли о непрекращающемся в загробной жизни развитии индивидуума. Таким образом, оказывается, что эти два писателя впадают в такие противоречия один с другим, которых могли бы избежать; один из них ведет речь о благополучии, а другой — о предприимчивости, один — об индивидууме, а другой — о породе, один — о благах, доставляемых природой, а другой — о благах, доставляемых государственным устройством. Не подлежит сомнению только то, что при этом Кант развивает свои положения с большей последовательностью, между тем как Гердер постоянно колеблется между двумя противоположными направлениями идей. Гердер чувствует, что нелегко опровергнуть кантовское воззрение, но он не в состоянии возражать иначе, как неясными и противоречивыми суждениями. Кант ясно указывает, в чем заключаются двусмысленности и заблуждения его противника, но он не обращает никакого внимания на основательность гердеровских мотивов, даже приписывает Гердеру такие выводы, которые никак не могли бы быть допущены самим Гердером. Зарождение культуры приписывается Гердером — без всякой в том надобности — вмешательству божества; а Кант делает отсюда вывод, что всякое развитие культуры есть не что иное, как «случайный» плод той первоначальной традиции, что всякий новый шаг человечества на пути к достижению мудрости должен быть приписан единственно той первоначальной традиции, а не человеческим способностям; но, делая этот вывод, Кант возводит на Гердера такое обвинение, на которое ему не дает права содержание гердеровского сочинения. Гердер прибегает к внешней помощи высшего разума только для того, чтобы отыскать основу для дальнейшего развития человеческого разума его собственным трудом. Понятно, что философ осыпал своими насмешками преимущественно тот пункт, в котором нить идей его противника, очевидно, прерывалась, в котором Гердер покидал

прежнюю роль исследователя законов природы и начинал выражаться как человек, глубоко веровавший в Священное Писание и в чудеса. Каждое из следующих слов Канта отзывается иронией: «Как только рецензент сходит с того пути, который указан естественными законами и познавательной способностью человеческого разума, он совершенно сбивается с толку, потому что он не знаком с учеными исследованиями касательно языка и содержания древнейших документов и вследствие того не способен философски пользоваться теми фактами, которые рассказаны в тех документах и этим путем дошли до нашего сведения: тогда он сам сознает необходимость отказаться от всяких суждений об этом предмете».

Но на самом деле Кант вовсе не был намерен отказываться от дальнейшей полемики. Как бы в дополнение к упомянутой выше рецензии, которую Гаман назвал «лукавой»¹, он напечатал в том же берлинском журнале статью под заглавием «Предполагаемые зачатки человеческой истории»². Это была критика на десятую книгу Гердера. Тонот человека, преследующего самые невинные цели, Кант связывает свои предположения с содержанием того древнейшего документа, который, по мнению Гердера, заключает в себе «древнюю философию человеческой истории» и служит руководством для его очерка первых мировых событий. Кант говорит, что не его дело проверять достоверность изложенных в том документе исторических указаний, но он будет «воображать», что его собственные догадки сходятся с тем, что там написано. Едва ли можно выражаться более неясно и двусмысленно: он точно будто преследует только одну цель — доказать, что как бы мы ни объясняли библейскую традицию, она может служить одинаково надежной опорой для самых противоречивых мнений.

Как бы то ни было, но тенденция этой небольшой статьи диаметрально противоположна гердеровским идеям, хотя Гаман и остался ею очень доволен после первого чтения³, — быть может, именно потому, что Кант делал остроумные ссылки на библейский рассказ. Автор статьи главным образом старается доказать, что не какие-либо высшие существа внесли разум в человеческую историю, а что человек сам приобрел его, точно так же как он сам создал для себя язык. Вслед за тем автор старается про-

¹ Гаман к Якоби (*Гильдемейстер*. V, 166).

² 1786. № 1. С. 1 и сл. (Полн. собр. соч. Канта. IV, 339 и сл.).

³ К Гердеру 19 янв. 1786 г. (Соч. Гамана. VII, 299). В письме к Якоби (*Гильдемейстер*. V, 193) Гаман называл эту статью «чрезвычайно приятным мыльным пузырем, который доставит большое удовольствие Гердеру».

следить шаг за шагом развитие нравственных понятий, которое возможно только после того, как уже создан язык; при этом он сходится с Гердером в мнении, что человеческий род произошел от одной пары и был поставлен природой в самые благоприятные условия. Для того чтобы человек понял, что его разум дает ему возможность подняться выше уровня животных, было достаточно, говорит Кант, самого ничтожного повода — хотя бы только желания отведать плода, которого ему не позволял вкушать его инстинкт. Второе, составляющее эпоху, проявление разума было направлено против половых влечений; оно обнаружилось в обыкновении прикрывать некоторую часть тела листом смоковницы и заложило фундамент для нравственности. Третий шаг заключается, по рассказу Библии, в страхе смерти, в ожидании будущего. Кант выражается менее ясно, когда старается объяснить значение того факта, что люди стали прикрывать свое тело кожей животных, он усматривает в этом факте последний решительный шаг в развитии разума, возвысившегося над уровнем животных: тогда человек понял, что природа существует для него одного, и стал наравне со всеми разумными существами; тогда ему пришлось покинуть лоно природы, тогда пришлось изгнать его из рая; таким образом, совершился окончательный переход из-под опекунской власти природы в положение свободного существа. Затем, развивая свой философский взгляд на историю тем же путем, на котором сбивался с дороги автор «Идей», Кант говорит, что тот шаг был прогрессом и что от него зависел всякий дальнейший прогресс; но человеку пришлось за это поплатиться утратой невинности и, стало быть, всеми благами природного состояния. Отсюда видно, что при этой перемене индивидуум остался в убытке, а род остался в выигрыше. Именно по этому поводу Кант дополняет мнения Руссо, которых иногда бессознательно придерживался и Гердер. По мнению Канта, Руссо был вполне прав, когда утверждал, что культура находится в противоречии с натурой человеческого рода, дающей каждому индивидууму возможность вполне достигать его назначения; но тот же самый Руссо, при изложении своей системы воспитания и государственного устройства, дошел до понимания того, каким образом должна развиваться культура, для того чтобы природные качества человека как нравственного существа развились до окончательного прекращения их борьбы с натуральными влечениями. Человеку пришлось променять привольную и спокойную жизнь на трудовую жизнь и на борьбу, но именно это и было причиной развития искусств, общественности и гражданского по-

рядка. Самый совершенный гражданский порядок составляет самую конечную цель культуры; благодаря ему достигается нравственное назначение человеческого рода. Если мы ближе вникнем в сущность тех зол, на которые мы жалуемся, то мы найдем, что они не что иное, как необходимые средства для постепенного достижения нравственного порядка. Мечты о возобновлении золотого века исчезнут, а жалобы на жалкое положение человечества смолкнут и уступят место сознанию благих целей Провидения, лишь только мы перестанем ценить в жизни одни наслаждения и отдадим себя в распоряжение истории с убеждением, что наша задача — придавать жизни цену нашими действиями.

Неудовольствие, которое причинили Гердеру эти новые нападки и непрекращавшаяся вражда Канта, выразалось в жалобах, которыми он наполнял письма к своим друзьям. Он не долго оставался верен своему намерению вовсе не читать новую рецензию «архисофиста и архисхоластика», для того чтобы не утратить желания продолжать начатое сочинение¹. Он, как кажется, даже помышлял о печатном ответе на нападки противника²; ведь его намерение написать «приложение» ко второй части «Идей» не могло иметь никакой другой цели. К счастью, ему дал добрый совет и успокоил его именно тот, к кому он всего чаще обращался со своими жалобами; Гаман писал ему 19 января 1786 г.: «Мне вовсе не нравится, что вам причиняют такую боль удары от вашего старого наставника. Это неизбежно при авторской деятельности и на *veniam mutuat* никак нельзя полагаться. Для всякой хорошей головы нужен такой сатана взамен *temento mori*, а горький алоэ румянит щеки, способствует правильному обращению крови и продолжению работы». Вслед за тем Гаман повторяет свое любимое изречение *et ab hoste consilium* лишь с той оговоркой, что Кант в сущности вовсе не *hostis*, а «добрый *hominculus*». «Ведь Вы довели Ваши „Идеи“ только до половины, — читаем далее, — поэтому Вы не обратите никакого внимания на замечания Канта, если они неосновательны; если же они основательны, то тем лучше для Вас: Вы еще успеете воспользоваться ими и принять их в руководство».

Эти советы не остались совершенно бесплодными. В двух следующих частях «Идей» Гердер благоразумно воздержался от

¹ К. Г. Мюллеру в дек. 1785 г. (*Гельцер*. С. 114); Форстер к Гердеру 21 янв. 1787 г. (А, II, 396).

² Гаман к Якоби 3 мая 1786 г. (*Гильдемейстер*. V, 313).

прямых вызовов своего сильного соперника на бой. Однако в третьей части он снова развивал свое основное положение, что натура не рассчитывала на правителей и на государственное устройство, имея в виду лишь человеческое благополучие; а в четвертой части он не мог воздержаться от косвенного намека на то, что было им ранее сказано о философии Аверроэса: осыпая похвалами философские секты арабов, он говорит, что в борьбе одни с другими они «уже придерживались тонкой критики чистого разума». Но важнее всего было то, что Гердер невольно подчинился влиянию тех истин, которые были высказаны Кантом в статье о «предполагаемых зачатках истории». Несмотря на то что он еще не уяснил для себя существенную связь между натурой и культурой, он стал описывать — почти буквально сходясь с мнениями своего противника, — каким образом искусства и изобретения сделались орудиями для развития гуманности, каким образом страсти людей изошрили их разум, каким образом усовершенствование военного искусства отчасти содействовало уменьшению войн, а усовершенствование системы управления улучшило положение народов, каким образом те же самые искусства, которые были вызваны к жизни роскошью и деспотизмом, заставили и роскошь, и деспотизм не выходить из разумных пределов. «Отдельные роды, — говорит он, — вымирали, но бессмертное целое переживает мучительные страдания своих исчезающих составных частей и даже из зла извлекают полезные указания».

К сожалению, Кант не захотел тратить время на разбор третьей части «Идей»¹, в котором он мог бы указать, в чем Гердер стал сходиться с его мнениями и в чем по-прежнему не соглашался с ним. Главная причина их разномыслия заключалась в том, что Гердер не хотел терять из виду того счастья, которое достигается на различных стадиях пути, ведущего человечество к конечной цели, — не хотел терять из виду даже относительное счастье одной эпохи, одного народа, одного индивидуума и усматривал в этом счастье ручательство за то, что с полным развитием гуманности совпадет достижение человечеством его окончательного предназначения. Поэтому он ничего не хочет знать (еще раз прямо намекая на мнения своего рецензента) о «спокойном прямолинейном движении к конечной цели»; напро-

¹ Кант к Шюцу 25 янв. 1787 г. (Соч. Канта. X, 500). В этом письме Кант упоминал о ком-то «другом», кто будет разбирать третью часть «Идей»; он, без сомнения, имел в виду Крауса, которому принадлежит написанный в духе Канта проект рецензии, который напечатан в собрании смешанных сочинений Крауса (V, 3 и сл.).

тив того, он ведет речь о том, что поток человеческого разума стремится вперед, часто уклоняясь от прямого пути и образуя углы, он ведет речь о том, что и в человеческих деяниях, точно так же как в явлениях природы, силы приходят в равновесие для «временного спокойствия и порядка». Его оптимизм еще более абсолютен, чем оптимизм Канта. О некоторых исторических явлениях он говорит с горячим сочувствием, между тем как взоры Канта всегда устремлены лишь на ту цель, которая мерещится ему в бесконечной дали. Да и эта цель для Канта не более как «идея», а для Гердера она заключается в определенной надежде, которую он высказывает с большим жаром и на непременно осуществление которой он указывает при всяком удобном случае. И его оптимизм, подобно кантовскому оптимизму, носит нравственный и нравоучительный отпечаток, но его мораль не заключается в требовании хладнокровного исполнения нравственных обязанностей, а отзывается эвдемонизмом. Не в правосудии, а в справедливости он усматривает практическое применение разума, и его вера в окончательное торжество разума, и его требование разумности и справедливости отзываются натурализмом. Но никак нельзя сказать, что он во всем не прав, а его противник во всем прав. Они скорее дополняют, чем опровергают друг друга. Хотя Гердер и не в состоянии придерживаться такой же строгой последовательности идей, какой отличаются кантовские воззрения на историю, хотя он невольно подчиняется влиянию этих воззрений, но зато на его стороне те преимущества, что он принимает в соображение все индивидуальные особенности, обрисовывает каждое положение с разных сторон и употребляет в дело разнообразные краски. У Канта чистота рисунка соединяется с однообразием внешних очертаний, а у Гердера красота картины, обнимающей всю ширину человеческого существования, соединяется с неопределенностью очертаний.

Стоило труда соединить в одно целое точные идеи одного с глубокомысленными воззрениями другого. После того как в многочисленных, теперь уже всеми забытых, «историях человечества» гердеровские «Идеи» были снова изложены с различными изменениями, после того как последователи Канта пытались привести в систему учение как о чистом разуме, так и том разуме, который в человеческой истории борется с натурой, Гегелю наконец удалось создать такую философию, которая заимствовала от Канта руководящую идею, а от Гердера — умение облекать эту идею в исторические явления. В этом гениальном сочинении основательно усматривали сочетание идей тех двух

писателей¹. Здесь, точно так же как у Канта, главным содержанием для всемирной истории служит развитие разума и свободы в государстве; но здесь разум не утрачивает той логической последовательности, с которой совершалось его развитие; он здесь является конкретным духом наций, который полон всех жизненных сил, когда-либо проявлявшихся в исторических событиях; здесь разум носит на себе отпечаток гуманности, а развитие гуманности совершенно совпадает с развитием сознательной свободы. В этой гегелевской философии истории все стороны народной жизни с неподражаемым искусством ставятся в зависимость от понятия о государстве, а понятие о государстве ставится в зависимость от понятия о разуме, и вся история становится не чем иным, как постепенным разумным развитием. Это искусное методическое сочетание логики с действительной жизнью заставило на время отложить в сторону те вопросы о согласовании индивидуального благополучия с прогрессивным развитием всего человечества, на которые «Идеи» Гердера отвечали оптимистическими надеждами, а кантовская философия истории — оптимистическими постулатами: взамен оптимизма, отыскивавшего новые пути, и взамен оптимизма, выражавшегося повелительным тоном, теперь выступил на сцену такой оптимизм, который все приводил в правильную систему. Но именно потому этот последний был лишь переходным пунктом в развитие философских воззрений на историю; он был лишь искусным сплетением идей, которое пришлось снова распутывать. А когда точные исследования снова выдвинули на первый план старые сомнения в новой форме, тогда взоры исследователей снова устремились на сочинение Гердера как на самое выдающееся, как на единственное образцовое. Один глубокомысленный философ — ставший на почву естествознания и принявшей за точку исхода точное исследование глубокого и всестороннего влияния природы на человеческий ум — снова попытался в наше время разрешить вопрос, «какое значение во всем объеме природы имеют человек и человеческая жизнь с непрерывными заявлениями о своем существовании и с изменчивым течением своей истории». Именно с этой целью Лотце писал свой «Микрокосм», положительно заявив, что при содействии новейших научных воззрений он попытался довести до конца то предприятие, которому было положено такое блестящее начало в гердеровских «Идеях» об истории человечества.

¹ Юлиан Шмидт в упомянутом ранее введении (с. LXXXI).

Но сочинение Гердера заложило фундамент не для одной только философии истории. Если мы не придаем теперь серьезного значения никаким попыткам строить истории на априористических воззрениях, то это происходит оттого, что мы уже имеем историографию, проникнутую глубокими идеями. Мы имеем такую историографию, благодаря тому что Гердер осмелился самостоятельно вникать в смысл тех руководящих идей, которые усматриваются в ходе исторических событий. В то время как он старался создать для истории идеальный фундамент, он сам делался историком. Его манера рисовать характеристики различных народов и эпох и его умение сжато рассказывать факты и делать общие выводы вызвали подражание со стороны Геерена и многих других; а при содействии примера, поданного талантливым историческим изложением Иоанна Мюллера, он очистил нашу историографию от той бессмысленности, грубости и сухости, которыми отличались прежние историки немецкой империи, императоров и церкви. Несмотря на то что честный Шлоссер порицал поэтические вольности гердеровских «Идей», и он был обязан своим методом и своими гуманными идеями тому сочинению, которое, при всех своих несовершенствах, имело и само по себе, и тысячами косвенных путей неизмеримо громадное влияние на умственное развитие всей немецкой нации, как выразился Гёте по поводу перевода этого сочинения французом Кинё¹. После того, Вильгельм Гумбольдт в прекрасной статье о задаче историка подробно объяснил, каким образом настоящая историография должна соединять с верным описанием исторических фактов умение усматривать влияние тех сил, которые лежат в основе всех исторических явлений. Здесь он только более глубокомысленно и более осмотрительно, чем Гердер, формулировал ту гениальную идею, которая лежала в основе лучших глав гердеровского сочинения. Он сходится с Гердером и в том, что, устраняя и кантовскую, и всякую другую узкую теологическую точку зрения, усматривает цель истории единственно во всесто-

¹ Как быстро расходилась эта книга немедленно вслед за выходом в свет первой части, видно из слов Гарктноха в 88-м и 90-м номерах его переписки с Гердером. Из опасения перепечатки издатель (№ 88 и прим. к № 89) еще в конце 1785 г. выпустил в свет наряду с изданием в четвертую долю листа более дешевое издание в восьмую долю листа; три следующие части этого последнего издания вышли в свет в 1786, 1790 и 1792 гг. Касательно предпринятого в 1812 г. Люденом издания в двух томах и касательно других перепечаток «Идей» следует искать указаний в издании Суфана — в томах XIII и XIV, которые посвящены изложению «Идей».

роннем развитии идеи о гуманности. И в том, как Гумбольдт объясняет задачу историка, и в том, как Гердер содействовал уяснению этой задачи, кроется зародыш тех достоинств, которые мы находим у новейших немецких историков. На эту мерку мы мерим и достоинства исторических трудов Ранке, который закончил свою карьеру писателя широко задуманной всемирной историей, снова заставляющей нас мысленно переноситься за сто лет назад к сочинению Гердера¹.

Естественно-историческое содержание «Идей» менее устойчиво, чем чисто историческое. Специалисты по части естествознания уже в то время указывали на разные недосмотры, неточности и смелые догадки Гердера. Однако между этими специалистами нашелся только один Лихтенберг, который не видел в гениальном сочинении Гердера ничего, кроме «кропанья в высших науках». Такие люди, как Зёммерринг и Кампер, как Форстер и Блуменбах, читали это сочинение с восторгом; они находили в нем подтверждение своих собственных идей и поощрение к дальнейшим историческим исследованиям². И попытка Александра Гумбольдта описать всю систему мироздания, и остроумные многосторонние исследования К. Э. Беера, и старание Карла Риттера объяснить историю человечества и отдельных народов свойствами того поприща, на котором развивалась их деятельность, — все это ясно указывает на влияние гердеровских «Идей», которое сознавали и названные писатели; в особенности новейшие географы пошли по следам своего гениального

¹ Гервинус (Исторические письма. С. 1227) отзывался о Гердере как о настоящем изобретателе новой манеры писать историю; об этом отзыве упоминает Lüttge в своей, не лишенной и в других отношениях интереса, статье «Herders Auffassung der Weltgeschielite» (Stendal, 1868).

² Об отзывах Зёммерринга и Кампера уже было упомянуто ранее. Один из учеников Кампера, Гербелль (к Гердеру 7 июля 1786 г. и 15 дек. 1787 г.), посвятил автору «Идей» вторую часть собранных им статей своего наставника. С тем, что говорит Форстер в переписке с Гердером о «неподражаемых достоинствах „Идей“» (А, II, 387, 395 и сл., 402, 420), следует сравнить замечания, которые он высказывал Зёммеррингу (в переписке с Зёммеррингом, изданной Геттнером, с. 206, 222 и сл.). Блуменбах более резко нападает на фактические погрешности Гердера в своем письме к Зёммеррингу от 3 мая 1785 г. (Вагнер P. I, 307). Впрочем, в оставшихся после смерти Гердера бумагах можно найти немало доказательств влияния, которое имели «Идеи». Так, можно указать на письмо вюртембергского жителя Гана от 25 апр. 1787 г. и на письмо полученное в 1800 г. из Филадельфии от Бартонна, который читал сочинение Гердера в английском переводе (сравн. Knebels. Litterar. Nachl. II, 384).

предшественника¹. Именно эту способность воспламенять умы «Идеи» не утрачивали в течение целого столетия. Главная заслуга Гердера заключается в том, что он задумал построить научную систему на основании таких научных указаний, которые еще не были собраны. Смелый архитектор приказывает рабочим отовсюду приносить и вколачивать столбы, на которых можно бы было построить прочное философско-историческое здание, а сам покуда довольствуется временными подпорками. Его сочинение изобилует во всех своих частях научными требованиями, над удовлетворением которых трудились следующие поколения. Он мало-помалу объясняет, в чем заключаются задачи физической географии, антропологии и этнографии, сравнительного языковедения, истории наук и искусств; он объясняет, как следует понимать поэзию и народные сказания и как следует описывать нравы и учреждения отдельных народов и целых эпох. Именно благодаря тому, что, несмотря на смелость своих обобщений и выводов, он сознавал, как были недостаточны находившиеся в его распоряжении материалы, его воззрения сходились с результатами эмпирических исследований гораздо ближе, чем та натурфилософия, которая начинала строить сверху вниз, высокомерно пренебрегая терпеливой работой тех, кто измерял и взвешивал, наблюдал и собирал самые мелкие факты и подробности.

Однако и те и другие воззрения развились из одного корня — из того принципа, что наши понятия о вселенной должны быть основаны на том родственном сходстве натурального с духовным, в котором доктринеры усматривают неоспоримое тождество. Для этого принципа, возникшего из того поэтического направления, которое придали своей эпохе Гёте и Гердер, служили научной основой мистико-математические воззрения Спинозы. К учению Спинозы примкнула спекулятивная философия, возникшая из кантовского критицизма; и Гердер — как бы из желания найти для себя отдых и защиту от полемических нападок Канта — променял учение Лейбница на ту систему, с которой он уже давно был близко знаком и которую именно в то время Якоби вывел на научную арену, для того чтобы она сделалась яблоком раздора.

Так как мы уже объяснили, в чем заключалось отрицательное влияние кантовской философии на содержание второй и третьей

¹ Сравн.: *Rafel. Anthropol-Geographie* (Берлин, 1883). — И из изданной в 1883 г. в Берлине статьи Поля Лемана видно, что даже теперешняя наука не утратила сознания своей связи с Гердером.

части «Идей», то для того чтобы закончить обзор внутренней истории возникновения «Идей», нам предстоит новая задача — мы должны объяснить, в чем содержание тех двух частей сходилось не с воззрениями Лейбница, а с воззрениями Спинозы. Сам Гердер облегчил нам исполнение этой задачи тем, что изложил в небольшом сочинении те основные философские воззрения, которыми руководствовался при изложении своих «Идей», а изданием этого сочинения воспользовался для продолжения своей борьбы с Кантом. Только подробный анализ этой новой статьи даст нам полное понятие о гердеровских «Идеях», с которыми она находится в самой тесной внутренней связи и по своему содержанию, и по времени своего появления. В том же году, в котором вышла в свет третья часть «Идей», Гердер изложил в «Разговорах о Спинозе» сущность или нечто вроде догматического осадка тех философских воззрений, которые он применил в своих «Идеях» к изучению истории.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗГОВОРЫ О СПИНОЗЕ

І. Спиноза, Шефтсбери, Лейбниц

Форстер не без достаточного основания говорил в письме к Зёммеррингу, что автор «Идей» совершенно перешел на сторону последователей Лейбница. И в наших историях философии не без основания говорится, что писатель, заложивший фундамент для немецкой философии истории, принадлежал к школе Лейбница. Благодаря лекциям Канта Гердер с ранней молодости сделался искренним, самостоятельно мыслящим последователем Лейбница, а благодаря тому что он уже давно познакомился с содержанием сочинений этого писателя он научился отличать гениальные идеи наставника от той школьной системы, которую называли именами Лейбница и Вольфа. В первые годы его пребывания в Риге вышел изданный Распе сборник, в состав которого вошло до тех пор никому не известное сочинение, направленное против Локка, «Nouveaux essais»; с содержанием этих «Essais» Гердер поспешил немедленно освоиться, сделав из них подробное извлечение¹. Единomyслие, очевидно, было то, что

¹ Гаман прежде всех познакомил его со сборником Распе (к Гердеру 21 янв. 1765 г.: LB. I, 2, с. 10 и сл.). Упомянутое нами в тексте извлечение напечатано очень неаккуратно и в размере с небольшим одной четвертой части в LB (II, 441 и сл.) под следующим вовсе не уместным заглавием: «Wahrheiten aus Leibniß». То, что напечатано на с. 441—451, есть извлечение из «Avant-propos», а то, что напечатано далее вплоть до с. 465, есть извлечение из первой книги «Essais»; а с того пункта, на котором прерывается напечатанное извлечение, следует прибегнуть к рукописи; в ней найдем еще одиннадцать страниц в формате полулиста, на которых извлечение продолжается до конца 13-го параграфа 27-й главы второй книги. Издатель, по-видимому, не подозревал, что содержание рукописи имеет связь с тем, что уже было напечатано, так как он называет напечатанное извлечение отрывком гердеровской статьи, печатает вместо Fluid — Fluidum и т. д. Напротив того, напечатанная в LB (II, 466 и сл.) статья «Über Leibnißens Grundsätze von der Natur und Gnade» заключает в себе критические замечания, далее развивающие мысль Лейбница.

привязывало гениального ученика к гениальному наставнику. Всякий раз как Гердер старается охарактеризовать склад лейбни-цевского ума или тот метод, по которому развиваются лейбни-цевские идеи, он выражается как человек посвященный во все тайные мысли Лейбница, и мы готовы думать, что он говорит о самом себе. По его мнению, во всем мире не было более гениаль-ных составителей гипотез, чем Лейбниц и Платон. Он видел в Лейбнице, главным образом, остроумного мыслителя, «умевше-го создавать теорию из какой-нибудь метафоры, из какого-ни-будь случайно сделанного сравнения; эти теории он быстро изла-гал на четвертке листа, а ткачи по ремеслу потом составляли тол-стую ткань». В другом месте он высказывает следующее меткое замечание: «Лейбниц любил делать сопоставления и новые вы-воды из чужих идей и нередко умел согласовать самые противо-положные воззрения: поэтому всю свою систему он излагал не иначе как в том виде, в каком она возникла в его уме и в каком жила в его душе, — посредством блестящих, как молния, остро-умных замечаний, посредством коротеньких статей и посредст-вом сближения с чужими идеями, которые излагались с таким пылом, что проникали в душу каждого: ведь иначе в этом изло-жении не было бы видно направление лейбницевского ума и оно не носило бы отпечатка неподдельной истины»¹.

Поэтому Гердер старался усвоить это умственное направле-ние великого мыслителя и сохранить в целостности тот отпечаток. Он лучше вульгарных последователей Лейбница умел схваты-вать главную сущность его идей, умел отстаивать эти идеи от противоречий с самим собой, в которые иногда впадал сам Лейб-ниц, умел защищать их и развивать далее. Именно так поступал он с идеей об идеализировании материи — о том, что внутреннее состояние материи зависит от ее жизненных сил; точно так же поступал он с идеей о направленном к определенной цели разви-тии как в сфере натуральных явлений, так и в сфере духовной. «Монадология» и «Новые очерки» Лейбница уже ранее того до-ставили автору «Критических лесов» средства для борьбы с по-верхностной эстетической теорией Риделя. Только ученик Лейб-ница мог написать статью о происхождении языка; он сам поло-жительно признавался, что эта статья имела заимствованную от Лессинга внешнюю форму и унижал как самого себя, так и свое-го великого наставника, когда говорил, что эта внешняя форма

¹ Путевой журнал (LB. II, 180; SWS. IV, 361); О познании и чувствовани-ии. С. 42; Философия и мистицизм // Немецкий Меркурий. 1776. С. 142.

не что иное, как маска. Даже статья «О познании и чувствовании» точно будто истекла из центра лейбницевских воззрений на мироздание и на психологию; она в сущности была не чем иным, как только попыткой очистить те воззрения от внешних наростов и изложить их более цельно, более живо и поэтично¹. Вера Гердера в бессмертие души была основана на тех положениях Лейбница, что душа есть сила и потому неразрушима, что тело не что иное, как внешняя оболочка, которую душа при своем дальнейшем развитии заменит новой оболочкой. Мы уже видели, каким образом эта вера была снова высказана в первой части «Идей» и была поставлена в связь с постепенным стремлением всех организмов сравняться с человеческим организмом. От Лейбница вело свое начало то положение, которое Кант основательно отнес к области «догматической метафизики», — что непрерывному прогрессивному развитию внешних форм должен соответствовать такой же прогрессивный ряд невидимых сил; наконец, благодаря влиянию Лейбница Гердер старался доказать, что и в истории человеческого рода происходит такое же постепенное заранее намеченное развитие, какое мы замечаем в природе. Текстом для лейбницевской «поэмы о монадах» служит взаимное действие жизненных сил, стремящихся все к более и более высокому совершенствованию и именно потому соединяющихся в одно гармоническое целое, а текстом для гердеровской философии истории — правда, таким текстом, который иногда затемняется множеством побочных идей, — служит стремление органических сил стать на один уровень с гуманностью и прогрессивное развитие гуманности в такие более совершенные формы, между которыми существовала бы полная гармония. Иными словами, «Идеи» имеют близкое сходство со статьей «О познании и чувствовании» и отличаются от нее только смелостью выводов. В этой статье Гердер придерживался руководящей нити лейбницевских воззрений, когда доказывал, что развитие души начинается с внешнего возбуждения и доходит до развития интеллигенции и свободы; а в «Идеях» он старался вставить в рамки такого же постепенного развития все явления природы и духовного мира — и землю вместе с ее обитателями, как самыми низшими, так и самыми высшими, и человеческое назначение как в здешней жизни, так и в будущей, наконец всю прошлую, настоящую и будущую историю земной жизни человечества.

¹ Сравн. прежние суждения Гердера: Т. I. С. 362, 646, 848 и сл.

Однако следует заметить, что и тут и там дело идет об эмпирическом применении лейбницевской метафизики, которое по меньшей мере в своей основе находится в тесной связи с естествознанием. Фундаментом для психологии служит здесь физиология, а фундаментом для философии истории служат все естественные науки — физиология и анатомия, география и этнография. Метода, которой здесь придерживается Гердер, заключается в выводах по аналогии, а именно потому автор сам не замечает своей постоянной зависимости от метафизических гипотез. Кроме того, он не замечает этой зависимости и потому, что в его уме преобладает благочестивое настроение и что все его изложение имеет религиозную цель. На его психологии, точно так же как и на его философии истории, лежит богословский отпечаток. Из того положения, что повсюду действует единая божеская сила, он извлекает все окончательные выводы касательно человеческих чувств, мыслей и желаний; он переносит нас в высшую, божественную, сферу; у него отовсюду разливается пламя божественного света. В истории он также видит откровение Божье; и в том, что происходит в небесных пространствах, и в том, чем определяются судьбы человеческого рода, он усматривает одно и то же божеское всемогущество, мудрость и благодать, одни и те же неизменные естественные законы.

Таким образом, оказывается, что из пересаженных на плодородную почву натуральной истории идей Лейбница распустились новые цветки и созрели новые плоды. Вместе с тем они сделались более наглядными и более блестящими, получили более пластичную внешнюю форму и более глубокий смысл. В богатом уме Гердера они научились уживаться и с натуралистической философией английских мыслителей, и с религиозной мистикой: понятия Лейбница о господствующей в мире гармонии совмещаются у Гердера и с оптимизмом Шефтсбери, и с пантеизмом Спинозы.

Он уже с давних пор привык глубоко уважать Шефтсбери не только как «привлекательного европейского Платона», не только как «приятного писателя»¹, мастерски владевшего диалогической формой изложения, но также как ненавистника схоластических умствований, как такого писателя, который, подобно Платону, Руссо и Юму, старался примирить философию с гуманностью, а с необыкновенным глубокомыслием и привлекатель-

¹ LB. I, 2, 47, 70, 288; Отрывочные заметки I, 80; Также философия истории. С. 25.

ным юмором соединял так много гуманных воззрений¹. Гердер не только читал, но также изучал произведения Шефтсбери наряду с произведениями Лейбница, Баумгартена, Беркли, и сам признавался, что, наслаждаясь чтением Шефтсбери, Лейбница и Платона, провел немало таких приятных часов, во время которых увлекался своими юношескими мечтами². Он сильно интересовался переводами сочинений английского писателя³ и сам испробовал свои силы над свободным стихотворным переложением того гимна из третьей части «Моралиста», который был им впоследствии присоединен в виде приложения ко 2-му изданию его сочинения «Бог»⁴. По мнению Гердера, вся сущность философских воззрений английского писателя заключалась в содержании того гимна к природе и в том, что в своем «Моралисте» Шефтсбери основывал на красоте и гармонии вселенной свое убеждение в существовании мудрого и благого всеобъемлющего духа. Эти понятия «глубокомысленного, изящного и поистине философски мыслящего» писателя о добродетели и о Боге Гердер рекомендовал Г. Мюллеру, внимание которого также обратил на письма Шефтсбери к молодому человеку, изучающему теологию. В «Теологических письмах» Гердер говорит: «Я почти готов утверждать, что все цветки лейбницеvской философии без ее смелых гипотез распустились в сочинениях Шефтсбери во всей своей свежей красоте и что устами этого писателя говорит новый Платон». Вступаясь за этого «деиста», Гердер говорит, что, благодаря ему, «слово „деист“, пожалуй, сделается почетным названием»; он вступается за мнение Шефтсбери, что добродетель следует любить ради нее самой, так как величайшие религиозные фанатики и даже мистики были того же мнения; но всего более он возмущается тем, что автора гимна к природе называют атеистом и пантеистом⁵. Высказывая все эти мысли, он выража-

¹ Как сделать философию полезной для народа (LB. I, 3, а, 212); письмо к Канту (LB. I, 2, 298). О познании и чувствовании. С. 71; также сравн.: Древнейший документ. Т. II. С. 129, прим. К Гарткноху (С, II, 43).

² *Gott.* С. 46 и 250 (1-е изд.).

³ LB. I, 2, 336, 360; *Allgemeine Deutsche Bibliothek.* XVII, I, 210, 211.

⁴ Он называет это юношеской работой в письме за № 30 (написанном не в 1802 г., а в ноябре 1799 г.) к Кнебелю (*Litt. Nachl.* II, 287). Он вписал это переложение в книжку, подаренную графиней.

⁵ Это всего яснее видно из «Теологических писем» (II, 44, письмо 28-е; сравн.: I, 344, письмо 20-е; II, 32, письмо 27-е и II, 380, письмо 50-е); также см. очерк того, как следует пользоваться тремя академическими годами (SW в отделе теол. XV. 28); там Гердер указывает воспитанникам академии на сочи-

ется со сдержанностью педагога, потому что считает сдержанность выражений необходимой для теолога, обращающегося к молодым ученикам. Но в письме к Мерку он высказывает без всяких стеснений свое пылкое сочувствие к основным воззрениям Шефтсбери на мироздание; там он противопоставляет эти воззрения поверхностным теориям современного французского натурализма и сочинению Делиля Десалея, по-видимому, также старавшегося идти по стопам Лейбница. В том сочинении делались нападки на Шефтсбери как на атеиста. «Разве можно, — возражает Гердер, — называть атеистом писателя, который усматривал во всем мироздании порядок, стройность и высшую мудрость, который впервые высказывал такой оптимизм, который проникал в наше сердце, между тем как оптимизм Лейбница обращался только к нашему уму, наконец который излагал такие высокие понятия о добродетели, которые вполне соответствуют целям Провидения? В моих глазах такой атеист со своим учением о всемирном духе (по моему мнению, это самое лучшее название для Бога) лучше десятка разных мелких философов»¹. В то время когда Гердер писал эти слова, он еще не имел случая прочесть «Этику» Спинозы. Лишь только он познакомился с ее содержанием, он нашел, что и это содержание приблизительно повторяется в поэтической форме в рапсодии, которую написал Шефтсбери². С тех пор он считал Шефтсбери за такого писателя, который развивал воззрения Лейбница и Спинозы на богословие и на нравственность. Он говорит о Шефтсбери *év χαί πᾶν*, а в 1798 г. он указывал своему сыну Августу на ту рапсодию как на «самое изящное извлечение из философии Спинозы и Лейбница»³.

Идеи этих двух писателей, проникнутые духом Шефтсбери и облеченные в поэтическую форму, составляют сущность собственной философии Гердера. Поэтому вовсе не удивительно, что Гердер подметил родственные черты в сочинениях тех трех философов и уже давно помышлял о «Параллели между Спинозой, Шефтсбери и Лейбницем». Это намерение было совершенно в духе Гердера; оно возникло в его уме в промежуток времени между 1775 и 1777 гг., когда он познакомился с «Этикой»

нения Шефтсбери и отчасти на сочинения Боннэ, как на вспомогательные книги для изучения философии.

¹ К Мерку 12 сент. 1770 г. (LB. III, 110, 111).

² К Глейму 15 февр. 1775 г. (С. I, 36).

³ К Якоби (A, II, 256) и к Августу Гердеру (A, II, 449).

Спинозы¹; оно вполне согласовалось с его склонностью воздвигать более почетные памятники тем, кому не было оказано достаточного почета, и спасти от забвения имена тех людей, чьи заслуги не были оценены по достоинству. Ведь он даже печатно высказывал свои жалобы на то, что в честь Лейбница — «этого величайшего из всех людей, какими могла гордиться новейшая Германия, — не было воздвигнуто его соотечественниками ни памятников, ниobelisks»²; а Шефтсбери и Спинозу он желал оградить от обвинений в атеизме. Сочетание этих трех имен напоминает и тот памятник, который он намеревался воздвигнуть в честь Баумгартена, Гейльмана и Аббта, и тот, который он воздвигнул в честь Лессинга, Винкельмана и Зульцера. Как бы в виде подготовки к изложению своих «Идей» он приступил летом 1783 г. к исполнению своего старого намерения, но ограничился перечитыванием сочинений Спинозы и Шефтсбери³, потому что летняя жара принудила его прервать занятия.

Разве это перечитывание могло не отразиться на содержании «Идей»? В первой части этого сочинения так же ясно заметно влияние произведений Шефтсбери, как и влияние философских воззрений Лейбница. В «Моралисте» Феоклес доказывает скептику Филоклесу, что существование мудрого и благого Бога указывается природой, а Гердер в своих «Идеях» старается отстоять существование Бога против тех сомнений, которые нередко возникают при чтении истории, старается распространить оптимистические воззрения Шефтсбери на всю систему мироздания. С предисловия и до самого конца «Идей» не что иное, как обширная «рапсодия», как более широкое дополнение к «рапсодии» английского писателя. То благочестивое преклонение перед величием природы — которое старается не упоминать о Боге, хотя и постоянно имеет его в виду, и которое понимает под словом «природа» всякое проявление всемогущества, благодати и мудрости — было совершенно в духе английского философа. Почти каждая страница гердеровских «Идей» напоминает написанный английским деистом «Гимн к природе» и возвышенным тоном изложения, и сущностью основных воззрений. Все сочинение Гердера есть не что иное, как космологическое доказательство

¹ В письме к Якоби от 6 февр. 1784 г. говорится, что это намерение возникло «за семь или более лет перед тем»; а в помеченном 23 апр. 1787 г. предисловии к статейке о Спинозе говорится, что оно возникло «лет за десять или за двенадцать перед тем».

² Кёнигсбергская газета. 1767. № 66 (SWS. IV, 224).

³ К Якоби (Там же).

существования Бога, основанное на внутренней гармонии естественных законов и на соответствии между этими законами и той мудростью, которая проявляется в ходе исторических событий. И все нравственные идеи великого историко-философского сочинения согласуются с религиозным убеждением, что все деяния Божьи основаны на уравнивании борющихся между собой сил, — на том, чтобы дать этим силам правильное направление. Эти нравственные идеи большей частью сходятся с воззрениями английского писателя на добродетель. Подобно тому как Шефтсбери считал за добродетель уравнивание человеческих влечений, которое отождествлял с понятием о человеческом благополучии, и Гердер отождествлял стремление к нравственному развитию со стремлением к благополучию; и, по его мнению, понятие об изяществе совпадает с понятием о добре. Даже в своих «Письмах для распространения гуманизма» он называл Шефтсбери «виртуозом гуманности»¹; к этому же понятию о гуманности сводится в его «Идеях» все, что он говорит как о назначении индивидуума, так и о назначении всего человеческого рода.

Однако из-за мягких и округленных очертаний, в которых «Идеи» примыкают к воззрениям этого «виртуоза гуманности», нам бросаются в глаза более грубые и угловатые очертания воззрений Спинозы. Наряду с тем, что Гердер заимствовал из системы монад и из понятия о предустановленной гармонии, эти воззрения кажутся нам чем-то похожим на костяной остров, который облечен в эмпирические факты и разукрашен красноречивым поэтическим описанием. Изучение произведений Спинозы, впервые обнаружившиеся в содержании «Объяснений Ветхого Завета» и сочинения «О познании и чувствовании»², предшествовало изучению сочинений Лейбница и Шефтсбери. Но эти два писателя не заглушили в уме Гердера того, что он вычитал у Спинозы, а лишь помогли ему яснее понимать то, что он там вычитал. Сочинения Спинозы постоянно лежали развернутыми перед автором «Идей»; мнения Спинозы сливались с теми познаниями, которые он старался в то время черпать вместе с Гёте из естественной истории; они послужили новой опорой для его собственных воззрений и укрепили в нем уверенность в основательности той точки зрения, которая служила для него руководством при изложении философии истории. Но были еще и другие

¹ Письма для распространения гуманизма. III, 66 (SWS. XVII, 158).

² См.: Т. I. С. 812, 858.

причины, по которым он стал решительно придерживаться мнений Спинозы, а задуманная им статья о Спинозе, Шефтсбери и Лейбнице превратилась в статью только об одном Спинозе; эти причины заключались в том, как относились к Спинозе Лессинг и Якоби, и в том, как он сам относился к Якоби.

II. Гердер и Якоби

Якоби долго не удавалось завязать дружеские сношения с Гердером. Он уже давно обратил свое внимание на сочинения этого писателя. Сочинение «О происхождении языка» навело его на мысль предпринять первую литературную работу — на размышления о художественных инстинктах животных¹, а на «Древнейший документ» и на «Объяснения Ветхого и Нового Завета» он писал для самого себя критические замечания². В рецензиях, которые писал Гердер для «Всеобщей немецкой библиотеки», Якоби тотчас узнал, кто был их безымянный автор, и потому советовал Виланду пригласить Гердера к сотрудничеству в «Немецком Меркурии» в качестве литературного критика³. Но Гердер смотрел на Фридриха Генриха Якоби такими же глазами, какими смотрел на его брата Георга; хотя он и отдавал полную справедливость стихотворениям этого последнего, но ему была крайне противна слащавость других произведений этого писателя. Говоря в «Поэзии и правде» о пререканиях, возникших вследствие насмешек над нежной дружбой между Якоби и Глеймом, Гёте замечает, что в этом был отчасти виноват Гердер, усиливший своими «язвительными выходками» то, что было оскорбительного в тех насмешках. Действительно, в то время как Гердер сошелся с Мерком и с Гёте, он щедро изливал свою желчь именно на Якоби. Когда он, на пути в Страсбург, стал перечитывать письма Глейма и Якоби, он нашел их «не в меру чувствительными и противными»⁴. В Гемстергюи и в Якоби он видел типы

¹ Немецкий Меркурий. 1773, февр.; Соч. Якоби (VI, 243 и сл.); сравн.: Избр. переписка Якоби. I, 320, 321; Якоби к Гёте 8 мая 1784 г. (их переписка, с. 73).

² Якоби к Краусу 14 сент. 1788 г. (*Цётпрци*. I, 106). Изложенная там история его отношений к Гердеру носит на себе отпечаток его тогдашнего нерасположения к Гердеру и потому должна быть проверена по другим источникам сведений. О «Комментариях» на «Древнейший документ» упоминает и Виланд в письме к Якоби (*Цётпрци*. I, 18).

³ Якоби к Виланду (Избр. переписка. I, 232) начиная с 23 нояб. 1775 г.

⁴ Письмо к Каролине 30 авг. 1770 г. (ЛВ. III, 77); Письмо к Глейму (Там же. I, 2, 369). См.: Соч. Гёте / Изд. Гемпеля. XXII, 164.

болезненной чувствительности, а свое несочувствие к этим людям он высказывал ничем не стесняясь, потому что к своему собственному вреду узнал на «поклоннике св. Якоби», Лейхзенринге, до чего может доходить их религиозная нетерпимость и навязчивость¹. Но его негодование обрушивалось главным образом на Георга Якоби², между тем как в Дармштадте гораздо хуже отзывались о брате этого писателя. Преимущественно Фридриха Генриха имел в виду Мерк в своих эпиграммах на обоих братьев Якоби³. Фридрих Генрих не впадал в заблуждение, когда жаловался в 1778 г. Форстеру на то, что «некий Мефистофель» очернил его в глазах Гердера⁴. Отзывы Мерка и дармштадтского литературного кружка были причиной того, что Гердер считал младшего из двух братьев Якоби за пустомелю и пришел к убеждению, что этот пустомеля сбил с толку и своего брата-поэта⁵. Он еще более укрепился в этом убеждении, когда написанное им к Георгу Якоби письмо сделалось всем известным вследствие нескромной болтливости Фридриха Генриха и вызвало разные толки, нарушавшие его душевное спокойствие во время его пребывания в Бюкебурге. Однако Георг утверждал, что его брат принадлежал к числу самых горячих поклонников гердеровской гениальности⁶. Не подлежит сомнению, что это чувство глубокого уважения еще усилилось под влиянием Гёте, с которым Фридрих Генрих встретился летом 1774 г. во время своего путешествия по берегам Рейна. После переезда Гердера в Веймар Виланд всеми силами старался внушить Якоби самое высокое мнение о Гердере. Якоби очень желал узнать, как отозвался Гердер о его статье, напечатанной в «Меркурии», но Виланд письменно уведомил его, что Гердер не высказывал никакого мнения об этой статье, потому что не читал ее⁷. Между тем Якоби все настойчивее искал случая лично познакомиться с автором стольких сочинений, возбуждавших в нем самый живой интерес, как потому что нередко сходились по своему направлению с его собствен-

¹ См. письма к Каролине в мае 1771 г. (А, III, 32, 33, 62); сравн.: Т. I. С. 600 и сл.

² См. резкую выходку против него в письме к Мерку в сент. 1771 г. (Вагнер, II, 34).

³ Каролина к Гердеру 11 авг. и 25 окт. 1771 г. (А, III, 87 и 123).

⁴ Якоби к Форстеру 27 нояб. 1778 г. (Избр. переписка. I, 284).

⁵ Гердер к Каролине в нояб. 1771 г. (А, III, 149).

⁶ Гердер к Каролине 24 марта 1773 г. (А, III, 483); Гердер к Глейму и Г. Якоби к Глейму (С, 31—33).

⁷ Виланд к Якоби 22 янв. 1774 г. (Цётприц, I, 18).

ными идеями, так и потому, что нередко расходились с его убеждениями. Клаудиус взял на себя роль посредника: он сообщил 19 апреля 1780 г. своему старому другу о желании Якоби встретиться с ним весной того года в Пирмоне — так как по причине ссоры с Гёте не хотел заезжать в Веймар¹. Но в том году Гердер вовсе не ездил в Пирмон. Несмотря на то что его звал к себе Глейм, он не поехал и в Гальберштадт, где мог бы не только познакомиться с Якоби, но и увидаться в последний раз с Лессингом².

Между тем Якоби прочел летом 1781 г. «Теологические письма» и отнесся к их содержанию с полным сочувствием. В особенности 31-е письмо — в котором шла речь о том, что в мельчайших подробностях человеческой жизни обнаруживается воля Провидения и что нравственное управление миром находится в руках Божьих, — окончательно убедило его, что автор вовсе не такой атеист, за какого его можно было считать по его прежним сочинениям³. Он почувствовал такое сильное влечение к Гердеру, какого никогда еще не испытывал; прежде он следил за проявлениями гердеровской гениальности осмотрительно и недоверчиво, а теперь он решил броситься в его объятия. Через посредство Клаудиуса он переслал Гердеру том своих «Смешанных сочинений», к которым только что присовокупил свой философический диалог «Der Kunstgarten» и «Allwill Papiere», напечатанные в «Немецком музее» и в «Меркурии». В предисловии он указывал на сходство изложенных в том разговоре идей с сочинением Гердера «О влиянии системы управления» и называл Гердера «необыкновенным гением» — таким писателем, который мог бы равняться по своей гениальности даже с любым из древних писателей⁴. Несмотря на такие похвалы или, быть может, по причине таких похвал он не получил никакого ответа:

¹ Клаудиус к Гердеру (А, I, 424); сравн. письмо Гердера к Глейму от 26 нояб. 1781 г. (С, I, 75).

² Мы, конечно, не в состоянии доказать, что можно понимать буквально следующие слова Гердера в его первом письме к Якоби: Глейм приглашал его в Гальберштадт для свидания с Якоби и с Лессингом. В напечатанной переписке Глейма с Гердером мы находим письмо от 6 мая 1780 г., в котором Глейм приглашал к себе Гердера без всяких добавочных объяснений; Якоби и Лессинг приезжали к Глейму в августе, не предупредив его о своем приезде; об этом приезде Глейм упоминал в письме к Гердеру от 12 янв. 1781 г. лишь между прочим.

³ К Гердеру 8 июня 1783 г. (Соч. Якоби. III, 475); сравн. письмо к Краусу (*Цёпприц*. I, 106); к Софии Ларош 17 авг. 1781 г. (*Цёпприц*. I, 47).

⁴ Точно то же говорится в только что упомянутом письме к г-же Ларош. Сравн. письмо Клаудиуса к Гердеру от 19 окт. 1781 г. (А, I, 425).

ведь не легко отвечать на такую чрезмерную лесть. Гердер с сочувствием прочел присланную статью, задумал написать о ней отзыв в «Меркурии», но не привел этого намерения в исполнение. С таким же сочувствием он потом прочел небольшое сочинение, написанное Якоби в 1782 г.: «Etwas, das Lessing gesagt hat». Он вполне одобрил старание автора доказать, что всякая не основанная на законе власть и всякая система личного управления причиняют вред, а всякая правильная система управления основана на обеспечении полной свободы для развития всякого истинного дарования; но Гердер не воспользовался и этим удобным случаем, чтобы ответить на письмо Якоби. Наконец все уладилось, благодаря усилиям Глейма и Клаудиуса, во время путешествия, которое предпринял Гердер весной 1783 г. После того как Гердер видел портрет Якоби у Глейма и у Клаудиуса, после того как эти друзья наговорили множество похвал о своем Фрице, наконец после того как он прибыл в Вандсбек, он решился протянуть Якоби свою руку¹. Он привык сдерживать порывы своего сердца и относиться к людям с недоверием, но в этом сердце снова пробудился юношеский пыл, когда Гердер стал свободнее дышать, выехав из Веймара, и когда он очутился среди своих старых друзей; он признался, что ему не раз хотелось сблизиться с Якоби, а теперь он действительно сблизился с этим человеком со всей сердечной горячностью, к какой был способен. Он в последний раз увлекся такой же пылкой дружеской привязанностью, какую когда-то питал к Мерку, к Лафатеру, к Циммерману. Но уже заранее можно бы было предвидеть, что его ожидает такое же разочарование, какое положило конец его привязанности к тем трем бывшим друзьям. Действительно, его душевное настроение совершенно изменилось, лишь только он прочел не в меру чувствительное письмо, в котором Якоби писал ему, что «с рыданиями бросается к нему на шею» и отдает в его распоряжение всю свою особу и всю свою метафизику чувства; не ранее 6 сентября он отвечал Якоби письмом, которое хотя и было наполнено искренними изъявлениями признательности, но в сравнении с письмом самого Якоби было «крайне сухо». Но главная причина этой перемены заключалась в том, что влечение Гердера к дружеской привязанности было тем временем вполне удовлетворено возобновлением дружеских сношений с Гёте. Очень скоро обнаружилось, что Гердера отделяла от Якоби глу-

¹ Письмо Гердера к Якоби было написано 29 мая 1783 г. (Соч. Якоби. III, 471 и сл.).

бокая пропасть, — а обнаружилось это на том, как каждый из них относился к учению Спинозы.

Когда Якоби узнал, что Мендельсон намеревается исполнить свое обещание написать статью о личном характере и сочинениях Лессинга, он поспешил сообщить бывшему другу Лессинга очень, по его мнению, важное указание, будто Лессинг принадлежал к числу последователей Спинозы по меньшей мере в конце своей жизни. Это открытие Якоби сделал во время неоднократных личных бесед, которые вел с Лессингом за несколько месяцев перед его смертью. Главное содержание этих бесед, вместе со своими воспоминаниями о некоторых других суждениях Лессинга по тому же предмету, он подробно описал Мендельсону в письме от 4 ноября 1783 г. Он имел обыкновение излагать в письмах свои философские мнения и делать разные признания касательно своих личных дел, точно так же как имел обыкновение изливать в письмах свои сердечные чувства, которые у него всегда смешивались с метафизическими воззрениями. Поэтому он вообразил, что нет другого лучшего средства скрепить недавно возникшую дружескую связь с Гердером, как послать ему копию своего письма к Мендельсону и попросить его высказать замечания насчет того, что там прочтет; если он и действительно придавал очень важное значение тому философскому вопросу, который был темой его разговоров с Лессингом, если он так поступил действительно из любви к истине, как это сам уверял, — то все-таки он кроме того, может быть, хотел воспользоваться этим удобным случаем, чтобы «выведать» убеждения такого выдающегося человека, каким был Гердер. Он, вероятно, с нетерпением ждал от Гердера ответа, в особенности после того как получил от Гёте письмо следующего содержания: «Мы разговаривали о тебе и о Лессинге. Гердер, вероятно, уже писал тебе об этом. Он близко знаком с этой темой». Действительно, Гердер сообщил Гёте содержание полученного им письма, но отвечал Якоби лишь 6 февраля следующего года, потому что был занят первой частью своих «Идей»¹. На деле оказалось, что Якоби обманулся в своих друзьях. Выраженное Лессингом сочувствие к идеям Спинозы поразило его удивлением и сбilo с толку. Что Гердер также иногда брал сторону Спинозы, ему было известно из «Объяснений к Новому Завету», но он никак не ожидал от автора «Теоло-

¹ А, II, 251 и сл.; Гёте к Якоби 30 дек. 1783 г. (их переписка, с. 67); Гёте к Гердеру (А, I, 84, № 41) — что это письмо помечено у Дюнцера неверным числом и, по всему вероятно, было написано около половины декабря 1783 г., основательно заметил Суфан в своей статье «Goethe und Spinoza» (с. 8, прим. 18).

гических писем» таких суждений о Спинозе, какие прочел в упомянутом выше письме от 6 февраля. Напротив того, ничто так не могло усилить влечения Гердера к учению «божественного» Спинозы, как почерпнутая им из письма Якоби уверенность, что философские воззрения Лессинга сходились с его собственными. Он был в восторге от содержания разговора Лессинга с Якоби: ему казалось, что он видит перед собой Лессинга и слышит его голос. Только теперь он понял смысл слов *év χαί πᾶν*, которые видел написанными рукой Лессинга у Глейма в беседке, и тотчас заявил, что если бы знал тогда смысл этих слов, то написал бы их семь раз под сделанной Лессингом надписью. «Поверьте, мой дорогой Якоби, — продолжал Гердер, — что с тех пор как я стал изучать философию, я постоянно все глубже убеждался в основательности мнения Лессинга, что в сущности одна только философия Спинозы представляет вполне цельную систему»; из этих слов еще не следовало, что Гердер вполне соглашался со всеми мнениями Спинозы, что он мог назвать свою собственную философскую систему системой Спинозы; он только заявлял Якоби, что учение Спинозы еще никем не оценено по достоинству, что он сам уже давно намеревался писать статью о Спинозе, Шефтсбери и Лейбнице и что теперь, подчиняясь влиянию высказанного Лессингом мнения, он, конечно, не будет долго медлить исполнением своего намерения. Поэтому он просил Якоби сообщить ему по возможности все, что говорил Лессинг о Спинозе, так как это была бы «самая лакомая пища для его самых затаенных любимых идей». Иными словами, он в своем письме как будто продолжает беседу Лессинга с Якоби, но так, что постоянно берет сторону первого из них, а на последнего нападает не с холодными диалектическими приемами Лессинга, а гораздо более резко и со свойственным ему красноречием. Он находил для себя опору как в мнениях Лессинга, так и в мнениях Гёте, которому также казался непонятным внезапный переход Якоби от философии к вере. Сквозь некоторую заносчивость и насмешливость тех возражений, с которыми он обратился к Якоби, проглядывает добродушие, с которым относился к «доброму Фрицу» Гёте. Шутливым тоном человека, стоящего на более высоком уровне умственного развития, Гердер замечает своему «милому, добросердечному, живущему вне здешнего мира персоналисту», что его *salto mortale* не ведет ни к чему, «потому что в системе мироздания мы стоим на гладкой почве». Он объясняет Якоби, что понятие о Боге, существующем вне вселенной, несовместимо ни с понятием о божестве, ни с понятиями о вселенной и о

пространстве и что понятие о личности, вставленной в какие-либо рамки, несовместимо с понятием о бесконечном Существо. Наконец, он упрекает Якоби и всех противников Спинозы за их мнение, будто Бог Спинозы — отвлеченное понятие; напротив того, говорит Гердер, Бога Спинозы следует понимать в смысле самого «реального и самого деятельного единого Существа».

Только по прошествии пяти месяцев Якоби отвечал на это письмо, вызывавшее на возражения, — отвечал не совсем в духе гердеровских воззрений. Он был удивлен еще не столько сочувствием Гердера к мнениям Лессинга, сколько отзывавшимися пантеизмом еретическими мнениями самого Лессинга. С другой стороны, выражения Гердера внушили ему надежду, что этого впавшего в заблуждение человека еще можно обратить на истинный путь. Поэтому он писал 8 мая Гёте, что в словах Лессинга *én haut plus* видно «больше последовательности». Ему казалось, что философия Гердера отзывалась мрачным эклектизмом, а то, что Гердер говорил о Спинозе, внушило ему убеждение, что Гердер неверно понял идеи Спинозы. Поэтому он, не вдаваясь ни в какие дальнейшие объяснения, заявил, что в скором времени напишет неоспоримо-верное изложение учения Спинозы и что тогда для всякого станет ясно, что это учение носит несомненный отпечаток атеизма, что оно несовместимо с верой в Провидение, в цельный план мироздания, в существующего самим собой и познающего себя Бога. А именно в то время, как Якоби заявлял об этом намерении, он — по поводу одного высказанного Гемстергюи мнения — изложил для этого последнего в диалогической форме сущность и критический разбор того учения, которое вызвало столько разноречивых суждений. Это изложение он поспешил переслать Мендельсону, который просил у него дальнейших указаний, потому что задумал написать статью, направленную и против защитников Спинозы, и против Якоби, которого ошибочно причислял к таким защитникам.

18 сентября Якоби приехал на двенадцать дней в Веймар и там в первый раз сошелся с Гердером лицом к лицу. Несмотря на то что эти дни были проведены в разнообразных развлечениях и несмотря на то что в то же время приехал в Веймар Клаудиус — впрочем, скоро заметивший, что приехал некстати, — вопрос о Спинозе служил одной из главных тем для разговоров¹. Этот об-

¹ Гельцер. XIV, 106; Избр. переписка Якоби. I, 373; Knebel's. Litt. Nachl. II, 233 и сл. Гёте писал Якоби 3 дек. 1784 г. (их переписка, с. 28): «Уезжая отсюда, ты, кажется, оставил нам влечение к метафизике». Гердер, по всему вероя-

мен мыслей потом продолжался через посредство писем. Он оживился и получил более определенную цель, вследствие того что Якоби сообщит своему веймарскому другу свою статью о Спинозе, уже ранее отправленную к Гемстергюи и к Мендельсону, вследствие того что прислал ему «*Elucidarius*» Вахтера, доказывавшего, что учение Спинозы имело сходство с учением еврейской «Каббалы»¹. Но ни устный, ни письменный обмен мыслей не привел к соглашению касательно суждений о Спинозе. По мнению Гердера, Якоби смотрел на учение Спинозы глазами еретика, а, по мнению Якоби, Гердер неверно понимал это учение и извращал его смысл, точно так же как он был извращен в книге Вахтера. Со времени пребывания Якоби в Веймаре Гердер снова взялся за «Этику»; он внушил желание прочесть ее сначала самому Гёте, а потом через его посредство г-же Штейн и расположить их обоих в пользу Спинозы². Но он объяснял ее содержание точно так же, как объяснял прежде, и ему нетрудно было убедить Гёте, что именно так, а не иначе, следует понимать эту книгу. Он по-прежнему доказывал Якоби, что он ошибается, принимая высшее Существо, о котором говорит Спиноза, за отвлеченное понятие. Он говорил, что это Существо — *ens realissimum*, в котором *intus* и *radicaliter* соединяется все, что называется правдой, внутренней жизнью и существованием, что это-то единое Существо, «благодаря которому я сам существую только в той мере, в какой зеленею в качестве маленькой ветки на этом вечном и бесконечном корне от древа жизни». Этот Бог наслаждается сам собой во всех людях, во всех своих созданиях и в тысяче миллионов организмов, точно так же как мы им наслаждаемся в то время, как он пребывает в нас. Он стоит выше всяких идей, склонностей, стремлений, но все их заключает в себе, понимает их, любит их и все-таки покоится в самом себе, как в единстве всех вечных времен, всех сил и всех пространств! Иначе говоря, Гердер считает субстанцию, о которой говорит Спиноза, за такое полное субъективной жизни Существо, в котором все индивидуальное столько же исчезает, сколько сохраняется, в котором все индивидуальное поглощается, но вместе с тем снова

тию, снова говорил о своем намерении писать статью о Спинозе, так как Якоби напоминал ему 17 нояб. 1784 г. (Соч. Якоби. III, 501) о данном обещании и просил его скорее объяснить, в чем, по его мнению, заключается «суть учения Спинозы».

¹ Гердер к Якоби 2 нояб. (А, II, 259); Гёте к Якоби 12 нояб. 1784 г. (их переписка, с. 80).

² Касательно Гёте см. статью Суфана «*Goethe und Spinoza*» (с. 14).

выходит наружу. Поэтому он считает себя вправе утверждать, что эта система вполне удовлетворяет его и что в ней соединяются все системы; наконец он прибегает к странной натяжке с целью найти в этом мистическом пантеизме удовлетворение и для своих влечений к деизму. Он прибегает к еще более странной натяжке, когда находит тождество между Богом Спинозы и Богом христиан. Он уже давно отыскал в морали Спинозы содержание проповеди св. Иоанна о любви; он уже давно утверждал, что христианское учение не что иное, как та мораль, удостоверенная фактами. Но теперь он делает новый шаг далее. Он находит, что экземпляр «Этики» — уместный подарок гётевской подруге по случаю дня ее рождения, который совпадал с праздником Рождества Христова: он не без умысла старается сопоставить Спинозу с Христом¹. Он хочет уверить, что не только мораль Спинозы, но и вся его система проникнута духом христианства. Единородный сын Божий Христос, по его мнению, только один из тех органов, через посредство которых мы можем наслаждаться Богом в той мере, в какой он пребывает в нас.

В настоящее время уже не может быть никакого сомнения насчет того, что такое понимание учения Спинозы не верно. Бесспорно, более правильно было мнение Якоби, что у Спинозы субстанция действует беспричинно и бесцельно. Однако правда не была исключительно на стороне Якоби. Он обратил внимание только на чисто рациональную сторону метафизики Спинозы, а так как он соединял с умственной прозорливостью пылкое сердце, требовавшее удовлетворения для его личных эгоистичных притязаний, то он не был в состоянии понять, что та метафизика могла служить для великого философа и этикой, и религией: хотя он и усматривал у Спинозы склонность к мистицизму, но он не понял причину этой склонности. В том-то и заключались преимущества Гердера, что он прежде всего был поражен нравственным величием и религиозной глубиной воззрений Спинозы². Он яснее, чем Якоби, понимал, что рационализм Спинозы составлял одно целое с его мистицизмом; свое собственное нравст-

¹ См. посвящение в стихах, которое приведено у Суфана (с. 15). В этом стихотворении Гердер называет гётевскую подругу «сестрой святого Христа» (там же, прим. 41) не в смысле верующей христианки, а в том смысле, что день ее рождения совпадает с праздником Рождества Христова.

² Сравн. сообщенное Г. Мюллеру на словах мнение, что первая теоретическая часть «Этики» заключает в себе еретические воззрения, но вторая нравственная часть заключает в себе самую чистую и самую возвышенную мораль (Aus dem Herderschen Hause. С. 56).

венно-религиозное чувство он отождествлял с таким же чувством Спинозы и, став на эту точку зрения, по-своему объяснял метафизическое содержание его учения. Вот от чего происходило его неправильное понимание этого учения. Его укрепили в этом заблуждении странные возражения, которые делал Якоби против богословских воззрений Спинозы. Собственная философия Якоби, действительно, имела очень мало права называться настоящей философией. А под неверным гердеровским пониманием системы Спинозы сказывалось возвышенное, даже глубокомысленное понятие о Боге. Он был вполне прав, когда говорил, что не хочет ничего слышать ни о Боге, существующем вне вселенной, ни о Боге в человеческом образе, т. е. о Боге с личностью, не выходящей из некоторых рамок; поэтому он писал своему другу: «Если высшее понятие о всеобъемлющем Существо превращается у тебя в бессодержательное слово, то тебя, а не Спинозу, следует называть атеистом». Гердер протестовал против дуализма Якоби, потому что глубже сознавал внутреннюю связь метафизики с религией, сердца с разумом; его благородный пантеизм не мог ужиться с грубым деизмом Якоби. А именно в этом пункте он сходился с убеждениями Гёте. Для него служило опорой то обстоятельство, что Гёте понимал учение Спинозы точно так же, как он сам понимал. В наших глазах это обстоятельство, конечно, не имеет никакой важности, потому что Гёте не был близко знаком с метафизическими вопросами и подчинялся влиянию более его сведущего по этой части Гердера; но в наших глазах важно то, что Гёте составил себе одинаковое с Гердером понятие о Боге. Так как то понятие о Боге, которое составил себе Якоби, не могло быть согласовано ни с какими понятиями о единстве природы, то оно должно было внушать поэту Гёте еще более сильное отвращение, чем свободно мыслящему теологу Гердеру.

Из всего сказанного видно, что разномыслие касалось очень разнообразных пунктов, что все трое спорщиков уже достигли такого возраста, когда нелегко менять свои убеждения, что Гердер и Гёте не были способны безусловно усвоить чужую философию, а Якоби не мог согласовать со своими целями то понятие о Боге, которое находит у Спинозы; поэтому продолжение спора было бы бесполезно. Якоби и по сие время пользуется признательным уважением со стороны всех тех, кто прежде чем произносит приговор над учением Спинозы желает составить ясное понятие о содержании этого учения; кроме того, он своими сочинениями угодил всем благочестивым деистам; но относительно тех, кого он главным образом желал направить на истинный

путь — с одной стороны, относительно Гердера и Гёте, с другой стороны, относительно Мендельсона, — все его усилия были безуспешны. Так как Мендельсон не переставал обращаться к нему за новыми указаниями, то он составил новое, разделенное на 44 параграфа и очень подробное изложение системы Спинозы, в особенности той ее части, которая касалась метафизики. Само собой разумеется, что он сообщил это изложение и своим веймарским друзьям. Он вообразил, что теперь и Гердер убедится в неосновательности своих воззрений на учение Спинозы и потому просил его подробно рассмотреть новую статью¹. Но то было лишь кажущимся соглашением, когда веймарские друзья заявили, что та статья более сходится с их мнениями, чем то, что они слышали от Якоби в устных беседах, и когда Гердер положительно объявил, что система Спинозы изложена там в сущности именно в том виде, в каком она представляется его уму². Но замечания, вызванные статьей со стороны веймарских друзей, доказывали противное. Гердер нашел, что изложение Якоби отличается только внешними достоинствами, но что из него не видно главной сущности воззрений Спинозы, что Якоби недостаточно настойчиво указывал на реальность субстанции как главной сущности всех вещей, что хотя Богу Спинозы и нельзя приписывать никакого индивидуального мышления, но в этом Боге заключается «первоначальный источник мышления», так что только он один *funditus* и *radicaliter* мыслит; наконец Гердер не одобрял Якоби за то, что он, излагая в заключение свои собственные философские воззрения, отдавал предпочтение тому знанию, которое приобретает непосредственно, перед тем, которое приобретает путем доказательств; здесь он усматривал переход в область веры и упрекал Якоби за то, что он придавал слову «вера» многосторонний смысл. Итак, по всему видно, что разномыслие этих двух людей и относительно их понимания системы Спинозы, и относительно их философских воззрений было так же резко, как и прежде.

В скором времени это сделалось еще более очевидным. Когда Мендельсон пожелал выяснить, в какой мере Лессинг придерживался учения Спинозы и в чем именно заключалось это учение, то Якоби усердно старался помочь ему в этом деле, сообщая ему упомянутые ранее указания; но Мендельсон поступил очень

¹ Якоби к Гердеру 24 апр. 1785 г. (Избр. переписка. I, 376 и сл.).

² Гёте к Якоби 9 июня 1785 г.; Гердер к Якоби 6 июня того же года (Переписка Гёте с Якоби. С. 85; А, II, 270 и сл.).

странно, воспользовавшись доставленным ему материалом, для того чтобы вести в своих «Morgenstunden» полемику против пантеизма и для того чтобы опровергать мнения Якоби; поэтому Якоби решил предупредить Мендельсона. Он основательно полагал, что Мендельсону не следовало предоставлять право своевольно устанавливать *statum controversiae*. Поэтому он решил представить на суд читающей публики всю свою переписку касательно учения Спинозы или по меньшей мере все письма, которые он писал по этому предмету Мендельсону. Отсюда возникла целая книга: «Об учении Спинозы в письмах к Моисею Мендельсону» (Бреславль, 1785) — самая странная из всех книг, в которой Якоби является перед нами именно таким, каким он был на самом деле. К содержанию этих писем Якоби присоединил рассказ о том, по какому поводу они писались, а к этому рассказу присоединил объяснение мотивов, по которым считал нужным напечатать их. К главному содержанию книги — к ее цели изложить учение Спинозы в его настоящем виде, присоединилась другая важная цель: Якоби желал доказать, что в принципе веры заключается единственная возможность спастись от учения Спинозы. Поэтому он выразил все свои мнения в следующих основных положениях: спинозизм — то же, что атеизм и фатализм; в нем сказывается дух всех философских систем, основанных на доводах и, стало быть, также философии Лейбница и Вольфа; но всякие доводы предполагают нечто уже предварительно доказанное, т. е. нечто основанное на откровении или — выражая это слово субъективно — на вере. В заключение Якоби развивает эту мысль не столько со строгой последовательностью, сколько с горячим воодушевлением и часто делает ссылки на сочинения Лафатера, Гамана и Гердера, в особенности на «Древнейший документ» и на «Теологические письма». При этом Якоби заставлял играть странную роль как Гердера, так и Гёте. В виде дополнения к разговорам с Лессингом приведен тот монолог Прометея, который вызвал от Лессинга признание в пантеизме, — так что Гёте пришлось «сидеть на одном костре» с Лессингом. Вместе с тем указывалось и на другое гётевское стихотворение¹, в котором одаренный нравственной свободой человек противопоставлялся бесчувственной природе и слепому счастью и изображен верующим в высшие существа; по мнению Якоби,

¹ «Das Göttliche» — это стихотворение было здесь напечатано в первый раз, а прежде того оно было помещено в рукописном тифуртском журнале (Соч. Гёте / Изд. Гемпеля. II, 331 и сл.).

это стихотворение могло служить чем-то вроде оправдания для поэта, которому, таким образом, приходилось играть у костра роль защитника верований и личных мнений Якоби. Таковую же двойственную роль Якоби заставлял играть и Гердера. Впрочем, он называл имя Гердера только тогда, когда приводил цитаты из его прежних сочинений — такие цитаты, которые были совершенно в духе Гамана и Якоби и в противоположность со всеми философскими системами, основанными на фатализме или на доводах, отстаивали принцип опыта, веры и исторической истины; но между строк и не называя Гердера по имени, Якоби намекал на него там, где касался «бессмысленного Спинозизма», усмотренного Вахтером в каббале, и там, где предостерегал от ошибочного мнения, будто учение Спинозы совместимо хоть с какой-нибудь религией; ведь при некотором сочувствии к Спинозизму, говорит Якоби, можно быть мечтателем и «уметь пускать очень красивые мыльные пузыри»¹.

При таких обстоятельствах сочинение Якоби не могло произвести благоприятного впечатления на веймарских друзей автора. Эти друзья уже составили себе определенное мнение о Спинозе, так что благочестивые нападки Якоби на этого философа никак не могли изменить их точку зрения. Твердое и сознательное одобрение со стороны Гёте постоянно поддерживало Гердера в сочувствии к учению Спинозы, а гердеровское объяснение «Этики» Спинозы оказывало сильное влияние на Гёте, в особенности потому что Гёте довольствовался тем, что находил в этой книге согласного со своим образом мыслей, но никогда не изучал основательно ее содержания. Поэтому два друга отнеслись совершенно одинаково к сочинению «доброего Фрица». Они остались при своем прежнем убеждении, что атеизм и Спинозизм не одно и то же, и хотя Гердер считал своим долгом поблагодарить Якоби, так часто ссылавшегося на его сочинения, когда шла речь о вере, но *scientia intuitiva* Спинозы уже приобрела в его глазах высокую цену, вследствие того что с ней согласовались гётевские воззрения на природу; поэтому он сошелся с Гёте в убеждении, что Якоби придавал слову «вера» двусмысленное значение, из которого делал софистические выводы. Гёте слегка упрекнул проповедника веры за нескромные ссылки на его имя и на его

¹ Что эти слова относятся к Гердеру (Ueber die Lehre des Spinoza. С. 171), более чем правдоподобно, потому что Якоби уже ранее того заметил, что Гердер «постоянно занимается пусканием мыльных пузырей» (Якоби к Краусу 14 сент. 1788 г.: Цёпприц. I, 108).

стихотворения, а ко всему остальному отнесся в своем ответном письме с высокомерным равнодушием, и лишь впоследствии высказывал свое мнение на словах с большей определенностью; напротив того, Гердер немедленно изложил все свои возражения в письме к Якоби от 16 сентября; это письмо было написано в придирчивом тоне и отзывалось таким пренебрежением к мнениям Якоби, которого не могли искупить перемешанные с насмешливыми возражениями изъявления сердечной привязанности; оно вызвало от Якоби колкое замечание, что Гердер имеет странное понятие о гуманности. В том же письме, между прочим, говорилось: «Мы провели вчерашний вечер у Гёте и посредством удачной переделки нескольких букв превратили содержание катехизиса в атеизм; покуда мне еще не удалось сделать совершенно противное — превратить учение атеистов в содержание катехизиса». Ввиду того что он намеревался высказать в других своих сочинениях — в «Идеях» и в «Разбросанных листках», он не считал удобным писать теперь возражения против ошибочного мнения, будто «спинозизм — то же, что атеизм», не считал удобным доказывать, что Спиноза не атеист, а, по выражению Гете, писатель *theissimus* и *christianissimus*; поэтому он заявил, что покуда будет придерживаться воззрений Спинозы, Шефтсбери и Лейбница. Далее читаем: «Ты настоящий ортодоксальный христианин, потому что у тебя есть существующий вне этого мира Бог *comme il fant* и ты спас твою душу»; за этим следуют новые насмешки, в которых Гердер повторяет на разные тоны шуточные отзывы Лессинга, так метко бичевавшие Якоби; он старается вполне убедить своего друга в своей полной солидарности как с Гёте, так и с Лессингом во всем, что касается учения Спинозы. В том же письме он отказывается от помощи, которую прежде просил у Якоби для борьбы с Кантом, — он, как следует полагать, опасался, что эта помощь может только компрометировать его.

Якоби, понятно, не имел никакой охоты отвечать на такое письмо. Сочинения Спинозы играли роль перегородки, разделявшей двух друзей. И Глейму Гердер писал 17 февраля 1786 г.: «Против Якоби говорите мне что хотите, но против Спинозы не говорите мне ничего. Я сделался наперекор Лессингу последователем Спинозы и, как ребенок, радовался тому, что неожиданно нашел здесь единомышленника. Как жаль, что я был далеко от Вас», и т. д. Даже в споре, возникшем по поводу статьи Якоби о Спинозе между ним и Мендельсоном, Гердер не принял сторону первого из них так решительно, как того следовало

бы ожидать¹. «Morgenstunden» Мендельсона были изданы вскоре после сочинения Якоби. То, что в них говорилось о глубокомысленном учении Спинозы, ясно доказывало, что их автор не был способен понимать это учение; называя Лессинга деистом самого чистого закала, Мендельсон еще раз обнаруживал свою недальновидность и привязанность к своим старым узким воззрениям. Тем не менее Гердер нашел, что Мендельсон хорошо написал свое завещание². Хотя от его внимания и не ускользнули иудейские уловки нового Сократа, но он предоставил Гёте указать на них Якоби, а сам указал на них только в письме к Гаману³. Разве Якоби не был вправе ожидать, что Гердер сам вступится за него с дружеским участием? А когда наконец появилась статья Мендельсона «Anhang zu Herrn Jacobi Briefwechsel über die Lehre des Spinoza, Moses Mendelssohn an die Freunde Lessings», наполненная разными искажениями и неосновательными нападками на Якоби, и вслед за тем появилась ответная статья Якоби «Wider Mendelssohns Beschuldigungen», разве узы дружбы не обязывали Гердера громко выразить его несочувствие к Мендельсону и сочувствие к Якоби? Правда, в письме к Гаману Гердер выразил это сочувствие в коротеньком замечании, что Якоби «храбро защищался»; но едва ли можно сомневаться в том, что его собственное мнение о статье Якоби сходилось с тем, которое высказал Гёте в недружественном письме от 5 мая 1786 г.⁴ Он, подобно Гёте, желал бы найти в возражениях Якоби больше простоты, меньше страстности, претенциозности, разных оговорок и уверток, а относительно сущности этих возражений обратил свое внимание только на те пункты, в которых расходился с мнением автора по главным вопросам. Разве можно винить Якоби за то, что он был обижен хладнокровным молчанием Гердера? Понятно, что и сам он ничего не писал Гердеру. Он — к крайнему сожалению Гамана — не хотел по своему собственному почину возобновлять прерванную переписку⁵. А из того, что он узнал от какого-то сплетника, он наконец пришел к убеждению, что Гер-

¹ Чтобы разрешить вопрос о том, кто был в этом споре прав, следует обратиться к подробному и беспристрастному его изложению: *Schöll. Briefe und Aufsätze von Goethe*. С. 204 и сл.

² В письме к Глейму от 17 февр. 1786 г.

³ Гёте к Якоби 1 дек. 1785 г. (их переписка, с. 95) и Гердер к Гаману (*Гильдемейстер*. V, 195).

⁴ *Гильдемейстер*. V, 332; Переписка Гёте с Якоби. С. 104 и сл. и приложенный там превосходный комментарий Шёлля (с. 211 и сл.).

⁵ Якоби к Гаману 21 апреля 1786 г. (*Гильдемейстер*. V, 293).

дер «вовсе не желает иметь с ним дела»; таким сплетником был, по мнению Гердера, Рейхардт, настойчиво старавшийся узнать его мнение о возникшем споре. Тем не менее Якоби наконец послушался неоднократных увещаний Гамана: он послал старому другу свою новую статью «Давид Юм о вере» и вместе с тем намекнул на то, как его огорчало упорное молчание друга¹. Гердер отвечал ему письмом от 7 мая 1787 г., в котором называл обидчивого Якоби «неверующим Фомой». Он говорил, что остался доволен присланной ему статьей и хвалил ее автора за более осмотнительное изложение, за то, что он вынес хоть какую-нибудь для себя пользу из этого нелепого спора. Впрочем, он советовал Якоби впредь не трудиться напрасно над спорным вопросом. Вместе с тем он прислал Якоби третью часть «Идей» и уведомил его, что в самом непродолжительном времени издаст небольшую книжку, из которой он увидит, как было неосновательно его предположение, будто его старый друг не хочет иметь с ним дела.

III. Статья о Спинозе

Эта статья была не что иное, как ранее нами упомянутая параллель между Спинозой, Лейбницем и Шефтсбери, но она незаметным образом превратилась в статью об одном Спинозе. «Бог. Несколько диалогов, написанных И. Г. Гердером» (в Готе у Эттингера, 1787) — таково было странное заглавие статьи, которую автор поспешил послать к Якоби при письме в несколько строчек².

Она была написана немедленно вслед за тем, как в начале 1787 г. Гердер довел до конца третью часть «Идей», и в то время, как эта часть печаталась. Ему, быть может, снова напомнила о Спинозе его памятная записка о Лессинге, которая была перепечатана во втором сборнике «Разбросанных листков», вышедшем в свет весной 1786 г. В конце предисловия к этому сборнику сказано, что автор мог бы прибавить несколько слов о Лессинговом диалоге о спинозизме, но этот сюжет «достоин того, чтобы ему была посвящена особая статья, которая и будет написана в свое время». Она, действительно, была написана после окончания

¹ *Цётцриц*. I, 107; сравн. письма Гамана к Якоби (*Гильдемейстер*. V, 322, 323, 459, 462, 463). Гердер к Гаману 28 апр. 1787 г. (Соч. Гамана. VII, 356). Якоби к Жан-Полю (*Цётцриц*. I, 211, 212).

² Якоби к Краусу (*Цётцриц*. I, 108).

третьей части «Идей». На ее содержание имели влияние и статья о Лессинге, и спор между Якоби и Мендельсоном, и третья часть «Идей», и нападки Канта на две первые части «Идей», и наконец давнишнее намерение сопоставить в одной статье трех философов. Она теперь точно будто упала с дерева, подобно созревшему плоду¹.

Четвертый из этих диалогов был написан специально по поводу спора, возникшего между Якоби и Мендельсоном.

Разбирая содержание личных бесед Лессинга с Якоби, автор снова берет сторону первого из них и подобно ему ничего не хочет слышать о личном «божестве, стоящем выше и вне вселенной»; однако это не мешает ему указывать на то, что воззрениям Лессинга не доставало ясной определенности и подробного развития, что Лессинг «при изучении системы Спинозы остановился на половине дороги» и не достиг ее полного понимания. В статье Якоби о системе Спинозы Гердер находит много «основательных и прекрасных идей, превосходно изложенных», но не разделяет воззрений Якоби на эту систему, а напротив того, выражает полное сочувствие к тому поверхностному о ней понятию, которое изложено Мендельсоном в «Morgenstunden». Он снова упрекает Якоби за недостаточно ясное объяснение его принципа веры. Само собой разумеется, что именно на этом

¹ Из переписки Гердера с Кнебелем ясно видно, что он приступил к изложению своих собственных понятий и понятий Спинозы о Боге приблизительно за год перед тем, как он в феврале и в марте 1787 г. окончательно высказал в пяти диалогах все свои воззрения на этот предмет. Ведь еще до отъезда Гёте в Италию Кнебель сообщал своему другу замечания о рукописном сочинении именно такого содержания (С, III, 24, № 17, без числа). И после того — в то время, как писалась статья «Бог», — Кнебель давал советы Гердеру. «Сделайте мне удовольствие, — писал Кнебель 2 марта 1787 г. (С, III, 25), — сообщите мне что-нибудь касательно вашей статьи о Спинозе». Эта просьба была немедленно исполнена — ведь письмо Кнебеля от 18 марта (С, III, 26 и сл.) было написано после того, как Кнебель прочел в рукописи все пять диалогов о «Бог». Из не помеченного никаким числом ответного письма Гердера (Knebels Nachl. II, 291, № 33) видно, что критические замечания Кнебеля побудили автора сделать некоторые изменения и дополнения и что только после того (Там же. II, 265, № 18) рукопись была отправлена в печать. Гердер послал печатный экземпляр статьи 25 мая Глейму, которого уже ранее уведомил по секрету о предстоявшем появлении статьи с ее странным заголовком (С, I, 130, прим. 2 и 1; С, I, 129: Глейм к Гердеру 10 мая). Георг Мюллер также был 30 апреля заранее уведомлен о появлении статьи, которая была им получена 24 июня (Gelzer, с. 118). Принц Август прочел ее 7 июня, но, случайно захав в Веймар, уже ранее обсуждал ее содержание в своих разговорах с Гердером (письмо принца к Гердеру от 20 мая).

пункте мы должны сосредоточить наше внимание; ведь сам Гердер, в качестве гамановского ученика, так часто противопоставлял историю и опыт, веру и откровение тому познанию, которое основано на доказательствах, что именно в упомянутом пункте, по-видимому, должен бы был сходиться с мнениями Якоби. Но унаследованное от Гамана убеждение, что вера выше всякого познания, основанного на доказательствах, уже было поколеблено знакомством Гердера с доводами Спинозы и тем влиянием, которое имел на него ясный ум Гёте; он уже познал цену знания, приобретенного путем исследований, и научился уважать строго логическое мышление. Поэтому, если он не хотел, подобно Якоби, противопоставлять знание, основанное на вере, тому знанию, которое основано на доказательствах, то ему приходилось теперь отыскать способ соглашения между этими двумя противоположными точками зрения. Гердер разрешил эту задачу путем самого запутанного эклектизма и при помощи самых сбивчивых суждений. Он вполне основательно устанавливает различие между верой в свидетельство наших собственных чувств и нашего разума и верой в исторические предания. В сочинениях бюкебургского периода и даже в «Теологических письмах» он превосходил самого Якоби своей привязанностью к религиозным верованиям; поэтому то было с его стороны новым шагом вперед, что теперь он возвратился к своим более старым критическим и рационалистическим воззрениям, что он стал теперь говорить о вере в чужие свидетельства или даже о вере «в свидетельство традиций или анонимных народных сказаний» почти то же, что говорил Лессинг о необходимости такой критической проверки, в которой «разум не остается без деятельного участия». Но теперь Гердер стал требовать, чтобы и в искренних верованиях разум не оставался без деятельного участия. Кто хочет познавать Создателя только чувством, не стараясь увидеть и познать его разумом, тот, по словам Гердера, «не имеет верного понятия о человечестве». Настоящий принцип веры, по его мнению, тождествен с принципом мышления. Гердер восстает только против лжемудрствований, не опирающихся ни на указания природы, ни на указания опыта, против произвольного сочетания ни на чем не основанных призрачных идей; напротив того, он самым решительным образом настаивает на необходимости контролировать, очищать и изолировать чувства на основании правил, указываемых опытом, а мышление — на основании правил, указываемых разумом. Эти основные требования истины — о содержании которых он говорит в самых неясных выражениях —

он находит исполненными не только у Спинозы, но также в мендельсоновской философии. Таким образом оказывается, что «чистосердечный, правдивый автор» писем о Спинозе вместе со своим принципом веры вовсе ее находит в противоречии с Мендельсоном — с этим «светлым, бодрым философом, подобных которому было бы желательно побольше видеть в нашем отечестве».

Из всего сказанного видно, что центр тяжести в гердеровской теории познания, еще незадолго перед тем близко сходящийся с воззрениями Якоби, придвинулся теперь к точке зрения Спинозы, даже Лейбница и Вольфа, и даже Мендельсона. Философия этого последнего долго была в глазах Гердера не чем иным, как бесплодной мудростью, искавшей опоры только в доказательствах, как пустым мудрствованием и бессодержательными словами, — а теперь ту же роль стала играть в его мнении философия Канта. Из желания примирить противоположные мнения Мендельсона и Якоби Гердер утверждает, что эти два писателя стоят на одной и той же почве настоящего принципа познания, на той почве, на которой стоит всякий мыслитель, достойный названия философа, а напротив того, всякий разумный мыслитель (здесь автор намекает на Канта — на этого «злого человека», — которого, однако, не называет по имени) должен находить бессмысленным и такое человеческое познание, которое не основано на опыте, и такие чувственные понятия, которые основаны не на осязании предмета, а на каких-то никем не признаваемых формулах. Таким образом Гердер направляет свои полемические нападки против Канта, которого он старался задевать и в своих прежних диалогах, не называя по имени. На него же нападает Гердер и там, где ведет речь о возможности доказать существование Бога. Ведь он имеет в виду главным образом Канта, когда упоминает о недавно высказанном мнении, будто «нет и не может быть никаких доказательств существования Бога»; он приводит цитаты из кантовской «Критики чистого разума», из той главы, в которой идет речь о невозможности найти космологические доказательства бытия Божия, — а эти цитаты приводятся с целью доказать, до каких нелепостей может доходить метафизика; в опровержение мнений Канта Гердер приводит такое доказательство бытия Божия, которое находится в резком противоречии с той эклектической теорией познания, которая должна была примирить воззрения Якоби с воззрениями Мендельсона. Он совершенно расходится с мнением Якоби, утверждая, что бытие Божие может быть доказано; но сущность его доказа-

тельств сводится к вере в бытие Божие, к вере в существование истины и разума. Он говорит, что в самом понятии о разуме заключается главное доказательство того, что он существует и что его может удовлетворять только истина; тем, что мы помышляем о Боге, мы доказываем, что существует *primum exemplar rationis*, что существует Бог; таким образом, оказывается, что он обходит возражения Якоби против возможности доказать бытие Божие и лишь повторяет в измененной форме онтологический аргумент, придерживаясь середины между формулированием этого аргумента у Картезиуса и догматическим положением Спинозы, что Бог существует *causa sui*¹.

Достаточно прочесть только четвертый диалог, чтобы убедиться, что Якоби не мог быть доволен гердеровской статьей. А Мендельсон, по своему обыкновению, усмотрел в возражениях Гердера личную обиду. Он был возмущен тем, что на него печатно нападал тот самый друг, который при личном с ним свидании бросился к нему на шею с братской любовью. «*Vultu mutabilis, albus et ater*», — писал Мендельсон Гаману. Он прекратил переписку с тем, чье первое письмо привело его в восторг. Он стал жаловаться всем своим друзьям на разочарования, которые готовила ему вслед за статьей «Бог» третья часть «Идей», и все его друзья — за исключением тех, которые жили в Веймаре, — стали в один голос с ним осуждать новые пантеистические воззрения автора «Древнейшего документа». В их глазах Гердер был отступником и человеком, сбившимся с настоящего пути. Графиня Ревентлов с удивлением читала гердеровскую статью, носившую нечестивое заглавие; под разбросанными там цветками она с ужасом видела глубокую пропасть, лишь прикрытую красивым флером; она пришла к убеждению, что сочинения Гердера похожи на «семью, в которой дети пожирают друг друга». В письме к Якоби Лафатер назвал диалоги о Боге легкомысленной книгой, потому что они с виду написаны с религиозной целью, а в сущности не что иное, как «фокусничество», как «волшебный фонарь, который возбуждает головокружение». «Гердеровская статья о Боге, — писал он Клейкеру, — доставила мне возможность глубоко заглянуть в сердце Гердера. У каждого человека такое же сердце, каков его Бог. Я желал бы, чтобы этот талантливый человек объяснил нам, какую внутреннюю связь име-

¹ Сравн. с доказательством на с. 157 и сл. письмо к Кнебелю (Knebels Literatur. Nachl. II, 291, № 33).

ют все его идеи и каким образом они совмещаются одни с другими»¹.

Однако эти идеи совмещались одни с другими лучше, чем идеи Лафатера, несмотря на то что статья о Боге находилась в резком противоречии с «Древнейшим документом»; если бы Якоби не был ослеплен чрезмерным самомнением, то он мог бы отыскать внутреннюю связь между прежними общепонятными теологическими воззрениями Гердера и его новыми воззрениями, понятными лишь для ученых. Он прежде всего должен был заметить, что в статье о Боге не было ничего другого, кроме того что автор уже не раз сообщал ему и на словах, и в письмах. И мы найдем в ней не много нового.

Гердер имел главным образом в виду защиту Спинозы. Он старался опровергнуть ошибочные мнения о Спинозе, которые были пущены в ход Бэйлем и поддерживались пристрастной полемикой между различными партиями теологов и философов. Гердер начинает с заимствованных у Колеруса биографических сведений, которые доказывают, что Спиноза был человек кроткого и миролюбивого характера. Затем следует перевод вступительной главы в «Tractatus de intellectus emendatione» Спинозы. Человека, написавшего эту главу, никак нельзя назвать наглым атеистом, а скорей можно назвать «мечтателем, метафизиком и моралистом»; в его душе таился высокий идеал человеческой природы, науки, естествознания. Чтобы понимать Спинозу, нужно познакомиться с его личностью, с зарождением и историческим развитием его идей. Чтобы познакомиться с его личностью, надо прочесть его «Этику» в связи с его письмами. Зарождение его идей докажет нам, что как во всех его словах и мыслях, так и в его неудачном геометрическом методе видно влияние Картезиуса. Наконец, необходимо проследить дальнейшее развитие его идей позднейшими философами. Феофрон обращается к любознательному Филолаю со следующими словами: «Никогда не останавливайтесь на том, что вы у него прочтете, а по поводу каждого из встречающихся у него парадоксальных мнений призывайте к себе на помощь новейшую философию и старайтесь доискиваться, каким способом то или другое из его мнений было отложено в сторону или же было выражено проще, лучше, удачнее; тогда Вы сами поймете, отчего происходили его заблуждения и каким образом далее развивались высказанные им верные

¹ *Ratjen*. Johann Friedrich Kleuker. С. 94, 85; сравн. 87 и сл.; Лафатер к Якоби (*Цѣннрци*. I, 92 и сл.).

понятия». Это правило вовсе не сходится с неоднократно предьявленным в сочинениях Гердера требованием, чтобы при оценке поэтических произведений принимались в соображение временные и местные условия; оно не сходится и с предьявленным немного ранее требованием, чтобы при чтении сочинений этого жившего в прошлом столетии философа его слова понимались не в том смысле, какой им придают наши философы! Однако Феофрон, по-видимому, старается согласовать мнения Спинозы с мнениями его преемников или, скорее, со своим собственным воззрением на эти последние. Он дает нам не объективное изложение учения Спинозы, а остроумную переделку системы этого философа.

Защитнику Спинозы было не трудно очистить философа от обвинений в атеизме. Для этого ему не было надобности вступать в противоречия с его собственными убеждениями. Мысль о Боге была у автора «Этики» и начальной мыслью, и конечной; даже можно сказать, что у него все исходит из понятия о вечном бытии Божьем, — его даже можно назвать «фанатическим проповедником бытия Божья». Только тогда, когда от обвинений Спинозы в атеизме Гердер переходит к обвинениям в пантеизме и фатализме, он прибегает к критическому разбору и к подробным объяснениям учения Спинозы. Но он прибегает, по мере надобности, то к одному, то к другому вспомогательному средству, вполне оправдывая меткое лафатеровское сравнение его доводов с волшебным фонарем. Он углубляется в сущность религиозно-нравственных воззрений Спинозы и, сделав критический разбор их содержания, переделывает их так, чтобы они могли согласоваться с его собственными воззрениями. Он устраняет из учения Спинозы все «шероховатые» выражения и суждения, в которых усматривает остатки влияния Картезиуса. Он придает воззрениям Спинозы такой смысл, который отождествляет их с воззрениями Лейбница; а воззрения Лейбница он излагает в таком виде, что они сходятся частью с воззрениями Спинозы, частью с воззрениями натуралистов, и, таким образом, приводит их в соответствие со своими собственными убеждениями.

Он без всяких колебаний разделяет мнение Спинозы, что Бог есть субстанция, так как Бог, действительно, существует сам по себе, так как причина его существования заключается в нем самом. Он вполне соглашается и с тем мнением, что Бог не *causa transiens* вселенной, а *causa immanens*; что Бог выше пространства и времени, он считает за самую несомненную истину; он считает за одну из самых важных заслуг великого философа уста-

новленное им различие между временем и вечностью, между крайне неопределенным понятием о временно существующем мире и понятием о беспредельности божества. При помощи одного из лейбницевских воззрений он приравнивает к своим мнениям учение Спинозы о том, что и мы сами, и все, что существует, — не что иное, как видоизменения бесконечной субстанции; никакой последовательный в своих суждениях ум, говорит он, не может сомневаться в том, что всякий предмет есть «видоизмененное проявление божеских сил», что как в своем существовании, так и в каждом проявлении своих сил он зависит от самостоятельного Существа. Сочувствие Гердера к идеям Лейбница скоро высказывается более ясно и определенно. Критический разбор учения Спинозы о божеских атрибутах превращается в настоящую переделку этого учения. Такими атрибутами Спиноза считал мышление и распространение. Но относительно распространения Гердер делает Спинозе остроумное возражение: каким образом Спиноза, так верно установивший различие между временем и вечностью, мог приписывать Богу такой атрибут? Ведь пространство стоит совершенно на одном ряду со временем! Это заблуждение объясняется, по мнению Гердера, зависимостью Спинозы от Картезиуса, который, увлекшись противоположностью между духом и материей, отождествил эту последнюю с пространством. Уже Лейбниц понял эту ошибку Картезиуса — поэтому при помощи лейбницевской философии можно придать системе Спинозы ту цельность, какой ей до того времени не доставало. Спинозе не доставало среднего понятия между духом и материей — такое среднее понятие мы находим в понятиях Лейбница о существенных силах. Таким образом, учение Спинозы о беспредельных атрибутах божества, между которыми мы распознаем два атрибута — мышление и распространение, превращается в учение, что Бог — первоначальная сила, которая проявляет себя бесконечным образом в бесконечных силах. Обвинение в пантеизме не может падать на систему, устанавливающую самое определенное различие между вселенной, которую наше воображение представляет себе беспредельной и делимой на части, и не допускающей деления на части беспредельностью бытия Божия; неосновательность этого обвинения становится еще более очевидной, когда — согласно с духом учения Спинозы, но с устранением его шероховатой терминологии, заимствованной от Картезиуса, — считают каждый предмет за проявление божеской силы, за продукт вечно действующего во вселенной влияния Божия. Но вместе с заменой материи немате-

риальными силами устраняется резкость различия между духом и материей. Она устраняется, когда учение Лейбница исправляется при помощи суждений самого Лейбница, когда оно исправляется так, как это делалось в гердеровской статье «О познавании и чувствовании» и как это делалось еще ранее Гердера другими последователями Лейбница и, между прочим, Кантом в его молодости, когда предустановленная гармония между телом и душой заменяется гармонией между действующими силами, — тогда весь мир Божий представляется нам царством невещественных сил, из которых каждая находится в связи с другими, потому что только из их обоюдного влияния возникают в мире все явления и перемены.

Переделка учения Спинозы не прекращается и тогда, когда Гердер старается защитить Спинозу от обвинений в фатализме. Это самая слабая часть рассматриваемой нами статьи — требования необходимости, которым подчиняется субстанция Спинозы, превращаются у Гердера в такие требования, которым та субстанция подчиняется сознательно. Автор воображает, что он исправляет учение Спинозы при помощи собственных идей этого философа; он освещает основные положения Спинозы при помощи основной идеи его учения и полагает, что этим способом ставит Спинозу даже выше Лейбница. Он усматривает препятствие только в дуализме Картезиуса — в том, что этот философ считал атрибутами божества мышление и распространение. Чтобы установить внутреннюю связь между этими двумя понятиями, он прибегает к понятию о могуществе. Но он развивает это новое понятие так же неудовлетворительно, как развивал понятие о материи, — ведь иначе ему пришлось бы дойти до понятия о силах, действующих как в материи, так и в органах мышления. Тогда высшее могущество представилось бы ему не только беспредельно действующей силой, но вместе с тем беспредельно мыслящей, и, стало быть, оно получило бы внешний вид бесконечной благодати, подчиняющейся внутренним неизменным законам! Впрочем, следует заметить, что к такому результату привела бы только его собственная система мышления. Так как он придавал такое высокое значение мышлению, то разве мог он допустить, чтобы его высшее Существо, обладавшее всеми совершенствами в самой высокой степени, было лишено мышления? Так как он отождествлял правильное познание с признанием вечного, божественного Существа, то разве мог он представить себе «слепым, как Полифем», того Бога, которого считал за источник, за предмет и за сущность всякого познания? Так как он признавал

разум и волю за одно нераздельное целое, то разве мог он не признавать и в Боге сочетания бесконечной действующей силы с бесконечной силой мышления — сочетания могущества с мудростью и с благостью? Поэтому он приписывает субстанции Спинозы способности существа, одаренного мышлением и волей, — существа в одно и то же время и личного, и безличного. Чтобы устранить противоположные воззрения автора «Этики», он прибегает к легкому извращению их смысла: он говорит, что Спиноза отличает беспредельный разум Божий от разума и от понятий ограниченных существ только для того, чтобы доказать, что разум Божий не имеет себе подобного и что с ним нельзя сравнивать разум других существ. «Мысли Божьи нельзя называть только мудрыми, так как в них заключается вся сущность мудрости; деяния Божьи нельзя называть только благими, так как в них заключается вся сущность благодати, — а все эти отличительные особенности божества истекают не из требований необходимости, не из произвола, а из внутренней неизменной природы божества, из первоначальной совершенной благодати и истины». Этим способом Гердер доводит учение Спинозы до такого пункта, на котором оно стоит «одним шагом далее учения Лейбница», доводит до такого пункта, который занимает не совсем ясное срединное положение между учениями Спинозы и Лейбница, между пантеизмом и деизмом, отчасти соприкасается с воззрениями Шефтсбери. Ведь в своих нападках на учение о конечных причинах автор снова берет сторону Спинозы против лейбницевской теодицеи; однако он постоянно оправдывает антропопатизмы этой теодицеи общедоступным характером «превосходной» книги. В этом пункте он сходится со спинозизмом гётевских воззрений на природу. Он говорит, что в Боге нет ничего произвольного и нерешительного. Поэтому было бы безрассудно стараться угадывать то или другое намерение Божье. В каждом пункте, в сущности и в свойствах каждого предмета проявляется весь Бог; поэтому настоящий естествоиспытатель должен сам доискиваться только сущности вещей и подмечать вложенные в них от природы законы; всякий найденный им настоящий естественный закон представляет «найденное им правило вечного божеского разума». Путь к такому воззрению на природу проложил Спиноза, тем что отвергнул учение о конечных причинах.

Изложив в четвертом диалоге все свои возражения против мнений Якоби, Гердер рассматривает в пятом диалоге систему Спинозы преимущественно с ее нравственно-религиозной стороны и в то же время делает обзор ранее добытых выводов частью

в более свободной, частью в более определенной форме. Он все еще не теряет из виду Спинозы, также построившего свою мораль на основании своей метафизики, но теперь уже не заботится исключительно о защите великого философа: теперь этот философ — говоря словами гердеровского предисловия — превращается в «рукоятку жертвенного сосуда», из которого автор «изливает несколько капель на алтарь своей юности». Он будет держаться только проложенной перед ним тропы и потому будет излагать в сущности не систему Спинозы, а свою собственную. По рассказу «Воспоминаний», он писал всю свою статью «с самым благочестивым душевным настроением»; и как при чтении вслух рукописи, так и во время прогулок Каролина разделяла с ним те радостные чувства и мысли, которые Спиноза не столько внушил ему, сколько пробудил в нем, — так что «и небеса, и земля представлялись им в совершенно новом виде»¹. Отсылая диалоги к Г. Мюллеру², Гердер писал: «Вот Вам тот Бог, в которого я верую; я писал эту статью с необыкновенно глубоким убеждением». Он говорил Шиллеру, что в этой статье изложено его собственное вполне убедительное понятие о Боге³. В рецензии, написанной Буле, шла речь об «опасном влиянии», которое мог оказать этот гердеровский спинозизм на «некоторые истины, служащие для людей главным источником душевного спокойствия». По этому поводу Гердер решительно отрекся от общепринятых антропоморфических понятий о Боге и выразил как свое глубокое убеждение в основательности своих воззрений, так и душевное удовлетворение, которое находил в них. В одном из своих писем к гёттингенскому Мейеру он говорит: «Мне хотелось бы знать хоть одну из так называемых утешительных истин! Но то, что выдается за утешение старыми бабами, не заслуживает названия истины, так как не может доставить никакого утешения разумному человеку. Люди обыкновенно хотят только такого Бога, который имел бы одинаковую с ними внешнюю форму и служил бы для них чем-то вроде коренной лошади и которому они только вкладывают в руки державу; при этом они так замазывают свой разум, что уже не в состоянии понимать ту единственно высокую идею, которая отовсюду бросается им в глаза, к которой все примыкает и которая доставляет все, чего можно желать, — и утешение, и душевную радость, и истину, и

¹ Воспоминания. III, 109; Каролина к Г. Мюллеру 12 февр. 1808 г.

² 24 июня 1787 г. (*Гельцер*, с. 118).

³ Шиллер к Кёрнеру 8 авг. 1787 г. (их переписка. I, 127).

надежную опору, и вечное существование. Кто отведал хоть одну каплю этого напитка, тот уже никогда не будет чувствовать жажды»¹.

Именно эта вера высказана в последнем из пяти диалогов. Он весь посвящен объяснению сущности божества и доказательствам того, что деяния Божьи суть продукты «самой мудрой и самой благой необходимости». Сущность божества, по мнению Гердера, заключается в бытии, понимаемом в самом высоком значении этого слова; понятие о бытии совпадает у него с понятием о силе, а высшая сила со своей стороны заключает в себе и могущество, и мудрость, и благость. Весь мир есть проявление этих трех свойств, которые и составляют в своей нераздельности сущность всякого появляющегося в мире бытия. Таким образом, Гердер признает себя последователем оптимизма Лейбница и Шефтсбери. Убеждение, что в мире вовсе нет небытия, для него тождественно с убеждением, что в мире нет ничего в сущности дурного. Но так как, по его мнению, во всем есть какая-нибудь доля бытия, то бесконечная сила должна проявляться в бесконечном ряде нисходящих ступеней. Эти силы, тождественные с несложными лейбницеvскими субстанциями, могут проявляться не иначе как через посредство органов и потому не могут проявляться иначе как в телесных формах; но и телесная форма есть не что иное как царство живых сил; каждое тело представляет такую организацию, в которой преобладает одна сила, а другие силы находятся от нее в зависимости на самых разнообразных ступенях своего развития; а все эти силы соединяются в одно цельное явление не по нашей воле, а вследствие взаимного влияния одних на другие; нам уже известно, что в этом пункте Гердер делает из учения Лейбница такой вывод, который совершенно в духе этого философа. Из такого воззрения истекают самые лучшие основные положения естествознания, психологии и этики. Затем Гердер снова требует, чтобы во всех натуральных явлениях отыскивали «пункт чистой необходимости» и старались прозорливо и спокойно подмечать странную гармонию в каждом живом создании, в сравнении его частей, в сравнении нескольких созданий между собой; в этом случае он требует только того, что он сам старался делать по примеру Гёте; он выражает идеи Гёте, когда говорит, что искусство украдкой следит за такими на-

¹ Гёттингенский ученый указатель. 1787. 16 июля. № 113; Мейер к Гердеру 1 авг. 1787 г. (С, II, 244 и 245); Гердер к Мейеру (Там же); Zur Erinnerung an F. L. W. Meyer. I, 167 и сл.

блюдениями природы, а новейшее внимательное изучение природы связано с ним узами близкого родства. Он снова опирается на учение Спинозы, когда, отвергая смелые попытки физиогномических объяснений, указывает на существенное сходство тела и души; он снова выражается в духе Спинозы, когда, переходя к этическим выводам, — по его собственному выражению — украшает свои диалоги венком. В духе Спинозы и то гердеровское положение, что нравственный мир также подчиняется естественным законам. И с мнениями Спинозы, и с мнениями Гёте согласно требование, чтобы в вопросах о нравственности человек старался подчиняться «закону приятной необходимости», чтобы в исполнении долга он видел не тяжелую необходимость, а подчинение требованиям природы, так как добродетель заключает в себе «награду добрых ангелов» — небесную жизнь и блаженство. Он положительно одобряет основное положение «Этики» Спинозы: *suum esse conservare*; но он, конечно, не одобряет чрезмерной строгости, с которой та «Этика» все выводит из этого основного положения и, таким образом, во всем усматривает действие естественных законов; напротив того, он разделяет законы нравственного мира на следующие три разряда, находящиеся во внутренней связи между собой: обособленность каждого существа; соединение с однородными существами и отделение от совершенно несходных существ; наконец старание одного существа сравняться с другим; с другой стороны, он сопоставляет нравственное с естественным и в этом случае мог бы сослаться как на дилетантские суждения Дальберга о вселенной, так и на мнение великого философа, прибегавшего к математическим доказательствам. С мнениями этого философа, точно так же как и с основными идеями этики Платона и стоиков, он снова сходится в своем положении, что следует в точности подчиняться законам природы и этим способом достигать схождения с Богом. Но гердеровское богословие заключает в себе, кроме того, и его учение о бессмертии души, и его философию истории; поэтому оно сводится к самому решительному оптимизму. Если во всем проявляется живая сила, то всякая смерть может быть только кажущейся смертью — только исчезновением того или другого явления; силы проявляют себя в непрерывном движении и беспрестанно возвращаются к точке исхода. Но непрерывное действие сил немислимо без прогресса. В царствии Божьем — так гласят бегло изложенные заключительные положения этой заново переделанной философии Спинозы — вовсе нет неподвижности; еще менее можно допустить в нем регресс — закон необходимости за-

ключается в том, что из хаоса возникает порядок, из дремлющей способности деятельная сила.

И в этом месте статьи, точно так же как повсюду, ясно видна аналогия с основной точкой зрения «Идей». В конце диалогов о Спинозе все сводится к «теодицее мудрой необходимости»: но и гердеровская история философии была не чем иным, как подробным изложением тех же воззрений. В особенности третья часть «Идей» сходится даже по своему содержанию со статьей «О Боге», потому что была написана почти в одно время с этой статьей. Там Гердер возобновляет свои нападки на плохую телеологию и от тех, кто изучает философию истории, требует того же, чего требовал в диалогах Феофрон от естествослова, — чтобы они не приписывали Богу вымышленных намерений, а изучали бы то, что есть налицо, т. е. сущность вещей, причины их существования, их внутренние законы и проявляющиеся в них мысли Божьи. Наконец, с положением Спинозы, что каждое существо старается сохранить свое бытие и стремится к упрочению своего существования, Гердер и тут и там соединяет положения Ламберта (которого называет «Лейбницем нашего времени»), что неизменное положение всякого ограниченного предмета имеет определенный максимум и что когда какой-нибудь предмет или какую-нибудь совокупность предметов заставят выйти из их нормального положения, то они стремятся к возвращению в то положение¹. Иными словами, третья часть «Идей» была именно такой, какой ее охарактеризовал Гёте: Гердер не мог бы написать ее, если бы не написал предварительно тех диалогов о Спинозе, в которых изложил свое понятие о Боге, — «потому что все, что в ней достоверно, возвышенно и искренно, истекло из изложенного в диалогах понятия о Боге и о вселенной»².

Гердеровской статье недоставало не цельности индивидуальных верований, а последовательности идей. Она соединяла в элементе чувств совсем не сходные понятия и старалась восполнить

¹ Сравн. статью «Gott» (с. 88 и сл.) с «Идеями» (III, 330 и сл.); *Lambert. Archit.* § 65, 350, 358, 467, 667 и т. д. Касательно того, что Гердер уже ранее внимательно изучал произведения Ламберта, сравн. письма Гердера к Шеффнеру (LB. I, 2, 287).

² См. итальянское путешествие Гёте (Соч. Гёте / Изд. Гемпеля. XXIV, 419). Мы не сочли нужным указывать на те места в описании этого путешествия, которые служили для нас указаниями для того, что далее изложено в тексте. К тем примечаниям, которые напечатаны при оглавлении гемпелевского издания («Ideen» и «Gott»), следует присовокупить то, что говорится на с. 388, 396, 417, 420.

пробелы аргументации продуктами фантазии. Якоби без большого труда доказал во 2-м издании своего сочинения, что гердеровский спинозизм не сходится с учением Спинозы, а Кант уверял его, что он «самым основательным образом опровергнул заключающийся в гердеровской статье о Боге синкретизм спинозизма с деизмом». В глазах последователей основанной на вере философии Якоби, Бог Спинозы был не чем иным, как олицетворением всемогущества, слепо действующего по законам беспощадной необходимости; к ним присоединились и приверженцы кантовского критицизма, которые ограничивали всякое отвлеченное мышление исследованием источников нашего познания, требовали от всякого сочетания понятий научных доказательств и потому осуждали гениальное произведение Гердера за непоследовательность идей, отзывавшуюся дилетантизмом¹. Однако, наперекор этим неодобрительным отзывам, сочинение Гердера стало оказывать не бросавшееся резко в глаза влияние на умы современников. Ведь и сам Якоби наконец заговорил о «святом Бенедикте», в душе которого была правда Божья и жизнь которого была полна любви к Богу; а Гердер объяснил, в чем заключалось правдивое и благочестивое содержание учения, на которое сыпалось столько клевет; он исполнил эту задачу в своем изложении учения Спинозы, хотя и не отличавшемся строгой последовательностью, но написанном так живо, что для всякого сделалась понятной сущность того учения. Не столько в качестве ученого философа, сколько в качестве поэта, и даже в качестве историка, он усвоил идеи «святого Бенедикта» и познакомил с ними своих современников. Он не только сумел, по выражению Иоанна Мюллера, отыскать в мистицизме непризнанного философа поразительные истины, очистить их и воздать им должную честь, но благодаря своей пылкой фантазии, кроме того, сумел извлечь из идей Спинозы новые идеи, подобно тому как это нередко делали гениальные философы, пренебрегавшие тем, что есть одностороннего в строгой логической последовательности. Когда он в своей молодости превозносил гениальность Шекспира, его влияние, конечно, было более сильно, хотя его суждения о великом британце не всегда были исторически верны; но в этом случае почва уже была для него расчищена Лессингом, а в том,

¹ С точкой зрения Якоби в сущности сходятся заключительные замечания в сочинении Гейденрейха «Natur und Gott nach Spinoza» (Лейпциг, 1789. С. 210 и сл.). Кантовской точки зрения придерживалась рецензия в «Allg. Littzeitg.» от 2 янв. 1788 г. (№ 2а).

что касается Спинозы, ему противодействовало влияние Якоби; тем не менее он не без успеха возвысил свой голос в защиту непризнанного философа, не напрасно тратил свой энтузиазм. Если Шлейермахер впоследствии требовал должного уважения к памяти святого непризнанного Спинозы и находил в его воззрении на вселенную самую всеобщую и самую возвышенную формулу религии, то он пришел к такому убеждению путем переделки понятий Спинозы — путем такой переделки, которая имела сходство с гердеровской, хотя и была более осторожна и осмотрительна. Самая слабая сторона гердеровских воззрений заключается, без всякого сомнения, в смешении пантеистических идей с деистическими; а их главное достоинство заключается в том, что Гердер заменил математически-метафизическое понятие о субстанции понятием о природе как о царстве сил, действующих по неизменным законам. Таким образом, возвышенные идеи Спинозы сделались руководящей нитью для осмысленных воззрений на вселенную. Здесь кроется зародыш возникшего впоследствии сочетания идеализма, возвышающегося над всякой действительностью, с эмпирическим изучением природы. Гердеровская статья о Боге проложила путь к тому «спинозизму физики», который был противопоставлен юным Шеллингом бесплодно одностороннему учению Фихте. Новым посредствующим звеном для перехода к смелым выводам Шеллинговой натурфилософии послужили старания Гёте объяснять смысл натуральных явлений на основании действующего в них творческого духа; но именно для такого воззрения Гёте на природу послужил главной опорой гердеровский спинозизм — никто не признал основательность гердеровского выражения *év χαί πᾶν* так же скоро и так же охотно, как Гёте.

В то время как Гёте жил в Италии, он получил в день своего рождения «гердеровскую статью, наполненную самыми возвышенными идеями о Боге». Он нашел в этой статье свои собственные идеи. Поэтому он лучше всякого другого мог объяснить ее содержание Морицу, который сошелся с ним в Риме; подготовленный своими беседами с Гёте, Мориц нашел много поучительного в гердеровской статье, она с тех пор служила угловым камнем для его собственных воззрений. К сожалению, до нас не дошло то письмо, в котором Гердер вел речь о недоразумениях, возникших у него с Клаудиусом, с Якоби и с Лафатером. Из ответного письма Гёте, из его резких отзывов о наивных претензиях Клаудиуса, об ищущем для себя удовлетворения тщеславии Якоби, о «фокусничестве» и о «теологически-поэтическом настроении» Лафатера, ясно видно, что прежние отношения между

этими людьми совершенно изменились, что напоминая учение Спинозы вера Гердера сошлась в силу естественного родства с гётевским влечением к природе и что те трое писателей оттолкнули от себя Гёте своим теологическим и нравственно ограниченным направлением идей. И в этом сближении гердеровской веры с гётевской крылось заблуждение, крылся бессознательный синкретизм; но нельзя не придавать значения тому, что Гёте покуда находил в «Идеях» самое «ценное евангелие», а в статье «Бог» свое собственное понятие о Боге, что он мог считать эту статью за такой сосуд, в который можно было вкладывать все, что служило еще невысказанным явно принципом всех его исследований по части искусства и естествознания, что он постоянно облекал свои воззрения на природу и на художественные произведения в такие выражения, которые заимствовал у нового Спинозы. Гёте с искренним сочувствием и с пристрастной любовью приветствовал эти новейшие продукты умственной деятельности своего друга и убеждал его не огорчаться усиливавшейся холодностью прежних общих единомышленников, хотя бы эта холодность, как можно было предвидеть, привела к окончательному разрыву. Он писал Гердеру вслед за несколькими другими письмами, в которых выражал ту же мысль еще в более резкой форме и с полной откровенностью: «Когда Лафатер напрягает все свои усилия, к тому чтобы выдавать вымыслы за истину, когда Якоби старается обоготворить бессодержательное детское чувство, когда Клаудиус желает превратиться из простого посылного в евангелиста, то для всякого очевидно, что они должны чувствовать отвращение ко всему, что близко знакомит нас с природой. Разве первый из них может безнаказанно утверждать, будто все, что живет, обязано своей жизнью какой-то внешней силе? Разве второму из них не стыдно перепутывать все понятия, смешивать слово „знание“ со словом „вера“, а предание — с тем, что добывается опытом. Разве третий из них не должен бы был сидеть несколькими ступеньками ниже, если бы все они не старались всеми силами пододвигать свои стулья к престолу агнца Божия, если бы они не старались так усердно никогда не ставить ногу на ту твердую натуральную почву, на которой всякий оказывается только таким, каков он на самом деле и на которой все мы имеем одинаковые права?» Гердер со своей стороны был очень доволен тем, что эти суждения Гёте вполне сходились с его собственными¹.

¹ София Шардт к г-же Штейн (*Дюнцер. Zwei Bekehrte. С. 337—38*).

В сентябрьском рассказе о своем вторичном пребывании в Риме Гёте писал: «Присылка этого сочинения (гердеровской статьи с лаконическим заголовком) заставила меня мысленно перенестись в те времена, когда мне часто случалось устно беседовать об этом предмете с моим достойным другом». Немедленно вслед за получением книги он писал: «В моем одиночестве я буду еще не раз перечитывать ее и задумываться над ее содержанием; я также намереваюсь писать на нее мои примечания, которые могут впоследствии послужить поводом для устного обмена мыслей». Разговоры, происходившие между Лессингом и Якоби, послужили главным поводом для того, что Гердер стал все глубже и глубже вникать в сущность учения Спинозы и вложил в это учение весь склад своих собственных идей. Разговоры веймарских друзей между собой и с Якоби во время его приезда в Веймар вертелись на «Этике» Спинозы. В разговорах со своей женой Гердер развивал свои мысли о Боге все с большей сердечной горячностью и ясностью. Статья «Бог» появилась на свет и выросла из разговорных элементов; поэтому при обсуждении этой новой темы разговорная форма была еще более естественной, чем при обсуждении вопроса о переселении душ; автор имел еще более оснований прибегать к ней, чем тогда, когда писал свое сочинение о еврейской поэзии. Ведь Гердер советовал Якоби издать разговоры с Лессингом без всяких полемических прибавок и указывал на пример Беркли и Шефтсбери. И сам он имел в виду эти образцы, не говоря уже о Платоне и Гемстергюи. При этом имело некоторую долю влияния даже желание выразиться в такой литературной форме, которая представляла собой противоположность с формой изложения Канта или по меньшей мере с формой изложения слепых подражателей этого философа. Нам невольно приходит на ум похвала, с которой Сократ отзывается в платоновском «Федре» об удобствах разговорной формы для изложения философских идей, — когда на последней странице статьи «Бог» Феофрон говорит, что разговорная форма, несмотря на некоторые неудобства, имеет то достоинство, что «она предохраняет нас от заучивания наизусть», потому что настоящую философию никак не следует заучивать наизусть. Действительно, Гердер по мере возможности воспользовался в своей статье всеми выгодами, которые доставляет разговорная форма для ясного и живого изложения отвлеченных понятий. Только разговоры о переселении душ стоят по своей внешней форме выше статьи «Бог», благодаря тому что их содержание более цельно и вставлено в более определенные рамки. Но такое содержание, в

котором исторические факты перемешиваются с развитием идей, не всегда удобно вставляется в разговорную форму. Вставки лирических отрывков напоминают литературные приемы Джордано Бруно. В самом начале статьи разговор некстати прерывается длинным монологом; также некстати вкладывается в уста одного из действующих лиц такой монолог, который было бы гораздо лучше заменить суждениями от имени самого автора. В нескольких местах один из разговаривающих лишь с виду отвечает на вопрос другого, а в сущности уклоняется в сторону от этого вопроса. Сценическая обстановка и мимика не всегда отличаются изящным вкусом. Тот способ, которым Феано вводится в беседу, далеко не искусен; совершенно невыносима манера придавать двусмысленное значение ее невинному вопросу; Жан-Поль осуждал эту манеру так же основательно, как и окончательное неуклюжее записывание в протокол главного содержания разговорной формы¹. Но главное дело в том, что Филолай и Феофрон — только различные имена, а не несхожие между собой личности; разговор возникает между ними и развивается далее не вследствие столкновения между их мнениями, а кончается он так же, как кончаются главы сочинения, которые следуют одна за другой и находятся одна с другой во внутренней связи.

Из всего сказанного видно, что Гердер не умел драматизировать положение действующих лиц, потому что всем им вкладывал в уста выражение своих личных убеждений. Он был не драматическим ритором, а лирическим, был мастером не в диалогах, а в красноречии. Именно таким изобразил его по своим личным наблюдениям В. Гумбольдт в прекрасном предисловии к своей переписке с Шиллером, в которой сравнивал гердеровские диалоги с шиллеровскими. Он говорит, что едва ли можно найти человека, который умел бы выражаться более изящно. Речь текла из его уст непрерывным потоком, то ясно выражая его мысль, то утрачивая эту ясность под влиянием волновавших его чувств. «Но возражения, — продолжает Гумбольдт, — не усиливали быстроту того потока, а скорей, препятствовали его течению; приходилось только слушать или потом самому говорить, но при этом не происходило того взаимного обмена мыслей, который

¹ Жан-Поль к Гердеру (А, I, 303). Во 2-м издании своей книги Гердер изменил те выражения, которые были предметом порицаний, и этим доказал, что признает основательность дружеских замечаний критика. С желанием Кнебеля, «чтобы течение диалога было в некоторых местах более спокойно» (С, III, 28), не может согласиться тот, кто считает драматическую живость за главное достоинство диалогов.

составляет сущность диалога». Такого обмена мыслей мы не находим и в письменном изложенном диалоге. И в диалогах о Спинозе самые лучшие места те, где каждый говорит сам по себе, а не отвечает на замечания своего собеседника. Неоспоримое преимущество «Идей» над диалогами о Спинозе и заключается именно в том, что в «Идеях» автор не стеснялся заимствованной у других формой изложения, не облакал свои мысли в искусственную форму, а излагал их со спокойной постепенностью. Правда, слог «Идей» носит на себе поэтический отпечаток; он иногда разливается потоком, выходящим из своих берегов, и нередко отличается такой картинностью, которая едва ли уместна в прозе ученого сочинения, — в этих случаях автор до такой степени увлекается своим сюжетом, что переносит в письменное изложение слог устной речи. Изящество и благородство выражений, округленность предложений, спокойное изложение подробностей, удивительное умение владеть всеми средствами языка — все это доказывает зрелость развития, которой достиг ум автора, питавшийся из самых благородных источников поэзии и красноречия; но общий характер его изложения все-таки носит на себе отпечаток ораторского искусства. Мы точно будто не читаем его сочинение, а слушаем его речь. Между нашими классическими писателями едва ли найдется, кроме Шиллера, хоть один, который мог бы стоять с ним наряду в этом отношении. Для слога диалектической полемики у нас нет лучшего образца, чем Лессинг; слогу наблюдательного рассказчика мы должны учиться у Гёте, а красноречию в самом полном значении этого слова никто не мог бы научить нас лучше Гердера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРИ ПЕРВЫХ СБОРНИКА «РАЗБРОСАННЫХ ЛИСТКОВ»

То был богатый содержанием сверток, который был получен Гёте 4 октября 1787 г. во Фраскати из его отечества. Кроме четырех частей своих собственных сочинений, носивших на себе следы гердеровского содействия, он нашел в том свертке третью часть «Идей» и новое произведение Гердера — третий сборник «Разбросанных листков». Он получил статью «Бог» в день своего рождения, и, конечно, то не было простой случайностью, что днем этого рождения было помечено предисловие к тем «Листкам». Получив известие о предстоявшем появлении диалогов о Спинозе, он писал 17 мая своему другу из Неаполя: «Что бы я ни получил от тебя и где бы ни получил, я всегда буду доволен; мы сходимся в наших воззрениях так близко, как только возможно при сохранении нашей обоюдной независимости, а всего ближе мы сходимся в главных пунктах». Это мнение оправдалось на двух самостоятельных произведениях Гердера; оно нашло для себя иного рода подтверждение и в «Разбросанных листках». Второй сборник этих «Листков» Гёте привез с собой в Рим и, неоднократно перечитывая его, черпал из него искреннее наслаждение как для самого себя, так и для других. Сочувствие между двумя писателями не обнаруживалось только в самых возвышенных вопросах — в вопросах о Боге и о природе; и относительно литературной формы, и в качестве поэта и критика Гердер стал в своих «Листках» на одинаковую почву с Гёте. Только содержание этого сборника может дать нам полное понятие о том, в какой мере Гёте и Гердер влияли друг на друга и дополняли один другого.

В это содержание входят стихотворения, перемешанные с самими разнородными небольшими статьями. Наряду с самостоятельными стихотворными произведениями стоят подражания и переводы в стихах; наряду со статьями, трактующими о сущности искусства, о различных видах поэзии и о ее истории, стоят статьи, касающиеся области всеобщей истории или археологии,

и статьи, занимающиеся этическими и философскими вопросами. Но в каждый из шести сборников (именно в таком числе они были изданы до 1797 г.¹) вошли более или менее значительные поэтические приложения, которые хотя и не всегда служат главным средоточием для всего содержания, но налагают на это содержание особый отпечаток и точно будто снабжают крыльями всю тяжеловесную массу более серьезных статей. Эти смешанные стихотворения и статьи, мало-помалу включавшиеся то в один, то в другой сборник, примыкают к более цельным сочинениям Гердера, как будто нарочно для того чтобы указывать на умственную связь Гердера с Гёте и для того чтобы освещать личность автора со всех сторон; в особенности три первых сборника примыкают и по своей внешней форме и по своему содержанию к «Идеям» и к диалогам о Спинозе; они вырастают рядом с теми сочинениями и промеж них, подобно тому как в лесу вырастают промеж высоких деревьев низенькие кустики и вновь посаженные молодые деревья, а промежутки между деревьями и кустарниками покрываются разными мелкими растениями и цветками.

В этих «Разбросанных (как предпочитал их называть Гёте — «Собранных») листках» помещены и старые статьи, и вновь написанные; но старые являются в обновленном виде, то слегка, то вполне переделанными. Издавая их, автор отчасти исполнял свое намерение «изъять из обращения некоторые из своих незрелых юношеских произведений или же показать их в более сносном виде»². Однако главная цель заключалась в том, чтобы собрать эти произведения; эту мысль внушил Гердеру Глейм: после чтения написанной для «Музея» статьи «о сходстве средневековой английской поэзии с немецкой» он неоднократно спрашивал Гердера «собрать его сочинения, разбросанные на летучих листках, и представить их своим друзьям в приличном виде»³. Но точно так же как при издании народных песен, и на этот раз самые полезные поощрения исходили от Каролины. Она сама писала 12 декабря 1784 г. Георгу Мюллеру, что не давала покоя своему мужу, настаивая на собрании и издании «Разбросанных листков» (она впервые употребила здесь это название), что уже многие просили его об этом и что он наконец решился исполнить

¹ Они печатались в Готе у Эттингера (1785, 1786, 1787, 1792, 1793 и 1797 гг.) in 8-vo.

² К Гейне 9 янв. 1786 г. (С, II, 199).

³ Глейм к Гердеру 30 марта; 6 апр. 1784 г. (С, I, 98, 100).

эту просьбу¹. А отсылая первый сборник к двум только что упомянутым друзьям, она выдавала себя за «виновницу этого издания, так как она сама собирала те листки, для того чтобы добыть деньги на поездку в Карлсбад»². История возникновения этого сборника отражается, как в зеркале, в диалоге, помещенном в начале первой части взамен предисловия: здесь выведена на сцену Феано, которая собирает сведения о происхождении и о цели каждого отрывка и потом упрасивает слегка сопротивляющаяся автора отдать эти отрывки в печать. А на участие, которое принимал в этом издании Глейм, указывает написанное в форме письма предисловие ко второму сборнику. Кого же, как не Глейма, следует разуметь под именем того друга, к которому отсылались отрывки, по мере того как они выходили из печати? Действительно, Гердер отослал к нему десять первых печатных листов второй части, еще прежде чем эта часть была доведена до конца³.

В сравнении с трудной работой, которой требовали от него «Идеи», для него было отдыхом собирание и обделка старых статей⁴. Он занимался этими статьями лишь в промежутках между теми часами, которые посвящал изложению «Идей». Например, он занимался греческой антологией, находившейся в связи с этим предметом статьей об эпиграмме и изложением «Парамифий» — т. е. всем тем, что было нового в первом сборнике, — в промежутках времени между первой и второй частью «Идей», осенью 1784 г.⁵ Самые легкие листки появились перед выходом в свет второй части «Идей». Они в сущности уже были готовы к Рождеству; не позже весны следующего года они уже могли быть разосланы⁶. После окончания второй части «Идей» трудолюбивый Гердер немедленно принялся осенью 1785 г. за второй сборник; в начале следующего года этот сборник уже находился в руках наборщиков, а в мае или в июне того же года уже вышел

¹ См. не попавшее в печать место из напечатанного у Гельцера письма (с. 105 и сл.).

² К Глейму 10 апр. 1785 г.; к Мюллеру 24 апр. 1785 г. (С, I, 109; *Гельцер*. С. 109).

³ В переписке Гердера с Глеймом (С, I, № 86—88).

⁴ К Кнебелю в конце 1784 г. (Knebels Litterar. Nachl. II, 268).

⁵ Доказательство этого изложено далее. К содержанию первого сборника следует отнести и упоминание о гердеровских сочинениях, которое находится в письмах Гёте к г-же Штейн от 16 и 17 марта 1785 г.

⁶ Гердер к Якоби 20 дек. 1784 г. (А, II, 262, 263); к Кнебелю 2 марта 1785 г. (Knebels Nachl. II, 240); к Глейму 10 апр.; к Г. Мюллеру 24 апр.; принц Август к Гердеру 15 апр.

в свет¹. Наконец, третий сборник вышел в свет в качестве работы, предпринятой ради отдыха после окончания третьей части «Идей» и диалогов о Спинозе. В марте 1787 г., т. е. лишь через день после того, как была отправлена в печать статья «Бог», Гердер отослал Кнебелю на просмотр стихотворения, которыми начинался тот сборник, а в половине сентября уже разослал друзьям первые экземпляры вышедшего из печати сборника. Вообще можно сказать, что 1787 год был для Гердера очень плодовитым годом — в течение его вышло в свет не менее трех гердеровских сочинений².

Указания времени появления каждого из этих сочинений нам кажутся вовсе не лишними, потому что из них видно, в какой внутренней связи находился тот или другой из помещенных в «Разбросанных листках» отрывков с появлявшимися одновременно более обширными сочинениями. Гердер перепечатал в первой части «Листков» свои диалоги о переселении душ, очевидно потому, что они находятся в связи с его рассуждениями о бессмертии души и вообще с содержанием первой части «Идей». Напечатанная во второй части «Листков» статья о Немезиде ясно указывает — там, где идет речь об этике, — на то время, когда разномыслие с Якоби побудило Гердера снова заняться учением Спинозы. Помещенная в третьей части «Листков» статья о метафорах, о поэтических вымыслах и баснях включает в себе ссылки на статью «Бог» и на «Идеи» и вместе с тем носит на себе следы изучения сочинений Канта. Наконец, помещенные в той же части исследования о Персеполе находятся в связи с историческим содержанием «Идей».

Но и по своему содержанию «Разбросанные листки» имеют вид такой литературной работы, которая была предпринята ради отдыха. Такой характер им придают в особенности вставленные в них стихотворения. Именно с этих стихотворений мы и начнем обзор содержания трех сборников.

¹ Гёте к Гердеру 11 нояб. 1785 г.; Гердер к Якоби 15 янв. 1786 г. (А, II, 282); к Гейне 9 янв. 1786 г. (С, II, 199) и 13 июня (Там же, 203); к Глейму 17 февр. (С, I, 115 и сл.) и в начале июня (Там же, 118).

² Knebels Nachl. II, 265; Шиллер к Кёрнеру 8 авг. 1787 г. (их переписка I, 128: «Третья часть его гердеровских „Разбросанных листков“ теперь отправлена в печать»). В первой половине сентября «Olla potrida» третьего сборника была доставлена Гейне через посредство Терезы Форстер (А, II, 403). Эйхгорну этот сборник был отправлен 18 сент. (С, II, 295), а Гёте получил его 4 окт. (Итальянское путешествие / Изд. Гемпеля. XXIV, 414). Отправка сборника к Г. Мюллеру запоздала до начала следующего года (Гердер к Мюллеру 30 дек. 1787 г.: *Гельцер*. С. 120). Третья часть «Идей» была отправлена к Глейму 9 мая, а статья «Бог» — 25 мая.

І. Поэтическое содержание «Листков»

С самого начала «Разбросанных листков» нам ярко бросается в глаза такая поэтическая даровитость, какой мы прежде не замечали у Гердера нигде, кроме сборника народных песен. Кроме того, нам бросается в глаза та новая черта, что Гердер, по-видимому, отдает предпочтение складу и внешней форме искусственных произведений поэзии перед складом и внешней формой народных песен. Четыре книги первого сборника и столько же книг второго сборника заключают в себе — под заглавием «Цветки, собранные из греческой антологии» — греческие эпиграммы, которые переведены на немецкий язык вполне или частями и вслед за которыми помещены во втором сборнике более мелкие греческие стихотворения, имеющие более или менее близкое сходство с эпиграммами. Послушаем же, как рассказывает историю этих цветков сам Демодор-Гердер в диалогическом предисловии к своим «Листкам»!

Он говорит, что уже давно был знаком со сборником греческих эпиграмм, а некоторые заимствованные отсюда отрывки сначала облекал в форму рифмованных стихов, но потом убедился, что от этого греческая эпиграмма утрачивает свою наивную простоту. В разные эпохи своей жизни он снова заглядывал в греческую антологию; в промежутках между своими серьезными занятиями и во время прогулок он снова пытался переводить те эпиграммы. Мы в состоянии проверить правдивость этого рассказа. В «Отрывочных заметках» Гердер цитировал одну из греческих эпиграмм, а другую он цитировал в «Критических лесах»; при этом он хвалил цитированное стихотворение за его простодушную шутливость и за его наивное лукавство¹. Переводами эпиграмм в рифмованных стихах он занимался еще в Кёнигсберге; один из таких переводов был напечатан в 1765 г. в Кёнигсбергской газете, а другой — в 1774 г. в «Вандсбекском вестнике»². Об эпиграммах греческой антологии Гердер упоминал в рецензии смешанных сочинений Лессинга; о встречающихся там надписях к статуям он также упоминал в двух местах своей «Пластики»³. Прежде он пользовался только изданием Рейске, а антология, помещенная Брунком в «*Analecta veterum poetarum Graecorum*», по-видимому, усилила его влечение к этому сбор-

¹ Отрывочные заметки. II, 315 и сл. (SWS. I, 316); KW. I, 160 (SWS. III, 110).

² Доказательства этого можно найти в SWS (XXVI, 3 и сл.).

³ Allgemeine Deutsche Bibliothek. XVII, 2, 461; Пластика. С. 52 и 98.

нику¹. Поэтому он снова стал заниматься переводами греческих стихотворений с конца 1780 г. и пересылал свои переводы Софии Шардт, бравшей у него уроки греческого языка². Но Гердер стал теперь прибегать к более искусственным приемам: в Веймаре он в первый раз стал придерживаться метрической формы подлинника — формы двустушиий. Именно в этом и обнаружилось созревшее в его уме сознание, что поэзия не может обходиться без искусственности. Переводчик пришел к убеждению, что нельзя отделять форму стихотворения от его содержания; вместе с тем он обнаружил такое доверие к способности немецкого языка усваивать форму гекзаметра, какого не обнаруживал в своих «Отрывочных заметках».

Однако Гедер не считал нужным по мере возможности верно передавать содержание греческого текста и позволять себе уклонения только в тех случаях, когда этого безусловно требовали свойства немецкого языка. Он вовсе не был одним из тех ученых переводчиков, которые строго придерживаются требований филологии; в его манере переводить вовсе не было педантической точности. Он старался обогатить немецкий язык теми сокровищами, которые мог извлекать из греческой поэзии, но не считал нужным вносить эти сокровища в наш язык той же звонкой монетой, какой получал их. Он решительно и неоднократно заявлял, что имел в виду не буквальные переводы, а «подражания», в надежде, что этим способом возбудит в знатоках и любителях греческой поэзии желание переводить греческие стихотворения. Так как мы не имеем ничего общего с греками, то он старался излагать отрывки из антологии в таком виде, что каждый мог понимать их и наслаждаться ими. В предисловии к диалогам читаем: «Мне нередко приходилось или совершенно изменять высказанную в подлиннике мысль, или по меньшей мере приноравливать ее к понятиям нашего времени; я делал это без всяких стеснений и нередко примешивал к чистому молоку немного сахара, для того чтобы приноровиться к требованиям нашего языка».

Но Гердер не ограничивался теми поэтическими вольностями, о которых предупреждал в только что приведенных выраже-

¹ Гердер писал 27 апр. 1780 г. в Страсбург Оберлину, прося его выслать «Analecta» Брунка; а 14 авг. 1781 г. он отменил свое требование, потому что уже получил ту часть, в которой находилась антология.

² См. предварительные примечания Дюнцера к SWH (VII, 22) и его же «Zwei Bekehrte» (с. 298). Что и Г. Мюллер узнал об этих переводах в то время, как жил в доме Гердера, видно из нескольких (не попавших в печать) слов в письме Каролины к Мюллеру от 12 дек. 1784 г.

ниях. Он распоряжался чужим добром в качестве полного хозяина; он только с виду исполнял роль слуги греческих эпиграмматистов, а в сущности переделывал их произведения и становился на равную с ними ногу. Он или сокращал греческий текст, или расширял его, а иногда даже соединял две эпиграммы в одну. Он обходил мелкие подробности, которые казались ему почему-нибудь неуместными или неприличными. Вместо того чтобы переводить всю эпиграмму, он брал из нее какие-нибудь отдельные черты и облекал их в новую эпиграмматическую форму. По словам Гейне, впервые поместившего антологию в полном собрании гердеровских сочинений, Гердер нередко придавал мелким греческим стихотворениям новую привлекательность и более изящный смысл. Но его цель вовсе не заключалась в том, чтобы исправлять или очищать содержание эпиграмм сообразно с духом своего времени; напротив того, он — по меткому выражению новейшего издателя его сочинений — старался исправлять эпиграммы, дошедшие до нас в извращенном виде, и восстанавливать их первоначальный смысл при помощи своей поэтической догадливости¹. Нередко бывает трудно узнать, что послужило оригиналом для подражания; даже встречаются такие выражения, которые становятся понятными или менее непонятными только после их сравнения с греческим текстом. Но чаще случается противное. Благодаря тонкости своих чувств и своей гениальности переводчик не только познакомил нас с содержанием греческой антологии, но и освоил нас с греческим искусством писать эпиграммы. Его подражательность так близко соприкасалась с самостоятельным поэтическим творчеством, что в тех случаях, когда он не строго придерживался подлинника, его перевод имел самостоятельные поэтические достоинства. Понятно, что и другие стали следовать его примеру. Подобно тому как он сам стал писать свои собственные эпиграммы в духе тех, которые переводил, и другие стали делать то же. Уже в предисловии ко 2-му изданию первого сборника «Разбросанных листков» он мог похвалиться тем, что нашел подражателей и — как сам выражался — что своими стараниями содействовал приисканию такой поэтической формы, которая изящно выражает всякую мысль и всякое чувство и которая так согласна с духом немецкого языка, находящегося в родстве с греческим. Это оживление и обогащение нашей поэзии посредством заимствованной от греков поэти-

¹ Дюнцер в предварительном примечании к SWH (VII, 26). Гейне в предисловии к SW в отделе литер. (X).

ческой искры и посредством национализирования того, что всего более привлекательно в греческом стиле и в греческой стихотворной форме, составляет важную заслугу — едва ли менее важную, чем та, которую оказал Гердер, снова пробудив в нас сочувствие к народным песням. Он еще раз обнаружил свой верный поэтический инстинкт, отыскивая семена поэзии даже в самых отдаленных от нас сферах; он очень усердно и очень искусно пересаживал эти семена на нашу отечественную почву, на которой они могли взойти в облагороженном виде и могли произвести разнообразные видоизменения первоначального типа. Изданием своего сборника народных песен он заставил сочинителей романсов отказаться от прежнего тона площадных рифмоплетов и пересадил на нивы немецкой поэзии семена новой, настоящей лирики, а своими переводами из антологии он вытеснил те лишние всякой поэзии эпиграммы во вкусе Кестнера и Лессинга, в которых не было ничего, кроме острот и насмешек; взамен этих эпиграмм он создал такие, в которых играли главную роль наивное лукавство, остроумие и чувствительность, — т. е. пересадил поэзию и на такую почву, которая до того времени производила вместо душистых цветков только красивые с виду колючие растения.

Этого результата Гердер достигнул заодно с Гёте и при его помощи. Мы не в состоянии решить, была ли гётевская эпиграмма, написанная еще в 1782 г. в духе греческой антологии и в античной форме, вызвана знакомством с гердеровскими переводами, или же причиной ее появления были какие-нибудь другие мотивы¹. Но не подлежит никакому сомнению, что благодаря своему знакомству с переводами Гердера Гёте освоился с этим видом поэзии, так хорошо подходившим к его поэтической восприимчивости и к его складу ума. Он не мог бы написать своих венецианских эпиграмм, если бы не подчинялся влиянию поданного ему Гердером примера. Только благодаря тому что он приложил свои высокие поэтические дарования к этому заимствованному от греков виду поэзии, эпиграмма получила полные гражданские права в области немецкой поэзии. Наоборот, только благодаря происшедшему в 1783 г. дружескому сближению с Гёте Гердер принялся с новой бодростью и охотой за переводную работу, к которой его друг отнесся с таким же сочувствием, с каким когда-то относился к собиранию народных песен. Такова

¹ Шёлль в виде догадки указывает (Письма к г-же Штейн. II, 136, прим.) на переводы из антологии, присланные Тоблером в марте 1782 г.

была внутренняя причина обширности содержания, вошедшего в состав «Антологии»; а внешним поводом для этого литературного предприятия послужило желание Гердера собрать в одно целое его старые литературные произведения. Итак, Гердер приступил осенью 1784 г. — при деятельном участии Гёте — к пересмотру и к пополнению уже переведенных отрывков. Гёте писал Якоби 3 декабря: «Гердер уже написал немало эпиграмм в греческом вкусе; теперь его переводы из антологии уже печатаются». Из этих слов видно, что муза эпиграммы успела обворожить самого Гёте; с другой стороны, видно, что еще во время пребывания Якоби в Веймаре в сентябре 1784 г. шла речь о новом литературном предприятии Гердера. В особенности в течение ноября Гердер был очень занят этой работой и переводил очень удачно, как выразился Гёте в письме к Кнебелю. Гердер отдал Гёте на просмотр рукопись четырех первых книг «Цветков» из антологии; Гёте одобрил содержание этого сборника и выразил желание, чтобы из него не было выпущено ни одной эпиграммы. Наконец, в ноябре следующего года он из чужих краев поздравлял своего друга, уже приступившего к составлению второго сборника «эпиграмм и других избранных стихотворений»¹.

Но к вольным переводам с греческого языка присоединялись и самостоятельные поэтические произведения Гердера в греческом вкусе. Самую оригинальную особенность первого сборника «Разбросанных листков» составляли стихотворения из греческих басен, носившие название «Парамифий». Таким образом, был создан совершенно новый вид поэзии. Хотя эти стихотворения и были подражаниями, но в них было так же мало подражания, как в баснях Лессинга и в диалогах Платона. Только потому что парамифии были едва ли не самым своеобразными продуктом гердеровского поэтического таланта, они послужили обогащением для нашей литературы. Основная мысль этих стихотворений зародилась в уме Гердера так же давно, как и влечение к изучению антологии. Еще во время своего пребывания в Риге Гердер делал попытки в этом направлении, и нами уже ранее было замечено, что поводом для этих попыток послужили пустяшные произведения Герстенберга, Лессинговы басни, намек Лессинга на гевристический способ пользоваться басней и собственные раз-

¹ Переписка Гёте с Якоби. С. 82; переписка Гёте с Кнебелем. I, 56; Гёте к Гердеру в декабре 1784 г., № 38 (A, I, 82) и 11 ноября 1785 г. из Ильменау (A, I, 87).

мышления Гердера о единственно правильном и поэтически плодотворном способе пользоваться древней мифологией¹. Именно эти размышления вместе со ссылками на педагогическую цель Лессинга снова встречаются в тех объяснениях, которые входят в содержание предисловия к первому сборнику «Разбросанных листов» и служат введением к изложению «Парамифий». Здесь снова высказывается та же мысль, которая уже была высказана в «Отрывочных заметках» в главе «О новейшем способе пользоваться мифологией»: Гердер говорит, что «все истасканные от частого употребления мифологические вымыслы должны снова повторяться по меньшей мере с какой-нибудь новой целью», так чтобы всякий привлекательный сюжет «как будто облакался в новую поэтическую форму, соответствующую вкусам древних, и так чтобы он воскресал для новой жизни». Приведенные Гердером стихотворения служат указанием того, как можно осуществить эту мысль на деле. Это — частью басни, частью баснословные рассказы, частью состоящие из аллегорий или написанные с нравоучительной целью стихотворения, в которых автор облакает в новую форму характеристики и рассказы греческой мифологии, впечатления, производимые созерцанием природы, или какую-нибудь нравоучительную мысль и этим способом создает новую опору для тех аллегорий или идей, которые лежат в основе всем известных мифологических вымыслов. Между тем как в немецких народных сказаниях древняя языческая мифология бессознательно превращается в новые поэтические идеи, напротив того, здесь автор сознательно пользуется греческой мифологией для сочинения баснословных рассказов. Его приемы отличаются большим разнообразием. Иногда он заимствует от греков только внешнюю сторону сюжета, иногда более строго придерживается поэтического содержания древних мифов, иногда придает этим мифам, более или менее удачно, с большей или меньшей естественностью или натяжкой, совершенно новый смысл. Но главной причиной, побудившей Гердера снова взяться за его давнишнее намерение, было то, что общество, собиравшееся у герцогини Амалии, любило заниматься поэзией. В вышедшем 3 сентября 1781 г. четвертом номере того рукописного тифуртского журнала, который возник по мысли герцогини, были помещены семь мелких стихотворений Гердера, а в десятом номере этого журнала, вышедшем в конце того же года, было помещено восьмое стихотворение. По словам письма, при котором Гердер

¹ Сравн.: Т. I. С. 256 и сл.

препровождал к издателю журнала первые семь стихотворений, эти стихотворения были продуктом соревнования между «двумя отшельниками»; ради приятного препровождения времени эти отшельники задавали себе во время своих прогулок какую-нибудь тему для стихотворного изложения — вот почему некоторые фабулы являются в двойных экземплярах¹. То же самое говорится и в предисловии к «Разбросанным листкам»; но независимо от того, верен этот рассказ или нет, мы можем положительно утверждать, что Гердер стал один продолжать начатую работу. Втихомолку накопившийся запас стихотворений вошел в ноябре 1784 г. в состав первого сборника «Разбросанных листков» и, подобно переведенным греческим эпиграммам, был разослан друзьям. Гердер известил 6 ноября Кнебеля о выходе в свет своих «Басен»; вскоре после того эти басни находились в руках Гёте, который читал их вместе с г-жой Штейн; наконец, 19 декабря Гердер отправил их к Кнебелю, дав им в первый раз название «Парамифий»². Из предисловия видно, что он придавал этому названию тройное значение. Парамифия значит отдых — и действительно, эти стихотворения служили для него отдыхом. Даже современные гречанки называли «парамифиями» те рассказы и стихотворения, благодаря которым они приятно проводили время. «Я мог бы, — прибавляет Гердер, — дать моим стихотворениям такое название еще по третьей причине — потому что для них служат основой те старинные греческие фабулы, которые называются мифами и которым я только придаю новый смысл». Таким образом, само название стихотворений указывает на то, что их нельзя отнести ни к какому специальному виду поэзии и что они не имели ясно определенного характера. И сам Гердер не преувеличивал их значения. Он сам предостерегал от неуместных подражаний. Ему было хорошо известно, что нечто подобное уже существует на немецком языке, хотя и не носит такого же названия. Он основательно замечает, что даже древние нередко пользовались мифологией для парамифий в своих эпопеях и эпиграммах, элегиях, одах, идиллиях и хорах; он мог бы при этом упомянуть и о философских мифах Платона³. Но в его «Парамифиях» слишком сильно преобладает дух Нового време-

¹ См. статью Буркгардта (*Burkhardt*. Das Tiefurter Journal // Die Grenzboten. 1871. III, 281 и сл.) и предварительные замечания Дюнцера к SWH (II, 16 и сл.).

² Knebels Litt. Nachl. II, 236; Гёте к г-же Штейн 13, 22 и 24 нояб. 1784 г.; Гердер к Кнебелю (Knebels. Litt. Nachl. II, 298) и Кнебель к Гердеру (С, III, 17).

³ Предисловие ко 2-му изданию «Разбросанных листков» I (1791 г.).

ни. Нежная, иногда не в меру трогательная и даже доходящая до сентиментальности чувствительность, с которой поэт относится к явлениям природы, нередко представляет резкий контраст с простодушной чувственностью и ясной определенностью античных понятий. Такое переложение древних поэтических произведений могло удовлетворять скорее женскую чувствительность, чем мужской ум: этим объясняется, почему «Парамифии» нравились всего более женщинам и между женщинами находили всего чаще подражателей. И внешняя их форма точно будто отзывается запахом цветков. Поэт вполне сознательно отложил в сторону ранее избранную стихотворную форму и стал излагать свои мифологические идиллии и басни в безыскусственной привлекательной прозе, носившей на себе лишь легкий поэтический отпечаток. Свой собственный взгляд на этот предмет он высказал в следующих словах: «И в том, что касается способа изложения, к „Парамифии“ следует относиться только как к игривой аллегории, допускающей разнообразные литературные приемы: ее внешняя форма должна быть воздушной»¹.

Гердер мог бы назвать «Парамифиями» и те «Стихотворения на восточные сказания», которые помещены у него в третьем сборнике под заглавием «Blätter der Vorzeit». Действительно, они представляют почти совершенно подходящее дополнение к «Стихотворениям на греческие фабулы». Он назвал их «Иудейскими стихотворениями и баснями», когда впервые поместил их в сентябрьском и октябрьском номерах «Немецкого Меркурия» 1781 г. В предварительных замечаниях, которые он им предпослал, он говорит, что это — образчики мифологии и поэзии еврейской нации, такой мифологии, которая является у евреев в несвободной форме, в форме изложения Ветхого Завета. Он хочет освободить ее от такого стеснения и возбудить в других желание извлекать такие перлы из литературы еврейских комментаторов Библии. Уже в то время он писал Эйхгорну, что у него в запасе много таких отрывков, а один из них он вставил в свое сочинение «О духе еврейской поэзии» вслед за главой об учреждениях Моисея². Теперь он высказывает такое же о них мнение, какое высказал в «Меркурии». Точно так же, как и «Парамифии», он

¹ Гердер избрал форму двустийший только для похожей на эпиграмму парамифии «Смерть. Разговор у могилы Лессинга». Все парамифии собраны из «Разбросанных листков» и из тифуртского журнала (SWS. XXVIII, 129 и сл.).

² К Эйхгорну 27 окт. 1781 г. (С, II, 272); сравн. письмо к Глейму от 26 нояб. (С, I, 75); О духе еврейской поэзии. II, 185 и сл. Das Gesetz Gottes und Moses, eine jüdische Dichtung.

называет их «баснями или идиллиями». Он рассказывает, каким образом добрался до них, изучая восточные языки, народные сказания и комментарии. Хотя восточные сказания (он разумеет здесь иудейские сказания) нередко казались ему совершенно нескладными, но он находил в них такие поэтические идеи, которые «точно будто сами напрашивались на лучшее изложение; поэтому он не мог отказать себе в удовольствии выписывать их в часы досуга и облекать в новую форму». Подобно тому как относительно «Парамифий» он старался предотвратить обвинения в искажении древней мифологии, и относительно восточных стихотворений он предупреждает, что их не следует смешивать с библейскими рассказами; он говорит, что это — «настоящие апокрифы», из которых только немногие были продуктами преданий. В них отразился дух иудейской мудрости вернее, чем в «Парамифиях» дух греческой мифологии, но и в них традиционные данные получают очень разнообразный характер и не всегда составляют одинаковую долю содержания. Гердер сначала лишь мало-помалу стал заниматься просмотром возникших таким путем полустихотворных произведений, по мере того как стал усматривать в них характер облеченных в басни или в идиллии народных сказаний или нравочений, т. е. характер настоящих басен или парабол. Он еще не сознавал этих отличительных особенностей в то время, как вел речь о тех произведениях в «Меркурии». Он намеревался не включать эти произведения в более разнообразное содержание «Разбросанных листков», разделенное на три группы, или «сборника»; он объявлял, что оставляет для них пустое место в одной из следующих частей, но исполнил это обещание только в «Адрастее», включив в нее особый отдел под заглавием «Иудейские параболы»¹. Он не всегда строго придерживался установленных им самим разграничений, но он,

¹ Из «Меркурия» перешли в «Разбросанные листки» 13 отрывков, но большей частью в измененном виде; напротив того, там было помещено 23 новых отрывка, которые все принадлежали к третьей группе. В состав «Адрастеи» (IV, I, 170 и сл.) поступили из «Меркурия» 5 других отрывков. Только в «Меркурии» можно найти «Die Pflanzung des Weins» (14), «Des Königs Othem» (17), «Die Bereitschaft zum Tode» (20). «Die Schöpfung des Mannes und Weibes» (3) помещена в «Разбросанных листках» вместе с «Lilith und Eva» (5). Стихотворение, помещенное в сочинении о еврейской поэзии, напечатано только там. Другое стихотворение было напечатано только после смерти Гердера в SW в отделе литер. (IX, 62), а оттуда перешло в SWH (VI, 76) и в SWS (XXVI, 369). Об источниках, которыми пользовался Гердер, можно найти подробные указания у Редлиха (SWS, XXVI, 486). Он также указывает на те места в книгах раввинов, на которые уже указывал Дюнцер.

очевидно, был того мнения, что в содержание трех сборников «Разбросанных листков» должны входить только иудейские народные сказания, или иудейская мифология, — только апокрифические баснословные рассказы. Это всего яснее видно из того факта, что содержание трех сборников он распределил в хронологическом порядке, придерживаясь той же исторической последовательности, с какой излагал содержание своего сочинения о еврейской поэзии. И на изложении апокрифических народных сказаний — начиная с сотворения мира и вплоть до пророков — должна была отражаться та же последовательность, с какой была изложена история еврейского народа и еврейской литературы.

Гердер наконец решился поместить в третьем сборнике «Листков» и некоторые из своих собственных стихотворений, быть может, вследствие того что эпиграммы антологии и «Парамифии» вызвали одобрительные отзывы. Ведь ему нужно же было наконец доказать, что он не только умеет извлекать большие выгоды из данных ему займы капиталов, но также способен хорошо распорядиться тем поэтическим капиталом, который составлял его собственность. Уже ранее было нами рассказано, что он в ранней молодости упражнялся в сочинении стихов и с тех пор никогда не прерывал занятий этого рода¹. В особенности в Страсбурге и в начале своего пребывания в Бюкебурге, когда он сильно томился своим одиночеством, он нередко писал или переводил стихи. Тогда он сообщал продукты этих поэтических занятий только самым интимным друзьям и только изредка помещал их без своей подписи или в «Вандсбекском вестнике» или в гёттингенском «Альманахе муз». Такой образ действий вполне соответствует тому скромному мнению о своих поэтических дарованиях, которое он высказывал и Мерку, и своей невесте, и Бойе. Такая скромность была как нельзя более уместна в то время, когда он жил в Веймаре рядом с Виландом и с Гёте. «Я вовсе не поэт и вовсе не имею желаний сделаться поэтом», — неоднократно писал он при отсылке к герцогине Амалии некоторых поэтических «безделушек» для тифуртского журнала². Даже когда он печатал в журналах свои собственные стихотворения, он старался скрывать свое имя. Некоторые из этих стихотворений попали в сборник народных песен, некоторые другие были помещены

¹ См. в особенности Т. I, с. 555 и сл. и 621 и сл.

² Это сообщил Буркгард (*Burkhardt. Zum Tiefurter Journal Nachtrag // Die Grenzboten. 1872, I, 262*).

стыдливым поэтом в «Немецком Меркурии» с подписью, состоявшей из каких-нибудь начальных букв, или же были разбросаны наряду с чужими поэтическими произведениями в «Геологических письмах» и в сочинении о еврейской поэзии¹. В 1787 г. он в первый раз осмелился сделать шаг вперед, но и на этот раз он поступил с прежней скромностью — он выступил на сцену не в качестве поэта, желающего выставить свой талант, для того чтобы пожинать лавры, а в качестве писателя, желающего поделиться с читателем прежними впечатлениями. Посылая к Кнебелю на просмотр те рукописные стихотворения, которые он намеревался поместить в третьем сборнике «Листков», он писал², что отвел для этих стихотворений особый уголок в сборнике и что они не что иное, как юношеские мечты, как *trifles of the youth*. Печатая их, он вовсе не намеревался на сороковых годах своей жизни выступать на сцену в роли поэта. Хотя он и хвалит их за безыскусственность, за то, что они представляют собой резкую противоположность с теми изысканными выражениями и натянутыми фразами, которыми наполнена современная поэзия, однако он не уверен, не покажутся ли они не в меру безыскусственными или даже тривиальными. Он не изменил этого мнения и после того, как Кнебель очень одобрительно отозвался о его стихотворениях³. Хотя Гердер и поместил их не в уголке сборника, а на первом месте, он в своем предисловии все-таки счел нужным оправдать их появление в печати. Он поставил над ними заголовок «Очерки и мечты» и, точно так же как в письме к Кнебелю, объяснял этот заголовок тем, что под ним помещались только «юношеские очерки и юношеские мечты», возникшие частью лет за двадцать перед тем и вовсе не имеющие целью доставить их автору репутацию поэта. На них не следует смотреть, говорит Гердер, как на художественные произведения; их следует читать так же, как читают старые стихи или даже как прозу, а написаны они по-старому, т. е. самым безыскусственным образом. Из-за этих слов ясно проглядывает неодобрение новой манеры писать стихи слишком цветистым языком. Автор прибавляет, что настоящее украшение поэзии составляют безыскусственность и глубоко проникающее

¹ См.: SWS. XI, 14, 449; XII, 24, 227, 300 и прим. Суфана к этим страницам. И Глейму Гердер советовал поступать с такой же осмотрительной сдержанностью, с какой он поступал; так, он писал Глейму 6 дек. 1778 г.: «Не высказывайтесь вполне и будьте осторожны!» Глейму же он писал 17 февр. 1786 г.: «Надо уметь бережливо тратить золотые дары Муз».

² Knebels Litterar. Nachlass. II, 265.

³ Кнебель к Гердеру 3 апр. 1787 г. (С, III, 28 и сл.).

в душу читателя выражение идей. Он, кроме того, высказывает желание, чтобы некоторые из его стихотворений были положены на музыку. Таким образом, оказывается, что он сам придает этим стихотворениям такое важное значение, какого прежде не признавал за ними. Разве он мог бы высказывать такое желание, если бы не был уверен, что он был настоящий поэт, писавший стихи в духе безыскусственных народных песнопений?

Над переложением гердеровских стихов на музыку трудились Секендорф, Дальберг, Кёрнер, которые были скорее дилетантами, чем настоящими музыкантами. Но только очень искусный музыкальный композитор в состоянии выразить музыкальными звуками слова поэта; о достоинствах поэтического произведения нельзя судить по тому впечатлению, которое оно производит на нас в музыкальном переложении, потому что музыка нередко придает стихотворению более того, что от него получает. Сомнительным доказательством достоинств гердеровских стихотворений служит и тот факт, что эти стихотворения казались очень привлекательными иным очень впечатлительным натурам, в особенности женщинам. Нежность и мягкость, с которыми автор выражал нередко самую простую, даже обыденную мысль, напоминали Шарлотте Шиллер о душевном благородстве автора и настраивали ее душу на один тон с тоном поэтического произведения. В сущности верно то, что писала Каролина Гердер И. Г. Мюллеру в предисловии к изданию гердеровских стихотворений в 1817 г.: подобно тому как Руссо называл свои музыкальные произведения *les consolations de ma vie*, и для Гердера его стихотворения служили отрадой, потому что он писал их под влиянием душевной потребности излить свои чувства¹.

Но еще более верно будет сравнение поэтических произведений Гердера с тем, что предпринимал Гёте в области образовательных искусств. Это были не что иное, как упражнения и попытки, вызванные душевной потребностью, которая никогда не находила для себя полного удовлетворения; но такая потребность вполне понятна в человеке, который глубоко сознавал цену поэзии, однако умел только поэтически мыслить и чувствовать, а не выражать свои мысли и чувства в поэтической форме. Все поэтические произведения Гердера носят на себе отпечаток такой же шаткости убеждений, с какой Гердер отказывался в предисло-

¹ SW в отделе литер. III 6; Каролина к Г. Мюллеру 4 февр. 1806 г. (С, III, 343).

вии от всяких притязаний на звание поэта, а потом стал предъявлять такие притязания. Их нельзя считать за наивное выражение сердечных чувств, потому что в них видно слишком много труда и искусственности, а с другой стороны, их нельзя отнести к разряду художественных произведений, потому что в них нет изящной отделки. Не говоря уже о том, что размер его стихов не всегда правилен, а его рифмы не всегда удовлетворительны, у него форма не всегда соответствует содержанию и лишь в редких случаях его чувство и его мысль сливаются с изложением в одно целое. Его «очерки» большей частью похожи на «мечты», а его «мечты» — на «очерки»; и те, и другие нередко похожи на парамифии, на параболы или на эпиграммы. Таковы же или еще менее удовлетворительны его позднейшие поэтические произведения, в которых он обнаруживал еще более решительные притязания на звание поэта. В своем предисловии он говорил, что сущность поэзии заключается в поразительно верном и картинном изображении идей, но сам он достигал такой картинности только в тех стихотворениях, в которых выражал свое сочувствие к учению Спинозы. Суфан вполне основательно заметил, что Гердер постоянно стоит на рубеже между поэзией и философией и между поэзией и церковной проповедью¹.

II. О поэтике и об истории поэзии

Но каково бы ни было внутреннее достоинство всех этих поэтических произведений Гердера, как самостоятельных, так и подражательных, они все-таки заранее внушают доверие к его теоретическим исследованиям свойств и видов поэзии — такое доверие, каким может пользоваться только тот наставник, который приобрел практическую опытность. И в том, что касается внешних приемов, Гердер принимал за образец Лессинга. В «Разбросанных листках» он следовал примеру Лессинга, который стал писать басни в дополнение к содержанию своей статьи о басне; а к новому изданию своих эпиграмм он присовокупил замечания об эпиграмме.

Вслед за изданием «Цветков из антологии» и «Сборника мелких греческих стихотворений» он написал статью об истории и

¹ Herder. Goethe und Herder // Preuss. Jahrbücher. XLIII, 4, 431 и сл. — Здесь метко указано на примерах, в чем стихотворения Гердера не удовлетворяли требований пластики и почему в их характере не было достаточной определенности.

теории эпиграммы, начинающуюся в первом сборнике и кончающуюся во втором¹. В этой разделенной на две части статье он подробно излагает те же критические или дополнительные замечания о лессинговской теории эпиграммы, которые уже высказал в 1772 г. в рецензии смешанных произведений Лессинга, напечатанной в «Allgemeine Deutsche Bibliothek»². И там, точно так же как в памятнике в честь Лессинга, он признавал достоинства объяснений Лессинга и относительную основательность его точки зрения, но вместе с тем делал некоторые возражения с точки зрения «генетической и исторической» и в подтверждение их делал ссылки на греческую антологию; а теперь он вкратце излагает внешнюю историю антологии, истории различных сборников, начиная со сборника Мелеагра и кончая сборником Плануда, и историю издания аналектов Рейске и Брунка; по этому поводу он расследует сущность первоначальной греческой эпиграммы. В своей прежней рецензии он говорил, что Лессинг только объективно относился к теории эпиграммы и что эта теория представится в ином виде, если отнести к ней субъективно и если ближе ознакомиться с историей этого вида поэзии. Теперь он действительно приступает к делу с обеих сторон. Он психологически объясняет происхождение эпиграммы из естественного желания выразить словами радостное или грустное впечатление, произведенное на нас каким-нибудь предметом, и этим способом придать нашему чувству более определенное выражение частью для нас самих, частью для того чтобы поделиться с другими. По его мнению, эпиграмма не что иное, как описание предмета или чувства, возбужденного каким-нибудь одним предметом, показавшимся автору особенно интересным, а при таком описании автор имеет в виду поделиться с другими тем, что чувствует. Вслед за тем Гердер говорит — постоянно ссылаясь на примеры из антологии — что грекам чаще других народов представлялись поводы для поэтического выражения их чувств и мыслей, потому что

¹ «Замечания касательно греческой антологии и в особенности касательно греческой эпиграммы» — таково заглавие той первой, менее обширной, части статьи, которую хвалил Гёте (к г-же Штейн 22 ноября 1784 г.), после того как прочел ее в рукописи. Вторая часть статьи носит следующее заглавие (во втором сборнике): «Замечания касательно греческой эпиграммы. Вторая часть статьи». Вслед за 2-м изд. «Листков» вся статья помещена в SW в отделе литер. (X, 137 и сл.).

² См.: Т. I. С. 628 и собственные указания Гердера на историю возникновения этой статьи в предисловии ко второму тому «Разбросанных листков» (с. IV, V).

они были окружены художественными произведениями и потому что их к этому располагали их мифология, их государственные учреждения и климатические условия их отечества; с другой стороны, он доказывает, что склонность греков к сочинению эпиграмм отчасти объясняется их гуманностью и их словоохотливостью, имевшей в своем распоряжении самый живописный язык и самый подходящий стихотворный размер. Он хвалит греческий язык за то, что он заключает в себе самые совершенные формы для выражения идей. Вместе с тем он признается, как было ему трудно перелгать греческие эпиграммы на немецкий язык, в особенности когда нужно было писать пятистопными стихами. «Наша просодия, — говорит он, — окоченела от односложных неопределенных выражений; в ней гиатусы почти неизбежны, а когда стих должен бы был весело взмахивать своими крыльями, он нередко с трудом ползет шаг за шагом, оставаясь верным тому небу, под которым возник».

Психологические мотивы, которыми Гердер объясняет происхождение эпиграммы, очевидно, имеют такой широкий смысл, что ими можно объяснять и происхождение тех сходных с эпиграммой стихотворений, которые входят в состав и древней антологии. Поэтому автор приступает к изложению более точных понятий об эпиграмме и в этом случае идет по стопам Лессинга, так хорошо умевшего отличать один вид поэзии от другого и устанавливать между ними ясные границы. Более важная по содержанию вторая часть статьи начинается критической проверкой воззрений Лессинга. По мнению Лессинга, эпиграмма — такое стихотворение, которое, «наподобие надписи на памятнике», сначала возбуждает внимание и любопытство, а потом, когда она прочтена, удовлетворяет их. По мнению Гердера, Лессинг должен бы был точнее выразиться и сказать: «наподобие памятника и сделанной на нем надписи»; но это замечание Гердера было совершенно излишним, потому что Лессинг требовал, чтобы его слова понимались именно в том смысле, какой им придавал Гердер¹. Напротив того, Гердер основательно порицает Лессинга за то, что он переносит на различные части эпиграммы ряд впечатлений, которые мы испытываем начиная с той минуты, когда увидели памятник, и кончая тем моментом, когда мы прочли надпись. При своей склонности к драматизму Лессинг полагал, что

¹ Замечание об эпиграмме (*Lachmann*. VIII, 429): «Когда я говорю: „наподобие надписи“, то хочу, чтобы под этими словами разумели также памятник, на котором сделана надпись и который соответствует первой части эпиграммы».

сущность всякой поэзии заключается в действии; поэтому он сделал из эпиграммы эффектное драматическое произведение в миниатюре и даже свои объяснения сущности эпиграммы излагал драматическим слогом. Но Гердер был одарен более тонким поэтическим чутьем; поэтому, хотя он и признавал в поэзии необходимость тех драматических составных частей, без которых никакое стихотворение не может производить на человеческую душу надлежащего впечатления, но он обратил свое внимание и на то, что наряду с действием и помимо действия придает стихотворению настоящий поэтический отпечаток. Он говорит, что эпиграмма — не стихотворение «наподобие» надписи, т. е. что она не изображает переход от созерцания памятника к чтению надписи в виде перехода от ожидания к его удовлетворению. А почему же, продолжает Гердер, памятник должен, по мнению Лессинга, только возбуждать любознательное ожидание и потом удовлетворять его в надписи? Почему эпиграмма должна ограничиваться удовлетворением этого самого мимолетного из всех душевных движений, почему она не должна выражать и многие другие впечатления, более глубокие и более приятные? Напротив того, по мнению Гердера, задача эпиграммы заключается в том, чтобы после описания данного предмета описать возбужденное этим предметом впечатление, какого бы рода оно ни было. Наконец, почему же эпиграмма должна быть не чем иным, как памятником, который в совокупности со своей надписью указывает натуральное разделение эпиграммы на ее составные части? Всякий предмет, живой или мертвый, находящийся налицо или отсутствующий, может сделаться предметом надписи, т. е. может быть описан поэтически с целью высказать какое-нибудь поучение или обрисовать произведенное им впечатление.

Вслед за этими опровержениями теории своего предшественника Гердер придает своей статье исторический характер. Проследив происхождение и видоизменения эпиграммы с психологической точки зрения, он переходит на историческую почву. По его словам, эпиграмма, сначала излагавшая надпись памятника лишь внешним образом, лишь в форме сухого изложения исторических подробностей, перешла на почву поэзии, лишь только автор стал с чувством излагать те подробности. Он считает за первоначальную форму эпиграммы именно такое безыскусственное изложение, в котором «слова только описывают предмет и указывают на него с безмолвным чувством благоговения или любви». Вслед за тем он рассказывает, как развивалась эта форма, и делает классификацию различных видов эпиграммы. Ссылаясь

то на содержание антологии, то на новейшие стихотворения Вернике и Логау, то на произведения Клейста, Глейма и Лессинга, он переходит от безыскусственных эпиграмм к тем, в которых видно заранее обдуманное намерение придать им практическую цель и которые он называет «парадигматическими, или примерными»; после того он ведет речь об «описательной эпиграмме», которая была в большом употреблении у греков и возникла благодаря многочисленности художественных произведений; наслаждение каким-нибудь изящным предметом и сильное впечатление, вынесенное из того или другого драматического положения, вызвали появление «страстной эпиграммы»; если какой-нибудь предмет возбуждал двойственное впечатление, то возникало движение или нечто похожее на действие: тогда эпиграмма получала отпечаток искусственности. От такой искусственности эпиграмма перешла к «обманчивости», т. е. она начиналась с какого-нибудь обмана, но потом объясняла, в чем заключался этот обман; наконец, из этого последнего вида эпиграмм возникла остроумная эпиграмма, извлекавшая искры из столкновения идей: это — колкая эпиграмма.

Вместо этих семи видов эпиграммы Гердер перечислял в своей рецензии 1772 г. только три: указывающую на предмет эпиграмму, обрисовывающую этот предмет, и колкую; он сам ясно сознавал, что этим перечислением он не исчерпывал всех видов эпиграммы и что эти виды нередко имеют общие черты и переходят в другие стихотворные формы, которые нельзя назвать эпиграммами в строгом смысле этого слова. Несмотря на это, он пытается подвести все эти виды эпиграмм под одно общее о них понятие и таким образом доходит до следующего определения эпиграммы, к которому его уже отчасти привела психологическая точка зрения: эпиграмма «поэтически изображает или объясняет предмет с точки зрения какой-нибудь одной поучительной цели или с точки зрения какого-нибудь одного впечатления». Из этого определения Гердер выводит и правила для каждого вида эпиграмм. Взамен обыкновенного требования краткости он требует единства; взамен направлен и я только к одному пункту действия и взамен привлекательности он требует, чтобы этот пункт действия был живо и наглядно описан; наконец, взамен колкости он требует игривости в той точке зрения, с которой автор эпиграммы смотрит на свой сюжет. Чтобы ни в чем не отставать от самых выдающихся достоинств Лессинговой теории, он старается обозначить и те границы, которые отделяют эпиграмму от схожих с ней более мелких стихотворений. Он

объясняет на примерах, каким образом некоторые идиллии или песни не подходят под понятие об эпиграмме вследствие недостаточной заостренности своего нравоучительного вывода или описываемого впечатления, а некоторые басни и нравоучительные изречения не подходят под это понятие вследствие недостатка живой наглядности. Именно с целью уяснить эти различия Гердер присовокупил к своей статье об эпиграмме «Сборник мелких греческих стихотворений». Наконец, подобно тому как в своей статье о басне Лессинг говорил об эвристическом пользовании басен, и Гердер, всегда интересовавшийся педагогическими целями, рекомендует греческую эпиграмму как «прекрасный образец для юношеских упражнений», с помощью которых юноша может достигнуть «изящной округленности изложения, привлекательной ясности и умения достигать своей цели самым коротким и самым верным путем». Была еще и другая причина, по которой Гердер рекомендовал подражание греческим эпиграммам. Он толкал на этот путь не только начинающих писателей, не только самого себя, но также таких мастеров в этом деле, какими были Гёте и Шиллер; он был тот, кто внушил этим двум поэтам влечение к поэтическим произведениям этого рода. Именно с такой педагогической целью Гёте впоследствии советовал юному Гельдерлину «писать мелкие стихотворения и выбирать для всех интересные сюжеты»¹.

В этой статье гораздо больше, чем в какой-либо другой, Гердер дополнял идеи Лессинга во всех направлениях и самым удачным образом. В своих объяснениях понятия об эпиграмме Лессинг не только обнаружил слишком большую натянутость, но, кроме того, извлекал это понятие из очень небольшого числа примеров. По верному замечанию Гердера, Лессинг слишком односторонне ссылаясь только на Гомера, излагая в «Лаокооне» свое основное положение, что действия составляют настоящий сюжет для поэзии; точно так же и Лессингова теория эпиграммы была слишком исключительно основана на образцовых произведениях Марциала. Еще в своей рецензии 1772 г. Гердер основательно замечал, что стоило труда расширить точку зрения Лессинга. Он напоминал о том, что греки, которые были мастерами и нашими наставниками во всем, что изящно, должны быть нашими руководителями и в том, что касается этого рода мелких стихотворений: ведь от них был заимствован этот род поэзии римлянами и Марциалом, а к нам он перешел также от греков и

¹ К Шиллеру 23 авг. 1797 г.

от римлян. Гердер придал бы своей статье еще более живой интерес, если бы он исполнил свое намерение продолжать свои размышления о римской эпиграмме и о новейших эпиграммах¹, — но и в своем настоящем виде эта статья заслуживает названия образцовой. Она окончательно установила теорию эпиграммы.

Нельзя того же сказать о гердеровской теории басни — о той статье, которая примыкает в третьем сборнике «Листков» к «Очеркам и мечтам» под заглавием «О метафорах, о вымыслах и о басне»². Касательно этого предмета Гердеру приходилось делать лишь очень незначительные поправки в том, что было написано Лессингом; сверх того и историческая основа, на которую опирался Гердер, еще не имела достаточной ширины, потому что он не обратил должного внимания на тот вид басни, в котором действующие лица — животные. Тем не менее ему удалось внести некоторые усовершенствования и в теорию басни, не столько потому что он делал свои выводы из более многочисленных образцов, сколько потому что он умел придать более важное значение элементам психологическому и нравственному. С другой стороны, следует заметить, что заключающаяся в рассматриваемой нами статье критика воззрений Лессинга была повторением старого; сам автор намекает в предисловии к «Листкам» на то, что материалы для этой критики вошли в состав той главы, которая когда-то была предназначена для 2-го издания второго сборника «Отрывочных заметок» под заглавием «Эзоп и Лессинг»³. Автор только «вычистил» ту главу и изложил в новой форме; о своем великом предшественнике он стал теперь выражаться более сдержанно; прежний тон полемиста и рецензента он заменил более спокойным тоном; его статья сводится теперь к положительной теории, систематически рассматривающей все спорные пункты. Из прежних указаний на недостатки Лессинговой теории он не вычеркнул ни одного; однако даже те из его прежних критических замечаний, которые менее других основательны, появляются теперь в новом освещении и находятся в связи с более подробным и последовательным изложением его собственных идей.

¹ Примечание к перепечатанному в «Разбросанных листках» (II, 390) памятнику в честь Лессинга.

² Эта статья перепечатана в SW в отделе литер. (XX, 5 и сл.) с 2-го изд. 1798 г.

³ Сравн.: Т. I. С. 298 и сл.; вся эта глава была потом напечатана в SWS (II, 188 и сл.).

Автор объясняет, почему и каким образом животные должны являться действующими лицами в басне, в какой мере можно вводить в басню и некоторые другие действующие лица, кроме людей и животных, что именно следует наглядно изображать в басне, какого рода действие должно служить содержанием для басни и чем отличается этот вид поэзии от парабол; все эти объяснения заканчиваются определением, которое, по мнению автора, исчерпывает сущность басни. Он говорит: басня — «такое поэтическое произведение, в котором автор, по поводу какого-нибудь случая в человеческой жизни описывает другой такой же случай, извлекая из него указания опыта или практическое правило с такой наглядностью, что наша душа убеждается в верности того правила, потому что истина ярко бросается в глаза».

Итак, он противопоставляет определению Лессинга свое собственное. Уже по своей внешней форме определение Лессинга было, скорее, указанием на то, как следует писать басни, между тем как Гердер прямо определял сущность басни; Лессинг сначала говорит о философических приемах баснописца — о том, как следует подводить какой-нибудь отдельный случай под общее нравственное основное положение, а потом ведет речь об «измышлении» или о сочинении рассказа по поводу данного случая; а Гердер начинает прямо с того, что басня есть «вымысел», — и в этом заключается главное решительное превосходство гердеровского определения над лессинговским.

Гердер сознавал и утверждал, что всякое поэтическое произведение должно быть не продуктом искусства, а продуктом «врожденных и народных дарований». Поэтому и в том, что касается басни, он старался объяснить не столько историческое происхождение этого вида поэзии, сколько натуральную необходимость его возникновения. Гердер остается верен тому, что говорил о басне в своей более старой статье: он снова утверждает, что басня — «источник и миниатюрная составная часть поэзии, что в ней большая часть поэтических правил находится в своей первоначальной безыскусственной простоте и до некоторой степени в своем первоначальном внешнем виде». В связи с самыми общими основными чертами поэтического искусства и даже теории искусства вообще здесь излагается теория басни. И для этих общих объяснений автор пользуется уже давно собранным материалом, который вошел в состав четвертого «Критического леска». Он по-прежнему ведет речь о философии прекрасного и художественного, или, согласно с воззрениями Баумгартена, о философии чувственно совершенного, а эту последнюю считает за

отрасль философии чувств. Она должна быть построена на учении о чувствах и потому основательно носит название эстетики. В упомянутом выше «Леске» Гердер пытался производить из каждого чувства особый вид искусства, а за источник поэзии он принимал слияние всех чувств и всех ощущений в фантазии¹; а теперь он ставит поэтическую силу фантазии в более тесную связь с чувством зрения. Ведь и в том «Леске», и даже в «Пластике» Гердер ставил выше зрения чувство осязания, как более правдивое и надежное; а теперь — после того, как он научился у своего друга понимать настоящую цену зрения, — он признает это чувство более восприимчивым и более ясным. Поэтому он теперь утверждает, что теория света есть самая надежная основа для всех объяснений теории искусства. Он старается объяснить происхождение поэзии, исходя из понятия о метафоре и как в целом, так и в подробностях придерживается тех объяснений происхождения языка, которые излагал в 1772 г. в статье на премию. Впрочем, он принимал то понятие за точку исхода еще в первой главе второй части своего сочинения о еврейской поэзии. Но там он вел речь только о происхождении и сущности еврейской поэзии, а здесь он ведет речь о баснях Эзопа; различие целей отражается и на излагаемой им теории, несколько изменяя его взгляд на этот предмет. Он здесь не только в первый раз придает преобладающее значение чувству зрения, но кроме того налагает более резкий, даже, более отвлеченный отпечаток на превращение метафоры в поэзию. Он теперь более основательно вникает в зарождение метафорических понятий в нашей душе, между тем как прежде вкратце говорил о чувствах, возбуждаемых тем или другим внешним впечатлением. Даже можно бы было подумать, что его теперешние воззрения бессознательно подчинялись влиянию кантовской критической теории познания. Ведь эти воззрения носят на себе субъективный отпечаток и уже не могут быть названы априористическими. Так, он говорит, что мы не глазами видим изображения, а сами создаем их. Отсюда видно, что он теперь совершенно иначе понимает самостоятельность ума, хотя и ведет снова речь о тех набегающих на нас, подобно морским волнам, внешних впечатлениях, о которых он уже прежде говорил в сочинениях «О еврейской поэзии» и «О познании и чувствовании». Он говорит, что изображение возникает в нашей душе в то время, как мы налагаем на осязаемые предметы отпечаток нашего сознания, или, как он выражается, отпеча-

¹ Сравн.: Т. I. С. 363 и сл.

ток нашего внутреннего чувства; изображение предметов есть «художественное отражение наблюдательных способностей нашей души». По правилам, внушенным нам природой, мы превращаем предметы в картины воображения на основании совокупной связи между всеми нашими чувствами; поэтому и о степени совершенства этих картин мы судим по правилам разума и сознания. Их отличительными признаками служат живость, верность и ясность. Вполне понятно, почему Гердер и здесь говорит о том, что такое создание картин носит на себе индивидуальный отпечаток, что каждый смотрит на мир своими собственными глазами, что каждый по-своему наблюдает и изображает и что, стало быть, не может быть никаких общих правил и никаких пределов в изображении внешнего мира по нашему субъективному пониманию.

Стало быть, всякое поэтическое творчество есть не что иное, как описание созданных в уме образов. Как всякому отдельному образу мы придаем отпечаток наших индивидуальных чувств, так и целому ряду образов мы придаем отпечаток нашей манеры чувствовать и мыслить. Так как мы индивидуальные личности, то мы придаем такую же личность и силам природы; сообразно с нашей натурой мы приписываем этим силам ненависть и любовь, деятельность и страдания, половые различия, наконец изменчивые условия жизни и смерть. Таким путем возникли мифология и народные сказания, а из этих сказаний возникла поэзия вследствие их стремления к совершенствованию. На этот раз автор лишь мимоходом касается переходных моментов, содействующих возникновению поэзии, — жестикуляции, музыки, танцев; также мимоходом он упоминает о различных видах поэзии, как будто намереваясь говорить о них в другом месте. В рассматриваемой нами статье все направлено к генетическому объяснению только одного вида поэзии — эзоповских басен, находящихся в самой близкой родственной связи с древними сказаниями и вымыслами, а для этого не требовалось никаких более подробных вспомогательных объяснений. Создавать поэтические произведения значит приписывать другим существам человеческие чувства, страсти, намерения и действия. Если же в этих произведениях усматривается какая-нибудь основанная на указаниях опыта мысль или какое-нибудь практическое нравоучение, то получается эзоповская басня.

Эти основные положения со всех сторон освещают теорию басни. Благодаря своей поэтической прозорливости Гердер откладывает в сторону не только странное мнение Брейтингера,

будто в басне являются действующими лицами животные, для того чтобы придать ей отпечаток сверхъестественного, но и меткие замечания Лессинга об общих всем известным чертах в характере животных. Из предъявленного Гердером требования верности, живости и ясности истекает правило, что животные должны действовать в басне так, как действуют настоящие животные, и что в басне допускается при известных условиях выводить на сцену и другие существа, даже в аллегорической форме. Далее читаем: не искусственно созданная, а возникшая из созерцания природы басня не ограничивается применением общего нравственного правила к какому-нибудь отдельному случаю, а освещает с поразительной наглядностью какой-нибудь особый случай, какое-нибудь определенное житейское положение посредством подходящего вымысла так, что из сопоставления действительного случая с вымышленным резко бросается в глаза какое-нибудь указание опыта или благоразумия или какое-нибудь практическое правило. Самый ценный пункт в гердеровской теории басни заключается в том, что привлекательность басни вполне зависит от применимости вымысла к действительно случившемуся житейскому факту; такова была первоначальная цель басни, только впоследствии уступившая место целям нравственным. К указанному Лессингом эвристическому пользованию басен Гердер присовокупляет другое указание: он говорит, что для развития в юношах творческой способности следовало бы заставлять их придумывать какой-нибудь факт, подходящий под нравоучение басни, и таким образом как бы заново сочинять ту же басню. То, что говорится далее о действии в басне, не совсем основательно, а верно только в том отношении, что лессинговское объяснение действия как целого ряда перемен заходит слишком далеко за пределы содержания настоящих эзоповских басен, что когда басни Лессинга заключают в себе лишь «ряд идей», то они не могут считаться за настоящие басни; наконец, еще менее можно одобрить употребляемые Гердером слова «аллегория» и «иносказательный способ выражения», против которых основательно восстает Лессинг. Напротив того, Гердер очень верно проводит раздельную черту между басней, с одной стороны, примером и параболой — с другой. Он вполне прав, когда утверждает, что исторический пример может служить объяснением, но что он не убеждает; и параболы — которую он неудовлетворительно определяете как «вымышленный случай из человеческой истории» — наводит только на правдоподобные предположения: только басня производит на нас неотразимое

впечатление, потому что наглядно доказывает нам необходимость правила, указанного опытом. Гердер прав и тогда, когда восстает против высказанного Лессингом порицания Аристотеля за то, что этот писатель ошибочно приписывал историческому примеру более убедительную силу, чем басне. Действительно, в хорошо всем известном месте своей риторики Аристотель этого не говорил — его мысль заключалась в том, что на публичных совещаниях исторический пример оказывает более важные услуги, если оратор умеет кстати им пользоваться. Чтобы оправдать Аристотеля от этого обвинения, Гердер переходит от его риторики к его поэтике. В этом случае он идет по стопам Лессинга как драматурга. По его мнению, поэтика служит и для басни тем же, чем она была для Лессинговой трагедии, — в высшей степени ценной теорией. Но Гердер мог перейти от своего сюжета к поэтике благодаря тому, что, по его мнению, басня прежде всего есть поэтическое произведение. Поэтому все, что греческий писатель говорил о поэзии и в особенности об отличии поэзии от истории, вполне применимо к басне и к ее отличию от исторического примера. Если басня — поэтическое произведение, то и к ней применимы слова Аристотеля, что так как она рассказывает то, что правдоподобно или неизбежно должно случаться, то в ней более философского и нравоучительного содержания и, стало быть, более убедительной силы, чем в историческом повествовании¹.

Однако нашему теоретику не принесла пользы опора, которой он искал в произведениях греческого философа; под влиянием этих произведений он внес путаницу в то, что было основательного в его прежних воззрениях. Так, он говорит, что производимое басней неотразимое впечатление зависит не от удачно

¹ Впрочем, Гердер доказывает, что и к низшему виду поэзии, к басне, должно относиться все, что говорит Аристотель о поэзии вообще, и все, что он говорит о высшем виде поэзии — о драме. Он писал 20 дек. 1784 г. Якоби: «С некоторого времени я стал очень высоко ценить Аристотеля». Однако он уже давно стал относиться с большим уважением к поэтике и к риторике Аристотеля. Еще в своей старой статье о Эзопе и Лессинге он оспаривал мнения Лессинга при помощи ссылок на Аристотеля, и уже тогда говорил об аристотелевской поэтике. Ведь в то место в SWS (II, 192), которое оставлено пустым, следует вставить не цитату из риторики, вовсе не подходящую к смыслу статьи, а цитату из поэтики, объясняющую понятие о действии. Впрочем, Гердер переводит слова οἷα ἄν γένοιτο так же неправильно, как их перевел Лессинг в своей драматургии (*Lachmann*. VII, 397); эти слова не значат, что поэт выражает не только то, что случилось, а также как случилось; они значат: поэт выражает то, что могло бы случиться (в силу внутренней необходимости).

придуманной аналогии и не от умения наглядно представить эту аналогию, а от характера действующих лиц, что характер этих действующих лиц и их взаимные отношения определяются природой, а потому басня представляет нам нравственные законы всего мироздания, законы вечного порядка вещей в его внутренней необходимости. Но это положение едва ли можно согласовать с прежним мнением Гердера, что басня нередко заключает в себе правило благоразумия, применимое лишь к какому-нибудь единичному случаю, и, стало быть, в сущности имеет целью лишь «мелочное нравоучение»; его трудно согласовать и с тем мнением Гердера, что в басне могут быть действующими лицами не только натуральные существа, но и вымышленные. Нет, в эзоповской басне нельзя найти ни такого глубокомыслия, ни такой философии, и не то значат слова Аристотеля οἷα ἄν γένοιτο. В этом случае влечение Гердера к философии затемняет те основательные суждения, которые были плодом его наблюдательности. Здесь он выражается не как теоретик басни, а как автор разговоров о Спинозе. Под влиянием заимствованного от Спинозы преклонения перед природой и уважения к неизменным естественным законам он придает басне слишком высокое значение. Он зашел еще далее в этом направлении, когда снова стал излагать в «Адрастее» (№ 3. С. 87 и сл.) свои воззрения на басню. С другой стороны, следует заметить, что у него еще ранее можно найти следы такого слишком глубокомысленного сочетания теории поэзии с нравственно-религиозной метафизикой. Эти следы заметны и в «Древнейшем документе», когда он относится к мифу о грехопадении как к такой басне, которая, однако, заключает в себе нечто более ценное, чем баснословный рассказ, и в сочинении о еврейской поэзии, когда он называет развившееся из соприкосновения человека с животными сочинение басен настоящим воспитателем человеческого разума, и наконец в третьем разговоре о переселении душ, когда он называет эзоповскую басню мерилom наших отношений к животным и говорит, что человек в качестве высшего существа, развившего в себе разум, узнает себя в животных и, глядя на них, совершенствуется. Эти замечания, бесспорно, очень остроумны, но когда заходит речь о теории басни, мы всего охотнее возвращаемся к здравым, основательным суждениям Лессинга, для того чтобы исправить их и оживить воззрениями Гердера на возникновение и внутреннюю поэтическую сущность басни.

Впрочем, то, что говорит Гердер в качестве философа, управляется им же самим, когда он говорит в качестве педагога.

Он снова уклоняется от своих глубокомысленных философских воззрений на басню, когда говорит в предисловии к изданному в 1786 г. сборнику восточных рассказов для юношества, что басни — лишь «одна страничка из нравоучительной натуральной истории» и что «никак не следует влагать в уста животных самые благородные поучения о человеческой добродетели». Нравоучительная поэзия находила для себя место и в детской гердеровского дома. Восточные вымыслы, которые вместе с библейскими рассказами так растрогивали и восхищали жившего в Морунгене ребенком Гердера, сделались привлекательным чтением и для его детей. Если не в библиотеке самого Гердера, то в библиотеке его друга Виланда можно было найти обильный запас таких поучительных рассказов во французской переделке. Каролина уже давно начала списывать лучшие из них для своих детей, и по ее же инициативе был составлен из них целый сборник. Этот сборник был издан домашним наставником гердеровских детей Либескиндом под руководством самого Гердера и получил от этого последнего название «Пальмовых листьев» — это было такое приношение в пользу юношества, которое могло стоять наряду с теми более серьезными баснями из иудейских народных преданий, которые сам Гердер рекомендовал в «Разбросанных листках» зрелым юношам¹. Предисловие Гердера может считаться за небольшое приложение к поэтике, но оно написано преимущественно с педагогической точки зрения, Он желает возбуждать в юношах фантазию, но старается дать ей хорошее и благородное направление. Он говорит, что этой цели не достигают нравоучительные изречения и правила; в этом отношении полезнее эзоповская басня, наглядно поучающая нравственности; од-

¹ Palmblätter. Erlesene morgenländische Erzählungen für die Jugend. Йена в университетской типографии, 1786. Предисловие Гердера (с. III—XXIV) от 25 февр. 1786 г. напечатано в SW в отделе литер. (IX, 257 и сл.) под следующим заглавием: «О пользе восточных рассказов для развития юношества». Для того, что изложено нами в тексте, служили источниками сведений: письмо Гердера к Кнебелю от 6 нояб. 1784 г. (Knebels. Litt. Nachr. II, 236); письмо Каролины к Г. Мюллеру от 26 июня 1786 г.; сравн. ее же письмо к Глейму (С, I, 119). Либескинд состоял с начала зимы 1781/82 г. гувернером при сыне Гердера Готфриде и при сыне Фойгта Готтлибе (письмо Гердера к Фойгту: *Jahn. Briefe Goethes an Voigt*. С. 25) и жил с Пасхи 1783 г. в доме Гердера (Каролина к Г. Мюллеру 24 февр. 1783 г.); на Пасхе 1787 г. он был назначен пастором в Османштедт и женился осенью следующего года на третьей дочери Виланда. Он назвал себя автором «Пальмовых листьев» только в заглавии их продолжения, носившего название второй части (Гота, у Эттингера, 1788). После его смерти в 1793 г. были напечатаны в 1796 и 1800 гг. в Йене, в университетской типографии третья и четвертая части «Пальмовых листьев».

нако ее нравоучения не выходят из пределов очень узкой сферы; поэтому главным и лучшим наставником людей является сам человек. Но история может сделаться поучительной для юношества только благодаря выбору фактов, даже только благодаря их переделке. Поэту не лучше ли было бы прямо выдумывать факты? При этом следовало бы выбирать только такие примеры из человеческой жизни, которые правдоподобны, поучительны, наглядны и трогательны! Между рассказами этого рода должны занимать самое выдающееся место восточные рассказы. Они особенно полезны для юношества благодаря блеску своих вымыслов, благодаря наивности и правдивости своих действующих лиц и наконец благодаря тону изложения, несколько похожему на тон библейских рассказов. Их Гердер очень метко называет в своем предисловии «человеческими вымыслами». Он позаботился о том, чтобы им была возвращена их первоначальная окраска и чтобы с них были сняты те румяна, которыми их так часто украшали «наши соседи, пытавшиеся налагать на них отпечаток своих собственных воззрений». Успел ли он в этом, мы не беремся решить. Сборник, о котором здесь идет речь, возник частью в доме Гердера, частью в доме Виланда; однако он напоминает — в особенности в своих продолжениях — склонность наших соседей придерживаться не столько духа восточных вымыслов, сколько их внешней формы. Когда фантазия проявляется в слишком больших дозах, ее влияние притупляется, а ее нравоучительная цель не достигается; более наивная поэзия немецких народных сказок и более привлекательна для юношей, и более полезна для их умственного развития. Только позднейшие писатели стали отыскивать такие сказки и издавать их для юношества; если бы издатель народных песен и автор сочинения о немецкой жизни и искусстве дождался издания братьями Гримм детских сказок, то он, без сомнения, приветствовал бы эту книгу с самым горячим сочувствием и признал бы ее за самую полезную в педагогическом отношении. Ведь именно влечение к более глубокому поэтическому смыслу побудило его возвыситься от морали баснописцев к всеобщей поэтической символике.

III. Об археологии и об изучении древности

Статья о метафоре, о вымысле и басне только в своем конце сходится с теми воззрениями, которые Гердер развивал в статье «Бог» и в третьей части «Идей»; но эти воззрения гораздо ярче выступают наружу в другой статье, которая была написана ранее только что упомянутых двух сочинений (еще в конце 1785 г.) для второго сборника «Разбросанных листков». И эта статья имеет двойное направление: в ней идет речь частью об искусстве и об его истории, частью о философии и преимущественно об этике. Под заглавием «Немезида — поучительная эмблема»¹, она излагает этические размышления по поводу описания мифологического образа Немезиды, по всему вероятно, вследствие изучения антологии. Еще в парамифии «Сфинкс» Гердер выводил Немезиду на сцену как «служительницу судьбы, постоянно невидимо бродящую по земле и отмечающую человеческие деяния, для того чтобы вознаграждать за добро и наказывать за зло». Но как в той парамифии, так и в других он облакал замысловатые идеи в мифологические образы, а в рассматриваемой нами статье он делает совершенно противное: из образа Немезиды он извлекает мысль и нравоучение. На этот раз мы имеем дело с археологической статьей, из которой видна ученость и начитанность автора, но которая носит на себе преимущественно этический отпечаток. Гердер умел так хорошо объяснять смысл явлений и указывать его практическое применение, потому что он был одарен способностью изящно облекать идеи в символы. И то и другое делал Шиллер вследствие такого же сочетания дарований поэтических и философских. Например, в статье Шиллера о привлекательности и достоинстве, точно так же как и в гердеровской статье, развиваются из мифологических понятий и образов эстетико-нравственные идеи. Так как Шиллер превосходил Гердера своими поэтическими дарованиями, то он поступал в этих случаях более свободно и более смело и, наоборот, в своих философских стихотворениях более блестящим образом пользовался древней мифологией, извлекая из нее средства для развития самых глубокомысленных и самых отвлеченных идей. Эту манеру излагать свои идеи в связи с греческими мифами он заимствовал ни от кого другого, как от Гердера. Он сам рассказал нам, что его силь-

¹ Эта статья перепечатана в SW в отделе литер. (XIX, 154 и сл.) с 2-го изд. 1796 г.

но восхищала статья о Немезиде и что он вполне сочувствовал изложенным в ней идеям¹.

Из предисловия² видно, что главная цель статьи заключалась в устранении недоразумения, вследствие которого Немезиду считали внушавшей страх богиней, между тем как она была хотя и строгой, но привлекательной и благотворной. Гердер начинает с объяснения смысла, который придавали на различных языках слову «Немезида», и находит, что все объяснения этого смысла сходятся в той идее, которая высказана в аристотелевском определении: она олицетворяла негодование, которое возбуждается в нас благополучием недостойных людей или недостойным способом пользоваться благополучием. И эта идея, и лежащее в ее основе нравственное чувство перешли у греков из языка в поэтическое олицетворение, а отсюда и в образовательные искусства. Гердер не расследует историческую достоверность древних рассказов о происхождении той знаменитой Рамнунтской девы, того аттического художественного произведения, которое было превращено из Афродиты в Немезиду и было сделано из глыбы мрамора, оставленной надменными и побежденными персами; но он пользуется смыслом тех рассказов с тонкой прозорливостью. Вслед за тем он переходит к другим изображениям богини, для того чтобы извлечь из них и из гимна Месодема в честь Немезиды понятие о ее атрибутах и в особенности ясное понятие о ее значении. Основываясь на этих данных, он говорит, что Немезида вовсе не была богиней мстящей и карающей, что ее не следует смешивать ни с Атой ни с эринниями, что она схожа, но не тождественна с Дикой и с Тихой, что она была богиней «меры и сдержанности», что она была ненавистницей всякого высокомерия и искусно предохраняла от излишеств. Он мог бы назвать ее «богиней порицания, которая следит за каждым из смертных, проникает своим взором в его душу и строго взыскивает за малейшее из его увлечений». Вслед за изложением этого «тонко нравственного и очень философского понятия» Гердер приступает к его практическому применению. Придерживаясь своего генетического метода, он рассматривает, в какой мере понятие о Немезиде свойственно человеческой натуре и какую пользу можно извлечь из него. Он доказывает, что каждый человек обыкновенно сравнивает свое положение с положением тех, кто более его счастлив, что из такого сравне-

¹ В переписке с Кёрнером (I, 126).

² Ко второму сборнику (с. VII).

ния возникает в уме неблагородных людей понятие о злой Немезиде как об олицетворении зависти и недоброжелательства, а в уме благородных людей понятие о доброй Немезиде, не знакомой с чувством зависти и беспристрастно награждающей за добродетель и за правду. Далее он указывает на внутреннюю связь между этими понятиями и другими понятиями греков о нравственности. По этому поводу он хвалит умственное благородство греков, проявляющееся преимущественно в их нравоучительных стихотворных произведениях, и сравнивает эти произведения с похожими на них мудрыми изречениями и с символикой восточных поэтов. Он находит, что никакой другой народ не умел выражать «такие черты жизненных условий так же ясно и изящно», как греки, хотя горизонт этих жизненных условий и был не широк; «вот почему, — прибавляет Гердер, — я всегда видел настоящую утрату для человечества в том, что философия и символика греков, их поэзия и язык оставались в пренебрежении и не делались предметом изучения для юношества». Вслед за тем автор указывает на противоположность между греческим духом, всего яснее обнаружившимся в понятии о Немезиде, и нашими новейшими стремлениями к бесконечному; греческий ум, так хорошо знающий всему меру, служит для него зеркалом, в котором он видит наши умственные заблуждения. И эти суждения служат доказательством зависимости Шиллера от Гердера. Позднее написанная Шиллером статья о наивной и сентиментальной поэзии лишь далее развивает то, что уже было высказано Гердером в статье о Немезиде. «Мне кажется, — говорит Гердер, — что мы совершенно теряем из виду эти скромные рамки человеческой жизни, когда мы помышляем о бесконечном, вместо того чтобы не выходить из этих рамок (т. е. из рамок нашей природы и наших способностей), и когда мы воображаем, что Провидение заботится только о том, чтобы выдвигать нас за наши естественные пределы, чтобы расширять эти пределы до бесконечности и чтобы доставлять нам возможность наслаждаться вечностью во временном существовании, т. е. наслаждаться океаном в ореховой скорлупе. Мы не признаем никаких границ ни в нашей метафизике и бессодержательной философии, ни в нашей погоне за такими познаниями и чувствами, которые заходят далее того, к чему способна человеческая натура; вот почему мы без всякой пользы истрачиваем наши юношеские силы, а в старости чувствуем пустоту и в уме, и в сердце и остаемся без той изящной формы гуманности, которую никак нельзя назвать недостижимой». Понятие о Немезиде должно, по

мнению Гердера, служить руководством и для нашей собственной жизни, и для наших суждений об общем ходе исторических событий. Для того чтобы история человечества была для нас поучительна, она должна быть также посвящена Немезиде и судьбе!

Та же мысль выражена в написанной вслед за тем третьей части «Идей», но автор дал ей другое название. То, что он называл Немезидой, он называет в «Идеях» правилами справедливости и рассудка или гуманности. Но та сфера, в которой действует закон Немезиды, постоянно расширяется в его глазах. Он находит, что этот закон господствует как в истории человечества, так и в природе. Эту мысль он положительно высказывает в статье о Спинозе. В основной мысли Ламберта, что для естественного положения каждого предмета существует известный максимум, он усматривает под видом математико-физической и метафизической формулы Немезиду, устанавливающую для всего меру: разумная необходимость, на которой все основано у Ламберта и которая нераздельно связана с добром и с красотой, по мнению Гердера, то же, что Немезида или стоящая выше Немезиды Адрастея. В предисловии к своей статье о Боге он говорил, что желал бы спокойного лета, для того чтобы заняться статьей «Об Адрастее, или о законах природы». О том же намерении он говорил Шиллеру, Г. Мюллеру и Глейму¹. Эта мысль не покидала его. Она выражена с некоторыми изменениями в статье «О знании и незнании будущего» и в статье, написанной для журнала «Die Noren» под заглавием «Наша судьба». Он хвалил в «Письмах о гуманизме» направление геродотовской истории за то, что она прилагает к человеческим делам единственную правильную мерку всяких исторических явлений — мерку Немезиды. И настоящая критика, как выражается Гердер в «Каллигоне», должна быть слугой «благородной Немезиды»². Он наконец написал и то сочинение, о котором так долго помышлял, — но написал его с ослабевшими силами и не в том виде, в каком оно было первоначально задумано. Он назвал «Адрастею» своим последним сочинением, посвятил это сочинение «двум Адрастеям правды и справедливости» и признался, что его главной целью было «признать и почтить Ад-

¹ Шиллер к Кёрнеру (их переписка. I, 126); Гердер к И. Г. Мюллеру (24 июня) 1787 г. (*Гельцер*. XIV, 118); к Глейму № 99 (С, I, 133).

² См.: Разбросанные листки. VI, 219, 224; *Noren*. I, 3, с. 3; *Humbr*. X, 166; *Kallig*. II, 273.

растею в природе, точно так же как он признавал и чтит ее в истории»¹.

Что Гердер так сильно увлекался этим символом именно в течение 80-х годов, вовсе не было случайностью. С этим символом изящной соразмерности Гердер старался в то время согласовать и все свои стремления, и свою литературную деятельность. К сочинениям предшествующего периода его жизни этот символ был вовсе не подходящим. Прежде он увлекался горячностью и раздражительностью, часто впадал в преувеличения и нередко выражал свои воззрения, свои честолюбивые стремления, свою ненависть и любовь в такой форме, которая доходила до уродливости; а теперь он стал придерживаться более благородной формы изложения, стал подчиняться требованиям необходимости и благоразумия и высказывал касательно необходимости во всем соблюдать известную меру такие же мнения, какие высказывал другими словами Гёте. После того как он пережил свой собственный период бурных стремлений, он стал преклоняться перед Немезидой, подобно тому как Гёте после своего путешествия в 1779 г. по Швейцарии задумал воздвигнуть алтарь Фортуны, Гению и Термину. С тех пор как он стал чтить господствующие в природе и в истории мудрые законы необходимости, с тех пор как в статье о Спинозе он объяснил свою веру в Бога, с тех пор как он стал оценивать по достоинству требования гуманности и стал хвалить греков за их «непреувеличенное и ничего не преувеличивающее сочувствие ко всему истинному и прекрасному», он достиг такой умственной зрелости, которая привлекает наше внимание еще более потому, что ему было суждено недолго держаться на такой умственной высоте.

Доказательством этой умственной зрелости служит и переделка той статьи, которую он поместил во втором сборнике «Разбросанных листков» вслед за статьей о Немезиде и которая была изложена в форме писем под заглавием «О том, как древние изображали смерть». Прелюдией к этой статье служила изящная эпиграмматическая парамифия, в которой Гердер влагает следующие слова в уста гения смерти — амура, появившегося у могилы Лессинга без стрел и без колчана²:

¹ Касательно того, в какой мере гердеровская статья о Немезиде возбудила в веймарском обществе интерес к этой мифологической личности, сравн. переписку Шиллера с Коттой (с. 217, прим. 4; с. 266, прим. 3).

² Этой работой Гердер был занят в то время, как написал Якоби письмо от 15 янв. 1786 г.; в этом письме он говорит, что «в течение нескольких недель живет среди надгробных памятников».

Mich erkannte Lessing an meiner sinkenden Fackel,
Und da zündet' ich ihm glänzend die andere an

(Лессинг узнал меня по моему опущенному вниз факелу, тогда я зажег для него другой блестящий факел).

Эта статья — как было нами ранее замечено — была расширена и исправлена и в содержании, в форме¹. Она более точно излагает мнения Лессинга, а благодаря своей более тщательной научной обработке и благодаря своим более свободным воззрениям на христианское учение о бессмертии души она ближе подходит к точке зрения Лессинга, чем более старое ее изложение. Эта более тесная связь с точкой зрения Лессинга и в том, что касается воззрений на эстетику, и в том, что касается воззрения на теологию, также находится в зависимости от сочувствия Гердера к Спинозе, к Гёте и к греческим писателям и от его уважения к Немезиде-Адрастее. Однако это не мешает Гердеру вполне сохранять независимость его убеждений — подобно тому как он смягчал мнения Спинозы и находил в них сходство с христианским учением, подобно тому как к гётевскому натурализму он примешал более идеальное понятие о вере, подобно тому как его сочувствие к грекам не мешало ему сохранять его прежнее сочувствие к духу восточных сказаний, он и теперь не утрачивает своей самостоятельности в тех случаях, когда идет рука об руку с Лессингом. Пока Лессинг был жив, Гердер нередко вступал с ним в соперничество; только после смерти Лессинга он стал отдавать полную справедливость заслугам этого писателя. Только теперь точно определились его отношения к Лессингу. Он полагает, что может превосходить, исправлять и дополнять Лессинга не пронизательностью своего взгляда, а осмотрительностью своих суждений. В предисловии ко второму сборнику «Листков» он говорит касательно статьи о том, как древние представляли смерть: «Благодаря своей прозорливости Лессинг удачно проникает в самую сущность предмета; но все-таки многое ускользает от его внимания. Неужели и другие должны оставлять без внимания то, что не было им замечено?» С таким убеждением, по его собственным словам, он писал статью об изображении смерти и статью о Лессинговой теории эпиграммы и басни: «Я полагал, что не мог принести никакой лучшей жертвы в память благородного усопшего». Под влиянием такого же убеждения он вторично напечатал в конце второго сборника «Листков» памятник в

¹ См.: Т. I. С. 867 и сл.

честь Лессинга. Во всех трех сборниках так часто говорилось о Лессинге и так много высказывалось идей в духе Лессинга, что если бы Гердер пожелал кому-нибудь посвятить «Разбросанные листки», то он конечно не мог бы придумать ничего лучшего, как посвятить их праху Лессинга.

И «Разговоры о переселении души» имели по меньшей мере косвенное отношение к автору «Воспитания человеческого рода». Когда они были снова напечатаны в первом сборнике «Листков», в них оказались вычеркнутыми полемические нападки на Шлоссера, которые входили в состав их содержания при их появлении в «Меркурии»¹. В статье «Любовь и самолюбие», помещенной в конце первого сборника и также перенесенной туда из «Меркурия»², Лессинг не нашел бы резкости идей — он выразил бы свое сочувствие к ее направлению, которое держалось середины между его воззрениями и воззрениями Спинозы и этим напоминало пятый разговор о Спинозе. Ведь в ней автор развивает, опираясь на мнения Гемстергюи, ту мысль, что для нашего наслаждения любовью существуют границы, установленные невозможностью устранить нашу индивидуальность, без сознания которой и самое наслаждение было бы невозможно. И здесь нить идей развивается из греческих мифологических понятий; здесь автор описывает все степени и формы любви, кончая любовью беспредельного духа. Осенью 1785 г. Гемстергюи приезжал в Веймар вместе с Фюрстенбергом и Шпрюкманом; все они сопровождали княгиню Голицыну, которая была для Гемстергюи новой Диотимой. Благодаря стараниям Каролины, сношения Гердера с этими гостями и даже с благочестивой княгиней были самые добросердечные³. А беседы Гердера с ученым Гемстергюи — с этим «девственным старым юношей и милым философом», как его называла Каролина, вероятно, были похожи на занятие тех двух женщин, которые плели венки и подавали одна другой отборные веточки и цветки. Гердер уже давно старался освоиться с содержанием сочинений Гемстергюи посредством

¹ Сравн. выше, с. 234.

² В декабрьском номере 1781 г. (с. 211 и сл.). Это было приложением к напечатанному в ноябрьском номере переводу письма «О желании» (см.: Т. I. С. 875).

³ О приезде этих гостей идет речь в письмах: Каролины к И. Г. Мюллеру (*Гельцер*. XIV. 110), Гёте к Якоби (их переписка, с. 88 и сл.), к Кнебелю (их переписка, с. 70), к г-же Штейн (их переписка, III, 186 и сл., в особ. с. 191); кроме того, см.: Knebels. Litt. Nachl. II, 319; *Цёнприц*. I, 64 и сл. Сравн. письмо Гердера к Гейне (С, II, 200).

их перевода на немецкий язык; он закончил свои «Геологические письма» извлечениями из сочинения «Sur l'homme et sur ses rapports» — теми цитатами, в которых высказывались жалобы на то, что в наше время, отличающееся господством механики, совершенно ослабело религиозно-нравственное направление и что религия много утрачивает, оттого что находится в руках ортодоксальных теологов и не признающих никакой религии философов. Еще в первой главе «Идей» он снова ссылался на направление сочинений Гемстергюи, а благодаря Гемстергюи Кампер обратил свое внимание на сочинение, которое научало находить Творца в гармонии мироздания¹. Статья о «Любви и самолюбии» была чем-то вроде подтверждения слов Гердера, что он любит Гемстергюи, который «для него точно будто *soaevus* в академии духов до их земного рождения»; в 1791 г., после смерти Гемстергюи, он хотел, чтобы его статью считали за воспоминание о том человеке, «ум которого грации избрали для себя храмом»². Эта статья воспламенила ум более юного Шиллера: когда он прочел ее в первый раз в первом сборнике «Листков», он был поражен ее поэтической философией и сходством изложенных в ней идей с теми, которые он сам развивал в переписке Юлия и Рафаила³.

Лессингу, вероятно, понравился бы помещенный в том же сборнике «разговор богов» о том, «что производит более сильное впечатление — живопись или музыка». Эта статья помещена непосредственно перед парамифиями, с которыми находится в родстве; но она не лишена юмористического отпечатка, в котором сказывается ее происхождение. Демодор ведет в предисловии речь об избранном обществе, в котором занимаются разными остроумными забавами и, между прочим, задают вопросы, на которые каждый старается дать самый остроумный ответ. Отсюда видно, что «разговор богов» был задуман для того небольшого кружка, который собирался у герцогини Амалии; сначала он был изложен с некоторыми изменениями и появился в первый раз в тифуртском журнале 1783 г. Разве в таком обществе можно было ожидать строго философских объяснений и чего-либо другого, кроме умственных упражнений? На этот раз Гердер вступал в соперничество не с Лессингом, а с Виландом и его подражаниями Лукиану: в уста муз, вступивших на Олимпе в спор под председательством Аполлона, он влагает насмешливые замечания о но-

¹ Идеи. I, 5; Гердер к Якоби (А, II, 281).

² В конце предисловия ко 2-му изд. первого сборника «Разбросанных листков».

³ Переписка Шиллера с Кёрнером. I, 126, 127.

вейшей живописи, старающейся подражать живописи древних, о новейшей музыке и даже об изобретении шарманок. Хотя автор и высказывает при этом несколько не лишенных значения воззрений на сущность тех двух искусств, хотя он и обнаруживает свою любовь к музыке, заставляя поэзию признаться, что музыка имеет для нее более высокую цену, чем живопись, но вся статья похожа на остроумную болтовню. Применяясь к требованиям хорошего общества и вежливого разговора, автор вовсе не старается достигнуть окончательного разрешения спорных вопросов, вовсе не старается установить различие между приверженцами несходных мнений, а напротив того, старается примирять противоположные воззрения. Разговор кончается тем, что Аполлон мирно разрешает спор между двумя музами, заявив, что живопись обращается к нашему рассудку, а музыка — к нашему сердцу.

Но в «Разбросанных листках» было отведено место не только для искусства, поэзии и науки, а также для изучения исторических памятников. Именно таково содержание статьи о Персеполе, помещенной в конце третьего сборника¹. Рисунки персепольских древностей, привезенные некоторыми путешественниками и после многих других Нибуром, натурально возбуждали в Гердере желание объяснить значение этих древностей, потому что он был любителем и знатоком всего, что касалось Востока, и потому что он сам так любил облекать свои мысли в форму аллегорий. Разве эти древности были менее ценны, чем остатки египетской и греческой старины? При самом входе внутрь развалин Персеполя стояли изображения баснословных животных, очевидно носивших на себе, по верному замечанию Гердера, чисто азиатский, а не египетский отпечаток. Основываясь на своем знакомстве с обыкновением восточных народов выражаться индифферентно, Гердер полагает, что одно из тех изображений животных было символом силы, другое — символом государственной мудрости, а оба они были символами государственной жизни. Между многочисленными человеческими фигурами автор выбирает главную фигуру, так как объяснение ее значения должно служить ключом для понимания всех развалин. Парящий над этой фигурой небожитель, как нам теперь положительно известно, изображал духа — хранителя человеческой личности. Гердер лишь мимоходом упоминает об этом воззрении в под-

¹ Herder. Persepolis. Eine Muthmaassung. — Эта статья была напечатана в особом издании (в Готе, у Эттингера, 1787, с. 70). Иоанн Мюллер, очень высоко ценивший ее (сравн. письмо к Котте в переписке Шиллера с Коттой, с. 535), поместил ее в SW в отделе филос. (I, 50 и сл.).

строчном примечании; он, напротив того, полагает, что та фигура небожителя изображала персидское божество, что ее крылья обозначают быстроту и силу, а находящееся в ее руке кольцо означает время или вечность. Вслед за тем он основательно замечает, что главная фигура изображала не жреца, а царя. Отсюда он делает быстрый и неудачный скачок в сторону: он говорит, что этот царь был не кто иной, как Дшемшид, которому персидские предания единогласно приписывают сооружение этих памятников. Этим предположением объясняется, полагает Гердер, все остальное: «В тех фигурных изображениях, которые мы находим среди развалин Персеполя, представлена история Дшемшида — этого персидского Соломона: в них изображены деяния и учреждения этого царя; все сто фигур, обращенных к нему лицом, изображают его подданных и служителей, приносящих ему подарки в первый день нового года, считавшийся у персов большим праздником». Далее Гердер считает правдоподобным, что сам Дшемшид по меньшей мере приступил к сооружению этого памятника своего царствования. Этот памятник похож не столько на храм, сколько на укрепленный царский дворец; даже можно сказать, что это был первый царский дворец в Персии и что, без сомнения, это тот самый дворец, который был сожжен Александром, так как пламя могло уничтожить только верхнюю деревянную часть здания.

В этих объяснениях перемешиваются основательные замечания с вовсе лишенными всякого основания; впрочем, они излагались в виде догадок, и в них всего резче бросается в глаза ошибочное предположение, что постройка Дариева дворца относится к такой глубокой древности. Новейшие научные исследования, имевшие в своем распоряжении вновь добытые результаты изучения древней письменности и древних языков, отняли всякую цену у гердеровских объяснений, которые, впрочем, были впоследствии изменены самим автором. Однако Гердера нельзя упрекать за то, что сам он придавал своей статье очень важное значение¹. Он считал ее лишь началом таких же статей о царских гробницах и о других азиатских памятниках. Это намерение он лишь частью исполнил в следующем сборнике «Разбросанных листков». Клубок тех идей, которые он начал развивать в статье о Персеполе, до такой степени — по его собственному вы-

¹ Он рекомендовал ее И. Г. Мюллеру в письме от 30 дек. 1787 г. (*Гельцер*. С. 120); сравн. его письма к Эйхгорну от 18 сент. и от 8 окт. 1787 г., также перепищу Шиллера с Кёрнером (I, 128).

ражению — разросся под его руками, что его нельзя было размотать иначе как в более обширном сочинении. Задуманная им статья о царских гробницах превратилась в «Персепольские письма». В изданной лишь после его смерти последней части «Адрастеи» он сделал обзор литературной истории персепольских раскопок и снова обещал воспользоваться первым свободным временем для окончания его собственной работы по этому предмету. Но ему не достало свободного времени, и наконец его настигла среди этих занятий смерть. Нам еще придется говорить об этих попытках Гердера и об изданных после его смерти «Персепольских письмах», но главное значение этих работ заключается не в их положительных результатах, а в той цели, с которой они были предприняты. Гердер всегда увлекался желанием вспахать открытое другими поле, как бы оно ни было каменисто. Лишь только делалось какое-нибудь новое открытие в научной сфере, он не знал покоя, пока не сделает новый шаг вперед на только что проложенном пути. Он не был способен терпеливо собирать первоначальные материалы, тщательно исследовать отдельные явления и строго проверять достоверность фактов; но его гениальность обнаруживалась в честолюбивом желании быстро усваивать результаты чужих исследований, извлекать из них новые идеи и делать их плодотворными при помощи остроумных соображений и догадок. Этим способом он постоянно превращался из писателя, шедшего по чужим стопам, в такого писателя, который шел впереди всех. Так, с семян, разбросанных в «Письмах о литературе», он собрал вторичную жатву; искры, разбросанные в сочинениях Лессинга, превратились у него в яркое пламя; сочинения Винкельмана навели его на новую теорию пластики, а сочинения Галлера на новую теорию познания; он был учеником Кампера и Зёммеринга, а потом был всеми признан за их наставника; восточная филология Михаэлиса превратилась в его руках в сочинение о духе еврейской поэзии; «Зенд-Авеста» Анкетиля послужила для него вспомогательным средством для объяснений Нового Завета; жажда знания привлекла его внимания к развалинам Персеполя и побудила его проникнуть в никем не исследованную страну по тропе, проложенной другими. Гердер был вполне прав, когда утверждал, что смысл тех памятников следует объяснять на основании местных народных преданий, но он слишком рано и слишком нетерпеливо стремился к окончательным выводам и потому не достиг своей цели: тем не менее он и в этом случае смело указал путь для будущих научных исследований.

Нам еще остается обратить наше внимание на художественное значение как отдельных отрывков, вошедших в состав «Разбросанных листков», так и способа их распределения по различным сборникам. Уже в предисловиях заметно старание автора отыскать самую привлекательную художественную форму изложения. Введением к первому сборнику служит диалог, введением ко второму сборнику служат письма, а предисловие к третьему сборнику находится в связи с тем, что говорится в платоновском «Федре» о садах Адониса. Выбор отрывков никак нельзя назвать произвольным; автор, очевидно, стремился к единству самых разнообразных составных частей. В особенности во втором сборнике ясно видно единство направления: автор писал Глейму (С, I, 115), что весь этот сборник посвящен грекам. Преимущественно греками занимался автор и в первом сборнике, между тем как в третьем сборнике он обращал главное внимание на восточные страны. И внося в сборники свои собственные стихотворения, он старался, чтобы эти стихотворения подходили к содержанию того или другого сборника. Чтобы «придать всему изданию некоторую цельность», он выбирал те из своих стихотворений, которые имели аллегорический характер¹. Отделять прозаические отрывки от стихотворных было бы то же, что вырывать цветки из букета, связанного по заранее задуманному плану и с большим вкусом. В сборнике эпиграмм из антологии Гердер сам намекает на свое намерение перейти к сборнику мелких греческих стихотворений: он также старается установить хотя и легкую, но ясно заметную связь между статьей «О метафорах, вымыслах и баснях» со следующими вслед за ней стихотворениями на восточные народные сказания. Наконец, и самые стихотворения, как переводные, так и написанные самим Гердером, обнаруживают в своем распределении одну руководящую идею; они поставлены одни вслед за другими то вследствие взаимного сходства, то вследствие взаимной противоположности; но при обзоре целого нас поражает такая правильность в их распределении, которая нисколько не утомляет читателя. Когда Гёте приступил к пересмотру своих смешанных стихотворений для издания всех своих сочинений, он стал распределять их по образцу сборников «Разбросанных листков»².

¹ К Кнебелю (Knebels Nachl. II, 265).

² Итальянское путешествие / Изд. Гемпеля. XXIV, 481. — Шерер (Goethe-Jahrbuch für 1883. С. 71 и сл.) усматривает даже в слове «сборники» желание Гёте подражать Гердеру. Но это подражание всего яснее видно в распределении стихотворений по сходству и по противоположности поэтических мотивов.

Итак, и по своему содержанию, и по своей внешней форме «Разбросанные листки» — в особенности три первых сборника этих «Листков» — были самым приятным подарком, какой только мог быть поднесен Гердером читающей публике. Это были сборники небольших, но настоящих художественных произведений, которые не все были одинаково тщательно отделаны и не все имели одинаковое значение; но каждое из этих произведений имело свою особую привлекательность, а все они, вместе взятые, производили самое приятное впечатление. При своем беспокойном и подвижном уме Гердер не был в состоянии достигать цельности и округленности изложения в своих капитальных сочинениях, но ему легче было достигать этих целей при издании мелких отрывков. Мы уже не в состоянии восхищаться его «Идеями» так, как ими восхищались самые авторитетные из современных критиков; мы пролагаем себе новый путь сквозь массы старых идей и останавливаем свое внимание только на тех из них, которые привлекают нас глубиной воззрений или силой красноречия. А мелкие отрывки «Разбросанных листков», хотя и не могут соперничать с тем капитальным сочинением Гердера, которое двинуло науку вперед, имеют то преимущество перед этим сочинением, что их можно с наслаждением читать даже в наше время. И при своем первом появлении они нашли чрезвычайно признательную публику. Еще до выхода в свет четвертого сборника Гердер подписал (31 марта 1791 г.) предисловие к новому изданию первого сборника. Он сделал некоторые поправки в стиле и в стихах, а некоторые из эпиграмм антологии вычеркнул и заменил новыми. Наконец, в 1796 и 1798 гг. вышло 2-е издание сборников второго и третьего также с некоторыми изменениями и с незначительной прибавкой новых статей¹.

В течение тех лет, когда вышли в свет первые части «Идей» и «Разбросанных листков», Гердеру пришлось снова издавать и «Геологические письма»²; при этом снова обнаружилось влияние нового направления гердеровских воззрений. Гердеру не

¹ См. письма Гердера к Глейму (С, I, 150) и к И. Г. Мюллеру от 15 окт. 1795 г.; предисловие ко 2-му изд. первого сборника «Разбросанных листков», приписку ко 2-му изд. третьего сборника «Листков». Подробности касательно переделок можно найти в изданиях Дюнцера и Суфана.

² 2-е изд. первой части было напечатано осенью 1784 г. и вышло в свет в 1785 г., т. е. в промежутке времени между появлением первой и второй части «Идей» и до издания первого сборника «Листков». 2-е изд. второй части было готово после окончания второго сборника «Листков», летом 1786 г., т. е. в промежуток времени между появлением второй и третьей части «Идей».

представлялось надобности вполне переделывать «Письма», которые производили сильное впечатление и в своем первоначальном виде. В двух заново написанных предисловиях (17 октября 1784 г. и 8 июля 1786 г.) он скромно признается, что теперь написал бы эту книгу несколько иначе, потому что она вышла в свет ранее его сочинения о еврейской поэзии, потому что богословская наука сделала с тех пор значительные успехи и потому что его собственные воззрения получили более широкое развитие. Что он создал в своем уме иной идеал, видно уже из того, что в первой половине «Писем» он кое-что выбросил и кое-что прибавил, а во всей книге сделал немало поправок в мелких подробностях.

Он начал с того, что признал излишними и устарелыми длинные отступления, в которых опровергал неосновательные отзывы критики о его прежних сочинениях экзегетического содержания. Кроме того, он выбросил переведенные ямбическим размером отрывки из Апокалипсиса — очевидно потому, что ему уже были не по вкусу такие переводы. Наконец, он исключил те места, в которых восставал против попыток делать из Мессии героя эпических поэм. Не сделал ли он это с целью ослабить негодование, которое возбуждали эти места в многочисленных поклонниках Клопштока и в особенности в г-же Винтем?¹ Но в таком случае ему пришлось бы вычеркивать все, что он говорил о романтическом разукрашивании безыскусственного евангельского рассказа. Однако он этого не вычеркивал; он даже оставил то, крайне возмущавшее г-жу Винтем, место, где он говорил, что «мириады ангелов» лишь ослабляют впечатление, производимое эпическим повествованием; он ограничился тем, что смягчил некоторые выражения, — без сомнения, потому, что его эстетический взгляд на этот предмет несколько не изменился и даже перешел в глубокое убеждение.

Но дополнения были еще важнее пропусков. Они, вероятно, были извлечены из лежавших без всякого движения в письменном столе писем Феофрона, т. е. из новой редакции уже давно задуманного продолжения «Теологических писем» — из того продолжения, которое, по мнению автора, должно было «увенчать» те письма². К таким дополнениям принадлежат: изложенные в

¹ Это видно из тех находящихся в рукописи выражений, которые были вычеркнуты автором, но помещены в SWS (X, 228, прим. 5).

² См. выше, с. 161 и сл. — На намерение Гердера писать продолжение «Теологических писем» есть еще новое указание в письме Гердера к Бертуху, которое напечатано Л. Гейгером в первой части «Академических листков»

22-м письме и направленные против Лафатера полемические нападки на парафразирование библейского текста и вошедший в 21-е письмо «Очерк характеристики Христа»; эти последние размышления автор прежде не решался включить в содержание «Писем»; в них сказывается более смелое направление писем Феофрона и вообще то направление, которое сделалось господствующим в уме Гердера с половины 80-х годов. «Всякое сочинение, — говорит Гердер, — в котором объясняется историческое развитие самой чистой человеческой личности и все это излагается с нравственной целью, есть сочинение, написанное в евангельском духе; напротив того, всякие хитрые схоластические измышления, превращающие человека в какой-то уродливый призрак, находятся в противоречии с содержанием Нового Завета и вредны». Это положение служит введением к характеристике Христа. Гердер говорит, что Христос — непорочный, возлюбленный Богом человек, научивший своих собратьев быть детьми Божиими, и любит Бога, как отца. Так как он был представителем здравого человеческого смысла и чистого гуманного чувства, то его натуральными противниками были книжники и фарисеи. В истории его жизни (эти размышления направлены против безвкусного прагматизма автора «Вольфенбюттельских отрывков») нельзя найти никаких признаков ни «хитрого обмана, ни лукавства, ни привязанности к какой-нибудь секте, в которых его обвиняли клеветники нашего времени». Он всегда остроумно и ясно излагал свои мысли; он исцелял больных, был спасителем грешников, руководителем погибших, а его религия есть религия любви и утешения; она велит помогать бедным и учит воспитывать малолетних. В заключение Гердер говорит: «Настоящая религия, которая научает чтить Отца Небесного и любить его в его детях и которая вместе с тем есть религия неистощимого человеколюбия, заключается в учении и в жизни Христа; его имени недостойна никакая религия, кроме той, в которую он сам верил и которую он сам соблюдал». Действительно, можно сказать, что этими словами Гердер «увенчал» ту книгу, в которой требовал, чтобы Библию объясняли в человеческом смысле, и объявлял, что изучение теологии принадлежит к разряду либе-

Сиверса (1884, с. 4). Это письмо, судя по его содержанию, было написано в 1781 г.; в нем Гердер просит Бертуха предложить «типографии ученых» напечатать продолжение «Писем» под следующим заглавием: «Theiologische Briefe. Ein Nachtrag zu den Briefen die Theologie betreffend. Части 1 и 2». Переговоры, о которых идет речь в следующем письме (№ 4), относятся к сочинению о еврейской поэзии.

ральных наук. Вместе с тем он ставил личность и религию Христа на такую же высоту, на которой они поставлены в начале семнадцатой книги «Идей».

И относительно своей внешней формы, относительно своего стиля, «Теологические письма» получили некоторое сходство с «Идеями» и с одновременно изданными сочинениями. Их слог был очищен, и на каждой из их страниц видно старание автора исправлять резкие или небрежные выражения и нескладные конструкции фраз¹. А в предисловии ко второй части автор говорит, что «тот, у кого достанет терпения для сравнений, извлечет поучения из этих перемен».

¹ Хотя Суфан и говорит (SWS. XII, 360), что только в своем новейшем издании «Письма» подходят к стилю нового направления в идеях Гердера, но это мнение требует доказательств. Только новое издание сочинений Гердера даст возможность сделать путем сравнения совершенно удовлетворительные выводы. Мы в состоянии сделать некоторые сравнения только в виде опыта. Так, слово *Kotheidwürfe* заменено словом *Staubeinwürfe*, а слово *Weibheit* — словом *Weiblichkeit*. Слово *unangezerrt* не употребляется ни разу; вместо *still sich umherblickendes Lastthier* сказано *still umherblickenden*; неуклюжая конструкция фразы *bescheiden schämst du dich des zu stolzen Gewandes und stolz das fremde Gewand deiner* заменена более правильной конструкцией *und stolz schämt sich das fremde Gewand deiner*. В некоторых местах вставлено слово *ein* и т. п. С другой стороны, нам бросается в глаза тот факт, что, делая множество перемен, доказывающих тонкое понимание изящества стиля, Гердер оставляет без изменений такие слова, как *oftermals*, *gelehramkeitslos* и многие другие, неприятные для нашего слуха и вовсе не употребительные.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Искренняя дружба, связывавшая Гердера с Гёте в течение с лишком десяти лет, вела свое начало от высказанного Гёте заявления касательно служебной деятельности Гердера. Можно было заранее предвидеть, что возобновившаяся дружеская связь между этими двумя людьми будет иметь важное влияние не только на ежедневную жизнь Гердера, но также на его положение в Веймаре и на его практическую деятельность. И в этом отношении мы усматриваем резкое различие между первым периодом его веймарской жизни и вторым. Только с августа 1783 г. он стал приобретать некоторое влияние на церковные дела и на воспитание юношества в качестве генерал-суперинтенданта и члена веймарской высшей консистории. А до тех пор он очень скоро разочаровывался в успехе всех своих начинаний, вследствие того что наталкивался на такие препятствия, которых не был в состоянии преодолеть; поэтому он ограничивался почти исключительно исполнением своих духовных обязанностей: произносил церковные проповеди, выслушивал исповедь кающихся и занимался текущими административными делами своей епархии.

Однако и в этой узкой сфере он обнаруживал, в течение первых семи лет своего пребывания в Веймаре, такую предприимчивость, которая заслуживает нашего внимания наряду с его одновременной литературной деятельностью. После того как он прожил полтора года в Веймаре, он в письме к Гаману шутя говорил, что до той минуты его литературная деятельность заключалась только в новом издании церковных песен и в сочинении коротеньких пастырских посланий¹, в которых он возвещал о ежегодном назначении двух дней покаяния. Но в этих ежегодно возобновлявшихся безыскусственных и написанных спокойным, серь-

¹ 20 марта 1778 г. (Соч. Гамана. V, 283). В «Воспоминаниях» (III, 74 и сл.) помещено двадцать отборных извещений этого рода, написанных в промежутке времени от 1776 до 1803 г.

езным тоном воззваниях к верующим сказывался не писатель, а церковный проповедник; это были напоминания об утешениях, доставляемых христианской религией, и увещания, в которых Гердер доказывал, что мы в руках Божьих и должны принимать за руководство слово Божье. При этом Гердер избегал напыщенной фразеологии искусственного церковного слога и большей частью ограничивался объяснениями библейских текстов. Это было нечто вроде отрывков или сокращенного изложения проповедей, но направление и стиль этих извещений ничем не отличались от направления и стиля тех проповедей, которые произносились Гердером с церковной кафедры.

Действительно, и в течение первых лет своего пребывания в Веймаре Гердер был таким же хорошим церковным проповедником, каким был в течение следующих лет, когда достиг вершины своей литературной деятельности, и каким был до конца своей жизни, хотя впоследствии и стал реже появляться на церковной кафедре. В этом отношении на него не имело никакого влияния приближение старости: именно на этом поприще он вполне достиг той цели, которую преследовал с молодости, и исполнил свою задачу с полным успехом и к общей пользе.

Содержание его проповедей, естественно, изменялось соответственно с его религиозным настроением и соответственно с требованиями той публики, которая его слушала. В тех проповедях, которые он произносил перед просвещенной рижской публикой, заботясь с юношеским рвением о развитии «культуры и человеческого разума», была ясно заметна примесь рационалистических и нравоучительных элементов. После того его проповеди носили на себе отпечаток того горячего старания доказывать необходимость христианской религии, которым он так сильно увлекался в Бюкебурге; когда он имел в виду самую любимую из своих слушательниц, графиню бюкебургскую, он невольно глубже проникал в сферу религиозных верований, а когда он имел в виду поселян, ожидавших от него поучений, он тверже придерживался общеизвестных указаний катехизиса. Наконец, в Веймаре, где его слушателями были частью самые образованные и самые взыскательные представители высшего общества, частью здравомыслящие люди из среднего сословия, в его проповедях стали сказываться либеральные воззрения на теологию, и он очень удачно держался середины между искренним благочестием и разумными требованиями просвещения, между завещанным преданием понятиями о христианстве и стремлениями к гуманности. С течением времени и стиль его церковных проповедей стал изменять-

ся вместе с характером его литературных произведений. Когда один из веймарских книгопродавцов изъявил ему желание напечатать некоторые из его рижских проповедей, он, улыбаясь, отвечал, что эти проповеди, бесспорно, были разукрашены юношеской фантазией и юношеским красноречием, но что эти цветки и листочки уже завяли от старости¹. Наконец, и в его способе сочинять проповеди произошла перемена. Прежде он тщательно и подробно излагал на бумаге все содержание проповедей. Уже в Бюкебурге он стал произносить свои проповеди не в том виде, в каком они были написаны. Он стал излагать их письменно не для себя, а для тех, кто их слышал или не дослышал и желал перечесть, — для бюкебургской графини, для Лафатера, для своих друзей, а иногда и для того чтобы сослаться на их содержание в доказательство своих религиозных убеждений или в подкрепление своих ходатайств о назначении на новую должность. В одном из своих писем к Лафатеру, написанных из Бюкебурга, он говорил, что никогда не излагает своих проповедей на своем письменном столе, а произносит их по заранее составленному краткому очерку; поэтому все, что он потом письменно излагает, можно назвать статьями или воспоминаниями, в которых книжные выражения заменяют свободную устную речь. Этой методой он неизменно придерживался в Веймаре; его приготовления к проповеди заключались в составлении кратких очерков, в которых последовательность идей устанавливалась даже относительно мелких подробностей; но способ изложения зависел от того, в какой мере он воодушевлялся при виде своих слушателей. Так как он был во всех своих литературных произведениях оратором, то и выступая в качестве оратора он забывал, что был литератором. Он резко отличал написанное слово от сказанного и потому всегда противился печатанию его проповедей. Он был вынужден согласиться на печатание только нескольких из тех проповедей, которые были им произнесены по какому-нибудь особому случаю; ему было «крайне неприятно», когда две такие проповеди были изданы без его ведома².

Поэтому ни эти напечатанные проповеди, ни те, которые появились в печати после смерти Гердера, не могут дать нам вполне верного понятия о его деятельности в качестве церковного про-

¹ Воспоминания. I, 95, прим.

² См.: Т. I. С. 938 и в этом томе с. 31. Проповеди, изданные в 1780 г. наперекор его желанию (*Гельцер*. XIV, 87) под заглавием «Zwo heilige Reden bei einer besonders wichtigen Veranlassung gehalten», были напечатаны в Штендале, как это видно из письма И. Г. Мюллера к Гердеру от 28 марта 1781 г.

поведника; даже если бы мы могли добыть более многочисленные сведения о содержании его проповедей, мы все-таки не могли бы составить себе верного понятия о впечатлении, которое он производил с церковной кафедры. Есть только два способа выяснить, как было сильно это впечатление, — познакомиться с его собственными мнениями о достоинствах и о цели церковных проповедей и познакомиться с рассказами тех, кто принадлежал к числу его слушателей.

Нам уже давно известны основные воззрения Гердера на сущность церковной проповеди. В самом начале своей пасторской деятельности он описывал самого себя в статье «Оратор Божий», когда говорил, что проповедник должен с воодушевлением и наглядно излагать свою мысль. Он впоследствии развивал ту же мысль как в напечатанных, так и в оставшихся ненапечатанными статьях, которые входили в состав «Отрывочных заметок»; такие же суждения разбросаны в его «Провинциальных листках», в некоторых других сочинениях и в письмах¹. Едва ли можно указать какую-либо другую сферу деятельности, в которой он с таким же глубоким сознанием выступал в роли реформатора. Он ясно сознавал необходимость заменить обычное содержание проповедей таким содержанием, которое производило бы на слушателей более сильное впечатление; это убеждение созрело в его уме еще раньше, чем убеждение в необходимости оживить нашу поэзию. Однако немецкие теологи или вовсе не признавали его реформаторских заслуг в этом отношении, или старались умалять их значение. Они прилагали мерку положительных верований к гердеровским гениальным объяснениям сущности христианского учения; поэтому они не были способны оценивать по достоинству содержание его устных поучений, неохотно признавали его заслуги и отвели ему скромное место в истории церковной проповеди. Эти неверные суждения будут рано или поздно заменены более правильными благодаря написанному в противоположном направлении сочинению Э. Шварца и недавно вышедшему сочинению Вернера². Вообще можно ска-

¹ См.: Т. I. С. 167 и сл.; LB. I, 3, а, 245 и сл. II, 300; Древнейший документ. I, 125; Провинц. листки. С. 31, 78 и т. д.

² Между тем как в иных сочинениях вовсе не упоминается имя Гердера, Sack посвятил ему в своей «Geschichte der Predigt» (с. 138 и сл.) особую главу; он хотя и хвалит язык гердеровских проповедей, но до такой степени занят критикой с точки зрения догматов, что совершенно теряет из виду главные достоинства этих проповедей. Rother в своей «Geschichte der Predigt» (с. 441 и сл.) лишь вкратце упоминает о заслугах Гердера касательно объяснений

зять, что заслуги Гердера по отношению к гомилетике стоят наравне с его заслугами по отношению к эстетике. Подобно тому как он старался заменить подражательную поэзию самобытной, искусственную — натуральной, он стал горячо нападать и на традиционную риторику церковных проповедников. Настоящая поучительная церковная проповедь должна, по его мнению, обращаться к сердцу и к здравому смыслу простонародья; она должна иметь не ученое, а общепонятное содержание; она должна объяснить Библию, а не догматы; она должна быть своеобразной, а не классической. Высказывая эти воззрения, он не одобрял ни схоластическую манеру произносить проповеди, ни цветистое красноречие церковных проповедников. Такова была его точка зрения, когда он писал статью «Оратор Божий»: она осталась неизменной и после ее 15-летнего применения на практике. А когда он жил в Веймаре, он уже мог опираться на указания многолетнего опыта; его теологические убеждения уже вполне установились и выяснились, а потому он уже был в состоянии соединить в одну цельную теорию все те идеи, которые излагал в своей статье «Об ораторе Божьем». Гомилетика, о которой он когда-то помышлял, и те идеи о духовном красноречии, которые он назвал в своем «Путевом журнале» «любимой сферой своей души», составляют содержание «Теологических писем», начиная с 38-го письма и кончая 45-м. Подобно тому как изложенная в «Разбросанных листках» теория басни и эпиграммы лишь развивала прежде высказанные идеи, и эти письма о гомилетике лишь развивают то, что уже было высказано в статье «Об ораторе Божьем». Ни одна из прежних идей не пропала, а напротив того, каждая из них выставлена в новом свете, получила новый отпечаток и более определенную внешнюю форму.

Автор «Теологических писем» находит церковное красноречие своего времени до такой степени не соответствующим своему назначению, что желал бы заменить неправильно понимаемое слово «проповедь» словом «лекция» (*Vortrag*). В качестве ненавистника какой бы то ни было неизменной формы изложения он доказывает, что божественное содержание Библии можно излагать в самых разнообразных формах, применяясь к положению и к душевным потребностям слушателя. Она не может служить

Священного Писания; он усматривает в христианских верованиях Гердера только нечто похожее на рапсодию и говорит о том, что он был «очень непопулярен». Противоположное мнение высказывали: Schwarz (*Herder als Prediger // Гердеровский альбом. С. 169 и сл.*) и Werner (*Herder als Theologe. С. 375 и сл.*).

для проповедников образцом изложения, потому что в ней нет ничего похожего на церковную проповедь. Но то, что составляет сущность всех библейских рассказов, должно служить руководством для церковных проповедников. Сообразуясь с содержанием Библии, проповедник должен возвещать волю Божию, должен на основании Слова Божья вкладывать в человеческое сердце и в человеческую совесть правильное понятие о нашем благополучии, он должен по-своему делать то же, что делали патриархи и пророки, Христос и апостолы. Поэтому коренная форма церковной проповеди заключается в объяснении Священного Писания; проповедь не должна уклоняться от этой основы даже в тех случаях, когда она отличается самостоятельным красноречием. Объяснения Священного Писания и практическое применение прочитанного текста из Библии составляли содержание проповедей в древней христианской церкви; такое же содержание имела проповедь во времена Лютера и его ближайших сотрудников. Ей следует снова придать «эту здравую, старинную и популярную» форму, после того как она была извращена сначала догматически-полемическим направлением проповедников, а потом философией и склонностью к ораторскому красноречию. Она должна быть, по мнению Гердера, чисто библейской или аналитической. Он противопоставляет ей те проповеди, в которых проповедник выхватывает из священного текста только одно слово и обращает это слово «в схоластическую или ораторскую тему, совершенно позабывая о содержании самого текста». Напротив того, проповедник должен строго придерживаться этого текста, должен анализировать его, должен проследить выраженную в нем мысль во всех ее практических применениях. В той вступительной проповеди, которую Гердер произнес в Веймаре, он говорил: «Я должен ограничиваться безыскусственными объяснениями, должен следовать за тихим, спокойным потоком слов Христа и на каждом шагу черпать из этого потока то, что доступно для меня, и то, что в настоящую минуту может растрогивать и душевно укреплять и самого меня, и моих слушателей».

Далее Гердер доказывает, что самое содержание Слова Божья облегчает произнесение таких проповедей: ведь Библия состоит большей частью из исторических повествований и из парабол, а если в ней и встречаются поучения, то они перемешаны с историческими повествованиями и с параболами. Поэтому проповедник должен превращать рассказы библейского текста в историю и в параболу человеческого сердца — должен применять их к условиям нашей жизни. Настоящая проповедь должна отличать-

ся от написанной статьи тем, что она состоит из действия. Возбуждаемый ею интерес и производимое ею впечатление должны усиливаться с ее начала и до самого конца; она должна иметь сходство с «драмой человеческого сердца, в которой есть и завязка, и развязка»; она должна заключать в себе целый лабиринт самых разнообразных идей, но таких идей, которые все имеют одну цель и сводятся в одно нераздельное целое. Конечно, такая проповедь требует от проповедника некоторого искусства, но это искусство должно истекать из сердца, из ума, посвятившего себя служению Божию. «Такая проповедь не допускает никаких трескучих слов, никаких искусственных и заученных наизусть периодов; иначе говоря, она не допускает постоянного переливания из пустого в порожнее». Из всего нами сказанного видно, что излагаемая Гердером теория проповеди все более и более сходится с его общими эстетическими воззрениями и с тем, что можно назвать его поэтикой. И в настоящем случае его сочувствие к библейской поэзии соединяется с его сочувствием к художественным превосходствам древних народов. Хотя он и не позволяет выражаться с церковной кафедры цicerоновскими периодами, однако он рекомендует церковным проповедникам изучение греческих и римских ораторских речей, так как только в этих речах красноречие обращалось в живую силу. Только у древних ораторов он находит такое искусство, которое ничем не отличалось от природы, и именно такого искусства он требует в начертании плана проповедей. Хорошо составленный план он считает за главное условие хорошей проповеди, а требование логической последовательности, которую он считает необходимой для проповеди, сливается у него с требованиями фантазии и с соблюдением правил безыскусственного изящества. «Каждое образное выражение, — говорит Гердер, — каждое положение, даже каждая запятая должны находиться в зависимости от выбранной темы, подобно тому как каждый сучок, каждая ветвь, каждый цветок или листик вырастает из древесного корня в силу необходимости». Он ненавидит однообразие обычного разделения проповеди на составные части; такие проповеди, говорит он, похожи на «зверя, у которого на убогом теле две головы, который оскаливает только два или три зуба и тащит за собой хвост, которым бесполезно мотает!» Однако сделанное заранее точное распределение содержания проповеди должно оставаться незаметным для слушателя — ведь и природа любит прикрывать неизменные формы какими-нибудь украшениями. Здесь обнаруживается и пристрастие Гердера к диалогической форме, которую

он противопоставляет бездушным монологам университетских профессоров и церковных проповедников. Он полагает, что в разговорной форме легче округлять угловатости проповеди и легче развивать сущность и мотивы идей. Он, очевидно, на основании своего собственного опыта советует ученикам упражняться в переложении проповедей в разговорную форму. Но настоящий образец для проповеди он находит в том виде поэзии, которым уже давно стал интересоваться по примеру Лессинга. В статье «О метафорах, вымыслах и баснях», он говорил, что возникновение поэзии почти совпадает с возникновением народных сказаний и басен, а в той главе «Теологических писем», где идет речь о гомилетике, он говорит, что ораторское искусство развивается из поэзии и басен. Он ссылается на басни и на параболы для объяснения своего требования, чтобы проповедь составляла во всех своих составных частях одно полное жизни целое, чтобы в ней постепенно развивалось одно и то же действие. Он имеет в виду содержание проповедей, когда говорит: «Я считаю басню за перл изложения и в морали, и в ораторском красноречии, и в поэзии. В ней до некоторой степени кроется зародыш всяких украшений нашей речи. Самые изящные выражения, метафоры и аллегории суть не что иное, как басни в сокращенном виде. В баснях же мы находим самый лучший способ излагать исторические факты и вместе с тем самый краткий и самый наглядный способ излагать нравоучения и общие правила».

Отсюда понятно пристрастие Гердера к параболической форме объяснений Священного Писания. Он полагает, что параболы служат «самым лучшим и самым закругленным текстом для проповедей». Так как сам Христос облекал в форму парабол свои лучшие нравоучения и свои объяснения тайн Царства Божия, то в параболах и следует искать указания для настоящей христианской проповеди. Вымыслы, в которые Христос облекал свое учение, должны так излагаться в проповедях, чтобы они обвивали нас, как змеи, чтобы они все сильнее и сильнее охватывали наше внимание, чтобы они раскрывали тайники нашего сердца и наконец оставались в нашем уме, как *fabula morata*, как продукты настоящей житейской мудрости. Вслед за параболами самое важное значение в глазах Гердера имеет исторический элемент гомилетики. Если библейские рассказы имеют характер басен, если они — в особенности у св. Иоанна — как бы сами собой превращаются в баснословные описания человеческой жизни, в зеркало, отражающее человеческие чувства и характеры, то и проповедь должна следовать этому примеру, должна превращать

отдельные подробности рассказа в «параболы общепонятной человеческой истины». Гердер приписывает лишь третьестепенное значение выбору поучительного текста. И в этом отношении он требует, чтобы проповедник имел целью «анализ человеческого сердца и человеческой совести». Он говорит, что проповедник должен сделать из поучительного текста исторический рассказ и при этом должен применяться к характеру своих слушателей и к условиям данной местности. Гердер восстает против всяких догматических объяснений, которые не производят никакого впечатления на сердца слушателей. Он восстает против водянистой морали проповедей, угрожающих грешникам разными карами, и полагает, что хорошая поучительная проповедь не должна ограничиваться общими и неопределенными идеями.

Эти последние требования трудноисполнимы; поэтому вполне понятно, почему не всегда умел придерживаться их и сам Гердер. Когда какое-нибудь из его сочинений лежало перед ним в виде напечатанной книги, он воображал, что мог бы изложить то же самое гораздо лучше; точно так же относился он и к своим проповедям. Лишь в то время, как он произносил проповедь, он создавал в своем уме идеал ее изложения; поэтому он нередко сходил с церковной кафедры с прискорбным сознанием, что не умел возвыситься до одного уровня с тем идеалом. Однако его проповеди всегда отличались живостью изложения и походили на такую устную речь, которая льется прямо из сердца. Он желал заменить безжизненную напыщенную поэзию настоящей естественной поэзией не в качестве поэта, а в качества издателя народных песен; его идеал осуществился в этом отношении не в его собственных поэтических произведениях, а в произведениях Гёте. Но оживление духовного красноречия и борьба с устарелой манерой произносить проповеди были его собственным делом, хотя он и не остался в этом предприятии без постороннего содействия. В особенности относительно поучительных проповедей он сам положительно признавал заслуги некоторых даровитых проповедников. И нельзя сказать, чтобы его собственные проповеди заслуживали безусловное одобрение. Ему всего лучше удавались параболические объяснения Священного Писания. Но равномерное течение его изложения разве не было нарушением им самим установленного правила, что впечатление, производимое проповедью, должно постепенно усиливаться? При своей манере говорить с церковной кафедры спокойным и приличным тоном, без всяких жестов, разве он мог придавать своим проповедям драматическую энергию? Разве его проповеди пользова-

лись такой популярностью, на какую они имели право в силу гердеровской теории? Разве не случается, что составные части его проповедей сливаются одни с другими так, что проповеднику не удается приковать к каждой из них внимание слушателей?

Но все эти недостатки всего менее заметны в тех проповедях, которые произносились Гердером по какому-нибудь экстремному поводу, как например по случаю какого-нибудь радостного или горестного события в герцогском семействе. Тогда Гердер обнаруживал всю силу своего красноречия. Не подчиняясь никаким стеснительным требованиям придворного этикета и не впадая в свойственную придворным лесть, он умел с большим тактом обсуждать личное положение высокопоставленных людей и высказывать по этому поводу общечеловеческие чувства. Действительно, все эти проповеди были «образцами глубокого религиозного чувства и благородной гуманности», как назвал одну из них Виланд.

Так как нам большей частью не известны мотивы, вызвавшие произнесение той или другой проповеди, то мы не можем основывать наши суждения на тех проповедях, которые дошли до нас в письменном изложении. Что такие изложенные в литературной форме проповеди могут дать нам лишь крайне слабое понятие о том впечатлении, которое они производили, подтверждается поклонниками гердеровского красноречия. Летом 1777 г. Петр Штурц слышал в Пирмоне одну гердеровскую проповедь; письмо, которое он написал по этому случаю Бойе и которое Бойе поместил в «Немецком музее»¹, имеет цену классического свидетельства. Он говорит: «Собравшееся в церкви знатное общество вовсе не было настроено в духе благочестия... однако Гердер в несколько минут приковал к своей проповеди внимание тех, кто искал в церкви рассеяния, удовлетворения своего любопытства или удовлетворения своего тщеславия. Все были тронуты до глубины души; все устремили на него свои взоры и проливали непривычные слезы; среди растроганных слушателей раздавались только вздохи... Он избрал темой для своей проповеди евангельский текст и объяснял его смысл с той безыскусственной простотой, которая не нуждается ни в фигурных выражениях, ни в школьных оборотах речи. Все, что он говорил, было вполне понятно, и он ни разу не прибежал к теологической мета-

¹ Напечатано в «Музее» в октябрьском номере 1777 г. (с. 373 и сл.); отсюда оно перешло в собрание сочинений Штурца (II, 329) и было перепечатано в «Воспоминаниях» (I, 253, прим.).

физике, которая не научает нас ни тому, как следует жить, ни тому, как следует умирать, а только сеет семена раздора. Это не было ни упражнением в благочестивом красноречии, ни разделенным на три приступа нападением на закоснелых грешников, ни литературным произведением, вышедшим из мануфактуры ученых статей; наконец, это не было и одним из тех бездушных нравоучений, которые отыскивают в Библии сходство с учением Сократа... это была проповедь веры и любви, такая проповедь, какую могли бы произнести ученики апостолов». Этот отзыв вполне согласен с ранее нами упомянутым отзывом Виланда о вступительной проповеди, которую Гердер произнес в Веймаре; Виланд также хвалил Гердера за умение согласовать чисто гуманные идеи с требованиями ортодоксии¹. Проповеди Гердера одинаково удовлетворяли и горячего приверженца христианских верований Фридриха Штольберга, и того поэта, который написал элегию «Боги Греции». Весной 1784 г. Штольберг проездом заезжал в Карлсбад и свел там личное знакомство с Гердером. «Лучшая из всех проповедей, какие мне случалось слышать, — писал он Фоссу, — была произнесена Гердером в Троицын день; он выражался без всяких ораторских прикрас, без всяких притязаний на красноречие, так искренно, что его слова производили такое же сильное впечатление, какое производит чтение Евангелия»². А когда вольнодумец Шиллер, воображавший, что нет никакой возможности произнести хорошую церковную проповедь, случайно зашел 5 августа 1787 г. в ту кирху, где проповедовал Гердер, — он был поражен остроумным объяснением притчи о несправедливом хозяине дома; он нашел, что Гердер точно будто применял практическое философское правило к данному случаю из частной жизни и развивал такую нравоучительную идею, которая была бы одинаково уместна и в христианской церкви, и в мечети. «Вся проповедь, — говорит он, — имела вид беседы, которая велась очень обдуманно самым общепонятным и естественным способом. Она была более похожа на разговор, чем на монолог. Ее изложение было так же просто, как и ее содержание: оратор не прибегал ни к жестикуляции, ни к голосовым эффектам, а выражался сдержанно и толково. Нельзя было не заметить, что он сознавал высокое значение своего духовного сана. Эта уверенность в уважении, которое все питали к его особе, очевидно, придавала тону его проповеди самоуверенность и спокойст-

¹ См. выше, с. 49.

² 2 июня 1784 г. (*Herbst*. Johann Heinrich Voss. II, 28).

вие... Проповедь Гердера понравилась мне больше всех других проповедей, какие мне случалось слышать в течение всей моей жизни»¹. Рассказы Штурца уже давно возбуждали в Бёттигере желание услышать проповедь Гердера: когда его давнишнее желание наконец исполнилось 26 сентября 1791 г., он нашел, что проповедь Гердера превзошла все его ожидания. Его рассказ о том, что он слышал, дает нам едва ли не самое ясное понятие о достоинствах гердеровских проповедей. Темой для проповеди служило объяснение евангельского рассказа об исцелении десяти прокаженных. Гердер вел речь не о совершившемся чуде, а «с увлекательным изяществом» говорил о чувстве признательности как о таком чувстве, которое поистине гуманно и согласно с человеческим достоинством. Переходы от одной части проповеди к другой были очень мягки и незаметны, так что можно было проследить безыскусственное разделение проповеди только в общих чертах — это было вполне согласно с теми требованиями, которые Гердер предъявлял к церковному проповеднику в своих богословских сочинениях. То, что далее рассказывает Бёттигер, дает нам ясное понятие о том, как держал себя Гердер на церковной кафедре: «Несмотря на бросавшееся в глаза отсутствие всякой напыщенности и искусственности, каждая мысль оратора излагалась в такой форме, что как будто из нее самой вырастали цветистые украшения слога. Оратор не гонялся за этими украшениями, но они точно будто появлялись сами собой, потому что без них не было возможности обойтись. Каждый период, по-видимому, слагался в тот момент, когда он выходил из уст проповедника; и нельзя не подивиться искусству, с которым оратор приискивал самые закругленные и самые приятные для слуха выражения». Далее читаем: «С начала до конца проповеди Гердер не делает ни одного движения руками, которые у него постоянно сложены под пасторской мантией. Но тем более сильное впечатление производят повышения и понижения его приятного и звучного голоса, который, однако, едва ли мог бы наполнить более обширную церковь при быстром течении его речи»².

Этих свидетельств вполне достаточно!³ Теперь мы уже знаем, каков был этот церковный проповедник, этот красноречивый истолкователь Священного Писания, этот духовный руководи-

¹ К Кёрнеру 12 августа 1787 г.

² *Böttiger. Litt. Zustände. I*, 104 и сл.

³ Сравн.: Воспоминания. I, 93, прим. Описание, которое мы находим у Данца и Грубера (*Charakteristik Joh. Gottfr. von Herders. С. 79*, прим.), лишь отчасти отзывается достоинствами самостоятельного рассказа.

тель образованных классов населения. Действительно, люди высших сословий и знатного происхождения принадлежали к числу тех, кто постоянно приходил слушать проповеди Гердера. В этих сферах посещение гердеровской кирхи считалось требованием хорошего тона, а содержание выслушанной проповеди служило темой для разговора после обеда или вечером за чайным столом. Самые образованные и самые благодетельные из этих слушателей извлекали для себя из слов всеми чтимого проповедника самую благородную умственную пищу и сохраняли в течение всей своей жизни воспоминание о том, что слышали. Незадолго перед своей смертью герцогиня Амалия искала для себя утешения в содержании тех проповедей, которые были произнесены Гердером по поводу какого-нибудь происшествия в ее семейной жизни. То была вовсе не маловажная заслуга со стороны Гердера, что именно эти слои общества он подчинил нравственно-религиозному влиянию церкви и заставил их понять, что христианская религия может служить источником утешения для всех без различия, что она предъявляет одинаковые требования и к знатным, и к незнатным. Чем сильнее преобладало при веймарском дворе влечение к мирским наслаждениям, тем глубже сознавал Гердер важность своего духовного призвания; вот почему он сделался всеми признанной нравственной силой даже в те первые годы своей веймарской жизни, когда был лишен всякой возможности вмешиваться в дела управления.

И по прошествии первых семи лет, проведенных в Веймаре, эта проповедническая деятельность составляла самую блестящую сторону его служебных занятий. В ней, точно так же как и в своей разнообразной литературной деятельности, он — как сам выражался — сознавал влияние своего умственного направления. Впрочем, и его служебная деятельность получила более широкое развитие с августа 1783 г. И в политическом отношении он достиг апогея своего влияния в течение того десятилетия, когда он жил в дружбе с Гёте.

Конечно, нельзя сказать, чтобы результаты его политического влияния соответствовали его желаниям и усилиям. И по своему внутреннему значению они не могут стоять наравне с теми драгоценными литературными плодами, которые созрели благодаря тому, что их согревало солнце гётевской дружбы. Тем не менее стоит труда познакомиться с идеальными стремлениями Гердера и с теми препятствиями, которые ему приходилось преодолевать, — и этим способом составить себе верное понятие о его заслугах на этом практическом поприще. Он ошибался, когда ду-

мал, что главной причиной всех помех было равнодушие Гёте и герцога, — настоящая причина этих помех заключалась в недостаточности материальных средств, в нецелесообразности введенных порядков, беспрестанно вызывавших личные столкновения с подчиненными, и наконец в самом Гердере: ведь при своей дальновидности и при бесспорном благородстве своих намерений он лишь в незначительной мере обладал дарованиями государственного человека и потому не умел направлять к своей цели усилия тех, кто оказывал ему противодействие. Успехами, которых он достигнул, он был обязан как посредничеству Гёте, так и самому герцогу, который брал сторону своего генерал-суперинтенданта во всех спорных вопросах и во всех столкновениях Гердера с другими членами консистории. Все эти факты дошли до нашего сведения в несколько извращенном виде, частью вследствие того что Гердер постоянно жаловался на ничтожность достигнутых результатов и на медленность, с которой достигал их, частью вследствие того что он никогда не выражал публично своей признательности самому благонамеренному из правителей и наконец главным образом вследствие того что те факты были описаны в «Воспоминаниях» под влиянием позднейших впечатлений. Тем более необходимо проследить их с самого начала.

В 1778 и 1780 гг. Гердер со вздохами рассказывал своему другу Гаману, как мало утешительного и полезного в его служебной деятельности¹. Но именно в том предприятии, о котором он рассказывал Гаману с целью охарактеризовать господствовавшие в Веймаре порядки, он достиг первого значительного успеха. Мы в состоянии дополнить на основании официальных документов то, что говорилось в том письме о предположенном учреждении учительской семинарии; мы даже в состоянии довести наш рассказ до успешного осуществления задуманной цели.

Постоянная комиссия, созванная в 1777 г. по предложению веймарской высшей консистории, изъявила готовность назначить необходимые суммы на учреждение учительской семинарии, но потребовала, чтобы предварительно был составлен план нового заведения. Составление этого плана было возложено 10 декабря 1777 г. на Гердера. Он нашел в положении этого дела путаницу, так как еще за шесть лет перед тем герцогиня-регентша назначила для такого заведения 200 талеров и в то время был

¹ См. выше, с. 13 и 14.

приглашен в Веймар тот самый Герц, который был назначен казначеем сиротского дома и преподавателем в бесплатной школе, после того как проект учреждения семинарии остался без исполнения. Высшая консистория желала связать проект с этими antecedentes, но Гердер взглянул на дело иначе. Он полагал, что семинария вовсе не нуждается в Герце, что ее учреждение не следует с самого начала затруднять какими-либо соображениями, касающимися личных интересов Герца, и что ее следует основать заново. В этом смысле он написал свой проект, но представил его лишь 31 октября 1780 г., извиняя свою медленность тем, что ему нужно было собрать предварительные сведения об учреждениях этого рода, существующих в других странах. В проекте говорилось, что семинария должна давать сельским учителям только необходимые для них сведения о литературе и о других науках и что она не должна служить для них только местом для приюта. Цель заведения должна заключаться в преподавании того, что необходимо и полезно, и главным образом в подготовке к учительской деятельности. При этом следует воспользоваться всеми уже находящимися налицо средствами старых заведений — средствами гимназии, издавна существующего при городской кирхе заведения для объяснения катехизиса и той бесплатной школы, в которой преподавал Герц; но все это следует дополнить и организовать так, чтобы вышло нечто вполне цельное. Прежде всего Гердер требовал осмотрительного выбора людей, годных для учительской должности. Он впоследствии говорил, что в этом выборе заключается главная суть дела. Не принимая в соображение ни бессмысленной поговорки, что тот, кто не годится для работ с плугом, годится для учительской должности, ни высокого мнения крестьян об их сыновьях, он требовал, чтобы ученики принимались в семинарию не иначе как после самого добросовестного экзамена и чтобы эти экзамены были предоставлены исключительно ведению генерал-суперинтенданта, потому что, как он выражался, «вход в овчарню был бы загрязнен, если бы в нее можно было проникать боковыми дверями». Поступивших воспитанников следует разделять на два разряда: к первому разряду должны принадлежать в неопределенном числе все те, которые должны сами учиться, а ко второму — приблизительно в числе шести — должны принадлежать те, которые будут, кроме того, упражняться в преподавании и которые в качестве состоящих на государственной службе начинающих преподавателей должны получать жалованье. Затем в проекте обозначаются в нескольких общих чертах предметы преподавания,

которое будет находиться в руках частью гимназических преподавателей чистописания, математики и музыки, частью тех учителей, которые состоят при городской кирхе для объяснений катехизиса, — но преимущественно в руках «одного способного кандидата, который будет настоящим преподавателем семинарии». Затем следует важная глава «об упражнении шести главных семинаристов в преподавании». При этом автор проекта рассчитывает на то, что находящиеся налицо школы будут приносить пользу семинарии, а семинария будет приносить пользу тем школам, — что два семинариста 1-го разряда будут сверхштатными преподавателями в низших классах гимназии, два других семинариста будут преподавать в женской школе и двое остальных могут быть прикомандированы к гарнизонной школе и к бесплатной школе Герца. Не менее важного содержания была и та глава, в которой шла речь о надзоре за порядком; в ней ясно проглядывало намерение Гердера удержать в своих руках высший надзор за новым заведением. Кроме преподавателя для семинарии Гердер требовал назначения инспектора и предлагал возложить исполнение этой должности или на одного из состоявших при городской кирхе объяснителей катехизиса или на соборного пастора¹; но он желал, чтобы главное управление заведением было поручено генерал-суперинтенданту под надзором консистории. В заключение речь идет о жаловании инспектора, учителя и семинаристов высшего разряда, а генерал-суперинтендант должен был взамен жалованья довольствоваться успешным ходом преподавания в семинарии.

Гердер был, конечно, вполне прав, утверждая что в его плане все очень просто, а все составные части находятся в тесной между собой связи: действительно, все, что он предлагал, отличалось безыскусственностью и ясностью, а с другой стороны, он устанавливал тесную связь между семинарией и другими веймарскими учебными заведениями. Он был вынужден хвалить свой собственный проект, вследствие того что встретил возражения: консистория одобрила все содержание проекта, но предъявила протест против того, что Гердер не принял в соображение состоявшегося в 1771 г. приглашения Герца на должность преподавателя². Но именно касательно этого пункта Гердер не мог делать никаких уступок из опасения нарушить цельность своего проек-

¹ Это была четвертая, учрежденная в 1693 г. герцогом Вильгельмом Эрнестом, должность пастора при городской кирхе.

² Доклад высшей консистории от 21 дек. 1780 г.

та. В своем возражении¹ против протеста консистории он заявил, что не согласится ни на какие перемены в проекте. Он отдавал полную справедливость заслугам Герца в качестве преподавателя начальной школы, но решительно восставал против его назначения на какую-либо должность при семинарии. Он говорил, что Герц человек неученый, что он стар и имеет много других занятий. Но свой главный аргумент против назначения Герца он облек в форму евангельского изречения: на старое платье, говорил он, не следует класть заплата из нового сукна; «да, — продолжал он, — быть может, именно здесь следует искать причину того, что в нашем отечестве так редко удается вполне осуществить какую-нибудь полезную цель, что здесь постоянно только накладывают заплата, что здесь никому не позволяют приступить к какому-нибудь новому предприятию, а разные мелкие соображения и личные отношения к членам коллегий, комиссий и депутатий отбивают всякую охоту от каких-либо нововведений». Далее читаем: «Впрочем, я не утверждаю, что правда безусловно на моей стороне; напротив того, я самым почтительным образом отказываюсь как от моего плана, так и от участия, которое намеревался принять в его исполнении. По моему первому шагу я заключаю, что при всей моей доброй воле я не способен к такой цельности многосторонних соображений, какая необходима для учреждения учительской семинарии; а так как мне пришлось бы, в качестве директора, подвергаться самым тяжелым заботам и разным неприятностям... то мне не остается ничего другого, как предоставить заведование семинарией лицу, более меня достойному этой чести; я намерен оставить за собой только надзор и экзамены, которые входят в сферу обязанностей генерал-суперинтенданта...»

Эти возражения Гердера имели последствием не отказ членов консистории от их протеста, а приостановку всего предприятия. Только 3 ноября 1782 г. герцогский рескрипт напомнил о составленном проекте. Но вслед за тем сам герцог объявил о необходимости на время отложить задуманное предприятие, потому что намеревался соединить с учреждением семинарии некоторые другие нововведения².

¹ Это возражение не помечено никаким числом, но, очевидно, было написано также в декабре 1780 г. В «Воспоминаниях» (III, 45 и сл.) оно напечатано не вполне и с неверной пометой числа.

² Протокол заседания консистории 17 ноября 1782 г. и ответ консистории (от 19 июля 1783 г.) на герцогский рескрипт от 20 мая 1783 г., требовавший изготовления некоторых проектов к предстоявшему заседанию постоянной комиссии.

Нет ничего неправдоподобного в том, что герцог сделал это заявление с целью поддержать воззрения Гердера на спорный вопрос. Как бы то ни было, а с 28 августа 1783 г. всему делу был дан еще более благоприятный оборот. В то время Гердер уже мог рассчитывать на поддержку со стороны Гёте, с которым снова вступил в дружеские сношения, а послание, с которым герцог обратился 8 сентября 1783 г. к высшей консистории, очевидно, было отголоском тех мнений, которые Гердеру удалось отстоять в высших правительственных сферах при помощи Гёте. Гердер намеревался снова заняться вопросом об учреждении семинарии в связи с преобразованием всех веймарских учебных заведений — именно этого и требовало вышеупомянутое послание герцога. В этом послании говорилось: «Так как у нас уже давно возникла мысль, что с учреждением семинарии следовало бы соединить преобразование школ, и в особенности сельских школ, как относительно предметов преподавания, так и относительно метода», — то мы приглашаем консисторию выработать проект не только для учреждения семинарии, но и для необходимых преобразований в устройстве школ.

Теперь Гердер, по-видимому, мог, ничем не стесняясь, приступить к исполнению своих проектов касательно школьного устройства во всем их объеме. Следовало ожидать, что он торопливо возьмется за эти проекты, но на деле вышло иначе. Ни в одном из официальных документов мы не находим указаний на то, чтобы Гердер составил памятную записку касательно преобразования учебной части. Даже вопрос об учреждении семинарии оставался без движения в течении нескольких лет; в январе 1784 г. герцог тщетно обращался к консистории с приглашением поторопиться с составлением проектов согласно содержанию рескрипта от 8 сентября¹. Гердер сам рассказал, почему так скоро охладело его рвение. В феврале 1784 г. он в письме к Глейму жаловался на то, что в своей деятельности до крайности стеснен старинными формальностями, укоренившимися обычаями и тысячами других препятствий и потому ничего не может добиться даже ценой многолетних усилий. «Уже прошло более пяти лет с тех пор, как я составил проект учреждения семинарии и задумал преобразование как гимназии, так и всех других учебных заведений; я постоянно слышал похвалы и одобрение, но дело все-таки не двигалось вперед, потому что на каждом шагу встречались какие-нибудь новые препятствия; причина этих затруднений за-

¹ Рескрипт от 27 янв. 1784 г.

ключается в том, что дела этого рода разрешаются коллегиальным порядком и что всякий член коллегиального учреждения, как бы он ни был глуп, может бросать вам под ноги камни, которые загораживают вам путь». Милостивое расположение герцога не могло служить для Гердера вознаграждением за все неприятности, потому что оно не могло устранить встреченных препятствий¹. Из этих жалоб виден человек одаренный твердой волей, но не способный выносить противоречия и личные столкновения. Вот почему он из досады отложил в сторону как свои «самые дорогие мечты», так и проект учреждения семинарии. Но нам не известно, что побудило его представить в мае 1786 г. заново переделанный проект и предпринять упорную борьбу, для того чтобы привести его план в исполнение².

Новый проект отличался от составленного в 1780 г. не столько содержанием, сколько внешней формой. Касательно содержания он был полнее прежнего в том отношении, что подробнее излагал предметы преподавания и заканчивался выражением желания, чтобы правительство позаботилось о приведении бедных сельских школ в лучшее положение. Само собой разумеется, что и на этот раз не было речи о предоставлении Герцу какой-либо должности при семинарии. Стало быть, это дело находилось точно в таком же положении, как и за шесть лет перед тем. Ведь и консистория оставалась при своем противоположном мнении относительно назначения Герца. Она сделала два встречных предложения, очевидно, портивших гердеровский проект, — она требовала постоянной должности при семинарии для Герца, уже назначенного рескриптом 1771 г. на должность преподавателя в семинарии. Кроме того, она желала ослабить влияние, которое старался обеспечить за собой генерал-суперинтендант, требуя, чтобы он, в качестве директора семинарии, мог предлагать кандидатов на учительские должности без ведома инспектора и других наставников.

На деле оказалось, что Гердер был не прав, когда жаловался на то, что сочувствие герцога было бесплодно. Он мог бы жаловаться только на то, что плоды этого сочувствия созрели медленно. Только 12 апреля 1787 г., после того как государственные чины разрешили отпуск сумм, необходимых для исполнения гердеровского проекта, был издан рескрипт, окончательно раз-

¹ К Глейму 26 апр. 1784 г. (С, I, 101 и сл.).

² Этот проект, помеченный 2 мая 1786 г., напечатан с некоторыми пропусками в «Воспоминаниях» (III, 39 и сл.); консистория представила его 23 мая герцогу вместе с объяснительной запиской Гердера от 17 мая.

решавший все спорные вопросы; касательно обоих спорных пунктов дело было решено согласно с мнением Гердера и даже в пользу его одного, так как выбор кандидатов на учительские должности был предоставлен «пожизненно теперешнему генерал-суперинтенданту». Итак, Гердер добился всего, чего желал. Семинария была учреждена по его плану, и он сам составил для нее устав (от 28 мая 1788 г.). От него зависело назначение инспектора, учителей и тех шести семинаристов, которые должны были заниматься преподаванием; наконец, на него было возложено и торжественное открытие нового заведения¹. Оно состоялось 31 марта 1788 г.; а по прошествии трех месяцев директор семинарии уже мог представить герцогу первый доклад об удовлетворительном результате только что оконченных экзаменов². То было в порядке вещей, что когда праздновалось 31 марта 1837 г. 50-летнее существование семинарии, украшенный лавровыми венками бюст Гердера был поставлен в зале веймарского реального училища напротив украшенного такими же венками бюста Карла Августа³.

Учреждение семинарии содействовало косвенным образом улучшению всех школ. Гердер, без сомнения, излагал устно или письменно свои предположения о преобразовании школ, но находящиеся в нашем распоряжении документы позволяют нам проследить его намерения и желания лишь не вполне.

В «Воспоминаниях» идет речь о том, что в начале 80-х годов Гердер поднял вопрос о преобразовании сиротского дома, основанного в Веймаре в 1713 г. герцогом Вильгельмом Эрнестом. С целью положить конец злоупотреблениям, вкравшимся в управление сиротским домом, он был закрыт в 1784 г., а содержание и домашнее воспитание сирот было возложено на семьи частных людей под надзором духовенства. Но устройство нового заведения для сирот было, как следует полагать, возложено на членов высшей консистории Шульце, Вебера и Гюнтера⁴.

¹ Рескрипты от 9 окт. 1787 г. и от 2 янв. 1788 г.

² Донесения, которые были представлены Гердером герцогу 4 апр. и 1 авг. 1788 г.

³ Сравн. Швейцера «Три торжественные речи, произнесенные по случаю 50-летнего юбилея великогерцогской учительской семинарии в Веймаре, вместе с кратким описанием праздника» и его же «Исторические сведения о великогерцогской учительской семинарии».

⁴ Воспоминания. III, 19; *Schöll*. Weimars Merkwürdigkeiten einst und jetzt. С. 125 и сл., прим. и то, что писал Frohier по поводу сочинения Шёлля (с. 63).

Кроме того, в «Воспоминаниях» говорится о намерении Гердера соединить сиротский дом в одно целое с гарнизонной школой и со школой для бедных детей, потому что тогда можно было разделять детей на несколько классов, из которых каждый имел бы особого наставника; там также говорится о стараниях Гердера облегчить и улучшить преподавание в этих низших школах; этот последний рассказ подтверждается подлинным документом — изданной в 1786 г. Гердером книгой для обучения грамоте и для чтения¹.

Эта книга должна была заменить прежний учебник, в состав которого входили извлечения из катехизиса и который с первых страниц затруднял учеников непонятными для них словами, вместо того чтобы знакомить их с самыми употребительными словами и выражениями. Из помещенных в его начале «советов разумному наставнику» видно, что Гердер имел целью облегчить труд как наставников, так и учеников и сделать из ученья «приятное развлечение». Изложенные только на шестнадцати страницах статьи для чтения были распределены так, чтобы при постоянном соединении чтения с записыванием прочитанного у учеников развивалась память и изоощрялся слух. Занимаясь чтением и письмом, дети должны были научиться склонениям и спряжениям и в то же время учиться считать и заучивать на память понятные для них изречения, молитвы и практические наставления. Принц Август в шутку говорил, что он сам учился по этому учебнику читать, и утверждал, что это было в своем роде образцовое произведение, вполне достойное хорошего отца семейства, учителя языка и философа. Гердеровский учебник даже был перепечатан в Швейцарии²; действительно, он послужил образцом для столь многочисленных в наше время элементарных школьных руководств.

Незначительность денежных средств, которыми располагало в то время веймарское правительство, обнаруживалась всего яснее в ничтожном жалованье, которое получали преподаватели

¹ Предпосланное содержанию этой книги объяснение, как следует ею пользоваться, помещено в SW в отделе филос. (X, 276 и сл.); на нем указан 1787 г., но нет ни имени автора, ни имени издателя. На дошедшем до нас полном подлиннике находится подпись: «И. Г. Гердер, Веймар, 8 мая 1786 г.». Листы не перенумерованы, а текст напечатан то на первой, то на второй странице каждого листа, конечно, для того, чтобы переплетчик мог наклеивать их один на другой.

² Принц Август к Гердеру 17 мая и 4 июня 1786 г.; Гердер к Г. Мюллеру 20 дек. 1793 г. и 8 янв. 1798 г.

низших и в особенности сельских школ и которое нередко не превышало 25 или 50 талеров в год. Еще в конце 1776 г. Гердер предложил консистории обратиться к государственным чинам с просьбой об улучшении положения школьных преподавателей и при этом указывал на пример «бережливого прусского правительства». В мае 1786 г. он снова доказывал консистории, что нельзя ограничиваться учреждением новой семинарии и что следует, кроме того, позаботиться об увеличении содержания школьных преподавателей; «какая будет польза от заученной соломоновской премудрости, — говорил он, — если в случае неурожая или дороговизны съестных припасов школьный учитель будет подвергаться опасности умереть с голоду вместе с женой и с детьми?» При этом Гердер заявлял, что впоследствии подробно изложит свои воззрения на этот предмет, и действительно, он при всяком удобном случае исполнял это обещание. В течение всей своей жизни он не терял из виду этой цели, но очень нескоро и лишь мало-помалу добился упразднения нескольких должностей сельских пасторов и назначения особых сумм на вспомоществование нуждавшимся учителям. Доказательством того, как он горячо вступался за интересы нуждавшихся, может служить следующий факт: когда зашла речь о назначении приличного содержания соборному пастору Веберу, предложенному в инспекторы учительской семинарии, кто-то предложил уменьшить на 20 талеров содержание гарнизонного преподавателя. Тогда Гердер (28 июля 1786 г.) решительно восстал против этого предложения и доказывал, что во всей стране нет других служебных занятий, которые оплачивались бы так же мало при такой тяжелой работе; «ведь и вьючное животное, — говорил он, — должно было, по закону Моисея, отдыхать на седьмой день». Через два года после того, представляя свой отчет о новой семинарии, он отзывался с горячей похвалой о ходе занятий и в тех двух учебных заведениях, которые находились в связи с семинарией, — в школе для девочек и в гарнизонной школе; в конце своего отчета он говорил, что преподавателям в этих двух заведениях, конечно, когда-нибудь «будет назначено хорошее денежное вознаграждение, которого они достойны более, чем кто-либо другой»¹.

¹ Так как сам Гердер был сын бедного церковнослужителя, то он в течение всей своей жизни принимал горячее участие в положении людей этого разряда. Он не допускал ни малейших сокращений в том, на что имели право эти бедняки. Стóит труда прочесть прекрасное письмо, помещенное Л. Гейгером в «Akadem. VII.» (I, 4 и сл.), в котором Гердер, после крещения наследного принца в феврале 1783 г., настоятельно просил герцогского казначея, скупого

Учреждение учительской семинарии служило для него во многих отношениях поводом для введения преобразований во всей системе школьного преподавания. Так как в школьном преподавании все зависит не столько от введения хороших уставов, сколько от выбора способных людей, то нельзя не придавать очень важного значения тому факту, что директору семинарии было предоставлено исключительное право замещать открывавшиеся вакансии. С другой стороны, благодаря тому что на семинаристов возлагались обязанности преподавателей в столичных школах, эти школы были поставлены в зависимость от семинарии и, таким образом, поступили под высший надзор директора семинарии. Они пришли в лучшее положение, вследствие того что в них занимались преподаванием шесть семинаристов высшего разряда. Из составленного Гердером проекта видно, что и в низших классах гимназии в числе преподавателей находились два старших семинариста.

Благодаря стараниям Гердера и гимназия была приведена в лучшее положение. Это учебное заведение было основано в 1716 г. герцогом Вильгельмом Эрнестом, но под управлением директора Иакова Карпова (от 1737 до 1768 г.) пришло в совершенный упадок¹. В 1733 г. герцог Эрнест Август издал новый устав, в котором, с одной стороны, требовал — согласно с духом того времени — подготовки воспитанников к государственной службе, а с другой стороны, вводил в преподавание множество посторонних предметов, как то: новейшие языки и изящные искусства, а в старшем классе даже «эклектическую философию»; хотя этот устав исполнялся во всем своем объеме лишь очень недолго, он все-таки успел не только устранить из преподавания самые необходимые предметы, но и совершенно ослабить узы дисциплины. Поэтому, после смерти Карпова, в то время как заведение гимназией беспрестанно переходило из одних рук в другие, герцогиня Амалия возложила сначала на городское духовенство, а потом на йенского профессора Данова обязанность составить новый устав; последствием этой меры было то, что

Бертуха, назначить приличное денежное награждение пономарю и церковному сторожу; при этом Гердер взывал к чести герцога.

¹ То, что следует далее, заимствовано от Швабе из его латинской программы для состоявшегося 30 окт. 1816 г. празднования 100-летия гимназии (Vimariae, 1816); эта программа вместе со статьей Гейланда «Herder als Ephorus des Gymnasiums zu Weimar» в его «Aufgabe des evangelischen Gymnasiums» (1860) служила источником сведений и для Дюнцера в его коротенькой истории той гимназии (SWH. XVI, XXIII и сл.).

в 1770 г. были утверждены новые правила преподавания и был введен новый *typus lectionum*. Однако хотя новый план преподавания и был разумнее прежнего, все-таки гимназия не могла достигнуть процветания под управлением Геснера ученика, Гейнце, занимавшего с 1770 г. должность директора. Между преподавателями было немного людей, способных хорошо исполнять свое назначение: так, остроумный и добродушный Музеус был превращен из довольно годного воспитателя придворных пажей в вовсе не годного профессора гимназии. Гердеру пришлось иметь дело с совершенно негодным личным составом преподавателей, когда он со вступлением в должность генерал-суперинтенданта сделался и начальником гимназии. При содействии Гейнце он постарался внести в заведение более здоровое направление и более строгую дисциплину. Он надеялся достигнуть цели своим личным влиянием, постоянным надзором за преподаванием и главным образом тем, что придавал более серьезное значение ежегодным публичным экзаменам.

Нам уже не раз приходилось упоминать о том, что речи, которые он произносил по случаю открытия учебных заведений или по поводу выпускных экзаменов, находились в тесной связи со всеми его умственными влечениями, с его учеными занятиями и с его литературными трудами. В этих случаях он выражал живым, увлекавшим слушателей словом все, что наполняло его душу, — свои научные и нравственные воззрения, свои понятия и о человеческом назначении, и о божеском промысле. Так как Гердер был до мозга костей педагогом, то старался возбуждать своими речами соревнование между преподавателями и учениками, старался объяснить им всю важность воспитания юношества. Эти речи, произносившиеся с профессорской кафедры, были еще более живы и увлекательны, чем те проповеди, которые он произносил в качестве пастора¹. Само собой понятно, что, освещая со всех сторон вопрос о высших целях человеческой жизни и объясняя задачи воспитания юношества в их непосредственной связи с устройством школ, Гердер возбуждал в слушателях интерес к школьному делу и горячее соревнование. В 1778 г. в публичной речи он говорил, что воспитанники поступают в академию слишком рано, и делал ясные намеки на те недостатки шко-

¹ Нам дают верное о них понятие: Sauppe в той речи, которую он произнес после открытия памятника в честь Гердера (*Weimarer Schulreden*. С. 45 и сл.), и Heiland (Там же); Klöpffer недавно написал о них особую статью (*Herders Weimarer Schulreden in ihrer Bedeutung für Erziehung und Unterricht*. Rostock, 1883).

льного устава, которые ярко бросались ему в глаза; в следующей публичной речи — первой, какая была произнесена на немецком языке, потому что Гердер желал, чтобы она была понятна для всех, — он доказывал, что для процветания школ необходима дисциплина. Речь 1780 г. о пользе и вреде тогдашней методы ученья состояла из насмешек над теми, кто посвящает свой труд не ученым занятиям, а разным *galantiora*; и произнесенная через два года после того речь имела такую же цель — в ней Гердер нападал на тех, кто подводит под понятие изящного только легкие науки; точно так же как в своей статье на баварскую премию он доказывал, что в понятие об изящном входит то, что способствует развитию гуманных идей. За год перед тем он вел речь о школьных упражнениях и давал ученикам полезные практические советы. При этом он не ограничивался общими указаниями, а в качестве начальника рекомендовал такие же упражнения, какими сам с пользой занимался, бывши ребенком. В другой раз он нападал на «самоучек и гениальных мечтателей» и доказывал пользу систематических школьных занятий; при этом у него проглядывает на заднем плане одна из тех идей, которые он уже развивал в своей философии истории, — что весь человеческий род представляет одну школу, которая открыта в течение всех столетий. Автора «Идей» нетрудно узнать и в той публичной речи 1784 г., в которой шла речь о пользе и о методе преподавания географии. Он старался устранить ложное мнение о сухом содержании этого предмета, указывая на его связь с натуральной историей и с историей всех народов. Его постоянно заботила мысль о необходимости устранить прежние недостатки школьной организации и составить новый школьный устав. К этой реформе Гердер приступил в 1785 г.

В подробно изложенной записке он указал недостатки существовавших в то время порядков и выработал подробный план нового школьного устава с разделением учеников на классы. Этот проект не дошел до нас, но в нем излагалась та же основная мысль, которую отстаивал Матвей Геснер, занимавший в первые годы существования гимназии должность помощника ректора. Как ни высоко ставил Гердер гуманное образование, он все-таки не был приверженцем одностороннего латинского образования и требовал от школы удовлетворения местных требований. Он хотел, чтобы начиная с низших классов изучение латинского языка было поставлено в надлежащие рамки сообразно со своей практической пользой и чтобы при распределении лекций имелись в виду не ученые познания, а те, которые могут иметь полез-

ное практическое применение. Он хотел, чтобы низшие классы заменяли реальную школу, чтобы высшие классы были настоящей гимназией, а средние были переходными от низших к высшим¹.

Для осуществления этих проектов Гердер просил неограниченных полномочий; он говорил, что еще бывши 19-летним юношей занимался преподаванием в высших классах академической коллегии, что с тех пор постоянно занимался преподаванием или надзором за преподаванием, что даже из католических стран к нему обращались за советами касательно устройства учебных заведений², — и потому он был вправе утверждать, что ему близко знакомо это дело. Консистория одобрила его проект без всяких оговорок и представила его на утверждение герцога. Это утверждение состоялось немедленно: в своем рескрипте от 30 декабря герцог отдавал полную справедливость усердию и предусмотрительности Гердера и объявлял, что поручает ему исполнение составленного им проекта. Гердер горячо взялся за это дело с Пасхи 1786 г., т. е. почти в то самое время, когда он снова стал помышлять об учреждении учительской семинарии. Однако учебный план не имел в его глазах первостепенной важности. Отказываясь от напечатания своего проекта, он писал: «Красивый с виду устав можно составить в полчаса; но он может превратиться в оковы, которые будут долго стеснять развитие образования. Напечатание устава несколько не поможет осуществлению такой реформы, которая должна начинаться с внутренних преобразований и должна искоренять зло внутренними лекарствами; в этом случае можно ожидать пользы только от тщательной осмотрительности и от указаний опыта. Начальник заведения будет указывать, что следует делать, а его подчиненные, пре-

¹ Воспоминания. III, 36 и сл.; *Peucer*. Weimarische Blätter. С. 531 и сл.

² Доказательством этого служит письмо (от 5 янв. 1774 г.) Фюрстенберга, так много потрудившегося на пользу мюнстерских школ. В то время как Гердер занимался собиранием народных песен, он обращался к Фюрстенбергу с просьбой доставить ему остатки уцелевших немецких песен. Фюрстенберг отвечал ему, что не мог отыскать ни одной строчки старинных немецких песен, несмотря на то что обращался с просьбами и к пасторам, и к содержателям гостиниц, и к лодочникам, и к охотникам, и к пастухам; но он радовался, что нашел случай сблизиться с человеком, отличавшимся такой необыкновенной глубиной идей, и просил у Гердера позволения представить на его рассмотрение проект преобразования местных школ, прежде нежели он будет окончательно утвержден. Он также просил у Гердера позволения представить на его рассмотрение свои предположения касательно основания университета в Мюнстере.

подаватели и ученики будут следовать его указаниям»¹. Итак, Гердер надеялся, что его личное вмешательство будет содействовать постепенному введению нового устава. «Теперь это его любимое занятие, — писала 26 июня 1786 г. Каролина Георгу Мюллеру²; — но это не более, как первый приступ к делу. Пока еще нельзя ввести ничего цельного. Однако он с наслаждением занимался всем, что касается этого дела, и даже, может быть, сам будет преподавать в старшем классе». Затруднения, на которые намекала Каролина, заключались в том, что нелегко было вводить новые порядки при прежних, во многих отношениях неудовлетворительных, преподавателях. Однако Гердер не мог жаловаться на недостаток доброй воли со стороны тех, с кем ему приходилось иметь дело: в школьной речи, которую он произнес летом 1786 г., он изъявлял преподавателям свою искреннюю признательность за их рвение и с удовольствием говорил о достигнутых результатах, даже хвалил воспитанников за их прилежание. Но именно в этой речи он говорил, что главная цель новых порядков — облегчить обучение, устранив все, что бесполезно и слишком утомительно, и заменив одностороннее образование более общим и гуманным: «Мы желаем, чтобы юношество находило в школьных занятиях и удовольствие, и пользу. Мы стараемся очистить школы от старого сора, потому что желаем заняться полезным делом... Некоторые говорят: что годится одному, то не годится другому; это замечание верно, если иметь в виду будущее назначение каждого из воспитанников. Но если бы мы пожелали иметь особые школы и для юристов, и для кандидатов, и для камералистов, и для ткачей, то нам пришлось бы заводить вместо одной школы семь и содержать вместо шести или семи бедных преподавателей тридцать. Публичная школа есть государственное учреждение, стало быть, это рассадник не только будущих граждан, но также и главным образом настоящих людей. Прежде чем выбирать какую-либо профессию, мы должны сделаться людьми; и горе нам, если при нашей дальнейшей профессиональной деятельности мы не останемся настоящими людьми!»

Только в июле 1788 г., после того как новый устав применялся в течение с лишком двух лет, Гердер описал в официальном

¹ Воспоминия. III, 36. 37. — Карл Август обратно отослал ему *typos lectionum* при письме, в котором шла речь и об изданном Гердером первоначальном руководстве для детей.

² Это письмо опущено у Гельцера.

донесении достигнутые результаты и в первый раз изложил уже испытанные на практике инструкции для каждого класса; это были, по его мнению, лишь приблизительно выработанные правила, а потому он и на этот раз не позволил печатать их. Введению задуманных им преобразование содействовало и то обстоятельство, что именно в течение 1786 г. престарелого помощника ректора Нольде заменил бывший воспитанник гимназии Швабе, который вскоре после того был назначен помощником ректора. Это был выбор самого Гердера, который уже прежде того рекомендовал Швабе на должность ректора рижской церковной школы; в октябре 1787 г. умер Музеус, личным достоинствам которого Гердер отдал полную справедливость в одной из своих публичных речей¹; умерший был заменен более опытным Кестнером. Впрочем, замещение этих вакансий способными людьми было сопряжено с затруднениями по причине незначительного жалования преподавателей, соответствовавшего бедной внешней обстановке гимназии. За интересы бедных преподавателей низших классов Гердер вступался еще в первом году своей веймарской жизни и выхлопотал для них прибавку содержания. Так как преподаватели снова стали просить о прибавке содержания на том основании, что новый учебный план возлагал на них усиленную работу, то Гердер стал горячо поддерживать их ходатайство и с одобрения герцога создал нужные на этот предмет денежные средства; так как бывший гарнизонный пастор Мемпель скончался в начале 1787 г., то Гердер предложил упразднить его должность, а получавшееся им жалование употребить на увеличение содержания преподавателей (28 марта 1787 г.)². Он без труда получил одобрение герцога, но не так легко было склонить консисторию в пользу такой радикальной перемены. На запрос герцога консистория отвечала, что упразднение той должности было бы нарушением справедливости³. Однако еще прежде чем Гердер попытался опровергнуть доводы консистории, герцогским рескриптом от 29 мая было предписано исполнить желание Гердера в виде временной меры и предоставить исключительно в пользу преподавателей гимназии жалование, присвоенное упраздненной должности. К своему предложению Гердер присовокупил описание бедственного положения преподавателей, которые

¹ Herder. Andenken des Herrn Prof. Musäus. — Напечатано в начале изданных Коцебу «Nachgel. Schriften von Joh. Carl Musäus» (с. 26 и сл.); SW в отделе филос. X, 95 и сл.

² Воспоминания. III, 61.

³ Рескрипт к консистории от 14 апр. 1787 г.; Ответ консистории от 22 мая.

«работают до позднего вечера»; он утверждал, что хорошие преподаватели более полезны для государства, чем дюжинные пасторы, объясняющие своим прихожанам Евангелие общепринятым способом¹. Но Гердер снова встретил противодействие со стороны консистории²; 26 февраля 1788 г. он упоминал об этом противодействии, прося герцога отложить вопрос об улучшении его собственного материального положения до того времени, когда будет разрешен вопрос, касающийся «общей пользы»³. Его желание было исполнено герцогом: из жалованья, оставшегося свободным от упраздненной должности, большая часть досталась трем учителям гимназии; небольшая часть досталась двум другим учителям, а лицам духовного звания не досталось ничего⁴.

Кроме того, Гердер заботился о приобретении учебных пособий. Вследствие представленного им герцогу 14 декабря 1785 г. донесения, был разрешен ежегодный отпуск денег на заведение школьной библиотеки⁵. В связи с преобразованием гимназии была заведена школьная касса, в которую должны были поступать остатки от расходов на даровую кухню; а для того чтобы увеличить размер этих остатков, Гердер взял на себя обязанности счетовода без всякого денежного вознаграждения за свой труд⁶.

Этой даровой кухней Гердер сильно заинтересовался еще прежде, чем приступить к преобразованию гимназии. Она была заведена по мысли герцога Вильгельма Эрнеста в 1696 г.⁷, для

¹ Воспоминания. III, 63 и сл.

² В связи с этим находится письмо Гердера к Фойгту от 4 нояб. 1787 г., напечатанное в «Weimarer Sontagsblatt» (1857. С. 119). В конце этого письма Гердер говорит: «Неужели Веймар, несправедливо пользующийся репутацией просвещенного города, останется позади самого бедного из городов бедной Германии? Должности преподавателей самые полезные, потому что преподаватели развивают ум, готовят полезных для государства граждан; ведь без них школы пришли бы в упадок и наступило бы варварство».

³ Дальнейшие подробности касательно личного положения Гердера будут изложены далее.

⁴ Реусер в официальных документах 1848 г.

⁵ Воспоминания. III, 37 и сл.

⁶ Там же, 16. — В виде примерного объяснения, каким языком выражался Гердер в официальных бумагах, Реусер приводит (Weim. Bl.) выдержку из его донесения касательно учреждения школьной кассы: Гердер говорит, что если бы не было такой кассы, то «все проекты улучшений остались бы бесполезным мараньем бумаги».

⁷ А не в 1701 г., как говорится в «Воспоминаниях» (III, 15) и как говорит Дюнцер (XVI, XXXII). Время основания этого учреждения верно указали:

того чтобы определенное число гимназистов могло получать в ней даром обед и ужин. Но это заведение пришло в крайний упадок отчасти вследствие корыстолюбия подрядчиков и распорядителей, отчасти вследствие отсутствия надзора. Еще в 1780 г. Гердер потребовал, чтобы, согласно с мыслью основателя заведения, даровыми обедами пользовались только гимназисты, выдержавшие экзамен, и чтобы произносилась публичная речь в день основания заведения, совпадавший с днем рождения герцога Вильгельма Эрнеста. Но только в 1783 г. преобразование сиротского дома навело на мысль о введении таких же преобразований в даровой кухне. Член консистории Шульце, которому было поручено составить доклад по этому делу, предложил заменить даровые обеды денежными пособиями и выдавать такие пособия не двенадцати, а пятнадцати гимназистам. Тогда Гердер вмешался в дело; не ограничиваясь одними экономическими преобразованиями, он тщательно изучил положение даровой кухни и в подробном докладе¹ объяснил причины ее упадка. Он с негодованием указывал на неисполнение «ясно выраженного, благородного намерения герцога Вильгельма награждать даровыми обедами только самых лучших и самых даровитых учеников». Причину этого он усматривал главным образом в недостатке надзора. «В маленьких государствах, — говорил он, — обыкновенно все знают друг друга и ради личных интересов приносят в жертву общую пользу; вот почему двенадцать бедных учеников были так долго лишены того, на что имели законное право! Право пользоваться даровым столом иногда передавалось кому-нибудь из товарищей; гарнизонный пастор иногда продавал какому-нибудь ученику свое место за даровым столом, а вместе с тем возлагал на этого ученика и свою обязанность наблюдать за порядком». Поэтому Гердер предложил заменить даровые обеды денежными выдачами, но не издерживать ни одной копейки иначе как согласно с волей герцога Вильгельма; он хотел, чтобы только остатки от расходов поступали в пользу гимназии и чтобы этими расходами пользовались только самые способные и самые прилежные ученики. «Главное дело, — говорил он, — заключается не в том, как велико число учеников, которые могут пользоваться даровой кухней, а в том, каковы эти ученики. Если

Schöll (Weimars Merkwürdigkeiten. С. 71) и Sauppe (Weimarische Schulreden. С. 53).

¹ В официальных документах этот доклад занимает не менее восьми страниц in folio. И Дюнцер, по-видимому, был знаком с содержанием этого документа (SWH. XVI, XXXII).

налицо не окажется способных и хороших субъектов, то пусть никто не пользуется даровой кухней; ослы пусть питаются чертополохом; они не имеют права пользоваться даровыми обедами, которые предназначены вовсе не для них».

Герцог вполне одобрил мнение Гердера (7 апреля 1784 г.) и поручил ему составить новый устав для даровой кухни. Однако когда этот устав был представлен на рассмотрение консистории, разразилась неожиданная буря — буря, которая была в сущности не важной, но служила верной характеристикой натянутых личных отношений между членами консистории и в особенности чрезмерной раздражительности Гердера. Согласно со своими воззрениями, изложенными в прежнем подробном проекте, Гердер внес в новый устав оговорку, что если бы не нашлось двенадцати воспитанников, достойных пользоваться даровой кухней, то оказавшиеся в остатке суммы будут израсходованы впоследствии, когда число воспитанников, признанных достойными такой милости, будет превышать установленную норму. Президент Линкер осмелился вычеркнуть эту оговорку на том основании — как он впоследствии заявил Гердеру, — что увеличение числа даровых обедов вызовет появление неотвязчивых просителей. Это было сделано по личному усмотрению председателя, и Гердер имел полное основание быть недовольным, но он сам ослабил силу своих доводов тем, что не умел сдерживать свою горячность. В «Прибавлении к уставу» он доказывал, что без сделанной им оговорки не может быть речи о конкуренции между самыми достойными воспитанниками, что установленная норма двенадцати воспитанников не должна служить поощрением для лентяев, что без вышеупомянутой оговорки герцогская милость послужит ко вреду гимназии, а цель основателя заведения не будет достигнута. Еще энергичнее он заглазно протестовал против образа действий президента, который осмелился — без предварительных личных объяснений и без указания мотивов — изуродовать его проект, составленный согласно с намерениями герцога. «Я не школьник, — говорил он, — а старший член консистории; я хорошо знаю мои обязанности и хорошо знаю, что пишу. Пусть делают мне возражения, но никто не имеет права самовластно вычеркивать то, что я написал; необходимость могла бы заставить меня выносить такой образ действий только от какого-нибудь деспота, но в высшей консистории я не подчинен никакому деспоту». Однако когда Линкер изложил мотивы сделанной им поправки и предложил их на рассмотрение Гердера, то этот последний смягчился; он согласился с доводами Линке-

ра, и опубликованный 17 августа 1784 г. устав признал право пользоваться даровой кухней только за двенадцатью воспитанниками¹.

Во всем остальном Гердер достигнул всего, чего желал. Кроме того, он старался осуществить свою цель посредством добросовестного надзора за исполнением нового устава. Некоторые незначительные отступления от этого устава оказались неизбежными, вследствие того что заведование даровой кухней было разделено между членами консистории, инспектором и счетоводом. Гердер сумел энергично отстаивать свои права начальника. Первым шагом к упрощенно сложной отчетности было то, что в 1786 г. Гердер безвозмездно принял на себя заведование счетоводством; он сам указывал (17 мая 1786 г.) на то, что этим способом он сберегал небольшую сумму денег на улучшение гимназического преподавания и «приобретал возможность строже наблюдать за стипендиатами согласно с целью основателя заведения». Вследствие состоявшегося в следующем году упразднения должности гарнизонного пастора, заведование даровой кухней сосредоточилось в руках одного Гердера². Оно доставило Гердеру возможность возбуждать соревнование между учениками, выбирая стипендиатов между самыми способными и самыми прилежными воспитанниками. Он был поставлен в затруднительное положение, когда ему пришлось вносить его собственных сыновей в список стипендиатов; во избежание обвинений в пристрастии он отдавал бедным воспитанникам предпочтение перед своими сыновьями, но это не мешало ему высказывать убеждение, что учреждение только тогда будет достигать своей цели, когда его устав будет исполняться с непреклонной точностью. Лучшим доказательством его заботливости о пользах заведения служит доклад, в котором он отдавал герцогу отчет

¹ Однако на практике Гердер придерживался своих прежних воззрений на этот предмет, как это видно из его доклада от 3 ноября 1784 г.: ввиду того что большинство воспитанников не возвышалось над уровнем посредственности, он предложил — неизвестно, с каким успехом, — задержать в кассе даровой кухни назначенные на тот год премии, пока не обнаружится на деле польза нового устава.

² По словам Sauppe (Weimarische Schulreden. С. 53), Гердер воспользовался упразднением должности инспектора и употребил назначенное инспектору жалование на учреждение тринадцатой стипендии. Впрочем, мне кажется более правдоподобным указание рукописных «Воспоминаний» (Amtsführung), что Гердер пожертвовал в школьную кассу те 15 талеров, которые прежде уплачивались счетоводу, и что к этой сумме ежегодно присоединялись 6 талеров от Гердера и 6 талеров от земства.

за целый год своего управления: «Я не ограничиваюсь тем, что экзаменую воспитанников, предлагаемых мной в стипендиаты: так как они ежемесячно получают деньги из моих рук, то я пользуюсь этим случаем, чтобы знакомиться с их занятиями вне школы; я указываю им недостатки и вообще слежу как за их школьными занятиями, так и за их занятиями вне школы. Поэтому если бы герцог Вильгельм Эрнест был жив и мог присутствовать при этих занятиях, то он нашел бы, что его предначертания в точности исполняются. Мне приходится хвалить самого себя, потому что я не желаю и не жду похвал ни от кого, кроме самого меня»¹.

Хотя школьное дело и было главным предметом забот генерал-суперинтенданта, но и церковные дела неоднократно обращали на себя его внимание; они издавна находились в более удовлетворительном положении, чем школьное дело, поэтому Гердеру приходилось заботиться не столько о введении новых порядков, сколько об улучшении старых; он полагал, что богослужение будет оказывать более полезное влияние, если будет упрощено. Впрочем, он отвечал резким отказом на просьбу соборного пастора Вебера, пожелавшего облегчить свои обязанности церковного проповедника вследствие своего назначения на должность инспектора учительской семинарии; он нашел эту просьбу во всех отношениях противозаконной и «почти возмутительной», потому что она могла бы вызвать такие же просьбы со стороны других, обремененных занятиями, лиц духовного звания². Но это был лишь исключительный случай, потому что Гердер решительно восставал и против частого произнесения церковных проповедей, и против произнесения проповедей по старинному образцу. В первоначальном проекте учительской семинарии, составленном в 1780 г., он предлагал назначить соборного пастора инспектором семинарии, присовокупляя, что с этого пастора можно бы было сложить некоторые бесполезные обязанности, как например обязанность произносить рано утром проповеди, которые некому слушать. Излагая мотивы предложенного им упразднения должности гарнизонного пастора, он указывал прежде всего на то, что нет никакой пользы ни в том, что слишком часто произносятся церковные проповеди, ни в том, что молодежь часто участвует в церковном пении; какая, говорил он, польза в том, что пасторы произносят свои проповеди перед пустыми скамьями? Во времена реформации чувствава-

¹ Доклад от 25 окт. 1787 г.; сравн.: *Sauppe*. С. 53.

² Письмо Гердера от 31 июня 1788 г.

лась общая потребность в таких проповедях, которые повторяли все одно и то же, и в таком церковном пении, которое всегда было однообразно. «Все это изменилось, и теперь уже относятся с небрежением к тому, что тысячу раз слышали. В церковь ходят тем реже, чем чаще в них совершается богослужение»¹. Такие же мысли высказывал Гердер в своей мемории касательно тех просьб, с которыми консистории намеревалась обратиться в 1777 г. к государственным чинам. По поводу высказанного одним из членов консистории мнения, что следовало бы заново выстроить сгоревшую дворцовую церковь, Гердер заявил, что следовало бы совершать придворное богослужение в городской кирхе. При этом он считал нужным сократить церковное пение, потому что иначе придворная церковь будет оставаться без молящихся. По воскресеньям в церквах поются бесчисленные священные гимны, для того чтобы их запоминали простолюдины; но тот, кто не принадлежит к числу простолюдинов, не в состоянии долго слушать эти гимны с надлежащим вниманием, а потому или поздно приходит в церковь, или болтает, вместо того чтобы слушать. В этом случае Гердер руководствовался практическим правилом, что «все лишнее и ненужное должно быть урезано, для того чтобы лучше удавалось то, что необходимо». Поэтому, в своем длинном докладе от 23 октября 1787 г. касательно литургии он снова настаивал на необходимости сократить число еженедельных проповедей; он находил такое сокращение необходимым не потому только, что проповедники утомлялись без всякой пользы, а также потому, что в течение недели «люди должны работать, а не проводить время в слушании проповедей».

Несмотря на возражения со стороны членов консистории, дворцовый приход был временно соединен в 1787 г. с гарнизонным. При этом возникали разные мелкие затруднения; так, иные находили неприличным, что церковь будут посещать в одно время и лица военного звания, и придворные чиновники, и люди всякого звания. Но и эти затруднения были улажены Гердером с согласия герцога. В своем докладе Гердер принял в соображение требования этикета, а по поводу всех других возражений сослался на право каждого посещать церкви. О стульях для дам в докла-

¹ Мемория от 28 марта 1787 г. (Воспоминания. III, 61, 62). В другом месте он доказывал необходимость сократить число богослужбных дней на том основании, что этим способом «юношество сберегло бы много времени, которое оно проводит без всякой пользы в церковном пении».

де сказано: «Так как скромность должна считаться одной из добродетелей женского пола, то выказывать ее всего уместнее в церкви, где различие рангов не имеет значения»¹.

Это дело было улажено и хорошо, и скоро; напротив того, вопрос о пересмотре литургии послужил поводом для сильной размолвки между Гердером и членами консистории, хотя в сущности между ними не было разномыслия. Этот вопрос был возбужден еще в 1784 г. собиравшейся в Эйзенахе комиссией; герцог также счел нужным предложить веймарской консистории высказать ее мнение по этому предмету, но его желание долго оставалось неисполненным. Доклад Гердера был представлен только 23 октября 1787 г., но он принадлежит к числу самых подробных. Гердер не ограничился рассмотрением предложенных вопросов, а завел речь о преобразовании богослужебного устройства. Он говорил, что новая литургия бессмысленна и не производит должного впечатления на сердце слушателя, что некоторые из прежних церковных обрядов настолько же лучше новых, насколько питательное кушанье лучше жидкого бульона. «Я не раз замечал, — говорил он, — что простолюдины более искренни в своих чувствах, чем их руководители, у которых сердце очерствело вследствие привычки постоянно придерживаться одних и тех же формул». Он нисколько не сомневается в необходимости преобразований, потому что богослужебные порядки возникли большей частью не на основании библейских или апостольских указаний, а из разных соображений, носящих на себе ясный отпечаток духа того времени, в которое были придуманы. Ради примера он указывает на заклинание нечистого духа при совершении обряда крещения; этот обычай мог, по его мнению, возникнуть не иначе как под влиянием языческих понятий о могуществе нечистых духов; хотя Лютер и поместил в своей статье о крещении длинное обращение к нечистому духу, но потом он выпустил это обращение; «что бы он сказал, если бы узнал, что у нас употребляются такие выражения, которые или оскорбляют наше нравственное чувство, или вовсе нам непонятны, и которые, конечно, нисколько не способствуют достижению той цели, которая имеется в виду при произнесении молитвы или при совершении обряда?» Далее Гердер указывает на великопостные молитвы, состоящие из бессодержательных слов и воззваний; «так может молиться, — говорит он, — какая-нибудь монашенка

¹ Доклад, написанный в начале июня 1787 г., и устав, составленный 15 июня для гарнизонного пастора.

перед изображением Богоматери или перед Распятием, а не протестантская община». Наконец, он указывает на праздничные молитвы, которые составляют крайне небрежно бездарными людьми.

В связи со своим докладом о содержании литургии Гердер ведет речь о книге церковных песен, о евангельских текстах на воскресные и праздничные дни и наконец о той особой литургии, которая совершалась в веймарской городской кирхе. Он только слегка затрагивал эти вопросы, получившие свое окончательное разрешение гораздо позже. Результаты совещаний покуда ограничились вопросами о крещении и об обряде венчания, который был изменен согласно с мнением Гердера и других членов консистории. Ведь Гердер желал немедленных улучшений только по этим двум пунктам, а в том, что касалось молитв, конфирмации, церковных сборов и т. д., он ожидал, что улучшения будут вводиться малу-помалу. И относительно тех преобразований, которые он считал неотложными, он требовал, чтобы они вводились втихомолку. Он требовал, чтобы об этих преобразованиях было сообщено пасторам циркулярами и чтобы они вводились без всякого шума, подобно тому как иногда прибавляются в церковных молитвах новые возвания к Богу. Он говорил, что пасторы не должны указывать прихожанам в своих проповедях на эти перемены, потому что «когда какая-нибудь перемена делается без предварительного о ней извещения, то иные вовсе не замечают ее, а иные остаются довольными тем, что сами догадались о вызвавших ее мотивах».

Однако именно по вопросу о способе введения перемен большинство консистории не разделяло мнений Гердера. Консистория заявила, что одобряет предположения Гердера в общих чертах, но она нашла, что предложенный Гердером способ введения реформ не вполне соответствует ни личному достоинству герцога, ни уважению к публике, ни важности самого дела; она полагала, что следует избегать даже только кажущейся таинственности и что следует составить *ex suggestu sacro* особое объявление с поучительными объяснениями, которое должно быть публично прочитано в церквях.

Слово «таинственность» возмутило Гердера! То решение консистории было постановлено в его отсутствие и было ему прислано для подписи; но он объявил, что не подпишет «это оскорбительное для него решение», и составил в крайне раздражительном тоне изложение мотивов своего мнения. Он говорил, что никогда не советовал своему государю идти «потаенным пу-

тем», что такой образ действий был бы не согласен ни с его личным достоинством, ни с его служебными обязанностями, что он еще не дошел до такого безрассудства, чтобы придавать «общественному делу отпечаток тайной проделки». Он ссылаясь на некоторые прецеденты в подтверждение основательности своего мнения и в заключение сказал: «Я вовсе не советовал тайно вводить новую литургию; такой совет был бы уместен только в устах крайне глупого или злонамеренного человека, нечестно исполняющего свои обязанности и в отношении к герцогу, и в отношении к своему званию». Но он не ограничился этим протестом — он обратился к герцогу с просьбой доставить ему удовлетворение за нанесенное членами консистории оскорбление и оградить его на будущее время от подобных обвинений. «Члены консистории, — говорил он, — совершенно извратили понятие о коллегиальном учреждении, в котором каждый член имеет равные права со всеми другими; употребляя во зло имя герцога, они придали решениям своей коллегии деспотический тон, который решительно невыносим»¹.

Консистория отвечала на эти обвинения совершенно спокойным тоном; в доказательство основательности своих воззрений она указывала на необходимость «менажировать публику» и не допускать предположений, будто правитель страны действует по личному произволу; она старалась доказать, что указанный Гердером прецедент говорит не в его пользу; она утверждала, что если бы Гердер присутствовал на том ее заседании, в котором было постановлено ее решение, то он, без сомнения, согласился бы с мнением большинства. Во всяком случае члены консистории не желали обидеть Гердера и действовали не деспотически, а по всем правилам коллегиальных учреждений.

Если эти уверения действительно были искренни и если Гердер действительно сделал из мухи слона, то мы все-таки имеем основание думать, что причиной его раздражительности были какие-нибудь ранее испытанные неприятности. Ему было крайне тяжело видеть, что самые здраво обдуманые из его проектов по-

¹ Что Гердер всегда глубоко чувствовал всякое оскорбление и всегда с энергией отстаивал свои права, видно из наполненной юношеской риторикой жалобы, которую он подал 6 января 1769 г. рижскому магистрату на пастора Бернгофа. Этот факт уже был нами рассказан (см.: Т. I С. 173—174). Текст этой жалобы и касающиеся ее официальные документы были в первый раз перепечатаны из бумаг рижского архива Иоганном Кристофом Беренсом в «Балтийском ежемесечнике» (Т. XXVII. № 7. С. 529 и сл.). Там же (с. 541) напечатана гердеровская просьба об отставке (см.: Т. I С. 428—429).

стоянно встречали возражения со стороны членов консистории, а его неоднократные жалобы на деспотизм были, без сомнения, вызваны тем, что президент консистории хотел играть роль ее начальника. Как бы то ни было, но по прошествии нескольких месяцев — после того, как Гердер еще раз откровенно излил перед герцогом свою душу¹, — его проект был утвержден наперекор убеждениям большинства консистории. Рескриптом от 27 февраля 1788 г. герцог утвердил проект Гердера без всяких оговорок; возражения против предложенного Гердером способа введения преобразований были признаны неосновательными, и Гердеру было поручено изложить и ввести новые правила венчания и крещения по его собственному усмотрению.

Из рассказанных нами фактов видно, как было разумно и полезно все, что предпринимал Гердер в сфере церковного устройства и школьного преподавания; но из тех же фактов видно, что задуманные им нововведения редко доставляли ему полное удовлетворение, — ему постоянно приходилось преодолевать затруднения, неизбежные при коллегиальной системе церковного управления. Он тяготился зависимостью своего положения; препятствия и проволочки до такой степени раздражали его, что всякое незначительное разногласие служило для него поводом для ссор, которые улаживались только благодаря благоразумному вмешательству герцога.

Ввиду такого душевного настроения и такой раздражительности Гердера нас не может удивлять тот факт, что он уже в течение нескольких лет постоянно помышлял о перемене своего служебного положения, — постоянно готовился покинуть страну, в которой «ничто не росло и ничто не зрело». Эта мысль о перемене в первый раз зародилась в его уме по поводу известий, полученных им именно из той сферы, в которой он испытал столько неприятностей еще до своего назначения в Веймар. Коппе, назначенный в 1776 г. в Гёттинген на ту должность, которую искал Гердер, был переведен в начале 1784 г. в Готу в звании главного придворного пастора и генерал-суперинтенданта; Вальх внезапно умер, а Лесс был так болен, что никто не сомневался в его скорой кончине. Тогда Гейне снова взялся за свой старый проект перевести Гердера в Гёттингенский университет и обратился по этому случаю с запросом к своему другу². Но ни сам

¹ Письма Гердера к герцогу от 26 и от 28 февр. 1788 г. (Herderalbum. С. 15 и сл.).

² К Гердеру 14 марта 1784 г. (С, II, 196).

Гёттинген, ни должность университетского профессора не были привлекательны для Гердера, и он отклонил предложение Гейне. Тогда явился к Гердеру надворный советник Берлепш, нарочно присланный к нему из Ганновера для переговоров. Этот уполномоченный описал такими привлекательными красками будущее положение Гердера и так настойчиво уверял, что все его желания и требования будут исполнены, что Гердер стал колебаться. Наконец, ввиду новых еще более настойчивых упрасиваний он вступил в переговоры об условиях своего перемещения в Гёттинген. Но он вел эти переговоры почти нехотя и без уверенности в их успехе: если бы он не находился под гнетом тяжелой необходимости и если бы он не имел в виду пользу для своих детей, он ни за что не согласился бы переехать в Гёттинген! И он, и Каролина находились в таком мрачном настроении духа, когда другой друг Гердера дал его мыслям и замыслам другое направление. Легкомысленный, добросердечный и всегда готовый на услуги Глейм, постоянно старавшийся доставлять места *in partibus infidelium*, вспомнил о Гердере, лишь только узнал, что пастор в Клостерберге намеревался удалиться на покой; Глейм был уверен, что это место было бы Гердеру совершенно по вкусу, а в том, что он был в состоянии доставить Гердеру это место благодаря своим берлинским связям, он был вполне уверен. Он отправил 18 апреля в Веймар письмо, которое чрезвычайно обрадовало и Гердера, и Каролину¹. Несмотря на то что еще не было никакого основания рассчитывать на успех, Гердер стал с юношеским увлечением превозносить выгоды новой должности. Клостерберга казалась ему таким приятным местом жительства, что лучшего нельзя было найти, а воспитание юношей, которым ему пришлось бы там заниматься, он называл своим настоящим призванием. К тому же он именно в то время был обижен предстоявшим производством Дёдерлейна в тайные советники; а когда Гёте предложил ему такой же титул, он из гордости или из упрямства отказался от этого почетного отличия. По мнению Гёте, Гердер должен был после этого отказа еще сильнее прежнего желать перемещения из Веймара. Он писал Каролине: «Если вы имеете желание и надежду уехать отсюда, то не обращайтесь никакого внимания на получение титулов теми, кто их желает, и ждите вашего избавления»². Надежду на это избавление внуши-

¹ Касательно того, что следует, сравн. переписку Глейма (С, I, 101—109).

² А, I, 76, 77. № 34. — Не помеченное никаким числом письмо Гёте было написано 11 мая, так как именно в этот день происходило то заседание совета,

ло Гердеру обещание перевода в Клостербергу, но оно оказалось вовсе не надежным. По этому поводу Гердер описал Глейму свое положение и изложил свои желания так подробно и так откровенно, как еще никогда никому не описывал; и Каролина со своей стороны настоятельно упрашивала старого друга приступить немедленно к делу; она полагала, что можно бы было просить содействия у Лейхзенринга, который когда-то относился так благосклонно и к ней, и к ее мужу, а теперь мог бы двинуть дело вперед, потому что жил в Берлине в звании гувернера королевских детей; кроме того, Гердер надеялся, что о нем будут ходатайствовать или дадут хороший отзыв и Иерусалем, и герцог Брауншвейгский; он вспомнил, что Николаи мог повредить ему своим недоброжелательством, и потому постарался примириться с этим давнишним врагом. С другой стороны, и Глейм делал все, что мог, чтобы поддерживать в Гердере надежду на успех, и описывал ему новую должность самыми заманчивыми красками. Гердер, конечно, не мог ни минуты колебаться в выборе между должностями гёттингенской и клостербергской; первая казалась ему все менее и менее привлекательной, а вторая, напротив того, казалась ему все более и более заманчивой. По его словам, Гёттинген казался Каролине вертепом разбойников, а Клостерберга — таким местом, где ее ожидали душевное спокойствие, здоровье и счастье. А то, что думала Каролина, думал и ее муж; он воображал, что в Гёттингене будет похож на прикованного к утесу Прометея, тело которого будут клевать хищные коршуны, а в Клостерберге будет жить спокойно, ни в ком не возбуждая зависти. Глейм наивно писал ему, что лишь бы только открылась вакансия, — дело будет непременно улажено. Стало быть, какая же была надобность принимать должность в Гёттингене — в этом «Содоме и Гоморре»? Даже если бы Гердер не имел видов на Клостербергу, он, по всему вероятно, не принял бы гёттингенской должности, а когда он получил наивное письмо Глейма, он немедленно принял окончательное решение и уведомил 18 июня Гейне, что отказывается от предложенного ему места. Но на деле оказалось, что слухи о выходе Резевица в отставку не имели никакого основания. Тем не менее и это разочарование имело хорошую сторону — оно примирило Гердера с тем, что было неприятного в его веймарской обстановке. Он воображал, что, отказавшись от гёттингенской должности, он «предохранил себя от

в котором состоялось производство Дёдерлейна в тайные советники (по сообщению Буркгардта, на основании официальных документов).

большого несчастья» и что с тех пор и он, и Каролина «снова стали дышать свободно и чувствовать себя счастливыми». В письме, которым Каролина благодарила 25 июля Глейма за его хлопоты, читаем: «Неожиданная надежда получить место в Клостерберге была как бы предостережением со стороны доброго гения не переезжать в Гёттинген; она еще усилила наше первоначальное нежелание поселиться в этом городе». Что вся эта история почти совершенно примирила Гердера с его веймарской жизнью, еще яснее видно из письма, в котором Каролина описывала Мюллеру ход переговоров с Гёттингеном¹: «Гейне горячо хлопотал о новой должности для моего мужа, но мы поступили согласно с тем, что нам говорило наше сердце и что указывал нам наш добрый гений, — поэтому остались здесь. Хотя мой муж и не может приносить всю пользу, какой желает, хотя он и встречает препятствия со стороны дурных людей, все-таки он находит, что лучше выносить здешние неприятности, чем отравлять свою жизнь в Гёттингене».

Впрочем, Гердер не отказался от намерения переменить службу при первом удобном случае. Помимо некоторых других проектов², ему представился такой удобный случай летом 1786 г., т. е. в то время, когда он мог находить для себя удовлетворение в начавшемся преобразовании гимназии, но в том, что касалось основания учительской семинарии, все еще встречал затруднения, которые приписывал влиянию своих недоброжелателей. Рейхардт обратился к нему 6 июля из Гамбурга с запросом, примет ли он — если ему предложат — должность главного пастора, оказавшуюся вакантной вследствие кончины Мельхиора Гёце. Даже Гёте, которому он сообщил о полученном предложении, не посоветовал ему отказываться. Гёте, конечно, лучше всякого другого знавший и условия веймарской жизни, и характер своего друга, писал г-же Штейн: «Гердер не исправляется, но изменяется, и никак нельзя рассчитывать на то, что он здесь останется»³. Действительно, Гердер стал всеми силами хлопотать о получении предложенного места; он не только вел с Рейхардтом переписку об обязанностях, связанных с той должностью, но также послал ему проповедь, на которую могли бы сослаться его

¹ Это письмо приведено Гельцером (с. 111 и сл.) не в надлежащем месте — оно написано 8 августа 1784 г.

² О его надежде получить должность в Митаве упоминал Гаман летом 1785 г. (Соч. Гамана. VII, 254, 258; сравн. 271; Brem. Sonntagsblatt. 1859. № 43).

³ 14 июля 1786 г. (*Schöll*. III, 277).

приверженцы. У него действительно были горячие и ревностные приверженцы, но этим приверженцам приходилось бороться с влиятельной партией, восстававшей против назначения Гердера во имя просвещения. Убеждения Реймаруса и его жены разделялись многочисленными прихожанами, принадлежавшими к числу тех, кто «благоразумно веровал в Бога». София Реймарус писала 18 июля своему брату Геннингу, что гамбургские протестанты «опасаются Гердера, который своими фантастическими идеями может причинить еще более вреда, чем Гёце своей болтовней»¹. Поэтому, хотя имя Гердера и было внесено в первый список кандидатов, оно было исключено из того окончательного списка, в который вносились только имена кандидатов, имевших какие-нибудь шансы на успех. Рейхардт известил его об этой неудаче, но вместе с тем внушил ему новую надежду. Фридрих Великий скончался в августе. Разве при новом правительстве Гердер не мог бы найти для себя место в Берлине?

Это мнение разделял и Глейм. Он писал 19 сентября: «Фридрих Вильгельм — этот покровитель немецких муз — должен призвать моего Гердера в Берлин, иначе я буду огорчен»². Действительно, Фридрих Вильгельм — неизвестно по чьему указанию — обратил свое внимание на Гердера. То было бы странной иронией судьбы, если бы проект короля осуществился, — ведь Фридрих Вильгельм задумал назначить автора «Провинциальных листков» в помощники Шпальдингу, вероятно, по совету тех, кто желал сдерживать вольнодумство Шпальдинга при помощи такого человека, который в то время отличался более твердыми религиозными убеждениями. Выслушав одну из проповедей Шпальдинга, король сообщил о своем намерении назначить ему помощника ввиду его преклонных лет и с целью облегчить ему исполнение его обязанностей — при этом король назвал Гердера. Шпальдинг стал всеми силами противиться такому назначению, потому что усматривал в нем и личную для себя обиду, и опасность для тех идей, которые постоянно проповедовал. В просвещенных столичных кружках и среди друзей Шпальдинга обнаружилось сильное недовольство. Недоброжелатели Гердера сообщили в газетах в виде слуха о том, что случилось; но эту газетную заметку поставили рядом с известием о

¹ Это сообщил Редлих; и в том, что следует, мы пользовались его указаниями для проверки содержания писем Рейхардта от 30 июля и 7 окт.

² С, II, 120. — Для того, что следует, служили источниками сведений: переписка Гердера с Глеймом (№ 91—95) и то, что писал об этом деле сам Гердер 1 августа Шиллеру (Переписка Шиллера с Кёрнером. I, 128).

помиловании бывшего военного советника Кранца, уволенного от должности при Фридрихе. При таких условиях Гердеру не могла казаться заманчивой мысль о перемещении в Берлин. Именно в то время он усиленно работал над третьей частью «Идей»; поэтому ему было нетрудно отказаться от всяких помыслов о новой должности. Он писал Глейму, что не желает быть ничьим помощником, что еще менее расположен кому-либо навязываться в помощники, а при брожении умов, которое обнаружилось в то время в Берлине, он рисковал бы отдать себя на съедение своим врагам; но ему казалось очень странным, что ему как будто было предназначено судьбой повсюду служить камнем преткновения и поводом для раздоров! Он был очень доволен, когда узнал, что в столице перестали толковать о его назначении, и по прошествии нескольких недель писал тому же другу: «Моей жене противно самое слово „Берлин“ — и мне также. Я не хочу навязывать себя этим господам и надеюсь, что судьба доставит мне более приятную должность, чем та, которую я мог бы получить в среде этих интриганов».

Не надеялся ли Гердер получить такую более приятную должность в Ганновере? Там открылась вакансия придворного пастора, а восторженная г-жа Берлепш обратилась к нему в сентябре 1787 г. с запросом, согласится ли он занять вакантную должность. В этом случае Гердер, как кажется, увлекся такими же ни на чем не основанными надеждами, какие возбудило в нем желание переехать в Гамбург. Он два раза писал г-же Берлепш, уведомляя ее о своем согласии, но она известила его 18 октября, что на вакантную должность уже назначен Коппе из Готы¹.

Именно в то время он вступил в пререкания с членами консистории по поводу введения перемен в литургию, а противодействие со стороны этих членов грозило неудачей и его проекту о распределении жалованья, которое прежде получал пастор церкви св. Иакова. Даже по прошествии года он не мог хладнокровно говорить о тех неприятностях, которые он выносил от членов консистории в конце 1787 и в начале 1788 г.² Наконец, после того как его неоднократные попытки найти для себя приличную должность вне Веймара оказались безуспешными, предупредительная любезность герцога доставила ему возможность откровенно объяснить, каких он желал бы перемен в своем служебном положении. Он узнал, что герцог намеревался улучшить его по-

¹ Это видно из находящегося в моих руках письма г-жи Берлепш.

² К Каролине 27 дек. 1788 г. (В, 206).

ложение посредством увеличения его жалованья. Но этим нельзя было удовлетворить его. В то время главным предметом его забот было увеличение содержания учителей наперекор желанию консистории, и он старался не подавать ни малейшего повода к обвинениям в каких-либо личных корыстных целях. Он писал герцогу 26 февраля 1788 г.¹, что при своем «стесненном положении и при несочувствии, которое встречает в членах консистории», он не должен возбуждать подозрения, будто заботится об увеличении жалованья учителей ради своих личных выгод; поэтому он просил герцога отложить на время всякую мысль об улучшении его собственного положения. Вместе с этим он сообщал герцогу другой проект, находившийся в связи с предположением перевести Дёдерлейна из Йены в Гёттинген. В случае, если бы это предположение осуществилось, он просил для себя должность профессора при Йенском университете — однако с разными оговорками, — с тем чтобы он оставался главным придворным пастором и исповедником, чтобы его остальные духовные обязанности были разделены между его коллегами и чтобы он сохранил звание члена консистории; в таком случае он стал бы лично присутствовать на кандидатских экзаменах, а относительно всего остального стал бы излагать свои мнения письменно. Он предпослал этому проекту рассказ о том, что еще за три года перед тем отклонил предложение университетской кафедры «из странной привязанности к Веймару», а говоря о мотивах своего проекта, он упоминал прежде всего о своей любви к юношеству, о своей приобретенной с ранних лет привычке заниматься преподаванием, с которым ему было гораздо легче справляться, чем с его «злосчастной склонностью к литературной деятельности». «Эта деятельность, — продолжал он, — известна Вашей Светлости; она была результатом непреодолимой природной склонности. Ни на что не годная слава, которую я приобрел и которая только заставляет меня бесполезно тратить деньги на переписку (в особенности с теми молодыми людьми, которые обращаются ко мне за советами), могла бы доставить пользу университету, потому что, вероятно, привлекла бы туда множество учащихся; а мои новые обязанности я стал бы исполнять с юношеским увлечением и с безукоризненной точностью». Далее Гердер откровенно говорил о своем личном положении в Веймаре: «Если бы меня перевели в Йену, то все ни к чему не ведущие ссоры, которые отравляют мою жизнь, прекратились бы сами собой; тогда и

¹ Herderalbum. С. 15 и сл.

консистория стала бы отзываться обо мне с самыми горячими похвалами; тогда прекратились бы и смешные толки о том, что я стараюсь внушать Вам нерасположение к тому или другому должностному лицу или что я считаю себя способным руководить Вашими действиями. Тогда я ожил бы и стал бы приносить больше пользы, чем теперь при моих чрезмерно сложных служебных обязанностях». Наконец, он снова заводит речь о том, чем бы он стал заниматься в звании университетского преподавателя. По этому поводу он снова обнаруживает свою сангвиническую жажду деятельности и свое стремление к расширению этой деятельности. Он пишет, что если бы ему дали, кроме звания профессора теологии, звание экстраординарного члена философского факультета, то он мог бы по мере надобности преподавать все то, без чего и сама теология ничего не стоит, а именно языковедение, теорию изящного вкуса, историю; он вполне уверен, что этим путем можно принести чрезвычайно большую пользу».

Это была, по выражению самого Гердера, «мечта»; в ее изложении переплетались все волновавшие Гердера стремления, но при внимательном ее рассмотрении она оказывалась неосуществимой; не говоря уже о том, что Дёдерлейн остался на своем месте, и та двойная должность, которую желал создать Гердер, была бы ненормальным явлением, она помешала бы сосредоточению всех сил преподавателя на одном предмете и оказалась бы вредной для правильного хода занятий. Но так как Гердер постоянно жаловался на невозможность найти в ком-либо сочувствие к самым полезным его начинаниям, то ему представлялся только один способ выйти из неприятного положения — с полной откровенностью объяснить с герцогом, который был лучшим из его друзей и вместе с тем желал и был в состоянии помочь ему. На другой день после получения вышеизложенного откровенного письма Карл Август пригласил Гердера на интимную беседу, результаты которой обнаружились как в издании рескрипта, разрешившего спорный вопрос о литургии в пользу Гердера, так и в благодарственном письме Гердера от 28 февраля¹. «Ваши благосклонные и дельные суждения, — писал Гердер, — отчасти изгладили в моей душе те тяжелые впечатления неприятных условий моего положения, которые я выносил молча, потому что не мог и не хотел никому их выказывать; с другой стороны, беседа с Вами внушила мне намерение позабыть все прошлое и начать мою жизнь снова, как будто я только что теперь сюда переехал».

¹ Herderalbum. С. 19 и сл.

Он настоятельно просил герцога отложить на время всякую мысль о каких-либо переменах ради его личной пользы. «Полагаясь на милостивое доверие Вашей Светлости, — говорил он, — я принял теперь такие меры, которые могут привести к мирному разрешению спорных вопросов без всяких личных пререканий. Прошу Вас извинить горячность, с которой я вчера выражался; у каждого человека есть какое-нибудь нездоровое место, до которого нельзя дотронуться иначе как причиняя сильную боль. Впрочем, я не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою признательность за все, что Вы мне сказали: такие суждения правителя страны, проникнутые здравомыслием, сердечной добротой и чувством справедливости, представляют, без сомнения, очень редкий и даже единственный в своем роде факт. Я сохранил вынесенные мной из этого разговора впечатления и по прошествии некоторого времени представлю на усмотрение Вашей Светлости мои дальнейшие предположения».

Из этих слов можно заключить, что с тех пор должна была начаться новая эпоха в веймарской жизни Гердера. Кроме того, тогда же подтвердилось общее замечание, что счастье редко приходит одно. Хотя Гердер и просил отложить на время всякую мысль об улучшении его положения, но это не помешало герцогу оказать ему денежное пособие самым деликатным образом. Через три недели после упомянутого выше разговора с Гердером герцог назначил ему из своей собственной казны прибавочное жалованье в 300 талеров, но, извещая его об этом, прибавил в конце своего письма от 1 апреля, что «ввиду некоторых соображений желает, чтобы об этом не знали другие должностные лица»¹. В своем благодарственном письме Гердер просил герцога доставить ему случай для личных объяснений о таком деле, которое, как он выражался, «хотя и касается его личных интересов, но будет беспокоить его, пока не будет доведено до сведения Его Светлости»². Поводом для этой просьбы послужило неожиданное получение значительного денежного подарка: один из поклонников Гердера прислал ему 10 марта по почте две тысячи гульденов, приняв все меры предосторожности, для того чтобы его имя осталось неизвестным³. Этот подарок оказался вовсе не лишним, потому что расходы, вызванные переездом в Веймар,

¹ Воспоминания. II, 239; письмо герцога находится у меня в подлиннике.

² 20 марта 1788 г. (Herderalbum. С. 20).

³ Письмо, при котором был послан этот подарок, напечатано в «Воспоминаниях» (III, 239, прим.).

вовлекли Гердера в долги, которые лежали тяжелым бременем на его домашнем хозяйстве и постоянно увеличивались вследствие поездок на воды и других непредвиденных расходов. Из того что говорится об этом подарке в «Воспоминаниях», ясно видно, какое впечатление он произвел на Каролину, которая почти одна выносила все бремя домашних забот¹. Ведь она еще за несколько лет перед тем хлопотала, без ведома своего мужа, о восстановлении своих утраченных вследствие давности прав на отцовское наследство!² И сам Гердер был глубоко тронут неожиданным подарком, который был в его глазах даром Божиим. В этом смысле он говорил о подарке, выражая свою признательность с церковной кафедры в такой же приличной форме, «какой он обыкновенно придерживался в своих проповедях», — писал Шиллер, рассказывая об этом происшествии Кёрнеру³.

Вскоре после того в жизни Гердера случилось новое неожиданное происшествие. Почти в тот самый день, когда он лишился своего меньшего сына Альфреда, которому было только четыре месяца, он получил от каноника Фридриха Дальберга письмо, которое могло дать его занятиям новое неожиданное направление. Иоанн Фридрих Гуго Дальберг — младший брат того Дальберга, который был наместником в Эрфурте, — занимал должность каноника в Трире, Вормсе и Шпейере; несмотря на то что он был 28-летним юношей, он уже принадлежал к числу самых горячих поклонников Гердера. Он был по своей наружности так же уродлив, как его брат, но, подобно своему брату, был хорошо образован и чувствовал сильное влечение к наукам и к искусствам. Еще в 1782 г. он написал сочинение о целесообразности строгих уголовных законов; но всего более он интересовался эстетикой и в особенности теорией музыки. Он был талантливый музыкант и сам пробовал писать музыкальные сочинения⁴. Стихотворения Гердера расшевелили в нем влечение к музыке и способствовали развитию его музыкальных дарований. Еще в апреле 1786 г. он сблизился с Гердером, переслав ему одно из своих музыкальных сочинений, а в следующем году он передал Гердеру через по-

¹ Воспоминания. II, 238; сравн. разные толки о стеснительном положении гердеровского семейства в переписке Шиллера с Кёрнером (I, 166).

² К Г. Мюллеру 14 дек. 1783 г. (*Гельцер*. С. 104). О том, что это дело не представляло никакой надежды на успех, Мюллер писал Каролине в январе 1784 г. и 10 февр. 1788 г.

³ 23 июля 1788 г. (I, 326).

⁴ О Гуго Дальберге см.: *Beaulieu-Marconnay*. Karl von Dalberg. I, 6 и сл.; *Дюнцер*. В, XXIX и сл.

средство Кнебеля свое музыкально-метафизико-нравственное сочинение «*Blicke eines Tonkünstlers in die Musik der Geister*». Этот музыкант был достаточно знаком с метафизикой, для того чтобы оценить по достоинству «Разговоры о Спинозе», присланные ему в подарок Гердером. По поводу этого сочинения он изложил свои собственные метафизические воззрения, которые были лишь отголосками того, что он прочел в тех «Разговорах», и которые он прислал Гердеру на его рассмотрение. Весной 1788 г. он снова старался доказать на деле свое уважение к Гердеру, а 14 апреля уведомил его о своем намерении посетить его в тюрингенских владениях. Но через три дня после того он писал Гердеру, что в его уме созрел совершенно другой план, что он решился в непродолжительном времени предпринять поездку в Италию и что ему было бы очень приятно, если бы Гердер мог взять отпуск на пять или на шесть месяцев и вместе с ним посетить «самую прелестную и самую благословенную из всех стран». В ответ на запрос Гердера он подробно объяснил в письме от 5 мая, какие причины побуждали его предпринять это путешествие. Он говорил, что политические соображения, обусловленные служебным положением каноника, и заботы о поправлении здоровья имели в этом случае такое же значение, как и эстетические влечения, а необходимые для путешествия денежные средства будут доставлены церковью. Он полагал, что Гердер мог бы на время освободиться от своих служебных занятий и съехаться с ним в Швейцарии или в каком-нибудь другом месте, для того чтобы вместе с ним отправиться в Рим.

Это предложение было так же неожиданно, как если бы «письмо Дальберга упало с облаков»¹; Гердер не колебался ни минуты; он немедленно сообщил о предложении Дальберга герцогу, который с удовольствием дал ему разрешение на отъезд. Ведь герцогу было хорошо известно положение его придворного проповедника и духовника; он знал, как будет полезно для Гердера «освежить атмосферу, которая была сдавлена под тяжелой церковной крышей»². И сам Гердер, и Каролина выражали ту же мысль, но еще более ясно. Он писал 22 июня Гейне: «Я уехал бы даже в том случае, если бы меня пригласили ехать на ловлю китов»; а она писала Г. Мюллеру: «Моему мужу было крайне необ-

¹ К Мейеру 23 июня 1788 г. (*Zur Erinnerung an Meyer*. I, 176).

² Гердер к герцогу 26 апреля, герцог к Гердеру 28 апр. (*Herderalbum*. С. 24 и сл.); письмо герцога можно найти и у Дюнцера (*Briefe des Herzogs an Knebel und Herder*. С. 123).

ходимо переменить место жительства, климат и всю житейскую обстановку, если бы он не получил предложение от Дальберга, то он, без сомнения, побывал бы у Вас в Карлсбаде»¹.

Уже разнесся слух, будто два путешественника находятся на пути в Италию, а Гёте у знал об этом из газет в конце мая в Констанце, на своем возвратном пути из Италии, и отправил к Гердеру в Рим письмо со своими пожеланиями и советами; но даже Дальберг еще не был в состоянии так скоро приготовиться к отъезду². Только в начале июня он прибыл в Веймар для личных переговоров с Гердером, в доме которого остановился. Вместе с ним приезжала из Мангейма вдова прусского посланника, г-жа Секендорф, урожденная Кальб³. Эти гости уехали из Веймара 13 июня⁴, оставив самые приятные впечатления. Осыпая похвалами Дальберга, Кнебель еще более хвалил его спутницу, которую называл «привлекательной, изящной, благовоспитанной» женщиной; а Гердер был вполне очарован каноником и полагал, что не мог бы найти более приятного спутника. Он писал гёттингенскому Мейеру о Дальберге: «Это — в высшей степени любезный человек, и я не нахожу достаточных похвал для его сердца, изящного вкуса и ума; при необыкновенной ясности идей он отличается таким душевным спокойствием, которое совершенно в моем вкусе и которое может служить во время путешествия настоящим наслаждением. Он презирает то же, что я презираю; он стремится к тому же, к чему я стремлюсь, а своими практически сведениями об изящных произведениях искусства и своими музыкальными дарованиями он может быть мне полезен». Было решено, что два путешественника отправятся из Мангейма через Швейцарию в Прованс и отдохнут там, для того чтобы со свежими силами наслаждаться своим пребыванием в Риме⁵. Гёте, возвратившийся из своей поездки 18 июня, застал своего друга в Веймаре и на основании собственного опыта убедил его изменить первоначальный план путешествия: он уговорил Гердера

¹ С, II, 207; *Гельцер*. С. 123.

² Гёте к Гердеру (А, I, 89 и сл. № 47). Гердер писал 22 июня Гейне: «Газеты не только слишком рано возвестили о моей поездке в Италию, но и причинили мне большие неприятности». Гердер к Кнебелю № 32 (Knebels. Litt. Nachl. II. 289 и сл.).

³ Сравн.: *Palleske*. Шарлотта. С. 259.

⁴ Это указание времени основано на содержании письма Кнебеля к Шарлотте Ленгефельд от 13 июня 1788 г. (Charlotte von Schiller und ihre Freunde. III, 302 и сл.).

⁵ Charlotte von Schiller und ihre Freunde. III, 302 и сл.; письма Гердера к Мейеру и к Гейне от 23 и 22 июня.

направиться из Швейцарии прямо в Рим через С. Готард. Вследствие этого было отложено в сторону намерение побывать в южной Франции и было решено съехаться в Аугсбурге¹.

Гердеру приходилось пускаться в путь без надлежащей подготовки, несмотря на то что он мечтал об этом путешествии еще в ребяческом возрасте, страстно желал предпринять его после прочтения первых страниц винкельмановского сочинения и помышлял о нем даже живя в Бюкебурге. Ему нужно было тратить так много времени на передачу служебных дел в другие руки, что он лишь урывками мог посвящать несколько минут на самые необходимые приготовления, как например на остававшееся в пренебрежении изучение иностранных языков. «Я похож на перелетную саранчу, которая изгибает все члены своего тела, для того чтобы вылезти из своей кожицы», — писал 4 июля Гердер г-же Диде, которая именно в то время приезжала в Веймар со своим семейством, настоятельно упрашивала его захватить к ней в Цигенберт и снабдила его рекомендательными письмами в Италию². Нам нетрудно будет составить себе понятие о тогдашних заботах Гердера, если мы вспомним, что именно в то время он был занят только что открывшейся учительской семинарией, что 1 августа он представил герцогу доклад о результате экзаменов, что 30 июля он составил новый список стипендиатов и вместе с тем представил годовой отчет даровой кухни. Он донес герцогу, что ассессор консистории Цинзерлинг будет заведовать в его отсутствие семинарией, даровой кухней и гимназией, — и, как следовало ожидать, вызвал со стороны консистории протест против незаконности такой передачи. И письменные объяснения по поводу его столкновения с Вебером помечены 31 июля 1788 г.; а за день перед тем он составил достойную внимания меморию касательно предположенного превращения йенской городской школы из «академической» в простую. Это последнее дело не было из числа спешных, так как оно было доведено до конца лишь по прошествии девяти лет. Гердеровская мемория, к которой был приложен *typus lectionum*, составляет дополнение к его проекту преобразования веймарской гимназии. Излагая подробные инструкции в дополнение к учебному плану, он руководствовался теми же соображениями, которые побудили его воспротивиться напечатанию веймарского учебного плана. «Ведь все

¹ Каролина к И. Г. Мюллеру от 30 июня (*Гельцер*. С. 123).

² И письмо Гердера, и письма Диде от 7 июня, 10, 11, 13 и 25 июля находятся у меня в подлинниках.

выраженные в печати намерения, — говорил он, — не ведут ни к чему», потому что только директор в состоянии дать делу надлежащее направление. В конце своего доклада он нашелся вынужденным горячо протестовать против того мелочного скряжничества, которое так часто служило препятствием для улучшения учебных заведений в Веймаре и с которым ему так часто приходилось бороться. При этом Гердер выражается таким языком горячего и ничем не стесняющегося искреннего убеждения, который представляет резкую противоположность с вычурным канцелярским слогом; но всего энергичнее он выражается тогда, когда восстает против какой-нибудь несправедливости или мелочной расчетливости. Кто-то предложил удерживать в пользу церковной кружки несколько талеров из доходов школ и небольшую часть из поступавших в школы пожертвований продуктами. Гердер нашел эту мысль «такой возмутительной», что если бы о ней опубликовали в газетах, то навлекли бы позор на всю страну; по его словам, такая ничтожная сумма не принесла бы пользы для церковной кружки, которая «никак не должна грабить заведение, и без того крайне нуждающееся в денежных средствах, не должна этого делать, пока в нашем отечестве будет существовать хоть искра здравого смысла и справедливости».

Какая противоположность между этими мелочными вопросами, которыми Гердеру приходилось заниматься перед отъездом, и теми более широкими идеями, которые он мог вынести из своего путешествия в Италию! Но ему еще предстояло пережить тяжелую утрату до его выезда из Веймара.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИТАЛИЮ

В то время когда Гердер был занят приготовлениями к отъезду, он был глубоко потрясен известием, которое получил 4 июля: Гаман скончался в Мюнстере именно в то время, как собирался выехать оттуда на свидание с Гердером, с которым не виделся в течение двадцати лет.

Намерение побывать в Веймаре зародилось в уме Гамана с той минуты, как Гердер переехал туда на постоянное жительство; Гаман даже льстил себя одно время надеждой, что ему удастся вместе с Гердером посетить их общего друга, жившего в Швейцарии¹. Но исполнение этого намерения встречало серьезные препятствия. Так как Гаман состоял на прусской службе, то для выезда из Берлина ему нужен был отпуск, а так как он предполагал выехать за границу прусских владений, то ему нужно было особое разрешение от королевской канцелярии; но прежде всего нужно было подумать о денежных средствах. Эти средства были неожиданно доставлены Гаману в конце 1784 г. его поклонником, молодым Бухгольцем. В начале следующего года Гаман уже мог известить своих, живших в Германии, друзей, и в том числе Гердера, о своем приезде. В Веймаре это известие возбудило сильную радость, и Гердер уже решил, что Гаман остановится в его доме, для того чтобы ничто не могло мешать ему наслаждаться обществом друга. Он помышлял о поездке в Карлсбад, но надеялся, что еще до своего отъезда из Веймара будет обрадован прибытием Гамана². Это ожидание не сбы-

¹ Гаман к Гердеру 30 янв. 1777 г., 25 марта 1780 г. и 11 авг. 1782 г. (Соч. Гамана. V, 210; VI, 121 и сл. 278); Гердер к Г. Мюллеру 15 июля 1781 г. (*Гельцер*. С. 93).

² Каролина к Г. Мюллеру 12 дек. 1784 г. (*Гельцер*. С. 107); Гаман к Гердеру 6 февр. 1785 г.; к Бухгольцу 22 февр. (Соч. Гамана. VII, 204, 222); Гердер к Гаману 28 февр. (Там же, 225 и сл. — там, на строке 12 снизу следует читать вместо «Wellen» — «Wolken»); Гаман к Гердеру 28 марта (Там же, 235, 237); Гердер к Якоби 25 февр. (A, II, 267); Каролина к Глейму 10 апр. (C, I, 110).

лось — престарелому Гаману, обремененному тяжелыми и плохо вознаграждаемыми служебными занятиями, было наотрез отказано в отпуске. Он с благочестивым смирением подчинился воле Провидения, а Гердер постарался утешить его письмом, в котором каждая строчка дышит самой искренней привязанностью¹.

Дружба между этими двумя людьми становилась с течением времени все более и более прочной. Доказательства этого мы находим в их переписке, несмотря на то что многие из писем Гердера не дошли до нас. Эта переписка нередко служила для нас источником биографических сведений; в ней же мы находим указания на то, что Гердер был много обязан благотворному отеческому влиянию Гамана и в то время, как вел полемику по поводу вопроса о тамплиерах, и в то время, как ссорился с Кантом, и в то время, как боролся с трудностями своего служебного положения. Ни малейшее облачко не омрачало их взаимной привязанности. Дружба Гердера с Клаудиусом охладела, и даже личное присутствие доброго, но не отказавшегося от своих прежних заблуждений Клаудиуса не могло восстановить прежней взаимной привязанности. Отношения Гердера к Лафатеру совершенно изменились; и когда этот «милый очарователь сердец», как его называла в насмешку Каролина, заезжал в 1786 г. в Веймар, он произвел на Гердера впечатление благочестивого болтуна, старавшегося угождать знатым людям и избалованного женскими похвалами². Ни отношения Гердера к этим двум людям, ни его отношения к Якоби не имели никакого сходства с его отношениями к Гаману! На неизменное, бескорыстное сочувствие этого друга Гердер вполне полагался; он совершенно заглушал в себе склонность к недоверию и к обидчивости, когда обращался к нему за советами, и выслушивал от него похвалы или порицания, советы или предостережения так же почтительно, как если бы они исходили от родного отца или от родной матери. А престарелый наставник обходился со своим бывшим учеником, как с родным сыном, уже достигшим полной умственной зрелости. Только в одном пункте — в том, что касается суждений о кантовской философии, — Гердер до такой степени подчинялся влиянию Гамана, что после смерти этого друга мог бы считаться представителем завещанных им воззрений. Во всем остальном это влияние

¹ Соч. Гамана. VII, 254, 269 и сл.

² Каролина и Гердер к И. Г. Мюллеру 4 февр. 1787 г. (*Гельцер*. XIV, 116 и 117).

менее заметно — оно обнаруживалось то более, то менее ясно в руководящих мотивах литературной деятельности Гердера, но перекрещивалось с новыми мотивами и уступало место более сильному влиянию личного опыта, новой сферы служебной деятельности, вновь приобретенных познаний, личных отношений и в особенности дружеской связи с Гёте. Этим объясняется, почему Гаман, в котором уже давно завершился процесс умственного развития, не узнавал своего старого друга в том Гердере, который постоянно подвигался вперед в своем умственном развитии и излагал в своих сочинениях такие идеи, какие прежде не приходили ему в голову. Хотя Гамана и нельзя винить в том, что, читая летучие листки о немецкой жизни и искусстве, он все приписывал личным убеждениям Гердера, но его можно винить в том, что он был готов приписать Гердеру нелепые произведения Вецеля, что он читал с восторженным сочувствием ответ Гёфели в «Меркурии» на виландовский вопрос об антиплатониках и последователях Лукиана, принимая этот ответ за произведение Гердера; он впал в такое же заблуждение относительно одной рецензии на письма Якоби о Спинозе и относительно виценмановской статьи о Якоби и Мендельсоне¹. С другой стороны, он умел отдавать должную справедливость стилистическим усовершенствованиям своего бывшего ученика, которого прежде так часто укорял за его негодный слог. Он следил шаг за шагом за успехами, которых достигал в этом отношении его ученик. После получения первых двух частей «Теологических писем» он писал Гердеру: «Судя по Вашим сочинениям Вы вправе сказать, что Ваше перо исправляется в Ваших руках». После чтения статей о влиянии правительства, он говорил, что «Гердер становится с годами все более и более зрелым человеком». «Памятник Лессингу» удостоился от него безусловных похвал. В сочинении «О духе еврейской поэзии» он видел образец «пророческого красноречия». Он основательно заметил, что в слоге второй части «Идей» слишком многочисленны *ornamenta ambitiosa*, но находил и это сочинение, и «Разбросанные листки» превосходными не только по содержанию, но и по внешней форме; в особенности изло-

¹ Соч. Гамана. V, 61, 81, сравн. 73; Там же, с. 210, 212, 216, 220, 242, 251; VI, 108, 144; *Гильдемейстер*. V, 322. — В такое же заблуждение касательно виценмановской статьи «Resultate der Jacobischen und Mendelssohnschen Philosophie» впал Ферстер (А, II, 397, 402); и в Гамбурге впали в такое же ошибочное мнение, как это видно из сообщенного мне Редлихом одного выражения в письме Софии Реймарус.

жение «Разбросанных листков» отличалось, по его мнению, самым изящным вкусом¹.

Но и к содержанию всех этих сочинений Гаман относился совершенно иначе, чем Лафатер и Клаудиус. Хотя он принадлежал к числу людей, веровавших в христианские догматы, он был в то же время глубокомысленным и свободно мыслившим философом. С его страстным влечением к мистицизму совмещалось уважение к человеческому разуму, если только этот разум проникал в сущность вещей, искал истины и опирался на фактические данные. Этим объясняется его сочувствие к Канту и к Лессингу. Несмотря на свое разномыслие с этим последним, он находил для себя духовную пищу в «Натане», а после чтения оставшихся после смерти Лессинга теологических сочинений хвалил гениальность этого писателя, «мыслившего по-своему и старавшегося пролагать новые пути»². Он не только не упрекал Гердера за его сочувствие к идеям Лессинга, но даже высказал ему свое горячее одобрение в следующих словах: «Если кто-нибудь в состоянии заменить Лессинга, то именно Вы!»³. При этом он, без сомнения, имел в виду полемику Гердера с Николаи по поводу вопроса о тамплиерах; он с горячим энтузиазмом хвалил сочинение «О песни песней» и в особенности сочинение об Апокалипсисе, которое он находил вполне согласным с его собственными воззрениями. Это последнее сочинение он читал три раза и всякий раз все более убеждался в неосновательности своих первых неодобрительных отзывов о том, как Гердер объяснял содержание этой пророческой книги. Он не осуждал Гердера и за те натуралистические воззрения, которые были высказаны в «Идеях» под влиянием Гёте; даже сочинение Гердера о Спинозе было ему не по вкусу только потому, что отвлеченные идеи Спинозы были неудобоваримой пищей для его старой головы⁴.

Иными словами, несмотря на то что влечение Гердера к рационализму и натурализму расходилось с его собственными влечениями, он читал все сочинения Гердера с невольным сочувствием, с пристрастием наставника, друга, отца. Он читал эти сочинения точно такими же глазами, какими читал письма ученика Гердера, постоянно старавшегося принаравливать к идеям своего наставника и постоянно уверявшего, что по поводу каж-

¹ Соч. Гамана. VI, 103, 126, 167, 229, 265, 268; VII, 262; *Гильдемейстер*. V, 136.

² Соч. Гамана. VI, 79; VII, 239.

³ Там же. VI, 251.

⁴ Там же. VI, 60, 102 и сл., 108, 111 и сл., 126; VII, 360.

дого из своих сочинений задавался вопросом: а что скажет Гаман? Вот почему он видел в новом Гердере прежнего ученика, усматривал в его сочинениях только такие неизменные убеждения, какие сходились с его собственными, а на остальные не обращал внимания. Касательно «Отрывочных заметок» он говорил, что благодаря стараниям и даровитости Гердера некоторые из разбросанных им семян превратились в цветки; а после чтения третьего сборника «Разбросанных листков» он нашел, что Гердер усыновил некоторых из его детей, которые были всеми отвергнуты. В том, что говорилось во второй части этого сочинения о языке, традиции и опыте, он находил свои любимые идеи и драгоценные плоды своей дружбы с Гердером¹. Он с жадностью бросался на каждое из новых сочинений Гердера, оставлял без внимания то, чего не мог переварить, и перечитывал *con amore* во второй и в третий раз то, что ему нравилось. Но его способность воспринимать новые впечатления истощилась с прочтением статьи «Бог»². Впрочем, еще в 1785 г., когда он получил известие о скором выходе в свет второй части «Идей», он обратился к Гердеру со следующим признанием: «Считайте меня только за самого усердного из Ваших читателей, который, подобно другу жениха, только радуется, слушая его приятные речи. Это чувство радости усиливается вместе с появлением каждого из Ваших новых сочинений. При таком спокойном наслаждении чтением я не способен произносить какие-либо приговоры»³.

Тогда Гаман перестал подчинять своему влиянию Гердера и превратился в первого читателя его произведений; наоборот, Гердер стал подчинять своему влиянию Гамана, в глазах которого приобрел значение авторитета и которого стал возбуждать к возобновлению литературной деятельности. Только потому что Гаман ошибочно приписал Гердеру статью Гефели, напечатанную в «Меркурии», он задумал написать на нее комментарий под заглавием «Подбирание смоковых листьев», а Гердеру так хотелось увидеть в печати какое-нибудь новое произведение «чародея», что он всячески старался поддерживать своего друга в его намерении. «Если Вы не хотите писать ничего другого, то по крайней мере не прекращайте описание Вашей жизни», — писал он Гаману. Эта просьба не была оставлена без удовлетворения: хотя «Подбирание смоковых листьев», над которым долго тру-

¹ Гильдмейстер. V, 618; Соч. Гамана. VII, 151.

² Соч. Якоби. III, 506.

³ Соч. Гамана. VII, 272; сравн.: Там же, 152.

дился Гаман, и не было напечатано¹, но Гердер получил другое произведение Гамана; это было оконченное в 1779 г. сочинение о мистериях язычников, которое не кто другой, как Гердер, должен был отдать в печать, потому что оно было написано в угоду ему. «Ваши лавры, — писал ему Гаман, — и шелест листьев в Вашей роще и меня пробудили из усыпления». Так как Гердер нашел в этом сочинении, несмотря на его странное заглавие, «млеко и мед, приятную приправу и целительный бальзам», то он поспешил исполнить возложенное на него поручение и по этому случаю просил Гамана собрать все его журнальные статьи и другие мелкие сочинения². Вслед за тем, под непосредственным влиянием поощрений со стороны Гердера, Гаман написал в 1780 г. остроумное сочинение, направленное против орфографических нововведений Клопштока, под заглавием: «Две лепты в пользу новейшей немецкой литературы» и снова возложил на Гердера надзор за печатанием³. И после того Гердер не переставал поощрять своего друга, который сам признавался, что его сочинения причиняют ему такую же тревогу, с какой курица готовится класть свои яйца. Лишь только Гаман уведомил его, что трудится над переводом диалогов Юма о натуральной религии, он возвестил в «Меркурии» о предстоящем выходе в свет этого перевода и не хотел ничего слышать, когда Гаман отказался от начатой работы и вместо нее задумал издание «Письма касательно натуральной религии». Хотя Гердер и не был в состоянии руководить идеями, бродившими в уме его причудливого друга, но его влияние на Гамана все-таки было ясно заметно. Например, когда вышла в свет кантовская «Критика чистого разума», прежние литературные проекты Гамана превратились в намерение «одним разом отвечать и английскому Юму, и прусскому»⁴. Он набросал

¹ Соч. Гамана. V, 205, 206, 216, 220, 242, 251, 285; VI, 108, 144, 150.

² Касательно истории этого маленького сочинения Гамана (Konxomrax. Fragmente einer apokryphischen Sibylle) см.: Соч. Гамана. V, 293; VI, 72; Bremer Sonntagsblatt. 1859. № 42 (Гаман к Гердеру 24 марта 1779 г.); Соч. Гамана. VI, 75, 77, 78; Sonntagsblatt (Гердер к Гаману 6 мая 1779 г.); Соч. Гамана. VI, 80, 82, 84, 85.

³ Касательно истории этого сочинения см.: Соч. Гамана. VI, 70, 79, 80, 118; Bremer Sonntagsblatt (Гаман к Гердеру в начале февр. 1780 г.); Соч. Гамана. VI, 122, 129, 132, 138. Вот отзыв Гердера о «Двух лептах» в письме к Кнебелю «Об этом предмете еще ничего не было написано более меткого и основательного» (Knebels. Litter. Nachl. II, 249).

⁴ О переводе сочинений Юма в первый раз упомянуто в письме Гамана к Гарткноху 29 июля 1780 г. (Соч. Гамана. VI, 154); потом в письмах к Гердеру между 13 и 28 авг. (Соч. Гамана. VI, 156). В ненапечатанном месте из этого

рецензию кантовского сочинения, но спрятал ее в своем письменном столе. Он не отказывался от намерения переводить Юма, но хотел выждать появления кантовских «Prolegomena». Между тем как он перебрался от одного проекта к другому, Гердер неумолимо преследовал его своими просьбами и по меньшей мере требовал его отзыва о Канте. Под влиянием этих настойчивых увещаний Гаман наконец написал две статьи: «Метакритику о пуризме чистого разума», которую переслал Гердеру в рукописи¹, и направленную против Мендельсона статью «Golgatha und Scheblimini»². И его последняя литературная работа — неоконченное «Летучее письмо», — которой он намеревался завершить свою литературную карьеру, отсылалась отдельными листами на просмотр к Якоби и к жившему в Веймаре другу; она не была доведена до конца только потому, что поощрения со стороны Гердера не были в состоянии одержать верх над умственным истощением Гамана³.

Письма Гамана имели в глазах Гердера еще более высокую цену, чем литературные произведения. Он жаждал этих писем всякий раз, как ему приходилось переживать какие-нибудь неприятности. «Ваши письма, — писал он Гаману, — укрепляют мои душевные силы и служат для меня утешением»⁴. В то время как Гердер читал одно из этих писем, Георг Мюллер видел на его глазах слезы; по словам Каролины, день получения гамановского письма был для Гердера праздничным днем; он не был в состоянии сидеть в комнате, искал вольного воздуха и был растроган до глубины души. «Мне дорог каждый листик, исписанный рукой Гамана», — писал он много времени спустя после смерти Гамана своему юному швейцарскому другу, которому на время отдал гамановские письма, прося беречь их, «как святыню»⁵. По всему видно, что любовь к Гаману была чем-то похожим на себялюбие; она не делала никакого различия между хорошими свойствами любимого человека и его слабостями; она снисходительно относилась к его слабостям, а его идеям придавала высокое гуманное

письма выражено желание о публикации, которая и появилась в «Меркурии» (1780, октябрь. С. 90); сравн.: Соч. Гамана. VI, 158; Там же, 162, 167, 173 (там снова сокращены выражения Гердера), 176, 188, 190, 202, 204, 213, 216 и сл., 233, 237, 277.

¹ Сравн. выше, с. 273; *Erdmann B. Reflexionen Kants*. I, 1, 12 и сл.

² См. цитированные отрывки: Соч. Гамана. VIII, 331.

³ Там же. VIII, 355.

⁴ 4 ноября 1782 г. (Соч. Гамана. IV, 292).

⁵ Воспоминания. I, 71; *Гелецер*. XIV, 257.

значение. Когда Гаман жаловался на свое тяжелое служебное положение, Гердер старался успокоить его, указывая на еще более тяжелую барщинную работу, которую он сам с трудом выносил. Он советовал своему другу подражать его собственной «глуховатости», которая «более уместна при фальшиво настроенной системе управления, чем тонкий музыкальный слух»; он хвалил стоическое ἀνεχεῖν καὶ ἀλέχεῖν, но еще чаще ссылался на слова молитвы *fiat voluntas tua* как на настоящее руководство для мудреца или как на веру, без которой мораль не что иное, как шарлатанство, и которая похожа на лекарственный настой, разлагающий все камни преткновения¹. Несмотря на свое собственное стесненное положение, Гердер иногда отсылал своему обремененному долгами другу небольшие сбережения, а этот друг принимал такие подарки «и без изъявлений благодарности, и без ропота»². В своей нужной заботливости о старике, о котором были получены тревожные известия, Гердер писал Якоби: «Прошу тебя, береги его в твоих письмах и не тревожь даже никакими новыми идеями: ведь всякая безделица волнует его и возбуждает брожение в его старческом, нездоровом уме»³. Не менее трогательны и следующие слова, с которыми Гаман обратился к Якоби, обиженному содержанием гердеровских диалогов о Спинозе: «Чтобы ценить Гердера так, как он того стоит, нужно близко знать его», — или следующие слова: «Оставайся по-прежнему другом Гердера и напиши ему об этом — ведь он не мог бы быть моим другом, если бы не был и твоим»⁴.

Еще более удачно, чем в споре Гердера с Якоби, Гаман играл роль посредника между Гердером и Гарткнохом. К сожалению Гердера, ему пришлось нуждаться в этом посредничестве. Вторая из тех двух юношеских дружеских связей, которые имели такое важное значение в жизни Гердера, грозила разрывом. Эта связь не была основана на сходстве убеждений; она возникла не из обмена идей и чувств, а из личной привязанности, основанной, с одной стороны, на глубоком уважении, а с другой стороны, на чувстве глубокой признательности. К личным связям примешались деловые отношения между автором и издателем; приходилось сводить счета, и дело дошло до таких недоразумений, которые не только поколебали прежнее взаимное доверие,

¹ Соч. Гамана. VI, 188, 193.

² Там же. VI, 59.

³ А, II, 283.

⁴ Сравн. выше, с. 321, прим. 1.

но даже могли на время приостановить литературные занятия Гердера.

Когда Гердер взялся в Веймаре за новые литературные предприятия, он, натурально, пожелал свести свои счета с рижским другом. Гарткнох поступил великодушно и, быть может, даже благоразумно, объявив, что все данные им Гердеру займы деньги считает уплаченными и что с изданием новых сочинений Гердера начнется новый счет. Он повторил эти слова, когда посетил Гердера в Веймаре по случаю пасхальной ярмарки 1778 г.¹ Это свидание не было вполне радостным. Гарткнох уже в течение целого года страдал опасной болезнью и имел вид совершенно разбитого человека; к тому же между двумя старыми друзьями не было ничего общего². Только на Пасхе 1780 г. больной Гарткнох был в состоянии снова приехать на ярмарку; на этот раз его свидание с Гердером было более приятно для них обоих, вследствие того что он привез в Веймар свою вторую жену, которая была очень «привлекательна, умна и любезна»³. Но деловые вопросы и вызванная ими переписка снова поколебали взаимное доверие. Гарткнох считал себя вправе предъявлять дружеские притязания на все, что выходило из-под пера Гердера, а Гердер тяготился долгом признательности и денежной нуждой, о которой ему постоянно напоминала Каролина. После того как Гердер поручил свой сборник народных песен другому издателю, Гарткнох нашел для себя удовлетворение в том, что ему было поручено издание «*Maran atha*». Но он никак не мог согласиться на предложенные ему Каролиной условия относительно издания задуманного Гердером сочинения об Андресе⁴. Это сочинение не было

¹ Сравн. выше, с. 80 и в рукописи «Воспоминаний» приложение: «Отношения к Гарткноху». Гарткнох отвечал 15 окт. 1777 г. на сентябрьское письмо Гердера: «На них (т. е. на расходы Гарткноха во время путешествия Гердера) нет никаких указаний ни в моих книгах, ни в моих отдельных заметках, и ты можешь быть уверен, что после моей смерти к тебе не будут обращаться с требованиями по неуплаченным счетам. Принимая в соображение цену той мебели, которую ты мне здесь оставил, и то, что ты писал мне после твоего возвращения и за что не получил ни одной копейки гонорара (?), я полагаю, что, даже с точки зрения торговца, я могу считать себя вполне удовлетворенным».

² Гердер к Гарткноху 4 окт. 1778 г. (С, II, 84) и Гарткнох к Гердеру 27 окт.

³ Несмотря на то что говорится в латинском письме Гердера (С, II, 88), Гарткнох привозил с собой жену: это видно из опущенного в печати майского письма к Гаману (Соч. Гамана. VI, 132); сообразно с этим указанием следует исправить то, что говорится у Дюнцера (С, II, 14).

⁴ Сравн. выше, с. 119, прим. 3.

написано, а были написаны «Теологические письма» и сочинение «О духе еврейской поэзии», но и в том, и в другом случае Гердер обратился к другим издателям. Только в тех случаях, когда требовалось новое издание его прежних сочинений, Гердер считал своим долгом обращаться к Гарткноху; однако во время переговоров о новом издании Гердер позволил себе высказывать неосновательные упреки таким заносчивым тоном, что честный Гарткнох вышел из терпения. Он отвечал, что никогда не был придирчив в своих письмах, а «Вы — когда на Вас находит дурное расположение духа — все видите вкривь и вкось и взводите на меня совершенно неосновательные обвинения». Однако он откровенно заявил, что ради старой дружбы и ради самого дела будет считать за честь всякое новое поручение со стороны Гердера и что всякое присланное ему новое сочинение будет считать за доказательство того, что Гердер еще не забыл его¹.

Так как и после этого свидания Гарткнох ничего не получал от Гердера, то решился обратиться со своими жалобами к Гаману; он нашел в Гамане усердного и разумного заступника, через посредство которого обратился с самыми дружескими предложениями к Гердеру, полагая, что единственной причиной измены этого старого друга была нужда в деньгах²; наконец, на Пасхе 1782 г. он еще раз посетил Гердера и, сговорившись с ним насчет нового издания его старых историко-философских сочинений, сам вызвался заранее уплатить ему часть условленной суммы³. Но между практическим складом ума книгопродавца и заносчивым высокомерием писателя было так мало общего, что восстановление прежнего взаимного доверия казалось невозможным. Каролина писала в то время Гаману: «Гарткнох раздражает моего мужа своим присутствием и своими бесконечными упреками; его скряжничество очень не нравится моему мужу»⁴. Дальнейшие недоразумения и письменные пререкания касательно условленного нового издания «Идей» окончательно вывели Гердера из терпения. Вопрос о размере гонорара вызвал горячие споры: Гердер сознавал, что поручает Гарткноху издание лучшего из своих сочинений; поэтому он принимал все расчетливые соображения

¹ Эти подробности заимствованы из письма от 25 апр. (6 мая) 1781 г. (С, II, 90 — с пропусками).

² Гаман к Гердеру в конце апреля 1782 г. (Соч. Гамана. VI, 241 и сл.; сравн. 265 и 277).

³ См. переписку Гарткноха с Гердером (С, II, 91, № 77 и сл.).

⁴ Каролина к Гаману — приписка к письму Гердера, написанному в марте 1783 г. (Bremer Sonntagsblatt. 1859. № 42).

своего друга за скряжнические придирки, позволял себе самые резкие и неосновательные нападки на этого друга, совершенно забывая, что когда-то пользовался его бескорыстными услугами. Гарткнох, со своей стороны, упорно придерживался своей узкой, торговой точки зрения и не захотел захватить к Гердеру из Лейпцига, куда приезжал на Пасху 1784 г. По этому поводу Гердер писал Г. Мюллеру: «Гарткнох не только не побывал у меня, но, по-видимому, совершенно изменился; он глубоко огорчил меня»¹.

Тогда настало время для вмешательства их общего друга Гамана. Гарткноху когда-то удалось восстановить согласие между Гердером и Гаманом, нарушенное гораздо более серьезным разномыслием; а теперь Гаман оказал точно такую же услугу двум рассорившимся друзьям. Он хорошо знал их обоих, и ему были известны все подробности возникших пререканий. Он мог лучше всякого друга исполнить роль примирителя не столько потому что относился к предмету спора беспристрастно, сколько потому что относился с одинаковым пристрастием и к Гердеру, и к Гарткноху. Книгопродавца он упрашивал относиться к писателю с великодушной уступчивостью, для того чтобы не отбить у него охоты от продолжения столь прекрасного сочинения. Писателя он уговаривал не отталкивать от себя слабого здоровьем старого друга и понизить высокомерный тон своих требований². Он, действительно, достиг примирения. Гарткнох согласился на требования Гердера из желания не «прерывать старую дружескую связь» и, откровенно объяснив причины своих прежних возражений, изъявил готовность снабдить Гердера денежными средствами в таком размере, на который его не обязывали условия договора³. Ему, конечно, нетрудно было это сделать ввиду успешной распродажи «Идей»; но гердеровское «*Soyons amis, Cinna!*» звучало холодно в сравнении с дружеской предупредительностью честного книгопродавца, и несмотря на то что этот книготорго-

¹ 12 дек. 1784; остальные подробности заимствованы из переписки Гердера с Гарткнохом, в которой, к сожалению, недостает писем того и другого, написанных в промежутки времени от 5 июня 1783 г. до 10 мая 1784 г., и писем Гердера, написанных до 4 апреля 1785 г.

² См. письма Гамана к Гарткноху от 18 июня, 24 июля, 10 авг. и 29 нояб., к Гердеру от 6 авг. и 13 сент. 1784, к Каролине от 7 февр. 1785 г. (Соч. Гамана. VII, 139 и сл.).

³ См. письмо Гарткноха к Гердеру от 14 (25) дек. 1784 г. и их дальнейшую переписку, которая, однако, здесь (и в С, II) напечатана не вполне. № 95 есть ответ на письмо Гердера от 2 мая 1788 г., помещенное в сочинении Сиверса «*Herder in Riga*» (с. 58).

вещ предлагал взять на себя издание «Разбросанных листков», Гердер передал это сочинение другому издателю. Гарткнох получил такой же отказ относительно статьи «Бог», а, выражая свою искреннюю радость по случаю отъезда Гердера в Италию, он не мог воздержаться от выражения своих сожалений, что это путешествие задержит издание четвертой части «Идей». Наконец, после того как он снова посетил Гердера в сопровождении своего сына на Пасхе 1787 г. и прожил несколько времени под одной с ним кровлей, все прежние неприятности были позабыты. «Мы по-прежнему стали старыми добрыми друзьями, — этими словами начиналось письмо Гердера, написанное Гарткноху после этого последнего с ним свидания.

Это свидание, действительно, было последним. На своем обратном пути из Италии Гердер получил извещение, что Гарткнох внезапно скончался от своей старой болезни, в то время как собирался к отъезду на пасхальную ярмарку. Этому итальянскому путешествию как будто было суждено послужить началом для нового периода в жизни Гердера. Ведь Гердер лишился одного из своих старых друзей в конце этого путешествия, а другого — в начале; но, к сожалению, он не мог еще раз обнять того из них, который был ему более дорог и к которому питал более нежную любовь!

В апреле 1786 г. Гаман снова стал просить отпуска, но получил его на такое короткое время и на таких неудобных условиях, что не мог воспользоваться им. Наконец, в следующем году этот бедный таможенный чиновник был уволен от должности «после 20-летней барщинной и рабской службы»; тогда уже ничто не могло помешать ему посетить его друзей, живших в Германии. Через несколько дней после того, как Гарткнох лично передал ему поклон от Гердера, он выехал из Кёнигсберга. Чувство свободы и радостная надежда скоро увидеться со столькими искренне ему преданными людьми поддерживали в нем душевную бодрость несмотря на его тяжелые физические недуги. Долг признательности требовал, чтобы он прежде всего посетил тех живших на берегах Рейна друзей, которые дали ему возможность предпринять это путешествие. Он прибыл 16 июля в Мюнстер и провел несколько месяцев частью у Якоби в Пемпельфорте, частью в имении Бухгольца в Вельбергене, частью у кн. Голицыной и у ее друзей в Мюнстере, то не вставая с постели от мучительных страданий, то снова поправляясь в здоровье, благодаря тому что пользовался самым тщательным уходом. Уже ранее того он был так занят своей перепиской с Якоби, что редко писал Гердеру; те-

перь он стал писать ему еще реже по недостатку физических сил; но от этого нисколько не охладела его старая привязанность к Гердеру, и он помышлял о поездке в Веймар как о такой конечной цели, которая должна была завершить его благочестивые странствования; он воображал, что пребывание в Веймаре будет «тайной вечерью» его жизни. Гердер с нетерпением ожидал его приезда. Он писал 28 октября 1787 г. старому другу в Пемпельфорт: «Не бойтесь ничего; Вам будет здесь так же хорошо, как было в Риге, когда Вы жили у меня позади русской церкви. И здесь я живу позади церкви; мой дом стоит уединенно, точно монастырь; в нем мы сойдемся подобно двум монахам, возвратившимся из продолжительного благочестивого странствования... Я надеюсь, что снова найду такие минуты наслаждения, которые напомнят мне мою молодость». Каролина создавала своим воображением сцены иного рода; она писала Шарлотте Якоби, что Гаман познакомится с Гёте, который должен был возвратиться к Пасхе из Италии, — ведь «Гаман такой человек, для знакомства с которым стоит труда нарочно приезжать и с севера, и с юга»¹. Гаман уже не вставал с постели, когда получил последнее письмо Гердера от 17 декабря 1787 г. с извещением о рождении сына Альфреда². Эти оба письма остались без ответа; но еще 2 июня 1788 г. больной Гаман упоминал в письме к Краусу о своем нетерпеливом желании повидаться с «деканом своих друзей». Он кончил жизнь 21 июня ровно через год после того, как выехал из Кёнигсберга. «Он умирал, а я не видел его! — писал Гердер Шприкману, известившему его о смерти друга. — Я лучше всякого другого знаю ему цену и буду чтить его прах как прах пророка». А г-же Диде он писал: «Это известие так смутило меня, что я до сих пор не могу прийти в себя. Разорвалась еще одна крепкая нить, привязывавшая меня к жизни! Я остаюсь все более и более одиноким»³.

Приготовления к поездке в Италию сначала отвлекли его ум от печальных размышлений, на которые его вызывала эта утрата. Но через семь месяцев после того — в то время как он жил в Неаполе — он вспомнил о смерти Гамана и с грустью говорил о происшедшей в нем самой перемене⁴. Нам предстоит теперь описать

¹ Ненапечатанную приписку к письму Гердера от 28 окт., также не вполне напечатанному, см.: Соч. Гамана. VII, 383 и сл.

² Bremer Sonntagsblatt. 1859. № 43.

³ *Гильдемейстер*. VI, 148; к г-же Диде 4 поля 1788 г.

⁴ К Каролине 10 февр. 1789 г. (В, 248).

причины такой перемены и странные подробности путешествия Гердера¹.

Приготовления Гердера были окончены к 7 августа. Но ему еще предстояло побывать в Готе, для того чтобы проститься с герцогом; кроме того, он провел несколько часов в доме Франкенберга, от которого получил в подарок глазговское издание «Илиады». Только с той минуты как он переехал через горы Тюрингии, все его мысли были направлены к цели его путешествия. Согласно с программой, установленной Кнебелем², он направился в Аугсбург через Бамберг, Нюрнберг и Анспбах. Вполне наслаждаясь непривычной свободой, после того как «был так долго прикован к своему месту, подобно преступнику», он стал увлекаться новыми впечатлениями с необыкновенной восприимчивостью. Он неутомимо осматривал достопримечательности Бамберга и Нюрнберга, посещал библиотеки и церкви, концертные залы и выставки художественных произведений. Как жадно он собирал самые разнообразные сведения касательно литературы, наук и положения церкви! Как он радовался при виде старинных картин Дюрера и тех художественных произведений, которые знакомили его с историей немецкого искусства! Он не тяготился ни посещениями тех, кто искал знакомства со знаменитым писателем, ни приглашениями на вечера, которые устраивались в честь его. Он не пренебрегал ни одним из старых знакомств и охотно заводил новые. Он наслаждался своей литературной известностью с приличной скромностью: несмотря на то что он был одним из высших сановников протестантской церкви, его можно было видеть в приемной владетельного князя-епископа; он также посещал общество просвещенных бамбергских католиков и удивлялся «путанице идей, которую находил в католических умах». Он был до такой степени неутомим, что в промежутках между визитами или в ночное время успевал исправлять для нового издания оба написанных им на премию сочинения — о языке и об извращении вкуса; из Аугсбурга он выслал издателю окончание этих сочинений, а из Иншпрука предисловия³. В пись-

¹ Главным источником сведений для этой главы служит изданная Дюнцером переписка Гердера с Каролиной с авг. 1788 г. по июль 1789 г. Дополнительными источниками служили лишь немногочисленные находящиеся налицо документы. Итальянское путешествие Гердера описал в 1882 г. F. Zehender для высшего женского учебного заведения и для семинарии учительниц в Цюрихе.

² К Кнебелю 21 авг. 1788 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 243).

³ I. G. Herders Zwei Preisschriften, welche die von der Königl. Akademie der Wissenschaften für die Jahre 1770 и 1773 gesetzten Preise erhalten haben. Zweite berichtigte Ausgabe. Berlin, 1789 (у Фосса).

мах к жене он подробно описывал все, что видел и что делал. В особенности в Нюрнберге он собрал обильную жатву; там он получил от ученого Мурра маленькое издание «Одиссеи»; отсюда он послал Гёте маленький сборник поговорок мейстерзингеров, который был плодом его посещения местных библиотек. «Насколько он гуманнее меня, насколько его манера путешествовать гуманнее моей!» — эти слова Гёте писал под впечатлением гердеровских писем, с содержанием которых его спешила знакомить Каролина¹; он имел полное основание хвалить Гердера за правильность и ясность его взгляда на все, что было для него ново, и советовал ему постоянно сохранять во время путешествия такую же душевную бодрость и тонкую восприимчивость. Гердер сначала, по-видимому, верно следовал этому совету. После того как он провел полтора дня в семействе Кнебеля в Аншпахе, он писал, что нашел в Уце второго Глейма — поэта «старого закала»². В сопровождении младшего брата Кнебеля он прибыл 22 августа в Аугсбург, а первое написанное им отсюда письмо дышит таким довольством, какое ему едва ли когда-либо случалось высказывать: «Я не в состоянии выразить, как все идет хорошо, как хорошо все меня принимают и как все мне удается лучше, чем я мог ожидать».

Но сцена скоро изменяется. Дальбер писал Гердеру в Аугсбург, что к дню его рождения готовит неожиданный приятный подарок. Но этот подарок оказался самым неприятным. Г-жа Секендорф сумела так привязать к себе Дальберга, что он не был в состоянии расстаться с ней и решил взять ее с собой в Италию. Она совершенно изменила первоначальный план путешествия по своей прихоти и сообразно с требованиями своего тщеславия. Вслед за ее прибытием в Аугсбург вместе с Дальбергом Гердер писал: «Мы все трое веселы, как дети». Но это приятное настроение духа очень скоро изменилось, и Гердер стал чувствовать себя лишним человеком. Он надеялся, что стряхнет с себя узы зависимости и хоть на время будет дышать вольным воздухом, но присутствие дамы налагало на него самые обременительные стеснения. Ввиду ее неспособности интересоваться тем, что интересовало Гердера, не было возможности вести никаких серьезных разговоров. На нее тратилось много денег, а потом, чтобы свести

¹ К г-же Штейн 24 авг. 1788 г. (*Schöll*. III, 307).

² Сравн. кроме того: В, 34 и сл.; письмо к Кнебелю 21 авг. 1788 г. (*Knebels. Litt. Nachl.* II, 243 и сл.); к Глейму (С, I, 183); Уц к Гердеру 2 июня 1795 г. после получения от Гердера двух первых частей «Герпсихоры».

концы с концами, приходилось урезывать самые необходимые расходы. Ее светская любезность поддерживала в путешественниках веселое настроение духа в ясную погоду, когда можно было наслаждаться красотами природы; но в дождливую погоду Гердеру все напоминало о неловкости его положения. Г-жа Секендорф имела более довольный вид с тех пор, как Гердер стал уплачивать некоторые расходы из своего собственного кошелька; но он находил, что путешествие стоило бы ему едва ли не дешевле, если бы он ехал один; к тому же ведь он предполагал, что все расходы будут делаться на счет Дальберга! Но едва ли не всего хуже было то, что путешественники слишком торопливо стремились к своей цели; только в Вероне и в Анконе они пробыли достаточно времени для осмотра достопримечательностей. Через Лоретто, Мацерату, Фолиньо, Сполето, Терни они с небольшими остановками достигли 10 сентября Рима.

Только тогда начались для Гердера самые тяжелые испытания. Дорогой он утешал себя надеждой, что лишь временно вынужден стеснять свою личную свободу и выносить разные мелкие неудобства. Быстро сменявшиеся картины природы и разные мелочные дорожные впечатления поддерживали в нем душевную бодрость. Тогда он охотно выносил разные неудобства, придумывал оправдания для доброго, но слишком слабохарактерного Дальберга и старался во всем видеть только хорошую сторону. В своих письмах к жене и к детям он рассказывал, с каким восторгом любовался тирольскими горами, итальянским небом и Адриатическим морем, напоминавшим ему разные морские сцены, виденные им в молодости. От нежных выражений своей привязанности к тем, кто был так дорог его сердцу, он переходил к описанию тех впечатлений, которые испытывал, глядя на освещенное луной море, проезжая через вершины Аппенин, любуясь какой-нибудь картиной Рафаэля или каким-нибудь старинным сооружением, преклоняя вместе с Дальбергом свои колена перед алтарем Лоретской Богоматери или стоя подле колонн разрушенного храма Дианы. Он ошибался, воображая, что в Риме стряхнет с себя все обременительные стеснения, которые примешивались к тем возвышающим душу и трогательным впечатлениям; напротив того, только поселившись в Риме, он ясно понял, до какой степени его положение было невыносимо. Какая была для него польза в том, что вследствие заявленных г-жей Секендорф притязаний он поспешил устроиться отдельно от Дальберга и от его подруги? Ведь из этой перемены возникли для него новые неудобства: он очутился в очень неловком положении, так

как сам не знал, будет ли продолжать свое путешествие вместе с Дальбергом, а между тем не был в состоянии окончательно расстаться со своим приятелем; да и его расходы настолько увеличились, что он мог бы на те же средства путешествовать вполне самостоятельно. Сверх того, немедленно вслед за его приездом в Рим серьезно заболел его слуга, без которого ему трудно было обойтись при его неумении приноравливаться к практическим условиям ежедневной жизни. Римские достопримечательности не могли служить достаточным вознаграждением за все эти неудобства. В первые дни своего пребывания в Риме он коротко и сухо описывал все, что видел, но горько жаловался на свое положение и говорил, что точно будто «сидит на голой земле промеж двух стульев». Он находил некоторое удовлетворение в осмотре древностей, когда его сопровождали Гирт, Бюри или Реберг; но когда он предпринимал такой осмотр в обществе Дальберга, ему все портило присутствие красивой подруги Дальберга, «которая не имела ни о чем никакого понятия» и которую ничто не интересовало. Она была так капризна и причудлива, что нередко приходилось откладывать осмотр древностей на несколько дней и наконец пришлось совершенно прекратить его. В начале октября приехала в Рим герцогиня Амалия, выехавшая из Веймара лишь через несколько дней после Гердера; но он был в таком дурном расположении духа, что и присутствие герцогини не доставило ему большого удовольствия; он находил, что «не его место среди женщин»; он проклинал свое путешествие; он жаловался на то, что его обманом завлекли в Рим и что он не нашел там тех наслаждений, на которые рассчитывал.

Он, действительно, был обманут, но он сам был виноват в том, что не умел выйти из своего фальшивого положения или окончательно прервать сношения с тем, кто ввел его в заблуждение. Гёте находил, что Гердер слишком мягкосердечен и уступчив и что в этом заключается главная причина его душевных страданий. Но мы не вполне разделяем это мнение. Читая письма, которые Гердер писал из Рима, мы находим, что ему доставало мужества и гордости. Он глубоко сознавал свое унижительное положение, живя на чужой счет, обедая у своего благодетеля рядом с недостойной женщиной и считая своим долгом вежливо обходиться с прислугой; он сам писал, что в Риме ему «все отвратительно», что он сам стыдится самого себя и мог бы скрежетать зубами от душевной боли; несмотря на это он не был в состоянии одним разом высвободиться из-под этого гнета и из-под этого позора. Вместо того он изливал свою досаду на Гёте, благоразум-

ными советами которого не умел пользоваться. Однако в конце концов оказалось, что эти советы были вполне основательны. В половине октября произошла первая размолвка между Гердером и Дальбергом, а в конце того же месяца — вторая; после этого Гердер стал жить более самостоятельной жизнью и переехал в половине ноября на новую квартиру. Тогда он стал чаще проводить время в обществе вдовствующей герцогини; у сопровождавших герцогиню Эйнзиделя и г-жи Гёхгаузен он стал бывать, как у своих близких родных. Благодаря этим связям и отчасти благодаря рекомендательным письмам от г-жи Диде, ему удалось проникнуть в сферы высшего римского общества. Он был представлен некоторым из кардиналов и посланников, был принят у государственного секретаря кардинала Буонкомпаньи и у сенатора Реццонико и получал от этих знатных особ приглашения на обеды и вечера. Когда Гёте жил в Риме, он тщательно избегал подобных знакомств, потому что не желал отвлекаться от своей главной цели; напротив того, Гердеру очень нравилось, что в его лице чтили одного из высших сановников протестантской церкви. Ему была вовсе не по вкусу жизнь художника, которую вел в Риме Гёте. Он никак не мог обходиться без старика Рейффенштейна и в особенности без Гирта; он хвалил Зоэгу за основательность его ученых познаний, Морица — за его ум, Бюри — за его добродушие, но никем не был вполне доволен, а с молодыми живописцами, в среде которых проводил свое время Гёте, он не мог уживаться (за исключением только одного Реберга); он находил, что хотя эти люди и принадлежат к числу «благонамеренных», но «вовсе не принадлежат к его сфере».

Так как в первое время его пребывания в Риме его постоянно раздражали неприятности его положения, а потом его стали отвлекать от его цели светские развлечения, то он не скоро стал извлекать пользу из того, что видел, и не скоро стал излагать свои замечания на бумаге¹. Он сначала ограничивался сухим описанием того, как провел день, и изложением жалоб на свое положение; только 28 октября у него достало душевного спокойствия на изложение для герцогини Луизы испытанных им до того дня впечатлений; почти в то же время он писал прекрасные письма к своим сыновьям²: одному из них он описывал Тиволи с целью

¹ В оставшихся после его смерти бумагах я не нашел никаких письменных заметок этого рода, за исключением нескольких листов, наполненных упражнениями в изучении итальянского языка и заглавиями книг.

² Воспоминания. II, 287 и сл.

расположить его к чтению произведений Горация, другому описывал осмотр находящихся в Ватиканском музее изображений богов при факельном освещении, третьему рассказывал, какие исторические воспоминания возникали в его уме при осмотре дворцов и развалин вечного города, четвертому описывал хранившиеся в Ватикане древние изображения животных и внешний вид тогдашней римской жизни. Когда он старался применяться к детским понятиям, он умел придавать своим рассказам необыкновенную юношескую свежесть и привлекательность! С этими изящными рассказами не могут равняться те письма, в которых он делал обзор всех впечатлений, вынесенных из Рима, — ни его письма к герцогине, ни его письмо от 29 ноября к герцогу, ни написанное им в тот же день письмо к г-же Диде, ни его первое письмо к Кнебелю от 13 декабря¹. В этих письмах он высказывал свое сожаление о том, что посетил Рим без достаточной подготовки и в слишком позднюю пору своей жизни. Он брал у какого-то аббата уроки итальянского языка, но долго не делал таких успехов, каких желал, а неумение рисовать ежеминутно стесняло его, ему казалось, что он похож на него, в уме которого нет недостатка в идеях, но который не способен выражать эти идеи. Самой ценной подготовкой к изучению римских древностей были его исторические и литературные познания. Выражая свое сожаление о том, что не видел Рима прежде чем стал писать третью часть «Идей», он признавался, что иногда два часа прогулки давали ему такое ясное понятие о некоторых исторических событиях, какого он не мог бы извлечь из чтения сотни книг. Но для серьезных ученых исследований потребовалось бы несколько лет. А так как Гердер мог бы употребить на это только несколько недель, то все впечатления перепутывались в его уме и нередко вводили его в заблуждения. «Я точно будто плаваю, — писал он, — по морю; волны взбрасывают меня высоко, но потом неожиданно выбрасывают на утес, на котором мне приходится помышлять только о целостности моей головы». В другой раз он называет себя жалким созданием, лишенным способности далеко видеть. Ему так неловко в чуждой для него сфере, что его мысли постоянно переносятся к его домашнему очагу. При виде портрета г-жи Диде в комнате старика Рейффенштейна ему кажется,

¹ В моих руках находится то письмо к г-же Диде, из которого приведены некоторые извлечения в «Воспоминаниях» (II, 316, прим.), частью перепечатанные в В, 182, прим.; письмо к Кнебелю помещено в его «Litt. Nachl.» (II, 245 и сл.), письмо к герцогине — в веймарском «Buchdruckeralbum» (с. 103 и сл.), письмо к герцогу — в «Herderalbum» (с. 27 и сл.).

что какая-то невидимая сила заставляет его броситься целовать руки этой дамы; в Ватикане, среди изображений богов и героев, императоров и философов, он видит голову своего друга Кнебеля, а глядя на изображения муз и богинь он мечтает то об Электре, то о своей любимой гречанке Ариадне. Он мимоходом замечает, что при осмотре и описывании замечательных древностей он путается в мыслях или впадает в какое-то странное равнодушие; но на самом деле оказывается, что он постоянно задается вопросами «отчего» и «для чего», что он во всем ищет историко-философского смысла и, вместо того чтобы находить для себя удовлетворение в том, что видит, постоянно тревожит себя неразрешимыми проблемами. «В моей бедной голове, — пишет он герцогине Луизе, — до такой степени все перепутывается, что я выйду из Рима, пожалуй, еще более невежественным, чем каким был до моего приезда туда». В сущности, он вынес из своего пребывания в Риме такую же пользу, какую вынес в своей молодости из пребывания в Париже. В то время он писал, что собранные им семена зарыл в землю до будущей весны, а теперь он писал, что «собирается с мыслями, для того чтобы впоследствии извлекать пользу из того, что видел в Риме». Постоянно отвлекаясь от своей цели великосветскими связями и интересуясь без различия всем, что было для него ново, он утешал себе мыслью, что по крайней мере сохранить в своем уме понятие о неразрывной связи между историей Рима и историей всех других народов.

Однако был один пункт, на котором он был в состоянии сосредоточить свое внимание. Из своих занятий пластикой, из своих историко-философских размышлений о производительных силах природы, объясняющих нам конечную цель человечества, и из своих разговоров с Гёте об этих предметах он вынес зрелую идею, которую желал проверить на том, что видел в Риме, — он желал выяснить, в какой мере древние, в пластическом изображении своих богов и героев, придерживались чисто человеческих свойств, придавая этим свойствам самое возвышенное выражение¹; этим вопросом интересовался и Гёте, но он развивал свою мысль несколько иначе: внимание Гёте было обращено преимущественно на художественную форму изображений, а внимание Гердера преимущественно на их нравственный смысл. Гердер намеревался приступить к пересмотру всего, что прежде писал об эстетике; он приказал выслать ему в Рим первую часть

¹ Относительно Гёте сравн. В, 74, 75 и статью о картине Филострата (SW / Изд. Гемпеля. XXVIII, 287); См. также письмо Гёте к Гердеру (А, I, 102).

«Критических лесов», а свое сочинение о пластике он намеревался переделать на основании изучения римских художественных произведений. Однако о первом из этих сочинений мы не находим никаких дальнейших упоминаний в его письмах; а касательно сочинения о пластике он упоминал только о тех первых главах, в которых шла речь о значении человеческой наружности и которые он находил нужным изложить с новой точки зрения. То было не простой случайностью, что из всех образовательных искусств его издавна всего сильнее привлекало к себе приписываемое Пигмалиону умение оживлять изображения людей. Поэтому чем долее он жил в Риме, тем исключительнее интересовался только произведениями скульптуры. Уже во время своего первого пребывания в Риме он говорил, что ему уже не кажутся привлекательными все «чудеса, созданные кистью Рафаэля», а во время его вторичного там пребывания для него служили утешением от разных душевных тревог только статуи. «Глядя на них, — говорил он, — я, подобно влюбленному, не замечаю, как проходит время». Он со страстью влюбленного целовал в Ватикане музу трагедии, особенно нравившуюся ему своим прекрасным лицом, и он радовался тому, что боги и богини, герои, музы и грации сделались ему настолько дороги, что он даже видел их во сне¹. «Среди этих памятников, — писал он герцогу, — мы получаем такое понятие о внешних формах верного и изящного изображения общих идей, какого мы не можем приобрести нигде, кроме Рима». Эти памятники, как он выражался в письме к Каролине, внушали ему самые изящные философские идеи; а в чем заключались эти идеи, видно из того, что он писал Кнебелю: он говорил, что изучая те памятники ежедневно в течение нескольких часов, он видел в них «кодекс гуманности в самых безукоризненных и самых гармонических формах». Стало быть, та философия, с которой его знакомили древние памятники, была не что иное, как философия гуманности, уже изложенная в его «Идеях»; теперь она служила для него ключом для понимания древнего искусства, а в этом практическом применении получила новый смысл. Только в 1795 г., в шестом сборнике писем о гуманизме он подробно изложил эту новую главу своей пластики и доказывал, что точно так же как история со своими изменчивыми событиями, и искусство со своими неизменными произведениями «есть школа гуманности». Но уже во время пребывания Гердера в Риме содержание этой главы было задумано и созрело в

¹ К г-же Диде 29 нояб. 1788 г.

уме ее автора; она служит как бы дополнением к тому, что рассказывал об этом пребывании Гердер в своих письмах.

В своих «Письмах о гуманизме» он говорит, что на древние художественные произведения можно смотреть с различных точек зрения — что антикварий смотрит на них иначе, чем мифолог, что ученый исследователь, любитель искусств, знаток и историк придерживаются различных точек зрения; но ни одна из них не годится для него. В одном из своих писем к г-же Диде он нападал на неосновательные взыскательные суждения Рамдора и вслед за тем говорил, что смотрел на изображения героев и граций «менее взыскательно и более скромно». Из сочувственного созерцания греческих художественных произведений он старался извлекать ясное понятие о свойствах человеческой природы. Всякий раз как он посещал Ватикан, он вовсе не воображал, что находится на Парнасе и слышит голос Аполлона; напротив того, ему казалось, что он находится в обществе непорочных существ, а, смотря на эти существа, он поневоле начинал вглядываться и в самого себя. «Незабвенны и поучительны, — говорит он, — были для меня те часы, когда, глядя на древние художественные произведения, я спокойно изучал — если мне будет позволено так выразиться — механику и статику человеческих душевных сил в человеческом организме». Таким образом, он возвел в нечто похожее на систему те воззрения, которые высказывал в статье о Немезиде. В своей лекции о человеческом бессмертии, помещенной в четвертом сборнике «Разбросанных листков»¹, он только намекал на эти воззрения, а в «Письмах о гуманизме» развивал их подробно. Он говорил, что человек — высшее произведение природы и искусственное произведение, потому что в нем олицетворяются художественные производительные силы природы. Этим объясняется важное значение пластики, которая занимается изображением человека и всех свойственных ему способностей. Она дает нам «наглядную логику и метафизику человеческого рода в самых лучших его представителях; она изображает нам человека в различных возрастах и с самыми разнообразными склонностями и влечениями»; вместе с этим она научает распознавать в этих изображениях, как в зеркале, наше назначение. Именно этим путем шли греки. Их искусство было основано на правиле, что изображения богов и героев должны наглядно представлять «различные категории человечества» и «все, что есть бессмертного в человеческих мыслях, деяниях и

¹ Там же, 166.

характерах». Вслед за этим Гердер объясняет читателю смысл таких наглядных изображений человечества. В изображении Эроса он видит идеал детской жизни, в истории Амура и Психеи он видит ребяческую невинность и любовь. Жизнь юноши изображается наглядно в тех юношеских гениях, в противоположность с которыми созданы женские образы нимф, граций, богинь времен года и священных муз. Ниоба со своими детьми изображает трагедию семейной жизни, а в других группах изображена взаимная привязанность братьев, сестер, друзей, супругов. Каждый из героев изображен со своим собственным идеальным характером; таковы изображения Геркулеса как идеала физической силы, благородного мученика Лаокоона, Кастора и Поллукса и их достойных сестер-амазонок. Но все человечески изящное и возвышенное греки всего лучше изображали в своих богах; они обоготворяли человечество, стараясь изображать его существенные черты в самой ясной полноте. Так, прелесть юности изображена тем, что богу Дионису приписали бессмертие; Аполлон наглядно изображал понятие о герое; Диана изображала целомудрие, стыдливость и всегда бодрое влечение к деятельности. Меркурий, Афродита, Веста, Марс, Деметра и даже сам отец богов изображали изящные формы человеческого тела и те природные человеческие свойства, которые мы замечаем в людях только в смеси с другими свойствами, но которые возводятся здесь в самые отвлеченные понятия. Наконец, памятниками мудрости греков служат художественные изображения сатиров и фаун, центавров, сирен и т. д. Однако не все разряды людей и не все родовые отличительные свойства могут быть идеализированы в изображениях героев и богов. Есть такие разряды людей и такие низшие свойства человеческой природы, которые идеализируются в художественных произведениях тем, что изображаются в чисто-человеческой форме. Древнее искусство стремилось к типической характеристике и к верной классификации даже тогда, когда недостойные человечества черты облекало в форму полуживотных.

В размышлениях этого рода Гердер проводил лучшие часы своего пребывания в Риме. Все остальное или не удавалось ему, или утомляло его, или же было отравлено неблагоприятными условиями его ежедневной жизни. Он ехал в Рим в надежде, что ему удастся сделать в Ватикане какие-нибудь интересные литературные находки; но эта надежда не сбылась, оттого что ему было дозволено пользоваться Ватиканской библиотекой лишь при стеснительных для него условиях. В течение некоторого вре-

мени его привлекало высшее римское общество, но он очень скоро был принужден сознаться, что кардиналы, принцы и принцессы стали наводить на него скуку и что при его недостаточном знании итальянского языка даже в обществе второстепенной знати он находил только музыкальные наслаждения. Дождливая погода, на которую Гердер беспрестанно жаловался, не только мешала ему осматривать древние памятники, но также отнимала у него охоту от всякой умственной работы. Он не порицал намерение герцога заказать его мраморный бюст у скульптора Триппеля только потому, что уважал этого художника; но он высказывал в своем письме полное равнодушие к этому способу приобретать бессмертие. Пышность католического богослужения никак не могла служить вознаграждением за все неприятности и неудобства его римской жизни. При его протестантской точке зрения все это было похоже на «лужи от мертвого моря» — как он сам впоследствии выражался, говоря о праздновании Пасхи. Его нисколько не растрогало и великолепие папского богослужения в день Рождества Христова; напротив того, ему еще сильнее прежнего захотелось скорей вернуться домой, к жене и детям. При таком душевном настроении Рим казался ему «могилой», которую ему хотелось покинуть как можно скорее. Поэтому он решил отправиться вместе с герцогиней в Неаполь, куда Дальберг и г-жа Секендорф внезапно выехали еще 12 декабря. Он радовался этой перемене, но признавался, что ему было бы еще приятнее возвратиться домой. «Мне хотелось бы, — говорил Гердер со вздохом, — положить конец моим странствованиям!»

Однако Неаполь произвел на него такое впечатление, какого следовало ожидать. Ему скоро надоели и римские памятники, и римская жизнь, а произведениями искусства он мог наслаждаться только с точки зрения философа: но в Неаполе он снова стал наслаждаться красотами природы, которая обворожила его своими чарами.

В первый день 1789 г. Гердер выехал из Рима и прибыл в Неаполь 4 января. Он тотчас почувствовал, что «высвободился из-под тяжелого гнета римской жизни, что сделался совершенно другим человеком, что ожил и телом и душой». Через два месяца после того он писал, что еще никогда ему не приходилось переживать такой метаморфозы. Он влюбился в неапольскую атмосферу и в море и воображал, что под влиянием такой природы должны исчезать всякие душевные заботы. Он охотно провел бы там часть своей жизни, если бы король — как он выражался в шутку — назначил его в какую-нибудь епархию епископом и

если бы папа позволил ему удержать при себе жену и детей. Чарующее впечатление, которое производят на него климат, небо, горы, море, напоминает ему некоторые отрывки из поэтических произведений Гомера и Вергилия. Он говорит сам себе, что эти поэты именно там создавали свои описания небес и ада, элизия и тартара, что всё, что есть бессмертного в «Одиссее» и в «Энеиде», заимствовано из той страны, которая лежит перед его глазами и которую он может обозреть из окна своей комнаты. Подобно тому как за двадцать лет перед тем Гердер, при переезде через Немецкое море, мечтал об Оссиане, и теперь при виде берегов и островов южной Италии он живо представляет себе описания из классического эпоса. Впечатления, которые он выносит из созерцания местной природы, получают в его устах самостоятельное поэтическое выражение. Он мечтает о нимфе Партенопе, которая постоянно носится над волнами Неаполитанского залива¹, подобно сирене обольщающей человеческие сердца, а мысли об этой нимфе выражаются в стихотворении, которое было впоследствии напечатано в шиллеровском «Альманахе муз» под заглавием «Партенопа»². Из уст этой богини он узнает, что в любви заключается душа мироздания и получает утешительное уверение, что любовь и невинность сохраняются даже среди мирской суеты в душе того, кто носит их в глубине своего сердца. При виде окружающих его красот природы он чувствует более бодрое настроение духа; ему все представляется в розовом свете, в особенности вследствие контраста с «проклятым Римом», который кажется ему в сравнении с Неаполем, «вертепом разбойников». Гердер уверяет себя, что в Неаполе все гораздо лучше, чем в Риме. «Даже для моей философии истории, — писал он 18 января, — я нашел здесь в одну неделю более поучительных указаний, чем в Риме в течение с лишком трех месяцев». Он познакомился с любезным, ученым и остроумным архиепископом тарентским Капечче-Латро; в восторге от этого знакомства и от своих бесед с архиепископом он восклицал: «Здесь совершенно другие люди, чем в Риме!.. И не только другие люди, здесь даже находишь совершенно другие сочинения!» Даже изучение итальянского языка, как ему кажется, идет там гораздо

¹ К г-же Диде, Неаполь 10 февр. 1789 г. Это письмо Гердер начал писать еще в Риме 31 дек. 1788 г. Выдержки из этого письма, перемешанные с выдержками из письма от 29 ноября того же года, помещены в «Воспоминаниях» (II, 316 и В, 182); другие сведения заимствованы нами из февральского письма: Воспоминания. II, 311, прим. и В, 246.

² Альманах муз. 1796. С. 124 и сл.

успешнее. Это оптимистическое душевное настроение поддерживается в нем в течение всех семи недель, проведенных в Неаполе. Он даже не жаловался на то, что в течение первых недель занимал очень тесную квартиру; ведь он был так доволен милостивым расположением герцогини и братскими отношениями с Эйнзиделем! Временное нездоровье, которое было последствием его неосмотрительности, он считал за благотворный кризис, после которого его здоровье надолго окрепнет; он полагал, что неапольский климат выгонит из него темных врагов, для того чтобы уничтожить их. Гердер считал за очень оригинальную и интересную интермедию тот факт, что ему пришлось два раза совершать протестантский обряд бракосочетания¹. Кроме знакомства с архиепископом Капечче-Латро он завел еще несколько других приятных и полезных знакомств. Его самолюбие было польщено тем, что неаполитанские ученые заискивали в нем. В лице немецкого генерала Салиса он познакомился с честным человеком, а в лице герцогини Иовене, также немки по происхождению, — с очень почтенной дамой. Тот самый Како, который когда-то посетил его в Бюкебурге, жил в то время в Неаполе в качестве французского поверенного в делах и снова сошелся с ним; а кавалер Гамильтон угостил его знакомством со своей подозрительной возлюбленной. Он свел знакомство с Гакертом², с Тишбейном и с Мейером и нашел в этих людях более того, что находил в молодых римских живописцах; в особенности Тишбейн относился к нему с искренним уважением и начал рисовать его портрет; а так как Тишбейн находился в то время в очень стесненном положении, то Гердер просил Гёте похлопотать о доставлении ему места при герцоге готском, а г-жу Диде просил доставить ему место при майнцском дворе³. Но самое большое наслаждение доставляли Гердеру «воздух, небо, горы, море и земля». Он тщательно осматривал все, что было интересного в самом Неаполе и в его окрестностях. Он видел Паузилипп с его гротом, с его красивыми загородными домами и «волшебными островами, видел озеро Аньяно и озеро Авернское, мыс Мизен и развалины древних

¹ Сравн.: В, 237, 245, 259; Litt. Zustände Бёттигера. I, 112.

² Гакерт был тот, кто (Казерта, 9 февр. 1789 г.) передал ему просьбу Гамильтона о совершении второго бракосочетания в доме английского посольства; вместе с этим Гакерт приглашал его к себе в Казерту, говоря, что найдет там готовый стол и комнату на ночь. Дальнейшие подробности о сношениях Гердера с Гакертом см.: Litt. Zustände Бёттигера. I, 114.

³ Гёте к Гердеру 2 марта 1789 г. (А, I, 105 и сл.); Гердер к г-же Диде 10 февр. 1789 г.

Байи. Он взбирался на Везувий, спускался в кратер Сольфатары подле Пуццуоли, побывал в Помпеях и побродил среди развалин Геркуланума; только от неоднократно откладывавшегося посещения Пестума ему пришлось окончательно отказаться.

Но к наслаждениям, которые он испытывал во время этих прогулок, примешивалось грустное настроение духа. Ведь на окружавшие его красоты природы он смотрел не глазами живописца, а глазами лирического поэта. Ему казалось вполне понятным, почему тот, кто постоянно живет в такой стране, становится похож на древнего грека, но сам он оставался человеком Нового времени. Он сравнивал себя с тем греком, который, сидя на берегу моря, плакал от грусти, потому что желал скорей вернуться домой. Во время поездки в Пуццуоли и в Байи он казался веселым и довольным, потому что вполне предавался впечатлениям минуты и мысленно переносился в давно прошедшее; но на возвратном пути он казался своему спутнику больным человеком, погруженным в самую тяжелую грусть¹. И это случалось много раз. В письме от 19 января он восклицал: «Какая чудная страна! Среди зимы проезжаешь сквозь сады Адониса и приходишь в опьянение от того, что видишь. Однако я не мог бы долго здесь жить при моем теперешнем душевном настроении; моя одинокая душа или погружается в морскую пучину, или тоскливо стремится вдаль. Третьего дня я один объезжал развалины Паузилиппа в таком грустном настроении духа, что по возвращении домой не был в состоянии вымолвить ни одного слова в течение трех часов». Этим объясняется, почему стихотворение «Партенопа» носит название гимна, но в сущности похоже на элегию. И в тех стихах, которые написаны Гердером в воспоминание о Неаполе, повторяется то же признание, которое он высказывал в своих письмах, — что нигде он не чувствовал себя счастливым так, как в Неаполе, но и нигде не чувствовал такой же глубокой грусти, как в окрестностях этого города. Он говорит, что был бы счастлив, если бы мог жить со своим семейством на одном из островов Адриатического моря в совершенном удалении от света. В другой раз он называет эти острова сиренами Партенопы, но на их приманки отвечает слезами и вздохами. —

Wenn die Abendröth' im stillen Meere
Sanft verschwebte, und mit seinem Heere
Glänzender der Mond zum Himmel stieg,

¹ Рассказ Эйнзиделя (Воспоминания. II, 243).

Ach, da flossen mit so neuem Sehnen
Unschuldsvolle jugendliche Thränen;
Nur ein Seufzer sprach, und Alles schwieg!

(Когда вечерняя заря медленно угасала в спокойном море, а луна начинала ярко светить на небе, тогда в моей душе усиливалась тоска и из моих глаз текли невинные юношеские слезы; тогда из моей груди вырывался вздох, и затем все умолкало!).

Гердер, конечно, не мог бы долго выносить такого меланхолического душевного настроения. Нам вполне понятно, почему он отказался от своего намерения оставаться в Неаполе и после отъезда герцогини; нам это было бы понятно даже в том случае, если бы его не заставляли воротиться в Рим еще неокончательно прерванные сношения с Дальбергом. Нам также понятно, почему ему пришлось переживать тяжелый кризис, после того как он снова очутился 20 февраля в Риме. То была очень резкая перемена, когда ему пришлось постоянно иметь перед глазами неподвижные мрачные кипарисовые деревья вместо светлого, вечно находящегося в движении моря! Лихорадочное возбуждение, вызванное внезапной переменой климата, стихло после нескольких беспокойных ночей, но не так было легко одолеть отвращение к римской жизни и тоску по родине. Гердер совершенно отделился от Дальберга, окончившего все денежные расчеты с ним, и поселился у герцогини в красивой вилле Мальта на Монте Пинчио, но перед его глазами были только крыши городских домов и куполы церквей, и Рим по-прежнему показался ему похожим на мавзолей. Он получал с разных сторон самые заманчивые предложения. Герцогиня изъявила ему желание, чтобы он вторично отправился с ней на лето в Неаполь; он даже дал нерешительное обещание исполнить это желание, склоняясь на убедительные просьбы архиепископа тарентского; а генерал Салис предложил ему вместе отправиться в Сицилию в марте или в апреле. Однако он не решался принять это предложение, еще не столько потому что его здоровье не было удовлетворительно, сколько потому что ему надоело «жить между людьми в качестве ненужной прибавки» и что ему хотелось домой. Таким образом, его вторичное пребывание в Риме было лишь продолжительным испытанием. Нам невольно приходят на память письма, которые он писал Каролине из Страсбурга и разные поэтические безделушки, которые он включал в свои письма к г-же Франкенберг, только для того чтобы «восполнить бессодержательность этих писем или для того чтобы придать им хоть какой-нибудь ин-

терес»¹. Он еще не успел осмотреть в Риме все, что могло заинтересовать его, а теперь он мог заняться этим осмотром при более благоприятных условиях, чем во время своего первого пребывания в вечном городе. Для осмотра древних памятников он нашел теперь руководителя в Мейере, а для осмотра произведений живописи — в Тишбейне, который уже ранее давал ему полезные указания в своих письмах, а теперь сам переехал из Неаполя в Рим². Но и эти друзья не могли расшевелить его любознательность. Ему не доставало того умения «ясно видеть вещи», которым мог похвастаться Гёте. Этот последний нашел в Италии настоящее отечество для своего ума и сделался там еще более прежнего чувственным человеком, еще более прежнего — художником. А у Гердера никогда не была сильно развита способность понимать красоту внешних форм; он сам стал теперь сознавать этот недостаток и потому стал с удвоенным вниманием изучать нравственный смысл художественных произведений. Но он стал вкладывать в эти произведения свою собственную душу.

Вскоре после своего возвращения из Неаполя он изложил в стихах краткий обзор впечатлений, вынесенных им из путешествия. Он вкратце рассказал, как было удачно начало его путешествия, до той минуты когда в Аугсбурге к нему присоединилась неприятная спутница. Но в конце его пребывания в Италию наконец настали и счастливые часы. С ним тогда случилось то, что ему предсказывал тайный голос при его въезде в Италию, — он был наказан за свою безрассудную требовательность и научился любить человечество более чистой любовью. Он благодарит величественные сцены природы за то, что они наполнили его душу такой любовью; только благодаря ей он мог находить в художественных изображениях богов разнообразное развитие человеческих свойств. Вместе с тем он узнал, как мало было гуманных идей и в Древнем Риме, и в новом, как ничтожно было римское общество, как жалко было поповское управление, в каком упадке были науки, как много было фальши в римской мудрости и притворства в римском благочестии. После этого у него было только одно желание — возвратиться домой и описать причины человеческих прегрешений.

В этих признаниях Гердер не говорит ни слова только об одном важном факте — о своем интимном знакомстве с Анже-

¹ В В, 327 (сравн. 293) сказано, что это были «Amor und Psyche и Die sinnende Zeit» (SW в отделе литер. III, 216 и IV, 31).

² Тишбейн к Гердеру 28 февр. 1789 г.

ликой Кауфман. Он познакомился с этой женщиной еще во время своего первого пребывания в Риме, даже в первый вечер после своего прибытия в Рим; его свел с ней Бюри, и уже тогда она произвела на него благоприятное впечатление своей «наивностью, душевной чистотой и изящными манерами». После одного вечера, проведенного у ней в гостях, он писал 13 декабря 1788 г.: «У нее такая же нежная девственная душа, как у мадонны или у голубя»; она живет «в идеальном мире живописи». Это знакомство возобновилось после возвращения Гердера из Неаполя; тогда Анжелика пожелала нарисовать его портрет, вследствие чего сношения между ними сделались и более частыми, и более интимными. Эта связь была единственным светлым пунктом среди неприятностей римской жизни. Гердер писал 21 марта: «Теперь Анжелика служит для меня единственным источником утешений. Чем ближе я знакоюсь с ней, тем более нахожу прелестей в этой девственной артистической натуре; это — настоящее небесное существо, полное грации, изящества, скромности и невыразимой сердечной доброты». Во всех письмах, которые он писал с тех пор домой, он повторял с усиливавшейся выразительностью все те же похвалы и те же признания. Но эта привязанность была чисто духовной, а не чувственной. Гердер находил, что Анжелика «едва ли не самая образованная женщина в Европе», что она соединяет «с трудолюбием и с умом» все привлекательные качества своего пола¹; он даже находил, что у нее «благородная душа» в самом строгом значении этого слова, что она — «святая женщина», «неземное существо». Всякий раз как он видит ее, она внушает ему чувство благоговения, и он счастлив тем, что и она относится к нему с таким же чувством, несмотря на то что он от природы вовсе не художник. Такое же чувство благоговения когда-то внушала ему графиня Мария; но его влечение к Анжелике носит на себе своеобразный отпечаток, вследствие того что вовсе не соответствует окружающей его чувственной атмосфере. Он говорит, что дружба Анжелики «облагородила его», и благодарит Бога за то, что «она предоохранила его от всего, что могло бы возбуждать чувственность»; он сравнивает характер Анжелики с «изящными нужными звуками, от которых утихают чувственные влечения». Понятно, что он старался и своей жене внушить такое же сочувствие к Анжелике; он говорил, что и для нее, и для себя он увезет из Рима эту привязанность в своем сердце.

¹ К Ф. Л. В. Мейеру 7 дек. 1789 г. (Zur Erinnerung an Meyer. I, 290).

Не подлежит сомнению, что если бы он исполнил свое намерение продолжать вышеупомянутое стихотворение, то он вел бы речь главным образом о впечатлениях, вынесенных из знакомства с Анжеликой. Хотя он и не исполнил этого намерения, он все-таки воздвигнул в ее честь небольшой памятник: он упомянул о ее картинах в том месте, где называл греческие художественные произведения выражениями чистой гуманности. В «Письмах о гуманизме» он говорил о влиянии античных художественных произведений на новейшее искусство и при этом вел речь о Рафаэле, о Менгсе и об Анжелике: «Ангел дал ей свое имя, а муза гуманности была ее родной сестрой»¹.

Но в конце его итальянского путешествия Гердеру пришлось переживать иные душевные волнения: он получил 28 марта от Каролины первое известие о новом приглашении в Гёттинген, а 1 апреля пришло от Гейне письмо, касавшееся того же приглашения. С этой минуты он стал еще менее прежнего интересоваться тем, что его окружало. Однако в его римской жизни была одна сторона, к которой он не мог относиться равнодушно. Он с удовольствием уведомлял своих друзей о том, что его посещали высокопоставленные люди и что ему оказывали разные отличия, — как, например, находившаяся в Веллетри академия Вольсков приняла его в число своих членов². Чем ближе подходило время отъезда, тем сильнее был наплыв людей, желавших видеться с ним. Он был вправе утверждать, что и в Риме, и в Неаполе он нашел такой прием, каким могли бы похвастаться лишь немногие из приезжих иностранцев. «Поистине удивительно, — писал он, — что при моей бедной и одинокой жизни я возбудил такое сильное внимание даже в таком пустынном городе, каков Рим, и даже среди тех людей, которых я считал годными только для светской жизни». В его римской жизни была еще одна сторона, доставлявшая ему полное удовлетворение: он до самого отъезда не переставал находить истинное наслаждение в посещении красивых римских окрестностей. Он позабывал о «пустынном Риме», когда находился в Фраскати или когда отправлялся из Капель Гандольфо в многочисленном обществе в Тиволи. Те дни, которые он провел в Тиволи, казались ему самыми приятными из всех проведенных им в Италии дней, в особенности

¹ Письма о гуманизме. VI, 92; также сравн. стихотворение «Die Farbengebung» в шиллеровском «Альманахе муз» (1796. С. 177 и сл.), написанное к одной из картин Анжелики.

² Диплом на звание члена помечен 9 февр. 1789 г.

потому что в этих поездках участвовала и Анжелика. Его прощальный привет Риму был, по его словам, «настоящим гимном». Он долго откладывал свой отъезд, только для того чтобы доставить Триппелю возможность окончить его бюст и, с другой стороны, потому что считал своим долгом присутствовать на церковных церемониях во время Святой Недели. Но «продолжавшееся целую неделю священное пение кастратов» само по себе было для него вовсе не интересно, и он находил очень странным, что Гёте мог интересоваться римскими карнавальными забавами.

Он наконец выехал из Рима 15 мая. Только разлука с Анжеликой была ему тяжела. Он был в более веселом настроении духа, когда выезжал из Porta del Popolo, чем когда въезжал в эти городские ворота. Его расставание с Римом представляло резкую противоположность с тем горестным чувством, с которым Гёте покидал за год перед тем город, «в котором он оставлял так много дорогого для него».

Прекрасная погода сначала благоприятствовала путешественнику, но тревожимый мыслями о предстоящих домашних заботах он лишь мимоходом интересовался тем, что мог осматривать на своем возвратном пути. Только во Флоренции и в Венеции было более сильно возбуждено его любопытство. Но он увлекался не столько произведениями искусства, сколько историческими воспоминаниями, которые были связаны с этими произведениями. Во Флоренции — где он провел два часа в беседе с герцогом¹ — он снова пришел в восторг, потому что нашел там «кроме изображений святых и кроме идолов следы великих людей старого времени». В Ферраре он поклонился гробнице Ариосто, и разве он мог быть равнодушен при виде оригинальной Венеции — этого «морского паука с сотней ног и с миллионом суставов»? Он отправился в Венецию из Болоньи водой, а оттуда направился в Милан через Падую, Верону и Парму, но по прибытии в Милан 13 июня он почувствовал крайнее утомление, и физическое и душевное. Его мучил сильный кашель, и он очень тяготился жизнью в гостиницах, выкладкой и укладкой своего багажа, денежными расходами и наконец тем, что Рейффенштейн навязал ему в Риме неприятного спутника. Так как он не придерживался раз установленного маршрута и неоднократно изменял его дорогой, то он сам был виновником того, что к нему не скоро доходили письма из Веймара. Это обстоятельство усиливало его

¹ Воспоминания. II, 321; В, 386, прим.

тоску и заставляло его спешить домой. «Мной овладела такая душевная тревога, что я могу только ехать далее, но не способен ни на что другое», — писал он из Милана. Его желание скорее достигнуть Германии было так сильно, что он не был в состоянии ни есть, ни пить, ни спать. А это желание еще усиливалось по мере приближения к Веймару. Он сначала желал, чтобы его семейство выехало к нему навстречу в Карлсбад, где он предполагал прожить довольно долго; но он отложил в сторону это намерение и даже отвергнул предложение Каролины выехать к нему навстречу в Ильменау. Он говорил, что не намерен совершать «торжественного въезда» и желает снова увидеть жену и детей в своем собственном доме. Он неожиданно прибыл домой 9 июня рано утром, до солнечного восхода.

Ему предстояло теперь разрешение важного вопроса, останется ли он в Веймаре на постоянное жительство. Этот вопрос возник еще с лишком за три месяца перед тем; он мучил Гердера в Риме и не покидал его во время обратного переезда через Альпы. Этим объясняется, почему свои письма к жене он наполнял не описанием того, что видел, а размышлениями о будущем. Вот почему нам приходится снова вести речь о его пребывании в Риме и вместе с тем рассказать историю забот, созданных неожиданным приглашением в Гёттинген¹.

Гейне обратился со своим предложением сначала к жене Гердера, которая выразила ему в своем ответном письме и свое удивление, и свои сомнения, но отказывалась дать какой-либо решительный ответ без ведома своего мужа². Она взглянула на это дело такими же глазами, какими смотрел на него сам Гердер. Он также был удивлен сделанным предложением; в его душе также пробудилось прежнее отвращение к Гёттингену. Ему даже было противно написанное рукой профессора Шпиттлера письмо, которое ему передали для прочтения³. Он нашел гёттингенское предложение «странным и бессмысленным». Он был так же далек от намерения сделаться профессором лютеранской теологии, как был далек от намерения сделаться в Риме кардиналом. Однако от Гейне было получено официальное предложение, и в то же время г-жа Берлепш переслала через Веймар длинное письмо к Гердеру в Рим⁴. Гердеру предлагали звание ординарного

¹ См. первую главу: «Weimar oder Göttingen?» в статье Суфана «Goethe und Herder von 1789—1795» (Preussische Jahrbücher. XLIII, 85 и сл.).

² В, 275 и сл., прим. 2.

³ В рукописи, от 1 марта 1789 г.

⁴ В рукописи, от 20 марта.

профессора теологии, должность главного университетского пастора вместе со званием советника консистории, и такое жалованье, которое он сам назначит сообразно с тем, что получал в Веймаре. Гейне говорил в своем письме, что для Гердера открывается возможность получить полное удовлетворение за прежние неприятности, что в Гёттинген все изменилось, что даже прежние враги Гердера видят в нем избавителя от возникших затруднений, что его ожидают общее уважение и любовь и что он приобретет сильное влияние, благодаря тому что со званием университетского пастора будет соединять в своем лице звание профессора практической теологии, этики и догматики. Письмо г-жи Берлепш было чем-то вроде женского комментария к письму Гейне: она входила в разные мелкие подробности касательно личных интересов Гердера, выставляла в самом розовом цвете все, на что Гейне только слегка намекал, уверяла, что будущность детей Гердера будет обеспечена, высказывала самые возторженные дружеские надежды и пожелания.

Эти два письма произвели то впечатление, на которое были рассчитаны. И всякий другой на месте Гердера принял бы за веление судьбы такое предложение, которое возобновлялось в третий раз. Ведь Гердер постоянно мечтал о переезде из Веймара и еще незадолго до своего отъезда в Италию обратил внимание на должность при университете в Киле: почему же стал бы он отказываться от гораздо более широкой сферы деятельности, которая была для него приготовлена в Гёттингене? Кроме того, ему очень не хотелось возвращаться в «выдохшуюся веймарскую атмосферу» и переначинать там свои труды с того пункта, на котором оставил их перед отъездом. Веймар казался ему изношенным платьем, которое можно было переменить на новое или теперь, или никогда. Он воображал, что само Провидение навело его на мысль о путешествии в Италию, для того чтобы оторвать его от прежней обстановки и приготовить к новой жизни. Под влиянием этих чувств ему представилось в самом мрачном свете все, что касалось условий его веймарской жизни, а все, что касалось гёттингенской должности, стало казаться ему крайне привлекательным. Он не только стал припоминать все недостатки веймарской системы государственного управления, служившие препятствиями для его полезных начинаний, но даже перестал ценить по достоинству те изъявления дружеского участия, которыми его осыпали в Веймаре. Он позабыл, какую опору он находил в герцоге во время своей борьбы с членами консистории, и с какой предупредительной любезностью этот герцог исполнял все его

желания перед его отъездом в Италию; он находил добрую герцогиню лишенной всякого влияния, а милостивое расположение герцога недостаточным. Ему надоели сношения с высокопоставленными особами; ему надоела даже дружба Гёте, а к привязанности многочисленных поклонниц он был равнодушен — ведь если бы они захотели, они могли бы переехать вслед за ним в Гёттинген. Напротив того, в Гёттингене все казалось ему более привлекательным. Он воображал, что там его ожидают независимость и вполне вознагражденный труд, что там он приобретет более сильное влияние и найдет более удобную сферу для своей литературной деятельности, что там будет вести семейную жизнь, а не жизнь придворного человека, и найдет надежных, во всем ему сочувствующих друзей. Не говоря уже о возможности пользоваться гёттингенской библиотекой, он радовался при мысли, что его сыновья будут воспитываться в Гёттингенском университете — в том самом университете, на который он так часто нападал за его педантизм и который прежде казался ему адом и гнездом зависти и интриг; а для самого себя он ожидал, что чтение лекций с профессорской кафедры будет способствовать возникновению новых идей в его уме. Он объяснял в пользу Гёттингена всякое случайное происшествие, предшествовавшее его отъезду в Италию, и всякое предзнаменование или предчувствие, занимавшее его ум во время путешествия; а когда он узнал, что во время его отсутствия многие из веймарских должностных лиц удостоились повышений, а о нем, натурально, не было и помину, то и в этом факте он усмотрел указание Провидения, что он не должен там оставаться! Иными словами, он до такой степени увлекается мыслью о переезде в Гёттинген, что уже воображает, как он будет заезжать на короткое время в Веймар в качестве иноземца, а свою жену просит по мере возможности все приготовить к отъезду!

Но в Веймаре это дело представлялось в ином виде, чем в Риме, — оно представлялось в ином виде и жене Гердера, и верному другу их обоих, Гёте. Сначала Каролина сочувствовала намерению своего мужа принять гёттингенскую должность, потому что была свидетельницей всех неприятностей, которые ему приходилось переносить в Веймаре; вспоминая об этих неприятностях, она приходила к убеждению, что необходимо скорей уехать из Веймара. Но ее давнишнее отвращение к Гёттингену возбуждало в ее уме сомнение, действительно ли будут Гердеру по вкусу тамошнее положение и новая университетская должность. К этому сомнению присоединялись экономические сооб-

ражения, которые при непрактичности и при беспечности ее супруга всецело входили в сферу ее ведомства и серьезно озабочивали ее. Кроме того, она в отсутствие своего супруга пользовалась таким искренним доброжелательством со стороны высокопоставленных особ и со стороны ближайших друзей своего дома, что стала придавать этому доброжелательству гораздо более высокую цену, чем какую придавал ему Гердер. В особенности Гёте доказал ей на деле свою неизменную преданность — он был тот, кто своими разумными увещаниями успокаивал Каролину, когда она была встревожена полученными от мужа письмами.

Гёте рассмотрел вопрос о переезде со всех сторон, имея в виду главным образом личные интересы своего друга. Он желал удержать Гердера и ради Веймара, и ради герцога, и ради его собственной пользы. Он понял, что есть способ вполне согласовать все эти интересы и постарался употребить его в дело. Он был тот, кто был виновником приглашения Гердера в Веймар; ему же было суждено и удержать Гердера в Веймаре.

В апреле в Веймаре стало известным сделанное Гердеру предложение; герцог говорил об этом с Гёте и, подобно Гёте, ясно сознавал, что удаление Гердера было бы тяжелой утратой для Веймара, а его назначение в Гёттинген было бы пагубно для Йенского университета. Относительно личных интересов Гердера Гёте вел переговоры с Каролиной. Он пришел к убеждению, что мотивы в пользу переезда и мотивы против переезда уравновешивались. Ему были хорошо известны причины недовольства Гердера, и он уже давно свыкнулся с мыслью, что ему рано или поздно придется расстаться с этим другом. Но он также хорошо знал характер этого друга и был уверен, что Гердер повсюду найдет причины, чтобы быть недовольным, «повсюду найдет завистников и лицемеров». И как бы мог Гердер уживаться с гёттингенскими профессорами, которые так любили заниматься мелкими интригами? «Я даже не желала бы назначения Гердера в Йену, — говорила Каролина, — он слишком добр для профессорской должности!» Из всех этих соображений Гёте сделал следующий вывод: предложение гёттингенской должности пришло как нельзя более кстати; им следует воспользоваться как вспомогательным средством для того, чтобы доставить Гердеру более выгодное и более почетное положение.

При таком взгляде на дело, Гёте пришлось вести трудную борьбу с тем, в пользу кого он трудился, — пришлось вести почти такую же трудную борьбу, какую вел Антонио со стремившимся в Рим Тассо. Так как именно в то время Гёте был занят

окончательной отделкой своего «Тассо», то он сознательно или бессознательно придавал итальянскому поэту некоторые черты характера своего друга. Так как Гердер имел обыкновение решать касавшиеся его личных интересов вопросы под влиянием своего изменчивого душевного настроения, то Гёте увещал его «отложить в сторону всякие причуды»; так как Гердер был человек нерасчетливый, то Гёте увещал его спокойно взвесить, что выгоднее — гёттингенская должность или веймарская, и выбрать ту из них, которая более выгодна. Таково было содержание его письма от 10 мая. Он упрашивал Гердера не принимать окончательного решения под влиянием путевых впечатлений и без предварительного совещания с друзьями, потому что «в этом деле нужно руководствоваться расчетом а не чувством, нужно все взвешивать, а не бросать жребий». «Подумай, — писал он Гердеру, — о том, что ты семейный человек, а не холостяк, который, попав на ложный путь, может со временем загладить свою ошибку, — что и тебе, и твоей жене жизнь будет невыносима, если ваше положение в Гёттингене окажется не таким, каким вы его воображаете. Итак, продолжай твое путешествие, а когда воротись домой, мы обстоятельно все обдумаем; твоя личная польза будет тогда высшим для нас законом».

Но еще за неделю до отправки этого письма Гёте сообщил Гердеру через посредство Каролины о результате своих совещаний с герцогом. Этот последний уже давно намеревался улучшить положение Гердера. Узнав о стеснительном денежном положении Гердера во время его путешествия, он пожелал послать ему денежный подарок, но Гёте уговорил его отложить исполнение этого намерения до другого случая. Это вызвало ропот со стороны Гердера, но когда настала решительная минута, Гёте вступился за интересы своего друга с самым осмотрительным рвением. По его совету герцог сделал встречные предложения, которые могли служить противовесом для предложений, сделанных из Гёттингена. Это были положительные уверения, противопоставленные неопределенным обещаниям. Предполагалось уплатить долги Гердера, увеличить его жалованье, назначить Каролине пенсию на случай смерти мужа, воспитать в этом случае детей Гердера на казенный счет и позаботиться об их служебной карьере; самого Гердера предполагалось назначить вице-президентом консистории и предоставить ему первую открывшуюся вакансию президента; кроме того имелось в виду назначение Гердера канцлером Йенского университета.

Когда Гердер прочел 31 мая в Болонье письмо, в котором были изложены эти предположения, они, по-видимому, не произвели на него сильного впечатления. Он уже убедил себя в необходимости расстаться с Веймаром; даже из своих продолжительных близких отношений к вдовствующей герцогине он вынес неприятные воспоминания; он говорил, что не ему следует заискивать в герцоге, а герцог должен в нем заискивать; что же касается мелких подробностей веймарских переговоров, то они до крайности надоели ему. Между тем герцог действительно сделал первый шаг к соглашению самым дружеским образом. Но и это не привело ни к чему! Гердеру слишком глубоко запало в душу убеждение: что бы он ни предпринял в Веймаре, он натолкнется на прежние препятствия и неприятности. «Обещания герцога, — говорил он, — звучат громко, а содержанием бедны». Каролина постоянно говорила ему в своих письмах о дружеских усилиях Гёте уладить дело и постоянно уговаривала его следовать совету этого друга; она излагала ему все мотивы, по которым следовало отказаться от гёттингенского предложения и принять предложение герцога; к этим мотивам она присоединяла разные практические и экономические соображения; наконец она уверяла его, что в Веймаре все умы настроены в его пользу, что там его считают «необходимым ангелом-хранителем нравственности», что там много глубоко преданных ему сердец; при этом она ссылалась на выраженное герцогиней желание, о котором эта последняя уже сама ему писала¹. Этим способом Каролина постепенно наводила своего нерешительного мужа на правильный путь, подобно тому как когда-то навела его своими письмами из Дармштадта на решение вступить с ней в брак. Она руководила его действиями так, что он сам того не замечал, но постоянно уверяла его, что не имеет своей собственной воли, а во всем подчиняется его желаниям. Она говорила ему, что была бы очень несчастлива, если бы он мог подумать, что она хочет склонить его к такому решению, которое может показаться ему обидным.

Эти письма действовали медленно, но верно вели к цели. Увещания Гёте также имели свою долю влияния; но чем труднее было приискать основательные возражения против его благоразумных советов, тем оскорбительнее было для Гердера сознание, что к нему обращаются с нравоучениями. Как смел Гёте говорить с ним тоном человека, сознающего свое умственное превосходство; как смел он объяснять своему другу, что в настоя-

¹ В, 382, 384. — Это письмо помечено 22 мая 1789 г.

шем деле следует руководствоваться расчетом, а не чувством? «Гётевское письмо грубо, — говорил Гердер, — этот человек обращается со мной так, как обращаются с 20-летними безумцами».

Тем не менее Гердер поступил так, как желали его жена и Гёте. Ведь намеченные герцогом условия, к которым Гердер отнесся с таким пренебрежением, были в сущности очень тяжелым противовесом против гёттингенских предложений. А при своей склонности все хулить и ко всем относиться с недоверием Гердер не мог не заметить, что и предложения Гейне не были вполне удовлетворительны. «Эта лиса, — говорил он, — держит наготове высший размер тех уступок, которые могут быть сделаны в мою пользу, но хранит его втайне; поэтому следует ожидать, что он будет прибегать к разным хитрым уловкам». Вместе с недоверием в нем пробудилось и чувство личного достоинства: он не спешил отвечать на письмо Гейне из опасения, что высокомерные гёттингенцы вообразят, будто он готов согласиться на какие бы то ни было условия. Наконец вместе с недоверием и с гордостью в нем заговорило чувство приличия. Он не мог согласиться с мнением Каролины, что от гёттингенцев следовало требовать одновременной уплаты нескольких тысяч талеров в вознаграждение за то, что ее муж возьмется восстановить престиж Гёттингенского университета. Гердер находил, что не было никакого основания взваливать уплату его веймарских долгов на английского короля. Но именно этот пункт имел самое важное значение; он и послужил поводом для щедрых обещаний Карла Августа. Гёте со своей стороны хлопотал только о том, чтобы Гердер не связывал себя никакими положительными обещаниями до своего возвращения из Италии. Впрочем, и сам Гердер, при своей нерешительности, вовсе не помышлял об окончательном ответе. Лишь только он узнал о намерениях герцога, он наконец ответил 3 июня из Болоньи на письмо Гейне¹; он извинялся перед Гейне в том, что так долго медлил с ответом, благодарил его за лестное и заманчивое предложение и просил его отложить дальнейшие переговоры до возвращения из Италии. «Еще до моего отъезда из Веймара, — писал Гердер, — герцог изъявил намерение изменить некоторые условия моего прежнего служебного положения; без малейшего вызова с моей стороны он довел до моего сведения некоторые из предположенных им перемен; по-

¹ Это письмо напечатано в «Preussische Jahrbücher» (с. 96) в более полном виде, чем в «Воспоминаниях».

этому чувство признательности к герцогу и заботливость об интересах моего семейства не позволяют мне торопливо принимать окончательное решение».

Гёте одобрил содержание этого письма. Он между тем постоянно старался успокаивать Каролину и через ее посредство влиять на своего отсутствующего друга¹. Его дружеское участие выражалось не «в болтовне», как утверждал Гердер, а в действии. Он упросил герцога увеличить жалованье Гердера, о чем известил своего друга письмом от 15 июня². Чтобы спокойно обсудить это дело, он изъявил готовность выехать навстречу к Гердеру в Карлсбад, а когда это оказалось неудобным, изъявил готовность выехать в Ильменау; он ни в чем не обнаруживал неудовольствия за то, что Гердер не выразил ему ни одним словом своего доверия и не написал в ответ на его письма ни одной строчки; он имел в виду только сущность дела, заботился только о том, чтобы удержать Гердера в Веймаре и приготовить ему более приятную жизнь³.

Достигнуть первой из этих целей было вовсе не так трудно, как он предполагал. Несмотря на то что Гердер не переставал колебаться и роптать, он, сам того не сознавая, мало-помалу приходил к убеждению, что Веймар достоин предпочтения перед Гёттингеном. Только с виду это дело не двигалось вперед, а на самом деле оно уже было окончательно решено тем, что Гердер не решился изложить условия, на которых он согласился бы переехать в Гёттинген. Между тем Каролина втайне обратилась к г-же Берлепш с вопросом, чего можно бы было требовать в Ганновере. Ответ г-жи Берлепш, написанный по указаниям ее мужа, далеко не удовлетворял ожидания Каролины⁴. В нем шла речь о 1600 талерах и, кроме того, упоминалось о доходах от коллегии; касательно будущности гердеровских детей было сказано, что можно вполне полагаться на заботливость гёттингенского правительства, но что если бы Гердер пожелал более верного обеспечения их будущности, то ему будут это обещать только в самых неопределенных выражениях. Под влиянием этих сведений было написано письмо Каролины от 22 июня, полученное Гердером в Нюрнберге; она говорила, что считает это дело конченным, и выражала надежду, что ее муж с удовольствием останется в Вейма-

¹ Письмо к Каролине (А, I, 108) от 29 мая.

² Preussische Jahrbücher. С. 89.

³ Гёте к г-же Штейн 8 июня (*Schöll*. III, 322).

⁴ Письмо г-жи Берлепш от 7 июня находится у меня в подлиннике.

ре, так как в денежном отношении он будет вполне удовлетворен, «а в Гёттингене ему пришлось бы много трудиться, для того чтобы получить столько же».

По возвращении Гердера в Веймар все обстоятельства дела подверглись новому тщательному обсуждению. При этом, сколько нам известно, не делалось ссылок ни на какие новые аргументы; но прежние аргументы были более тщательно взвешены и подкреплены единодушными просьбами всех доброжелателей. Каролина и вместе с ней все ее друзья и подруги доказывали Гердеру, что он не вынесет жизни в среде завистливых профессоров, что при своем раздражительном характере он сделается жертвой университетских интриг. Еще более убедителен был аргумент Каролины, что было бы опасно воспитывать ее сыновей в таком университете, в котором так неудачно воспитывались многие из сыновей местных профессоров. Гёте красноречиво доказывал Гердеру, что сфера его деятельности будет в Гёттингене гораздо более узкой, что в Веймаре он будет после смерти Линкера первым лицом в консистории, между тем как в гёттингенском академическом сенате его ожидают самые оскорбительные выходки и самые нелепые решения. Там все профессора будут его врагами, потому что он даровитее их всех. И ему, и его жене будет вовсе не по вкусу гёттингенское обыкновение устраивать роскошные пирушки, между тем как в Веймаре он может спокойно наслаждаться своим семейным счастьем, а, когда пожелает, может находить развлечение в обществе добрых и образованных людей. Уже только для того, чтобы исполнить желание герцогини, он должен оставаться в Веймаре¹. Действительно, живя в Италии, он еще был в состоянии не обращать внимания на ее желание, но он не был в состоянии противиться ее личным просьбам. Когда и герцогиня, и г-жа Штейн заявили ему, что его одного считают охранителем нравственности или, как они выражались, «нравственным оплотом», то сознание своего долга заставляло его не уезжать. Наконец, когда все стали единогласно отговаривать его от переезда в Гёттинген, он принял этот общий голос за указание Провидения — за выражение воли Божьей.

Итак, Гердер стал вести переговоры не с Гёттингеном, а исключительно с Веймаром. Они замедлились вследствие отсутствия герцога и были доведены до конца только в конце августа. Дело шло только о том, чтобы выговорить самые выгодные условия. При посредничестве Гёте и при нравственной поддержке со

¹ По рукописным «Воспоминаниям».

стороны герцогини все было улажено на основании намеченных герцогом пунктов¹. Экономический вопрос был разрешен тем, что ежегодное содержание Гердера вместе со всеми доходами натурой и случайными должно было достигать до 1800 или 2000 талеров², а обещание герцога покрыть издержки на воспитание гердеровских сыновей и на устройство их карьеры было подтверждено. Сам Гердер придавал гораздо более важное значение более благоприятному для него регулированию его служебного положения и уменьшению служебных обязанностей. Относительно намерения назначить его канцлером Йенского университета он, по совету Гёте, сам отказался от такой чести, для того чтобы не создавать себе новых врагов и не навлекать на себя новых неприятностей. Его назначение вице-президентом консистории действительно состоялось, но оно могло иметь для него цену только при том условии, чтобы он был уравнен в правах с президентом и чтобы в своем звании генерал-суперинтенданта был поставлен в более слабую зависимость от коллегияльных решений. Ему нужно было получить самостоятельное право представлять кандидатов для замещения пасторских должностей; ему также нужно было исключительное право надзора за гимназией, за семинарией и за школами. Он желал, чтобы его освободили от разных мелочных церковных дел, в особенности от проверки церковных отчетов и от присутствия на похоронах, а свои обязанности церковного проповедника он желал ограничить произнесением одной проповеди в течение каждого месяца. На все эти требования было изъявлено согласие герцога; кроме того, герцог и герцогиня решили, что будут отпускать Гердеру из своей собственной казны известную сумму денег для пополнения той убыли в случайных доходах, которая была неизбежным последствием сокращения служебных обязанностей. Декретом от 24 августа Гердер был назначен вице-президентом консистории; только тогда он снова вступил на церковную кафедру. Но

¹ См. письма Гёте к Гердеру (А, I, № 59—62) и относящиеся к нашему рассказу строки в: *Preussische Jahrbücher*. С. 97—98. Под «Aufsatz der Deputate», о котором идет речь в этих строках, следует разуметь сделанный Гердером расчет его доходов натурой, а не сохранившиеся в черновых набросках требования касательно улучшения его служебного положения (*Суфан*. С. 98). Первое письмо, написанное Гердером к герцогу после возвращения из Италии, помечено 12 июля (*Herderalbum*. С. 34). Записку, написанную вскоре после того герцогиней к Гердеру, см.: *Суфан*. С. 98.

² В 1795 г., когда была учреждена особая комиссия для разложения налога на военные потребности, Гердер отвечал на запрос комиссии, что весь его доход заключается в 1943 таллерах 18 грошах 10 пфеннигах.

многие были не довольны тем, что он вел речь преимущественно о самом себе, придавая едва ли не слишком важное значение тому, что касалось его личных дел¹. Из его уст выливалось то, чем было наполнено его сердце. Он ясно сознавал, что сделал чрезвычайно важный шаг в своей жизни. Но он был уверен, что, делая этот шаг, исполнял волю Божью; поэтому он считал своим долгом снова раскрыть свою душу и перед своими прихожанами, и перед городским населением, и перед герцогом.

Если жители Веймара имели полное основание радоваться исходу этого дела, зато Гёттингенский университет был поставлен в крайне неприятное положение продолжительным отлагательством окончательного решения. Гейне тщетно обращался к Гердеру с неоднократными просьбами об окончательном ответе или по меньшей мере о каком-нибудь сообщении его намерений. Но Гердер не обращал никакого внимания на эти просьбы и упорно молчал; ему было так же трудно принять окончательное решение, как и сознаться в нем. Только в конце сентября он известил Гейне о своем отказе от гёттингенской должности, и Гейне пришлось довольствоваться тем, что он своим предложением содействовал улучшению служебного положения Гердера и доставил своему другу полное удовлетворение за вынесенные в Гёттингене обиды².

¹ О неблагоприятном впечатлении, произведенном этой проповедью, упоминал Шиллер в письме к Кёрнеру от 28 сентября (их переписка. II, 123).

² См. письма Гейне от 2 и 26 августа и от 30 сент. 1789 г. (С, II, 209 и сл.).

КНИГА СЕДЬМАЯ
ПОСЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО
ПУТЕШЕСТВИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ В ВЕЙМАРЕ

Не подлежит никакому сомнению, что Гердер сделал удачный выбор, решившись отказаться от гёттингенской должности. Когда летом 1790 г. Гейне вместе со своей женой посетил Гердера, то его попросили откровенно высказать его мнение, так как ему лучше чем кому-либо другому было известно положение дел в Гёттингенском университете. Несмотря на свое горячее желание видеть Гердера в Гёттингене, он отвечал, что одобряет отказ своего друга¹. Легенда рассказывает, что за одним благочестивым человеком постоянно ходила тень мертвеца, которая раздражала его, насмеялась над ним и мешала ему во всех предприятиях; он решил переменить место жительства, но лишь только он переехал из прежнего жилища в новое, там снова появилась тень мертвеца. Об этой легенде напоминал Боде своему другу, когда этот последний стал с течением времени все более и более раскаиваться в том, что не принял гёттингенского предложения². Эта тень была не что иное, как мрачное душевное настроение самого Гердера, которое он, по словам Гёте, перенес бы с собой повсюду, куда бы ни переехал. Переселившись в Гёттинген, он, без сомнения, стал бы горько сожалеть о том, что не остался в Веймаре.

В числе мотивов, побудивших его остаться, главную роль играли дружеские привязанности, которыми он был окружен в Веймаре. Когда он возвратился из Италии, его лучшие друзья спешили доказать ему свою преданность — в этом отношении начало его новой жизни в Веймаре подавало ему самые светлые надежды, каких только можно было желать.

Наряду со старыми дружескими связями, вернее, во главе всех этих связей выступила теперь на сцену недавняя связь с женщиной, которая лучше многих других умела ценить достоинства Гердера и которая всегда оставалась неизменно преданной

¹ Каролина к Г. Мюллеру 12 сент. 1805 г. (С, III, 340).

² Каролина к Г. Мюллеру 21 дек. 1807 г.

ему. Действительно, привязанность Шарлотты Кальб к семейству Гердера была еще более сердечна и искренна, чем привязанность г-жи Штейн и г-жи Шардт¹. Шарлотта приезжала в Веймар еще в 1787 г. и после первой встречи с Гердером в Тифурте почувствовала сильное влечение к человеку, с сочинениями которого познакомилась лишь незадолго перед тем. Во время путешествия Гердера по Италии она с сердечным участием разделяла заботы Каролины; сам Гердер до такой степени был уверен в ее привязанности к его семейству, что, когда задумал переселиться в Гёттинген, рассчитывал и на ее переселение в тот же город. После того он пришел к убеждению, что ей достаточно одной привязанности к Шиллеру. Но именно в то время Шиллер и Шарлотта разошлись. Так как Шарлотта не жила с мужем, к которому ее ничто не привязывало, и так как у нее отняли нежно любимого сына, то для нее было величайшим благодеянием то искреннее участие, которое она находила в семействе Гердера. Она с наслаждением читала указанные Гердером книги и проводила в его доме самые приятные вечера. Внешней связью служил тот факт, что она была вместе с герцогиней Амалией восприемницей младшего сына Гердера, Ринальдо, а внутренней связью служила самая идеальная взаимная симпатия. Гёте основательно заметил ей, что она была способна привязаться к Гердеру самыми искренними дружескими узами, потому что она не довольствовалась только приятными взаимными отношениями. В этой дружбе вовсе не было тех фальшивых нот, которые когда-то слышались в привязанности Гердера к Софии Шардт. Шарлотта, конечно, получала более того, что сама вносила в жизнь Гердера, а что она это ясно сознавала, видно из ее писем к Гердеру и в особенности из ее мемуаров.

И дружеская привязанность к Кнебелю оставалась ненарушимой в течение этого нового периода веймарской жизни Гердера². В то время как был поднят вопрос о переезде в Гёттинген, Каролина отзывалась в своих письмах с недоверием о Кнебеле,

¹ Для того, что следует, служили источниками: *Sauppe*. Charlotte von Kalb (Веймарская хроника. I, 372 и сл.); *Körke*. Charlotte von Kalb, в особенности с. 83 и сл.; *Palleske*. Charlotte, в особенности с. 152 и сл. Дополнительными источниками сведений служили пятнадцать находящихся у меня в подлинниках писем Шарлотты к Гердеру, которые не помечены никаким числом. Кроме того см.: В, 70, 109, 296, 311, 339, 341 и сл., 377, 393; Письмо Шарлотты к Кнебелю от 26 дек. 1791 г., (*Дюнцер*. Zur deutschen Litteratur und Geschichte. I, 153); Письмо Жан-Поля к Отто от 28 дек. 1798 г.

² Для того, что следует, служила источником сведений переписка Кнебеля с Гердером (С, III, № 40 и сл.) и Knebels. Litt. Nachl. II, № 13—17.

но она не изменила убеждений своего мужа: Гердер умел извннять странности и причуды Кнебеля и ценить то, что было хорошего в его характере, а с тех пор как он познакомился в Аншпахе с семейством Кнебеля, он еще более прежнего стал ценить его дружбу. Хотя Кнебель и жил безвыездно на своей родине во Франконии с Пасхи 1790 г. до Пасхи 1791 г., но именно в этот промежуток времени Гердер имел возможность доказать ему свою дружбу, взяв на себя роль ходатая о его назначении на новую должность в Веймаре. Гердеру удалось пристроить этого друга вблизи от себя; с тех пор между ними не прерывались самые дружеские отношения, а их связь стала мало-помалу принимать характер наступательного и оборонительного союза, в который был закрыт доступ для всякого другого.

Что этот союз будет рано или поздно направлен исключительно против Гёте, можно было предвидеть из некоторых писем Гердера, написанных из Италии. Но в течение первых лет после возвращения Гердера из его путешествия Гёте еще раз вступил в пользование такими же правами старого друга, какими пользовался до отъезда Гердера в Италию. С первого взгляда можно было подумать, что узы этой дружбы не только не ослабели, но даже окрепли. Взаимное доверие усилилось вследствие того, что Гёте взял на себя роль посредника для обеспечения своему другу более приятного служебного положения, и вследствие того, что он заботился о спокойствии Каролины во время отсутствия ее мужа. В то время Гёте уже разорвал свою связь с г-жой Штейн и потому более чем когда-либо нуждался в обществе такого человека, с которым мог делиться своими умственными интересами, а так как он в то же время стал вести жизнь семейного человека, то он сделался более доверчивым и более приятным в своем общении. Хотя его неоднократные и продолжительные отлучки из столицы часто прерывали его сношения с веймарским другом, но они доставляли Гердеру случай отблагодарить Гёте за его заботливость о Каролине такой же заботливостью об оставшейся в Веймаре возлюбленной поэта. Ведь Гёте не скрывал от Гердера, какое сокровище хранилось в его доме и как страстно он был привязан к этому сокровищу. То было лучшим доказательством его доверия к старому другу, что когда ему пришлось в марте 1790 г. выехать в Венецию на встречу к возвращавшейся из Италии вдовствующей герцогине, он поручил заботливости этого друга и свою возлюбленную, и своего ребенка. Записочки и письма, которые он присылал из чужих краев, ясно доказывают, что после его возлюбленной никто не был ему так дорог в Вейма-

ре, как Гердер со всеми своими домочадцами¹. Он с отцовской нежностью относился ко второму и самому даровитому из гердеровских сыновей, Августу, у которого был восприемником; а в своих письмах всегда посылал этому любимцу особый поклон. Вслед за поездкой в Венецию ему пришлось отправиться поздней осенью 1790 г. в силезский военный лагерь; тогда он снова высказывал в своих письмах искреннее участие ко всему, что касалось семейства Гердера, и горячее желание скорей снова увидеться. Во время своей поездки в Венецию Гёте часто переписывался с Гердером, так что Гердер прежде всех других знал, чем интересовался, что читал, что писал и что думал его друг во время своего путешествия; Гердеру Гёте прислал свои венецианские эпиграммы; ему же он сообщил о своих открытиях по анатомии. По возвращении Гёте в Веймар эти сношения сделались еще более интимными. Два друга не только обменивались критическими замечаниями касательно своих литературных произведений, но также обсуждали некоторые служебные дела. Потом им пришлось снова расстаться на довольно долгое время, частью вследствие того что Гердер ездил на воды в Ахен, частью вследствие того что Гёте принимал участие в походе. Надежда встретиться где-нибудь в чужих краях не осуществилась². Тем сильнее было желание возвратившегося в Веймар Гердера снова увидеться с другом, которому пришлось выносить во время похода столько лишений и душевных тревог. «Мы с нетерпением ждем его возвращения», — писала Каролина 11 ноября 1792 г. к Якоби. Она радовалась тому, что возвратившийся в декабре от Якоби Гёте был в хорошем настроении духа. В письме к Якоби от 5 апреля 1793 г. она говорила, что в течение прошлой зимы Гёте доставил ей и ее мужу немало приятных часов, читая своего «Рей-

¹ См. письма Гёте (А, I), в особенности № 65—87.

² Я считаю не лишним привести здесь некоторые выдержки из того письма, которое Гёте написал Гердеру вместе с принцем Августом из Веймара в Ахен 13 июня 1792 г. На первой странице Гёте писал Каролине: «С Вашей стороны очень мило и любезно то, что Вы пишете мне, но вовсе не мило и не любезно то, что Гердер снова охладил ко мне и стал по-прежнему угрюм. Я желал бы, чтобы это было в последний раз. Поклонитесь от меня Якоби, если он еще у вас, и его сестрам. Я надеюсь, что открывшиеся заседания конгресса доставят мне достаточно свободного времени для того, чтобы побывать у вас. Я радуюсь при мысли, что снова увижусь с вами, потому что, когда я нахожусь в отсутствии, я становлюсь совершенно бесполезным для моих друзей». На четвертой странице он снова пишет: «Я буду во Франкфурте, вероятно, в половине августа. Мне хотелось бы где-нибудь с вами съехаться; напишите же мне, когда вы предполагаете выехать из Ахена. Желаю вам всякого благополучия».

неке фукса». В то время Гёте готовился к отъезду в мариенборнский лагерь вслед за герцогом, который намеревался принять участие в осаде Майнца. «Пожалейте и его и нас! — писала Каролина. — Однако ему, по-видимому, не так тяжела необходимость отъезда, как нам тяжела необходимость расстаться с ним». А 12 мая она писала: «Гёте выехал сегодня к герцогу, сопровождаемый нашими добрыми пожеланиями и выражениями нашей любви. Мы молим Бога, чтобы ему все удалось и чтобы он возвратился к нам довольным этой поездкой!» В энтузиазме, с которым Гердер отзывался о гётевской «вечной эпопее», снова проглядывало его прежнее сочувствие к гению поэта. Но удовольствие иметь такого друга не мешало Гердеру в то же время высказывать некоторые мрачные мысли. Между тем как Гёте молодеет, говорил Гердер, я с каждым часом старею. Он повторял то же, что нередко говорил в своей молодости, — что находится в возрасте *perfer et obdura*; он был недоволен своей жизнью, но сознавал, что сам был тому виной¹.

Эта вина заключалась не в чем другом, как в сделанном им самим в 1789 г. выборе и в недостатке предусмотрительности, когда дело шло о новом регулировании его служебного положения после его возвращения из Италии. И в этом отношении он мог сравнивать себя с Гёте, который за год перед тем вступил в новый период своей веймарской жизни при совершенно изменившихся условиях. Благодаря милостивому расположению герцога и благодаря своей собственной предусмотрительности Гёте устроился так хорошо, как нельзя было лучше желать; он сбросил с себя бремя тяжелых служебных обязанностей и, преодолев свое влечение к Италии, свыкнулся с жизнью под серым северным небом. Но он основательно заметил, что ему удастся только то, что касается его самого, и не удастся то, что касается других. Он желал устроить жизнь своего друга так же хорошо, как устроил свою собственную. Но это ему не удалось по той причине, что улучшение служебного положения Гердера было возможно только не выходя из рамок его прежних служебных обязанностей. Кроме того ко вреду Гердера послужило то обстоятельство, что во время происходивших в 1789 г. переговоров придавалось слишком важное значение его денежным интересам. Наконец, главной причиной неудачи было то, что Гердер не родился, подобно Гёте, под счастливой звездой.

¹ К Якоби 5 апреля 1793 г. (А, II, 304).

Однако вскоре после окончания переговоров и Гердер, и Каролина, по-видимому, были довольны своим новым положением. В письме к Г. Мюллеру Каролина говорила о деликатном образе действий герцога и герцогини, о дружеских услугах со стороны Гёте и, по-видимому, была всем очень довольна. Она писала Мюллеру, что гёттингенская публика, ради которой ее муж намеревался принести себя в жертву, быть может, и осталась в убытке, но сам Гердер остался в выгоде — «Провидение позаботилось о нем и удержало его в Веймаре». А через два месяца после своего назначения вице-президентом консистории и сам Гердер писал своему швейцарскому другу, что он еще ничего не может сказать о своем новом положении, но вполне уверен, что прекрасно сделал, отказавшись от гёттингенской должности; он говорил, что и в этом случае, как во многих других, его жена была его ангелом-хранителем, открывшим ему глаза. В ответ на письмо, в котором Г. Мюллер жаловался на разные низкие интриги и на вынесенные им оскорбления, Гердер говорил: «Вы не должны допускать, чтобы по поводу каждой неприятности и каждой несправедливости мрачные мысли точили ваше сердце»¹. Гердер не стал бы это говорить, если бы какие-нибудь несправедливости точили его собственное сердце.

Только мало-помалу — а не в течение первых месяцев после своего вступления в должность вице-президента консистории, как это сказано в «Воспоминаниях», — Гердер пришел к убеждению, что он обманулся в своих ожиданиях и что в условиях его нового существования есть важный пробел.

Более высокое положение, которое он занимал теперь в консистории, служило для него достаточной охраной от тех личных столкновений с членами этого коллегиального учреждения, которые прежде так часто отравляли его жизнь. С его плеч было снято бремя некоторых чрезмерно тяжелых служебных обязанностей, и ему уже не приходилось тратить свое время на проверку церковных отчетов. Но взамен того он натолкнулся на новые непредвиденные затруднения, и ему пришлось дорого заплатить как за повышение по службе, так и за облегчение занятий. Первой причиной новых затруднений была слабость зрения, которой внезапно стал страдать престарелый Линкер. Гердеру пришлось председательствовать в консистории в присутствии ее президента, которому слабость зрения не позволяла участвовать

¹ Каролина к Г. Мюллеру (авг. 1789 г.?) (*Гельцер*. XIV, 207); Гердер к Мюллеру 25 окт. 1789 г. (Там же, 209, 210).

в рассмотрении дел, но вовсе не мешала являться на заседания и резко высказывать свое неудовольствие. При этом Гердер был до такой степени связан по рукам, что, например, не мог вводить те преобразования в устройстве канцелярии, которые были крайне необходимы для упрощения сложного производства дел. В связи с этим неудобством находилось другое, еще более стеснительное. Для того чтобы покрыть расходы на увеличение жалованья новому вице-президенту, герцог прибегнул к очень неуместному средству. Для рассмотрения многочисленных судебных дел, в особенности тех, которые касались совершения браков, при президенте консистории состоял в качестве помощника один из старших советников губернского правления со званием советника консистории и с жалованьем в двести талеров. Эта должность была упразднена без ведома Гердера через две недели после его назначения вице-президентом; тогда советникам губернского правления пришлось поочередно исполнять в течение одного года обязанности члена консистории, не получая за то никакого денежного вознаграждения. Эта экономическая мера оказалась вовсе не благоразумной. Ее последствием было то, что Гердеру, заменявшему больного и престарелого президента, было крайне затруднено исполнение его служебных обязанностей. Ежегодно сменявшиеся члены губернского правления должны были при вступлении в консисторию тратить много времени на изучение текущих дел. От них нельзя было ожидать большого усердия, потому что они лишь временно занимались делами консистории и ничего не получали за свой труд. Они были лишены всякой надежды на достижение президентского звания, потому что это звание уже было заранее предназначено для Гердера. Чего же мог ожидать Гердер от доброй воли таких людей, у которых он, по-видимому, отнял в свою пользу их жалованье и которым он служил препятствием для повышения по службе? Он навлек на себя общее недоброжелательство, а между тем новая непривычная для него работа была крайне обременительна. Ему пришлось вникать во все подробности юридических вопросов и изучать формы судопроизводства. Сделавшись ответственным заместителем больного президента, он не мог положиться ни на одного из своих сотрудников и потому был вынужден присутствовать с начала до конца на всех заседаниях консистории¹.

¹ Для всего вышеизложенного служили источниками: значительно сокращенная в печати (Воспоминания. III, 32) рукопись «Воспоминаний»; письма Каролины к г-же Франкенберг от 20 авг. и к Гёте от 21 сент. 1795 г.; выдержки

Едва ли можно допустить, что немедленно вслед за своим вступлением в новую должность Гердер стал ясно сознавать все неудобства своего положения — ведь эти неудобства стали обнаруживаться только тогда, когда болезнь президента стала усиливаться. Следует принять в соображение и тот факт, что дружески расположенный к Гердеру Шардт был именно тот член губернского правления, которому пришлось прежде всех других безвозмездно заведовать судебными делами консистории. Гердер нашел в Шардте преданного, услужливого и вовсе не завистливого помощника, которому он выразил за это свою признательность в дошедшем до нас письме¹. Он, по всему вероятно, был поражен удивлением, когда узнал о состоявшемся без его ведома распоряжении герцога. Если бы он мог предвидеть, к каким последствиям приведет это распоряжение, он, конечно, предъявил бы против него решительный протест — подобно тому как вскоре после своего переезда в Веймар энергично протестовал против всяких попыток урезать принадлежавшие ему по должности права. Но он стал отзываться с крайним раздражением о произведенных переменах только тогда, когда почувствовал всю тяжесть наложенного на него бремени, когда его здоровье стало страдать от усиленных занятий. Только тогда он утратил прежнее доверие к герцогу и пришел к неосновательному убеждению, что данное ему герцогом обещание было нарушено, что он сделался жертвой «постыдного обмана», что он «попал в когти мошенников».

К сожалению, его здоровье очень скоро пошатнулось. В дошедших до нас документах нет никаких указаний на то, что его физические страдания будто бы были последствием раздражения, вызванного тем «обманом». И нельзя сказать, чтобы его мучила такая же тоска по Италии, какой страдал Гёте: в письме от 7 декабря 1789 г. к своему юному гёттингенскому другу Мейеру он с удовольствием вспоминал об Италии, но не скорбел о том, что покинул ее²; однако после его продолжительного путешествия ему было также трудно свыкаться с новым положением, как и после его поездки в 1783 г. в Гамбург. Итальянский климат имел самое благотворное влияние на его физические силы; он возвратился домой здоровым и в самом бодром расположении

из этих двух писем приведены Суфаном (Preussische. Jahrbucher. XLIII, 145 и сл.; 154 и сл.; сравн.: Там же, 99).

¹ Воспоминания. III, 33; SW в отделе литер. IV, 14.

² Zur Erinnerung an Meyer. I, 288 и сл.

духа; он прежде был художав, а в Италии пополнил¹. И перемена климата, и переначавшиеся сухие должностные занятия, и противоположность между жизнью в маленькой герцогской резиденции и беспрестанными странствованиями по широко раскинувшейся, привлекательной стране — все это, натурально, дурно влияло на его душевное настроение. Из Готы — где он провел осенью несколько приятных дней в обществе принца Августа и г-жи Франкенберг — он писал своей жене, что «стал спокойнее душой и стал ко всему относиться равнодушнее»². Но, когда наступила зима, дни проходили в усиленной, неприятной работе. Каролина рассказывала своему верному другу Глейму, что ее муж становился все более и более мрачным вследствие перемены климата и сидячей жизни, что перед Пасхой он почувствовал боль в спине, которая в апреле перешла в опасную болезнь, и что он так медленно поправлялся, что даже в конце мая еще не чувствовал себя совершенно здоровым³. Затем, в течение всего лета и осени 1790 г. он лечился: он пил воды то в Веймаре, то в бельведере, потому что трехмесячное отсутствие президента приковывало его к консистории⁴. То же бремя приходилось ему нести в течение всей следующей зимы, потому что «живший в покое» Линкер беспрестанно хворал, — что же удивительного в том, что он стал обращаться к своим друзьям с такими же жалобами, какие высказывал перед своим отъездом в Италию? После того как Гейне посетил его в Веймаре летом 1790 г., он писал этому другу, что чувствует себя «очень, очень старым»⁵. Он писал Кнебелю, что ему приходят в голову только ни к чему не годные мечты, которые даже ему самому не доставляют никакого удовольствия. А после того как он пробыл в звании вице-президента полтора года, он намекал в письмах к своему юному другу на то, что он не только разбит душой, но кроме того обманут. Он не говорит, почему он почти совершенно утратил «свое юношеское легковерие», но причину этой перемены угадать не трудно. «Не следует полагаться ни на ученых, ни на царственных особ!» —

¹ Дневник эрфуртского городского советника Бейера от 8 дек. 1789 г. (*Beaulieu-Marconnay*. Дальберг. I, 351).

² К Каролине 30 сент. (С, II, 331); к Кнебелю 10 окт. (Knebels. Litt. Nachl. II, 248).

³ Каролина к Глейму 14 мая 1790 г. (С, I, 141 и сл.); к Кнебелю 28 мая (Knebels. Litt. Nachl. II, 256); к Г. Мюллеру в конце мая 1790 г.

⁴ К Кнебелю 20 сент. 1790 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 256). Два письма Каролины из бельведера (С, II, 333).

⁵ 11 окт. 1790 г. (С, II, 211).

эти слова были сказаны Гердером относительно положения Иоанна Мюллера в Майнце, но Гердер, без сомнения, имел при этом в виду свое собственное положение в Веймаре¹.

Наконец в июне и в июле 1791 г. Гердер мог освободиться от своих служебных обязанностей и поискать отдыха и здоровья в Карлсбаде². Но целебная сила карлсбадского источника не произвела на него ожидаемого действия. Его недуги еще усилились. Когда он снова принялся осенью за свои обычные занятия³, его силы окончательно истощились. Он занемог в декабре; к старым болям в печени и к геморроидальным припадкам присоединилась в январе подагра, причинявшая ему мучительные боли в бедрах и в правой ноге. Только весной он почувствовал себя настолько лучше, что мог приступить к серьезному лечению⁴. По совету Штарка он отправился в Ахен для пользования паровыми ваннами, которые, действительно, принесли ему большую пользу. Когда он, после трехмесячного отсутствия, возвратился в конце августа в Веймар, он считал себя вправе надеяться, что его здоровье окончательно поправилось. В сущности, он еще не был совсем здоров, а только был на пути к выздоровлению; но люди, начинающие поправляться от болезни, обыкновенно бывают расположены ко всему относиться снисходительно. Так как он пережил много мучительных дней, то он стал снисходительнее относиться и к тому, что было неприятного в его служебном положении. По словам «Воспоминаний», «он воротился домой бодрым и в хорошем расположении духа»⁵.

Несмотря на то что Гердер провел целых три года в тяжелых физических страданиях, в самом мрачном настроении духа и в усиленных занятиях служебными делами, его ум все-таки не

¹ К Кнебелю 7 янв. и 6 марта 1791 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 259 и 262); к Г. Мюллеру 4 апр. 1791 г. (*Gelzer*. XIV, 212 и сл.).

² Каролина к Г. Мюллеру 13 нояб. 1791 г.

³ О том, что Гердер не всходил на церковную кафедру в течение с лишком полугода, а потом в первый раз произнес проповедь 26 сент. 1791 г., говорит Бёттигер (*Litt. Zustände*. I, 104).

⁴ Каролина и Гердер к Кнебелю 2 мая 1792 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 319 и сл.). Каролина к Г. Мюллеру 14 мая 1792 г. вместе с припиской Гердера, сообщенной у Гельцера (с. 213); сравн. письмо к Гейне в половине мая 1792 г. (С, II, 217 и сл.); Гёте к Якоби 16 апр. 1792 г. (их переписка. С. 134).

⁵ Касательно поездки в Ахен см. письма: Каролины к Глейму 22 мая, Гердера к нему же 12 нояб. 1792 г. (С, I, 150 и 151); Каролины к Г. Мюллеру 29 авг. и Гердера от того же числа к нему же (*Гельцер*. (с неверной пометой числа). С. 117); к Кнебелю 15 авг. 1792 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 266 и сл.). О поездке в Ахен будет говорено более подробно далее, во второй главе.

утратил своей природной живости. Все его жалобы были не чем иным, как отголоском сознания, что он не находил для себя удовлетворения в борьбе с окружавшими его препятствиями. Несмотря на то что он постоянно роптал на тяжелое бремя служебных дел, он справлялся с этими делами не хуже и даже лучше других опытных работников; он с бескорыстным рвением и с безукоризненной добросовестностью исполнял каждую из своих служебных обязанностей, если только усматривал в ней какую-нибудь полезную сторону, какую-нибудь нравственную или гуманную цель¹. В промежутках между утомительными заседаниями консистории, докучливыми визитами и болезненными припадками он находил достаточно времени для того, чтобы излагать свои лучшие мысли и чувства в поучение своим современникам.

Мы, конечно, не в состоянии подробно описать те служебные занятия Гердера, которые причиняли ему всего более хлопот со времени его назначения вице-президентом консистории. Но он сам описал их в письме к Г. Мюллеру от 13 мая 1793 г. отчасти в юмористическом, отчасти в элегическом тоне: «Сим уведомляю Вас, что я распростился с Музами. С тех пор как я состою вице-президентом высшей консистории... я подписываю приговоры, резолюции, вызовы к суду, приказания, составляю всеподданнейшие доклады, пишу дружеские извещения или письма, а всего чаще красивые рескрипты, слежу за исполнением срочных требований, разрешаю разводы, признаю браки недействительными, освобождаю супругов от обязанности сожития, ввожу новые уставы, и т. д.». Кроме того, вполне правдоподобны те подробности касательно этого предмета, которые мы находим в «Воспоминаниях». Там говорится, что медленность производившихся в консистории тяжёбных дел вошла в пословицу, но что Гердер успел внушить и президенту консистории, и советнику по части судопроизводства более правильное понятие об их судебных обязанностях. Он не без успеха старался упростить слишком сложное производство тяжёбных дел к досаде корыстолюбивых адвокатов и к удовольствию тяжущихся. Благодаря ему немало тяжб кончалось добровольными соглашениями. Мы не нуждаемся в доказательствах, для того чтобы поверить тому, что говорится в «Воспоминаниях» о правосудии Гердера, о его неподкупности, о его презрении к грубой лести. При замещении

¹ Незадолго до отъезда в Ахен он произнес речь по случаю крещения принца Карла Бернгарда (SW в отделе теол. X, 166 и сл.). Сравн. письмо герцога от 3 июня 1792 г. (*Дюнцер*. С. 128).

пасторских должностей — рассказывают «Воспоминания» — Гердеру нередко приходилось принимать во внимание разные посторонние соображения; например, из экономических расчетов он отдавал предпочтение тем кандидатам, которые имели собственное состояние. При этом Гердер добросовестно старался удовлетворять и требования справедливости, и требования благоразумия.

О другой стороне служебной деятельности Гердера, в особенности о той, которая касается его управления гимназией, мы имеем подробные сведения из официальных документов.

После непродолжительной болезни скончался 6 октября 1790 г. ректор гимназии, всеми уважаемый и ученый Гейнце, которого Лессинг называл самым тонким знатоком немецкого языка и в лице которого Гердер высоко ценил знатока древности, скромного, кроткого и поистине благочестивого наставника юношества. После своего возвращения из Италии Гердер познакомился с содержанием только что вышедшего в свет полного собрания сочинений Гейнце и в одной из своих школьных речей советовал ученикам старшего класса принять эти сочинения за руководство¹. Кроме того, он постарался почтить умершего достойным образом. Он позаботился о том, чтобы похороны Гейнце отличались особенной торжественностью, и произнес 9 октября в гимназической аудитории публичную речь, в которой восхвалял заслуги Гейнце и старался внушить слушателям сознание, что они понесли невознаградимую утрату².

Затем Гердеру предстояло позаботиться о замещении вакантной должности достойным человеком. Двух кандидатов рекомендовал ему Гейнце; два других сами обратились к нему с просьбами. Помощник ректора Швабе также заявил ему о своем желании получить повышение по службе, а веймарский магистрат, под попечительством которого находилась гимназия, всего охотнее отдал бы предпочтение этому кандидату. Но Гердер энергично заявил, что гимназия не только городское училище, но вместе с тем и земское училище, а потому и назначение нового директора зависит непосредственно от герцога. Он протестовал против назначения Швабе, который, несмотря на свою ученость и другие достоинства, «не имел достаточного авторитета и не

¹ SW в отделе филос. X, 137 и сл.

² Гердер в качестве директора веймарской гимназии: *Heiland. Aufgabe des evangelischen Gymnasiums*. С. 270. Речь Гердера см.: SW в отделе филос. X, 125 и сл.

внушал доверия ни воспитанникам, ни их родителями. Он писал 22 декабря герцогу: «Так как все, что касается гимназии, очень близко моему сердцу и так как я с прискорбием сознаю недостаток этого заведения, то мне, конечно, было бы желательно назначение такого ректора, который подавал бы нам светлые надежды и пользовался бы доверием как знатной публики так и незнатной». Еще за четыре года перед тем он познакомился с одним молодым человеком, который приезжал в Веймар для справок в местной библиотеке с целью издать сочинения Марциала и который произвел на него самое благоприятное впечатление. Этот молодой человек, по имени Карл Август Бёттигер, был незадолго перед тем назначен ректором гимназии в Бауцене. Способ, которым он добился этого назначения, служил ясным доказательством низости его характера. Но Гердеру были неизвестны подробности этого дела. Боде горячо рекомендовал ему Бёттигера, а в письме, которое он получил из Готы от Дёринга, превозносились достоинства нового бауценского ректора. Гердер воображал, что Бёттигер именно такой человек, какой был нужен для Веймара. Ему очень понравились сочинения, написанные Бёттигером для школ. Поэтому в своем донесении герцогу он расхвалил Бёттигера за ученость, за изящный вкус, за прекрасный слог, за здравомыслие, за нравственные качества и за успешную деятельность¹.

Гердеру предстояло еще немало хлопот, для того чтобы приобрести для его гимназии именно того человека, на которого он возлагал так много надежд. Он вступил 21 января 1791 г. в переговоры с Бёттигером, но они тянулись безуспешно до лета того же года. Бёттигер был ловкий дипломат: он нарочно медлил решительным ответом, для того чтобы выговаривать в свою пользу одну уступку вслед за другой. Несмотря на настоятельные просьбы Гердера переехать в Веймар к Пасхе, он представился Гердеру в Веймаре только в конце мая; и тогда дело было улажено так, как он желал. Переговоры велись об увеличении жалованья, о выдаче денег на путевые расходы и о возведении нового ректора в звание члена консистории с правом голоса в учебных делах. Очарованный услужливостью и скромностью Бёттигера, Гердер склонил герцога на крайние уступки. В своих письмах к Бёттигеру он говорил, что польза гимназии для него дороже, чем его

¹ Кроме цитированного в тексте письма Гердера к герцогу и кроме рукописных «Воспоминаний», для нас служили источниками письмо Гердера к Гейне от 11 окт. 1790 г. и ответ Гейне от 17 окт. (С, II, 211 и сл.). Касательно Бёттигера см.: *Lindemann. Beiträge zur Charakteristik Böttigers. Gёрлиц, 1883. С. 11 и сл.*

личные интересы, что он не помешает новому ректору самостоятельно распоряжаться всем, что касается внутреннего устройства гимназии, и будет оказывать ему содействие во всех полезных начинаниях¹.

Между тем Гердер очень тяготился тем, что гимназия так долго оставалась без ректора, в особенности потому что от этого страдал его старший сын, только что перешедший в старший класс. Чтобы сколько-нибудь восполнить этот пробел, он сам взялся читать некоторые лекции и сам заменил отсутствующего ректора на публичном акте перед выпуском воспитанников, поступавших в университет². Вскоре после того Гердеру снова представился случай ввести полезные улучшения в гимназическом преподавании. Со смертью второго помощника ректора, Липпольда, открылась летом 1791 г. вакансия третьего преподавателя: в одно время с новым ректором, наконец переехавшим в Веймар в сентябре, Гердер ввел 3 октября в должность на открывшуюся вакансию и Штибрица. Для него это было чем-то вроде триумфа, потому что он отстоял назначение этого кандидата наперекор городскому магистрату, который, опираясь на свои права попечителя гимназии и руководствуясь только личными соображениями, желал назначить на открывшуюся вакансию одного из преподавателей низших классов. В своем донесении от 29 августа Гердер горячо настаивал на необходимости иметь в виду только пользу гимназии и приносить в жертву всякие личные интересы. «Если бы повышение преподавателей из шестого класса в первый, — говорил он, — сделалось постоянным правилом, то из этого не вышло бы никакого толку... Городской магистрат не обращает на это соображение никакого внимания; но было бы просто смешно, если бы он по старому обыкновению воспользовался своим *jus patronatus* только для того, чтобы из разных мелочных расчетов задерживать улучшение заведения на четверть столетия». Он настаивал на том, что гимназия не исключительно городское учебное заведение и в заключение выражал уверенность, что герцог не одобрит неблагоприятные намерения патронов гимназии.

Ту же мысль он высказал в публичной речи, произнесенной после официального введения двух кандидатов в отправление их

¹ Сравн. рассказ Линдемана (с. 31) и письма, напечатанные частью у Линдемана, частью у Бёттигера (*Böttiger. Litt. Zustände. II, 187* и сл.), частью у Боксбергера (*Briefe Herders an Böttiger. 1882. С. 15* и сл.).

² К Кнебелю 6 марта 1791 г. (*Knebels. Litt. Nachl. II, 263*); к Г. Мюллеру 4 апр. 1791 г. (это место выпущено у Гельцера); *Воспоминания. III, 25.*

должностей. Он выбрал для этой речи следующую тему: «Школы — публичные заведения, основанные для общей пользы»¹. Только для тех, кому известны прежние столкновения Гердера с веймарским городским магистратом, будет понятно, почему оратор указывал на противоположность между деятельным участием граждан в устройстве школ во времена Реформации и обнаружившимся со времени Тридцатилетней войны равнодушием к этому делу, почему он рассказывал, каким образом сами правители взялись за улучшение пришедших в упадок учебных заведений и каким образом основавший веймарскую гимназию герцог Вильгельм Эрнест сделал это учебное заведение не городским, а земским. Из уст Гердера не часто раздавались похвалы его государю, но на этот раз он полагал, что такие похвалы были очень уместны. Он говорит, что «в особенности герцогиня, в то время как исполняла обязанности опекуны, и царствующий герцог не отказывали в своей помощи заведению, еще очень стесненному в своих материальных средствах». Для всякого было ясно, к кому относились следующие слова, которыми он закончил свою речь: «Теперь мне следовало бы говорить об общем сочувствии, которого вправе ожидать гимназия от всех сословий в качестве земского учебного заведения; но так как сочувствие этого рода не внушается речами, произносимыми со школьной кафедры, то нам предстоит ограничиться выражением нашей надежды, что представителям гимназии будет оказана поддержка и при новом начальстве».

Гердер, по-видимому, был уверен, что нашел в новом ректоре человека, вполне сочувствовавшего его собственным педагогическим целям и готового усердно помогать ему в задуманных преобразованиях. В нем могли бы возбудить недоверие слишком преувеличенные выражения уважения и преданности, которые Бёттигер вставил в свою вступительную речь²; но эти преувеличения можно было приписать характеру латинского языка; остальное содержание речи понравилось Гердеру, а выражения признательности и преданности обыкновенно производили на него такое приятное впечатление, что он не всегда был в состоянии отличать их от лести. Иными словами, он радовался сделанному им удачному выбору и ради самого себя, и ради гимназии. Через несколько недель после вступления нового ректора в должность, он писал Гейне: «Это — молодой, бодрый, деятельный

¹ *Böttiger*. Litt. Zustände. I, 107; SW в отделе филос. X, 138 и сл.

² *Böttiger*. Opuscula latina. C. 152 и сл.

человек; у него хорошая метода преподавания; он очень хорошо обходится с молодежью, хорошо владеет латинским языком и в стихах, и в прозе, а в качестве уроженца Верхней Саксонии пользуется таким благосклонным расположением первого министра, которое может оказаться полезным для гимназии. У меня точно будто свалился с сердца тяжелый камень, с тех пор как эта вакансия замещена так удачно»¹. Сверх того, Гердер нашел в новом ректоре опору для своего положения в консистории и потому предоставил ему полную свободу во всем, что касалось учебного ведомства². Только мало-помалу он стал убеждаться в своей ошибке. Не ранее 1794 г. он стал в первый раз выражать свое неудовольствие по поводу того, что Бёттигер преподавал классические языки слишком односторонне, не обращая должного внимания на умственное направление древних писателей. Отношения Гердера к Бёттигеру становились с течением времени все менее дружественными и наконец сделались для него решительно невыносимыми.

Почти в то самое время, когда начальник гимназии хлопотал о замещении ректорской вакансии, к нему обратились за советом и по университетским делам. К нему уже и прежде обращались за указаниями кандидатов для замещения университетских должностей. Он с успехом рекомендовал в 1779 г. теолога Вебера, а в 1787 г. Рейнгольда³. Потом герцог серьезно помышлял о его назначении канцлером местного университета. Так как Гёте, со времени своего увольнения от должности президента Палаты, стал чаще прежнего заниматься тем, что касалось высших учебных заведений в Йене, то, по всему вероятно, это и возбудило в герцоге желание справляться и с мнениями Гердера об этом предмете. Так, до нас дошла написанная, по всему вероятно, в 1790 г., памятная записка Гердера касательно составления корпораций между студентами-земляками⁴. В этой записке Гердер

¹ 31 окт. 1791 г. (С, II, 216); сравн. письмо Каролины к Глейму от 6 нояб. (С, I, 145).

² Что он предоставлял ректору большую свободу в выборе стипендиатов даровой кухни, видно из его письма к Бёттигеру, которое было написано, по всему вероятно, на Пасхе 1794 г. и напечатано у Боксбергера (с. 36, № 45). С 18 окт. 1792 г. до 18 нояб. 1793 г. списки кандидатов на стипендию подписывались Гердером вместе с Бёттигером.

³ Рукописный отзыв Гердера помечен 18 июня 1779 г.; письмо, в котором он рекомендовал Рейнгольда 4 янв. 1787 г., помещено в «Herderalbum» (с. 10).

⁴ Эта записка напечатана в «Herderalbum» (с. 91 и сл.). О том, что послужило поводом для ее составления, я не мог найти сведений ни в Веймаре, ни в Йене.

лишь условно одобряет намерение организовать студенческие корпорации под надзором университетского начальства и таким способом сделать эти корпорации не только безвредными, но даже полезными. Однако после того как он ближе познакомился с положением дела, он взял назад и это условное одобрение. Он нашел, что едва ли было бы уместно восстанавливать обычное, которое прежде считали вредным, что это было бы по меньшей мере неблагоприятно «в наше беспокойное время, когда было бы трудно руководить такими учреждениями, потому что обнаружившееся в некоторых странах возбуждение умов особенно сильно в среде университетской молодежи». Поэтому он высказался в пользу терпимости и легкого надзора за существующими корпорациями; по его мнению, следовало смотреть сквозь пальцы на юношеские забавы, пока они не причиняли никакого вреда, а пока разумное применение университетских установлений не угрожало нарушением общественного спокойствия, следовало считать слово «свобода» за лозунг немецких университетов. К этим замечаниям Гердер присовокупил совет предпринять учреждение корпораций с учеными целями; в заключение он вел речь о сделанном незадолго перед тем предложении герцога приступить к преобразованию существовавшего в Йене заведения для бесплатного содержания бедных студентов. Он полагал, что эта реформа будет иметь самое благотворное влияние на умственное и физическое развитие молодых людей, на их нравственность и образ жизни. Он изъявил готовность подробно изложить свой взгляд на этот предмет, лишь только ему сообщат необходимые официальные сведения.

Он исполнил это обещание в очень обширной памятной записке, в которой тщательно рассмотрел тот вопрос со всех сторон и которую он представил герцогу 28 февраля 1791 г. Из ее содержания видно, что он — на основании опыта, вынесенного из заведования веймарской даровой кухней, — ожидал от предположенных преобразований самых благотворных последствий. Несмотря на то что в этом деле принял горячее участие Гёте¹, задуманная реформа не состоялась вследствие несочувствия со стороны университетского правления.

Неужели Гердер мог находить время для удовлетворения более возвышенных умственных влечений, несмотря на то что был до крайности обременен новыми служебными занятиями и не-

¹ Сюда относятся те гётевские записки под № 80—82, которые помещены у Дюнцера (А, I, 133 и сл.) не в надлежащем порядке.

однократно серьезно занемогал? При своем тогдашнем положении он, по-видимому, никак не мог приняться за продолжение своей литературной деятельности, прерванной в 1788 г. путешествием по Италии. Промежуток времени между 1788 и 1791 гг. был продолжительной паузой. Однако он все-таки умел находить свободные часы для литературных занятий. Ранее уже было нами рассказано, что с января до сентября 1791 г. он занимался пересмотром четвертой части «Идей», которая была уже почти совершенно окончена до его отъезда в Италию, и каким образом он передал ее в типографию. Но еще в мае 1790 г., в то время как он с трудом поправлялся от тяжелой болезни, он написал небольшое сочинение в угоду своему швейцарскому другу; 31 марта 1791 г. он подписал предисловие к новому изданию первого сборника «Разбросанных листков», в которых он сделал некоторые поправки в слоге и в стихах и заменил некоторые отрывки из антологии новыми¹. Непосредственно вслед за выходом в свет «Идей» он во время тяжелой болезни, которой страдал с зимы 1791 до 1792 г., составил четвертый сборник «Листков» из старых и из вновь написанных отрывков². Из этих статей и стихотворений мы постараемся вычитать, какое направление приняли его мысли и чувства после возвращения из Италии, что помогало ему выносить гнет его тогдашнего положения и к чему он в то время стремился всеми силами своей благородной души.

Георг Мюллер напрасно надеялся, что Гердер завернет в Шафгаузен или по пути в Италию, или на возвратном пути в Веймар. Но он позаботился о том, чтобы возвратившийся домой Гердер нашел на своем столе сочинение своего друга. Это сочинение, состоявшее из одного тома «Философских статей» (Бреславль, 1789), ясно обнаруживало влияние Гердера на ум автора; оно было посвящено жившему в Веймаре другу и жившему в Майнце брату автора Иоанну. Другой рукописный труд, который

¹ К Глейму 22 мая 1792 г. (С, I, 150).

² Это говорила Каролина при отсылке сборника И. Г. Мюллеру 14 мая 1792 г. Около того же времени этот сборник был отправлен к Гейне (С, II, 217), к Эйхгорну (С, II, 302) и к Глейму № 112 и 113 (С, I, 147 и сл.). Уже 6 нояб. 1791 г. Гердер писал этому последнему: «Четвертая часть „Разбросанных листков“ выйдет в свет на Пасхе» (С, I, 145); сравн. письмо к Форстеру от 14 нояб. (А, II, 418). Поэтому следует полагать, что то письмо № 76 (А, I, 130 и сл.), в котором Гёте высказал Гердеру свое мнение о доставленном ему в рукописи и предназначенном для сборника отрывке «О памятниках доисторической древности», было написано позже, чем предполагает Дюнцер. См. что говорит о четвертом сборнике Кнебель (С, III 81, № 56).

был начат Мюллером во время его пребывания в доме Гердера¹ и заключался в не совсем законченном переводе «Тайны» Петрарки, уже в течение с лишком шести лет находился в руках Гердера, от которого переводчик ожидал критического отзыва. «Философские статьи» напомнили Гердеру и о переводе из Петрарки. Он был одарен способностью задумывать литературные проекты не только для самого себя, но и для других. Он поощрил своего друга к окончанию и изданию в свет его перевода, а с этим предприятием связал выраженное в «Теологических письмах» лишь в общих чертах намерение издавать сборник исповедей и автобиографий замечательных людей. В декабре 1789 г. мюллеровская рукопись была отослана обратно в Шафгаузен; тогда Мюллер, незадолго перед тем женившийся и не имевший никаких средств существования, кроме литературной работы, поспешил последовать совету Гердера. Он решил, что «Тайна» Петрарки и «Посвящение потомству» будут составлять первый том сборника «Исповеди замечательных людей»; извещая об этом решении Гердера, Мюллер просил его написать предисловие. Это предприятие было в сущности исполнением давнившей мечты Гердера. В доказательство своего сочувствия Гердер написал в конце мая 1790 г. предисловие или, вернее, заменявшие предисловие четыре дружеских письма. «Это мое первое литературное произведение после продолжительной болезни и упадка духом, — писал он Мюллеру. — Я надеюсь, что мое болезненное состояние не отразилось на его содержании».

Действительно, никто не мог бы принять эти письма за произведение больного человека. В них Гердер с удивительной прозорливостью и знанием человеческого сердца рассматривает содержание автобиографий св. Августина, Петрарки и Руссо и старается объяснить нравственную цену и цель таких публичных признаний. Он предоставил издателю изменять содержание этих писем, в случае если бы в них нашлось что-нибудь слишком резкое. При этом он, очевидно, имел в виду те выражения, в которых он указывал на опасность впасть в таких монологах в «соблазнительное кокетничанье с Богом и со своим собственным сердцем»; ведь ему было хорошо известно, что его юный друг

¹ Мюллер к Гердеру в январе 1797 г.; зимой 1782 г. он читал произведения Петрарки и «Исповедь» св. Августина в той комнате, которую занимал в доме Гердера. Отсылая Гердеру 7 марта 1783 г. свои переводы Петрарки, он писал: «Вы возбудили во мне это намерение; я с самого начала предназначил в моем сердце этот труд для Вас». И то, что следует далее, мы заимствовали из писем Мюллера и из писем Гердера, как напечатанных, так и ненапечатанных.

имел некоторое сходство с Петраркой, что при своем мягкосердечии он искал наслаждений не столько в действительной жизни, сколько в своем воображении. Он также имел в виду те выражения, в которых крайне неодобрительно отзывался о дневниках, сочиняемых с целью выставить характер автора в самом благоприятном свете, и о лицемерах, которые «выставляют напоказ свои мелочные страсти» и очень сожалеют о том, что не могут удовлетворять все свои потребности на публичной площади для назидания народа. «Даже те люди, которые отличались большой скромностью в своей молодости, могут до такой степени увлечься себялюбием, что будут всякого поражать своим дерзким смирением; их доводит до этой крайности чрезмерное к ним доверие, которое заглушает в них стыдливость. Подобно любовной привязанности заразительно действуют и сумасбродство благочестивых людей, и фантастические увлечения верующих: кто делается жертвой такой заразы, тот наконец приходит к убеждению, что он именно таков, каким его считают другие; в результате оказывается, что совесть заставляет его лицемерить и перед Богом, и перед людьми, и он становится похож на нравственного урода, прикрывающего свое безобразие мнимой святостью». Ни один прозорливый читатель не мог не заметить, что эти слова относились к Лафатеру и что личность цюрихского апостола постоянно была на уме у Гердера, когда он напал в рассматриваемых нами письмах на самомнение и лицемерие авторов автобиографии. То было лучшим доказательством несочувствия Мюллера к литературному направлению Лафатера, что он вовсе не старался смягчать резкие выражения Гердера, относившиеся к этому писателю¹.

Из рассматриваемых нами писем ясно видно, что было главной причиной разлада между Гердером и Лафатером, когда-то относившимися один к другому с таким высоким уважением. Эти письма также были чем-то вроде исповеди. Нам уже известно, как легко раздражался Гердер, как льстили его самолюбию похвалы и как он обижался порицаниями. Поэтому он намекает на свои собственные слабости, когда ведет речь о трудности познавать самого себя и о том, как следует заглушать в себе дурные наклонности. Он говорит, что каждый должен бороться со своими внутренними врагами, со своими заблуждениями, которые

¹ Небольшие перемены, указанные в SWS (XVIII, 587 и сл.), не касаются содержания писем. В первом томе «Исповеди замечательных людей» (Винтертур, 1791) помещены на с. I—XL заменяющие введение письма Гердера. Оттуда они были перепечатаны в SW в отделе филос. (XIII, 211 и сл.) и в SWS (XVIII, 359 и сл.).

иногда бывают результатом вредных впечатлений и привычек молодости, а иногда бывают в нас наследственными. На эти размышления он, очевидно, был наведен своим собственным опытом. В конце своих писем он приводит несколько сонетов Петрарки в немецком переводе.¹ Но поданный им пример таких стихотворных подражаний уже давно возбудил соревнование в более юных писателях. Искусство, с которым А. В. Шлегель передавал вместе с содержанием стихов воспевавшего Лауру поэта и их благозвучную форму, уже одержало верх над обыкновением Гердера переводить нерифмованными стихами. Поэтому Мюллер поместил в конце своих прибавлений к исповеди Петрарки четыре сонета к Лауре, переведенных Шлегелем и только что появившихся в гёттингенском «Альманахе муз».

При неоднократных попытках Гердера переводить иностранные стихотворения, его главная цель заключалась вовсе не в том, чтобы найденные на чужой почве поэтические произведения пересаживались на немецкую почву без всяких изменений в их внешней форме. Он только ради забавы — из соревнования с Фойгтом и по приглашению Виланда — однажды попытался перевести римскую канцону тем же стихотворным размером, каким она была написана. Он полагал, что на стихотворный размер следует смотреть только как на средство передавать дух и содержание, смысл и тон иностранных поэтических произведений. Его эстетическое влечение ко всем стихотворениям, как народным, так и искусственным, всегда отзывалось какими-нибудь нравоучительными целями, а предпочтение, которое он оказывал эпиграмме, басне и схожим с ними видам поэзии, ясно доказывало, что поэзия удовлетворяла его всего более тогда, когда затрагивала какие-нибудь важные истины. Это направление его ума, основанное на впечатлениях его ранней молодости, обнаружилось еще сильнее после того, как он до пресыщения наслаждался в Италии созерцанием настоящих художественных произведений. Тогда он понял, что и самая дюжинная идея может казаться привлекательной благодаря красоте ее выражения; поэтому он перестал преклоняться перед изяществом бессодержательных внешних форм и стал ценить в поэзии только то, что полно содержания, правдиво и нравственно.

В четвертом сборнике «Разбросанных листков» ясно видно такое стремление к нравственным целям. В подписанном 7 апре-

¹ См. выше, с. 37. Как поместил этот перевод в своих «Briefe Goethes an Voigt» (с. 459 и сл.). В SWS (XXVII, 39 и сл.) помещен только сонет Петрарки.

ля 1792 г. предисловии сам Гердер назвал этот сборник «нравственным цветником». При входе в этот цветник нас прежде всего обдают своим благоуханием «Цветки из восточной поэзии»¹; другая оригинальность нового сборника заключается в том, что в нем еще чаще, чем в третьем сборнике, восточные стихотворения вытесняют стихотворения греческие, — можно бы было подумать, что вследствие его продолжительного пребывания в стране, усеянной памятниками классической древности, ему надоел классицизм. «Почему же, — говорит он в предисловии, — и другие страны, кроме Греции и Рима, не могли бы иметь своих антологий?» С другой стороны, следует заметить, что переводчик желает пересадить эти цветки на немецкую почву не ради их художественности, а ради их нравоучительного содержания. Он пишет вольным метрическим размером — большей частью усвоенными им из греческой антологии двустопиями — и постоянно старается смягчать резкость восточных красок. В трех первых книгах он поместил изречения из «Розового сада» Саади, в четвертой книге — между прочим, произведения других персидских и арабских поэтов и этим подал пример того пересаживания восточных произведений на немецкую почву, которое вызвало появление гётевского «Западно-восточного дивана» и рюккертовских подражаний и наконец привело к возникновению новой отрасли поэзии, нового изящного вкуса и новой поэтической техники. Мысль о таком предприятии уже давно бродила в его уме. Точно так же, как и приступая к изложению четвертой части «Идей», он приступил теперь к такой работе, для которой у него была готова большая часть материалов еще до его отъезда в Италию. Некоторые отрывки из этой антологии он уже ранее издал в другой форме, а в переводах из «Розового сада» Саади он уже давно упражнялся. Произведение Саади понравилось ему наравне с Библией еще в то время, как он был очень молод; оно служило для него, как он сам сознавался, источником приятных нравоучений, «нередко излагавших в новой форме лучшие библейские изречения». Еще в Нанте он так часто перечитывал басни персидского поэта, что заучил их наизусть; они служили для него чрезвычайно приятным развлечением во время скуки, которую наводили на него произведения современных французских поэтов. В своем сочинении о влиянии правительств на науки он говорил, что это

¹ Теперь они напечатаны в SWS (XXVI, 370 и сл.) с примечаниями (с. 489 и сл.) и с указанием источников (с. 471 и сл.). То же самое помещено в SWH, VI.

«самый изящный цветок, какой только мог распуститься в саду какого-нибудь султана»; уже в том сочинении он превозносил прекрасный гимн к Богу и первую часть предисловия, которую он ставил в «Теологических письмах» наряду с гимном природе Шефтсбери; даже в диалоге о Спинозе он вставил некоторые отрывки из сочинений Саади¹.

В связи с изречениями Саади были написаны и «Отрывочные замечания об афоризмах и метафорах, в особенности о тех, которые встречаются у восточных писателей»². Но из содержания этих замечаний видно, что они писались во время болезни Гердера. Автор лишь легкими штрихами характеризует направление арабской и персидской поэзии. Только заключительные размышления о достоинстве изречений представляют некоторый интерес, потому что из них видно, каково было в то время душевное настроение Гердера. Автор выражает свое удовольствие по поводу того, что немецкая поэзия издавна занималась философскими и нравственными вопросами; поэтому он и посвящает сборник восточных изречений «нравственному духу» немецкой нации.

Еще прежде чем он приступил к составлению этой новой части «Разбросанных листков», его влечение к восточной поэзии было сильно возбуждено появлением одной замечательной книги. Эта книга была написана одним из его старых знакомых, с которым его связывала общность научных интересов. Георг Форстер два раза заезжал к Гердеру в Веймар вместе со своей женой, которая была дочерью Гейне: в первый раз он заезжал в Веймар в сентябре 1785 г., когда перевозил свою жену из Гёттингена в Вильну, во второй раз — через два года после того, когда возвращался в Германию в намерении предпринять новое путешествие вокруг света. Этот симпатичный энтузиаст очень интересовал Гердера своим вынесенным из путешествий знакомством с отдаленными странами и своими философскими идеями; а Форстер был в восторге от личных бесед с Гердером и от широких воззрений автора «Идей»; так как он был приглашен к участию в новой экспедиции, то он желал посоветоваться с Гердером и предложить ему свои услуги. Но задуманное путешествие не состоялось, и Форстеру пришлось ограничиться литературной деятельностью. В мае 1791 г. он прислал своему веймарскому другу «Сакунталу», переложенную на немецкий язык с английского

¹ LB. II, 57, 61; О познании. С. II; О влиянии и т. д. С. 14; Теологические письма. I, 344; статья «Бог», с. 84 и сл. (во 2-м изд. — с. 102 и сл.).

² SW в отделе литер. IX, 177 и сл.

перевода Джона. Гёте с восторгом читал эту поэму и превознес ее в изящных стихах. Гердер также увлекся ее содержанием. В своем благодарственном письме к переводчику он говорил: «Это настоящий восточный цветок, самый красивый в своем роде; такие цветки появляются лишь один раз в течение двух тысяч лет»¹. А в «Разбросанных листках», в «трех письмах о восточной драме»² он возвестил о выходе в свет оригинального поэтического произведения. «Сакунтала» имела, по его мнению, большое сходство с «Песнью Песней»; в ней частью описана, частью слегка обрисована то нежная, то кокетливая, то страстная любовная привязанность. Гердер прочел эту поэму так, как ее следует читать, — не с торопливым любопытством, а «по-индийски, с напряженным вниманием и спокойствием»; на него произвел сильное впечатление этот новый мир индийских воззрений, нравов, чувств и фантастических мечтаний, носивших на себе несомненный отпечаток неподдельности. Выражая желание познакомиться с другими произведениями индийской поэзии, он признается, что из одной «Сакунталы» он извлек более ясное понятие о складе ума индийцев, чем из всех индийских Упнек и Бхагавад». Его суждения отзываются нерешительностью только тогда, когда он пытается оценить драматические достоинства «Сакунталы». Как жаль, что Лесинга уже нет в живых!» — воскликнул Форстер. Это восклицание точно будто заживо задело Гердера, так как он попытался применить к произведению Калидасы требования аристотелевской теории. Неизбежным последствием этой смелой попытки было то, что он постоянно колебался между заимствованной от Лессинга уверенностью в непогрешимости аристотелевских правил и своим собственным давнишним убеждением, что местные и временные требования греческой театральной сцены не могут служить законом для всех стран и времен. Его сравнения не отличаются свойственной Лессингу прозорливостью и последовательностью, и он наконец приходит к следующему выводу: первое индийское поэтическое произведение, сделавшееся нам известным, очень близко подходит к произведениям греческой поэзии во всех своих главных частях». Между тем он сам уклоняется от этого приговора, более

¹ Все вышеизложенное извлечено из переписки Форстера с Гердером (А, II, 381 и сл.).

² Эти письма напечатаны в SW в отделе литер. (IX, 181 и сл.) вместе с позднейшим предисловием ко 2-му изд. «Сакунталы» (1803). Отрывки индийских стихотворений, приложенные к этим письмам, напечатаны в SWS (XXVI, 417 и сл.).

верно определяя настоящее достоинство «Сакунталы». Это, говорит он, драматическая эпопея, священный рассказ о богах и царях, изложенный в самой увлекательной форме и всецело наполненный сверхъестественными происшествиями; вот почему — т. е. потому что индийская драма в сущности имеет очень мало общего с греческой — нас восхищает идиллический характер первых сцен и эпический характер последних; все равно, подходят ли они под требования драмы и согласны ли они с правилами Аристотеля, они принадлежат к числу лучших произведений, какие когда-либо создавал человеческий ум. Даже в последние годы своей жизни, в предисловии ко 2-му изданию форстеровского перевода «Сакунталы», Гердер повторял свое мнение, впервые высказанное в «Разбросанных листках»; разница заключалась только в том, что в том предисловии он высказывал это мнение в связи с изложенными в «Адрастее» воззрениями на задачу высшей драмы. Тогда он говорил, что, несмотря на свое внешнее несходство с греческими, французскими и английскими драматическими произведениями, «Сакунтала» — такая драма, в которой целый ряд разнообразных сцен переносит читателя от идиллической прелести уединенных рощ за облака в высшую сферу эпоса, что она полна таких идей, которые отличаются неподражаемой гуманной мягкостью и вместе с тем возвышенностью.

Именно в то время для европейцев в первый раз открылась возможность основательно изучать древнюю индийскую литературу по изданиям основанного в Калькутте ученого общества. Благодаря своим связям в Гёттингене Гердер мог пользоваться хранившимися в тамошней библиотеке материалами. Для коротенькой главы «Идей» об Индостане он черпал сведения только из мало надежных и не прямых источников; поэтому он теперь поторопился воспользоваться изобилием нового материала. Своим разбором и своей оценкой «Сакунталы» он оказал почти такую же услугу, за какую горячо благодарил немецкого переводчика. Он сам стал переводить индийские стихотворения и в дополнение к сборнику персидских и арабских изречений поместил вслед за письмами о восточной драме «Мысли некоторых браминов»; эти мысли он перевел частью гекзаметрами, частью трофеями и ямбами, а извлек их из «Гитопадезы», из «Бхавадгиты» и из более древних изречений Бартригари¹. Действительно,

¹ SWS. XXVI, 406 и сл., вместе с примечаниями на с. 491 и сл. и с указанием источников на с. 474 и сл.

Гердер, живя позади веймарской кирхи, сделал для возбуждения интереса к индийской литературе все, что можно было сделать без знания местного языка и без непосредственного знакомства с литературными памятниками. Он начал возделывать в Германии ту почву, на которой были посеяны плодовые семена сочинением Фридриха Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» и на которой расцвела рюккертская «Мудрость брамина». Он сделал это благодаря тому, что, никогда не довольствуясь найденными сокровищами, поощрял к дальнейшим исследованиям в надежде, что со временем можно будет написать историю мифологии, искусств и поэзии этого замечательного народа. Наконец, он успел в этом предприятии благодаря тому, что сам излагал свои суждения об образе жизни и художественных произведениях индийцев на основании находившихся налицо сведений. Преимущественно о Древней Индии идет речь в разделяющейся на две части статье «О памятниках первобытного мира»¹, помещенной перед письмами о «Сакунтале». Она в одном роде с помещенной в третьем сборнике статьей «О Персеполе» и служит переходом от Персии и Индии; в ней Гердер излагает свои соображения, становясь на более возвышенную и более общую точку зрения. Точно так же, как в статье «О Персеполе», здесь излагаются идеи о философии истории, составляющие нечто вроде дополнения к капитальному историко-философскому сочинению Гердера. Здесь же, между прочим, идет речь и об источниках исторических сведений. Такими источниками, более надежными и достоверными, чем рассказы историков, Гердер считает остатки зданий и художественных произведений, развалины и камни со сделанными на них надписями. Это, по его мнению, такие «Памятники первобытного мира», которые знакомят нас с прошлой народной жизнью и в сравнении с которыми все позднейшие рассказы не что иное, как «болтовня». Благодаря тому что он часто обменивался мыслями с Гёте, он привык связывать свои исторические размышления со ссылками на изучение природы. Поэтому он остроумно соединяет археологические исследования с геогностическими. Подобно тому, говорит он, как следы переворотов, совершавшихся во внутренностях нашей земли, служат ключом к изучению истории земного шара, и находящиеся на поверхности земли памятники должны служить источником сведений для истории человеческого рода. Он требует того, что впоследствии

¹ Эта статья напечатана в SW в отделе филос. (I, 15 и сл.). Касательно разбросанных в ней стихотворных переводов Гердера см.: SWS. XXVI, 492.

действительно делалось с постоянно возраставшими усердием, искусством и успехом, — чтобы «ни один покрытый надписями камень не был обойден, чтобы ни одна непонятная надпись не была оставлена без внимания». По меньшей мере относительно того, как следует пользоваться такими памятниками, он устанавливает общие правила. И насколько эти правила более разумны и более осмотрительны, чем мечты автора «Древнейшего документа»! Говоря о памятниках древней культуры восточных народов, он не позволяет принимать еврейские сказания за основу для объяснения этих памятников. Каждый памятник должен говорить сам за себя; объяснений его смысла следует искать, по мере возможности, на том месте, где он стоит, а при этом, конечно, не следует оставлять без внимания и взаимное влияние, которое имели древние народы друг на друга. Для того чтобы не впасть в заблуждения, он советует не забывать, что эти храмы, дворцы, гробницы были воздвигнуты народами, находившимися в юношеском периоде своей жизни. Наконец, он говорит, что исследования этого рода могут быть плодотворными только при условии, чтобы отыскивались не только причины, вызвавшие сооружение того или другого памятника, но и цель, которая имелась при этом в виду. Вслед за этим изложением основных правил Гердер говорит о намерении изложить «свои соображения касательно некоторых древних памятников, а в тех случаях, когда будет оказываться недостаток ясных исторических указаний, изложить некоторые догадки». О том, что именно он замышлял, Гердер писал Гейне, что это будет видно из позднейшего продолжения статьи, — а покуда он повел речь о найденных на берегах Ганга развалинах древних храмов. Касательно этих развалин он имел очень неясные сведения, заимствованные из рассказов путешественников и из отчетов азиатского ученого общества. Но и этих сведений было достаточно для того, чтобы навести его на разные идеи и соображения, хотя он сам сознается, что стоит на очень нетвердой почве и точно будто ведет речь о мифологических метафорах и сказаниях, передаваемых по слухам. Тем не менее он очень метко объяснил, почему символически характер индийской религии препятствовал развитию индийского искусства, а отсюда он перешел к не совсем успешной попытке объяснить некоторыми извлечениями из «Бхагавадгиты», в чем заключались некоторые отличительные черты индийских верований и философических идей. За эту статью и за статью о «Сакунтале» Эйхгорн благодарил его в следующих выражениях: «Вы оказали азиатской литературе такую услугу, какой еще никто ей не

оказывал»¹. Этот знаменитый ориенталист признавал за Гердером ту заслугу, что он начал обращать на древние восточные памятники внимание ученых, прежде интересовавшихся только памятниками греческими и римскими.

Но кроме отборных восточных стихотворений, представляющих, между прочим, нравственный интерес, и кроме только что рассмотренных нами статей, представляющих интерес исторический, в нашем сборнике есть еще две статьи, наполненные исключительно нравоучительным и историческим содержанием; одна из них — лекция «О бессмертии человеческой души», а другая напоминает Парамифии своим заглавием «Тифон и Аврора»².

Лекция была действительно прочитана 4 ноября 1791 г. и притом в самом избранном обществе. Сочувствие, с которым Гердер относился к вдовствующей герцогине со времени своего переезда в Веймар, еще усилилось вследствие одновременного пребывания в Риме и Неаполе и вследствие взаимных услуг. Лишь только Гердер возвратился из Италии в Веймар, герцогиня написала ему любезное письмо из Неаполя; в другом письме она описала ему развалины Песта, как бы желая вознаградить его за то, что он не мог исполнить своего намерения лично осмотреть эти развалины³. После того как герцогиня возвратилась в июне 1790 г. в Веймар, воспоминания о том, что она осматривала в Италии вместе с Гердером, служили естественной связью между ней и ее бывшим спутником, младшему сыну которого она дала итальянское имя. Еще в 1797 г. она передала Гердеру на просмотр описание своих путевых впечатлений, прося его сделать нужные поправки⁴. Но только с тех пор как герцогиня переехала на жительство в бельведер, Гердер стал посещая ее, позабывать неприятности своего положения и пришел к убеждению, что находил в ее обществе то, что едва ли мог бы найти в Гёттингене. В бельведер Гердер иногда отправлялся для того, чтобы там пить свои минеральные воды; там же жил у герцогини его сын Август. «Я стараюсь, — писала она 3 августа Кнебелю, — собирать

¹ 20 мая 1792 г. (С, II, 302 и сл.).

² Первое из этих произведений помещено в SW в отделе филос. (VIII, 76 и сл.), а второе, кроме того появившееся особым изданием (в Готе, у Эттингера. 1792, 48 стр.), — в SW в отделе филос. (III, 3 и сл.).

³ Эти письма, помеченные 11 авг. и 19 окт. 1789 г., находятся у меня в подлинниках.

⁴ Ответные письма Гердера на не попавшие в печать записочки герцогини помещены в «Herderalbum» (с. 45, 46).

у меня достойных людей; у меня часто бывают Гердер, Гёте и Виланд». Следующей зимой этот кружок стал еще более регулярно собираться после переезда герцогини в город. У нее устраивались раз в неделю, обыкновенно по понедельникам, вечера, на которых читали вслух Гердер, Виланд и г-жа Берлепш, проводившая зимы в Веймаре. И Гердер, и герцогиня старались описанием этих вечеров заманить в Веймар жившего в Аншпахе Кнебеля, для того чтобы он занимал дам своим разговором. Не легко и не часто, говорил Гердер, можно собирать такое приятное общество; он особенно хвалил хозяйку дома за ее любезность и сердечную доброту¹. Она, действительно, была душой общества, а в ее дворце собиралась маленькая веймарская академия, основанная 5 июля 1791 г. и открывшая свои заседания 9 сентября. Члены академии собирались там в первую пятницу каждого месяца и занимались поучительными беседами или разного рода докладами, в которых сообщали избранной публике плоды своих ученых занятий или извлечения из прочитанных книг². В заседании 4 ноября, вслед за докладом Гёте о причине, разлагающей луч света на его составные цвета, Гердер прочел ту лекцию, которая вошла в состав четвертого сборника «Листков». Это было нечто вроде окончательного вывода из только что отложенных в сторону идей о философии истории. Здесь Гердер вел речь о бессмертии души не как теолог, а как историк-философ; то, что он говорил об историческом бессмертии, напоминало его диалоги о Спинозе. От мысли о посмертной славе он переходит к развитию более глубокой мысли о натуральном посмертном влиянии человеческого ума. Все мы, говорит он, вращаемся в элементе вечно живучей человечности. Подобно тому как мы живем жизнью прошлых поколений, наследуя от них язык, изобретения, нравы, и мы сами передаем следующим поколениям все, что есть самого благородного в нашей натуре; наша душа живет прошедшим для будущего. Чем чище и благороднее наша натура, тем вернее она передается потомству и таким образом становится бессмертной: настоящий человек тот, кто умеет правильно пользоваться прошедшим для будущего. Орудиями такого влияния служат язык,

¹ См. письма герцогини к Кнебелю от 3 авг. и 4 нояб. 1790 г. (Knebels. Litt. Nachl. I, 201 и сл.) и письма Гердера к Кнебелю от 7 янв. и 6 марта 1791 г. (Там же. II, 259 и 263).

² Статут этого общества и протокол первого заседания напечатал Jahn в «Goethes Briefe an Voigt» (с. 443 и сл.). Сведения об этом обществе и отчет о заседании 4 нояб. 1791 г. можно найти у Бёттигера (Böttiger. Litt. Zustände. I, 23 и сл.).

письменность, наука, искусство и законодательство. Но эти орудия окажутся действительными только при условии, чтобы мы отложили в сторону всякие помыслы о наших личных интересах, а достигнуть этого не трудно тому, кто «хоть раз наслаждался атмосферой высших сфер и мысленно перенесся в царство истины». Счастливы те смертные, которые находят самый прямой путь к упрочению своего влияния на потомство: на их жизни лежит печать бессмертия. Такое воззрение на человеческую жизнь придает ей новую цену: оно научает нас дорожить нашим высоким положением, внушая нам желание избирать самые лучшие способы для посмертного влияния и таким образом заранее наслаждаться сознанием нашего бессмертия.

С содержанием этой лекции имеет родственное сходство и заключительная статья четвертого сборника «Тифон и Аврора»; но эта последняя особенно замечательна тем, что на ее содержании заметно влияние личных отношений автора и современных политических событий.

Еще в своей молодости — в минуты недовольства самим собой и под влиянием сознания, что ему не доставало рассудительности и последовательности в действиях, — Гердер задумал написать психологическую и педагогическую статью о том, отчего молодеет и стареет человеческая душа. Он считал самого себя «старым в годы юности», а так как он это приписывал главным образом своему образованию, то он и попытался объяснить, каким образом можно предотвращать наступление такой преждевременной старости посредством правильного и согласного с законами природы развития тех душевных сил, которыми отличается один человеческий возраст от другого. В ту пору своей жизни, о которой здесь идет речь, Гердер жаловался на свою преждевременную старость в ином смысле и по другим причинам. Поэтому он снова взялся за старую тему, но придал ей новый смысл и изложил ее с новой целью. Недовольство самим собой превратилось в чувство скорби. Статья «Тифон и Аврора» начинается грустным размышлением о том, много ли найдется таких людей, которые пережили самих себя. Автор с психологической тонкостью расследует разнообразные причины, по которым различные характеры доводят людей до ранней умственной смерти. Он ведет речь о тех людях с крайне впечатлительным сердцем, которые в случай неуспеха в своих самых благородных стремлениях становятся похожи на растение, у которого поблекли листья, оттого что у него повреждена сердцевина. «В нашем обществе, быть может, найдется таких омертвевших людей го-

раздо более, чем думают, потому что они большей частью не выказывают своей скорби и причину своей медленной смерти носят как печальную тайну в своем сердце, скрывая ее даже от друзей. Читая эти слова, невольно вспоминаешь, как часто уже в ту пору Гердер жаловался своим интимным друзьям на свою «неудавшуюся жизнь». Но на самом деле эти слова неприменимы к нему, потому что в его груди было две души — одна, чувствовавшая себя старой и измученной, и другая, всеми силами борющаяся с этим чувством и носившая в самой себе средства помолодеть. О таких средствах идет речь во второй части статьи, возвышающейся от начальных элегических аккордов к героическим. Почти сам того не сознавая, автор объясняет нам, каким способом он одержал победу над своей склонностью падать духом. «То, что называется пережить самого себя, — говорит он, — в самых лучших натурах есть не что иное, как дремота, предшествующая новому пробуждению». Самое лучшее утешение, какое может доставить нам философия, заключается в том, что она научает нас полагаться на наши собственные силы. Мы должны действовать и жить, не заботясь о том, что думают о нас другие; мы должны главным образом выдерживать наш характер. «Поэтому, — говорит Гердер в заключение — пусть человек никогда не стареет, подобно Тифону, в ложном убеждении, что его молодость безвозвратно миновала; напротив того, пусть из его рук ежедневно выходит новая Аврора с новой жаждой деятельности!»

Еще в то время когда Гердер стал в первый раз размышлять о причинах, по которым молодеет и стареет человеческая душа, он присоединял к этим размышлениям некоторые политические идеи, принимая их за руководство для задуманной им памятной записки о культуре в России. И теперь, при своем совершенно изменившемся положении, он присовокупил к тем размышлениям некоторые политические соображения, так что статья «Тифон и Аврора» получила двойственный характер.

Гердер переходит от психологических соображений к политическим при посредстве следующего замечания: переживают самих себя не только отдельные личности, но также, и даже долгие, государственные учреждения, законы, сословия, корпорации, внешние формы религии, искусств и наук. Он красноречиво описывает впечатление, которое производят на серьезного наблюдателя явления такого рода. Он сам принадлежал к числу таких наблюдателей, живя в Италии, которую называет самым поучительным театром пережитых эпох человеческого существования и всемирной истории. Его занимает теперь вопрос: ка-

ким образом все это могло бы снова помолодеть? Он решительно отвечает: не путем революций. В революциях, говорит он, всегда обнаруживается варварство, наглое господство силы и сумасбродный произвол. Люди не должны уклоняться от пути, указанного все исцеляющей натурой, которая медленно подвигается вперед не посредством революций, а посредством эволюций. Поэтому мудрый монарх должен поступать как предусмотрительный хозяин, а не как враг природы. Кто желает быть слугой разума и справедливости, тот будет содействовать развитию находящихся налицо сил, даже будет предупреждать его. В этом отношении может служить для нас примером Англия. Благодаря такой благоразумной предусмотрительности, она возвысилась до своего теперешнего положения, и ей удалось упрочить на несколько столетий то счастье, которое доставляют заимствованные прямо из жизни учреждения. Когда сословия и общественные учреждения состарились, то и частному человеку, и государству, желающему избежать «тех страшных бедствий, которые называются государственными переворотами», можно дать только один совет: следует поддерживать или восстановить нормальную деятельность жизненных сил, а не вступать в борьбу с натурой вещей. Автор кончает свою статью выражением розовых надежд. Он находит преувеличенными надежды Беркли, что пятый акт всемирной истории разыграется в быстро усиливающихся американских Соединенных Штатах. Ему кажется, что и в объятиях престарелого Тифона — Европы — дремлет новая Аврора. Мало того, он кончает статью следующими словами: «В великой драме, которая разыгрывается в нашей также не старой стране света, до сих пор были исполнены не четыре акта, а только три; а кто же в состоянии сказать нам, сколько раз престарелый Тифон человеческого рода может и будет заново молодеть на нашем земном шаре?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЕРДЕР ПОД ВЛИЯНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Для всякого очевидно, что в только что рассмотренной нами статье делаются намеки на те события, которые уже в течение трех лет приковывали к себе общее внимание.

Разве автор «Идей» не должен был прежде всех других придумать над той всемирно-исторической драмой, которая разыгрывалась во Франции? Ведь в то время можно бы было подумать, что занавес, обыкновенно скрывающий от любопытных взоров внутренние пружины исторических событий, на минуту разорвался; даже можно бы было подумать, что уже наступает или даже наступило то предсказанное в гердеровском предисловии к «Идеям» время, когда можно писать настоящую философию истории человечества.

Но от такого человека, рассудок которого так часто подчинялся влиянию чувств и который привык постоянно переноситься из действительной жизни в сферу отвлеченных идей, нельзя было ожидать здравого и практического суждения о великом общественном перевороте, совершавшемся в соседней стране. Отвлечение Гердера к системе управления и к милитаризму Фридриха Великого и его патриотическая преданность к Екатерине и к России были выражением чисто личных чувств и плодом очень неопределенных, юношески незрелых понятий. Суждения, которые иногда высказывал юноша Гердер о положении европейских государств, были похожи на случайно возникшие идеи и потому не имели большой цены, а смелое намерение этого ученика Руссо и Монтескье помочь русской императрице своими советами очень скоро превратилось в педагогические и историко-философские мечтания. Подобно тому как, живя в Риге, он научился превозносить великую императрицу, не переставая быть хорошим республиканцем, и впоследствии он, подобно многим из своих современников, соединял с услужливостью придворного человека какой-то неопределенный радикализм, побуждавший его крайне резко отзываться с глазу на глаз о дворянстве как о па-

мятнике человеческой глупости и о существовании рабства как о великом общественном бедствии¹. Он был таким же патриотом, как Клопшток, и его идеал приличной для человечества формы общественного устройства не подходил ни под одну из существовавших в его время форм государственного управления. Поэтому он, подобно Клопштоку и Лессингу, стал возлагать большие надежды на императора Иосифа как на такого правителя, который способен создать для немцев все, в чем они крайне нуждаются, — и убежище для немецкой науки, и отечество, и особый язык, и особую религию²; в то же время он стал вместе с Глеймом мало-помалу переходить на сторону приверженцев Фридриха и стал, хотя и с некоторыми оговорками, разделять надежды Иоанна Мюллера на так называемый фюрстенбунд, к которому примкнул и Карл Август. Но в общем результате оказывалось, что ко всем этим политическим вопросам он относился только как идеалист, смотревший на политику с гуманной точки зрения. Даже в своем сочинении на премию о влиянии правительств на науки он не был в состоянии придать практическую ясность и определенность своим воззрениям на те рамки, из которых не должна выходить деятельность государства. Наконец его великое историко-философское сочинение обращает крайне поверхностное внимание на развитие тех самых государственных учреждений, без которых, по его убеждению, немислимо развитие гуманности и разума; оно отличается мастерскими характеристиками, но отзывается дилетантизмом всякий раз, как заводит речь о политике.

В то время как он излагал свои «Идеи о философии истории», он, очевидно, находился под сильным влиянием тех парадоксов своего друга Эйнзиделя, в которых отвергалась необходимость какого-либо государственного устройства. В своем небольшом историко-философском сочинении 1774 г. он говорил о господствовавшем в XVIII столетии стремлении к просвещению таким тоном, каким пишутся пасквили; потом, в своих «Идеях», он хотя и отзывался о просвещении более благосклонно, потому что стал приписывать ему гуманные цели, но именно вследствие этого он стал еще резче прежнего неодобрительно отзываться о существующих формах государственного устройства. Его несочувствие к Канту довело его в этом отношении до такой крайности, что он стал отзываться с ненавистью о всяком государственном

¹ Aus dem Herderschen Hause. С. 73, 109.

² См. стихотворение «An den Kaiser» (SW. III, 186).

устройстве, о всяком правительстве; а препятствия, которые он встречал в своей собственной деятельности со стороны истари установленных форм и предрассудков, до крайности усилили его презрение к тому, что он называл «старой саксонской грязью». Вот почему он видел во всякой форме управления или средство обеспечить для каждого отдельного лица свободное наслаждение жизнью, или неизбежное зло, которое следовало выносить ради достижения конечной цели — распространения гуманных идей на пользу всему человеческому роду. Он далеко не выяснил, каким образом могут совмещаться политика с нравственностью, подчинение государству с индивидуальной свободой, государственные и сословные права с требованиями человеколюбия и гуманности. Нетвердость его убеждений всего ярче обнаружилась при отделке той главы, в которой шла речь о правительствах. Он сбился с толку, даже приискивая для нее приличное заглавие. Он первоначально намеревался охарактеризовать все правительства словами «искусственные машины» или «опекуны над человечеством». Он сначала хотел признать основанными «на рассудке» только «натуральные правительства», которые учреждаются для устройства какого-нибудь одного дела и власть которых прекращается с устройством этого дела. Как эту мысль, так и то мнение, что для наследственного правительства может служить основой не разум, а право завоевания и порабощение, он высказал в напечатанном тексте, но еще более энергично в первоначальной рукописи, которая потом была переделана. Можно бы было подумать, что мы читаем какую-нибудь статью Руссо или Эйнзиделя, когда находим у Гердера следующую фразу: «Не знаю, можно ли найти более грубое заблуждение человеческого рассудка, чем признание права повелевать в силу происхождения и признание обязанности повиноваться такому повелителю, — конечно, если смотреть на такое право и на такую обязанность с точки зрения естественных законов». Право царствовать «милостью Божьей» может существовать, по его мнению, только потому, что ему подчиняются управляемые и пока они ему подчиняются; а в доказательство негодности такого права он приводит многочисленные примеры безобразий, совершавшихся деспотами в Марокко, в Персии и в Китае. Что это зло находит пределы в самом себе, он называет грустным утешением. «То было бы еще более грустным утешением, — прибавляет он, — если бы мы стали ссылаться на традицию... даже если допустить, что наши предки поступили благоразумно, поставив над нами опекунов, то сделанная ими прибавка, что эта опека должна

вечно существовать, освобождает нас от обязанности подчиняться такому распоряжению». Эти рассуждения были оставлены автором без изменений, только форма их изложения была несколько смягчена, без сомнения, из опасения нарушить цензурные правила. Когда-то так горячо отстаивавший права традиции Гердер стал — в своих нападках на наследственность монархических и аристократических учреждений — противопоставлять традиции требования разума; он, по-видимому, даже вовсе не допускал, чтобы можно было найти для традиционных государственных учреждений какие-либо разумные мотивы.

Нетрудно догадаться, каким образом должен был относиться к совершавшемуся во Франции перевороту тот, кто высказывал такие противоречивые суждения о политических делах, кто с таким энтузиазмом говорил о гуманных целях человечества и был так уверен в окончательном торжестве гуманных идей. В том, что он говорил о том перевороте, не видно ни свойственной теоретикам строгой последовательности, ни свойственной государственным людям хладнокровной предусмотрительности. Он постоянно переходил от одобрений к порицаниям, выражал то восторг, то отвращение. Он сочувствовал идеям революции, но в принципе был противником всяких революций. Он радовался совершившемуся перевороту, пока дело шло об уничтожении старых злоупотреблений и привилегий; но его возмущали беспорядки и насилия, которыми сопровождался этот переворот. Для оценки великих государственных реформ он не употреблял никакого другого мерила, кроме понятия о гуманности, а его понятие о гуманности было основано на том идеальном понятии о высших требованиях рассудка и нравственности, которое он извлек из благородных влечений своего собственного сердца и из своей чистой совести.

В веймарской атмосфере, вблизи от герцогского двора, Гердер был скоро вынужден осторожно высказывать свои мнения о Французской революции. Между тем как в высших веймарских сферах обнаруживалась самая тревожная заботливость об участи, ожидавшей французскую монархию, и даже высказывалось намерение вмешаться в совершившиеся во Франции события, Гердер считал за неопределимые приобретения и провозглашение человеческих прав, и уничтожение феодальных привилегий, и новую конституцию, а всякую попытку противодействовать этим нововведениям он считал за безрассудство или за преступление. Он вполне одобрял содержание «Разговоров между богами» за то, что там Юпитер отказывается вступить за королей,

потому что из какого-нибудь карточного князя нельзя сделать другого Генриха IV и потому что всякий народ имеет право заводить у себя такие порядки, какие ему нравятся, — да и бесполезно было бы браться за дело Немезиды, которая сама сумеет положить конец всяким преувеличениям. Говоря о нерасположении царствующей герцогини к Франции, Гердер писал 20 сентября 1790 г. разделявшему его мнения Кнебелю, что «впредь не будет грешить своим языком». Он ничего не отвечал на письма своего друга Георга Мюллера, который еще в мае 1790 г. жаловался на вредное влияние лихорадочного влечения к свободе в республиканской Франции, называл Национальное собрание «шайкой фанатиков» и насмеялся над «великим политиком Виландом»; Мюллер верно понял причину этого молчания — это видно из того, что он впоследствии советовал своему другу прочесть «Размышления» Бурке, а в оправдание своих резких нападок на возникшее из революции господство черни ссылался на то, что, живя вблизи от французской границы, он имеет более верные сведения о господствующей во Франции страшной неурядице, чем Гердер, живущий в центре Германии¹.

Тем не менее Гердер вовсе не намеревался скрывать свое мнение о совершившихся великих событиях. То было новым доказательством его заботливости о пользах человечества и во всяком случае делает ему честь, что он не был в состоянии взять на себя роль безмолвного зрителя разыгрывавшейся драмы, несмотря ни на какие стеснительные посторонние соображения.

Он мог бы исполнить эту трудную задачу самым удовлетворительным образом, если бы взялся за продолжение своих «Идей» и в пятой части этого сочинения довел бы свой исторический обзор до современных событий. Именно таково было его намерение. Он предполагал описать в пятой части «Идей» возникновение европейских государственных учреждений, а это описание натурально привело бы к изложению его мнения об упразднении старых государственных учреждений во Франции и о будущих последствиях этого переворота. Он надеялся, что к Пасхе 1792 г. будут готовы последние пять книг «Идей». После того как эта надежда не сбылась по причине его болезни, он не отказался от своего намерения, хотя и писал в мае 1792 г., что не решается приступить к делу по причине обширности и важности сюжета. Через два года после того он уверял издателя, что очень желал бы довести свое сочинение до конца, а еще через год изви-

¹ Мюллер к Гердеру 8 мая и 30 авг. 1790 г., 1 июня 1792 г.

нялся перед публикой в том, что еще не мог исполнить своего обещания¹. Но и на этот раз случилось то же, что уже не раз случалось с прежними сочинениями Гердера — старый проект уступил место новому. Прежде это случалось вследствие слишком быстрого наплыва новых идей, а теперь это случилось вследствие того, что Гердеру не доставало свободного времени для обработки слишком обильного материала. Кроме того, на решение Гердера повлияли и некоторые другие соображения. Изложенный в «Идеях» обзор исторических событий не был доведен до конца, а изложенная в четырех частях «Идей» философия истории представляла собой почти вполне законченное целое. В пятой части Гердер мог бы сделать блестящую характеристику некоторых новых событий, но он не нашел бы в этих событиях указаний на какую-нибудь другую цель всемирной истории, кроме той, какая уже была им ранее указана. Поэтому ему казалось и более легким, и более заманчивым применение его гуманных воззрений к оценке недавних событий, чем их применение к массе исторических фактов, требовавших крайне обременительной группировки. Вот почему в его уме возникла мысль написать взамен окончательной главы «Идей» «Письма о распространении гуманизма», или «Гуманистические письма». Предлагая 27 апреля 1792 г. издателю напечатать эти письма, Каролина уверяла его, что «эта книга будет хорошо раскупаться, так как она будет интересна для людей всяких сословий»². А когда Гердер извещал 22 мая Глейма только о своем намерении приступить к новому сочинению, он говорил, что «вложит туда все, что есть лучшего в его сердце и в его душе».

То была критическая эпоха в литературной деятельности Гердера! Три раза принимался он за широко задуманные сочинения — за «Древнейший документ», за «Еврейскую поэзию» и за «Идеи о философии истории»; но ни одно из них не было доведено до конца. «Древнейший документ» остался чем-то похожим на обломок от старого здания, потому что при дальнейшем умственном развитии автора совершенно изменилось умственное направление, лежавшее в основе всего сочинения. Сочинение о еврейской поэзии, за которое Гердер взялся после наскоро напи-

¹ Гердер и Каролина к Гарткноху-сыну 15 мая 1791 г.; Гердер к Глейму 22 мая 1792 г. (С, I, 151): «„Идеи“ будут закончены пятой частью; но эта часть будет так важна и так богата содержанием, что я еще сам не знаю, как за нее взяться. *Proponit sibi homo, Deus disponit*»; к Гарткноху 14 февр. 1794 г.; Письма о гуманизме. VI, 181, прим.

² Подробности касательно переговоров с издателем см.: SWS. XVIII, 521.

санных «Теологических писем», осталось недоконченным, потому что автор увлекся более широким замыслом изложить свои идеи о философии истории. А «Идеи» были недокончены оттого, что уже прошло то время, когда автор был в состоянии сосредоточивать свои силы на одном предмете и преодолевать все препятствия. Гердер достиг апогея своей деятельности и стал теперь мало-помалу спускаться с достигнутой им высоты. Его ум стал незаметным образом утрачивать свою прежнюю свежесть и энергию; его уже не привязывала к Гёте общность литературных интересов; он стал придавать слишком большое значение материальным выгодам, которые извлекал из своих сочинений, — все эти обстоятельства в связи с его обременительными служебными занятиями и с часто посещавшими его недугами имели крайне неблагоприятное влияние на содержание его позднейших сочинений¹. В своих «Письмах о гуманизме» он снова стал придерживаться тех юношеских литературных приемов, образчики которых мы видели в «Отрывочных заметках» и в «Критических лесах», — и после того уже ни разу не написал ничего цельного и вполне удовлетворительного. Но эти новые «Отрывочные заметки» и «Критические леса» только в некоторых отдельных частях похожи на старые новизной воззрений; в них большей частью только применяются, повторяются и развиваются старые идеи. С торопливым старанием высказать внезапно возникшую гениальную идею прежде нередко соединялась выразительная сжатость слога; а теперь вместо краткости мы находим утомительную растянутость. Прежде он находил достаточно времени для того, чтобы тщательно отделывать свои очерки, а теперь он не находит достаточно времени для того, чтобы их сокращать.

Кроме того, автор «Писем о гуманизме» впадал в двойное заблуждение. Он сам не сознавал, что эти письма были не чем иным, как повторением идей о философии истории. Они должны были, по мысли автора, входить в состав «Идей», от окончания которых автор все еще не отказывался². Он также не сознавал, что бессвязность содержания писем происходит от неясности плана, а их растянутость — от торопливости и от утомления. Он старался уверить и самого себя, и других, что план его изложе-

¹ Он писал 9 ноября 1792 г. издателю, что самое содержание книги (писем о гуманизме) такого рода, что рукопись не может быть доставлена вся зараз. О том, что он мог писать эти письма по недостатку свободного времени только урывками, он жаловался Глейму в письме от 11 апр. 1793 г.; жалобы на то, что он был «очень стеснен» и т. п., часто встречаются и в других письмах.

² Письма о гуманизме. VI, 181.

ния заключался в отсутствии всякого плана, а его манера перебрасываться от одной мысли к другой была рассчитана на достижение задуманной цели. После выхода в свет первого сборника он писал Глейму: «Мои письма должны продолжаться в бесконечность; вот почему я должен был дать им такую широкую основу!» Я взялся за них, — писал он Гейне, — для того, «чтобы они сделались для меня рощами, в которых я мог бы прогуливаться, когда вздумается; поэтому я и постарался положить в их основе самую широкую идею». Далее он объяснял тому же другу, что не хотел вполне разоблачать свою цель, потому что «она сначала могла бы показаться не совсем уместной». «Не сердитесь на меня, — писал он Георгу Мюллеру, — за то, что в двух первых частях не все высказано и что в них не описано царствие Божие. Обе первые части не что иное, как фундамент, и очень широкий фундамент, но вовсе не глубокий, каким он и должен быть». Мюллер, воображавший, что своими скромными возражениями сделает честь и самому себе, и своему наставнику, откровенно описал Гердеру впечатление, которое вынес из чтения двух первых сборников писем: он нашел, что некоторые мысли повторяются слишком часто. На это Гердер возражал, что повторения неизбежны при той внешней форме, которую он придал своему сочинению: «Сен-Пьер сказал, что будет повторять одни и те же слова, для того чтобы людям так надоело слушать все одно и то же, что они наконец будут с досады исполнять то, что им говорят». В другой раз, возражая на упреки Мюллера, он писал: «Два тома писем о гуманизме Вы получите на Пасхе, и тогда Вы, конечно, будете утверждать, что я повторяюсь. Уже не думаете ли вы, что Вы его величество царь Филипп, а я всеподданнейший исполнитель Ваших приказаний»¹.

Итак, Гердер задумал писать письма о гуманизме весной 1792 г. Их первоначальное заглавие, точно так же как и заглавие «Теологических писем», доказывает, что у него было на уме впечатление, произведенное «Письмами о новейшей литературе». Вопросы, касавшиеся нравственного и умственного развития европейских государств, имели теперь в его глазах такое важное значение, какое он прежде придавал положению изящной литературы. Эстетико-литературные интересы уступили в его мнении место общим человеческим интересам. Он с напряженным

¹ К Глейму 12 мая 1793 г. (С, I, 158). К Гейне в половине марта 1793 г. и 20 мая 1793 г. (С, II, 220, 221); к Г. Мюллеру 13 мая 1793 г., 3 нояб. 1793 г. (у Гельцера — 214 и 215) и 13 дек. 1793 г.

вниманием и даже с сердцем, полным надежд, следил за развитием свободы во Франции и был очень недоволен вмешательством великой Екатерины в польские дела. Обо всем этом — обо всем, что в современных событиях затрагивало общие интересы человечества, — он намеревался высказать свое искреннее мнение. Полученные им от его друга Глейма стихотворения на тему современных событий, быть может, еще укрепили в нем это намерение. В то время как Муза поэзии осмеливалась во всеулышание говорить об этих событиях, неужели он не мог также возвысить свой голос? «Я был глубоко тронут, — писал он Глейму, — выражениями вашего участия к страждущему человечеству; наше столетие быстро приближается к концу! С помощью Божьей и я буду вести о нем речь в моих гуманистических или гуманных письмах!»¹

В то время как Гердер писал эти строки, его здоровье было очень расстроено. Ему предписали пользование ахенскими минеральными водами. Но именно его пребывание в Ахене, избавившее его от мучительной болезни, вместе с тем доставило ему новые мотивы для исполнения его замысла касательно издания гуманистических писем.

В этом отношении имел для Гердера важное значение тот факт, что в Ахене состоялось его примирение с Якоби.

Нам уже известно, каким образом сочинение Спинозы сделалось причиной разрыва между двумя друзьями. Якоби упорно молчал даже после того, как Гердер прислал ему свою статью «Бог» и третью часть «Идей»; даже увещания Гамана не привели к примирению. Можно бы было подумать, что Гердер навсегда рассорился со старым другом. В письме к Краусу от 14 сентября 1788 г.² Якоби говорил, что Гердер — человек изменчивый и ненадежный. На статью Гердера о Спинозе он отвечал печатно. В изданных в 1789 г. двух приложениях ко 2-му изданию своих писем об учении Спинозы он резко возражал на нападки со стороны Гердера. Он доказывал, что в своих воззрениях на то учение Гердер придерживался середины между теизмом и пантеизмом; при этом Якоби объяснял, в чем заключаются противоречия Гердера; он относился к прежнему другу как к врагу и выражался с явным пренебрежением к его поэтической философии и с сознанием своего собственного умственного превосходства. Новое издание сочинения Якоби было, к несчастью, первой немецкой

¹ К Глейму 22 мая 1792 г. (С, I, 150).

² *Цётриц*. I, 106 и сл.

книгой, попавшейся в руки Гердера на его возвратном пути из Италии; он прочел ее в Нюрнберге, в гостинице¹, и не трудно себе представить, какое неприятное впечатление она произвела на него. С тех пор он стал избегать всяких разговоров об этой книге; ему даже было неприятно слышать имя Якоби. Но в то время как он лечился в Ахене, Якоби остановился там мимоходом и зашел повидаться с ним; когда ему доложили о прибытии этого гостя, с ним сделался, по рассказу Каролины², такой сильный болезненный припадок, что ему пришлось начинать новое лечение. Но несмотря на свою болезненную раздражительность, Гердер сделался более кротким и мягкосердечным, чем в то время, когда был совершенно здоров. Он не устоял против любезной предупредительности Якоби. В обществе своего старого друга и его сестер он находил приятное развлечение. Старые споры о Спинозе были отложены в сторону, и вообще все, что касалось метафизики, было «выброшено за дверь». Нередко заходила речь о Гамане, и было решено приступить сообща к изданию его сочинений, которое должно было начинаться письмом Якоби о направлении и достоинствах гамановских сочинений и ответом Гердера на это письмо. Об умершем в 1790 г. Гемстергюи Гердер вкратце упоминал в предисловии ко 2-му изданию первого сборника «Разбросанных листков», а теперь зашла речь о сооружении памятника в честь писателя, стоявшего так высоко во мнении обоих друзей. При этих воспоминаниях о недавно умерших писателях Гердер и Якоби сознавали, что между ними было много общего и всячески старались угодить друг другу. При этом стало исчезать и их прежнее разномыслие. Гердер стал одобрительно отзываться о только что изданных Якоби «Allwill Papieren», а Якоби, еще незадолго перед тем с негодованием отложивший в сторону статью Гердера «О человеческом бессмертии» и с ужасом читавший четвертую часть «Идей»³, стал восхищаться достоинствами этого сочинения. Наконец, чтобы еще ближе сойтись с Якоби, Гердер и Каролина заехали к нему в Пемпельфорт, на своем возвратном пути из Ахена в Веймар. Три дня, которые они там провели в конце августа, окончательно скрепили дружескую связь, которая после того поддерживалась перепиской и пересылкой книг⁴.

¹ К Якоби 10 дек. 1798 г. (Избр. переписка Якоби. II, 267).

² В рукописи «Воспоминаний».

³ Якоби к Клейкеру; *Ратуен*. Joh. Kleuker. С. 165, 175.

⁴ См. их переписку (А, II, 294 и сл.; Избр. переписка Якоби. II, 91 и сл.; 199, 204; Переписка Якоби. SW. III, 552 и сл.). Якоби к Клейкеру 3 авг. 1792 г.

Однако дело не обошлось и без дружеских споров. Чем реже шла речь о метафизике, тем чаще заходила речь о политических делах. И относительно этих последних два друга не сходились в мнениях. Якоби очень недолго сочувствовал Французской революции. Уже с августа 1789 г. его стало тревожить положение дел. Поэтому его суждения нередко выводили из терпения Гердера, смотревшего на революцию глазами оптимиста. Вскоре после ахенского свидания Якоби писал жене доктора Реймаруса: «В качестве автора „Идей“ и „Разбросанных листков“ Гердер не мог разделять мое мнение, а так как его собственное мнение о современных событиях еще не вполне созрело, то мы, иногда шутя, иногда вполне серьезно, заключали между собой перемирие». А через три с половиной месяца после того, он писал Гердеру: «Ты с сочувствием относишься и к теперешнему положению дел, и к тому, что оно готовит в будущем; а я, напротив того, не вижу ничего утешительного ни в том, что случилось, ни в том, чего следует ожидать»¹.

Гердер с живым участием следил за развитием всемирно-исторической драмы, которая привела к страшному кризису именно в течение тех месяцев, которые он провел в Ахене. Его пребывание в этом городе имело для него важное значение в том отношении, что он стал с тех пор ожидать пользы для всего человечества только от дальнейшего хода политических событий, возбуждавших в нем горячее сочувствие со времени взятия штурмом Бастилии². Живя вблизи от французской границы, он внимательно следил за воинственными влечениями нации, желавшей отделаться от своего короля и под предлогом, что «отечество в опасности», намеревавшейся перенести революционную бурю в соседнюю Германию. Он читал сумасбродный манифест герцога брауншвейгского, и ему было хорошо известно, что в среде передовых отрядов прусской армии, подвигавшейся к французской границе с целью спасти короля или отомстить за него, находились и веймарский герцог, и тот старый друг, с которым он так давно привык обмениваться размышлениями о при-

(Ратиен. С. 177, 178). Дружба этих двух семейств всего лучше описана в письме сестры Якоби Елены к графине Юлиане Ревентлов от 28 авг. 1792 г.; это письмо приведено у Цёпприца, который взял его из оставшихся после смерти Якоби бумаг (II, 155 и сл.). Сквозь несочувствие этой дамы к Гердеру проглядывает сознание его личных достоинств.

¹ Избр. переписка Якоби. II, 96 и 118.

² На некоторые идеи, высказанные в то время Гердером в стихах, указывает Суфан (SWS. XVIII, 527, прим. 2).

роде и искусстве. Он, без сомнения, разделял мысли и желания своего друга, принца Августа Готского, который писал ему, после позорного поражения французов в Бельгии, что желает им победы, потому что ярость и безумие нескольких тысяч человек не должны заглушать сочувствия к интересам 25-миллионного населения, но если герцог веймарский непременно желает обнажить против французов свой меч, то следует желать, чтобы он сразился с этими врагами не на французской почве¹. Гердер не терял надежды на благополучный исход революции и тогда, когда письма его друга Кнебеля извещали его об отступлении герцога, о проходе прусских полков через Веймар, грозившем новыми опасностями в будущем, об общем неудовольствии, вызванном дурным поведением прусских солдат, и о возникших в самой Германии раздорах. Он не терял этой надежды даже тогда, когда узнал о событиях 10 августа, об отречении французского короля от престола, о распусчении Национального собрания и о насилиях, которые совершались якобинцами. Не скорбь, а полное тревожных ожиданий любопытство выражается в том письме от 15 августа, в котором он сообщал в Веймар о важной новости дня: «Я не в состоянии описать вам впечатления, которое производят на меня здесь эти известия. Представьте себе, что французы уже недалеко от Ахена, от берегов Рейна. В течение тех четырех или пяти дней, которые мы еще проведем здесь, мы, может быть, узнаем еще немало нового и поучительного»².

Гердер не падал духом даже тогда, когда после отъезда из Пемпельфорта встретился в Ашаффенбурге с жившим у майнцского курфюрста Иоанном Мюллером³, когда известие о происходившей в Париже сентябрьской резне всех привело в ужас, когда, по возвращении в Веймар, узнал из писем Гёте сначала о непродолжительном триумфе союзников, а потом об их безрассудном и пагубном отступлении и когда пришло известие о сдаче Шпейера и Майнца. Хотя принц Август и скорбел о несчастиях, постигших его соотечественников и друзей, хотя он и возмущался происходившей во Франции резней, он все-таки писал Гердеру, что втайне желает торжества свободы. А когда французы положили в Майнце конец владычеству духовенства, когда они

¹ Принц Август к Гердеру 13 мая и 23 сент. 1792 г.

² Knebels. Litt. Nachl. II, 266; сравн. письма Кнебеля к Гердеру от 21 июня до 30 июля 1792 г. (С, III, 81 и сл.).

³ См. записочки к Иоанну Мюллеру (С, II, 337) и (помеченное у Гельпера, с. 117, неверным числом) письмо к Г. Мюллеру от 29 авг. 1792 г. Письмо Иоанна Мюллера к его брату (SW. V, 392). Каролина к Якоби (А, II, 296).

победоносно достигли берегов Рейна и проникли в Нидерланды, провозглашая «войну дворцам и мир с хижинами», то Гердер радовался такой замене старых порядков новыми. Эти чувства он лишь наполовину высказал в своем письме к старому прусскому гренадеру от 12 ноября 1792 г.: «Что скажете Вы о нашем времени и о том, что нас ожидает в будущем? Ах, на поле битвы остались честь и могущество прусской кавалерии, золото и честь прусской короны! А союз с коварной Австрией! А положение дел в Польше! А захваты России! А разосланные во все стороны французские манифесты! А письма к папе, к сардинскому королю и т. п.! Что об этом думает старый прусский гренадер, так горячо сочувствовавший польской конституции? Разве мы не живем в странные времена и разве нам не приходится уверовать в предсказания Апокалипсиса? К чему все это приведет? *quo tendimus, quo ruimus fratres?*»¹ Яснее выражается Каролина в написанном за день перед тем письме к жившим в Пемпельфорте друзьям, от которых получила подробное описание их приключений во время взятия Шпейера и сдачи Майнца. Она ведет речь о «решительном повороте дел», который, вероятно, усилит веру Якоби в будущность французской нации. «Не подлежит сомнению, — пишет она Якоби, — что восходит солнце свободы, а что этим мы обязаны не одним только французам, а также духу времени, вы сами сознаете в письме к папе, которое напечатано в „Монитёре“, — вы, дорогой брат, конечно, также воздадите должное этой богине. В Германии мы еще будем несколько времени оставаться в потемках; однако уже начинают раздаваться голоса, возвещающие о наступлении лучшего времени». Гердер счел нужным смягчить смысл этих выражений. Он просил Якоби не придавать энтузиазму Каролины неверного значения: «Она вовсе не страдает головокружениями от любви к свободе, а хорошая немка, живущая на *terra obedientiae*. Но то, что происходит, раскрывает все уста; а так как нельзя предвидеть, чем все это кончится, то всякий живет в тревоге. Будем надеяться, что все это совершается по воле Промысла, который наконец заменит бурю спокойствием, а мрак утренним светом»².

Таково было настроение умов в семействе Гердера в то время, как он снова серьезно взялся за свое намерение писать гуманистические письма, о котором уже упоминал в своих письмах к

¹ С, I, 152. Касательно сражения при Dommartin sous Hans см.: *Богуславский*. Жизнь генерала Дюмурье. II, 32 и сл. Письмо к сардинскому королю см.: Монитёр. 1792. № 303; письмо к папе: Там же. № 305.

² А, II, 298, 301.

Глейму еще до отъезда в Ахен. Современные события «не позволяли ему молчать», и, несмотря на то что он был «по горло завален делами», он нашел свободное время для того, чтобы высказать все, что у него было на сердце¹.

В своих письмах он намеревался высказать свои политические убеждения, но, говоря о политике, не забывать общечеловеческих интересов, так чтобы его политические размышления входили в состав его гуманных верований. Он намеревался довести свой рассказ до великих современных событий, но не в качестве политического публициста, не в качестве писателя, следящего за ежедневными событиями, а как философ, старающийся объяснить цель Провидения. Он намеревался принять чью-нибудь сторону, но с осмотрительной сдержанностью — не со страстным увлечением приверженца какой-нибудь партии, а с беспристрастием писателя, умеющего уважать и чужие мнения, — т. е. он намеревался высказывать точно такие же убеждения, какие заставляли его сочувствовать восторженному увлечению Каролины торжеством свободы, но в то же время сдерживать это увлечение и приискивать для него оправдания.

Чтобы не уклоняться от такой осмотрительной сдержанности, необходимой при его служебном положении, он имел в своем распоряжении два средства. Одно из них заключалось в избранной им внешней форме нового сочинения. Он сам сознавал, что политическая почва была под его ногами гораздо менее тверда, чем почва эстетическая или теологическая; это всего яснее видно из того, что он стал теперь излагать свои мнения не от своего собственного имени, а в форме писем, в которых несколько человек миролюбиво обменивались своими воззрениями, в сущности не заключавшими в себе никакого разномыслия. В предисловии, которое было впоследствии отложено в сторону, читаем²: «Эти друзья сообщают один другому свои мнения, за основательность которых не ручается издатель их писем; поэтому ни одно из этих мнений не следует принимать за закон или за евангельское правило, да и сами переписывающиеся между собой друзья опровергают друг друга или стараются наводить один другого на более правильные суждения; кто не разделяет какого-нибудь мнения, тот пусть читает далее, пока не найдет таких суждений, какие ему по вкусу». Автор вовсе не имел в виду

¹ Гердер к Якоби (А, II, 301).

² Это предисловие теперь напечатано в начале многочисленных извлечений из рукописных отрывков, относящихся к «Письмам о гуманизме» (SWS. XVIII, 305).

«столкновения мнений ради их проверки и более подробного развития». Он желал только всесторонне осветить затронутые им вопросы и вовсе не заботился об их разрешении, как это обыкновенно требуется от всякого письменного или устного разговора. Он положительно заявляет, что благодаря избранной им форме изложения его «нельзя подвергать ответственности ни за одно из высказанных мнений»¹. Он не уверен ни в самом себе, ни в том, что касается цензурных требований. Именно из опасения цензуры он первоначально намеревался печатать свои письма не в Берлине, а в Рудольштадте². «Мы живем в странное время, — писал он Гейне в марте 1793 г. (С, II, 220), — решительно не знаешь, что можно писать и чего нельзя». Оттого-то он и приходит в восторг от умения Гейне выражаться намеками, говоря изящным латинским языком о римских *leges agrariae* или о *libertas et aequalitas civilis* древних афинян. «Вы служите для меня образцом того, как следует писать в Германии о современных событиях, не имеющих ничего себе подобного». Такая осторожность кажется ему мастерской, и только в ее недостатке он винит «доброе Форстера», который вовлекся в революционное движение, вспыхнувшее в Майнце.

Второй способ придавать безвредную окраску его симпатиям к Французской революции заключался в его уверении, будто письма о гуманизме писались в самом начале революции. Он выдавал этот вымысел за правду в своих письмах к Глейму даже после того, как два первых сборника были напечатаны и поступили в продажу. Он писал этому другу 12 мая 1793 г.: «В наше время Вы найдете там много такого, что Вам покажется странным; но ведь все это было написано несколько лет назад». В первоначальном предисловии положительно утверждалось, что письма о гуманизме были написаны за несколько лет перед их изданием; «если бы те, кто писали эти письма, могли тогда предвидеть, какой оборот примут события, то они, быть может, высказали бы о многом совершенно иные суждения»; и впоследствии Гердер упоминал о том, что его письма писались до новейших перемен, происшедших в направлении революции, и что, стало быть, читатель не должен относить прочитанное к этим переменам³. Кнебель, которому автор давал свои письма в рукописи для прочтения, заметил относительно их политического содержания, что

¹ К Гейне 7 авг. 1793 г. (С, II, 222).

² К Гарткноху 9 ноября 1792 г. Впоследствии (24 янв. 1793 г.) он подчинился желанию издателя.

³ В прим. к первоначальному письму № 16 (SWS. XVIII, 314).

они точно будто возвращаются к тому, что случилось несколькими годами раньше, «для того чтобы не возбуждать в читателях слишком живого интереса»¹.

Только из этого письма Кнебеля до сих пор было известно, что первый рукописный сборник «Писем о гуманизме» должен был заключать в себе много такого, что впоследствии было вычеркнуто, или изменено, или вставлено в другом месте. В печатных первых сборниках нет именно того, к чему преимущественно относятся письменные замечания Кнебеля, — нет ни размышлений Гердера о современных политических вопросах, ни его отзыва о перевороте, который был произведен Кантом в области философии; а той главы, в которой шла речь о политике, нет ни в одном из печатных сборников. Этот пробел восполнен рукописями, найденными после смерти Гердера. Теперь нам уже положительно известно, что первоначальный рукописный сборник «Писем касательно распространения гуманизма» состоял из двадцати четырех писем и одного предисловия². То, что было утрачено в рукописях, не должно возбуждать в нас сильных сожалений, потому что большей частью перешло в напечатанные сборники, хотя и с некоторыми переменами; напротив того, сохранившиеся рукописи не только в высшей степени интересны, потому что знакомят нас с тогдашними политическими убеждениями Гердера, но, кроме того, дают нам ясное понятие о первоначальном плане всего сочинения. Этот план носил гораздо более резкий политический отпечаток, чем позднейшие издания и продолжения сборников; он доказывает, что Гердер первоначально намеревался сделать обзор всех современных событий во всем их объеме.

Тогда Гердер высказывал смелую уверенность, что «дух времени» действует с неотразимой силой. Он говорил, что этот дух восторжествовал в эпоху Реформации над гнилыми церковными учреждениями средневековой Европы и снова одержит верх повсюду, где еще царствует прежний мрак. Но духом своего времени были проникнуты и политические учреждения старой Европы, возникшие из войн и завоеваний. Пережили свое время и старая ленная система, и основанные на праве сильного сословные привилегии. «В государстве существует только одно сословие — народ (не чернь); к нему принадлежат и король, и крестьянин».

¹ Кнебель к Гердеру 30 дек. 1792 г. (С, III, 89).

² См. «Приложение» к «Письмам о гуманизме» в SWS (XVIII, 303 и сл.) и прекрасные суждения Суфана в окончательной оценке томов XVII и XVIII, в особенности с. 530 и сл.

Руководителями и представителями народа должны быть только самые благородные, самые достойные, самые мудрые люди — не аристократы и не демократы, а аристократы-демократы. Один из пишущих письма называет эту мысль неопровержимой и утверждает, что дух времени требует ее практического применения; а другой подкрепляет мнение первого ссылкой на «повсюду господствующий закон природы». Этот второй автор писем выражается отчасти так же, как выражался друг Эйнзиделя, автор «Идей» в главах, касающихся правительства; отчасти он выражается так, что его можно бы было принять за кантовского ученика. Он говорит, что, согласно с установленными природой порядками, индивидуум должен приносить себя в жертву целому; то же должен делать и правитель страны. Затем следуют чрезвычайно резкие нападки на наследственную неограниченную монархическую власть. «Если происхождение ставит человека выше всех других людей, то следует полагать, что в его жилах течет не человеческая кровь, а божеская». Конечно, в эпохи великих общественных опасностей выдвигаются вперед люди, которые все берут на свою личную ответственность, но «история доказывает, что такую высокую роль берут на себя отдельные личности не по праву наследства и не потому, что кусок пергамента дает им на это право; но то было бы нелепой мечтой, если бы такой выдающийся индивидуум и после оказанных им обществу великих услуг воображал, что все его потомки вместе со своими служителями, лошадьми и собаками навсегда будут иметь право кичиться прошлыми заслугами и считать себя представителями государства». В том же тоне, который нередко переходит в декламацию и даже отзывается демагогическими замашками, автор нападает на безрассудство войн, как тех, которые ведутся из-за религии и в защиту наследственных прав, так и тех, которые ведутся из-за торговых интересов или вследствие министерских интриг; он выражает надежду, что все наконец придут к сознанию безрассудства каких-либо войн.

Эту надежду внушала авторам писем Французская революция. Впрочем, не все они были на этот счет одинаковых мнений. Один из них считал революцию за несчастье для Франции, усматривал в вызванной ею страшной неурядице и в увлечении свободой серьезное препятствие для распространения гуманности, для развития наук и искусств и даже был готов назвать обманчивой мечтой всякую мысль о постепенном совершенствовании человеческого рода. На это отвечают следующие письма — отвечают так же, как отвечал Гердер в Ахене на отзывавшиеся

пессимизмом возражения Якоби. Этот ответ составляет как бы продолжение четвертой части «Идей». Он принимает во внимание только зачатки революции, только ее общее направление. В нем автор намеревался излагать не юридические и не политические соображения, а только философские и исторические; он намеревался говорить обо всем с гуманной точки зрения и независимо от духа партий. В этом случае Гердер был уверен в сочувствии многих из своих друзей — и Эйнзиделя, и принца Августа, и Кнебеля, и Иоанна Мюллера; он, по всему вероятно, имел в виду именно этих друзей, первоначально подписав свои письма начальными буквами имен. Принц Август писал ему за год перед тем: «Такой факт, как издание четвертой части Ваших „Идей“, показался бы теперь менее удивительным во Франции, чем в Германии, потому что столкновение старых понятий с новыми вызвало там такое брожение умов, от которого приходит в ужас наша наследственная близорукость со своей притворной насмешливостью и которое, без сомнения, будет иметь в течение многих столетий такое же сильное влияние на судьбы народов, какое имели в течение трех или четырех последних столетий и до сих пор имеют открытие магнитной стрелки, изобретение бумаги, книгопечатания, пороха и т. п.»¹. Точно такие же мнения высказывает автор писем о гуманизме. Он убежден, что «со времени введения христианства и вторжения варваров в Европу никакие события не могут равняться с возрождением наук и реформацией по своей важности и по своим последствиям». Он говорит, что сам не мог избежать участия в этом прогрессе, потому что уже ранее поставил на идеальную высоту веру во вмешательство Провидения. Необходимость обсуждать современные события он мотивирует полуироническим указанием на совершенно иное положение Германии, этой «страны повиновения», и на совершенно иной национальный характер немцев. «Мы можем, — говорит он, — смотреть на ход Французской революции точно так же, как безопасно, стоя на берегу, смотрят на происходящее в открытом море кораблекрушение, — но, конечно, только при том условии, чтобы ваш гений не столкнул нас самих, против нашей воли, в море». Итак, продолжает Гердер, собрание, состоящее с лишком из тысячи людей, большей частью выдающихся своим умом (здесь, очевидно, идет речь об Учредительном Национальном собрании), разрешает на наших глазах задачи, которые касаются главным образом организации и возрождения

¹ Принц Август к Гердеру 3 нояб. 1791 г.

французской нации, но вместе с тем имеют чрезвычайно важное значение для всех европейских народов и, стало быть, для всего человечества. А так как все народы заражены такими же нравственными недугами, какими заражены французы, то кто же не пожелает извлекать поучения из этих событий? Мы должны отнестись к этим событиям со свойственным нашей нации здравомыслием, должны внимательно вникать в то, что происходит перед нашими глазами, и должны заимствовать полезное, а вредное отвергать. Но автор решительно восстает против всякого вмешательства во французские дела. В этом отношении он вполне разделяет мнения вышеназванных друзей и, стало быть, не одобряет ни политику союзных правительств, ни политику своего государя. Его заявления отличаются самой искренней откровенностью. «Сколько мне известно, — говорит он, — ни один немец не родился французом и потому нисколько не обязан вступаться за наследственное достоинство французского короля. Ведь в то время как французы чистят королевский трон, самый древний из всех европейских тронов (и уже давно требовавший чистки), ни один немец не сочтет своей обязанностью содействовать этому предприятию *in persona et corpore*. Ни одному из немецких принцев не могла бы прийти в голову такая мысль; а французские Princes, Ducs, Marquis et Nobles отнеслись бы с насмешкой и с презрением к попытке всякого немецкого принца, герцога, принца или маркграфа стать с ними на равную ногу и взять их под свою защиту».

Еще энергичнее и смелее выражает Гердер ту же мысль, когда приступает к обсуждению проблем, вызванных Французской революцией. Он называет эмигрантов «перебежчиками и изменниками», а в войне, предпринятой французами без завоевательных целей, только для того чтобы предотвратить иностранное вмешательство в их домашние дела, он видит «первый пример священной и справедливой войны». Он заводит речь о том, какие государственные учреждения самые лучшие, но вовсе не для того, чтобы хулить республиканскую форму управления. В своем написанном на премию сочинении «О влиянии правительств» он отдавал предпочтение законной монархии как лучшей для его столетия форме государственного устройства, хотя и горячо восхвалял благотворное влияние старинных республиканских учреждений. Теперь его мнение изменилось. «Только деспотизм и республиканское управление, — пишет Гердер, — составляют два крайних пункта или два полюса, около которых вертится шар; ограниченная монархия не что иное, как постоянное коле-

бание от одного полюса к другому». Но разве это правило применимо к такому обширному государству, какова Франция? Ответ гласит: почему же нет? «Ведь и самые обширные государства хотя и не были счастливы, но долго существовали под самым дурным из всех правительств — под деспотическим управлением или, что еще хуже, под деспотизмом аристократии». Наконец, достойно внимания и то, что говорит автор о положении культа во Франции и о влиянии революции на литературу. Относительно культа он ограничивается выражением своей веры в Провидение, которому и следует предоставить разрешение вопроса, можно ли допустить в Европе существование такой религии, которая имеет сходство с религией Конфуция. Но автор прибавляет: «Мы, протестанты, вовсе не намерены предпринимать крестовых походов в пользу разрушенных католических алтарей, упраздненных женских монастырей и нарушивших свои клятвы католических священников; иначе папа и высшее французское духовенство стали бы насмеяться над нами, стали бы говорить, что мы хотим мстить за то, что сами сделали и что храним в своей власти». Относительно литературы автор не разделяет опасений, что ее упадок будет одним из последствий революции. Он полагает, что даже в случае, если бы прежнее красноречие умолкло и на церковных кафедрах, и в судах, и в академиях, и на театральной сцене, все-таки отсюда возник бы новый порядок вещей. Автор заходит еще далее: в предназначенной для императрицы Екатерины памятной записке он с восторгом говорил о том, что Украина делается под русским управлением новой Ионией; а теперь он воображает, что благодаря Французской революции снова настанут времена греков и римлян, что к нам перейдет республиканский дух этих народов, а вместе с ним их стихотворное искусство, их красноречие и умение описывать исторические события. Из-под его пера снова появляется его старинный девиз «*Multa genascentur*» — он воображает, что с пробуждением любви к свободе и к отечеству появятся новые Периклы и Демосфены, Фукидиды и Тациты, оживет «старинная трагедия, которая была бичом тиранов», старинная лирика, воспевавшая геройские подвиги, и эпиграмматика, безыскусственно и благородно записывавшая на памятниках гражданские заслуги.

Достойно внимания, что автор писем о гуманизме переходит от суждений о Французской революции прямо к суждениям о той революции, которую произвел Кант в области философии, и что, говоря о первой из этих революций, относится снисходительно к тому, что строго порицает, говоря о второй, — а именно к духу

партий и сект, примкнувших к новой философии. Мы еще будем впоследствии говорить о том, как он в этом случае смешивал одобрения с порицаниями, то ссылаясь на мнения юного Канта для опровержения мнений, высказанных им в более зрелом возрасте, то указывая на разномыслие между Кантом и его последователями. Но здесь мы остановим наше внимание только на том факте, что суждения о кантовской философии снова приводят Гердера к выражению его сочувствия к Французской революции. «Благодаря Канту, — говорит Гердер, — было возбуждено желание не только проверять старые мнения, но и излагать со строгой последовательностью настоящие гуманные науки — мораль, естественное право и международное право, что в сущности и составляет главную цель философии. Такие попытки очень благотворны; они приведут к положительным выводам, которые, с помощью Божьей, когда-нибудь сделаются общепринятыми правилами». Кантовскую критику практического разума Гердер считает за такую основу для определения естественных и народных прав, которая, вероятно, когда-нибудь всеми будет признана за правильную. Гердер вел полемику с Кантом по поводу своей философии истории и своей склонности к натурализму, а по поводу его идеологических и сангвинических воззрений на Французскую революцию на него находили такие минуты, когда он был готов примириться с Кантом.

Однако эти воззрения не устояли ввиду дальнейшего хода политических событий. На Гердера не имели никакого влияния благоразумные советы Гёте, возвращавшегося из неудачного похода в Шампань: «Не позабывайте благодарить Бога за то, что он поставит и Вас и Ваших лучших друзей в невозможность совершать крупные безрассудства!»¹ Ведь именно в отсутствие Гёте были написаны те двадцать четыре письма, которые были наполнены радикальными фантазиями о гуманности. Однако вскоре после того Гёте мог устно рассказать обо всем, что видел, и этим способом легче навести Гердера на благоразумные суждения, чем своими письменными рассказами о дереве свободы, украшенном якобинским колпаком. Хотя Кнебель и не нашел в рукописных письмах о гуманизме ничего предосудительного или для кого-нибудь оскорбительного, но когда Гёте просмотрел эту рукопись, его цензура оказалась более строгой. Впрочем, его порицания оказались совершенно излишними: когда пришло страшное известие о состоявшейся 21 января 1793 г. смертной казни

¹ Это письмо написано из Люксембурга 16 окт. 1792 г. (А, I, 136).

Людовика Капета, Гердер — и в качестве проповедника гуманных идей, и в качестве высшего духовного сановника в герцогстве веймарском — уже не мог публично говорить об очищении французского королевского трона так, как он говорил еще за несколько недель перед тем. На театре военных действий в Нидерландах счастье перестало благоприятствовать французской армии, а выходки французских демагогов и появление их комиссаров в соседних странах раскрыли перед глазами даже самых близоруких людей ту пропасть, в которую была низвергнута революция. Тогда настроение умов изменилось даже в семействе Гердера. Уже в начале нового года Каролина писала Якоби, что она «поставила тройной крест над французской свободой, ясно доказавшей свою фальшь». И сам Гердер писал тому же другу, что «французы очень скоро сами дали революции обратный ход»; при этом он высказывал желание, чтобы Дюмурье раздавил лернейскую гидру и сделал бы в несколько недель для славы Франции и для спокойствия Европы более того, что могли бы сделать неприятельские армии в течение нескольких лет¹. И эта надежда скоро оказалась неосуществимой. Но Гердер все-таки не отказывался от своих надежд, потому что его идеалистические верования были настроены на очень высокий тон. Хотя уже в то время политическая сфера казалась ему отвратительной, он все-таки был уверен, что из этого хаоса выйдет что-нибудь хорошее и великое и что он еще доживет до этого вместе со своим другом Глеймом.

В то время как Гердер писал эти слова, уже были напечатаны два первых сборника². В половине февраля была отправлена в типографию первая рукопись³; еще в начале того же года было кое-что выпущено и переделано в тех 24 письмах, которые были отосланы на просмотр к Кнебелю; затем из этих писем были составлены два первых сборника под заглавием «Письма для распространения гуманизма».

Как сильно изменился характер этого сочинения под влиянием изменившихся обстоятельств. В тех письмах, которые касаются непосредственно революции, автор уже не прикрывается фикцией, будто они написаны за несколько лет до их издания. Его суждения о революции совершенно изменились, с тех пор

¹ К Якоби 5 апр. 1793 г. (А, II, 301, 305); к Глейму 12 апр., 1 и 12 мая (С, I, 154, 158, 159).

² Об их скором выходе Гердер уведомлял Глейма 12 апр. и 1 мая, а 12 мая он уже выслал их этому другу; И. Г. Мюллеру он выслал их 13 мая 1793 г.

³ Каролина к Гарткноху-младшему 24 янв. 1793 г.

как она получила новое направление. Гердер еще реже прежнего касается современных событий и возносится в своих воззрениях почти на одинаковую высоту с той царящей над зодиаком Музой, изображением которой украшен первый сборник. Из первого письма видно, что автор намеревался вести речь о прогрессе или о регрессе гуманности «в древние и в новые времена, но преимущественно в самую близкую к нему эпоху», однако на деле оказывается, что он касается этой близкой к нему эпохи лишь в общих выражениях. Друзья, заключившие между собой союз для распространения гуманизма, намереваются отдавать друг другу отчет обо всем, что они слышали, видели и читали, но на самом деле все их размышления касаются только того, что они читали; Гердер нашел новое средство предохранить себя от всяких обвинений в распространении предосудительных идей — у него авторы писем сообщают друг другу большей частью чужие мнения, комментируют чужие слова или заставляют других говорить вместо себя; таким образом «Письма о гуманизме» превращаются в сборник вычитанных идей, в литературную беседу, в нечто похожее на такую же «Летопись сочинений для человечества», какую замыслил Гердер в своей молодости, во время своей поездки во Францию.

Для выражения тех мнений, которые Гердер из предосторожности не желал высказывать от своего собственного имени, он выводит на сцену такого человека, которому он во многом сочувствовал и которого восхвалял как народного писателя еще в своей статье «Об изречениях и метафорах», — участвовавшего в упрочении независимости Соединенных Штатов Вениамина Франклина. Он познакомился в Ахене с только что вышедшими в свет «*Mémoires de la vie privée de B. Franklin*». Говоря об этих мемуарах, имеющих, по его мнению, некоторое сходство с «Исповедью» Руссо, он пишет характеристику замечательного человека, который был проникнут гуманными чувствами, был одарен деятельным умом, был наставником человечества и организатором обширного человеческого общества. Гердер уже давно собирал печатные и непечатные, мелкие и крупные статьи своего любимца и, если бы его не предупредил предприимчивый Бертух, он непременно позаботился бы о переводе тех статей на немецкий язык. Он уже давно был знаком с содержанием вышедших в 1779 г. в Лондоне «*Political, miscellaneous and philosophical pieces*», написанных В. Франклином. В этой книге он нашел составленный Франклином статут для основанного им в Филадельфии философского и филантропического общества. Этим статутом

Гердер воспользовался в Веймаре для той лекции, которая дошла до нас в рукописи. То собиравшееся по пятницам общество, о котором уже было говорено ранее и в котором была прочитана лекция о человеческом бессмертии, было уже почти вполне организовано. Та лекция, о которой здесь идет речь, относится к первому времени существования того общества¹. В ней перечисляются те самые вопросы, которые Франклин намеревался предложить на рассмотрение членов своего общества, и, кроме того, высказываются некоторые соображения о том, в какой мере эти вопросы представляют интерес и для общества, основанного в Веймаре. Гердер находит, что некоторые из этих вопросов имеют практическое значение только ввиду существующих в Соединенных Штатах порядков, а некоторые другие — частью в своем первоначальном виде, частью с некоторыми изменениями — применимы к тем порядкам, какие существуют в Веймаре. Отсюда видно, что Гердер старался внести в новое общество хоть что-нибудь из тех практических гуманных идей, которыми вдохновлялся Франклин при основании филадельфийского общества. По мнению Гердера, из нового веймарского общества не следовало делать ни академию, ни политический клуб. Его воззрения на цель и задачи этого общества вполне согласовались со статутом, составленным 5 июля 1791 г., — он предполагал, что члены будут обмениваться поучительными сообщениями о том, что каждый из них вынес из своих ученых занятий и из чтения. В этом последнем отношении он предполагал несколько расширить сферу деятельности нового общества. Он не желал, чтобы оно превращалось в арену политических споров, но полагал, что каждый человек, любящий человечество, свое государство и хорошую нравственность, дол-

¹ Кроме этого указания времени, кажущегося правдоподобным и Суфану (SWS. XVIII, 542), высказывалось предположение, что Гердер в первый раз познакомился с «Political pieces» у Якоби; но это предположение находится в противоречии с некоторыми другими указаниями. Так, в своем письме к Гарткноху-младшему от 2 янв. 1794 г. Гердер предлагал издать сборник переведенных сочинений Франклина, говоря, что и сам он помогал переводчику; а в письме к Гейне от 26 февр. 1794 г. он говорил, что имеет у себя «Political pieces» вместе со многими другими статьями Франклина; из сравнения этих писем можно заключить, что не Фрица Якоби, а самого Гердера обозначала под четвертым письмом о гуманизме подпись друга Ф., составившего сборник статей Франклина. Из того что сохранившаяся рукопись лекции о предложенных Франклином вопросах написана рукой Каролины, никак нельзя заключить, что эта лекция была написана Гердером во время его пребывания в Ахене, так как по чистоте почерка видно, что это была копия. Впрочем, в том, что касается всяких других литературных указаний, я советую читателю обратиться к заключительным выводам Суфана (с. 538 и сл.).

жен скромно и осмотрительно указывать как недостатки существующих законов, так и то, что сделано для их исправления в других государствах. «Если каждый мыслящий человек, идущий вперед вместе со своим веком, должен следить за всеми выдающимися событиями, то разве мы не обязаны обсуждать те выдающиеся события нашего времени, которые могут сделаться или чрезвычайно полезными, или крайне опасными для человечества?» В этих словах слышится сдержанный отголосок такого же интереса к современным событиям, какой был громче высказан в первоначальных письмах о гуманизме, написанных осенью 1792 г.

То, что Гердер говорил о действительно существовавшем обществе, нетрудно было применить к вымышленному идеальному обществу тех проповедников гуманности, мнения которых он стал теперь излагать в форме писем. Он выкинул из «поставленных Франклином вопросов» все, что имело местный и индивидуальный характер, обратил главное внимание на то, что в них касалось нравственности и гуманности, и в этом измененном виде поместил их в напечатанных «Письмах о гуманизме».

От биографических сведений о Франклине, заимствованных из написанного Шлихтегроллем некролога, письма переходят к элегическим размышлениям, какие естественно возникают при рассмотрении такого списка умерших. Но автор намеревается сделать из этого списка памятник в честь усопших. Устами одного из авторов писем он высказывает свое мнение о том, как должен был сооружен такой памятник, т. е. в каком духе, с каких точек зрения следует описывать жизнь людей, оказавших услуги всему человечеству. Говоря о том, что было бы желательно составить сборник автобиографий замечательных людей, он высказывает некоторые колкие замечания о своих современниках; так, говоря о печальной участи пострадавшего без всякой вины Шубарта, он взывает к правде и к справедливости; говоря о скромности и об угнетенном положении немцев, он выражает надежду, что публичная гласность наконец когда-нибудь внушит им мужество и т. п. Вслед за такими намеками Гердер предлагает читателю патриотическую оду Уца и немедленно переходит к жалобам на то, что в нашем отечестве «нет общественного мнения, нет такого места, где можно бы было собираться, для того чтобы обмениваться мыслями». На эту тему Гердер мог громко говорить все, что думал, без всякого опасения навлечь на себя какие-нибудь неприятности: ведь за несколько лет перед тем он написал об этом предмете памятную записку с разрешения герцога.

Содержание этой памятной записки и изложено вкратце в шестом письме о гуманизме.

Об основании всеобщей немецкой академии для распространения немецкой науки и языка, искусства и поэзии уже давно мечтали Готшед и Клопшток. За эту мысль снова взялся благородный маркграф баденский Карл Фридрих в то время, когда шла речь об учреждении немецкого «фюрстенбунда» и когда еще никто не мог предвидеть, какую бурю поднимет Французская революция. Наряду с «фюрстенбундом» он задумал основать союз ученых, для того чтобы при помощи языка и науки создать более тесную связь между разрозненными немецкими государствами и интересами и такое общественное мнение, которое послужило бы новым средством для поддержания тронов и составленного Фридрихом Великим союза между немецкими государствами. Эта мысль была достойна патриотического, благородного и образованного государя. Маркграф намеревался дать внешнюю форму постоянного учреждения тому единству языка и литературы, которое было создано гениальными писателями и так много содействовало объединению Германии. Он уже не раз заводил речь об этом проекте и даже переписывался с теми немецкими владетельными князьями, которые сочувствовали его предпринятию; но от Гердера, к которому он издавна питал глубокое уважение, он ожидал самого ревностного содействия и составления подробного плана¹. После неоднократных напоминаний² Гердер исполнил в конце 1787 г. возложенное на него поручение: он написал статью «Ueber das erste patriotische Institut für den Allgemeingeist Deutschlands»³, которую отослал сначала на просмотр к Кнебелю, а 10 декабря в Карлсруэ и к жившему в то время в Голландии Карлу Августу. Он писал маркграфу, что не входил в мелкие подробности и может заявлять притязания только на ту заслугу, что, как надеется, верно понял и изложил его мысль⁴.

Составленный Гердером проект начинается замечанием, что не все немцы получают одинаковое образование и что в этом отношении господствует прискорбное разномыслие между отдель-

¹ Сравн.: *Weech Fr.* von. Der Versuch der Gründung eines Institute für den Allgemeingeist Deutschlands (1787—1788) // Preuss. Jahrbücher. XXI, 690 и сл.

² Одно из таких напоминаний сделано в письме Бёмера к Гердеру от 21 июля 1787 г.

³ Она была в первый раз напечатана в посмертном издании последнего тома «Адрастеи» (VI, 213 и сл.); SW в отделе литер. XVIII, 203 и сл.

⁴ Кнебель к Гердеру в декабре 1787 г. (С, III, 31); Гердер к маркграфу 10 дек. (*Weech.* С. 692); к Карлу Августу от того же числа (*Herderalbum.* С. 10).

ными частями или «провинциями» Германии. Поэтому следует сосредоточить разрозненные усилия, которые делаются с целью распространять как научное, так и политическое образование, следует положить конец существующему в этом отношении неравенству, а для того чтобы уничтожить тайные общества, служащие признаком брожения умов, и для того чтобы сделать их влияние безвредным, следует направить умственную деятельность на общепользные цели. Для того чтобы наглядно доказать необходимость такого объединения, автор ссылается на тот факт, что в Германии еще не выработался такой книжный язык, за которым было бы признано неоспоримое право на господство в Германии. «Эти соображения и некоторые другие, — говорится далее, — внушили некоторым немецким владетельным князьям намерение основать немецкую академию, в состав которой входили бы представители многих немецких провинций, а со временем, быть может, и от всей Германии». Тогда рядом с учеными академиями, возникшими кое-где по почину Лессинга, мы имели бы академию академий — «такой сборный пункт представителей от всех провинций для распространения умственного и нравственного образования», из которого можно бы было направлять все разрозненные силы к одной цели — к патриотическому образованию! Занятия этой академии имели бы тройную задачу. Прежде всего — но не прибегая ни к какой деспотической регламентами — она обратила бы свое внимание на развитие немецкого языка, на его историю, грамматику, слог и разнообразие выражений. Во-вторых — ввиду того, что у нас почти немислимо существование национального театра, — следовало бы позаботиться о том, чтобы немецкая историография получила философский и патриотический отпечаток и нашла бы для себя конечную цель в истории всего немецкого отечества. Наконец, третьей и высшей целью для академии было бы все, что входит в обширную сферу образования, как то: законоведение, церковное и школьное устройство, государственное хозяйство и государственная мудрость; ведь именно в этой сфере всего ярче обнаружился вред немецкой разрозненности, так как мы оказались в ней отстающими от всех других наций. По проекту автора памятной записки, эта академия была бы чем-то вроде парламента, которому представлялись бы доклады обо всем, что каждая провинция «сделала или намеревается сделать полезного для человечества», и в котором правители стран или их министры «приучались бы слышать ничем не стесняющийся голос правды...» Затем автор переходит к некоторым подробностям касательно внутренней

организации академии. Он говорит, что академия должна составляться из провинциальных депутатов, в состав которых каждый государь будет назначать членов по собственному выбору, а впоследствии по предложению самой академии. Провинциальные депутаты будут собираться на публичные заседания в таком городе, который лежит в центре Германии и не находится под влиянием двора. Из докладов, которые будут представлены на этих заседаниях, будет составлена «Летопись немецкого национального духа». Члены академии будут разделяться на ординарных и почетных; только первые будут обязаны присутствовать на заседаниях. Представленные в академии сочинения будут на этих заседаниях рассматриваться и удостоиваться наград или одобрения. Для академии будут необходимы президент и секретарь. Как оба они, так и все ординарные члены будут получать постоянное жалованье — таким образом, памятная записка заканчивается требованием основного капитала и обращается с этим требованием к патриотизму владетельных князей, которые могли бы этим путем загладить свое прежнее нерадение.

Проект Гердера провалился не на одном только пункте о расходах, о котором неодобрительно отозвался в своем ответном письме¹ и Карл Август, признававший за Гердером ту заслугу, что он взглянул на это дело с самой возвышенной точки зрения. Проект провалился главным образом потому, что немцы не привыкли публично обсуждать общественные интересы, потому что в нездоровой, замкнутой атмосфере мелких государственных интересов и абсолютизма и немецкий народ, и немецкие правительства приучились за всё приниматься с робкой скромностью. Когда содержание гердеровского проекта было втайне сообщено нескольким лицам, оно вызвало многочисленные возражения. Служивший в Карлсруэ в звании тайного советника Шлоссер составил обширную памятную записку, в которой доказывал невозможность осуществить проект. В автономии имперских чинов он усматривал главное препятствие для организации той широкой сферы деятельности, которую Гердер имел в виду для нового общества. И различные немецкие провинции, по его мнению, еще до такой степени расходились в своих воззрениях на образование, что от них нельзя было ожидать соглашения. Он считал возможным только основание небольшого общества из восьми членов, которые могли бы предпринять издание ежене-

¹ От 11 янв. 1788 г. (Herderalbum. С. 12); Письма герцога (*Дюнцер*. С. 119 и сл.).

дельного журнала и этим способом подготовить умы к более широким целям.

Можно бы было заранее предвидеть, что трусливые мнения возьмут верх над более смелыми, а осмотрительные советы практического человека — над фантазиями идеалиста. Хотя управлявший маннгеймским театром любитель изящных искусств Дальберг ближе сходилась с мнениями Гердера и не считал неосуществимой мысль об объединении, но и он полагал, что это предприятие могло бы иметь успех только в некоторых отдельных округах Германии; он полагал, что представителями новой ученой республики должны быть повсюду рассеянные ученые корпорации, а не парламент, всегда собирающийся в одном и том же месте. Наконец, несмотря на то, что Иоанн Мюллер находил гердеровскую статью «вылившейся прямо из глубины сердца» и горячо восставал против мелочных возражений Шлоссера, он все-таки склонился к тому мнению, что объединение совершится само собой, если несколько воодушевленных патриотизмом владетельных князей дадут двум или трем человекам возможность посвятить их время и силы на общую пользу и будут охотно оказывать этим людям свое покровительство и содействие; относительно издания еженедельного журнала он вполне разделял шлоссеровское мнение, под которым и подписался «без всяких оговорок»¹.

На министра Эдельсгейма была возложена обязанность согласовать противоположные мнения, но при этом не уклоняться от основной идеи его государя и не подавать повода для каких-либо возражений. Он исполнил эту трудную задачу с ловкостью дипломата. Таким образом, возник тот бессмысленный и смешной контрпроект, который придавал вид тайного заговора такому ученому обществу, которое должно было заботиться о возбуждении патриотического духа во всей Германии. Карл Фридрих отослал 30 июня 1788 г. этот проект к Гердеру и пожелал узнать его мнение². Основная мысль маркграфа и Гердера осталась в сущности без изменений и была поставлена в связь с мыслью о политическом единстве, о «фюрстенбунде». Но вви-

¹ Иоанн Мюллер к своей матери 3 янв. 1788 г. (*Мюллер*. Соч. V, 204); по поводу этого письма Г. Мюллер обратился 8 янв. к Гердеру с запросом касательно памятной записки и получил от Гердера ответное письмо от 3 февр. 1788 г. (у Гельцера (XIV, 122) неверно обозначен год на этом письме). Мнение Иоанна Мюллера изложено в письме к Н. (Эдельсгейму?) от 26 марта 1788 г. (*Мюллер*. Соч. XVI, 315 и сл.).

² Воспоминания. III, 132 и сл.

ду того что жившие в различных провинциях немцы вовсе не привыкли обмениваться своими мыслями, что вследствие неудачного выбора членов академии разлад мог бы усилиться, что гораздо благоразумнее начинать дело в нешироких размерах, Эдельсгейм полагал, что следовало бы первоначально основать небольшое общество, а мысль о его будущем расширении хранить втайне! Он предлагал назначить восемь или десять членов, которые собирались бы на совещания один раз в год. Посредством предложения основать еженедельный журнал можно бы было скрыть конечную цель общества даже от его членов, а о том, что владельцы князья могли бы доставлять денежные средства на путевые расходы, вовсе не следовало упоминать. Предполагалось поручить Гердеру рассылку приглашений и принятие других подготовительных мер по соглашению с теми, кто был посвящен в тайные цели предприятия.

Все это кончилось так, как предсказывал Гердер. Еще 3 февраля 1788 г. он писал Георгу Мюллеру, узнавшему о существовании нового проекта от своего брата: «Из этого дела ничего не выйдет; я даже полагаю, что было бы лучше совершенно отложить его в сторону, чем портить». Путешествие в Италию, к которому он в то время готовился, доставило ему приличный повод для отказа от всякого участия в этом предприятии¹. Карл Август, еще ранее пользовавшийся его советами для своей политико-патриотической переписки с маркграфом, написал 8 августа не без его ведома прекрасное письмо к маркграфу². Таким образом, оказалась тщетной надежда основать такое ученое общество, которое могло бы наряду с «фюрстенбундом» содействовать объединению Германии. Ввиду несочувствия со стороны других владетельных князей, герцог отказался от своих замыслов. И Гердер, без сомнения, пришел к убеждению, что еще не настало время для основания задуманной им академии и что покуда следовало бы направлять к предполагаемой цели уже существующие менее обширные учреждения этого рода. Но он настойчиво советовал ничего не предпринимать в этом отношении во время его отсутствия³.

¹ Письмо к маркграфу см.: *Weech*. С. 695.

² Там же. С. 696.

³ Участие Гердера в составлении плана для немецкой академии послужило — после его отъезда в Италию — поводом для слуха, будто он приглашен в Дурлах на должность президента духовного и школьного ведомства (В, 29, 30). Из письма Эдельсгейма к Гердеру от 9 нояб. 1803 г. видно, что Эдельсгейм обращался к Гердеру незадолго до его смерти за советом касательно Гейдельбергского университета, в пользу которого были назначены новые доходы.

Бури, разразившиеся над Европой с 1789 г., развеяли по ветру и этот проект. В то время когда Гердер возвратился из Италии, уже нельзя было придавать серьезного значения выработанным в Карлсруэ проектам мелких ученых обществ. Но тем глубже было убеждение Гердера, что ввиду тогдашних событий необходимо как можно крепче соединить всех немцев в одну великую нацию. Эту мысль, вернее, тень этой мысли мы находим и в «Письмах о гуманизме». Сообразно с общим характером этих писем, постоянно рассматривавших политические события с точки зрения гуманности, Гердер выражает ту мысль в форме надежды или патриотической уверенности, не входя ни в какие ясные подробности. Те немногие страницы, которые посвящены великому современному событию, напоминают содержание написанной памятной записки. Автор снова доказывает необходимость сосредоточить все умственные силы нации. Но он прибавляет нечто новое. «Требую сосредоточения немецких сил, — пишет он, — я имею в виду не одни только умственные интересы Германии, а также развитие народного характера, энергии и предприимчивости». Он высказывает свои желания в такой форме, что его очень трудно понять; например, что значат его слова, что для всех людей, действующих в Германии с патриотизмом, он желал бы не присутствия двора, не столицы, а «алтаря прямодушной преданности», у которого они могли бы собираться, — такого алтаря, который может существовать только «в уме, в сочинениях»? Однако настроение его ума нельзя назвать непонятным. Он говорит в заключение: «Немецкое имя, к которому некоторые нации позволяют себе относиться с неуважением, быть может, сделалось бы первым именем в Европе без всякого шума, без всяких насильственных захватов, а только своей внутренней силой и величием». Не подлежит никакому сомнению, что Гердера неосновательно обвиняли в недостатке любви к отечеству: верно только то, что он не умел выражать эту любовь в форме политических размышлений, что она выражалась у него в общем влечении к гуманности и в отзывавшихся идеализмом надеждах.

Действительно, его суждения о политических делах не только высказываются устами исторических и литературных личностей, которые он выводит на сцену вместо самого себя, но и получают благодаря этому приему такую определенность и последовательность, каких не имели бы сами по себе. Для того чтобы говорить языком патриота и политика, он — частью из хитрости, частью вследствие внутренней необходимости — переносится от настоящего к прошедшему, говорит чужими устами; тогда он

снова становится историком и литературным критиком, одаренным способностью подмечать своеобразности чужого ума и вслушиваться в чужие речи. Вот почему в своих письмах — седьмом, восьмом и девятом — он выводит на сцену величайшего из людей XVIII столетия, короля Фридриха. Он долго с несочувствием взирал на этого героя, на этого деспотического распространителя просвещения, и при его жизни относился к его подвигам с полным равнодушием. Но не так отзывался он об умершем Фридрихе и о Фридрихе как писателе. Оставшаяся после смерти короля переписка с Вольтером раскрыла Гердеру гуманную сторону в характере героя. К самым снисходительным отзывам о недостатках Фридриха он присоединяет выражения самого глубокого уважения к величию его характера; не довольствуясь цитатами из сочинений Фридриха, он описывает гуманные черты в характере умершего, которые особенно ярко выделяются на темном фоне «придворной политики» и «так называемой великой системы европейских государств». По поводу клопштоковской оды в честь юного австрийского императора Гердер противопоставляет в десятом письме характеристику Иосифа характеристике Фридриха. Мнение Гердера об императоре изменилось к худшему. Он когда-то превозносил Иосифа, подобно Клопштоку, а посылая ему свое сочинение о влиянии правительств, называл его убежищем национальных надежд и государем, способным возратить те «золотые времена», которые лишь издали мерещатся Фридриху¹. Неудачные нововведения Иосифа вразумили его насчет того, чего можно было ожидать от Австрии. Он все более и более вовлекался в поток антиавстрийской политики, которая нашла для себя выражение в «фюрстенбунде», а в лице Карла Августа нашла одного из самых ревностных своих приверженцев. По поводу последних военных событий Гердер говорил в своих письмах к Глейму, что на «Австрию никогда не следует полагаться»; он писал этому другу: «Вы принадлежите к эпохе Фридриха, и я хочу принадлежать к ней!»² С этой-то точки зрения пишет он теперь свой приговор над Иосифом II. Сначала этот приговор имел форму особой статьи и отличался резкостью нападок³. Но в «Письмах о гуманизме» следова-

¹ Суфан в SWS (XVIII, 525).

² К Глейму 12 мая 1793 г. (С, I, 159) и 12 апр. (Там же, 155): «Ваш старый король был великим полководцем в этом собрании» (в союзе гуманных государей).

³ Это говорит Суфан (SWS. XVIII, 526; там же приведены некоторые выдержки из этой статьи — с. 330, прим.).

ло выражаться более сдержанно и по мере возможности никого не оскорблять. Вот почему прежняя статья превратилась в неуместно прерываемый монологами «Разговор после смерти императора Иосифа II». Диалогическая форма была выбрана для того, чтобы можно было приводить противоположные мнения; последствием этого было то, что суждения о личности императора, о его отношениях к Фридриху, о его заслугах и ошибках отличаются неясностью, растянутостью и не приводят автора почти ни к каким определенным выводам. Производят приятное впечатление только некоторые глубоко прочувствованные или меткие выражения — например то, что говорит Гердер о склонности Австрии к насильственным захватам, о необходимости положить конец войнам и завоеваниям посредством заключения союза между всеми европейскими государями и наконец заключительная мысль, что «великий составитель проектов» умер от тика, вызванного деспотизмом и от развившейся в нем с детского возраста веры во всемогущество неограниченного монарха.

Первый сборник «Писем о гуманизме» оканчивается вызванными поэзией Глейма размышлениями о том, имеет ли поэзия право касаться великих общественных событий. «Меня очень интересует, — писал Гердер Глейму¹, — голос Музы, когда она осмеливается громко обсуждать или воспевать мировые *acta et facta*, от которых зависит наше счастье или несчастье, и когда она принимает участие в барабанном бое, в безрассудстве и в мудрости публичных совещаний»², — только жаль, что ей все еще приходится вести себя трусливо и сдержанно! Но в «Письмах о гуманизме» Гердер высказывает противоположное мнение. Он находит, что слишком горячее вмешательство поэта в политические события вредно «при теперешнем положении дел»; он точно будто старается этими словами оправдать ту трусливую сдержанность, которая обнаруживалась в то время в его прозаических суждениях о современных событиях. Новым доказательством этой сдержанности служит помещенный в начале второго сборника ответ на вопрос, «что такое дух времени?», — в особенности если мы сравним этот ответ с теми заносчивыми суждени-

¹ 22 мая 1792 г. (С, I, 150).

² Сравн.: Отрывочные заметки. III, 23; Торс. 47; О немецкой жизни и искусстве. 64, 67; Древнейший документ. I, 124, 135; II, 7, 18, 55, 86; Провинциальные листки. 67, 73, 103; О познании. 51; Песни любви. 102, 124 (вместе с девизом, которым начинается и оканчивается эта книга); VL. I, 8; II, 18; Геологические письма. I, 5, 49, 172, 195; II, 138 и сл., 90 и сл., 223 и сл.; Еврейская поэзия. Предисл. IX; I, 47; II, 345, 348, 349.

ями о духе времени, которые он высказывал в первоначальной рукописи «Писем о гуманизме». Автор снова затрагивает тему той первоначальной рукописи, когда в заключение говорит, что в истории духа Нового времени есть три эпохи — основание новейших европейских государств, Реформация и последние политические события. Но как осторожно он выражается теперь! Он снова влагает свои мысли в чужие уста и излагает мнения Лютера об изменениях в системе управления, о черни и о тиранах. Впрочем, Гердер издавна принадлежал к числу поклонников Лютера: он хвалил Лютера за заслуги, оказанные немецкому языку, хвалил его как теолога, как церковного проповедника; в тот бурный период своей жизни, когда он горячо ратовал за религию, он видел в Лютере образец реформатора и вместе с тем превозносил его за перевод Библии и за сочинение духовных песен¹. Он уже давно намеревался воздвигнуть в честь Лютера литературный памятник: он не исполнил этого намерения из опасения рассердить саксонских князей и их придворных и потому что со стороны веймарского генерал-суперинтенданта было бы не прилично открыто высказывать свое мнение об этих князьях. Тем более стал ему дорог Лютер как политик, как прямодушный человек, как настоящий мужиковатый немец. Он уже не раз цитировал некоторые выражения и отрывки из теологических сочинений Лютера, а в 1792 г., когда на передний план выдвинулись политические вопросы, он стал составлять сборник тех суждений, в которых Лютер являлся национальным пророком, «экклезиастом, церковным проповедником и наставником немецкой нации»². Содержание этого сборника большей частью перешло в «Письма о гуманизме». В ненапечатанном послесловии сборника говорится, что Гердер делал эти извлечения и поместил их в «Письмах о гуманизме» «ввиду происходящего в его время брожения умов»: «Так как обе стороны впадают в преувеличения и не всякий уме-

¹ В письме от 16 июля 1786 г. Г. Мюллер приглашал Гердера создать литературный памятник в честь Лютера в форме предисловия к задуманному сборным пастором Вебером изданию сочинений Лютера и оканчивал свое письмо следующими словами: «Вы уже давно намеревались это сделать». Почему этот памятник не мог заключаться в биографии Лютера, Мюллер узнал в 1780 г. из уст Гердера (см.: *Aus dem Herderschen Hause*. С. 31).

² Об этой статейке мы в первый раз узнали из посвященной в 1883 г. Эд. Симсону статьи Суфана «*Rules of a club* Вениамина Франклина» (с. 11 и сл.). К 25 августа 1883 г. Суфан напечатал ее особым изданием под заглавием «Лютер в качестве наставника немецкой нации», а потом снова поместил ее в прибавлениях к «Письмам о гуманизме» (SWS. XVIII, 509 и сл.; сравн. 542 и сл.).

ет держаться середины», то «для владетельных князей, для дворянства, для придворных и для народа» будет полезно услышать голос истины. Затем, по поводу оды Клопштока о североамериканской морской войне, автор снова заводит речь о духе времени и о своей надежде, что гуманные чувства будут распространяться. Чтобы ответить на сомнения и возражения, вызванные такой надеждой, он снова приводит цитаты из сочинений жившего в Сан-Суси философа. Он воображает, что видит окончательное торжество гуманизма, но выражает менее определенно те мысли, которые имели болсе прямое отношение к Французской революции в первоначальных «Письмах о гуманизме», написанных в 1792 г. Он вообще старается не касаться «духа своего времени», старается говорить о настоящем из какого-то воображаемого отдаления, то чужими устами, то языком прорицателя и мечтателя. Он прибегает еще к другим способам облекать свои мысли в безобидную форму. Ссылаясь на аргументы, уже давно знакомые нам из его «Идей», он излагает свое оптимистическое верование, что человечество и в нравственном, и в политическом отношении постоянно стремится к прогрессу, что вера в постепенное совершенствование не обманчивая мечта, а «средство для развития всего, чего требует отличительная особенность человеческого рода — гуманность». Наконец он снова вступает на стезю, проложенную Лессингом. Но стоило ли труда перепечатывать весь второй диалог Лессинга о масонах только для того, чтобы подкрепить уже ранее высказанную Гердером в памятной записке мысль, что следует основать не тайное, а публичное ученое общество? Гердер говорит, что идеализированное Лессингом общество масонов в сущности не что иное, как общество всех мыслящих людей со всех частей света. Конечная цель этого общества — гуманность. В книгопечатании оно нашло для себя средство для публичных сношений между всеми своими членами; при помощи поэзии, философии и истории эти члены становятся выше всех предрассудков, порождаемых государственными учреждениями, полученной по наследству религией, разделением людей по рангам и по сословиям.

Вот как сильно отзывается идеализмом содержание двух первых сборников «Писем о гуманизме». В своей первоначальной форме это сочинение местами походило на произведение политического агитатора, но в своей окончательной форме оно встретило горячее сочувствие в той сфере, в которой вращался его автор. Гёте опасался за своего друга, когда узнал, что он перешел на политическую почву, на почву практического применения гу-

манной философии. Он медлил исполнением возложенного на него Гердером поручения передать два первых сборника герцогу, жившему в лагере подле Майнца; он очень обрадовался, когда узнал, что его опасения были напрасны. Пересылая Гердеру благодарственное письмо герцога, он писал: «Продолжай составление твоих сборников и по-прежнему наполняй их таким полезным содержанием»¹. А герцог выражал надежду, что Гердер с сочувствием отнесется к его старанию предохранить Германию от французского варварства; в качестве человека, также принадлежавшего к кружку гуманистов, он так кончал свое письмо: «Быть может, и мы доживем до такого счастливого времени, когда вся наша деятельность будет ограничиваться содействием к достижению тех целей, к которым должен стремиться всякий благонамеренный человек»². Точно так же выражался и коадьютор Дальберг³. Итак, Гердер достиг того, чего желал. «Два первых сборника, — писал он Гейне, — хорошо приняты теми лицами и сословиями, между которыми я желал найти самых многочисленных читателей»⁴. Поэтому он намеревался продолжать «Письма о гуманизме» все в том же тоне. Он равнодушно отнесся к тому, что эти письма были запрещены в Австрии⁵ за ту главу, в которой шла речь о Иосифе II, а в начале третьего сборника отвечал на это запрещение следующими словами: «Ведь никакой честный человек не стал бы писать писем для распространения варварства».

С другой стороны, следует заметить, что и сам он не чувствовал ни малейшего желания выражаться тем же тоном, каким были написаны осенью 1792 г. двадцать четыре письма о гуманизме. Ведь в нем постоянно усиливалось отвращение к той кровавой революционной драме, которая разыгрывалась под владичеством Робеспьера. Он пришел в ужас от казни французской королевы, а говоря о военных событиях, он только сожалел о безрассудстве войн и бесполезном пролитии человеческой крови. Он писал в декабре 1793 г. жившему в Гальберштадте певцу военных подвигов: «При виде австрийского высокомерия и французского варварства человечество может только молча

¹ Гёте к Гердеру 2 июня 1793 г. (А, I, 137); 7 июня (Там же, 141) и 15 июня (Там же, 143).

² 14 июня 1793 г. (Herderalbum. С. 35, в сборнике Дюнцера — с. 130).

³ 2 июля 1793 г. (С, III, 258).

⁴ 7 авг. 1793 г. (С, II, 222).

⁵ К Г. Мюллеру 15 дек. (а не ноября) 1793 г. (*Гельцер*. С. 216); Каролина и Гердер к Глейму 6 дек. (С, I, 164, 165).

вздыхать». Он полагал, что эти войны никого не увенчают лаврами и не приведут ни к чему хорошему; все его политические размышления сводятся к горячему желанию мира¹. Продолжение «Писем о гуманизме» не уклонялось от таких воззрений вплоть до 1797 г., до издания сборников девятого и десятого. Но те главы, в которых автор касался современной истории или недугов государственной и национальной жизни, натурально, становились менее обширными. Широкая идея гуманности господствовала над самыми разнообразными умственными интересами и над самыми разнообразными сюжетами; заглавие «Для распространения гуманизма» и намерение писать понятным «для всех сословий» языком нисколько не мешали автору вдаваться в поверхностные обобщения и в излишние подробности, а нравственная тенденция писем служила для него извинением в том, что наряду с блестящими идеями у него встречаются и такие, достоинство которых сомнительно, что он нередко заимствовал свои суждения от других и торопливо вносил в свои сборники размышления, между которыми была лишь очень слабая внутренняя связь. Значительная доля содержания сборников могла бы найти для себя совершенно приличное место в «Разбросанных листках» только с той разницей, что в «Письмах о гуманизме» автор обнаруживал менее самостоятельности, чем в «Листках», и менее заботился о художественной отделке.

Только с начала четвертого сборника² снова обнаруживается намерение автора вести речь о современных событиях и приме-

¹ С, I, 164, 165, 170; сравн. стихотворение, сообщенное Суфаном (Preuss. Jahrbücher. XLIII, 423).

² Он вышел в свет в мае 1794 г.; третий сборник вышел в апреле того же года, а после того ежегодно выходили или перед Пасхой, или вскоре после Пасхи два сборника, которые и рассылались вместе. Этой работой автор обыкновенно занимался в зимние месяцы от декабря до марта. Сравн. заключительную статью Суфана к XVIII, 559 и сл. Касательно сборников третьего и четвертого сравн. письмо Каролины к Якоби от 29 янв. 1794 г. (А, II, 310—311), а касательно четвертого сборника то место в IV, 148, где идет речь о смерти Бодэ. К сборникам пятому и шестому относится письмо Шиллера к Гердеру от 12 июня 1795 г. (А, I, 187), а к сборникам седьмому и восьмому письмо Гердера к Эйхгорну от 20 июня 1796 г. (С, II, 308), Шиллера к Гёте от 14 июня 1796 г., Гердера к Г. Мюллеру от 17 июня 1796 г.; принц Август благодарил Гердера за эти два сборника еще 26 мая. Из письма Каролины к Глейму от 16 мая (С, I, 205) видно, что эти два сборника были получены Гердером 14 мая. Касательно сборников девятого и десятого Гердер писал 6 янв. 1797 г. Г. Мюллеру: «Мне нужно прежде всего покончить с письмами о гуманизме...» Вскоре после 28 янв. 1797 г. было написано то письмо к Августу Гердеру (А, II, 455), в котором говорилось: «Я работаю над десятой частью писем о гуманизме, но

нять гуманные идеи к национальной политике. В то время Гердеру попала в руки книга, заключающая в себе извлечения из двух оставшихся ненапечатанными сочинений одного смелого вольнодумца, жившего в конце XVII столетия. Этот вольнодумец назывался Габриелем Вагнером, а писал он под именем Реалиса де Виенна. Гердер повторяет резкие нападки Реалиса на непатриотическую склонность к подражанию иностранцам, на недостаток личного достоинства и самоуважения у немцев его времени. Впрочем, немедленно вслед за этим Гердер влагает в уста одного из мнимых авторов «Писем» такие суждения, которые доказывают необходимость сдерживать чрезмерную национальную гордость в известных пределах. Можно ли, спрашивает он, согласовать такое смелое национальное высокомерие с принципом гуманности? Можно ли согласовать его с равноправностью всех разнообразных ветвей, выросших на великом древе человечества? «Будем же, — говорит он, — по мере наших сил поддерживать национальную честь, будем отстаивать ее, когда делается на нее какое-либо посягательство; но превозносить ее *ex professo* было бы, по моему мнению, ни к чему не ведущим самохвальством». Этим способом Гердер смягчил все, что было резкого в словах Реалиса. Однако он достиг своей цели, цитируя резкие выражения Реалиса, а потом сам стал опровергать их, для того чтобы его письма не утратили своего прежнего «благотворного» влияния, для того чтобы они не только возбуждали новые идеи, но также примиряли противоречия, для того чтобы они читались и не попались в когти цензора. Появившиеся «Письма» были результатом компромисса между сочувствием Гердера к патриотическому негодованию, выраженному Реалисом сто лет назад, и тем уважением к требованиям времени, которое вовсе не было с его стороны лицемерием. Сверх того он из предосторожности еще более ослабил впечатление первых писем, поместив в следующих письмах извлечения из одного незначительного дидактического стихотворения и замечания касательно этого вида поэзии. Таков был характер напечатанных писем; но эти письма имели очень мало сходства с тем, что было первоначально написано. Действительно, из дошедших до нас рукописных отрывков

вяло»; 24 февраля (с. 447) Гердер писал ему, что девятая часть уже напечатана и что он всеми силами трудится над десятой частью. Около 15 апреля 1797 г. Гердер доставил Бёттигеру (*Boxberger*. С. 37. № 40) пробные листы девятого сборника, а ответ Бёттигера (*Lindemann*. С. 83) написан 15 апреля. Гердер просил его никому не показывать те листы, «так как они должны появиться вместе с десятой частью».

видно, что Гердер сначала не налагал на себя никаких стеснений, что он далее развивал идеи Реалиса, совершенно в духе этого писателя бичевал «французскую придворную лесть», а дворы немецких владетельных князей называл существующими в течение полтора лет «французскими клубами», которые вводили у нас и до сих пор вводят чужеземный язык и чужеземные нравы¹. Само собой понятно, что он и не мог, и не смел печатно высказывать такие мысли; но при оценке его политических чувств не следует забывать, что именно таковы были его убеждения и что он решился умолчать о них в печатных «Письмах» только после неоднократных попыток выразить их в самой мягкой форме.

Содержанием для 46-го письма служит лекция «О людских заблуждениях и безрассудствах», которая, по всему вероятно, также была прочитана в собиравшемся по пятницам кружке. Автор сначала намеревался предпослать ей отрывок из сочинения Вигелина о безрассудствах различных народов; в ней он снова затрагивает политические вопросы и с психологической тонкостью объясняет, каким образом разные заблуждения и предрассудки зарождаются в человеческом духе, каким образом они распространяются подобно заразе, прицепляясь к различным лозунгам и символам; по его мнению, нет никакой возможности бороться с ними при помощи насилий; поэтому к ним следует относиться снисходительно, а единственное средство уничтожить их заключается в свободном, всестороннем расследовании истины. Эта лекция была предназначена для избранного кружка слушателей, поэтому в ней либеральные идеи облечены в самую изысканную и мягкую форму. Подкладкой для нее служит обнаружившееся в то время брожение умов. В ней идет речь о нетерпимости национального самомнения, причем имеется в виду французская нация. «Нам пришлось увидеть на деле, — говорит Гердер, — в какое опьянение могут приводить народ слова „справедливость“, „человеколюбие“, „свобода“, „равенство“ и какую ненависть, какие раздоры могут возбуждать слова „аристократ“ и „демократ“». Вся лекция похожа на воззвание к благоразумию и к миролюбию. В ней автор становится на такую возвышенную и благородную точку зрения, что осмеливается говорить о заблуждениях, свойственных различным сословиям, должностным людям и ремесленникам, даже осмеливается пре-

¹ У Суфана (XVIII, 564 и сл. и 332 и сл.) можно найти более подробное сравнение напечатанных писем с рукописными, а также некоторые извлечения из этих последних.

дупреждать, что следует стоять выше всяких партий и не следует пытаться искоренять заблуждения при помощи оружия.

Связь с современными событиями видна и в некоторых других письмах четвертого сборника. Так, в стихотворениях Кнебеля, помещенных в письмах 48 и 50, идет речь о духе времени и о воинственном настроении умов; в 53-м письме высказываются жалобы на то, что в Германии не привыкли свободно и громко обсуждать общественные вопросы; при этом Гердер сначала намеревался упомянуть наряду с другими немецкими историками и о своем старом противнике Шлёцере¹. В пятом сборнике Гердер излагает целый ряд более или менее смелых размышлений о своей эпохе, ставя их в связь с написанной за тридцать лет перед тем статьей «Есть ли у нас такая же публика и такое же отечество, как у древних?»² Точно так же, как и в той статье, но еще более подробно, он теперь рассматривает первый из тех вопросов. Сравнивая древнюю публику с теперешней, он понимает под словами «древние народы» и евреев, а говоря о национальном единстве евреев, выражает сожаление о том, что немцы, вследствие своего разделения по провинциям и вследствие привычки некоторых сословий выражаться на иностранном языке, лишены возможности обмениваться мыслями и давать своим детям одинаковое национальное образование. Его рассуждение о том, что в Германии нет и эстетической публики — публики, одаренной изящным вкусом, — наводит его на сравнение немцев с греками. Он находит, что в Германии существует только искусственная публика — такая же, какая была у римлян. Однако он не теряет из виду того факта, что в другом отношении мы поставлены в более благоприятное положение, чем в каком находились древние народы, так как только у нас возникло понятие о христианской публике; вслед за тем он говорит, что христианский писатель должен стараться влиять на эту публику, которая по своей натуре вечно неизменна, а достигнет он своей цели только тогда, когда будет смотреть на христианское учение как на евангелие чистой нравственности. Наконец у новейших писателей есть и литературная международная публика, благодаря основанной на христианском образовании деятельности школ, университетов и академии и в особенности благодаря книгопечатанию. От рассуждений о замечательных последствиях этого «великого подарка» автор переходит к нападкам на цензуру и на обыкновение писать

¹ См. заключительную заметку к SWS. XVIII (с. 566).

² См.: Т. I. С. 192.

анонимные сочинения; а вся глава заканчивается выражением такой мысли, из которой ясно видно, что автор не только писатель, но и официальное лицо, усердно исполняющее свои служебные обязанности. Гердер замечает, что существует особая публика и для наших действий, и как бы обращаясь к самому себе говорит: «Та сфера, в которой ты живешь и исполняешь свои обязанности, составляет твою публику; все равно, мала она или велика, ты накладываешь на нее отпечаток твоей собственной жизни, твоего склада ума и твоей деятельности». Гораздо короче обсуждает он вторую часть вопроса, касающуюся понятия об отечестве. Из содержания этой главы всего яснее видно, в какой мере и каким образом Гердер любил свое отечество. Нам уже известно, что он не одобрял национальной гордости, которая, по его мнению, вовсе не то же, что любовь к отечеству. Он придает этой последней нравственное значение: она, по его мнению, основана на близком духовном родстве с соотечественниками; по этому поводу он снова настаивает на обязанности немцев придавать более высокую цену их языку, но полагает, что самыми прочными узами национального единства служат государственные учреждения, законная свобода и безопасность, которую мы находим в нашем отечестве. Далее Гердер красноречиво доказывает, что каждый индивидуум должен посвящать себя общему благу и содействовать предохранению государства от угрожающих ему опасностей. Кроме издавна доказанной немцами храбрости и честности он требует для блага отечества «просвещения, единомыслия», даже гордости, — «той благородной гордости, которая научает нас устраиваться у себя без посторонней помощи и быть настоящими немцами на нашей немецкой почве, хорошо защищенной от внешних врагов». То же самое говорил Э. М. Арндт в такое время, когда выражение подобных мыслей было еще более своевременно. И разве можно упрекать Гердера в непатриотическом космополитизме за то, что он вслед за вышеизложенными увещаниями окидывает своим взором всю нашу землю и всю человеческую семью? Теперь, когда мы уже сами создали для себя свободные учреждения и оградили безопасность немецкой почвы, разве мы имеем право ставить Гердеру в вину те преждевременные желания, которые теперь осуществились благодаря нашим патриотическим усилиям и политическому возрождению Германии? В печальную эпоху нашей истории он желал именно того, что в настоящее время составляет лучшую цель немецкой политики — прекращения войн с целью завоеваний и состязания не между физическими, а между умственными

и художественными дарованиями всех европейских народов. Вследствие того что этот благородный проповедник гуманности был крайне склонен к идеализму, он не сознавал, что для упрочения такой мирной политики предварительно необходима крайне тяжелая и трудная работа государственных людей и полководцев, но он вполне верно заметил, что «слова „кровавая борьба соотечественников с соотечественниками“ — самый возмутительный варваризм в человеческом языке».

Еще ярче обнаружались бы патриотические чувства Гердера, если бы он исполнил свое намерение включить в только что рассмотренную нами статью два письма, из которых в первом снова идет речь о причинах, по которым у немцев до сих пор нет собственной истории, а во втором идет речь о прискорбных последствиях того, что у немцев нет свободы слова. Впрочем, эти два письма не остались ненапечатанными: вместе с некоторыми другими, взятыми из четвертого сборника, отрывками, они были помещены в одном периодическом издании, близко подходившем по своему направлению к «Письмам о гуманизме».

В то время как Шиллер начал издавать журнал «Горы», переводчик и комментатор размышлений Бурке о Французской революции Фридрих Генц задумал издавать журнал, который, не ограничиваясь эстетическими целями «Гор», вел бы речь и о политических вопросах. Он основал в 1795 г. «*Neue deutsche Monatsschrift*»¹ и, конечно, не мог бы найти более полезного сотрудника, чем автор «Писем о гуманизме». Гердер был в состоянии одновременно удовлетворять и издателя «Гор», и издателя берлинского журнала. В течение 1795 г. он был занят преимущественно журнальными статьями. Но он не равномерно делил свой труд между двумя журналами. Его поэтический вклад в журнал Генца состоял исключительно из мелких переводных отрывков, а разговор богов под заглавием «*Voraussicht und Zurücksicht*» едва ли мог бы с честью появиться в «Горах». Между тем журнал Генца заводил речь о политических вопросах и о современных событиях, поэтому сходился с содержанием и с тенденциями «Писем о гуманизме». Туда не трудно было вставлять статьи, первоначально назначенные для «Писем». Сам Гердер положительно утверждал, что небольшие статьи, напечатанные им в журнале Генца, были вырезками из «Писем о гуманизме»². Он

¹ Сравн. мою статью о Генце в энциклопедии Эрша и Грубера (LVIII, 333 и сл.).

² См. пропущенное у Гельцера место из письма к Г. Мюллеру от 24 апр. 1795 г. Вот список доставленных Гердером статей в стихах и в прозе, перечисленных в том порядке, в каком были напечатаны: три оды, подражание Сарби-

печатал там эти статьи вовсе не в виде «политической контрабанды», потому что не высказывал в них более смелых идей, чем в «Письмах о гуманизме»; да и фирма Генца вовсе не была расположена прикрывать своим авторитетом революционерные или радикальные суждения, кроме того, следует заметить, что Гердер подписывался под более важными статьями и даже намеревался снова напечатать их в «Разбросанных листках»¹. Намеки на современные события вроде тех, какие были вставлены в промежутках между одами Буало и Горация, размышления о необходимости написать историю немецкой нации, наконец рассуждения о стеснениях свободы слова вроде тех, которые изложены в статье «О способности говорить и слушать», — все это не отличалось ни по форме изложения, ни по тону от сердечных излияний, которыми наполнены «Письма о гуманизме». В двух письмах «О Сенеке как философе и министре» гораздо менее политических намеков, чем сколько можно бы было ожидать по заглавию. В своем сочинении на премию «О влиянии правительств» Гердер сказал, что воспитание Нерона Сенекой — пятно на истории, а статья Дидро о Сенеке — софистическая защита софиста. Но в рассматриваемой нами статье Гердер становится на совершенно иную точку зрения. У Дидро, говорит он, мы должны учиться, как следует читать произведения древних писателей, а судьба самого Сенеки может быть прекрасным сюжетом для трагедии. Он уже и прежде пробовал свои силы в сочинении трагедий. В последние годы своей жизни он дошел до состязания с нашей новейшей классической драмой и оставил после своей смерти некоторые другие следы таких же попыток²; кроме того, у него зародилась мысль — развитая им в первом из «Двух писем» —

еввиусу (I, 44, и сл.); «Voraussicht und Zurücksicht», диалог (I, 71 и сл.); «Амфион и фиванцы», подражание Сарбиевиусу и «Эолова арфа», подражание Томсону (I, 121 и сл.); 12 эпиграмм, извлечения из греческой антологии (I, 237 и сл.); «Почему у нас до сих пор нет истории немцев?» (I, 326 и сл.); «О способности говорить и слушать» (I, 57 и сл.); «К Меркурию», подражание Горацию (I, 119); еще 12 эпиграмм, извлечения из греческой антологии (II, 121 и сл.); «Сенека как философ и министр», два письма (II, 228 и сл.); «Буало и Гораций» (III, 60 и сл.). Этот последний отрывок и все стихотворные отрывки, за исключением извлечений из антологии, подписаны буквами S. V. R. (т. е. Salomo Ben Roë — Готтфрид Гердер; см. SWS. XXVII, 412); все остальные отрывки подписаны именем Гердера; отрывки в стихах помещены теперь (за исключением оды к Меркурию) в SWS. XXVI и XXVII в надлежащем месте, а отрывки, написанные прозой, — в SWS. XVIII, 377 и сл.

¹ К Г. Мюллеру 15 окт. 1795 г.

² Сравн.: Т. I. С. 261, прим. 1 и, кроме того, SWS. XXVIII, XI и сл.

написать трагедию «Сенека». На эту мысль его навели произведения Клейста и Лессинга. Он намеревался подвергнуть справедливому суду как тирана, так и его бывшего наставника, объяснить, к чему пригодна «стоическая философия при дворе царствующего государя» и выставить Сенеку «славным мучеником за государственные интересы». Он очень красноречиво описал исторические моменты в жизни Сенеки вплоть до его смерти, но намерение написать трагедию осталось неисполненным; это служит новым доказательством того, что на почве драмы для Гердера не росли лавры.

При помощи оставшихся после смерти Гердера рукописей мы в состоянии точно указать, какое место первоначально занимали эти «вырезанные листы» в «Письмах о гуманизме»¹. При этом нельзя не заметить, что легкость, с какой можно было вырезать статьи из этих «Писем» или вставлять в них новые статьи, служит лучшей критикой их композиции. Хотя форма писем иногда и казалась автору стеснительной², однако она была самой удобной для того, кто беспрестанно перебрался с одного сюжета на другой. Когда мы читаем эти письма, нам кажется, что мы находимся в гостиной, в которой разговаривающие переходят от одного сюжета к другому, то слегка их касаясь, то рассматривая их более подробно. Разговор возникает или по поводу новостей дня, или по поводу какой-нибудь книги, или по поводу какого-нибудь газетного известия, стихотворения, острого слова. Но атмосфера этого дома и склад ума хозяина дают этим разговорам определенное направление и внешнюю форму. Хозяин налагает на всех гостей отпечаток своего собственного умственного настроения; он любит выражаться поучительным тоном и пленять своим красноречием; он нередко переходит от разговора к монологу и беспрестанно возвращается к своим излюбленным темам.

После того как И. Г. Мюллер прочел 5-ю и 6-ю части «Писем о гуманизме», он не без основания похвалил их «за привлекательную мягкость тона»³. Была еще другая причина, по которой он особенно интересовался этими двумя сборниками, — пятый сборник начинался разбором его сочинения «Исповедь замечательных людей». Еще более мягким тоном отличался шестой

¹ Мы можем сослаться на указания Суфана (SWS. XVIII, 565 и сл.).

² Он сам в этом сознавался, как это видно из ненапечатанного места в его письме к Г. Мюллеру от 24 апр. 1795 г.

³ 19 июня 1795 г.

сборник, в котором автор развивал эстетические и гуманные идеи, возникшие в его уме в Италии при изучении памятников античного и христианского искусства.

В сборниках седьмом и восьмом автор совершенно отказывается от практических соображений и, для того чтобы не вовлекаться в опасные рассуждения о неприятностях тогдашнего положения Германии, переходит на издавна хорошо ему знакомую литературную почву. Однако его недовольство тем положением не заглохло: оно еще раз высказалось в двух последних сборниках, но не вполне, а только наполовину, потому что самые резкие и язвительные замечания были изложены на бумаге, но не были отданы самим Гердером в печать. Раскрыв девятый сборник, мы тотчас замечаем, что автор переходит от изложенных в предшествовавшем сборнике литературных объяснений к ранее затронутому им сюжету — к жалобам на прискорбную галломанию немцев. В качестве историка литературы он только что воздавал французам должную справедливость и старался смягчить резкость своих прежних суждений о характере французов; а теперь, в качестве патриота, он ведет речь о вреде, который исстари причиняли галлы своим соседям германцам; он влагает в уста берлинского академика Премонталя рассуждения о том, какой вред причинила немцам французская пропаганда в предшествовавшем столетии; затем он от своего собственного лица нападает еще более резким и насмешливым тоном на французское воспитание в Германии, потому что оно внесло разлад между целыми сословиями и народной массой и пустило такие глубокие корни, что немецкая нация утратила свою самобытность и отстала от других наций. Но был один человек, говорит Гердер, который всеми силами старался восстановить эту самобытность, — это был Лессинг. По этому поводу Гердер становится на самую правильную точку зрения для оценки заслуг Лессинга. Он перечисляет эти заслуги с точек зрения литературной, национальной и нравственной. Действительно, главное значение Лессинга заключается в том, что он внес в нашу литературу свою собственную умственную зрелость, свою любовь к немецкому отечеству и новый идеал человеческого характера. Точно так же теперь смотрит на него и Гердер; но на этот раз в словах Гердера слышится сознание, что его собственные силы истощаются и что он вынужден подчиняться влиянию писателя, который стоит выше его самого. Под заглавием «Искры из праха умершего» он приводит извлечения из сочинений Лессинга и потом заставляет его говорить вместо себя, подобно тому как прежде заставлял вместо

себя говорить Фридриха Великого, Лютера и Лейбница. Он намеревается представить характеристику жизни этого замечательного человека и указать, какое здравомыслие, какое честное направление ума обнаруживалось в каждом из его действий. Сделав извлечения из сочинений и из писем этого писателя, он говорит, что «искры из праха умершего глубоко проникли в его душу». Эти слова сказаны им, очевидно, с целью найти в них для самого себя утешение и назидание. Он, очевидно, сравнивал свою собственную судьбу с судьбой Лессинга. Упомянув о жалобах Лессинга на обдающее холодом равнодушие, с которым свет относится к некоторым людям, он имел в виду неблагодарность, с которой публика относилась к нему самому.

Гердер трудился над этими последними частями «Писем о гуманизме» с нетерпеливым желанием скорей окончить эту работу. «Я надорвался и истощился», — писал он 18 ноября 1796 г. Глейму. «Я пишу, что могу, — писал он тому же Глейму 30 декабря, — я хочу до такой степени надоесть Вам гуманизмом, что Вы поневоле сделаетесь гуманными, для того чтобы заставить меня молчать». «Я работаю, — писал он в конце января 1797 г. своему сыну Августу, — над десятой частью писем о гуманизме, но вяло. Этот сюжет увлекает меня, и мне кажется, что я пишу слишком много; я пою даже тогда, когда не нахожу никакого отзвука. А все-таки нужно идти далее до конца! Я надеюсь, что и в этом случае Господь поможет мне, — ведь я пишу без всяких притязаний¹. При таком душевном настроении он, естественно, не ограничивался сожалениями о недостатках нашего политического устройства, о слабом сознании нашей национальной самобытности, а примешивал к этим сожалениям колкие насмешки и желчные обвинения, не достигавшие своей цели. Он впадал в свифтовскую желчную раздражительность, но не имел достаточно хладнокровия и остроумия, для того чтобы сделать из нее острое и годное для дела оружие. Он не был одарен ни той язвительной насмешливостью, которая умеет прикрываться благовидной внешностью, ни тем геройским красноречием, которое не идет ни на какие уступки, пока не одержит окончательной победы. К тому же он был слишком мягкого характера и не умел владеть своими чувствами, которые иногда сталкивались с его убеждениями. Желая излить все свое негодование на главную причину печального положения Германии, он в конце девятого сборника вкратце изложил все свои мысли в поэтическом отрывке «Немец-

¹ С, I, 221, прим. 1; А, II, 446.

кая национальная слава». Этим стихотворением автор вызвал самое горячее одобрение от Бёттигера, которому посылал пробные листы на просмотр. Возвращая эти листы, Бёттигер осыпал Гердера до крайности преувеличенными похвалами. «Вашим заступничеством за нашу несчастную нацию, — писал он Гердеру, — Вы воспламените тысячи сердец самой искренней признательностью. Ни у одной нации не найдется такого произведения. Здесь все вылилось из глубины души. Иные, пожалуй, будут скрежетать зубами и кусать себе губы. Но кто же осмелится громко восставать против таких суждений. Кто не сочувствует вам, тот виновен в самой позорной измене интересам всего человечества»¹. Но мы вынесли другое впечатление из чтения того отрывка. Он написан на два различных тона, которые, сливаясь, звучат как диссонанс. Автор описывает нам унижение немцев самыми яркими красками и самым язвительным сатирическим тоном; он рассказывает, что лучшие и достойнейшие сыны отечества страдают дома от голода или принуждены искать заработков вне своей родины, что немецкие владетельные князья продают своих подданных для службы в иностранных армиях «на берегах Миссисипи и Огио, в Кандии и Моренфельсе». Гердер, конечно, имел полное право не сдерживать своего негодования, когда шла речь о таких фактах! Разоблачение такого позора не может быть воспрещено ни любящему правду писателю, ни поэту. Но стихотворение утрачивает цельность характера с той минуты, как политическая сатира превращается в кроткую проповедь; по какому праву поэт возбуждает наше негодование, если он ограничивается советом не уклоняться от требований сдержанного благоразумия и кроткой покорности? Он уже не в состоянии заглушить в нашем сердце скорбь, которую сам возбудил; чем сильнее действовали на нас его язвительные насмешки, тем менее мы расположены внимать его словам, когда он выходит из своей роли обличителя и уверяет нас, что настоящая национальная гордость заключается в безукоризненности и сдержанности, в благоразумии и благонамеренности, в скромности и «совершении полезных дел втайне». То было очень неверное сравнение и вовсе не уместная лесть, когда Бёттигер называл автора этого стихотворения новым Гуттенем. Кисло-сладкие стихи Гердера были верной характеристикой колебаний, происходивших в его

¹ Гердер к Бёттигеру в начале апреля 1797 г. (*Боксбергер. Briefe Herders an Böttiger. С. 34, № 40*) и ответ Бёттигера от 15 апреля (*Линдеман. Beiträge zur Charakteristik Böttigers. С. 83*).

уме, но они не могли бы служить украшением для «Писем о гуманизме». Не подлежит сомнению, что Гердер поступил благоразумно вытребовав назад уже напечатанные полтора листа¹. Он поступил так частью из опасения, что его книга будет запрещена, частью из сознания, что ему не удалось сочетать тон политической статьи с тоном поэтического и философского произведения.

Еще до окончания печатания новой книги он взял назад несколько других писем, которые были наполнены преимущественно политическим содержанием и имели внутреннюю связь с вышеупомянутым стихотворением. Эти письма придали бы десятому сборнику совершенно другой вид, чем тот, в каком он представляется нам теперь. Нет никакого основания сожалеть о том, что Гердер выключил из сборника другой политико-сатирический отрывок, в котором частью осмеивал политику держав, составивших коалицию против Франции, частью указывал на резкую противоположность между умением французов сосредоточивать их силы и разрозненностью немцев, очень похожей на то, что происходило в Польше. Ведь этот отрывок находился в противоречии с его собственным убеждением, что политика не сходится с поэзией, и в нем слишком ясно обнаруживалось, что *indignatio versus facit*². Те же мысли Гердер изложил в прозе в другом письме, в котором его суждения о положении дел в Германии высказаны более сдержанным и более благородным языком. Вслед за извлечением из статьи Иоанна Мюллера «Опасности нашего времени» он высказывает свои жалобы на разрозненность немцев по их государственным учреждениям, по языку, религии и литературе и требует, чтобы таким порядкам был положен конец. Ему не следовало бы исключать из сборника этот отрывок³, так как он еще ни разу не высказывал так же просто,

¹ Теперь эти стихи помещены в SWS. XVIII, 208 и сл. Там же в прим. 1 и на с. 554 можно найти указания о вышедшем в 1812 г. отдельном их издании. В этом последнем месте можно найти и письма, касающиеся всех подробностей этого дела. Что эти подробности не были преданы забвению, видно из следующих слов в письме Г. Мюллера к Гердеру от 17 июня 1797 г.: «Ведь Вам даже пришлось взять назад один лист, потому что в нем были стихи на происходящую в Гессене торговлю людьми».

² Этот отрывок см.: SW в отделе литер. III, 195 и сл.; в более полном виде и со всеми изменениями он напечатан в SWS. XVIII, 348; сравн. с. 582.

³ Теперь этот отрывок помещен в SWS. XVIII, 345 и сл.; сравн. с. 584; там также помещены письмо Гердера к Иоанну Мюллеру от 10 окт. 1796 г. касательно «Опасностей нашего времени» (С, II, 338) и указания на оду «Германия» (Адрастея. VI, 152 и сл.).

ясно и энергично свое убеждение, что «если мы не хотим сделать из Германии новую Польшу, то не найдем более благородной цели для нашей предприимчивости, чем уничтожение той разрозненности». Он настаивает на необходимости «употреблять все средства убеждения и иронии, чувствительности и здравомыслия, для того чтобы положить конец тогдашнему преклонению перед провинциальными идолами, иллюзиям и самодовольству и всем внушать сознание, что мы составляем один народ, у которого одно отчество, один язык».

Таким образом Гердер в конце своих «Писем о гуманизме» снова попытался выступить на арену политической публицистики — но и на этот раз он скоро перешел к другому сюжету. Он был принужден отказаться от всякой реформаторской деятельности в этой сфере по многим внутренним и внешним причинам, а главным образом потому, что не имел такой же цельной программы для политической деятельности, какая была у него вготове для обсуждения вопросов, касавшихся эстетики и религии. Десятый сборник писем, в своем теперешнем виде, лишь слегка касается тех событий, которые совершались на глазах у автора, и тех общественных порядков, при которых он сам жил. Прежде автор вел речь об обязанности немецкой нации сосредоточивать свои силы для «самообороны» и воздерживаться от бесплодного вмешательства в дела соседней страны, а теперь он говорит о негодности всяких попыток силой влиять на культуру других народов. Таким образом, его письма превращаются из политических в настоящие письма о гуманизме. Автор разом переходит от немецкого национального вопроса к не имеющему никакой с ним связи вопросу об эмансипации негров и выражает свои мысли в нескольких стихотворных рассказах, которым дает саркастическое название «Negeridyllen». Прежде он постоянно высказывал в письмах к друзьям желание, чтобы в Германии наконец водворился мир; а теперь он высказывает более идеальную мечту о вечном мире. «Так как в наше время, во время пагубной войны, едва ли обещающей прочный мир, много говорят о вечном мире», — этими словами начинает он 118-е письмо и по поводу донесения одной североамериканской миссии заводит речь о мирных учреждениях у ирокезцев. Он высказывает лишь надежду, что когда-нибудь настанет эпоха постоянного мира, но считает ручательством за ее осуществление «всеобщее чувство справедливости, гуманность и постоянно работающий разум». Своему швейцарскому другу Гердер рекомендовал этот последний сборник как «любимое дитя своих тайных

желаний»¹. Эти тайные желания заносятся в такую сферу, откуда современные события представляются в тумане. Автор высказывает желание, чтобы история человечества писалась в чисто гуманном духе, чтобы она видела в каждой нации своеобразный продукт творческих сил природы и чтобы историк был проникнут искренним сочувствием ко всему человечеству; здесь автор, очевидно, переносится в ту же сферу, в какой витал его ум, когда он писал свои «Идеи о философии истории». Но так как чисто политические вопросы уже были совершенно отложены в сторону, то наступила пора закончить издание «Писем». Их следовало бы закончить еще шестым сборником². То, что, по словам Гердера в письме к Глейму, могло «продолжаться бесконечно», без сомнения, могло быть прервано на каком бы то ни было пункте.

Впрочем, не одни только «Письма о гуманизме» свидетельствуют о влиянии современных политических событий на литературную деятельность Гердера. Еще в последней статье четвертого сборника «Разбросанных листков» автор обсуждал вопрос о возможности обновить устарелые учреждения революционным путем и отвечал на этот вопрос решительным отрицанием. Пятый сборник «Разбросанных листков» имеет внутреннюю связь с предыдущим, благодаря тому что автор не переставал интересоваться современными событиями. Этот сборник был составлен немедленно вслед за изданием двух первых частей «Писем о гуманизме»³ и находился в такой же связи с этими письмами, в какой три первых сборника находились с «Идеями» и с «Разговорами о Спинозе». Подобно тому как в «Письмах о гуманизме» шла речь о духе времени, о Фридрихе и Иосифе, приводились выдержки из сочинений Лютера и излагалось продолжение диалогов Лессинга о масонстве с целью окинуть современную неурядицу более широким взором — и новый сборник «Листков» составлялся с той же целью. Здесь даже возобновилась прежняя манера Гердера выражаться чужими устами. И эти «Листки» было бы нетрудно превратить в «Письма о гуманизме». «Я выбрал из

¹ Пропущенное у Гельцера (с. 261) место из письма от 26 июня 1797 г.

² Письмо от 2 янв. 1794 г. к Гарткноху-младшему; сравн. SWS. XVIII, 573.

³ Что пятая часть «Разбросанных листков» не была готова к ярмарке, говорится в письме к Глейму от 1 мая 1793 г. (С, I, 158). То же говорится в письме к Якоби от 5 апреля 1793 г. (А, II, 305); сравн. письмо к нему же от 12 мая (Там же, с. 307). После этого сборник был отослан Глейму 27 июля, Якоби 5 авг., Гейне 7 авг. К Г. Мюллеру он был отправлен еще 15 июля, после того как Гердер известил 13 мая Мюллера о предстоящем выходе «Разбросанных осенних листков», а не просто «Разбросанных листков».

моих бумаг, — писал Гердер к Гейне, — то, что считал подходящим для нашего времени и, по мере возможности, заставляю других говорить за меня. Лучше было выбрать что-нибудь наполовину подходящее, чем вовсе не подходящее, да и не было возможности поступить иначе. От вашего внимания, конечно, не ускользнет это соображение». В том же духе писал Гердер Глейму: «На этот раз Вы найдете у меня не розы и не мирты, а лилии, кипарисы, лавры, почетные награды» и разные другие дары немецкой музыки¹. «Другие времена — другие мысли» — этими словами он начинает предисловие, помеченное 14 июня 1793 г. «Приступая к составлению этой части „Разбросанных листков“, я не терял из виду того, чем теперь почти все озабочены, и потому не старался занимать читателя остроумными вымыслами, а старался поучать его и укреплять в нем душевное мужество».

Сборник начинается переведенными «параболами» и «патриотическими диалогами» Андреэ; он оканчивается тем литературным памятником в честь Гуттена, который был помещен Виландом в «Меркурии» с дополнительными объяснениями. Благодаря воспоминаниям об Андреэ Гердер снова берется за те письма о некоторых старых немецких поэтах, которые когда-то были им написаны для «Немецкого музея»: этим способом он отыскивает сюжет для статьи патриотического содержания. Под это содержание не подходит только предпоследняя статья сборника, посвященная богине-покровительнице музыки, Цецилии.

Переводчик апологов Андреэ прибавил к заголовку своего перевода следующие слова, которые были совершенно во вкусе Гердера: «Для воодушевления людей нашего времени». В предисловии к этому переводу, написанном в 1786 г., Гердер говорил: «Андреэ до такой степени принадлежит нашему времени, что я во многих отношениях желаю для нас нового Андреэ»; вслед за этим он доказывал, что происходившее в то время брожение умов, всего ярче обнаруживавшееся в деятельности тайных обществ, имеет большое сходство с современными волнениями и что аллегорические стихотворения мужественного и благоразумного Андреэ могут сделаться в искусных руках «средством для исцеления тайных недугов нашего времени». Именно с этой целью он поместил теперь собственные переводы разных отрывков из сочинений Андреэ². В своем предисловии и в размышле-

¹ К Гейне 7 авг. 1793 г. (С, II, 222); к Глейму 27 июля 1793 г. (С, I, 159, прим. 2).

² Сравн. выше, с. 118 этого тома. Сборник начинается 36 апологами, из которых последний уже был помещен в «Теологических письмах» (I, 404) в несколько измененном виде. Затем следуют 18 диалогов Андреэ, из которых

ниях, вставленных между «Параболами» и «Патриотическими диалогами», он говорит, что хочет вызвать читателя на сравнение нового времени с прошлым, — но он идет к этой цели с чрезвычайной осторожностью. Ведь многое, говорит он, с тех пор улучшилось или, быть может, только доведено до утонченности и скрыто от наших глаз. Чтобы облегчить сравнения и вместе с тем не впасть в какие-нибудь слишком неделикатные сопоставления, он дал название «парабол» тем стихотворениям, которые получили от своего автора название «апологов», и предоставил самому читателю делать из них практическое применение.

Еще слабее связь с современными событиями в тех письмах, которые носят заглавие «Воспоминания о некоторых старых немецких поэтах». Здесь патриотизм переносится исключительно на литературную почву. Новейшие события лишь усилили в Гердере его старое влечение к старинной национальной поэзии — они напомнили ему, что в этой поэзии кроется «зародыш старинной правдивости, честности и верности», а потому он и выражает надежду, что настанет время, «когда мы серьезнее отнесемся к нашему языку, к заслугам, принципам и целям наших предков и вместе с тем научимся ценить наши старинные сокровища. Он не без пользы уже давно высказывал подобные советы в «Отрывочных заметках», в сборнике народных песен и в письмах, которые писал для «Музея». Научившийся у него искусству переводить иностранные произведения на немецкий язык молодой Гретер прислал ему свои «Nordischen Blumen» и упросил его доставлять статьи для вновь основанного сборника древней германской и северной литературы¹. В то время уже были выпущены две книжки этого журнала, сделавшегося средоточием для разрозненных исследований германской древности. Там Гердер стал помещать статьи, также касавшиеся старинной немецкой литературы. Он сам сознался, что не был достаточно подготовлен для роли историка немецкой поэзии, поэтому обещал доставлять лишь отрывочные заметки о том, что случайно останавливало на себе его внимание. Однако эти отрывочные заметки гораздо богаче содержанием, чем те написанные для «Музея» письма, из которых он перепечатал в новой редакции только две статьи — о Векгерлине и об Андресе. Он делает быстрый обзор всей истории

«Er Kanzelredner» и «Die Staatsklugen» уже были помещены в «Христианском сборнике» Пфеннигера.

¹ Гретер к Гердеру 24 авг. 1789 г., 15 ноября 1790 г.; сравн. «Историю германской филологии» Раумера (с. 284 и сл.).

немецкой поэзии до времен Опица и сопровождает образчики древней поэзии замечаниями о ритмической форме, о языке и духе поэзии. В этих замечаниях патриотическая точка зрения играет роль наравне с эстетической. Автор хвалит старинный немецкий язык за то, что в своих склонениях и спряжениях отличался благозвучием, которое было бы приятно слуху автора сочинения *de la littérature Aliemande*. Он замечает, что привязанность нации к ее правителям всегда составляла прекрасную черту в немецком характере и в немецкой поэзии; поэтому он не скрывает желаний, чтобы все немецкие владетельные князья это сознавали, чтобы они в бессонные ночи приказывали читать себе вслух те книги, в которых рассказывается, «что для них исстари делали их подданные». Затем он переходит к поэтам швабского периода, однако не приводит образчиков поэзии миннезингеров, потому что эти стихотворения следует читать на том диалекте, на каком они были написаны; при этом он высказывает множество желаний, которые были исполнены только в нашем столетии, — он требует истории постепенного образования немецких диалектов, истории событий, мнений и нравов тех времен, исследований стихосложения, объяснительных комментариев к песням миннезингеров. Он относится с меньшим интересом к эпосу. Ему «недостало ни охоты, ни времени» для изучения «длинных эпических стихотворений» того времени, и он ограничивается скромным желанием составить «библиотеку из немецких эпических романов».

Тем не менее он приходил в восторг от немецкого эпоса. В письмах пятом и шестом он лишь характеризует поэзию изречений и басен, произведения Фрейданка, Бонера, Буркгардта, Вальдиса, поэзии мейстерзингеров, протестантские церковные песни и т. д.¹, примешивая к этим характеристикам настойчивое требование отказаться от подражания чужеземным нравам и возделывать «поля наших дедов и прадедов». Книги седьмая и восьмая, в которых шла речь об Андресе и Векгерлине, представляют нечто новое только в некоторых примечаниях к тому, что было ранее высказано автором об этих писателях. Тем интереснее четвертое письмо, в котором автор говорит о немецком животном эпосе. Для него как любителя басен «Рейнеке Фукс», натурально, был одним из самых привлекательных поэтических произведений. Нам, конечно, не представляется никакой надобности

¹ Он говорил о приаемеях в «Немецком Меркурии» (1782, август. С. 169 и сл.) более подробно и при этом приводил образчики таких стихотворений.

оправдывать его в том, что, будучи, подобно Гёте, знаком только с нижненемецкой формой этого стихотворения, он не мог составить себе вполне ясного понятия ни о возникновении животного эпоса, ни о его литературных переделках — ведь этот сюжет был разработан Яковом Гриммом лишь для следующего поколения. Однако мнение Гердера об этом эпосе было в сущности верно. Он основательно считал то стихотворение продуктом чисто немецкой поэзии. Он приходит в удивление от басни, в которой действующие лица — животные и которая, наперекор всеми признанной теории, излагается в четырех книгах. Ограничившись констатированием этого факта, он называет то стихотворение первоклассным эпосом, а главного героя «Улиссом всех Улиссов»; он пишет Глейму, что то стихотворение — «первая и величайшая эпопея немецкой нации и даже всех наций со времен Гомера». Дух этой эпопеи сходен с духом басни; разница только в том, что благодаря эпическому характеру целого здесь имеется в виду не узкое нравственное правило на какой-нибудь данный случай; напротив того, это — «басня для всего мира, для всех призваний, сословий, страстей и характеров». Автор основательно отвергает гипотезу, будто это стихотворение имеет определенное сатирическое отношение к единичному историческому факту. Напротив того, сатирическое содержание немало усиливает его сочувствие к стихотворению. В этом случае он разделяет впечатление, произведенное стихотворением на Гёте. Почва юмористической сатиры на придворную и светскую жизнь была той нейтральной почвой, на которой сходились политические воззрения двух друзей. Пресытившийся только что пережитыми уличными и площадными сценами Гёте находил наслаждение в описаниях придворной жизни, «так натурально изображавших животные влечения человеческого рода». Так как Гердер также с неудовольствием взирал на борьбу немецких правителей с вводившей у себя новые порядки Францией, так как ему также не нравилось все, что творилось в политической сфере, то и он находил для себя душевный отдых в привлекательном спокойствии и в наглядной правдивости, с которыми так поэтично и так поучительно изображена безнравственность лисицы, «к сожалению, также играющей роль в забавном ходе мировых событий». Он находил наслаждение как в том стихотворении, так и в гётевской переделке¹. Однако он усматривал в древнем сказочном

¹ Гердер к Глейму 12 апреля и 1 мая 1793 г. (С, I, 155, 157); к Якоби 12 мая 1793 г. (А, II, 307); Гёте к Гердеру 7 июня 1793 г. (А, 142).

эпосе не одно только поэтическое значение: он хотя и слегка, но неоднократно указывал на серьезную цель, прикрытую юмором поэтической формы. В сущности, он ограничился эстетическим комментарием к тому замечательному стихотворению, но он прибавил к этому комментарию следующее замечание: «Каждый без большого труда сам составит в своем уме политическую статью о Рейнеке на основании духа своего времени и всех времен».

Хотя Гердер и нашел в юмористическом стихотворении развлечение от своих политических забот и тревожных мыслей, однако ему скоро понадобились утешения иного рода. Только голос более серьезной и более возвышенной Музы был в состоянии успокоить мрачное настроение духа, в которое Гердер впадал с течением времени все чаще и чаще, вследствие того что чувствовал себя в одиночестве. Эту услугу оказал ему один немецкий лирический поэт, живший во времена Тридцатилетней войны и подражавший произведениям Горация на том же языке, на каком они были написаны.

Он лишь очень поверхностно познакомился с произведениями двуязычного католического поэта Иакова Бальде, по всему вероятно, около того времени, когда был занят изданием народных песен. Какое слабое впечатление произвели на него в то время эти произведения, видно из нескольких слов о «иезуите Бальде», мимоходом сказанных в примечаниях ко второму тому народных песен (II, 300, 301). В письмах, которые Гердер писал в январе 1781 г. (с. 2 и сл.) для «Музея», он привел сочиненную Бальде хвалебную песнь в честь Девы Марии, но хотя он тогда и назвал автора песни «знаменитым Бальде», все-таки этот отзыв был очень похож на похвалу, сказанную понаслышке. Он снова обратил внимание на произведения этого поэта лишь по прошествии пятнадцати лет и только тогда оценил их по достоинству. Это было зимой 1793/94 г. Именно в то время его отношения к современным событиям и к политике веймарского правительства стали оказывать неблагоприятное влияние на его общественные и дружеские связи¹. Он не был в состоянии судить о современных событиях с таким же пристрастием, с каким судил о них герцог веймарский, лично участвовавшей в войне с Францией, а между тем от него ожидали таких пристрастных суждений как от человека, очень близко стоявшего к герцогскому семейству и по своей должности, и по личным связям. Так как он не умел сдер-

¹ На это положительно указывает кнебелевская басня в 48-м «Письме о гуманизме».

живать своей горячности, то он нередко уклонялся в устных беседах от той осмотрительной осторожности, с какой высказывал свои мнения в первых частях печатных «Писем о гуманизме» и даже в их продолжении. Легко могло случиться, что он не умел воздерживаться от резких и смелых суждений вне своего дома, что эти суждения подхватывались недоброжелателями, преувеличивались или искажались и в этом виде разносились по городу¹. Он находил, что герцог и герцогиня имели недовольный вид и относились к нему неблагоприятно. Он заметил, что от него стал отдаляться и безусловно преданный герцогу Гёте. Он впал в глубокое уныние от неудачного хода военных действий и от того, что разлад между членами коалиции и революционная энергия республиканской Франции разрушали его надежды на скорое заключение мира; к тому же он стал с декабря снова страдать своими прежними недугами² и при своих утомительных служебных занятиях стал очень тяготиться своим положением, которое сравнивал с положением поденщика. Чтобы не думать ни о политике, ни о войне, он — в написанных в течение этой зимы «Письмах о гуманизме», в особенности в третьем сборнике этих писем, — вел речь о Гомере, умевшем вносить разумность и человечность даже в описания кровавых военных сцен, и о древних лирических поэтах, умевших разгонять душевную тоску и веселить душу своими песнопениями; он вел речь о Горации и о новейших поэтах, которые, подобно Сарбиевиусу и Бальде, подражали уроженцу Венузии и «на заимствованном у него латинском языке выражали такие чувства, которых еще не смели выражать на своем родном языке». Переведенные на немецкий язык оды Горация и Сарбиевиуса были отправлены Гердером в новый ежемесячный журнал; но ни один из этих поэтов не пленял его так сильно, как Бальде, о котором он лишь мимоходом упомянул в вышеуказанной главе «Писем о гуманизме». «Пылкое желание переводить стихотворения Бальде, — рассказывает Каролина в «Воспоминаниях», — к счастью, возникло у него именно в то время, когда его оскорбляло обхождение герцога и когда у него было много причин для душевных забот. Благодаря этой работе у него явилась бодрость духа! С таким же наслаждением, с каким он работал над „Древнейшим документом“ и над „Идеями“, он

¹ О выражениях этого рода очень неодобрительно отзывался Шиллер в письме к Кёрнеру от 28 сент. 1789 г. (их переписка. II, 123). Относительно всего вышеизложенного мы можем сослаться на рукописные «Воспоминания» и в особенности на извлечения оттуда Суфана (Preuss. Jahrbücher. XLIII, 422 и сл.).

² Каролина к Глейму 31 янв. 1794 г. (С, I, 167).

погрузился теперь в стихотворения Бальде, который укрепил его душевные силы сходством своих страданий и чувств с его собственными. Эти оды внушили ему мужество, душевную бодрость и вместе с тем грусть или, вернее, благородное, основательное негодование! Они находились в его руках, лишь только он вставал с постели, и он уходил с ними спать. Они доставляли ему достаточные силы для занятий в течение дня служебными делами, а вечером они служили для него наградой за дневную работу. Он не мог сидеть спокойно; нередко случалось, что после ужина он оканчивал какую-нибудь оду и часов около 10 или 11 звал меня в свою комнату, для того чтобы прочесть мне написанное... Тогда его уму живо представлялось тогдашнее положение дел, то обещавшее скорую развязку, то снова запутывавшееся на неопределенное время. Тогда ему казалось, что он слышит раздающиеся из могилы суждения Бальде о современных событиях, и ему хотелось соединить свою душу с его душой! Это были горестные и в то же время самые возвышенные чувства»¹.

Этот рассказ «Воспоминаний» подтверждается грустным содержанием письма Гердера к Г.Мюллеру от 12 мая 1794 г. Здесь Гердер снова жалуется на печальные условия своего времени и на то, что он остается при своих убеждениях в совершенном одиночестве. «Я мог бы прибавить, — пишет он, — *quam longe disto ab ego* — как сам я изменился и как изменилось то положение, в котором Вы меня видели! Едва ли найдется хоть один из прежних знакомых, который остался бы таким же, каким был прежде, и с которым я остался бы в прежних отношениях. Да и самого себя я часто не узнаю! Мои силы истощились от напряжения, моя голова опустела, я живу в постоянной тревоге и нахожу успокоение только в том, что стараюсь ни о чем не думать... Посылаю Вам несколько стихотворений, которые нередко служили для меня отдыхом и укрепляли во мне душевную бодрость. Хотя они и не могут равняться с произведениями Горация... но некоторые из них, может быть, доставят Вам удовольствие. Они скоро выйдут в свет отдельной книжкой, которая будет немедленно Вам доставлена»². И через год после того когда его переводы уже по-

¹ Эти слова взяты из рукописных «Воспоминаний». В печати (III, 111) они приведены в измененном виде; там говорится очень неопределенно о том времени, когда Гердер был занят стихотворениями Бальде: «так как он душевно страдал от разных обид»; здесь очень не ясен намек на возникшее с конца 1793 г. неблагоприятное расположение веймарского двора к Гердеру.

² Без этих последних фраз письмо Гердера напечатано у Гельцера (с. 216 и сл.).

явились в печати, он писал Гейне, что был много обязан Горацию сохранением своей душевной бодрости; в произведениях латинского поэта он выбирал преимущественно то, что было применимо к требованиям его времени, стихотворения этого рода, писал он, «так же необходимы и полезны, как книга церковных песен»¹. Гёте очень верно и метко объяснил, почему главный интерес гердеровских переводов заключался в намеках на современное положение дел. Говоря в летописи 1795 г. о выходе в свет стихотворений Бальде, он замечает: «Эти стихотворения всегда читались бы с интересом, потому что богаты таким содержанием, которое применимо к нашему времени и изложено с немецким настроением ума; но смутные времена войн, схожие между собой во все века, снова отразились в этом поэтическом зеркале, и читателю стали понятны страдания и заботы наших предков».

И разве можно было не заметить, что Гердер постоянно искал намеков на современные события! Хотя он делал эти намеки лишь урывками, лишь в некоторых примечаниях, как бы между строк, хотя он выражался так же сдержанно, как в прибавлениях к отрывкам из произведений Андреэ, помещенным в пятом сборнике «Листков», все-таки для читателя было ясно, как высоко он уважал Бальде и как сильно желал внушить и другим такое же уважение. Но он не в меру увлекался стихотворениями этого поэта, и у него накопилась масса переведенных отрывков. Глейм, которому он уже давно писал об этом всеми позабытом немецком Горации, советовал ему издать его переводы отдельной книжкой. Но к нуждавшемуся в деньгах переводчику неожиданно явился один новичок в издательском деле, желавший приобрести для своей фирмы известность; вот почему накопившийся у Гердера материал был издан в трех частях, в которых разные дополнения к стихотворениям нового Горация были чрезмерно растянуты. Две первые части были изданы в 1795 г. под заглавием «Терпсихора» в Любеке в типографии Бон и К°, а в следующем году вышла и третья часть².

¹ К Гейне 13 мая 1795 г. (С, II, 230).

² О своем намерении напечатать эти переводные стихотворения в продолжении «Разбросанных листков» Гердер писал Глейму (С, I, 171, прим.) и 4 апр. 1794 г. (Там же, с. 170). Касательно данного Глеймом совета издать их отдельной книжкой см. его письмо от 28 мая 1794 г. (С, I, 172). Еще 1 мая (не 1795 г., как ошибочно сказано в статье «Zur Erinertung» F. L. W. Meyer, II, 8, а 1794 г.) Гердер писал Мейеру: «Я отыскал такого немецкого поэта, который доставит Вам такое же удовольствие, даже могу сказать восхищение, какое он доставил всем тем, кому я сообщал отрывки его стихотворений. Он почти совершенно очаровал меня своей привлекательностью. Образчики его стихотворений,

Уже самое заглавие «Терпсихора» доказывает, что Гердер расширил первоначальный план, лишь только отказался от намерения печатать свои переводы в журналах. Муза лирической поэзии, олицетворявшаяся, по его мнению, в «Терпсихоре», должна была выказать себя в разнообразных видах. Он имел в виду сборник лирических стихотворений различных эпох и различных наций; к этим стихотворениям он намеревался присовокупить статьи о достоинстве, содержании и истории различных лирических произведений, но от произведений Бальде предполагал перейти прямо к произведениям Горация. Эти намерения он высказывал и в предисловии, и в дополнительных статьях, помещенных в конце второй части (с. 418 и сл.), и в письмах к Гарткноху. Но когда он в мае 1795 г. рассказывал Гарткноху историю возникновения новой книги, он уже изменил прежний план. Он намеревался продолжать ее издание под другим заглавием, а начинавшийся стихотворениями Бальде сборник окончить этими же стихотворениями; в третьей части он предполагал поместить только «кенотафию» поэта — статью, в которой он назвал бы имя поэта

быть может, появятся в 6-й части „Разбросанных листков“». Об издании в одной книжке шла речь в вышеупомянутом письме к Г. Мюллеру. Почему «Терпсихора» была издана Боном, а не Гарткнохом, видно из письма, в котором Гердер извещал 21 мая 1795 г. перед Гарткнохом-сыном свое решение печатать у Бона. С этим согласны и те слова в первоначальном оригинале «Воспоминаний», в которых идет речь о судьбе новой книги: «Если бы он мог помещать свои оды в журналах поодиночке, то они могли бы произвести сильное впечатление! Но мы нуждались в деньгах и потому решились издать их отдельно; а для занятой иными делами публики это была чрезмерная роскошь». Однако Гердер сожалел о том, что завел дело с новым издателем; в вышеупомянутом письме к Гарткноху он жаловался на то, что «Мауке (в Йене) печатал в течение шести месяцев и мучил его своими проволочками». Первые две части вышли из печати в конце сентября 1794 г. (С, I, № 138). В течение января и февраля печатание было приостановлено, как признавалась Каролина 20 февр. 1795 г. (С, I, № 142) Глейму, втайне пересылая ему готовую первую часть. Только около половины мая были вместе выпущены две части (13 мая 1795 г. к Гейне: С, II, 230; 18 мая к Г. Мюллеру: С, I, 191, прим. к Глейму); 21 мая принц Август благодарил Гердера за присылку новой книги, а Шиллер писал 17 мая Гёте, что книга прислана ему автором; сравн. письмо Кёрнера к Шиллеру от 22 мая. Только тогда Гердер взялся за третью часть. «Мне нужно приготовить еще один томик, — писал он Гарткноху, — ведь мне еще необходимо назвать поэта по имени, а потом баста!» Сравн. его письмо от 10 июля к Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 254). О готовой рукописи третьей части Кнебель высказал свое мнение в декабре 1795 г. (С, III, 1797). О начале печатания этой части Гердер извещал Глейма 8 янв. 1796 г. Глейм получил ее 11 апреля (С, I, 204), а Г. Мюллеру она была отослана 21 апреля. В SW «Терпсихора» составляет XII часть отдела литер., а в SWS она составляет главное содержание XXVII тома.

и освежил бы воспоминание о нем, — и, кроме того, его отборные стихотворения «для объяснения его образа мыслей и его жизни». Ведь Гердер из предосторожности сначала скрывал имя поэта. Он не только скрывал это имя от Бёттигера, но даже Георга Мюллера посвятил в эту тайну лишь через несколько времени после выхода в свет двух первых частей¹; только один Глейм узнал это имя в то время, когда семейство Гердера гостило у него в июне 1794 г. в течение целой недели²; но и этих двух друзей Гердер просил хранить тайну. «Теперь вы верно догадались, — писала Каролина Г. Мюллеру, — что мой муж считал нужным скрывать имя поэта, принадлежавшего к такому сословию, которое пользовалось очень дурной славой». Стихотворения иезуита! Разве к ним могла бы беспристрастно относиться публика, которая именно в то время была очень возбуждена против иезуитов? Вот почему Гердер желал, чтобы имя автора не наводило читателя на ложную оценку стихотворений. Он полагал, что лира поэта должна «звучать сама по себе»³.

Напротив того, Гердер не скрывал, что питал сильное сочувствие к неназванному поэту и что ожидал от его произведений благотворного влияния. Все это было откровенно высказано в предисловии: «Он жил во времена Тридцатилетней войны и был свидетелем самых прискорбных событий. Он утешал изгнанников и внушал бодрость тем, кто падал духом; оплакивая положение Германии, он старался внушить немцам бодрость, уговаривал их быть храбрыми, честными и единокорными. Как горячо он нападал на представителей ложной государственной мудрости! Как горячо он вступался за честь и за добродетели своих соотечественников. Кроме того, в его стихотворениях обнаруживается обширное и глубокое знание света, соединявшееся с умом настоящего философа. И в этом отношении, и во многих других его можно назвать поэтом Германии всех времен; некоторые из его идей отличаются такой свежестью, что как будто написаны в наше время». Далее он говорит в своей «кенотафии», что этот поэт был по преимуществу патриотическим немецким поэтом, несмотря на то что с пристрастием относился к протестантам. Говоря о невыгодных сторонах принадлежности поэта к ордену

¹ Бёттингер к Гердеру (без пометы числа) (*Линдеман. С. 77*); Гердер к Г. Мюллеру 10 июля 1795 г.; выпущенное место из письма Каролины от того же числа (*Гельцер. С. 254*).

² В переписке Глейма с Гердером № 131—134; к Г. Мюллеру 30 июня 1794 г.

³ Это говорилось в письме к Гейне от 13 мая 1795 г.; также см. заявление Гердера в предисловии (с. IV, V).

иезуитов, Гердер указывает и выгодные стороны этого положения; он превозносит «проницательный взгляд поэта на политические дела» и выражает желание, чтобы он сделался для нас «патриотическим Алкеем»; он вплетает в характеристику поэта похвалы за чувство самоуважения, за желание национального единства, за умение возвышаться над провинциальными и религиозными раздорами; в примечаниях к оглавлению второй части, заключающей в себе преимущественно патриотические и политические оды, он неоднократно указывает на сходство тогдашнего времени с настоящим, на надежды поэта, до сих пор остающиеся неисполненными, на выраженные им желания, которые следует повторять и по сие время.

Впрочем, следует заметить, что он углублялся в произведения поэта и «стряхивал с них пыль» не для того, чтобы искать в них поводов для раздражения, а для того, чтобы укрепляться духом, не для того, чтобы писать сатиру на современные недуги, а для того, чтобы искать для этих недугов исцеления. «Сколькими приятными часами, — читаем в предисловии, — даже могу сказать каким благотворным влиянием на мое душевное состояние я обязан нашему поэту!» Хотя он только переводил стихотворения Бальде — он переводил их и сочувствовал им как поэт. Он вкладывал в свою работу всю свою душу и все свое искусство. Он сам подробно об этом рассказывает в прибавочной заметке. Он предлагал публике скорей обновленные, чем переведенные стихотворения Бальде. Он придерживался духа его Музы, а не буквально передавал каждое его слово и, несмотря на свое увлечение блестящими поэтическими достоинствами оригинала, вовсе не был слеп к некоторым недостаткам. Он не только выбрасывал из латинских стихотворений Бальде некоторые не изящные выражения, не только находил, что поэт нередко нисходит до роли ремесленника в своих искусственных стихотворных приемах, но он также очень метко подметил склонность поэта к блестящим метафорам и сентенциям, которую ставил в связь со старинной безвкусной манерой иезуитов украшать их церкви. Именно в этом отношении переводчик исправил недостатки оригинала. Он отбросил слишком роскошные украшения и дорогую позолоту. Он поступил так же, как всегда поступал в своих переводах; но на этот раз стеснялся еще менее прежнего и в сущности не переводил стихотворения Бальде, а только принимал их за образцы для подражания. Он старался уловить в каждом стихотворении его своеобразный тон, его смысл и отличительные особенности его внешней формы. Ссылаясь на пример Лютера, он то

восполнял какой-нибудь пробел, замеченный им в чужом стихотворении, то смягчал или облагораживал выражения подлинника, применяясь к понятиям своего времени. Он применил к переводу песен те же приемы, какие употреблял при переводе эпиграмм из антологии — потому что эти два вида поэзии, по его мнению, подчиняются одним и тем же законам. «Лирические стихотворения и эпиграммы, — говорит он, — едва ли не самые своенравные из всех видов поэзии; так как они непереводимы, то им следует подражать с самой добросовестной точностью, так чтобы они не имели вида переводов». Это правило столько же верно, сколько было удачно применено к делу. Насколько оно было выдержано Гердером, объяснил нам на нескольких выдержках А. В. Шлегель в своей оценке «Терпсихоры»; он ясно доказал нам, что произведения латинского поэта утратили в немецкой переделке очень немногие из своих прежних достоинств, а взамен их приобрели чрезвычайно много новых¹.

Если бы нас спросили, стоило ли труда снова издавать в таком обширном размере произведения поэта, хотя и даровитого, но не умевшего обнаруживать свой талант иначе как на мертвом языке, то мы ответили бы «нет», тем более потому, что Германия уже имела в то время свою национальную лирику. Гердеровская «Терпсихора» не имела сколько-нибудь заметного влияния на дальнейшее развитие нашей лирической поэзии и не выдерживает в этом отношении никакого сравнения со сборником народных песен. По примеру Гердера и по настоящее время возобновлялись более или менее удачные попытки переводить стихотворения Бальде. В особенности в Баварии усердно старались прославить этого баварского, вернее, католического поэта времен возрождения литературы², но, несмотря на эти старания, он все-таки не сделался ни национальным, ни популярным поэтом. Тем не менее этот баварский Гораций не только пробуждал богатством своей фантазии дремавшие в самом Гердере дарования лирического поэта, но и внушил ему желание написать новую статью о поэтике. Муза серьезной лирической поэзии Терпси-

¹ A. L. Z. 1797. № 53 и сл.; в полном собрании сочинений А. В. Шлегеля (X, 376 и сл.).

² Достаточно указать на сочинение Вестермейера «Jacobus Balde, sein Leben und seine Werke». В этом историко-литературном очерке, вышедшем в Мюнхене в 1868 г., следует обратить внимание преимущественно на главу «Nachruhm» и на «хронологический обзор сочинений Бальде» (с. 245, 253 и сл.). Также сравн. *Schrott und Schleich, Jacob Balde. Renaissance. Избранные стихотворения. Мюнхен, 1870.*

хора наводит Гердера на эстетико-исторические исследования. Подобно тому как в «Разбросанных листках» он присоединил к своим переводам из антологии статью об эпитагме, а к произведениям восточной поэзии — статью о басне, он и теперь присоединил к отборным лирическим стихотворениям две статьи, из которых в одной идет речь «о натуре и влиянии лирической поэзии», а в другой — «о двух главных видах лирической поэзии».

Он уже давно обещал эти статьи своим читателям. Еще в конце вступительной главы в статье «О метафоре, поэзии и басне» (Разбросанные листки. III, 109; сравн. с. 123) Гердер говорил о своем намерении объяснить значение «лирической поэзии, в особенности оды», а материалы для такой статьи уже давно были заготовлены в его уме. Еще прежде издания своих «Отрывочных заметок о литературе» он всего более интересовался этим видом поэзии, намеревался писать статью об оде и издать приложения к истории лирических песнопений. Его мысли об этом предмете имели достаточно времени, чтобы созреть; но он уже иногда высказывал их в других статьях, а теперь он едва ли был в состоянии предпринять удовлетворительную обработку собранного материала, потому что, как он сам выражался, «чувствовал истощение сил от излишнего напряжения; его голова была пуста, а душа была полна забот» от того, что «его голова была наполнена множеством других мыслей и ничего не производила по недостатку свободного времени и вследствие того, что у него были парализованы самые благородные человеческие способности»¹. Вот почему ни одна из двух новых статей не выдерживает сравнения с однородными статьями об эпитагме и басне, появление которых было сверх того заранее подготовлено сочинениями Лессинга². Автор начинает свысока и даже, как он сам выразился, «метафизически». Однако попытка объяснить происхождение лирической поэзии совокупным действием зрения и слуха не может равняться по ясности и определенности с однородными объяснениями в сочинении о еврейской поэзии и в статье о метафоре, поэзии и басне. В том не было ничего нового, что он называл лирическую поэзию «цветком человеческой речи», из которого она вырастает «даже без пения и без цитры». Разве можно признать следующее определение вполне исчерпывающим отличитель-

¹ В письме к Глейму от 11 авг. 1794 г.

² Не то гласит переполненный похвалами отзыв Бёттигера в письмах, напечатанных у Линдемана (с. 78, 79 и сл.). Гердер отсылал к нему пробные листы на просмотр, как это видно из письма, написанного на Страстной неделе 1795 г. и помещенного у Боксбергера (с. 22, № 6).

ные свойства лирической поэзии: «это — полное выражение чувства или воззрения в самом высоком благозвучии человеческой речи»? Разве можно признать вполне ясным следующее правило, едва ли применимое только в одной лирической поэзии: «впечатление, производимое лирическим стихотворением, должно постоянно усиливаться с начала до конца»? Автор мог бы придать этим положениям более ясную определенность, очевидно, только посредством подробного рассмотрения естественных и исторических различий между несколькими видами лирической поэзии. Именно таково и было его намерение, но ему недоставало и свободного времени, и душевного спокойствия. Он вел речь только об оде, совершенно теряя из виду легкую песню. Наконец, он перешел к рассмотрению «двух главных видов» лирической поэзии. В своем остроумном обзоре развития лирической поэзии у греков он различает три периода — эпикозелегический, в котором только подготавливалось возникновение настоящей лирики, лесбосский, в котором ямбы Архилоха ввели в лирические стихотворения более вольный размер, а Терпандр теснее соединил искусство лирических поэтов с музыкальным, и, наконец, третий, в котором лирические состязания довели это искусство до самого цветущего развития. Но автор и здесь не уклонился от своего обыкновения не доканчивать свои сочинения даже в тех случаях, когда избранный им сюжет имел определенные рамки. Он упоминает о третьем периоде только для того, чтобы «вести о нем речь в другое время»; он долее всего останавливается на втором периоде, потому что к этому периоду принадлежали Алкей и Сапфо, произведения которых служат образцами для двух видов лирики (он должен бы был сказать — оды). Его исторические соображения совершенно затемняют его основную мысль; он разделяет оду на различные виды таким же способом, каким когда-то разделял на различные виды эпиграмму, — становясь на психологическую точку зрения и принимая за основу разделения различные степени господствующего в оде чувства. Имея в виду тех двух образцовых лирических поэтов, он разделяет оды на смелые и нежные, на возбуждающие и успокаивающие, а первые из них подразделяет на оды, выражающие бодрость духа, и на оды, выражающие уныние. У него перемешиваются одни с другими как выражающиеся в оде душевные ощущения, так и способы их лирико-музыкального выражения, и он не дает себе труда подробно развивать намеченные им различия. Он не в миру подчиняется впечатлениям, которые производит на него не названный им по имени поэт; этим и объясняется, почему в эстетиче-

ской теории, которую он излагает, постоянно берут верх практические соображения. И в стихотворениях Бальде, и во всей лирической поэзии он ценит выше всего то нравственное влияние, которое возвышает и успокаивает душу. Он заканчивает первую из дополнительных статей вопросом, какое влияние может оказывать лирическая поэзия в наше время, а вторую — вопросом, на каком основании и каким способом она может оказывать это влияние. Даже христианство, говорит он, обязано своим распространением голосу лирических пророков, а греки обязаны своей лире всем хорошим, что перешло из их культуры к другим народам; и по настоящее время все лирические и даже все поэтические подражания имеют то достоинство, что поучают нас «истине, добру, справедливости и изяществу». Главная цель лирического стихотворного искусства, как он утверждает, заключается в том, чтобы возбуждать наше внимание, пробуждать нашу душу и растрогать наше сердце; оно достигает совершенства, излагая в самой благородной форме самые благородные чувства и воззрения.

Все эти суждения не лишены сердечной теплоты и изящества, но им недостает точности, так как в них лирические произведения смешиваются со всеми другими произведениями поэзии. В них постоянно отзывается душевное настроение человека, стремящегося к нравственному совершенствованию и ищущего успокоения для своего ума, а из-за них постоянно выглядывает фигура «немецкого Алкея», доставлявшая автору в поздние часы ночи такое успокоение. Гердер был достаточно добросовестен, для того чтобы, воздвигая в своей «Терпсихоре» памятник в честь Бальде, указывать и на его недостатки¹. Он вовсе не старается скрывать, что на произведения этого поэта имели неблагоприятное влияние и его жизненная обстановка, и его воспитание в «беотийской стране», и его католицизм, и его принадлежность к ордену иезуитов, и положение, в котором он застал свой родной язык, и стеснения, которые налагала на него необходимость писать на чужом языке. Но Гердер касается этих слабых сторон поэта с большой снисходительностью, стараясь объяснить их причину и извинять их. Его добросовестность отзывается любовью и признательностью. Он с удовольствием и как бы удовлетворяя свою душевную потребность, указывает на то, что

¹ Мы снова ссылаемся на ранее указанное сочинение, в котором Вестермейер дополняет и исправляет указания самого Гердера на основании тщательных исследований, хотя и относится к Бальде не без пристрастия.

есть хорошего в стихотворениях Бальде и благородного в его воззрениях. Оценивая поэта со своей нравственно-эстетической точки зрения, Гердер считает его достойным стоять наряду с Алкеем и с Горацием и называет его одним из самых благородных патриотических лириков. «Он постоянно стремится к своей цели, — говорит Гердер, — и поддерживает в нас душевную бодрость; он внушает мужество в несчастье, неугасимую ненависть к насилиям, произволу и нравственной испорченности, однако не позволяя себе никаких оскорбительных выражений. Благодаря укрепляющему напитку, который он нам подносит, наши глаза яснее видят, наше сердце наполняется свежими чувствами, потому что этот напиток добыт из высших сфер справедливости, из источника истины».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕОЛОГИИ

В то бурное время Гердер старался поддерживать душевную бодрость и в себе, и в других тем, что высказывал свои этико-политические убеждения и патриотические надежды то от своего собственного имени, то чужими словами. Чтобы отделаться от тяготивших его забот, он мог прибегнуть и к другому средству. Он мог искать развлечения в таком занятии, которое не имело почти ничего общего с важными политическими событиями и с тревожными вопросами дня. Он нашел это развлечение в том, что снова принялся за свои теологические сочинения, а благодаря их связи с идеальными целями его исторических сочинений мог при этом заводить речь и о духе своего времени, и о распространении гуманных идей.

Этот поворот в его литературной деятельности совершился немедленно вслед за окончанием двух первых сборников «Писем о гуманизме» и пятого сборника «Разбросанных листков». Он счел нужным сдерживать свое первоначальное желание вмешиваться в оценку современных событий; в только что названных сборниках он отзывался о политических вопросах очень сдержанно, а в течение следующих месяцев вовсе не касался их. Предисловие к пятому сборнику «Листков» помечено 14 июня 1793 г., а 17 июля Гердер сообщал своему швейцарскому другу, что последнее написанное им сочинение — теологическая статья «О ниспосланном свыше даре языков»¹. Немедленно вслед за тем он написал новую статью: «О восстании из мертвых»; именно ее он имел в виду, когда писал 15 декабря тому же другу об отданном в печать новом сочинении; «кроме нее, — писал он, — у

¹ В том несколько раз нами упомянутом и не вполне помещенном у Гельцера (с. 214) письме, которое было помечено 13 мая, а было окончено только 15 июля. Сообразно с этим указанием следует исправить предположение Суфана (SWS. XX, 386), будто статья Гердера была готова еще в мае. Она была готова в июле; об этом Гердер извещал Эйхгорна 7 августа; он послал статью Глейму 18 октября, а Эйхгорну только 15 ноября.

меня готовы еще две статьи, обе касающиеся Нового Завета; служащие для них продолжением, еще две статьи сидят в моей голове, но едва ли выйдут в свет без помощи Вулкана»¹. Итак, увлечение Гердера теологическими вопросами зародилось в июне и поддерживалось вплоть до начала декабря. В письме, при котором Гердер отправил 15 ноября Эйхгорну свою статью «О даре языков», он говорил: «Прошлым летом я до такой степени увлекся этим сюжетом, что у меня готовы еще две или три статьи... ожидающие своей очереди для поступления в печать. Я никак не мог оторваться от этой работы и мог бы написать еще статью на четвертый сюжет». Он говорит, что причиной перерыва этих занятий было бремя его служебных обязанностей. Однако его отвлекали и две новые части «Писем о гуманизме», которые должны были выйти в свет к Пасхе; к тому же его убеждали заняться этими письмами и Глейм, и Каролина, позволявшая себе в качестве хозяйки дома руководить литературными предприятиями своего супруга. «К сожалению, — писала она 6 декабря 1793 г. гальберштадтскому другу, — он до сих пор не чувствовал расположения приняться за „Письма о гуманизме“, да и не имел свободного времени. Только несколько дней тому назад он, как кажется, решился приступить к продолжению этих писем». Тому же другу она писала 7 марта 1794 г. относительно появившихся тем временем двух теологических сочинений: «Всякий раз как родится на свет теологический ребенок, я бываю поражена удивлением; мне было бы приятнее, если бы мой муж занялся „Адрастеей“ или „Идеями“; однако он до такой степени увлекся своим сюжетом, что, вероятно, была бы скоро готова и третья статья в том же роде, если бы я не воспользовалась прогулкой в один прекрасный осенний день под открытым небом, для того чтобы навести его на гуманные идеи». В приписке к этому письму Гердер говорит: «Вы плохие теологи (хотя и хорошие христиане), и я позволю себе заметить, что все вы ровно ничего не смыслите. И две мои статьи, и те, которые, быть может, появятся вслед за ними, могут принести еще больше пользы, чем многие из моих „Писем о гуманизме“ и „Разбросанных листков“»².

Дело в том, что, хотя Гердер и писал свои «Письма о гуманизме» с намерением влиять на своих современников, все-таки это

¹ Гельцер. С. 215; приписка к письму Каролины от 15 дек. (а не ноября). Еще 2 янв. 1794 г. (письмо Гердера к Гарткноху-младшему) не было окончено печатание статьи «О восстании из мертвых». Она была послана 31 янв. Глейму и Эйхгорну.

² Выдержки из писем к Эйхгорну и к Глейму см.: С, II, 305; С, I, 164, 169.

было не что иное, как дополнение к последней части «Идей», а писал он эти письма только в промежутках между другими занятиями в ожидании, что наконец найдет достаточно времени и для какого-нибудь более цельного сочинения. Экскурсия в область теологии могла обещать хотя и менее скорый, но более солидный успех; во всяком случае она требовала более многосторонних научных познаний, а чем реже стал Гердер произносить церковные проповеди, чем более его положение в консистории заставляло его заниматься взамен теологии юриспруденцией, тем сильнее он желал доказать, что по-прежнему был Θεολογούμενος. И то обстоятельство, что в течение летних месяцев 1793 г. его сношения с Гёте были прерваны, вероятно, имело свою долю влияния на его решение снова заняться теологией. Он читал лишь немногие из новых теологических сочинений и критических статей по теологии, но в нем возбудило сильное сочувствие сочинение Эйхгорна «Всеобщая библиотека библейской литературы». Здесь снова обсуждался дар языков в связи с новейшими попытками объяснить чудо, о котором рассказывает вторая глава истории апостолов¹. Все, что писалось в последнее время об этом предмете, казалось Гердеру крайне нелепым; он уже давно составил себе самостоятельное об этом мнение; свои мысли он изложил письменно еще за двадцать лет перед тем и намеревался приложить эти заметки к «Объяснениям Нового Завета», а именно к примечаниям ко второй главе о «Сошествии Св. Духа». Но в то время он, из опасения раздражить своих врагов, сделался строгим цензором своих собственных сочинений — вот почему он после неоднократных переделок новой книги выпустил из нее те листки, в которых говорилось о Сошествии Св. Духа². В напечатанной книге остались только неясные намеки на этот сюжет, заканчивающиеся странным отрывочным вопросом: «Почему я не могу продолжать этот исторически рассказ?» Теперь ему захотелось снова взяться за те листки, и теперь уже ничто не мешало ему продолжать тот исторический рассказ. При своем официаль-

¹ К Эйхгорну 7 авг. 1793 г. (С, II, 303); предисловие к статье «О даре языков». После того как в «Allgemeine Deutsche Bibliothek» (№ 1, ч. 1. С. 91) по поводу одной диссертации Бардили обсуждались сомнительные Новозаветные выражения, было помещено «еще кое-что о γλώσση λαλειν» (Ibid. № 5. С. 775), а подробно был снова рассмотрен этот вопрос Эйхгорном в «Über die Geistesgabender ersten Christen» (Т. 2. № 5).

² Сравн.: Т. I. С. 804 и сл. и заключительный вывод Суфана к томам XIX и XX (SWS, XX, 383), к которому были сделаны важные дополнения во введении к ч. VII (в особенности сравн. с. XLI).

ном положении он уже не мог опасаться каких-либо обвинений в уклонении от ортодоксии. Он пользовался такой литературной репутацией, которую не могли замарать его теологические противники. Между тем как его филолого-историческое воззрение на Библию успело приобрести последователей и получить дальнейшее развитие, и сам он успел придать своим убеждениям и более ясности, и более независимости. Чем более приходилось ему стесняться разными посторонними соображениями при изложении его политических мнений, тем более приятно было ему убеждение, что он мог теперь отложить в сторону те опасения, которые когда-то заставили его прекратить издание «Объяснений Нового Завета». Он стал излагать свои мысли о чуде, совершившемся в день Сошествия Св. Духа, а потом и о чуде, совершившемся в Светлое Христово Воскресенье, не ограничиваясь одними намеками, рассчитанными на догадливость читателя, а с такой определенностью, к какой только был способен. Даже от самого себя он прежде старался скрывать под мистической завесой те более свободные мнения об этом предмете, которые уже давно шевелились в его уме; теперь ему предстояло отдернуть только остатки этой завесы. В промежутке времени между «Объяснениями Нового Завета» и его новыми теологическими сочинениями были написаны не только «Теологические письма», но также «Идеи», «Диалоги о Спинозе» и «Письма о гуманизме». «Я пишу на теологические темы, — говорил он в письме к Глейму¹, — но надеюсь, что не выкажу себя теологом в общепринятом смысле этого слова». Поэтому он вовсе не был уверен в сочувствия Якоби к статье «О даре языков» и даже сомневался в сочувствии Г. Мюллера²; тем более он ожидал одобрения со стороны Глейма и Гейне, Гёте и Эйхгорна, и не обманулся в этом ожидании³. Принадлежавший к числу самых образованных людей того времени Бёттигер осыпал новую статью Гердера самыми щедрыми похвалами⁴, а ни во что не веровавший принц Август нашел гердеровский символ веры превосходным; в такое время, говорил он, когда во Франции дошли до того, что стали чеканить монету из святых икон, со стороны Гердера еще более похвально старание предохранить от таких ужасов священную Римскую империю. Но в его глазах всего более возвышает цену

¹ 31 янв. 1794 г. (С, I, 166).

² К Якоби 29 нояб. 1793 г. (А, II, 309); к Г. Мюллеру 15 дек. 1793 г. (*Гельцер*. С. 215).

³ С, I, 162; С, II, 224; А, I, 144, № 89; С, II, 305.

⁴ К Гердеру (*Линдеман*. С. 74 и сл.).

нового сочинения его окончание, в котором Гердер самый благородным образом вступает за просвещение, подвергавшееся в то время таким горячим нападкам¹.

Принц Август подметил главные достоинства гердеровской статьи вернее, чем щедрый на похвалы Бёттигер, так как этот последний полагал, что в той статье уже со всех сторон рассмотрен спорный вопрос о рассказанном в Священном Писании чуде и что этим положен конец всем недоразумениям. Но не таким способом разрешаются вопросы этого рода. Автор намеревается применяться в своих объяснениях к еврейским понятиям и способам выражения. Искусно пользуясь неправдоподобием чуда и неясностью самого рассказа, он не допускает, чтобы здесь шла речь о внезапном даровании способности выражаться на чужих языках. Его объяснения, подкрепляемые научными доводами, в сущности сходятся с ненаучными объяснениями юного Гёте. Говорить языком, по его мнению, значит говорить с воодушевлением, а говорить на чужом языке значит употреблять чужие способы выражения. Поэтому совершившееся в Духов день чудо заключалось в том, что собравшиеся в день праздника верующие с воодушевлением говорили о приближении обещанных Мессией новых времен и прославляли Господа, но при этом каждый выражал свои ожидания и надежды на своем языке и сообразно со своими верованиями. Затем, упомянув о том, что апостол Павел предостерегал коринфскую общину от употребления во зло устной речи, автор дает своим объяснениям очень остроумный оборот. Он говорит, что все христианское учение было не что иное, как *neue Glosse*, т. е. новое воззрение на учение Моисея. Различные толкования допускаются, по его мнению, и в христианском учении, потому что в умственной свободе заключается настоящий характер христианства. Употребляя такие обороты речи, которые можно принять за игру слов, он ведет речь о том, что христианство, превратившееся вследствие различных искажений в новую иудейскую или языческую религию, было преобразовано духом, и прежде всего духом языка, филологическими объяснениями, что свобода мнений и исследований составляет сущность протестантизма, вследствие чего в протестантизме совершается непрерывный прогресс в понимании истины. И согласно с вышеупомянутым предостережением апостола Павла, этот факт имеет, по мнению автора, более важное значение, чем чудесные дары, которыми была наделена первобытная церковь.

¹ Принц Август к Гердеру 23 нояб. 1793 г.

Важнее всего было то, что благодаря дару языка верующие всех стран соединились в одно общество. Действительно, братский обмен мыслями есть лучшее средство соединять всех верующих в духе любви и истины. «Таково мое толкование к посланию о Сошествии Св. Духа», — говорит в заключение автор.

В этом толковании, действительно, блестящим образом соединялось воодушевление с разумными идеями. Это ученое исследование, переходившее путем символических объяснений к изложению самых светлых и возвышенных идей, превратилось из проповеди в целую статью. Но ни разделение на параграфы, ни старание связывать одни идеи с другими не могут скрыть от глаз читателя нетвердость убеждений автора и его манеру переходить от одной точки зрения к другой. Ни масса цитат, ни филологические объяснения не могли заменить последовательную аргументацию, недостаток которой всего более заметен в самых важных пунктах. Автор только с виду тщательно заботился о критической проверке своих мнений, а на самом деле он ничем не стеснялся в своих суждениях и даже был не в меру смел. Он придает словам «различные языки» двойкий смысл, принимая их то в смысле воодушевления, то в смысле «различных воззрений» и этим способом получает возможность перейти от рассказанного апостолом чуда к проповедованию свободы, которой должен отличаться дух христианства, и к изложению своих надежд на объединение всего человеческого рода в духе любви и истины. Тот самый апостольский рассказ, в котором Лафатер постоянно искал новой пищи для своей мечтательности и страсти к чудесам, послужил для Гердера исходным пунктом полемики против всего, что отзывалось чрезмерной восторженностью и влечением к сверхъестественному; а в этой полемике Гердер, без сомнения, имел в виду Лафатера — «этого блуждающего злого духа». Именно незадолго до праздника Сошествия Св. Духа, в то время как Гердер был занят своей статьей, Лафатер снова завернул в Веймар на пути в Копенгаген. То было, по всему вероятно, отголоском одного из писем Гердера к Гёте, когда этот последний — находившийся в то время вместе с герцогом далеко от Веймара — писал Якоби: пророк мимоходом сошелся с нашими философами, которые постараются ввести его любимое чудо через заднюю дверь в жилище человеческого рассудка; он и в Веймаре занимался шпионством, но его скоро прогнали оттуда и господствовавшие там языческие идеи, и общее к нему недоверие. Ведь и бывшему ученику Лафатера Г. Мюллеру Гердер описывал приезд этого неприятного гостя точно в таком же тоне. Он виделся с

Лафатером только у общих знакомых. Ему показалось, что Лафатер торопился уехать, точно будто ему приходилось сидеть в Веймаре на горячих углях, и что он нежно пожал ему руку наперекор своим убеждениям. «Дай Бог, чтобы его путешествие было благополучно, чтобы и впредь у него доставало духа обманывать и себя, и других вплоть до конца его праведной жизни», — так отзывался Гердер о только что уехавшем старом друге¹. Очевидно, это же отвращение к деятельности Лафатера сказывалось в самых резких местах статьи о даре языков; как бы в порицание фантастических надежд и благочестивых выходов нового апостола наш теолог заявляет, что дух христианства заключается вовсе не в способности приходить в восторг от человеческих и ангельских изречений или бесполезно передвигать горы с одного места на другое, что все сопровождающиеся вздохами желания возвратиться к первым временам христианства не имеют никакого смысла. «То было бы, — говорит он, ясно намекая на Лафатера, — не чем иным, как умственным бессилием, недостатком образования или тайной склонностью к обману, если бы мы предпочитали сумерки дневному свету и, например, навсегда считали необходимыми те чудные дары, которые были ниспосланы христианской церкви. Разве чудо может научить меня чему-нибудь такому, чему я не мог бы гораздо лучше научиться при помощи разума и книг? Напротив того, мой разум обращается к Богу с молитвой: избави меня от чудес!»

А когда вслед за тем Гердер доказывает, что задача нового времени заключается в распространении и в дальнейшем развитии дела, для которого был заложен фундамент «родившимся в Назарете человеком», что со времени Сошествия Св. Духа распространилось по всей земле общество избранных людей, верующих и святых, что конечная цель христианства тождественна с великой конечной целью всякого человеческого общества, то параграфы новой теологической статьи совпадают с теми параграфами второго сборника «Писем о гуманизме», в которых вкратце изложена основная мысль «Идей». Мысли автора перебегают из одного сочинения в другое, только получая местами новое освещение. В более раннем сочинении говорилось, что религия Христа в сущности не что иное, как гуманность, и что в истории все зависит от прогрессивного развития человечества, соединенного духовными узами в одно целое². А в более позднем сочинении

¹ Гердер к Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 215); Гёте к Гердеру 7 июня 1793 г. (А, I, 142); к Якоби 7 июля 1793 г. (Переписка Гёте с Якоби. С. 164).

² Письмо 25, § 30 и сл.

сказано, что благодаря духу свободы мы должны соединиться в любви и истине, — такого значение Сошествия Св. Духа.

Описывая Глейму свою статью «О восстании из мертвых как веровании, историческом факте и источнике назидания», Гердер основательно назвал ее сестрой статьи «О даре языков». Ведь она писалась в одно время с этой последней и также находится в связи с содержанием третьей книги «Объяснений Нового Завета», вернее, с первоначальной, более подробной, рукописью этих «Объяснений»¹. И в ней отложено в сторону все, что отзывалось мистицизмом в той предумышленной или непредумышленной двусмысленности более старых суждений автора о восстании из мертвых, о нисхождении в ад и вознесении, о последнем суде и светопреставлении; в ней также выпущены все ссылки на «Зенд-Авесту», и в ней автор также не придерживался той «узкой ортодоксальной колеи», которая ясно видна в напечатанных «Объяснениях Нового Завета». Не ортодоксию автор старается теперь не терять из виду, а только христианство. Прежде разные внутренние и внешние побуждения заставляли его согласовывать его либеральные убеждения с догматами при помощи разных глубокомысленных мистических толкований; а теперь, когда его убеждения уже успели окрепнуть, он, из ревностной преданности к христианству, старается согласовать учение церкви с незараженным никакими предубеждениями человеческим рассудком и с требованиями своего сердца. Он намеревается, не прибегая ни к каким теологическим уверткам, откровенно изложить на основании исторических данных свое мнение о воскресении мертвых, о причинах и о влиянии веры в такое воскресение. Он заключил из отзыва Бёттигера о его статье, что возможность и необходимость веры в восстание из мертвых он успел доказать благодаря старанию на все смотреть с чисто человеческой точки зрения, и его радуют следующие слова другого неверующего друга, в которых как будто слышится голос Гёте: «Теперь уже можно говорить об этом предмете и все-таки оставаться честным христианином»². Хотя и не трудно заметить, что в гердеровской статье 1794 г. встречаются те же элементы, которые входили в состав статьи 1774 г., что в главах, касающихся безверия души, повторяются те же основные положения, которые уже известны нам из более ранних теологических сочинений Гердера, но весь

¹ Сравн. заключительную статью Суфана к SWS (XX, 384).

² Бёттигер к Гердеру (*Линдеман*. С. 75 и сл.); Гердер к Бёттигеру (*Боксбергер*. С. 20, № 36).

этот материал изложен в новой внутренней связи и с новым намерением. Автор изменил свою точку зрения, потому что имел в виду достижение особой цели.

Новая точка зрения автора, конечно, не имеет научных достоинств. Хотя статья о восстании из мертвых и выражает в самой благородной форме те мысли и надежды, которые возникают из веры апостолов в Воскресение Христа, но она может служить поддержкой для христианского учения только при том условии, чтобы не обращалось внимания на неустойчивость противоречивых доказательств, на которые ссылается автор¹. Вся статья наполнена противоречиями, так как автор старается придать идеальный смысл самым сверхъестественным и самым важным событиям в истории «человека из Назарета», равно как некоторым из самых неудобопонятных христианских догматов, а в то же время отстаивает историческую достоверность тех событий и основательность тех догматов. С одной стороны, он старается придать сверхъестественному событию самые узкие размеры, а с другой стороны, как будто не может обойтись без ссылок на чудо, которое должно служить для него основой для самых вольных и отвлеченных символических объяснений. Едва ли можно указать другую, более остроумную и притом более чистосердечную, попытку согласовать с неверием веру в историческую достоверность тех положительных фактов, на которых зиждется христианское учение. Действительно, стараясь обратить неверующих в христианство и проповедуя верующим религию гуманности, Гердер не прибегает к тем сознательным натяжкам, которые обыкновенно считаются дозволенными для церковного проповедника, а мыслит как поэт и превращает свои научные исследования в проповеди.

Более ясно выражена и легче уловима первая цель статьи — доказать, что воскресение Христа есть исторический факт. «Святой действительно воскрес, ἠγέρθη δ κύριος ὄντως» — эти слова беспрестанно повторяются в статье как окончательный вывод из ее содержания. Автор в особенности восстает против предположения автора «Вольфенбюттельских отрывков», будто обман был устроен сговорившимися учениками. Для нас не совсем ясно, действительно ли в доказательство достоверности сверхъестественного события была написана и первая глава, в которой

¹ С этой статьей и с другими статьями о христианстве сравн. то, что говорит Вернер (Herder als Theologe. С. 269 и сл.). Также очень хороша «История немецкой поэзии» Гервинуса (4-е изд. V, 298 и сл.).

автор объяснял, каким образом мало-помалу возникло ожидание иудеев, что придет Мессия, который будет судить все народы и воскрешать мертвых; если таково было намерение автора, то нельзя не признать крайне шатким следующий окончательный вывод: стало быть, Христос действительно был исполнителем того ожидания. Впрочем, автор придает более важное значение анализу евангелических рассказов, а отсутствие строгой критики в этом анализе прикрывается ссылкой на «очевидное беспристрастие повествователей». Главной опорой для аргументации Гердера служит влияние воскресения Христа на его учеников и впоследствии на весь мир — вернее, вера в это воскресение, так как автор простосердечно смешивает достоверность факта с верой в эту достоверность, как будто это одно и то же.

И по мнению Лессинга, лучшее доказательство истины христианской религии заключается в том, что она существовала в течение стольких столетий и выказала свой дух и свою силу в своем благотворном влиянии, — но к этому Лессинг прибавляет, что это превосходное учение нисколько не утратило бы свою цену, «если бы оно не имело никакой основы или если бы было основано на мыльных пузырях». Именно в этом пункте Гердер не был в состоянии сочувствовать слишком смелым воззрениям Лессинга. Историческая достоверность чудесного воскресения Христа составляет для него неразрешимую трудность, которую он старается обходить, для того чтобы потом снова сходить с мнениями Лессинга. Он начинает с того, что признает не требующим доказательств не самый факт воскресения, а сверхъестественность этого события. Что он не был в состоянии обойтись без этого факта, видно из следующих слов: «Воскресение Христа представляет, с человеческой точки зрения, нечто столь возвышенное, трогательное и поразительное, что если бы оно было басней (чем оно, конечно, не было), то было бы желательно считать его за историческую истину». Впрочем, он хочет только отстоять достоверность факта, «не обращая внимания на его сверхъестественность», даже низводя эту сверхъестественность до самых малых размеров или совершенно устранив ее. Бёттигер, выразивший в своей оценке гердеровской статьи требования скептицизма, укоренил в нем его собственную рационалистическую точку зрения, поставив вопрос о возможности притворной смерти. Вследствие этого, Гердер высказал в добавочной заметке предположение, что апостолы, быть может, были энтузиасты, принимавшие за чудо то, в чем не было ничего сверхъестественного. Ему ничто не мешает считать это событие за согласное с за-

конами природы явление: «Разве в царстве природы что-нибудь случается помимо воли и всемогущества Божия? Разве что-нибудь подобное может случиться и в физико-нравственном Царстве Божиим?» Автор находит совершенно неподходящим «упоминание отвратительных слов „притворная смерть“» — впрочем, он предоставляет физиологам разрешать между собой все, что касается смерти, а сам он довольствуется тем фактом, что Христос испустил дух по решению божеского и человеческого суда и что он воскрес по воле Божьей и, конечно, без всякого содействия со стороны людей. Иначе говоря, «факт воскресения есть исторический факт, и всякий может делать из него выводы по своему усмотрению».

Гердер делает последний и самый важный шаг для сближения с мнениями Лессинга, когда говорит, что независимо от признания или непризнания Воскресения Христова за чудо достоинство евангельского рассказа об этом событии, вернее, веры в этот рассказ заключается в его нравственно-духовном влиянии, в проистекающих из него истинах, утешениях и обязанностях. С этого момента содержание первой главы становится более ясным. Автор обсуждает в ней — более подробно, чем в сочинении о еврейской поэзии и других статьях, — свою старую тему о постепенном развитии и укреплении веры в бессмертие души. Он говорит, что в рассказах о смерти Эноха и Илии, в понятиях о преисподней, находившихся в связи с еврейскими обрядами погребения, заключались такие зародыши, которые могли получить дальнейшее развитие. После того мысль о восстании из мертвых выразилась в форме надежды на возрождение иудейского государства и народа и лишь впоследствии, в особенности в тяжелые времена Маккавеев, превратилась из национально-патриотических упований в индивидуальные упования героев и мучеников. Таким образом, оказывается, что мысль о бессмертии души зародилась под влиянием исторических событий, нравов и верований. Точно таким же образом и христианское учение о воскресении мертвых основано на воскресении Иисуса из Назарета. В глазах автора имеет первостепенную важность не само чудо, даже не факт воскресения, а их идеальное значение, т. е. вера в факт в той мере, в какой она тождественна с более возвышенными верованиями. Эти более возвышенные верования обнимают всю цель человеческого бытия; это — не только вера в отвлеченное бессмертие души, а та же самая вера, которую старается внушить автор философии истории. Без той опоры, которую представляет факт воскресения Христа, он не может

обойтись только потому, что все доводы психологические, основанные на естествознании, и даже нравственные, оказываются недостаточными и не внушают нам полной уверенности в будущем идеальном усовершенствовании человеческой натуры. Это еще яснее видно из того, как автор связывает учение о восстании из мертвых с учением о воскресении Христа, о восседании одесную Отца, о втором пришествии для всеобщего суда и о воскрешении плоти. Все эти вопросы утрачивают под его пером свою чувственную внешность и получают духовный смысл. Он видит во всех этих рассказах не что иное, как «иудейские иносказания», в которые облекались общечеловеческие и нравственные истины. В особенности вторичное пришествие Христа для всеобщего суда согласуется у него с тем, на что он указывал в своих «Идеях» как на конечную цель истории. По его мнению, пришествие всемирного судьи есть не что иное, как непрерывное развитие исторических событий согласно с его указаниями. Под руководством Провидения, говорит он, постоянно совершается «отделение добра от зла, а то, что есть добро, представляется как конечная цель, указанная Богом человечеству». Далее автор доказывает, что так как христианство есть живая вера в исторический факт, то оно не допускает никакого бездушного превращения в догматы. Он снова сближается с воззрениями Лессинга, когда вкратце выражает сущность христианского учения в *regula fidei*, которые, по его мнению, служили основой и для новозаветных священных книг. При позднейшем развитии этих правил веры, конечно, не было возможности избежать различия мнений или догматов. Но все эти догматы, в лучших случаях, не что иное, как индивидуальные способы изложения, которыми мы несколько не должны стесняться. Даже новозаветные книги не заключают в себе, по мнению Гердера, ни одного неверного объяснения главных фактов евангельского рассказа; напротив того, они придают тем фактам самый возвышенный смысл, если только «снять покров» с их объяснений. Даже составленный позже символ веры «не сохранил в себе ни одного объяснения, которое не отличалось бы возвышенностью идей»; однако вслед за этими словами Гердер выражает желание, чтобы было отброшено все, что говорится о воскресении плоти и о нисхождении в ад, так как эти рассказы основаны на неверном понимании позднейшего языка. На этом пункте он достиг предела своих уступок. Он не находит достаточно энергичных выражений, чтобы высказать свое негодование на враждебные столкновения различных мнений и на то иго, которое налагают на нас ссылки на отдельные

слова и иносказания. Он полагает, что уже прошло то время, когда можно было заниматься установлением новых догматов. Сущность всей его статьи о воскресении может быть вкратце выражена в следующих положениях: всякому предоставляется свобода верить в то, что невидимо для наших глаз, — в наступление Царствия Божия, к которому мы должны готовиться, а эта вера находится в связи с таким фактом, который поражает нас удивлением даже в том случае, если не был чудом.

Само собой понятно, что Гердер очень неохотно прервал на этом пункте свои теологические статьи. Размышления о Сошествии Св. Духа и о Пасхе натурально вызывали автора на размышления о Рождестве Христовом¹. Подобно третьей части «Объяснений Нового Завета» оставались недоконченными статьи о христологии и о жизни Христа. Касательно этой последней Гердер произнес в Бюкебурге целый ряд проповедей, в то время как писал «Объяснения». Он, как кажется, уже давно предполагал составить из содержания этих проповедей особую статью. Около Троицына дня 1781 г., в то время как он был занят «Теологическими письмами», он писал молодому Мюллеру в Гёттинген: «Я намереваюсь писать и о евангельском рассказе; уже давно стараюсь приискать такую форму изложения, которая дала бы мне возможность не прибегать в печатных статьях к ненавистой форме церковных проповедей, — и я, быть может, найду ее»². Кроме того, он неоднократно пытался написать очерк жизни и характера Христа; это видно из содержания «Провинциальных листков» и из 2-го издания «Теологических писем»; а с другой стороны, нам известно, что на заднем плане всех его литературных замыслов скрывалось намерение перевести Евангелие и даже всю Библию. Летом 1793 г. весь собранный Гердером материал был распределен по различным задуманным статьям, но действительно были написаны только размышления о Сошествии Св. Духа и о Пасхе. После того автору пришлось прервать работу, но его намерение продолжать ее было так твердо, что еще при выпуске статьи о вознесении он публично обязался не ограничиваться этой статьей. Он предложил (14 февр. 1794 г.)

¹ Он писал Эйхгорну 31 янв. 1794 г.: «Вслед за статьей о Сошествии Св. Духа я Вам пишу статью о воскресении; вслед за ними будет в свое время написана статья о Рождестве Христовом».

² В ответе Мюллера от 17 июня 1781 г. читаем: «Не думаете ли Вы, что Ваша статья о Евангелиях была бы более полезной, если бы обнимала содержание всех Евангелий?» Из этих слов следует заключить, что Гердер намеревался обсуждать только некоторые отрывки из Евангелий.

своему издателю соединить статьи о Сошествии Св. Духа и о Пасхе под одним общим заглавием и выпустить их в виде первой части более обширного сочинения, а в состав второй части предполагал включить другие две, только задуманные, но еще не написанные статьи. Вот почему те первые две статьи получили общее заглавие «Первого сборника христианских сочинений», а вслед за ними Гердер написал еще четыре статьи, которые выходили в свет под названием стольких же новых «Сборников христианских сочинений».

Хотя мы уже ранее останавливали наше внимание на большей части вышеупомянутых сочинений Гердера, писавшихся с перерывами, но это не мешает нам проследить последовательность идей в его «Христианских сочинениях». Кроме того, мы постараемся объяснить, какое влияние имели на содержание его позднейших статей перерывы в их сочинении и другие случайные обстоятельства.

Уже первая из этих статей, вследствие перерыва в ее сочинении, получила не тот вид, в каком была первоначально задумана. Из статьи о празднике Рождества Христова она превратилась в статью о Евангелиях; а из одной статьи о Евангелиях вышли две статьи: одна — о синоптиках, другая — о Евангелии св. Иоанна. О евангелистах Гердер заводил речь в 1794 г. в своих письмах к Мюллеру, но он не мог взяться за эту работу, потому что был занят то продолжением «Писем о гуманизме», то стихотворениями Бальде, то намерением издать шестой сборник «Разбросанных листков»¹. Еще 13 мая 1795 г. он писал Эйхгорну, что намеревался в течение лета «вынуть из-под пыли рукописную статью о Евангелиях». После того как его работа над исправлением катехизиса и редакция веймарской книги церковных песен снова усилили его влечение к сочинениям теологического содержания, он в первый раз упомянул 9 ноября 1795 г. о статье касательно трех первых евангелистов, которая уже была написана, но требовала пересмотра и переделки². В конце марта 1796 г. эта переделка

¹ Он писал 30 июня 1794 г.: «В скором времени я приступлю к статье о евангелистах; рукопись уже готова и только требует отделки». 12 дек. 1794 г. (это место выпущено в печати у Гельцера, с. 250) он писал: «Статья о произведениях моего поэта печатается; „Письмами о гуманизме“, в которых будет идти речь и о Вас, я занят в настоящее время. После того мне хотелось бы издать шестую часть „Разбросанных листков“, которой заканчивается сборник. Статья о Евангелиях может подождать».

² И. Г. Мюллеру; этого письма нет у Гельцера. Заключительная статья Суфана к SWS (XX, 389) доказывает, что сохранились остатки этой рукописной статьи.

была окончена, а 22 июля автор уже мог разослать свою статью, составляющую содержание второго сборника и носившую следующее заглавие: «Об искупителе человечества. По рассказам трех первых евангелистов»¹. Третий сборник вышел под следующим заглавием: «О Сыне Божьем, Спасителе мира. По рассказу евангелиста Иоанна»; он был натуральным дополнением предшествовавшего сборника, вслед за которым вышел довольно скоро, — ведь статьи этого рода сделались любимыми занятиями Гердера². В сентябре 1796 г. он приступил к обработке третьего сборника, а в конце октября уже окончил главную часть этой работы; но он желал прибавить к сборнику важную «дополнительную статью», в которой предполагал сделать заключительные выводы из своих исследований о четырех Евангелиях и об их взаимной связи; этой дополнительной статьей он был занят в течение целого месяца даже во время печатания книги, так что первый готовый экземпляр не мог быть отослан к нему раньше конца апреля 1797 г.³

¹ Он писал Г. Мюллеру 31 марта 1796 г. (у Гельцера, с. 256, это письмо по-мечено неверным числом): «Статья о трех первых евангелистах печатается. Вчера я послал в типографию заглавие и предисловие». Это предисловие подписано 30 марта; 20 июня (С, II, 308) он уведомлял Эйхгорна о выходе в свет сочинения, которого еще сам не имел в руках; 22 июля Каролина послала уже совершенно готовую книгу Г. Мюллеру; 24 июля (*Линдеман*. С. 80 и сл.) Беттигер отозвался с восторгом о новом сочинении; 28 июля принц Август уведомил о получении присланного ему экземпляра; 1 августа книгу получили Глейм (С, I, 214, прим. 2) и Жан-Поль (А, I, 274, 275).

² Каролина к Глейму 23 сент. 1796 г. (С, I, 214).

³ Гердер сам говорит в дополнительной статье (с. 215): «В моей статье об Иоанне я остановился на Никодеме — стало быть, зашел недалеко, только до 3-й главы». 24 окт. 1796 г. Каролина уведомляла Г. Мюллера, что «статья о Иоанне готова». Что эта статья уже печаталась, Гердер писал 30 декабря (а не ноября, как у Гельцера, с. 260). О дополнительной статье Каролина писала Г. Мюллеру 16 февр. 1797 г., а сам Гердер своему сыну Августу 24 февр. (А, II, 447: сегодня отправляю статьи об Иоанне и об евангелистах, т. е. ту заключительную часть статьи об Иоанне, которая включает в себе «правило согласования»), 13 марта 1797 г. Каролина писала Г. Мюллеру, что она будет в состоянии выслать статью об Иоанне лишь через четыре недели, а издателя она уведомляла 16 марта, что книга будет готова в Рудольштадте две недели. 27 апреля книга была отослана к Глейму; 30 апреля за нее благодарил Гердера принц Август; ее отсылка к Г. Мюллеру с просьбой «немедленно и открыто» высказать его мнение, последовала 5 марта (*Гельцер*. С. 260, 261). К Якоби, который был приготовлен письмом Каролины к появлению книги еще 21 марта (А, II, 313), она была отправлена только 20 мая (Там же, 314, 315). Не лишним будет сравнить заключительную статью Суфана к SWS (XX, 386 и сл.; см. также XVIII, 562, прим.).

Эти две статьи отличаются от двух статей первого сборника тем, что их содержание далеко не сходится с содержанием «Объяснений Нового Завета». Это объясняется тем, что автор интересовался не только евангельскими рассказами и их религиозной важностью, а также возникновением Евангелий, их композицией и их взаимным согласием или разногласием, — тем, что с религиозным интересом соединялся интерес критико-исторический. Именно в этом смешении различных точек зрения и заключается отличительный характер двух статей о четырех Евангелиях. Вопросы, занимавшие теперь Гердера, были выдвинуты на передний план Эйхгорном и «Новой гипотезой» Лессинга; Гердер взглянул на них с религиозно-философской точки зрения и попытался разрешить их заново; критический разбор Евангелий сделался важным моментом в развитии его воззрений на христианство; теперь он уже не ограничивается свободным критическим исследованием верований, истории и сущности христианского учения, а доискивается его источника. «Что такое Евангелия? что такое христианство? К чему стремилось оно при своем зарождении? Чем сделалось оно для нас?» — на все эти вопросы автор хочет ответить в их совокупности, и по мере возможности не ученым, а общепонятным языком, так как имеет в виду чисто практическую цель.

Именно вследствие этого смешения и перепутывания одних вопросов с другими статьи Гердера и не были вполне удовлетворительны с научной точки зрения. Гердер начинает с того, что не колеблясь откладывает в сторону все возражения против исторической достоверности евангельских рассказов и признает за неоспоримый факт, что Евангелия были написаны обратившимися в христианство иудеями во второй половине первого столетия после Рождества Христова. Вслед за тем он ведет речь о еврейской поэзии, о пророках, о постепенно распространявшемся ожидании Мессии, о положении иудейского народа во время пришествия Христа. Этот обзор, конечно, был необходимой подготовкой к критическому разбору исторического содержания Евангелий. Но автор тотчас сбивается с пути и увлекается тем содержанием. Как бы предполагая, что литературно-критический вопрос уже разрешен, он рассказывает описанные в Евангелиях события, постоянно опровергая объяснения автора «Вольфенбюттельских отрывков». Став на точку зрения верующего, он берет на себя роль защитника христианского учения — так, он положительно утверждает, что крещение Иисуса сопровождалось чудом не только по мнению евангелистов, но на самом деле. Иными слова-

ми, те самые истолкования Священного Писания, которыми он когда-то наполнял свои проповеди о жизни Иисуса, получили теперь внешнюю форму статьи. Как хорошо он умеет обрисовывать индивидуальный, местный, национальный отпечаток евангельского рассказа, но как трудно нам отличать в его изложении отпечаток рассказа от отпечатка рассказанных событий! А с другой стороны, как он путается, стараясь согласовать евангельские рассказы с его собственным рационалистическим и гуманно-нравственным воззрением на личность и на учение Христа! Чем далее подвигается его статья, тем яснее обнаруживается мнение автора, что Христос был только проповедником самой возвышенной морали, был только основателем общества, связанного братской любовью и единомыслием. Перед проповедью на горе — «этой *magna charta* нового Царства Божия» — и перед полными глубокого значения изречениями и притчами Христа совершенно отодвигаются на задний план его чудеса, которыми он будто бы только удовлетворял господствовавшую в его время страсть ко всему сверхъестественному и которые в сущности не были чудесами. Иначе говоря, изложенная во 2-м издании «Теологических писем» характеристика личности Христа является здесь более подробной и превращается в чисто человеческое описание чисто человеческой жизни. Однако нельзя сказать, чтобы к этому чисто человеческому описанию не примешивалась некоторая доля сверхъестественного! Гердер упоминает и о голосе с Небес, раздавшемся при крещении Иисуса, и о воскресении Иисуса, и о его Преображении. Теперь эти три чуда — или, пожалуй, три события — «являются как бы тремя светлыми пунктами в засвидетельствовании свыше о пришествии этого избранника Божия». Они находят «в человеческом сердце как бы своего тайного заступника». Это, как видите, были три узких прохода, сквозь которые здравый рассудок Гердера еще поддерживал тайную связь с чудесами, сквозь которые свободные верования его разума проникали в сферу исторических верований и, наоборот, его исторические верования проникали в сферу верований чистого разума.

Чего же можно после этого ожидать от тех критических исследований касательно содержания, происхождения и достоверности Евангелий, к которым переходит теперь автор? После того как этим исследованиям была предпослана гомилетико-апологическая статья о жизни Иисуса, они являются вовсе не уместными и должны приспособляться к содержанию той статьи. Сам Гердер дал нам самую лучшую мерку для оценки его критико-исто-

рических исследований, положительно сославшись на мнения Лессинга. Этот последний был так осторожен, что уклонился от предъявленного ему требования изложить его мнение о христианской религии — он ограничился ответом, что под христианской религией разумеет ту *regula fidei*, в которой вкратце выражена сущность верований первых четырех столетий и которая существовала уже в то время, когда еще не была написана ни одна из книг Нового Завета. Это воззрение усвоил и Гердер, как это видно из статьи о восстании из мертвых. Он принял это воззрение за точку исхода для своего критического разбора Евангелий, но тотчас же уклонился от него, потому что оно вовсе не согласовывалось с его собственными верованиями — с тем, что он считал за сущность христианства на основании евангельских рассказов. Поэтому он и задумал, придерживаясь этих верований, прибавить к воздвигнутому Лессингом своду «еще один листик», для того чтобы придать этому своду форму круга. Но такой круг признается логикой за *circulus vitiosus*. Та *norma fidei*, говорит Гердер, не только была нормой для оценки Евангелий, но и тем фундаментом, на котором было основано содержание Евангелий. Поэтому евангельский рассказ так же несомненно верен, как верны основные положения тех самых безыскусственных верований. А эти верования со своей стороны основаны на ожиданиях Мессии (здесь резко бросается в глаза *petitio principii*), осуществившихся в жизни Христа. Здесь критик совершенно превращается в защитника христианской религии с предвзятыми убеждениями. Историческое изложение, основанное на таком исполнении ожиданий Мессии, которое заранее признано за несомненное, едва ли может заявлять притязание на достоверность. Если оно основано на действительном исполнении тех ожиданий, если не подлежит сомнению, что оно достоверно, то какая же надобность в критических исследованиях?

Во всяком случае нельзя не признать, что Гердер довольно искусно пользуется своим воззрением на отношении Евангелия к *regula fidei*, для того чтобы изложить такую теорию происхождения Евангелий, которая доставляет ему возможность очистить от всяких наростов то, что составляет, по его мнению, сущность евангельских рассказов. И на этот раз он идет по стопам Лессинга, стараясь доказать основательность такой гипотезы, в которой Лессингова «Новая гипотеза о евангелистах», служащая основой и для мнения Эйхгорна о существовании одного первоначального Евангелия, совмещается с главным положением Лессингова «Необходимого ответа».

Но уже в способе своего изложения эта гипотеза напоминает о Лессинге не в свою пользу. Отыскивая какую-нибудь более удобную форму изложения, чем форма церковных проповедей, Гердер, очевидно по примеру Лессинга, усвоил ту «форму афоризмов с разделением на параграфы», которой придерживался во всех своих «Христианских сочинениях». Но отрывочность этой формы соответствовала эпиграмматическому и диалектическому складу Лессингова ума, а для манеры Гердера постоянно вовлекаться в побочные соображения и в излияния чувств она была так же не пригодна, как и диалогическая форма. Когда Лессинг писал статьи, он излагал свои идеи в форме параграфов, ясно отделявшихся один от другого, а когда Гердер разделяет свое изложение на параграфы, он невольно впадает в тон церковного проповедника. Он выражается в форме афоризмов, для того чтобы не надоест читателю и навести его на самостоятельные размышления; а на деле выходит, что отдельные черты, которыми он отделяет одну мысль от другой, не предохраняют его от расплывчивости и повторений и несколько не облегчают читателю обзор выводов. Действительно, недостатки, которыми страдают изложения Гердера, до такой степени обратились в привычку, что они еще ярче выходят наружу в той форме, которая была усвоена автором именно для того, чтобы противодействовать им. В своих исследованиях о происхождении Евангелий автор нередко заменяет доказательства какой-нибудь причудливой мыслью, каким-нибудь остроумным, но поверхностным замечанием, обходит встречающиеся на пути затруднения, не хочет ничего знать о сделанных ему возражениях. Он делает это не из благоразумной бережливости времени и не из желания быть для всех понятным — он сокращает свою ученую аргументацию до самых узких размеров только по недостатку аргументов и только для того, чтобы ничто не стесняло его в изложении его предвзятых убеждений. То не было простой случайностью, что Лессингова «новая гипотеза» и до сих пор занимает свое место в истории критических разборов Евангелия, между тем как суждения Гердера не оставили после себя почти никаких следов. Такова была натуральная участь исследования, в котором критика беспрестанно смешивалась с апологией и принимала характер нравоучительной церковной проповеди.

Нам нелегко уловить основную точку зрения автора вследствие его беспрестанных уклонений от намеченного пути; и вся статья утрачивает значительную долю интереса, вследствие того что автор во время своих исследований иногда изменяет своим

собственным убеждениям. В «Теологических письмах» он отстаивал предположение, что евангелие св. Матфея, быть может первоначально написанное по-еврейски, бесспорно заключает в себе «самый древний и самый безыскусственный народный рассказ о жизни Иисуса». Не то говорится в статье «Об Искупителе». Здесь все еще признается первенство за св. Матфеем. Но первоначальное Евангелие, «без сомнения, написанное св. Матфеем» и по всему вероятно на еврейском языке, теперь превращается у Гердера в «евангелическое сочинение», написанное при содействии апостолов, и уже не из этого сочинения ведут свое начало наши четыре Евангелия. Кроме того, вследствие устных рассказов о пришествии Спасителя появились и другие писанные евангелия; эти «евангелические рапсоды», не зависевшие один от другого, а зависевшие только от общей апостольской традиции, ничем не стеснялись в своих рассказах — чем и объясняется существование разногласий и между нашими четырьмя евангелистами. Кроме того, автор все более и более выдвигает на передний план св. Марка вместо св. Матфея. В Евангелии св. Марка он находит самый «живой рассказ». Евангелие св. Луки он считает произведением ученого, а греческое Евангелие св. Матфея имеет, по его мнению, сходство с Евангелием св. Иоанна, но не в такой мере, согласно с самыми древними палестинскими сказаниями, как Евангелие св. Марка. Но суть дела представляется ему не совершенно в том же свете, когда он доходит до конца статьи «О Спасителе мира»; здесь мы в первый раз находим заключительный вывод из его сравнительного критического разбора Евангелий — «Канон симфонии Евангелий», который он очень желал бы изложить подробнее, если бы нашел достаточно свободного времени¹.

Автор начинает с написанного под апостольским авторитетом евангелического сочинения, которое сделалось необходи-

¹ Об этой симфонии Евангелий, обещанной на последней странице статьи о св. Иоанне, он писал 5 мая 1797 г. Г. Мюллеру: «Как было бы хорошо, если бы я мог присылать Вам статьи о евангелистах в те самые дни, в какие обещал. У меня чешутся руки от желания скорей их окончить, но откуда достать свободное время? Я уверен, что евангелисты представились бы Вам в новом свете и Вы составили бы себе совершенно ясное понятие о них». Почти то же самое говорится в ненапечатанном письме к Эйхгорну от 10—12 июня 1797 г.: «При моей точке зрения слабо виднеющийся предмет делается совершенно ясным... Я буду развивать мою мысль без всякого пристрастия к Библии и к идолопоклонству, лишь только найду это возможным; Эвансон снова приглашал меня взяться за эту работу». Также сравн. его письмо к Бёттигеру (*Боксбергер*. С. 41, № 56).

мым для проповедования Евангелия через посредство апостольских помощников. Высказывая гипотезу о существовании такого образцового Евангелия, Гердер, очевидно, имел в виду две цели: установить при помощи этого Евангелия неизменное понятие о сущности евангельских рассказов и, объяснив причины уклонений, приобрести возможность ничем не стесняться в критическом разборе подробностей; хотя он и старается доказать правдоподобие своей гипотезы посредством ссылок на положение и нужды древнейшей христианской церкви и на содержание Евангелий, все-таки эта гипотеза не что иное, как формулирование его возвышенной теологической точки зрения. Поэтому он полагает, что древнейшее евангелическое сочинение возникло не из «подхваченных то тут то там слухов»; оно было «письменным отголоском древнейших христианских сказаний», «апостолическим преданием», «историческим комментарием древнейшего несложного символа церкви». Содержанием для него служили избранные события, служившие удостоверением в том, что Иисус был Мессия, — стало быть, три следующих события: то, которое совершилось при крещении Иисуса, преобразование и воскресение; далее несколько рассказов о совершенных Иисусом чудесах, несколько избранных изречений и парабол, наконец описание судеб Царствия Христова в связи с верой во вторичное пришествие воскресшего. Все это будто бы было изложено в самой безыскусственной форме, так чтобы дальнейшие подробности можно было предоставить устным рассказам. Так как Петр, Иаков и Иоанн стояли во главе апостольской коллегии в Иерусалиме, то, конечно, они и подготовили составление этого руководства для проповедников Евангелия. Однако оказывается, что уже не св. Матфей — как прежде предполагалось — был главным деятелем в этом предприятия, а св. Марк. Автор даже полагает, что Марк первый письменно изложил тот апостольский проект. Таким образом оказывается, что до сих пор этот проект назывался у автора «сочинением», а теперь внезапно превратился в «устное» образцовое Евангелие. Марк будто бы прежде всех составил этот образец на сирийско-халдейском наречии. Это сирийско-халдейское Евангелие св. Марка первоначально было «схедиазмой для памяти и вместе с тем свидетельством о древнейших сказаниях, изложенных в прежних поучениях этого апостола, который не хотел прибавлять к ним ничего нового». Оно было составлено в древнейшие времена христианства, приблизительно между 34 и 40 гг., но оставалось неофициальным документом в руках проповедников Евангелия. Вслед за тем появи-

лось между 58 и 61 гг. первое «изданное» Евангелие; оно было и более полно, и более богато доказательствами, а написано было также на местном языке; это было еврейское Евангелие св. Матфея, так называемое «Евангелие евреев». Вслед затем появилось первое греческое Евангелие; это был сделанный самим Марком перевод его собственного Евангелия, первоначально написанного на местном наречии; оно было немного пространнее этого последнего и было составлено между 63 и 68 гг. Почти в то же время появилось Евангелие, которое написал св. Лука в чисто эллинском духе, не как евангелист, а как историк, извлекавший нужные сведения из первоначального Евангелия св. Марка и из «Евангелия евреев». Впоследствии, уже после разрушения Иерусалима, было написано греческое Евангелие св. Матфея; оно было вольным переводом «Евангелия евреев» с некоторыми пропусками и, по всему вероятно, также с некоторыми прибавлениями. После того наступила пауза, длившаяся от 30 до 40 лет; затем появилось в конце столетия Евангелие св. Иоанна, которое было «отзвуком более старых Евангелий в более высоком тоне». Св. Иоанну было известно то первоначальное евангелическое сочинение; даже следует полагать, что он принимал в составлении этого сочинения деятельное участие вместе со св. Петром и со св. Иаковом. Ему также были знакомы те Евангелия, которые были написаны на основании этого сочинения. А «свое Евангелие он написал после того, как узнал на опыте, какую пользу доставляло то сочинение и как можно было употреблять его во зло, также после того как кругозор христианства сделался более широким, чем первоначальные иудейские воззрения. Не ограничиваясь одними объяснениями, он очистил даже палестинские евангелические предания, а Христа — которого изображали более старые Евангелия Сыном Божьим в ограниченном смысле этого слова — он изобразил Спасителем мира и этим способом придал старому историческому Евангелию практическую цель. Этим и объясняются, по мнению автора, все отличительные особенности Евангелия св. Иоанна. Оно нисколько не заботится о иудейской родословной Иисуса. Иоанн описывает чрезвычайно мало чудес, а в немногих описанных им чудесах видит лишь символические факты, свидетельствующие о постоянно совершавшемся чуде. Другие изменения или опущения обнаруживают такую же тенденцию Иоанна объяснять смысл евангельских рассказов; иными словами, он заботился главным образом о том, чтобы установить правильное понятие о Сыне Божьем как Спасителе мира, дарующем вечную жизнь. Это учение было его

единственным догматом, а его Евангелие, последовательно развивавшее этот догмат, было Евангелием Духа.

Оно было Евангелием Духа и вместе с тем Евангелием мира. Это положение указывает на внутреннюю связь между статьей «О Спасителе мира» и «Объяснениями Нового Завета». В этих объяснениях Гердер пытался объяснять при помощи «Зенд-Авесты» глубокий специально-религиозный смысл выражений св. Иоанна. И теперь он напоминает, что под влиянием персидских религиозных понятий и философии Платона в христианство проникли чуждые ему идеи, которые стали оказывать ему противодействие, под названием гностики. Поэтому он старается объяснить, каким образом относился св. Иоанн к этим гностическим идеям, каким образом он, ссылаясь на господствовавший в то время метафизический способ выражения, старался объяснить и опровергнуть те идеи, каким образом он старался согласовать их с сущностью христианских верований и устранить в них все, что не было согласно с христианским учением, все, что носило отпечаток чужих идеалов и фантазии. Чтобы согласовать свои собственные свободные воззрения на христианство с историческими христианскими документами, Гердер утверждал, что Евангелие св. Марка всего ближе подходило к безыскусственной форме древнейших апостольских преданий и потому должно служить для нас руководством при объяснении всех других евангельских рассказов. Ту же цель имел в виду Гердер, когда называл Евангелие св. Иоанна Евангелием Духа и мира. Парафразируя содержание этого Евангелия, он постоянно старается доказать, что оно не поддерживало новых умозрений, а, напротив того, старалось искоренять их, что оно объясняло христианам только сущность христианства, что оно приводило лишь некоторые сцены и наставления из жизни Иисуса, пользуясь ими, сообразно с условиями того времени как поучительными символами для развития только одной мысли — почему и в каком смысле Иисус Христос есть Спаситель мира. К этим настойчивым указаниям на поучительную цель четвертого Евангелия Гердер довольно наивно присоединяет заявление, что то Евангелие дает нам некоторые положительные хронологические указания, некоторые фактические дополнения к рассказам синоптиков. Он оказывается чрезмерно непоследовательным, когда вступает за достоверность рассказа о воскрешении Лазаря или когда прибегает к следующему способу, чтобы объяснить, почему у св. Иоанна Христос выражается далеко не так же, как он выражается у синоптиков: ведь престарелому апостолу, говорит он, было бы неприлично пере-

давать с искусством мимика каждое слово Христа в том виде, в каком было сказано! Впрочем, это отчасти объясняется тем, что, стараясь отыскать в символизме св. Иоанна опору для своих собственных воззрений на евангельский рассказ, он выдавал за несомненный факт, что этот евангелист был любимым учеником Христа. Гердер полагает, что и ему дозволено то, что было дозволено этому любимому ученику. И он считает себя вправе считать написанное для своего времени Евангелие вечным и отыскивать в нем объяснение настоящего духа истории человечества. Вот почему он отдает этому Евангелию предпочтение перед всеми другими. Он находит, что это — картина, нарисованная рукой ангела, что это — «глубокое спокойное море, в котором отражается небо с солнцем и звездами и для которого служат привлекательным берегом воспоминания о лучших годах юности св. Иоанна».

Но подобно тому как сравнительный критический разбор Евангелий находится у Гердера в зависимости от его свободных верований, наоборот, и историко-критическая часть обеих статей служит основой для изложения тех верований. Он оканчивает обе статьи ответом на «главный вопрос»: чем должны быть для нас Евангелия? Этот ответ вполне соответствует приемам его критики. Посредством этих приемов он поставил себя в самое выгодное положение, ограничив историческое содержание Евангелий очень небольшим числом фактов. Лишь только его просвещенные убеждения наталкиваются на какое-нибудь затруднение, он утверждает, что причиной этого затруднения национальные, согласные с духом времени воззрения и способы выражения евангелистов. Кроме того, он считает себя вправе, по примеру Иоанна, всему придавать самый возвышенный идеальный смысл. И нельзя сказать, чтобы он при этом держался какой-нибудь твердой и ясной точки зрения. Вследствие незрелости своих убеждений или ради удобства он лишь постепенно развивает свою основную мысль, придавая ей не совсем определенный, туманный внешний вид, и, ничем не стесняясь, становится на такую точку зрения, с которой все представляется ему в самом блестящем свете. Он придерживается этой точки зрения с самого начала, например, когда рассматривает рассказ синоптиков о том, что Христос осуществил ветхозаветные предсказания. По его мнению, Иисус осуществил главную сущность пророческих предсказаний — наступление времени чистого богопочитания, добродетели и блаженства, а рассказанные евангелистами подробности тех ветхозаветных предсказаний должны быть припи-

саны духу того времени. Точно так же поступает Гердер, говоря о предсказаниях самого Христа и о его чудесах, за которыми признает достоинство только для современников; даже те три чуда, которые свидетельствуют о том, что Христос действительно был сын Божий, имеют в его глазах значение не настоящих чудес, а фактов — хотя эти факты и требуют объяснений. Он между прочим очень странно утверждает, будто все чудесное в евангельских рассказах принималось за истину из уважения к церкви, которого «нельзя было нарушать». Вслед за этим он совершенно сбрасывает с себя всякую зависимость от исторических верований. Он находит, что важнее всех предсказаний и чудес само Евангелие, т. е. учение, характер и цель Иисуса. Он находит учение Христа в том понятии о Боге как Отце всех людей, которое соединяет всех людей узами братства. Характер Христа заключается, по его мнению, в том, что Христос в качестве сына Божия, т. е. избранника Божия, во всем исполнял волю Божию, а дело Божие творил в качестве сына человеческого, т. е. по чувству долга и для высшей цели человечества. Наконец, он усматривает дело Христа в основании Царствия Божия, т. е. такого полного жизни и деятельного учреждения, которое, не переставая существовать во все времена и у всех народов, будет способствовать торжеству чистых требований разума и нравственного чувства. Таким образом, Евангелие из Евангелий оказывается чисто человеческим Евангелием, истина которого не нуждается ни в каких других свидетельствах, кроме свидетельства человеческого сердца и своей необходимости; поэтому чисто церковная вера будет все более и более исчезать, а символ будет все более и более обращаться в действительный факт. Для такого воззрения на «полное жизни значение» христианства автор находит самую удовлетворительную опору и самое глубокомысленное выражение в Евангелий св. Иоанна. Подобно тому как с Евангелий синоптиков он снял иудейскую оболочку, он очистил Евангелие св. Иоанна от умозрений. Он полагает, что образ действий самого св. Иоанна дает ему право облекать мысли этого евангелиста в такие выражения, которые сообразны с понятиями нашего времени, а благодаря такому основному правилу он выдает Евангелие св. Иоанна просто за Евангелие благородного гуманизма.

После всех изворотов этого очень сомнительного и основанного на гипотезах критического разбора Евангелий, после всех искусственных приспособлений, устраниний и произвольных толкований Гердер наконец совершенно сходится с мнениями

Лессинга. Он проповедует точно такое же христианство, какое проповедовал Лессинг — христианство сердца и ума, не основанное на догматах, практическое, доступное для самого неразвитого рассудка и постоянно все чаще и полнее проникающее в действительную жизнь не теоретическим путем, а посредством нравственного развития человечества. Он вполне разделяет взгляд Натана на веротерпимость; это видно из следующих слов, с которыми он обращается к иудеям, не желающим переходить в христианство. «Кто не против нас, тот заодно с нами; у всех наций и во всех религиях только один разум, одна справедливость, истина, доброта, любовь». Не называя Лессинга по имени, он сознательно или бессознательно, с намерением или без намерения повторяет те самые слова, в которых Лессинг вкратце выразил свои воззрения на христианство. Он разделяет мнение Лессинга, что истина какого-либо учения может быть доказана не чудесами, а путем убеждения и что во всяком случае евангельские чудеса для нас не что иное, как рассказы о чудесах. «Для того чтобы мы видели теперь яркий солнечный свет, разве нужно было две тысячи лет тому назад низводить с неба огонь? Разве нужно было в то же время приостанавливать действие законов природы, для того чтобы мы теперь были искренне убеждены в необходимости, истине и красоте нравственного и духовного Царствия Христова?» Все это повторялось вслед за Лессингом; то были также заимствованные от Лессинга слова, когда «в Христианских сочинениях» повторялась следующая мысль, выраженная в «Идеях»: «Так называемая вера в Иисуса необходимо должна с течением времени незаметно превратиться в религию Иисуса». Сходство теолога Гердера с теологом Лессингом было бы полным, если бы первый из них не входил в более подробное рассмотрение евангельских рассказов и данных касательно жизни Иисуса, если бы из церковных верований, которых он не хотел отвергать, он не извлекал с большой осмотрительностью ту сущность евангельского учения, которая одна только имела в его мнении цену. И Лессинг иногда упражнялся в такой работе; а Гердер делал это более серьезно, не как диалектик, а как истолкователь Священного Писания и церковный проповедник — он делал это с такой сердечной теплотой, которая нередко заставляла его нарушать последовательность идей, и с таким благочестием, которое нередко заставляло его снова переноситься в сферу отвергнутых им понятий.

Но он наконец покончил со всеми этими попытками примирения и соглашения. По крайней мере касательно исторических

подробностей он уже вполне высказался, а понятие об «Утешителе» служит для него переходом к двум последним сборникам «Христианских сочинений». Здесь он как бы подводит итог всем своим христианским убеждениям. Он продолжает свободно объяснять гуманное значение христианства, но на этот раз выражается энергичнее, потому что ведет полемику против догматического раболепия и бесчувственности. Прежде он излагал свои воззрения на христианство, руководствуясь содержанием Евангелий, а теперь он, излагая их, придерживается учения церкви. Уже не генетическая критика Евангелий и не размышления о жизни Иисуса служат основой для его проповеди, а объяснение и критика христианской догматики. Сборники второй и третий заканчивались вопросом: какое значение имеют для нас Евангелия? А сборники четвертый и пятый начинаются вопросом: чем может и чем должно быть для нас христианство в настоящее время?

К Пасхе 1798 г. вышли один вслед за другим сборники четвертый и пятый; этим последним «закрывался вход в крестильницу», как выразился автор в письме к Эйхгорну от 29 апреля¹. Тому, что Гердер упорно трудился над своими «Христианскими сочинениями», немало содействовало то обстоятельство, что Якоби отозвался о втором и третьем сборниках с самым полным сочувствием. Философия посеяла разлад между этими двумя писателями; насчет политики они также не сходились в мнениях, но теология Гердера, против всякого ожидания, встретила одобрение со стороны Якоби; она понравилась ему своей искренностью и сердечностью, понравилась еще более потому, что ему стали внушать недоверие и католицизм его приятельницы кн. Голицыной, с которой он виделся в Голштинии, и религиозная нетерпимость его ортодоксальных друзей. Он рекомендовал всем своим знакомым статью об «Искупителе» и заявлял во всеуслышание, что в этой книге изложены и его собственные воззрения на христианство. Ободренный и сочувствием этого друга, и отзывом такого компетентного судьи, как Эйхгорн, Гердер приступил к статье «О духе христианства»² немедленно вслед за выхо-

¹ Первые экземпляры 4-го сборника были получены 4 марта, как уведомила о том Г. Мюллера Каролина через два дня после того (*Гельцер*. XIV, 278); Гердер писал 29 апреля (С, II, 311), что ожидал присылки 5-го сборника «через неделю»; а 12 мая принц Август благодарил его за доставку этого сборника.

² Каролина к Якоби 20 мая 1797 г. (А, II, 314); Якоби к Гердеру 4 окт. 1797 г. (Избр. переписка. II, 251); Каролина к Якоби 18 нояб. 1797 г. (А, II, 316); Гердер к Якоби 1 дек. 1797 г. (Избр. переписка. II, 255, сравн. А, II, 317,

дом в свет статьи о «Спасителе мира»; 12 июня 1797 г. он уже извещал Эйхгорна о поступлении новой статьи в печать¹. Но, как следует полагать, она еще не была окончательно обработана. Как будто с целью предохранить себя от укоров, он писал в конце июня Г. Мюллеру, оставшемуся довольным статьей о св. Иоанне, что новая книга сначала, быть может, ему не вполне понравится. «К чему, — прибавляет он, — заниматься безделками и высказывать только половину того, что думаешь? Наша жизнь так коротка; некоторые раны следует вычищать до дна»². В предисловии к статье Гердер снова старается предохранить себя от укоров: «Не время что-либо скрывать и не договаривать, если, как сказал Христос, камни вопиют. Я не хотел грешить перед христианством благочестивой ложью — где дух Божий, там должна быть и истина». Такое содержание статьи объясняет нам, почему рукопись должна была выдержать карантин и подвергнуться переделкам, смягчавшим некоторые выражения³. Только письмо от 4 октября 1797 г., в котором Якоби отзывался о статье об «Искупителе» с горячим и безусловным одобрением, оказалось тем «попутным ветерком», который содействовал отправке рукописи в типографию⁴. В конце ноября статья уже печаталась, а Гердер уже был занят следовавшей вслед за ней статьей «О религии, догматах и обрядах»⁵.

прим.). Менее одобрительно отозвался Якоби 7 дек. 1793 г. о статье касательно Сошествия Св. Духа (Полн. собр. соч. III, 555); Эйхгорн к Гердеру 9 окт. 1796 г. и 4 июня 1797 г. (С, II, 309).

¹ Ведь не подлежит никакому сомнению, что именно к Эйхгорну было адресовано то ненапечатанное письмо от 10—12 июня, из которого Суфан (SWS. XX, 390, прим. 1) привел и цитированные нами слова, и еще один отрывок (393, прим. 3). В этом письме Гердер благодарит за первую и вторую части изданного в 1797 г. Эйхгорном «Обзора Французской революции»: «Благодарю за вашу Французскую революцию! Но не делается ли Вы вероотступником, подобно Шпиттлеру». В начале письма Гердер говорит: мне очень хотелось бы знать, «как Вам понравился мой канон гармонии евангелистов. Вам очень близко известны диссонансы и Вы очень часто на них указывали» и т. д.

² 26 июня 1797 г. (*Гельцер*. С. 261).

³ Примеры таких переделок приведены у Суфана в заключительной заметке SW (XX, прим. 2).

⁴ Каролина к Якоби 18 нояб. (А. II 316); 24 нояб. 1797 г. к Глейму (С, I, 234: «Статья о Духе христианства печатается»).

⁵ К Г. Мюллеру 8 янв. 1798 г. (*Гельцер*. С. 267): «На Пасхе, если Бог позволит, выйдут две части моих „Христианских сочинений“ — о духе христианства и о его догматах». 26 марта Каролина послала Г. Мюллеру только что полученный первый экземпляр статьи «О духе христианства» и обещала скоро выслать пятый сборник (*Гельцер*. С. 275). 29 апр. (С, II, 311) Гердер писал Эйхгорну: «Вот Вам небольшая книжка. Через неделю пришло Вам еще книж-

В статье «О духе христианства» автор стремился к двум целям: во-первых, он желал опровергнуть доводы противников христианства и насмешников, во-вторых, он хотел вывести наружу ложные толкования и злоупотребления. Приступая к этой задаче, он начинает с учения о Святом Духе. Придерживаясь своей старой методы, он объясняет насмешникам, каким образом понятие о Духе Божьем развивалось в Старом Завете и оттуда перешло в христианство, в котором оно означает лишь дух учения Христа — тот дух, который служит руководством для новой христианской общины и поддерживает ее и который соединяет все народы в одно Царство Божие; он доказывает, что не мечтательность, а воодушевление составляет сущность христианства; затем он указывает на апостола Павла как на самого благородного энтузиаста, ратовавшего за просвещение и за умственную свободу. С другой стороны, он восстает против ложных толкований учения о Святом Духе и против тех, кто употреблял во зло это учение. Снова начиная с генетически-исторических исследований, он точно так же, как и в «Теологических письмах», доказывает неосновательность понятия о вдохновении извне и точно так же, как в статье о Сошествии Св. Духа, доказывает неосновательность ребяческого желания, чтобы и по сие время сохранился дар творить чудеса, существовавший в первые времена христианства; наконец он нападает на хитрое догматическое изложение учения о дарах Св. Духа. Ввиду всех этих ложных толкований он настаивает на необходимости возвратиться к указаниям «природы и истины», а, по его мнению, это было бы то же, что возвратиться к настоящему смыслу Священного Писания, только с той разницей, что теперь нужно бы было выражаться таким языком, который был бы для нас так же понятен, как был в свое время всем понятен язык, на котором выражались апостолы. Вслед за этими рассуждениями он снова заводит речь — иногда впадая в утомительные повторения — о чуде Сошествия Св. Духа и об олицетворениях Св. Духа: он говорит, что эти олицетворения не что иное, как «идолы» или «отвлеченные мечтания дурных времен»; а о не верно понятом слове «откровение» он говорит, что было бы лучше никогда не употреблять его. Но главную главу этой статьи составляет объяснение, в чем заключается настоящий дух христианства и в чем заключается дух

ку, которой закроеся вход в крестильницу, если какие-нибудь особые соображения не заставят меня снова взяться за перо». За доставку обоих сборников принц Август благодарил Гердера 12 мая 1798 г.

ложно понимаемого христианства. Где же, спрашивает он, живет и парит христианство? Конечно, не в первой апостольской церкви — гласит ответ: в той церкви не все может служить для нас примером для подражаний. Именно из пагубного уважения к первой церкви иудейской и римской возникла большая часть тех зол, от которых страдало позднейшее христианство. Мы не иудеи и не эллины; если христианство должно жить среди нас, в нашей душе, то оно должно принаравливаться к нашему языку. Как в языке, так и в обрядах нужно «германизировать древнее иудейство». Также необходимо предохранять дух христианского общества от тех недостатков, которые свойственны всякому человеческому обществу, и в особенности необходимо сделать его независимым от государства. Так как христианство возникло из противодействия иудейской привязанности к букве Священного Писания, то оно должно избегать всякого преклонения перед написанным словом — христиане не должны преклоняться, как перед идолами, ни перед Библией, ни перед апостольскими посланиями. Дух христианства не допускает ни «волшебства», ни преимуществ одних сословий над другими, ни раболепия, ни раздоров, ни национальной ненависти. Иными словами, он не допускает никаких нелепостей — в этом воззрении автор заносится так высоко, что видит в господстве христианского духа подготовку для устройства такого всеобъемлющего человеческого общества, в котором все люди будут воодушевляться любовью к Богу. Краски, которыми автор рисует антихристианское направление ума, он заимствует преимущественно от того «государственного христианства», которое он охарактеризовал еще за тридцать лет перед тем в стихотворении «К христианству вселенских соборов». Теперь он возвратился к тому же пункту, на котором уже стоял в 1770 г. Но его теперешняя проза еще красноречивее его тогдашних стихов карала христианство католической церкви и злоупотребления папской власти. Все, что он говорил в том стихотворении о римской колдунье, о ее чаше упоения, о ее цепях, священном оружии и поражавших, как молния, проклятиях, он повторяет теперь с большими подробностями и снова выражает уверенность, что солнце взойдет, призраки исчезнут и настанет царствие правды и рассудка, свободы и всеобщей взаимной любви.

Хотя Гердер излагал эти мысли с полной свободой, но ему захотелось изложить их в еще более резкой форме. Свое отвращение к манере папистов извращать смысл христианства он выразил в аллегорико-сатирическом произведении, которое, однако,

не решился отдать в печать¹. «Феликсу и Друзилле нет времени читать» — этими словами он мотивирует в предисловии к четвертому сборнику выбор внешней формы афористических параграфов. Однако чтобы не впасть в тон утомительных рассуждений или усыпительных проповедей, он мог бы прибегнуть к разговорной форме или, еще лучше, к форме повествовательного диалога. Он и написал именно такой диалог, в котором являются действующими лицами кроме Феликса и Друзиллы Фест и Павел. Этот последний рассказывает, а остальные только прерывают его рассказ; он рассказывает сказку, которую сам выдает за подражание сказке Свифта о бочке и в которой описана жизнь трех братьев — Петра, Иоанна и Мартина. Итак, у Свифта автор заимствовал руководящую нить вымысла, но тенденция его сказки иная. Свифт добродушно осмеивал католическую и пресвитерианскую церкви; его пристрастие к англиканской церкви проглядывало лишь между строк, и весь его рассказ дышал духом отрицания. Напротив того, сатира Гердера имеет более серьезный и преимущественно положительный характер. Написанная с целью внушить важную истину, она представляет дополнение к заключительной главе статьи «О духе христианства» и подробный комментарий на стихотворение «К христианству вселенских соборов».

Павел рассказывает, что один пастух оставил свое стадо в нераздельную собственность трем сыновьям, с тем чтобы они стерегли его поочередно по взаимному соглашению. Каждому сыну он оставил сумку с лежавшим внутри ее зеркалом и объявил, что кто будет смотреться в свое зеркало честно, тот увидит в нем самого себя, а кто будет смотреться лукаво, тот увидит созданные его собственной фантазией призраки, которые будут для него опасны, если он влюбится в них. После непродолжительного согласия между тремя братьями, старший из них — Петр стал перedelывать свою пастушескую одежду, для того чтобы отличаться от двух остальных. Зеркало показало ему в увеличенном виде то, что было предметом его честолюбивых мечтаний. Ему захотелось поскорей узнать, каким способом он мог бы действительно получить тот наружный вид, в каком видел себя в зеркале. Он это узнал во время сна в пещере предсказывавшего будущность бога

¹ «Сказка о зеркале» была исключена Иоан. Мюллером (6 авг. 1808 г. к своему брату Георгу: Полн. собр. соч. VII, 358) из тех найденных после смерти Гердера бумаг, которые предполагалось издать, потому что она была не вполне обработана и не совсем согласна с историческими фактами.

стад Пана. Ему явились три служителя Пана. Из советов, которые они давали ему один вслед за другим, он научился пасти не баранов, а людей; они указали ему нужные для того средства: например, один из них научил его, каким ключом можно открывать сердца и уста людей, как налагать обязанности и давать разрешения; другой научил его, как из сосуда совершать чудотворное миропомазание. Другие объяснили ему, каких успехов можно достигнуть посредством колоколов и церковных органов, посредством сожжения на кострах и возведения в звание мучеников и святых; а последний из них шепнул ему на ухо слово «пресуществление» — этот всемогущий фокус-покус. Все это подтвердило ему зеркало; тщетно являлась ему в другом сновидении тень его отца, для того чтобы предохранить его от соблазна тех фиглярств и убедить его исправиться. Отделившись от своих братьев, он удалился в соседний, всеми покинутый царственный город, когда-то господствовавший над всеми народами, и был посвящен в его тайны нимфой Эгерией; сделавшись вслед за тем спасителем и утешителем этого города, он стал мало-помалу употреблять в дело все свои ловкие фокусы. В том же духе Павел продолжал до конца свою аллегорическую историю папства. Здесь автор, очевидно, имел в виду представить учреждение римской церкви результатом преступного высокомерия и безрассудного ослепления, делом лжи и обмана, удавшимся потому, что властолюбие и корыстолюбие употребляли в дело все искусные приемы самой коварной политики. Далее идет речь о братьях Петра. Одаренный здравым умом Мартин скоро удалился в более холодные страны; там укрепились в нем и здравомыслие, и честность, и он с удовольствием смотрелся в зеркало. Иоанн сначала сделал несколько безрассудных попыток противопоставить земному царству Петра духовное царство, но потом последовал за Мартином и, подобно ему, также стал здраво мыслить. Далее аллегория касается англиканской церкви, которую отделяет почти так же, как и римскую; в заключение она старается доказать, что позднейшая судьба трех братьев была натуральным последствием их поведения. Из трех изречений, с помощью которых отец старался направить заблудшего сына на истинный путь, на деле оправдалось прежде всех первое: «кто сам себя возвышает, тот будет унижен», — потому что Петр вследствие своего невыносимого тщеславия сделался предметом насмешек и презрения. Оправдалось на деле и второе изречение: «кто обманывает других, тот сам будет ими обманут». Петр проповедовал людям так много сверхъестественного, что сама натура наконец вывела

наружу лживость его поучений; в том, что касалось исторических событий, уже почти никто не верил лжецу — после самой слепой веры настало время неверия. Наконец скоро должно было сбыться и третье предсказание: «кто старается переделать других, тот будет принужден переделать самого себя»; запах смерти несся от фигляра, так часто имевшего дело с гробами, трупами и костями умерших; от него все стали бегать, а его рассказы стали считать за сказки о привидениях. Правда, Петр делал вид, будто ничего не замечает, и по-прежнему выделял свои фокусы при дневном свете, воображая, что ночной мрак еще не рассеялся. Но благодаря простой случайности трое братьев сбились с пути в одном и том же лесу, а ночная темнота и дурная погода заставили их укрыться в одном и том же необитаемом замке. Во время сна им явилась тень отца; она обратилась к честным сыновьям с ласковым требованием, а к нечестному сыну со строгим приказанием явиться на следующее утро в залу замка перед висевшим там зеркалом; это было то самое зеркало, которое отражало в себе скрытую в душе правду и от которого каждый из трех братьев получил только по небольшому обломку. Мартин и Иоанн первые подошли к зеркалу, в котором увидали себя здоровыми и веселыми. На лице Мартина исчезли все прежние неприятные черты, а на лице Иоанна исчезли все следы прежней душевной борьбы и огорчений; тогда два брата весело обнялись и дали друг другу обет всегда жить в братском согласии и дружбе. «Твое лицо, — сказал Иоанн, — впредь будет заменять для меня это зеркало; я буду замечать в нем каждое новое выражение». «А я буду так же смотреть на твое лицо», — сказал Мартин. В то время как они это говорили, Петр подошел к зеркалу в своем пышном одеянии. Тогда в зеркале отразилось страшное зрелище — но в чем оно заключалось, нам не известно, потому что Феликс прервал рассказчика: он сказал Павлу, что при удобном случае позовет его и выслушает до конца. Далее еще сказано, что мгновенное превращение бесстыдного Петра лишило его всех искусственных прикрас и выказало его таким, каким он был на самом деле; такое же превращение будто бы произошло со св. Альбаном, т. е. с английской высокой церковью — этим творением чудовища Гарриса.

После этой аллегории, не совсем правильной и по рисунку, и по краскам, нам приятно перечесть те главы «Идей», в которых автор хотя и строго порицал суеверие средневековых христиан, но отдавал полную справедливость благотворному влиянию церковной иерархии, или же те главы четвертого сборника «Хрис-

тианских сочинений», в которых автор противопоставлял дух христианского учения бездушному официальному христианству и бездушным обрядам. Наконец чтобы еще яснее высказать свои убеждения, автор ведет в последнем сборнике речь «О религии, догматах и обрядах». Здесь он высказывает все свои религиозные верования и с полной свободой становится на самую возвышенную точку зрения. Уже в прежних сборниках было немало указаний на те окончательные выводы, к которым приходит теперь автор: из его историко-критических исследований и объяснений библейских или церковных понятий уже не раз светился огонек, указывавший страннику как на конечную цель, стоящую выше всяких исторических и догматических верований, на религию гуманизма, на религию без имени. Пятый сборник еще яснее указывает нам эту цель. Только он дает нам возможность с точностью взвесить, какое значение для верований автора имеют факты евангельского рассказа, слова Священного Писания и церковные догматы. Это значение очень невелико, но оно было чем-то вроде балласта, без которого автор никак не мог бы удержаться на высоте своего религиозного идеализма. После всех генетически-исторических исследований о традиционном христианском учении, после всех стараний согласовать свои убеждения с этим учением он кончает тем, что, подобно Лессингу, устанавливает ясное различие между религией, с одной стороны, нравучениями и обрядами — с другой. Он говорит: религия есть сущность христианства; христианство есть религия, не выходящая из пределов чистого гуманизма. Лессинг подписался бы без колебаний под этими основными положениями, составляющими общий вывод из рассматриваемой нами статьи, а Якоби признался, что читал эту статью с невыразимым наслаждением и вынес из нее глубокое впечатление¹. Только через два года после появления гердеровской статьи Шлейермахер стал писать свои речи о религии. Благодаря более тонкому анализу религиозного чувства он прежде всех провел ясную раздельную черту между религией и догматом; он прежде всех указал границы, отделяющие сферу религиозных чувств не только от метафизических мечтаний, но и от нравственных правил и вместе с тем раскрыл более глубокий источник религиозных влечений; но его основная мысль имела очень близкое сходство с основной мыслью рассматриваемой нами статьи. Гердер является в этой статье преемником Лессинга и в то же время предшественником Шлейер-

¹ 22 ноября 1798 г. (Избр. переписка. II, 262).

махера, т. е. как бы связующим звеном между этими двумя писателями¹.

Понятие Гердера о религии близко сходится с понятием о нравственности. Он когда-то горячо нападал на сочинение Шпальдинга «О пользе должности церковного проповедника», но в новом сочинении Шпальдинга «Религия есть человеческое дело» он нашел выражение своих собственных воззрений на религию. По его мнению, религия, сообразно с коренным значением этого слова, есть не что иное, как «выражение мнений того или другого человека», как «самое задушевное человеческое убеждение», как «самое глубокое сознание своих душевных потребностей», или, по картинному выражению автора, «алтарь его души». Он придает самое важное значение отрицательному положению, что религия заключается не в догматах. Эту мысль, высказанную им еще в статье о воскресении, он развивает теперь со всех сторон. Он говорит, что догматы — основные положения, защиту или опровержение которых пусть берет на себя всякий, кто в состоянии или обязан это делать; религия есть душевное настроение, которое не желает вступать ни в какие диспуты, а заставляет человека в точности придерживаться того, что оно признает за несомненный долг, за глубоко прочувствованную истину; оно основывается на вере и создает веру. Это воззрение автор подкрепляет ссылками на Библию. Твердость убеждений была верой Авраама; религиозное чувство служило основой для теократических учреждений Моисея; не догматам, а нравственному благочестию поучали пророки, наконец, Христос ничего не порицал так строго, как суеверную слепую привязанность к догматам раввинов, а апостолы проповедовали и устно, и письменно не догматы, а учение о распятом Христе как представителе правды Божьей. Вслед за тем автор снова прибегает к своему историко-генетическому методу для борьбы с догматизмом. Он говорит, что догматы впервые возникли вследствие того, что христианство стало распространяться у всех народов и получило характер всеоб-

¹ Романтическая связь, в которой находился в то время Шлейермахер, была главной причиной, почему Гердер не мог сознавать сходства своих собственных воззрений с воззрениями этого писателя. До какой степени личные вопросы скрывали в этом случае от глаз Гердера сущность дела, видно из письма Каролины к Жан-Полю от 1 февр. 1800 г. (воскресное приложение к Фоссовой газете от 6 янв. 1884 г.). «С вашей шлейермахеровской религией, — говорится в этом письме, — Вы покуда остаетесь в стороне... Ваше добродушие готовит вам еще немало промахов...» Затем следуют сатирические отзывы о Шлейермахере.

щей религии. Каждый народ, и в особенности обладавший даром красноречия греческий народ, стал по-своему выражать полученные извне понятия; тогда учение превратилось в формулы, а вследствие вмешательства начальства даже в декреты; потом начались преследования — тогда преследуемые мнения сделались религией для тех, кто невинно пострадал за них. Принявший участие в борьбе протестантизм выставил новые догматы. Все это было неизбежно и даже необходимо, потому что нужно было с «осмотрительной точностью отделить» человеческие мнения от настоящей религии, от религии Иисуса, т. е. от того, что было для самого Иисуса делом сердца и глубокого убеждения. Здесь автор сам берет за такое отделение простых мнений от учения Христа и, рассматривая по порядку все пункты христианского символа веры, вкратце излагает свою собственную догматику, не согласную с церковной. Он сходится с натуральной религией Спинозы в своем воззрении на первый пункт: Бог — создатель и блюститель вселенной, Отец людей. В этих словах он видит все содержание безыскусственных, практических душевных верований, подтверждаемых и нашим сердцем, и нашей совестью; этим верованиям он противопоставляет тоном пренебрежения и даже насмешливости так называемые догматы, т. е. объяснения, в чем заключается сущность божества, каким способом оно создало мир, какие его отличительные свойства и т. д., — при этом он делает самые несочувственные намеки на новейшую кантовскую школьную мудрость. Таким же насмешливым тоном говорит он о «ребяческих вопросах» касательно двух естеств Христа, касательно «тяжбы» между Христом и сатаной. Его тон становится все более и более резким и презрительным, когда он говорит об этом «хламе старых фраз» и все настойчивее утверждает, что сущность веры в Спасителя заключается в той практической истине, подтверждаемой жизнью и характером Христа, что любовь к ближнему есть единственный путь к спасению от всех удручающих человечество зол. Эту мысль он все более упрощает и обобщает, совершенно теряя из виду ее историческую основу, и даже полагает, что та общая для всех людей и народов религия, т. е. религия любви, может обойтись и без свидетельства истории. Он полагает, что к требованию такой спасительной любви «ничего не может прибавить даже имя того, кто впервые предъявил это требование». А если бы кто-нибудь сказал мне, читаем далее, что вся история Христа есть вымысел, то я ему ответил бы: спасибо рыбакам, выдумавшим такую историю! Она истинна для моего ума и сердца. Наконец, с таким же неуважением к догматам автор говорит о треть-

ем пункте символа веры. В противоположность учению Канта, что разумная воля устанавливает нравственные законы, автор настаивает на специально-религиозном значении веры в Святого Духа. По его мнению, эта вера — не что иное, как вера в чистоту влечений человеческой натуры, в любовь, благодаря которой добро берет верх над злом, или, что то же самое, в исходящее от Бога поддержание в нас тех нравственных достоинств, которые искони составляют основу человеческого характера. Он объясняет, каким образом этот Дух внушает нам желание трудиться на общую пользу; в учении об отпущении грехов он видит лишь выражение вполне естественной надежды, что очищению человеческой нравственности содействуют даже наши прегрешения, а в учении о восстании из мертвых и о будущей жизни он усматривает лишь выражение уверенности, что наш дух в руках Божьих.

В следующей главе речь идет о символических христианских обрядах. Здесь Гердер осуждает, во-первых, «магические» догматы, связанные с обрядами Крещения и Причащения Св. Тайн, и, во-вторых, исключительность того или другого смысла, приписываемого священнодействиям. В связи с объяснением, каким образом возникли те обряды и как они с течением времени изменились, автор настойчиво приписывает им символический характер. Он, по естественному складу своего ума, чувствовал особое влечение к символам и был способен понимать их смысл. Вот почему его объяснения преломления хлеба и употребления вина при таинстве Причащения очень определены и оригинальны: по его мнению, преломление хлеба и слова, которыми оно сопровождалось, означали то, что было печального в предстоявшей смерти Христа, а употребление вина означало радостные последствия этой смерти¹. Однако и это объяснение предоставляет широкий простор для самых фантастических толкований. Именно в том Гердер и усматривает преимущество символических священнодействий, что они допускают «многосторонние» истолкования и каждому говорят то, что согласно с его точкой зрения и с требованиями его сердца. Но сущность обоих таинств заключается, по его мнению, в том, что оба они выражают «настоящую и единственную религию — добросовестно принятое на себя обязательство»: при Крещении мы обязываемся избегать всего, что порочно; при Причащении мы обязываемся вполне посвящать себя пользе человечества.

¹ Какую важность придавал Гердер своему объяснению слов, произносимых перед Приобщением Св. Тайн, видно из его письма к Эйхгорну, которое было написано в июне 1799 г. (С, II, 313).

Следующие четыре главы прибавляют немного нового для уяснения гердеровской точки зрения. В той главе, где идет речь о соединении догматов в одну цельную систему, автор признает, что такое систематизирование не лишено некоторого основания, но он резко нападает на всякую философскую догматику, далеко уклоняющуюся в сторону от содержания Библии, нападает на картезианизм, на учение Вольфа и в особенности на новейшую кантовскую философию религии. В следующей главе автор противопоставляет вере в формулы необходимую для человеческой природы веру в реальную сущность и последовательность вещей и старается объяснить, каким образом эта вера превращается в религиозное чувство, из этого чувства возникает религия племенная, государственная, национальная, а из этой последней та высшая религия, которая выразилась в учении Моисея, и наконец та чистая гуманная религия, которая называется христианской. Всякая религия, говорит он, есть убеждение в истине, находящееся в тесной связи с понятием о долге; в следующей главе выводится из этого тезиса необходимость не смешивать науки с религией и, наоборот, не ставить религию в зависимость от наук; в связи с этим основным положением автор далее излагает то, что составляет главное содержание его статьи, — он объясняет понятия о богопочитании, о благочестии, о богослужении и т. п. Наконец в последней главе автор снова объясняет сущность христианства посредством указаний на то, что не согласно с духом христианского учения. Он снова называет антихристианской привязанность к какому-либо одному внешнему культу, осуждает всякое притязание духовенства на роль руководителя человеческой совести, всякое сочувствие к иудейским воззрениям на духовную сущность христианства. Он кончает выражением уверенности, что чистая религия Христа — т. е. добросовестность в исполнении всех человеческих обязанностей, сердечная доброта и великодушие — зиждется на самоотвержении и в конце концов восторжествует над злобой и над равнодушием к пороку. «Будет при этом произноситься имя Христа так же, как оно произносится в молебствиях, или иначе, решительно все равно», — говорит в заключение Гердер. «Вследствие разных ложных толкований и несогласного с духом христианства лицемерия, это самое священное из всех имен стало многих отталкивать от себя до такой степени, что в наше время только твердость убеждений может предохранять от желания перестроить воздвигнутое здание, начиная с самого фундамента. Но тот, кто способен отличить шлак от чистого золота, не будет сбиваться с дороги и сумеет чтить ге-

роя самоотвержения, самого кроткого из благодетелей человеческого рода, так, как следует, т. е. молча и стараясь подражать ему. Название христиан, данное греками последователям учения Христа как особой секте, не имеет важного значения и все равно, останется оно или исчезнет. Как называл себя Христос? Сыном человеческим, т. е. просто человеком. И его религия, очищенная от шлаков, не может называться иначе как религией чистого человеколюбия, как религией человеческой».

Эта статья, бесспорно, приобретает еще более важное значение, вследствие того что в ней автор вел речь о том, что входило в сферу его служебных обязанностей, что было «главным делом его жизни». Ввиду высказанных им в конце статьи очень вольнодумных мнений могло бы возникнуть сомнение, не находились ли эти мнения в противоречии с обязанностями Гердера как церковного наставника, как высшего руководителя местной церкви, основанной на старых верованиях. Ведь даже в наше время высказывалось предположение, что самые искренние убеждения Гердера, основанные на явном разрыве со старинными церковными верованиями, находились в крайне резком противоречии с его официальным положением, что это противоречие наложило «на жизнь Гердера трагический отпечаток», что этому правдолюбивому человеку была крайне тяжела необходимость постоянно лгать и что угрызения совести принудили его сознаться, что он попал в своей жизни на ложный путь¹. Совершенная неосновательность такого предположения уже была многими указана; она подтверждается и всем содержанием нашего биографического очерка. Беспристрастному читателю стоит только обозреть существенное содержание «Христианских сочинений» Гердера, чтобы прийти к убеждению, что эти сочинения — подобно тому, что хвалил Виланд в церковных проповедях Гердера, — только потому отзываются ересью, что они ортодоксальны в лучшем смысле этого слова. Надо не иметь ни малейшего понятия об эластической энергии, которой отличалась чувствительность этого

¹ Геттнер, в своей истории немецкой литературы XVIII столетия. В этом случае свободомыслящий историк литературы сходится в мнениях с теми христианами, которые отличаются узостью своей точки зрения. И Елена Якоби (*Zöppriz*, II, 156) лишь с трудом могла убедиться в неосновательности предположения, будто Гердер был принужден лицемерить, когда появлялся перед алтарем или надевал на себя священническое облачение. В своей изящной и верной характеристике Гердера как теолога и Дорнер (*Gesch. der. protest. Theol.* С. 737 и сл.) впадает в такую же ошибку, усматривая в «недостатке этики» (!), т. е. в «игнорировании грехов», причину, почему Гердер в преклонных летах чувствовал себя несчастным.

человека, чтобы воображать, будто его мучило противоречие между его самыми глубокими убеждениями и его должностными церковными обязанностями. Проповедование «чистой человеческой религии», конечно, было, по его мнению, таким же исполнением его религиозных обязанностей, каким были его проповеди и его заботы о нуждах подчиненной ему церкви; сомневаться в этом значило бы обвинять этого «правдолюбивого и «строغو нравственного» человека в самом постыдном употреблении во зло слова «религия». Для нас не представляет никакого интереса вопрос, может ли отыскаться такой логически ясный ум, который был бы в состоянии согласовать учение Спинозы с учением христианской церкви. Для нас во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что Гердер не был одарен таким логически ясным умом. Даже излагая в своей статье «Бог» учение Спинозы, он чувствовал себя хорошим христианином, а в его «Христианских сочинениях» главная цель заключается не столько в том, чтобы доказать, что христианская религия есть чисто человеческая, сколько в том, чтобы доказать, что чисто человеческая религия есть религия Христа. Если бы он действительно сознавал свое отпадение от церкви, несогласие своих убеждений с хранящейся в этой церкви религиозной истиной, то что же могло бы заставить его публично излагать его собственные верования так откровенно и так подробно? Он делал это, очевидно, в полной уверенности, что этим оказывает церкви огромную услугу и снова привлечет в ее лоно людей сомневающихся и неверующих. Чтобы перебросить мост через ту пропасть, которая отделяет несвободные верования, прикрепленные к историческим указаниям и догматам, от свободных нравственных верований человеческого сердца, он прибегает к самым разнообразным средствам. Он попеременно то упрощает догматы, то объясняет их смысл, то придает им значение символов. Он перемешивает все эти приемы и переходит от одного к другому, то скользя, то делая скачки. Этим способом он не может удовлетворить ни упорно верующих, ни тех, кто ко всему относится критически, но он удовлетворяет самого себя. Последовательность его изложения по меньшей мере сомнительна; его научные познания не выдерживают строгой проверки, но его добросовестность выше всяких сомнений. Когда он подвигается вперед по узкой тропе исторических верований, пролегающей между верой в чудеса и превращением сверхъестественных фактов в идеи, то нам кажется непонятным, каким образом у него не закружится голова, и мы из предосторожности отказываемся следовать за ним; но для него

это единственный путь, который непременно приведет его к разумной вере в торжество гуманности. Когда он старается отстоять достоверность евангельских рассказов, когда он отыскивает внутренний смысл в умозрениях своего любимого евангелиста, св. Иоанна, когда он объясняет смысл символов, а потом, как бы откладывая в сторону всю эту работу, просто заявляет, что главная суть не в достоверности исторических рассказов и чудес, не в словах и не в догматах, даже не в названии «христианин», а в благочестии, обнаруживающемся в делах, то мы удивляемся, как искусно им сплетена та растяжимая сеть, в которую он вложил всю массу христианских идей; петли не выдерживают тяжести, вернее, выдерживают ее только в той руке, которая связала их и которая даже могла бы обойтись без них. Это — рука самого благочестивого и самого свободомыслящего человека. Всякой религиозной потребности он сочувствует и дает разумное объяснение, а всякую догматическую ограниченность, всякое поповское притязание отвергает.

Лучшим объяснением таких воззрений может служить высказанное им через несколько лет после того мнение о переходе Фрица Штольберга в католицизм. Фосс, с узкой точки зрения человека, зараженного духом своей партии, осуждал этот шаг слабохарактерного Штольберга; Якоби с горячностью фанатика выразил новообращенному свое сочувствие. А Гердер с сожалением отозвался об ослеплении новообращенного, но в то же время стал на такую точку зрения, которая была выше всяких увлечений, свойственных приверженцам того или другого вероисповедания. Его гуманное воззрение на христианство вызвало отголоски даже в католическом лагере. Его «Христианские сочинения», которые были его катехизисом, вызвали горячее одобрение со стороны обоих братьев Дальбергов и самые сочувственные отзывы со стороны некоторых католиков¹. Причины этого следует искать именно в идеализме его воззрений. Подобно тому как патриотизм Гердера сводился к заботам об интересах всего человечества, и его протестантизм сводился к таким христианским понятиям, которые не составляли исключительной принадлеж-

¹ Карл Дальберг к Гердеру (С, III, 260, № 16); Гуго Дальберг (Там же, 269, № 6; 271, прим. и 272, прим. 2); Каролина к Г. Мюллеру 26 марта 1798 г. (*Гельцер*. С. 275) касательно двух рецензий на обе статьи Гердера о Евангелиях — рецензий, написанных Гебгардом и напечатанных в «*Erf. Gel. Zeit.*» (1797 № 5—7 и 79, 80): «Кто мог бы подумать, что католик будет так одобрительно отзываться об обеих статьях? Такой чести еще не оказывал моему мужу ни один из протестантских профессоров».

ности какого-нибудь одного вероисповедания. В этом духе было написано и его прекрасное письмо к графине Луизе Штольберг по поводу отпадения ее зятя от протестантизма¹. Само собой разумеется, что он деликатно отнесся к психологическим мотивам этого отпадения: он выразил желание, чтобы душевнобольной нашел в католицизме то утешение, которого искал. Но вместе с тем он указал на то идеальное единомыслие, которое должно соединять всех христиан независимо от различия их вероисповеданий. И в своих «Христианских сочинениях» он старался охарактеризовать именно этот «чистый дух христианства, от которого отваливается так много тряпья, иными принимаемого за настоящее христианство». Он в резких выражениях нападает на слабые стороны своей собственной церкви — «на неуклюжие внешние формы протестантского культа, на господствующий в нем безрассудно смелый произвол, на необузданность писателей, утверждающих или отвергающих все, что им вздумается, на нерадивое невежество и гнусное бесстыдство многих протестантских наставников». Но он ни за что не согласился бы все это променять на то время, которое налагает католическая церковь на своих приверженцев, не согласился бы променять на ту массу обрядов и злоупотреблений, которые были ею накоплены в эпоху невежества. Но ему также известно, что «сердцеведцу все равно, к какому вероисповеданию принадлежит тот, кто служит ему верным и чистым сердцем»; Гердер считает католицизм также за христианство, а именно потому, что сам он протестант, он сознает, что между ним и многими честными католиками существует духовная связь. «Настоящий протестантизм, — говорит он, — не допускает, чтобы какая-либо церковь присваивала себе исключительное право открывать нам вход в Царствие Небесное: мы предоставляем такие притязания тем высокомерным людям, которые ими чванятся».

Немедленно вслед за окончанием «Христианских сочинений» одно неожиданное происшествие доставило Гердеру случай доказать на деле, какое глубокое религиозное чувство лежало в основе его воззрений на протестантское учение. На теологический факультет Йенского университета был сделан

¹ Это письмо, написанное в октябре 1800 г., сообщил Цёпприц из оставшихся после смерти Якоби бумаг (II, 233 и сл.). В оставшихся после смерти Гердера бумагах найден и ответ графа Христиана от 19 октября 1800 г.; в начале этого письма выражена горячая признательность за «миролюбивое, разумное и любезное» письмо Гердера. Другие отзывы Гердера о переходе Штольберга в католицизм можно найти у Цёпприца. К ним можно присовокупить то, что писал Гердер Г. Мюллеру 8 августа и в конце октября (*Гельцер*. С. 290, 294).

донос¹. Эйзенахский генерал-суперинтендант Шнейдер обратился с этим доносом не прямо к своему государю, а через посредство лично ему знакомого мейнингенского министра Дюркгейма к герцогу Саксен-мейнингенскому как одному из патронов университета. Вслед за тем герцог Георг Мейнингенский обратился 14 января 1794 г. к Карлу Августу с письмом, в котором говорил, что уже в течение нескольких лет усиливается равнодушие к религии, что, по дошедшим до него слухам, преподаватели теологии в Йене «своими неосмотрительными выражениями и односторонним изложением внушают недоверие или решительное неуважение к тому учению, на истине которого основано все содержание откровения и христианская религия, а этим способом преподавания расшатывают фундамент, на котором зиждется как благоденствие отдельных граждан, так и благоденствие семейств и государства». Карл Август не мог поступить иначе как обратиться к своим двум высшим консисториям веймарской и эйзенахской с приглашением изложить их мнение по этому делу. Эйзенахская консистория прислала такой ответ, который был отголоском того, что говорилось в доносе: она жаловалась на еретические убеждения ученых и полагала, что следует употребить в дело все средства для борьбы с этим злом. Она советовала учредить следственную комиссию, организовать высшую полицию для надзора за университетским преподаванием, восстановить цензуру над профессорскими литературными произведениями и, наконец, при назначении преподавателей теологии отдавать предпочтение не тем, кто пользуется обманчивой литературной известностью, а тем, кто отличается основательностью своих ученых познаний и искренностью своих христианских верований. Ввиду таких гнусных и фанатических предложений нельзя было сомневаться, с какой точки зрения взглянет на это дело веймарская высшая консистория. В своей мемории Гердер энергически вступился как за оклеветанных университетских преподавателей — в особенности за Гризбаха и Паулуса, — так и за других преподавателей веймарских учебных заведений и предъявил решительный протест против какого бы то ни было полицейского вмешательства. Всякие карательные меры, говорил он, окажутся «частью излишними, частью не достигающими своей цели, потому что если бы кто-нибудь из университетских преподавателей захотел сеять ядовитые семена, то эти семена окажутся еще бо-

¹ То, что следует, извлечено из официальных документов и из сведений, доставленных штаатсратом Штихлингом.

лее вредными, оттого что их будут сеять с хладнокровной осмотрительностью и втайне». Даже от самых осторожных предупредительных мер Гердер ничего не ожидает, кроме вреда, потому что публично выраженное этим способом недоверие уронило бы внешний престиж университета, а «внутри университетских стен ввело бы привычку подслушивать, подсматривать и писать клеветнические доносы». Но что интересы религии были так же дороги Гердеру, как и свобода науки, об этом свидетельствует другая половина его мемории. Целью его церковных проповедей было возбуждение религиозных чувств для улучшения нравственности; свои «Христианские сочинения» он писал именно с целью противодействовать пренебрежению к религии; желание поднять уровень общественной нравственности было главной причиной его забот об улучшении положения лиц духовного звания и о развитии школьного преподавания. Гердер уже давно жаловался как на главные препятствия для благотворной деятельности на влечение к светским удовольствиям, на легкомыслие высших сословий, на бедность страны, на недостаточность тех денежных средств, которые он мог употреблять на общую пользу на основании местных законов и господствовавших в правительственных сферах принципов. А теперь он попытался воспользоваться неосновательным доносом, для того чтобы снова указать на эти недостатки. В своей мемории Гердер вовсе не отвергает того факта, что в обществе господствует равнодушие к религии; он только приписывает это явление другим причинам. Он говорит, что дурной пример высших сословий действует заразительно на низшие. Исчезновению «старинного правильного отношения к религии» содействовало исчезновение старинного скромного образа жизни, так как вместо этого последнего стала распространяться склонность к роскоши, которая неизбежно ведет к разорению. «Изысканные удовольствия, — говорит Гердер с явным намеком на то, что делалось в Веймаре, — могут сделаться причинами упадка города или государства, если они вследствие моды проникают в нравы низших классов общества, приучая бесполезно тратить и время, и деньги». И унижительная для лиц духовного звания денежная зависимость от церковных треб немало содействует распространению неуважения к церковным обрядам, а вместе с тем и к религии. Наконец, неспособные лица духовного звания и школьные преподаватели причиняют еще более вреда, чем еретики; но именно при замещении открывающихся вакансий у консистории связаны руки необходимостью руководствоваться разнородными посторонними сообра-

жениями. Относительно всех этих пунктов консистория изъявила готовность приискать предупредительные средства и обещала обратиться к подведомственным ей лицам духовного звания и наставникам с предостережениями и указаниями; но как на главную причину упадка религии она в заключение еще раз указывала на упадок нравственности и такого домашнего воспитания, которое приучило бы к порядку и к бережливости; «одно сословие не в состоянии уничтожить корень этого зла, — писала консистория, — с ним должны бороться все сословия и правительственная власть, которая могла бы мало-помалу искоренить зло посредством основания полезных заведений, посредством своевременного уничтожения злоупотреблений, посредством постепенного улучшения общественных учреждений, посредством поощрения испытанных хороших наставников и вообще посредством собственного хорошего примера». Отсюда видно, что Гердер настаивал в своей мемории на том, что имело положительную практическую цель и, согласно с направлением своих «Христианских сочинений», старался оживить религиозные чувства не посредством преследования еретических мнений, а посредством нравственных, социальных и политических преобразований. Он, конечно, и сам не ожидал немедленной пользы от своих советов, но он был доволен уже тем, что убедил герцога не следовать безрассудным советам эйзенахской консистории и отразил сделанное на университет нападение. Познакомившись с мнениями обеих консисторий, Карл Август приказал «приобщить покуда к делу все донесения и документы».

В более тесной связи с «Христианскими сочинениями» находились два других служебных занятия Гердера, также имевшие литературный характер. Между тем как все другие его занятия в консистории служили помехой для его литературной деятельности, напротив того, составление веймарской книги церковных песен и катехизиса шло рука об руку с его теологическими сочинениями и снова заставило его взяться за эти последние.

Летом 1795 г., немедленно вслед за окончанием второго сборника «Христианских сочинений», он занимался книгой церковных песен и катехизисом, и по меньшей мере первая из этих работ была окончена предисловием от 9 октября, так что он мог заняться своим сочинением о синоптиках¹.

¹ В первой редакции он окончил катехизис прежде книги церковных песен. Он писал 10 июля 1795 И. Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 254): «Я теперь тружусь над катехизисом, вернее, я уже окончил его вчерне вместе с предисловием и с указанием, как следует пользоваться им». Каролина писала тому же

Впрочем, Гердер уже давно помышлял о пересмотре книги церковных песен. Если бы ему были развязаны руки, то новая книга песен не заставила бы себя ждать до 1795 г. Это дело, действительно, находилось в очень жалком положении. Во время прибытия Гердера в Веймар были в употреблении две привилегированные книги церковных песен: одна — изданная Гоффманом, другая — изданная Глюзингом. Привилегии этих двух издателей служили препятствием для составления новой книги церковных песен; поэтому, когда новому генерал-суперинтенданту было поручено заняться этим делом в течение первого года после его вступления в должность, то он ограничился предложением пересмотреть содержание обеих книг, но при этом оставил без изменений их главное содержание, изменив только их дополнения, для того чтобы по мере возможности достигнуть только сходства в их содержании. Вследствие этого появилось в 1778 г. новое издание обеих книг — «гоффмановское с предисловием Гердера от 3 марта и Глюзингово с предисловием его же от 25 августа¹. Издатель ограничился тем, что к дополнениям первого издания прибавил дополнения второго, отложив в сторону совершенно плохие и неудобные для исполнения песни. По прошествии девяти лет Гердер говорил, что это была работа компилятора («жалкая работа, о которой мне до сих пор стыдно подумать»). Но уже в первом из вышеупомянутых предисловий он высказывал надежду, что когда новое издание будет раскуплено, то все наконец убедятся, что те две книги, несмотря на различие заглавий, сходны между собой и что было бы нетрудно составить из них одну хорошую книгу церковных песен. Впрочем, он при этом заявлял, что даже если бы ему была предоставлена в этом деле полная свобода, он не стал бы переделывать старые песни и вводить новые из соревнования с теми, кто старается разливать «так называемый свет новейшей реформации даже на книги цер-

Мюллеру 7 сент. 1795 г.: «В одно время со своими трудами в консистории он составил катехизис и книгу церковных песен». Наконец в письме Гердера к Глейму от 28 сент. 1795 г. (С, I, 195) сказано: «Прошлым летом я, между прочим, скопировал книгу церковных песен, а кроме того, должен теперь заняться катехизисом, который также скоро будет готов».

¹ Эти два предисловия напечатаны с некоторыми пропусками, а первое из них, кроме того, с некоторыми тенденциозными изменениями в SW в отделе теол. (X, 220 и сл. и 226 и сл.). Кроме печатного экземпляра Глюзинговой книги церковных песен, изданной в 1778 г., у меня находится в руках другой экземпляр 1790 г.; в нем предисловие помечено 18 ноября 1784 г. Касательно нового издания см. письмо Гердера к Гаману от 20 марта 1778 г. (Соч. Гамана. V, 283).

ковных песен и на все священные предметы». Ссылаясь на слова Лютера, он вступался «за простодушный дедовский способ выражения» тех старинных песен, которые с ранней его молодости были у него на языке и в сердце; он называл счастливой ту страну, которой оставляют без изменений ее старинные богослужебные обряды и церковные песни и в которой не мучат прихожан, каждый день или только по воскресеньям, введением различных улучшений. В предисловии к новому изданию говорилось то же, что Гердер писал на ту же тему молодому Георгу Мюллеру еще в 1780 г.¹ В то время его влечение к народным песням и его отвращение к бесцветной искусственной поэзии сливались в одно целое с его привязанностью к благочестию предков и с его ненавистью ко всему, что вносилось в теологию современными представителями просвещения.

Впрочем, уже в то время он не заходил в своем пристрастии к старинным песням так далеко, чтобы вступаться даже за плохие песни, только потому что они стары. Напротив того, вновь изданные от его имени обе книги веймарских церковных песен были для него постоянным источником неприятностей. В них обеих было так много плохих песен и так мало хороших, что щедрые обещания, которыми были наполнены предисловия Гердера, оказывались нелепыми. Из сборника тысячи с лишком песен можно было выбрать так мало годных для употребления, что Гердеру пришлось ограничиться на весь год (за исключением праздничных дней) только пятью или шестью песнями, которые имели такое общее содержание, что лишь редко подходили к содержанию церковных проповедей. На это Гердер жаловался 23 октября 1787 г. в своей мемории касательно пересмотра литургии и требника. В связи с этим предметом он снова затронул вопрос о составлении новой книги церковных песен, а для ее постепенного введения в употребление он находил очень благоприятным то обстоятельство, что придворный приход был незадолго перед тем соединен с гарнизонным. Новая книга церковных песен должна была, по мнению Гердера, иметь неувядаемые достоинства и относительно языка, и относительно пения, и относительно нравоучений. Чтобы достигнуть этой цели, он считал необходимым сохранить без изменений старинные внушительные церковные песни — эти почтенные памятники Реформации, исключив из них только такие выражения, которые уже сделались не для всех понятными. Песни, принадлежавшие по своему до-

¹ Aus dem Herderschen Hause. С. 40 и сл.

стоинству к среднему разряду, следовало сократить — потому что пусть лучше песнь будет коротка, лишь бы она была хороша, а оставляя в ней несколько плохих стихов, можно бы было всю ее испортить; сверх того, для употребления в церквах не годятся слишком длинные песни. Наконец, что касается совершенно плохих песен, то Гердер полагал что их следовало заменить такими тщательно выбранными новыми песнями, которых могли бы не стыдиться их соседки — старинные песни Лютера и Гергардта.

Все это, конечно, были очень основательные мнения, не имевшие ничего общего ни с желанием нововводителей ослабить выразительность старинного поэтического языка, ни с тем слепым благочестием любителей старины, которое дорожило безразлично как хорошими, так и плохими произведениями старинной поэзии. Это были мнения человека, ясно понимавшего практические нужды церкви, одинаково хорошо знакомого и с поэтической, и с религиозной стороной вопроса и способного, ничем не стесняясь, взвесить требования той и другой. Конечно, нельзя было найти человека, более способного взяться за предположенную реформу, чем Гердер, так глубоко сочувствовавший складу древних верований, древнего языка и поэзии и в то же время стоявший на высоте стремлений новейшей литературы к обновлению. Наконец настало время, когда он мог серьезнее прежнего взяться за это дело. В конце 1792 г., когда осталось немного экземпляров от последнего издания гоффмановской книги церковных песен, он снова обратился к высшей консистории с предложением заняться улучшением и исправлением этой книги¹. В своей мемории, подписанной 3 апреля 1793 г., он придерживался своих прежних основных правил касательно сокращений и изменений, но позаботился о более осмотрительном практическом их применении. «Что касается лично меня, — заявлял он, — то я враг всяких причудливых перемен». Поэтому он предполагал делать в сочиненных после Лютера церковных песнях самые небольшие перемены и по возможности самым незаметным образом, пропускать целые стихи лишь в редких случаях, наконец при исключении плохих песен руководствоваться не только их абсолютным, но и относительным значением, потому что в книге

¹ Сначала он обратился в консисторию с устным предложением; консистория одобрила его мысль и с начала 1793 г. ходил между членами консистории по рукам экземпляр гоффмановского издания с вложенными в него листами чистой бумаги; на этих листах члены консистории поочередно писали свои замечания.

церковных песен простолюдин с детства привык находить утешение и назидание, и ради его она не должна подвергаться большим сокращениям — иначе, говорил Гердер, даже было бы не легко вводить новую книгу церковных песен в употребление. Поэтому он не только обращался к членам консистории за указаниями насчет того, какие церковные песни должны оставаться в употреблении, но кроме того справлялся у городских и сельских пасторов, какие самые любимые церковные песни в их приходах¹. Но так как ему приходилось принимать во внимание множество разнообразных советов и посторонних соображений, то он не мог твердо придерживаться своей основной мысли и не мог быть вполне доволен своей работой. В одном из своих писем к Г. Мюллеру² он говорил: «Я был очень стеснен при составлении новой книги церковных песен; поэтому ее не следует считать за мою работу». Ему пришлось утешать себя мыслью, что только этим способом он мог достигнуть своей цели и что наконец настанет время, когда ничто не помешает ему составить новую книгу церковных песен вполне согласно с задуманным им планом³. Только в одном пункте он не стеснялся никакими посторонними соображениями — в том, что касалось прибавки новых песен и молитв. В этом отношении он отстаивал свое право самостоятельного выбора, ссылаясь на возложенное на него герцогским рескриптом от 27 февраля 1788 г. поручение вводить постепенные улучшения в литургии. При этом он не наталкивался ни на какие препятствия. После того как его предположения были одобрены всеми членами консистории, на него было возложено 27 мая 1794 г. составление новой книги церковных песен «согласно с содержанием его мемории», а 6 ноября 1795 г. он уже представил герцогу новую книгу. Он поступил очень благоразумно, поместив в первой части содержание старой книги, сокращенное до 358 церковных песен, а во второй части — дополнительные новые песни в числе 236 вместе с тщательно составленными новыми молитвами. В предисловии он объяснял такой прием своим желанием удовлетворить обе партии — и ту, которая

¹ Сравн.: Воспоминания. III, 26; доклад герцогу от 6 нояб. 1795 г.

² 26 июня 1797 г.; эти слова пропущены у Гельцера (с. 261).

³ Каролина к Г. Мюллеру 5 мая 1797 г. (*Гельцер*. С. 260): «Моему мужу, может быть, когда-нибудь удастся ввести для невидимой духовной общины в употребление такую книгу церковных песен, которая будет вполне соответствовать его убеждениям и, конечно, также Вашим. Некоторые очень хорошие песни, известные под названием мистических, не могли войти в состав этой ортодоксальной книги церковных песен»; сравн.: Воспоминания. III, 26, 27.

желала сохранить старые церковные песни в их прежнем виде, и ту, которая желала, чтобы новый сборник был составлен из песен, написанных новым немецким языком и согласных с новым складом немецкого ума. Однако, по всему видно, что издатель был более доволен второй частью своего сборника, чем первой. Он, конечно, не отказался от своего прежнего мнения о тех нововводителях, которые стараются ослаблять энергические выражения старинных песен, но не с этими нововводителями он вступает теперь в полемику. Он жалуется на то, что пришлось отложить до другого времени вычеркивание плохих стихов. Он откровенно указывает на разные неизящные и бессмысленные выражения в тех песнях, которые не были исключены из нового сборника. Он убеждает наставников объяснять читателям все встречающиеся в тех песнях грубые и пошлые выражения, все преувеличения, не согласные ни с Библией, ни с христианским учением, а для богослужения выбирать только хорошие старые песни или же довольствоваться новыми, для того чтобы прихожане, говорит он, не вовлекались в публичную ложь, выражая такие чувства, которых у них нет и быть не должно. Наконец, он горячо вступает за новые песни, вошедшие в состав второй части сборника. Он говорит, что хотя старые церковные песни и написаны более энергичным языком, но зато новые имеют более определенное и более ясное содержание и в особенности более согласны с условиями нашей жизни, с нашей манерой выражаться, с содержанием наших церковных проповедей и объяснений катехизиса. Самый выбор песен сделан с безукоризненным беспристрастием: кроме нескольких коротеньких церковных песен, написанных старыми немецкими поэтами, появляются рядом с песнями Лафатера и Неандера песни Шпальдинга и Теллера; во всем заметно решительное преобладание благоразумного благочестия XVIII столетия, той поэзии последователей Геллерта, которая старалась действовать на человеческое сердце своими общепонятными поучениями; кроме того, Гердер включил в свой сборник много песен Мюнтера, Крамера, Шлегеля и Эшенбурга. Издатель благоразумно воздержался от помещения своих собственных христианских песен и гимнов; он только дозволил себе сделать перемены в нескольких чужих песнях¹. Но при введении нового сборника в употребление он действовал так же осмотрительно, как и при его составлении, — он сообразовался с требо-

¹ Сравн.: *Schauer I. K. Verzeichniss der Liederdichter des Weimarischen Gesangbuchs als Anhang und Ergänzung desselben. Йена, 1851.*

ваниями времени и с нуждами прихожан. Новая книга церковных песен проникла почти повсюду и даже в наше время послужила основой для еще более существенных нововведений.

С такой же целью вводить реформы не из страсти к нововведениям, а из желания улучшений и с такой же просвещенной заботливостью о пользах церкви Гердер приступил через два года после того к новым преобразованиям, о которых заводил речь еще в 1787 г. в своей мемории касательно перемен в богослужебных обрядах. Так медленно приступал он к задуманным реформам, но так настойчиво преследовал свои цели! Уже в то время он указывал на необходимость отменить обыкновение, по которому ежегодно читаются в церквах все одни и те же евангельские тексты. Он доказывал, что эти тексты перешли в протестантскую литургию из латинских проповедей, произносимых в католических церквах, и, бесспорно, ко вреду протестантского богослужения, потому что некоторые из них так бедны содержанием, что едва ли могут служить более двух или трех раз текстами для сколько-нибудь толковых проповедей; а по поводу так часто рассказываемых в них чудес разве можно каждый раз излагать в проповеди какую-нибудь новую, достойную внимания мысль? Все это неизбежно приводит к тому, что поучения пастора надоедают слушателям. Поэтому Гердер полагал, что по примеру многих протестантских стран следует предоставить пасторам право выбирать для их проповедей библейские тексты по их собственному усмотрению. Этот вопрос уже неоднократно обсуждался в консистории; он наконец был разрешен согласно с гердеровской меморией от 4 мая 1798 г., содержание которой было одобрено консисторией во всех подробностях. Эта мемория написана сначала до конца в духе христианской и протестантской свободы и, сверх того, доказывает умение ее автора благоразумно взвешивать удобства практического применения. В наше время, говорит Гердер, когда умственная деятельность так сильно возбуждена, духовенству следует напомнить, что теперь уже нельзя читать по книге все одни и те же проповеди. Он снова указывает на католическое происхождение тех евангельских текстов, сделавшихся чем-то вроде заборов в широком саду Священного Писания; он говорит, что вследствие установившихся порядков некоторые общины поставлены почти в такое же положение, в каком находились под папским владычеством, потому что им остается неизвестной самая обширная и, может быть, самая назидательная часть Библии. Стало быть, следует расширить кругозор церковных проповедников, следует допустить самое

всестороннее пользование Священным Писанием, для того чтобы можно было знакомить прихожан с лучшими отрывками из священных книг! Только в одном пункте новая мемория отличается от той, которая была написана двенадцатью годами раньше. Уже в то время Гердер не считал нужным отменять чтение старых евангельских текстов, потому что — как он теперь замечает — они служат для поселян чем-то «вроде домашнего календаря»; он полагал, что эти тексты следовало читать по-прежнему, но не следовало требовать от пасторов проповедей на ту же тему; он говорит, что пасторам должно быть предоставлено право произносить проповеди по их усмотрению или на евангельский текст, или на какой-нибудь другой, ими самими выбранный. Но против этого стали возражать, что церковные проповедники, пожалуй, стали бы руководствоваться при этом выборе своими личными соображениями. Гердер ясно сознавал и основательность этого возражения, и неудобства свободного выбора. Поэтому он стал теперь требовать — с благоразумной предусмотрительностью педагога, — чтобы по меньшей мере сначала было предписано пасторам произносить их проповеди попеременно то на заранее указанные начальством тексты, то на старые. В этих видах он составил на 1799 г. список библейских текстов на воскресные и праздничные дни и после того, как его предложение было одобрено герцогом, разослал этот список 7 августа 1798 г. пасторам при циркуляре, в котором предписывал принять его в руководство. Тексты он выбрал равномерно из Старого Завета и из Нового. Относительно разносторонности они не оставляют желать ничего лучшего. Они должны служить поводом для самых разнообразных поучений и потому частью заимствованы даже из апокрифических Евангелий, из книги Иисуса Сираха, из книги Премудрости и из книги Товии. После того как это распоряжение было хорошо принято и слушателями, и большинством церковных проповедников, Гердер составил 26 сентября 1799 г. на следующий год новый список, в который снова включил немало текстов из книги Премудрости и из книги Иисуса Сираха. Наконец, на следующий год он сделал еще шаг вперед. В списке, составленном 25 сентября 1800 г., он поместил между отрывками из Библии девятнадцать церковных песен в качестве «практических комментариев на Евангелие». Он всегда был того мнения, что «хорошие церковные песни служат пособиями для проповедников». И теперь он мотивировал это нововведение частью тем же соображением, частью трогательным тоном церковных песен, частью необходимостью мало-помалу приучать слушателей, по-

средством назидательных объяснений, к тем церковным песням, которые, быть может, еще не совсем для них понятны, потому что недавно включены в сборник. Таким образом, составилась очень обширный и разнообразный список текстов для проповедей. Согласно с первоначальным предложением Гердера, списки были составлены на три года и должны были поочередно снова вступать в силу на новое трехлетие — как это и было на самом деле с 1802 по 1804 г.¹

К этим нововведениям Гердер приступил вскоре после окончания «Христианских сочинений», а появление нового катехизиса совпадает с выходом в свет пятого сборника тех сочинений². Новый катехизис был готов вчерне еще летом 1795 г., но эта работа долго оставалась неоконченной, главным образом потому что автор был обременен другими занятиями. Мюллеру, с нетерпением ожидавшему нового катехизиса, Гердер писал 6 января 1797 г., что лишь только окончит письма о гуманизме, немедленно примется за эту работу. Действительно, он занимался летом 1797 г. составлением нового катехизиса в одно время с двумя последними сборниками «Христианских сочинений». Он писал 25 августа Глейму, с которым виделся незадолго перед тем: «Я снова принялся за работу и занят теперь составлением катехизиса». Рукопись уже была готова для печати 1 сентября, как это видно из письма Каролины к Г. Мюллеру³; она печаталась в конце года в одно время со статьей «О Духе христианства» и новая книга уже могла быть разослана в начале 1798 г.⁴ Что так давно

¹ Мемория, подписанная Гердером 4 мая 1798 г., напечатана в «Воспоминаниях» (III, 66 и сл.); там же (с. 72 и сл.) напечатан циркуляр высшей консистории от 7 августа 1798 г. В промежутки между этой меморией и этим циркуляром было представлено герцогу донесение консистории от 15 мая и был издан герцогский рескрипт от 5 июня. Оба этих документа находятся в моих руках; кроме этого, в моих руках находятся три списка текстов. Письмо, при котором Гердер представил 26 сентября 1800 г. третий список, напечатано в «Воспоминаниях» (III, 71), но с пропуском вступительной фразы. Ради примера считаю не лишним указать, что в списке на 1799 г. были предписаны, между прочим, следующие тексты для проповедей: на 1-ю неделю поста — псалом 118, 14—25; на первый день Рождества Христова — Евангелие св. Иоанна I, 1—14, на второй день — 2-е послание к Коринфянам 8, 7—9.

² *Luthers Katechismus, mit einer katechetischen Erklärung zum Gebrauch der Schulen, von Johann Gottfried Herder, Generalsuperintendent des Herzogthums Weimar. Mit Fürstlich. Sächs. gnädigstem Privilegio. Weimar im Verlag bei Conr. Jac. Leonh. Glüsing, privilegirtem. Hofbuchhändler 158 стр. in 8⁰⁰.* Он не помещен в SW.

³ От 2 сент. (*Гельцер*. С. 264).

⁴ Каролина к Глейму 24 нояб. 1797 г.; к Г. Мюллеру 8 янв. 1798 г. (*Гельцер*. С. 266, 267); Гердер к Глейму от того же числа.

предпринятая работа так долго оставалась неоконченной, объясняется, между прочим, и тем, что автор рассылал отрывки своей рукописи членам консистории с целью воспользоваться их замечаниями¹.

В своих письмах Гердер сам нередко ставил свой катехизис наряду со своими «Христианскими сочинениями»²; и действительно эти два произведения служили дополнениями одно для другого. Катехизис излагает содержание тех сочинений в более сжатой и более общепонятной форме, но в сущности придерживается их точки зрения. С первого взгляда, конечно, могло бы показаться, что в книге, назначенной для школ, яснее видна рука пастора, чем в «Христианских сочинениях». Ведь Гердер писал Бёттигеру: «В каком мы находимся жалком и стесненном положении, оттого что до сих пор должны сообразовываться с установленными формами! А между тем мне приходится составлять катехизис, постоянно имея в виду требования пользы и приличия, предъявляемые нашим временем и нашим положением». Однако то, что имело внешний вид приспособления к установленным внешним формам, было вполне согласно с воззрениями автора на христианское учение; а необходимость не терять из виду требований «пользы и приличия» была для него не столько стеснением, сколько практической христианской обязанностью, совместимой с самой искренней правдивостью, — была его собственной душевной потребностью. Само собой разумеется, что при составлении его катехизиса у него было постоянно на уме учение Лютера. Он пересмотрел от двадцати до тридцати новейших катехизисов, однако, как он сам писал Г. Мюллеру, не нашел возможности придерживаться хоть одного из них и руководствовался учением Лютера. «Лютер был великий и хороший человек, — писал он Глейму, — а его катехизис лучше катехизиса Рохова»³. Однако, как ни сходилась его гуманное воззрение на христианство с мнениями просвещенных людей его времени и филантропов, оно отделялось от этих мнений одной тонкой чертой — спо-

¹ Циркуляр, при котором он рассылал свою рукопись, помещен отрывками в «Воспоминаниях» (III, 64 и сл.). Из его письма к Жан-Полу (А, I, 285, 286) видно, что он обращался к своим коллегам с запросами весной; поэтому Дюнцер основательно полагает, что это письмо было написано в июне. После того как члены консистории высказали свои замечания, Гердер обращался за советами и к Бёттигеру; см. № 58 писем к Бёттигеру (*Боксбергер*. С. 42).

² Якоби к Гердеру 22 нояб. 1798 г. и Гердер к Якоби 10 дек. 1798 г. (Избр. переписка. II, 262, 267).

³ К Г. Мюллеру 10 июля 1795 г. (*Гельцер*. С. 254, 255); к Глейму 8 янв. 1798 г. (С, I, 237).

способностью понимать связь прошедшего с настоящим и разделять всякое искреннее религиозное чувство, хотя бы оно было выражено в отжившей старинной форме. Глейм выразил надежду, что гердеровский катехизис будет введен в употребление в Пруссии, но Гердер отнял у него эту надежду. «Ваши пасторы этого не допустят от избытка просвещения; они стригут шерсть не с овец, а хотят стричь ее с голых камней»¹, — писал он Глейму. С другой стороны, несмотря на свое несочувствие к вульгарному просвещению и несмотря на свое желание придерживаться старины, Гердер доискивается в своем катехизисе «сущности дела», а эта сущность заключается, по его мнению, в том же духе христианства, о котором он подробнее говорил в своих «Христианских сочинениях», — т. е. в «религии Иисуса», которую он в тех сочинениях противопоставлял «вере в Иисуса» и очищал от всяких догматов. Все содержание его катехизиса сводится к превращению верований в нравственные понятия. Поэтому всякий раз как он находит какое-нибудь учение церкви недоступными для народного понимания или бесполезным для развития народной нравственности, он обходит это учение молчанием. Он оставляет без всяких объяснений только то, что отзывается мистицизмом или принадлежит к разряду догматов. Касательно рождения Святой Девы, воскресения Христа и его вознесения Гердер только цитирует слова Библии, а о сошествии в ад вовсе не упоминает. Говоря о чудесах Иисуса, он ограничивается замечанием, что «все они были благотворны». Он с удовольствием останавливается на учении Иисуса и в особенности на его притчах. О Царстве Божьем, наступление которого возвещал Христос, в катехизисе говорится только то, что уже было ранее сказано в «Христианских сочинениях». И в катехизисе Гердер смотрит на искупление и на очищение от грехов как на призывание людей к исполнению их долга по отношению к Отцу Небесному; он отвечает отрицанием на вопрос, действительно ли кровь Искупителя имела такую силу, что могла спасти людей от грехов, от смерти и от власти дьявола. Святой Дух, по мнению автора, есть не что иное, как дух Божий, влияющий на нас через посредство нашей совести, а касательно будущей жизни в катехизисе сказано, что непорочный человек уносит в вечную жизнь тот рай, который находится в его душе; злой человек, напротив того, уносит в своей душе ад. С такой же этической точки зрения объясняет автор молитву «Отче наш» и значение таинств. Иными словами, он придает содержа-

¹ К Глейму 16 марта 1798 г. (С, I, 238).

нию катехизиса не отвлеченный, а чисто практический нравственный смысл, согласно с тем, что говорил в своем циркуляре к членам консистории¹. Катехизис заключается несколькими общими «житейскими правилами», основанными на том положении, что «человек должен руководствоваться в своей жизни рассудком и справедливостью»; его начало состоит из подробных объяснений заповедей, а его середина из христианских нравоучений, причем все догматические понятия обходятся молчанием. На деле оказывается, что самое популярное из христианских сочинений Гердера менее всех других находится в противоречии со старинным учением церкви. Все приспособления к требованиям нового времени заключаются только в том, что в сомнительных пунктах автор ничего не говорит от себя, а только приводит слова Библии. Он воздерживается от тех резких еретических суждений, которые встречаются в некоторых из его сочинений, а с другой стороны, не прибегает ни к каким искусственным способам, чтобы согласовать свои собственные воззрения с церковным учением. Напротив того, он постоянно высказывает свои убеждения с такой ясностью, которая не дает ни малейшего повода для двусмысленных толкований. Кто пожелал бы познакомиться с воззрениями Гердера на сущность христианства, с откровенным выражением его религиозно-нравственных убеждений, неприкрытых увлечениями его поэтической природы, тот найдет все, что ему нужно, в вопросах и в ответах рассматриваемого нами катехизиса. Здесь читатель уже не найдет ни учености, ни искусственных литературных приемов, ни колебаний из одной стороны в другую, — то христианское учение, которое, по мнению Гердера, следовало проповедовать простому народу, было искренним рационализмом с сильной примесью глубокой чувствительности и идеалистических упований.

И педагогическая точка зрения, которой автор руководствовался при составлении своего катехизиса, находится в тесной связи с теологической. В своем объяснении, как следует преподавать этот катехизис, Гердер говорит: «Учение Иисуса удобопонятно; его следует применять на практике, и оно должно делать людей счастливыми; поэтому в него следует вникать с рассудком и с любовью». Цель Гердера и заключается именно в том, чтобы это учение сделалось для всякого понятным и чтобы оно проникло в сердца юношества. Таковую же цель, говорит он, имел в виду и

¹ Выдержки из этого циркуляра напечатаны в «Воспоминаниях» (III, 64 и сл.).

Лютер при составлении своего катехизиса, но теперь уже нельзя обойтись без объяснения заключающихся в том катехизисе поучений, потому что они выражены языком в настоящее время уже не для всякого понятным. Гердер решительно протестует против бессмысленного обыкновения заучивать на память лютеровские объяснения главных пунктов христианского учения. Он говорит, что «вред, который причиняет юношеству такое заучивание на память, нередко продолжается в течение всей жизни». Именно по этой причине он требует, чтобы память детей не обременяли заучиванием каких-либо изречений и в особенности догматов. С этой целью он излагает свой катехизис в форме вопросов и ответов, которые должны быть приняты в руководство при объяснении катехизиса в школах. Ведь объяснение катехизиса, говорит Гердер, есть не что иное, как «полное живого интереса упражнение»; если же катехизис хорошо составлен, то в нем есть «жизнь и движение, так что наставник может научиться из него самостоятельным объяснениям, а ученик будет охотно задавать ему вопросы и выслушивать ответы». Однако едва ли можно безусловно с этим согласиться, потому что хотя вопросы и ответы Гердера изложены легким, удобопонятным языком, но их никак нельзя назвать образцовыми. В качестве катехета Гердер, по-видимому, должен был бороться с теми же затруднениями, какие встречал на своем пути в качестве драматического писателя. Ему было нелегко ограничиваться ролью такого руководителя, который лишь старается возбуждать умы юношей к самостоятельной деятельности: он по своей натуре был скорее церковным проповедником, чем наставником юношества. Поставленные им в катехизисе вопросы едва ли могут наводить учащихся на самостоятельные размышления, потому что нередко заранее вкладывают в их уста надлежащий ответ. А когда Гердер задает такие вопросы: «Есть ли удачный брак большое счастье в жизни?» или: «Дары Духа Божия бывают ли различны у различных людей?», — то один и тот же ответ становится как бы обязательным, и от упражнений этого рода едва ли можно ожидать какой-нибудь пользы. Тем более достоин внимания тот факт, что даже в своих «Христианских сочинениях» автор прибегает к тем же приемам, какие считал необходимыми при изложении катехизиса. С одной стороны, содержание тех сочинений иногда переходило в содержание катехизиса, а с другой стороны, популярная форма объяснений катехизиса иногда переносилась в изложение тех сочинений. Так, в статье о синоптиках немало места занимают исследования о происхождении Евангелий, изложенные в

форме вопросов и ответов; в той же статье объяснения значения предсказаний и чудес изложены в форме диалога; и «Правила согласования наших Евангелий», составляющие дополнение к статье о св. Иоанне, похожи по своей диалогической форме на объяснения катехизиса¹.

Наконец, до нас дошли указания и на то, каким образом автор «Христианских сочинений» и катехизиса применял свои убеждения на практике. Гердеру пришлось подтверждать 20 марта 1799 г. наследного принца, а 15 апреля 1802 г. принцессу Каролину Луизу. До нас дошли изложенные им самим устные беседы, которые в обоих случаях заменили для детей герцога обязанность произносить перед Причастием выученный на память символ веры. Из этих интересных документов² видно, каким образом Гердер заставил принца и принцессу повторить в свободной разговорной форме то, чему их учил. Даже стоя перед алтарем, даже в самых торжественных случаях и при исполнении таких обязанностей, с которыми соединялась самая тяжелая ответственность, он ни на шаг не отступал от своих либеральных религиозных воззрений; он высказывал эти воззрения с полной добросовестностью, не стараясь прикрывать их двусмысленными выражениями. Именно перед конфирмацией наследного принца он задавал вопросы — например, о сущности и деятельности божества, о его отношениях к вселенной, о нравственной цели мироздания, — входящие в сферу тех философских воззрений, которые уже были им изложены в «Идеях» и в «Диалогах о Спинозе». Гердер не считал такие воззрения за контрабанду; он полагал, что катехизис герцогских детей должен отличаться от катехизиса простолюдинов более возвышенными идеями, и не он был тот, кто побоялся публично изложить эти идеи, когда городское население пожелало видеть в печати содержание конфирмационного экзамена. Это желание было вполне естественно, потому что ответы наследного принца, воспитывавшегося по указаниям Гердера³, заключали в себе обещание добросовестно исполнять

¹ Христианские сочинения. II, 170 и сл.; 236 и сл.; III, 303 и сл.

² «Конфирмация Карла Фридриха, наследного принца саксен-веймарского и эйзенахского» (Веймар, 1799 in 800) напечатана в SW в отделе теол. (X, 98 и сл.); там же (с. 171 и сл.) напечатана «Конфирмация принцессы Каролины Луизы».

³ Сравн. письмо герцога к Гердеру от 17 дек. 1797 г. (*Дюнцер*. С. 136 и сл.); кроме того, рассказ и жалобы Каролины в письме к Глейму от 29 авг. 1800 г. (С, I, 279): «Ангел-хранитель принца в лице моего мужа три раза беседовал с герцогиней о воспитании ее сына, откровенно высказывая ей свое мнение...»

его обязанности государя. Гердер впледел в христианские клятвенные обещания будущего наследника престола то, что должно служить лучшими руководящими правилами для всех правителей, — что он будет осмотрителен в суждениях, будет владеть самим собой, будет соблюдать приличия, будет постановлять решения по справедливости, а не по личному расположению, будет ставить правду выше своего личного мнения и лести, и т. д.; это было нечто вроде нового договора между царствующим домом и подданными — нечто вроде *magna charta*, изложенной в патриархальной форме. Поэтому Гердер охотно согласился напечатать содержание конфирмационного экзамена; но когда он обратился за разрешением к Карлу Августу, ему были сделаны некоторые возражения, основанные на политических соображениях. Нельзя сказать, чтобы герцог не вполне сочувствовал содержанию экзамена; напротив того, он неоднократно одобрял его с признательностью. Но его гуманизм не вполне сходился с гердеровским, потому что в нем была некоторая примесь аристократизма. В приписке к своему ответному письму на просьбу Гердера он говорил: «Верования, которые Вы внушили молодому человеку, составляют, по моему мнению, сущность такой религии, которую могут исповедовать высшие образованные сферы общества, но с которой не следует знакомить необразованных простолюдинов, не имеющих достаточно свободного времени, чтобы вникнуть в нее». И по этим соображениям, и с точки зрения чисто государственных интересов, герцог находил возможным разрешить печатание лишь в ограниченном числе экземпляров. Именно в то время Фихте был уволен от должности профессора в Йене. Правительство Карла Августа сочло своим долгом подвергнуть порицанию неосмотрительные выражения Фихте касательно веры в Бога: оно не желало навлечь на самого себя упреки в такой же неосмотрительности. «Недавнее увольнение Фихте, — писал герцог, — заставляет меня опасаться резких нападков со стороны его приверженцев, в случае если бы мы дозволили напечатать какие-либо свободные суждения о религии. Поэтому герцог полагал, что с содержанием конфирмационного экзамена следовало познакомить только некоторых избранных лиц между местными жителями. Вследствие этого было напечатано на счет герцога только 400 экземпляров для города Веймара и для Гердера¹.

¹ Оставшееся ненапечатанным благодарственное письмо Карла Августа от 20 марта и его же письмо от 3 апр. находятся у меня в подлинниках. Сравни письмо Каролины к Кнебелю от 2 апр. 1799 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 324); Гер-

И последний сборник «Разбросанных листков» переносит нас в то время, когда Гердер был занят своими «Христианскими сочинениями» и когда в его уме преобладало влечение к теологии. Этот сборник предполагалось издать немедленно вслед за пятым и этим закончить «Разбросанные листки». Такое намерение Гердер высказал в предисловии к пятому сборнику и стал готовиться к предполагаемой работе немедленно вслед за окончанием статьи «О даре языков»¹. Но его намерение оставалось неисполненным в течение четырех лет. Сначала были предназначены для нового сборника стихотворения Бальде, которые должны были составлять самую ценную часть его содержания²; но стихотворения Бальде внушили Гердеру желание написать особую статью под заглавием «Терпсихора», а вслед за тем его сотрудничество в журнале «*Noten*» поглотило весь материал, который иначе мог бы поступить в состав того сборника, — как например «старую статью о Гомере и Оссиане», о которой автор упоминал в то время в письме к Гейне³. Потом у Гердера зародилась новая мысль — он задумал поместить в последнем сборнике письма о старинных немецких прозаиках и таким образом сделать из него нечто вроде дополнения к статье «Воспоминания о некоторых старинных немецких поэтах». Но эти письма остались ненаписанными. Наконец, он задумал собрать в «Разбросанных листках» те отрывки из «Писем о гуманизме», которые были напечатаны в новом немецком ежемесячном журнале⁴. Но и от этого намерения он скоро отказался. Только в одном отношении он был непоколебим — он непременно хотел, чтобы последний сборник, подобно третьему, заключал в себе букет из его собственных стихотворений. Желая опровергнуть ошибочное мнение, будто он был заклятым врагом рифм, он писал 10 октября 1795 г. Шиллеру: «В шестой части „Разбросанных листков“ появятся юношеские стихотворения разного рода; по ним вы будете судить, как я когда-то писал рифмованные стихотворе-

дер к Кнебелю 3 июня 1799 г. (Там же, 280). Гердер послать Эйхгорну содержание конфирмационного экзамена — ein kleines hänsliches δωσίδιον, как он выражался, — в июне 1799 г. (С, II, 313). Опасения герцога касательно Фихте были вызваны, без сомнения, тем, что в одном из своих писем к Фойгту (Жизнь Фихте. 2-е изд. II, 90) Фихте говорил о философском атеизме Гердера; об этом отзыве будет идти речь далее, в главе 5.

¹ Разбросанные листки. V, VIII; к Г. Мюллеру 15 июня 1793 г.

² К Глейму 24 марта и 4 апр. 1794 г. (С, I, 171, прим., 170).

³ 13 мая 1795 г. (С, II, 231).

⁴ К Г. Мюллеру 15 окт. 1795 г.

ния»¹. Что он собирал для новой части «Разбросанных листков» преимущественно старинные стихотворения, видно из письма от 15 июля 1793 г., в котором он просил Г. Мюллера списать для помещения в той части легенду «Christenfreude», напечатанную в 1780 г. в «Христианском сборнике» Пфеннингера. За редакцию нового сборника он взялся серьезно лишь после окончания своей статьи о синоптиках по настоянию Глейма, в обществе которого провел в августе 1796 г. три дня в Эйслебене². Это видно из того, что немедленно после возвращения из Эйслебена он занялся сборником³ и продолжал эту работу одновременно со статьей о четвертом Евангелии. Во время печатания сборника пробные листы отсылались на просмотр к Глейму⁴; в конце февраля 1797 г. печатание было окончено, а в марте Гердер уже стал рассылать новую книгу⁵.

Новый сборник имел по своему содержанию некоторое сходство с «Христианскими сочинениями» — был чем-то вроде приложения к этим сочинениям. Хотя он и начинается стихотворениями, хотя его первая книга включает в себе избранные сонеты итальянской поэтессы Фаустины Маратти-Цаппи, переведенные на немецкий язык элегическими двестишиями, а вторая книга — собственные стихотворения Гердера, частью взятые из старого запаса, частью вновь написанные, но уже по этим вновь написанным стихотворениям видно, что автор не ограничивался желанием выказать свои поэтические дарования, а имел в виду более возвышенную цель. Поставленные рядом одни с другими религиозно-философские стихотворения или отрывки вроде «Das Ich» и «Selbst» дают нам возможность заглянуть в самую глубину верований и убеждений Гердера и служат новым доказательством того, что воззрения, заимствованные им от Спинозы, без всякой натяжки совмещались в его уме с его христианскими верованиями и надеждами. В первом отрывке говорится: «Наше „я“ умирает для того, чтобы не нарушалось существование цело-

¹ В биографии Шиллера, написанной Каролиной Вольцоген (с. 285).

² В переписке Глейма с Гердером (№ 163 и 169).

³ Гердер к Глейму 25 авг. (С, I, 213); Каролина к Г. Мюллеру 26 авг. с просьбой списать из «Сборника» Пфеннингера, кроме уже раннее списанных статей Гердера, еще другие, если таковые найдутся.

⁴ Первые три листа были посланы 18 нояб., следующие листы — 26 дек. 1796 г., а 10 февр. 1797 г. листы от К до И (С, I, 218, прим. 3; 220, 222, прим. 4).

⁵ Гердер к своему сыну Августу 24 февр. (А, II, 447); принц Август благодарил за доставку сборника 12 марта; 21 марта сборник (а не статья об Искупителе, как гласит прим. 2) был отправлен к Якоби (А, II, 312); сравн. письмо Кнебеля к Гердеру (С, III, 100).

го»; здесь выражено в стихах то же, что говорилось «об отречении от нашего „я“» в лекции о человеческом бессмертии; мы принадлежим не самим себе, а «великому целому»; наша главная обязанность «позабывать самих себя».

Wenn einst mein Genius die Fackel senkt,
 So bitt'ich ihn vielleicht um Manches, nur
 Nicht um mein Ich...
 Den Göttern weih'ich mich, wie Decius,
 Mit tiefem Dank und unermesslichem
 Vertrauen auf die reich belohnende,
 Vielkeimige, verjüngende Natur.
 Ich hab'ihр wahrlich etwas Kleineres
 Zu geben nicht, als was sie selbst mir gab,
 Und ich von ihr erwarb, mein armes Ich.

(Когда мой гений опустит свой факел, то я, быть может, буду просить его о многом, но никак не о моем «я»... Подобно Децию, я посвящаю себя богам с глубокой признательностью и с беспредельным доверием к щедрой на награды, богатой новыми зародышами жизни и всему возвращающей молодость природе. Я, конечно, не могу принести ей в жертву менее того, что она сама мне дала и что я от нее получил, — могу принести ей в жертву только мое бедное «я».)

Кнебель был прав, когда восхвалял возвышенность такого признания, но он не был прав, когда предполагал, что некоторые выражения и в этом отрывке, и в следующем имеют целью предотвратить клеветнические обвинения¹. Позабывай твое «я», но никогда не утрачивай самосознания — такова основная мысль второго отрывка; разум — эта лучшая принадлежность нашей природы — служит явным доказательством существования «высшего всеобъемлющего сознания»; он заставляет нас желать только того, что божественно, он заставляет нас с любовью посвящать себя ближним и жить с ними одним чувством, и служить речательством за наше бессмертие:

...was an mir stirbt, bin ich nicht selbst!
 Was in mir lebet, mein Lebendigstes,
 Mein Ewges kennet keinen Untergang.

(...то, что во мне умирает, — не я сам! То, что живет во мне, что есть во мне самого живучего и вечного, не знает смерти.)

Этот второй отрывок служит дополнением к первому, а оба они вместе взятые обнимают всю сферу идей, изложенных в диа-

¹ К Гердеру (С, III, 100).

логах о Спинозе; если взвешивать в них не отдельные слова, а выраженные словами убеждения, то они окажутся вполне согласными и с тем парафразом символа веры, который изложен в статье «О религии, догматах и обрядах», и с теми, основанными на словах Библии объяснениями этого символа, которые составляют содержание гердеровского катехизиса.

И прозаические статьи, вошедшие в состав рассматриваемого нами сборника, имеют нравственно-религиозное содержание. Вслед за перепечатанной из «Меркурия» 1782 г. статьей «Hades und Elysium», получившей теперь лишь новое заглавие, помещены статьи «Палингенезия», «О знании и незнании будущего» и «О знании, предчувствиях, желаниях, надеждах и верованиях». Это — как сказано в предисловии — «дальнейшее развитие идей одного усопшего, с которым я намереваюсь часто беседовать», — того самого усопшего, с мнениями которого он все ближе сходил в «Христианских сочинениях». В ранее изданных сборниках своих статей Гердер высказывал сочувствие к мнениям этого усопшего, когда вел речь об эпитафье, о басне и об изображении смерти; а теперь стал беседовать с ним о практически-теологических и религиозно-нравственных вопросах. Ведь Лессинг еще не переставал жить в издании оставшихся после его смерти бумаг и полного собрания его сочинений и в его биографии, написанной его братом Карлом. Это были для Гердера неистощимые источники новых идей. В «Письмах о гуманизме» он далее развивал идеи Лессинга; в «Христианских сочинениях» он шел по стопам Лессинга, излагая результаты своих критико-исторических исследований и свои воззрения на христианство. То же самое делал он и в последнем сборнике «Разбросанных листов». Уже по заимствованной от Лессинга форме параграфов статьи о «Палингенезии», и «О знании и незнании будущности» представляют бросающееся в глаза сходство с «Христианскими сочинениями».

Изданная в 1795 г., вторая часть биографии Лессинга вместе с остальными найденными после его смерти литературными произведениями, по-видимому, снова навела Гердера на размышления о «воспитании человеческого рода» и заставила его вновь заняться старой темой о переселении душ, на которую он когда-то писал статьи для «Меркурия»¹. В статьях, о которых здесь идет

¹ Предположение, будто те три статьи, о которых здесь идет речь, были написаны вскоре после диалогов о переселении душ (Дюнцер в SWH. XV, 379, прим.) опровергается положительными ссылками на вторую часть биографии Лессинга, на «Сакунталу» и т. д.

речь, в сущности нет новых идей; в них повторяются только старые идеи; но они изложены иначе, чем в диалогах о переселении душ и в соответствующих частях «Идей». Прежде Гердер вступал в полемику с Шлоссером, а теперь он ведет полемику только против Лессинга. Лессинг считал за опору своей гипотезы то, что метемпсихоза была «древнейшей из всех философских систем». В опровержение этого мнения статья о «Палингенезии» доказывает, что учение о переселении душ было не столько умозрением или системой, сколько народным верованием — таким мнением, которое лишь впоследствии было изложено в форме системы. Здесь снова обнаруживается то преимущество Гердера перед Лессингом, что он был одарен более глубокой психологической прозорливостью и более ясным пониманием законов исторического развития. Он не следует примеру Лессинга — не выводит происхождение того учения единственно из «здорового человеческого рассудка», а говорит, что эта «иллюзия» была натуральным продуктом чувственной восприимчивости и поэтического склада ума древнейших народов. Только вслед за этим он переходит к объективным доводам для опровержения Лессинговой гипотезы. Он доказывает безнравственность этой гипотезы как основанной на принципе возмездия и превращает ее в практическое требование, чтобы мы сами себя исправляли еще в здешней жизни. Он обходит главный аргумент Лессинга, что путь, которым совершается развитие всего человеческого рода, должен совпадать с тем путем, которым совершается развитие отдельных личностей; но он обходит этот аргумент в сущности только потому, что, по его мнению, совершенствование зависит не столько от умственного развития, сколько от нравственного. «В нашей жизни, — говорит он, — преобладает влияние характера», а характер может совершенствоваться на всякой ступени умственного развития. «В нашем роде должно произойти большое перерождение, для того чтобы наше царство силы и благоразумия сделалось также царством справедливости и добра». Заменяв просвещение гуманностью, а возрождение внутренним перерождением, он снова старается согласовать свои мнения с мнениями Лессинга, когда говорит, что Лессинг излагал только мечту, в основе которой лежит важное и основательное верование.

Текстом для следующей статьи служат найденные в оставшихся после смерти Лессинга бумагах следующие слова: «людей следует удерживать от желания узнать, что их ожидает в будущей жизни, точно так же как им не советуют доискиваться, в чем заключается их судьба в здешней жизни». Гердер исправляет

мнение Лессинга, вставляя его в более узкие рамки. Только внушенное любопытством желание заранее узнать наше окончательное назначение можно назвать ребяческим и вредным. Но нельзя так называть всякое предвидение будущего, нельзя так называть то предвидение, которое является результатом нашего знакомства с естественными последствиями тех или других явлений. «Было бы безрассудно заботиться о том, чего мы не в состоянии знать; но было бы малодушием и ошибкой не заботиться о том, что нам необходимо знать касательно нашей будущности и что нам вовсе нетрудно узнать из сравнения настоящего с прошедшим». Как отдельный человек, так и целое общество может делать соображения касательно будущего на основании законов Немезиды, а соображения этого рода даже могут быть возведены в настоящую научную систему. Вслед за этим автор применяет свои основные положения к нашему посмертному назначению. Повторяя то же, что писал Лафатеру с лишком за двадцать лет перед тем, он говорит, что в нашей будущности есть одна часть, о которой никто не должен себя тревожить, что было бы и безрассудно и бесполезно заниматься вопросами, каково будет наше физическое положение в той жизни, каким образом наша душа снова будет жить в другом мире. Напротив того, человечеству необходима вера в продолжение нашей жизни за гробом — вера, основанная на признании влияния нравственных сил; она необходима по нравственным мотивам, для того чтобы человечество не утратило сознания своего достоинства. Даже выходки французских революционеров, отличающиеся такой необузданностью, которую он сравнивает с яростью волчицы, кажутся ему доказательством необходимости веровать в будущую жизнь — веровать «даже в том случае, если бы такая жизнь не существовала». Он резюмирует свои мнения об этом предмете в следующих словах: «Так как для нас ясно, что мы не способны обозреть лежащую перед нами бесконечную будущность и так как мы понимаем причины этой неспособности, то будем же честно и с полным любви доверием идти вперед и *веровать*».

И веровать! Из этих слов видно, что третья статья, в сущности составляющая лишь примечание к предыдущей, сводится к апологии верований. Из основной мысли об установленной непреложными законами внутренней связи между всем, что существует, эта статья извлекает указание различий между знанием, предчувствиями, желаниями, надеждами и верованиями. Автор признает основательность фантастических мечтаний о будущности несмотря на то, что они заходят за пределы нашего знания.

Даже предчувствия, примеры которых он не всегда удачно приводит из своей собственной жизни, должны, по его мнению, превращаться в нашей деятельности «в более ясные указания». В наших надеждах и желаниях, по его мнению, лишь столько основательности, сколько в них рассудка. Только в этом смысле следует понимать его слова, когда он говорит, что никакое разумное, благородное желание никогда не остается совершенно неисполненным, что есть люди, которые никогда не надеются тщетно. Поэтому с ним, пожалуй, можно согласиться, когда он говорит, что вера есть основа всякого познания, всякого действия и всякого счастья. Он вовсе не придает своим словам какого-либо мистического значения. Он признает за всяким, кто сомневается, право проверки и исследования. Для него вера есть не что иное, как предчувствие будущего, основанное на аналогии с настоящим и с прошедшим и на доверии к разумной внутренней связи между всеми предметами мира как физического, так и духовного.

Последний сборник «Разбросанных листков» заканчивает философское содержание «Христианских сочинений» только что рассмотренными нами статьями, а их поэтическое содержание он заканчивает несколькими стихотворениями, которые автор настраивает на совершенно новый тон. К нескольким старым стихотворным отрывкам — к стихотворению о христианской «Karuzinertugend» и к неоконченному отрывку «St. Franciscus und die Grille»¹ он присоединил несколько других отрывков в том же роде: под влиянием тех мыслей и чувств, которые расшевелило в нем объяснение нравственного значения христианства, он быстро написал одну вслед за другой несколько легенд². В прежних сборниках «Разбросанных листков» были помещены греческие и восточные рассказы, а в последнем сборнике появились наряду с этими рассказами и христианские, которые и придали всему сборнику своеобразный отпечаток. За десять лет перед тем Гердер начал с эпиграмм антологии и с переделки древних мифологических стихотворений, а теперь он взялся за сюжеты из

¹ Гельцер. С. 84.

² Не подлежит сомнению неосновательность предположения Дюнцера (SWH II, 7), будто многие из этих легенд были написаны гораздо ранее и будто Гердер решился издать их вследствие того, что прочел легенду Лангбейна, напечатанную в шилдеровском «Альманахе муз» на 1797 г. Только касательно трех легенд есть доказательство того, что они были написаны и раньше, а большая их часть была написана в 1796 г. См. примечание Редлиха в SWS (XXVIII, 559 и сл.), указывающее по мере возможности и источники сведений.

христианского мира. Но прежде он выбирал преимущественно то, что отличалось какими-нибудь поэтическими достоинствами, а теперь он обращает главное внимание на поучительность содержания. Он и теперь старается по-прежнему отыскивать в песке «крупинки чистого золота», но теперь он считает за чистое золото христианскую мораль. В противоположность со слепым, тривиальным просвещением, выметающим вместе с песком и золото, он роется в этом песке с самым тонким историческим чутьем и с самым тонким пониманием человеческого сердца, для того чтобы не пропало вместе с песком и золото. Поэтому он решительно восстает против обыкновения наполнять легенды разными суевериями и рассказами об отшельниках, но в то же время старается отыскать в этом обыкновении определенную цель. Он говорит, что легенда — такой сверхъестественный и благочестивый рассказ, который, наряду со светскими рыцарскими рассказами, должен возбуждать влечение к подражанию в богобоязненных людях всех сословий. Сверхъестественность тех рассказов он объясняет складом ума и фантазией людей того времени; путем психологического объяснения их происхождения он отыскивает их естественную подкладку, которая лежит в основе мифологического склада речи как средневековых легенд, так и древних сказаний о героях. Насмешкам над ложной нравственной тенденцией тех легенд он противопоставляет требование, чтобы тот, кто берется объяснять их смысл, мысленно переносился в ту житейскую обстановку, среди которой жили герои баснословных рассказов; он указывает на то, что свойственные христианам добродетели — геройская преданность вере, способность к безусловному повиновению, искреннее благочестие — были в те мрачные времена более устойчивы, чем в наше время, и даже наложили свою печать на художественные произведения Рафаэля и Корреджо. Наконец, он вступает за своеобразный тон легенд, в котором усматривает искренность, лишенную всяких прикрас, простоту и сердечность. Главная задача заключается, по его мнению, в том, чтобы действующие лица из тех легендарных времен выводились на сцену такими, какими желает их видеть наш ум и наше сердце и какими они могут быть понятны для людей нашего времени. Он намеревается писать легенды таким же способом, какого придерживался в своих переводах и стихотворных подражаниях, в объяснениях Библии, в парафразировке христианских верований, в церковных проповедях и в объяснениях Лютерова катехизиса. Он удерживает название легенд, но говорит, что старался придать им сходство с «поучительной идиллией».

Однако, как ни были остроумны суждения Гердера о достоинстве легенд, ему не вполне удалось подражание этому роду поэтических произведений. Он мог бы достигнуть успеха только в том случае, если бы писал свои легенды с таким же простодушным юмором, с каким написана гётевская легенда о св. Петре и подкове. У него слишком сильно преобладает серьезная нравоучительная тенденция, слишком ясно заметно старание «извлекать пользу» из христианских сказаний. С другой стороны, он не мог производить желаемого впечатления, вследствие того что его собственные верования и его собственные понятия о нравственности далеко расходились с верованиями и понятиями тех старинных героев, чьи добродетели он желал выставлять за образец для своих современников. По этим двум причинам его поэзия переходит в прозу, а его изысканная безыскусственность выражений не растрогивает, а разочаровывает читателя. В начале или в конце некоторых легенд автор писал нравоучения или же предпосылал им введение, в котором снова выражал свою главную мысль в стихах, не столько привлекательных, сколько неизящных. Он иногда изменял содержание древних сказаний или придавал им новый смысл, он даже позволял себе излагать в форме легенд такую мораль, которая вовсе не согласна с духом таких поэтических произведений, так как была направлена против монахов и ставила современных отцов церкви наряду с завзятыми еретиками. Именно так он поступил в написанном с целью осмеять инквизицию рассказ о чертике с обожженным большим пальцем. Этот рассказ не помещен в числе легенд «Разбросанных листков», а был только образчиком «забавного жанра», которым автор намеревался заняться в другое время, как он сам писал Глейму. Кроме того, он намеревался написать легенду Шаффаузена¹, а после того как он прочел старинную книгу с легендами, попавшуюся ему в руки в 1801 г. в Баварии, в Штахесриде, он написал несколько стихотворений в том же роде, которые были помещены в «Адрастее»².

Достоинство этих поэтически-нравоучительных экспериментов становится еще более сомнительным, оттого что автор имел, между прочим, в виду полемическую цель. Кёрнер основательно заметил в письме к Шиллеру³, что во всей шестой части «Разбросанных листков» господствует раздражительный тон. Действи-

¹ К Г. Мюллеру 5 мая 1797 г. (*Гельцер*. С. 261).

² См.: *Редлих*. С. 560. Все легенды помещены в SWS (с. 167 и сл.).

³ 17 апр. 1797 г., в переписке Кёрнера с Шиллером (IV, 23 и сл.).

тельно, предпосланная легендам статья оканчивается так: «Пускай же будут они погребены, точно так же как были погребены те, о ком они рассказывают! Быть может, настанет время, когда они с пользой снова появятся на свет. *Quiescant in pace*». Нам уже знаком из предисловия и послесловия народных песен этот тон смирения, смешанного с досадой. Но в то время автор был недоволен распространителями Просвещения, насмехавшимися над его старанием отыскать настоящую первобытную поэзию в шахте натуральной поэзии. А теперь он был недоволен теми, для кого служила предметом высшего почитания поэзия только как поэзия. Издатель народных песен сам теперь сделался распространителем Просвещения, восставая против одностороннего уважения ко всему изящному. Для него служит «руководительницей» не муза поэзии, а та богиня с терновым венком имя которой «Харита» означает терпение, любовь и надежду:

Ach den tausend ungluckselgen Menschen
Und den rohen Herzen, die sie quälen,
Hilft kein Ton der Muse mehr. Sie fodern
Andre Sorgen. — Hoffe keinen Lorbeer.
Nimm hier diesen Zweig und meine Krone.

(Увы, уже никакой голос Музы не доставляет утешения тысячам несчастных людей и их грубым сердцам. Им нужны утешения иного рода. Не ожидай никаких лавров. Возьми эту ветку терновника и мой веночек.)

Должно ли все изящное быть бесполезным и не может ли оно служить для нас источником подкрепления и утешения — автор ставит эти вопросы в предисловии к рассматриваемому нами сборнику, стараясь отразить нападки на легенды; он оканчивает это предисловие также легендой, которая написана с целью наставить на истинный путь и пристыдить тех, кто в тяжелое голодное время хотят смотреть только на розы...

...seht, was ihr wiinschet!
Dem Armen werde jede Rose Brod.

(...посмотрите, чего вы желаете! Ведь для бедняка всякая роза насущный хлеб.)

«Уже в предисловии, — говорит Кёрнер в вышеупомянутом письме, — автор, по-видимому, верит в возможность такого нравственного голода, при котором все розы должны превращаться в насущный хлеб. Но если бы и действительно существовала такая тяжелая нужда, то хлеб автора не мог бы служить подкрепляющей пищей, потому что недостаточно пропечен. Следу-

ет полагать, что автор очень расположен к раздражительности, заставляющей его все видеть в черном цвете, так как его требования остаются неудовлетворенными в сфере самых близких к нему людей».

Высказанное здесь Кёрнером мнение было лишь отголоском мнений той партии, к которой автор легенд относился в течение последних лет все более и более враждебно. Из первых сборников «Разбросанных листков» видно, что Гердер и в своих поэтических, и в своих теологических стремлениях стоял в то время на высоте того умственного движения, которое господствовало из Веймара над всей немецкой литературой, и что он пользовался полным сочувствием со стороны Гёте. А последний сборник доказывает, что то движение разделилось на два потока, из которых один стремился вперед, а другой назад, и что соединенные имена Гердера и Гёте уже не красовались над входом в здание немецкой литературы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗМЕНИВШИЕСЯ ОТНОШЕНИЯ ГЕРДЕРА К СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В том месте «Воспоминаний», где Каролина заводит речь о легендах своего мужа, она упоминает и о том, какие отзывы вызвало в то время в Веймаре понятие Гердера о чудесах. Эти отзывы сводились к тому, что «великие поэты» смотрели на чудеса совершенно иначе, чем Гердер. В особенности Шиллер принимал слово «чудо» в самом нелепом смысле, какой ему придавали католики; он утверждал, что чем более какое-либо происшествие неестественно и чем менее оно имеет общего с настоящими условиями человеческой жизни, тем более оно достойно названия настоящего чуда. Каролина едва ли верно передает смысл всех этих отзывов, но тем яснее видно из ее раздражительного тона, что связь единомыслия между Гердером и самыми близкими к нему людьми была во всех отношениях разорвана. Она говорит, что только «уродливый от природы ум» мог составить себе такое понятие о чуде, какое составил себе Шиллер; она жалуется на то, что благородное понятие Гердера о чудесах, связанное с понятием о духовном царстве, могло вызвать резкие и бессмысленные порицания. «Можно бы было подумать, — продолжает она, — что в то время Гёте и Шиллер были одержимы бесом безрассудства, потому что они были в состоянии высказывать самые безрассудные мнения, для того чтобы скрыть от своих глаз или опровергнуть более привлекательную и более благородную истину»¹.

Итак, не подлежит сомнению, что в жизни Гердера совершился чрезвычайно важный переворот, который мы и должны теперь проследить в его постепенном развитии.

Мы уже ранее видели, что отношения Гердера и Каролины к Гёте были постоянно дружественными вплоть до возвращения

¹ В печатных «Воспоминаниях» (III, 112) пропущено упоминание о «великих поэтах». Сравн. письмо Каролины к Г. Мюллеру от 6 мая 1805 г. (С, III, 337 и сл.).

этого последнего из мариенборнского лагеря. Гёте возвратился оттуда 28 августа 1793 г., т. е. ровно через десять лет после того как недоразумения, возникшие между ним и Гердером в первые годы пребывания этого последнего в Веймаре, были заменены узами дружбы и единомыслия. В «Воспоминаниях»¹ сказано, что Гёте посылал дружеские письма в дом Гердера только до похода в Шампань и прежде чем побывал у Якоби; но это неверно, потому что и те письма, которые Гёте писал в 1793 г., были так же дружественны. Предположение, будто он был восстановлен против Гердера и охладил к этому старому другу во время своего пребывания у Якоби, опровергается письменными документами того времени; это, по-видимому, была хронологическая ошибка, вызванная лишь позднее возникшим соперничеством и недоверием. Еще в то время как Гёте находился в мариенборнском лагере, он передал герцогу первые части «Писем о гуманизме» и радовался тому, что это сочинение было благосклонно принято герцогом. Именно в то время он, под влиянием критических замечаний своего друга, переделывал своего «Рейнеке» и ожидал для своей драмы «Bürgergeneral» такого же одобрения, с каким Гердер ранее того отозвался о его драме «Grosskophta»². Именно в то время единомыслие двух друзей выразилось в их единодушном отвращении к Лафатеру, а написанная во время отсутствия Гёте из Веймара статья «О даре языков» вызвала с его стороны сочувственный отзыв³. Только с конца 1793 г. начинается ясно заметное охлаждение прежних дружеских отношений; Каролина очень определенно указывает на его связь с обнаружившимся в то же время нерасположением герцога к Гердеру и усматривает причину такой перемены в противоположных политических убеждениях. Легкий намек на эту перемену мы находим в письме, в котором Гёте извещал Каролину о приезде Г. Мейера и между прочим писал: «К сожалению, дух времени оказывает вредное влияние на дружбу. Разномыслие о чужих делах делается причиной разномыслия и о том, что нас близко касается...» Этот мотив разрыва между старыми друзьями приобретает в наших глазах еще более важное значение, ввиду того что политические убеждения Гёте согласовались с его личной привязанностью к герцогу — он охладил к Гердеру из неизменной дружеской преданности к своему государю. С другой стороны,

¹ Preussische Jahrbücher. XLIII, 423.

² А, I, 142; касательно «Grosskophta», сравн.: Там же, 131; С, I, 145: *Гельцер*. С. 214; Письма о гуманизме. VIII, 140.

³ А, I, 142; сравн.: *Гельцер*. С. 215; А, I, 144.

оказывается, что политика была не единственной причиной начинавшегося разъединения, что она только прибавила новые мотивы для разлада, обнаружившегося помимо нее. Поэт и автор историко-философских сочинений долго шли одной дорогой; тогда Гердер интересовался исследованиями Гёте по естественной истории, а Гёте сочувствовал философским воззрениям Гердера. Но с тех пор как Гердер стал заниматься не философией истории, а нравственно-политическими вопросами и наконец снова взялся за теологию, Гёте перестал интересоваться его сочинениями, а Гердер со своей стороны уже не мог извлекать для себя пользы из исследований своего друга об оптике и ботанике. Вполне естественно, что Гёте стал все более и более уклоняться от таких дружеских сношений, в которых ему всегда приходилось вести себя с предупредительной услужливостью, потому что изнемогавший под бременем служебных занятий и часто хворавший Гердер не заискивал в нем, а ожидал заискиваний с его стороны. В особенности в течение 1794 г. жалобы Гердера раздавались чаще, чем когда-либо прежде того; они были вызваны и его негодованием на то, что он был обманут, и тем, что все его время поглощал гнет убивающих ум занятий, и тем, что ему сдавили грудь, созданную для того чтобы дышать свободно, — но они были вызваны не в меньшей мере и сознанием, что он лишился друга, беседы которого служили для него, еще за год перед тем, утешением и целительным бальзамом. Не имея подле себя никого, к кому можно бы было относиться с полным доверием, он изливает свою грусть в письмах к друзьям, жившим вне Веймара. На старания Гейне ободрить его он отвечал: «Я часто нахожусь в таком положении, при котором мне крайне необходимы такие выражения сочувствия...»¹ Еще откровеннее были жалобы, с которыми он обращался к Глейму и к И. Г. Мюллеру; мы уже большей частью ранее цитировали их с целью охарактеризовать то душевное настроение, с которым Гердер трудился над «Письмами о гуманизме» и над «Терпсихорой». Если мы еще раз прислушаемся к ним, то найдем самыми трогательными те слова, в которых выражается постоянно усиливающееся сознание одиночества. «В моей душе, — писал Гердер, — я нахожу теперь одиночество, даже могу сказать бесконечное одиночество...» «Я не нахожу почти ни одного человека таким же, каким был прежде! Не нахожу почти ни одной дружеской связи такой же, какой она была прежде!» Глейм писал Гердеру, выражая свое со-

¹ 7 марта 1794 г. (С, II, 225, прим. 2).

жаление об обременявших его чрезмерных служебных занятиях: «Чем объяснить, что духовная особа не может заняться ничем другим, кроме канцелярской работы?» Он неоднократно заводил речь о том, что герцог должен бы был облегчить лежавшее на Гердере бремя, не дожидаясь, чтобы его о том просили. На это отвечает ему Каролина: «Вы высказали такое желание, которое я уже давно таю в глубине моего сердца. Но к кому же обратиться, кому жаловаться? Здесь это никому не понятно — и всего менее нашему бережливому герцогу. Мы можем ожидать помощи только от Бога и от его доброго ангела». В конце того же года она писала своему более молодому другу, жившему в Швейцарии: «Никогда еще я не находила положение моего мужа таким тяжелым, как в настоящем году... одному Богу известно, что он выносит! Также одному Богу известно, зачем он удержал здесь моего мужа против его желания». Его удержал в Веймаре не кто другой, как Гёте, и не кто другой, как Гёте помогал ему своим дружеским обхождением терпеливо выносить неудобства его нового служебного положения. А теперь, на пятом году после возвращения Гердера из Италии, и он, и Каролина пришли к убеждению, что они обманулись в своих ожиданиях. Дружеские сношения с Гёте, служившие противовесом против многочисленных неприятных сторон нового положения, прекратились. Каролина, еще более самого Гердера рассчитывавшая на дружбу Гёте, еще резче его высказывала свое неудовольствие. Теперь она желает только одного — чтобы нашлась возможность сбросить бремя, лежавшее на ее муже, чтобы нашелся какой-нибудь благодетельный ангел или благородный владетельный князь, который доставил бы Гердеру возможность посвящать его время на литературные занятия. А Гердер со своей стороны подтверждает все, что пишет Каролина о его положении, но с грустным смирением присовокупляет: «Об отъезде отсюда нечего и думать. Мне приходится здесь истлеть. Теперь уже поздно»¹.

Однако бывали в промежутках и светлые минуты — например, когда предпринявший путешествие с литературными целями Фосс заехал в начале июня в Веймар. Гердер во многих отношениях сходиллся с мнениями этого писателя, горячо рекомендованного ему Глеймом. Он уважал Фосса за его «безукоризненный, твердый, как утес, характер. Он мог откровенно беседовать с Фоссом о политических делах. Он высоко ценил Фосса

¹ Приведенные в тексте выдержки из писем 1794 г. к Глейму и к Г. Мюллеру можно найти у Гельцера (с. 216, 250, 251) и С, I, 184, 185.

как гомериста и даже попытался — конечно, безуспешно — уладить спор, возникший между Фоссом и Гейне. В то время три веймарские литературные знаменитости собирались у Гёте или у Гердера и слушали, как Фосс вслух читал свои переводы Гомера; при этом Гердер высказывал свои мнения о Гомере и о ветхозаветных патриархах¹. Еще более благотворной для Гердера была его поездка к Глейму, у которого он провел целую неделю. Там он нашел такой отдых для своего сердца, в каком крайне нуждался. Там он был в таком хорошем расположении духа, в каком уже никогда не бывал в Веймаре. «Ведь еще находятся такие люди, — писал он, — которые интересуются тем, что близко меня касается, и которые обращают на меня внимание!.. Здесь как будто настали другие времена!»²

Между тем в Веймар прибыл новый гость. В сентябре Шиллер приехал из Йены и провел в гостях у Гёте две недели. Встреча с ним могла иметь важные последствия для Гердера. Разве этот гость не мог сделаться новым связующим звеном между Гёте и Гердером?

Еще бывши 28-летним молодым человеком, автор «Дон Карлоса» в первый раз приезжал за семь лет перед тем (21 июля 1787 г.) в Веймар с целью развить свои поэтические дарования в этом центре немецкой поэзии³. Гёте находился в то время в Италии; но новоприезжий нашел в Веймаре следы влияния Гёте в натуралистическом направлении ума близких к Гёте людей и почувствовал отвращение к этому направлению. Поэтому ему пришлось искать сближения с Виландом и с Гердером. Ему было бы нетрудно завести деловые литературные сношения с издателем «Меркурия», но его гораздо более интересовало знакомство с Гердером. Он был в восторге, когда узнал, что Гердер с похвалой отозвался о его «Дон Карлосе». Гердер имел так же мало общего с драматическим писателем, как мало общего имел этот последний с Гердером как теологом и церковным проповедником. Но все-таки было немало пунктов соприкосновения между двумя

¹ См.: *Гербст.* Joh. Heinr. Voss. II, I, 161 и сл. вместе с примечаниями и ссылками. Заслуги Фосса как переводчика произведений Гомера признавал Гердер; см.: SWS. XVIII, 321; Noren. I, 9, 66.

² В переписке Глейма с Гердером от 6 июня до 27 октября 1794 г. О том, что Гердер провел целую неделю у Глейма, от которого возвратился домой 26 июня, упоминается в пропущенном у Гельцера письме Гердера к Мюллеру от 30 июня.

³ Для того, что следует, служили источником сведений приложения к переписке Шиллера с Кёрнером, которая велась со времени приезда Шиллера в Веймар 21 июля 1787 г.

писателями. Шиллер не имел достаточных философских познаний, для того чтобы понимать диалоги о Спинозе, и ему пришлось обращаться к Кёрнеру за указаниями по этому предмету, но статья о Немезиде глубоко заинтересовала его, а мысли, выраженные в статье о любви и самолюбии, находили сочувствие в его собственной душе. На той пограничной черте, которая отделяет философию от поэзии, он мог сходиться с Гердером; поэтому он с удовольствием слушал, как Гердер объяснял ему связь между человеческой душой и тайными силами природы. Он хорошо понимал, что натолкнулся на обильный источник новых идей. «Я желал бы, — писал он Кёрнеру, — этим летом, так сказать, проглотить Гердера», а с другой стороны, он помышлял об издании нового журнала, во главе которого поставил бы имя этого блестящего писателя. Молодой драматург и публицист, конечно, уже был настолько самостоятелен, что не мог бы сделаться таким же учеником Гердера, каким был в Страсбурге Гёте; но он заимствовал от Гердера несколько новых идей и, вероятно, сблизился бы с ним еще теснее, если бы их сношения не были прерваны отъездом Гердера в Италию.

Во всяком случае ему было гораздо труднее сойтись с Гёте, чем с Гердером, и он сам это понял лишь только лично познакомился с первым из них. В качестве поэта он имел более общего с Гёте, чем с Гердером, но Гёте стоял ему поперек дороги именно потому, что был поэт. К уважению, которое внушали ему великие дарования Гёте, примешивалось чувство зависти и граничившее с ненавистью сознание, что Гёте был неизмеримо выше его и житейской опытностью, и умственным развитием, и приобретенной славой, и общественным положением. Впрочем, и Гердер был несравненно выше его по своему общественному положению. Он обрадовался возвращению Гердера из Италии, но нашел, что сблизиться с Гердером было не легко; ему пришлось играть очень скромную роль в обществе двух друзей; он из гордости стал избегать их или по меньшей мере не пытался навязываться к ним; он с досадой уверял самого себя, что нельзя ожидать сердечной откровенности от этих двух знаменитостей, к которым никто не приближался иначе как с выражением благоговения; он утешал себя мыслью, что всякого, кто «связывался с этими двумя людьми», постигала одна и та же участь.

Назначение Шиллера в Йену еще более отвлекло от него внимание веймарских знаменитостей. Впрочем, сестры г-жи Ленгефельдт поддерживали дружеские сношения с семейством Гер-

дера¹. Кроме того, занятия по всеобщей истории привлекали нового профессора не столько к Гёте, сколько к Гердеру, и он имел удовольствие узнать, что автор «Идей» отозвался с самым горячим одобрением о его обзоре всеобщей истории, посещенном в первом томе исторических мемуаров². И тем, что Шиллер перешел от изучения истории к изучению эстетики, он доказал, что желал идти скорей по следам Гердера, чем по следам Гёте, а в его статье «О грации и достоинстве» были некоторые черты, напоминавшие о статьях «Разбросанных листков». Эта статья, как известно, смутила Гёте, тем не менее уже настало время, когда эти два поэта, до тех пор не имевшие ничего общего между собой, должны были сойтись самым неожиданным образом. Здесь нет надобности подробно рассказывать, почему Шиллер обратился к Гёте с приглашением участвовать в журнале, проект которого привез с собой из своей швабской родины, каким образом они встретились в Йене и каким образом Шиллер приобрел расположение Гёте, публично высказав свое мнение о нем. Заключенный между ними союз был возможен, без сомнения, только потому, что Гёте уже не находился в тех дружественных отношениях с Гердером, которые существовали до лета 1793 г. Также не подлежит сомнению, в какую сторону всего сильнее влекли Гёте его симпатии. С тех пор как он имел личное свидание с Шиллером в сентябре 1793 г., он перестал упоминать имя Гердера в своих письмах к Якоби; вместо Гердера он стал часто называть имена Шиллера и его друга Вильгельма Гумбольдта. Он неоднократно с непринужденной откровенностью заявлял, что нашел в этих двух людях товарищей, которые идут одной с ним дорогой. «Сферы нашего мышления и нашей деятельности, — говорил он, — совершенно сходятся, и мы часто встречаемся». «Мы по мере возможности стараемся жить одной эстетической жизнью и забывать обо всем, что совершается вне ее». Гёте сошелся с Шиллером на эстетической почве. Тогда возник вопрос, мог ли и желал ли Гердер также вступить в эту сферу, наглухо замкнутую для всего, что не имело связи с эстетикой. Конечно, и в этом отношении было немало пунктов соприкосновения между новыми союзниками и Гердером. Хотя Гёте и не нравилась политическая

¹ Schiller und Lotte, 1788—1805. 3-е изд. / Fieliz. II, 179, 253, 254, 256, 274.

² Там же, 281; сравн. письмо, которое написал Шиллер Кёрнеру 16 мая 1790 г., после того как побывал в Веймаре у Гердера: «Он совершенно иначе, чем ты, восхищается моим обзором всеобщей истории, помещенном в Мемуарах».

окраска, местами бросающаяся в глаза в «Письмах о гуманизме», хотя он и не чувствовал желания следить за теологическими исследованиями Гердера, но это не помешало ему принять участие в переводе стихотворений Бальде¹, а в вознаграждение за то, что переводчик посвятил его в эту работу, он намеревался сообщить ему заново переделанное начало «Вильгельма Мейстера», к продолжению которого Гердер горячо уговаривал его еще в 1791 г.² Но в журнале «*Ноген*» открывалось нейтральное убежище для таких идей, которые вовсе не касались политики. Шиллер мог надеяться и должен был желать приобрести сотрудничество Гердера; а в качестве издателя нового журнала он, натурально, считал сотрудничество Гердера положительно необходимым — ведь он предполагал, что в его журнале будут помещаться статьи самых выдающихся писателей, а к числу таких писателей, несомненно, принадлежал и Гердер. Поэтому он обратился 4 июля 1794 г. к Гердеру с таким же приглашением, с каким обращался за несколько дней перед тем к Гёте. Он говорил, что роль Гердера не будет ограничиваться только сотрудничеством, что к нему будут иногда обращаться с просьбой высказать его мнение о присланных в редакцию журнала рукописных статьях³. Гердер изъявил свое согласие⁴. Шиллер сговорился с ним насчет всех условий во время своего сентябрьского пребывания в Веймаре⁵; при содействии Гёте он сделал все, что от него зависело, чтобы приобрести сотрудничество писателя, на которого возлагал большие надежды. Он даже выразил желание, чтобы Гердер написал какую-нибудь статью для первого номера его журнала. Он не хотел выпустить в свет начало своих писем «Об эстетическом воспитании», не выслушав мнения этого прозорливого критика; а вскоре после того попала в руки Гердера и одна из рукописных статей Кёрнера, назначенная для шиллеровского журнала⁶. Таким образом, «*Die Nogen*», по-видимому, сделались связующим звеном между Гердером и Шиллером; Виланд, не умевший привлечь к себе самых даровитых сотрудников, был оставлен в стороне со своим «*Меркурием*», а триумвират Гёте, Гердера и Шиллера, ставший во главе нового журна-

¹ К Гердеру № 93.

² Гердер к Кнебелю (Knebels. Litt. Nachl. II, 260).

³ А, I, 185 и сл.; в переписке Шиллера с Коттой № 10, 11, 12.

⁴ Шиллер к Котте 13 февраля 1795 г.

⁵ Fieliz III, 97.

⁶ Шиллер к Гердеру 25 окт. 1794 г. (А, I, 186); сравн. письмо Шиллера к Гёте от 20 окт.; Шиллер Кернеру 23 февр. 1795 г.

ла, постарался присвоить себе роль законодателя немецкой литературы.

Действительно, Гердер усердно сотрудничал в новом журнале в течение 1795 г. Шиллер относился к нему с изысканной вежливостью и предупредительностью; и мы не имеем недостатка в доказательствах того, что вступление Гердера в этот союз, доставлявшее ему и денежные выгоды¹, поддержало в нем душевную бодрость. Когда в течение того же года появились две первые части «Терпсихоры», Шиллер нашел, что это был очень удачный труд, что Бальде был достоин того, чтобы его стихотворения были спасены от забвения и воспроизведены в такой форме; кроме того, Гердеру было очень приятно, что Шиллер просил Кёрнера написать разбор новой книги²; мало того, в статье о сентиментальных поэтах первоначально находилось одно место, в котором наряду с достоинствами переведенного поэта упоминались и своеобразные поэтические достоинства переводчика; но это место было выпущено, только потому что сам Гердер, по свойственной ему скромности, не желал, чтобы его относили к числу поэтов³. Шиллер горячо благодарил Гердера и за появившиеся также на Пасхе 1795 г. пятый и шестой сборники «Писем о гуманизме» с их прекрасными объяснениями идеальных типов греческого искусства. Он присовокупил к своим похвалам выражение сожаления, что эти интересные статьи не могли попасть в новый журнал; он просил Гердера впредь помещать в этом журнале все, что выйдет из под его пера, и возобновил свою просьбу о доставке стихотворений для своего «Альманаха муз»⁴. Со своей стороны он присылал Гердеру на просмотр свои собственные стихотворения и статьи и получал в ответ самое безусловное и, конечно, вполне заслуженное одобрение. «Ваша муза, — писал ему Гердер, — работает так успешно, что иногда поражаешься удивлением, что на человеческом языке можно так хорошо выражать то глубокие и возвышенные мысли и чувства, то самые нежные. Вы иногда выступаете в полном воинском вооружении, иногда мелькаете перед глазами, подобно гению». Он также хвалил статью Шиллера «О наивном» и намеревался написать по по-

¹ За статьи, помещавшиеся в 1795 г. в журнале «Die Noren», Котта назначил Гердеру «из признательности» вознаграждение в размере 30 талелеров за печатный лист; только в следующем году эта плата была уменьшена до 25 талелеров; см. приложения к переписке Шиллера с Коттой (с. 693).

² Шиллер к Гёте 17 мая 1795 г.; Шиллер к Кёрнеру 2 и 12 июня.

³ Шиллер к Котте 27 ноября 1795 г.

⁴ Шиллер к Гердеру 12 июня 1795 г. (А, I, 187 и сл.).

воду этой статьи письмо к ее автору для помещения в журнале¹. Иначе говоря, установившиеся новые отношения отличались с обеих сторон таким высоким уважением и такой любезной предупредительностью, что могли внушать самые светлые надежды. Уже то было важно, что Гердер, после долгого одиночества, снова выступил на сцену наряду с другими замечательными писателями. В том же году он решился предоставить Генцу для его журнала менее значительные образки от своих крупных литературных произведений. И Каролина с явным удовольствием извещала Глейма, что ее муж сделался прилежным сотрудником журнала «Horen». В течение 1795 г. он доставил в этот журнал не менее пяти статей, которые могли бы наполнить целый том «Разбросанных листков». Там же он помещал свои лучшие эпиграммы; кроме того, он охотно доставлял мелкие стихотворения для шиллеровского «Альманаха муз»².

Уже в третьем номере журнала появилась статья Гердера «Наша судьба»; а Шиллер нашел, что в ней удачно изложена удачно выбранная тема³. Не так благоприятен был отзыв Кёрнера, который нашел тон статьи угрюмым, заносчивым и похожим

¹ См. письма от 12 авг. и 21 окт. 1795 г. в жизнеописании Шиллера Каролины Вольцоген; сюда же относится то письмо (Переписка, происходившая между Шиллером и Коттой в конце сентября. С. 121), на которое было ответом письмо Шиллера от 3 октября (А, I, 189).

² Статьи и в стихах, и в прозе, написанные Гердером для журнала «Die Horen», перечислены, с указанием страниц журнала, в приложении к переписке Шиллера с Коттой (с. 678). Дюнцер (SWH. I, 575) неосновательно приписывает Гердеру эпиграмму «Der Dichter an seine Kunstrichterin» (Horen. 1796. Т. V. № 1. С. 74). Она написана Шиллером. Статьи, написанные Гердером для «Альманаха муз» 1796 г., подписаны буквами D. E. F. P. Y., а написанные для того же журнала 1797 г. подписаны буквами O. T. U. V. W. (сравн.: С, I, 216). Гердер снова стал доставлять для «Альманаха» статьи в 1800 г. и подписывал их буквами D. E. F. (сравн.: С, I, 260, прим. 1 и письмо Шиллера к Котте в их переписке на с. 353, 359) и L (Des Menschen Herz). Указания на каждую отдельную статью можно найти в стихотворениях и стихотворных подражаниях Гердера, изданных Дюнцером и Редлихом.

³ Эта статья была написана в начале февраля 1795 г., в то время когда было приостановлено печатание «Терпсихоры». Еще 5 февраля шла речь о статье, которую ожидали от Гердера для 3-го номера журнала (Шиллер к Кёрнеру 5 февр.). Прочитав ее, Шиллер упомянул о ней в письме к Гёте от 19 февр. и послал ее 20 февр. к Котте. Сравн. переписку Кёрнера с Шиллером 23 февр. и 27 апр. Как эта статья, так и следующие статьи, написанные Гердером для журнала «Die Horen», помещены теперь с указанием их мест в журнале в SWS (XVIII, 404 и сл.). В SW статья, о которой идет речь, помещена в отделе филос. VIII, 9 и сл.; остальные статьи помещены в отделе литер. X, 241 и сл.; XVIII, 78 и сл.; VI, 258 и сл.; XVIII, 109 и сл.

на тон церковных проповедей, а форму изложения несколько напыщенной. Это суждение нельзя назвать неосновательным. Действительно, статья не без натяжек придерживается середины между церковной проповедью и нравственно-философским сочинением. Взыскательный критик не был не прав и в том, что он заметил касательно напыщенности внешней формы. Действительно, при внимательном рассмотрении статьи нельзя не заметить, что и в ней, точно так же как в родственной с ней по содержанию статье «Тифон и Аврора», есть немного той грязной пыли, которая засела в складках плаща у нашего философа в то время, как он проходил свое житейское поприще. Некоторые из его выражений заключают в себе ясные личные намеки. На всей статье лежит отпечаток возвышенных воззрений, которые не без труда прокладывают себе дорогу сквозь разные меланхолические мысли и, вместо того чтобы воодушевлять автора, сводятся к тому, что он превозносит «богиню воздержности» и говорит, что трудолюбие, умеренность, скромность, рассудительность и добродетель — такие силы, которым следует верить «нашу судьбу». «Гердер очень состарился», — писал Шиллер после личного с ним свидания в сентябре 1794 г. То же можно бы было заметить и после прочтения рассматриваемой нами статьи, повторяющей давно всем известные мысли. Автор «Идей» и «Диалогов о Спинозе», «Писем о гуманизме» и «Христианских сочинений» точно будто снова подбирает колосья со скошенного поля, для того чтобы извлечь пользу из сохранившихся в них зерен. В нравственном мире, говорит он, точно так же как в природе, действуют одинаково ненарушимые законы. Он находит, что на эту истину указывают и слова «первого преподавателя христианской религии». Вера в Немезиду есть только другое название для той веры, что судьба каждого человека зависит от его характера. Автор предостерегает, что не следует делаться рабом посторонней воли, а следует самостоятельно устраивать свою судьбу. При этом он ведет речь о судьбе государственных учреждений, сословий и царств и о тех границах, в которых правительства имеют право влиять на судьбу и всей паствы, и каждого из ее членов в отдельности. Он кончает тем, что признает некоторую долю влияния на нашу судьбу и за той мистической, иррациональной силой, в которую он сам иногда был готов верить.

Тому направлению журнала «Die Horen», которое было наметено в шиллеровской программе, еще более соответствовали две следующие статьи Гердера: «Homer ein Günstling der Zeit» и «Homer und Ossian». Прочитав в рукописи статью о любимце своего

времени Гомере, Гёте писал ее автору: «Тебе эта статья удалась как нельзя лучше; она обнимает весь сюжет, ясна и читается с удовольствием». Шиллеру он писал, что эта статья будет украшением журнала, а Шиллер говорил в письме к Котте¹, что это «одна из лучших статей, какие доставлены Гердером». Но именно та статья, которая должна была служить украшением для журнала, сделалась камнем преткновения. Не кто другой, как Фр. Август Вольф, уже начинавший приобретать репутацию высшего авторитета во всем, что касалось Гомера, разразился грубыми нападками на статью Гердера; но именно благодаря этим нападкам все доброжелатели нового журнала взяли Гердера под свою нравственную защиту и этим скрепили его связь с союзниками.

Излагая в той статье свои воззрения на песнопения Гомера и в особенности на их происхождение, Гердер вместе с тем рассказывает, как он мало-помалу знакомился с характером этих песнопений. Он говорит, что еще в своей ранней молодости, когда он считал поэмы Гомера за сказки, его поразило внутреннее и внешнее несходство «Илиады» с «Одиссеей» и в его уме зародилось сомнение, действительно ли они были произведениями одного и того же поэта. Когда он впоследствии стал перечитывать Гомера, он был поражен богатством, разнообразием и правильным распределением содержания; тогда он сказал сам себе, что эта правильность не могла быть случайной, — и он снова усомнился в том, чтобы один и тот же певец мог обладать и таким обширным умом, и такой способностью последовательно излагать свои разнообразные сведения. К такому же сомнению его привело то соображение, что эти стихотворения предназначались для пения и что их распевали странствующие певцы. Оставляя совершенно в стороне вопрос о древности буквенного письма, Гердер спрашивает: каким же образом могли те песнопения передаваться из уст в уста, не подвергаясь изменениям? Когда он, живя в Италии, читал сочинение Виллуасона об «Илиаде» и одновременно с этим изучал памятники греческого искусства, то в его уме снова возникли прежние сомнения. В особенности ясно заметная постепенность в развитии греческого искусства навела его на мысль, что Гомер также был постепенно развивавшимся «любимцем

¹ В письме от 27 июня Гёте уведомлял Шиллера, что Гердер обещал доставить эту статью. «Вы скоро получите моего Гомера», — писал Гердер Шиллеру 12 авг. Гёте прочел статью в рукописи 21 авг. См. письмо к Гердеру (А, I, 148) и от того же числа письмо к Шиллеру. Сравн. письмо Шиллера к Котте, № 91, написанное в начале сентября.

своего времени», что и эпические песнопения лишь с течением времени, путем исторического развития, превратились «из самых грубых сказаний о богах и героях в гомеровский эпос». Далее автор подробно развивает эту мысль. Не имевшие никакой определенной формы бесконечные рассказы и предания о разных необыкновенных приключениях наконец получили определенные очертания и внешнюю форму от какого-нибудь талантливого певца, который придал им единство и цельность, сосредоточив их на одном главном происшествии и на личности одного главного героя. Еще одно указание извлек Гердер из того, что сопоставлял историю развития гомеровского эпоса с историей развития искусства вообще. Он применил к эпосу понятие о школе. Усовершенствование эпических песнопений, говорит он, было делом школы, ведущей свое начало от какого-нибудь знатока своего дела. В этом смысле Гомер был отцом гомеровских стихотворений. Гомер прежде всех других создал зародыш эпической поэмы, который разрастался благодаря школе гомеридов. Именно эта школа сознательно округлила содержание гомеровских стихотворений в одно целое, заключавшее в себе описание всех дел божеских и человеческих, достойных внимания. Наконец Ликург, Солон и последователи Пизистрата оказали произведениям Гомера не столько поэтическую, сколько «политическую» услугу, т. е. они редижировали и привели в порядок то, что уже было налицо. Тогда произведения Гомера перешли уже в письменной форме в руки образованных людей и наконец получили в Александрии ту внешнюю форму, в которой дошли до нас.

Бернэ основательно заметил, что то было несчастьем для Гердера, что его статья о Гомере запоздала несколькими десятилетиями; но он не прав, когда утверждает, что Гердер не имел в виду никакой определенной цели, не старался прийти к ясным выводам. Никак нельзя сказать, что статья Гердера заключала в себе «хаос беспрестанно изменявшихся воззрений и суждений», в котором нет возможности указать какую-нибудь ясную мысль¹. Конечно, мы стали бы тщетно искать в ней строгой систематической цельности и твердой последовательности методических научных исследований, но в ней проводится одна основная мысль — что гомеровский эпос возник мало-помалу из эпических сказаний под влиянием школы, заботившейся об усовершенствовании стихотворного искусства; эта мысль созрела под итальянским небом, потому что изучение образовательных искусств

¹ *Bernay M.* Письма Гёте к Фр. Августу Вольфу. С. 18 и 14.

в Италии осветило в глазах Гердера и происхождение, и характер гомеровских поэм. «Когда я увидел в Риме знаменитый памятник, изображающий апофеоз Гомера, я вспомнил, как велико было счастье этого знаменитого сына времен». Этими словами, сказанными еще в надписи статьи, Гердер вставил все свое изложение в рамки историко-философского исследования.

Ввиду этих достоинств гердеровской статьи нельзя без негодования читать чрезвычайно грубую и приправленную изысканной злостью заметку, помещенную во «Всеобщей литературной газете»¹ тем самым Вольфом, который за пять лет перед тем заискивал расположения Гердера². В этой заметке Вольф говорит, что в гердеровской статье нет ничего ни хорошего, ни полезного. Он презрительно порицает попытку Гердера объяснить композицию гомеровских поэм посредством их сопоставления с образовательными искусствами. При этом он выставляет на вид некоторые оплошности со стороны Гердера, но и со своей стороны впадает в ошибку, приписывая Гердеру одно двустигшие, написанное Шиллером. «Вся статья, — по словам Вольфа, — представляет смесь таких неглубокомысленных и не вполне ясных идей, какие могут прийти в голову только тому, кто вовсе не способен как следует браться за эту крайне запутанную задачу исторической критики и кто почти вовсе не имеет необходимых для того познаний. Такое изложение может годиться для выражения изменчивых чувственных впечатлений и фантастических мечтаний или по большей мере для писания проповедей на тексты из Апокалипсиса, но оно не годится для ученых статей, в которых на каждом шагу требуются доказательства, а каждое доказательство требует точного знания языка и тщательного взвешивания и сравнения всего, в чем сказывается дух тех отдаленных времен». Так выражалось высокомерие знатока классических языков, который, однако, должен бы был сознаться, что его точные познания и исследования привели его к более ясному пониманию древности только благодаря такому же гениальному угадыванию, каким отличался Гердер. Но он был до такой степени ослеплен своим желанием отстоять свое право собственности на все, что касалось Гомера, что не был в состоянии оценить достоинств гердеровской статьи. Его нападки превосходили своей резко-

¹ № 122 от 24 окт. 1795 г.: *Ankündigung eines deutschen Auszugs aus Professor Wolfs Prolegomena an Homerum und Erklärung über einen Aufsatz im IX Stück der Horen.*

² В письме от 24 июня 1790 г. он жаловался Гердеру на тех, кто писал критические разборы его книги.

стью и язвительностью даже нападки Шлёцера и Николаи; кроме того, им придавала особый вес всеми признанная ученость критика. Однако они не оскорбили Гердера так же глубоко, как его когда-то оскорбляли нападки тех двух старых противников; это объясняется порицанием, которое вызвала критика Вольфа со стороны тех людей, мнением которых он всего более дорожил. Шиллер отнесся к этому делу так, как отнесся бы к оскорблению своей собственной чести; еще до появления критики Вольфа в печати он поспешил уведомить Гердера о «грубой и оскорбительной выходке» Вольфа, для того чтобы он приготовился возражать на нее; в то же время он постарался возбудить в Гёте и В. Гумбольдте негодование против «филистера», воображавшего, что он один попал на правильную дорогу, и против «грубостей необтесанного чудака»¹. Гердер посетил 26 октября Шиллера в Йене, и результатом их совещаний было решение, что не автор статьи, а редактор журнала «*Ноген*» будет печатно возражать на нападки Вольфа; Гердер со своей стороны обещал доставить Шиллеру некоторые указания для полемической статьи и действительно отправил их к нему 31 октября². Но и эта статья не была написана. По совету Гёте было решено отложить полемику до конца года и тогда разом учинить расправу со всеми врагами журнала «*Ноген*»; однако и это предположение не осуществилось, потому что и Гумбольдт, и Кёрнер отстаивали мнение, что достоинство журнала требует воздержания от всякой полемики³. Гердер поступил, без сомнения, очень благоразумно, согласившись с этим мнением. Он узнал, что Гумбольдт откровенно высказал Вольфу свое мнение о непристойности его выходки⁴ и при этом беспристрастно указал все хорошие и слабые стороны гердеровской статьи о Гомере, отдавая полную справедливость ученым исследованиям Вольфа; кроме того, Гердер был удовлетворен тем, что самые влиятельные сотрудники журнала приняли его сторону и горячо порицали образ действий Вольфа.

Была еще одна причина, по которой он решился молчать. Говоря в письме к Глейму от 6 января 1796 г. о «грубой и бессмыс-

¹ Шиллер к Гёте № 116 (24 окт.); к Гумбольдту 26 окт.

² См. шиллеровский календарь под этими двумя числами. Письма: Шиллера к Гёте от 26 окт. и к Гумбольдту от того же числа.

³ Гёте к Шиллеру 28 окт. Шиллер к Гердеру 30 окт. (А, I, 190); к Котте от того же числа; Гумбольдт к Шиллеру 6 нояб. (их переписка. 2-е изд. С. 203) и 20 нояб. (с. 213); Шиллер к Кёрнеру 2 нояб.; Кёрнер к Шиллеру 6 нояб.

⁴ Гумбольдт к Вольфу 9 нояб. (Полн. собр. соч. Гумбольдта. V, 141 и сл.); касательно того, как было принято это письмо Вольфом, сравн.: Там же, 148.

ленной выходке» Вольфа, он, между прочим, писал: «Я не понимаю, каким образом я мог вызвать такие нападки: ведь я вовсе не имел намерения опровергать его мнения, потому что я высоко ценю его ученость. Я только высказал мое мнение о Гомере; этого никто не может мне запретить. Если мнения Вольфа более основательны, то какое мне до этого дело?» Это было точно такое же воззрение, какое высказал Шиллер в письме к Гумбольдту: «Гердер вовсе не имел намерения вмешиваться в сферу занятий Вольфа, ведь содержание его статьи вполне независимо от содержания вольфовских „Prolegomena“». Однако вышеприведенные слова из письма Гердера к Глейму принадлежат к такому разряду возражений, которые очень похожи на сознание своей вины. Ведь если мнения Вольфа были основательнее мнений Гердера и были известны этому последнему, так как он писал свою статью после выхода в свет сочинений Вольфа, то как же мог он игнорировать воззрения своего противника? И действительно, он не игнорировал их. Сведущий в этом деле и прозорливый Гумбольдт основательно заметил немедленно после прочтения гердеровской статьи, что ее автор пользовался результатами исследований Вольфа и был не прав в том отношении, что недостаточно ясно указал на заслуги Вольфа по этому предмету¹. Но Вольф усматривал в этом образе действий нечто более важное, чем непризнание его заслуг. Он писал 29 октября Шюцу², что «Гердер самым лукавым образом перепутал и исказил его собственные идеи»; поэтому он и направил самые остроконечные и самые ядовитые стрелы своего негодования на это мнимое намерение Гердера украсить себя чужими перьями и выдать украденные чужие мнения за свои собственные посредством описания, каким образом мало-помалу развивались в его уме воззрения на поэмы Гомера.

На самом деле Гердер не был так невинен, как старался уверить своих друзей, но и не прибегал к тем хитрым уловкам, в которых его обвинял Вольф. Точно так же как в своих письмах о тамплиерах и в своем сочинении, направленном против Шпальдинга, он впал в такое же самообольщение, в какое его часто увлекала его фантазия, соединенная с пылкой восприимчивостью его ума и с некоторой склонностью к самохвальству. Когда кому-нибудь удавалось написать что-нибудь замечательное, он, по меткому замечанию Виланда, непременно воображал, что мог бы то же самое написать иначе и лучше. Когда чьи-нибудь идеи со-

¹ Гумбольдт к Шиллеру 30 окт. (с. 191).

² *Schüz Ch. G. Darstellung seines Lebens etc.* I, 465 и сл.

прикасались с богатым запасом бродивших в его собственном уме идей, то он не всегда был в состоянии и не всегда старался отличать свою собственность от чужой и, взявшись за перо, забывал указывать на сделанные им позаимствования. Точно таким образом он комментировал произведения Спинозы и выдавал понятия этого философа о Боге за свои собственные. И развивая мнения Лессинга, он неоднократно выдавал их за свои собственные. Но в этих случаях он сознавал, что шел по чужим стопам. А относительно Вольфа он перепутал свои прежние идеи с теми, которые заимствовал от этого писателя. Ему казались скучными тщательные мелочные исследования филолога, а то, что он нашел интересного в «Prolegomena», напомнило ему его прежние догадки о Гомере». Не привыкши играть роль ученика, потому что начиная со своих юношеских литературных произведений всегда разыгрывал роль наставника, и увлекшись теми широкими общими воззрениями, которые уже давно бродили в его уме, он перепутал собственные идеи с чужими, старые с вновь вычитанными, и все это изложил с полусознательным притязанием на право указывать другим настоящую дорогу.

Вполне понятно, почему идеи Вольфа сходились с его собственными. Он не говорил неправды, когда утверждал, что с ранней молодости интересовался вопросом о возникновении гомеровских поэм и уже тогда сомневался в их принадлежности одному и тому же поэту. Еще в «Отрывочных заметках» (II, 265 и сл.) он хвалил сочинение Блэкуэлла за исследования, отвечавшие на тот вопрос с точки зрения такой настоящей критики, которая способна разоблачать тайны греческой литературы и истории; он видел в этом сочинении ключ для понимания Гомера. По меньшей мере до начала 70-х годов мы в состоянии проследить его сомнения касательно принадлежности гомеровских поэм одному и тому же поэту. Распе сообщил ему 4 августа 1771 г. свое «еретическое мнение», что, подобно произведениям Оссиана, и произведения Гомера сохранялись рапсодистами в отрывках и в течение нескольких столетий неоднократно соединялись в одно целое различными способами, и что только этим путем можно объяснить некоторые подробности касательно гомеровских героев, по-видимому, более соответствующие духу позднейших времен. В своем ответе Гердер выразил сочувствие к мнению Распе¹. Песни, собранные Перси, послужили для него поводом

¹ 25 августа 1772 г. (Weimarer Jahrbuch. III, 44). Письмо Распе осталось не напечатанным.

для рассуждений об элементах, из которых возникли произведения Оссиана и Гомера. Он находил невозможным, чтобы при соединении отдельных рапсодий в одно целое они могли сохраняться в своем первоначальном виде; он говорил, что и многие песни сборника Перси сохранились в преданиях в трех или четырех различных видах; поэтому все зависело от того, попадали ли такие сохранявшиеся в преданиях рапсодии в руки самых способных критиков и в самое удобное время для их соединения в одно целое. В том же смысле автор писем об Оссиане говорит, что рапсодии Гомера и песни Оссиана были импровизациями до тех пор, «пока не настала пора искусства, заглушившего природу». И в предисловии ко второй части народных песен Гердер подводит произведения Гомера под точку зрения народной песни: «Его рапсодии сохранялись не в книжных лавках и не на клочках бумаги, а в ушах и в сердцах живых певцов и слушателей, откуда были впоследствии собраны и наконец дошли до нас с примесью разных объяснений и предубеждений». Даже Гейне уверял Вольфа в письме от 27 февраля 1796 г.¹, что Гердер беседовал с ним об этом предмете в 1773 г. и что в 1789 г. он снова высказывал свои сомнения касательно Гомера. В то же время Гейне старался уверить Вольфа, что Гердер еще не успел прочесть «Prolegomena», когда стал писать свою статью о Гомере. Но это была неправда. Напротив того, Гердер с нетерпением ожидал сочинения Вольфа и только что прочел его, тотчас высказал о нем свое мнение в письме к Гейне от 13 мая 1795 г.: «Здесь видно много труда, учености и критических дарований, но способ изложения мне не вполне нравится. Главная основная идея автора, полагаю, не встретить возражений ни с чьей стороны; со времен Блэкуэлла и Вуда почти никто не сомневался в ее верности. Какие выражения принадлежат древним, вполне ясно, а история аэдов слишком хорошо известна; поэтому не было никакого основания придавать всему этому такое важное значение, что это как будто *nullo dictum ore prius*. Вопрос об изобретении письменности или о ее введении в Греции вставлен сюда лишь случайно, а в том, что понятие эпопеи в аристотелевском смысле возникло позже, никто не сомневался. По моему мнению, все должно сводиться к вопросам: что было вставлено? что несомненно принадлежит позднешему времени как в отдельных стихах, так и в целых рапсодиях? Мы могли бы предохранить себя от ошибочных догадок, если бы имели хоть одно указание

¹ См.: *Körte. Leben und Studien Wolfs*. I, 299.

древних на то, между какими певцами Солон или Гиппарх распределял песни Гомера... Бёттигер предался новой гипотезе телом и душой и превозносит ее как чудо. Когда здесь был Фосс, я однажды стал излагать ее за обедом в его присутствии то шутя, то серьезно; все покачивали головой и высказывали неодобрение. В шестой и последней части „Разбросанных листков“ появляется моя старая статья о Гомере и Оссиане».

Итак, по всему видно, что вольфовские «Prolegomena» побудили Гердера печатно высказать его мнение о возникновении гомеровских поэм. Для этого не было надобности в том, чтобы после приезда Вольфа в Веймар летом 1795 г.¹ Гёте, Шиллер и Мейер упрашивали его высказать в журнале «Horen» его мнения о Гомере, — хотя это и утверждала Каролина в письме к Глейму от 16 мая 1796 г.; эти друзья только просили Гердера поместить его статью о Гомере не иначе как в том журнале. Кроме того, из вышеупомянутого письма к Гейне видно, какими глазами Гердер читал «Prolegomena» и какое впечатление он вынес из этого чтения. Он немедленно предъявил такие требования, которые не были исполнены ученым критиком. Он полагал, что Вольф напрасно старался доказать, что буквенное письмо поздно вошло в употребление; он нашел, что воззрение Вольфа в сущности верно, но не ново и не стоило того, чтобы автор придавал ему такую важность. Он утверждал, что уже давно был точно такого же мнения, и полагал, что теперь настало время снова обсудить этот вопрос по-своему, пользуясь старой статьей на ту же тему.

Но эта «старая статья», была, по всему вероятно, лишь вымыслом; также не подлежит сомнению, что Гердер впал в преувеличение, говоря, что уже давно сам дошел до вольфовской гипотезы. До того времени он излагал свои мысли о Гомере и Оссиане только отрывками. Только вследствие чтения вольфовских «Prolegomena» в его уме сосредоточилось все, что он думал об этом предмете, все что он шутя или серьезно, устно или письменно высказывал о нем; таким образом возникла та статья, в которой Гердер не придавал важного значения доводам Вольфа и вступал в состязание с «Prolegomena»².

¹ Письмо Каролины подтверждает факт этого приезда, о котором упоминал Кёрте (I, 277), но который осларивается у Берне (Там же, 4, прим. 6).

² Что мнимая старая статья была не что иное, как письма об Оссиане, утверждает Дюнцер (SWH. VII, 30); но это утверждение не основано ни на каких доказательствах и неправдоподобно. Основательное мнение Суфана изложено в SWS (XVIII, 598 и сл.). Не служил ли подготовкой к той статье рукописный проект статьи «Мнемозина», о котором упоминает Суфан (Там же,

Этой статье, дошедшей до нас в рукописи, Суфан дал следующее заглавие: «Homer und Ossian Söhne der Zeit»; она заключает в себе рассказ о том, каким образом мало-помалу развивались воззрения автора на песни Гомера; в этом отношении она имеет сходство с помещенной в журнале «Horen» и статьей «Любимец своего времени», отличаясь от нее только тем, что в ней автор еще красноречивее прежнего доказывает, что эпос, сохранявшийся в устах рапсофов, неминуемо должен был подвергаться разным изменениям. Вслед за этим автор рассказывает, какие объяснения он ожидал найти в схожих с гомеровскими песнями стихотворениях Оссиана, но, к сожалению, не нашел, оттого что Макферсон не отдал публике отчета об источниках, которыми пользовался. «Те указания о Гомере, — говорит он, — которых я не мог найти в Оссиане и которых не был в состоянии дать Макферсон, я нашел в Италии, изучая греческие художественные произведения». Не упоминая ни об «Илиаде» Виллуасона ни о Вольфе, он далее вкратце излагает то же, что излагал в журнале «Horen». В заключение он объясняет свое основное положение, что эпос возник в эпоху детства человеческого рода; при этом он делает краткий обзор эпической поэзии Средних веков и Нового времени и кончает сравнением Гомера с Оссианом, объясняя, в чем заключается различие между этими двумя «счастливыми сынами своего времени».

Суфан, напечатавший только некоторые отрывки из этой статьи, с замечательной прозорливостью остановил свое внимание на том факте, что эта статья, очевидно, была та самая, о которой говорил Гердер в письме к Гейне; кроме того, он подметил в ней некоторые намеки на «Prolegomena»; на основании этих данных он основательно утверждает, что статья была написана в мае 1795 г.¹ Од-

599), полагая, что он был предназначен для возражений на нападки Вольфа, — я не в состоянии решить, потому что сам не видал того проекта. Но и этот проект можно бы было назвать лишь относительно старым, потому что в нем есть намек на «Prolegomena». О действительном существовании настоящей старой статьи, скорее, могли бы свидетельствовать некоторые места из той рукописной статьи, с которой я познакомился благодаря Суфану, — так как эти места напоминают такие обороты речи, которые встречаются в юношеских произведениях Гердера.

¹ SWS. С. 595 и сл. Я не могу согласиться только с замечанием Суфана, что Гердер заимствовал из девятого шиллеровского письма об эстетическом образовании название счастливых сыновей своего времени, данное им Гомеру и Оссиану: ведь Гердер придавал этим названиям совершенно другое значение, а употребленное им впоследствии выражение «любимец своего времени» имеет совершенно противоположное значение с тем, какое придавал ему Шиллер.

нако она была лишь подготовительной работой для той статьи, которая появилась в «*Ноген*». Она даже распалась на две статьи. Сначала была исключена параллель с Оссианом, хотя в сущности она была очень важным переходным пунктом в историческом развитии мнений Гердера о возникновении гомеровских поэм. Тогда рассказ о том, как возникали его сомнения о единстве гомеровских поэм, утратил бы свою последовательность; поэтому вместо той параллели были вставлены новые соображения, в сущности менее важные.

«В наше время появился замечательный феномен», — говорит автор; но на деле оказывается, что этот феномен, или, как его называет автор, «великое явление», вовсе не произведения Оссиана, а «Илиада» Виллуасона! Печатаемая новая статья о Гомере, Гердер не мог обойтись без упоминания о новом сочинении Вольфа, не мог не похвалить это сочинение. Ему пришлось вычеркнуть и презрительный отзыв о мелочном критике, придающем слишком важное значение вопросу о древности письменного искусства, и то, что он говорил о тех критиках, которые не хотят ничего знать об отрывках догомеровских стихотворений, «потому что с жадностью бросаются только на *ἔϋραψε, ἔϋραψε post Homerum*; ему пришлось удовольствоваться тем, что в одном примечании он приписал второстепенное значение вопросу о древности буквенного письма. Этого было достаточно для того, чтобы еще резче выставить противоположность между доводами Гердера, полагавшего что произведения Гомера назначались только для пения, и доводами Вольфа; но этого было недостаточно для того, чтобы низвести на низшую ступень такого критика, о котором Гердер не смел отзываться иначе как с уважением. Этой цели Гердер достиг тем, что выдвинул на более почетное место Виллуасона с его «Илиадой». Упоминание о Виллуасоне, конечно, не требовало непременно исключения тех мест статьи, в которых шла речь о впечатлении, которое произвел на автора Оссиан. Но в такой статье, которая писалась не для того, чтобы вести полемику с Вольфом, а для того, чтобы соперничать с ним, обсуждая спорный вопрос с совершенно другой точки зрения, было благоразумнее выпустить те места, только потому что в своих «*Prolegomena*» Вольф решительно отвергал всякие сравнения древних ионических песней с кельтскими песнями, которые он считал подложными.

Но то, что было выпущено в статье «Любимец своего времени», могло быть расширено и дополнено новыми соображениями и в этом виде послужить содержанием для новой статьи. Дейст-

вительно, лишь через несколько дней после отсылки первой статьи Гердер послал вторую статью под заглавием «Гомер и Оссиан»; она была помещена Шиллером в десятом номере журнала «*Neue*»¹. В ней автор говорит, что Оссиан также был любимцем своего времени, что ему также можно приписывать все те поэтические произведения, сочинители которых шли по указанному им пути; из этих вступительных слов следует заключить, что новая статья возникла из той же основной мысли, которая проводилась в ранее написанной статье; но она отличается от этой последней тем, что в ней излагаются критические объяснения Оссиана без непосредственной связи с исследованиями автора о Гомере. Сопоставления Оссиана с Гомером делаются здесь преимущественно с целью указать сходство и различие в характере их поэтических произведений.

Критические объяснения, о которых мы только что упомянули, замечательны только своей субъективной окраской и неопределенностью своих выводов. Сначала идет речь о «приятном удивлении», которое было вызвано в 1761—1765 гг. появлением Оссиана, а после того Гердер упоминает о сомнениях и возражениях, вызванных напечатанной Макферсоном поэмой. Притязания иров автор решительно отвергает; даже если бы изложенные в этих стихотворениях сказания, говорит он, действительно были общей принадлежностью иров и скотов, то все-таки не следует забывать, что Оссиан первый поэтизировал ирского Фина и Оссина в эпической форме; еще не известно, будет ли Ирландия в состоянии вывести на сцену более нежного Оссина и более благородного Фингала, чем те, которые охарактеризованы Макферсоном. Серьезнее относится автор к возражениям против подлинности Оссиана, основанных на том, что Макферсон не напечатал первоначального текста этих песен. Однако, хотя он и настаивает на необходимости разъяснить этот вопрос при помощи критических исследований и достоверных документов, из тона его статьи ясно видно, что интерес, возбуждаемый в нем Оссианом, несколько не зависит от разрешения того спорного вопроса. Он полагает, что каков бы ни был результат критических исследований, от него не может пострадать репутация Макферсона. Если он только собрал готовый материал, то он был Солоном и Иппархом этого нового Гомера; если он своей твор-

¹ Шиллер получил эту статью, как видно из его календаря, 25 сент. 1795 г. и в тот же день уведомил об этом Котту и Кёрнера. И самому автору он выразил по этому поводу свое удовольствие; Гердер отвечал ему на это письмом, которое напечатано в переписке Шиллера с Коттой (с. 121 и сл.).

ческой рукой облагородил грубое содержание тех песен — тем лучше; а если он сделал это, прикрываясь именем Оссиана, то и это следует простить ему; даже можно сказать, что это был «святой обман», необходимый для удовлетворения требований английской модной поэзии и английской гордости.

Если бы Гердер не терял из виду своего изменчивого положения по отношению к стихотворениям Оссиана, то он должен был бы рассказать, каким образом с половины 70-х годов колебалась его вера в подлинность макферсоновского Оссиана. О том, что он был «приятно удивлен» появлением песен кельтского барда, свидетельствуют многочисленные места и в его старых, и в его новейших сочинениях. Он беспрестанно называл и цитировал, читал и перечитывал этого барда. Он ставил Оссиана наравне не только с Гомером, но также с Моисеем и с Иовом, а в другом отношении сравнивал его с Шекспиром, Мильтоном и Клопштоком. Самое пылкое увлечение Оссианом он обнаружил в той статье об этом барде, которая была помещена в «Летучих листках». Поэтому нам кажется чрезвычайно странным, что об Оссиане не говорится ни одного слова в предисловии к народным песням, между тем как именно там следовало бы ожидать подробных указаний на древнего поэта; а в сборнике народных песен помещены лишь очень немногочисленные отрывки из его произведений. Осмотрительность, которую обнаружил в этом случае Гердер, была результатом не только публичных споров о подлинности Оссиана, но и некоторых частных указаний. Живший в Дюссельдорфе англичанин Гарольд взялся за немецкий перевод Оссиана в прозе; его навели на это предприятие главным образом остроумные замечания Гердера о том, что Денис совершенно неуместно переводил Оссиана гекзаметрами; он прислал Гердеру образчики своего перевода, а вслед за тем не только доставил ему две первые части своего труда, но и изъявил, по желанию Гердера, готовность доставить ему кельтские подлинники, которыми будто бы пользовался Макферсон. Однако при письме от 5 декабря 1775 г. он прислал Гердеру вместо кельтских подлинников три собственных стихотворения, написанных в подражание макферсоновским, и высказал свое основательно мотивированное убеждение, что Макферсон был автором не только английских стихотворений Оссиана, но и тех гельских подлинников, которые будто бы где-то отыскал. При этом Гарольд указывал на противоречия между содержанием тех стихотворений и всеми хорошо известными фактами из истории Шотландии и Ирландии, на свидетельство достоверных документов об ирской наци-

ональности Оссиана и Фингала, на хронологические неточности тех преданий, на которые ссылался Макферсон, и т. д. Он полагал, что Макферсон искусно вплел в поэму некоторые старинные стихотворения шотландских горцев и что вера в поддельную поэму поддерживалась как внутренними поэтическими достоинствами поэмы, так и ослеплением шотландского национального тщеславия. По поводу того, что Гарольд сам написал несколько стихотворений *à la Ossian*, Макферсон написал ему письмо, которое было доставлено Гердеру в копии через год после того; следует полагать, что именно это письмо в связи с другими доводами Гарольда окончательно убедило Гердера в подложности песен Оссиана¹. Но и то, как после того открытия Гердер отнесся к литературной мистификации, поднесенной Макферсоном всему образованному миру, не менее интересно, чем сама мистификация. Читая между строк его статью, напечатанную в журнале «*Noen*», нетрудно заметить, что он уже давно утратил ту веру в подлинность макферсоновского Оссиана, которую высказывал в своей статье «О немецкой жизни и искусстве»; но в то же время нельзя не заметить, что он не был в состоянии разом отречься от своего старого заблуждения и от всех основанных на этом заблуждении воззрений. Он с ранней молодости привык ссылаться на песни Оссиана для объяснения своих понятий о сущности народной поэзии и даже для объяснения своей эстетической теории. Туманная поэзия кельтского барда была настроена на один тон с его собственными чувствами. Он не был одарен такой прозорливостью критика и такой энергией, какие были необходимы для того, чтобы раз навсегда отказаться от приятного заблуждения ввиду неопровержимых доводов. Он ограничился тем, что стал считать спорный вопрос неразрешенным, стал искать сере-

¹ Письма Герольда, написанные по-английски, сохранились в оставшихся после смерти Гердера бумагах. Первое из них написано 9 апреля, второе 20 августа 1775 г., четвертое и последнее 29 декабря 1776 г. Гарольдов перевод появился в трех частях сначала в Дюссельдорфе в 1775 г., потом в Мангейме в 1782 г.; кроме того ему принадлежат «*Neu entdeckte Gedichte Ossians*» (Дюссельдорф, 1787) и «*Sulmora, Tochter Cuthullins. Ein Drama in 5 Aufzügen, nach Ossian bearbeitet*» (Дюссельдорф, 1802). К сожалению, до нас не дошло то письмо Макферсона к Гарольду, которое было сообщено Гердеру в копии. Отсылая эту копию Гердеру, Гарольд говорил в своем письме, что послал Макферсону сочиненные им самим три стихотворения в своем переводе, выдавая их за ускользнувшие от внимания Макферсона отрывки: «Из ответного письма Макферсона, которое я при сем прилагаю в копии, Вы узнаете, какого он мнения об этих стихотворениях. Я сообщаю это Вам в виде тайны: видь если Макферсон имеет основание скрывать правду, то я нисколько не намерен выводить его на чистую воду».

дины между верой и неверием и усвоил такую точку зрения, которая не мешала ему в случае надобности ссылаться и на подложного Оссиана в подтверждение его любимых эстетических воззрений и его суждений об истории поэзии и человечества. Поэтому он стал прибегать к осмотрительным вводным предложениям и гипотетическим оборотам речи. В написанной на премию статье о влиянии поэзии он говорит, что «произведения Оссиана — все равно, действительно они очень стары или только составлены и созданы из старых песен», — свидетельствуют о мягком тоне песен как британских, так и вообще кельтских бардов. Эти песни — «все равно, стары они или новы — говорит Гердер, — очень изящны и нежны, может быть, потому, что их сделал такими Макферсон»; однако несмотря на такую неуверенность в их подлинности, он, в сочинении на премию, написанном в 1780 г., ссылается на них в доказательство влияния родового быта на поэзию и усматривает из них — «если они подлинны», — каким образом дух отцов переходит по наследству к детям. Вслед за тем он перестает обнаруживать свои сомнения, а иногда даже переходит на сторону верующих в подлинность макферсоновского Оссиана: едва ли можно допустить, говорит он, чтобы те стихотворения не были подлинными; во всяком случае нельзя допустить, чтобы Макферсон сам создал произведения Оссиана¹. Из всего сказанного видно, что, несмотря на свои сомнения, Гердер говорил об Оссиане как о действительно существовавшем поэте и имел в виду преимущественно сравнительную характеристику Оссиана и Гомера. Он собрал в своей статье все, что прежде говорил с этой точки зрения и в «Критических лесах», и по поводу оценки перевода Дениса, и в сочинении о еврейской поэзии и этим придал ей такой блеск, что Гумбольдт ставил ее выше статьи о Гомере². Гомер, говорит Гердер, был поэт чисто объективный, а Оссиан — чисто субъективный; первый был чисто эпический поэт, а второй — лирико-эпический. У Гомера все лица представлены в действии с живой наглядностью; такой же наглядностью отличаются и все гомеровские сравнения и картины природы, благодаря тому что поэт не торопясь обрисовывает их со всех сторон. Совсем другое мы находим у Оссиана. Здесь мы находим вместо гомеровского вещественно-

¹ Идеи. II, 190; III, 152; IV, 12 и 13. Песни любви. С. 90; статья «Hades und Elysium» (Меркурий. 1782, апрель. II; Разбросанные листки. VI, III, без критических дополнений); О восточной драме (Разбросанные листки. IV, 274).

² К Шиллеру 20 нояб. 1795 г. Отзыв Кёрнера в письме к Шиллеру от 6 нояб.

го мира духовный мир, созданный из нежных чувств; здесь не видно действия; о нем только можно догадываться по некоторым признакам и впечатлениям. У Гомера все рассказывается как бы само собой; одно неудержимо следует за другим; напротив того, «Фингал» и «Темора» — поэтические произведения, в которых не ясна внутренняя связь; быть может, только благодаря Макферсону есть эпическая последовательность в самых крупных отрывках. Этим объясняется и различное влияние двух поэтов: произведения Гомера служат источником для искусства, а произведения Оссиана — источником для чувств; первый — продукт южной природы, второй — северной; первый имел продолжительное влияние на поэзию и историю своего народа, второй только описывал упадок геройского племени; «его грустный голос не призывал потомство к новой деятельности». В этом месте своей характеристики автор начинает говорить тоном критика, задаваясь вопросом, разве мог бы народ только жаловаться, только терпеливо жаловаться; но он очень скоро начинает восхищаться привлекательностью этих элегических тонов, которые так удобны для музыкальной композиции, хотя и опасны для тех, кто в одиночестве вслушивается в их скорбь; впрочем, автор находит, что эти тоны выражают чисто человеческие чувства и что им многим обязана немецкая поэзия. Шиллер, Кёрнер и Гумбольдт имели полное основание хвалить статью, в которой Гердер снова обнаружил свое умение характеризовать поэтические явления. Можно без колебаний подписаться под следующим отзывом Гумбольдта: «Ему очень хорошо удалось сравнение туманной каледонской лирики с блестящей ионической эпопеей, и я, право, не знаю, можно ли что-либо прибавить к этому сравнению. Слог в высшей степени благороден, жив и местами чрезвычайно изящен. Даже мелкие субъективные отступления, без которых редко обходятся гердеровские статьи, встречаются здесь очень редко и по меньшей мере не портят общего впечатления, которое производит статья».

Гердер сотрудничал в журнале «*Норен*» с таким рвением, что уже в половине октября послал Шиллеру новую статью¹. Но на этот раз ему не улыбнулось счастье. В «Празднике граций» Кёрнер не нашел никаких граций; по его мнению, вся статья напыщенна и неудачна. По своему содержанию она была дополне-

¹ Гердер к Шиллеру 10 окт. (Жизнеописание Шиллера Каролиной Вольцоген. С. 287). Шиллер послал эту статью в рукописи к Котте 16 окт. и в тот же день писал о ней Гёте.

нием к более старой статье о Немезиде, потому что здесь автор снова старается объяснить первоначальное значение мифологического понятия. Он снова приписывает этому понятию первоначальный нравственный смысл: он полагает, что грации были олицетворениями добродетелей — благосклонности, признательности и веселости; в особенности о признательности он говорит с самой изысканной и нежной чувствительностью. Таким образом, оказывается, что здесь эстетический интерес уступает место нравственному¹. Автор отдает предпочтение древним одетым грациям перед нагими грациями нового стиля, которые превратились в простые украшения, лишенные своего первоначального нравственного значения, а между тем как он придает слишком серьезное значение одному из самых приятных для глаз олицетворений, он в то же время старается придать своей слишком серьезной точке зрения привлекательность посредством изящной формы изложения. Но именно вследствие этого старания его статья оказалась совершенно неудачной. Когда Якоби пытался заманить Гёте к себе в гости тем, что описывал ему разные семейные празднества, то Гёте выразил свое отвращение к таким маскарадам в простой домашней обстановке. А статья Гердера начинается описанием символических приготовлений к «празднику граций», который похож на очень неизящный маскарад; разговоры, которые ведутся между присутствующими на празднике гостями, также вовсе не натуральны, а лежащие в основе статьи о Немезиде филологические и археологические рассуждения очень неудачно приложены в конце статьи в длинном ученом примечании.

Гердер желал, чтобы и его пятая статья «Идуна, или Яблоко, возвращающее молодость», была напечатана в журнале «*Noen*» в течение первого года его существования; но Шиллер, получивший эту статью 30 октября 1795 г., поместил ее в начале первого номера журнала следующего года². Здесь в форме диалога обсуждается вопрос, чем могла бы быть северная мифология для немцев и в особенности для немецкой поэзии. Одно из участвующих в разговоре лиц — Альфред указывает на богатство живописных сцен и поэтических идей в той мифологии, равно как на заключающиеся в ней верные воззрения на нравственность, и за-

¹ К Шиллеру 18 дек. 1795 г.

² Судя по выраженному Гердером желанию (Жизнеописание Шиллера. С. 287) и по письму Шиллера к Котте (2 нояб. 1795 г.) эта статья должна была появиться в последнем номере 1795 г. Что она была получена Шиллером 30 окт., видно из письма Шиллера к Гердеру (А I, 192).

тем настаивает на необходимости свободно пользоваться этим сокровищем, для того чтобы вводить преобразования, от которых возвращается молодость. Итак, Гердер желает только преобразований и возвращения молодости, потому что от его внимания не ускользает все, что в той мифологии грубо и чуждо для нас, и потому что он вовсе не намерен умалять достоинства греческой мифологии, «самой изящной во всем мире». Так как к его универсализму всегда примешивалась некоторая доля патриотических чувств, то вполне естественно, что и здесь он затронул патриотическую струну. «Мир обширен, — говорит он, — а муза должна обходить его и с лирой в руке, и с кистью живописца». И разве он не проповедовал необходимости сохранять связь с древним немецким языком и с древней немецкой поэзией? Разве он не доказывал, что мифология всякого народа есть поэтическое произведение, натурально развивающееся вместе с народным языком и поэзией и вследствие того заключающая в себе обильный источник поэзии? И его влечение к оригинальным оборотам речи, и его гевристический способ пользоваться мифологией — все это снова встречается в рассматриваемой нами статье. Автор считает неоценимым благом, если народ имеет мифологию, возникшую на его собственном языке, потому что он находит в такой мифологии драгоценный запас олицетворений, идей и идеалов, которыми может пользоваться поэт. Далее автор сожалеет о том, что на немецком языке нет такой мифологии, и видит в этом причину дидактической сухости и бедности фантазии у немецких поэтов последних столетий. В заключение он говорит: «А разве мы не можем найти в мифологии соседнего народа, также принадлежащего к германскому племени, средство восполнить недостаток вполне развитых фикций? Задавшись этим вопросом, автор тотчас сам разрешает его. Он осмеливается высказать надежду, что из мифологии «Эдды», «лишь только ее прикоснется яблоко Идуны», могут возникнуть бессмертные поэтические произведения, что из омолодевшей северной сказки выступит на свет скрытый в ней идеал.

Объясняя поэтическое значение мифологии, статья Гердера ссылалась на элегию Шиллера «Боги Греции». Тем более следовало полагать, что Шиллер согласится с воззрениями Гердера. Однако на деле вышло иначе. В первый раз между ними обнаружилось разномыслие, но только вследствие недоразумения, вернее, вследствие неясности основной точки зрения. Гердер рекомендовал вниманию немецких поэтов северогерманскую мифологию ради ее идеального содержания, а Шиллер вообразил, что

Гердер рекомендует ее по причине ее родства с духом нашей теперешней жизни и нашего теперешнего мышления. Гердер, правда, высоко ценил сохранение оригинальных национальных оборотов речи, но он ничего не говорил в своей статье о необходимости дорожить прозой тогдашней немецкой жизни; напротив того, он советовал искать противовеса той прозе в древних созданиях мифологической фантазии. Поэтому Шиллер был во всех отношениях не прав, когда приписывал Гердеру ту мысль, «что поэзия должна истекать из жизни, из условий своего времени, из действительности, для того чтобы составлять с ними одно целое и всегда возвращаться к этому источнику». Он вовсе не кстати распространяется о «преобладании прозы во всех условиях нашей жизни» и приходит отсюда к заключению, что поэтический гений поневоле должен удаляться от сферы действительной жизни и создавать свой собственный мир, «поневоле должен через посредство греческих мифов переноситься в чуждый для нас идеальный мир, потому что в действительной жизни он мог бы только загрязниться»¹. Почти то же самое говорил и Гердер в своей статье, только с той разницей, что точкой исхода для его рассуждений не служили нападки на прозу современной жизни и что он указывал наряду с греческой мифологией и на северную мифологию как на новый источник, из которого поэты могли черпать вдохновение. Но автор «Писем об эстетическом воспитании человека» всецело предался убеждению, что характер его времени утратил всякое достоинство, что поэт, не имеющий ничего общего со своими современниками, должен искать убежища у более достойных людей старого времени, что он должен воспитаться под греческим небом и, возвратившись в среду своих современников, заботиться о возвышении их умственного уровня; эти идеи были таким верным отголоском его собственной благородной природы и его желания направить поэтическое творчество к самым чистым и благородным целям, что он возвел их в систему, даже иногда отзывавшуюся предвзятыми мнениями, и считал своим долгом протестовать против всякого другого образа мыслей, против всяких, даже только мнимых уступок неэстетическому духу времени, против всяких других идеалов, кроме греческого. В его аристократическом «мире изящества» находило для себя место только такое изящество, которое не имело ничего общего ни с действительной жизнью, ни даже со своеобразным складом ума его соотечественников, а в пантеоне

¹ К Гердеру 4 нояб. 1795 г. (А, I, 192 и сл.).

его фантазии не было места ни для каких других богов, кроме греческих.

Он без всякой причины завел по этому поводу дружеский спор; но именно из этого спора и выяснилось, в какой мере его собственные воззрения не сходились с воззрениями Гердера. Это несходство убеждений вовсе не было так велико, чтобы сделаться основательной причиной разрыва между двумя писателями. Шиллер считал ничем не прикрашенное изображение человеческой природы за задачу искусства, а стремление индивидуума к чистому человеческому идеалу за высшую нравственную цель; но и Гердер высказывал по-своему те же мысли гораздо ранее и в разнообразной форме. В первой части своих «Писем о гуманизме» (с. 169 и сл.) он настойчиво утверждал, что поэзия должна держаться в стороне от борьбы политических партий, что она не должна выходить из сферы гуманности, как из того чистого эфира, в котором дружелюбно сходятся все политические мнения, что всякое деятельное участие поэта в политических делах вредно. Но тотчас вслед за этим высказывалась мысль, что все-таки «поэзия, в качестве отголоска своего времени, должна непременно сообразоваться с духом этого времени»; а незадолго перед тем автор жаловался на то, что наша поэзия, в сравнении с патриотической поэзией евреев и греков, принимает слишком мало участия в общественные дела; он также выражал желание, чтобы слова поэта прежде всего выражали желания и стремления нации, чтобы они были отголоском духа времени. Он восставал только против односторонности и излишка политических тенденций в поэзии и в то же время печатно хвалил и написанные в духе времени стихотворения Глейма и патриотические стихотворения Клопштока, Уца и Клейста. Из желания влиять на своих современников приноравливаясь к условиям их жизни, он писал одни вслед за другими письма о гуманизме; в политическом журнале Генца он сотрудничал так же, как сотрудничал в неполитическом журнале Шиллера, а стихотворения Бальде так понравились ему своим историческим содержанием, что он стал с наслаждением подражать им. Что же касается гуманности греков, то он, в качестве винкельмановского ученика, увлекался этой гуманностью ранее Шиллера и с гораздо большим знанием дела. Он также признавал, что греки достигли в некотором отношении высшей ступени развития; но, с другой стороны, в своем преклонении перед их художественными превосходствами он никогда не доходил до того, чтобы не обращать внимания на некоторые хорошие стороны человеческой природы у других наций, и всегда

горячо отстаивал эти хорошие стороны против односторонних восхвалений греческой жизни. Человеческий идеал возник у Шиллера из философских соображений, а у Гердера — из естественного влечения, из широкого понимания разносторонности человеческой натуры. Поэт дошел путем абстракции до своего основного положения, что изящество тождественно с нравственностью, гуманность тождественна с изяществом, а греческий быт тождествен с гуманностью; все эти понятия он соединил в одно целое, разукрашенное его остроумной фантазией и поражавшее своим идеальным блеском. Философия имела очень малую долю участия в понятии Гердера о гуманности; это понятие созрело в его уме путем исторических соображений; оно было скорее выражением его интереса к самым разнообразным формам и проявлениям человеческого ума, чем ясным убеждением, потому что служило для него чем-то вроде растяжимого мерила при оценке исторических явлений. Гердер не мог не соглашаться с тем, что было остроумного в суждениях Шиллера, но ему было вовсе не по вкусу все, что было в этих суждениях абстрактно и искусственно. Если бы он исполнил свое намерение написать письма в ответ на статью Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии», то он, без сомнения, смягчил бы все ее резкие и односторонние суждения, точно так же как когда-то смягчил резкие мнения, высказанные Лессингом в статье о Лаокооне и в теории басни и эпиграммы, — но основной мысли Шиллера он горячо сочувствовал. Напротив того, ему были решительно противны кантовские идеи, против которых Шиллер ни разу не протестовал и которые даже положительно одобрял в начале своих «Писем об эстетическом воспитании». Поэтому Гердер осуждал именно эти письма за их односторонность, между тем как Гёте находил в них совершенно подходящий для его натуры умственный напиток. «Гердеру отвратительны эти письма, — писал Шиллер Кёрнеру, — потому что он считает их за кантовские преступления; он постоянно сердится на меня из-за них»¹.

Итак, между Шиллером и Гердером было так много спорных пунктов, что разрешение вопроса о дальнейшем существовании триумvirата вполне зависело от Гёте. И в этом случае учение Канта имело свою долю влияния. Гёте сам говорит в *Летописях*, что отвращение Гердера к кантовской философии в связи с таким же отвращением к Йенскому университету было главной причи-

¹ Шиллер к Кёрнеру 7 нояб. 1794 г.; сравн. письма Гёте к Шиллеру от 26 окт. 1794 г. и Кёрнера к Шиллеру от 20 нояб. 1794 г.

ной охлаждения, происшедшего в его отношениях к Гердеру с половины 90-х годов. Кроме того, были и другие причины такой перемены — например, различие политических убеждений, о которых уже было говорено ранее. Но если даже сотрудничество в одном и том же журнале и общность эстетических интересов не могли прочно восстановить прежнюю связь, то причину этой перемены следует искать в гораздо более серьезном разномыслии. На деле оказалось, что вмешательство Шиллера, по-видимому на короткое время прекратившее прежние разномыслия, наконец окончательно разорвало ослабевшие узы дружбы. Не философия и не политика разорвала эти узы; их разорвало искусство. Союз между Гёте и Шиллером был союзом между двумя художниками, а Гердер был исключен из него, потому что не был художником.

Чтобы вполне уяснить значение этого факта, мы должны возвратиться назад к цветущим временам дружбы Гердера с Гёте, т. е. к десятилетию от 1783 до 1793 г. Ведь даже в течение этих десяти лет не переставали существовать зародыши разлада, которые не имели никакого вредного влияния при тогдашнем положении дел, но при изменившихся обстоятельствах могли получить широкое развитие.

Когда Гердер, живя в Италии, нашел в Риме следы пребывания Гёте, из которых понял, что не во всем сходится с воззрениями своего друга, когда он пришел к ясному осознанию, что для его собственной умственной жизни нужна совершенно другая атмосфера, тогда он в первый раз понял, что в их взаимных отношениях был один пункт, которого не следовало касаться. Достаточно познакомиться с содержанием писем, которые писал Гердер из Италии, и с откровенными отзывами Гердера и Каролины о Гёте, для того чтобы прийти к убеждению, что дружеской связи постоянно угрожали разрывом некоторые никогда совершенно не умолкавшие мысли и чувства. Несмотря на сходство идей и на дружеские отношения, и у Гердера, и у Каролины не умолкало недоверие к Гёте, который был в их глазах самым надежным из друзей, но в то же время самым ненадежным как поэт, самым благородным человеком, но в то же время тайным советником. Когда Гердер жил в Италии, Гёте поддерживал бодрость духа в Каролине своими советами, утешениями дружеским участием; он иногда откровенно говорил с ней о своих замыслах, о своих литературных предприятиях, и даже сообщил ей о своем намерении писать драму «Тассо»; он бесцеремонно приходил к ней во время ее обеда, помогал ее детям писать письма к их отцу; но

когда Каролина все это описывала в письмах к отсутствующему мужу, в ее выражениях удовольствия и признательности проглядывало какое-то недоверие, какое-то тяжелое чувство, лежавшее у нее на сердце. Ей не всегда приятны посещения друга; она находит, что он иногда бывает сдержан, что сегодня кажется ей не таким, каким был вчера; «он иногда бывает похож на хамелеона; то он вполне мною доволен, то только наполовину». В другой раз, после того как она только что похвалила Гёте за его добродушие, она пишет: «Только жаль, что он не снимает никогда своего панциря; однако это иногда не мешает мне видеть его насквозь». Кроме того, ее ставит в затруднительное положение несходство ее мнений с мнениями тех женщин, которые с завистью рассказывают ей разные любовные приключения ее друга; она также не знает, чью принять сторону в испортившихся отношениях между Гёте и г-жой Штейц. Она не знает, как следует смотреть на то, что «молоденькую Вульпиус Гёте заставляет разыгрывать роль Клерхен». Она находит его поведение странным; она винит его в том, что он уже не хочет сделать ни одного шагу для своих друзей, — но при первом удобном случае она снова хвалит его или все ему прощает. Его характер для нее загадка, которую она не в состоянии разрешить. Она читает его стихотворения, которые печатались в то время; она обижена тем, что узнала себя в Леоноре, в драматическом фарсе «Патер Брей»; «я не могу, — пишет она, — жить с ним в дружбе в течение следующего месяца; он производит на меня тяжелое впечатление». Но в это время приезжает в Веймар Мориц, долго живший в Италии в близких сношениях с Гёте; она слушает его философские суждения о своеобразных поэтических дарованиях Гёте; она объясняется с поэтом касательно Леоноры, выведенной на сцену в фарсе «Патер Брей», — и остается вполне удовлетворенной его объяснениями касательно приемов его поэтического творчества. Теперь ее понятие о Гёте как человеке сливается с ее понятием о Гёте как поэте; она радуется тому, что с каждым днем все больше и больше научается понимать его, что начинает относиться к нему как к богато одаренному природой поэту, который, по выражению Морица, заимствует из природы все, что вздумается, — и крупное и мелкое, даже личные людские отношения, и потом все это перерабатывает в своем уме. С каким удовольствием она читает первые страницы гётевского «Тассо» и переписывает их для отсылки к мужу, в надежде доставить ему несколько минут наслаждения, и как она старается смягчать смысл всего, что ей пишет Гердер о Гёте и о Морице! «О характере Гёте я наконец со-

ставила себе окончательное мнение. Он, как настоящий поэт, живет в целом, или целое живет в нем; поэтому мы, в качестве отдельных личностей, не должны требовать от него более того, что он может дать. Конечно, правда, что он считает себя каким-то высшим существом, но все-таки нельзя не сознаться, что он самое лучшее и самое неизменное из таких существ. С тех пор как я узнала, что такое поэт и художник, я не требую никаких доказательств более тесной дружбы; однако когда он приходит ко мне, я чувствую что в нем хорошая душа».

Своим женским чутьем Каролина верно поняла характер друга. Если бы Гердер был в состоянии также хорошо уравновесить свои суждения о Гёте как человеке со своими суждениями о Гёте как поэте, то их дружбе не было бы конца и оба писателя не переставали бы по-прежнему оказывать благотворное влияние друг на друга. Но Гердер отзывался о Гёте в совершенно другом тоне, чем Каролина. Живя в Италии, он почувствовал нерасположение к Гёте как художнику, но это нерасположение перенес на Гёте как человека. Он был недоволен тем, что советы, которые давал ему Гёте на дорогу, были, по его мнению, неосновательны; его сердило то, что Гёте давал ему эти советы тоном наставника или опекуна; а то, что другие горячо превозносили Гёте как поэта, он решительно не мог выносить. «Моя поездка в Италию, — писал он, — к сожалению, слишком ясно убедила меня в его самолюбии и в его неспособности в ком-либо принимать искреннее участие. Но он не может переделать себя; конечно, грустно сознаться, что он рассеял приятное заблуждение на его счет; но лучше ясно видеть вещи, чем заблуждаться...» «Он живет только в самом себе и для самого себя», — говорил Гердер в другом письме; и ему было очень неприятно узнать, что этот эгоизм художника должен был еще усилиться, вследствие того что Мориц преклонялся перед поэтом, как перед идолом. «Эти философские воззрения Морица на искусство, — писал он, — вполне приспособлены к воззрениям Гёте и не согласны с моими самыми глубокими убеждениями; они отзываются себялюбием, идолопоклонством, равнодушием ко всему другому и для моего сердца крайне неутешительны». Поэтому, хотя он и признает неподражаемое изящество гётевских стихотворений, но он не соглашается с теми доводами, посредством которых Каролина извиняет нескромность попавших в сборник тех стихотворений, «юношеских дурачеств и шуточек». «Разве можно, — говорит он, — все обращать в шутку по своей прихоти; я принужден отдаляться от такого великого художника, который даже на своих друзей смот-

рит как на бумагу, на которой пишет, или как на краски своей палитры, которыми рисует». При такой точке зрения и при таком душевном настроении он и к началу гётевского «Тассо» отнесся с холодным одобрением. С тех пор он стал при всяком удобном случае указывать на несходство своих воззрений с воззрениями друга: «Пусть его считают за зеркало, в котором ярко отражается вселенная, я со своей стороны охотно останусь тусклым солнечным диском». По поводу гётевского описания карнавала он говорит: «Гёте пишет по внушению своего гения, но его гений не мой». Он просит жену прекратить переписывание гётевского «Тассо»; он так часто и так решительно указывает на противоположность между своими воззрениями и воззрениями Гёте, что наконец убеждает в этой противоположности и Каролину. Она доходит до того, что извиняется в своем пристрастии к художнику; она говорит, что уже давно разделяла мнения своего мужа о Гёте, но по случайным причинам относилась к поэту более снисходительно, чем Гердер; наконец она утверждает, что ни за что не предпочла бы «тщеславие поэта» чистым и неизменным убеждениям своего мужа.

Мы уже ранее рассказали, какие непредвиденные обстоятельства снова изменили эти односторонние суждения, каким образом «тщеславный поэт» снова доказал Гердеру свою неизменную преданность и свое доброжелательство при разрешении вопроса о гёттингенской должности, каким образом Гердер пользовался дружеским участием Гёте после своего возвращения из Италии и после того, как неохотно решился оставаться в Веймаре. Самое убедительное доказательство прочности их дружеской связи заключалось в том, что именно в том пункте, в котором они расходились по несходству своих врожденных влечений, художник охотно подчинялся приговорам своего друга, смотревшего на спорный вопрос не глазами художника, а глазами моралиста. Гердер, решительно отказавшийся в Италии от всяких любовных интриг, не мог сочувствовать некоторым стихотворениям, написанным Гёте после его пребывания в Риме, не мог сочувствовать в особенности тем эротическим стихотворениям, в которых идеализировались некоторые эпизоды из собственной жизни Гёте; Гердер относился к этим поэтическим произведениям снисходительно, но не одобрял ни их содержания, ни их публичной выставки. «Книжечку с элегиями и эпиграммами, — писал Гёте Кнебелю 1 января 1791 г., — я почти решился отложить в сторону. Я был не прочь издать элегию, но Гердер мне это отсоветовал, и я слепо подчинился его желанию». Но

было бы несправедливо требовать от Гёте, чтобы он часто выкалывал такую же покорность, чтобы он приносил в жертву основанным на нравственных мотивах возражениям своего друга лучшие плоды своей мастерской художественной деятельности. К эстетическому разномыслию присоединялось и политическое. Гердер как моралист был только стеснением для поэта, а его вмешательство в политику в качестве гуманиста крайне не нравилось художнику, чувствовавшему отвращение ко всяким насилиям, преданному телом и душой своему государю и раз навсегда решившемуся «отстаивать существующие порядки». Именно в это время Гёте случайно сошелся с другим поэтом, который вводил его в сферу новых плодотворных идей, не обнаруживал никаких притязаний на роль нравственного руководителя, сочувствовал его влечениям «без всяких претензий на умственное превосходство, не противоречил ему так, как постоянно противоречил Гердер, иными словами, сошелся с таким поэтом, который держался в стороне от политических стремлений своего времени и, подобно ему самому, интересовался только тем, что касалось искусств; само собой понятно, что привлекательная сила этого нового друга должна была взять верх над ослабевшей связью с более старым другом.

Появление первой части «Вильгельма Мейстера» в начале 1795 г. ясно доказало, что Гёте уже совершенно высвободился из-под влияния Гердера. Вполне соглашась с теоретическими положениями Шиллера, что изящное пролагает путь к свободе и что эстетически развитый человек вместе с тем и человек нравственный, Гёте подвел в том произведении нравственный мир под закон ритмически-гармонического внутреннего движения, которое само собой очищает нравственность и заменяет тяжелые требования долга свободной изящной естественностью. Благодаря художественной форме изложения самые глубокомысленные взгляды на цельность человеческой жизни сделались понятными для самых неразвитых умов, а самые обыкновенные деяния были представлены в идеальном свете и облагорожены. Так смотрели на это произведение Гумбольдт и Шиллер; этот последний настойчиво указывал на ясность, гладкость и понятность целого, вследствие чего оно возбуждает в читателе сознание душевного и физического здоровья. Еще прежде Гумбольдта и Шиллера Гердер познакомился с началом этого сочинения и горячо убеждал своего друга довести до конца начатую работу; но уже тогда он высказывал сожаление по поводу того, что герой романа слишком долго живет в дурном обществе. Между тем содержа-

ние нового сочинения подверглось некоторым изменениям: именно то, что не понравилось Гердеру, подучило еще более яркую окраску; возражения, с которыми он обращался к автору, были оставлены без внимания, без сомнения, потому, что не сходились с художественными целями автора. Гёте перестал обращаться к критику за советами, а когда этот последний прочел, после выхода в свет первой части, те сцены, в которых появляется Филин, то он с еще более глубокой, чем прежде, скорбью понял, как велика была разница между его образом мыслей и гётевским. Его суждения были согласны с тем, что говорилось в кружке Якоби; в особенности дамы, принадлежавшие к этому кружку, находили в романе «какое-то грязное направление», мешавшее им наслаждаться тем, что было художественно изящно. Одной из этих дам Гердер написал то замечательное письмо, в котором отказывался от соучастия в прегрешениях поэта, указывал на несходство своей точки зрения с точкой зрения Гёте и выражал прискорбное сознание своего отчуждения от старого друга и своего постоянно усиливавшегося одиночества¹. «Гёте, — писал он, — думает об этом иначе; верность сцен составляет для него все и он не заботится о том, что хорошо, благородно, нравственно. Этот недостаток замечается во многих из его сочинений. Он перестал спрашивать мое мнение именно потому, что наши воззрения на этот предмет совершенно различны. Ни в искусстве, ни в жизни я не могу выносить, чтобы тому, что называют талантом, приносилась в жертву нравственность, и чтобы один талант имел право голоса...» «Едва ли найдется кто-нибудь другой, более меня недовольный таким способом изложения, потому что это во многих отношениях огорчает меня. Едва ли найдется в Германии другой город, где так же часто, как здесь, игнорировали бы нежные нравственные чувства, а от этого жизнь утрачивает для бедных людей свою главную прелесть и нередко слышатся очень резкие диссонансы». К жалобам на Гёте присоединяются жалобы на Веймар. Именно тот, ради кого Гердер остался в Веймаре, стал отравлять ему жизнь в этом городе. Гердер чувствует, что его стал чуждаться тот из его сыновей, которого крестил и больше других любил Гёте. Он говорит в письме к Г. Мюллеру, что этот сын избаловался и попал на ложный путь главным образом

¹ В письме к жившей в Голштинии графине Baudissin; оно сообщено Дюнцером (А, I, 20 и сл.). Каролина упоминает об этой графине в «Воспоминаниях» (III, 243); семейство Гердера очень подружилось с ней летом 1791 г. в Карлсбаде; она внесла в Гамбурге деньги за ученье сына Гердера, Вильгельма (Каролина к г-же Франкенберг: Preussische Jahrbücher. XLIII, 147).

под влиянием «наших гениальных людей». «Никто не чувствует и не чувствовал сильнее меня, как дурна атмосфера, в которой мы живем; вредный, резкий сквозной ветер прохватывает насквозь мои нервы»¹. Что Гёте «перестал следовать его советам», он ясно убедился из того, что в шестом номере журнала «*Ноген*» были напечатаны те гётевские элегии, которые сначала были отложены в сторону по его совету. А так как и все без исключения «Венецианские эпиграммы» появились в 1796 г. в шиллеровском «Альманахе муз» рядом со стихотворениями Гердера, то Каролина писала Г. Мюллеру: «Ввиду тех эпиграмм следует радоваться тому, что стихотворения моего мужа печатаются без подписи его имени»².

Как тяжело видеть на деле и как тяжело рассказывать, каким образом мало-помалу охладевает и наконец совершенно разрывается дружеская связь между людьми, которые прежде искренне уважали друг друга и делились между собой всем, что было лучшего в их уме и в их сердце. Пока их соединяет общность воззрений и интересов, они все извиняют друг другу с тем снисхождением, которое свойственно искренней привязанности. Но когда они начинают расходиться в своих воззрениях и интересах, начинает исчезать их взаимное доверие, а вместе с доверием исчезают снисходительность и беспристрастие в их взаимных отношениях. Тогда по всякому ничтожному поводу возникают между ними неприятности и недоразумения. Тогда прежнее взаимное сочувствие уступает место равнодушию, а равнодушие мало-помалу переходит в отвращение и в ненависть.

Наряду с решительным разномыслием по вопросам, касавшимся этики и эстетики, одной из внешних причин разрыва было то тяжелое бремя служебных обязанностей, которое принял на себя Гердер по совету Гёте, для того чтобы улучшить свое положение в Веймаре, и которое становилось с каждым годом все более и более невыносимым. С этим бременем соединялись и некоторые денежные затруднения. Гердер ни в каком случае не прекратил бы своих литературных занятий вследствие внутреннего к ним влечения, вследствие непреодолимой врожденной склонности к ним, — он не прекратил бы их даже в том случае, если бы был свободен от всяких внешних побуждений. Но на самом деле он был поставлен в необходимость продавать свои «Идеи» за деньги и не терять из виду материальные выгоды, в то время как

¹ 27 окт. 1794 г. Этим числом помечено письмо у Гельцера (с. 249).

² 31 янв. 1796 г.

писал свои сочинения с целью распространения гуманных идей. Его продолжительная болезнь и его поездка в Ахен потребовали значительных расходов. Уже в течение многих лет его дом был похож на лазарет. Его сестра, постоянно нуждавшаяся в тщательном уходе, жила у него с весны 1789 г. до своей смерти в конце 1793 г.¹ Новые еще более значительные расходы потребовались на содержание его детей. Его старший сын Готфрид покинул в 1792 г. отцовский дом, для того чтобы изучать медицину в Йене. Его третий сын Вильгельм решил заняться торговлей; поэтому Гердер счел нужным предварительно обучить его французскому языку и с этой целью поместил его в невшатальское учебное заведение при посредстве жившего в Шафгаузене Мюллера². Его четвертый сын Адальберт, воспитание которого взял на себя его крестный отец Глейм, был отправлен в Гадерслебен для изучения там сельского хозяйства, к которому с ранних лет обнаруживал сильное влечение³. Самые большие заботы причинял своим родителям второй и самый даровитый из сыновей Гердера, гётевский крестник и любимец герцогини Амалии, Август. Каролина желала поместить его, после выхода из школы и до поступления в университет, к Георгу Миллеру, изъявившему готовность заняться им до его возвращения в отечество⁴. Причиной такого желания было то, что привязавшегося к Гёте Августа баловали все, желавшие угодить вдовствующей герцогине, что он стал чуждаться своего отца, стал любить светские развлечения и мог исправиться лишь под руководством серьезного и вместе с тем искренне доброжелательного наставника. Что Веймар был «самым вредным городом для воспитания детей» — это глубоко сознавала Каролина, но об этом еще более скорбел душой Гердер. Наконец, было решено отправить Августа в Невшатель в учебное заведение Дроца; там он провел вместе со своим братом Вильгельмом зиму 1794/95 г. и следующее лето; после того два брата провели несколько недель у жившего в Шафгаузене отцовского друга и возвратились домой в октябре 1795 г. Из писем к Мюлле-

¹ Касательно сестры Гердера, бывшей замужем за Гюльденгорном, см.: Воспоминания. I, 39 и сл.; то, что говорит о ней Гаман (Соч. Гамана. V, 138 и сл., VI, 107 и сл. и во многих других местах; также: В, 231, 269, 371, 381, 385, 398, 402, 404, 411, 416; С, I, 142, 164).

² Продолжительные об этом переговоры составляют с 3 ноября 1793 г. до марта 1794 г. главное содержание переписки между Веймаром и Шафгаузеном.

³ См. переписку Гердера с Глеймом от 18 окт. до 4 апр. 1794 г.

⁴ Главным источником сведений служит для нас переписка Гердера с Мюллером; то, что в ней касается этого семейного вопроса, большей частью выпущено у Гельцера; впрочем, сравн.: *Гельцер*. С. 247 и сл.

ру и из советов и предостережений, с которыми Гердер и Каролина обращались к сыновьям, видно как они заботились о воспитании своих детей и как они радовались тому, что направление ума младшего из тех двух сыновей начинало изменяться к лучшему. «Я уверен, — писал Гердер, — что небо услышит мои мольбы о Вашем счастье... Как сильно, как невыразимо сильно стремится к Вам мое сердце! Не теряйте из виду указанной мной цели; тогда Господь сохранит Вас и пошлет Вам счастье!»¹ Пребывание в Швейцарии имело самое благотворное влияние на Августа: живя вдали от своего семейства, он снова стал любить родительский дом и понял, как была сильна любовь к нему отца. «Оба мальчика ведут себя прекрасно», — писал Гердер Мюллеру после свидания со своими сыновьями и в то же время сообщал этому другу, что Август проведет вместе с Готфридом полгода в Йене, а Вильгельм отправится учиться в Гамбург².

Однако чрезвычайные расходы, которых требовало такое воспитание детей, причиняли немало забот Гердеру и в особенности Каролине³. В числе тех условий, на которые согласился герцог с целью удержать Гердера от переезда в Гёттинген, находилось обещание «позаботиться о воспитании детей и о том, чтобы их пристроить»; но лист бумаги, на котором были записаны те условия, ни разу не предъявлялся в течение нескольких лет, а герцог и герцогиня выдавали лишь незначительное денежное пособие на воспитание трех старших сыновей Гердера. Когда пришлось отправлять Готфрида в университет, Гердер не решился обратиться за помощью к герцогу, потому что именно в то время были пущены в ход разные сплетни касательно его политических убеждений, и он уже не мог рассчитывать на прежнее доброе расположение своего государя. Когда ему пришлось отправлять в ученье и других сыновей, он наперекор советам Гёте обратился к герцогу с просьбой о денежном пособии, но получил отказ, а денежный подарок, который был им получен по этому случаю от герцогини, оказался очень недостаточным. Наконец, когда расходы на содержание отсутствующих сыновей оказались не по силам Гердеру, отыскался в июле 1795 г. затерянный лист бумаги, а Каролина решила сослаться на него и требовать исполнения того, что было обещано. В то время, как ожидалось возвращение

¹ См. письма к Августу Гердеру (А, II, 431—438) и в особенности те, которые были написаны к обоим братьям (№ 3).

² Гердер и Каролина к Г. Мюллеру 15 окт. 1795 г.

³ Касательно всего, что следует далее, достаточно сослаться на документы помещенные Суфаном в *Preussische Jahrbücher*. (XLIII, 145 и сл.).

двух ее сыновей из Швейцарии, она, по совету г-жи Франкенберг и ее мужа, обратилась к герцогине с подробным описанием своего стесненного денежного положения и сделанных расходов. Она приложила к своему письму вышеупомянутый лист бумаги, скромно, но ясно выразила надежду на исполнение данных обещаний и не забыла при этом упомянуть о неприятном положении ее мужа вследствие введения в консисторию новых порядков. Она говорила, что все это она написала без ведома своего мужа, потому что «он был в таком мрачном настроении духа, что она не могла заводить с ним речь о стесненном положении семейства». После нескольких слов о слабом состоянии здоровья ее мужа следовала просьба: «Будьте еще раз нашим добрым ангелом-хранителем и посодействуйте осуществлению тех надежд, которые привязали нас к Вам и к Веймару!» Каролина надеялась, что Гёте будет содействовать успеху ее попытки. Она сообщила ему содержание своего письма к герцогине и настоятельно просила его принять участие в этом деле. Но уже из тона этой просьбы ясно видно, что ее прежние отношения к Гёте изменились к худшему и что она уже давно перестала обращаться к этому старому другу за советами по своим семейным делам; она писала ему: «Если в Вашем сердце еще не совершенно заглохло сочувствие к моему мужу, если в Вас не заглохло хоть чувство справедливости, то вымолвите хоть одно словечко в нашу пользу». Она даже утверждала, что Гёте обязан ходатайствовать перед герцогом «об исполнении тех условий, на которых ее муж согласился остаться в Веймаре», — потому что денежная нужда дошла до последней крайности.

В ответном письме Гёте выразил и свое сочувствие к старым друзьям, и готовность помогать им, а когда герцог узнал о стесненном положении Гердера и когда ему напомнили о данных обещаниях, он также не отказал в помощи — но по своему личному усмотрению, так, как ему было легче и удобнее при тогдашнем плохом положении его финансов. Он предложил дать Августу на некоторое время заняться в своей канцелярии, а Адальберта пристроить в одном из своих поместьев; он изъявил готовность уплатить расходы за воспитание Готфрида, а затруднения, вызванные упразднением должности одного из членов консистории, он немедленно устранил учреждением новой такой же должности с постоянным жалованьем. Ошибка, очевидно, заключалась в том, что Гердер и Каролина слишком долго молчали; тем не менее, ввиду добрых намерений герцога, с ним можно бы было вступить в переговоры касательно сделанных им пред-

ложений. Но Каролина была до крайности возмущена этими предложениями. Она боялась огорчить мужа, который был так расстроен, что она не находила возможности заводить с ним разговор об этом предмете; с другой стороны, она полагала, что сделанные ей предложения нарушали право родителей руководить воспитанием детей. Она не хотела делать никаких уступок: поэтому она отвечала герцогине отказом, а к Гёте обратилась с решительными требованиями. В полном убеждении, что она требовала только того, на что имела полное право, она обратилась с резкими, оскорбительными увещаниями к такому человеку, которому — как ей было хорошо известно — было крайне противно все, что отзывалось горячностью и раздражением. «Вспомните, — писала она ему, — что Вы были посредником при переговорах с герцогом. Вы не должны допускать, чтобы герцог так явно нарушал свое обещание. В этом случае на Вас лежит обязанность настоять, чтобы герцог исполнил требования чести и нравственного долга. Чем муж мой вызвал такое вероломство? Убедительно прошу Вас, не доводите нас до крайности. Я в состоянии доказать, что причиной серьезной болезни моего мужа были непрерывные занятия в консистории. Кто вознаградит нас за то, что мы этим потеряли? Прошу Вас, ради Бога, спасите и Вашу собственную честь, и честь герцога! Я достаточно долго молчала и не могу поручиться Вам за то, что не случится какая-нибудь очень неприятная сцена. Нам нужны деньги, и мы должны получить их от герцога. Мы имеем на них право». Через две недели после того Каролина обратилась к Гёте с новым письмом, в котором напоминала ему некоторые подробности переговоров, происходивших в 1789 г., и все тем же настойчивым тоном убеждала исполнить «требования совести».

В своих ответных письмах герцогиня удивлялась странному тону писем Каролины, мягко возражала на ее обвинения, однако высказывала уверенность, что герцог исполнит данное обещание «и без всяких внешних понуждений». Но Гёте был так обижен, что не был в состоянии отвечать Каролине в таком же снисходительном тоне. Несмотря на свою готовность помочь Гердеру, он счел нужным противопоставить требования рассудка тем невоздержным выражениям, в которых от него требовали невозможного. Ему было нетрудно указать ошибки в представленном Каролиной счете. Он основательно заметил, что внезапное требование значительной денежной суммы было в высшей степени странным, после того как Гердер не счел нужным обращаться за помощью к герцогу ни при отправке Готфрида в университет, ни

при помещении остальных детей в учебные заведения. Он говорил, что это дело очень запуталось, а удовлетворение предъявленных требований оказалось затруднительным, вследствие того что с просьбой о помощи не обратились к герцогу когда следовало, что ежегодные расходы на воспитание детей постоянно увеличивались, что постоянно принимались экстраординарные вспомоществования от герцогини и что не было обращено никакого внимания на советы и мнения герцога касательно избранной для детей карьеры. И Гёте был прав: ведь в то время, как он писал это письмо, он ничего не знал о затерянном листе бумаги, а если бы и знал, то, конечно, спросил бы, неужели нельзя полагаться на обещания герцога и без всяких письменных документов? Он был прав и в том, что резко протестовал против заносчивого мнения Каролины, будто она одна понимает, в чем заключаются требования чести и совести. Касательно всего остального его мнения не были совершенно беспристрастными. Он не без основания мог порицать Каролину за то, что к последним предложениям герцога касательно помещения ее сыновей она отнеслась «с равнодушием, граничившим с презрением»; но он не ограничился этим порицанием: он говорил, что, по его мнению, следовало без всяких возражений принять те предложения, для того чтобы «восстановить прежние отношения», что готовность исполнять волю герцога имеет в его глазах более высокую цену, чем право родителей устраивать судьбу детей по собственному усмотрению. Наконец, в заключение своего письма Гёте высказал еще более тяжелые обвинения, свидетельствовавшие о его резком разномыслии с Гердером: «Но причины зла кроются гораздо глубже. Я жалею Вас оттого, что Вам приходится обращаться за помощью к таким людям, которых Вы не любите и не высоко цените и которым вы вовсе не желаете чем-либо оказывать Ваше содействие. Конечно, вовсе не трудно прибегать в минуту крайней необходимости к требованиям того, что Вам следует; но было бы гораздо лучше вести себя так, чтобы Вам и без всяких требований с Вашей стороны доставляли все что нужно. Уверяю Вас, что из-за всех аргументов, на которых Вы основываете Ваши требования, ясно видно настроение Вашего ума!» Вслед за этими словами Гёте с раздражением говорил об «образе мыслей гердеровского семейства».

Однако, несмотря на неосмотрительный образ действий Каролины, несмотря на упреки и оскорбительные выражения, которыми обменивались обе стороны, было обращено должное внимание на стеснительное положение Гердера, и обещания герцога

были исполнены в сущности так, как желала Каролина. Лишь только Каролина успокоилась, прочтя ответное письмо герцогини, и отступила на шаг от предъявленных ею требований, к ней тотчас отнеслись с самой великодушной предупредительностью. Даже ходатайство Кнебеля едва ли не было излишним: и без этого ходатайства Гёте решился, без всяких притязаний на признательность, сделать для Гердера и для его семейства все, что было возможно. Герцог вовсе не имел намерения ни объяснять в превратном смысле или урезывать прежние обещания, ни мстить Каролине за ее неуместные выходки; несмотря на плохое положение своей казны, он не только выдал Гердеру значительную сумму, но и назначил на несколько лет вперед денежное вспомоществование на воспитание младших его сыновей¹.

Однако тех слов, которые Каролина прочла в гётевском письме, нельзя было ни позабыть, ни извинить. Они были написаны не под влиянием минутного раздражения и вовсе не с намерением положить конец прежним дружеским отношениям — они были отголоском давно возникшего разномыслия и резко указывали на больное место в положении, которое занимал Гердер в Веймаре. Неоснователен был упрек в революционных стремлениях, но основателен был упрек, что с требованиями обращаются только к тем, кого не любят. Если Гердер не находил нравственных целей в стихотворениях Гёте, зато и Гёте со своей стороны не мог заглушить в себе прискорбного сознания, что Гердер провинился в неосновательном недоверии к желавшему ему добра герцогу. Хотя Каролина и сочла нужным письменно объяснять герцогине, что о слугах государства следует судить по их действиям и по тому, как они исполняют свои обязанности, и что клеветы или мнения не могут изменять договоров, но сущность дела заключалась в том, что настроение умов было отравлено. Гердер, как нам известно, считал себя обманутым при введении новых порядков в консистории и неосновательно возлагал за это некоторую долю ответственности на Гёте. Он рано или поздно познакомился с содержанием безжалостного гётевского письма; тогда оправдалось предсказание Гёте: «от кого требовали невозможного, к тому не чувствуют признательности за то, что оказалось возможным». Чаша раздражения была переполнена и с тех пор стала разливаться по самому ничтожному поводу. Чувство

¹ К тем документам, которые собраны Суфавом (с. 176 и сл.), следует присовокупить не помеченное никаким числом (написанное, по моему мнению, в 1802 г.) письмо, которым герцогиня уведомляла Каролину, что герцог назначил еще на один год 200 талеров на воспитание Эмиля.

крайней обиды, не допускавшее предположения о собственной вине, крепко засело в сердце Гердера и его жены; к нему присоединилось неодобрение тех сторон литературной деятельности Гёте, которые хотя и были блестящи, но не подходили под гердеровский идеал нравственности и гуманности, принимавший все более и более причудливые очертания. Понятно, что Каролина, к которой были непосредственно обращены оскорбительные выражения гётевского письма, менее своего мужа стеснялась в выражении своих чувств и в письмах к своим друзьям давала полную волю своему негодованию. Через три месяца после того прискорбного столкновения она писала: «После стольких разочарований у нас почти совершенно иссохло сердце». Эти слова были написаны в связи с упомянутым ранее неодобрительным отзывом о «Венецианских эпиграммах». Еще более неодобрительно отзывалась она о «Вильгельме Мейстере» в письме к Г. Мюллеру от 29 июля 1796 г.; упомянув о недавних политических событиях, она продолжала так: «Вы удивились бы, если бы узнали, какие низости нам пришлось выносить (но мой муж почти ничего об этом не знает, потому что переговоры велись только со мной)... Как Вы удивились бы поведению Гёте! Каждый день совершается какая-нибудь новая низость, и бесстыдство все усиливается».

За «Венецианские эпиграммы» и за «Вильгельма Мейстера» был ответствен один Гёте. Но вышедший на 1797 г. «Альманах муз» доставил неудовольствию Гердера новую пищу и двойную цель. Помещенные в этом альманахе «Ксении» были совокупным произведением Гёте и Шиллера; они скрепили союз между двумя поэтами. Посредством этих эпиграмм дуумвиры разом стали в угрожающую позицию против всего, что не подчинялось безусловно их теориям, и только из сострадания ни словом не упоминали о том, кто в течение некоторого времени был третьим участником в их союзе! Тогда Гердер обратился к своему старому другу Глейму с похвалами старых «Муз» и с порицанием новых: «Старое отжило, новое появилось на свет. Но мы будем держаться старого, будем любить и ценить друг друга». Таким образом, «Ксении» сделались демаркационной линией между старым Парнасом и новым; они были в глазах Гердера чем-то вроде клейма на лбу обоих союзников; из игриво-гениальных полемических стихотворений он извлекает только ядовитую пищу для своего ума; между ним и авторами этих стихотворений нет и не должно быть ничего общего; это, по его мнению, *non plus ultra* той бессердечной и непристойной поэзии, которую он отвергает и презирает несмотря на талантливость и изящество внешней

формы; она служит в его глазах оправданием той неприязни, с которой он относится к двум поэтам и по другим причинам. Именно с этой точки зрения «Ксении» и ответ на них «престарелого Пелея» долго служили предметом рассуждений в переписке Гердера с Глеймом; в особенности Каролина пользовалась этим случаем, чтобы выразить свое негодование в намеках, смысл которых был менее понятен для Глейма, чем для нас. «Пусть, — пишет она, — эти иссохнувшие умы гордятся своей талантливостью и считают свои произведения неподражаемыми, лишь бы только наш источник жизни — сердце — было свежо и здорово!» Она заявляет, что ее муж не может печатно высказывать свое мнение о «Ксениях», потому что он не поэт; «кроме того нас глубже оскорбляет сам Гёте, чем все то, что напечатано в „Ксениях“. Наша обязанность молчать; время и Немезида все взвесят на весах правосудия». Гердер радовался появлению контр-Ксений Глейма, но находил их слишком добросердечными. В том, что пишут Гердер и Каролина о тех эпиграммах, каждая строка дышит раздражением, к которому присоединяется и чувство вражды к тому, кто своим возвышением отодвинул самого Гердера на второй план. «Бессмертные не умирают, — говорит он с иронией, — а в таком случае они стоят выше всего». Каролина была слишком откровенна, когда писала: «Они одарены неподражаемым искусством и наслаждаются такими безусловными похвалами своих поклонников, что даже самые тонкие стрелы не могут оцарапать их. Предоставьте это времени и обстоятельствам. Мы здесь скромно притаились в нашем уголке. Гуманность и христианство считаются здесь контрабандой и достойными осмеяния предрассудками». Гердер желал, чтобы эти слова были выброшены из письма его жены или, по меньшей мере, чтобы они сохранялись втайне; однако немедленно вслед за ними он говорит то же самое: «Пусть всякий будет таким, каким желает быть, и пусть всякий строит Олимп по-своему. Я иногда сожалею о том, что сюда попал; но теперь мне не остается ничего другого, как сидеть здесь и терпеть сколько Богу будет угодно. Пусть всякий следует своему призванию, а мое призвание указано мне свыше»¹. Точно так же отзывается он о «Ксениях» в письмах к более молодому другу, жившему в Швейцарии: «Я не имею ничего с ними общего». А Каролина пишет: «„Ксении“ причинили нам столько неприятностей, что отравили нашу жизнь»; она ведет речь о разных «низостях» и прибавляет:

¹ В переписке Гердера с Глеймом от 7 окт. 1796 г. до 27 апр. 1797 г.

«Гёте причиняет наукам и нравственности более вреда, чем думают. На его душе много грехов, но он ничем не тревожится»¹.

Итак, Гердер, восхищавшийся и «Гёцем», и «Вертером», и «Эгмонтом», был не совсем доволен гётевским «Тассо», потом снова относился с горячим сочувствием к самым слабым поэтическим произведениям Гёте, появившимся в 1792 г., но отнесся враждебно именно к тем стихотворениям, в которых мастерство поэта достигло высшего совершенства. Не признавая ни благородства изящной внешней формы, ни могущества безукоризненной художественности, он сделался односторонним адвокатом нравственности; стал противопоставлять правам таланта права сердца, а роскошно расцветавшей поэзии — гуманность и христианство. То, чего он долго желал и что сам подготовлял, повсюду разбрасывая плодовые семена, принесло теперь богатую жатву, к которой, само собой разумеется, примешивались и сорные травы; но эта жатва показалась ему вовсе не такой, какой он себе ее воображал; плоды того дерева, которое он сам посадил и за которым сам ходил, были сладки, но они были не совсем ему по вкусу; поэтому он находил их не такими, какими они должны быть, даже находил их вредными и не годными для употребления! Наконец и гётевские баллады были полны неподдельной чувствительности и живой наглядности; они были безукоризненны по своей внешней форме, это были именно такие облагороженные отпрыски древней, выросшей на почве природы, поэзии, какие собирал с такой любовью издатель народных песен. Но Гердер видел в балладах «Бог и баядера» и «Коринфская невеста» только идеальное изображение Приапа. Ведь они были написаны тем, кто, отправляясь в путешествия, как жалуется Гердер, полагал, что не стоило труда уведомлять об этом своего старого друга². Вместо таких греческих «героических баллад» этот старый друг почти в то же время написал на пользу гуманности свои вовсе не поэтические «Neger-Idyllen» и проповедовавшие добродетель легенды. И вот ему пришлось тогда переживать то горе, что бессердечная поэзия, мало заботившаяся о нравственности, была признана молодыми критиками за единственно настоящую и высшую. Фридрих Шлегель был тот, кто в статье «Об изучении греческой поэзии» указал на резкую противоположность между поэтическими воззрениями Гердера и Шиллера и объявил, что в

¹ Письмо Гердера и Каролины к Г. Мюллеру от 6 января 1797 г.

² Гердер к Кнебелю 5 авг. 1797 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 270); Шиллер к Гёте 7 авг.; Гёте к Шиллеру № 356, I, 347.

настоящий момент уже созрело время для эстетического переворота, что гётевская поэзия, открывающая новую эпоху, есть «утренняя заря настоящего искусства и чистой красоты». «Что скажешь ты о том, что кроме революций Французской и Кантовской совершается третья великая революция — Фридрих-Шлегелевская?» — писал Гердер Якоби¹. «Впредь уже не будет Бога, а будет внешняя форма идола без всякого содержания, будет посредник между безбожием и человечеством — человек Вольфганг».

Между тем он высказал свои собственные воззрения на новую и на новейшую немецкую поэзию в седьмом и восьмом сборниках «Писем о гуманизме», в конце подробного сравнения новейшей европейской поэзии с поэзией древних.

Около того времени когда Шиллер старался охарактеризовать различие между древней и новой поэзией при помощи понятий о наивной и сентиментальной поэзии, Гердер стал обрабатывать ту же тему на свой манер на основании своих историко-литературных познаний. И его сотрудничество в «*Ноген*» в течение 1795 г., и возбуждение, вызванное в его уме статьями Шиллера об эстетике, заставляли его мысленно переноситься в сферу идей его «Отрывочных заметок», которые он уже давно стал бы совершенно переделывать и продолжать, если бы нашел достаточно свободного времени. Эту мысль он увез с собой из Бюкебурга в Веймар; она снова зашевелилась в его уме при появлении сочинения великого короля о немецкой литературе², но потом она снова улетучивалась и в последнее время была отодвинута на задний план сочинениями о теологии и о гуманизме. Наконец, когда он стал участвовать в журнале «*Ноген*» и своими статьями, и своими советами, он принялся не за переделку старых «Отрывочных заметок о новейшей литературе», а за их продолжение. Для этого не могло служить препятствием принятое им на себя обязательство продолжать «Письма о гуманизме». Если в этих письмах нашлось место для его идей о пластике, получивших дальнейшее развитие в Италии, то и размышления об истории поэзии могли стоять наряду с гуманными идеями. Ведь с гуманной точки зрения можно смотреть как на искусства, так и на поэ-

¹ См. сообщенные Дюнцером в примечании (А, II, 317) дополнения к письму от 1 дек. 1797 г. (Избр. переписка Якоби. II, 255 и сл.). Я не нахожу правдоподобным мнение Дюнцера, что следующие слова относятся к Гёте: «Таким способом ты отделашься от человека, который, как я полагаю, отплатил тебе большим злом за твою слишком сильную привязанность».

² См. выше в этом томе, с. 81, и письмо к Гарткноху от 18 апр. 1781 г. (С, II, 90).

зию; а по мнению Гердера, поэзия могла бы вступить во все свои права даже только при том условии, чтобы на нее смотрели с той точки зрения. Почти такую же мысль он уже высказал в своем старом сочинении на премию «О влиянии поэзии». Действительно, поэзия, по его мнению, «заключает в себе самые возвышенные и самые искренние человеческие мысли, заключает в себе полный расцвет человеческого ума» — этими словами он рекомендовал швейцарскому другу свои новые «Отрывочные заметки о литературе». Это понятие, конечно, не отличается строгой определенностью, но оно хорошо освещало основную мысль, так как Гердер утверждает, что поэзия выражает все желания и стремления человечества, что она идеализирует мечты, страсти и чувства человеческого рода. Он произвольно расширяет смысл слова «поэзия», понимая под этим словом все, что поэтично в образе мыслей, нравах и языке; но, допустив такое расширение смысла, ему уже нетрудно было вставить новые «Отрывочные заметки» в общий план «Писем о гуманизме». Хотя он и называет эти «Заметки» самостоятельным литературным произведением, попавшимся в руки одного из авторов писем, однако они и по своей неопределенной внешней форме подходили к форме писем; сверх того, автор присоединял к ним разные дополнения и отступления. Фридрих Шлегель, поместивший в Рейхардовом журнале «Германия» анонимную рецензию «Заметок»¹, говорит: «Эти колебания из стороны в сторону напоминают пилигрима, который сначала делает три шага вперед, а потом два назад; что же касается дополнений, то в них чаще слышится голос кроткого отца, старающегося склонить спорщиков к миролюбивому соглашению, чем голос строгого судьи, ясно определяющего права обеих сторон». Кроме того, свободная внешняя форма и общепонятность изложения «Писем о гуманизме» освобождали Гердера от необходимости тщательно вникать во все подробности — да у него и не достало бы времени для такой работы. Ведь он был же вынужден весной 1796 г. наотрез отказаться от предложенного ему Эйхгорном заведования отделом изящных наук в задуманном Эйхгорном издании «Истории искусств и наук со времени их возрождения»². Вследствие одновременного выхода в свет первого тома той истории и двух новых сборников «Писем о гума-

¹ Эта рецензия была снова напечатана в юношеских прозаических сочинениях Фр. Шлегеля, изданных Минором (II, 41 и сл.).

² В переписке Эйхгорна с Гердером № 50, 51 от 9 и 13 мая 1795 г. (С, II, 306 и сл.).

низме» Гердер снова сошелся с этим другом на почве исследования Библии. Но Эйхгорн был, по его мнению, богатой городской мышью, а он сам был бедной полевой мышью, потому что план «Писем» не дал ожидаемых результатов. Однако, несмотря на такое скромное признание, те два сборника представляют самую интересную часть всех «Писем». Написанные осенью 1795 и в начале 1796 г., они схожи по направлению с теми статьями Гердера, которые печатались в 1795 г. в «*Noten*». Сам автор ставил их в связь со статьями о Гомере и Оссиане, когда писал Эйхгорну о своем намерении впоследствии подробнее изложить те отделы, в которых идет речь об эпической поэзии¹. Впрочем, Гердер уже перестал сотрудничать в «*Noten*», когда составил эти два сборника. Шиллер приглашал его приготовить на 1796 г. для этого журнала перевод романа Дидро «*La religieuse*»; но он отклонил это предложение, между прочим, потому, что не хотел вступать в журнале в конкуренцию с самим собой, — ведь он уже давно задумал издать сборник сочинений Дидро в немецком переводе в подражание изданному Лессингом «*Theater des Herrn Diderot*»².

¹ 20 июля 1796 г. После приведенных в тексте слов: «план „Писем“ не дал ожидаемых результатов», — читаем: «ведь я намеревался рассмотреть эпические произведения отдельно от поэзии романов и собрал с этой целью немало материалов. Я имел в виду эту работу, принимаясь за статьи об Оссиане и Гомере». Это значит, что когда он писал статьи о Гомере и Оссиане, он имел в виду продукты эпической поэзии — но до этого смысла нельзя добраться у Дюнцера (С, II, 308), вследствие того что в печати вместо *sie* поставлено *Sie*. Смысл приведенных нами слов вполне подтверждается первоначальной статьей о Гомере и Оссиане, в которой ясно высказано намерение еще раз поговорить о романтической эпике по поводу лишь вкратце изложенного там обзора средневекового и новейшего эпоса.

² Шиллер к Гёте 29 нояб., Гёте к Шиллеру 15, 17 и 25 дек. 1795 г. В этом последнем письме сказано: «Касательно романа Дидро „*La religieuse*“ Гердер посоветовал мне обратиться к Вам; кроме того, он полагает, что этот роман или уже переведен, или появится в свет к будущей Пасхе вместе с другими рассказами Дидро». При этом не следует забывать, что Гердер сам помышлял об издании собрания сочинений Дидро; это видно из его переписки с Гарткнохом-младшим (см. напечатанные в SWS, XVIII, 551 отрывки из его письма от 2 янв. 1794 г. и из письма его жены от 16 марта 1797 г.). С этим намерением случилось то же, что и с однородными намерениями перевести некоторые отрывки из сочинений Гемстергюи и Франклина. Своим знакомством с рассказами Дидро Гердер был обязан главным образом принцу Августу Готскому, который начал с того, что прислал ему 20 апр. 1780 г. «*Jacques le Fataliste*» (Гердер к Гаману в мае 1780 г.: Соч. Гамана. VI, 132 и сл.; девица Гёхгаузен к Мерку 28 апр. 1780 г.: *Вагнер*. I, 242), а в течение следующих лет прислал и некоторые другие рассказы (см. Суфана «*Goethe und Prinz August von Gotta*» в гётевской летописи 1785 г., с. 29). От Якоби Гердер получил в 1792 г. «*Le Pa-*

К тому же он совершенно прекратил свое сотрудничество в «*Notizen*», с тех пор как издал два новых «Письма о гуманизме». По своему содержанию эти письма стояли на рубеже между его собственными воззрениями на поэзию и ее историю и воззрениями Шиллера и Гёте. Он довольно долго придерживается почти одинакового направления с двумя поэтами, но во второй части очевидно начинает стремиться к иной цели. Чтобы одним взглядом обозреть отличия гердеровской поэтики от поэтики наших классиков и отличия той и другой от поэтики романтической школы, необходимо не терять из виду связь новых «Отрывочных заметок» со статьей Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» и, с другой стороны, со статьей Фр. Шлегеля об изучении греческой поэзии. Придерживаясь нити исторического развития, автор «Отрывков» рассматривает многосторонние отношения поэзии к остальным культурным явлениям: по его мнению, поэзия — дочь и слуга гуманизма. Шиллер — на основании идей, заимствованных от критико-идеалистической философии, — выводит понятие о поэзии из человеческого характера, немедленно вслед за тем отождествляет это понятие с идеалом своего собственного поэтического творчества и вставляет в него исторические различия в качестве его различных типов. Наконец, романтическая поэтика, соединяя исторические соображения с философскими, старается подвести нужную восприимчивость Гердера под еще более строгую систему: доктрина Фридриха Шлегеля заключается в стремлении к самым многосторонним и возвышенным понятиям; но так как она не находит для себя опоры в непосредственной чувственной восприимчивости и в оригинальной творческой способности, то она сводится к одностороннему идеализму и переходит от блестящих воззрений к полуосновательным причудливым идеям и к парадоксам.

Гердер начинает с очевидного различия между древней поэзией и поэзией всех новейших европейских народов. Он говорит, что цель его «Отрывочных заметок» охарактеризовать это ясно бросающееся в глаза различие, объяснить его происхождение и указать, каким образом средневековая и новейшая европейская культура развилась в поэзии и посредством поэзии. Уже в своей небольшой статье «О влиянии поэзии» он заводил речь о том же предмете, но лишь мимоходом; однако выраженные в той статье

radoxe» в рукописной копии (к Якоби 29 нояб. 1793 г.: А, II, 309); после смерти Гердера Якоби обращался 30 мая 1804 г. к его вдове с просьбой вернуть ему эту книгу.

мысли снова повторяются в новой группировке и с указанием на новые решающие моменты. В новых «Отрывочных заметках» автор сначала описывает упадок поэзии у греков и римлян, стараясь объяснить его изменениями в религии, в нравах и в условиях государственной жизни. Точно так же как в вышеупомянутой старой статье, он обращает особенное внимание на христианскую поэзию гимнов, но при этом объясняет, каким образом христианские песнопения отняли у поэзии национальный отпечаток, каким образом музыка взяла верх над поэзией, ослабила выразительность языка, стараясь приспособить его благозвучие к слуху простонародья, и дала умам мистическое направление. Все это неизбежно должно было дезорганизовать древнюю поэзию, отнять у нее чувственную определенность, лишить ее национального интереса, вызвать появление «сословной сентиментальности», совершенно противоположной древнему патриотизму, и наконец преобразовать прежнюю ритмическую поэзию в ритмическую прозу со стихотворными периодами. Развитие нового своеобразного вкуса было вслед за тем вызвано тем, что германские народы выступили на сцену со своими героическими стихотворениями, воспевавшими деяния их предков. Эти стихотворения, по мнению Гердера, совершенно позабыты, но не позабыты лежавшие в их основе героические сказания. Содержанием для них служили необыкновенные приключения, и в том же духе сочинялись рассказы монахов. Но чтобы облечь это содержание в новую форму, нужен был пример той страны, которая достигла более высокой степени умственного развития благодаря частым сношениям с другими народами. «Испания была той счастливой страной, из которой озарила Европу первая искра новой культуры». Благодаря сношениям с маврами, возникли и в Испании, и в южных провинциях Франции провансальский язык и провансальская поэзия. Эта поэзия стала описывать рыцарские любовные похождения; ее целью было принятое развлечение; из декламации с особенными слогаударениями образовалась под влиянием арабов рифма — «и вот мы получили первообраз новейшей европейской поэзии: это была забава, или придворное стихотворное искусство в рифмованной форме».

После небольшого отступления касательно рифм — причем автор, точно так же как и в старых «Отрывочных заметках», употребляет некоторые выражения Гамана — историко-литературный рассказ переходит к влиянию, оказанному провансальским стихотворным искусством на соседние нации. Прежде всего автор ведет речь об итальянцах. Постоянно указывая на противопо-

ложность с древней поэзией, автор говорит, что поэзия итальянцев — начиная с их лирики и с их эпоса вплоть до появления «образцового поэтического произведения этой нации», лирической драмы Метастазियो, — была забавным разговором, в котором некоторые слова произносились с особенным ударением. Как хорошо он характеризует впечатление, производимое лирико-эпической поэзией на итальянцев и испанцев, когда говорит о волшебных садах Гесперид, где деревья поют, а на каждой веточке поющего дерева звучит стебелек! Рассказывая историю возникновения итальянской музыкальной драмы, резко отличающейся от греческой, как метко он характеризует ее оригинальные особенности! «У всех итальянских поэтов, — говорит он, — преобладают разговор и пение; они разговаривают нараспев, а когда поют — создают поэтические произведения». Говоря вслед за тем о французах, он точно будто сам делается французом. Он верно замечает, что рассказ и внешний блеск составляют отличительные черты французской поэзии. То, что он вынес из своих литературных занятий в Нанте и в Париже, отзывается и на его мнении, что французский язык самый удобный для того, кто ищет внешнего искусства, и что достоинства и недостатки французского театра объясняются условными внешними приличиями. Он оканчивает Испанией, которая не заимствовала свою культуру от провансальцев, а гордо «и самостоятельно развивала ее рядом с провансальской; испанцы — облагороженные арабы; даже в их безрассудстве есть что-то набожное и возвышенное».

Автор говорит вслед за тем о трудностях этого искусства, или — как он его называет — этой «возвышенной и изящной философии». Он утверждает, что тут ничего не достигнешь общими выражениями, и признается, что, углубляясь в произведения какого-нибудь одного поэта, он невольно старается проследить их связь с историческими событиями и даже их связь с общечеловеческими интересами. Он говорит о наслаждении, с которым изучает дух наций, прислушиваясь к голосу их поэтов; этими замечаниями он прокладывает дорогу для новых отрывочных заметок, в которых идет речь преимущественно о достоинствах средневековой европейской поэзии. На этот раз он останавливает свое внимание главным образом на содержании этой поэзии. Оно вертится на романтизме, в состав которого входят три элемента: любовь, храбрость и благочестие. В этих трех словах благородные чувства смешиваются с неблагородными, чем и объясняются как плохие, так и хорошие стороны средневековой поэзии. Ее прочные достоинства определяются основным правилом, что

«столько истина и добро придают изяществу долговечность», что даже искусство не в состоянии облагородить то, в чем нет душевной чистоты: «ведь, все, что создается поэзией, предназначается для человеческой души». Итак, средневековая поэзия возвысилась над древней благодаря культу благочестия, чести и любви, в той мере в какой эти чувства были чисты. Что и расширившаяся сфера знаний могла сделаться источником не только схоластических тонкостей, но и настоящей мудрости, доказала великая поэма Данте. Общность народов средневековой римско-христианской Европы внесла и в ее поэзию дух человеколюбия и грацию христианской сердечной доброты. Наконец, голос этой поэзии стал раздаваться на площадях и рынках; тогда она сделалась «первым реформатором».

Однако, несмотря на богатство содержания и на возвышенные идеалы средневековой поэзии, ей недоставало изящного вкуса, недоставало образцов и постоянных правил. Этот недостаток был восполнен прежде всего возрождением древней поэзии. Автор красноречиво описывает влияние этого возрождения и даже отводит почетное место подражаниям новейшей латинской поэзии. Он говорит, что благодаря древним писателям удалось заглушить склонность к такой поэзии, в которой шла речь о любовных приключениях, о преувеличенном понимании рыцарского достоинства и о теряющемся в бесконечности благочестии; ведь только поэзия и критика древних, их философия и образ мыслей помогли правильно понять, в чем заключается определенность внешних очертаний, каковы пределы нашей природы и какие чувства естественны. Только с целью отстоять основательность этих положений автор вдаётся вслед за тем в подробное обсуждение и опровержение делаемых ему возражений. Он, очевидно, еще держится за то, что говорил в своих «Отрывочных заметках» 1767 г., так как ничего не хочет слышать о том, будто владычество греков и римлян заглушило живые языки и самобытность народного характера; напротив того, он полагает, что это владычество имело полезное влияние, потому что возбуждало к умственной деятельности. Он снова приводит слова своего сотрудника по изданию старых «Отрывочных заметок» Гамана и переходит к замечаниям касательно того, как следует читать древние произведения вместе с юношеством. Он говорит об этом то же, что говорил в своих речах на экзаменах. При этом, как он сам выражается, у него раскрывалась старая рана: ведь он постоянно жаловался на то, что ученый Бёттигер обращал внимание своих учеников не столько на дух древних писателей, сколько на

грамматические правила и на склад древних языков. В этом духе, говорит Гердер, заключаются не только поэтические правила, но также логические и нравственные.

Автор не теряет из виду древних писателей и тогда, когда ведет речь о влиянии, которое оказали на литературу изобретение тряпичной бумаги и книгопечатания. «Провансальские трубадуры и миннезингеры, — говорит он, — стали мало-помалу умолкать, потому что все сидели и читали». Они совершенно умолкли после изобретения книгопечатания. Это изобретение имело вредное влияние на «спокойное развитие оригинального поэтического творчества». Тогда вкус извратился, возникла литература с промышленными целями, появилась недобросовестная, продажная критика — это было большое зло, которому можно противодействовать только совокупными усилиями честных людей и «выражением полного презрения». В этих заметках Гердер касается того же вопроса, который впоследствии обсуждался с еще более односторонней взыскательностью в лекциях А. В. Шлегеля о литературе, искусстве и духе того времени и в сочинении Фихте «Отличительные черты нашего времени».

Вслед за этим автор переходит к тем важным историческим событиям, которые совершенно уложили в могилу поэзию Средних веков. Всего подробнее он говорит о влиянии реформации. Она сделалась причиной разобщения между народами. Между тем как народы, оставшиеся верными католицизму, придерживались своих прежних поэтических образцов, в протестантских странах появилась взамен поэзии, основанной на баснословных вымыслах и на вере, поэзия, основанная на рефлексии. Для наглядного объяснения этого различия автор сначала делает обзор английских поэтических произведений, в особенности произведений тех английских поэтов, которые занимали срединное положение между древней и новой поэзией, — Шекспира, Мильтона, Коули, Драйдена, Попа, Юнга и Томсона. Это описание рефлексивного характера английской поэзии дополнено в следующей главе характеристикой английских романов. И в этом случае у Гердера можно поучиться, как следует писать историю литературы. Он очень верно объясняет, каким образом появление английского романа, в качестве философического романа, было подготовлено Шекспиром, почему английский юмор был натуральным продуктом свободного развития всех сословий, а литература еженедельных журналов служила подготовительной школой для Фильдинга, Ричардсона, Стерна и др. Наконец, Гердер высказывает такую мысль, которую романтическая школа впо-

следствии далее развивала или верней доводила до крайних преувеличений. В роман, говорит Гердер, может входить все, что интересует наш ум или наше сердце; этот род поэзии, допускающий самые разнообразные литературные приемы, включает в себе поэзию всех родов и видов. Фр. Шлегель повторил все это; он отполировал гердеровские идеи при помощи философии Фихте, и дошел до следующей формулы: романтическая поэзия есть прогрессивная универсальная поэзия.

От английской поэзии «Отрывочные заметки» переходят к немецкой. Автор говорит, что так как мы выступили на сцену позднее других наций, то нам не оставалось ничего другого, как подражать им; наши государственные порядки были виной того, что мы не умели пользоваться сокровищами нашей собственной древней поэзии. Впрочем, искусно подражать вовсе не стыдно; ведь всякое искусство в сущности есть подражание, а наш язык более всякого другого способен приноравливаться к чужим формам и подражать им — это сам Гердер доказал на деле яснее всякого другого. По поводу этих рассуждений автор приводит следующее остроумное замечание Гёте о Бальде, обращая его в тонкий комплимент Виланду: «Ананас, во вкусе которого соединяется бесчисленное множество тонких ароматов, недаром украшен короной»¹. И далее автор защищает немцев от обвинений в подражании. Он ссылается на нашу древнюю поэзию, в доказательство того что это подражание не было бесцветным, а в оправдание некоторых неудачных подражаний ссылается на немецкое добродушие и честность. Дальнейшее изложение отличается все тем же апологическим характером и заключается в оценке поэтических произведений начала XVIII столетия, не теряя из виду исторической связи между литературными явлениями. Когда автор касается той страны, где провел свою молодость, и той литературной сферы, в которой сам жил, то его суждения отзываются, с одной стороны, некоторым пристрастием, с другой стороны, дипломатической осмотрительностью при оценке исторических фактов. Усвоенные им основные правила и воззрения мешают ему ясно видеть вещи; и между тем как мы вправе ожидать, что его исторический обзор закончится радостным указанием на расцвет немецкой поэзии, обнаружившийся в течение последних десятилетий благодаря гениальным дарованиям Гёте, у него постоянно проглядывает несочувствие к этому новому развитию поэзии. По этому поводу нам снова приходит на память содержа-

¹ Сравн. письмо Гёте к Гердеру (А, I, 146).

ние его старой статьи «О влиянии поэзии» и в особенности ее последней главы. Там также высказывалось недовольство, но оно относилось преимущественно к современной публике, там также указывалась необходимость тесной связи между поэзией и нравственностью, как этого требовала самая тема статьи, написанной на премию; но в то же время, и в особенности в рукописном проекте статьи, там делался полный светлых надежд обзор новейших поэтических произведений — стихотворений Гёте, в которых такими верными и яркими красками изображалась природа. Теперь мы видим совсем другое. Автор, очевидно, неохотно ведет речь о дальнейшем развитии поэзии и делает это с какой-то кисло-сладкой миной. Галлер и Клопшток, Клейст, Лессинг и Глейм, наряду с другими, менее замечательными, поэтами, удостоиваются похвал, в которых их поэтическое искусство ставится наряду с достоинствами их сердца и характера; в числе поэтов, у которых ценится не столько блеск искусства, сколько душевное настроение и искренняя чувствительность, назван — к нашему удивлению — и Шиллер; еще более удивляет нас то, что Виланд, за свою сократическую житейскую мудрость, поставлен наряду с Гесснером — этим певцом чистой гуманности, простосердечия и природы! В этих суждениях бросаются в глаза личные и тенденциозные соображения. Они еще ярче бросаются в глаза при следующей вслед за тем оценке произведений Гёте. По нашему мнению, в этих произведениях предметом подражания служили самые высшие образцы, искренность и глубина чувств соединялись с яркой, как солнце, наглядностью, с врожденным влечением к самым изящным художественным формам. Не так думал Гердер. Он упоминает о Гёте только наряду с другими поэтами, достойными похвалы за их стремление к внешнему изяществу. Он говорит, что Гёте приблизился к внешнему изяществу древних поэтов благодаря тому, что «без всякого сочувствия верно изображал бросающуюся в глаза действительность и живо обрисовывал современные характеры». Даже из бесформенной сферы он вызывал внешние формы, как это доказывают его «Фауст» и «Grosskophta»! Эта характеристика гётевских произведений не совсем верна и слишком несочувственна. Холодные похвалы Гердера должны были казаться оскорбительными для Гёте не потому только, что соединялись с похвалами Рамлеру и Герстенбергу, Уцу и Гетцу, а главным образом потому, что они высказывались в связи с основной мыслью, что хотя внешняя форма и имеет важное значение в искусстве, но в ней не заключается вся сущность искусства; кроме того, Гердер присовокуплял к

этой основной мысли замечание, что не следовало бы пересаживать на нашу почву и те художественные произведения других наций, которые были продуктами чрезмерной склонности к сладострастию. «То было бы вовсе не согласно с духом немецкой нации, — говорит Гердер; — если бы у нас стали подвергать осмеянию нравственность... У нас нет достаточно остроумия и нет привычки ко всему относиться слегка, у нас нет и прекрасного южного неба, вот почему мы не умеем делать безнравственные сюжеты сколько-нибудь забавными и сносными». Гердер не упоминал при этом ни об элегиях Гёте, ни о «Вильгельме Мейстере» — не упоминал именно потому, что не терял их из виду.

Еще более, чем изящной внешней формы, немцам недостает критики — этим замечанием новые «Отрывочные заметки» касаются последней из тех тем, которые были у них общими со старыми «Заметками». Так как Гердер долго был главным руководителем немецкой критики сначала вместе с Лессингом, а потом независимо от Лессинга, то он, натурально, не мог ограничиться одним поверхностным перечислением всего, что сделано немецкими критиками. Но и в этом случае он обнаруживает свои ретроградные тенденции. Он лишь мимоходом упоминает о литературной критике того времени, когда издавались «Письма о литературе», — упоминает для того, чтобы излить свою досаду на «Allgemeine Deutsche Bibliothek» и на издававшуюся в Йене «Allgemeine Litteratur zeitung». Он сожалеет о том, что со смертью Г. Форстера, по-видимому, порвалась нить, связывавшая нас с идеями других наций. Вместо того (это был колкий намек на кантовский критицизм) теперь довольствуются тем, что на собственной почве строят метафизические системы; но ведь настоящая задача критики заключается в том, чтобы «переносить нас в сферу всех образованных наций». «Критика должна быть добросердечной и гуманной» — этими словами, очевидно, произносился приговор и над будущим содержанием «Ксений», и над прежними критическими статьями Лессинга, и над некоторыми старыми критическими статьями самого Гердера.

То, что в этих требованиях и в этом приговоре не отзывалось вялостью и раздражением, изложено в последней главе: «Результат сравнения поэзии различных народов старого и нового времени». Здесь автор снова рекомендует ту историческую точку зрения, которой его критика нередко умела пользоваться с большим мастерством, — вернее, односторонне сводит всю критику на историю литературы; он утверждает, что история литературы, в качестве «обзора духовной жизни народов», ценнее всякой по-

литической истории и истории войн. Отсюда мы также узнаем, какое было бы содержание того письма, с которым Гердер намеревался обратиться к Шиллеру по поводу его статьи «О наивной и сентиментальной поэзии». Здесь автор коротко, но ясно, указывает, в чем он не сходится с Шиллером. Он требует истории, а не категорий! Он предпочитает классификацию поэтических произведений по различным родам поэзии. Шиллер попытался распределить поэтов по степеням их чувственной впечатлительности и при этом «высказал много тонких и метких замечаний»; но чувственные впечатления так сливаются одни с другими, что их трудно различать. Поэтому настоящая метода — «натуральная»; она заключается в том, чтобы «оставлять каждый цветок на его месте и рассматривать его снизу доверху таким, каков он есть в данную минуту и в данном виде». Уже Фр. Шлегель заметил, что применение такой методы, без всякого общего мерил для оценки поэтических произведений, привело бы в конце концов к следующему результату: все должно быть тем, что есть и чем было. Впрочем, Гердер и здесь не придерживается исключительно этой методы, точно так же как не придерживался ее в «Идеях». И здесь его натурализм стеснен его морализмом. Он только выражает свою веру в способность поэзии к усовершенствованию. Впрочем, он говорит, что у него есть мерило для оценки, но только не такое, как у Гёте и Шиллера. Из первых частей «Отрывочных заметок» нам уже известны и это мерило, и его отличие от нашей классической эстетики. Изящному гуманизму он противопоставляет гуманизм нравственный. По его мнению, поэзия должна все более и более стремиться к «средоточию всех человеческих влечений, а именно к тому, в чем заключается настоящая, цельная, нравственная натура человека и философия жизни». «Наш путь ведет в область добросердечия, правды и нравственности».

Нетрудно догадаться, какое впечатление должны были произвести эти новые «Отрывочные заметки» на двух поэтов, которые именно в то время готовились к изданию «Ксений» и, частью под влиянием ненависти, частью под влиянием любви, все более и более сходились в своих воззрениях и суждениях. То было несомненным со стороны Шиллера подозрением, что он еще в начале 1796 г. замечал охлаждение Гердера к журналу «*Neuen*», — ведь Гердер никак не мог в то время оторваться от своих «Писем о гуманизме» и еще незадолго перед тем выразил самое дружеское сочувствие и к «*Neuen*», и к «Альманаху муз»¹; но мог

¹ Шиллер к Гёте 5 февр. и 11 июня 1796 г.

ли он долее оставаться сотрудником, приятным для двух поэтов? Гёте первый заметил, что в восьмом сборнике «Писем о гуманизме» рукой автора водило недружелюбное чувство, а, припоминая устные отзывы Гердера о его сочинениях и в особенности о «Вильгельме Мейстере», он не мог не заметить, что острие новых «Заметок» было направлено и против него. «Эта книга, — писал он Шиллеру, — производит неприятное впечатление, и сам автор находился под неприятными впечатлениями, когда писал ее. В особенности то, что он говорит о немецкой литературе, крайне плохо по причине какой-то странной сдержанности и в некоторой степени отказа от прежних убеждений; он перебрасывается из стороны в сторону, многое игнорирует и скупится как на похвалы, так и на порицания». Почти такое же впечатление вынес и Шиллер; он был основательно недоволен «равнодушием автора к хорошему и какой-то странной снисходительностью к дурному»; опираясь на этот отзыв Шиллера и частью повторяя его слово в слово, Гёте наконец отделал своего «Freund Humanus» в письме к Генриху Мейеру. «Даже надгробная речь, — писал он, — не может быть более вялой, чем то, что говорится в том сочинении о немецкой литературе. Невероятная снисходительность к посредственному, красноречивое смешение хорошего с ничтожным, уважение к тому, что вымерло и сгнило, равнодушные к тому, что полно жизни и новых стремлений, — все это поистине заставляет сожалеть о том умственном настроении автора, из которого могло возникнуть такое жалкое сочинение».¹

О тех «старых господах, которые сидят сложа руки и испускают жалобные вопли», Гердер писал еще двадцать лет назад, что они похожи на аптеки со старыми, обвалившимися осенними листьями, что они «не видят, как в лесу распускаются почки и все начинает зеленеть». Но теперь в лесу не только показались почки и зелень, но даже созрели цветы и ягоды, а Гердер, конечно, был достоин сожаления, потому что если и видел эти цветы и ягоды, то вовсе им не радовался. Еще больше чем за двадцать лет назад он смеялся над мучившей Зульцера «жаждой нравственности», а теперь сам начинал страдать таким же недугом. «Таким образом, оказывается, — продолжает Гёте, — что во всем сочинении слышится голос старого филистера, который поучает нас, что искусства признают существование нравственного закона и должны подчиняться ему. Первое из этих требований они всегда

¹ Гёте к Шиллеру 14 июня 1796 г.; Шиллер к Гёте 18 июня; Гёте к Мейеру 20 июня (см.: *Riemer. Briefe von und an Goethe*. С. 37 и сл.).

исполняли и должны исполнять... но если бы они исполняли и второе требование, то они погибли бы; тогда было бы лучше тотчас надеть на них жерновой камень и утопить их, а не заставлять их мало-помалу умирать от полезной пошлости».

Таким образом, все более и более расширялась пропасть, отделявшая двух диоскуров от их бывшего союзника, который — судя по его прошедшему — должен бы был с радостью приветствовать их стремления к высшим поэтическим совершенствам и преследовать одну с ними цель. Что на это не было никакой надежды, Гёте откровенно высказал в «Ксениях»:

Wie beklag'ich es tief, wenn eine herrliche Seele
Werth, mit zum Zwecke zu gehen, mich nur als Mittel begreift!

(Я глубоко сожалею о том, что человек с прекрасной душой, который мог бы идти вместе со мной к одной цели, видит во мне только средство для достижения своих собственных целей.)

Вслед за седьмым и восьмым сборниками «Писем о гуманизме» вышел в свет последний сборник «Разбросанных листков» с тем предисловием, в котором автор выражал желание, чтобы все розы превращались в насущный хлеб, и противопоставлял нравоучительные легенды гётевским балладам, отзывавшимся чрезмерно развитой чувственностью. Кёрнер основательно заметил, что в этом предисловии проглядывало недовольство автора, а Шиллер одобрил отзыв своего друга в таких выражениях, которые — ввиду его прежних дружеских отношений к Гердеру — неприятно поражают нас своей резкостью. Он писал Кернеру: «Гердер совершенно впал в какое-то болезненное состояние; все, что он пишет, по моему мнению, похоже на заразительную материю, которую его натура извергает из себя, не делаясь от того здоровой. Я нахожу в нем всего более пагубной и поистине отвратительной его малодушную вялость, соединяющуюся с упорством и раздражительностью. Он относится со злобной завистью ко всему, что хорошо и полно энергии, и делает вид, будто ему нравится только то, что посредственно. Он высказал Гёте самые оскорбительные замечания касательно его «Вильгельма Мейстера». У него лежит на сердце самая ядовитая ненависть к Канту и к новейшим философам; но он не решается ее высказывать из опасения услышать неприятные истины, и только изредка кусает своих недругов за икры. Невольно приходишь в негодование при мысли, что такие необычайные дарования не употребляются на служение добруму делу»¹.

¹ К Кёрнеру 1 мая 1797 г. (их переписка. IV, 28, 29).

Этот отзыв нельзя назвать вовсе не согласным с истиной, но он был в высшей степени несправедлив. В нем вовсе не было принято в соображение, какое бремя неприятных личных отношений довело Гердера до такого болезненного состояния, не было принято в соображение, как был чист тот источник, который казался таким мутным на своей поверхности. Это был пристрастный отзыв писателя, который под влиянием своих благородных и твердых, но односторонних убеждений считал интересы артистического идеализма за главную цель, перед которой должны умолкать все возражения и сомнения. При своем чистом юношеском стремлении к благородной цели Шиллер не понимал раздражительности утомленного, разочарованного писателя, который наметил еще более возвышенную цель на более широком фундаменте, но у которого недостало сил, чтобы со всех сторон направить к этой цели дух своего времени. Гёте давно хорошо знал, как была сильна у Гердера склонность к противоречию и готовность легко переходить от упорства к уступчивости; поэтому он нисколько не возмущался тогдашним образом действий своего старого друга; но он вполне разделял мнение Шиллера о болезненном состоянии, обнаружившемся в последних сочинениях Гердера, и был, подобно Шиллеру, недоволен отрицательным положением, которое занял Гердер; его терпение наконец истощилось, и он перестал относиться к слабостям и резким выходкам старого друга с такой же снисходительностью, как прежде. Его путь лежал в том же направлении, в каком стремился вперед Шиллер. Поэтому Гердеру пришлось искать других единомышленников!

Он стал искать и нашел этих единомышленников между оставшимися в живых представителями более старой литературной эпохи. Он никогда не прерывал дружеских сношений с Глеймом. Критика не играла при этом никакой роли. Отсылая этому старому другу новое сочинение или новую статью, он всегда был уверен, что услышит в ответ только «голос любви», безусловную похвалу и выражения пристрастного восторга. Участие, которое принимал гальберштадтский патриарх в литературной деятельности неутомимого Гердера, сливалось с участием ко всему, что касалось его личного положения, а в основе того и другого участия лежала искренняя сердечная привязанность. Престарелому Глейму не стоило никакого труда рассыпаться в уверениях, что он боготворит Гердера и его жену. А если кто-нибудь осмеливался нападать на его друга, Глейм тотчас изливал на него свой гнев. Его пристрастие не знало никаких границ, а Гердер отплачивал

за преданность этого «верного и единственного» друга тем, что относился даже к самым слабым произведениям глеймовской музы с той нежной снисходительностью, с какой обыкновенно относятся к недостаткам и слабостям родных детей. Он писал льстивые стихи в честь старого поэта и не пропускал удобного случая, чтобы напомнить современникам об этом авторе песен прусского гренадера, об этом сочинителе басен и эпиграмм. Он цепляется за Глейма, чтобы в борьбе с новыми музами отстаивать уважение к старым; он изливает перед Глеймом все, что у него лежит на сердце вследствие появления «Ксений» и новой критики «Лицея» и «Атенея». Те мысли, которые он высказывал в «Письмах о гуманизме» не иначе как «перебрасываясь из стороны в сторону», он высказывал без всяких стеснений в письмах к Глейму: «На земле красуется только один человек — заместитель Аполлона и единственный поэт! А всех нас долой!» В том же смысле выражался Гердер в письмах к Эшенбургу, которого также считал представителем доброго старого времени наряду с Клопштоком и Глеймом. «Эшенбург, — писал Гердер Глейму, — также принадлежит к тем немногим нашим современным поэтам, число которых постоянно уменьшается. В „Атенея“, в „Лицея“ выступает на сцену другое поколение. Но мы не отступим перед ним, а останемся на своих местах. Пока мы живы, мы также имеем право голоса»¹.

Вследствие разрыва с Гёте, Гердер снова сблизился с Виландом. Ведь и Виланд принадлежал к старому поколению поэтов. Ведь и Виланд был из числа тех поэтов, чью славу помрачила более блестящая слава Гёте. Этого, по-видимому, было достаточно для того, чтобы простить Виланду разные прегрешения. Не подлежит никакому сомнению, что если самая благородная задача поэзии заключается в верном изображении нравственной природы человека, то вялая чувственно-сладокрастная поэзия Виланда никак не могла равняться с поэтическими произведениями Гёте, вносившими в чувственность изящество! Однако Гердер не высказывал ни малейшего порицания тому, что писал Виланд; так, он не сказал ни слова в ответ на негодование, с которым отзывался Г. Мюллер о соблазнительных сценах в «Перегрине Про-

¹ С, I, 244, 251; Эшенбург к Гердеру 8 мая 1799 г.: «К именам Глейма, и Клопштока всегда мысленно присоединяйте и Ваше имя, которое так для меня дорого». «И мне приятно подумать о том, что мы принадлежим к одной эпохе и сходимся в образе мыслей; и я ясно сознаю, что теперь настало другое время, — хорошо, что люди старого времени все теснее сближаются между собой».

тее»: у него, очевидно, была двойная мерка и двойные веса. Довольно ясно можно проследить, каким образом поэт Виланд возвышался в мнении Гердера, по мере того как лично сближался с ним. О друге, доказавшем искреннее участие во время болезни Гердера зимой 1789 г., Каролина писала, что он сделался «очень добрым и вполне надежным». Когда следующей зимой читались вслух у вдовствующей герцогини рифмованные сказки Виланда вслед за произведениями Шекспира, Лессинга и Гёте, Гердер признавался, что произведения Виланда еще никогда не казались ему такими привлекательными¹. Он всего ближе сходился с Виландом как переводчиком. Он хвалил в письмах к Глейму виландовские переводы отрывков из комедий Аристофана. И печатно он выразил в четвертом сборнике «Писем о гуманизме» свое одобрение переводчику и комментатору писем и сатир Горация². Личные между ними отношения становились все более и более дружескими именно в то время, когда Гёте почувствовал влечение к Шиллеру. В начале 1795 г. Каролина писала, что теперь видится с Виландом чаще прежнего. В письмах к Глейму она говорила: «Нужно только чаще с ним видеться и говорить, чтобы понять, как он добр», — а последние произведения поэта она находила «бесподобными». Летом 1795 г. праздновалась свадьба Виландовой дочери с Гесснером как радостное событие и для гердеровского семейства; Гердера привлекали к Виланду семейное счастье поэта и его патриархальный образ жизни, не имевшей ничего общего с веймарскими нравами³. Литературные произведения Виланда вызывают со стороны Гердера все более и более горячее участие и читаются вслух так же охотно, как прежде читались произведения «вероломного друга», а на похвалы, с которыми один из них относится к только что начатому «Агатодемону», другой отвечает самыми горячими похвалами статье об «Искупителе». До какой степени дошла эта интимность, видно из того, как были чувствительны письма, которые писал Виланд из Швейцарии летом 1796 г., и как была сильна радость, с которой встретили возвратившегося из Швейцарии Виланда⁴. Как в политических, так и в теологических вопросах два друга были

¹ С, I, 142; Knebel's. Litt. Nachl. II, 263.

² С, I, 165; Письма о гуманизме. IV, 142.

³ С, I, 187; К. Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 255). Сравн.: Knebel's. Litt. Nachl. II, 300 и сл. № 42.

⁴ С, I, 198, 199, 215. Письмо Виланда к Гердеру, не помеченное никаким числом (весной 1796 г.) и его письмо из Цюриха 9—23 июля 1796 г.; сравн. письмо Гердера к Бёттигеру (*Боксбергер*. № 34).

одинакового мнения, хотя, быть может, только потому, что ни один из них не вникал в то, что думал другой. То же самое можно сказать и об эстетических вопросах. Как кажутся нам странными суждения такого остроумного критика, каким был Гердер! Какую важную роль играют в этих суждениях личные отношения! Еще в оставшейся ненапечатанной статье о Гомере и Оссиане автор «Оберона» удостоивался похвал наряду с авторами «Потерянного рая» и «Мессиады». Эти похвалы были печатно высказаны в новых «Отрывочных заметках», вошедших в состав «Писем о гуманизме». Насколько они горячее тех похвал, с которыми Гердер отзывался, как будто нехотя, о Гёте! Какая любезность в сопоставлении Виланда с Гесснером! Как усердно автор защищает Виланда от нападков тех критиков, которые старались умалять достоинство его произведений! Виланд, правда, нередко подражал другим поэтам, говорит Гердер, но тем лучше, тем богаче мы стали благодаря ему! Нет ничего более несправедливого, как сравнивать его с Вольтером, потому что он настоящий последователь старинной *gaya ciencia*, поэт сократической житейской мудрости и при этом вовсе не пренебрегает изяществом внешней формы, как это доказывают его стихотворения, начиная с самых легких рассказов и кончая «Обероном» и «Агатоном»!¹

Однако ввиду новых блестящих поэтических произведений Гёте и Шиллера положение Гердера сделалось бы затруднительным, если бы ему пришлось искать опоры только в Виланде, Клопштоке и Глейме или в умерших поэтах — Клейсте, Лессинге и Уце, — т. е. в том старом поколении поэтов, которое уже приходило в упадок. Но именно в то время, кстати, появилась на литературном горизонте новая звезда; хотя она и блеснула каким-то странным трепещущим светом, но этот свет был приятен для глаз нашего критика, всегда восстававшего против одностороннего влечения классицизма к изяществу внешней формы. В лице Жан-Поля Фридриха Рихтера появился такой поэт, который должен был приходиться Гердеру по сердцу во многих отношениях.

Уже на романы Лафонтена смотрели в доме Гердера как на противоядие против безнравственного «Вильгельма Мейстера», хотя и нельзя было не заметить, что этот благонамеренный полковой священник несколько многоречив; но на его произведения следовало смотреть, как полагала Каролина, не с точки зрения искусства, а с точки зрения их доброй цели. Именно в этом

¹ Письма о гуманизме. VII, 50, прим.; VIII, 70, 117; VIII, 130, 139.

смысле она в письме к жившему в Шафгаузене другу хвалила «Рудольфа Верденбергского» как такую книгу, которая была выражением прекрасной души, даже добродетели; она говорила, что эта книга всех развеселила и ободрила и всем внушила большие упования на будущее¹. Вскоре после того, еще более Лафонтена стал утешать супругов Гердеров автор «Гесперуса». Уже в начале 1796 г. Каролина была в восторге от него. И свое мнение о нем, и мнение своего мужа она сообщила Глейму². Несмотря на слабость зрения, она до полуночи читала только что вышедшего в свет «Quintus Fixlein». Хотя своей манерой писать, заметил Гердер, он грешит и перед самим собой, и перед публикой, но между камешками попадает и чистое золото; так, в предисловии к «Quintus Fixlein» есть и искренность чувств, и рассудительность, и сатирический юмор, отличающийся самой юношеской свежестью. В другой раз он замечает, с очевидным намерением кольнуть своих недругов, что Жан-Поль умеет затрагивать все, что касается внешней и внутренней жизни человека, потому что в его жилах течет еще молодая, горячая кровь, а не холодная рыба кровь некоторых современников. Каролина полагала, что Жан-Поль не должен приезжать в Веймар именно потому, что там его кровь застыла бы. Но почти в то же самое время другая восторженная поклонница Жан-Поля, Шарлотта Кальб, описывала ему, какое впечатление произвели его сочинения и на нее, и на лучших представителей веймарского общества, и с каким одобрением и уважением отзывались о нем Виланд и Гердер. Этим она внушила Жан-Полю желание побывать в Веймаре и укрепила в нем это желание новыми уверениями, что его почитатели с радостью ожидают его приезда³. Она писала ему, совершенно в духе Гердера, что в нем видят именно такого человека, какой нужен в эпоху пустоты и застоя, в эпоху господства внешней формы без всякого внутреннего содержания, — именно такого человека с умом, сердцем и душой, который способен пробудить тысячи людей из их глубокого усыпления. 10 июня Жан-Поль прибыл в Веймар.

Кроме ласковых просьб Шарлотты его всего сильнее влекло в Веймар желание познакомиться с Гердером, который стоял в его мнении выше всех современных писателей и сочинения которого он тщательно изучал. Уже прошло одиннадцать лет, с тех

¹ 27 апр. 1795 г. (*Гельцер*. С. 253); сравн. Litter. Zustände Бёттигера, I, 192.

² 8 февр. 1796 г. (С, I, 201; сравн. 205, 208, прим.).

³ *Spazier S. J. P. Friedr. Richter*. III, 226 и сл.; *Förster*. Denkwürdigkeiten aus dem Leben von J. P. Fr. Richter, II, 3 и сл.

пор как он в первый раз попытался сблизиться с Гердером. Этот последний не скоро и уклончиво отвечал тогда на три письма, в которых молодой, беспомощный писатель просил его содействия для издания своих сатир. По прошествии трех лет Жан-Поль прислал Гердеру две рукописные статьи с просьбой склонить Виланда к их помещению в «Немецком Меркурии». Так как Гердер находился в то время в Италии, то эти статьи были прочитаны Каролиной, и по меньшей мере одна из них, «очень понравившаяся» Каролине, была напечатана по ее ходатайству — но не в журнале Виланда, а в «Немецком музее»¹. Теперь встреча произошла при совершенно изменившихся и личных, и литературных условиях — при таких условиях, что сходство воззрений неизбежно должно было привести не только к дружеским отношениям, но и к самой тесной дружеской связи. Жан-Поль лично познакомился с Гердером именно в то время — как сказано в рукописных «Воспоминаниях», — «когда герцог и герцогиня перестали признавать заслуги Гердера, а Гёте заносчиво отвернулся от него и совершенно позабыл его». Жан-Поль явился к Гердеру с горячим сердцем, преисполненным искреннего уважения, и как признательный ученик — готовый на всякие услуги. Он был одарен всеми качествами, необходимыми для того чтобы занять вакантное место в сердце писателя, тяготившегося своим одиночеством и упадком своего влияния. Он был детски откровенен и юношески свеж умом — в нем Гердер нашел именно то, чего недоставало высокомерному, дипломатически осмотрительному Гёте. И в его обхождении, и в его сочинениях сказывалась та нравственная чистота, которой Гердер не находил в последних произведениях Гёте и которая была теперь в его мнении поэзией в поэзии. А эта, направленная к нравственным целям, поэзия была в то же время украшена всеми самыми роскошными цветами фантазии; в ней не было недостатка ни в уме, ни в остроумии, ни в юморе. Разговор Жан-Поля отличался неистощимой веселостью, ободрявшей упавшего духом Гердера, а его серьезные убеждения вполне сходились с убеждениями проповедника гуманности. Он приходился сродни Клаудиусу по складу своего ума, но его ум был более богат, более подвижен и более свободен; он походил на Клаудиуса и душевными качествами, но стоял выше его по своему многостороннему литературному образованию, а потому мог на равных правах с Гердером обсуждать вопросы, касавшиеся политики, религии и философии. Наконец, не

¹ *Spazier*. II, 133 и сл., 182; A, I, 265 и сл.

было никакого основания опасаться, что чары гётевско-шиллеровского обаяния окажут свое влияние на новоприезжего поэта и оттолкнут его от оставленного двумя союзниками в стороне Гердера. Это появление нового поэта, похожее на появление новой кометы, вовсе не было заметно в замкнутой сфере тех двух союзников; хотя они и не отвергали талантливости Жан-Поля, но относились к ней с холодным равнодушием и вследствие своей аристократической заносчивости, и по причине своих особых художнических стремлений. В произведениях Жан-Поля они принимали в расчет только художественные достоинства, а Гердер ценил в них прежде всего их достоинства нравственные. Он ценил в Жан-Поле не столько поэта, сколько человека, и хотя он не мог находить оправданий для безобразной бесформенности произведений юмориста, но Гаман уже давно приучил его ценить даже такое дельное содержание, которое изложено в самой причудливой внешней форме. Ему был нужен главным образом вполне преданный друг, потому что более старый и более даровитый друг, к которому он когда-то относился с высоким уважением и с любовью, изменил ему; он был счастлив тем, что — хотя и поздно — нашел более юного друга, который мог заглушить в нем грустное сознание, что все его позабыли и покинули, и который считал за особую для себя честь вступаться за него и открыто признавать себя его последователем.

То были счастливые часы, которые проводил Жан-Поль в кружке поклонников «Гесперуса» во время длившегося несколько дней пребывания в доме позади веймарской кирхи. Гердер с полной откровенностью посвятил его во все тайны своего измученного сердца и нашел в его душе полное сочувствие. В своих беседах они вспоминали о Гамане и обсуждали самые серьезные вопросы. «Вообразите себе, — писала Каролина Глейму, — вот уже две недели, как здесь живет Жан-Поль Фридрих Рихтер! Это — добрейший человек, кроткий, умный и остроумный; он всегда в хорошем расположении духа и всецело живет в той безукоризненной сфере, которая кладет свой отпечаток на все его сочинения. Он кроток, как ребенок, и всегда весел... это настоящий воспитанник мудрости. В нем видно небесное нравственное призвание, которому он и посвящает свой талант». «Нравственное призвание» — это тот припев, который она повторяет, рекомендуя Жан-Поля старику Глейму и через несколько месяцев после того — более молодому другу, жившему в Швейцарии. «Его цель — восстановить правильные отношения между мужьями и женами, между родителями и детьми, между людьми и Бо-

гом» — этим оправдывается его манера писать, оправдывается примесь соли и уксуса к его сатирам, необходимым для нашего времени¹. «Не могу выразить вам словами, как было благотворно для нас Ваше присутствие, — пишет Каролина Жан-Полю немедленно вслед за его отъездом. — Вы снова укрепили в нас нашу веру»². В приписке самого Гердера не менее горячо выражена радость, что он наконец нашел человека и друга: «Прежде всего очень благодарю Вас за то, что приезжали к нам и доставили нам случай познакомиться с Вами; затем благодарю Вас всего более за то, что Вы „существуете“ и существуете именно таким, каким я Вас знаю! И всегда Вы должны оставаться таким же... Впредь мы уже никогда не будем чужды друг для друга: мы будем часто вместе жить одними мыслями и всегда будем вместе жить сердцем». Вслед за тем Гердер посылает своему новому другу все свои последние сочинения — и только что оконченную «Терпсихору», и «Искупителя», и статью о св. Иоанне, и четыре последних сборника «Писем о гуманизме», и последнюю часть «Разбросанных листков», и только что перепечатанную третью часть этих «Листков»; а Жан-Поль, в благодарность за это, присылает ему своего «Зибенкеса», «Jubelseniör», «Кампанскую долину» и разные другие мелкие сочинения, которые выходили из-под его пера в то время, как он готовился к своему «Титану». Суждения, которыми обменивались два друга по поводу этих подарков, свидетельствуют об их единомыслии и дружбе. К самым изысканным похвалам иногда примешивались и порицания, но эти порицания исходили из любящего сердца; так, Каролина — без сомнения, со слов своего мужа — верно заметила, что произведения юмориста имеют сходство со страсбургским собором, потому что и тут и там нас трогают, душевно укрепляют, занимают и умственно возвышают тысячи маленьких изображений святых, но все эти разнообразные впечатления мешают нам обозреть целое. И Жан-Поль умел смешивать похвалы с порицаниями, но он делал это так, что широкий поток похвал почти совершенно скрывал от глаз мелкие возражения. Разве с его отзывами могли равняться словообильная лесть Бёттигера или лишённые всякой критики, одобрительные отзывы Глейма? Статью об «Искупителе» Жан-Поль хвалил за то, что в ней каждое слово «деликатно вкладывает в каждое заблуждение смысл, и тем уничтожа-

¹ К Глейму 24 нояб. 1796 г. (С, I, 207). К Мюллеру 30 дек. (а не ноября) 1796 г. (Гельцер. С. 260).

² 1 авг. 1796 г. (А, I, 273 и сл.). Отсюда же заимствовано и то, что в нашем тексте следует далее.

ет заблуждение»; по поводу этой статьи и статьи «О св. Иоанне» он хвалил «антропоморфизм», с которым автор поэтически объяснял идеи различных народов, индивидуумов, столетий, и вплел их в свои собственные воззрения; он вполне одобрял Гердера за то, что в тех статьях сделан «чисто человеческий очерк христианства без всякой примеси национальных красок»; при этом он слегка давал чувствовать, что понимает автора и в тех случаях, когда для массы необразованных читателей требуется несколько более тонкая пифагорейская завеса, скрывающая от их глаз Вседержителя, когда необходимо делать в этой завесе несколько более широкий разрез. Понятно, что Гердер находил эти остроумные суждения самыми ценными из всех, какие когда-либо ему случалось слышать; понятна и его уверенность, что только Жан-Поль вполне понял его. Гораздо менее верными и гораздо более субъективными были суждения «Гесперуса» о стихотворениях, попавших в состав «Разбросанных листков»: только в этих стихотворениях он находил ту музыку сердца, которая ясно представляет нашим взорам духовный идеальный мир; именно так прежде писал Гёте, а теперь он всех терзает своей «бездушной манерой писать *à la Grecque*». Но именно это одностороннее и пристрастное сравнение было вдвойне приятно Гердеру. Пусть другие считают Гёте за «единственного поэта»; теперь появился такой критик, который, напротив того, называет «единственным и первым поэтом» Гердера и который при всей своей самостоятельности и оригинальности так же преклоняется перед Гердером, как другие преклоняются перед Гёте. Как должно было нравиться Гердеру предисловие ко 2-му изданию «*Quintus Fixlein*»!¹ То, что он сам никогда не решался публично высказывать, было здесь высказано с заносчивостью самой едкой сатиры. Автор предисловия слегка задевал своими насмешками того «знатока искусства», который воспекает только прекрасную погоду и небесную лазурь, потому что этот сюжет пригоден для его стихов, — но это был лишь отголосок того, что говорил Гердер о Гёте в своих откровенных беседах с гостем. Жан-Поль писал: «Подражающий грекам любитель изящной литературной формы уважает во всем мире только то, что ему по вкусу»²; но почти то же самое говорил Гердер о Гёте в своих письмах из Италии; а то, что он тогда писал из досады на преклонение Морица перед Гёте, он, без сомнения, еще с большей горячностью и язвитель-

¹ Сравн. письмо Каролины к Глейму 30 дек. 1796 г. (С, I, 220).

² *Spazier*. IV, 101; A, I, 293 и сл.; *Fёрстер*. III, 37.

ностью повторял в то время, когда Жан-Поль находился в Веймаре и когда преклонение перед Гёте сделалось всеобщим в лагере романтиков. Гердер нашел отголоски своих нападок на Канта и в «Кампанской долине» Жан-Поля; с другой стороны, и Жан-Поль радовался тому, что изложенные им в названном сочинении доказательства бессмертия души сходились с доказательствами, изложенными в тех статьях «Разбросанных листков», в которых обсуждалась та же тема. Такое же единомыслие касательно гётевских воззрений на искусство и господствовавшего в Веймаре художественного направления обнаружилось в сочинении Жан-Поля «Объяснения лубочных картинок катехизиса»; а касательно двух предисловий к «Палингенезиям» автор сам сказал, что эти предисловия докажут, как часто он укрывается в гердеровской сфере от той, которая его окружает, и как часто ум Гердера согревает его собственный ум.

В одно время с этими признаниями Жан-Поль известил своего «горячо любимого и глубокоуважаемого Гердера», что по истечении двух лет после своей первой поездки в Веймар намеревается еще раз побывать в «обетованной земле», только для того чтобы укрепить свою дружбу с ним. Он действительно приехал в Веймар — и «почувствовал еще более пылкое влечение к Гердеру, чем в свой первый приезд». Он писал Каролине, что с сильным влечением к этому «божественному человеку» — у которого душа парит в эфире и только ноги двигаются в земной атмосфере — соединяется сочувствие к писателю, который обречен на одиночество, заслуги которого не ценятся по достоинству и который тяготится и духом своего времени, и тем, что его окружает. Жан-Поль охотно склонился на просьбу Гердера не покидать его: в конце октября 1798 г. он переехал на жительство в Веймар и вплоть до своего переселения в Берлин весной 1800 г. жил в тесной дружбе с Гердером, для которого служил утешением и от которого сам многому научился.

Эта дружба, конечно, не могла сделаться такой же, какой когда-то была дружба Гёте с Гердером или какой была дружба между Шиллером и Гёте, основанная на «взаимном стремлении к совершенствованию». По своему умственному развитию Гердер стоял гораздо выше Жан-Поля; сверх того, он был много старше Жан-Поля годами и резко отличался от него своеобразным характером своей литературной деятельности. Тем не менее, благодаря взаимной симпатии между этими двумя благородными натурами, почти ничто не нарушало их дружеской связи, основанной, с одной стороны, на самом восторженном увлечении, с

другой стороны, на притязательной требовательности крайне раздражительного характера. Ничто так не опасно для прочности любовной и дружеской привязанности, как чрезмерная восторженность; но идеализм Жан-Поля, так скоро воспламенявшийся в сношениях с женщинами и так же скоро остывавший, блестяще выдержал испытание в дружбе с Гердером. После долгих интимных сношений он, конечно, не мог не подметить мелких и крупных слабостей своего друга; он ясно видел, что Гердер сам себя мучил и сам себя обманывал в своей борьбе с тем, что его окружало; он также ясно видел, что писатель, так верно подмечавший отличительные черты народов, не умел «понимать своих врагов и обращать их вражду в свою пользу», а на «обидчивое честолюбие» он прямо указывал как на бросающуюся в глаза слабость великого человека. Однако, несмотря ни на что, он не переставал преклоняться перед гением, который, по его словам, «заклучал в себе полдюжины гениев»; он восхищался тонким художническим чутьем Гердера и деликатностью его пылкого сердца; он любил в Гердере главным образом человека, любил его, несмотря на его слабости, так, как «жена любит мужа, как любовница любит своего любовника»¹. В первое время своего вторичного пребывания в Веймаре он называл Гердера — в конце «Письма о философии» — таким писателем, который умел рисовать гениальные характеристики времен и народов, и таким превосходным человеком, благодаря которому нашел свое счастье и которого искренне любил и уважал; а умершему Гердеру он воздвигнул, в конце своего «Введения к эстетике», такой памятник, который сначала ослеплял глаза читателя своей блестящей надписью, а потом, когда глаза читателя приучались к этому блеску, представлял самую верную и полную сочувствия характеристику единственного в своем роде человека. В то время, когда эти два друга жили вместе, они неоднократно откровенно высказывали, чем были обязаны один другому. «Могу ли я сравнивать, — писал Рихтер к Якоби, — все мои прежние впечатления с тем, что я выносил из одного часа беседы с Гердером — этим гениальным человеком, голос которого проникал в глубину моего сердца, подобно гармоническому эху»². Тому же общему другу писал Гердер: «В лице Рихтера я нашел ниспосланное мне свыше сокровище, которого я ничем не заслужил и не надеялся найти». Он находил в Рихтере молодость, умственную свежесть и энту-

¹ См. письма Жан-Поля к Якоби (Избр. переписка Якоби. II, 329, 334).

² *Цётцприц.* I, 204.

зиязм, т. е. то, что он сам утратил и о чем не переставал сожалеть. Рихтера он называл «сладкозвучным тоном великой золотой арфы гуманности», а себя называл лопнувшей струной и неблагозвучным тоном той арфы¹. Он утверждал, что еще никогда не встречал более гениального человека при такой детски чистой впечатлительности; ему нравилось и остроумие Рихтера, а всего более он ценил в этом друге то, что было родственного с его собственной натурой, — «необыкновенно сильную чувствительность»². Таким образом, они согревали свою душу один подле другого, проводя свободные от занятий вечерние часы за семейным столом в доме Гердера или вдвоем, или в немногочисленном обществе близких знакомых, как например Гюнтера и Фр. Майера, и обмениваясь своими мыслями то о житейских делах, то о высших задачах человеческой жизни. «Чем дольше мы наслаждаемся его обществом, — писала Каролина, — тем больше нравится он нам; сначала они только удивлялись друг другу, а потом это чувство перешло в благотворную взаимную привязанность»³.

Однако Гердеру пришлось узнать на опыте, что его влияние на друга было в одном отношении небезграничным. Две дамы, связанные с семейством Гердера узами дружбы, г-жа Кальб и г-жа Берлепш, были низведены поэтом на роль действующих лиц в его поэтических произведениях. В завязавшуюся вслед за тем любовную интригу между Жан-Полем и Каролиной Фейхтерслебен Гердер счел нужным вмешаться, а когда поэт неожиданно разорвал эту связь, то между двумя друзьями произошла размолвка, оставившая после себя продолжительные следы⁴. Тем не менее Гердер был глубоко огорчен, когда все эти приключения побудили Рихтера выехать осенью 1800 г. из Веймара, чтобы искать в Берлине новых приключений и новых поэтических впечатлений. Тогда Гердеру пришли на память слова «и эта сцена закрылась!», которыми Лессинг выразил свою скорбь, вспоминая о прожитых вместе с Мендельсоном лучших днях; в этих словах Гердер нашел выражение своих собственных чувств⁵.

Впрочем, были и другие причины разномыслия между двумя друзьями. Слащавое мягкосердие и чрезмерная чувствительность, заставлявшие Жан-Поля сходить с ума от женщин, далеко

¹ 10 дек. 1798 г. (Избр. переписка Якоби. II, 266).

² К Кнебелю 23 нояб. 1798 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 275).

³ К Глейму 12 нояб. 1798 г. и 27 дек. 1799 г. (С, I, 249, 264).

⁴ Касательно подробностей этого дела см. введение Дюнцера к переписке Гердера с Жан-Полем (А, I, 253 и сл.).

⁵ Гердер к Глейму 6 окт. 1800 г. (С, I, 281).

превосходили то влечение к женскому полу, которое сказывалось и в Гердере в раннюю пору его жизни. В одном из своих писем к Г. Мюллеру Каролина говорила, что женская кокетливость была для Жан-Поля Сциллой и Харибдой, что ему следовало объезжать кругом этих подводных камней и что, кроме того, в его манере писать был важный недостаток¹. По этому поводу часто возникали споры. Гердер основательно замечал поэту, что он рисует женщин чрезмерно пассивными, чрезмерно склонными к грустной мечтательности. Соглашаясь с ним в неодобрении бессодержательной внешней формы художественных произведений, он порицал и чрезмерное пренебрежение к внешней форме. Он полагал, что можно бы было достигнуть идеала поэзии только в том случае, если бы глубокое нравственное содержание произведений Жан-Поля было облечено в более безукоризненную форму. Он говорил, что если бы ему пришлось жить на необитаемом острове и не читать никаких других сочинений, кроме сочинений Рихтера, то он, конечно, без всякого труда отбросил бы из них те части, которые отваливаются сами собой, и таким способом сделал бы из них вдвое более изящные произведения². Эти критические замечания не остались без всякого влияния. Они, между прочим, оказали полезное влияние на «Титана», над первыми частями которого усиленно трудился в то время поэт и в которых излагались вынесенные из Веймара впечатления. Каролина назвала посвящение к «Титану» изящной, безыскусственной парамифией, а Гердер нашел, что автор сделал во многих отношениях большие успехи³. Наоборот, и влияние Жан-Поля не осталось без пользы для литературной деятельности Гердера. К эпохе их интимных сношений принадлежат те сочинения Гердера, которые были направлены против кантовской философии. В этом случае едва ли не более, чем во всяком другом, они совершенно сходились в своих убеждениях, несмотря на то что Жан-Поль искал для себя опоры преимущественно в остроумных основных положениях религиозной философии Якоби. Однако в его воззрениях на учение Фихте заметны следы не столько влияния Якоби, сколько влияния Гердера⁴. К промежутку времени

¹ 29 апр. 1799 г. (*Гельцер*. С. 286). Мнения самого Гердера отзываются и в письмах Каролины к Жан-Полю от 14 авг. 1803 г. (*Voss. Zeitung*. 1884, воскресенье приложение 6 янв.).

² Воспоминания. III, 244 и сл.

³ К Глейму 14 февр. 1800 г. (С, I, 266, 267).

⁴ Каролина к Кнебелю в дек. 1799 г. (*Дюнцер*. *Zur deutschen Litteratur und Gesch.* I, 185).

между появлением гердеровской «Метакритики» и появлением его «Каллигоны» относятся нападки Жан-Поля на ту научную систему, которую он называл «Clavis Fichtiana». Между тем как Шиллер внушал Гёте сочувствие к кантизму, автор «Титана» публично протестовал сообща с Гердером против трансцендентальной философии. И «Метакритику», и «Каллигону», и 2-е издание «Разговоров о Спинозе» Гердер прислал своему другу в рукописи, а когда этот друг, гордившийся тем, что прежде всех мог прочесть эти сочинения, сообщил ему некоторые критические замечания, он воспользовался некоторыми из них. А когда он писал свои статьи против философии Канта, он бессознательно подчинялся влиянию юмориста не только в том, что касалось основных идей, но и в том, что касалось формы изложения. В особенности предисловие к «Метакритике» слишком ясно напоминает литературные приемы Жан-Поля; поэтому несколько неудивительно, что Жан-Поль превозносил это сочинение и выказанное в нем остроумие, между тем как Шиллер насмеялся над автором, вызвавшим на сцену дух Пантагрюэля.

БОРЬБА С КАНТОВСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

Можно бы было подумать, что в Гердере заглохла вражда к Канту за суровый отзыв об «Идеях», после того как он излил свою досаду и в этом сочинении, и в «Разговорах о Спинозе». Он нападал не на самого Канта, а на кантизм, когда вновь заговорил осенью 1792 г. о современной философии в написанных начерно «Письмах о гуманизме»¹. При этом он, отчасти из дипломатической расчетливости, постарался не примешивать к сущности дела свои личные отношения к бывшему наставнику; так как в его характеристике господствовавшего в то время философского направления было немало идей, заимствованных от этого наставника, то он заявил, что в этой характеристике не все было ново, — быть может, из желания не вызывать чрезмерных похвал. Тем не менее он воздал должную похвалу своему бывшему наставнику: вместе с воспоминаниями о счастливых годах его юности в его уме воскресал чистый образ того богатого новыми идеями и скромного человека, которому он был так много обязан своим умственным развитием. Но тем энергичнее восставал он против прицепившейся к стопам Канта схоластики и в особенности против свойственного схоластикам сектаторского духа. Цитируя собственные слова Лейбница, он говорил, что и этот философ когда-то превозносил гений Декарта, но презирал его бездарных последователей. Точно так и Кант не виноват, по мнению Гердера, в том, что другие извращают его философию. Его прежние сочинения служат для Гердера порукой в том, что и его новые сочинения не будут проповедовать такую философию, которая отвергает указания опыта. Критика чистого разума была написана, по мнению Гердера, с целью очистить метафизику; поэтому последователи этой критической философии совершенно извращают намерения Канта, превращая ее в деспотический догматизм. Если верно понимать учение Канта, то с помощью его

¹ См. выше, с. 536—537.

можно бы было изложить на новых началах мораль, естественное и международное право; оно также могло бы содействовать распространению гуманных идей. Наконец, к этим похвалам практической философии Канта присоединяются похвалы его нового, богатого идеями и фактами, сочинения — «Критики познавательной способности».

Принимая в соображение все суждения о Канте, высказанные Гердером в течение нескольких следующих лет, мы приходим к убеждению, что он в сущности вступался за Канта, нападая на его бездарных последователей, что он вступался за учение Канта, нападая на бездушное, буквальное толкование этого учения, что он желал пользоваться идеями своего бывшего наставника, когда нападал на тех, кто их извращал; кроме того, он желал, ничем не стесняясь, проверять и объяснять эти идеи точно так же, как имел обыкновение проверять и объяснять всякое философское учение. Наше убеждение подтверждается и высказанной Гердером (в упомянутых выше, написанных начерно «Письмах о гуманизме») жалобой на то, что даже духовидцы и чудотворцы стараются прикрываться Кантовым учением и тем, что он насмеялся над союзом, который был заключен Лафатером в 1793 г. в Йене с Рейнгольдом. Он не вступал в противоречие со своими похвалами сущности кантовского учения даже тогда, когда порицал статьи Шиллера об эстетике за их слишком тесную связь с кантовскими понятиями и с кантовской терминологией¹. Что он был учеником Канта, видно из того примечания в третьем сборнике «Писем о гуманизме» (с. 74), в котором он оспаривает вольфовский нравственный принцип совершенства: «заповедь гласит: ты должен, а не ты будешь! эти последние слова были бы не чем иным, как вежливой просьбой». А когда этому воспитаннику греков и ученику англичанина Шефтсбери не нравилась безусловная строгость слов «ты должен», разве только он один считал своим долгом исправить в этом пункте суждения автора «Критики практическая разума»? Против деспотизма такого разума, не обращавшего никакого внимания на чувственные впечатления и парившего вне сферы человеческой деятельности, протестовали не только Гаман и Якоби; даже воспитанные в кантовской школе люди, как например Шиллер и Вильгельм Гумбольдт, всячески старались соединить хорошее с изящным и примирить общие требования разума с влечениями человеческой на-

¹ К. Г. Мюллеру 13 мая 1793 г. (*Гельцер*. С. 215); сравн. выше, с. 594; Шиллер к Кёрнеру 7 нояб. 1794 г.; сравн. выше, с. 683—684.

туры. Вовсе не в полемическом тоне Гердер излагал в шестом сборнике «Писем о гуманизме» (с. 97 и сл.) те соображения, с помощью которых противопоставлял отвлеченностям кантовской философии свои конкретные воззрения — такие воззрения, которые не только вызвали бы одобрение со стороны Гёте, но даже были развиты последователем Канта Шиллером в статье «О прелести и достоинстве». Он не понимал, каким образом разум может игнорировать чувственные впечатления и каким образом мораль может быть чисто рассудочной. По его мнению, красота есть внешняя форма правды и добра, а добродетель свойственна человеческой натуре, привлекательна сама по себе и полна жизни; здесь идет дело не о каком-либо законе, исполнения которого мы требуем и от самих себя и от всякого разумного существа; здесь не может быть речи об отношениях между деспотом и рабами, а каждый старается следовать евангельскому учению, беспрестанно вступая в борьбу с самим собой. Все эти суждения, резко расхоdivшиеся с мнениями Канта, не помешали автору включить и в шестой сборник «Писем о гуманизме» его прежний отзыв о Канте вместе с похвалами, которые расточал новому Сократу Иоанн Христофор Беренс. Теперь его нападки на ненавистную секту вовсе не касались личности его старого наставника; поэтому Георг Мюллер посоветовал ему громче высказать порицание тех, кто извращал смысл кантовской философии¹.

Гердер исполнил желание Мюллера очень скоро и свои порицания высказал очень громко — даже позабыл о своем намерении щадить самого патриарха. В берлинской «*Monatsschrift*» появилась статья Канта «О врожденном зле», а через год после того, в 1793 г., появилась начинавшаяся с той же основной мысли статья «Религия внутри пределов чистого разума». Здесь Кант гораздо ближе, чем в прежних своих сочинениях, затрагивал именно ту сферу идей, которая с лета 1793 г. привлекала к себе Гердера с новой силой. Глубокомысленные мечтания, с помощью которых Кант вносил свой рационализм в иррациональные основы верований, смутили верующих и неверующих. Этим путем он совершенно неожиданно приблизился к теологической догме, но вслед за тем перешел к господствующим над ней понятиям и противопоставил ей самые резкие из своих гипотез. Все, что касается загробной и духовной жизни, он стал подводить под те нравственные законы, которые предписывает разум; он нашел темную точку даже в тех свойствах человеческой природы, кото-

¹ К Гердеру 19 июня 1795 г.

рые доступны для нашего понимания; он завел речь о врожденных слабостях нашей воли, о ее врожденном влечении к злу, до корня которого нет возможности доискаться, и вслед за тем описал борьбу, которая возникает из сознания этого зла. Он допускал сознание греховности и необходимость искупления, но в догматические понятия об этом предмете вкладывал чисто нравственный смысл, которому следовало дать «нравственное объяснение» на основании Библии и учения христианской церкви. Теология поспешила воспользоваться мостом, который был в этом случае перекинут между верой и разумом, между мертвой буквой и отвлеченной идеей; но либеральное эстетическое развитие того времени не могло примириться с мрачной окраской, которую придавал Кант человеческой жизни. Шиллер нашел возможность уживаться с моралью чистого разума, но его нравственное чувство было возмущено учением о врожденном зле. Гёте колко насмеялся над тем, что Кант, трудившийся всю свою жизнь над очищением своего философского плаща от предрассудков, замарал его позорным пятном врожденного зла, для того чтобы привлечь и христиан к преклонению перед ним¹. Гердер, к которому Гёте обратился с этими словами, держался такой же точки зрения. Вера в расположение человеческой природы к добру лежала в основе всех его воззрений на христианство; она составляла сущность его понятий о гуманности и служила фундаментом для его философии истории. В конце своих «Писем о гуманизме» (X, 196) он говорит, что с ранних лет пробовал проводить самые оригинальные гипотезы, но вполне уверен, что нельзя извлечь никакой пользы из гипотезы о врожденной испорченности человеческой души и человеческой воли.

Итак, в новой статье Канта Гердер нашел еще один пункт, в котором не мог сходиться со своим старым наставником. Ему была во многих отношениях противна религия, не выходящая из пределов чистого разума. Ведь его собственная религия не выходила из пределов гуманности, а в свободомыслии Кант не мог превзойти его. Его религия справедливости, добра и человеколюбия не только превосходила благородством чувств религию неизменного разумного долга, но и гораздо более ее согласовывалась с первоначальными источниками христианских верований и вообще с историческим развитием христианства. Кантовская религия разума со своими нравственными объяснениями из-

¹ А, I, 142; сравн. переписку Гёте с Якоби (с. 164) и письмо Шиллера к Кёрнеру (III, 76).

вращала смысл библейских изречений и значение христианских символов, а гердеровскую гуманную религию нетрудно было согласовать с учением Христа и апостолов посредством некоторых небольших уступок. Кант налагал на понятие о традиционной религии новый нравственный отпечаток; Гердер вовсе не касался никаких отвлеченных понятий, противопоставлял догматике и всякому философскому формулированию верований внутреннее содержание христианской религии, выражающееся в наших чувствах и мыслях. Оба писателя желали очистить христианское учение и согласовать его с требованиями разума, но один из них прибегал к помощи морали, основанной на требованиях чистого разума, а другой прибегал к помощи такой морали, которая была столько же разумна, сколько сердечна.

Эта противоположность воззрений неизбежно должна была выступить наружу в «Христианских сочинениях» Гердера — и должна была выступить наружу тем ярче, чем энергичнее вторгалась в теологическую сферу кантовская философия религии, вооруженная с ног до головы строгой систематической последовательностью. Сначала эта противоположность была лишь слегка заметна. Что был еще один пункт, на котором оба писателя сходились в убеждениях, видно из третьего сборника «Писем о гуманизме»; там говорилось (с. 78), что гностики создали для себя «религию, вышедшую из пределов разума». Однако уже во втором сборнике Бёттигер основательно усмотрел намеки на неосновательность кантовского учения в заявлении Гердера, что картезианизм, вольфианизм и вообще всякий «изм» не может быть согласован с чистым учением Христа и что не может быть никакого более возвышенного, более чистого и более общепонятного нравственного принципа, чем тот, который изложен в Евангелии, — потому что, говорил Гердер, в нравственном принципе «не должно быть ни эгоистической гордости, ни стремления к каким-либо посторонним целям, потому что он должен не только повелевать, но и мотивировать свои повеления»¹. В пятом сборнике разномыслие становится более очевидным. Оно сказывается в нападках Гердера на «эгоизм, который обуздывает сам себя и находит в могуществе своей собственной диктатуры, как во внешней форме законодательства, достаточно силы для исполнения закона», — между тем как в пустой форме законодательства нет ни силы, ни спасения, ни духа, ни жизни; Гердер

¹ Бёттигер к Гердеру 24 июля 1796 г. (*Линдеман*. С. 82); Об Искупителе. С. 299 и сл.

даже осмеивает с остроумием, напоминающим Жан-Поля, тот автономный закон, который будто бы может обойтись без понуждения к его исполнению. Он возобновляет начатую в «Разговорах о Спинозе» полемику против кантовской критики доказательств бытия Божия, когда не менее насмешливо отзывается о людях, измышляющих идеалы божества, — как будто бытие Высшего существа ожидает их разрешения. Гердер снова говорит тоном пародии о кантовской христологии — о «романе», в котором описывается борьба принципа добра с принципом зла; если бы такие измышления и могли хоть на одно мгновение кому-нибудь понравиться, разве их можно признать за религию в пределах разума? «В них нет ни религии, ни разума, и их никак нельзя согласовать с Библией». Затем учение Канта о врожденном зле все чаще делается целью нападок. Для автора сочинения «О религии, догматах и обрядах» оно служит самым убедительным примером страшных заблуждений, в которые может впасть догматизирующее философствование. Он неистощим в насмешках над такой «философской дьявольщиной». Не давая себе труда вникнуть в мотивы и доказательства кантовских воззрений, он грубо искажает и осмеивает идеи бывшего наставника; он изливает все свое негодование на сатану, который, после эпохи гностиков, снова попал в почет в конце XVIII столетия. Тон его полемики служит эпилогом для тона «Древнейшего документа» и прелюдией для тона «Метакритики». Он, наконец, касается самой слабой стороны новой «забавной философии религии», когда громко протестует против принципа «нравственных объяснений». Он основательно замечает, что принцип «трансморализации» выдает за правило для объяснений отсутствие всяких объяснений, т. е. лишает писателя возможности пользоваться его своеобразным здравым или нездравым умом. Насколько содержание этого религиозного учения противно его сердцу, настолько же оно не нравится ему отсутствием всякой связи с историей. Религия, говорит он, опирается на историю, а история — на письменные документы. Поэтому никуда не годится та философия религии, которая пытается, без помощи языковедения, *a priori* вставить в рамки разума такие исторические факты, которые удостоверены письменными документами; такая философия религии «выходит из своих собственных рамок».

Однако все эти нападки были направлены не прямо на Канта, а на его последователей. Гердер ни разу не называет по имени автора того сочинения, которое он постоянно имеет в виду и на заглавие которого постоянно делает намеки. Его «тайное негодова-

ние»¹ обрушивается не прямо на умозрения философа, а на «безобразный энтузиазм кантовских учеников», которые придают этим умозрениям не соответствующий их цели смысл. Способ, которым «распространяют это учение неистово преданные ему ученики», и влияние этого учения на многих христианских наставников усиливают его негодование и заставляют его выражаться язвительным тоном. Он с крайним неудовольствием замечает, что эта новая философия свила себе гнездо в университетах и оттуда распространяется между теологами, для того чтобы нравственно портить будущих религиозных и народных наставников. В последнем из своих «Христианских сочинений» он выводит на сцену одну «безымянную личность», требующую искоренения иллюзий тех юных философов, которые воображают, что до них не было ни философии, ни религии и что им суждено измыслить и ту и другую; при такой склонности к мудрствованию и при невежественном пренебрежении к убеждениям и предков, и современников самые способные головы увлекаются разными бессмыслицами и иллюзиями; поэтому необходимо искоренить заблуждения тех самохвалов, которые извлекли понятие о Боге из созданного ими самими нравственного закона независимо от наших чувственных впечатлений и которые важничают тем, что будто бы до них никто не знал существования Божия; наконец, необходимо совершенно изгнать из употребления тот «неокаппадокийский язык» — единственный язык, знакомый тем нахалам, — который состоит из массы формул и раздается как с профессорских и церковных кафедр, так и подле алтарей.

Само собой разумеется, что эта безымянная личность — сам Гердер, вернее, вице-президент веймарской высшей консистории, с каждым годом все более и более убеждавшийся на экзаменах в быстро усиливавшемся влиянии кантовской философии. Сначала Рейнгольд, а после него Фихте сделались красноречивыми проповедниками нового учения в Йене. Можно признать за общее правило, что всякая новая философская система, отличающаяся оригинальностью идей, тем сильнее действует на юношеские умы, чем выше ее точка зрения над отрывочными научными сведениями, чем она более сжата и полнее развита, — потому что эти умы, еще не испробовавшие своих сил над разрешением отдельных вопросов, жаждут общих воззрений и разрешения высших философских задач. Юношество по своей натуре революционно и не любит подчиняться дедовским воззрениям — именно

¹ Сравн. письмо к Эйхгорну 29 апр. 1798 г. (С, II, 311).

такова и всякая философия, противопоставляющая общепринятым идеям новые, более возвышенные; а критическая философия была сильнее всякой другой пропитана революционным духом — она перевернула вверх дном все прежние понятия, подобно тому как коперниковская система мироздания все перевернула вверх дном в прежней астрономии; кроме того, это была философия свободы, подчинявшая своей разумной воле не только мир внешних явлений, но и сверхчувственный мир. Развитие и распространение этой философии совпало с великим всемирно-историческим событием, которое представлялось чем-то вроде практической пробы исключительного господства разума и свободы. Наконец дух современной политической революции отчасти соединился с духом критической философии в лице того писателя, который возвел критику чистого и практического разума в научную систему. Но это учение неизбежно должно было приобретать последователей среди учащейся молодежи, как в той более скромной и осмотрительной форме, которую оно получило от Канта, так и в той более смелой и более радикальной форме, которую ему придавали ученики Канта. Вполне понятно, почему оно находило самых многочисленных последователей между теологами: ведь те вопросы, на которых вертится интерес теологии, находили в этой философии новое блестящее освещение, а с другой стороны, в ней было очень незначительно противоречие, которое рано или поздно оказывается между фактами и миросозерцанием, основанным на отвлеченных идеях. Факты, на которые ссылается теология, принадлежат к духовной сфере и носят религиозный отпечаток, а новое учение воздвигало именно для религии такой фундамент, который льстил человеческой гордости, направляя человеческие усилия к самой возвышенной цели. Поэтому критическая философия привлекала к себе юных теологов своим духом, если они были способны понимать его, и своими формулами, если они не были одарены сильным и самостоятельным умом. Более даровитых она побеждала, а менее даровитые делались ее жертвами без всякого сопротивления. Ее верно понимали лишь немногие; но многие понимали ее наполовину, а большинство извращало ее по своему произволу. Люди с самостоятельным умом обращались к ней за указаниями, а люди, не одаренные самостоятельным умом, затверживали наизусть ее основные положения. Она произвела такую же путаницу в идеях, какую всегда производит в юношеских умах даже самая остроумная теория. Иные долго ломали над ней голову и, отчаиваясь в возможности понять ее, лишали себя жизни. Другие делали из ее

нравственных принципов самые радикальные практические выводы и потом публично излагали свои незрелые идеи. Вообще можно заметить, что односторонний интерес, который находили молодые люди в критицизме, мешал приобретению положительных знаний. Последователи новой философии стали обнаруживать на экзаменах и небывалое невежество, и небывалое недоверие к наставникам; их ответы, их самоуверенность и самохвальство огорчали и возмущали нашего теолога; поэтому он решил излить в конце своих «Христианских сочинений» все свое негодование на новомодную философию¹.

Но против такого зла, которое было в его глазах общественным бедствием, Гердер счел нужным не ограничиваться литературной полемикой, а принять более целесообразные практические меры. Еще за несколько лет перед тем — по поводу доноса, сделанного эйзенахским генерал-суперинтендантом Шнейдером на йенский теологический факультет, — он энергически вступился за свободу университетского преподавания. Но он полагал, что не вызывает нарушения этой свободы, задаваясь вопросом, нельзя ли каким-нибудь способом предохранить вступающих в университеты юношей от той заразы, которая могла бы к ним пристать в университетских аудиториях. В бумагах, оставшихся после умершего летом 1797 г. эйзенахского генерал-суперинтенданта нашлась статья, касавшаяся именно этого вопроса; в ней высказывалась мысль, что образование будущих городских и сельских пасторов могло бы быть поставлено в полную независимость от университетов. Герцог познакомил Гердера с содержанием этой статьи² и этим подал ему повод снова взяться за изложение его собственного ранее задуманного проекта по этому же предмету³. В составленной им мемории он, на основании самых веских доводов, отвергает мысль об основании специально-теологической школы при университете, или как будто в укор университету; по его мнению, это привело бы к тому, что

¹ Сам Гердер так часто указывал на этот мотив, что здесь достаточно будет сослаться на «Воспоминания» (III, 126 и сл.) и на предисловия к «Метакритике» и к «Каллигоне». Всего более достойны внимания следующие слова, написанные им Глейму немедленно вслед за окончанием «Метакритики» (С, I, 254): «Вредное влияние (критической философии) на одичалые головы и на сбившихся с пути юношей причиняет мне глубокую скорбь».

² Герцог к Гердеру осенью 1797 г. (Herderalbum. С. 37; сборник Дюнцера. С. 134, № 20).

³ См. меморию, напечатанную в SW в отделе теол. (XV, 129 и сл.). Дюнцер без достаточных оснований относит именно к этой мемории письмо герцога (Herderalbum. С. 38; сборник Дюнцера, № 21).

очень ограниченная и не знакомая с наукой деревенская теология получила бы монополию, а на пасторские должности стали бы поступать молодые люди, приготовившиеся к исполнению своих духовных обязанностей точно так, как готовятся к какому-нибудь ремеслу. Университеты нет надобности основывать заново, а их научные заслуги не подлежат никакому сомнению. Однако и университеты имеют некоторые недостатки, касающиеся практического образования будущих пасторов, а главная причина зла кроется не в теологическом факультете, а в философском. На этом последнем факультете — говорится в гердеровской мемории — молодые богословы научаются, при теперешнем положении дел, таким вещам, которые дают их образованию ложное направление. Повторяя почти слово в слово те же обвинения и жалобы, которые уже были высказаны в сочинении «О религии и догматах», Гердер пишет: «Та варварская критическая философия — которая почти совершенно изгнала из употребления общепонятный язык и перевернула вверх дном все понятия — попыталась оторвать и теологию от ее корня, вводя вместо нее в моду философию религии — такую философию, которая дозволяет всякому придумывать *a priori* свою собственную религию и проповедовать ее на новоизобретенном варварском языке». А так как именно молодые богословы подвергаются влиянию этой философии совершенно беззащитными, то и следовало бы освободить их и предохранить от ученых занятий этого рода. Средством для достижения этой цели должно служить учреждение высшего класса при гимназии. Там юноши должны выдерживать нечто вроде карантина. Их следует заранее готовить к правильному пониманию той философии, которая преподается в данное время в университете, и предохранять их от всякой склонности к философским бредням. Там они стали бы далее изучать преподаваемые в гимназии науки, стали бы приобретать необходимое для них знакомство с логикой, с метафизикой и с историей философии; этим они сократили бы на один год свои университетские занятия и избегнули бы необходимости знакомиться с революционной философией.

Само собой разумеется, что этот проект был во всех отношениях безрассуден. Он отнимал у университета то, что составляло его существенную принадлежность, и взваливал на гимназию то, что было ей не по силам. Он вносил в сферу деятельности обоих заведений такие изменения, которые оказывались вредными всякий раз, как пробовали их вводить. Это был жалкий компромисс между уважением к науке и неуважением. Гердер предлагал со-

хранить за университетом его права на высшее научное преподавание, но вместе с тем перевести преподавание философии из университета в гимназию! А если бы выдержание карантина не принесло никакой пользы, если бы при поступлении из карантина в университет молодые люди бросались с удвоенной алчностью на запрещенное древо познания, плоды которого висели у всех перед глазами? Тогда пришлось бы сознаться, что они не выиграли, а напрасно потеряли целый год. Действительно ли было необходимо переносить из университета в гимназию преподавание чисто академических и в полном смысле слова научных приготовительных познаний по теологии? А если в этом не представлялось надобности, то разве было бы достаточно только двухлетних занятий в университете для подготовки к занятию пасторской должности? Это была бы полумера, не достигающая своей цели, потому что не было бы никакой возможности не заходить в университетском преподавании за ту черту, которая отделяет философию от теологии; наконец из лекций о догматике и экзегетике университетские воспитанники стали бы извлекать тот самый яд, от которого их желали предохранить. Мысль о преподавании философии в гимназии одновременно с преподаванием высших наук в университете была так безрассудна и нелиберальна, что могла прийти в голову Гердеру только потому, что именно в то время кантовская философия сбивала в Йене молодых богословов с толку; иначе он вспомнил бы, какое благотворное влияние имели на него самого лекции магистра Канта, сделавшего теперь главой настоящей секты; иначе он сказал бы сам себе, что научные заблуждения можно исправлять только посредством свободных исследований, только посредством ничем не стесняющегося преподавания. Его несочувствие к критической философии религии превратилось в ненависть к кантовской системе, а эта ненависть скрыла от его глаз главные принципы научной свободы и педагогической мудрости. Он стал горячо нападать на философский дух секты, свившей себе гнездо в университете и оттуда распространявшей свое учение во все стороны, и пожелал наложить на самую свободную из всех наук узду школьной дисциплины — такой дисциплины, над которой он сам имел бы высший надзор и которая была бы согласна с его собственной теологией!

Для сделанной им ошибки было только одно оправдание. Его проект имел в виду не только охрану молодежи от влияния кантизма, но также улучшения во вверенной его надзору веймарской гимназии. С целью поставить это учебное заведение на более высокую ступень, он уже давно помышлял об учреждении

новой профессорской должности. По рассказу рукописных «Воспоминаний», его замыслы были расстроены директором гимназии Фоссом, который сообщил о его намерениях Бёттигеру. Этот последний будто бы сумел добыть приглашение на службу в Копенгаген и вслед за тем предъявил длинный ряд условий, при которых соглашался остаться в Веймаре: он, между прочим, потребовал, чтобы с вновь учреждаемой профессорской должностью была соединена обязанность читать вместо него послеобеденные лекции и во время его отсутствия заменять его в звании викария. Вследствие этих требований Гердеру пришлось отказаться от его проекта¹. Но этот рассказ очень неправдоподобен, хотя он и выставляет в ярком свете эгоизм и бесстыдство Бёттигера, — намерение учредить при гимназии высший философский класс не осуществилось не вследствие интриг Бёттигера, а вследствие своей нецелесообразности. Чтобы противодействовать распространению и вредному влиянию критической философии, Гердеру пришлось прибегнуть к иным средствам.

Появление в июне 1798 г. в гёттингенских «*Gel. Anzeigen*» рецензии двух его последних «Христианских сочинений»², как кажется, было главной причиной, почему в нем разгорелась жажда борьбы и почему он решил не ограничиваться нападками на «дьявольскую догматику» и на кантовскую философию религии, а систематически опровергнуть все основные положения кантовской философии, постаравшись добраться до ее корня. Еще 1 декабря 1797 г. он писал Якоби по поводу шлоссеровских «*Anti-Kantiana*»: «Наше время или настоящее десятилетие погрузилось в нелепые кантовские формулы; появится новый писатель — и этот поток исчезнет. Бороться с ним теперь было бы, полагаю, бесполезно; куда следует только копать ямы, в которые он мог бы стечь, когда настанет для того время». Теперь это намерение внезапно изменилось. Самолюбие Гердера было задето тем, что ему вздумал объяснять кантовскую философию наставническим тоном один из учеников Канта — гёттингенский богослов Штейдлин, уже ранее неоднократно вступавший с ним в письменные сношения³. Он уже так далеко зашел в своих «Христианских со-

¹ См. в рукописи «Воспоминаний» приложение «*Böttiger*». Сравн.: *Линдеман*. С. 52 и сл.

² В этих сочинениях 1798 г. (II, 938—944, 992—998).

³ До нас дошли четыре письма Штейдлина к Гердеру, написанные в 1785, 1791 и 1794 гг. О том, что Штейдлин был автором рецензии, свидетельствует письмо Гейне к Гердеру от 3 дек. 1798 г. (С, II, 234); сравн. письмо Гердера к Эйхгорну от 24 дек. 1798 г. (Там же, 312).

чинениях», что не мог оставлять занятую им позицию без обороны. Его личные убеждения были тверды, и он был вполне уверен, что защищает здравый человеческий ум против бессмысленных умозрений. И это убеждение, и задетое авторское самолюбие налагали на него обязанность вмешаться в дело и ускорить падение философской системы, уже начинавшей, по его мнению, утрачивать доверие. «Πολλά μοι ὑπ' ἀγκῶνος ὠκέα βέλη!» — писал он под впечатлением вышеупомянутой рецензии¹.

Желанию побороть врага он принес в жертву свои лучшие литературные замыслы, находившиеся в связи с его прежними сочинениями. Окончание пятого сборника «Христианских сочинений» давало ему возможность снова заняться еврейской поэзией и «Идеями». Но он оставил оба этих сочинения недоконченными, а занимавшее его весной продолжение статьи о Персеполе в форме писем к ученым было отложено в сторону, для того чтобы свести счеты с Кантом, которые были бы, по его мнению, окончательными². С начала ноября он с пылким рвением принялся опровергать кантовскую философию — т. е. все ее основные принципы, изложенные в «Критике чистого разума». Заглавие и руководящие идеи для этой новой работы он заимствовал из рукописной статьи Гамана³. «Метакритика на критику чистого разума» — разве он мог бы найти лучшее заглавие для книги, в которой предполагалось не только опровергнуть чужие мнения, но и изложить свои собственные воззрения на всю сферу человеческих познаний. Но идеи Гамана были его собственными. А когда, немедленно после появления его книги, его стали обвинять в литературном воровстве, он, конечно, не вполне верно утверждал, что «Метакритика» была продуктом двух умов⁴. В переписке между Гердером и Гаманом касательно кантовской философии не видно ни малейших следов обоюдного обмана одинаких воззрений; все критические замечания делались Гаманом, и даже утраченные гердеровские письма — судя по ответным на них письмам — могли заключать в себе только неоднократно возобновлявшееся выражение желания узнать мнение друга. Но эти мнения находили хорошо подготовленную почву: каждую мысль кёнигсбергского метакритика Гердер усваивал так легко и охотно, что она казалась ему его собственной; он так безусловно раз-

¹ К Эйхгорну летом 1798 г. (С, II, 311—312).

² Сравн. введение Суфана к SWS (XXI и XXII, с. XII).

³ Metakritik über den Purismus der reinen Vernunft (см. выше, с. 272—273).

⁴ Каролина к Кнебелю 10 авг. 1800 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 335).

делял все убеждения Гамана, что в некотором отношении был прав, когда говорил: «Метакритика» задумана почти двадцать лет тому назад¹. И его сочувствие к учению Лейбница и к английской опытной философии, и его воззрения на теологию, историю и эстетику отталкивали его от таких отвлеченностей, которые не нуждались ни в опыте, ни в языковедении, ни в изучении природы и действительной жизни; поэтому его мнение о кантовской философии вполне сходилось с мнением его друга, который со своей стороны находил в «Идеях» лишь развитие своей собственной любимой темы: язык и предание. Когда Гердер заявлял, что буквально переписал из рукописной гамановской «Метакритики» не только заглавие, но даже некоторые фразы, он впадал в преувеличения. Более правдоподобно другое его заявление: если бы он вспомнил, что в его руках находится гамановская рукопись, то он цитировал бы из нее некоторые отрывки, а в случае нового издания своего сочинения напечатал бы всю ее в начале книги². В таком случае он сделал бы точно то же, что уже прежде делал в других сочинениях. Ему никогда не приходило на ум намерение отстаивать против Гамана свою независимость или скрывать свою от него зависимость. Он гордился тем, что был учеником Гамана и истолкователем его идей. Он неоднократно заявлял, что только гамановская философия истинна, а развить эту философию точно так же, как он развил идеи Гамана о поэзии, о природном языке человеческого ума и о достоинствах восточной поэзии, казалось ему такой задачей, исполнением которой он мог бы завершить свою литературную деятельность.

Поэтому и теперь, точно так же как начиная писать свои «Отрывочные заметки о литературе» и «Критические леса», он воображал, что может и должен дать духу своего времени новое направление. Его желание вступить в научную полемику соединялось с желанием исполнить нравственную и религиозную обязанность — почти так же как во время его полемики с Михаэлисом, объяснявшим Священное Писание с точки зрения современного просвещения, и с Шпальдингом, объяснявшим с той же точки зрения обязанности церковного проповедника. По рассказу Бёттигера, он написал «Метакритику» невероятно скоро — так скоро, как не писал никакого другого сочинения. «Письма о гуманизме» требовали от него все более и более тяжелых усилий, по мере того как приближались к концу. Но совершенно иным

¹ К Глейму 5 апр. 1799 г. (С, I, 254).

² Эти слова приводит Бёттигер (Litt. Zustände. I, 133).

тоном он говорит о начатой теперь работе — он уверяет, что возвратился к любимой теме своей юности, и надеется скоро удивить своих друзей новым сочинением, касающимся философии¹. Часто хворавшему Якоби он писал: «Чтобы быть здоровым, ты должен писать. Когда я дурно себя чувствую и предвижу приближение болезни, я берусь за перо». Это лекарство, как кажется, действительно приносило ему пользу. Каролина писала 12 ноября Глейму, что ее муж отдался работе телом и душой; весной она писала тому же другу, что Гердер еще не проводил ни одной зимы таким здоровым и веселым, как в то время когда был занят «Метакритикой»². Удовольствие, которое он находит в этой работе, и его уверенность в успехе сказываются легкими намеками в его письмах к Глейму и в его устных беседах с Жан-Полем, который был единственный из его друзей, вполне посвященный в его тайные намерения. Он работал так быстро, что уже в ноябре мог сообщить этому последнему на просмотр первые десять глав; 18 января началось печатание новой книги; в начале апреля Жан-Поль высказал свое мнение о предисловии, а в половине апреля — в то время как Шиллер приехал в Веймар, чтобы присутствовать на репетициях «Смерти Валленштейна», — Гердер уже мог рассылать свое двухтомное сочинение, заключавшее в себе около 900 страниц³.

Но Гердер был в состоянии так скоро довести до конца свой критический разбор философской системы — медленно созревавшей в уме ее автора в течение нескольких десятилетий и за-

¹ К Кнебелю 23 нояб. 1798 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 276); к Эйхгорну 24 дек. (С, II, 312).

² Гердер к Якоби 10 дек. 1798 г. (Избр. переписка Якоби. II, 265); Каролина к Глейму (С, I, 248) и 3 июня 1799 г. (Там же, 257).

³ К Глейму 18 янв. 1799 г. (С, I, 251): «Я печатаю сочинение, которым, полагаю, удивлю Вас. Будете ли Вы читать его — это другой вопрос. Это геркулесовский подвиг». Глейму же он писал в половине марта 1799 г. (Там же, 253): «Я скоро пришлю Вам нечто, напечатанное частью готическим шрифтом и вследствие того очень удобное для чтения». Письма Гердера к Жан-Поллю и Жан-Полю к Гердеру можно найти в их переписке (А, I, 296 и сл.). К Якоби «Метакритика» была отправлена еще 15 апр. (А, II, 318), а к Г. Мюллеру только 29 апр. (Гельцер. С. 286). Благодарственное письмо принца Августа помечено 20 апр. 1799 г. Издание этого сочинения, как кажется, было роскошно; см. письмо Каролины к Бёттигеру (*Лундеман*. С. 107, № 9; *Böttiger. Litt. Zuständen*. II, 193). Обе части «Метакритики» первоначально были изданы в Лейпциге Иоан. Фридр. Гарткнохом, а потом были без всяких изменений перепечатаны в SW в отделе филос. (XVI и XVII; в SWS они помещены в XXI томе); напечатанное там же введение (с. XIV—XV и XXIII) сообщает дальнейшие сведения о судьбе этой книги.

ключавшей в себе результаты самых глубокомысленных размышлений, — только потому что не считал себя обязанным проникать в глубину ее основных идей. Ему недоставало главного условия удачной критики — уважения к достоинствам и к содержанию рассматриваемого сочинения. Вследствие неприятных личных столкновений, вызванных влиянием кантовской книги, несочувствие Гердера к этой книге усилились до того, что превратилось в отвращение и в ненависть. Критика выдающихся сочинений удавалась Гердеру только тогда, когда он мог вполне или частью усваивать изложенные в них идеи. Разбирая произведения Спинозы, он с наслаждением вдумывался в их содержание, для того чтобы иногда делать из них самостоятельные выводы. Разбирая произведения Лессинга, он усваивал идеи автора, для того чтобы развивать их далее, дополнять и, дополняя, исправлять. Напротив того, к произведениям Канта он относился точно так же, как когда-то относился к произведениям Клотца и Шлецера, Шпальдинга и Николаи. Его отталкивало от кантовской философии то, что было в ней не согласно с его собственными врожденными влечениями; поэтому он разбирал ее с таким же пренебрежением, с таким же поверхностным вниманием, с каким имел бы право разбирать какое-нибудь незначительное литературное произведение. Вместо того чтобы мысленно перенестись в сферу основных идей своего противника и извлекать из них опровержение его выводов, он стал на точку зрения, принадлежавшую к совершенно иной, противоположной сфере идей, и воображал, что опровергает своего противника, выражая свою ненависть к учению Канта, даже свое непонимание этого учения в длинном ряде отрывочных замечаний, более или менее уместных возражений и даже насмешливых и бранных слов. Нет более высокой похвалы для критики, как признание за ней того достоинства, что она сама излагает некоторую сумму положительных идей; в особенности опровержения какой-либо философской системы могут быть вполне удовлетворительны только тогда, когда они сами сводятся в философскую систему. Но «Метакритика» не заслуживает этой похвалы, несмотря на то что в ней более положительных идей и более систематичности, чем в каком-либо другом сочинении Гердера. Ее положительные и основные идеи уже заранее были готовы в уме автора; поэтому можно бы было заранее предвидеть результат полемики, в которой Гердер хотя и нападает на своего противника с разных сторон, но почти никогда не попадает в цель. С другой стороны, метакритик точно будто заимствовал систематическую последовательность изложения

от того сочинения, негодность которого намеревался доказать; он облакает свои возражения в те формы, которые нашел в том сочинении, и бессознательно придает своей критике внешний вид пародии на кантовскую философскую систему.

Действительно, «Метакритика» представляет собой замечательный пример тех грубых заблуждений, в которые могут вовлекать даровитого и правдолюбивого человека ненависть и злоба, предвзятые мнения и предрассудки. Под влиянием своего высокого уважения и признательности к бывшему наставнику он до сих пор оправдывался перед этим наставником тем, что напал не на него, а на его учеников; и теперь, судя по предисловию к «Метакритике», он намеревался вести речь только «о книге, а не о ее авторе». Но разве была какая-нибудь возможность строго придерживаться такого различия! С виду гердеровская критика была наполнена объективным содержанием, но на самом деле она была переполнена на каждой странице нападками на личность Канта. Хотя автор «Критики чистого разума» нигде не назван по имени, но к его сочинению Гердер относится как к живому человеку, которому бросает прямо в глаза самые оскорбительные обвинения и самые язвительные насмешки. Благодаря странному литературному приему, по меньшей мере не отличающемуся рыцарским благородством, все удары, наносимые капитальному произведению Канта и некоторым другим его сочинениям и статьям, все более и более направляются в самого Канта не только как философа и писателя, но и как основателя секты и человека. В предисловии положительно высказано намерение приводить слова Канта без перерывов и объяснять самую сущность кантовского сочинения. А на деле оказывается, что тенденциозное перепечатавание более или менее длинных выдержек из разбираемого сочинения есть самое ненадежное средство для объяснения его сущности, потому что Гердер беспрестанно прерывает цитаты своими монологами. При этом Канту приходится играть самую жалкую роль. Ему, как несчастному грешнику, дозволяется возвышать голос только в той мере, в какой это угодно его пристрастному критику, который удерживает за собой право ежеминутно прерывать его, для того чтобы осыпать бранью или насмешками или заставлять выслушивать длинные возражения. Этот гневный инквизитор не находит во всей книге своего противника ни одного правильно сказанного слова. Он не предоставляет Канту даже признанного за всеми оригинальными писателями права излагать новые идеи новым своеобразным языком — лишь бы этот язык был понятен. Порицания этого рода начина-

ются с заглавия разбираемого сочинения и прицепляются к каждому новому способу выражения; по мнению строгого метаcritика, не заслуживает ни малейшего одобрения ни то, как говорит Кант, ни то, что он говорит; а если и встречается что-нибудь не заслуживающее порицания, то Гердер утверждает, что то же самое уже было ранее сказано другими писателями, и гораздо лучше. Один из главных способов унижать значение великого философа заключается в его сопоставлении с прежними философами. Все эти философы, начиная с Платона и Аристотеля и кончая Вольфом и Ламбертом, удостаиваются каких-нибудь сочувственных отзывов; все они, и в особенности английские писатели и Лейбниц, призываются Гердером на помощь для борьбы с Кантом. Между столькими великими и малыми пророками только один Кант является ложным пророком; у всех других заблуждения перемешиваются с верными суждениями, а Кант есть представитель только заблуждений. Гердер до такой степени утрачивает и свою способность понимать смысл исторических явлений, и свою склонность к эклектической терпимости, что его критика превращается в поругание. На этот раз он принимает за образец не критические приемы Лессинга, которым он так часто подражал, а сатирические приемы Свифта. Прологом для «Метаcritики» служит вовсе не изящное аллегорическое описание обманчивого видения, которое представилось юноше, отправлявшемуся в долину академической мудрости; а эпилогом для «Метаcritики» служит басня, в которой паук сплетает свою грозную для мух паутину, которая, однако, очень скоро разносится ветром. Насмешки, ненависть и презрение — вот все, что внушают Гердеру обманчивые дары новой философии; и разве заслуживает чего-либо другого такая философия, в которой нет ничего кроме заблуждений, в которой заблуждения превратились в неосновательные притязания, а неосновательные притязания — в нетерпимость и в тайные козни?

До того времени Гердер излагал свои основные философские воззрения в некоторой внутренней связи в трех сочинениях: в статье «О познании и чувствовании», в «Идеях» и в «Разговорах о Спинозе», и уже в этих двух последних сочинениях выражал свое несочувствие к кантовской точке зрения. Но только теперь он собрал разбросанные там мысли в одно целое — в нечто похожее на систему, которая была отражением кантовской «Критики чистого разума». В существенном содержании этой системы нет ничего нового — в ней ново только то, что идеи автора связываются одни с другими и получают большую ясность и

определенность, благодаря тому что их освещает система противника.

Полемика начинается с того, что сам Гердер выдает себя за представителя разума или обыкновенного человеческого рассудка, а этот рассудок считает за «антипода критицизма, ставящего себя выше разума». Кантовская критика также задавалась вопросом о возможности основывать свои выводы на опыте. Опираясь на независимые от опыта элементы математического и логического познания, она для разрешения того вопроса пыталась распределить лежащие в основе опыта наблюдения между их факторами и таким путем натолкнулась на несколько формул, которые основательно признала за априористические основы всякого познания. Именно эту попытку исследовать способы получения познаний и доискиваться их помимо опыта Гердер считает предприятием невозможным. По его мнению, вопрос может заключаться только в том, каким образом развиваются наши познавательные способности в сфере опыта и каким образом они доходят до своих определенных понятий. Здесь идет дело не о критике, т. е. не об отделении самостоятельной деятельности разума от данных фактов, а о «физиологии человеческих познавательных способностей», об их деятельности, направленной к приобретению определенных понятий. Подобно тому как Гёте не хотел исследовать те изменения света и красок, которые не допускают непосредственного наблюдения, и производил только те опыты, которые можно устраивать под открытым небом, и Гердер не хотел делать наблюдения над познанием иначе как по его конкретным продуктам. Он относился к Канту совершенно так же, как относился Гёте к Ньютону, — когда наука принуждена отказаться от живой наглядности и призвать к себе на помощь абстракцию, то, по мнению их обоих, прекращается научное исследование, прекращается, по выражению Гердера, действие человеческого рассудка. Поэтому, вместо того чтобы исследовать способы получения познаний при помощи наблюдений и опыта, он старается проследить постепенное возникновение человеческих познаний из опыта. Он говорит, что все наши понятия основаны на опыте, что разум создал их при помощи языка из фактических данных. Поэтому он является в своей теории не идеалистом, а реалистом; на основании этой теории всякое познание есть призвание, т. е. усваивание данного факта. Он ближе Канта сходится с Локком, но с критическим эмпиризмом Локка он соединяет догматический эмпиризм автора «Nouveaux essais». Ведь и он признает существование априористических

понятий¹. Он положительно заявляет, что в чувственных указаниях и в опыте проявляется способность воспринимать чувственные впечатления и пользоваться нашим рассудком. Это есть способность убеждаться и познавать. Это все та же, лишь усиливающаяся, способность, которая обнаруживается при первом чувственном впечатлении, так что разум, постановляя свое решение, действует под влиянием этого впечатления. Эта теория, очевидно, отзывается монизмом — она не хочет ничего знать об установленном Кантом различии между чувственностью как способностью воспринимать внешние впечатления и разумом как способностью действовать самопроизвольно. Из статьи «О познании и чувствовании» нам уже известно, в чем заключается, по мнению Гердера, сущность этой способности, не прекращающей своей деятельности с первого момента чувственного возбуждения: она заключается в том, что душа «создает из многого одно целое»; так поступает наше внутреннее чувство, воспринимая внешние впечатления, так поступает разум в своих суждениях и в создаваемых им понятиях. Наконец, эта познавательная способность есть та же самая натуральная сила, которая обнаруживается в действии во всей органической жизни. Функция всех натуральных сил заключается в том, чтобы усваивать однородное, чтобы из многого создавать одно, а познание есть не что иное, как высший натуральный процесс, возвысившийся до разумности при помощи языка. Таким образом, оказывается, что познавательная теория Гердера сходится с его философией истории. В этой последней он смотрел на человека как на высший продукт действующей на нашей планете органической силы и потому принимал понятие о гуманности за руководящую нить при обзоре исторических событий; точно таким же образом он натурализирует возникновение и развитие познавательной способности — его высший объяснительный принцип заключается в поэтическом воззрении на природу как на совокупность сил, однообразно действующих по одному общему закону. Его исследования познавательной теории останавливаются на догматическом понятии об этом всеобъемлющем целом; здесь он видоизменяет учение Локка идеями, заимствованными от Лессинга, и переходит от него к теории Спинозы. Но оба направления его философских размышлений сходятся здесь, образуя круг. По его

¹ Какую он придавал важность тому, чтобы на этот счет не могло возникнуть никаких сомнений, видно из его возражений на сделанные ему Жан-Полем замечания (А, I, 299, № 21).

мнению, всякое познание есть натуральная органическая сила, а, с другой стороны, высшая задача познания заключается в признании единства природы. Задача разума заключается именно в том, чтобы, делая общие выводы, придавать определенность тому, что неопределенно. Существование разума свидетельствует о существовании высшего разума, а наша уверенность в бытии внушает нам уверенность в бытии Божиим.

Если таковы были воззрения Гердера, то само собой понятно, что при таком существенном различии точек зрения он не мог опровергнуть «Критику чистого разума», а мог только делать на нее возражения. Он задал себе труд излагать эти возражения, следя шаг за шагом за содержанием кантовского сочинения. Постараемся и мы объяснить на отдельных примерах, каким образом каждый из этих двух писателей постоянно выражался таким языком, который был не понятен для другого.

Чтобы понять смысл установленного Кантом различия между аналитическими и синтетическими суждениями, надо предварительно вникнуть в намерение автора. Но Гердеру было нетрудно признать это различие неточным и только относительным, потому что он начал с того, что признал намерение Канта безрассудным. Цели Канта вполне соответствует слово *Anschauung* (распознавание) для обозначения непосредственного отношения нашего чувственного познания к предмету; но Гердер заменяет это слово словом *Innewerden* (убеждение), потому что он уклоняется от анализа самого процесса чувственного познания, потому что он желает заменить «трансцендентальную эстетику» «живой эстетикой», а вместо объяснений опыта описывает его с точки зрения самого опыта. У него готово решение тех вопросов, к разрешению которых Кант приступает путем анализа; вместо того чтобы говорить о «явлениях», он просто ведет речь о «чувственных предметах», а разложение явлений на материю и форму кажется ему натянутой абстракцией, которая лишь вызывает с его стороны нападки на «вялую, безжизненную материю» и на «грубое слово „форма“».

Затем, мы напрасно стали бы ожидать от Гердера проверки остроумных доказательств Канта, что понятия о пространстве и времени суть априористические. Вместо такой проверки Гердер старается объяснить образование этих понятий «сообразно с опытом и с языком» — потому что они создаются опытом и потому что при их зарождении разум идет по пути, указанному языком. Таким образом, вследствие неправильного сопоставления опыта с языком, гердеровское изложение представляет со-

бой смесь описания с этимологией; то же самое повторяется у него и в следующих объяснениях¹. По его мнению, понятие о пространстве дано нам от рождения вместе с нашим ограниченным существованием и с нашим рассудком, а перемены, происходящие в нас и вокруг нас, дают нам понятие о времени как о мере продолжительности. Он впадает в грубое заблуждение, приписывая Канту мнение, что в нашем уме уже заранее готовы формы для понятий о пространстве и времени, и называя такие формы пустыми фантазиями, продуктами воображения, идолами и бессодержательными словами; он также впадает в грубое заблуждение, объясняя Канту, что только по опыту, вследствие производимых на нас предметами чувственных впечатлений, мы развиваем в себе способность распознавать пространство и время и потом сознательно составлять определенные о них понятия. Канту это было, конечно, так же хорошо известно, как и Гердеру. Но и помимо этих заблуждений, разномыслие между двумя писателями было полное. С априоризмом кантовской теории соединяется и ее субъективизм, а против этого субъективизма Гердер

¹ В связи с этой этимологией, а с другой стороны, и с порицаниями кантовской терминологии, находится своеобразный способ выражения как в «Метакритике», так и в «Каллигоне». Отзывающаяся поэзией гердеровская философия отличается способностью придумывать новые выражения; изложенные в ней идеи получают своеобразный смысл вследствие того, что автор, ничем не стесняясь, употребляет вновь выдуманные производные или сложные слова и новую конструкцию фраз. Оба его сочинения, написанные против Канта, напоминают в этом отношении некоторые из его старых сочинений. Некоторые из его своеобразных способов выражения указаны Суфаном в примечаниях к т. XXI и XXII SWS. Мы приведем здесь только несколько примеров его манеры излагать философские идеи или полемизировать с противником. Он ведет речь о *sich Angefundenen*, снова употребляет слово *Ichts*, неоднократно употребляет слова *bildhaft*, *Bildausdruck* и т. п. Он с намерением употребляет выражение *ein Schema seiner* (в род. падеже) с целью обратить внимание на *Leersinn eines wortspielenden Schattenverstandes*, подобно тому как позволяет себе употреблять слова *seiner*, *sein selbst*. Он употребляет прилагательное *anerkenntlich* в том смысле, какой придает распознавательной способности разума. Он позволяет себе писать во множественном числе. *Fühlbarkeiten*, *Bewegbarkeiten*, *Vernehmbarkeiten*, *Merkbarkeiten*, также *Irren* в смысле *Irrthümern* и с полемической целью *Gegenvernünfte* и *Schulvernünfte*. Он упрекает Канта за то, что он *entvernunftet* разум и т. д. Немало таких же странных выражений встречается в «Каллигоне»; так, напр.: *geschmackurtheilen*, *Widerung-Ekel*, *Zahlmeistereie*, *geisthaft* в противоположность с *leibhaft*, *unbuchstabilirter*, т. е. незнакомый с буквенным письмом сын природы; *der Andenkende*, т. е. думающий или вспоминающий о другом, *Ohnname* как перевод слова *Anonymus*, *Gemüthsvermögenheit* в отличие от *Gemüthsvermögen* — и много других выражений; ими воспользовался Сатре для своего словаря, первый том которого он отослал к Гердеру 26 нояб. 1800 г.

заявляет решительный протест. Его познавательная теория есть вместе с тем теория бытия и в последней инстанции естествознание. Поэтому, не довольствуясь доказательствами, что пространство и время — эмпирические понятия, он старается доказать, что эти понятия происходят от других первоначальных понятий. В качестве слушателя кантовских лекций он когда-то взял понятие о бытии за тему для своих упражнений в философии. Он в то время научился у Канта присоединять к понятиям о пространстве и времени понятие о силе — следы этой тройственности понятий встречаются повсюду в старых сочинениях Гердера¹. Теперь, когда систематическое изложение «Критики чистого разума» внушило и ему желание приводить его идеи в систему, он вспомнил о том понятии, которое развилось в сущности на почве лейбницевской философии. Поэтому он называет понятие о бытии самым первоначальным из всех понятий. Но бытие обнаруживается в силе; от силы зависит и бытие, и его продолжение, поэтому она вызывает понятия о пространстве и времени. Эти понятия естественно возникают в нашем уме только потому, что природа сама вложила их в наш организм, потому что наша натура сама — органическая сила. Поэтому кантовскую трансцендентальную эстетику с ее субъективными априористическими формулами он хочет заменить «Органикой» («Organik»), а субъективное *a priori* заменить объективным и энергическим; он утверждает, что бытие обнаруживается посредством силы, и по своей привычке руководствоваться аналогиями приписывает понятие о пространстве (как это делал в «Пластике») преимущественно зрению, понятие о времени — слуху, понятие о силе — осязанию; с другой стороны, он полагает, что из тех трех понятий можно сделать выводы и касательно размеров пространства, времени и силы. Он старается придать этим выводам систематическую определенность, но постоянно противопоставляет учению Канта мысль, что все эти понятия существуют не вне и не ранее опыта, а возникают путем опыта, потому что в их эмпирическом возникновении проявляется живое бытие. Ему не удается выразить его воззрение с ясной определенностью; тем не менее нельзя не заметить, что в изложении своей основной идеи он обнаруживает большую энергию; во всем отыскивая внутреннюю связь, он старается все соединить в одно нераздельное и полное жизни целое.

Переходя к кантовской аналитике, он, натурально, отвергает не понравившееся и Гаману разделение человеческого познава-

¹ Сравн.: Т. I. С. 100—101, в особенности с. 113—114 и 116, прим. 2.

ния на два вида. Затем он отвергает необходимость придерживаться определенных форм мышления для отыскания чистых понятий. Он ничего не хочет знать ни о каких-либо чистых понятиях, без которых невозможно пользоваться опытом, ни о чистой логике. У него форма сливается с содержанием, логика — с грамматикой. Поэтому формы мышления обыкновенной логики представляются ему не чем иным, как формами выражения, как различными приемами мышления, цель которых заключается только» в том, чтобы что-нибудь утверждать или что-нибудь отрицать. Поэтому он критикует плохо придуманные кантовские категории и вслед за тем пытается по-своему проследить деятельность разума. Он далее развивает то же, что говорил касательно понятий о чувственности. Вместо того чтобы выводить из формул логики априористические понятия, он излагает генеалогию — происхождение и развитие самых важных понятий как приобретаемых опытом. Нам уже знакома эта познавательная теория частью из статьи «О познании и чувствовании», частью из статьи «О происхождении языка». Он снова излагает ее, вдаваясь в повторения и местами прибавляя к старому некоторые остроумные замечания. Он говорит, что разум, находящийся в тесной связи с чувственными впечатлениями при посредстве наблюдательности и памяти, делает то же, что было сделано чувственной впечатлительностью, — только с более высокой целью. Во «внутреннем чувстве» возникают память, воспоминание, фантазия, сознание. Это внутреннее чувство переходит в сознание при посредстве внешних признаков предмета, подобно тому как функция всякой натуральной силы заключается в том, чтобы претворять в себя все, что находится вне ее. Разум сам себе объясняет подмеченные внешние признаки предмета; он различает то, что должно ему принадлежать, и таким способом из многого создает одно целое.

Эта теория, понятно, находится в противоречии со всеми кантовскими определениями. Самопроизвольность разума, о которой говорит Кант, ошибочно объясняется Гердером в смысле произвола и отвергается; под синтетической деятельностью разума он понимает только повторительное соединение того, что уже соединено в объекте; трансцендентальное единство самосознания превращается в способность самого разума понимать смысл целого и т. д. Таким образом, оказывается, что две теории познания все более и более расходятся в разные стороны. В подражание кантовским категориям и Гердер составляет категории — но между теми и другими нет ничего общего. Следующие

коренные понятия нашего разума нам уже известны из той главы, в которой делается критически разбор трансцендентальной эстетики: бытие (*Sein*), существование (*Dasein*), продолжительность и сила. Поэтому, по мнению Гердера, может идти речь только о том, каким образом разум, на основании этих коренных понятий, вникает во все окружающее, каким образом он связывает свои понятия и распределяет их в известной последовательности, каким образом он разделяет данные на составные части или соединяет их вместе, иначе говоря, каким образом он «из многого делает одно целое». Сообразно с этим Гердер ведет речь о четырех разрядах наблюдений нашего разума. Мы приведем содержание его изложения, не будучи, однако, вполне уверены, что верно поняли его не совсем ясные и сбивчивые рассуждения. Разум познает прежде всего бытие: он познает по законам соприкосновения связь между предметами, по законам последовательности — порядок, в котором эти предметы следуют одни за другими, по законам причинности — взаимное влияние одних предметов на другие. Второй разряд наблюдений относится к свойствам предмета. Разум распознает тождественность, несходства и затем переходит к распознаванию родов и наконец видов. К третьему разряду принадлежат понятия о неподвижности, о противодействии, о содействии, о действии. Гердер с поэтической наглядностью описывает каждый шаг развивающегося мышления, постоянно стараясь придавать своим выражениям отпечаток тех понятий. Благодаря этому его безжизненные категории получают яркую окраску, а его идеи легко вытекают одни из других. Он, ничем не стеснясь, делает то же, что делал Гегель, придерживавшийся, по-видимому, более строгой последовательности: он, подобно Гегелю, ставит рядом вместо абстрактных категорий конкретные, вместо чисто формальных полные внутреннего содержания, вместо чисто субъективных субъективно-объективные. Его категории занимают середину между кантовскими и гегелевскими. К трем категориям бытия, свойств и сил — из которых каждая делится на четыре части — он наконец присоединяет четвертую категорию размера, которая состоит из следующих частей: пункт, неизмеримое пространство, неизмеримое время, неизмеримая сила. Этим четырем разрядам понимания и их категориям должны соответствовать четыре науки — главные науки человеческого разума: онтология, естествознание (*Naturkenntnis*), естественная наука (*Naturwissenschaft*), математика; отсюда мы можем догадаться, какой руководящей идеи придерживался автор в своем разделении категорий, не отличающемся достаточной ясностью.

Нетрудно догадаться, как должен был отнестись Гердер к глубокомысленному учению Канта о трансцендентальном схематизме. Он усматривает в трансцендентальной схеме только «третью фикцию между двумя исчезнувшими фикциями» и, между прочим, говорит, что у Канта схема есть продукт чистой фантазии, что она не может быть верной, потому что фантазия — в особенности эмпирическая фантазия — ученица опыта; но такие возражения доказывают только то, что он не желал или не был в состоянии уклониться от своей эмпирической точки зрения и отдать справедливость намерению Канта. Впрочем, это не мешает ему подражать систематической последовательности «Критики чистого разума» и противопоставлять главе о схемах главу о «Символах человеческих понятий». Даже если бы нам не приходили на память сочинения Гамана, мы можем догадаться, что здесь будет идти речь об отношении языка к мышлению. Здесь автор снова — хотя и не более ясно, чем в старом сочинении на премию, — объясняет, каким образом язык возникает из чувственных впечатлений и из одухотворяющей эти впечатления силы разума; однако на этот раз Гердер, наперекор Гаману, устраняет мистическую мысль о божеском откровении и описывает происхождение языка как чисто человеческое явление, обусловленное натурой нашего разума.

Одна из самых плохих глав «Метакритики» — следующая глава, в которой Гердер делает критический разбор системы принципов чистого разума. Не говоря уже о разных неосновательных нападках на терминологию Канта, содержание этой главы сводится к старому гердеровскому антитезису, что опыт дает указания сам собой, а не при помощи принципов; кроме того, Гердер снова противопоставляет кантовской системе свою собственную систему, которая будто бы заключает в себе все принципы разума; он говорит: «Человеческий разум познает то, что доступно для его познания, — и познает так, как это возможно при его натуре и при его органах!» Следующие за тем рассуждения об идеализме и реализме характеристичны в особенности потому, что метакритик берет сторону Беркли против Канта. Натуральная симпатия уже давно привлекала его к остроумному мыслителю, сумевшему согласовать эмпиризм Локка с теологией и при этом избежать его материалистических выводов¹. Он

¹ Еще в рецензии сочинения Бетти, помещенной в «Frankf. Gel. Anz.» (1772. № 85; в новом издании Гейльбронна — с. 559), Гердер вступался за Беркли против Бетти; на его прекрасное сочинение «Alciphron» он обращал внимание читателей в примечании к «Древнейшему документу» (I, 86). О романе

основательно замечает, что учение ирландского епископа есть реалистический идеализм, а по своей конечной цели опровержение материализма. Поэтому ему нетрудно было согласовать с этим учением его собственный реализм познающего разума — но нельзя было согласовать его с учением Канта. Это учение, по мнению метакритика, не опровергло берклиевский идеализм, а превратило его в творческий идеализм, который ставит всю природу в зависимость от нашего «я», поэтому сводится к самому грубому эгоизму и по своим априористическим формулам должен называться не идеализмом, а *Letterphantasmus*.

Гердер дал первой части своей «Метакритики» прибавочное заглавие «Рассудок и опыт», а второй части — прибавочное заглавие «Разум и язык». Смысл этих заглавий не становится для нас ясным, вследствие того что в конце первой части сказано: подобно тому как сферой деятельности для рассудка служит опыт,

Беркли «Gaudentio» идет речь в диалогах Гердера о переселении душ (Разбросанные листки. I, 289, 290). В 28-м «Теологическом письме» Гердер снова ссылается на «Алкифрона». В «Диалогах о Спинозе» он говорит, что изучил сочинения Беркли (с. 46 1-го изд.). При этом он неоднократно называет Беркли «редким и очень умным человеком», а его систему называет «изящной и идеальной». В 1781 г. он прочел биографию Беркли, помещенную в начале первой (и оставшейся единственной) части переведенных в 1781 г. в Лейпциге на немецкий язык сочинений этого писателя (К. Г. Мюллеру: *Гельцер*. С. 91). Вольный перевод одной из од Беркли составляет окончание статьи «Тифон и Аврора» в «Разбросанных листках» (IV, 383 и сл.). Одна цитата в «Briefen über das Studium der Wissenschaften» Г. Мюллера напомнила ему о Беркли с другой стороны. «Пришлите же мне, — писал он 24 июня 1798 г. (*Гельцер*. С. 281, эти слова пропущены) Мюллеру, — те мелкие статьи и сочинения Беркеля, на которые Вы ссылаетесь в Ваших письмах. Я так давно тщетно стараюсь их добыть. Более крупные его сочинения, как например идеалистические разговоры, Алкифрона, Гауденцио, я уже прочел, но не читал только мелких сочинений». Он просил о присылке сочинений Беркли из Гёттингенской библиотеки около того времени, когда он был занят «Метакритикой»; см. его письмо к Эйхгорну от 24 дек. 1798 г. (С, II, 312); даже 9 авг. 1799 г. им еще не были обратно отосланы в Гёттинген сочинения Беркли (к Эйхгорну: Там же, 514); а 29 нояб. 1799 г. он рассказывал (в пропущенном у Гельцера месте из его письма, с. 288), что в течение последних недель читал мелкие сочинения Беркли, но еще не дошел до конца. Но то, что он нашел в этих мелких сочинениях, не имело никакого отношения к его полемике с Кантом. В «Метакритике», рядом с упоминанием о «Three dialogues» он цитирует только «Treatise conc. the principles etc.» и «Essay towards a new theory of vision»; и только эти два сочинения цитирует в «Каллигоне». Лишь позже ему пришла в голову мысль воздвигнуть в честь Беркли литературный памятник и для этой цели воспользоваться многочисленными выписками, которые он делал в 1799 г. и которые сохранились в рукописи в одной из его записных тетрадок. См. изданный после смерти Гердера том «Адрастеи» (VI, 2, 252 и сл.).

сферой деятельности для разума служит при посредстве языка весь обширный мир человеческих идей. Гердер уже ранее указывал на связь между деятельностью рассудка и конструкцией языка; поэтому когда он относит конструкцию языка преимущественно к деятельности разума, то его слова можно понять только в том смысле, что рассудок есть способность собирать материалы, а разум есть способность извлекать из этих материалов пользу. Действительно, почти таково и мнение Гердера — но только почти, потому что в сущности нелегко решить, что он разумет под словом «разум», хотя он и входит в подробные этимологические объяснения, вроде тех, какие излагал в «Идеях». По его мнению, разум вникает, соображает, собирает в одно целое, делает выводы. Он говорит, что разум есть «высший рассудок и отличается от этого последнего тем, что не ограничивается указанием на какой-нибудь внешний признак, а познает посредством выводов из какого-нибудь основного мотива». Стало быть, это в сущности то же самое понятие о разуме, какое находим у Канта. Противоречие с Кантом начинается только с того основного положения трансцендентальной диалектики, что в натуре разума кроется тенденция к неизбежным, неустранимым заблуждениям. Против этого Гердер возражает, что, стало быть, разум — эта высшая познавательная способность вводит нас в обман, вместо того чтобы наводить нас на правильный путь! Еще более слабы и поверхностны остальные полемические замечания. Гердер говорит, что заблуждения возникают только тогда, когда разум, обманутый фантазией и языком, ограничивается неопределенными или неосновательными общими понятиями. В подтверждение этой мысли Гердер, между прочим, останавливает свое внимание на понятии о божестве. Это — то же самое доказательство, на которое он уже ссылался в «Диалогах о Спинозе». По его мнению, уверенность в существовании Бога непосредственно истекает из существования разума. Понятие о Боге не вымышленное, а присущее разуму. Самое существование разума доказывает существование высшего разума; но следует остерегаться фантазии, не следует допускать, чтобы фантазия олицетворяла это чистейшее из всех понятий в человеческом образе. «Понятие о Боге не допускает никаких фигурных выражений; Бог есть дух, т. е. сила; его следует признавать за духовную истину, иначе понятие о нем сделалось бы неясным».

На основании этих положений «Метакритика» разбирает кантовскую критику прежней психологии, космологии и теологии. Гердер не входит в подробности этой критики, а противопо-

ставляет ей свою собственную. Он говорит, что в те науки вкрались заблуждения, которые никак нельзя назвать неизбежными, так как от них можно предостеречься. Разум не вступает в противоречия с самим собой, а его вовлекают в заблуждения фантазия и язык¹. Говоря об антиномиях космологии, метакритик большей частью придерживается указанного Кантом пути, но у него все тезисы и антитезисы сводятся к противоположностям между указаниями рассудка и фантазии. Он предоставляет разуму разрешение противоречий между этими двумя познавательными способностями, а это разрешение заключается в том, что разум предписывает каждой из этих способностей не выходить из ее пределов. Так, касательно антиномии между причинностью и свободой Гердер предоставляет решение разуму — но такому разуму, который прошел школу Спинозы. Он говорит, что в природе все свободное; только благодаря этой свободе могут действовать силы природы, а законы природы не что иное, как уравнение этих сил, проистекающее из того, что они взаимно ограничивают одна другую. С другой стороны, свобода есть сила природы, и наша воля лишь тогда свободна, когда она, подчиняясь высшим законам природы, сама создает законы. Это — не что иное, как уже давно знакомый нам поэтизированный спинозизм, устраняющий борьбу разума с фантазией не при помощи высшей познавательной способности рассудка, а при помощи компромисса между разумом и фантазией. Для такого спинозизма немислимо кантовское учение о свободе.

Дойдя до критики кантовского понятия о Боге, мы возвратились к тем идеям Канта, которые уже были предметом нападков в «Христианских сочинениях». Здесь обращает на себя наше внимание следующий факт: основное разногласие между гердеровским натурализмом и кантовским рационализмом, между философией, основанной на наглядном распознавании предметов, и философией, основанной на абстракции, так сильно, что оно сказывается даже в той сфере идей, в которой два писателя легко могли бы сойтись в убеждениях. Когда Кант выводит из требований практического разума положение о существовании божества, он делает в сущности то же самое, что делает Гердер, выводя из требований рассудка понятие о высшем бытии, о вечной исти-

¹ Не лишним будет мимоходом напомнить о сходстве этой критики с критикой Шопенгауэра. Бросающееся в глаза сходство с точкой зрения Гердера представляет фехнеровское противопоставление натурфилософии метафизике в его полемике против *Hinterwilkliche* и т. д.

не и вместе с тем о существовании божества. Кроме того, ни один из двух писателей не отстает от другого в том, что касается требований нравственности. Не будь разных посторонних личных столкновений, превративших разномыслие во вражду, то можно бы было ожидать, что Гердер сойдется с Кантом на почве практического разума и нравственной веры в Бога. Исходя из единомыслия по этому предмету, Гердер мог бы усвоить идеи критической философии точно так же, как усвоил идеи Спинозы, Лейбница, Беркли и многих других философов, исправляя их и переделывая по-своему. То, что было по силам Гёте, несмотря на его влечение к учению Спинозы, было бы еще более по силам Гердеру, лучше Гёте изучившему философские вопросы. Вместо того он видел в учении Канта только вредные заблуждения и не хотел видеть ничего другого. Точно так же отнесся он и к учению Канта о практическом разуме. Он отнесся к этому учению не только с теоретическим несочувствием, но даже почти с нравственным отвращением. Он так несправедлив или так недальновиден, что насмехается над этим практическим разумом как над вторым разумом, снова требующим существования Божия, которое было сначала отвергнуто в качестве вымысла. Он не только порицает искусственность кантовских выводов, но даже заподозривает эти выводы в нравственной нечистоте. Он не ограничивается основательным замечанием, что при этих выводах дело не обходится без теоретических вспомогательных понятий; он, кроме того, возмущается двусмысленностью нравственного закона, который должен повелевать самодержавно, однако не может обойтись без существования божества — он возмущается жалкой ролью божества, в которое приходится верить только из нравственной необходимости. Против такой искусственной веры, поддерживаемой подмостками, протестует его сердечная вера, его более тонкое и более глубокое нравственное чувство. Кантовская нравственная вера, наполовину основанная на требованиях нравственности, наполовину необходимая ради нравственности, по мнению Гердера, не что иное, как сознательное, жалкое «лицемерие», как угрожающая рабам «дубина», а кантовский Бог — «пугало». Он горячо нападает на такие понятия, не потому только что они двусмысленны, а также потому что они были той потаенной дверью, сквозь которую критическая философия всего чаще проникала в умы молодежи. Он говорит, что нравственная разумная вера — «самая мягкая подушка для сонливых умов», потому что, лежа на ней, можно всего достигать посредством выводов, можно вносить в сферу разума все что угодно.

Кроме всего вышеизложенного требует нашего внимания и последняя глава второй части «Метакритики». До сих пор Гердер возражал своему противнику, разбирая его сочинение по частям и противопоставляя его воззрениям свои собственные как более основательные; а теперь он знакомит нас с происхождением «Критики чистого разума». В качестве бывшего кантовского ученика он, как следует полагать, не был лишен некоторых сведений по этой части; ведь он хвалится же тем, что в течение тридцати лет следил за тем, как возникала и как развивалась критическая философия. Но на деле оказывается, что его сведения очень ограничены и что мы узнаем от него менее того, что рассказывает нам сам Кант в предисловии к «Prolegomena». Он не объясняет нам отношения Канта к Юму, а измышляет их. Он говорит — повторяя слова Гамана, — что вся критическая философия основана на учении Юма, подобно тому как учение Юма основано на учении Беркли, что она не нова, а то, что в ней ново, — ложно и состоит из плохо примененного скептицизма Юма. Так, вовлеченный Юмом в заблуждение, Кант отделял действие от причины и этим путем дошел до неосновательного разъединения суждений аналитических и синтетических. Также по примеру Юма, отделявшего впечатление от идей, Кант разделил человеческое познание на два разряда — на познание чувствами и на познание разумом. Таким образом, по мнению Гердера, оказывается, что в учении Канта господствует злой дух юмовской скептической философии — но у Канта он соединяется с духом схоластических абстракций, против которых, конечно, восстал бы более благоразумный Юм. Итак, эта часть «Метакритики», исследующая зарождение кантовской теории, в сущности лишь повторяет прежние обвинения. Согласно с критическими замечаниями Гамана, она восстает против дуализма кантовской теории — против раздробления познавательной способности, против разделения всей природы на явления и на предметы сами по себе, против разделения разума на теоретический и практический и т. д. Эти обвинения, конечно, в некоторой мере основательны; они понятны с точки зрения мыслителя, который хвалит природу за то, что она также любит контрасты и антиномии, но такие, которые легко примиряются и сглаживаются. Но эти обвинения получают особую резкость, вследствие того что с ними соединяется обвинение в путанице идей: ведь, по мнению Гердера, кантовское сочинение есть не что иное, как критическая логика в применении к некоторым метафизическим понятиям, не что иное, как смешение логики с метафизикой, и

вследствие того не что иное, как измышление, само себя опровергающее.

В чем же заключается достоинство и основательность суждений метакритика? Чтобы составить себе справедливое мнение о содержании произведения Гердера, необходимо не обращать никакого внимания на отвратительный тон автора, нередко вовсе неизящный и даже доходящий до площадного¹. «Метакритика» вовсе не была образцовым произведением; в ней нет ни научной цельности, ни систематической последовательности изложения. Однако в ней попадаются меткие замечания, как например касательно того, как употребляет Кант слово *Anschauung*, как он смешивает выражения *transscendent* и *transcendental* и как бывает натянут его слог; кроме того, в «Метакритике» есть и положительное содержание, которое заслуживает внимание в особенности в наше время, когда мы склонны преувеличивать достоинства кантовской философии частью вследствие бедности наших собственных идей, частью вследствие сильного влечения к точным научным исследованиям. Если бы Гердер отнесся к произведению Канта хоть наполовину с тем уважением и вниманием, с какими относился к произведениям Лессинга, то на достоинство его положительных выводов было бы обращено более серьезное внимание и его критика была бы более успешной. Субъективизм кантовской философии, основательно уделявший уму долю участия во всяком познании, предоставлял объективизму лишь незначительную роль, теряющуюся в метафизической перспективе; это вызывало со стороны Гердера основательное возражение, что всякое познание предполагает существование данного предмета и в сущности есть не что иное, как знакомство с этим предметом. Несмотря на все повторения, он выражает это мнение так нерешительно, что иногда оно отзывается наивным реализмом, а иногда более глубокомысленным идеализмом. Манере Канта все раздроблять и делить на части он противопоставляет свое энергическое влечение к объединению — в деятельности познавательной способности он усматривает подчинение постоянным законам и непрерывную внутреннюю связь. При этом он иногда вовлекается в более эмпирический натурализм и в такой рационализм, который производит всякое бытие и всякое познание из единого высшего разума. Иными словами, именно те воззрения, из которых возникли и полные жизни гётевские

¹ Примером может служить примечание к II, с. 317, которое напоминает циничское остроумие Николаи.

поэтические произведения, и однородные с поэзией идеи, изложенные в гердеровских сочинениях об истории философии, об эстетике и литературе, сводятся в «Метакритике» в философскую систему, отзывающуюся дилетантизмом. Те же воззрения впоследствии получили самостоятельное и правильное объяснение в натурфилософии Шеллинга и у Гегеля в системе абсолютного тождества и системе абсолютного идеализма. Но эти систематики имели в своем распоряжении другие научные средства. При эклектическом развитии ума Гердер излагал свои общие идеи в связи с тем, что заимствовал от английской опытной философии, от Лейбница и от его последователей; с тем, что мы позволяем себе назвать его спинозизмом, он в сущности соединял ту же точку зрения, на которой стоял Кант в то время, как был его наставником. Поэтому даже энергия его основного эстетического воззрения привела лишь к смеси реализма с идеализмом. С такими средствами нельзя было одолеть тогдашнего Канта — в особенности потому, что Гердера побудила вступить в борьбу слепая ненависть к новой системе. Напротив того, сходное с гердеровским мирозерцание излагалось Шеллингом и Гегелем при помощи критицизма. Хотя эти философы были лишь наследниками гердеровских идей, они прежде всех сделали удачную попытку вставить реализм в рамки идеализма. Благодаря тому что они были учениками Канта и Фихте, они были в состоянии придать своим идеям определенность и ясность и изложить их в цельной системе; но несмотря на уверенность в новизне этих идей, они, излагая их, не вовлекались в ожесточенную полемику и наконец достигли, хотя и временного, успеха¹.

¹ Слишком прямая зависимость Шеллинга и Гегеля от изложенных в «Метакритике» идей указана в тщательно обработанной диссертации В. Фишера «Herders Erkenntniss lehre und Metaphysik» (Salzwedel, 1878. С. 73 и сл.). В 84-м и 85-м томах «Zeitschrift für Philos. und philos. Kritik» помещено О. Михальским несколько статей с целью вполне наглядно охарактеризовать направление «Метакритики», эти статьи носят заглавие «Kants Kritik der reinen Vernunft und Herders Metakritik» и находятся в связи с диссертацией того же автора (Бреславль, 1883), написанной под таким же заглавием. Однако О. Михальский ограничивается общими замечаниями, что, несмотря на неверное понимание Канта, Гердер проложил путь для здравых эмпирических воззрений в противоположность отвлеченным умозрениям и благодаря своей гениальной чувственной восприимчивости не раз заранее высказывал такие идеи, которые впоследствии встречаются у Шлейермахера, Бенеке, Тренделенбурга, Юбервега и Сигварта. Напротив того, стоит прочесть статью О. Пфлейдерера «Herder und Kant», помещенную в «Jahrb. für protest. Theologie» (Т. 1, часть 4, с. 636 и сл.). После требующего некоторых поправок и дополнений обсуждения личной стороны вопроса автор остроумно и ясно доказывает, почему Гер-

Ненависть Гердера к новой философской системе еще раз обнаружилась в дополнении к «Метакритике». Приближавшийся к старости Кант написал небольшую статью о разномыслии между университетскими факультетами и этим вложил новое оружие в руки тех, кто обвинял его в самохвальстве, в чрезмерной гордости и даже в старании возбуждать умы против установленных порядков. Ему пришлось переживать немало неприятностей во время господства вельнеровского религиозного эдикта, и он имел полное право жаловаться на вмешательство правительственной власти в дело научного преподавания; поэтому, лишь только наступила новая эра с восшествием на престол Фридриха Вильгельма III, он вступился в вышеупомянутой статье за независимость науки от государства; он стал утверждать, что представитель науки — университет, а представитель высшей из всех наук — философский факультет, который имеет целью только отвлеченную истину и потому имеет право контролировать все другие факультеты и даже не обязан подчиняться требованиям светской власти, а, скорей, имеет право подвергать эти требования критике, потому что сам подчиняется лишь законам разума. В этих притязаниях ясно обнаружилось, к чему ведет вся эта априористическая философия со своими высокомерными ссылками на требования разума! Эта маленькая статья, посвященная рецензенту гердеровских сочинений Штейдлину, доставила Гердеру повод выместить его досаду на этом рецензенте¹ и вместе с тем была в его глазах практическим доказательством негодности кантовской «Критики чистого разума». В «новейших сведениях о критическом факультете чистого разума» он поспешил осмеять гордые притязания трансцендентального философа, даже, можно сказать, поспешил сделать на него донос. Он так поступить *bona fide*, вследствие того что был противоположного образа мыслей; ему не пришло на ум только одно обстоятельство — что ведь и сам он нередко брал на себя роль революционера, противо-

дер был непосредственным предшественником того реалистического переворота в философии, который начался с Шеллингом; он основательно замечает, что даже Лотце кое-что заимствовал от Гердера; далее он указывает на пункты соприкосновения Гегеля с Гердером; рассматривая вместе с «Метакритикой» «Христианские сочинения» Гердера, его «Идеи» и его философию религии и истории, автор сравнивает односторонность кантовской теории с гердеровской точкой зрения и взвешивает их достоинства.

¹ Сравн. насмешку над этим посвящением в письме к Эйхгорну от 24 дек. 1798 г. (С, II, 312). Быть может, Гердера подзадорил к этим нападкам отзыв Кнебеля о «лжемудрствованиях» кантовской статьи (9 февр. 1799 г.: С, III, 182; сравн. письмо Каролины к Кнебелю 15 февр.: Knebels. Litt. Nachl. II, 323).

ставляя политическим соображениям и существующим государственным учреждениям требования того разума, который основывает свои требования на законах природы и который, по его мнению, тождествен с гуманизмом. Из понятия об учености Кант вывел понятие об академиях и университетах, о разделении этих последних на факультеты и об автономии философского факультета. Гердер основательно противопоставляет этому понятию историческую точку зрения: он говорит, что не прихоть сделала из университетов автономные ученые заведения, что они возникли в государстве в качестве особых цехов, в качестве школ для научного преподавания. На основании собственного опыта — на основании того, что он сам вынес из знакомства с университетской жизнью и с университетскими преподавателями, Гердер возмущается не только пренебрежением Канта к условиям исторического развития, но и высокомерием этого цехового университетского профессора. Так как он сам не принадлежал к числу цеховых ученых и своими знаниями был обязан не столько университетам, сколько свободному общению с лучшими писателями прошлых времен, то он, между прочим, ненавидит в кантовской философии профессорскую философию и берет сторону должностных людей против профессоров, нецеховых ученых против цеховых. Он говорит, что школы, университеты, академии были основаны не кем другим, как должностными людьми, которые нередко умели прекращать возникавшие в этих заведениях беспорядки и нередко сами прокладывали новые пути для научных исследований. Он горячо восстает против мнения, будто философскому факультету должно принадлежать право цензорского надзора над правительственными распоряжениями; он протестует против подчинения всех факультетов и наук высшему начальству критического метафизика. Он заканчивает свою полемику неосновательным обвинением — он говорит, что автор «Критики чистого разума» требует всех этих чрезмерных привилегий лично для себя. Не легкими намеками, а вполне ясно он высказывает убеждение, что в этих честолюбивых притязаниях обнаруживается существенная тенденция критической философии. Заключающийся в кантовской статейке образчик стремлений этого философа будто бы заранее служит характеристикой всего, что будет раздаваться с кафедры критической философии! Вслед за этим Гердер переходит к таким же жалобам и оскорбительным для Канта нападениям, которые уже служили содержанием для предисловия. По его мнению, критическая философия есть источник нравственной испорченности для университет-

ской молодежи, потому что она внушает презрение к опыту и знанию, научает критически разбирать правительственные распоряжения и, таким образом, делает молодых людей неспособными ко всяким деловым занятиям. Этой горячке, этому «северо-восточному влиянию» следует положить конец в интересе и должностных лиц, и отцов семейств, и всей нации. В заключение Гердер не может воздержаться от оскорбительной насмешки над своим старым наставником. Всем известно, какую *reservatio mentalis* дозволил себе Кант вследствие сделанного ему предостережения не касаться никаких религиозных вопросов — о чем он сам рассказал в предисловии к своей статье о факультетах. В этом случае ни один беспристрастный человек не одобрит нравственного принципа Канта. Тем не менее достойно внимания, с каким жестокосердием Гердер спешил указать на рану, которую нанес себе Кант и как философ, и как человек.

Он до такой степени увлекается желанием опровергнуть учение Канта, что не знает никакого предела насмешкам. Уже в предисловии к «Метакритике» он возвещал о своем намерении продолжать борьбу и написать «Метакритику на критику способности правильно рассуждать», а из его писем к друзьям видно, что он замышлял еще другие планы военных действий¹. Это воинственное настроение отчасти поддерживалось в нем тем, что, в то время как он писал «Метакритику», на Фихте было взведено обвинение в атеизме, грозившее катастрофой для этого философа². От автора «Писем о гуманизме» можно бы было ожидать, что, ввиду разразившейся над головой Фихте грозы, он вступится за свободу науки и университетского преподавания и что участь Фихте напомнит ему, как несвоевременно подливать масло в огонь. Именно в таком ожидании принц Август Готский писал ему с насмешкой и с неодобрением о факелах, которые раздавал курфюрст саксонский, для того чтобы подвергнуть сожжению издателя философского журнала; а после прочтения «апелляции» философа, принц просил Гердера не допускать, чтобы Фихте был сожжен или отставлен от должности³. Но глубокое отвращение метакритика к религиозному учению Канта и Фихте заглушило в нем чувства великодушия и сострадания. Не говоря

¹ К Кнебелю 6 мая 1799 г. (Knebels. Litt. Nachl. II, 278); к Глейму 3 июня (С, I, 256).

² Касательно того, что следует далее, сравн.: *Fichte I. H. J. G. Fichte's Leben und literarischer Briefwechsel*. 2-е изд. I, 269 и сл. вместе с документами II, 76 и сл.

³ 15 и 24 янв. 1799 г.

уже о том, что Г. Мюллер сообщил ему вынесенное из личного знакомства с Фихте убеждение в опасном направлении идей этого философа¹, доводившего учение Канта до крайних выводов, — и своей грубой и резкой манерой выражаться Фихте отталкивал от себя Гердера. После появления «апелляции» Каролина писала Кнебелю: «В его манере выразиться так много шарлатанства; не таким языком выражается истина». Еще более неодобрительно отзывался сам Гердер в письмах к Глейму о «появившемся в Йене атеизме»: «Ему было бы очень приятно, если бы ему стали грозить (само собой разумеется, только издали) костром, для того чтобы он мог кричать: „Меня хотят сжечь“. Но здесь дрова так дороги, что ему нельзя доставить этого удовольствия»². И сам Гердер, и Каролина не изменили этой точки зрения, даже после того как прочли письменные оправдания обвиняемого перед судом; они видели в этих оправданиях только вызов к насилию и не переставали считать Фихте за крайне опасного человека, «способного — если бы мог — раздуть пламя мятежа по всей Германии для отмщения за свою маленькую обиженную особу»³. К этому философскому духу партий Гердер подливал несколько капель и политического пристрастия, которого должен бы был остерегаться по многим очень веским соображениям. Не подлежит никакому сомнению, что Фихте вел себя в этом деле бестактно и неосмотрительно; он сам поставил очень склонное к снисходительности правительство в невозможность оставить его при должности и уладить это дело без всякого унижения ни для себя, ни для него. В конце концов удаление Фихте от должности было самым лучшим исходом для обеих сторон. Но этот сделавшийся неизбежным исход должен бы был возбудить сожаление во всяком, кто был способен оценить по достоинству своеобразные дарования Фихте и кто дорожил независимостью научных убеждений. А в семействе Гердера он был встречен с триумфом. Гердер писал 5 апреля Глейму: «Тот, кто проповедовал, что я — не я, получил на этой неделе свою отставку, которую вызвал такими наглыми оскорблениями, каких еще

¹ Еще 16 авг. 1793 г. и снова 15 февр. 1799 г.: «Что скажете Вы о появившейся в Вашем соседстве стае атеистов? Я лично знаком с Фихте и боюсь его; считаю его опасным и для его отечества, в случае если там вспыхнут какие-нибудь волнения».

² 2 февр. 1799 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 322); в половине марта 1799 г. (С, I, 253).

³ Каролина к Г. Мюллеру 20 марта 1799 г. (у Гельцера, с. 285, — с некоторыми пропусками). Касательно оправдательной записки Фихте см. письмо к Кнебелю от 2 апр. 1799 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 325).

никто не слыхивал»; Каролина, уже ранее и с удовольствием известившая одного из своих друзей, что философу «посоветовали удалиться», объясняет нам, какими мотивами была вызвана такая нетерпимость. «Как странно, — писала она швейцарскому другу, — что в Германии борются против попыток разорвать всякие узы, а между тем там питали и поддерживали такую философию, которая подо все подкапывается. Сохрани, Боже, Швейцарию от Фихте — он создает только дураков и эгоистов»¹. Не подлежит сомнению, что именно к Фихте относились последние страницы «Метакритики», где должностные люди жалуются на критических философов, «которые всё выводят из самих себя и для которых весь чувственный мир служит отражением их самих». В неоднократно упомянутом нами письме к Глейму от 5 апреля положительно говорится, что содержание «Метакритики» имеет связь с бурей, которую вызвал Фихте, и что именно потому это сочинение было местами написано «крепкой водкой». Итак, окончание «Метакритики» превратилось в гнусный пасквиль на Фихте, а ненависть к этому философу была одной из причин, почему Гердер решился и при первом новом походе не терять из виду своего нового врага. В своем письме к тайному советнику Фойгту от 22 марта 1799 г. Фихте жаловался на то, что с ним поступили несправедливо за его мнимый атеизм; а в свое оправдание он поднимал вопрос или только грозил поднять вопрос о том, почему не привлекают к ответственности «веймарского генерал-суперинтенданта, печатно изложившего философскую систему, которая так же похожа на атеизм, как одно яйцо похоже на другое». Вслед за тем это письмо было напечатано в двух журналах². «Что скажете Вы, — писала 5 июня Каролина Г. Мюллеру³, — о том, что Фихте обвиняет моего мужа в атеизме? Он, очевидно, принадлежит к такой секте, которая не только достойна презрения, но также злонамеренна». После того Гердеру пришлось дожить до такого горя, что Якоби, в своем письме к Фихте, осыпал учение этого философа самыми изысканными похвалами. «Оставшуюся от Фихте грязь, — говорил он, — стали разносить повсюду!»⁴ Именно в то время он был занят приго-

¹ Гердер к Глейму 5 апр. (С, I, 254). Каролина к Кнебелю 2 апр. 1799 г. к Г. Мюллеру 29 апр. (*Гельцер*. С. 286). Сравн. их подробный рассказ в письме к Кнебелю от 11 апр. (*Knebels Litt. Nachl.* II, 326).

² Соч. Фихте. II, 90 и I, 306. Сравн. выше, с. 641.

³ *Гельцер*. С. 288.

⁴ К Г. Мюллеру 29 нояб. 1799 г. (*Гельцер*. С. 288); сравн. письмо Жан-Поля к Якоби от 4 июня 1799 г. (*Избр. переписка Якоби*. II, 283).

товлениями к новому метакритическому сочинению, в предисловии к которому намеревался излить все накопившееся в его сердце негодование на «дерзость и высокомерие», на «смелость и грубость» проповедника нового учения и его нового апостола, Шеллинга.

Он, конечно, имел достаточно времени, чтобы здраво обсудить, была ли веденная таким способом борьба полезна для него самого и для того дела, которому он служил. Но самые близкие к нему и безусловно ему преданные друзья отзывались о «Метакритике» с самыми щедрыми похвалами. Немедленно вслед за выходом в свет его сочинения *Apoticario del Mercurio* возвестил с преувеличенным дружеским усердием о победе «Метакритики» над уродливой кантовской критикой и над новейшей школьной философией, вносящей в старую схоластику новые трансцендентальные воззрения¹. По поводу этой напечатанной в «Меркурии» статьи Клопшток выразил свое сочувствие к борьбе с кантовскими химерами². Принц Август, не умевший сделать никаких выводов из гердеровской статьи «Бог» и с трудом вникавший в содержание «Критики чистого разума», заявил, что еще ни одно нападение «на этот замок из мыльных пузырей не было так энергично и вместе с тем так справедливо и так разрушительно, как то, которое предпринял Гердер с геркулесовской палицей в руке». Глейм также вел речь о Геркулесе и о разрушительной силе. Письма Кнебеля были настоящими хвалебными гимнами в честь «Метакритики»; их содержание сводилось к той основной мысли, что автор, подобно Сократу, снова познакомил человечество с «изящной» философией³. Наконец, ко всем этим одобрительным отзывам следует прибавить и отзыв Жан-Поля: если те люди суть представители публики, то следует заключить, что здравый человеческий рассудок уже вышел победителем или, по всему вероятно, выйдет победителем из борьбы со школьной философией. Однако и между самыми близкими к Гердеру людь-

¹ Ein Wort über Herders Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft // Neuer Teutscher Merkur. 1799, май. С. 69 и сл. Сравн. письмо к Бёттигеру (*Böttiger. Litt. Zuständen. I, 197*) и письмо Кнебеля к Бёттигеру (Там же. II, 220). Письмо Гердера к Бёттигеру (*Боксбергер. С. 27, № 20*) и письмо Виланда к Гердеру от 11 июня 1799 г. Хотя обещанное продолжение статьи Виланда и не было написано, зато в июньском номере (с. 165 и сл.) была напечатана статья под заглавием: «Суждение англичан о кантовской философии»; сравн. письмо Гердера к Бёттигеру (*Боксбергер. С. 43, № 60*).

² Клопшток к Гердеру 20 июля 1799 г. (*Лаппенберг. С. 404*).

³ Принц Август к Гердеру 20 апр. 1799 г.; Глейм к Гердеру (С, I, 256, прим. 1); Кнебель к Гердеру 24 апр. и 4 мая (С, III, 140 и сл.).

ми не все были такого же мнения. «Если бы я знал, — сказал Гёте, — что Гердер пишет такую книгу, я стал бы, став на колени, умолять его прекратить это занятие»; самому Гердеру он передал через других холодное изъявление признательности за новую книгу, а Шиллер также выразил свое несочувствие к содержанию «Метакритики»¹. Иоанн Мюллер сначала выразил свое неудовольствие, а потом, хотя и смягчил свой отзыв, но вместе с тем горячо упрашивал Гердера не идти далее по избранному им пути². С таким же советом обращались к Гердеру те из его друзей, которые рассыпались в похвалах. Они предвидели, что возражения со стороны приверженцев Канта причинят Гердеру немало огорчений и потому советовали ему не возобновлять полемики; но их советы были безуспешны. Гердер был до такой степени убежден в правоте своего дела, придавал такую важность своим заслугам в этом деле и так настроил свой ум на ожидание великой победы, что был глух ко всяким увещаниям. Свою антипатию к кантовскому учению он возвел в систему и уверял сам себя, что исполняет самый священный долг, ничем не стесняясь в выражении своей ненависти. Вот почему выраженное ему Кнебелем одобрение служило для него ручательством в том, что он верно понял «указания природы и истины»; это одобрение поддерживало в нем высокомерную надежду, что ему удастся «очистить философию, подобно математике, от влияния всяких сект и от набора пустых фраз и изложить ее на общепонятном народном языке». Но он не обратил никакого внимания на мнение Кнебеля, что не следует снова касаться спорного вопроса, потому что правда выйдет наружу сама собой. «Мне еще предстоит, — писал он, — важная задача: я должен как можно кратче и нагляднее указать, какую путаницу и какие нелепости внесли эти господа в критику всего истинного, в искусство и в науку, даже в практические науки, в мораль, в правоведение, даже в филологию, в историю, в математику, в теологию и т. д. Эти бульдоги и псы с лаем выкрикивают во всех журналах устав критики,

¹ Каролина к Г. Мюллеру 14 мая 1807 г. (С, III, 345); к Кнебелю 25 апр. 1799 г. (*Zur deuts chen Litteratur*. I, 167); сравн. письма: Гёте к Шиллеру 5 июня и Шиллера к Гёте 7 и 25 июня.

² Гердер к Г. Мюллеру 29 нояб. 1799 г. (*Гельцер*. С. 289). Свои мнения Мюллер высказывал откровенно в письмах к Бёттигеру, а не к самому Гердеру. В письме от 15 сент. 1799 г. (Соч. XVII, 124) он как будто отказывается от своего прежнего мнения, как это нередко с ним случалось. Но и после появления «Каллигонь» Гердер писал Г. Мюллеру 8 авг. 1800 г. (*Гельцер*. С. 291): «И Ваш брат вовсе не доволен тем, что я писал в опровержение Канта».

в котором нет никакого устава, нет ни чувства, ни законов, ни правил. Помогите мне, Господи! Мой символ: *jacta est alea* — все вычистить, начиная с самого корня! Я заткнул себе уши хлопчатой бумагой и белым воском; я не буду смотреть ни налево ни направо, пока не доведу мое дело до конца. Помогите мне, Господи!»¹ Почти в таких же выражениях он заявляет своему швейцарскому другу, что хотя и хорошо знает, что залезает в осиное гнездо и в змеиное логовище, но все-таки будет продолжать то дело, которое предпринял из религиозного чувства и из сознания своего долга с целью предотвратить порчу академического воспитания и с целью доказать негодность критической философии на ее применении к наукам². С заносчивостью литературного ландскнехта, одичавшего от постоянных войн, он заявляет прусскому гренадеру, что и в этой войне дело идет о музах и об охране отечественных святынь. «Я воспеваю войну», — пишет он престарелому автору военных песен, а вслед за тем поет ему, на манер ландскнехтов, такую сатирическую песню об отвратительных критических науках, слушая которую покраснели бы от стыда все девять муз³.

Если на Гердера не производили никакого впечатления увещания его друзей, то его, конечно, не могло утратить и исполнение их предсказания, что приверженцы Канта будут упорно обороняться. Передовыми бойцами явились критические журналы⁴, а вслед за ними выступили на сцену пасквили и отдельные сочинения. «Метакритика» вызвала почти единогласное порицание. Всякий образованный человек, конечно, принял бы сторону Гердера, читая «*Vertrauten unparteiischen Briefe über Fichtes Aufenthalt in Jena*», в которых последняя глава была наполнена презрительными насмешками над Гердером и над его оруженосцем Виландом. Но большая часть возражений была написана умеренным, серьезным тоном ученых статей. Гердер вел свою полемику таким раздражительным тоном, что его противникам нетрудно было исполнить роль людей, выражающихся со свой-

¹ К Кнебелю 6 мая 1799 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 278).

² Гердер и Каролина к Г. Мюллеру 29 апр. 1799 г. (*Гельцер*. С. 286 и сл.).

³ 3 июня 1799 г. (С, I, 256 и сл.).

⁴ Сравнительно мягкие возражения против «Метакритики» были высказаны в рецензии, напечатанной в «*Goth. Gel. Zeit.*» № 64 от 10 авг. 1799 г. Нескольким менее пристрастен был отзыв, напечатанный в «*Tübing. Gel. Anzeig.*» № 65 от 12 авг.; самый резкий отзыв появился в «*Erlang. Litteraturzeit.*» № 199 от 9 окт. Все эти три отзыва перепечатаны в статье Ринка (с. 175 и сл.), о которой будет идти речь далее.

ственным умственному превосходству хладнокровием. Написанное Кругом «Послание друга критической философии к другу философии вообще»¹ нападало на Гердера и на Виланда преимущественно за то, что они приписывали учению Канта тайную политическую цель; остальное содержание послания состояло из написанного самым спокойным тоном и общепонятным языком объяснения идей Канта. Молодой Крамер² написал в самой скромной форме и с желанием оправдать уважаемого им писателя небольшую статью, в которой доказывал, что заключающиеся в «Метакритике» нападки вызваны неверным пониманием основной идеи кантовской критики. Еще более беспристрастной и более дружелюбной была первая часть объяснений трансцендентальной философии, написанных Шмидтом и Шнеллем³: здесь обращалось внимание читателей на то обстоятельство, что Гердер едва ли нашел бы какой-нибудь повод для полемики с Кантом, если бы привел в ясность свои собственные идеи. Полемические статьи более усердных приверженцев Канта — как например двухтомный, отличающийся логической сухостью, кизеветтеровский «Разбор „Метакритики“»⁴ — соединяли с полемикой старание объяснить основную мысль критической философии и самые темные места в «Критике чистого разума». При этом они без всякого сострадания обнажали те раны, которые нанес себе сам Гердер. То было общим мнением всех врагов Гердера, что «Метакритика» была продуктом не столько философских дарований Гердера, сколько его поэтической фантазии, что ее автор неясно понял дух и направление критической философии, что, приводя цитаты, он извращал слова Канта, что он выражался самым отвратительным и самым непристойным тоном, что он старался восполнять неосновательность своих доводов бранны-

¹ Статья под заглавием «Ueber Herders Metakritik und deren Einführung ins Publicum durch den Hermes Psychopompos, Sendschreiben etc.» появилась анонимно в 1799 г.; с некоторыми изменениями она была перепечатана в полн. собр. соч. Круга (VII, 145 и сл.).

² *Cramer Joh. Jac. Ueber Herders Metakritik.* Цюрих и Лейпциг, 1800.

³ Первая из этих статей появилась в Гиссене, 1800 (с. 91 и сл.).

⁴ Берлин, 1799 и 1800; кроме тех возражений, о которых будет говорено далее, мне еще известна сообщенная мне моим коллегой Бегингером статья A. Matthiä «Sinnlichkeit und Vernunft oder über die Principien des menschlichen Wissens. Eine Kritik über Herrn Herders Metakritik von einem Wahrheitsfreunde» (1800) и статья Hugo «Ein Beitrag zur Würdigung der Herderschen Metakritik» (Гота, 1799). Появившаяся лишь в 1802 г. в Лейпциге статья Громана «Ueber das Verhältniss der Kritik zur Metakritik» известна мне только из чужих на нее ссылок (например, Дюнпера: SWH. XVIII, LXIII).

ми и насмешливыми словами. Само собой разумеется, что кроме того автору напоминали о его старых прегрешениях, что ему указывали на странное противоречие между похвалами, которыми он когда-то осыпал Канта, и теперешними оскорбительными для Канта отзывами, и в особенности указывали на то, что такой ожесточенной вражды нельзя было ожидать от писателя, проповедовавшего евангелие гуманизма. Противники Гердера сходились и в том убеждении, что точку зрения метакритика можно охарактеризовать названием наивного и запутанного догматического эмпиризма. Один из них — именно самый даровитый, — по имени И. Г. Реце¹, пошел еще далее. Стараясь направить острие «Метакритики» против ее автора, он доказывал, что от «натуральных принципов» гердеровской философии только один небольшой шаг до сферы неверия и вольнодумства и что, стало быть, эта философия и по форме, и по содержанию находится в противоречии с убеждениями и верованиями ее автора. Почти все, что было остроумного и глубокомысленного в суждениях Гердера, оставлялось без внимания, потому что головы его врагов были совершенно отуманены учением Канта и Фихте, но недостатки «Метакритики» они вывели наружу довольно ловко и наглядно. Вслед за тем напал на Гердера шлегелевский журнал, прежде щадивший его. В последнем номере «Атенея» Бернгарди с злобным остроумием вкратце перечислил все вышеупомянутые недостатки. Он парафразировал обращенные к Рейнгольду² слова Фихте, что Гердер опозорил себя своей «Метакритикой». Он говорил, что это сочинение — «хилый недоносок», и советовал автору придерживаться горациевского изречения *Populus me sibilat at mihi plaudo ipse domi*³. Но были и еще более резкие отзывы. Оскорбление, нанесенное учеником наставнику, нигде не воз-

¹ Herder gegen Kant oder die Metakritik im Streite mit der Kritik der reinen Vernunft. Лейпциг, 1800.

² Жизнь Фихте. 2-е изд. II, 276.

³ С. 266 и сл. Из переписки братьев Шлегель со Шлейермахером видно, что они старались всех натравливать на Гердера и что они старались восстановить Шлейермахера и против «Метакритики», и против статьи «Бог», и против «Христианских сочинений» Гердера, и впоследствии против «Каллигоны» (Биография Шлейермахера. III, 123, 143, 144, 149, 151, 176, 186, 221). Сравн. мое замечание в «Романтической школе» (с. 725), требующее исправления. А. В. Шлегель писал 16 дек. 1799 г. Шлейермахеру: «Посредством этой заметки (о «Метакритике») мы, как я полагаю, доказываем, что нам не запрещено свободно судить о веймарских ученых и что мы не подчинились бы такому запрещению». Тот номер «Атенея», о котором здесь идет речь, появился во второй половине августа 1800 г.

буждало такого сильного негодования, как в Кёнигсберге, в среде людей, преданных Канту. Там созрело убеждение, что необходимо доставить всеми уважаемому наставнику полное удовлетворение, а непочтительному и неблагодарному ученику дать хороший урок. Под заглавием «*Mancherlei zur Geschichte der metakritischen Invasion*» был составлен сборник статей, в которых возлагалось несколько лавровых венков на голову Канта, а на голову автора «Метакритики» возлагался венок терновый¹. До какой степени было сильно в среде этого кружка убеждение, что Гердер действовал из личных мотивов, всего яснее видно из одной статьи сборника, не попавшей в печать, — из предисловия Шеффнера к другой также отложенной в сторону статьи, к Краусовской рецензии третьей части «Идей»². При таком взгляде на дело противники Гердера полагали, что пользуются лишь правом самообороны, делая оскорбительные для Гердера сопоставления его литературной деятельности с деятельностью Николаи и всячески стараясь унижить в общественном мнении как его личность, так и достоинства его сочинений. Из Кёнигсберга было объявлено во всеуслышание, что главными идеями своей «Метакритики» Гердер был обязан тем студенческим тетрадам, в которых были записаны лекции Канта. При этом делались ссылки на свидетельство самого Канта, что категории пространства, времени и силы, играющие такую важную роль в «Метакритике», — те самые категории, которые Кант когда-то выдавал за единственные синтетические понятия метафизики. Гердера обвиняли в двойном литературном воровстве — в том, что он старался опровергнуть новые мнения Канта его старыми мнениями, и в том, что остальные материалы его полемического сочинения были заимствованы из статьи его умершего друга Гамана. Эта гамановская статья, неизвестно каким образом добытая кёнигсбергскими врагами Гердера, была — в доказательство вышеизложенных обвинений — перепечатана в статье «*Mancherlei zur Geschichte der metakritischen Invasion*», и, кроме того, рядом с ней были местами напечатаны извлечения из «Метакритики», для того чтобы сходство было более наглядным. При беспристрастной оценке эти обвинения утрачивали значительную долю своего веса. Разве запрещалось воспроизводить чужие идеи в новой

¹ В предисловии от 9 февр. 1800 г. Ринк называет себя издателем этого сборника.

² *Reicke R. Scheffner über Herders Metakritik // Altpreuss. Monatsschrift. XVIII, № 5 и 6. С. 438 и сл.*

форме, в новом, самостоятельном подробном изложении? И разве можно было винить Гердера за то, что он самостоятельно развивал идеи такого друга, с которым вполне сходилась в убеждениях, которого всегда считал своим руководителем и мнения которого бессознательно усвоил в неотъемлемую собственность? И в том и в другом случае он умолчал о сделанных им позаимствованиях, но разве были налицо какие-нибудь доказательства того, что он так поступил с дурным намерением? И разве в том, что касается позаимствований от Канта, обвинение в дурном намерении не служило само для себя опровержением? Тем не менее приведенные свидетельства были неопровержимы, и нельзя было заметить, что заносчивая и резкая гердеровская полемика исходила от такого писателя, который совершенно позабыл и о том, что был многим обязан Канту, и о том, что его философские воззрения не были самостоятельны.

Гердер отнесся с полным хладнокровием к обвинению в позаимствованиях от Гамана, потому что в этом отношении его совесть не могла ни в чем упрекнуть его, к сожалению, нам неизвестно, возражал ли он на то обвинение, что он опровергал мнения Канта более старыми мнениями того же Канта. Мы можем признать за достоверное, что он оставил статью Ринка непрочитанной, несмотря на то что Бёттигер указывал ему на ее задорное содержание¹. Он мог не обращать на нее внимание, тем более потому что он тем временем уже достаточно опровергнул все обвинения в своем втором метакритическом сочинении. Из других, более старых, направленных против него полемических статей он прочел только одну. В ноябре 1799 г. он писал Кнебелю²: «Я намерен и я должен далее идти по моей дороге; как жаль, что я еще не вступил снова на нее!» Нельзя, конечно, не пожалеть о том, что в этой философской борьбе Гердер обнаружил такое сильное самообольщение; но на этот раз он хорошо сделал, что отнесся к полемическим нападкам совершенно иначе, чем прежде относился к своим литературным противникам. Буря, которую он возбудил теперь против себя, была сильнее всех прежних бурь, но он еще никогда не относился к своим противникам с такой же спокойной самоуверенностью, как теперь. По поводу увещаний, с которыми обратился к нему Иоанн Мюллер, он писал

¹ Каролина к Кнебелю 10 авг. 1800 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 334).

² Knebels Litt. Nachl. II, 287. Из письма Кнебеля (С, III, 150) видно, когда было написано Гердером это письмо. См. отзыв Кнебеля о статье Ринка (С, III, 166, 172).

Г. Мюллеру: «Я признаю искренность высказанного им мнения, но могу следовать указаниям только моего собственного ума, требования и предостережения которого не допускают возражений. Я не придаю никакой цены авторской известности и вовсе не считаю для себя за честь репутацию критического философа; когда я взялся за перо, чтобы писать „Метакритику“, я отложил в сторону всякие помыслы о так называемой авторской славе; поэтому пусть и впредь всем руководит гений необходимости»¹. Так выражался он в то время, когда только что начал писать метакритику на критику способности правильно рассуждать. Он выражал еще более радостную самоуверенность, когда писал Глейму в феврале 1800 г. после окончания новой работы: «Меня нисколько не тревожат выходки кантовских приверженцев; я ожидал гораздо худшего и потому спрашиваю у самого себя: неужели только-то? Против этих выходов меня защитит мой новый самострел»². В нем поддерживали эту радостную самоуверенность раздававшиеся с разных сторон выражения сочувствия. В посвящении своего сочинения «Grundriss der ersten Logik» Бардили поставил его имя не только наряду с Берлинской академией наук, но даже наряду со Шлоссером, Эбергардом и Николаи; сверх того, эта книга отличалась как решительным несочувствием к учению Канта, так и рациональным реализмом, который ставил человеческое мышление в неразрывную, хотя и не совсем ясную, связь с объективностью законов природы; поэтому Гердер нашел здесь отголоски своей собственной ненависти к учению Канта и своих собственных идей³. Другого не менее странного союзника он почти в то же время нашел в шведе Торильде, занимавшем должность профессора в Грейфсвальде. В то время как печаталась «Каллигона», Торильд прислал ему свое латинское сочинение «Maximum sive Archimetria» (Берлин, 1797)⁴ вме-

¹ 29 нояб. 1799 г. (Гельцер. С. 289).

² С, I, 267. Сравн. слова, сказанные по поводу статьи Ринка и приведенные в «Воспоминаниях» (III, 131).

³ Еще в нояб. 1799 г. (Knebel's Litt. Nachl. II, 287) он писал Кнебелю об этой книге (вышедшей в свет с пометой 1800 г.), что в ней «много хорошего, но большей частью непонятного». Что он сам благодарил за эту книгу Бардили, при отсылке ему «Каллигоны», видно из находящегося у меня в подлиннике ответного письма Бардили от 22 апр. 1800 г. В более старом письме Бардили к Гердеру, от 7 сент. 1788 г., упоминается об их личной встрече в Веймаре в 1786 г. Бардили, кроме того, прислал ему 27 марта 1802 г. «менее значительное сочинение, чем его логика».

⁴ Это видно из письма Гердера от 20 окт. 1800 г. Публикация составляет главное содержание первого номера небольшого сочинения «Die Gelehrten-

сте с наполненным восторженными похвалами письмом и с немецким объяснением этого сочинения. Здесь Гердер нашел пылкое воодушевление и напоминавшее Аристофана саркастическое остроумие. Идеи автора во многом сходились с его собственными, потому что, по мнению автора, основой для всякого познания служит *sentire*, которое приводит нас к *esse*, а разум в качестве «божественной математики действительно существующего» постоянно должен указывать в этом *esse* меру, для того чтобы смотреть на весь мир как на одно гармоническое целое. С этим необузданным реализмом, не знающим никакой другой методы, кроме причудливых идей, аналогии и остроумных оборотов речи, автор восстает против всяких *idealistaе* и *vocabulares*; он хочет довести до конца то, что было начато Сократом и Бэконом; подобно тому как Сократ боролся с мифико-софистическим варварством, а Бэкон — с мистико-схоластическим, он вступает в борьбу с «галло-кантовским» варварством. С практической точки зрения и для него, точно также как для Гердера, лозунгом служит *humanitas*¹, и мы точно будто слышим громкий отголосок «Метакритики», когда автор характеризует кантовскую философию как такую сатиру, которая *inania vocabula evehit in mentales potentias ef formas fingit nullius formati, visionem sine visu* и т. д. Одна из самых страстных поклонниц Гердера утверждала, что появление торильдовского «Maximum seu Archimetria» загладит все бессмысленные суждения тех невежд, которые забрасывали Гердера грязью. Сам Гердер прибавил к этим словам замечание, что они опрометчивы, однако своей сочувственной рецензией новой книги выразил удовольствие, которое она ему доставила². Кроме того, он письменно выразил автору свое одобрение, а когда появилась новая брошюра Торильда, снова уверял его в своем сочувствии и высоком уважении, но горячо протестовал против мнения, будто он был основателем новой

welt». Второй номер начинается приложением «Ueberdas Weltmaass, an Herder» и, кроме того, заключает в себе целый ряд статей, в которых объясняются тенденция и точка зрения архиметрии.

¹ В конце 1801 г. он отправил к русскому императору, во французскую академию и к папе Пию VII свои «Litterae saeculares pro humanitate» под заглавием «Orpheus sive Panharmonion».

² К Глейму 14 февр. 1800 г. (С, I, 267); рецензия появилась в Эрфуртском «Указателе ученых сочинений» (1800, № 47 от 6 октября); теперь она напечатана в SWS (XX, 367 и сл.). В ранее упомянутом нами гердеровском письме, при котором была отправлена рецензия, говорится: «Нет никакого сомнения в том, что мы оба одного желаем и к одному стремимся. Да благословит Вас Бог! Идите вперед этим путем!»

школы¹. Даже во время своей последней болезни он искал утешения в сочинении Торильда.

Между тем борьба с Кантом была временно приостановлена, потому что Гердер приступил к новому философскому сочинению, которое, однако, не было лишено некоторой связи с его прежней полемикой. Уже в течение многих лет он оставался в долгу перед публикой, которой обещал новое издание своей статьи «Бог»². Немедленно вслед за окончанием «Метакритики» он наконец приступил к исполнению этого обещания как будто нарочно, для того чтобы доказать, что для обсуждения философских систем у него было двойное мерило, смотря по тому, была для него рассматриваемая система антипатична или симпатична. Прежняя точка зрения не изменилась в новом издании старой статьи, но изменились отношения Гердера к другим философам. Остроумный истолкователь учения Спинозы сам говорит в но-

¹ Новая статья Торильда составляла 2-й номер «*Gelehrtenwelt*». Из гердеровского письма от 29 апр. 1801 г., в котором шла речь об этой статье, мы считаем нужным привести следующую выдержку: «В одном отношении вы совершенно неправы. Вы ошибочно считаете меня приверженцем или основателем особой секты; такая роль вовсе не в моем характере. Я совершенно одинок и вынужден скрывать мои убеждения, которые нередко объясняются вкривь и вкось; но тем чаще мои мнения присваиваются другими; в нашей Германии я желаю и я должен оставаться в таком положении, в особенности при моей должности. Есть немало сект неподалеку от меня в Йене, а где я живу, немало громких имен; но какое мне до них дело при моем положении, при моем призвании и разнообразных деловых занятиях, в моих летах и наконец в нашей Германии! Вы не знаете тех людей, имена которых вы мне называли, а я почти со всеми ими лично знаком. *Eat eo qui zonam perdidit*. В том, что я пишу, я высказываюсь отрывисто и не вполне, только для того чтобы поддержать в себе бодрость ума, чтобы выразить мои чувства, и не могу писать иначе. Мне все равно, производят мои сочинения какое-нибудь впечатление или нет; в Германии пользуются влиянием сочинения иного рода, не похожие ни на мои, ни на Ваши». «Воспоминания» (III, 124, прим.) упоминают об этих словах, но не цитируют их. Кроме того, сравн.: Там же, 237 и SWS. XXI, XXII. Якоби не одобрял намерение поручить Торильду помещение «Метакритики» и «Каллигоны» в SW; поэтому Каролина писала ему 23 нояб. 1804 г., что Гердер относился с большим уважением к Торильду и даже во время своей последней болезни горячо интересовался сочинениями этого писателя. Разумному совету Торильда мы обязаны тем, что те два сочинения помещены без всяких изменений в SW в отделе филос. (XVI—XIX; см. предисловие к тому XVI). Письмо Платнера о «Метакритике» от 20 июля 1800 г. помещено в «Воспоминаниях» (III, 154 и сл.).

² К. Г. Мюллеру 15 окт. 1795 г.: «Теперь я занят пересмотром второй части „Разбросанных листков“ для нового издания. После того займусь статьей „Бог“». См. начало предисловия ко 2-му изд. статьи «Бог»; к Якоби 10 дек. 1798 г. (Избр. переписка Якоби. II, 267).

вом предисловии, что теперь он будет защищать великого мыслителя не только против тех, кто ему приписывал учение о слепом и безжизненном божестве, но и против тех, кто извращал его учение, превращая его в новый трансцендентальный спинозизм. Эти слова относились к Фихте и к сочинению Шеллинга «О нашем „я“ как принципе философии». Поэтому можно было ожидать, что новые диалоги будут направлены против этих мнимых последователей Спинозы, что они будут служить новым оружием для борьбы с трансцендентальной философией. К счастью, автор не впал в такое искушение. Теперь он приводит целые цитаты из кантовской «Критики чистого разума», между тем как в первом издании приводил только некоторые отрывочные фразы Канта касательно возможности доказать бытие Божие; а там, где прежде говорилось, что брат Теана стал с некоторого времени увлекаться бессмысленным пустословием, автор вставил еще одно порицание такого раболепного преклонения перед чужой философской системой. Но этим и ограничиваются его полемические приемы. Остальные прибавки сделаны с исключительной целью выяснить воззрения автора на дух учения Спинозы. Собственные слова Спинозы приводятся теперь чаще, чем в первом издании. Кроме того, делаются новые ссылки на Лессинга. Чтобы доказать неосновательность понятия о личном Боге, автор делает отступление, в котором объясняет понятие о личности; с другой стороны, он в конце книги снова старается доказать, что великий пантеист придерживался принципа индивидуализации. В самом конце автор снова делает полемический намек, называя Спинозу философом с глубокими убеждениями и противопоставляя его тем философам, которые только забавляются иллюзиями и пустыми фразами. Но дополнением к этим диалогам служит, взамен прежде обещанной «Адрастии», перевод «Гимна к природе» Шефтсбери; таким образом, оказывается, что вся эта статья могла бы получить заглавие «Спиноза, Лейбниц и Шефтсбери». Однако сделанные автором пропуски по меньшей мере столько же достойны внимания, сколько и дополнения. По мере того как Гердер расходился в мнениях с Гёте и становился во враждебные отношения к кантовской философии, он сильнее чувствовал потребность сближения с теми писателями, у которых находил некоторое сходство со своими собственными воззрениями. Его прежние отношения к Якоби изменились вследствие их личного свидания в Ахене, вследствие сочувствия, с которым отнесся Якоби к «Христианским сочинениям», и вследствие того, что Жан-Поль постоянно играл между ними роль посредника. Гер-

дер письменно выразил Якоби сочувствие к его сочинению о вере¹, а в «Метакритике» упомянул об этом сочинении как о новом ударе, нанесенном заблуждениям критической философии. Хотя статья «Бог» не нравилась Якоби и в своей новой форме, но она уже не заключала в себе никакой полемики с этим писателем. Как ни было прискорбно для Гердера появление 2-го издания писем Якоби об учении Спинозы, он отнесся к этому старому недругу с большим дружелюбием и с большой снисходительностью. Он вычеркнул все самые «незначительные намеки» на сочинения Якоби, руководствуясь указаниями Жан-Поля, который заранее уведомил об этом Якоби. Он не сказал ни слова о некоторых возражениях Якоби, в особенности касательно понятия о личности, и тщательно устранил все, что могло бы показаться неприятным или обидным для его друга². Он вычеркнул прежнее порицание Якоби за недостаточно ясное выражение его принципа веры; не столько ради Лессинга, сколько ради Якоби, он выпустил то место, где говорилось, что Лессинг при изучении Спинозы остановился на половине дороги и не мог совершенно выпутаться из лабиринта идей Спинозы; наконец, он уже не оскорбил Мендельсонова врага прежними похвалами Мендельсону и прежним заявлением, что совершенно разделяет мнения о системе Спинозы, изложенные в мендельсоновских «Morgenstunden»³. Иными словами, 2-е издание диалогов свидетельствовало о безусловной дружеской привязанности к Якоби. Но Якоби, ясно и верно подмечавший слабые стороны позднейших сочинений Гердера, сам был виной того, что его отношения к Гердеру, всегда отзывавшиеся взаимным недоверием⁴, снова сделались недружелюбными. За деликатную предупредительность друга, он отплатил тем, что после смерти Гердера, при новом издании своих писем о Спинозе, он не вычеркнул полемических нападок на первое издание гердеровского сочинения.

¹ 10 дек. 1798 г. (Избр. переписка. II, 267).

² Жан-Поль к Якоби 4 июня 1799 г. (Избр. переписка Якоби. II, 283); см. письмо, при котором Гердер отослал 11 мая к Жан-Поллю свою рукопись, и замечания Жан-Поля касательно ее содержания от 12 мая (А, I, 302 и сл.).

³ Для обзора всех вариантов 2-го изд. следует прибегнуть к изданию Дюнцера (SWH. XVIII, I и сл.). В SWS диалоги о Спинозе будут помещены в томе XVI.

⁴ Касательно мнений Гердера о Якоби сравн., например, его отзыв о Якоби в письме к Г. Мюллеру от 8 авг. 1800 г. (*Гельцер*. С. 290): «Этот жалкий человек постоянно во всех ищет и не находит опоры и нигде не находит удовлетворения». Само собой разумеется, что статья «Бог» в своей новой форме пришла Якоби так же не по вкусу, как и в своей старой форме (см. его письмо к Жан-Поллю: *Цётцприц*. I, 291).

В конце ноября 1799 г. появилось новое «сокращенное и дополненное издание статьи «Бог»¹. Почти в то же время Гердер взялся за новое метакритическое сочинение — он стал писать критику на критику способности правильно рассуждать и так быстро довел ее до конца, что в феврале она вышла из печати, а в мае уже могла быть разослана друзьям автора. В уме Гердера она уже давно была готова. По меньшей мере старое к ней предисловие, первоначально носившее заглавие «Каллифрон», было написано, как кажется, в одно время с предисловием к «Метакритике». В этом предисловии, «Каллифроне», рассказывалась басня о молодом Геймдале, которому явились во сне строгий Гюго и оборотистая чародейка Гегза; юноша проснулся, последовал совету Гюго и сделался прилежным учеником; изучив естественные науки и историю, он стал читать «Критику чистого разума»; он читал ее точно так же, как ее читал Гердер, и отложил в сторону эту нелепую книгу. Этот рассказ о том, как была отложена в сторону «Критика чистого разума», был не чем иным, как сокращенным изложением содержания «Метакритики». После того этот просвещенный юноша стал вместе с несколькими друзьями читать критику способности правильно рассуждать и стал рассуждать о ней в своих разговорах. И эти разговоры, по всему вероятно, уже были набросаны или частью изложены, прежде чем они превратились зимой 1799/1800 г. в «Каллигону»². Но старое

¹ Она «только что» вышла из печати 29 нояб. 1799 г. (Каролина к Г. Мюллеру) и была отослана к Кнебелю 30 нояб. (Knebels Litt. Nachl. II, 281; сравн. 357), к Глейму 27 дек. 1799 г. (С, I, 264).

² Касательно предисловия, «Каллифрона», см. у Суфана введение к SWS (XXI и XXII, с. XV) и самое предисловие в SWS (XXII, 333 и сл.). Я не могу допустить, что намерение писать критику на кантовскую критику способности правильно рассуждать зародилось в уме Гердера не ранее декабря 1798 г., хотя в подтверждение этого предположения и ссылаются на слова Гердера «Lieblings feld meiner Jugend» в его письме к Эйхгорну от 24 дек. 1798 г. (С, II, 312). Такое же выражение имеет другой смысл в цитированном у Суфана письме к Аммону (Воспоминания. III, 129); но в вышеупомянутом письме оно относилось не к эстетике, а, точно так же как в предисловии к I-му изданию статьи «Бог» (с. V) и как в этой статье (с. 250), — к философии. К окончательной отделке «Каллигоны» Гердер приступил не ранее ноября 1799 г., как это видно из его писем к Кнебелю (Knebels Litt. Nachl. II, 287) и к Г. Мюллеру (29 нояб. 1799 г.: *Гельцер*. С. 289). Жан-Поль писал Якоби 22 дек. 1799 г. (Избр. переписка Якоби. II, 290): «Гердер занят теперь критикой на кантовскую критику способности правильно рассуждать». К «Каллигоне» относится не помеченное никаким числом письмо Жан-Поля к Гердеру, написанное зимой 1799/1800 г. (А, I, 305, № 28); к ней же относится письмо Гердера к Жан-Полю (А, I, 300, № 22). Гердер извещал Глейма 14 февр. 1800 г. о новом сочинении (С, I, 267) словами: «Против этого я выступлю с моим новым самострелом»; это сочине-

предисловие было заменено новым, в котором автор защищает от обвинений, взведенных на него последователями Канта, и старается доказать, что вредное влияние кантовского учения дает ему право и возлагает на него обязанность продолжать критический разбор этого учения. Он указывает на идеи Фихте и Шеллинга¹ как на плоды кантианизма и приглашает всех «здоровомыслящих и честных» людей противодействовать пагубному влиянию, которое оказывает эта революционная философия на юношество. Вместо проснувшегося Геймдаля выступает на сцену сам автор и снова заводит речь о своих старых ученических отношениях к кёнигсбергскому профессору. Он говорит, что уже в то время был критическим и самостоятельным слушателем профессорских лекций, и осмеливается выразить надежду, что сам Кант откажется от извращений его философии и сознает неудачу своей критики.

Прекрасное дитя небес «Каллигона» сохранила разговорную форму, которая перешла к ней от ранее задуманного «Каллифрона»². Но еще ни в одном из своих сочинений Гердер не относился к этой форме так небрежно. Он то уклоняется от нее, то снова возвращается к ней без всякой видимой причины. Поэтому читатель загладит ошибку автора, если не будет обращать никакого внимания на внешнюю форму изложения.

Гердер, может быть, имел в виду то соображение, что разговорная форма заставит его изложить его собственные идеи с более точной определенностью и отодвинет на задний план его беспрестанные перебранки с Кантом. Но если действительно таково

ние было послано Глейму 12 мая (С, I, 270). Кнебель получил его 24 мая (С, III, 162); 27 мая (С, II, 314). Эйхгорн благодарил Гердера за «превосходный подарок»; 29 мая принц Август окончил чтение новой статьи; только 18 июня Каролина послала новую книгу Г. Мюллеру; предпосланное третьей части предисловие помечено 1 мая.

¹ Что слова предисловия «bis Gott sein wird» относятся к Шеллингу, ясно видно из письма Каролины к Г. Мюллеру от 28 марта 1803 г.; в этом письме она рассказывает со слухов разные непохвальные вещи о Шеллинге.

² Предположение Суфана (введение к SWS. XXI и XXII, с. XVII и сл.), что выбор разговорной формы был сделан под влиянием сочинений Беркли, находит очень слабое подтверждение в письме Гердера к Якоби от 6 февр. 1784 г. (А, II, 256). Чтение мелких статей Беркли, которым занимался в то время Гердер, не могло иметь влияния ни на содержание, ни на внешнюю форму «Каллигоны». В этом сочинении Гердер только один раз (I, 42) останавливает свое внимание на «Principles» и на «New theory of vision», между тем как в «Метакритике» Беркли был «безгласным собеседником и единомышленником» Гердера. Касательно изменений, которые были сделаны в разговорной форме в то время, как писалась «Каллигона», см. Суфана (с. XVIII).

было его намерение, то оно, к сожалению, вовсе не было исполнено, потому что он беспрестанно прерывает диалог цитатами кантовских фраз или отрывочных выражений, для того чтобы осмеивать их так же язвительно, как осмеивал в «Метакритике». В этом последнем сочинении он по меньшей мере иногда давал своему противнику возможность высказаться и со вниманием выслушивал его аргументы, а в «Каллигоне» он не задает себе труда вникать в мнения Канта и приводит его слова только для того, чтобы клеймить их названием глупых, бессмысленных и неприличных. Не следует ли предположить, что он еще не успел прочесть кантовскую критику способности правильно рассуждать, когда за восемь лет перед тем назвал ее сочинением, богатым идеями и фактами; или же, быть может, он после того убедился на опыте, что влияние этой книги так же вредно, как влияние всех других критических сочинений Канта?

Это последнее предположение, бесспорно, самое основательное. В своей критике кантовского сочинения Гердер излил всю свою досаду на новое направление немецкой поэзии, на основные идеи и стихотворные приемы поэтов, участвовавших в издании «Ксений», на союз Гёте с эстетиком Шиллером, шедшим по стопам Канта, на сочувствие общественного мнения и журнальной критики к произведениям этих двух поэтов, на чрезмерные похвалы, которыми юная романтическая школа осыпала Гёте. Он замечал, что эта школа увлекала и развращала подраставшее поколение будущих теологов, — что и было главной причиной предпринятого им нового похода против трансцендентальной философии. Но, кроме того, он находил, что эта философия излагала такие понятия об эстетическом вкусе, которые наводили на ложный путь и поэзию, и эстетическую критику. «Нелепости, — писал он Глейму¹, — называются теперь во многих журналах критикой. Все юные последователи Канта, Фихте, Шеллинга пишут рецензии по правилам этого Корана, который ниспослан с небес и нашептан на ухо пророку». Действительно, существовала некоторая аналогия между учением кёнигсбергского философа и направлением тех отзывавшихся классицизмом поэтических произведений, которые выходили из-под пера Гёте, Шиллера и их последователей; поклонники Гёте были вместе с тем учениками Канта и Фихте; свои похвалы новому классицизму они облекали в формулы нового философского идеализма. Все равно, был этот идеализм виновником нового направления эсте-

¹ 13 июля 1800 г. (С, I, 272).

тического вкуса или не был, — Гердер взваливал на него всю вину за это направление; ему было удобно придерживаться такого воззрения, потому что оно давало ему возможность прикрывать печатными нападками на жившего вдалеке философа нападки на тех поэтов, которые жили вблизи от него; он хотел выместить на Канте то, в чем провинились Гёте и Шиллер. Начиная с предисловия и вплоть до конца «Каллигона» (в особенности ее вторая часть) наполнена резкими и вовсе не двусмысленными нападками на «слепое идолопоклонническое преклонение перед некоторыми произведениями искусства, в которых нет ни твердого фундамента, ни соблюдения каких-либо правил», на «формовщиков», которых уже ранее осмеивал Жан-Поль совершенно в духе Гердера, на «греческие формы, которые, подобно гипсовым формам, налагались на предметы, оказывавшие им сопротивление», на всякое искусство, которое ищет только «забав» и, забывая об этической цели всех художественных произведений, ограничивается «любовными интригами». Здесь для всякого ясны намеки на веймарскую художественную школу, на гётевские грецизмы, на эстетические статьи Шиллера, на «Ксении», на критические суждения Фридриха и Августа Вильгельма Шлегелей.

Но отвращение Гердера к эстетическим и критическим воззрениям его соседей лишь помогло ему яснее видеть односторонности в кантовском учении о прекрасном, об искусстве и о гении. Впрочем, и помимо той солидарности, которая, по его мнению, существовала между этим учением и направлением новой поэзии, «Критика способности правильно рассуждать» должна была отталкивать его еще гораздо сильнее, чем «Критика чистого разума». Хотя у Канта вовсе не было сколько-нибудь ясного понятия об искусстве, хотя из произведений поэзии он выносил лишь очень слабые впечатления, а об истории поэзии имел крайне ограниченные сведения, но, несмотря на это, он благодаря энергии своих абстракций и способности проникать своим взором в глубину духовной жизни отыскивал тайные источники эстетического творчества и эстетических наслаждений и зашел в этом отношении так далеко, что с тех пор эстетике приходилось лишь дополнять его открытия, излагать их более конкретно и применять к делу более плодотворно. И Гердер не был в состоянии сделать ничего другого, несмотря на многочисленность своих полемических сочинений. Он сбивается с пути, излагая свои богатые содержанием идеи в форме возражений и опровержений, и вовлекается в заблуждения всякий раз, как его возражения не слу-

жат дополнениями к мнениям Канта, — и это вполне естественно: ведь и здесь, точно так же как в «Метакритике», он утверждает, что разум, разлагающий предмет на части только для того, чтобы соединять эти части в одно целое, действует наперекор природе и цельности человеческого существа. Идя по пути, указанному природой — «которая во всем поступает наперекор выводам критики», — он во всем хочет считаться только с точными цифрами и конкретными величинами. К рассуждению о чувстве он примешивает выражение чувств, а о прекрасном и возвышенном он говорит как человек, находящийся под непосредственным впечатлением прекрасных и возвышенных предметов.

Поэтому он начинает с того, что сглаживает пограничные линии, ясно проведенные Кантом между приятным, изящным и хорошим, а делает он это только для того, чтобы заметить, что и в основе приятного лежат добро и истина, что с субъективной точки зрения сохранение и улучшение нашего благосостояния составляют общую цель и приятного, и изящного, и хорошего. Кант также указывал на эту общую цель, называя ее удовольствием; но Гердер находит это выражение слишком вялым. Кант вел речь о суждении, при помощи которого мы признаем предмет приятным или изящным, а Гердер так горячо нападает на понятие об эвдемонии, что искажает слова философа: по его мнению, чувство охватившего нас холода не дожидается, чтобы наш рассудок признал его неприятным; сознание нашего существования и благосостояния не основывается на результатах деятельности нашего рассудка; вкус отведывает не для того, чтобы быть в состоянии судить, а для того, чтобы наслаждаться. Эти антитезы не основаны ни на каких доводах, даже кажутся ребяческими и изложены с ребяческим своеобразием; но все они обнаруживают одну и ту же тенденцию — в понятии о прекрасном уловить не только настоящий его смысл, но и самый предмет, внушивший нам это понятие, т. е. соединить познание красоты с ее ощущением.

Именно поэтому автор делает тот важный и верно рассчитанный шаг вперед, что не только считает понятие о прекрасном за выражение субъективного чувства, основанного на душевном настроении, но и выводит это понятие из природы и деятельности самого предмета. По его мнению, красота есть высшая ступень в существовании предмета, есть то совершенство предмета, которое нам понятно при посредстве наших чувств и которое через посредство этих чувств отражается на нашем собственном благосостоянии. Итак, Гердер, очевидно, еще не перестал руководствоваться мнениями Баумгартена, только с той разницей, что воз-

вышает понятия о совершенстве до понятия о благосостоянии. Отсюда понятно, почему он не одобряет скромной осмотрительности Канта, утверждавшего, что суждения о прекрасном не зависят от личного интереса и не имеют никакого отношения к какой-либо определенной цели. Подобно тому как в «Метакритике» он восставал против отделения формы познания от его содержания, и в «Каллигоне» он не одобряет такой внешней формы вещей, которая не основана на их содержании. Действительно, Кант слишком настойчиво старался очистить наслаждение прекрасным от грубых элементов эгоистического удовлетворения и потому придал этому чувству отпечаток бессодержательности и формализма; действительно прекрасное или то, что он называет *freie Schöne*, связывается у него с чувственными впечатлениями лишь тонкой нитью «простого созерцания» предмета, и только благодаря тому, что он признает существование «неотъемлемой красоты», он восстанавливает связь между суждением о красоте и понятием о сущности предмета. А Гердер, напротив того, развивает ту мысль, что всякая красота что-нибудь выражает и соответствует какой-нибудь цели¹. По его мнению, и цветы, и деревья, и животные прекрасны, а их красота заключается не в чем другом, как в полном проявлении их благосостояния; природа приводит органы своих созданий в соответствие с целью жизни этих созданий и приспособляет эти органы к достижению известной степени красоты. При этом Гердер доходит до странного понятия о том, что «прекрасно само по себе», или о «натуральной красоте» произведений природы. Стараясь доказать, что все прекрасное имеет объективную основу, он говорит, что всякое «создание природы», достигшее своего совершенства или высшей степени своего благосостояния, «прекрасно само по себе».

Но для Гердера это понятие служит лишь переходным пунктом, потому что он далее говорит, что в сущности прекрасно только то, что для «нас» прекрасно. Хотя понятие о прекрасном и предполагает внутреннюю гармонию и целесообразность произведений природы, но эта целесообразность должна гармонизировать с нашей чувственной впечатлительностью, с нашими познавательными способностями — «иначе и в высшей степени прекрасное не будет для „меня“ прекрасно». Это требование на-

¹ Циммерман находит, что эта часть «Каллигоны» самая блестящая; в своей истории эстетики (с. 425 и сл.) он привел длинную выдержку из сочинения Гердера и сопровождал ее критическими замечаниями. Вместе с этим он заметил, что рассуждениями Гердера воспользовался Фишер в своей эстетике, когда вел речь о природной красоте.

водит его на понятие о том, что не красиво. Мы называем некрасивым то, что не возбуждает в нас сочувствия, говорит он, и вслед за этим старается установить основы эстетики неизящного.

Устранив этим способом двусмысленность своего понятия о прекрасном, Гердер снова впадает в опасность затемнить его. Лотце основательно заметил, что прекрасное гораздо более субъективно у Гердера, чем у Канта¹. Для Канта тот предмет прекрасен, при созерцании которого гармония между нашим воображением и нашим рассудком производит на нас приятное впечатление. Итак, условия логической истины служат, по его мнению, той твердой опорой, на которой основывается и суждение о красоте. Именно против этого воззрения Гердер протестует с точки зрения своего индивидуализма и исторического эмпиризма. Он ведет речь о том, что люди одарены различными познавательными способностями. «В деле вкуса, — восклицает он, — никто не имеет права предписывать нам законы; приговоры вкуса свободны»; при этом он ссылается на изменчивость вкуса и на его прогрессивное развитие. И мог ли он думать иначе, упорно отстаивая мнение, что рассудок основывает свои суждения о прекрасном на чувственных впечатлениях и, стало быть, судит различно, смотря по тому, какова чувственная организация того или другого человека. Для него красота заключается в гармонии объективного мира не с какими-нибудь неизменными свойствами духовной человеческой природы, а с бесконечно изменчивым чувственно-духовным человеческим организмом.

При таком недостатке гердеровской теории не было бы возможно существование какой-либо эстетики; но Лотце едва ли вполне прав, упрекая Гердера за то, что он не обратил никакого внимания на этот недостаток. Автор «Каллигоны» попытался уклониться от прежнего индивидуализма не посредством ссылки на этическое направление — которое человек вкладывает в свое сочувствие к природе не только по внутреннему влечению, но даже по чувству долга и из сознания своего высокого назначения, — а при посредстве широкого натурфилософского воззрения, которое, впрочем, носит и эстетический отпечаток. Он говорит, что человеческая симпатия к благосостоянию и к совершенству живых и неживых созданий не зависит от случайности, а подчиняется некоторым правилам; она проистекает из предустановленного плана всего мироздания. Даже в высшем из живых существ, в человеке, красота есть внешняя форма и ясное выра-

¹ История эстетики в Германии (с. 85 и сл.).

жение его врожденных способностей; сам человек сознает, что человеческая красота — высшая красота. Здесь автор вкратце излагает те же основные положения, которые уже развивал в своей «Пластике». Он говорит, что именно эта человеческая красота и служит мерилom и правилом для красоты вообще. В создании живых организмов натура придерживалась одного общего типа, который мало-помалу дошел в своем постепенном развитии до человека, который ходит, держа голову вверх, — здесь автор «Каллигоны» выражается словами автора «Идей». Но так как благосостояние есть единственная цель мироздания, то указанное автором сходство внешней организации предполагает сходство побуждений, ощущений, чувств и влечений. А эта связь между объективным и субъективным имеет, по мнению Гердера, характер всеобщности. Человек, созданный в гармонии со всем мирозданием, одарен от природы способностью понимать прекрасное и создавать его. Сама природа развивает лежащие в ней зачатки красоты через посредство чувствующего и мыслящего человека. Это правило, очевидно, так же шатко, как и понятие Гердера о гуманности! Оно не делается более твердым вследствие требования, чтобы мы очищали нашу природную чувственную систему, чтобы мы развивали ее соответственно предметам наших чувственных впечатлений; оно не делается более твердым и от того основного положения, что формы прекрасного служат лишь отражением хорошего, потому что и нравственное добро сводится у Гердера на гармонию наших влечений склонностей с действием сил природы.

От этой теории прекрасного Гердеру было нетрудно перейти к теории искусства, о которой идет речь во второй части «Каллигоны». Еще в четвертом «Критическом эссе», объясняя происхождение искусств от чувственных впечатлений, он старался приискать конкретную основу для понятий о прекрасном и об искусстве. Эта конкретная основа превратилась в объективную, когда он объяснял в «Пластике», что в человеческом теле всякая форма возвышенного и прекрасного в сущности не что иное, как форма здоровья, жизни, силы, благосостояния в каждом члене этого художественного создания. В статье «О познании и чувствовании» он сводил и воспринимающее впечатление чувство, и произносящий приговоры рассудок, и даже дающую всему направление волю к влиянию природы, всегда действующей по одной и той же аналогии. Наконец, в «Идеях» и в «Разговорах о Спинозе» этот натуралистический спинозизм достиг полного развития. Он служил основой для изложенного в «Каллигоне»

понятия о прекрасном; на нем же основана и изложенная в этом сочинении теория искусства. С точки зрения этой теории Гердер полемизирует с глубокомысленным Кантом с такой же опрометчивой горячностью, с какой когда-то напал на поверхностные абстракции Риделя. Его тон школьного учителя доходит до непристойности, а его резкие выходки нередко вовсе не попадают в цель. Он не разделяет мнения Канта о противоположности между натурой и искусством; по его мнению, натура — живая, разумная художница, а человек — «самое даровитое из художественных произведений природы», от самой природы получившее художественную организацию и предназначенное для занятия искусствами. Его воззрение на природу в том виде, как оно подробно изложено в «Идеях», сходилось с воззрением Гёте; и читателю нетрудно заметить, что его описание могущественной художницы-природы имеет немало общего с гётевской статьей «Природа», помещенной в тифуртском журнале. Хотя он и досадовал на Гёте за практическое применение теории, что поэт должен черпать свои впечатления из природы и перерабатывать их в себе, но эта теория в сущности была его собственной. Впрочем, он делал некоторые от нее отступления, которые вовсе не служили ей в пользу. От предположения, что в природе существуют неизменные технические законы, Гёте без всякой натяжки переходит к основным положениям Канта, что хотя всякий продукт изящных искусств и создается свободой, но он не подчиняется произвольным правилам, целесообразен сам по себе, должен иметь вид натурального продукта и должен лишь отражать чувство свободы в деятельности нашей познавательной способности. А Гердер, несмотря на свой натурализм, вернее, по причине своей склонности к натурализму, спускается на более низкую точку зрения. Он, против всякого ожидания, заводит речь о человеческой ограниченности и основывает на ней, различие между искусством человеческим и натуральным. Все его прежние суждения вели к той мысли, что человек создан природой для искусства и сам будет в состоянии подражать художественному творчеству природы; а теперь он ссылается не на аналогию человеческого искусства с природным, а на зависимость первого от последнего. Он говорит, что в противоположность с природой человек должен с трудом отыскивать содержание и средства для своих художественных произведений. Только при помощи понятия о «пользе» человек прокладывает себе путь к прекрасному, и совершенно бесполезная красота немислима ни в сфере природы, ни в сфере человечества. Таким образом оказывается, что он

накладывает на понятие об искусстве черное пятно, примешивая к этому понятию требование пользы и внешней целесообразности. К своему основному положению, что красота есть выражение благосостояния, что искусство есть стремление человека установить гармонию между собой и природой, он присовокупляет странную мысль, что человеческое искусство основано вообще не на потребностях и влечениях и что оно тем более достойно одобрения, «чем более реальны цели» его гармонии с природой. Этим способом он уничтожает и даже осмеивает установленное Кантом ясное различие между искусством и ремеслом. Так как он имеет обыкновение повсюду примешивать исторические соображения, то он делает похвальную попытку объяснить, каким образом искусства возникают из явлений природы. Никакое искусство, по его мнению, не возникает без внешнего повода, без внутренней потребности и без труда; эту мысль он подробно развивает в ее применении к натуральной истории, к архитектуре, к садоводству, к гимнастике и наконец к поэзии и к красноречию. Как было бы интересно содержание этой главы, если бы он ограничился дополнением кантовского глубокомысленного анализа, если бы он стал снова развивать изложенные в «Отрывочных заметках» основные положения о натуральном происхождении поэзии, если бы он стал писать вариации на гамановскую тему «Поэзия есть природный язык человеческого рода»! Если бы он снова изложил содержание своей «Пластики» в главе об образовательных искусствах, ему было бы вовсе не трудно согласовать свои собственные воззрения на этот предмет с воззрениями Канта.

Непримиримое разномыслие между кантовской эстетикой и гердеровской существовало только по отношению к музыкальному искусству. В своих суждениях о музыке Кант снизошел со своей возвышенной точки зрения — он был готов отнести ее не к числу изящных, а к числу только приятных искусств. Напротив того, Гердер чувствовал сильное природное влечение к музыке и в своих суждениях о ней был способен возвыситься над теми основными воззрениями, которые так сильно отзывались у него натурализмом. Та глава «Каллигоны», в которой идет речь о музыке, заключает в себе почти все, что он ранее думал и говорил об этом предмете. Поэтому стоит труда вкратце изложить ее содержание¹.

¹ Сравн. статью Т. А. Кеферштейна «Herder in Beziehung auf Musik» в «Herderalbum» (с. 271 и сл.); здесь в объективном порядке изложены самые выдающиеся суждения Гердера, которые автор иногда сопровождает собственными замечаниями.

Гердер страстно любил музыку — в самой незатейливой форме она служила для него ежедневным домашним развлечением. В музыкальности поэтических произведений он искал объяснения выраженных в них чувств. Народные песни нравились ему своим благозвучием, и он неумоимо собирал их оригинальные мелодии; к самым изящным отрывкам из римских поэтических произведений он подыскивал музыкальные мотивы; а оды Клопштока нравились ему, между прочим, и потому, что клопштоковская муза затрагивала его за сердце, потому что из каждого чувства она извлекала самые трогательные звуки и напевала их ему на ухо. Еще в том «Критическом леске», где шла речь о «Лаокооне», он говорил о музыкальном элементе в поэзии и о границах, отделяющих музыку и поэзию от других искусств; еще чаще интересовался он в истории развития искусств тем моментом, когда поэзия изменила свой характер вследствие своего соединения с музыкой, и тем моментом, когда музыка разорвала свою связь с поэзией и с танцами и приобрела самостоятельное значение. В его собственных стихотворениях ему редко удавалось выражать чувства мелодическим языком, но он довольно удачно устанавливал границы между поэзией и музыкой и приспособлял поэтические произведения к музыкальным мотивам. Например, в течение того промежутка времени, который отделял его жизнь в Кёнигсберге от его жизни в Веймаре, он сочинил несколько кантат и музыкальных драм, а к исполнявшемуся в Веймаре генделевскому «Мессии» он написал немецкий текст¹. Он ценил музыку за то, что она глубоко захватывает за душу, а его любовь к ней усиливалась по мере того, как он сознавал ее важное значение для религиозного культа. В зрелые годы своей жизни он познакомился с произведениями итальянских композиторов церковной музыки; с другой стороны, ему пришлось дожить до возрождения немецкой музыки благодаря Глюку и Моцарту, Гайдну и Генделю, которые сделались его любимыми композиторами. И по своему служебному положению, и по поводу вопроса об исправлении книги церковных песен он заботился об улучшении и упрощении церковного пения, а его пребывание в Италии навело его на новые мысли по этому предмету. Еще до отъезда в Италию он говорил в 46-м «Теологическом письме» об исправлении духовных песен и о сильном влиянии церковной музыки, которую

¹ Все указания и ссылки касательно этого предмета собраны в примечаниях Редлиха к XXVIII тому SWS (с. 549 и сл.). Из нескольких ненапечатанных писем Гердера видно, что в начале 80-х годов он вел переговоры с Гарткнохом касательно этого текста к «Мессии».

он называл «второй теологией» и которая так глубоко растрогивала его, когда он слушал генделевского «Мессию». В приписке к этому письму, не попавшей в печать, он критически разбирает легенду о святой Цецилии, а из этих исследований составил длинный диалог для тифуртского журнала под заглавием: «Святая Цецилия, или Каким путем достигают известности»¹. Здесь он старался доказать, что эта святая признавалась покровительницей музыки и даже изобретательницей церковного органа только вследствие неправильного понимания или даже совершенного извращения смысла старинной латинской легенды. Через десять лет после того он составил из содержания этого диалога введение к статье «Цецилия», помещенной в пятом сборнике «Разбросанных листков», а идеи, изложенные в этой статье, он вынес из своего пребывания в Италии. Здесь он говорит, что основой для нашей богослужбной музыки служат христианские гимны, заимствованные преимущественно от еврейских псалмопевцев; далее он объясняет, почему христианское церковное пение должно иметь цельный характер от начала до конца богослужения и почему на хоре должно быть сосредоточено все внимание, а все, что отзывается драматизмом (даже со включением духовных кантат), неуместно в церкви. За инструментальной музыкой, сопровождающей пение, автор вполне признает важное значение, а в седьмом сборнике «Писем о гуманизме» излагает мотивы, по которым новейшая, и в особенности церковная, музыка должна достигнуть блестящего развития со стороны гармоничности. Здесь он снова ведет происхождение христианских гимнов от псалмов, а влиянием этих гимнов объясняет изменения в характере новейшей музыки. Торжественность этих христианских песнопений, не отзывавшаяся ничем индивидуальным и национальным, подчинила музыке поэзию, игравшую у древних первостепенную роль; вот почему христианская музыка, приобретшая первенство перед поэзией и «точно будто раздававшаяся из облаков в необозримом хоре», должна была выработать для самой себя особые правила гармонии. Композитор церковной музыки сделался чем-то вроде чародея, влиявшего на душу благочестивого слушателя посредством постепенно развивавшейся гармонической музыкальной идеи. Таким образом, христианское пение сделалось чем-то вроде гармонического пения, в котором «сливаются голоса всех народов».

¹ См. примечания Суфана к SWS. XI, 73 в SWS. XII, 442. Этот диалог занимает в тифуртском журнале № 38 1783 г. одиннадцать с половиной рукописных страниц в четвертую долю листа.

Все эти мысли о сущности и достоинстве музыки снова излагаются в «Каллигоне». Для автора не подлежит никакому сомнению, что музыка стоит выше всех искусств, имеющих целью производить на нас глубокое впечатление. Сначала она соединялась со словами и с телодвижениями, с пением и с танцами, но достигла высшей ступени своего развития лишь после того, как отбросила эту связь для удовлетворения требований благочестия. Тогда она сделалась не только высшим из всех искусств, но и специально-религиозным — таким искусством, которое парит над землей, отражая в себе все разнообразные веяния духа вселенной.

Вслед за этим в «Каллигоне» идет речь о «гении» и о «вкусе»; и здесь автор рассуждает точно так же, как рассуждал о прекрасном и об искусстве. Чем глубокомысленнее кантовские воззрения на понятия о гении и вкусе, тем энергичнее восстает против них Гердер. Он находит эти воззрения бесцветными и бессодержательными, потому что старается не анализировать, а натурализовать совершающийся в нашем уме процесс мышления. Так как он смешивал прекрасное с приятным, а говоря о зависимости искусства от природы вовсе не упоминал о свободе, то для нас понятно, почему для него сущность гения заключается в «настроении чувственной впечатлительности и умственных влечений»; а для вкуса он не находит лучшего объяснения, как «сочувственное понимание главной цели» или как «легкое и верное понимание прекрасного и приятного в пункте их самой изящной привлекательности». Исследования Канта об этих понятиях не могли вызвать одобрения со стороны его критика уже потому, что мнения этого последнего уже давно были высказаны. Ведь в «Каллигоне» мы находим только такие суждения об этом предмете, которые уже ранее были изложены в сочинении «О познании и чувствовании», а также в статье о причинах испорченности вкуса.

Третья часть «Каллигоны» начинается объяснением понятия о возвышенном. Гердер говорит, что «возвышенное и прекрасное — не противоположные понятия, а ветви одного и того же дерева; чувством возвышенного и начинается, и кончается область прекрасного». Возражая Канту, он замечает, что возвышенного следует искать не только в нас самих, но и в природе. Но вслед за протестами против кантовской аналитики возвышенного он сам подпадает под влияние кантовских исследований того умственного процесса, который лежит в основе суждений о возвышенном; он сам доходит до формулирования таких основ-

ных положений, которые уже изложены Кантом в иных выражениях. Поэтому в результате оказывается, что не стоило труда снова нападать на кантовские мнимые бессмыслицы.

В сравнении с «Метакритикой» «Каллигона» все-таки была если не более замечательным по содержанию, то более полезным и более приятным произведением. Тем не менее она не оставила после себя почти никаких следов. Приверженцы Канта уже так подробно вывели наружу все недостатки своего знаменитого противника по поводу его прежних сочинений, что считали его окончательно побежденным¹, а у эстетиков вовсе не было охоты собирать цветки среди полемических колючек, которыми была наполнена «Каллигона». И сам Гердер сознавал, что те положительные воззрения, которые он высказывал в этом сочинении, были извращены и обезображены полемической формой изложения. Он утешал себя надеждой, что книга потребует 2-го издания, что тогда он выбросит из нее все, что отзывается полемикой с Кантом, что тогда она будет *simplex munditiis*². Но этой надежде не суждено было осуществиться. Виланд оказал очень плохую услугу своему другу, напечатав заметку о выходе в свет «Метакритики». Он не достиг своей цели и тогда, когда стал осыпать печатными похвалами «Каллигону»³. А разве Гердер мог ожидать сочувственных отзывов о новой книге от тех, против кого была направлена ее полемика столько же, сколько против самого Канта? Разве Гёте, Шиллер и Мейер могли признать себя побежденными и покаяться в своих эстетических заблуждениях? Они ничего не возражали только потому, что щадили автора⁴. Но их молчание было крайне неприятно для Гердера. «Здесь все безмолвствует, — жаловался он Кнебелю, — на все уста наложена

¹ В рецензиях, конечно, не было недостатка: в особенности «Эрлангерская литературная газета» снова изложила (9 и 10 дек. 1801) свой приговор над гердеровской философией. Благоприятные отзывы о «Каллигоне» появились в «Neue Allg. D. Bibl.» (LXII, 1, с. 171 и сл.) и в «Erf. Gel. Ztg.» (1801. С. 449 и сл.; отзыв Германа). Только после смерти Гердера и Канта появилось сочинение Круга «Kalliope und ihre Schwestern» (Лейпциг и Цюллихау, 1805); автор называет это сочинение «Эстетическим очерком, посвященным праху Канта и Гердера по случаю их примирения в преисподней».

² К. Г. Мюллеру 8 авг. 1800 г. (Гельцер. С. 291); к Глейму 13 июня (С, I, 272).

³ Новый Немецкий Меркурий. 1800, август. С. 259 и сл.; сравн. письмо Каролины к Бёттигеру (Линдеман. С. 135, № 100).

⁴ Если, как рассказывает Каролина в письме к Г. Мюллеру 14 мая 1807 г. (С, III, 21), Гёте, действительно, поручал передать Гердеру, что основные идеи «Каллигоны» сходятся с его собственными, то в этих словах так много сказано, что им нельзя придавать серьезного значения.

печать молчания, никто не хочет признаться, что читал „Каллигону“, а может быть, и действительно никто ее не читал; а когда Мейер, прежде никогда не изменявший своей привязанности к семейству Гердера, стал реже прежнего посещать его, Каролина говорила, что, вероятно, «Каллигона» была причиной охлаждения этой дружбы. Вознаграждением за молчание живших вблизи от Гердера старых друзей служили одобрительные отзывы, раздававшиеся издалека, а самым восторженным из таких отзывов был тот, который был высказан его другом, жившим в Ильменау. Он скоро снова пришел к убеждению, что правда была на его стороне. *Bona causa triumphat* — этими словами он успокаивал и самого себя, и своего сына Августа, встревоженного сыпавшимися на его отца обвинениями¹.

Из рассказа «Воспоминаний» видно, что Гердер еще не употреблял в дело своих самых остроконечных стрел и что он намеревался написать новое сочинение о вредном влиянии критической философии на нравственность и на то счастье, которое человек находит в глубине своей души². Впрочем, еще прежде чем он написал «Каллигону», в его уме зародился еще более широкий замысел. Он намеревался проследить кантовскую философию во всех последствиях ее практического применения. Он писал Кнебелю, что намерен вывести наружу все «заблуждения и нелепости», которые вносятся последователями Канта не только в критику всего истинного и прекрасного, но также во все науки, даже в философию, в историю, в математику, в теологию³. Ведь он именно в то время мог видеть на деле, как последователи Фихте, даже при изучении естественных наук, пренебрегали указаниями опыта и увлекались самыми смелыми аналогиями: конечно, и он сам нередко основывал свои выводы на аналогиях, но только на примере своих противников он убедился, что такой образ

¹ См. ответы Гердера и Каролины от 11 июня 1800 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 332 и сл.) на письмо Кнебеля о «Каллигоне» от 7 и 9 июня (С, III, 164 и сл.); кроме того, см.: Knebels Litt. Nachl. II, 310 и 336; Глейм к Гердеру 29 мая; Гердер к своему сыну Августу (А, II, 460 и сл.) Эйхгорн 27 мая (С, II, 314) и принц Август 29 мая также отзывались с одобрением о «Каллигоне» и очень несочувственно о Канте.

² Воспоминания. III, 128.

³ 6 мая 1799 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 278); к Г. Мюллеру 29 апр. 1799 г. (Гельцер. С. 287): «Я буду и я должен продолжать мое сочинение, потому что применение критических основных положений к наукам докажет, каковы эти положения». Напротив того, то «продолжение книги», о котором идет речь в предисловии «Каллифроне», я могу отнести (в противоположность с мнением Суфана: SWS. XXXI, XXI, прим. 6) к продолжению «Каллифрона».

действий может вовлекать в опасные заблуждения. Он был очень огорчен, когда в диссертации своего сына, изучавшего горное дело, постоянно наталкивался на идеи и выражения новой натурфилософии. Ему казалось решительно невыносимым, чтобы член его собственного семейства мог принадлежать к числу последователей Фихте. «Я ненавижу всех последователей новейших философов, — писал Гердер сыну, — и изломаю твои перья, если ты будешь подражать им»¹. Однако он поступил очень благоразумно, отказавшись от продолжения своей «Метакритики». Полемика, которая была так к лицу Лессингу, совершенно искажала лицо Гердера. Кёрнер верно заметил, что для литературной деятельности этого рода натура Гердера была слишком нежна². А помимо своего полемического содержания «Метакритика» и «Каллигона» не прибавляли почти ничего нового к тем идеям, которые уже были изложены в прежних сочинениях Гердера; они только облекали те идеи в довольно оригинальную систематическую форму, не всегда с пользой для них. Не подлежит сомнению, что если бы Гердер стал писать полемическое сочинение против «Критики практического разума», то он еще чаще стал бы вдаваться в повторения, — это можно заключить из тех многочисленных нападков на эту критику, которые разбросаны в «Христианских сочинениях». По словам «Воспоминаний», он отказался от такого намерения вследствие настоятельных увещаний Фалька и следуя советам своих друзей, живших вне Веймара. Но этот рассказ не заслуживает безусловного доверия, потому что он, по своей внешней форме, слишком отзывается желанием оправдать отказ Гердера от его прежних замыслов. Весьма правдоподобно, что Гердер и впоследствии вспоминал о своем намерении как о не вполне исполненной обязанности; но чтобы отказаться от него, ему едва ли были нужны чьи-либо увещания. Немедленно вслед за окончанием «Каллигонь» он, очевидно по собственному почину, отказался от продолжения полемики. Из письма, которое Гердер написал 11 июня 1800 г. Аммону касательно его учебника религиозной морали³, видно, что он считал нужным впредь предоставить другим ведение борьбы с «тощей кантовской философией». Он говорит, что более не намерен идти прежней дорогой, потому что она утомила его.

¹ См. его письмо к сыну Августу (А, II, 451 и сл.).

² В письме к Шиллеру 6 августа 1800 г.

³ Это письмо напечатано в «Воспоминаниях» (III, 129 и сл.) с некоторыми пропусками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В последних частях «Писем о гуманизме» Гердер все более и более терял из виду современные исторические события. Он уничтожил те страницы, на которых обнаруживалось его недовольство жалким положением немецкой нации и ошибками ее правителей. На возникшую в его время неурядицу и на постигшие его отечество бедствия он смотрел только издали и с отвлеченной точки зрения. Он утешал себя надеждой, что Немезида воздаст всякому должное, и как «истый идеалист» полагался на то, что рука Всевышнего создаст из хаоса свет. Вместо того чтобы примешивать свой голос к шуму битв и дипломатических переговоров, Гердер приложил усилия к тому, что было ему более по силам и потому обещало более солидный успех. В своих «Христианских сочинениях» он восставал против всего, что не соответствовало требованиям свободы и гуманизма, а в своей полемике с Кантом восставал против пагубного направления философии, искавшей для себя опоры в человеческом разуме.

Среди этих занятий он был снова вовлечен своими личными связями в более близкое соприкосновение со сферой политики. Современная неурядица отразилась перед ним, точно в зеркале, в житейских заботах его дорогого Георга Мюллера; прежде он служил для этого друга духовным руководителем, а теперь стал давать ему советы в мирских делах и постарался вывести его из крайне затруднительного положения. Подобно тому как его полемические сочинения свидетельствуют о его раздражительности и склонности к противоречиям, его письма к Г. Мюллеру доказывают, как он был привязан к своим друзьям и как всегда был готов помогать им; эти письма дают нам ясное понятие о дружбе, которая связывала его с Мюллером¹.

¹ Для того, что следует далее, служили источником сведений как напечатанные и ненапечатанные письма Гердера, так и сохранившиеся в подлинниках письма Мюллера. В статье «Herder und Georg Müller» (Preuss. Jahrbücher. XXIX. С. 148 и сл.) Баумгартен пользовался как этими источниками, так и упо-

И Гердер, и Каролина всегда относились с самым сердечным участием ко всему, что касалось личных интересов их швейцарского друга. Они вместе с ним переживали его сердечные невзгоды, а когда он наконец соединился со своей Марией, они и ее включили в число своих друзей. Пребывание сыновей Гердера в доме Мюллера еще скрепило узы, связывавшие два семейства. Когда родители Марии, престарелый Гаупп и его жена, сошли в могилу один вслед за другим, Гердер писал Мюллеру: «Мы любим вас обоих так крепко, как если бы вы принадлежали к нашему семейству, а мы к вашему». Этому скромному кандидату на ученые должности нелегко было найти в его маленьком родном городе такую сферу служебной должности, которая соответствовала бы его дарованиям; только в 1794 г. ему удалось получить лишь не вполне удовлетворявшую его должность преподавателя в местном *Collegium humanitatis*. Гердер всегда с отцовской любовью утешал и ободрял его, а теперь радостно приветствовал его со званием профессора. Он имел еще более сильное влияние на литературную деятельность Мюллера. И «философские статьи» Мюллера, и его «Беседы с Сереной» носили на себе отпечаток гердеровских воззрений; от Гердера он получал поощрения к изданию сборника замечательных автобиографий и Гердеру был обязан, при составлении этого сборника, многочисленными советами и указаниями. Только в 1803 г. вышел в свет первый том мюллеровских «*Reliquien alter Zeiten, Sitten und Meinungen*»; просматривая это сочинение вчерне еще в половине 90-х годов, Гердер горячо одобрял изложенные в нем идеи, потому что, как он сам писал Мюллеру при обратной отсылке рукописи, он «интересовался набросками статей гораздо более, чем тщательно отделанными статьями». Лучшим доказательством его доверия к Мюллеру было то, что в 1796 г. он, по просьбе этого друга, выслал ему все написанные рукой Гамана письма, которые он хранил как сокровище и с которыми были связаны лучшие воспоминания его прежней жизни. По этому случаю он писал Мюллеру: «Никто, даже не исключая Лафатера, не должен брать в руки этих писем, не должен прочесть из них ни одной строки даже в

мянутой нами выше, на с. 152, биографией Мюллера, написанной Штокарром. Эта биография вышла в свет в то время, когда моя книга уже печаталась; она носит следующее заглавие: «*Johann Georg Müller, Lebensbild, dargestellt von Karl Stokar, weil. Decan zu Schaffhausen, herausgeg. vom Historisch-antiquarischn Verein in Schaffhausen*» (Базель, 1885); эта книга могла бы служить для нас полезным руководством в особенности в тех случаях, когда нам приходится вести речь об исторических событиях.

копии. Кроме Вашего брата и Вашей Марии никто не должен знать, что это сокровище находится в Ваших руках». Таким образом, участниками в этой дружеской связи оказываются: между мертвыми — Гаман, между живыми — Иоанн Мюллер. Рукописные сочинения историка неоднократно пересылаются через его брата к Гердеру. Так, Гердер просил доставить ему для прочтения смешанные идеи Иоанна Мюллера о политике и истории; в другой раз он благодарил за доставленные ему Георгом письменные заметки Иоанна о прочитанных им исторических сочинениях. Он нередко советовал Георгу обращаться по литературным вопросам за советами к его старшему брату и всегда отзывался с похвалами о сочинениях Иоанна. Однажды он так охарактеризовал личность этого историка: «Это — редкий человек, способный соединять политические суждения с пониманием истории классической древности и даже одаренный таким универсальным умом, который способен обнимать все, что входит в народную жизнь». Такой же универсальный ум находил Иоанн Мюллер в авторе «Идей».

В своей переписке с Г. Мюллером Гердер редко касался политических событий. Мюллер ранее его отказался от первоначальной уверенности, что Французская революция доставит всем народам благоденствие и свободу. На частые обвинения французов в необузданности их образа действий Гердер отвечал молчанием, а по поводу столь пагубного для Германии дальнейшего развития революционной драмы и неудачи военных действий лишь изредка высказывал жалобы или надежды, вздыхал о мире и с уверенностью утверждал, что относительно тогдашнего запутанного положения дел следует во всем полагаться на провидение. Однако живший в Швейцарии друг все сильнее и сильнее тревожился в конце 90-х годов критическим положением своего отечества, в которое стекались массы беглецов из прирейнских стран и из Швабии и которому ежеминутно угрожала опасность французского нашествия. К этому присоединились новые опасения, что швейцарцы увлекутся склонностью к новизне и к ниспровержению старых порядков и упразднят старые государственные учреждения. Осенью 1797 г., объезжая вместе со своим братом некоторые из швейцарских кантонов, он заметил грозные признаки готовившегося восстания и поспешил сообщить свои опасения веймарским друзьям. Гердер отвечал ему на это сообщение выражением своего участия в его заботах, но постарался разогнать его тревожные опасения такими соображениями, которые доказывали, что он не имел ясного понятия ни о тогдашнем

положении дел, ни о влиятельных людях того времени. Каролина, со своей стороны, писала Мюллеру, что великая политическая система, которую Франция старается установить сообща со своими союзниками, основана на проведении неизменных границ между государствами — стало быть, ведет к прекращению всяких войн и отличается такими человеколюбивыми целями, лучше которых нельзя ничего придумать; а Швейцария будто бы находится в более счастливом положении, чем несчастная Германия, потому что ее судьба в ее собственных руках — ей нужно только исправить недостатки ее теперешних государственных учреждений и, соединившись в одно государство, снова пробудить в швейцарцах их старинное мужество. Сам Гердер был в сущности того же мнения. «Сами вводите у себя реформы, — писал он своему другу, — тогда вам не будет никакой надобности в чужеземных реформаторах, от которых сохрани вас, Боже, все равно откуда бы они ни пришли... Все-таки вы счастливее, чем мы, разъединенные бесхарактерные немцы. Я не ожидал ничего хорошего, но не ожидал такого жалкого и нелепого исхода; впрочем, еще не известно, все ли этим кончится? *Speremus et confidamus*».

Так выражался Гердер в январе 1798 г. под впечатлением известий о собравшемся в Раштадте конгрессе, о происшедших в Базеле беспорядках и о революционном движении, вспыхнувшем вскоре после того во всех швейцарских кантонах. Шафгаузен также был вовлечен в этот поток; местные жители стали готовиться к восстанию, требуя свободы и равенства. Тогда добрый Георг Мюллер совершенно сбился с толку. Его тревожное состояние усилилось, вследствие того что было по неосторожности опубликовано письмо его брата, выражавшего сочувствие к идеям французских революционеров; тогда и на него пало незаслуженное подозрение в принадлежности к партии якобинцев. Он излил свою душевную тревогу в двух письмах, одновременно написанных 3 февраля к его брату в Вену и к его веймарским друзьям. Гердеру он писал, что еще никогда не обращался к нему за советом в таком крайне затруднительном положении и что его несчастному отечеству, по-видимому, предстоит неминуемая гибель. Внутри страны все узы разорваны; французам — этим коварным зачинщикам наступившей анархии — доставлен повод для вмешательства и открыта возможность грабить Швейцарию! Неизбежным последствием такого переворота будет уничтожение всякой религии, нравственности, хорошего детского воспитания; и собственности граждан, и их жизни будет угрожать по-

стоянная опасность! Где же искать ему места для себя и для своей мирной деятельности? Ему было бы тяжело расстаться с его друзьями и с его воспитанниками — но ему кажется, что было бы еще более тяжело оставаться на месте. Но куда же бежать? Самым приятным убежищем была бы для него какая-нибудь братская община. Он также охотно принял бы должность преподавателя где-нибудь вне Швейцарии. Несмотря на то что Мюллер всегда был хорошим республиканцем, теперь он предпочел бы этой вновь дарованной свободе жизнь под хорошо организованным монархическим управлением — не в Вене, куда звал его брат, а в Веймаре, где его Мария нашла бы для себя вторую родную мать. Все эти мысли путались в его голове, и он обращался за советом и за утешениями к Каролине, которой незадолго перед тем помог в ее стесненном денежном положении: «Я мысленно обнимаю вас с горячими слезами на глазах. Помогите, чем можете, и мне, и моей Марии!»

Таким образом, Гердеру приходилось дать другу не столько политический, сколько нравственный совет, а никто не был более его способен к такой роли. Он немедленно отвечал Мюллеру: «Вы должны оставаться на Вашем месте! Этого требует главным образом Ваш гражданский долг; никакой гражданин не покидает своего отечества; это было бы еще более неприлично для швейцарского гражданина. Именно теперь, когда Ваше отечество в опасности, Вы должны вести себя осмотрительно и честно, как подобает хорошему гражданину, — Вы должны, по мере Ваших сил, давать благоразумные советы и предохранять Ваше отечество от несчастья. Бегство было бы в настоящую минуту не только постыдным, но и противозаконным делом. Когда Сократ был несправедливо осужден, он даже не захотел спасаться бегством из своей тюрьмы; еще менее позволительно бегство свободному гражданину в такое время, когда его отечеству еще только угрожает хотя и большая, но не непреодолимая опасность, когда его отечество требует от него осмотрительного, благоразумного, благотворного содействия. Если бы каждый швейцарец стал помышлять теперь о бегстве, то кто же остался бы в Швейцарии?» Современная история, продолжает Гердер, доказала нам, что тот, кто покидает свое отечество, остается в проигрыше. Да и в чем же заключается опасность для тех, кто остается, в особенности для тех, кто посвятил себя воспитанию юношества? В эпоху опасных революционных смут именно такая профессия налагает самые важные и самые необременительные обязанности. Опасения, что христианство может погибнуть, совершенно безрассуд-

ны. И с точки зрения своих личных интересов эмигрант поступает крайне неблагоразумно. Кто же будет бросаться в морские волны, оттого что ему приснилось кораблекрушение? Даже если бы случилось худшее, если бы в Кампоформио было решено отдать Шафгаузен императору или если бы маленькая шафгаузенская республика должна была соединиться с другими маленькими республиками и организовать свое управление по французскому образцу, то и тогда честный гражданин был бы обязан служить своему отечеству; даже в случае обложения контрибуцией он не должен бы был уклоняться от неизбежных жертв. Стало быть, нечего думать об удалении в среду братской общины! «Мой веймарский дом, — писал Гердер, — всегда открыт для друга, но теперь об этом не должно быть и речи — *Spera, mane et confide!*»

Таково было содержание первого гердеровского письма; написанное через несколько дней после того второе письмо было такого же содержания, но Гердер из предосторожности изложил свои мнения в такой форме, что они, по-видимому, касались не Мюллера, а третьего лица; кроме того, он приберег на всякий случай еще один совет — в приписке ко второму письму он говорит: «В случае если бы дела приняли какой-нибудь неожиданный оборот, я сообщу Вашему другу нечто новое касательно приискания для него приличного убежища».

Под этими словами крылось намерение доставить Мюллеру место при веймарской гимназии и вместе с тем привлечь в эту гимназию, ради ее пользы, даровитого преподавателя. Благодаря посредничеству Гёте Гердеру удалось получить от герцога обещание, что Мюллер будет назначен на должность профессора истории без постоянного жалованья¹. Гердера очень радовала мысль, что после стольких лет разлуки он наконец обнимет в Веймаре друга, который уважал и любил его, как родного отца! Однако он отодвинул на задний план свои собственные личные интересы. Под влиянием двух писем, полученных из Веймара, и следуя советам своего брата, которые совершенно сходились с советами Гердера, Мюллер решил не выезжать из Швейцарии и не покидать своей должности преподавателя. Но Шафгаузен уже утратил в его глазах прежнюю привлекательность, вследствие совершившегося в нем переворота. И в этом городе, точно

¹ Письмо, которое написал Гёте к Гердеру по этому делу, напечатано у Штокара (с. 392, прим. 80). Не помеченные никаким числом строки были написаны, бесспорно, в половине марта.

так же как в других кантонах, были введены новые порядки. Мюллер против воли носил трехцветную кокарду и с основательной тревогой взирал на дальнейшее развитие событий, на усиление революционных смут, на предстоявшее вторжение ненавистных французов и на опасности войны, которая могла кончиться гибелью Швейцарии. При таком положении дел он находил для себя утешение в обещании Гердера доставить ему, в крайнем случае, безопасное убежище. Но Гердер советовал не прибегать к этому средству иначе как в случае крайней необходимости. Даже когда Гердер официально уведомлял 23 марта своего друга о предложении герцога¹, он снова повторял, что советует Мюллеру воспользоваться этим предложением только в том случае, если он будет принужден на время удалиться из своего отечества и если при этом не будет разрывать узы, привязывавшие его к Швейцарии: «Сделайте из этого предложения самое полезное для Вас употребление, но поступайте осмотрительно и благоразумно». Из этих слов ясно видно, что Гердер в сущности не желал удаления Мюллера из Швейцарии.

Гердер был скоро обрадован известием, что его надежды и желания касательно Мюллера сбылись самым неожиданным образом, что вследствие дальнейшего развития политических событий оказались излишними и его заботы, и сделанное Мюллеру предложение веймарской должности. Тот самый Мюллер, который так боязливо взирал на бурный поток революции и который сам уверял себя, что не способен к общественной деятельности, что не может рассчитывать ни на какую должность при новой системе управления, был вовлечен в сферу политической деятельности вследствие доверия, которое приобрел среди своих сограждан своим благоразумием и своим характером. Несмотря на свои возражения, он был единогласно выбран членом Национального собрания, в руках которого находилось временное управление кантоном, а вслед за тем ему было поручено заведование департаментом церковных дел и народного образования. Гердер с восторгом узнал об этом выборе, и в его душе зародилась вера в свободное развитие республиканских учреждений в Швейцарии, к которой он всегда относился с пристрастным сочувствием. Поздравляя нового народного представителя и поощряя его к полезной деятельности, он точно будто сам вдыхал в

¹ Официальное письмо Гердера не помещено у Гельцера; у него напечатано на с. 273 только написанное в то же время частное письмо Гердера с неверной пометой 25 марта. Не помеченное никаким числом письмо, которое напечатано у Гельцера на с. 276, было написано ранее тех двух писем.

себя свежий воздух общественной деятельности, точно будто сам стряхивал с себя бремя ученых занятий. «Никакое известие, — писал он, — не могло бы доставить мне более удовольствия; я не могу прийти в себя от радости. Как много добра Вы можете сделать для Вашего отечества в несколько недель — такого добра, которое не забудется в течение нескольких столетий! Я благодарю Бога за то, что все, чего я для Вас желал, сбылось даже выше всяких ожиданий! Ах, дорогой Мюллер, как Вы должны благодарить Бога, так неожиданно избавившего Вас от всех тревог. Страх был Вашим самым злым врагом, этот враг теперь побежден благодаря Вашей благородной деятельности и благодаря доверию, которое Вы умели внушить. *Alea jacta est*. Все ваши мысли должны теперь сосредоточиться на пользе Вашего отечества, и я от души желаю, чтобы счастье не покидало Вас!»

Однако новая деятельность Мюллера не оказалась такой легкой и такой успешной, какой ее воображал Гердер. Дни временного правительства уже были сочтены; немедленно вслед за введением новых учреждений состоялось их упразднение, вследствие того что, по воле могущественной соседки — Франции, была учреждена единая и нераздельная гельветическая республика. Мюллеру пришлось разыгрывать политическую роль при беспрестанных переменах своего официального положения. Сначала он был выбран в члены вновь учрежденной палаты, управлявшей кантоном; потом он попал в вице-наместники; на этих должностях он был до крайности обременен служебными делами, но часто имел случай быть полезным для своих сограждан и отстаивать права и интересы своего родного города против притязаний центрального революционного правительства. В каждом письме, которое он посылал из Шафгаузена в Веймар, он представлял положение дел в новом виде и вел речь о новых, требовавших разрешения, задачах. Гердер не был в состоянии помогать своему другу советами на каждый отдельный случай, потому что, по причине дальности расстояния, эти советы оказались бы запоздалыми. Тем живее было участие, с которым Гердер следил за патриотическими тревогами честного швейцарца, за его надеждами, усилиями и успехами. Но он решительно отказался от изложения своих мнений и советов даже касательно устройства учебных заведений. «Вы должны, — писал он Мюллеру, — не теряя времени, приступить к делу; при этом Вы должны сообразоваться с положением дела, с требованиями данного времени и данного места; всякое растение должно выходить из живого зародыша и к нему не следует прицеплять ничего постороннего». Напротив

того, он неутомимо повторял Мюллеру слова *macte virtute!* Он еще раз доказал, что мастерски умел давать другим советы и поощрять к деятельности. В нем пробудилась его юношеская бодрость, а робость его друга еще усилила его уверенность в наступлении лучшего времени. «Не теряйте ни мужества, ни терпения, ни надежды, — писал он новому вице-наместнику, — твердо исполняйте Ваш долг и идите к Вашей цели; служите Вашему отечеству советом и делом; Бог благословит Вас. Еще никогда не погибал ни один народ, способный действовать с благородной твердостью и выносить все невзгоды». Он был уверен, что его поощрения не останутся бесплодными. Он возлагал полное доверие на своего скромного друга, подготовленного к общественной деятельности занятиями воспитателя юношества. Более всего его радовало то, что в характере робкого, нерешительного и склонного к ипохондриии юноши произошла перемена к лучшему. Он выражал эту радость и самому Г. Мюллеру, и его брату. Этому последнему он писал: «Доверие, оказанное Вашему брату, а моему искренно любимому другу, было для меня истинной отрадой. Оно внезапно разогнало его опасения, вполне понятные при его положении, и внушило ему такую бодрость, которая будет иметь благотворное влияние на всю его жизнь. Если Бог сохранит и укрепит его здоровье, он сделает для пользы Шафгаузена все, что только можно сделать, потому что у него никогда не будет недостатка в осмотрительности и в сдержанности. Он близок моему сердцу, как родной брат, и я радуюсь его теперешнему счастью так же, как радовался бы моему собственному».

Свое участие Гердер доказывал своему другу и в несчастиях — например, когда даровитый приемыш бездетного Мюллера погиб летом 1792 г. в волнах Рейна. По поводу этого несчастья Гердер писал Иоанну Мюллеру: «Ваш брат лишился самого сладкого утешения, служившего успокоением для его ума»; но самому Г. Мюллеру он указывал на целебную силу полезной деятельности, намекнув при этом и на то, что он сам чувствует себя одиноким вследствие утраты многих надежд и неосуществимости многих замыслов. В целях для полезной деятельности не было недостатка ни у того, ни у другого, несмотря на несходство их характеров. Именно в то время Гердер со страстью увлекался полемикой против кантовской философии, а вице-наместник был завален деловыми служебными занятиями, заботился только о своем родном городе без всякой жажды славы и только изредка с сожалением вспоминал о покинутых им ученых занятиях. Но Гердер убеждал его не жалеть о том, что ему приходится на

время заглушить его врожденные влечения. Он советовал своему другу отложить в сторону литературу и исполнять то, чего требует его должность. Посылая ему весной 1799 г. только что вышедшую из печати «Метакритику», он писал: «Вы действуете теперь на более важном поприще; поэтому сочинения этого рода не могут иметь в Ваших глазах такого же интереса, какой они имеют для меня».

На том поприще, действительно, совершались важные дела. После победы, одержанной эрцгерцогом Карлом над Журданом при Штокахе, возникла между французами и австрийцами борьба из-за обладания Шафгаузенем. Еще ранее того Мюллеру удалось получить увольнение от должности вице-наместника и таким образом избавиться от исполнения требований гельветической директории. Когда австрийцы завладели Шафгаузенем, Мюллер был принужден сохранить свою должность в административной камере, а во время предпринятого вслед за тем преобразования местных учреждений участвовал в этой реформе своими советами. Но после появления в Швейцарии русской армии, после возникшего между ней и австрийскими военачальниками пагубного разлада и после победы, одержанной над ней французами при Цюрихе, положение Шафгаузена сделалось таким безнадежным, что у Мюллера снова зародилось желание отказаться от политического поприща, вступить в духовное звание и кроме исполнения обязанностей преподавателя заняться сочинениями исторического и патриотического содержания; а когда в октябре 1799 г. гибель Шафгаузена казалась неизбежной, он приготовился покинуть свое несчастное отечество и искать убежища у своих друзей в Тюрингии. Но Гердер снова стал убеждать уже одумавшегося Мюллера иметь терпение и не падать духом. «Каждый должен оставаться, — писал он, — у своего очага в качестве стража или работника, назначенного Провидением». Он называл неосновательными жалобы Мюллера на то, что нет возможности заняться какой-нибудь серьезной работой ввиду двух больших армий, готовых вступить между собой в бой. Так как сам Гердер ограничивался исключительно литературной деятельностью и воображал, что также исполняет свой долг, продолжая свою борьбу с Кантом, то ему были непонятны жалобы его друга; поэтому он писал Мюллеру: «Какая же беда в том, что Вы в настоящую минуту не в состоянии заняться никакой серьезной литературной работой? Разве можно об этом жалеть в Ваши лета и при Вашем положении? Вы с успехом и скоро вознаградите себя за это потерянное время. Теперь несвоевременны никакие литера-

турные предприятия; теперь никого не интересует чтение серьезных книг; у всякого зрение и слух заняты современными событиями; все остальное призраки и мечты... Благодарите Бога за то, что он доставил Вам отдых, пользуйтесь тем, что Вы пережили и испытали, и готовьтесь к исполнению новых обязанностей, к новым деловым занятиям. От вашего *perfer et obdura* Вы уже пожали немало плодов, а тем временем зреют новые плоды. Будущее предоставьте воле Божьей».

Летом и осенью 1800 г. Гердеру снова пришлось давать его другу советы касательно важного вопроса, следует эмигрировать или оставаться на месте. В мае 1800 г. было восстановлено владычество французов и была снова введена конституция гельветической республики; тогда Мюллеру удалось устранить себя от всякого непосредственного участия в делах управления; его деятельность ограничивалась тем, что он без всякого официального титула заботился о положении церкви и народного образования и, кроме того, стоял во главе благотворительного общества, основанного для оказания помощи многочисленным бедным; но в его душе постоянно усиливалось негодование на совершавшиеся беззакония, на революционный дух и тиранию правительства, от поддержания которого он не мог отказаться по неимению в виду другого, более достойного. Поэтому он подвергся сильному искушению, когда ему представилась возможность получить место преподавателя в Эйтине, а вскоре после того была положительно предложена профессорская должность в Киле. Письма, которые писал ему по этому поводу Гердер, были наполнены не столько определенными советами, сколько рассуждениями и соображениями. Он полагал, что не следовало принимать должность в Эйтине, но на предложение должности в Киле он смотрел иными глазами. По его мнению, Дания управлялась лучше всех других европейских государств, а ее король был самым миролюбивым из всех королей. Поэтому он на минуту увлекся мыслью о пользе, которую мог бы принести там Мюллер, излагая историю в том виде, в каком она способна содействовать развитию достойных людей и граждан; вспоминая о недавнем эпизоде из своей собственной литературной деятельности, он говорил, что лекции Мюллера могли бы успешнее всяких «Метакритик» и «Каллигон» искоренить лжемудрствования современных философов. Однако его первоначальная точка зрения скоро взяла верх. Когда граф Христиан Штольберг обратился к нему с просьбой передать Мюллеру официальное предложение профессорской должности в Киле, то он посоветовал своему другу на

всякий случай не связывать себя такими обязательствами, которые навсегда лишили бы его возможности возвратиться в отечество; «если бы я был на Вашем месте, — прибавил он, — то я остался бы в Шафгаузене и отказался бы от профессорской должности в Киле». Он был очень доволен, когда узнал, что Мюллер решился последовать его совету; этого решения Мюллер не изменил и через год после того, когда ему снова была предложена должность в Киле.

В течение этих последних лет своей жизни Гердер все реже и реже обращался к Мюллеру с собственноручными письмами; его жена обыкновенно служила для него домашним секретарем. Мюллер с полной откровенностью говорил в своих письмах к Гердеру и о нескончаемой неурядице, которой страдало его отечество, и о своих опасениях насчет будущности Швейцарии, и о своих занятиях, посвященных интересам его родного города, и о своем нередко вновь возникавшем намерении удалиться из отечества и поступить в духовное звание. В ответ на это он получал из Веймара письма, которые были отголоском его собственных патриотических стремлений и надежд; в них, кроме того, высказывалось опасение, что несчастья, постигшие Швейцарию, может быть, окажутся менее ужасными, чем то, что ожидает Германию. «Вы уже получили вашу долю общественных бедствий, а нам еще предстоит сводить с ними наши счета, *quo lentior eo gravior*». Более обстоятельное мнение о тогдашнем положении дел Гердер высказал в последний раз в своем последнем письме к Мюллеру: после удаления французов из Швейцарии в октябре 1802 г. усилиями Рединга было подготовлено упразднение гельветической конституции, а вмешательство Бонапарта обещало положить конец революционным смутам; тогда Мюллер снова принял деятельное участие в политических делах; он надеялся оказать важную услугу своему отечеству упрочением законного порядка, а после того намеревался навсегда отказаться от политики. В этих видах он снова обратился за советом к Гердеру, который поспешил ответить ему письмом, в котором высказал свое мнение о только что появившейся прокламации Бонапарта касательно преобразования швейцарской конституции и все, что могло прийти ему в голову при его незнакомстве с настоящим положением дел и с влиятельными людьми того времени. Он говорил, что швейцарцы, быть может, поступили бы благоразумнее, если бы давно обратились за помощью к Бонапарту, а не дожидались, чтобы им приставили нож к горлу. Он советовал искать посредничества не только Франции, но также Пруссии и России.

Что французская Швейцария войдет в состав Франции, он давно предвидел. Он с уверенностью рассчитывал на то, что немецкая Швейцария сохранит свою независимость. Это политическое письмо было — как ранее нами замечено — последним письмом Гердера к Мюллеру. Когда весной следующего года Мюллер был назначен членом правительственной комиссии, которая должна была наблюдать за введением в Шафгаузене новых порядков, то он получил поздравительное письмо от Каролины. Это назначение было для Мюллера только началом государственной деятельности, которой он был занят в течение нескольких лет с большой пользой для своего отечества, благодаря тому что ему приходилось трудиться при более благоприятных условиях, чем прежде. И в качестве политического деятеля он вполне оправдал ожидания своего прежнего наставника. Но он еще гораздо более, чем в теологических вопросах, эмансипировался от воззрений этого наставника на тот или другой политический вопрос — он делал честь Гердеру только тем, что придерживался указанного им направления и исполнял свои обязанности.

Однако несмотря на то что Мюллер сделался государственным человеком и при своем мягком характере с трудом выносил борьбу политических партий, он все-таки находил свободное время и для литературных занятий. Летом 1797 г., когда уже стала надвигаться буря, угрожавшая Швейцарии, он написал свои «Письма об изучении наук, и в особенности истории», адресованные к одному молодому швейцарцу, который намеревался посвятить себя государственной деятельности; эта книга вышла в свет только в апреле следующего года, после того как над первым актом трагедии уже опустился занавес, а сам автор вошел в число действующих лиц. После того, летом 1800 г., он, по совету своего брата, написал небольшое сочинение, в котором проводил параллель между Реформацией и Революцией по поводу нескольких слов, сказанных Францем I. Хотя он и променял духовное звание на светское, это не мешало ему постоянно интересоваться важными религиозными вопросами, в которых он усматривал живую связь с распространением образования и гуманных идей среди всех народов и в особенности среди его сограждан. Осенью 1800 и весной 1801 г. он написал статью, которая была совершенно в духе Гердера: «Феофил, или Беседы о христианской религии с достигшими зрелости юношами»; это была — как он сам выражался в письме к Гердеру — «попытка просветить умы нашего духовенства насчет того, как они должны смотреть на христианскую религию». Все эти сочинения, равно как и дру-

гие, более мелкие, политические статьи отсылались к Гердеру, который приходил от них в восторг. В промежуток времени между бурями, вспыхнувшими в 1802 г., и возникшей вслед за тем необходимостью заняться политическими делами Мюллер занимался второй частью своей «Серены», и главным образом тем большим сочинением, о котором вел переписку с Гердером еще за несколько лет перед. Гердер дожил до появления первой части этого сочинения, в котором автор снова и — как он полагал — в последний раз «излил все свои мысли о политических вопросах»; оно носило следующее заглавие: «Reliquien alter Zeiten, Sitten und Meinungen für Jünglinge nach den Bedürfnissen unseres Zeitalters» — и было новым свидетельством умственной зрелости, которой достиг автор в школе опыта.

Такую же зрелость Гердер хвалил и во всех последних сочинениях Мюллера. Ему в особенности нравились «Письма о науках»; он выразил свое одобрение не только в частных письмах, но и печатно¹, а именно в «Эрфуртских ученых известиях», в которых начал за год перед тем помещать свои отзывы о новых литературных произведениях.

С тех пор как он поселился в Веймаре, он почти совершенно отказался от занятий рецензента; только в «Меркурии» он поместил несколько заметок о вновь вышедших книгах; но теперь он сделался усердным сотрудником названного журнала, и это продолжалось в течение четырех лет. Он принялся за это сотрудничество немедленно вслед за окончанием «Писем о гуманизме» и в то время, как был занят своими двумя последними «Христианскими сочинениями»; он почти ничего не писал для журнала в то время, как неутомимо трудился над «Метакритикой» и над «Каллигоной», но осенью 1800 г. он снова доставил в редакцию журнала целый ряд статей. Стало быть, начало этой деятельности относится к тому времени, когда Гердер решительно разошелся с Гёте и с Шиллером; он стал писать журнальные статьи, между прочим с целью противодействовать влиянию тех двух поэтов и влиянию кантовской философии; но вместе с тем он стал нападать на Йенский университет, служивший оплотом для последователей Канта, и на издававшуюся в Йене литературную газету, которая вступила в союз с новой философией и старалась руководить общественным мнением в оценке современных литературных произведений.

¹ Гельцер. С. 279, 280. И в письме к Глейму от 29 июня 1798 г. Каролина хвалила эту книгу (С, I, 243).

Действительно, его давнишнее несочувствие к тогдашним университетским порядкам все более и более превращалось в отвращение к Йенскому университету, который находился под управлением разделявшего гётевские воззрения Фойгта и сделался убежищем для последователей критической философии. По его мнению, жить в Йене было то же, что жить в гнилом болоте. Преимущественно тамошний университет он имел в виду, когда называл все университеты безобразными и похожими на древних вавилонских чудовищ. Он находил, что под влиянием Фихте там достиг своей высшей степени тот дух «наглого произвола и мятежа», для борьбы с которым он когда-то предлагал учредить особый факультет и писал свои сочинения против Канта; поэтому он не без удовольствия замечал, как приходил в упадок университет, в котором трансцендентальную философию читали, после удаления Фихте, «пять молодых крикунов»¹. Он не менее сильно возмущался положением немецкой критики и перенес на живших в Йене рецензентов всю ненависть, которую когда-то питал к «Всеобщей немецкой библиотеке». И в этом случае личные мотивы примешивались к объективным. Он часто жаловался на холодное, как лед, равнодушие публики, на то, что не находил в сердцах читателей благотворного отголоска своих идей, а потому беспрестанно обращался к своим друзьям с просьбами писать разборы его сочинений. В «Литературной газете», издававшейся в Йене, был помещен очень сочувственный отзыв о первых двух частях «Писем о гуманизме» и появилась такая рецензия «Герпсихоры», которую можно назвать образцом обстоятельной критики. Но все это не удовлетворяло Гердера. Ведь на старых страницах этого журнала были напечатаны злые кантовские рецензии «Идей», а в оглавлении на следующий год значилась грубая статья Вольфа. Поэтому с той минуты, как газета Шюца появилась на свет, Гердер видел в ней своего личного врага, а когда желал предохранить себя от душевного расстройства, просил не класть ее перед его глазами². Он никогда не читал ее, но желал, чтобы в ней говорилось о его сочинениях. Обращаясь к Эйхгорну с просьбой высказать мнение о его последних теологических сочинениях, он писал: «„Литературная газета“ не упоминает ни об одном из моих сочинений; она еще не сказала ни слова ни о третьей части „Идей“, ни о „Письмах о гуманизме“, кроме двух

¹ К Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 294); к Кнебелю (Knebels Litt. Nachl. II, 287, 289).

² *Böttiger. Litt. Zuständen*. I, III, 124.

первых сборников; напротив того, она разбирает всякую дрянь, написанную ее единомышленниками, немедленно вслед за ее выходом из печати». Впадая в резкое противоречие с этим желанием видеть в журналах рецензию своих сочинений, он в восьмой части «Писем о гуманизме» неоднократно высказывал свое презрение к недобросовестности рецензентов. Он обвинял книгопечатание в том, что благодаря ему критика сделалась продажной и до такой степени уронила свое достоинство, что ее порицания имели такую же низкую цену, как и ее похвалы. В другом письме он говорил, что у немцев критика — взятая в аренду лавочка и презренная школа пороков; безымянные ликторы восседают на судейских креслах, разрешая вопросы изящного вкуса, а добродушная публика допускает употребление фальшивых мер и весов при постановлении их приговоров. С какой целью все это говорилось Гердером, стало ясно из 105-го «Письма о гуманизме». Деля в этом письме обзор развития критики у немцев, автор прежде всего хвалил всегда относившийся к нему дружелюбно «Гёттингенский ученый вестник» и говорил, что этот журнал, находящейся под покровительством ученого общества, богат научными сведениями; вслед за тем он с похвалой отзывался о письмах Николаи касательно положения изящных наук, о «Библиотеке», которую издавал Вейссе, и о «Письмах о литературе». Но потом наступает очередь для объяснений, отзывающихся ядовитой злобой и презрением. «Как вела себя критика после того, — продолжает автор, — мне не известно, потому что я не читаю никаких критических немецких журналов, за исключением одного маленького листка¹. До меня дошли слухи, что с тех пор начали судить обо всем и для этого созвали отовсюду сведущих критиков; но как судят эти критики и как они впредь будут судить, вовсе меня не касается». Однако в следующих строках он характеризует, вернее, бранит эти новые критические заведения, называя их «анонимными цирюльнями», в которых безбородые юноши бреют бороды своих наставников в надежде с помощью их прославиться, но в которые перестанет заходить всякий честный человек лишь только увидит, как там обходятся с его соседями.

Из этих слов видно, что здесь, точно так же как и в конце следующего сборника «Писем о гуманизме», анонимность критики была главной причиной негодования, которое изливал Гердер на эти «лавочки ежегодной и ежемесячной клеветы». Но в этом отношении никто так часто не грешил в своей молодости,

¹ Сравн. письмо Каролины к Глейму от 5 авг. 1796 г. (С, I, 211).

как автор «Отрывочных заметок» и «Критических лесов», подчинявшийся господствовавшему в то время обыкновению; он даже и в зрелых годах очень любил излагать свои мнения от чужого имени. Опыт наконец заставил его изменить его воззрения на этот предмет. Уже в панегирике в честь Винкельмана он восставал против «анонимных, всегда скрывающих свое имя», журнальных критиков, которые высказывают свои мнения, спрятавшись за дверью. В своей статье на премию «О влиянии правительства», там где шла речь о принадлежавшем государству цензорском праве следить за правильностью научного преподавания, он предъявлял требование, чтобы никогда не дозволялось появление безымянных критических статей. При всяком удобном случае он мимоходом задевал анонимных рецензентов — этих безответственных судей, произносящих свои приговоры ради наживы. Наконец, в шестом сборнике «Писем о гуманизме», в статье о публике и об отечестве, он возобновил требование, предъявленное в упомянутой выше статье на премию. Сочинения всякого рода, говорил он, не исключая рецензий чужих сочинений, должны быть подписаны именами авторов, а анонимность должна считаться за «лукавство, за бесчестие, за низкое ремесло и трусость»¹.

В ноябрьском номере «Литературной газеты» 1798 г. ее издатель защищался от «негуманных» нападок проповедника гуманизма и, вступаясь за анонимность, ссылаясь между прочим на авторитет Лессинга². Но не на всех произвели такое же впечатление требования Гердера³. Прежний издатель «Эрфуртской ученой газеты», выходявшей под надзором Майнцской академии полезных наук, отказался в конце 1796 г. от продолжения этого издания. По совету коадьютора Дальберга академия решила сама издавать эту газету под названием «*Nachrichten von gelehrten Sachen*» по вновь составленному плану и при помощи более молодых сотрудников. Но при этом не была высказана главная цель академии — положить конец единовластию издававшейся в Йене «Литературной газеты» и проводивших в ней свои идеи по-

¹ Памятник в честь Иоанна Винкельмана / Изд. Дункера. С. 33; Теологические письма. 1-е изд. I, 35; О влиянии правительства... С. 88; Письма о гуманизме. V, 115; VIII, 60, 134, 161; IX, 169. Почти в таких же выражениях он говорил о «факторах меркантильного учреждения» в «Каллигоне» (II, 267); см. также: Адрастия. IV, 2, 350 и сл.; VI, 2, 191.

² № 345 и 346, стр. 405 и сл. и стр. 409. Касательно того, как отнесся Гердер к написанной Шюцем рецензии, см.: *Böttiger*. Litt. Zustände. I, 123 и сл.; письмо Гердера к Якоби от 10 дек. 1798 г. (A, II, 318, прим.).

³ Касательно того, что следует далее, сравн. заключительный обзор Суфана (XIX, XX. С. 392 и сл.).

следователей Канта. Протектор академии Дальберг, быть может, желал заслужить для себя и для академии такие же похвалы, с какими Гердер отзывался о Галлере и о гёттингенцах. Он с восторгом читал «Письма о гуманизме»¹ и разделял воззрения их автора; поэтому он вознамерился положить конец тому «злу, которое было последствием легкомысленных, придиричливых и оскорбительных рецензий», и предохранить как писателей, так и читателей от поверхностных и пристрастных суждений критики; он надеялся достигнуть этой цели, если бы каждый рецензент подписывался под своими статьями. В программе на следующий год было заявлено об этом намерении обоими уполномоченными издателями²; оно было мотивировано самим Дальбергом и до такой степени соответствовало желаниям Гердера, что на его сотрудничество можно было с уверенностью рассчитывать. Дальберг, как кажется, горячо желал этого сотрудничества³. Если Гердер желал иметь еще какое-нибудь ручательство в благонамеренности новых издателей, то он мог быть вполне удовлетворен подробной Гебгардовой рецензией его статьи «Об Искупителе», потому что католический рецензент назвал эту статью самой лучшей и самой полной из всех, какие когда-либо были написаны об основателе христианства и о христианском учении⁴. Гердер не остался равнодушен к такой предупредительной любезности. Когда профессор Геррман прислал ему 12 февраля 1797 г. все вышедшие номера газеты и пригласил его в число сотрудников, то он изъявил свое согласие, а Каролина написала Г. Мюллеру, через четыре дня после того, письмо, в котором старалась расположить его в пользу новой газеты, потому что она имеет целью противодействовать «низким, пристрастным приговорам тайного судилища» и открывшейся в Йене «лавочке литературных сплетен»⁵. Гердер старался набирать приверженцев и сотрудников для новой газеты⁶. В номере от 8 мая 1797 г. он поместил свою первую

¹ Дальберг к Гердеру (С, III, 260 и сл. № 16, 17, 19).

² Ankündigung // Эрфуртская ученая газета. № 1, 2.

³ Это видно из того письма Геррманна к Гердеру, о котором будет идти речь немного далее.

⁴ Эта рецензия продолжалась в трех номерах газеты от 25 января до 6 февр. Впрочем, первая часть «Идей» и два первых сборника «Разбросанных листов» уже были разобраны в Эрфуртской ученой газете» в 1784 и 1786 гг.

⁵ Это письмо, написанное 16 февр. 1797 г., сохранилось в рукописи.

⁶ К Кнебелю 23 нояб. 1798 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 277); сравн. письмо Глейма к Гердеру 17 июня 1797 г. (С, I, 230); Жан-Поль к Каролине 9 янв. 1802 г. (А, I, 339); предпоследнее письмо Гердера к Гернингу (Blättern zur Erinnerung an die Enthüllung des Goethe-Monuments).

рецензию, в которой разбирал стихотворения г-жи Карш. Один из двух издателей прибавил к этой рецензии заметку, заключающую в себе лестные комплименты Гердеру. Тогда в Эрфурте все узнали, что их газета приобрела такого знаменитого сотрудника.

Рецензии писались в гуманном духе — в духе кротости и справедливости¹. Ведь даже Гёте, помещавший свои рецензии в новой, издававшейся в Йене, «Литературной газете», превратился из заносчивого критика в кроткого. А когда Гердер, рассматривая два новых исторических сочинения Шлёцера, называет их автора мастером исторической критики, разве это не похоже на то, что он старается загладить прегрешения своей молодости? И многие другие из написанных им рецензий кажутся нам отрывками из «Писем о гуманизме». В них также неоднократно заходит речь о совершившихся в политическом мире переворотах, в них также высказываются патриотические чувства, а на передний план выдвигаются те литературные стремления, которые имеют целью образование и благосостояние человечества. В предисловии к сочинению Майера «О культурной истории народов» Гердер с похвалой упоминал о том, что Шлёцер укрепил сознание немецкой национальности². Такими же патриотическими и гуманными размышлениями, какие составляли содержание его «Идей», он наполнял свои рецензии мюллеровских «Писем об изучении наук», Меркелева перевода сочинений Юма и статьи Руссо об общественном договоре, «Исследований» Песталоцци, речи Гегевича в воспоминание о Бернсторфе, Губерова рассказа о событиях его жизни. Все это писалось, по-видимому, не столько о вышедших сочинениях, сколько по поводу этих сочинений. Одобрение преобладало над порицанием, которое обнаруживалось большей частью лишь в предъявлении некоторых отрывочных требований. Рецензент не обращал внимания на упрек, что его критика слишком снисходительна³. Эта снисходительность была натуральным последствием личных отношений, в которые становился названный по имени рецензент к критикуемому писателю. Только один раз, в самом начале своей деятельности рецензента, Гердер отозвался неодобрительно об одном незначительном и поверхностном теологическом сочинении; он был вы-

¹ Эти рецензии напечатаны теперь вполне в SWS (XX, 269—339 и 345—381) вместе с непопавшими в газету двумя рецензиями «Биографии Бюргера» Альтофа и переводом дидактического стихотворения Армстронга «Die Kunst immer gesund zu sein».

² Это предисловие теперь напечатано в SWS. XX, 340 и сл.

³ К Кнебелю в ноябре, 1800 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 288).

нужден отвечать на возражения оскорбленного автора и вслед за тем совершенно отказался от разбора теологических сочинений, несмотря на то что его пригласили в сотрудники главным образом для разбора сочинений этого рода¹; он принял это решение тем охотнее, что в качестве протестанта не считал себя способным беспристрастно судить о произведениях католических писателей. Почти все остальные его рецензии похожи на дружеские послания к авторам. Таким добрым друзьям и соседям, какими были Клопшток и Кнебель, Мюллер и Меркель, Бёттигер и Эшенбург, Торильд и Гретер, он доказывал свое участие и свою признательность тем, что печатно извещал публику о выходе в свет их сочинений. Между этими рецензиями едва ли найдется хоть одна, написанная не из таких личных мотивов, на которые можно найти указания в переписке Гердера².

Но если эта гуманность отзывалась человеческими слабостями, то ее оборотная сторона отзывалась такими же слабостями еще сильнее. Наш критик так снисходителен, так склонен к похвалам, только для того чтобы ярче выказать свое одностороннее пристрастное отношение к современной литературе. Он призывает к своему трибуналу сочинения всякого рода — и поэтические, и исторические, и археологические, и теологические, и философские; но большая часть его рецензий касается изящной литературы. Если бы эти последние рецензии и не были подписаны именем их автора, в них можно бы было узнать автора тех литературных отрывков, которые помещены в восьмом сборнике «Писем о гуманизме» и автора «Метакритики» и «Каллигоны». Они только с виду мягки и снисходительны, а на самом деле они писались с полемической целью. Гердер, без сомнения, с искренним удовольствием возвещал о новом издании клопшток-ковских од и при этом восхвалял поэта за благозвучие его языка,

¹ Гебгард предлагал Гердеру в письме от 4 марта 1797 г. написать рецензию на целый ряд теологических сочинений.

² Так, печатное указание на «Denkmäler altdeutscher Dichter» Эшенбурга, оканчивающееся обещанием написать рецензию статьи того же автора о Шекспире, было вызвано письмом Эшенбурга от 8 мая 1799 г. В целом ряде писем, написанных между 1789 и 1794 гг., Гретер просил Гердера обратить внимание на его сочинения. За рецензию своих сочинений Песталоцци написал Гердеру два благодарственных письма — в 1797 и в 1803 гг. С такой же целью вступили в сношения с Гердером Козегартен и Мниох. К этому последнему Гердер питал горячее личное сочувствие в называл его «Клаудиусом в своем роде»; сравн. его письма к Глейму (С, I, 125), к Эйхгорну (С, II, 292) и к Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 282). Касательно Козегартена сравн. его письмо к Бёттигеру (*Боксбергер*. № 57. С. 42).

за богатство и благородство его идей. Но когда он попадал на такие поэтические произведения, которые были однородны с его собственными или заключали в себе нравственно-дидактический элемент, — как например, когда он разбирал «Blüthen aus Trümmern» Галема, «Worten der Lehre» Мниоха или «Рапсодии» Козегартена, — то он не пропускал случая высказать свое мнение о «новейшем поэтическом жаргоне». Имени Гёте он никогда не упоминал, а имя Шиллера упоминал лишь случайно. Всего охотнее он останавливал свое внимание на произведениях посредственных писателей, принадлежавших к догётевской эпохе, к эпохе Клопштока и Глейма. О музе г-жи Карш он говорит подробно и с похвалой, потому что она заставляет его мысленно переноситься «в патриархальные времена нашей поэзии, напоминая ему изящную безыскусственность Уца, Клейста и Глейма», а свой отзыв об эшенбургском издании поэтических произведений Гагедорна он оканчивает похвалой того «прекрасного времени, которое можно назвать юношеским возрастом немецкого изящного вкуса». В этих выражениях сочувствия к старой поэзии только слегка проглядывает недовольство Гердера новыми поэтическими произведениями; но он не может воздержаться от прямых нападков на новейшую философию. Он нападает прямо на нее, осыпая похвалами «Archimetria» Торильда; даже возвещая о выходе в свет новых исторических сочинений, он с язвительной колкостью упоминает о мудрости *a priori*, о «господствующем в его время аверроизме», а в Клопштоке он с радостью находит помощника в борьбе с «Критикой чистого разума». По поводу нового издания клопштоковских од он писал Мюллеру: «В двух небольших строфах касательно кантовской философии Клопшток сказал более того, что можно бы было сказать в целой книге в четвертую долю листа»; эти строфы он с удовольствием цитирует в своей рецензии клопштоковских од и благодарит их автора «за каждое слово о нелепых мудрствованиях философов».

Писание рецензий, очевидно, было для Гердера приятным занятием, не стоившим ему большого труда. Желая поощрить к такой же деятельности своего друга Кнебея, Гердер писал ему: «Как приятно после чтения какой-нибудь книги печатно объявлять свой приговор над ней». Это занятие пришлось ему до такой степени по вкусу, что он задумал отказаться от сотрудничества в эрфуртской газете, где его имя стояло наряду с разными литературными бездарностями, и самостоятельно выступить на арену во главе небольшой кучки избранных литературных критиков. Друзья уговаривали его приступить к изданию «Критических ли-

стков». Еще в 1800 г., когда лишенный изящного вкуса Мергель стал писать свои «Письма к горничной», Гердер писал Кнебелю: «Нам следовало бы предпринять издание критического листка, если бы нашелся еще хоть один сотрудник!» Однако Кнебель колебался, потому что в то время в Германии все умы были не тем заняты¹. Таким образом, мысль об издании своего собственного критического листка промелькнула бесследно; но в том же духе были другие замыслы, возникшие в то время в уме Гердера, и он наконец взялся за такое предприятие, которое заставило его отказаться от сочинения рецензий для эрфуртской газеты.

Но после двух полемических сочинений, написанных против Канта, он уже не предпринимал ни одной цельной и большой литературной работы. Перед теми двумя сочинениями были отодвинуты на задний план «Персепольские письма», над которыми он горячо работал весной 1798 г. при содействии Иоанна Мюллера и которые уже были близки к концу². После окончания «Каллигоны» он снова стал помышлять о своих *Persica*, но с пророческим вздохом писал об этом Эйхгорну, уже за несколько лет перед тем сообщившему ему исследования де Саси и Тихсена: «Я опасюсь, что вследствие разных проволочек и перерывов у меня пропадет охота заниматься этим сюжетом, точно так же как она пропала к продолжению многих других сочинений»³. «Персепольские письма» остались недоконченными и в этом виде были лишь после смерти автора помещены Иоанном Мюллером в первом томе историко-философских сочинений Гердера⁴. Читая их, чувствуешь уважение к их автору, смешанное с сожалением. В них видно, как автор напрягал все свои еще свежие

¹ К Кнебелю в нояб. 1800 г. (Knebel's Litt. Nachl. II, 289) и ответ Кнебеля (С, III, 177, № 134); Каролина к Бёттигеру (*Линдеман*. С. 105. № 1); Глейм к Каролине 4 июля 1798 г. (С, I, 245) по поводу рецензии мюллеровского сочинения: «Было бы желательно, чтобы он не разбрасывал свои крупинки золота, а собрал бы их в золотой сосуд. Ведь он намеревался же писать критические листки».

² К Эйхгорну 29 апр. 1798 г. (С, II, 311); к Г. Мюллеру 4 нояб. 1798 г.; к Иоанну Мюллеру 14 мая и 13 авг. 1792 г. (С, II, 339); Иоанн Мюллер к Гердеру 23 июня, 25 июля и 6 авг. 1798 г. (Соч. И. Мюллера. XVII, 71 и сл., 96); Адрас-тея. VI, I, 74.

³ К Эйхгорну 11 июня 1800 г. (С, II, 315); касательно того, что предшествовало изданию «Персепольских писем», см. письма к Эйхгорну от 8 окт. 1787 г. и весной 1788 г. (С, II, 296, 297); к Глейму 1 мая 1793 г. (С, I, 158); Эйхгорн к Гердеру 8 авг. 1793 г.; Гердер к Эйхгорну 31 янв. 1794 г. (С, II, 304, 306); предисловие (от 12 апр. 1798 г.) ко 2-му изд. третьего сборника «Разбросанных листков». С. XVII.

⁴ С предисловием Иоанна Мюллера и с его же дополнительной статьей.

умственные способности для разрешения таких задач, которые были ему не по силам, как его гений вступал в соревнование с чужой ученостью, как он старался не отставать от забежавших вперед исследователей и по возможности перегонять их окольными путями. Эти письма адресованы частью к друзьям, помогавшим ему в работе, частью к тем ученым, которые сообщали ему свои открытия или свои мнения и с которыми он обменивался вопросами и возражениями. Только в конце писем излагаются история и содержание древнеперсидских религиозных представлений, а в их первых частях автор излагает свое прежнее объяснение персепольских развалин, пользуясь чужими указаниями и изменяя их только в том отношении, что уже не Дшемшид, а Дарий является строителем дворца; он говорит, что Дарий был позабыт, а баснословный рассказ о Дшемшиде мало-помалу возник при виде развалин и художественных произведений Персеполя. В особенности в тех главах, которые посвящены «Зенд-Авесте» — «этому древнему закону Дшемшида», этому «литургическому календарю» очень много гипотез, слишком смелых догадок и не выдерживающих никакой критики суждений. Тем не менее здесь встречается немало очень остроумных замечаний. Между прочим, очень метки рассуждения об идеале персидского строительного искусства в его связи с архитектурой египетской и греческой и неоднократные указания на связь символики Эзекиила и Даниила с персидской; но едва ли не всего интереснее письмо, которое адресовано к Генриху Мейеру и служит как бы комментарием на его слова, что художественные произведения говорят сами за себя; в этом письме Гердер излагает некоторые основные правила художественной символики и находит возможность перейти от найденных в развалинах Персеполя изображений животных к произведениям Рафаэля. Но если мы вспомним, в какое время писались «Персепольские письма», то нас нисколько не удивит тот факт, что автор находит возможность перейти от Зороастра к трансцендентальной философии и к насмешкам над новым царством Ормузда, блеск которого отражается на «университетских кафедрах, на литературных газетах и на философских сектах».

Судьба третьей части сочинения о еврейской поэзии была еще более печальна, чем судьба «Персепольских писем». В одном из своих писем к Эйхгорну Гердер говорил: «Пожелайте, чтобы у меня достало охоты и свободного времени для окончания этого сочинения!» Он надеялся окончить эту работу к Рождеству 1800 г. или к следующей Пасхе, после того как окончательно све-

дет свои счета с Кантом¹. Но разве писатель, постоянно раздражавшийся всем, что его окружало и что совершалось в политическом мире, мог сосредоточить свое внимание на таком сюжете? Окруженный врагами или только мнимыми врагами и чувствовавший себя в Веймаре — как он сам писал Кнебелю² — чужеземцем, Гердер старался удержаться на своем месте посредством борьбы с противниками, старался противодействовать духу своего времени и постоянно возвышать свой голос, хотя бы его и не слушали. Необходимость заставляла его отказаться от сосредоточенной ученой деятельности и взяться за журналистику. Ведь Шиллер достиг высокого положения в литературе благодаря тому, что издавал журнал, а благодаря изданию другого журнала романтические последователи Гёте образовали из себя влиятельную партию. Почему бы и Гердеру не попытаться стать во главе противоположной партии? Чтобы руководить мнениями своих современников, чтобы приобретать влияние и приверженцев, разве он мог найти лучшее средство, чем основание журнала, который стал бы соперничать с «Гóрами» и с «Атенеум»?

На эту мысль его уже ранее наводили «Письма о гуманизме», а серьезное намерение распространять гуманные идеи через посредство журнальных статей в первый раз зародилось в его уме немедленно после окончания тех писем. Такое предприятие, по-видимому, могло быть выгодным и для книгопродавцов, и для самого Гердера. Каролина писала 8 мая 1797 г. издателю «Писем о гуманизме», что ее муж намеревается издавать с будущего года журнал, «содержание которого будет интересно для всякого немца». Однако это дело не могло устроиться так скоро, как надеялась Каролина. До Пасхи 1798 г. Гердер был занят «Христианскими сочинениями», а вслед за тем он сосредоточил все свои силы для продолжения борьбы с Кантом. Впрочем, Гарткнох горячо заинтересовался этим делом; он полагал, что журнал, в котором помещались бы статьи, написанные друзьями Гердера и под его руководством, заключал бы в себе все гарантии успеха. Этим замыслом интересовались и друзья Гердера. Кнебель вел об этом переписку с веймарским Эйнзиделем. Кроме самого Гердера, Кнебеля и братьев Эйнзидель к числу сотрудников должны были принадлежать Жан-Поль, Мейер, Бёттигер и химик Шерер³. Жан-Поль также когда-то замыслил издание

¹ К Г. Мюллеру 8 авг. 1800 г. (*Гельцер*. С. 291).

² В июне 1800 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 310).

³ Эйнзидель к Кнебелю 18 янв. 1799 г. (Knebels Litt. Nachl. I, 245).

ежемесячного журнала, в котором предполагал вести борьбу с идеями Канта и к участию в котором намеревался привлечь Гердера и Якоби¹; а с тех пор как он переселился в Веймар и примкнул к кружку самых искренних приверженцев Гердера, он, по-видимому, также не мог отказаться от сотрудничества в «Авроре» — таково было название, придуманное для нового журнала на том основании, что он должен был появиться на свет вместе с началом нового столетия, т. е. с 1800 г. С весны 1799 г., т. е. после окончания «Метакритики», все мысли Гердера сосредоточились на этом проекте, о котором он поспешил известить живших вдалеке от Веймара друзей². Заглавие журнала было выражением самых блестящих надежд; с таким же душевным настроением Гердер написал 20 мая объявление от имени «Издателей журнала „Аврора“» и статью «Aurore, die Erscheinung am neuen Jahrhundert», которую, без сомнения, предназначал для первого номера журнала³. В программе говорилось, что на рубеже двух столетий «Аврора» будет вестницей надежды, что она «объяснит, на каком пункте мы остановились, к чему мы стремимся, какие препятствия, какие иллюзии или истины мы встречаем на пути, и при этом будет поощрять нас только к тому, что благородно и честно». Чтобы достигнуть этой цели, она не будет пренебрегать никакими «приятными и полезными сюжетами» и никакими привлекательными формами изложения; она не будет допускать только статей политического содержания (такого же правила придерживался и издатель журнала «Норен»). Она будет давать читателям стихотворения всякого рода, большие и мелкие статьи исторического и философского содержания, также будет извещать о выходе новых книг и делать оценку новых сочинений. Она будет жить в дружбе со всеми Музами, будет обзирать всю сферу языкознания и искусств и, наконец, не будет терять из виду и успехов в научной сфере. Эта программа, по-видимому, имела универсальный характер и вообще обнаруживала положительные тенденции. Подобно тому как утренняя заря раз-

¹ Жан-Поль к Якоби 13 окт. 1798 г. (Избр. переписка Якоби. II, 256 и сл.); сравн. письмо Жан-Поля к Ёртелю от 6 апр. 1799 г. (*Фёрстер*. I, 374; *Spazier*. IV, 106).

² Кроме переписки, которую вел Гердер с Кнебелем 15 марта, 6 мая, 3 июня (Knebels Litt. Nachl. II, 352, 280, 281), и ответа Кнебеля от 23 мая 1799 г. (С, III, 145) также письма Кнебеля к Бёттигеру от 15 июня (*Böttiger*. Litt. Zustände II, 220), см. письма: Гердера к Глейму 5 апр. (С, I, 225), к Эйхгорну 9 авг. (С, II, 314), Каролины к Г. Мюллеру 29 апр. (*Гельцер*. С. 286).

³ SW в отделе литер. XVIII, 258 и сл., 244 и сл.; сравн.: Воспоминания. III, 164; Адрастея. VI, 2, 285 и сл.

гоняет ночной мрак, и «Аврора» влагает (в упомянутой выше первой статье, написанной в разговорной форме) в душу смертных утешение, мужество и надежду. Она точно будто служит для самого Гердера утешительницей в его огорчениях и опасениях, подобно тому как в своих письмах к Глейму или к Мюллеру он нередко утешал сам себя словами *speremus et agamus*. Содержание трех диалогов, предназначенных для первого номера журнала, находится в связи с современными событиями. Здесь автор упоминает об ужасах, которые были последствием Французской революции, не исполнившей поданных ею светлых надежд, об извращении революционерами смысла самых благородных слов, об ожесточенной борьбе, которая велась на почве религии и политики. Но на все это богиня утренней зари отвечает выражением такой же юношеской оптимистической веры в будущее, которая не покидала в светлые минуты и приближавшегося к старости Гердера, которая высказывалась более или менее ясно и в «Идеях», и в «Письмах о гуманизме», и в «Христианских сочинениях». Автор говорит: «Колесо, повернувшееся вниз, снова поворачивается вверх»; «поток, натолкнувшийся на преграду, снова течет далее»; несмотря на все споры о религии, «внутреннее святилище всякой благородной человеческой души не может быть разрушено». Наконец, автор полагает, что происшедшие в соседней Франции смуты вызваны полезным брожением умов. Пусть только немцы, говорит он, не изменяют самим себе, пусть они учатся на французах, а не у французов, потому что эти соседи «расшевелили в немцах много сил, находившихся в усыплении, и высказали такие смелые идеи, которые не скоро могут заглухнуть». Употребляемые во зло слова «свобода и равенство» выражают такие идеи, без которых нельзя обойтись, а уничтожение сословных различий должно служить для всякого нравственной задачей. «Не следует пассивно примыкать к своему сословию, а следует действовать»; «кто смотрит на свою принадлежность к известному сословию как на должность, тот унижает это сословие».

Гердер иногда обращался к самым близким из своих друзей за советами касательно программы нового журнала. В число сотрудников он привлек и обоих Мюллеров. Осенью публика ожидала скорого появления нового журнала; Клопшток прислал несколько эпиграмм, а Август Эйнзидель еще в декабре высказал свое мнение о плане издания; он полагал, что новый оборот, который приняли дела во Франции, и возведение Бонапарта в звание первого консула возвещали наступление новой эпохи, нача-

ло которой могло служить более основательным мотивом для издания нового журнала, чем начало столетия¹. Между тем Гердер был так занят новым изданием своей статьи о Спинозе и «Каллигоной», что не имел времени думать об «Авроре». В октябре он решился на время отложить исполнение задуманного предприятия. Ведь новое столетие начиналось в сущности 1801 г. «Моя „Аврора“, — писал он Глейму, — будет выходить только с 1801 г.; иначе она появилась бы годом ранее, чем следует; это было бы не согласно ни с указаниями хронологического календаря, ни с указаниями политического»; точно то же писал он 5 декабря и Клопштоку². Каролина очень заботилась о том, чтобы задуманное предприятие не было совершенно отложено в сторону; она неоднократно обращалась к Кнебелю с просьбой приберегать его силы для этого дела и не растрачивать их на другие цели; она втихомолку собирала материалы для «Авроры»; и Гарткнох постоянно настаивал на том, чтобы Гердер исполнил данные обещания. Однако чем внимательнее вникал Гердер в это дело, тем более его пугала мысль о тяжелой ответственности редактора, обязанного помещать неприятные ему статьи и руководствоваться разными посторонними соображениями. Он не был создан для коллегиальной деятельности ни в служебной сфере, ни в литературной. Он сначала предполагал запастись лишь небольшим числом сотрудников; а теперь он пришел к убеждению, что, несмотря на свое единомыслие с Жан-Полем, он не мог помещать свои статьи рядом с произведениями этого писателя. А когда к нему стали приходиться с разных сторон предложения услуг, когда ему стали предлагать свое сотрудничество даже женщины — как например г-жа Вольцоген и Амалия Имгоф, — то на него нашел страх³. Он один раздавал роли в том воображаемом союзе гуманных людей, о котором вел речь в своих «Письмах о гуманизме»; но не так было легко организовать такой союз на деле и выступить на сцену во главе особой литературной партии. Поэтому он сначала попытался дать своему проекту более узкие рамки. Он задумал организовать такой союз, который будет «мирным и священным и никогда не изменит своего характера». Наконец, вследствие настояний Гарткноха, он решается издавать такой

¹ Кёрнер к Шиллеру 27 окт. 1799 г.; Клопшток к Гердеру 13 нояб. (*Ланпенберг*. С. 418); ответ Эйзиделя Гердеру (С, II, 406); сравн. письмо Гердера к Жан-Полю (А, I, 304).

² С, I, 261; *Ланпенберг*. С. 422; Кнебель к Гёте 28 окт. 1799 г.

³ Каролина к Кнебелю 11 июня 1800 г. (*Knebels Litt. Nachl.* II, 332); Воспоминания. III, 113 и сл. (и в рукописном экземпляре).

журнал, в котором будет помещать только свои собственные статьи, и лишь случайно будет допускать сотрудничество тех писателей, направление которых сходится с его собственным и которые не будут налагать на него никаких стеснений. Только для самых интимных друзей, для Кнебеля и для Георга Мюллера, он отводил на время приезда небольшую комнатку в том доме, в котором хотел быть единственным постоянным жильцом и хозяином.

Вместе с этими внешними переменами первоначального плана Гердер задумал и перемены касательно содержания. Ввиду разнообразных требований той публики, которая читает журналы, он оставил почти без всяких перемен свое прежнее намерение наполнять «Аврору» разнообразным содержанием. Но ему хотелось обойтись без всяких сотрудников; а кто же, как не Гердер, обладавший такими обширными познаниями и так искусно владевший пером, был бы в состоянии заменить целую кучку литераторов? Но направление журнала подверглось существенно изменению. Веселая «Аврора», блестящая лучами радости и надежды, превратилась в серьезную, постановляющую приговоры «Адрастею». В этом заглавии ясно сказывались и серьезная цель автора, и его возвышенная точка зрения. Он когда-то намеревался написать под этим заглавием особое сочинение, в котором провел бы ту мысль, что закон меры господствует как в человеческой жизни, так и в природе. Эту мысль он теперь вознамерился развить в форме журнальных статей. Поэтому он посвятил свой журнал «двум Адрастиям правды и справедливости» и украсил их изображениями заглавный лист. Он предполагал во всем придерживаться закона меры и объяснить его влияние в особенности на истории только что истекшего столетия. Он говорил, что прошлое должно служить источником поучений, а касательно будущего следует полагаться на неизменную стройность всемирного порядка. Таков был его привет утренней заре нового столетия¹.

Но при том положении, которое Гердер занял по отношению к умственным стремлениям своего времени, он не был в состоянии беспристрастно исполнять обязанности такого верховного судьи над литературой. Это положение, к сожалению, отражалось на его личных отношениях к окружающей среде, а эти отношения со своей стороны укрепляли в нем решимость отстаивать его убеждения. То общество, в среде которого он вращался,

¹ Введение к «Адрастее» (I, 1, с. I—VI).

подчинялось влиянию Гёте, а это влияние обнаруживалось в легкомыслии и в образе жизни веймарского двора. С тех пор как он стал высказывать свои политические убеждения, он стал утрачивать свое влияние высшей духовной особы, несмотря на то что не был лишен способности царедворцев подделываться под чужие вкусы. С тех пор как прекратилась его дружеская связь с Гёте, стали ослабевать не только те узы, которые привязывали его к герцогу, но и те, которые привязывали его к герцогине; лишь по случаю конфирмации герцогских детей он на время снова сблизился с их родителями. Только его дружественные отношения к вдовствующей герцогине оставались неизменными¹. Вообще и он, и его жена (как она сама писала в марте 1801 г.) уже давно отказались от посещения двора и кружков знати, потому что всегда возвращались оттуда с чувством оскорбленного достоинства. Гердер называл Веймар «пустыней, населенной привидениями», а Каролина прибавляла к этим жалобам мужа, что то были «злые звери, еще более страшные, чем привидения». Гердер выражал отзывавшееся скорбью удовольствие по поводу того, что его дети были принуждены искать для себя отечества вне Веймара. Когда г-жа Ларош приезжала летом 1799 г. повидаться со своим старым поклонником Виландом, Гердер говорил, что эта дама еще так молода, что считает всех людей хорошими. А отзывы Каролины о веймарском обществе становились все более резкими и язвительными. То было чем-то вроде окончательного вывода из всех прежних жалоб и откровенных признаний, когда Каролина так кончала в январе 1801 г. одно из своих писем к Кнебелю: «Кто любит уединяться, тот скоро останется в совершенном одиночестве! Так случилось и с нами. Мы мало-помалу незаметным образом так от всех отделились, что, как мне кажется, порвалась и последняя нить, и мы сами не знаем, как, когда и где это случилось»².

В этих жалобах приятно звучит только слово «мы», которое Каролина постоянно употребляет, говоря об изолированном положении своего семейства. Это семейство всегда служило для Гердера тем приятным убежищем, в котором он находил и лю-

¹ Касательно 1802 г. сравн. письмо Каролины к Кнебелю (*Zur deutschen Litteratur*. II, 34 и 37).

² 26 марта 1801 г. (у Гельцера, с. 297, с неверным указанием числа); 1 марта 1799 г. (Там же. С. 283); Гердер 29 нояб. 1799 г. к Г. Мюллеру; Каролина к Глейму 11 окт. 1799 г. (С, I, 259) и сам Гердер (Там же, 260); Каролина к Кнебелю 22 янв. 1801 г. (*Zur deutschen Litt.* II, 2); здесь следует обратить внимание на сомнительное выражение касательно г-жи Кальб.

бовь, и неизменную преданность. О глубокой взаимной привязанности двух супругов мы уже говорили в начале этой биографии, а теперь нам придется еще чаще говорить о ней. С той горячей любовью, к которой способны только женщины, и с тем ослеплением, которое простительно также только женщинам, Каролина лелеяла своего мужа и тогда, когда он был к ней ласков, и тогда, когда он был в дурном расположении духа; вместе с тем она с редко встречающимся у женщин умом умела усваивать его идеи, его замыслы и интересы. Глейм основательно заметил, что без Каролины Гердер не был бы таким человеком, каким мы его знаем. Она была сотрудницей в его литературных предприятиях, она прежде всех читала его произведения, она служила для него корректором и секретарем. Она принимала участие в его восторженных увлечениях и двойное участие в его душевных волнениях и огорчениях. И в любви, и в ненависти она безусловно разделяла его чувства, а для себя одной оставляла только то, что было самого тяжелого в материальной нужде. Она состарилась вместе с мужем. После рождения ее младшего ребенка ее здоровье сильно пошатнулось, и ей становилось с каждым годом более тяжелой обязанность удовлетворять постоянно возраставшие требования домашнего хозяйства, ходить за больными, бороться с нуждой и заботиться о воспитании детей. Но все это не мешало ей быть для Гердера таким другом, с которым не мог бы соперничать ни один из других его друзей. Как была им обоим приятна их домашняя жизнь, в особенности с тех пор как их старший сын, доктор Готфрид, уже окончивший свое медицинское образование, возвратился в Веймар с целью начать свою докторскую практику! Он привез с собой молодую жену и с Троицына дня 1797 г. поселился в отцовском доме, где для него был отведен третий этаж. Дети обедали за одним столом с родителями, а благодаря молодой невестке не было недостатка и в музыке, которая всегда была для Гердера любимым развлечением¹. Все остальные птенцы — даже младший из сыновей Ринальдо и лишь недолго воспитывавшаяся в учебном заведении в Готе Луиза — мало-помалу покинули материнское гнездо. И предпоследний сын, Эмиль, вышел в 1800 г. из гимназии, для того чтобы заняться лесоводством. Но велика была радость родителей, когда

¹ Каролина к Мюллеру 26 июня 1797 г. (*Гельцер*. С. 261 и сл.); 9 июня к Глейму (С, I, 229). Не лишние интереса подробности можно найти в главе «Herder, seine Gattin und sein Haus» в книге Меркеля «Darstellungen und Charakteristiken aus meinem Leben» (Лейпциг, 1840. II, 167 и сл.).

все дети снова съезжались в отцовский дом, — как это случилось осенью 1799 г.¹

Впрочем, у этого мирного семейства не было недостатка и в искренних друзьях. Жан-Поль не изменил своей дружеской привязанности к Гердеру и после того, как нашел для себя в Берлине подругу жизни. По случаю своего переезда на жительство в Мейнинген он провел в 1801 г. две недели в Веймаре. Из Мейнингена он снова приезжал в Веймар летом 1802 г.; он часто переписывался с Гердером, принимал живое участие в его литературных предприятиях, а в то время как был занят своим «Титаном», письменно продолжал с другом беседы, которые прежде велись за обеденным столом².

Литературные и дружеские сношения с Виландом также не прекращались, хотя зависть к влиянию Гёте на Виланда иногда и заставляла Гердера относиться к его старому другу с некоторой холодностью. Автор «Оберона» иногда останавливался в доме Гердера, который со своей стороны иногда посещал своего друга в Османштедте. Прогуливаясь по липовой аллее Османштедта, Гердер обсуждал с Виландом план издания «Авроры», а о первых листах «Адрастеи» Виланд отозвался с таким же сочувствием, с каким отзывался о «Метакритике» и о «Каллигоне». Гердер со своей стороны хвалил его перевод произведений Иона и его «Аристиппа». Узнав о смерти Гердера, Виланд писал г-же Ларош, что усопший писатель был его «лучшим», даже в некотором отношении единственным другом в Веймаре³.

И для самого Гердера, и для Каролины был еще более дорог, чем Жан-Поль и Виланд, тот странный человек, который стал точно в такое же положение к Гёте и к веймарскому двору, в каком находился Гердер. Кнебель лучше всякого друга понимал неловкое положение своего друга в среде придворного общества, к которому он сам так долго принадлежал, но от которого стал отдаляться, лишь только познакомился со всеми его недостатками. С ним мог равняться только Гёте в умении ясно распознавать

¹ Я считаю излишним приводить выдержки из писем, в которых идет речь о детях Гердера. «Hodegetischen Abendvorträge» напечатаны в С, III, 317 и сл.

² См. письма Жан-Поля и его жены (А, I, 312 и сл.) и письма, помещенные у Фёрстера (III, 74 и сл.).

³ Виланд к Гердеру 24 марта 1801 г.; Каролина к Бёттигеру (*Линдеман*. № 97); к Кнебелю 22 апр. 1801 г. и 4 февр. 1803 г. (*Knebels Litt. Nachl.* II, 338, 341; 15 апр. 1801 к Кнебелю (*Zur deutschen Litt.* II, 7); 18 марта 1802 г. (Там же, 25). Виланд о гердеровской «Адрастее» (*Меркурий*. 1801, апрель. С. 312 и сл.). Грубер в биографии Виланда. IV, 363, 318, 334.

поэтические и историко-философические стремления Гердера, но он не отставал от Гердера даже на том пути, по которому Гёте не мог далее идти, — он сочувствовал и экскурсиям Гердера в область политики, и его нападка на новейший поэтический и философский идеализм. В «Письмах о гуманизме» Гердер несколько раз цитировал слова Кнебеля, а в седьмой части этих писем намеревался уделить мнениям Кнебеля еще более широкое место. Единомыслие двух писателей было до такой степени всем известно, что Шиллер считал их совокупной работой ту кнебелевскую статью о политеизме (появившуюся в «Меркурии» в мае 1788 г.), которая была написана по поводу шиллеровской элегии «Боги Греции»¹. Именно в 1788 г. Кнебель так увлекся содержанием «Идей» и статьи «Бог», что сам написал несколько философских статей, в которых излагал вычитанные из тех сочинений идеи в новом освещении. Гердеру доставляли большое удовольствие эти рукописные заметки его «дорогого лесного философа». Они имели в его глазах одинаковую цену с идеями его друга Эйнзиделя; и с тех, и с других он потребовал копии в свою неотъемлемую собственность. Так как он находил там свои собственные идеи, изложенные с некоторыми добавлениями и в более систематическом порядке, то это помогало ему уяснять для самого себя конечную цель своих литературных произведений. Он приходил к убеждению, что можно соорудить еще более глубокий фундамент для его учения о предназначении человечества постоянно подвигаться вперед по пути к гуманизму; в этой надежде он охотно позволял придавать его идеям более резкий отпечаток натурализма и ставить их в более резкое противоречие с религиозными верованиями. Отправляясь в Италию, он взял с собой последние листки кнебелевских заметок, а по возвращении в Германию приглашал жившего в то время в Аншпахе Кнебеля писать новые статьи в том же направлении. Он неоднократно настаивал на помещении этих статей в «Götterboten», для того чтобы и другие могли наслаждаться такими *Delicatessen*. Он говорил, что статьи, написанные «с такой ясностью взгляда, с такой добродушной гуманностью» — как например заметки «О способностях человеческой интеллигенции», — могли бы служить украшением для «Писем о гуманизме». Он обещал познакомить с ними читателей в конце шестого сборника «Писем». Он действительно приготовил для печати кнебелевского «Аристубула», прибавив к нему некоторые дополнительные замечания, — но,

¹ К Кёрнеру 7 мая 1788 г.

неизвестно по какой причине, не исполнил данного обещания¹. Более успешны были его старания познакомить публику с переводами Кнебеля и с его стихотворениями. Он помогал своему другу советами при переводе элегий Проперция и в эрфуртской газете похвалил этот перевод. Еще более непосредственное участие принимал он в кнебелевском переводе произведений Лукреция и поместил в «Адрастее» длинный отрывок из переведенных стихотворений². Сам Кнебель признавался, что на почве философии «работал чужими руками», а в своей деятельности переводчика был всем обязан своему другу. «Все, что мне удалось написать хорошего, — писал он Гердеру, — было большей частью отпрысками того, что вышло из-под Вашего пера»³. Поэтому он всего охотнее отдавал плод своих литературных трудов в распоряжение издателя «Адрастеи» и гордился тем, что в этом журнале уделялся для его произведений хоть маленький уголок; со своей стороны и Гердер искал этого сотрудничества. Он советовал Кнебелю переводить произведения Гезиода и неоднократно уговаривал его попытаться превзойти Лукреция и сделаться «певцом откровений природы»⁴. Таким образом между ними установился прочный союз. Подобно тем поэтам, которые помещали свои стихотворения в «Ксениях», они шли одной и той же дорогой, а «Адрастея» сделалась публичным памятником их взаимной сердечной привязанности и единомыслия⁵.

Как была тесна эта дружеская связь и из каких разнообразных и нежных нитей она состояла, ясно видно из объемистой переписки Кнебеля с Гердером, постоянно служившей источником сведений для нашей биографии. Письма Кнебеля стали все чаще и чаще приходить в Веймар, с тех пор как он побывал в 1797 г. на своей родине и вслед за тем поселился на постоянное жительство в Ильменау. Это переселение совпало с его запоздалым вступле-

¹ См. заключительную статью Суфана: SWS. XVIII, 575 и сл. и прибавление к тому XVIII, 340 и сл. В первом из этих мест см. также выдержки из переписки Гердера с Кнебелем, к которым можно присовокупить слова Кнебеля касательно его философских статей (С, III, 72 и в особенности 76 и сл.).

² Адрастея. V, I, 106 и сл. — На переговоры касательно перевода сочинений Проперция и Лукреция есть много указаний в переписке Гердера с Кнебелем, но мы не считаем нужным перечислять их.

³ К Гердеру (С, III, 37, 127).

⁴ К Кнебелю 6 мая 1799 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 279) и 3 июня (Там же, 281).

⁵ Кнебелевские статьи — кроме упомянутого в тексте отрывка из Лукреция — помещены в «Адрастее» в следующих местах: I, 1, с. 1; II, I, с. 63 и сл.; III, 1, с. 3 и сл. и с. 193 и сл.; III, 2, с. 284 и сл.; V, 2, с. 254 и сл.; VI, 2, с. 307 и сл.

нием в брак с певицей Луизой Рудорф, с которой он познакомился в Веймаре. Он сделал этот смелый шаг с одобрения Гердера, который играл роль посредника при возникших из этого неравного брака затруднениях. Когда Гердер и Каролина посещали Кнебеля в Ильменау осенью 1799 и в мае 1800 г., они были для этого друга добрыми гениями, вносящими в его домашнюю жизнь мир и рассудительность; Кнебель также посещал Гердера или со своим маленьким семейством, или один и останавливался в его квартире летом 1801, 1802 и 1803 гг., для того чтобы пользоваться в семействе друга самыми «чистыми» наслаждениями¹. К Каролине он питал такое же глубокое уважение, как и к ее мужу, а к Августу Гердеру он относился с любовью и с заботливостью родного отца. «В течение двадцати одного года, — писала ему Каролина 15 февраля 1799 г., — жили мы вместе на одной почве и в одной атмосфере, обменивались в течение последних десяти лет одинаковыми чувствами, поддерживали нашу умственную бодрость в мелкой борьбе и всегда сходились в наших убеждениях». Эта взаимная привязанность еще ярче обнаруживалась в годы разлуки, чем во время личных свиданий. Хотя в характере самого Кнебеля добродушие соединялось со склонностью к вспыльчивости, он лучше всякого другого умел выносить те мгновенные «вспышки» Гердера, которые Гёте объяснял его духом противоречия, Жан-Поль назвал «странными выходками», а Лафатер — «бодливостью»². В письмах, еженедельно отправлявшихся из Веймара в Ильменау и из Ильменау в Веймар, два друга между прочим сообщали один другому о том, чем был занят их ум. Самые глубокомысленные идеи, конечно, высказывались Гердером, но и для него имели очень высокую цену не только поэтические произведения Кнебеля, а также письменно изложенные Кнебелем суждения о литературе. Именно в частных письмах Кнебель умел излагать свои идеи гораздо удачнее, чем перед публикой, внушавшей ему отчасти страх, отчасти презрение. Действительно, кнебелевские письма имели такое же благотворное влияние на Гердера, какое производили на него в молодости нравоучительные послания Гамана. По словам Каролины, они действовали на него подобно электрической искре; от них быстрее возникали в его уме новые идеи. Но главной причиной

¹ Касательно их взаимных посещений см.: С, III, 148, № III; Там же, 160; Knebels Litt. Nachl. II, 334; С, III, 197; А, I, 328; Knebels Litt. Nachl. II, 379; С, III, 235, № 190.

² Сравн. письмо Кнебеля к Бёттигеру от 26 марта 1804 г. (Knebels Litt. Nachl. III, 58 и сл.).

единомыслия было то, что страстность и раздражительность обоих друзей приняла одинаковое направление, сосредоточившись на оппозиции тем стремлениям, которые господствовали в то время в обществе и в литературе. В своей уединенной жизни среди лесов и гор Кнебель на все смотрел глазами ипохондрика: он был недоволен и образом действий своего государя, и придворной жизнью, и Веймаром, и кантовской философией, и пошлостями Шиллера и легкомысленными выходками новой романтической школы. Напротив того, Гердер был в его глазах «твердой опорой немецкой литературы»; он уверял своего друга в благотворном влиянии его сочинений, убеждал его «находить наслаждение в самом себе» и сознавать свою собственную цену. Поэтому его письма были отголоском тех жалоб, которые доходили до него из Веймара преимущественно через посредство Каролины. Приятно видеть, как он старался внушать бодрость впадавшему в уныние Гердеру, но нельзя не пожалеть о том, что он своими письмами втягивал своего друга в упорную оппозицию.

Между посетителями гердеровского дома был один, несколько не потакавший этой склонности Гердера к оппозиции. Если бы мог найтись человек, способный снова сблизить старых друзей Гердера и Гёте, то таким человеком мог быть только прямодушный швейцарец Генрих Мейер; в качестве художника и писателя по истории искусства он мог держаться беспристрастного нейтралитета между литературными партиями и потому в течение долгого времени принадлежал к числу интимных друзей и Гердера, и Гёте. Очень высоко ценивший его личные достоинства Гердер познакомился с ним в Неаполе, пользовался в Риме его советами и указаниями при осмотре художественных произведений и еще теснее сошелся в нем в Веймаре в начале 90-х годов. В одном из своих писем из Италии к Гердеру и к его жене Мейер называл их «милыми людьми»; с искренней признательностью вспоминал он о тех вечерах, которые проводил в семействе Гердера, о тех приятных и поучительных беседах, которые вел тогда со своим другом, и был очень польщен тем, что в «Разбросанных листках» были напечатаны стихотворения, написанные Гердером под впечатлением двух его картин¹. После своего возвращения из Италии в конце 90-х годов он был постоянным членом кружка, собиравшегося по воскресеньям у Гердера за

¹ У меня находятся десять писем Мейера, написанных в 1789 и в 1794—1797 гг.; стихотворения Гердера напечатаны в «Разбросанных листках» (VI, 59—62).

чайным столом¹, и как бы в память серьезных разговоров, которые велись тогда об искусстве и об истории искусств, Гердер поместил в числе своих «Персепольских писем» одно письмо «к профессору Мейеру в Веймаре». После появления первых номеров «Пропилеев», издававшихся при участии Мейера, в Каролине пробудилась даже ее старая способность приходить в восторг от произведений Гёте. По этому поводу она писала 2 февраля 1799 г. Кнебелю: «Мейер служит для нас попутной звездой, которая никогда не покидает нас». В конце того же года Мейер обращался к Гердеру от имени Шиллера с просьбой доставлять статьи для «Альманаха муз» и нисколько не обиделся тем, что Гердер позволил себе слегка подшутить над ним². Но, к сожалению, и эта дружба оказалась непрочной! Действительно ли «Каллигона» была причиной того, что Мейер стал относиться к Гердеру с непривычной холодностью? Нам положительно известно только то, что осенью 1800 г. Каролина жаловалась на редкость его посещений. Уже весной следующего года эти жалобы сделались более громкими, и о Мейере говорилось как о «бывшем» друге; впоследствии Каролина положительно утверждала, что Гёте «отклонил Мейера от дружбы с ее мужем»³.

В сравнении с такими разочарованиями не имел большого значения тот факт, что в начале нового столетия Гердер приобрел приверженца в виде одного молодого мечтателя, по имени Риттер, до того времени принадлежавшего в Йене к кружку последователей нового романтизма. Но рассказ Риттера о том, как он познакомился с Гердером, с какой отеческой заботливостью относился к нему знаменитый писатель и как много новых идей зародилось с того времени в его уме⁴, служит для нас ценным доказательством того, что даже состарившийся Гердер вовсе не утратил той способности подчинять своему влиянию восприимчивые умы, которую он испробовал в своей молодости над Гёте и Клаудиусом, над Юнгом Штиллингом и Георгом Мюллером. Вероятно, и сам Гердер покачивал головой, когда этот сбившийся с толку энтузиаст, очень не понравившийся ему своими фантасти-

1 Knebels Litt. Nachl. II, 276 (23 нояб. 1798 г.); Воспоминания. III, 197.

2 Мейер к Гёте 20 сент. 1799 г. (*Ульрих*. Briefe an Schiller. С. 330).

3 Каролина 10 сент. 1800 г. к Кнебелю (Knebels Litt. Nachl. II, 336); 12 марта и 15 мая 1801 г. (Zur deutschen Litteratur. II, 5 и II); к Г. Мюллеру 6 дек. 1807 г. (С, III, 346).

4 Fragmente aus dem Nachlass eines Physikers. Предисловие. С. XXXI и сл.; приведенные нами слова напечатаны в «Воспоминаниях» (III, 260, и сл.). Касательно Риттера сраван.: *Гайм Р.* Романтическая школа. С. 612 и сл.

ческими опытами над гальванизмом, писал ему, что вперед намеревается «производить свои опыты над верованиями»¹. Но он мог находить некоторое удовлетворение в том, что помог молодому человеку высвободиться из-под влияния идей Фихте; кроме того, он слишком охотно выслушивал насмешливые рассказы Риттера о Шеллинге или жалобы на то, что этот философ присвоил себе его собственные открытия и идеи².

В течение тех лет вообще немало людей разного рода старались сблизиться с Гердером — таких людей, с которыми Гердер едва ли захотел бы сходиться, если бы не чувствовал потребности в союзниках. Он, конечно, не брал на себя роли ни основателя секты, ни организатора клики; он не был к этому способен уже потому, что ему не легко было угодить; он слишком скоро замечал недостатки тех, кто навязывался ему в приверженцы; тем не менее его болезненное честолюбие и раздражительность, с которой он относился к своим противникам, заставляли его терпеливо выносить замеченные им недостатки; а именно потому, что он не был способен организовать особую партию, он не помешал организовать такую партию своим клиентам, которые для него самого были обузой и в конце концов скорей компрометировали его, чем принесли ему пользу. От тщеславного франкфуртского стихоплета Гернинга не мог совершенно отделаться даже Гёте, а Гердер стал помогать ему, потому что он был другом Кнебеля. Гердер исправлял его стихотворные упражнения и привел в надлежащий вид его *carmen saeculare*. К сожалению, он был связан по рукам тем, что задолжал Гернингу порядочную сумму денег; в награду за оказанное ему одолжение он потратил в 1802 г. немало времени на просмотр и исправление рукописи, в которой Гернинг описывал свое путешествие в Италию³. Другой посредственный поэт, пользовавшийся протекцией Гердера, был Фальк, живший в Веймаре с 1798 г. Это был приятный в обществе и добрый человек, в котором Виланд отыскал большой сатирический талант; более прозорливый Гердер нашел, что Фальк по большей мере способен писать насмешливые стишки; но когда Фальк в

¹ До нас дошел только не помеченный никаким числом отрывок из одного письма Риттера к Гердеру.

² Каролина к Г. Мюллеру 28 марта 1803 г.

³ Доказательством вышеизложенного служат многочисленные указания в переписке Гердера с Кнебелем и, кроме того, снимки с писем Гердера к Гернингу (Blällern zur Erinnerung an die Feier der Enthüllung des Goethe-Monuments zu Frankfurt am Main. 22 окт. 1844 г.); Дюнцер говорит о Гернинге в предисловии к своему сборнику «Zur deutschen Litteratur» (I, с. XX и сл.).

своей «Карманной книжке для любителей шутки и сатиры» стал задевать Фридриха Шлегеля, «Люцинду» и «Атеней», то Гердер назвал эти нападки смелыми, искусными и добросовестными и пришел к убеждению, что этот честный боец достоин уважения¹.

Гердер приобрел одного еще более ничтожного приверженца, который причинил ему немало досады и вреда. Весной 1797 г. переселился из Йены в Веймар Гарлиб Меркель, которого глубоко оскорбил Гёте своим высокомерным обхождением². В качестве лифляндца и в качестве автора книги, написанной в пользу уничтожения крепостного права с честной юношеской горячностью, он был вправе рассчитывать на сочувствие со стороны бывшего рижского патриота и автора «Писем о гуманизме». Каролина не могла нахвалиться этим кротким человеком, в котором была геройская душа³, а Гердер поместил в эрфуртской газете похвальный отзыв о новом сочинении Меркеля, написанном на прежнюю тему. Также во вкусе Гердера было третье сочинение Меркеля, быстро доведенное им до конца во время пребывания в Веймаре: «Die Vorzeit Lieflands; ein Denkmal des Pfaffen und Rittergeistes»; об этой книге Гердер с похвалой отозвался в «Адрастее» (III, 1, с. 111). По словам Гердера, ее автор был историк-патриот, политик с демократическим направлением, ратовавший за просвещение и справедливость. Он скоро сделался самым интимным другом гердеровского семейства, сопровождал Гердера и в прогулках, и в загородных поездках и пользовался добрым расположением как самого Гердера, так и его жены. Ясно понимая, какого рода были дарования Меркеля, Гердер посоветовал ему вступить на политическое поприще и доставил ему в Копенгагене место секретаря при датском министре, графе Шиммельмане; но занятия такого рода пришлось не по вкусу молодому человеку, дорожившему независимостью своих убеждений, — после непродолжительного пребывания в Копенгагене он возвратился в Веймар; но что же мог бы он предпринять? Он задумал развивать свои литературные дарования, для того чтобы печатно проповедовать правду и справедливость; а Гердер, питавший полное доверие к характеру своего друга, нашел, что эта роль будет ему по силам, — он указал Меркелю на пример Шлёцера и Лессинга и благословил его на новую деятельность. Но

¹ С, I, 237, 281; Knebels Litt. Nachl. II, 289, 343; *Böttiger. Litt. Zustände*. I, 224.

² См. уже ранее упомянутые нами «Darstellungen und Charakteristiken» (Т. 1, в особенности с. 147 и сл.).

³ К Глейму 9 июня 1797 г. (С, I, 228 и сл.).

личные сношения с Виландом и с Гердером вовлекли Меркеля в сферу эстетико-литературных интересов, для которых у него не было достаточных поэтических дарований. Он нашел в этой сфере возможность удовлетворять свою неприязнь к Гёте, к классическому и романтическому идеализму, между тем как его образование самоучки и его тривиальная рассудительность делали его неспособным к сколько-нибудь правильной оценке эстетических достоинств. Так как в тогдашней Германии еще не существовала политическая публицистика, а если бы и существовала, то у Меркеля недостало бы для деятельности этого рода ни дарований, ни познаний, то он взялся за литературную критику со смелой самоуверенностью, на которую ему, по-видимому, давали право его прежние успехи. Переселившись в Берлин, он стал с осени 1800 г. издавать свои «Письма к горничной о новейших произведениях изящной литературы в Германии». Эти письма отличались самым грубым и односторонним пристрастием; они наполнялись внушенными ненавистью отзывами о Гёте, Шиллере и романтиках и похвалами людям старой школы — Гердеру и Виланду, даже Энгелю и Коцебу. Наглость и бездарность такого противника могли только содействовать окончательному торжеству писателей новой школы. Действительно, «веймарские недовольные» не могли бы отыскать более негодного защитника, чем тот друг, который, ссылаясь на них, обнаруживал их слабые стороны, а стараясь похвалить их, причинял им вред. Каролина радовалась приобретению такого приверженца, который печатно высказывал ее собственные мнения, но она нередко пугалась его нескромной болтливости, его суждений, не щадивших даже ее друзей — Жан-Поля, Кнебеля и Гернинга¹. Как ей было трудно защищать его против Кнебеля, с самого начала питавшего несочувствие к этому «немецкому дикому яблоку»! Она старалась уверить Кнебеля, что Меркель отстаивал честность, правду и нравственность! Как она старалась поддерживать этого приверженца в борьбе за правое дело! Как она старалась то сдерживать его

¹ Кроме неоднократного обмена мыслей между Кнебелем и Каролиной (С, III, 175, 185 и сл.; Zur deutschen Litteratur. II, 3 и т. д.) и между Каролиной и Бёттигером (*Линдеман*. № 72, 81, 84 и т. д.) см. в особенности письма Гердера, Каролины, Виланда и др. к Меркелю, напечатанные в «Grenzboten» (1867, II, 280 и сл.; III, 423 и сл.). Экардтом под заглавием «Die Unzufriedenen der Schiller-Goethezeit von 1795—1805»; см. его же «Erinnerungen an Merkel» в сочинении «Die baltischen Provinzen Russlands» (с. 155 и сл.) и «York und Paulucci» (с. 5 и сл.). При помощи этих источников было бы нетрудно исправить биографические указания у Koberstein-Bartsch (IV, 869); впрочем, деятельность Меркеля как литературного критика метко охарактеризована в этом сочинении.

страстные увлечения, то наводить его на правильный путь! «Мы никогда не теряем из виду Ваших литературных трудов, — писала она этому другу, — а если мы иногда и замечаем, что Вы вышли из Вашей колеи, то тем сильнее мы радуемся, замечая, что Вы снова вступили на настоящую дорогу». Она находит, что его отрицательные суждения основательны, но его положительные суждения не совсем верны. Она благодарит его за похвальные отзывы об «Адрастее», но вместе с тем умоляет его не делать никаких сравнений между ее мужем и Гёте. Она повторяет ему слова Жан-Поля¹, очень обидевшегося отзывом этого «пошлого и тщеславного» критика о «Титане», — чтобы противодействовать пристрастным суждениям, внушенным партийным духом, не следует самому вовлекаться в такое же пристрастие. А что же думал сам Гердер? Не подлежит сомнению, что Каролина высказывала его убеждения, когда она советовала своему не в меру усердному другу искать деятельности в какой-нибудь другой сфере, когда она указывала ему на широкую сферу исторических исследований, в которой он уже успел отличиться, и на деятельность университетского преподавателя. Гердер, конечно, еще более Каролины был недоволен содержанием писем Меркеля. Уже при чтении первых писем он возмущался поверхностной и нелепой критикой, которая не имела никакой твердой основы и могла приносить не пользу, а вред². Даже после смерти Гердера, когда его вдова просила содействия Меркеля для издания сочинений ее мужа, она заметила этому другу, что хотя усопший и питал уважение к его характеру, но не безусловно сочувствовал его литературной деятельности. Гердер не был заражен пристрастием своей жены, но он водил ее рукой в ее переписке со строптивым приверженцем, и потому на нем лежит некоторая доля ответственности за его странную дружескую связь с Меркелем.

Еще более странной и более достойной сожаления была связь с Бёттигером — этим самым неотвязчивым и самым отвратительным из паразитов. Отдавая полную справедливость учености Бёттигера и его дарованиям преподавателя, Гердер скоро заметил его недостатки, а с течением времени все более и более убеждался в нравственной негодности Бёттигера как человека. Уже через несколько лет после назначения Бёттигера директором веймарской гимназии он заметил, что новый директор «способен производить очень хорошее внешнее впечатление», но не глупо-

¹ А, I, 319; сравн. с. 312.

² К Кнебелю осенью 1800 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 288).

комыслен и, несмотря на свое мастерство в критике мелочных подробностей древней литературы, неспособен знакомить молодых людей с духом древних писателей¹. Бёттигер отличался необыкновенным разнообразием своей деятельности: вступив в компанию с предприимчивым Бертухом, он редактировал бесчисленное множество журналов и газет и добывал материалы для дополнения этих изданий артистическими и литературными анекдотами, заводя сношения и переписку с разными учеными и неучеными любителями сплетен; с тех пор как Виланд поручил ему редакцию «Немецкого Меркурия», он повсюду заводил корреспондентов, повсюду ловил налету разные слухи и повсюду разносил их, брался судить обо всем, а в веймарском театре исполнял роль хлопальщика; как должна была не нравиться Гердеру эта привычка разбрасываться в разные стороны, несовместимая с деятельностью директора гимназии, с обязанностями и с личным достоинством наставника юношества! Его раздражение усилилось, когда он узнал, что Бёттигер сумел втайне сдружиться с ненавистным Фойгтом. В 1797 г., когда Бёттигер сумел получить приглашение в Копенгаген, для того чтобы добиться облегчения тех служебных обязанностей, которые ожидали его в Веймаре, Гердер отвергнул его требования при содействии Гёте². Но Гердер не был в состоянии противодействовать вредному влиянию этого легкомысленного человека на вверенных его попечению юношей. Ему случалось несколько раз слышать, как Бёттигер с особенным удовольствием объяснял ученикам одну из не совсем пристойных од Горация; это возмущало его, и он с досадой уходил домой. Он ненавидел и презирал «душевную грязь» этого человека. Воспитание юношества находилось, по его мнению, в самых нечестивых руках, и он втайне скорбел о том, что наставник приучал воспитанников к кичливости, к ученому самохвальству, к насмешливости и злорадству, что даже в школе занимался интригами и набирал себе приверженцев между самыми пронырливыми учениками. Впрочем, Гердер не всегда ограничивался безмолвным неодобрением; в особенности в тех публичных речах, которые он ежегодно произносил после окончания экзаменов, он старался противодействовать вредному влиянию Бёттигера. Ни для самого Бёттигера, ни для массы слушателей не могло быть не понятным, кого имел в виду Гердер,

¹ Эти выражения взяты из того письма Каролины к Г. Мюллеру, которое помечено у Гельцера (с. 247) 30 июня, но не могло быть написано ранее июля 1794 г.

² Сравн. выше, с. 739.

когда для своих школьных речей 1797 г. выбирал текстом слова Ювенала «*Maxima debetur puero reverentia*» или называл школы распространительницами духа Божия, когда в 1801 г. порицал склонность без всякого разбора всему учиться и за все братья, порицал любознательность, не руководимую изящным вкусом, и осуждал ярмарочную болтовню современной литературы, когда в публичной речи 1802 г. говорил «о святости школ» и скорбел о том, что развращают и вводят в соблазны учащуюся молодежь, когда заявлял, что настоящая задача школ отстаивать требования истины и приличия против требований моды, против тех, кто внушает склонность к бесстыдству, к изнеженности и к сладострастию.

Собирая материалы для биографии своего мужа, Каролина выложила в длинной главе о Бёттигере все, что у нее лежало на сердце¹. Она описывает характер этого человека самыми черными красками. Она не находит слов, чтобы выразить, до какой степени она возмущалась грубой лестью и навязчивостью Бёттигера, его желанием во все вмешиваться и злорадным лукавством, его мстительностью и искусством притворяться. Она приводит примеры его наглости и лживости и тех огорчений, которые он причинял ее мужу². Она заботится больше всего о том, чтобы не могли подумать, что Гердер был другом Бёттигера, а биографа Мюллера она просит по мере возможности не ставить имя мнимого единомышленника рядом с именем дорогого усопшего. Нельзя сказать, чтобы ее характеристика взаимных отношений между этими двумя людьми была неверна — она только односторонняя, вследствие того что была написана под влиянием воспоминаний и под впечатлением позднейшего образа действий Бёттигера. Уже в марте 1799 г. Каролина резко отзывалась о сплетнике, который втихомолку рассказывал в городе и при дворе содержание полученных им писем, — об этой лисе, которая

¹ Некоторые выдержки из этой рукописной главы напечатаны у Линдемана. Мы постоянно пользовались содержанием этой главы для нашего рассказа; впрочем, с ней следует сопоставлять все содержание линдемановской биографии.

² Так, она рассказывает, что Бёттигер взял у Гердера каталог библиотеки Нольде, для того чтобы сделать выбор нужных для школьной библиотеки книг, но потом удержал его у себя, несмотря на неоднократные требования Гердера, и наконец объявил, что никогда не получал его; кроме того, он извлекал денежные выгоды из продажи в школьную библиотеку тех даровых экземпляров, которые присылались ему со всех сторон; с этой целью он выпрашивал денег у обеих герцогинь и собирал деньги с воспитанников под предлогом составления «библиотеки для учащихся».

перед всеми виляет своим хвостом. В минуту вспышки Гердер назвал его «злой кошкой и жабой» и только благодаря просьбам Кнебеля не запер для него двери своего дома. «Ведь мне тогда нельзя бы было оставаться в Веймаре», — писал Бёттигер; но он сумел снова втереться в доверие к Гердеру, уверив его в самой искренней и безусловной преданности¹. Поэтому он по-прежнему садился по воскресеньям у Гердера за чайным столом вместе с Мейером, Меркелем, Майером, Виландом, а иногда приводил с собой какого-нибудь проезжего иностранца, желавшего познакомиться с Гердером; он всегда приносил с собой множество новостей, но и сам прислушивался к разговорам с вниманием человека, желающего все знать. Чтобы избавиться от этого неприятного гостя, не было другого средства, как прекратить воскресные приемы гостей. В том-то и заключается самая странная характеристическая черта этих отношений, что, несмотря ни на какие неприятности, они не могли быть окончательно прерваны. Вот почему Каролина так настойчиво просила биографа не придавать этой связи внешний вид дружбы — ведь это было бы чем-то вроде пятна на совести ее мужа. Действительно, нельзя бы было найти две более противоположные натуры, чем чистая, откровенная, строго нравственная натура Гердера и порочная, лживая натура Бёттигера. Однако Гердеру приходилось так или иначе уживаться с директором гимназии и потому он относился довольно снисходительно к Бёттигеру; впрочем, его привязывала к Бёттигеру еще одна нить, которую он не был в силах разорвать. Он высказывал свои мнения о политических делах с такой неосмотрительной свободой, что Бёттигер мог признать себя его единомышленником, мог сослаться на однородные убеждения Гердера, для того чтобы оправдать себя в глазах разгневанного герцога². Так как Бёттигер навлек на себя ненависть Гёте, то он, по-видимому, имел полное право на дружеское гостеприимство в таком семействе, где открыто высказывалось сильнейшее негодование на «вероломного друга», на Шиллерова союзника. Какая достойная сожаления перемена! Гёте когда-то прежде всех читал произведения автора «Идей» и был для этого автора искренне сочувствовавшим ему советником; а теперь отрывки из «Терпсихоры», из «Писем о гуманизме», из «Христианских сочинений» и

¹ Каролина и Гердер к Г. Мюллеру 1 марта 1799 г. (*Гельцер*. С. 284); Кнебель к Каролине 16 марта 1799 г. (С, III, 137) и 9 апр. (Там же, 139); сравн. письмо Кнебеля к Бёттигеру также от 9 апр. (Кnebels Litt. Nachl. III. 43); Бёттигер к Гердеру (*Линдеман*. С. 39, 88).

² К Гердеру 23 окт. 1794 г. (*Линдеман*. С. 50, 51).

из «Адрастеи» отсылались к Бёттигеру с просьбой высказать его мнение. Такой начитанный, такой знакомый со всеми закоулками литературы и обладавший многоразличными познаниями человек, как Бёттигер, натурально, мог сделаться для заглядывавшего в самые разнообразные сферы Гердера таким же полезным и даже необходимым пособником, как энциклопедический словарь. Несмотря на свое невысокое мнение о дарованиях этого компилятора ученой всякой всячины, Гердер пользовался его познаниями и при случае оплачивал ему за услуги услугами — как например похвалил в эрфуртской газете его объяснения живописи на греческих вазах. Но Гердер этим не ограничивался. Из многочисленных записочек и благодарственных писем, написанных рукой Каролины к «доброму», «услужливому» Бёттигеру¹, видно, что Гердер до самого конца своей жизни не мог обойтись без этого всегда готового на услуги корреспондента и журналиста, что он вовсе не пренебрегал той газетной критикой, которую так строго осуждал и старался настроить на более правильный тон. Когда оказывалась надобность поместить в «Меркурии» стихотворения Глейма, напечатать во «Всеобщей газете» или в йенской «Литературной газете» отзыв об «Адрастее», или написать в каком-нибудь журнале рекламу в защиту правого дела, то стоило намекнуть на это Бёттигеру — и все желаемое было исполнено. Таким образом, Гердер делался соучастником в литературной деятельности Бёттигера и этим налагал на себя такие узы, от которых ему было бы очень приятно отделаться. Наконец, по вине одного Бёттигера или также по вине Гердера, первый из них приветствовал появление каждого нового сочинения своего доброжелателя такими напыщенными похвалами, которые даже в мельчайших подробностях носили отпечаток самой грубой лести. Правда, Гердер относился с равнодушием к этим похвалам и отвечал на них не более как вежливыми письмами. Тем не менее и общественное положение Гердера, и его умственное настроение представляются нам в очень печальном виде, вследствие того что он был в состоянии читать и выносить эти наполненные гнусной лестью похвальные отзывы, не краснея от стыда ни за самого себя, ни за раболепного панегириста.

Окруженный такими друзьями, из которых немногие могли хоть в некоторых отношениях стоять на равной с ним ноге, а в большинстве были ничтожными, даже низкими людьми, Гердер

¹ Эти письма помещены в прибавлении у Линдемана (с. 105 и сл.), письма Гердера — у Боксбергера (с. 20 и сл.).

задумал выступить в роли судьи над только что истекшим столетием и в роли путеводителя для деятелей нового столетия. Прочитав объявление о предстоявшем выходе в свет «Авроры», Кёрнер писал: «Я опасаюсь, что Гердер будет наполнять свои статьи жалобными песнями». А вслед за этими словами он верно заметил: «Литературный и нравственный хаос нашего времени, действительно, способен наводить хандру; но писатель не должен впадать в мрачное настроение духа. Он должен с бодростью и с энергией влиять на тот пункт, в котором находит зачатки добра. Здоровая натура должна распространять вокруг себя здоровье, радость и гармонию». «Адрастея» оправдала эти опасения — она, действительно, оказалась продуктом такого патологического состояния, которое заранее охарактеризовал Кёрнер. Через полтора года после того — когда вышли первые листки «Адрастеи» — этот прозорливый наблюдатель мог лишь снова высказать свое прежнее мнение о болезненности и плаксивости гердеровских воззрений и о недостатке в них той душевной бодрости, без которой нельзя вступать в борьбу с существующим злом. Он не без основания порицал и внешнюю форму изложения, подсмеивался над этим «рагу», в котором, точно так же как и в «Письмах о гуманизме», действительно питательная пища была приготовлена под чрезвычайно жидким соусом¹.

Новый журнал начинается историко-политической *revue rétrospective* XVIII столетия — размышления о «событиях и о характере» этого столетия составляют главное содержание первых двух номеров². Жан-Поль основательно заметил, что это был последний том «Идей об истории человечества», — ведь здесь снова шла речь о философии истории. Гердер намеревался извлекать из исторических событий понятие о духе времени и делать из них выводы касательно развития цивилизации³. Хотя он и не желал, чтобы его журнал считался за политическое издание, но он сам назвал два первых номера своим «политическим завещанием», а Каролина выразила опасение, что эта «исповедь» еще бо-

¹ Кёрнер к Шиллеру 27 окт. 1799 г. и 22 мая 1801 г.

² Предполагалось издавать по одному номеру журнала через каждые три месяца и каждые два номера соединять в один том. Однако номера третий и четвертый ежегодно появлялись лишь перед Пасхой или после Пасхи следующего года; на них обозначался предшествовавший год. Первый номер первого тома был отослан к Кнебелю немедленно после выхода из печати, 12 марта 1801 г., а второй номер — 15 мая того же года (*Zur deutschen Litt.* II, 4, 9).

³ Жан-Поль к Каролине 9 апр. 1801 г. (А, I, 319); Каролина к Г. Мюллеру 26 марта 1801 г. (у Гельцера, с. 297, помещен только конец этого письма с неверным обозначением числа).

лее восстановит против ее мужа веймарское общество¹. В сущности это было нечто похожее и на историю, и на философию истории, и на мораль в ее применении к современной истории. Нельзя не отнестись с уважением к намерению автора не обходить молчанием великие мировые события и, обсуждая их, извлекать из них пользу для нравственности и для просвещения; но беглый обзор событий, перемешанный с не совсем ясными общими местами, с экскурсиями в сферу нравственности и с разными косыми намеками, едва ли мог удовлетворять высшие требования литературного произведения и на кого-либо производить глубокое впечатление. Гёте очень метко выразил Шиллеру свое мнение о новом журнале в следующих словах: автор, по-видимому, стал в очень неудобное срединное положение между эмпиризмом и абстракцией; ни в содержании, ни во внешней форме его журнала ничто не возвышается над посредственностью².

В первом номере идет речь преимущественно о Франции. В самом начале война за испанское наследство доставляет автору повод для декламации против войны как средства разрешать вопросы о праве — он требует, чтобы взамен этого способа было организовано из царствующих государей высшее европейское судилище. Содержание всего номера сосредоточивается на личности Людовика XIV, «всегда соблюдавшего приличия, тщеславного» монарха, жизнь которого представлена в виде трагедии, развивавшейся под господством Немезиды. Наряду с главной личностью выдвигаются вперед и некоторые второстепенные личности — г-жа де Ментенон, Фенелон и Бэйль; между тем автор переходит к описанию положения культуры в веке Людовика XIV, но без всякой последовательности ведет речь то об академиях, то об изящных искусствах, то об изгнанных Людовиком из Франции протестантах, то о французском духовенстве. При этом он иногда делает меткие характеристики, иногда высказывает общие размышления и суждения, которые, однако, не всегда находятся в естественной связи с историческими фактами. Местами попадаются очень остроумные замечания: например, он говорит о Фенелоне, что у этого писателя все истекало из самого сильного «антиэгоизма», а осыпая похвалами француз-

¹ Каролина к Бёттигеру (*Линдеман*. С. 134, № 98); Гердер к Глейму 2 янв. 1802 г. (С, I, 297); Каролина к Г. Мюллеру в том письме, на которое указано в предыдущем примечании. Каролина к Кнебелю 12 марта 1801 г. (*Zur deutschen Litt.* II, 4 и сл.); в первых и в следующих за ними номерах Гердер старается «сначала подготовить основу».

² К Шиллеру 18 марта 1801 г.

скую нацию, он говорит, что она «в поэзии и в прозе с особенной ясностью излагала для человеческого ума самые изящные и самые возвышенные идеи». Напротив того, во многих других местах автор утомляет читателя; простая и прекрасная мысль, что никто не избежит приговора судьбы, взвешивающей и хорошее, и дурное, что могущественная Немезида-Адрастея умеет всем пользоваться и все направлять к добру, — эта мысль повторяется так часто, что уже не производит никакого впечатления. В особых «приложениях» автор обсуждает вопросы: может ли тщеславие быть главным принципом государственных учреждений, может ли существовать, несмотря на разнообразие вкусов, идеал прекрасного и т. д.; с другой стороны, автор преподносит нам в качестве «объяснения» ранее изложенных исторических фактов пустые анекдоты, вычитанные им из разных мемуаров, и сопровождает их приличными нравственными поучениями.

Такой же методы он придерживается во втором номере, в котором ведет речь сначала о великом противнике Людовика XIV, Вильгельме Оранском, а потом о политическом положении Англии и о ее литературе, только с той разницей, что добавочные размышления чаще, чем в первом номере, заменяются выдержками из разных авторов и вставными поэтическими произведениями всякого рода. На переднем плане стоит церковно-политический вопрос, обсуждение которого автор оканчивает порицанием английской высокой церкви и сильными нападками на дух религиозной нетерпимости и папизма. Политические размышления примыкают почти только к характеристике Марлборо и его леди Сары; они сводятся к протесту против величия этого героя. Остальное содержание наполнено заметками по истории литературы. Автор «Адрастеи» находится в своем элементе, когда объясняет причины процветания английской литературы при королеве Анне, когда воздает должную похвалу Джону Локку и деистам и восклицает: «Мы все должны быть вольнодумцами», — когда он — не без намерения кольнуть Канта — восхваляет мораль и метакритику Шефтсбери, когда ведет речь об Аддисоне и Попе и об их влиянии на немецкую литературу, наконец когда очень подробно описывает литературную деятельность своего старого любимца Свифта, признаваясь, что в Германии он не может иметь подражателей.

Если сравнить то, что говорится в «Адрастее» о французах, с тем, что в ней говорится об англичанах, то нельзя будет не заметить, что весы гердеровского правосудия перетягиваются на сто-

рону первых. Такое же впечатление вынес из чтения «Адрастеи» и Георг Мюллер. Он заявил, что не в состоянии разделять пристрастие Гердера к французским *beaux esprits* и что, наоборот, находит суждения об англичанах слишком строгими¹. Читая между строк, он находит, что справедливый судья над мертвыми не был в состоянии высвободиться из-под влияния пережитых им самим переворотов и потому не был в состоянии беспристрастно судить о живых. Но вовсе не таково было намерение автора. Окрашенное пристрастием политическое направление «Адрастеи» обнаружилось в ответе Феано на замечания ее швейцарского друга. Передавая этому другу мнения своего мужа, она говорила, что немцы должны оберегать свою самостоятельность и от французов, и от англичан, но они должны высоко ценить исходящий от французов прогресс в умственном развитии и не должны допускать, чтобы «глупая высшая немецкая публика» относилась с презрением к этому «светильнику разума»; но настоящий сатана, подкравшийся в темноте и совершенно сбивший немцев с толку, — это «английский дух торгашества и лжи в соединении с нечестностью всех континентальных правительств»². Такова была мысль, лежавшая в основе всех суждений автора «Адрастеи»; но она выражалась, конечно, очень мягко и осмотрительно с помощью намеков, прикрытых очень гуманными общими соображениями. Гердер только объявил в первом номере «Адрастеи», что напишет «Истории немецкого человека, которого сопровождает как тень его безличность», и что это будет нечто вроде написанной Свифтом истории Джона Булля; но он не довел до конца эту историю³. Друзья Гердера находили немало и других намеков на современников. Так, Бёттигер находил, что автор «Адрастеи» развил из сочинения «*Siècle de Louis XIV*» «целый мир мудрости, самой сообразной с духом времени»; а касательно того, что во втором номере «Адрастеи» автор горячо нападал на чрезмерные притязания «торговцев-островитян» и на позорную готовность континентальных народов поступать на службу к этим островитянам, стремящимся из корыстолюбия к всемирному владычеству, Бёттигер выражал желание, чтобы именно в ту критическую для Германии минуту слова Гердера разносились газетами по всей стране. Принц Август Готский восхищался тем, что Гердер пером Сен-Пьера очень тонко охарактере-

¹ К Гердеру 5—9 мая и 21—27 июня 1801 г.

² К Г. Мюллеру 20 мая 1801 г. (*Гельцер*. С. 298).

³ Адрастея. I, 1, 21 прим. См. отрывок из «Адрастеи» (VI, 2, 209 и сл.).

ризовал императора Павла и Бонапарта и сумел вынимать из жаровни каштаны руками мертвеца¹.

Политические задние мысли Гердера проглядывают в стихотворении, помещенном в первом номере «Адрастеи», едва ли не более ясно, чем в тех главах, где он рассуждал об исторических событиях. «Эон и Эонида» были чем-то вроде краткого извлечения из тех предшествующих глав²; это — нечто вроде политической сатиры. С другой стороны, это стихотворение было аллегорической драмой — чем-то вроде гётевских «Палеофрона и Неотерпы».

Гётевская драма была исполнена на сцене перед немногочисленной публикой 24 октября 1800 г., в день рождения вдовствующей герцогини. Все действующие лица были в масках и, как замечает Гёте в «Летописях», этим было подготовлено появление тех комедий в масках, которые потом, в течение многих лет, доставляли публике совершенно новое развлечение. Кому не знакомо это столько же изящное, сколько невинное поэтическое произведение? Названия «Палеофрон и Неотерпа», под которыми не трудно узнать старое и новое время, были даны действующим лицам по совету Фридриха Шлегеля; эти действующие лица сначала относятся одно к другому враждебно и с недоверием; но лишь только Палеофрон удалил от себя своих спутников сварливость и упорство, а Неотерпа — своего птенца, дерзкого мальчишку, они сдружились между собой и заключили для счастья города союз. Гердер и Каролина также присутствовали на представлении и были очень довольны. Тем не менее они отыскивали повод для некоторых порицаний. По их мнению, этому произведению недоставало «воодушевления» и в нем постоянно проглядывает нечто вроде волокитства или то, что сам Гёте называл *das bethuliche Wesen*³. На рубеже, отделявшем старое время от нового, автору «Адрастеи» пришли в голову более серьезные мысли и он написал «Эона и Эониду» с целью противопоставить их гётевскому произведению.

Все черты варварства, безрассудства и деспотизма соединяются в лице престарелого Эона — этого представителя и властелина старого времени. Здесь автор, очевидно, хотел охарактеризовать старую систему государственного управления — ведь

¹ Бёттигер к Гердеру (*Линдеман*. С. 85, 86); принц Август к Гердеру 21 мая 1801 г.

² Каролина к Кнебелю (*Zur deutschen Litt.* II, 5); Кнебель к Каролине (С, III, 189). Это стихотворение напечатано теперь в *SWS*. XXVIII, 247 и сл.

³ Каролина к Кнебелю 15 нояб. (а не сент.) (*Zur deutschen Litt.* I, 184).

политическими деятелями являются преданные Эону придворные, представители знатного происхождения и чванства. У первого из этих представителей жена — ошибочное мнение, дети — предрассудки; о жене представителя чванства говорится, что она устраивает у себя пышные приемы при содействии представителей любезности и приятных развлечений. Но все старинные порядки уже пришли в упадок; уже все насмеяются над придворным штатом, а превосходному должностному лицу «силе, заменяющей право», приказывают убираться вон. Дело в том, что народ ожидает введения новых порядков от дочери Эона, Эониды. Она была воспитана матерью вдали от двора; старик понимает, что с прибытием этих двух женщин настанет конец его владычеству. В то время как мучимый угрызениями совести и мрачными предчувствиями он погружается в тревожный сон, появляется Эонида в сопровождении двух несущих пальмовые ветви мальчиков, из которых один называется «доброй волей», другой — «счастливым исходом». Проснувшийся Эон успевает только благословить свою дочь: он просит ее улучшить то, что он начал, и сделать то, чего он не успел сделать; вслед за этим он падает мертвым у алтаря невозвратимого прошлого. В это время слышится пение, но не видно, кто поет. Воспевается все взвешивающая и соразмеряющая Адрастея. Хоры работников и работниц приветствуют в блестяще освещенном храме новую властительницу, которая дает обет служить справедливости и правде и принимает из рук своих приближенных внешние знаки своего нового достоинства. Она дает себе имя Агапы, а после того как она бросилась в объятия своей матери Ареты, хор воспевает союз любви и добродетели.

Вот что разумел Гердер под воодушевлением, которого, по его мнению, недоставало гётевской драме. Он прибегнул к помощи музыки, для того чтобы нагляднее выразить свои политико-нравственные мнения и принципы. Нам не трудно решить, в какой мере были преувеличены похвалы друзей и в какой мере был основателен неодобрительный отзыв Шиллера. По мнению Жан-Поля, этот гердеровский Эон был тем, чем хотели быть гётевские *Casualäon*. Бёттигер со злорадством и с грубой лестью объявил во всеуслышание, что поэтический соперник Гердера потерпел окончательное поражение. Эта «божественная аллегория, — говорил он, — эта высокая драма» не нуждается ни в масках, ни в кривляньях; разве после этого еще могли бы существовать маскарадные представления, напоминающие древних римских герольдов и устраиваемые в подражание англичанам?

Напротив того, по мнению Шиллера, все, что есть хорошего у Гердера, заимствовано от Гёте; только начало этой дрянной пьесы придумано самим автором; следует быть довольным тем, что самохвальство и дух противоречия автора побудили его выступить на арену, для того чтобы выказать свою слабость, неумелость и неспособность обрисовывать ясно определенные характеры¹. Но и этим замечанием не исчерпывались порицания. Разве сам Гердер не говорил в «Каллигоне», что аллегорическая драма то же, что китайские тени, что в ней говорят и действуют безличные личности и что она не может производить впечатления на слушателей? Разве он не увлекся желанием превзойти Гёте именно в той драматической форме, которую он в теории осуждал при всяком удобном случае? Разве слабая аллегорическая форма могла что-нибудь выиграть от того, что в нее вкладывалось нравоучительное сатирическое содержание? И этого мало: ведь аллегорические китайские тени, о которых говорил Гердер в «Каллигоне», становятся более похожими на живые существа при гётевской пластической отделке, чем при помощи гердеровской музыки; к тому же Гердер неудачно старался согласовать пластический элемент с музыкальным, полагая усилить этим способом выразительность своих китайских теней. Наконец, как неприятен контраст между сатирической пикантностью первых сцен и наполовину патетическим, наполовину мягким тоном последних сцен! Может ли автор внушить радостную надежду на предстоящее торжество добра, когда он примешивает к своим колким насмешкам над прегрешениями старого режима злобные намеки на кантовскую философию? Его поэтическое произведение, действительно, было плодом воодушевления — но воодушевления прокислого и тщетно искавшего успокоения в достижении благородной цели. Гёте основательно заметил, что это произведение отзывается раздражительностью и наводит тоску; «я не хотел бы быть на месте автора», — прибавил он².

Вслед за этим Гердер стал еще сильнее прежнего нападать на новую классическую поэзию, в особенности на ненавистную комедию, и сделал несколько попыток противопоставить мнимой драме настоящую.

В совокупной деятельности Гёте и Шиллера выражался внешним образом их союз, скрепленный изданием «Ксений».

¹ Жан-Поль к Каролине 9 апр. 1801 г. (А, I, 319); Бёттигер к Гердеру (*Линдеман*. С. 85); Шиллер к Гёте 20 марта 1801 г.; мнение Кнебея (С, III, 189).

² К Шиллеру 21 марта 1801 г.

Гердер сознавал, что главной причиной упадка его влияния на публику, и в особенности на веймарскую публику, был интерес, возбуждаемый театральными представлениями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно театр сделался предметом его порицаний. Заново отделанный веймарский театр открылся 12 октября 1798 г. первым представлением «Валленштейнова лагеря». «Комедия сделалась теперь почти единственной заботой общества, — писала Каролина Глейму¹, — мой муж едва ли не единственный человек во всем Веймаре, еще не посещавший этих представлений». С таким же равнодушием отнесся Гердер к «Пикколомини» и к «Смерти Валленштейна» и, конечно, не без удовольствия читал кнебелевские насмешки над «печальными произведениями Шиллера, которыми — судя по крикам наших глупцов — открывается совершенно новая, великая эпоха поэзии». После того как Шиллер переселился на постоянное жительство в Веймар, для того чтобы вместе с Гёте управлять местным театром, Гердер писал 14 февраля 1800 г.: «Здесь думают только о театральные пьесах и о театральные представлениях, от которых я отрекся еще при Святом Крещении. В стенах нашего города владычествуют сообща Гёте, Шиллер и Коцебу. Впрочем, к этому последнему Гердер относился более снисходительно, чем к двум остальным. Драма Коцебу «Густав Ваза» вызвала похвалы в семействе Гердера, но гётевский перевод вольтеровского «Магомета» вызвал горячие порицания. Гердер присутствовал у Гёте при чтении вслух переведенной драмы. «Прекрасные стихи, — таково было его мнение, — но их содержание есть прегрешение перед человечеством!» Во время представления этой пьесы Гердер и Каролина все сильнее возмущались при каждой новой сцене. Каролина жалуется на то, что «аффектацию возводят на трон под священным именем искусства»; она говорит о «внешних украшениях искусства»; о том, что «у немцев ввели в употребление французский котурн, потому что герцог это приказал г-ну Гаарену». Она с насмешкой говорит о «великом Шиллере», который снова задумал «нечто великое»; она возмущается похвалами, которыми осыпал поэта горемычный Гернинг в *carmen saeculare*, а отзывы Гёте о произведениях этого поэта — то же, что «огненные стрелы» для Гердера. Новые протесты раздаются вследствие чтения Эсхила в только что появившемся пе-

¹12 ноября 1798 г. В том, что следует далее, мы руководствовались перепиской Гердера и Каролины с Глеймом и с Кнебелем, но не сочли нужным постоянно указывать на каждое из этих писем в отдельности.

реводе Штольберга: «Как мало у нас сходства с греческими трагиками! Очень тяжело видеть, как два великих поэта выдают изображения своих идолов за единственного драматического бога!» Затем Гердер прибегает к помощи умершего Лессинга, для того чтобы излить свое негодование на живых поэтов. «Натан» был в первый раз исполнен на веймарской сцене 28 ноября 1801 г. «После этого представления, — писала Каролина Глейму, — мы еще раз поняли, как глубоко падение наших драматических писателей и как высоко стоит Лессинг». Более основательным поводом для жалоб было представление драмы А. В. Шлегеля «Ион», состоявшееся 2 января 1802 г. По мнению Каролины, еще никогда не исполняли на сцене более бесстыдной, наглой и безнравственной пьесы, а ее постановка на сцену служит доказательством того, «как глубоко падение Гёте». А когда Гёте прибегнул к помощи тиранической цензуры, для того чтобы воспретить печатанье неодобрительной критики Бёттигера, и вслед за тем напечатал в журнале мод нечто вроде отчета о результатах деятельности веймарского театра, то Гердер, конечно, воспользовался этим случаем, чтобы насмеяться над гётевским *edictum Pzaetorianum*; он нашел, что Гёте еще никогда не писал таких бессмыслиц и пошлостей — «сохрани нас, Боже, от такого падения!» И театральная практика Гёте, и его воззрения на драматическое искусство, бесспорно, имели свои слабые стороны. Каролина не без некоторого основания говорила о «балаганной кукольной комедии». Также не без основания она говорила далее: «Театр, господствующий здесь над всеми другими интересами и с каждым днем становящийся более бесстыдным и наглым, управляется такими новыми законами, которые делают из драматического искусства умение устраивать привлекательную сценическую обстановку и декламировать; содержание пьес имеет очень ничтожное значение в сравнении с декорациями или вовсе не принимает в соображение требований публики. Нам приходится сидеть в партере деревянными куклами, смотреть, как двигаются на сцене также деревянные куклы, и слушать их декламацию, а потом уходить из театра с пустотой в душе и с неутешительными мыслями». В этих преувеличенных обвинениях была доля правды: Гёте, действительно, придавал слишком важное значение внешней стороне драматического искусства — изысканности декораций. Но он так поступал из желания противодействовать натурализму, а не из равнодушия к внутреннему содержанию пьес. О серьезности содержания и о глубине производимого на зрителей впечатления заботился Шиллер — в его образцовых

произведениях излагались самые благородные мнения, самые возвышенные идеи и разрешались в самой благородной форме высшие нравственные проблемы. Но под влиянием предрассудков и личной ненависти супруги Гердеры не были в состоянии ценить эти достоинства. Чем более восхищалась публика шиллеровскими драмами, тем решительнее протестовали против них Гердеры; они с удовольствием разделяли мнение Шлегелей о шиллеровской «трескотне и напыщенности». Неудача трагедии Фр. Шлегеля «Аларкос» был встречен ими с простительным злорадством, а успех «Валленштейна» и «Орлеанской девы» наполнил их сердца завистью и досадой. «Мария Стюарт» была, по их мнению, отвратительной пьесой; «Мессинская невеста» была «поражающей удивлением *fata morgana*», даже гётевскую «*Natürliche Tochter*» они с радостью приветствовали в значительной мере только потому, что могли противопоставить ее произведениям другого ненавистного поэта. В этой пьесе проводились именно те ультраконсервативные воззрения, против которых так часто восставал Гердер; тем не менее, в сравнении с шиллеровским «блудящим огоньком», с этой «поражительной бессмыслицей», т. е. с «Мессинской невестой», гётевская пьеса была, по мнению обоих Гердеров, «светочем искусства», «поистине высоким классическим произведением», даже «самым высоким, самым изящным» из всех произведений Гёте; она принадлежала к одному разряду с Лессинговым «Натаном», но в ней более душевной теплоты, более жизни. С каким опрометчивым пристрастием был произнесен этот приговор, видно из того факта, что Гердер совершенно изменил свое мнение, лишь только Кнебель намекнул на некоторые недостатки пьесы.

Наряду с другими статьями об эстетике Гердер печатно выразил свое несочувствие к веймарскому театру в третьем и четвертом номерах «Адрастеи», появившихся в конце 1801 и в начале 1802 г. очень скоро один вслед за другим: третий номер вышел в феврале 1802, а четвертый — в марте того же года¹.

В связи с высказанным в двух первых номерах намерением произносить приговоры над литературными произведениями времен Людовика XVI и королевы Анны, Гердер теперь рассмат-

¹ Гердер к Глейму 2 янв. 1802 г. (С, I, 297); Каролина к Кнебелю 6 янв. 1802 г. (Zur deutschen Litt. II, 22). Каролина отправила 18 февраля 3-й номер к Глейму (С, I, 300, прим. 1); уже 19 февраля Кнебель высказал о нем свое мнение (Litt. Nachl. II, 389 и С, III, 206 и сл.); 4-й номер был отправлен Каролиной к Глейму 1 марта (С, I, 301); Кнебель высказал о нем свое мнение 7 марта и еще подробнее 22 марта (С, III, 209 и сл.).

ривает каждый вид литературы в отдельности. В письме к Глейму от 2 января 1801 г. он говорил, что на этот раз он издаст свое завещание не политическое, а поэтическое — не пандекты, а институты. В феврале того же года он писал Кнебелю¹, что в особенности в четвертом номере он намеревается установить ясное понятие о каждом виде поэзии. Однако только мало-помалу он переходит к систематическому рассмотрению различных видов поэзии, а сначала ведет речь об историографии той эпохи, о литературе мемуаров, об исповедях и автобиографиях, о *Pensées* и *Maximes*. Произведения Буало и Попа наводят его на рассуждения о дидактической поэзии, которая всегда возбуждала в нем самый живой интерес; но только говоря о басне, об этой любимице его поэтики, он подробно развивает свою теорию. К сожалению, он нередко отделяется общими местами. Он отвергает такую басню, которая пишется с целью выводить из нее нравоучения; он не хочет знать ни забавной лафонтеновской басни, ни гонящейся по ее следам новой немецкой басни, а требует, чтобы басня была служительницей «Адрастеи, царящей над природой». Если такая басня наглядно объясняет нам на явлениях природы какую-нибудь фактическую истину или какой-нибудь естественный закон, то мы получаем «логическую», или «интеллектуальную», басню. Если она поучает нас тому общему естественному закону, что все живущее связано узами любви, то мы получим басню «нравственную», или «этическую». Наконец, автору знаком еще третий вид басен — тех басен, которым он дает название «демонических», или «басен судьбы», или даже «басен Адрастеи или Аизы», а под этими названиями он понимает такие басни, которые объясняют нам «намерения и образ действий» матери-природы, объясняют «высшее влияние судьбы между живыми существами». Этот враг теории юного романтизма, таким образом, вовлекается в натурфилософский мистицизм, от которого очень недалеко до парадоксальных требований и выводов Фр. Шлегеля или Новалиса. Именно этих нововводителей, которые были ему так противны, он напоминает нам, когда кончает свои беглые, незначительные замечания о сказке и о романе основным положением, что мечта есть идеал как сказки, так и всякого романа; а из этого положения он, к нашему удивлению и совершенно непоследовательно, выводит требование не только сверхъестественного и магического, но также внутренней связи, правдоподобия и — нравственной цели! Насколько Гердер был

¹ С, I, 297; Knebels Litt. Nachl. II, 272.

способен выводить характеристику того или другого вида поэзии из его возникновения и из истории его развития, настолько же ему не удалось установить «ясное понятие» о каждом из этих видов. Становясь на психологическую точку зрения, он прибегает к помощи неясного понятия о том, что душа одарена способностью «соединять многое в одно целое»; а становясь на метафизическую точку зрения, он прибегает к вере Спинозы в натуральную необходимость всякого бытия, но при этом он примешивает тот нравственный элемент, для которого служит олицетворением устанавливающая всему меру «Адрастея». Как много пустословия и как мало ясности и определенности в той главе, в которой автор пытается установить «основное понятие» и «настоящую тенденцию» идиллий! То же можно сказать о той главе, в которой идет речь о метафорах, аллегориях и олицетворениях, потому что автор не находит лучшего окончания для этой главы, как напоминание о двух почти совершенно позабытых поэтах, очень любивших эти формы изложения, — о честном Гёце и о бездарном Галлише! После этого разве можно сказать, что Шиллер не был прав, говоря о старании Гердера откапывать старые, уже отжившие, литературные произведения? Похвальное обыкновение начитанного автора обращать внимание публики на старые заслуги уже утратило свою прежнюю объективность и свой либеральный отпечаток; оно получило реакционное направление и отзывалось желанием игнорировать настоящее, для того чтобы уронить его значение. В этом отношении автор имеет сходство не только с Палеофроном, которому приятны воспоминания о прошедшем и который называет свою юность золотым временем, а также с невеселым спутником Палеофрона Гризграмом, которому «солнце кажется рыжим, а весенний лист бледно-желтым».

Это еще яснее видно из следующих глав. От основного положения, что самая выразительная аллегория, какая нам известна, сам человек, автор переходит к танцам, к музыке и к их сочетанию с языком — т. е. к опере. Он сожалеет о том, что «очаровательный Моцарт» тратил свои «приятные звуки» на пустяки; но «Адрастея» должна бы была напомнить ему, что во всем следует знать меру, когда он наполняет целые страницы насмешками над той плохой музыкой, которая обыкновенно пишется на плохие оперные тексты. Он рисует очень высокий идеал мелодрамы, когда говорит, что это такое лирическое произведение, в котором поэзия, музыка, действие и декорации должны составлять одно целое. Но как жалки его нападки на все, что служит приятным

развлечением! «Обращать драматическое представление и оперу в бессодержательный дивертисмент, — говорит он, — значит совершать измену и против природы, и против искусства, и против человечества». В противоположность дивертисментам он требует от оперных текстов нравственного содержания. При такой точке зрения автор отзывается снисходительно только о «Волшебной флейте» Моцарта: ведь она выражает борьбу света с мраком и объясняет нам, каким образом свет действует на нас посредством рассудка и благотворного влияния, а мрак действует посредством жестокости, обмана и коварства!

Наконец, автор переходит к настоящей драме. Эта глава самая важная не только в этом номере журнала, но и во всем журнале. За исключением старой статьи о Шекспире, Гердер до сих пор лишь поверхностно высказывал свой взгляд на теорию драмы; наконец, теперь он вступает на стезю, проложенную Лессинговой «Драматургией». Но Лессинг имел в виду положительную цель — он старался оказать содействие немецкой театральной сцене, стремившейся к усовершенствованию; а Гердер вовсе не скрывает своего желания доказать негодность той театральной сцены, которая уже достигла высокого развития благодаря музе Шиллера. «О драме он писал горячо и со священным рвением», — объявляла Каролина Глейму, объясняя ему, в каком душевном настроении писал ее муж эту главу после представления «Иона»¹.

Свою основную точку зрения Гердер выбрал довольно удачно. Он говорит, что направление шиллеровской драмы и гётевских воззрений на театр заключается в подражании древним. Именно на эту почву становится и драматургия «Адрастеи»; она прилагает к произведениям двух великих поэтов и к их основным правилам такое мерило, которое они сами не могли не признать правильным. Различие заключается только в том, что, по мнению Шиллера и Гёте, центр тяжести находится в чистой художественной форме греческих произведений, а по мнению Гердера, он находится в этическом содержании тех произведений. Автор начинает с того, что противопоставляет теперешнюю трагедию — греческой, выставляя первую в самом неблагоприятном свете. Он говорит, что, выводя на театральную сцену героев, греки писали настоящие мелодрамы. Отсюда объясняется и сущность мелодрамы. Здесь автор проводит ту же параллель, какую проводил в «Каллигоне»; подобно тому, говорит он, как из диссонансов в музыке развивается высшая гармония, и греческая драма разви-

¹ 1 марта 1802 г. (С, I, 301).

валась и оканчивалась мелодически. Подкладкой для разнообразных тонов служили в ней борьба человеческих страстей под высшей властью и произволом судьбы и состоявшая из разных происшествий завязка, которую можно было распутать только при помощи разнообразных характеров, мнений и действий; каждая пьеса была цельной басней, которая развивалась сама собой; а вы — так выражается у Гердера один грек, — вы впихиваете промеж самых деликатных инструментов множество барабанов, которые не издают ни тонов, ни звуков, и называете это исторической драмой. Иными словами, он находит, что с отделением драмы от мелодрамы исчезли «мелодия действия», образцовое мерило и цель драматического представления. Вслед за этим Гердер, подобно Лессингу, комментирует теорию Аристотеля. Подобно Лессинговой теории трагедии, и его собственная теория будет не чем иным, как правильно понимаемой Аристотелевой теорией. Она в сущности сходится с теорией Лессинга. Его объяснения не могут равняться с объяснениями Лессинга по своей точности, но именно потому, что они излагались с большей свободой, они вернее передают мысль Аристотеля. Они придают более глубокий смысл понятию *καθάρσις*. Ведь Лессинг придавал отчасти бесцветное значение очищению страстей, понимая под ним «превращение страстей в способность к добродетели», а Гердер придает ему более важное значение. В своем сочинении на премию о влиянии поэзии он выразил сомнение в способности греческих трагедий очищать страсти¹; а теперь он уклоняется от этого воззрения и придает той способности самое идеальное значение. «Подобно тому как умиловительные песнопения очищают душу, укрощают страсти, и трагедия должна делать то же самое в высшей степени». Но в пользу ясности своих идей Гердер сильно настаивает на *παραίεσις*. По его мнению, трагедия должна посредством страха и сожаления не только «способствовать» очищению страстей, но и «довершать» такое очищение. По-видимому, увлекшись понятием о законченности производимого впечатления, он перескакивает от очищения страстей в душе зрителя к очищению страстей в душе действующих лиц. Стараясь наглядно представить это очищающее влияние трагедии на примере Эсхила и Софокла, он объясняет, каким образом в развитии вымысла, в завершении изображаемого события всякий раз само собой совершается очищение от грехов, примире-

¹ См. с. 69 и 70 упомянутого выше, в примечании к с. 123, оригинального издания (SW в отделе литер. XVI, 240).

ние, успокоительная развязка. Он усматривает очищение от грехов и в развязке «Эвменид», и в разрешении борьбы в трагедиях «Персы» и «Семь против Фив». В самих героях трагедий, в Филоктете, в Аяксе, завершается — говорит он — очищение страстей. Эта путаница идей происходит отчасти от понятия о судьбе, которое, конечно, необходимо для понимания древней трагедии, но вовсе не входит в аристотелевское определение драмы. Для Гердера это понятие есть именно то, посредством которого театральное представление производит вредное или полезное впечатление на зрителя. Фабула, о которой говорит Аристотель, т. е. счастливые или несчастные события, составляющие содержание фабулы, неожиданно превращается у Гердера в «фабулу судьбы», а совершающиеся под влиянием судьбы человеческие приключения превращаются в главное орудие того очищающего впечатления, которое производит трагедия, — даже в теории драмы играет важную роль его любимая мысль о произносящей приговоры Немезиде, о повсюду властвующей Адрастее. Вслед за этим растяжимость этого понятия облегчает автору переход от древних писателей к шекспировской трагедии. Он говорит: «Мы неизбежно находимся под властью судьбы — т. е. рока, случайностей, событий, сплетения разных случайных обстоятельств. Здесь мы тщетно стали бы искать ясного различия между тем, что разумели греки под словом «судьба», и тем, что мы должны разуметь под ним. В подтверждение понятия о настоящей судьбе автор ссылается и на Аристотеля, который требовал, чтобы в трагедии все развивалось естественно, и на древних трагиков, а эт понятие заключается, по его мнению, в том, что судьба должна влиять только через посредство человеческих характеров. После этого ему уже не трудно в подробном анализе «Гамлета» и «Макбета» поставить шекспировскую трагедию наряду с трагедиями Эсхила и Софокла — «поэта мирового цикла» героев наряду спозетами греческого «цикла героев». Он так мало заботится о точности различий, он так перепутывает различные объяснения смысла одного и того же понятия, что даже называет Лессинговых «Натана» и «Эмилию Галотти» «драматическими фабулами судьбы». Более глубокому пониманию судьбы и производимого трагедией очищения человеческих страстей препятствуют нравоучительные тенденции автора. То же можно сказать о взгляде автора на комедию. Он находит судьбу и в комедии, а заключается она в том, что безрассудство обнаруживается в своих последствиях. По мнению автора, цель комедии заключается не только в том, чтобы заставить нас смеяться, а также

в том, чтобы научить нас смеяться как следует, — таковы главные положительные выводы в последней части гердеровской драматургии.

Но все эти выводы будут вполне для нас понятны только в связи с более или менее ясно выраженными оппозиционными идеями автора. Во всей рассматриваемой нами главе постоянно проглядывает руководящая мысль, что современная драма находится в глубоком упадке. Автор вступает с поднятым забралом в борьбу с французской трагедией, против которой восставал и Лессинг; в этом случае он становится на точку зрения нравственности и говорит, что у французов театральные пьесы были изуродованы честолюбием и любовью. Но из-за этого обвинения слышится другое, касающееся не одних французов. Как на источник тех недостатков, которыми страдает театр, автор указывает на «отвратительную сценическую обстановку»; это, по его мнению, главный враг, которого следует одолеть; он также указывает на «болезненную склонность к дивертисментам, которая удовлетворяется посредством фальшивой художественности, неестественного волокитства и мнимой мудрости». В похвальном письме, с которым Бёттигер обратился к Гердеру¹ по поводу появления четвертого номера «Адрастеи», говорится о вышеприведенных словах: «они нанесут рану тому, кому должны ее нанести». Итак, оказывается, что Бёттигер, раздраженный запрещением печатать его рецензию «Иона», действует заодно с тем серьезным человеком, который ведет борьбу с безнравственным направлением театральных представлений, но при этом так мало заботится об очищении своих собственных страстей, что из-за угла мечет ядовитые стрелы в Гёте! Касательно «Адрастеи» Жан-Поль писал Якоби²: «Застольные речи Гердера гораздо более гениальны, потому что в его печатных речах слишком много политических тенденций, трусливости и не всегда ясных намеков». Из писем Гердера и его жены нам уже достаточно знакомы те его застольные речи, которые касались театральной деятельности Шиллера и Гёте; а с политической тенденцией его печатных речей мы можем познакомиться из «Адрастеи»; это будет тем более нетрудно, что автор прикрывал ту тенденцию такой прозрачной завесой, сквозь которую даже самый недалезоркий человек мог бы узнать настоящие убеждения писателя. Только жаль, что со своей заботливостью о нравственности он не со-

¹ Линдеман. С. 90 и сл.

² 14 мая 1803 г. (Избр. переписка Якоби. II, 329).

единял побольше беспристрастия, а со своим пристрастием не соединял побольше откровенности и мужества! Его полемика, заключающаяся только в колких намеках и в предумышленном умалчивании, недостойна такого писателя; она не достигает своей цели даже тогда, когда вполне основательна. Если бы кто-нибудь и не понял, к кому относятся слова автора о двух трагиках, старающихся внушить нам сострадание к распутным женщинам и к негодьям, то он нашел бы нужные комментарии в письме Бёттигера, который говорит: «Я больше не пойду смотреть этого „Иона“!» А кто мог бы высидеть до конца на представлении «Марии Стюарт»! Этот блюдолиз хорошо знал, к кому относились намеки Гердера, потому что он был из числа тех, кто слушал застольные речи Гердера о тех драмах; он также хорошо знал, кому он пишет, когда он превозносил анализ «Гамлета» над «распрославленным содержанием „Вильгельма Мейстера“», а мастерские переводы отрывков из «Макбета» сравнивал с переводами «некоторых учеников»!¹ Теперь нам известно и, конечно, было бы известно даже без помощи заметок Бёттигера, кого имел автор в виду, когда он нападал на трагических докторов, «прописывающих нам одуряющие корни или ипекакуану», когда он называл не понимающим мысли Шекспира того, кто превратил ведьм «Макбета» «в неподвижные фигуры или даже в греческих парок», когда он указывал на пример греков тому, кто осмеливался «переносить христианские мистерии на театральную сцену». Когда он говорит о шуме, который производят новейшие исторические драмы, о фальшивом употреблении идеи о судьбе или об употреблении во зло трогательных сцен, то мы постоянно читаем между строк имя «великого Шиллера»² или, что для автора почти одно и то же, имя Коцебу. Самый язвительный из его по-

¹ Однако сам Гердер почтил шлегелевский перевод Шекспира тем, что в «Калигоне» (II, 68) поместил длинный отрывок из переведенного Шлегелем «Сна в летнюю ночь». Что Гердер желал продолжения этих переводов, видно из напечатанного у М. Бернэ (Zur Eutstehungsgeschichte des Schlegelschen Shakespeares. С. 254) письма Шлегеля к Гердеру от 22 мая 1797 г.; в этом письме Шлегель признается, что учился у Гердера искусству переводить. Какого мнения был Гердер о заслугах Шлегеля, мы могли бы узнать из обещанного, но оставшегося ненаписанным разбора эшенбургского перевода (Erf. Gel. Ztg. от 27 сент. 1800 г.).

² В одном ненапечатанном отрывке «Воспоминаний», который может служить лучшим комментарием в настоящем случае, между прочим говорится, что Гердер не находил в шиллеровских драмах ни удовольствия, ни наслаждения. «Так как в нем жил дух древних, то ему была противна уродливость и непоследовательность содержания и напыщенность выражений. Его отталкива-

лемических приемов заключается именно в том, что он ни разу не называет имени Шиллера, а Лессинга превозносит как такого драматурга, который стоит наряду с греческими писателями и с Шекспиром. «Натан» и «Эмилия Галотти» — вот настоящие фабулы судьбы, а вовсе не «Валленштейн» и не «Ифигения»! Даже те холодные и натянутые похвалы, с которыми автор отзывался о Гёте еще в «Письмах о гуманизме», теперь совершенно умолкли. От имени благородной Адрастеи автор осуждает всю театральную деятельность своего старого друга, который, к сожалению, сделал непростительную ошибку, вступив в союз с Шиллером. «Я щажу как могу и что могу», — писал Гердер Кнебелю; но на самом деле та снисходительность, которую он оказывал слабым литературным произведениям отжившего поколения, была лишь оборотной стороной той вражды, с которой он преследовал великие произведения своих бывших друзей. Но «политическая тенденция», побудившая его выпустить некоторые лучшие страницы из той главы четвертого номера «Адрастеи», где идет речь о драматургии, лишь усилила неприятное впечатление, которое производит этот номер. Его мнение о шлегелевском «Ионе» было высказано с неуместной горячностью, но в сущности было верно. Он основательно осуждал это подражание эврипидовской поэзии за то, что в нем не было ничего греческого, и находил его мораль очень сомнительной. Ведь это были ничем не прикрытые порицания, смысл которых был вполне ясен. Этим способом автор ясно обозначал границу, за которой классическое произведение рисковало утратить свой классический отпечаток, а поэзия рисковала сделаться неблагородной и безнравственной. Но для Гердера было достаточно того, что Бёттигеру не было дозволено напечатать его рецензию, — так как он «не желал связываться с Гёте», то он оставил написанные страницы в своем письменном столе, из которого они были вынуты только после его смерти и напечатаны в одиннадцатом номере «Адрастеи» (VI, I, 97 и сл.)¹.

Нет никакого разумного основания требовать от каждого критика, чтобы он доказал на деле, что сам способен «написать

ли от Шиллера и налету схваченная этим поэтом судьба — это пугало, которому он придавал такое неверное значение и которое он впихивал во все свои драмы, оскорбляя человеческое чувство, — и лесть, которой он осыпал слабости правителей и народов, и дерзкие нападки на религию, которые он позволял себе делать публично в театре».

¹ Каролина к Кнебелю незадолго перед 25 янв. 1802 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 328). К Глейму 1 марта 1802 г. (С, I, 301).

лучше». Но, по-видимому, можно было с некоторым основанием предъявить такое требование тому критику, который не хотел признавать никаких достоинств за самыми блестящими произведениями современных поэтов, а с другой стороны, с пафосом пророка или законодателя присваивал себе право устанавливать мерило для оценки литературных дарований. Именно такую роль взял на себя Гердер; кроме того, он сам так часто подвизался на поприще поэзии, что ему было непозволительно ограничиваться презрительным пренебрежением к продуктам современного поэтического творчества, — на нем, очевидно, лежала нравственная обязанность объяснить на собственном примере, как следует писать, и своими собственными произведениями пристыдить кропателей плохих стихов. А так как те совершенства внешней формы, которыми могли похвастаться его противники, имели в его глазах ничтожную цену, то его стремление к нравственности содержания, к сердечности и задушевности могло бы увенчаться успехом только в том случае, если бы он выступил на арену с поэтическими произведениями, не уступающими по внешней форме «Герману и Доротее» или «Ифигении» и «Тассо», «Валленштейну» и «Марии Стюарт», но превосходящими эти драмы чистотой и благородством идей, глубиной и силой чувств. Но на деле оказалось, что он был в состоянии противопоставить глубоко обдуманному и тщательно обделанному образцовым произведениями только посредственные поэтические отрывки, в которых преобладали нравственные цели, а чувства выражались при содействии музыки.

Бёттигер высказал Гердеру прямо в лицо следующую лесть: «Адрастея, которая так верно все измеряет и взвешивает, очевидно, способна сама создавать поэтические произведения по установленной ею мерке». Эти слова были сказаны по поводу появления поэтических отрывков в третьем номере «Адрастеи»; такими же похвалами приветствовал Бёттигер и появление таких отрывков в четвертом номере журнала. И в следующих номерах были щедрой рукой разбросаны промеж написанных прозой статей переводы эпиграмм и легенд, дидактические и лирические стихотворения. Именно в «Адрастее» печаталось все, что автор еще не успел высказать ранее или что лежало ненапечатанным в его портфеле.

Только немногие и не самые слабые из поэтических произведений Гердера печатались, кроме того, и в других изданиях. Гердер не мог отказать Якоби в том, что прежде делал для Шиллера, — по просьбе Жан-Поля, он отдал для помещения в издавав-

шейся братьями Якоби «Ueberflüssige Taschenbuch für das Jahr» 1800 г. небольшой поэтический разговор¹ между нуждой и избытком, написанный в подражание платоновской аллегории. Несколько поэтических «цветков» он поместил у Секендорфа в его «Ostertaschenbuch» на 1801 г.² Именно в «Адрастее» ему следовало бы поместить его «Элоизу», которую он напечатал у Фивега в его «Taschenbuch» на 1802 г.³ Ведь героиду Попа «Элоиза к Абельяру» он объявил «клеветническим» стихотворением в приложении к главе о сказках и романах в третьем номере своего журнала. То было бы исполнением главной задачи «Адрастее», если бы Гердер вступился за несчастную возлюбленную Абельяра, если бы он написал на ту же тему хорошее стихотворение и пристыдил Попа. Такая задача была совершенно во вкусе Гердера: ведь ему пришлось бы защитить чистый женский характер от клеветы и воспеть в лице Элоизы женскую любовь, женскую энергию, женское благородство. Он, действительно, сначала написал в прозе исторический очерк ее личности, а потом переделал прозу в стихи. Но его «Nänien an ihrem Sarge» доказали, что он не должен дерзать соперничать с Попом. Вследствие неуверенности, что «Адрастее» найдет читателей, он не захотел поместить в ней и свое аллегорическое стихотворение «Каллигения, мать красоты», а напечатал его в «Карманной книжке» Вильмана на 1803 г., потому что карманные книжки были, по его мнению, настоящей базарной площадью⁴. Он рассказывает сновидение — приятное, но вместе с тем пропитанное ненавистью сновидение, заключающее в себе квинтэссенцию его эстетических воззрений, к которым примешиваются выражения его ненависти. Каллиасу снится, что он отыскивает отечество красоты; проходя мимо мальчишек, которые пускают мыльные пузыри и делят между собой песчинки в надежде произвести нечто изящное, он отворачивается от этих противных личностей, которые ищут отечество красоты в отечестве сладострастия; освежившись купанием в море невинности, он достигает страны благородных усопших — поэтов, мудрецов, художников, естествоиспытателей; его

¹ Он напечатан Иоанном Георгом Якоби с предисловием Фр. Генр. Якоби в Гамбурге (*Perthes*. С. 38 и сл.). Сравн. письмо Якоби к Жан-Полу от 19 февр. 1799 г. (*Цётцрич*. I, 209 и сл.).

² SWH. I, 84: Die edlere Racke; с. 150: Meine Blume; с. 155: Ursprung des Ideals.

³ Там же с. 29 и сл.; теперь она напечатана в SWS. XXVIII, 283 и сл.

⁴ К Кнебелю в ноябре 1802 г. (Knebels Litt. Naclil. II, 306 и сл.; SW в отделе литер. VI, 285 и сл.).

окружают все бывшие знаменитости даже из самой близкой эпохи, но он идет вслед за Клейстом и Лессингом. Блаженным обитателям отечества красоты известны имена Клопштока, Глейма, Виланда, но из их уст не слышать именно тех имен, которые следовало бы услышать прежде всех других; напротив того, Лессинг ведет речь о плевелах, которыми зарос земной Парнас. Таким образом, Каллиас наслаждается гармонией природы и ее символом — светом; наконец, он видит мать красоты и узнает от нее, что только любовь может создавать красоту и наслаждаться ею. Читатель, конечно, приходит в недоумение от такого пристрастия в распределении похвал.

Возвращаясь к появившимся в «Адрастее» поэтическим произведениям, мы не находим, чтобы они служили украшением для журнала или опорой для критических суждений автора. Они большей частью слабее прежних поэтических произведений Гердера, вследствие того что в них преобладают отвлеченные идеи и нравоучительные цели. Это статьи и размышления в стихах; в них местами попадаются удачно нарисованные картинки, изящные штрихи, остроумные или проникающие в душу читателя выражения; но в целом они еще более утомительны, чем те прозаические рассуждения, для которых они служат дополнением или которые они парафразируют. Например, мысль, что в сновидении перед нами раскрывается глубина нашего собственного сердца и ума, могла бы служить достаточным содержанием для эпиграммы; но эта мысль, уже развитая автором ранее, снова служит содержанием для «Gespräch mit dem Traume» — чрезмерно длинного, многоречивого стихотворения. Автор задумал изложить в большом дидактическом стихотворении всю сущность своих воззрений на необходимые реформы искусства, на его предназначение быть орудием для высших целей человечества — и написал «Пигмалиона», из которого первая песнь появилась в четвертом номере «Адрастеи», а вторая — в девятом. В этом случае Гердер снова сблизился с романтиками; его «Пигмалион» напоминает — не в свою пользу — стихотворение А. В. Шлегеля «Союз церкви с искусствами»; даже нельзя не заметить, что он находился под влиянием этого стихотворения, возбуждавшего в нем сильный восторг; но имени автора, он, как кажется, не угадал¹. «Эти чувства и выражения вынесены Вами

¹ Каролина к Кнебелю в марте 1800 г. (Zur Deutschen Litt. I, 171). «Пигмалион» напечатан теперь (с двумя отрывками из предположенного продолжения) в SWS. XXVIII, 264 и сл.

из Италии», — писал Гердеру Кнебель; действительно, форма стансов подтверждает это мнение. Но она уже и сама по себе способна вовлекать поэта в чрезмерную растянутость, а Гердер, кроме того, пользовался ею вовсе не удачно. В стихах, которые только дружба могла находить «изящными и приятными», повторяются те же мысли, которые высказывались гораздо яснее в «Письмах о гуманизме» и в «Каллигоне»; автор растягивает их на множество бесцветных стихов, нередко рискуя потерять их нить, а когда доходит до конца, то читатель приходит к убеждению, что автор мог бы остановиться и на половине своего стихотворения.

Но, говоря о драматической поэзии своего времени, Гердер имел в виду главным образом борьбу со своими противниками и не мог не сознавать, что на нем лежала обязанность доказать на собственном примере исполнимость предъявленных им идеальных требований. С достойным похвалы мужеством, но в то же время с неосновательной уверенностью в своих силах и дарованиях, прощительной только начинающему свою карьеру писателю, он в конце своей жизни стал добиваться славы драматического писателя. Он был до такой степени проникнут убеждением в нравственно-религиозной миссии стихотворного искусства, до такой степени был возмущен господствовавшим на театральной сцене влечением к дивертисментам и к блестящей обстановке, наконец, до такой степени завидовал славе двух великих поэтов, что, совершенно позабыв, как он сам часто отказывался от названия поэта, осмелился взяться именно за тот вид поэзии, который, по его собственному мнению, был самым трудным, самыми влиятельным и самым художественным. «Эон и Эонида» были только прелюдией. Он теперь стал печатать свои драматические произведения и в «Адрастее», и в других изданиях. Он поместил свою мелодраму «*Ariadna libera*» в «Карманной книжке», изданной в 1803 г. Фивегом, «Раскованного Прометея» — в седьмом номере «Адрастеи» и свою последнюю драму «Дом Адмета» — в «Карманной книжке» Вильманса¹. Во всех этих произведениях он пытался осуществить тот идеал, который казался ему заманчивым еще в его ранней молодости — попытался соединить драматический элемент с музыкальным. Теперь он поднялся одной ступенью выше, потому что имел в виду более высокую цель.

¹ Все эти три произведения напечатаны теперь в SWS. XXXIII; в примечаниях к с. 306 и сл., к с. 329 и сл., к с. 369 и сл. можно найти все необходимые ссылки.

Точно будто из желания соперничать с гётевским «Гёцем» он когда-то написал своего «Брута» под влиянием Шекспира; а теперь, из желания противодействовать фальшивому подражанию древним поэтам, он хочет доказать на своих драматических очерках, каким образом можно пользоваться древними фабулами в духе древних, согласно с правилами аристотелевской поэтики, но в то же время сообразно с теперешними нравами, с теперешним направлением мыслей и чувств. Он ясно высказывает это намерение в предисловии к «Ариадне». Он начинает объяснением нравственного смысла этой фабулы, уже давно ему очень нравившейся благодаря кантате Герстенберга на эту тему. Нельзя бы было найти более изящный символ для освобождения человечества от удручающего его зла, для награждения доверчивого великодушия, для справедливого возмездия, постигающего вероломство! Наше чувство возмущается только низкой неблагодарностью героя — поэту Нового времени было бы позволительно смягчить эту черту характера посредством небольшого видоизменения фабулы. Вместо того из уст дидактического поэта вырывается замечание, отзывающееся желчной раздражительностью: на новой театральной сцене, говорит он, эта прекрасная фабула не появлялась, быть может, только потому, что «ни один из находящихся в живых фезеев не напоминает о своих покинутых Ариаднах, а он также не желает брать на себя роль Диониса, чтобы вознаградить покинутую». Поэтому он со своей стороны намеревается подвести три сцены «под высший закон греческой драмы, по которому вознаграждающая и наказывающая судьба господствует над деяниями и заблуждениями смертных»; кроме того, он намеревается испробовать на опыте, «можно ли без всякой натяжки вводить хоры греческой драмы, без которых эта драма почти немислима».

Почти с такой же целью и под влиянием произведений Эсхида был написан «Раскованный Прометей». В противоположность грецизму «Иона» Гердер намеревается придать греческому миру человечность и мягкость. Старик Глейм уже ранее указывал Гердеру на отсутствие человечности в древних мифах и в особенности в мифе о Прометее. Поэтому ему и была посвящена эта драма, которую Гердер набросал так поспешно, что даже сам не был ею доволен¹; оттого-то он и не желал, чтобы его сравнивали с Эс-

¹ См. в переписке Гердера с Глеймом № 247, 248. Каролина писала 19 февр. 1803 г. Кнебелю: «„Прометей“ остался гораздо ниже того, чем желал его сделать автор. Его можно бы было и следовало бы перепечатать, если бы у автора достало денег и свободного времени».

хилом, а утверждал, что написал лишь несколько сцен. Однако и на этот раз он постарался облагородить поучительную символику древней фавулы; он счел себя вправе превратить ее в нечто похожее на драматизированную парамифию, вложив в нее мысль о «божественном духе, постоянно стремящемся к пробуждению в человеке всех его способностей».

Наконец, он переделал рассказ об Адмете и Алкесте в дидактико-нравственную «фавулу судьбы», — в драму с хорами «Admetus' Haus, der Tausch des Schicksals», которой сначала дал заглавие «Nug(i)ea». На этот раз и пролог, и эпилог объясняют внешнюю и внутреннюю тенденцию драмы. В прологе автор повторял то, что уже говорил в предисловии к «Ариадне». И на этот раз он имел в виду борьбу с ложным направлением драматического искусства — ведь он говорил, что зрители должны вынести из его пьесы не одни только трогательные впечатления, а также сознание, что справедливость все взвешивает и все приводит к надлежащему концу. Но на этот раз он выбрал самую возвышенную тему, какую только можно себе представить, а героиня, которую он воспевает, — «самая великая из всех героинь, какие встречались в человеческом роде». Здесь он драматически развивает именно ту мысль, которой искал его глубокомысленный идеализм в эзоповской басне, — он старается наглядно представить любовь, которая руководит действиями всех живых существ, сама себя охраняет, но приносит себя в жертву целому. Нравучение драмы заключается в том, что «любовь выражается в магических словах: „для тебя!“», что в этих словах, повторяющихся с большим эффектом в эпилоге, заключаются «и счастье человеческой жизни, и сущность внутренней связи между людьми», что несчастлив тот, кто замыкается в самом себе, а блажен тот, кто действует для других, кто наслаждается их счастьем и живет их жизнью.

В этом последнем и самом важном драматическом произведении Гердера на нас производит приятное впечатление искренность любви, искренность супружеской и материнской нежности. Автор, по-видимому, забывает и о своем намерении написать образцовую мелодраму, и о своем негодовании на мнимую негодность современной драматической литературы. Его пьеса кажется нам еще более привлекательной, когда мы узнаём в действующих лицах старинной фавулы не вымышленные существа: ведь дом Адмета — дом Гердера. Когда автор написал Кнебелю, что между древними героинями нашел только одну, обладавшую духовной красотой, то Кнебель отвечал, что ему нетрудно было

сделать такую находку, потому что образец такой героини имелся в его собственном доме¹. Окончив отделку драмы во время своего отсутствия из Веймара, он отослал ее к жене с просьбой высказать ее мнение. В ответ на ее письмо он писал: «Я радуюсь тому, что тебе понравился „Дом Адмета“; так как я не похож на Адмета, то ты выше Алкесты»². Таким образом, описывая в поэтической форме свою любовь к Каролине и ее самоотверженную преданность к нему, он воздвигал памятник в честь этой, единственной в своем роде, супружеской привязанности! Но, к сожалению, это произведение никак нельзя назвать образцовой драмой! Действующие лица не обрисованы с достаточной рельефностью и вообще не выделяются из содержания фабулы. Благородные чувства и размышления уже заранее готовы, между тем как по законам драматического искусства они должны бы были возникать из взаимодействия характеров, должны бы были выступать наружу с поразительной наглядностью и живостью; они составляют фундамент, а действие происходит как будто позади этого фундамента. Поэтому драматическая форма не усиливает интерес, а уменьшает его; мы тщетно ожидаем развитие характеров и эффектных сцен; мы точно будто не слушаем, а читаем музыку и патетическую речь, а потому чувствуем утомление и скуку. Кроме того, автор насильственно втиснул нравоучения в старинный рассказ об Ариадне, вернее, вставил заплатки в тех местах этого рассказа, где вовсе не было ничего нравоучительного. Более остроумно и более смело воспользовался наш поэт-философ сказанием о Прометее. Он вложил в изложение этого сказания ни более ни менее, как всю свою философию истории. К сожалению, костюм античной мифологии был вовсе не к лицу его гуманной философии! Еще Кнебель заметил, что его Агафья, служившая олицетворением чистого гуманизма, была похожа, скорее, на католическую святую и не годилась для роли древней богини³. Вообще можно сказать, что пестрота и несвязность содержания обнаруживают в авторе дилетанта в драматическом искусстве, а неясность аллегории обнаруживает дилетанта в поэзии. Наконец, очень верно и другое замечание Кнебеля, что было бы лучше совершенно обойтись без декораций и без музыки, потому что они

¹ К Кнебелю в конце нояб. 1802 г. и Кнебель к Гердеру 30 нояб. (Knebels Litt. Nachl. II, 306 и 365).

² См. не попавшее в печать место из того письма от 5 авг. 1803 г., из которого только отрывки приведены в «Воспоминаниях» (III, 231); сравн. также лишь не вполне напечатанное на с. 230 «Воспоминаний» письмо от 21 июля.

³ С, III, 225, 226; сравн.: Knebels Litt. Nachl. II, 334.

ничего не прибавляют к достоинству драмы, а только напоминают о «какой-то театральной обстановке». Этим замечанием он, без предвзятого намерения, попадает в самое больное место гердеровской драмы — ведь без такой обстановки это дидактико-аллегорическое произведение имело бы еще менее сходства с настоящей драмой. Стараясь побороть склонность к сценическим эффектам, Гердер сам увлекся такой же склонностью. Именно благодаря изобилию таких эффектов и декоративных аппаратов он был в состоянии придать лишенным драматизма сценам внешний вид драматического оживления.

Можно бы было ожидать, что с такой же основательностью, с какой автор «Адрастеи» подробно объяснял «чистую идею драмы», он объяснит чистую идею эпоса и родственных с эпосом видов поэзии. Сам Гердер называл началом такой работы свою статью о Гомере, помещенную в журнале «*Neogen*»; в материалах для такого предприятия у него, конечно, не было недостатка¹, а поводом могли служить некоторые из современных поэтических произведений. Разве некоторые из произведений его старого друга Гёте, отличавшиеся безукоризненно нравственным и даже патриотическим направлением, не могли заставить его снисходительно относиться к «Ксениям» и ко многим другим прегрешениям современных поэтов? Неужели же «Герман и Доротея» были противны нашему критику, оттого что такие люди, как Вильгельм Гумбольдт и Август Вильгельм Шлегель, нашли это произведение образцовым и сравнивали его с гомеровскими поэмами?² Как бы то ни было, а автор «Адрастеи» не осмелился коснуться «Вильгельма Мейстера», хотя, как нам уже известно, он находил это произведение не вполне удовлетворительным; даже его намерение воздвигнуть в «Адрастее» литературный памятник Жан-Полю осталось неисполненным — этот друг был принужден довольствоваться сделанным вскользь замечанием, что в его голове «работают рядом с его собственным умом умы Свифта, Фильдинга и Стерна»³. Только в девятом номере журнала

¹ См. выше, с. 672, 702, также то, что говорит Суфан (SWS. XVIII, 578) о собранных для этой работы материалах в отделе, озаглавленном «*Vallum humanitatis*».

² Только в переписке Глейма (С, I, 235, 260) я нахожу упоминание о гётевской поэме. Однако Дюнцер, по всему вероятно, основательно относит к той же поэме следующее содержание гётевской записочки к Гердеру от 17 мая 1797 г.: «Одобрение, с которым ты относишься к моей поэме, неоценимо для меня. Я желаю, чтобы ты впредь всегда находил ее достойной такого одобрения» (А, I, 150).

³ Адрастея. V, I, 46; почти то же самое говорилось и в «Каллигоне» (II, 74).

Гердер снова завел речь о поэтике, прерванную размышлениями о трагедии; и в этом номере, и в десятом¹ он говорит об эпосе, о романсах и о народных песнях. Однако содержание первых глав этого исследования имеет слишком большое сходство с содержанием старых статей Гердера о Гомере и Оссиане; при этом автор доставляет себе то удовлетворение, что громко восхваляет заслуги своего друга Гейне по изучению Гомера, а заслуги Вольфа умаляет или тем, что предумышленно игнорирует их, или тем, что упоминает о них без одобрения. Только в главе «О художественном построении эпоса» встречается несколько новых или изложенных в новой форме идей, для которых по-прежнему служит основой теория Аристотеля. Здесь автор очень остроумно и наглядно объясняет, что всякий рассказ в сущности не имеет конца, а получает определенные размеры только благодаря способу поэтической обработки, что в эпическом стихотворении главную роль играет миф, а характеристика имеет только второстепенное значение, что в эпосе необходимо вмешательство божества, хотя бы это было мнимое божество, что эпическое стихотворение существенно отличается и от истории, и от трагедии. Говоря о том, что эпос немыслим без веры в чудеса, без вмешательства Небес, он замечает: «Когда Иван берет в жены Маргариту, а Маргарита берет в мужья Ивана, оба они поступают хорошо и как следует; такой рассказ может быть приятен; но автор эпоса и не может, и не желает производить такое же впечатление». Что хотел сказать автор этим отрицательным положением или тем, что он впоследствии упоминал об «эпопее супружества»? Не имел ли он намерения поднять на смех вместе с фоссовской Луизой гётевских девять муз? Пусть каждый объясняет его слова по-своему; для нас не подлежит сомнению только то, что он настойчиво относил Клопштока и Виланда к числу первых эпических поэтов, а свою характеристику эпоса излагал таким способом, что о произведениях Гёте не могло быть и речи. Его полемическая цель обнаруживается еще яснее в десятом номере «Адрастеи», в статье о романсах, которая, впрочем, имеет очень сходное содержание с тем, что говорилось об этом предмете в седьмом сборнике «Писем о гуманизме». Здесь делаются основательные нападки на ис-

¹ Девятый номер был окончательно отпечатан в половине мая 1803 г.; об этом номере, как о только что полученном, Кнебель говорил 17 мая (С, III, 233). Десятый номер, составленный осенью 1803 г., появился только после смерти Гердера в 1804 г.; тогда же были изданы и два последних номера, составленные Готфридом Гердером из оставшихся после Гердера бумаг; к ним Готфрид прибавил предисловие от 16 марта 1804 г.

кусственные созвучия, к которым прибегают последователи Шлегеля, а имена Гагедорна, Глейма и Гёца упоминаются с похвалой, для того чтобы их не забывало новое поколение. Но вслед за этим автор относится к содержанию романсов со строгими требованиями: он говорит, что для романса следует выбирать такое содержание, в котором обнаруживался бы «приговор Адрастеи», но никак не следует излагать в романсе в привлекательной форме то, что не удовлетворяет этого требования. А на кого намекают следующие слова автора: «Уж не хотят ли отказаться от Бога и прибегнуть к могуществу дьявола, для того чтобы доказать, что посредством безыскусственной песни мы можем извратить человеческое сердце, уничтожить нравственные правила, считавшиеся святыми, и насмеяться над религиозными убеждениями?» Смысл этого намека вполне понятен для всякого, кто не забыл неодобрительных отзывов Гердера о гётевских балладах «Бог и баядера» и «Коринфская невеста». Гердеру, присутствовавшему в марте 1803 г. на концерте у Гёте, пришлось слушать только гётевские и шиллеровские романсы, а его жена рассказывает, что он занемог от этой музыки¹. Таким образом оказывается, что во всем, что писал Гердер, проглядывала его полемическая цель. Между разнообразными повторениями у него все еще встречаются остроумные идеи в той главе, помещенной в самом конце десятого номера, где снова заходит речь об эпосе. Так, сюда можно отнести: установленное им различие между этической эпопеей и патетической, ближе подходящей к трагедии, его указание на то, что Колумб мог бы сделаться героем эпической поэмы, его указание на то, что язык есть неистощимый источник полной жизни мифологии и т. п. Нам неприятно отыскивать эти золотые крупинки в его журнале не потому только, что он излагает свои мысли в изысканной форме, несколько похожей на разговорную, и не потому только, что он не всегда твердо придерживается одной и той же точки зрения, а главным образом потому, что он постоянно имеет в виду полемику и отзывается с сочувствием только о старых литературных произведениях. Неужели и в то время еще были лучшими эпическими стихотворениями «Мессиада», «Оберон» и т. п.? Неужели изящные гётевские стихи действительно заслуживали того, чтобы Гердер называл их «игрушками, прельщавшими примесью чародейства», и ставил их ниже произведений Клопштока, даже ниже произведений плохих гётевских подражателей?

¹ К Кнебелю 18 марта 1803 г. (Zur detitschen Litt. II, 42).

Посмотрим теперь, имел ли Гердер более успеха на эпическом поприще, чем на драматическом, стараясь объяснить на собственных произведениях, в чем заключались его требования лучшего. Во всяком случае не подлежит сомнению, что его теоретические суждения о сущности эпической поэзии более отрывочны и незрелы, чем его суждения о сущности драмы. Вообще можно заметить, что в течение двух следующих лет «Адрастея» не заключала в себе ни одной такой же цельной по своим выводам статьи, какой была статья о драме. Между статьями, написанными прозой, достойна некоторого внимания та глава в шестом номере «Адрастеи» (Гердер назвал ее «Licht-Adrastea»), где шла речь о великих астрономических открытиях предшествующего столетия¹. Отсюда мы можем получить довольно ясное понятие о задуманном им много ранее сочинении «Адрастея, или О законах природы»; руководящая мысль этого сочинения заключалась в том, что «там на небесах, в чистом эфире, Адрастея измеряет, исчисляет и взвешивает с большей очевидностью, чем здесь на земле». При этом автор, точно так же как и в своей поэтике, вовсе не становится во главе современного умственного движения. Его уже предупредил Шеллинг, сочинения которого — «Идеи о философии природы» и «Всемирная душа» — он уже читал². Этот юный и одаренный пытливым умом мыслитель не стал в противоречие с субъективно-нравственным мирозерцанием Канта и Фихте, а стал продолжать их умственную работу, воспользовался их формулами и новейшими открытиями в области естествоведения и постарался проникнуть в сокровенные тайны природы. Пораженный аналогией природы с человеческим «я», он стал проводить параллель между борьбой сил природы и борьбой умственных сил, дополнил трансцендентальную философию натурфилософией и, посредством эстетического мировоззрения, соединил идеалистическое понимание природы в одно целое с натуралистическим объяснением происхождения духовной жизни. Но он только придал ясность и наглядность тому воззрению, которое было окружено более или менее густым туманом в философии истории Гердера и в его понятии о Боге, заимствованном от Спинозы. Сознательная или бессознательная связь новой натурфилософии с гердеровской поэтической философией обнару-

¹ Knebels Litt. Nachl. II, 305. Шестым номером Гердер был занят 20 мая 1802 г. (Там же, 284). О пятом номере Кнебель высказал свое мнение еще 10 мая (С, III, 212 и сл.), а принц Август благодарил за присылку этого номера 20 мая.

² К Кнебелю (Knebels Litt. Nachl. II, 276).

живается не только в одинаковой, заимствованной от Спинозы, подкладке, не только в одинаковом поэтическом отпечатке, но и внешним образом в заглавии одного из шеллинговских натурфилософских сочинений, напоминающем историческое сочинение Гердера. Но эта натурфилософия была поставлена на новые метафизические подмостки и излагалась при помощи усвоенных школой Шеллинга формул; поэтому Гердер не заметил ее сходства с его собственными идеями и даже возненавидел ее. Он не был в состоянии делать беспристрастную оценку помещавшихся в «Атенеи» эстетических, критических и историко-литературных статей, потому что находил в них неуместную примесь и преувеличения; еще менее был он способен признавать эти статьи за плоды, выросшие из посеянных им самим семян; точно так же он не был в состоянии понять, что учение Шеллинга было плотью от его собственной плоти; он отвергнул это учение, потому что нашел в нем сходство с учением Канта и Фихте. Он желал философствовать о природе по-прежнему — т. е. на свой собственный страх, и выказал себя в этом случае и поэтом, и дилетантом. В ньютоновское воззрение на мироздание он вносит мораль и эстетику. Он повторяет свою старую излюбленную мысль: в мире повсюду видно присутствие органически развивающихся сил; мудрая благость вносит в него благоустройство; закон тяготения создает полный жизни мир не для себя, а в исполнение высших законов развития. То в диалогической форме, то в форме ораторской речи автор поэтизирует новейшие научные исследования и углубляется в естественные свойства света, о котором уже вела речь его «Kalligenia». Он сходится в своих воззрениях с Шеллингом, хотя и старается согласовать эманационную теорию с ундулационной. Он говорит, что солнце испускает потоки света, но производит этот свет из окружающего его небесного эфира посредством непрерывного движения; тогда пространство является не безжизненной пустыней — напротив того, темная даль «есть мать, а способность этой матери возбуждать свет есть отец всех живых существ». Сам Гердер был очень доволен этой, основанной на гипотезах, теорией света. Еще в «Каллигоне» он с особенным удовольствием писал главу о красках и тонах, объясняя, каким образом и в тех, и в других обнаруживается присутствие одного общего правила, которому подчинены наши чувственные ощущения. Он воображал, что нашел этим способом средство внести единство во всю систему наших знаний и чувствований¹.

¹ К Кнебелю 11 июня 1800 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 333).

Он называл теорией то, что было лишь совокупностью поэтических размышлений. Ничем другим была и теория красок, которую он отложил с целью поместить ее в одном из позднейших номеров «Адрастеи». Из тех страниц, которые были им написаны на эту тему¹, видно, что он старался согласовать теории Ньютона и Эйлера только из эстетических побуждений — для того чтобы придать краскам более привлекательное значение. При этом он указывал на субъективное значение красок. Он усматривал в скале красок порядок и закон, между тем как физическая причина этого явления остается невидимой. Свет имеет, по его мнению, невидимый для наших глаз самый чистый белый цвет; а его земной представитель, насыщенный теплородом, есть желтый цвет, от которого идут в обе стороны различные отражения света. Эта теория красок имеет сходство с гётевской по отсутствию математической определенности и вместе с тем не расходится с воззрениями Ньютона. Можно сказать, что в ней более поэтичности, более остроумия и философии, но она, к сожалению, основана лишь на фантастических соображениях, а не на таких же серьезных наблюдениях, какими руководствовался Гёте. Этот последний выказал себя в своей теории художником, а Гердер — музыкально настроенным поэтом. Оттого-то у Гердера мы постоянно находим аналогию света со звуком, аналогию скалы красок с циклом тонов. При помощи музыки он старался облегчить понимание сущности трагедии; также при помощи музыки он старается объяснить свойства света и красок. То не было простой случайностью, что в шестом номере «Адрастеи» Гендель и Глюк превозносятся наряду с Кеплером и Ньютоном, что от астрономии делается переход к музыке, для того чтобы завести речь об оратории и кантате и снова изложить старые идеи о святой Цецилии, об описательной поэзии и о живописной музыке. Но мы тщетно стали бы искать в главе о свете упоминаний о гётевских статьях касательно оптики. Гердер, по-видимому, хочет превзойти Гёте, но так, чтобы не было надобности упоминать имя этого старого друга. Он жаловался Кнебелю на то, что иные находили в его статье о свете какие-то *riques*. Но разве могло быть иначе! Ведь в каждом из венков, сплетенных этой «Адрастеей», были колючие шипы; кроме того, мы имеем основание предполагать, что в них было немало скрытых колючек, потому что те, которые

¹ Эти страницы были в первый раз напечатаны после смерти Гердера Иоан. Мюллером в собрании сочинений Гердера (SW в отделе филос. XII, 76 и сл.).

ясно видны, крайне отвратительны; так, говоря об астрономии, Гердер умышленно ставит Канта ниже Ламберта, а в заключительной главе о Сведенборге с несочувствием упоминает о кантовских «Грезах духовидца». Об этих «Грезах», равно как о «Всеобщей натуральной истории и теории неба» вернее судил молодой Гердер, чем старый, прикрывавший свои пристрастные отзывы именем богини справедливости.

Но, помимо этой экскурсии шестого номера «Адрастеи» в область натурфилософии журнал наполнен политико-историческими, эстетико-литературными и нравственно-религиозными размышлениями. Из оглавления отдельных статей видно, что пестрое содержание журнала представляет собой жидкую ткань, в которой постоянно проглядывает главная руководящая нить — желание охарактеризовать события и личности деятелей предшествовавшего столетия. В пятом номере «Адрастеи» главными историческими личностями являются Карл XII и Петр Великий! И мы со своей стороны готовы подписаться под следующими словами, сказанными Кнебелем в похвалу гердеровской характеристике этих замечательных людей: «Автор относится к этим героям без строгих нравственных требований и воздает им все, на что они имеют право по своим врожденным качествам. Отсюда видно, что к выдающимся личностям, сделавшимся достоянием истории, Гердер умел правильнее применять мерилу «Адрастеи», чем к современникам, пересекавшим ему дорогу или оказывавшим противодействие его причудам. Кроме того, еще с детства Гердеру представлялась в идеальном свете личность Петра Великого. Он характеризует, превозносит и оправдывает этого «благородного дикаря», изображая его точно таким же, каким воспевал в своей молодости, и полагает, что статуя великой Екатерины была бы таким же характеристическим памятником, как фальконетовская конная статуя Петра. Гердер снова увлекается теми идеями, которые когда-то были изложены в его политическом мемуаре о культуре русского народа, и снова предается мечте, что Оттоманская Порта уже не существует, что Россия нашла свое средоточие на берегах Черного моря и что в этом прелестном уголке земного шара расцвела новая Иония. Напротив того, его идеи о его прусском отечестве с течением времени все более и более изменялись и становились более основательными. Еще в «Письмах о гуманизме» Гердер пытался оценить по достоинству деятельность Фридриха Великого, а новейшие события заставили его вполне оценить значение государства, созданного этим замечательным королем. Теперь он ясно видит, что это го-

сударство лучше других умело противостоять бурям, занесенным в Германию из Франции, и обеспечить спокойствие внутри своих границ. Когда в начале июля 1799 г. молодой прусский король посетил вместе со своей супругой Веймар, Гердер представлялся им, и они произвели на него самое благоприятное впечатление. После этого представления он писал Глейму: «Король и королева достойны счастья и способны распространять его вокруг себя. Король, как мне кажется, уже сделал много добра: ведь половина, даже более чем половина, Германии уже обязана ему своим спасением. Дай Бог, чтобы в течение тех многих лет, в которые он будет царствовать, человечество было ему обязано еще в тысячу раз более!» Таким же тоном и «Адрастея» отзывается о прусском государстве и о том, какое важное значение имеет возвышение Пруссии в королевство. Гердер говорит, что Пруссия сделалась убежищем протестантизма и распространительницей просвещения. Он высказывает еще более возвышенные патриотические надежды. Ввиду происшедших в последнее время изменений в системе европейских государств Пруссия должна, по его мнению, сделаться в союзе с Австрией такой континентальной державой, которая будет служить для всех охраной. Австрия — естественная союзница Бранденбурга. Их постоянное соперничество было результатом ошибочной политики. Для того чтобы они сблизились для блага Европы и для безопасности Германии, «следует желать, чтобы Пруссия утвердилась на более широком и более глубоком фундаменте и облегчила своим подданным то бремя, которое они должны нести на пользу Европы».

Эти благоразумные и патриотические суждения вызвали со стороны Кнебеля безусловное одобрение. Он выразил желание, чтобы Гердер чаще и подробнее излагал такие политические истины. Но апостол гуманизма интересовался не столько политической историей государств, сколько историей их умственной жизни. В пятом номере «Адрастеи» он поспешил поставить наряду с именами замечательных полководцев и государственных людей имя Лейбница, с которым у него было так много общего. Но так как Гердер уже нередко говорил о Лейбнице в других сочинениях, то на этот раз он лишь постарался осветить с точки зрения новейшего времени лейбницевские идеи о теологии и религии, о юриспруденции и политике, об истории и языке, о математике, физике и метафизике; по поводу этих идей он снова изложил свои собственные, уже давно нам известные, воззрения на второстепенное значение различий между христианскими веро-

исповеданиями, на гуманность как на единственную основу кодекса международного права, на невозможность ввести один всеобщий язык, о недостатках метафизической поэзии и т. д.

И в качестве теолога, и в качестве проповедника гуманизма Гердер затронул в конце этого номера «Адрастеи», как кажется по указанию Кнебеля (С, III, 222), новый вопрос, о котором более подробно говорил в седьмом номере журнала. Кнебель основательно заметил, что в обширной главе о «Воспитании человеческого рода» должна занимать не последнее место деятельность христианских миссионеров, «трудившихся в предшествовавшем столетии над водворением духовного царствия». В разговоре между одним азиатцем и одним европейцем (разговоре, отзывающемся, по мнению доброго Георга Мюллера, чрезмерным пристрастием в пользу индусов) попытки обращать индийцев в христианство названы крайне навязчивыми и могущими найти для себя оправдание лишь в своих будущих благотворных последствиях. Почти в том же духе отзывался впоследствии Гердер о введении христианства в китайской империи. Не более благоприятен был его отзыв и о деятельности иезуитов в Парагвае. История миссии, действовавшей в Гренландии и в Лапландии, рассказана с более сочувственными отзывами о благородных намерениях миссионеров и об их стойкости. Но только в следующих за тем разговорах о национальных религиях автор излагает свое собственное мнение обо всех предприятиях этого рода. Так как нам уже известен его взгляд на право каждого народа оберегать свою национальность, на тесную связь между христианством и гуманизмом, то нам было бы нетрудно угадать, что он непременно будет идеализировать деятельность христианских миссионеров. Он говорит, что проповедование христианства должно получить новое направление, что было бы совершенно согласно с духом христианства, если бы национальные религии не искоренялись, а очищались посредством проповедования чистой гуманности. Точно так поступил Лютер, восстановивший у немцев вместе с настоящим народным языком и настоящую религию — религию умственной и сердечной добросовестности. Именно в этом смысле следует оставлять каждому народу его национальную религию, следует одну и ту же религию принаравливать к национальным особенностям каждого народа. Но только одна христианская религия способна к такому разностороннему обособлению. Она гуманнее всех человеческих религий, она даже чище и благороднее гуманна, чем религия греков. В качестве религии, господствующей над всеми другими религиями, она — то же, что «Адрастея,

но в гораздо более высоком значении этого слова, чем какое придавали ему греки», потому что она делает человека способным преодолеть дурные влечения и делает из гуманности мерило человеческих достоинств.

В седьмом и восьмом номерах «Адрастеи» автор касается еще некоторых других проявлений духовной жизни в истекшем столетии, некоторых других «замечательных особенностей склада ума и характеров, в той мере, в какой они оказывали влияние на современников»¹. Основателю братских общин посвящена особая глава, наполненная меткими характеристиками и снисходительными суждениями. Дополнением к ней служит глава о методизме, который назван жалким увлечением, способным возникнуть только наряду с издыхавшей епископальной церковью и с устарелым пуританизмом. В другой главе автор вступает за английских вольнодумцев, говорит об их влиянии на более свободные теологические воззрения, обнаружившемся даже в Германии, и затем переходит к восхвалению того человека, к которому его уважение все усиливалось, по мере того как их разделял все более и более длинный промежуток времени, — он называет Лессинга самым «правильно мыслившим из всех свободных мыслителей» и без всяких оговорок одобряет руководящие идеи его полемических сочинений касательно теологии. Но теми сочинениями Лессинга, содержание которых всего полнее соответствовало собственным убеждениям Гердера, по-прежнему были те диалоги, в которых понятие о гуманизме излагалось в применении к масонству. Еще во втором сборнике «Писем о гуманизме» Гердер частью переписал эти диалоги, частью продолжал их в первоначальном направлении². Делая в «Адрастее» обзор умст-

¹ Подобно тому как третий и четвертый номера «Адрастеи» за первый (1801) год издания появились лишь на Пасхе 1802 г., и два последних номера 1802 г., седьмой и восьмой, появились лишь в конце марта и начале апреля 1803 г. Работа медленно подвигалась вперед, как это видно из письма Каролины к Кнебелю от 25 января 1803 г. (Zur deutschen Litt. II, 40). Только пробные листы «Раскованного Прометея», которым начинается седьмой номер, Каролина отослала 4 февраля к Глейму (С, I, 306); в тот же день она писала Кнебелю (Knebels Litt. Nachl. II, 341), что еще печатаются и эта статья, и следующая за нею. Гердер был занят этой работой еще 19 февраля (Там же, 312), а Кнебель получил только вышедшие из печати листы (первые семь листов, как это видно из ответного письма Кнебеля от 26 февр. (С. III, 224). Он получил остальные листы седьмого номера 6 марта (С, III, 226) и только 22 марта (Там же, 228) благодарил Гердера за весь номер, окончательно вышедший из печати. И принц Август благодарил Гердера за этот номер 21 марта; восьмой номер был отослан Кнебелю 12 апреля (Knebels Litt. Nachl. II, 347).

² См. выше, с. 540; Письма о гуманизме. II, 127 и сл.

венного движения в истекшем столетии, Гердер, натурально, должен был завести речь и о масонстве, а основой для его воззрений, натурально, снова должны были служить диалоги Лессинга. Гердер сам поступил в Риге в масонское общество. Но он, подобно Лессингу, сделал это неохотно. Веймарская масонская ложа не могла похвастаться его участием в ее трудах и только благодаря своей личной связи с Боден он не прекращал своих сношений с ней¹. Его отталкивала таинственная обстановка, вследствие которой масонское общество легко делалось игрушкой стольких обманщиков и центром соединения для стольких подозрительных личностей. Он видел, как под прикрытием таинственности смешивались самые благородные цели с самыми низкими, суеверия — с просвещением. Ребяческие проделки алхимиков и розенкрейцеров были ему противны не менее проделок иллюминатов. «Я смертельно ненавижу всякие тайные общества, — писал он 9 января 1796 г. Гейне, — а то, что я знаю о них по собственному опыту, заставляет меня желать, чтобы все они были отправлены к черту; ведь под их внешностью кроется самый пронырливый дух властолюбия, надувательства и интриг». Это откровенное признание он высказал вследствие того, что познакомился в Готе с Коппе; то же самое писал он Г. Мюллеру². Впрочем, еще за два года перед тем он начал писать «Разговоры о тайных обществах, тайных науках и символах» с целью предохранить от такой опасной мечтательности и не оставлять последнего слова за берлинской «*Monatschrift*», повсюду усматривавшей следы влияния иезуитов. Эти разговоры остались недоконченными частью потому, что их автор не захотел утруждать себя собиранием фактических доказательств, частью потому, что он послушался совета Боден, который предупреждал его, что изданием такой статьи он навяжет себе на шею много влиятельных врагов³. Только в предисловии к переведенным стихотворениям Валентина Андреэ он сделал несколько намеков на то, что его современникам, точно так же как современникам Андреэ, могло послужить на пользу предостережение от разных сект и от их тайных руководителей, а в 1787 г. в своей памятной записке касательно учреждения немецкого патриотического института он мотивировал необходимость такого учреждения между прочим указанием на брожение умов, обнаруживающееся в сущест-

¹ Касательно его отношений к масонству см.: Воспоминания. I, 102 и сл.

² С, II, 200; *Гельцер*. С. 113.

³ К Гейне 13 июля 1786 г. (С, II, 203); *Böttmiger*. Litt. Zustände. I, 122.

вовании многочисленных тайных обществ. Но до нас дошли и этот первый, отложенный в сторону, разговор, и начало второго¹. Гердер излагает свои мнения об этом предмете в форме сказки. «Пустой и опасный человек» по имени Фразимах склонил молодого Адиманта к вступлению в одно тайное общество. Адимант увлекся надеждой, что его познакомят с «тайными науками», но его друзья Глаукон и Никии были того мнения, что все недоступное для человеческой природы останется для нее недоступным и во всяком тайном обществе. А когда эти два друга узнали, что шла речь о какой-то новой тайной морали и религии, то они высказали убеждение, что всякая тайная мораль может исходить только от обманщиков — потому что «требования морали всем хорошо известны; ведь они написаны в сердце каждого человека». Разным толкам о новом изучении морали автор противопоставляет христианское учение — «хотя оно и было поведано нам свыше, но оно проповедует лишь старую, вечно неизменную мораль, подкрепляя ее такими новыми мотивами, фактами и событиями, какими ее едва ли могли бы подкрепить наши тайные общества». Затем автор переходит к тайному религиозному учению. Он с презрительной насмешкой говорит о гностическом евангелии, которое показывали в одном тайном обществе, которое будто бы было очищено от искажений, вкравшихся в наши четыре евангелия, и раскрывало внутренний смысл истории Христа. Уже из слухов о существовании такого евангелия, говорит автор, ясно видно, как опасны эти тайные общества: «это закрытые от солнечного света уголки, в которых процветают обман и фантастические увлечения». Если же какое-нибудь тайное общество стало бы поучать истине и настоящей религии, то оно перестало бы быть тайным, потому что истина не должна бояться света и должна быть проверена людьми. Второй диалог начинается признанием Адиманта, что он сделал большую глупость, вступив в тайное общество, и его жалобами на то, что он нашел там таких людей, каких никак не ожидал там встретить, так что ему было неприятно целоваться и обниматься с ними!

Цель масонов заключается, по мнению автора, в надзоре за исполнением чисто человеческих обязанностей; они должны помогать советом и делом в тех случаях, когда законы оказываются недостаточными, когда гражданское общество покинуло или по-

¹ Я обязан Суфану знакомством с содержанием этой рукописи, занимающей 20 страниц маленького формата; он упоминает об этой рукописи в статье «Goethe und Prinz August von Gotha», помещенной в «Goethe-Jahrbuch» на 1885 г. (с. 37). И в других частях этой биографии я пользовался той статьей.

забыло тех, кто нуждается в посторонней помощи. На вопрос одного из участников, на чем основаны все изложенные выше суждения, ответ гласит: на том, что вынесено из наблюдений над образом мыслей и деяниями нескольких членов общества. Действительно, незадолго перед тем Гердер познакомился с одним из самых достойных членов масонской ложи, Фридрихом Людвигом Шрёдером, который посетил его в Веймаре¹ в первый раз в июне 1800 г., а во второй раз летом следующего года и с которым его связывали с тех пор узы взаимного уважения и дружбы. Этот замечательный человек занимался делами масонской ложи с такой же энергией, с какой старался возвысить значение немецкого театра. Реформа, которую он предпринял именно в то время вместе с членами главной гамбургской ложи, носила на себе отпечаток его правдивости и бескорыстия. С ним очень скоро сошелся Гердер в убеждениях насчет того, чем должно быть масонство. Вместе с ним Гердер частью словесно, частью письменно выяснил и историческое значение масонства. На вопрос о происхождении этого общества отвечал еще Лессинг в конце своих диалогов — но не совсем удачно. А для Гердера этот вопрос казался таким же важным, как и указание идеальных целей общества. Он лишь слегка коснулся его в своих письмах о тамплиерах с целью опровергнуть некоторые мнения Николаи. Теперь он горячо взялся за разъяснение спорного вопроса при содействии депутата, командированного гамбургским гроссмейстером. Во втором диалоге, озаглавленном «Соломонов перстень с печатью», он подготавливает ответ на тот вопрос, таинственно намекая на значение символов и обрядов общества. Речь идет о таинственности масонства; по мнению разговаривающих, под которыми следует разуметь Шрёдера и Гердера, суть дела заключается в том, что у всякого общества, занимающегося каким-нибудь нелегким делом, даже у «всякого мастерства есть какая-нибудь *mystery*». Ввиду положения, которое занимал Шрёдер в обществе, было условлено, что после смерти Гердера он не только потребует обратно письма, которые он писал к усопшему касательно масонства, но и уничтожит написанную Гердером статью о

¹ Meyer F. L. W. Friedrich Ludwig Schröder. II, I, 177; там же (с. 186 и сл.) упоминание Шрёдера о его первом посещении Гердера; Воспоминания. I, 104 и III, 242; сравн. письмо Каролины к Кнебелю от 6 авг. 1801 г. (Zur Deutschen Litt. II, 15); Линдеман. С. 115, № 31. С другим знаменитым масоном, Фесслером, — во время его пребывания в Веймаре в августе 1799 г. — Гердер вел беседу, как кажется, только о философских вопросах — о Канте и о Спинозе; сравн. Воспоминания Фесслера о его 70-летней страннической жизни (с. 317).

происхождении масонства¹. Гердер когда-то писал ему, что эту статью касательно *mystery* он или совсем не прочтет, или прочтет в новом изложении. В последние годы своей жизни автор пользовался книгами из гёттингенской и дрезденской библиотек для дополнения своих исследований и наконец переделал и расширил свои диалоги, очевидно, с целью напечатать их в «Адрастее». Они не были уничтожены и, вероятно, будут помещены в новом издании сочинений Гердера². Рассказывая в третьем и четвертом диалогах истории масонства, Гердер переходит к истории средневекового зодчества. Третий диалог озаглавлен словом «Базилика», потому что «ложа», по мнению Гердера, имеет одинаковую форму с самой древней и самой простой христианской церковью — с базиликой. Источником происхождения масонства были те старинные братства, которым мы обязаны сооружением средневековых церквей. Отсюда объясняется *mystery* масонства, т. е. наводящие ужас обряды при вступлении новых членов, при приведении их к присяги и пр.; но было бы ошибочно искать этого объяснения в связи масонства с тамплиерами, с иезуитами или с розенкрейцерами. То были остатки старинного цехового устройства, при введении которого имелось в виду связать общими узами людей грубых и принадлежавших к различным сословиям. В Базилике Горста, под которой следует разуметь его библиотеку, ведется четвертый диалог, озаглавленный словом «Масонство»; здесь сообщаются новые подробности касательно истории зодчества, например, говорится, что упоминания о храме Соломона объясняются участием духовенства в корпорациях, занимавшихся зодчеством.

Были и другие явления духовной жизни, обсуждение которых неминуемо должно было привлечь внимание Гердера к политическим вопросам. Ни одна из глав «Адрастеи» не представляет более живого интереса в этом отношении и не дает более ясного понятия о характере гуманных принципов Гердера, чем та глава в седьмом номере журнала, которая носит заглавие «Обращение иудеев в христианство». Она доказывает, что когда приходилось применять эти гуманные принципы на практике, то они оказывались нисколько не похожими на отвлеченные мечтания идеолога. Действительно, и при обсуждении этого вопроса Гердер превзошел Лессинга многосторонностью своих взглядов,

¹ Шрёдер к вдове Гердера 23 янв. и 20 февр. 1804 г.

² Суфан доставил мне возможность познакомиться с содержанием и этих статей, и черновых диалогов, которые во многом не сходятся с теми диалогами, которые были напечатаны в «Адрастее».

прозорливостью и пониманием смысла исторических событий. Он вполне сочувствует благородному либерализму и гуманной философии автора «Натана», но он не скрывает своего убеждения, что великие принципы терпимости, свободы, уважения к человеческим правам должны быть осмотрительно согласованы со сложившимися условиями гражданской жизни, с ее правами и нуждами. И в настоящем случае ему не удастся ясно и определенно формулировать его мнения, но он очень ловко лавирует между различными точками зрения, оставленными без внимания при одностороннем разрешении вопроса об иудеях с точки зрения современного просвещения. Он также считает безрассудным всякий спор с иудеями о том, исполнились или не исполнились старинные пророческие предсказания, — ведь и христиане, говорит он, еще ожидают наступления Царствия Божия; но, продолжает он, на этот предмет следует посмотреть и с других сторон. Что бы ни говорили, а религия иудеев есть историческая религия; она составляет наследственное достояние их рода; иудеи не только связаны между собой исповедованием одной религии, но они в то же время составляют азиатский народ, не имеющий ничего общего с обитателями нашей части света и строго придерживающийся древних законов. Вопрос о том, в какой мере эти законы применимы в европейских государствах, есть вопрос не религиозный, а государственный. Поэтому каждое государство должно разрешать его по-своему, а философ менее всякого другого имеет право разрешать его *a priori*. Кроме того, так как иудеи в течение многих столетий придерживались одних и тех же деловых занятий, то вопрос о человеческих правах должен быть отодвинут на задний план перед вопросом политико-экономическим: скольким представителям этой национальности могут быть дозволены в том или другом европейском государстве их деловые занятия без вреда для туземного населения? При каких условиях? В каких пределах? Под чьим надзором? С другой стороны, не подлежит сомнению, что, ввиду варварского обхождения с иудеями в течение прошлых столетий, на христианских государствах лежит обязанность развить чувство чести в их подданных, нравственно испорченных прежними жестокостями, — потому что нравственное исправление должно начаться с тех бесчестных христиан, которые угнетали евреев. Государство обязано и имеет право воспитывать сообразно со своими принципами тех чужеземцев, которым оно оказывает защиту. Многочисленные факты свидетельствуют об основательности надежды, что деятельность этого даровитого народа может быть

направлена на занятия науками, на пользу государства, охраняющего их безопасность, и на другие полезные для человечества цели, что их склад ума может подчиниться влиянию гуманных идей. Чтобы развить в них чувство чести и нравственности, нет надобности предоставлять им какие-нибудь новые торговые выгоды: они сами достигнут более высокого нравственного уровня своими гуманными, учеными и гражданскими заслугами. Тогда их Палестина будет находиться там, где они будут жить и заниматься благородной деятельностью, — т. е. повсюду.

Другую экскурсию в область политики, и именно внутренней политики, предпринимает автор в последней статье восьмого номера «Адрастеи» под заглавием «Атлантида». Предшествовавшие размышления о разнообразных попытках, которые делались в XVIII столетии с целью содействовать развитию умственной жизни, наводят автора на разрешение вопроса, не требуют ли умственные и нравственные человеческие способности такой же организации, какая нужна для более грубых физических способностей? По этому поводу автор как бы снова издает ту главу о влиянии правительств на науки, которая входила в состав сочинения, написанного им в 1780 г. на премию. Однако нельзя сказать, чтобы это новое издание было улучшенным. Здесь более, чем во всех других главах, заметно неблагоприятное влияние тех условий, при которых протекала жизнь Гердера. Намекая на Йенский университет и позабывая написанную им касательно этого университета либеральную меморию, он требует, чтобы университетские преподаватели были подчинены правительственному надзору; по его мнению, правитель страны должен считаться наследственным президентом местных ученых заведений, и при нем должен состоять «трибунал из специалистов»! Он имеет в виду ненавистную «Литературную газету», когда описывает черными красками толпу молодых писателей, увлекающихся под влиянием Французской революции и жадной независимости, и склонностью к критике, когда восстает против привилегий, предоставляющих издателям право создавать трибунал литературной критики. Вместо того чтобы этим способом поощрять возникновение «разбойничьих вертепов», не признающих никаких требований чести, государство должно соединить самых достойных и самых разумных людей в особую академию, в которую каждый редактор критических листков будет представлять для цензуры критические статьи, подписанные именами авторов. Наконец, автор имеет в виду веймарских весельчаков, веймарский двор и положение веймарского театра, когда ведет речь о разде-

лении сословий на общественных собраниях как об оскорбительном для человеческого ума явлении и о всепоглощающем влечении к театру; он заканчивает требованием надзора за библиотеками для чтения и заботливости государства о том, чтобы никто не мог что-либо писать против религии и христианства! Даже самые горячие поклонники Гердера не могли одобрить таких небывалых требований! Касательно «трибунала специалистов» Жан-Поль основательно заметил, что для науки не существует мнение большинства и что новые научные открытия делаются обыкновенно отдельными личностями. Принц Август заявил, что очень дорожит свободой печати, и заметил автору, что даже в кофейнях Дрездена, Лейпцига и Виттенберга считались бы неприличными те мнения, которые открыто высказываются в Веймаре и в Готе¹.

Это замечание было сделано очень кстати. Оно могло напомнить Гердеру, что, высказывая свои странные требования, он впадал в противоречие со своими собственными либеральными принципами; кроме того, оно было намеком на неблагодарность Гердера к тому государству и к тому государю, которые позволяли ему так свободно выражать его мнения. Разве то не было доказательством неблагодарности, что Гердер своими слишком ясными намеками обращал общее внимание на слабости веймарского двора, но не сказал ни одного доброго слова о Карле Августе, сделавшем столько хорошего в своих владениях? Разве он не мог хоть один раз печатно высказать комплимента царствующей особе? Разве в «Адрастее», в главе о дрезденском собрании художественных произведений, автор не осыпал самой изысканной лестью герцога саксонского Фридриха Августа II и не противопоставлял его Фридриху Августу I, называя первого из них Аристидом, а второго — Алквиадом? Разве в рассматриваемой нами главе он не осыпал похвалами герцога готского за покровительство наукам и Леопольда Тосканского, когда-то принимавшего его в особой аудиенции, за просвещенную систему управления?² Разве он не говорил, что всякому наблюдателю Бавария представляется теперь утренней зарей надежд и разве он не превозносил в лице Максимилиана Иосифа представителя нового

¹ Жан-Поль к Каролине 11 мая 1803 г.; письмо принца Августа не помечено никаким числом.

² Похвальный отзыв о Леопольде II занимает только две строчки; в нем вкратце сказано то же, что Гердер подробно доносил в мае 1789 г. Карлу Августу о своем разговоре с великим герцогом, — но, следует заметить, он уже тогда имел целью прочесть Карлу Августу политическое нравоучение. Это письмо Гердера напечатано в «Grenzboten» (1867. IV. С. 504 и сл.).

столетия? Так как мы имеем достаточно сведений о личном положении Гердера в то время, как он был занят «Адрастеей», то мы в состоянии указать мотивы такой тенденциозности его журнала. Статьи этого журнала писались больным человеком, который был заражен пристрастием писателя, принадлежавшего к замкнутой литературной партии, и который в небольшой среде своих знакомых слышал лишь отголоски своих собственных мнений и нередко умышленную лесть. И это еще не все: те журнальные статьи писались под впечатлением разных неприятностей и в промежутках между путешествиями, из которых автор возвращался в Веймар, как в место ссылки. Но нам уже пора прервать изучение содержания литературных произведений, написанных в последние годы жизни Гердера. Пора наконец рассказать все, что ему пришлось пережить в течение этого времени.

После окончания «Каллигоны» Гердер провел лето 1800 г. сравнительно довольно приятно. Хотя он и не позволил себе продолжительного отдыха от занятий, но та неделя, которую он провел в июле вместе со своим семейством у старого друга Глейма, оказалась так же полезной для его здоровья, как пользование минеральными водами. По возвращении домой Каролина писала Глейму: «Мы точно будто надышались свежим воздухом. До того времени мы таили в нашем сердце немало тяжелых и грустных впечатлений, но лишь только мы излили их пред Вами, нам снова сделалось легко и весело на душе, и мы снова стали дышать свободно». Чтобы запастись свежими силами на зиму, предпринимались поездки в окрестности Йены, в Эттерсбург, в Шёндорф и в Тифурт¹. Но уже осенью к старым физическим недугам прибавились новые. «Проклятое чтение» официальных бумаг, конечно, также было причиной того, что зрение Гердера ослабело и что он не был в состоянии читать по вечерам². Несмотря на то что ему нередко приходилось обрекать себя на бездействие, для того чтобы не утомлять зрения, он написал в течение той зимы две первые части «Адрастеи», даже находил в этой работе приятный отдых от скучных служебных занятий. Однако с наступлением весны он почувствовал потребность в отдыхе иного рода. «Ему необходимо, — писала Каролина 22 апреля

¹ См. переписку с Глеймом в промежутке времени между 15 июля и 1 авг. 1800 г. Упомянутый у Линдемана (с. 145, 146, № 127, 128) Шёндорф лежит на малом Эттерсберге.

² С первыми жалобами на слабость зрения Гердер обратился в конце окт. 1800 г. к Г. Мюллеру и 1 дек. 1800 г. к г-же Дидэ, приезжавшей осенью в Веймар вместе с мужем и дочерью.

Кнебелю, — удалиться летом из здешней атмосферы. С этой целью уже сделаны нужные приготовления». Даже некоторые перемены в его служебных отношениях не считались препятствием для отъезда. В течение двух месяцев он лишился трех сотрудников — соборного пастора Шеффера, заведовавшего воспитанием герцогских детей, члена консистории Вебера и президента Линкера¹; 5 июня 1801 г. был издан декрет о его назначении президентом высшей консистории на место Линкера с прибавкой жалования в 100 талеров, но от этого не произошло никакой существенной перемены в его служебных обязанностях, потому что на самом деле он уже давно председательствовал в консистории². Ему была особенно прискорбна³ смерть Вебера, который в качестве инспектора оказал полезные услуги при основании учительской семинарии и помогал ему в устройстве сиротского дома и в стараниях улучшить положение сельских школьных наставников; но ему было нетрудно найти для Вебера заместителя. Он уже давно составил себе очень высокое мнение о Гюнтере, отличавшемся и дарованиями церковного проповедника, и знанием сельского хозяйства, и практической ловкостью; этот Гюнтер сначала служил в течение трех лет в Веймаре в должности сверхштатного учителя гимназии, потом был назначен помощником к своему отцу, жившему в звании пастора в Маттштедте, а с 1784 г. заменил в этом звании своего отца. Как высоко ценил Гердер этого человека, видно из того, что к появившемуся в 1789 г. его сочинению «*Andachten bei der Communion*» написал предисловие, в котором объяснял общепонятным языком значение Святых Тайн⁴. Еще в 1797 г. он хлопотал о перемещении Гюнтера в столицу и намеревался поручить ему заведование сиротским домом. Но только теперь ему удалось привести то намерение в исполнение. В письме от 24 апреля 1801 г. он горячо рекомендовал герцогу Гюнтера в преемники Веберу и, получив согласие герцога на это назначение, приобрел в новом советнике консистории вполне надежного сотрудника, который вполне со-

¹ См. не попавшее в печать место из письма Каролины к Мюллеру от 26 марта 1801 г.

² Каролина к Кнебелю (*Zur deutschen Litt.* II, 10); герцог к Гердеру 8 мая 1801 г. (Сборник Дюнцера. С. 140).

³ Каролина к Бёттигеру (*Линдеман.* С. 148, № 142; с. 125 и сл., № 66).

⁴ *Gunther W. C. Andachten bei der Communion. Mit einer Vorrede von dem Herrn Generalsuperintendenten Herder.* Гота; Эттингер, 1789. Предисловие Гердера (с. III—XXVIII) помечено в Веймаре 3 авг. 1788 г.; за ним следуют 136 страниц текста.

чувствовал его замыслам касательно организации низших веймарских школ и привел эти замыслы в исполнение после смерти своего покровителя¹. Таким образом, Гердер мог отправиться в путь с уверенностью, что от его отсутствия не пострадают служебные дела. Но уже в течение предшествовавших месяцев ему пришлось принимать в Веймаре нескольких приятных гостей — молодую чету Рихтеров, Кнебеля с женой и сыном, возвратившегося из Франции Вильгельма Гумбольдта², который очень заинтересовал его своими рассказами о Париже, наконец Шрёдера, который был близок его сердцу не потому только, что разделял его воззрения на масонство, но также потому, что горячо заботился о его сыне Вильгельме, занимавшемся в Гамбурге торговлей. Чтобы выехать из Веймара, Гердеру пришлось дожидаться возвращения герцога; наконец герцог возвратился, и Гердер двинулся 12 августа в путь³.

Но эта поездка была предпринята по случаю некоторых перемен в судьбе его сына Адальберта, создавшего для себя самостоятельное существование вне Веймара. Когда Адальберт отправился в начале октября 1799 г. во Франконию, где Жан-Поль доставил ему служебные занятия при своем друге Эмануэле, Каролина писала его крестному отцу Глейму: «Наши дети не находят здесь для себя отечества и принуждены искать его в других местах». Но этот отъезд послужил новым поводом для разлада между Гердером и герцогом. Этот последний дал ловкому и деятельному юноше незначительную должность при своем имении в Обервеймаре, а теперь — с целью исполнить данное им обещание заботиться о детях Гердера — вздумал возвести Адальберта в звание арендатора, с тем условием что он женится на молодой вдове прежнего арендатора⁴. Ни сам Адальберт, ни его родители не желали подчиняться такому унижительному для их достоинства требованию, и молодой даровитый эконоом скоро прекрасно устроился в Баварии. Прослужив полтора года в должности управляющего имением Фельдендорфа в Байрейте, он уведомил

¹ Касательно Гюнтера см.: Воспоминания. III, 18 и сл. и 240 и сл.; уже ранее упомянутое письмо герцога к Гердеру от 8 мая 1801 г. с 3-м примечанием Дюнцера. Письмо Гердера к герцогу от 24 апреля приложено к рукописи «Воспоминаний».

² Каролина к Кнебелю 6 авг. 1801 г. (Zur deutschen Litt. II, 14).

³ Это указание числа взято из письма Каролины к г-же Дидэ, написанного 10 авг.

⁴ С, I, 259, № 204; Каролина к Г. Мюллеру 29 нояб. 1799 г.; Жан-Поль к Эмануэлю Осмунду 11 авг. 1799 г.; также см. позднейшие письма, которые приведены у Форстера (I, 1, 82 и сл.).

в середине апреля 1801 г. своего отца, что ему представляется случай купить поместье Штахесрид и этим способом доставить Гердеру приют для отдыха¹. Благодаря содействию друзей он без труда добыл необходимые для покупки имения деньги, а Каролина уже стала строить самые заманчивые воздушные замки: она надеялась, что удачная покупка, сделанная ее сыном, уменьшит бремя ее собственных долгов. Но над ее головой скоро стали собираться мрачные тучи. Уже были сделаны нужные приготовления для покупки поместья, когда Адальберт уведомил своих родителей, что баварским дворянам предоставлено право обратно выкупать в течение года имения, проданные недворянам. Поэтому нечего было и думать о каких-либо хозяйственных улучшениях в течение первого года владения имением. Только патент на дворянское звание мог обеспечить за Адальбертом владение Штахесридом; а разве нельзя было добыть такой патент в Вене? Разве можно винить отца в том, что он прибегнул к этому единственному способу выйти из затруднительного положения? Он поторопился обратиться за советом и за помощью к своему венскому другу Рецеру². Он писал Рецеру, что вынужден искать дворянского звания только в исполнение своих отцовских обязанностей, только для того чтобы ему легче было устроить судьбу своих сыновей. «Что касается лично меня, — говорится далее в том же письме, — то мне никогда бы не могло прийти в голову намерение добиваться такого отличия, которое я считаю столько же ничтожным, сколько смешным; да оно мне и ни к чему не нужно в моей сфере деятельности». Хотя он при этом и ссылался на свое звание президента консистории, ставившее его наряду с дворянством, хотя он и не скрывал, что диплом на дворянское достоинство был бы ему приятен только в том случае, если бы был ему дан «без всяких настояний с его стороны, из желания оказать ему милость», — но разве можно ставить ему в вину это ходатайство в такую минуту, когда его гуманно-либеральные убеждения сталкивались с его обязанностями отца семейства? Ему самому нелегко было решиться на такой шаг, и лишь только его письмо было отправлено, он сам стал сожалеть о том, что написал его. Но все это не привело ни к чему.

¹ Содержание того, что следует, заимствовано из рукописных «Воспоминаний» и из приложения к подлинным документами. Обо всем этом более коротко рассказано в напечатанных «Воспоминаниях» (III, 253 и сл.); кроме того, см. два письма Каролины: к Глейму от 2 нояб. 1801 г. и к Г. Мюллеру от 19 окт.

² Первая половина этого письма напечатана с небольшим пропуском в «Воспоминаниях» (III, 256 и сл.).

Между тем Штахесрид был куплен 4 августа. Туда, «в этот новый для них мир», отправились Гердер и Каролина в сопровождении дочери и младшего сына Ринальдо. Там им пришлось переживать новые заботы и затруднения. Прежний начальник Адальберта был очень недоволен покупкой поместья, потому что даровитый сельский хозяин был ему нужен для управления его собственными имениями. Под видом протекции Адальберту он в договоре о купле оговорил в свою пользу право выкупа преимущественно перед всеми другими. Он стал обременять Адальберта чрезмерно тяжелыми поручениями, стал предъявлять к нему самые несправедливые требования, стал обходиться с ним с придирчивым высокомерием тирана и наконец довел его до необходимости просить увольнения. Это увольнение было дано, но оно сопровождалось угрозой, что немедленно будет предъявлено право выкупа. Тогда Гердер обратился к своему старому другу, графу Гёрцу, — занимавшему с 1788 г. должность прусского посланника при заседавшем в Регенсбурге имперском сейме, — с просьбой выхлопотать у курфюрста для него и для его семейства диплом на звание баварских подданных и баварских дворян. Гёрц был очень рад, что ему представлялся случай оказать услугу высокочтимому человеку. Результатом его энергических усилий было уведомление — полученное Гердером еще во время его пребывания в Штахесриде, — что для поступления в баварское подданство не представлялось никаких препятствий, но что курфюрст уже не может по-прежнему раздавать по своему усмотрению дворянские привилегии, потому что ему это воспрещено недавно заключенным семейным договором; впрочем, в звание дворян он охотно возведет и Гердера, и членов его семейства, если Гердер заявит о том желание. Заявить о том желание! Но именно на это никак не мог решиться Гердер; он ответил Гёрцу, что «его ходатайство должно быть оставлено без дальнейших последствий». На возвратном пути в Веймар были получены тревожные известия о намерениях Фельдендорфа; приходилось убедиться, что его угрозы касательно выкупа Штахесрида не были пустыми словами; Гердер возвратился домой с тяжелыми заботами на сердце. Но уже в первые часы после приезда он был обрадован получением рескрипта, которым курфюрст уведомлял 26 сентября Гёрца, что соглашается на возведение Гердера в дворянское достоинство, не требуя особого о том прошения; в рескрипте, между прочим, говорилось: «Поручаю Вам сообщить от моего имени Гердеру, что я имел в виду не столько наградить его за всем известные и давно его облагородившие заслуги, сколько

облегчить поселение его родственников в моих владениях»¹. Гердер был чрезвычайно обрадован этим отличием, обеспечивавшим счастье его детей. В его благодарственном письме Гёрцу всего громче высказывается его заботливость о сыновьях. Вскоре после того он получил от Гёрца уведомление, что декрет о его принятии в баварское подданство и его диплом на дворянство изготовлены по приказанию курфюрста без взыскания пошлин. Эти два документа были отправлены к нему 12 ноября Монтгеласом². Но это почетное отличие сделалось для Гердера причиной неожиданной неприятности. Герцог, которому он немедленно сообщил содержание рескрипта, подписанного курфюрстом, поздравил его в очень кратких и холодных выражениях³. Затем, по получении диплома на дворянство, Гердер написал по установленной форме и согласно с установленным обычаем письмо, в котором извещал герцога о своем возведении в дворянское звание и просил признать за ним права дворянского сословия. Но ведь он так часто и так бесцельно восставал против дворянских привилегий, что в некоторых кружках слыл за демократа! К тому же, это звание давало полные дворянские права только в Вене и в Саксонии, а не во всей Германии! Наконец, герцогу не могло нравиться и то, что Гердер добился почетного отличия вне Веймара от другого немецкого владетельного князя, не попытавшись добиться такого же отличия от своего государя, и что все это имело тесную связь с переселением Адальберта в Баварию наперекор намерениям герцога. Тогда раздражение герцога взяло верх над его великодушием. Он полагал, что следовало проучить осыпанного его милостями, неблагодарного Гердера и за его демократические увлечения, и за его пренебрежение к веймарскому правительству. Он выбрал такой способ мщения, который отличался изысканным жестокосердием и мог глубоко оскорбить Гердера. На вышеупомянутое уведомление он не отвечал Гердеру ни письменно, ни словесно. Но он не только игнорировал гердеровское дворянское достоинство, а кроме того, постарался унизить его цену. Он поспешил заявить, что доставит Шиллеру такое дворянское достоинство, которое не вызовет ни с чьей сто-

¹ Большая часть содержания этого рескрипта напечатана в «Воспоминаниях» (III, 258).

² «Открытое письмо» о его возведении в наследственное дворянское звание в «*Decretura indigenatus*» подписано 8 окт. 1801 г.

³ 14 окт.: «Доказательство высокого уважения, полученное Вами от курфюрста, делает ему честь, а мне доставляет удовольствие, потому что дает Вашему семейству такие солидные преимущества».

роны возражений¹. Действительно, он на свой собственный счет исходатайствовал в Вене возведение Шиллера в дворянское звание и издал рескрипт к коллегиям, в котором официально объявлялось об оказанном Шиллеру отличии; Гердеру пришлось распечатать и прочесть этот рескрипт в его качестве президента высшей консистории, а дворянское звание самого Гердера осталось по-прежнему непризнанным. Поэтому нисколько не удивительно, что Гердер стал еще сильнее прежнего роптать и на Веймар, и на герцога, который обошелся с ним так неделикатно. Каролина писала, что он никак не мог позабыть этого публичного оскорбления. Мысль об этом мучила его до последних дней его жизни. Он коснулся этого предмета в разговоре с Гёте, когда весной 1803 г. снова вступил в Йене в откровенные объяснения с этим старым другом; тогда, через посредство Гёте, ему было дано некоторое удовлетворение. По возвращении из своей летней поездки, которая была его последней поездкой, он получил от Гёте уведомление, что веймарским канцеляриям дано предписание ставить перед его именем частицу «von», в знак того что он дворянин и что он сам также может ставить это слово перед своим именем. Этим способом был достигнут желаемый эффект; но этого нельзя было сделать посредством издания рескрипта по тем самым причинам, которые до того времени служили в этом деле препятствиями². Впрочем, те летние месяцы, которые провел Гердер в 1801 г. в Штахесриде, имели благотворное влияние на его здоровье. Он стал менее прежнего жаловаться на слабость зрения, а его кашель почти совершенно прошел. Однако осенью его глазная болезнь возобновилась вместе с возобновлением усиленных занятий. Несмотря на это, он приготовил к изданию третий и четвертый номера «Адрастеи». Впрочем, физические недуги автора, очевидно, были причиной желчной раздражительности, которой отзывается содержание этих номеров, и в особенности четвертого номера. С ним случались сильные головокружения, которыми он страдал в течение февраля по целым дням; а Каролина почти в то же время жаловалась Г. Мюллеру на то, что ее бедный муж страдает припадками сильнейшей раздражительности³. Поэ-

¹ См. очень несочувственный к Гердеру рассказ Шиллера в письме к Кёрнеру от 29 ноября 1802 г.

² 22 сент. 1803 г. (А, I, 151). В сочинениях Гердера дворянская частица «von» появилась в первый раз в заглавии третьего номера «Адрастеи».

³ К Глейму 2 нояб. 1801 г. (С, I, 294); 18 февраля 1802 г. (Там же, 301, прим.); к Кнебелю 7 фев. 1802 г. (Zur deutschen Litt. II, 24); к Г. Мюллеру 21 фев.

тому гофрат Штарк настаивал на необходимости серьезного лечения, в особенности по причине болезни глаз, а сам Гердер решился снова отправиться в Ахен, где за десять лет перед тем так удачно поправил свое здоровье. Туда отправился он в середине июля¹, предварительно изготовив для печати два следующих номера «Адрастеи». Эта поездка имела благотворное влияние на Гердера; он проводил время в новой сфере, не похожей на веймарскую, возобновил некоторые старые знакомства и завел новые; для его здоровья было полезно уже то, что он перестал возиться с официальными бумагами и с книгами. За десять лет перед тем он вывез из Ахена восторженное сочувствие к Французской революции; с тех пор как выступил на сцену Бонапарт, в Гердере проснулись прежние симпатии к французам и у него зародилась надежда, что под их владычеством возникнут лучшие порядки в странах, лежащих по левую сторону Рейна; но на этот раз наши путешественники вынесли из Ахена полное разочарование. Они убедились, что новые порядки в сущности вводились только с целью грабить подданных и что все внимание было сосредоточено на организации армии. Каролина так резюмировала вынесенные впечатления: «У французов только одна тенденция — грабить, предаваться чувственным наслаждениям и относиться к немцам с презрением. Мы видели там такой хаос, который навсегда заглушил наше сочувствие. Там все делается напоказ, с обманом, из тщеславия»². В написанной следующей зимой главе восьмого номера «Адрастеи» по поводу басни Мандевилля о пчелах ясно видны следы впечатлений, вынесенных с берегов Рейна, где господствуют скверные люди и где, по словам Каролины, «все организовано только на пользу бесчестных людей». Однако Гердеры, живя в Ахене, по-прежнему часто виделись с членами семейства Якоби — с его сыном и дочерью³. Гердеру было очень приятно свидание с отправлявшимся в Париж через Ахен Вернером — этим наставником и другом его сына Августа. Этот умный и скромный человек напоминал Гердеру Глейма и возбудил в нем сильный интерес устным изложением своих исследований по гео-

¹ Кнебель, незадолго перед тем посетивший Гердера в Веймаре в одно время с Жан-Полем, писал ему 11 июля, что желает успешной поездки (С, III, 215, прим.). Из письма Шарлотты Кальб к Жан-Полю (*Herrlux*. С. 88) видно, что Гердер отправился в путь 19 июля. Герцог дал 18 июня Гердеру отпуск на «неопределенное время» (Сборник Дюнцера. С. 140, № 26).

² Каролина к Кнебелю 27 окт. 1802 г. (*Zur deutsch. Litt.* II, 31 и сл.).

³ Гердер и Каролина к Якоби 15 окт. 1802 г. (А, II, 319 и сл.).

логии¹. Во Франкфурте Гердеры пользовались дружеским гостеприимством Гернинга; там же возобновились сношения с Зёммерингом; кроме того, Гердер почувствовал сильное влечение к Фогту, который еще за двадцать лет перед тем писал из Майнца письма к автору «Древнейшего документа», называя его «человеком Божьим»², а теперь служил во Франкфурте библиотекарем. Через Ашаффенбург, где Гердер в последний раз виделся и беседовал с тогдашним курфюрстом Дальбергом, и через Нюрнберг он возвратился в Штахесриде, где Адальберт уже успел основать сельскохозяйственный институт. Но предпринятое там дополнительное лечение не принесло Гердеру никакой пользы. Долг признательности заставил его заехать в Регенсбург; он нашел в Гёрце нисколько не изменившегося старого друга, а в лице его зятя, баварского посланника Рейхберга, нашел нового друга и покровителя для своих сыновей. Он возвратился в Веймар 11 октября — так же как и в предшествовавшем году³.

Но уже через неделю после того Гердер писал Г. Мюллеру: «Я старею и становлюсь неприятным и для самого себя, и для других». Каролина также стала жаловаться на то, что ее муж снова принялся за свою «рабскую работу». Постоянное чтение официальных бумаг, писала она, крайне вредно для его глаз, и он от этого «часто совершенно падает духом. Бывают дни, когда он совсем неузнаваем». Польза, которую доставили Гердеру ахенские паровые ванны, развлечения, путешествия и пребывание в Штахесриде, скоро была уничтожена «борьбой с веймарским климатом и с тамошним направлением умов». Действительно, немедленно после его возвращения ему пришлось переживать большие неприятности. Вполне понятно, что он не мог смотреть глазами художника на господство муз при веймарском дворе и в особенности на господствовавшую при этом дворе страсть к театральным представлениям. Заботы о театре обращались во вред тем учреждениям, которые были всего более дороги его сердцу, — учительской семинарии и гимназии.

В угоду театралам инспекция семинарии позволяла воспитанникам участвовать в театральных хорах, насколько это было возможно без вреда для учебных занятий. Это, натурально, было сопряжено с разными неудобствами — с одной стороны, уста-

¹ И эти подробности, и следующие заимствованы из «Воспоминаний» (III, 222 и сл.); касательно Вернера сравн.: Там же, 100; Каролина к Глейму (С, I, 306) и к Кнебелю (Zur deutschen Litt. II, 35).

² Эти сохранившиеся в подлинниках письма относятся к 1782 и 1783 гг.

³ Каролина к Якоби (А, II, 321); к Кнебелю (Zur deutschen Litt. II, 31).

новлялись наказания за неявку на лекции, а с другой стороны, раздавались жалобы на неявку на репетиции. В 1802 г. умер кантор Ремпт, который — как это видно из его книги хоровых песен и из ее предисловия¹ — совершенно разделял воззрения Гердера на значение церковной музыки и на необходимость упростить и игру на органах, и хоровое пение. Герцог, заботившийся более всего о своем театре, воспользовался смертью Ремпта, для того чтобы теснее привязать к театральным интересам и семинаристов, и гимназистов². В то время как Гердер жил в Ахене, высшая консистория получила герцогский рескрипт от 6 августа, в котором высказывалось намерение, при замещении вакантной должности кантора, отделить от нее заведование музыкой и поручить это заведование герцогскому концертмейстеру, католику Детушу. Послание почти такого же содержания было получено эффором гимназии. Подчиняясь желанию герцога, городской совет единогласно выбрал Детуша на должность кантора и не изменил своего решения несмотря на протест высшей консистории. Эта последняя мужественно воспротивилась предположению герцога. Бёттигер и Гюнтер составили мемории, в которых указывали на явные неудобства и вредные последствия такого нововведения; согласно с их мнением и консистория представила 5 октября свой доклад, в котором, между прочим, указывала на то, что по местным законам и церковные, и школьные преподаватели должны быть протестантского вероисповедания. В таком положении находилось это дело в то время, когда Гердер возвратился из Ахена в Веймар. Он скоро получил новый, адресованный в консисторию, рескрипт, в котором герцог настаивал на утверждении Детуша в должности кантора и, ввиду возражений со стороны консистории, делал ту оговорку, что при определении сферы деятельности преподавателя музыки следует не нарушать интересов преподавания ни в семинарии, ни в школах. Когда на Бёттигера была снова возложена обязанность составить по этому делу меморию, он посоветовал справиться о мнении президента консистории, который, конечно, мог лучше всякого дру-

¹ Vierstimmiges Choralbuch zum Kirchen- und Privatgebrauche von Johann Matthäus Rempt, Stadtcantor und Director Chori musici, Weimar im Verlage des Autors. Не подлежит сомнению, что посвященная членам высшей консистории книга была написана при содействии Гердера. Но Кеферштейн (Herderalbum. С. 284 и 313) ошибочно полагает, что предисловие, помеченное 1 авг. 1799 г., было написано Гердером.

² То, что следует далее, извлечено из официальных документов; сравн. предварительное замечание Дюнцера (SWH. XVI, с. LXXIII).

га указать, как следовало поступить. Вследствие этого запроса Гердер составил 26 октября доклад от имени консистории. Он начал с того, что доказывал невозможность точного определения обязанностей преподавателя музыки. Уже при прежнем привлечении семинаристов и хоров к участию в театральных представлениях, говорил он, пострадало изучение игры на органах и генерал-баса и взамен того развился вкус к театральной музыке; «в некоторых из наших деревенских церквей этот вкус развился так сильно, что когда мне в качестве генерал-суперинтенданта приходилось вводить в должность новых пасторов, меня встречали такими веселыми оперными ариями, что я удивлялся, почему прихожане не пускаются плясать под эти звуки». В особенности ввиду того, что веймарское герцогство могло бы составить себе дурную репутацию среди соседних государств, консистория выражала желание, чтобы «обязанности и доходы кантора как директора церковной музыки были увеличены, а не уменьшены». Ссылаясь на содержание своего прежнего доклада, консистория указывала на вред, причиняемый и семинарии, и гимназии тем, что придворная театральная дирекция требует от воспитанников все более и более деятельного участия в театральных представлениях. Поэтому было бы необходимо совершенно отделить театр от гимназии. Еще энергичнее протестовала консистория против намерения поручить католику заведование церковным пением в городской кирхе, которая была одной из самых старых лютеранских церквей. Такое назначение было бы противно и церковным уставам, и государственным постановлениям, и той клятве, которую должен произносить кантор; оно было бы почти всеми признано неприличным, не могло бы не вызвать публичных протестов и даже нарушило бы уважение к памяти тех владетельных князей, чьи изображения и надгробные памятники служат украшением для той церкви. Далее консистория говорила, что для школы, при которой так невелико число преподавателей, необходим особый преподаватель пения. Ее доклад оканчивался следующими словами: «Мы отодвинулись бы назад, может быть, на несколько столетий, если бы ради сбережения небольшого жалования или ради временных удобств упразднили важную для всей страны должность или поставили бы гимназии и семинарии под такую власть, под которой им не следует находиться; напротив того, концертмейстер Детуш мог бы быть полезен для герцогской гимназии в качестве экстраординарного преподавателя музыки, если бы он был назначен по воле Вашей Светлости без уменьшения назначенного кантору жалования и без уменьшения

того уважения к кантору, которое ему необходимо для исполнения его обязанностей».

Какая произошла резкая перемена в прежнем положении дел! Прежде Гердер опирался на милостивое расположение герцога в своей борьбе с членами консистории, а теперь вся консистория стояла за него в борьбе с герцогом. Прежде почти все его предложения касательно церковных и школьных дел встречали одобрение со стороны верховной власти, а теперь Карл Август не обращал никакого внимания на самые основательные его просьбы и жалобы. Президент высшей консистории, возведенный курфюрстом баварским в дворянское достоинство, сделался при дворе *persona ingrata*. Его прямотдушная откровенность не нравилась еще более потому, что затрагивала склонность герцога к театральным развлечениям. В столкновении между требованиями школы и требованиями придворного театра предпочтение было отдано последним. Только тогда Гердер мог вполне основательно повторить жалобы, которые резко высказывал в начале своей веймарской жизни, — жалобы на то, что в веймарском герцогстве нисколько не заботятся о воспитании народа через посредство церкви и школы.

Но действительно ли вся консистория была на стороне Гердера? Если верить рассказу Каролины в рукописных «Воспоминаниях»¹, то в среде самой консистории у Гердера был лицемерный враг. По ее словам, Бёттигер втайне представил министру Фойгту план, по которому можно бы было привести намерение герцога в исполнение. Этот план будто бы был одобрен герцогом и приведен в исполнение наперекор мнению консистории. Достоверность этого рассказа крайне сомнительна, потому что из его хронологических указаний следует заключить, что интрига велась Бёттигером во время отсутствия Гердера из Веймара, между тем как числовые указания официальных документов доказывают противное; впрочем, если бы этот рассказ был только наполовину согласен с истиной, то он давал бы право назвать образ действий Бёттигера беспримерным вероломством — ведь из официальных документов видно, что Бёттигер постоянно горячо противился намерениям герцога; да он и не мог бы действовать иначе в качестве директора гимназии. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Гердер считал Бёттигера способным на всякую низость. Его душевное расстройство совершенно уничтожило всю пользу, которую он вынес из пользования ваннами и из

¹ Приложение под заглавием «Бёттигер».

путешествия, а причиной этого расстройтва было, по словам Каролины, столько же «деспотическое распоряжение» герцога касательно Детуша, сколько познанное на опыте низкое вероломство Бёттигера.

Не подлежит никакому сомнению, что Гердер имел полное основание обвинять герцога в деспотическом образе действий. Если через несколько лет после того даже Гёте не был в состоянии воспротивиться причудливым распоряжениям герцога по одному вопросу, касавшемуся театра, то разве мог бы Гердер защищать интересы церкви и школы в ущерб театру и придворным забавам? В ответ на свой доклад он получил от герцога рескрипт от 5 ноября. Герцог требовал, чтобы консистория придумала способ так разделить занятия между концертмейстером Детушем и будущим кантором, чтобы была достигнута главная цель герцога — поставить во главе хора способного дирижера. В то же время требовалось от консистории нечто совершенно невозможное — она должна была придумать, каким образом молодые люди могли бы исполнять свои обязанности при придворном театре при аккуратном посещении лекций. Очевидно, это был тот самый план, который был втайне представлен Бёттигером министру. Желая содействовать исполнению этого проекта, сам Детуш представил от себя меморию о том, как можно бы было разделить музыкальные занятия между ним, кантором и дирижером хора.

Гердер был так предусмотрителен, что передал новые официальные бумаги членам консистории, для того чтобы каждый из них мог высказать свое мнение. Все эти члены, со включением Бёттигера, высказались против герцогского предложения, а их отзывы были представлены 3 декабря на усмотрение герцога. Отзыв самого Гердера подписан 2 декабря. Сделав обзор всего хода этого дела, Гердер констатирует тот факт, что все высказанные возражения вовсе не принимались в соображение герцогом и что последний герцогский рескрипт предписывает именно то, что отвергалось всеми членами консистории, так как в том рескрипте вопрос о разделении должности кантора на две должности уже считается окончательно разрешенным и речь идет только о способе деления. Вслед за тем Гердер делает последнюю попытку направить разрешение спорного вопроса на правильный путь. Он предлагает снова поручить городскому совету избрать способного лица для замещения должности кантора и вместе с тем предоставить на усмотрение герцога назначение экстраординарного директора музыки (что, впрочем, делалось и ранее, но

без успеха), а после того издать законы, которые установили бы ясные границы между сферами деятельности этих двух должностных лиц. Наконец, Гердер энергичски протестует против употребленного в герцогском рескрипте выражения, что на гимназии или на ее хоре будет лежать такая служба при придворном театре, которая будет считаться обязательной; он говорит, что хор должен состоять в непосредственном подчинении только директору гимназии, что при его приглашении к участию в театральных представлениях следует строго соблюдать школьные правила и что во всяком случае хор может принимать участие только в пении, а не в исполнении какой-либо роли.

Ввиду этих возражений герцог вышел из терпения. Ссылаясь на подписанную Гёте меморию театральной комиссии, вполне сочувствовавшей его намерениям, он объявил рескриптом от 10 декабря, что должность кантора покуда может оставаться незамещенной, что часть назначаемого кантору жалованья будет предоставлена концертмейстеру и что эти новые порядки будут введены в виде пробы на один год, согласно с предложением Детуша. Уже в следующем году обнаружили все заранее предсказанные вредные последствия этого распоряжения — но Гердера уже не было в живых, когда консистория снова обратилась 17 января 1804 г. к герцогу с просьбой по-прежнему назначить особого кантора, потому что хор очевидно приходил в упадок. В ответ на эту просьбу герцог объявил, что проба должна продолжаться еще один год и только в ноябре 1807 г. дело дошло до избрания кантора.

При таких-то неприятностях и в промежутках между чтением и сочинением вышеупомянутых официальных бумаг Гердер написал «Раскованного Прометея», а вслед за тем следующие статьи для седьмого и восьмого номеров «Адрастеи». Еще после издания пятого номера журнала и еще до поездки, предпринятой в 1802 г., он писал Кнебелю, что долго не приступит к продолжению «Адрастеи», потому что оно требует слишком большого труда. «Она в сущности превосходит человеческие силы, а я так связан по рукам, так обременен другими занятиями; отчего она не хочет оказать мне такую же услугу, какую оказывает всякому, кто тяготится жизнью, почему она не говорит мне дружески: „Довольно, надо всему знать меру!“»¹ Каролина со своей стороны жаловалась в феврале 1803 г. на то, что «Адрастея» не подвигалась вперед, что у ее мужа не доставало для этой работы «му-

¹ Knebels Litt. Nachl. II, 283 (20 мая 1802, а не 1800 г.).

жества и воодушевления», потому что он находился в угнетенном настроении духа и страдал глазами¹. Впрочем, в течение той же зимы на долю Гердера выпадали и приятные минуты. Он был очень обрадован обручением своего сына Адальберта с девицей Мюнхгаузен и тем, что этот брак избавлял Адальберта от денежных затруднений, сопряженных с покупкой штахесридского поместья. В декабре к нему приезжал из Парижа Вернер, а в январе — Хладни. В начале февраля и Гердер, и Каролина были очень обрадованы прибытием «доброго, никогда не изменявшегося старика Рихтера», приехавшего в Веймар вместе с герцогом Мейнингенским². К сожалению, Гердеру пришлось упоминать в девятом номере «Адрастеи» об утрате двух друзей. Он был занят предназначенными для этого номера письмами о чтении произведений Горация, когда пришло известие о том, что Клопшток скончался 14 марта; а за несколько недель перед тем он узнал о кончине Глейма. Уже прошло два года, с тех пор как умер Лафатер, с которым он когда-то был так дружен, а потом совсем рассорился. Жалкая участь этого человека и мужественно перенесенные им физические страдания снова расшевелили в душе Гердера сочувствие к нему. Уже было готово к отправке на почту письмо, написанное Гердером к этому старому другу, — когда пришло известие о кончине Лафатера³. Более глубоко был огорчен Гердер смертью Клопштока и Глейма. Он еще раз осыпал похвалами автора «Мессиады», лирика и патриотического поэта, и наряду с ним того, кто «воспевал победы прусской армии, кто был душой, настоящим немцем, кто был честнейшим человеком и самым надежным другом», — но и в этом случае Гердер не мог воздержаться от косвенного язвительного намека на своих противников. «У могил Клопштока и Глейма, — писал он, — мы ничего не будем предавать забвению в их деятельности, но будем относиться с презрением к деятельности многих других».

Но в одном городе с Гердером жил тот человек, который мог бы вполне заменить для него и Клопштока, и Глейма, если бы не разошелся с ним по причине многочисленных прискорбных недоразумений. Только минутами личность Гёте представлялась глазам Гердера в своем прежнем виде, но вслед за тем она снова исчезала в тумане ненависти, которая была тем сильнее, чем приятнее было Гердеру вспоминать о прежней взаимной привязан-

¹ Там же, 341, 342.

² Zur deutschen Litt. II, 38, 39, 41; Knebels Litt. Nachl. II, 340 и сл.

³ Каролина к Г. Мюллеру 25 янв. 1801 г.

ности. Так, когда Гёте занемог в начале 1801 г., в душе Гердера проснулась прежняя любовь и ему стало легче на сердце, когда он узнал, что жизнь Гёте вне всякой опасности¹. В следующем году конфирмация сына Гёте, которую Гердер совершил по желанию отца, по-видимому, могла соединить прежних друзей новыми узами. Эта торжественная церемония, рассказывает Гёте в «Летописях», «возбудила в нас воспоминание о наших прежних отношениях и надежду, что впредь мы будем жить в дружбе»². Даже из выбора этих выражений видно, что Гёте равнодушно относился к разрыву своей прежней дружеской связи с Гердером, между тем как для Гердера этот разрыв постоянно был причиной безмолвных душевных страданий. В своем дневнике за 1803 г. Гёте писал: «Уже прошло три года с тех пор, как я отделился от Гердера, потому что его недружелюбная склонность к противоречию усиливалась с его болезненностью и совершенно заглушала в нем врожденную привязчивость и любезность. Находясь с ним производил приятное впечатление мягкостью своего характера, но, уходя от него, всякий чувствовал себя оскорбленным». Далее Гёте говорит, что этот дух противоречия в сущности был юношеской дурной привычкой, но он сохранился в Гердере до старости, причиняя ему немало душевных страданий и даже доводя его до отчаяния³. Этим замечанием Гёте начинает рассказ о своей последней встрече с Гердером. Эта встреча произошла в начале мая, когда Гердер приезжал в Йену для введения в должность суперинтенданта Марецолля⁴. Он провел в Йене несколько дней для осмотра местных школ. По каким-то делам и Гёте приехал в то же время в Йену. Они оба остановились в замке и обменялись визитами; они обедали за одним столом, были любезны и разговорчивы и просидели вместе до полуночи. Что Гердер завел при этом речь о непризнании в Веймаре его дворянско-

¹ Каролина к Кнебелю (Knebels Litt. Nachl. II, 337).

² Сравн. записки Гёте к Гердеру от 26 апр. и от 14 июня 1802 г. (А, I, 150, 151).

³ Точно то же говорил он в письме к Цельтеру от 7 нояб. 1816 г., сравнивая в этом отношении Гердера с Ф. А. Вольфом.

⁴ Об этой поездке идет речь в рукописных «Воспоминаниях» (III, 224) и в письме Каролины к Кнебелю (Zur deutschen Litt. II, 44). Там, между прочим, рассказывается и о небольшом несчастье, случившемся с Гердером, — о том, как опрокинулся его экипаж на пути к графине Бернсторф. Эта графиня принадлежала к числу немногих веймарских жителей, никогда не забывавших Гердера. «Она, — писал Гердер г-же Дидэ 1 декабря 1800 г., — разумная и добрая женщина, всегда относившаяся к нам с неизменной дружбой; я жалею о том, что не могу часто бывать у нее».

го достоинства, уже было нами упомянуто ранее. Затем разговор коснулся незадолго перед тем исполненной на веймарской сцене трилогии «Дочь любви». Если Гердер отозвался об этом произведении точно так же, как отозвалась о нем после первого представления Каролина в письме к Кнебелю, то Гёте мог принять его отзыв за похвалу и вдвойне радоваться успеху своей пьесы. «Но эта искренняя радость, — говорит далее Гёте, — была непродолжительна, потому что Гердер в заключение высказал хотя и веселым, но крайне неприятным для меня тоном такое язвительное замечание, перед которым все прежние похвалы совершенно утрачивали всякую цену. Всякий поймет, почему меня охватило чувство отвращения и почему я принял то язвительное замечание за символ нашей старой многолетней дружбы. Мы расстались, и с тех пор я уже никогда не встречался с ним». Итак, дух противоречия был, по словам Гёте, причиной того, что он стал отдаляться от Гердера. Наоборот, и Гердер не был в состоянии выносить самомнение Гёте, как это отчасти видно из того же рассказа. Иными словами, последнее случайное сближение этих двух людей окончательно упрочило разрыв их старой дружеской связи.

Гердер возвратился из Йены довольным своей поездкой, но его здоровье было очень плохо. Возвращаясь домой после конфирмации детей в Духов день, он простудился; с ним сделался «желчный припадок», соединенный с сильным нервным расстройством. Тогда был серьезно поднят вопрос о том, не следует ли ему выйти в отставку, для того чтобы сберечь свои силы. Озабоченная Каролина настойчиво склоняла его к такому решению еще в течение зимы, а ее мнение разделял и Кнебель, посетивший Гердера в начале июня¹. Во всяком случае нельзя было обойтись без пользования минеральными водами и без продолжительного отдыха. Денежные средства были доставлены герцогиней Амалией, которая великодушно пожертвовала на лечение Гердера дорогим ожерельем из жемчуга. Было решено отправиться в Эгер. Но с поездкой на воды соединялись и другие цели: сын Гердера Август был незадолго перед тем переведен в звание чиновника горного ведомства из Мариенберга в Шнееберг с увеличенным окладом жалованья². Туда прибыл к нему отец 13 июля вечером³. Гердер писал оттуда своей жене, что их сын

¹ С, III, 190, Zur deutschen Litt. II, 47.

² С, I, 305; Zur deutschen Litt. II, 33, 34.

³ То, что следует, заимствовано из находящихся у меня в подлинниках писем с дороги, содержание которых напечатано в «Воспоминаниях» (III, 230 и сл.) лишь в извлечениях.

живет барином в волшебном замке, откуда превосходный вид на окрестности. Он постоянно хвалил воздушные ванны, которые он брал в «Шнеебергской Швейцарии», и благотворное влияние, которое они оказывали на его здоровье. Здесь в нем снова пробудилась старая любовь к картинам природы; он теперь свободно дышит, отдыхая от гнета и от тесноты, которые причиняли ему столько душевных и физических страданий в Веймаре. Здесь он довел до конца «Дом Адмета», потому что, говорил он, «здесь работаетея чрезвычайно легко; пролог и эпилог к „Дому Адмета“ были без труда написаны в одно утро». Но чем более укрепляются его физические силы, тем ему труднее спокойно сидеть и ждать. Он ожидал приезда одной дамы, с которой его познакомил Глейм. Г-жа Берг, урожденная Гезелер, встретила с ним в мае 1783 г. во время поездки в Гарц и с тех пор стала часто посещать его семейство в Веймаре. Она помогла деньгами для покупки штахесридского поместья и доставила Гердеру нового заступника в лице барона Штейна, очень ее уважавшего за образование и за самостоятельный характер. В предшествовавшем году она ездила из Эгера, где жил в то время Гердер, в Штахесрид, для того чтобы поместить в сельскохозяйственном институте Адальберта одного молодого человека, вверенного ее попечению¹. А теперь было условлено, что она отвезет Гердера из Шнееберга в Франценсбад, но у нашего путешественника едва достало терпения на то, чтобы дожидаться ее приезда. Наконец, она приехала 26-го числа, и Гердер отправился вместе с ней в Франценсбад. Там он пользовался водами в течение трех недель, довольствуясь почти исключительно только обществом своей спутницы, которую он называет в высшей степени разумной, деятельной и приятной; с ней, писал он, «живется чрезвычайно легко и приятно». Гердер предполагал проехать вместе с ней через Теплиц и Карлсбад в Дрезден, а оттуда в ее поместье.

Пребывание в Дрездене имело благотворное влияние на Гердера. Ему понравился этот веселый город со своими живописными окрестностями, со своими художественными и литературными

¹ Из добытых мной семейных сведений видно, что она родилась в 1759 г., была дочерью прусского посланника при датском дворе Гезелера, вышла замуж за гальберштадтского каноника Берга, а потом развелась с ним. Известны ее позднейшие отношения к королеве Луизе; она умерла в 1826 г. Сравн. письмо Каролины к Жан-Полю от 27 окт. 1802 г. (воскресное приложение к Фоссовской газете 6 января 1884); Жан-Поль к Гердеру 17 окт. 1800 г. (А, I, 314); *Perz. Steins Leben*. I, 193; также С, I, 89 и В, 191. Мнение Штейна о ней см.: *Perz. Steins Leben*. I, 184. — Жан-Поль называл ее духовной амазонкой.

ми сокровищами. Он начал осмотр достопримечательностей с библиотеки, в которой постоянно собирал в течение нескольких недель материалы для своих работ. Он посещал картинную галерею и в особенности церкви, наслаждался превосходной церковной музыкой в католической церкви. Ему казалось, что он снова находится в Италии. В Дрездене он снова сделался тем, кем перестал быть в Веймаре, — знаменитым писателем, с которым все желали познакомиться и которому все старались выразить свое уважение. Там он жил так, как давно уже отвык жить в Веймаре, — в среде высшего общества, которое относилось к нему с тем вниманием, на которое он имел право и по своему уму, и по своему званию. Местная знать обходилась с ним так, как обходятся с себе равными. В его письмах беспрестанно шла речь об обедах и вечерах, которые давались в честь его. Он обедал у министров, у тайного советника Бидермана, у графа Вертера; он описывал любезности, которыми его осыпали граф и графиня Фосс, свое свидание с Мантейфелем и комплименты, которые он слышал от министра Карловича. Он, очевидно, находил большое удовольствие в этой знатной и влиятельной среде; в отличиях, которые ему оказывали, и в похвалах, которыми его осыпали, он находил вознаграждение за то пренебрежение к его особе, за то равнодушие к его литературной деятельности, которое так оскорбляло его в Веймаре. Сравнение между Дрезденом и Веймаром постоянно встречается в его письмах; оно у него на уме, когда он описывает аудиенцию, в которой был принят курфюрстом, и не может достаточно нахвалиться его добросердечием, благосклонностью и скромностью. Кёрнер писал 5 сентября Шиллеру: «Я никак не ожидал, что Гердеру так посчастливится в среде здешней знати и даже в среде здешних гернгутеров. Вполне естественно, что он старался понравиться влиятельным людям, — ведь его сын состоит на службе у саксонского курфюрста; но нельзя не сознаться, что он достигает своей цели с большой легкостью и с большой ловкостью. Он не обнаруживает скуки даже тогда, когда ему приходится слушать самые пошлые разговоры. Принимая участие в таких разговорах, он иногда высказывает какую-нибудь дельную мысль, но высказывает ее так, что она лишь немного возвышается над тем, что говорят другие, и потому никого не приводит в смущение». Шиллер впоследствии заявил, что в этой характеристике он тотчас узнал бы Гердера; но высказал крайне одностороннее суждение, когда к этому прибавил, что Гердер был рожден для роли знатного католического прелата, что, когда он желал нравиться, он умел быть гени-

ально пошлым и красноречиво уступчивым. Гердер, действительно, желал нравиться в Дрездене, но не столько ради самого себя, сколько ради своего второго сына. Этот сын, более всех других походивший на отца по своим умственным дарованиям, постоянно причинял ему много забот. Получив весьма хорошее образование, Август относился с некоторым пренебрежением к своим сельскохозяйственным занятиям. Ему постоянно приходилось обращаться за помощью к отцу, который со своей стороны не пропускал удобного случая, чтобы доставить ему полезную протекцию. Еще живя в Эгере, Гердер ухаживал ради этого сына за графом и графиней Гоэнталь. Во время одной поездки в окрестности Дрездена он узнал, что недоброжелатели намеревались преградить его сыну доступ в главное горное управление, пользуясь тем, что на молодом человеке лежал какой-то неуплаченный долг. Поэтому он постарался предохранить сына от козней его врагов и с успехом воспользовался своими связями с высокопоставленными лицами. В конце своего пребывания в Дрездене он писал, что, благодаря своим знакомствам и благоприятному стечению обстоятельств, ему удалось сделать для Августа все, что было нужно.

Но в нем снова пробудилась тоска по семейству. Он сначала предполагал пользоваться пирмонскими водами в Дрездене, а потом отправиться вместе с г-жей Берг в ее прусское поместье. Вместо того, он выехал обратно в Веймар, для того чтобы пить пирмонские воды в полном душевном спокойствии. Он прибыл 18 сентября в Веймар, веселый и счастливый под свежим влиянием пережитых впечатлений. В своем семействе он нашел некоторые перемены. Его младший сын Ринальдо покинул отцовский дом, для того чтобы продолжать свое образование в Росслебене, а его сын Вильгельм, внезапно овдовевший, возвратился в Веймар. «Этот сын, — писала Каролина, — был для нас настоящим ангелом-хранителем; он помог уплатить долги брата, а в следующие за тем тяжелые месяцы ухаживал за больным отцом и развлекал его чтением вслух».

Гердер привез с собой из Дрездена тайную надежду, что ему скоро удастся совершенно распрощаться с Веймаром. Между тем его голова была наполнена разными проектами для следующей зимы. Он намеревался, с помощью Гюнтера, соединить все низшие школы под одним управлением и ввести некоторые другие преобразования в школьном деле. Он предполагал написать третью часть «Еврейской поэзии» и довести до конца «Персепольские письма». Он не утратил и прежней охоты писать сочи-

нения на премию. У него забилося сердце, когда он узнал в 1800 г., что французская академия предложила для разрешения вопрос, что́ было сделано Бэконом для каждой из положительных наук и что́ еще остается сделать¹. Он был высокого мнения о заслугах французских ученых и был польщен тем, что французский национальный институт предложил его в следующем году вместе с Фоксом в кандидаты на звание своего члена. Фокс одержал верх, а как было бы приятно Гердеру, если бы он получил венок, который мог бы с гордостью показывать своим соотечественникам? В 1802 г. институт задал такую тему для соискания премии, которая представляла особый интерес для всякого немца, а для Гердера еще более, чем для кого-либо другого: какое влияние имела реформация на политическое положение европейских государств и на успехи просвещения? Не подлежит сомнению, что Гердер намеревался обработать эту тему, но, к сожалению, изложил только черновой проект статьи². Он не терял надежды привести свое намерение в исполнение; из Эгера он требовал от Каролины сведений о том, присуждена кому-нибудь та премия или еще можно состязаться из-за ее получения: «Я был бы очень рад известию, что заданный вопрос еще не разрешен. В моей голове уже все готово для статьи». Наконец, ему предстояла еще более важная работа, от которой он мог бы снова помолодеть: он обещает приступить к изданию всех своих сочинений, предварительно заново их исправив. Это обещание он дал 24 июня 1803 г. в ответ на сделанное ему одним южно-немецким книгопродавцом, предложение приступить к дешевому изданию всех его сочинений в двадцати томах. В сделанной об этом публикации³ говорилось, что Гердер постоянно имел в виду «палингенезию» своих сочинений. Он намеревался выпустить устарелые статьи, исправить сделанные в молодости ошибки, а некоторые статьи переделать и изложить подробно, применяясь к современным требованиям. Это, как видно, был такой широкий план, которому не было пределов!

В то время как он составлял эти планы, он не знал, что их осуществление скоро окажется невозможным. Его физические силы слишком скоро изменили ему. В конце сентября он просидел три

¹ Zur deutschen Litt. I, 184.

² Этот проект был сначала напечатан во французском переводе Карлом Виллерсом в 3-м изд. его сочинения, удостоенного премии 23 марта 1804 г.: «*Essai sur l'esprit et l'influence de la réformation de Luther*» (Paris, 1808. С. 390 и сл.); после того этот проект был напечатан в «Воспоминаниях» (III, 165 и сл.).

³ Новый Немецкий Меркурий. 1803, сент. С. 396 и сл.

часа в набитой людьми комнате, экзаменуя с чрезвычайным умственным напряжением кандидатов на духовные должности¹. Он возвратился измученным домой и почувствовал новое расстройство здоровья. Вскоре после того, а именно 17 или 18 октября, стало быть, только через месяц после его возвращения в Веймар, он внезапно упал в обморок в нетопленной зале, в которой осматривал устроенную Гёте выставку. Десятый номер «Адрастеи», за который он принялся вслед за тем, был уже наполовину написан. Чтобы довести до конца эту работу, больной вставал с постели, лишь только почувствовал себя немного лучше. В этом номере автор исполнял данное в третьем номере обещание говорить о романсах, о народных песнях и об эпосе; он, между прочим, объявлял о своем намерении издать уже давно готовый сборник народных песен, распределенных по различию стран, времени, языка и наций, — такой сборник, который был бы «живым голосом народов и даже человечества»; кроме того, он написал статью «Об употреблении северной мифологии в новейшей поэзии», излагая в ней ту же мысль, которую развивал в статье «Идуна», написанной для журнала «Noren», и прерывая свое изложение отрывками из «Gedicht eines Skalden» Герстенберга.

В непосредственной связи с намерением составить новый сборник народных песен находится и то, что Гердер заводит речь о Сиде. Он говорит, что «романсы о Сиде также богаты превосходными сценами, высокими чувствами и поучениями, как (осмелюсь это сказать!) произведения самого Гомера». Тринадцать таких романсов он поместил в девятом номере «Адрастеи» под заглавием: «Der Cid; Geschichte des Don Ruy Diaz, Grafen von Bivar; nach spanischen Romanzen», а в десятом номере он поместил еще девять; в приписке говорилось, что все эти романсы будут изданы в одной книге, для того чтобы впечатлению, которое они производят, не могли вредить неизбежные в журнале перерывы, и что они будут сопровождаться необходимыми объяснениями. При этом говорилось, что романсы о Сиде представляют собой самый возвышенный эпос, какой только существует, и что они написаны на самый возвышенный эпический сюжет. Все это говорилось с задней мыслью, которую нам нетрудно угадать; отрывки из обширной поэмы были вставлены Гердером промеж теоретических рассуждений об эпосе, о романсах и об эпосе: подобно тому как «Эон и Эонида» и «Раскованный Прометей» вместе с другими однородными произведениями должны были

¹ Каролина к Кнебелю (Zur deutschen Litt. II, 48).

служить объяснениями и подтверждениями гердеровской теории драмы, и романсы о Сиде должны были служить практическим объяснением гердеровских суждений об эпической поэзии.

Гердер издавна привык переходить от прозы к поэзии, привык придавать своим мыслям особую выразительность, излагая их в стихах, напоминать о чужих стихотворениях, выражающих идеи, сходные с его собственными, писать комментарии на чужие стихотворения и, наоборот, ссылаться на чужие стихотворения в подтверждение того, что сам излагал в прозе. К тому же он был так близко знаком с самыми разнообразными поэтическими произведениями всех стран и всех времен, что эти стихотворения беспрестанно приходили ему на память, и ему было не трудно ссылаться на них при всяком удобном случае. Он мог ничем не стесняться в удовлетворении этой склонности благодаря тому, что план издания «Адрастеи» был очень растяжим, — чем и возбудил основательные жалобы со стороны Якоби¹. В промежутках между своими теоретическими соображениями он вставлял не только стихотворения своего друга Кнебеля, но также и стихотворения других поэтов и свои собственные — иногда для того чтобы обозначить паузу, иногда для того чтобы найти повод для перехода к другому сюжету. Этой манерой делать вставки он нередко напоминает церковного проповедника, вплетающего в свою проповедь стихи из церковных песен, для того чтобы оживить свое изложение. При этом он, натурально, отдавал предпочтение старинным поэтам; он заимствовал стихотворные отрывки только от тех «певцов житейской философии, которых теперь называют стихоплетами, но у некоторых более богатое содержание, чем в новейшей шумихе погремушек и рифм». Мы уже ранее имели случай говорить о многих из его собственных стихотворений, возвышавшихся от незначительных аллегорий и поэтических размышлений до соперничества с величайшими драматическими писателями. В «Адрастее» можно найти образчики всех видов поэзии, в которых автор пробовал свои силы. Для тех трех легенд, которые помещены в третьем номере «Адрастеи» (легенда о св. Цецилии помещена в шестом номере), он заимствовал содержание, по рассказу «Воспоминаний», из старинного сборника легенд, найденного им в Штахесриде. Он местами вставлял и эпиграммы, а в ту главу четвертого номера, в которой шла речь об аллегории, он вставил целый ряд эпиграфов в духе антологии. К разряду подражаний восточным литератур-

¹ К Жан-Поллю (их избр. переписка. II, 328).

ным произведениям принадлежат два стихотворения в седьмом и восьмом номерах журнала, равно как перепечатанные в седьмом номере из «Немецкого Меркурия» восемь иудейских парабол. В том же номере помещен поэтический перевод одного отрывка из «Бхагавад-гиты». Кроме того, Гердер иногда пробовал состязаться со Свифтом и с Попом или приводил образчики того, как он стал бы переводить Шекспира на немецкий язык. Не было недостатка в образчиках и древненемецкой поэзии: в восьмом номере «Адрастеи» приведено несколько отрывков из древненемецких стихотворений. Все это похоже на массу объедков, оставшихся от прежних обедов! Впрочем, в «Адрастее» Гердер заходит за пределы своих прежних позаимствований — говоря о деятельности христианских миссионеров в Китае, он приводит в седьмом номере журнала целый ряд китайских нравоучительных рассказов, приплетая к этим, переведенным с французского языка, отрывкам колкие намеки на то, что делалось в Веймаре. Более достойны внимания помещенные в двух первых выпусках второго года издания те переводы сонетов Кампанеллы, в которых Гердер, по своему обыкновению, не считал нужным стеснять себя рифмами.

Наконец, чтобы придать более разнообразия образчикам различных видов поэзии, Гердер выступает в «Адрастее» в качестве очень усердного подражателя римским поэтам. Еще для декабрьского номера «Немецкого Меркурия» 1781 г. он намеревался доставить перевод первых сатир Персия. Он называл этого поэта «другом своего сердца» и хвалился тем, что переводил его произведения для всякого понятным языком, нисколько не ослабляя их колкости¹. Эта работа осталась в то время ненапечатанной: только теперь, в четвертом номере «Адрастеи», появилась первая сатира, которую автор сопровождал обещанием скоро напечатать и следующие сатиры². Но это обещание осталось неисполненным, и только после смерти Гердера были напечатаны найденные в его бумагах сатиры третья и пятая. Более широкое место занимает в «Адрастее» Гораций. Гердер уже издавна занимался переложением од Горация на немецкий язык; из произведений этого поэта он вынес убеждение, что при переводе классических стихотворений необходимо не отступать от их метриче-

¹ К Глейму 26 нояб. 1781 г. (С, I, 76); к Гаману 4 авг. 1785 г. (Соч. Гамана. VII, 269); см. не помеченную никаким числом записку Виланда к Гердеру, написанную, без всякого сомнения, в 1781 г.

² См. отзыв Бёттигера о переводах Гердера (*Линдеман*. С. 93).

ской формы. Переведенные им таким способом одиннадцать од Горация были им отправлены в «Вандсбекерский вестник» в 1774 и 1775 гг. По своему первоначальному плану «Терпсихора» должна была плести венки в честь Горация и от произведений Бальде перейти к произведениям Горация и других лириков. Вслед за тем были напечатаны в «Новом немецком ежемесячном журнале» 1795 г. только одна «К республике» и вольная переделка оды «К Меркурию». Другие переведенные отрывки оставались в письменном столе Гердера. Глейм и Кнебель советовали Гердеру напечатать их. Но у Гердера пропала охота этим заниматься, с тех пор как он узнал, что Кламер Шмидт занялся переводом Горация, что Шюц и Фосс также принялись изучать произведения римского поэта¹; «разве гусю место среди лебедей?» — писал он Кнебелю. Впрочем, эта отговорка оказалась вовсе не серьезной. Ведь Гердер вовсе не одобрял литературных приемов Фосса. В том же письме он называл Фосса «отвратительным»; в другой раз он говорил, что Фосс любит спорить попусту и придирается к словам². Свое мнение о Фоссовом переложении Горация на немецкий язык он высказал Глейму: «Неужели Вы думаете, что если бы Гораций писал точно так же на своем родном языке, то римляне стали бы читать его произведения и эти произведения дошли бы до нас?»³ Однако он не осмелился публично вступить в состязание с Фоссом — его оды были в первый раз напечатаны в полном собрании его сочинений и притом с поправками Кнебеля. Только с Виландом, как с другом, он осмеливался состязаться в переводе посланий и речей Горация. Некоторые отрывки из посланий он напечатал в «Разбросанных листках» и в «Терпсихоре» вслед за переводами Виланда. Даже после того как он отыскал для помещения в «Адрастее» и заново переделал семь отрывков, переведенных им еще за двадцать лет перед тем, он упомянул в нескольких дружеских словах о заслугах Виланда. А касательно своих собственных переводов он сам признавался, что эти отрывки следует читать так, как читают прозу, и что в них гекзаметры похожи не на кавалериста, а на пешехода, что это не что иное, как *sermo pedestris*⁴.

¹ К Глейму 24 нояб. 1797 г. (С, I, 235) и 18 янв. 1799 г. (Там же, 250, прим. 2); Кнебель к Гердеру 4 мая 1799 г. (С, III, 143) и ответ Гердера от 6 мая (Кнеbels Litt. Nachl. II, 280).

² К Г. Мюллеру 8 авг. 1800 г. (Гельцер. С. 290).

³ К Глейму в марте 1799 г. (С, I, 253).

⁴ Каролина к Меркелю 21 мая 1801 г. (Grenzboten. 1867, II, 295); Бёттигер к Гердеру (Линдеман. С. 87). Мнение Кнебеля (С, III, 207; Кнеbels Litt. Nachl.

Но «Романсы о Сиде» были более похожи на самостоятельные стихотворения, чем на подражания. Это был самый ценный и самый изящный продукт поэтической деятельности Гердера. Это было нечто вроде духовного завещания, оставленного умирающим в пользу его соотечественников, которые именно потому и ценили так высоко эти романсы, между тем как многие другие из его произведений оставляли без внимания или считали устарелыми.

Когда Гердер вел речь о «Сиде» Корнеля в своем путевом журнале (ЛВ. II, 261), он едва ли был знаком с романсами о Сиде. В 1777 г. — около того времени, когда он, жив в Веймаре, учился у Бертуха испанскому языку, — он старался добыть несколько испанских романсов для своего сборника народных песен; но в то время он еще вовсе не помышлял о собирании тех романсов, в которых шла речь о Сиде¹. Такое намерение зародилось у него в первый раз под влиянием одной статьи, напечатанной в «Немецком Меркурии» 1792 г. В февральском номере этого журнала за названный год появился немецкий перевод в прозе первых девяти романсов из «Bibliothèque universelle des Romans» 1783 г. — перевод, носивший заглавие «Романтическая история Сида» и подписанный неизвестным лицом буквой S, а в предисловии к нему высказывалось желание, «чтобы какой-нибудь поэт, подобно Гердеру близко знакомый с духом народных песен, подарил нам поэтический перевод всех романсов». Тогда Гердер стал хлопотать о присылке ему из гёттингенской библиотеки «Romansego» Эскобара, так как преимущественно этим испанским оригиналом пользовался французский издатель. Но ни Гейне, ни гёттингенская библиотека не могли доставить ему этой книги; от них Гердер получил другие сборники испанских романсов и прежде всех других сборник Сепульведы. Нам неизвестно, какие «испанские книги» прислал ему в августе Эйнзидель; и в 1797 г. он, как кажется безуспешно, обращался к Кнебелю с просьбой добыть для него в Нюрнберге и в Аншпахе испанские романсы, в особенности те, в которых рассказывалась история храброго Сида².

II, 386). Касательно переводов Горация, кроме того, следует сравнить отзывы Редлиха во введении и в примечаниях к XXVI тому SWS. И относительно всего, что касается остальных поэтических подражаний, помещенных в «Адрастее», мы можем сослаться на этот том и на XXVII.

¹ Редлих в примечаниях к XXVIII тому SWS (С. 567 и сл.). Там же можно найти указания касательно дальнейшего содержания нашего рассказа.

² Эйнзидель к Гердеру 12 сент. 1794 г. (С, II, 402); Гердер к Кнебелю 5 авг. 1797 г. (Knebels Litt. Nachl. II, 271) и ответ Кнебеля (С, III, 114).

Поэтому он ограничился теми источниками, какие уже имел под рукой, и приступил зимой 1802 г. к переложению стихами того, что нашел в вышеупомянутом французском журнале. «Вся эпопея о Сиде уже почти совершенно была готова» 12 июня 1803 г.; наконец, через месяц после того, собираясь к отъезду в Шнееберг, он сказал Каролине: «Вот твой Сид!» — и передал ей собственноручно начисто переписанную работу, начало которой уже появилось в девятом номере «Адрастеи»¹. Тем не менее он не переставал отыскивать новые литературные источники, из которых можно было составить себе более ясное понятие о характере испанских романсов. Еще незадолго до своего отъезда из Веймара он получил от Гейне «*Colleccion de Poesias Castellanas*» Санчеца вместе с «*Poema del Cid*»; этим сборником он намеревался воспользоваться после возвращения из путешествия. Ему доставляла испанские романсы и г-жа Берг; кроме того, он копался в дрезденской библиотеке, отыскивая сведения об испанской литературе. Однако, несмотря на все усилия, он не добрался до главного источника, а только пришел к неосновательному убеждению, будто он уже достаточно знаком со своим сюжетом, будто он уже не найдет ничего нового, да и ни в чем более не нуждается².

Итак, мы можем утверждать — согласно с мнением Р. Кёлера и согласно с мнением нового издателя, черпавшего свои сведения из оставшихся после Гердера черновых набросков³, — что для Гердера служили источниками частью французская переделка в прозе, частью сборник Сепульведы; только этим сборником Гердер пользовался для тех четырнадцати романсов, которые были отложены в сторону французским переводчиком. Но ни тот, ни другой источник не был удовлетворителен. Француз пользовался своим источником с самой широкой свободой; он делал перемены, пропуски и прибавки и вообще старался приспособлять романсы к вкусам своих соотечественников. С другой стороны, романсы Сепульведы не подходили под наивный

¹ Каролина к Меркелю 12 июня 1803 г. (*Grenzböten*. 298); в этом письме снова идет речь о доставке книг касательно истории Сиды (Воспоминания. III, 225).

² См. прим. Редлиха (SWS. XXVIII, 443) и письма Гердера к жене от 21 июля и от 24 августа 1803 г. (Воспоминания. III, 232).

³ SWS. XXVIII, 564 и сл.; *Reinhold Köhler*. Herders Cid und seine französische Quelle. Лейпциг, 1867. В дополнение к тому, что мы знаем от Кёлера, см.: *Vögelin*. Herders Cid, die französische und die spanische Quelle. Heilbronn, 1879. — Здесь сравниваются три вышеупомянутых текста и дается немецкий перевод испанского текста.

тон тех романсов, которыми пользовался француз. А сам Гердер пользовался обоими источниками более или менее свободно и нередко старался переделывать их в однообразной форме. Он позволял себе и сокращения, и прибавки; во избежание повторений он делал пропуски, а для того чтобы не прерывалась нить рассказа, делал перестановки. При этом, само собой разумеется, не могло быть и речи о верном переводе испанских романсов; некоторые из прежних критиков находили, что в переделках Гердера всё, неподходящее к национальным испанским и средневековым рыцарским нравам, придавало испанским романсам немецкий характер и тот гуманный отпечаток, который был совершенно в духе Гердера; но в этих переделках есть такие штрихи, в которых обнаруживается влияние новейшего романтизма и даже сентиментальность французов XVIII столетия. Тем не менее Гердеру принадлежит та заслуга, что он сделал из романа поэтическое произведение, которое кажется нам верным переводом оригинала, благодаря тому что в нем соблюден тот трохеический размер стихов, которым написаны испанские романсы. Он сделал с романами о Сиде почти то же, что сделал Макферсон с Оссианом. Его стихотворения были обязаны своим успехом происходившему в его собственном поэтическом уме смешению мелодий испанских и французских с немецкими, старинных с современными. Кроме того, и счастье оказалось на этот раз в союзе с гениальностью. Благодаря своей способности понимать, с одной стороны, дух народных песен, с другой стороны, дух эпической поэзии Гомера, Гердер изложил свой благородный и привлекательный сюжет в такой же художественной форме, в какой выражались жившие вблизи от него великие поэты. Несмотря на то что он постоянно нападал на этих поэтов, он на этот раз снова сблизился с ними — ведь в гердеровских романсах о Сиде точно такой же дух и точно такая же форма изложения, какие наложили отпечаток нового классицизма на поэтические произведения Шиллера и Гёте. В своих лирических, дидактических и в особенности драматических стихотворных произведениях Гердер тщетно пытался соперничать с поэзией Шиллера и Гёте, а своими эпическими стихотворениями он сплел себе такой венок, которому мог бы позавидовать не только автор «Оберона», но даже автор «Германа и Доротеи».

Однако ему не пришлось дожить ни до наслаждения той славой, которую ему доставили «Романсы о Сиде», ни до полного издания всех этих романсов. Ему пришлось приостановить работу над десятым номером «Адрастеи» — он должен был попла-

тяться за то, что не сберегал своих сил. Болезнь Гергера принимала все более и более серьезный характер, а доктор Штарк, лечивший его вместе с его сыном Готфридом, объявил с самого начала лечения, что мало надежды на выздоровление. Все его старые недуги, как рассказывает Каролина, снова обнаружили в сильнейшей степени. Если доктора предписывали какое-нибудь лекарство против одного недуга, то от этого же лекарства усиливались другие недуги. Вследствие нескольких апоплексических ударов силы больного пришли в такой упадок, что никакие лекарства не действовали. Он вполне сознавал опасность своего положения, но все еще сохранял умственную бодрость и минутами еще надеялся на выздоровление. Ему еще была дорога жизнь, которую он сделал такой плодотворной благодаря своей жажде деятельности. Обнимая своего сына Готфрида, он говорил ему: «Друг мой, мой дорогой друг, спаси меня, если это еще возможно!» Или же говорил шутя: «А смерть еще не взяла меня к себе». Между тем как его тело питалось только искусственным способом, его ум постоянно требовал для себя пищи и деятельности. Он не знал покоя ни днем, ни ночью. Он требовал, чтобы его сын Вильгельм читал ему вслух. Даже в эти предсмертные минуты он черпал утешение и душевную бодрость в клопштоковской оде, в отрывке из Оссиана, из Библии и в особенности из пророков. Наряду с серьезными статьями философского содержания, которые, однако, скоро пришлось отложить в сторону, ему доставляли удовольствие выдержки из сочинений Фильдинга или из каких-нибудь других сочинений для легкого чтения. Он еще был в состоянии интересоваться некоторыми страницами из четвертой части «Титана» и восхищаться прекрасной статьей своего друга Георга Мюллера о «запоздавшей Немезиде». Он искал помощи в царстве идей. Он желал, чтобы какая-нибудь новая великая идея охватила его душу и внесла в нее чувство радости; он надеялся, что тогда совершенно выздоровеет. А когда встану с постели, говорил он, буду много, очень много работать! Еще за несколько дней до своей смерти он говорил, что ему хотелось бы быть в состоянии написать только две статьи для «Адрастеи»; это была бы его последняя работа, в которой он высказал бы все свои убеждения, еще раз изложил бы свою основную точку зрения, потому что теперь многое представляется его уму в новом свете. А вместе с этими желаниями из его уст постоянно раздавались старые жалобы на то, что он в своей жизни сделал так мало, что не сделал именно того, что желал; если бы он мог переначать свою жизнь, он воспользовался бы ею совершенно иначе! Утром

18 декабря он впал в спокойное усыпление, из которого уже не пробуждался. Вечером того же дня, в половине одиннадцатого, он кончил жизнь. На третий вечер после его смерти был торжественно совершен вынос его тела в веймарскую городскую кирху при звоне всех колоколов. Главный дьякон произнес над его гробом речь в присутствии нескольких тысяч слушателей¹.

В этой церкви, вправо от крестильницы, неподалеку от находящихся перед хорами гробниц герцога Бернгарда, Иоанна Фридриха и его преемников, чугунная плита закрывает гроб Гердера. На этой плите изображена печать Гердера — свернувшаяся в кольцо змея с головой, окруженной сиянием; над этим изображением надписаны буквы А Ω, а вокруг его стоят слова «Свет, любовь, жизнь»², имя Гердера, день его рождения и день смерти. Перед церковью, позади бывшей казенной квартиры Гердера, стоит бронзовый бюст, изображающий его в том одеянии, которое он постоянно носил — в мантии пастора. Скульптору было нелегко изобразить подвижные черты лица умершего — было нелегко в особенности потому, что болезнь глаз иногда обезображивала эти черты. Тишбейн и Анжелика Кауфман, Графф, Реберг и Бюри пробовали нарисовать портрет Гердера, но эти портреты не могли вполне удовлетворить тех, кто был лично знаком с Гердером. Написанный Анжеликой масляными красками портрет считался лишенным выразительности, а портрет, написанный Тишбейном, считался не совсем похожим. Бюри написал карандашом портрет, который был, по мнению дочери Гердера, самым похожим, а жена Гердера впала в простительное заблуждение, когда вообразила, что черты лица ее мужа всего вернее были изображены в 1809 г. Кюгельгеном, рисовавшим портрет Гердера с прежних портретов и бюстов. И бюст Гердера не удался Клауэру. Более удачен мраморный бюст работы Триппеля, выставленный в настоящее время в веймарской библиотеке³. Хороша и статуя, изваянная по проекту мюнхенского художника

¹ Для этого описания последних дней жизни Гердера нам служили источниками, кроме рукописных «Воспоминаний», письма Каролины к Г. Мюллеру (*Гельцер*. С. 298 и сл.), Каролины к Кнебелю (*Дюнцер*. *Zur deutschen Litt. und Gesch.* II, 48), предисловие Готфрида Гердера к одиннадцатому номеру «Адрастеи», письмо Каролины к Жан-Полю (*Фёрстер*. III, 106) и Иоанна Мюллера к его брату 25 янв. 1804 г. (Полн. собр. соч. Иоанна Мюллера VII, III и сл.).

² Гердер писал своей жене из Рима (В, 201): «Я прошу у тебя только света, любви и жизни, как это сказано на моей старинной печати». Мысль о постановке этого памятника принадлежит Г. Мюллеру.

³ В той же библиотеке можно видеть и бюст работы Клауэра, и тот гипсовый бюст, который был сделан в 1830 г. скульптором К. Франке.

Шаллера, для которой служили образцами портрет, нарисованный Ягеманом, и бюст работы Тика¹. Она обязана своим существованием желанию воздвигнуть памятник в честь Гердера — желанию, которое было выражено по случаю столетней годовщины рождения Гердера одновременно и масонскими ложами, находившимися в Дармштадте и в Веймаре, и мюнхенскими поклонниками умершего писателя. Благодаря стараниям тайного советника Фридриха Мюллера, состязание из-за сооружения лучшего памятника уступило место совокупным усилиям немецких патриотов. После того как третейский суд отдал предпочтение модели Шаллера перед моделями, изготовленными в Майнце и в Дармштадте братьями Шолль, бронзовая статуя Гердера была открыта 25 августа 1850 г. — как выразился в своей официальной речи Ад. Шёлль, «в доказательство того, что у нас, немцев, еще есть выдающиеся люди, которые лучше тяжелых внешних уз поддерживают между нами неразрывную духовную связь и направляют нашу волю к одной общей цели». Эти слова, сказанные в смутное для Германии время, затрагивают в нашем сердце такую струну, которой нередко касался и Гердер в тяжелые для нашего отечества эпохи. Но теперь — после того как мы достигли государственного и национального объединения — труды Гердера напоминают нам о нашей обязанности стремиться к тому духовному единству, за которое он так мужественно ратовал в течение всей своей жизни и из-за которого выносил столько душевных страданий².

¹ Касательно изображений Гердера я пользовался отчасти помещенными в «Воспоминаниях» (III, 259) замечаниями Каролины в ее письме к Г. Мюллеру от 30 окт. 1804 г. (С, III, 336, прим. Дюнцера) и ее же письмом к Г. Мюллеру от 12 марта 1809 г. (касательно портрета работы Кюгельгена). В примечании Дюнцера сделана ссылка на помещенную в «Weimarer Sonntagsblatt» (1857, с. 413 и сл.) анонимную статью «Herders ältere Bildnisse in Gemälden und plastischen Werken». Изложенные мной в тексте мнения основаны на том, что мне сообщил тайный советник Штихлинг.

² Касательно погребения Гердера и касательно отзывов о заслугах умершего достаточно сослаться на то, что говорится в конце «Воспоминаний»; подробные сведения о воздвигнутом в Веймаре памятнике в честь Гердера можно найти во введении к «Herders Album» Кюнцеля; там же (с. 41 и сл.) напечатано приглашение обеих масонских лож к сооружению статуи; кроме того, см. появившуюся в 1850 г. в Веймаре маленькую брошюру «Das Herderfest in Weimar am 25 August 1850».

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ

На с. 16 и 17 этого тома, там где идет речь о начале служебной деятельности Гердера в Веймаре, следовало упомянуть и о тех мнениях Гердера касательно церковной дисциплины, которые известны нам из «Воспоминаний» (III, 48 и сл.). Первое из этих мнений выражено в том неоднократно нами упомянутом в тексте постановлении членов высшей консистории (в конце 1776 г.), излагающем желания, с которыми консистория предполагала обратиться к местному сейму. Здесь мы точно будто снова слышим голос автора «Провинциальных листков», так как Гердер, заодно со своим коллегой Готтшальгом, восстает против отмены церковной цензуры и называет продажу диспенсаций бессмысленным, безнравственным и несогласным с протестантским учением злоупотреблением, совершенно похожим на раздаваемое за деньги отпущение грехов. Что «понятие о церковной дисциплине нераздельно от понятия о церкви», он доказывает еще более подробно во втором мнении, которое было изложено почти одновременно с первым; но я не мог его отыскать в официальных бумагах. На основании доводов, не допускающих никакого возражения, и с самым убедительным красноречием он снова требует отмены всяких диспенсаций за деньги и доказывает, что не следует освобождать от установленных церковью наказаний какое-либо отдельное сословие или какое-либо нарушение установленных правил. Злоупотребления, против которых он восставал, действительно, сделались столь явными, что обратили на себя внимание даже веймарского правительства. Но оно взялось за это дело очень вяло, предложив отменить налагаемую церковью епитимью, — с мая 1781 г. и снова 31 декабря 1782 г. оно представило в консисторию проект такого нововведения. В какой мере успели в то время измениться теологические воззрения Гердера и в какой мере он стал менее строго относиться к нарушениям церковных правил, видно из того факта, что он уже не настаивал, как за пять лет перед тем, на сохранении церковной

цензуры в том объеме, в каком она исстари существовала в Веймаре. Он требовал только отмены постыдной и вредной продажи диспенсаций; он находил, что в основе правительственного проекта лежит правильное понятие о церковной епитимьи как средстве примирения церкви с прихожанами, и потому заявил, что проектированные новые порядки более соответствуют духу времени и предположенной цели, чем старые постановления, которые хотя и были хороши в свое время, но были до такой степени извращены различными злоупотреблениями, что вовсе не достигали своей цели. Несмотря на то что консистория одобрила правительственный проект (11 июня 1783 г.), это дело затянулось вследствие продолжительных переговоров с готским правительством до 1786 г.; только тогда церковная епитимья была окончательно отменена во всех саксонских владениях.

В подтверждение того что говорится о способности Гердера нравиться женщинам, можно прибавить одну выдержку из письма Каролины Шлегель (от 25 декабря 1796 г.) к Луизе Готтер (*Waiz. Caroline. I, 183*); в этом письме Каролина описывает впечатление, которое произвел на нее Гердер, — а ведь эта дама умела по достоинству оценивать ум и любезность мужчин. Она пишет: «Я в восторге от Гердера и едва не влюбилась в него... Его курляндский акцент вкрадывается в вашу душу; кроме того, он держится с таким достоинством, говорит так умно и приятно, что я уже давно не встречала человека, который мне так же понравился бы, и т. д.»

На с. 379 тома II, вслед за словами: «Разве в таком обществе можно было ожидать строго философских объяснений и чего-либо другого, кроме умственных упражнений?» — следует прибавить: в этом же роде был «домашний разговор», помещенный за год перед тем под заглавием «Рассудок и сердце» в 15-м номере вышеупомянутого журнала (в рукописном журнале он занимает 18 1/2 страниц в четвертую долю листа; оттуда он был перепечатан в «*Gesellschafter*») (1845. С. 602 и сл.) с некоторыми изменениями (*SW. Zur Litt. VI, 324* и сл.). Здесь под игривым тоном веселой беседы скрывается серьезное содержание: третейский суд разрешает спор об отцовском благоразумии между мальчиком, который смотрит на спорный вопрос глазами рассудка, и девочкой, которая смотрит на этот вопрос глазами сердца. В том же роде и рассматриваемый нами «Разговор богов».

Говоря на с. 624—625 тома II о доносе на теологический факультет Йенского университета, я имел в виду, кроме некоторых кратких извлечений из официальных документов, только состав-

ленную Гердером меморию веймарской высшей консистории. Касающиеся этого предмета официальные документы напечатаны в более полном виде у Рейхлин-Мельдегга в его «Paulus und seine Zeit» (I, 245 и сл.). Но я нахожу совершенно неправдоподобным предположение автора, будто веймарская консистория, составляя свой доклад от 11 февраля, уже имела в виду меморию эйзенахского генерал-суперинтенданта Шнейдера от 9 февраля. Напротив того, некоторые другие указания автора, по-видимому, подтверждают мое мнение: из них видно, что эйзенахская консистория обратилась со своими жалобами прямо к герцогу Карлу Августу. Эти жалобы были предъявлены еще 10 января 1794 г. Мейнингенское правительство обратилось со своими сообщениями к веймарскому (14 января, а по мнению Рейхлин-Мельдегга, 17-го) только для того, чтобы придать более веса эйзенахскому доносу.

В дополнение к моему рассказу (на с. 415—416 и 421 и сл. тома II) о реформах, введенных Гердером в литургии и в устройстве даровой кухни, я могу сослаться на «Herders Album» Кюнцеля; там помещены Пейцером самые важные из тех официальных документов, которые я читал только в рукописях.

Примечание 2 на с. 640 тома II следует дополнить указанием на помещенную в «Preussische Jahrbücher» (XLIII, 427) статью Суфана «Goethe und Herder».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббт, Томас; его влияние на Гердера, I, 169. Его жизнь, I, 205 и сл. Его книга «О смерти за отечество», I, 206 и сл. Его сотрудничество в «Письмах о литературе» и его умственное направление, I, 169 и сл. Гердер имел его в виду, когда писал свои «Отрывочные заметки», I, 214. Его смерть. I, 266 и сл. Его характеристика, написанная Гердером, I, 275. Его отношение к графу Липпе-Шаумбургскому, I, 609 и сл.

Август, принц готский; его отношения к Гердеру, II, 75 и сл. Он присылает Гердеру морлакские песни, II, 108. Его отзыв о четвертой части «Идей», II, 256 прим. 2, 533 и сл. Его отзыв об учебнике Гердера, II, 408. Его политические убеждения, I, 528 и сл. Его мнение касательно обвинений Фихте в атеизме, II, 763. Его мнение о гердеровской метакритике, II, 766 и об «Адрастее», II, 841, 879.

Аврора. Намерение издавать журнал под этим заглавием, II, 818. Это название превращается в «Адрастее», II, 821.

Аддисон, II, 840.

Академия наук, Баварская, II, 122. Произведенные в ней реформы, II, 129. Ее задачи на премию, II, 122 и сл., 129 и сл. Берлинская и ее задачи на премию, разрешенные Гердером, I, 536 и сл., 610, 835 и сл., 843 и сл.; II, 128 и сл., 133 и сл. Гердер назначен ее почетным

членом. II, 141 и сл. Академия Вольсков, II, 469. Мнение Гердера об академиях, II, 140 и сл. План Всеобщей немецкой академии, II, 140 и сл., 542.

Аллегория; Гердер отвергает ее употребление, I, 381 и сл. В какой мере могут ею пользоваться образовательные искусства, II, 87. Гердер не одобряет аллегорические драмы, однако сам пробует писать такую драму, II, 843. Об аллегориях и олицетворениях, II, 849 и сл.

Альберти, гамбургский пастор, I, 489 и прим.

«**Альманах муз**», издававшийся в Гёттингене; Гердер помещал там свои стихотворения, II, 354. Гердер также помещал свои стихотворения в «Альманахе Муз», издававшемся Шиллером, II, 662, прим. 2.

Амалия, герцогиня, саксен-веймарская, II, 30, 350, 400, 410. Ее поездка в Италию, II, 455 и сл. Она была крестной матерью Гердера сына Ринальдо, II, 486. Ее благосклонность к Гердеру, II, 896.

Аналитический метод постоянно одобряется Гердером, I, 111. Аналитическая проповедь, II, 393.

Англичане; неблагоприятный отзыв Гердера об их политическом характере, II, 840 и сл.

Андрез, рижский бургомистр, I, 191.

Андрез, Иоанн Валентин; его сходство с Гердером, II, 118. Гердер изучает его сочинения, II, 119 и сл. Намерение Гердера написать о нем особую статью, II, 121 и прим. Параболы и патриотические диалоги, II, 567 и сл.

Анкетиль; его «Зенд-Авеста», I, 803 и сл. Ее перевод Клейкером, I, 935.

Анонимность; Гердер предъясняет на нее свои права, I, 32 и сл., 420 и сл., 693. Она была в обычаях того времени, I, 424. Впоследствии Гердер порицал ее, II, 556 и сл., 808 и сл.

Антиной; понятие Гердера о нем, II, 98.

Антология, греческая; Гердер изучает ее, II, 345.

Антон; его «Очерк истории ордена тамплиеров», II, 175.

Аполлон, Бельведерский; Гердер объясняет его значение, II, 96 и сл.

Аристотель; Гердер ссылается на него, I, 301; II, 368 и сл., 508 и сл. Гердер касается его поэтики в разговоре с Лессингом, I, 488. Недостаточное знакомство Гердера с произведениями Аристотеля, I, 350 и прим.

Ардт, Иоанн Готфрид, помощник ректора рижского лицея, I, 179.

Ардт, Э. М. поэт; его мнения, сходные с гердеровскими, II, 557.

Арнольдт, кёнигсбергский профессор, бывший наставник Гердера, I, 89, 96.

Арну, актриса, I, 477.

«**Археология** евреев»; план этого сочинения, I, 390 и сл.; I, 536, 633, 691.

Архитектура; место, которое отводит ей Гердер среди других искусств, I, 368; II, 787.

Бабю, оказавший Гердеру гостеприимство в Нанте, I, 434.

Базедов; его знакомство с Гердером, I, 490. Мнение Гердера о его педагогике, I, 842.

Бальде, Иаков; его хвалебная песнь в честь Девы Марии, II, 118. Впечатление, которое произвели на Гердера его лирические стихотворения и т. д., II, 571 и сл.

Бардили, сообщник Гердера в борьбе с учением Канта, II, 773.

Бартелеми, I, 474.

Басня; ее теория в изложении Гердера, I, 300; II, 364 и сл., 370, 848.

Баумгартен, Ал. Готл.; его учебники нравятся Гердеру, I, 111. Намерение Гердера воздвигнуть ему литературный памятник, I, 267. Сочувствие Гердера к его эстетике, I, 360; сравн. II, 782 и сл.

Баумгартен, Г., II, 152, прим., 794, прим.

Бах, Иоанн Христоф. Фридр., концертмейстер в Бюкебурге, писавший музыку на слова Гердера, I, 625.

Баш, бывший до Гердера генерал-суперинтендантом в Веймаре, I, 932.

Бегроф, рижский друг Гердера, I, 154, 458, 525.

Бенцлер, друг Гердера, I, 936.

Берг, г-жа, находившаяся в дружеских отношениях с Гердером, II, 897, 899.

Беренс, Арндт, I, 150.

Беренс, Георг, I, 150.

Беренс, Готфрид, I, 150.

Беренс, Густав, I, 150. Отправляется вместе с Гердером в морское путешествие, I, 429. Склоняет Гердера к посещению Франции, I, 434. Сговаривается с ним касательно продолжения путешествия, I, 479. Его письма к Гердеру, I, 481.

Беренс, Карл, I, 150.

Беренс, Иоганн Кристофор, рижский ратман, I, 129, 150. Его статья «О „Духе законов“ Монтескьё», I, 180; II, 424, прим.

Беркгольц; произнес речь при открытии в Риге памятника в честь Гердера, I, 161, прим.

Беркли; его диалоги служат образцами для Гердера, II, 338. Гердер берет его сторону против Канта, II, 753. Считает его предшественником Канта, II, 758.

Берлепш, II, 426. Дружба его жены с Гердером, II, 23, 63 и сл., 430, 472, 513.

Бернгарди, пишет заметку о гердеровской «Метакритике», II, 770.

Бернгоф, рижский пастор; его нападки на Гердера, I, 172; II, 424, прим.

Бернсторф, граф, I, 494.

Бернэ, М.; его мнение о гердеровской статье о Гомере, II, 665.

Бетти, Джемс; Гердер благосклонно отзывается о его переводе сочинения о свойствах истины, I, 650 и сл.

Бешеффер, г-жа; ее дружеские отношения к Гердеру, I, 682, 688.

Бёттигер; назначен ректором веймарской гимназии, II, 497 и сл. Его первоначальные отношения к Гердеру, II, 499. Гердер недоволен им, II, 706 и сл. Он препятствует Гердеру в намерении учредить новую профессорскую должность при веймарской гимназии, II, 739. Его роль при разрешении вопроса о замещении должности кантора при гимназии, II, 889. Его разнообразная деятельность и личные отношения к Гердеру, II, 833 и сл. Его мнение о статье Гердера касательно национальной гордости немцев, II, 563. Его мнение о статье Гердера касательно воскресения из мертвых, II, 592. Его мнение о четвертом номере «Адрастен», II, 853.

«Библиотека», журнал, издававшийся в Лемго; Гердер помещал в ней статьи, I, 872 и сл.

«Библиотека, Всеобщая немецкая» и статьи, которые помещал в ней Гердер, I, 220, 626, 691; II, 710, 808.

Библиотека, Немецкая, основанная Клотцем, I, 317 и сл.

Библиотека изящных наук; мнение Гердера о ней, I, 221.

Библия; как смотрел на нее Гердер, II, 101. Намерение Гердера заново перевести ее, I, 463; II, 186.

Биттер, I, 623, прим. 3.

Блек, I, 833, прим.

Блуменбах; его мнение о гердеровских «Идеях», II, 295.

Блэкуэлл; его влияние на воззрения Гердера, I, 227.

Блэр; его статьи об Оссиане, I, 586, 587.

Бог; доказательства его существования, приводимые Гердером, II, 324 и сл. Понятие о нем Гердера, II, 328 и сл.

Богуславский, II, 529, прим. 1.

Боде, его знакомство с Гердером, I, 489. Склоняет Гердера к сотрудничеству в «Вандсбекском вестнике», I, 637 и сл. Склоняет Гердера к сотрудничеству в шлезвигских письмах о литературе, I, 567. Его прибытие в Веймар, II, 55. Его мнение о характере Гердера, II, 485. Он поддерживает связи Гердера с масонами, II, 873.

Бодеман, I, 506, прим. 3, 791, прим. 1.

Бодиссен, графиня, II, 689, прим.

Бодмер, его заслуги признаны Гердером, I, 232, 298, прим.

Бойе, его знакомство с Гердером, I, 498. Получает от Гердера статьи для «Альманаха Муз», I, 556, 621. Помогает Гердеру при его переезде в Веймар, II, 9. Поддержи-

вает его в намерении издать сборник народных песен, II, 107.

Бок, приятель Гердера, I, 123.

Боксбергер, II, 498, прим. 1.

Болльман, I, 346, прим.

Больё-Марконнэ, II, 16, прим. 2, 66, прим. 1, 434, прим. 4.

Босгард, швейцарский крестьянин; его благодарственное письмо к Гердеру, I, 783.

Брандес, I, 762. Хлопочет о перемещении Гердера в Гёттинген, I, 904. Его мнение о сочинениях Гердера, написанных в Бюкебурге, I, 907.

Бремер, ганноверский министр, I, 904, 907.

Брёмель, I, 126, прим.

Будберг, Вольд. Дитр., I, 151, 473.

Бук, бывший наставник Гердера в Кёнигсберге, I, 97.

Буонкомпаньи, кардинал, II, 456.

Буркгардт, II, 351, прим. 1, 354, прим. 2.

Бурке; сочувствие Гердера к нему, I, 367. Его сочинение о возвышенном и прекрасном, I, 487.

Буш, стразбургский хирург, I, 523.

Буш, рижский купец, I, 154. Его смерть, I, 639. Г-жа Буш, I, 154, 499.

Бэкон; Гердер изучает его произведения, I, 106. Его цели сходятся с целями Гердер, I, 366. Его теориям сочувствует Гердер, I, 444, 448.

Бюргер; влияние, которое имел на него Гердер, I, 235. Влияние, которое имела на него статья Гердера об Оссиане, I, 593. Гердер хвалил его песни, II, 108 и сл. Порицал его, II, 130; сравн. II, 812, прим. 1.

Бюри, живописец, II, 455, 456. Нарисованный им портрет Гердера, II, 909.

Бюффон; его сочинениями пользовался Гердер для своих «Идей», II, 231.

Вагнер (Реалис де Виенна), II, 554.

Вайц, I, 771, прим.

Вальд, I, 89, прим. 1.

Варбургон, I, 580, 730.

Варнгаген, автор биографии графа Вильгельма Липпе-Бюкебургского, I, 610, прим., и статьи о Лейхзенринге, I, 484, прим. 4.

Вебер, соборный пастор в Веймаре, II, 16, 409. Его смерть, II, 881.

Вегелин, I, 245; II, 38 и сл.

Везендонк, I, 771, прим.

Вейнгольд, I, 382, прим. 2; II, 106, прим. 2.

Вейссе, Христиан Феликс, I, 473.

Векгерлин; мнение Гердера о нем, I, 117, 569.

Вера, воззрения на нее Гамана, I, 131. Гердер разделяет эти воззрения, I, 650, 855. Называет ее основой христианства, II, 146. Порицает употребление слова «вера» у Якоби, II, 316. Берет назад это порицание, II, 777. Рациональное воззрение на понятие о вере, II, 647.

Вернер, минералог; его встреча с Гердером, II, 887. Приезд в Веймар, II, 894.

Вернер, Захария, II, 61.

«**Вестник**, Вандсбекский»; Гердер помещает там свои статьи, I, 492, 637; II, 354.

Вестфельд, директор полиции в Бюкебурге, I, 514, 603, 613. Его жена, I, 682. Уезжает из Бюкебурга, I, 688. Служит посредником при переговорах о назначении Гердера в Гёттинген, I, 925.

Виланд; Гердер берет его сторону против Лессинга, I, 225. В первый раз вступает с ним в полемику, I, 245. Приезд в Дарм-

штадт, I, 674. Первый подает мысль о приглашении Гердера в Веймар, I, 932; II, 44. Первое свидание с Гердером в Веймаре, II, 9. Первоначальные отношения к Гердеру, II, 40 и сл. Мнения Гердера о его литературных дарованиях, II, 41. Его похвалы Гердеру после первого знакомства, II, 48. Следы его влияния на литературные произведения Гердера, I, 370, 371, 379. Сочувствие Гердера к его политическим убеждениям, II, 521. Дружеская привязанность Гердера к Виланду усиливается, II, 715 и сл. Она не прекращается до смерти Гердера, II, 824.

Вилламовиус, морунгенский пастор, I, 74.

Вилламов, Иоанн Готл; его сын писал дифирамбические стихотворения, I, 139.

Вильгельм, граф Липпе-Шаумбургский, I, 514, 604 и сл. Делает переводы из гердеровского «Брута», I, 625. Их личные отношения, I, 611 и сл. Они стали чуждаться друг друга, I, 915. Последнее свидание с Гердером и смерть, I, 938.

Вильман, I, 685, прим. 1.

Вильперт, рижский бургомистр, I, 124.

Винкельман; его история искусства служит по мнению Гердера подготовкой к истории греческой поэзии, I, 244. Высокое мнение Гердера о нем, I, 294. Гердеровский панегирик Винкельману, II, 89 и сл. Мнение Винкельмана о Гердере, I, 327, прим. 2.

Винклер, редактор римского указателя, I, 180.

Витгоф; Гердер хвалил его дидактические стихотворения, I, 252. Отрывки этих стихотворений вставлены в «Теологические письма», II, 145.

Вкус; понятие Гердера о нем, I, 837 и сл.; II, 790.

Вольтер; мнение Гердера о нем как историке, I, 332. Его характеристика, написанная Гердером, I, 465. Гердер нападает на него в «Древнейшем документе», I, 731.

Вольф, эйтинский супериндентант, I, 495.

Вольф, Фридр. Август; нападает на Гердера, II, 664, 667 и сл. Его «Prolegomena » побуждают Гердера написать статью о Гомере, II, 671 и сл.

Вольф, К. Ф.; его «Theoria generationis», II, 215.

Воскресение Христа; как понимал его Гердер, I, 866; II, 234, 590, сравн. II, 637.

Габеркант, один из кёнигсбергских друзей Гердера, I, 124.

Гагедорн, Христиан; был, по мнению Гердера, оригинальным писателем, I, 225.

Гагедорн, Фридрих; его стихотворные произведения, I, 202. Гердер хвалит его, сравнивая с Рамлером, I, 382.

Гаген, II, 105, прим.

Гадебуш, сотрудник ученых приложений к «Рижскому вестнику», I, 179.

Гайдн, один из любимых композиторов Гердера, II, 788.

Гакерт, живописец, II, 464.

Галицына, княгиня; приезжает в Веймар, II, 378.

Галлер; его стихотворения, I, 202. Замечания Гердера о его дидактических стихотворениях, I, 252. Гердер находит для себя опору в его физиологии, I, 855; II, 231.

Гаман; его дружеские сношения с Гердером в Кёнигсберге, I, 125. Их начало, I, 128. Характеристика Гамана, I, 128 и сл. Сочинения, в которых идет речь о нем, I, 126, прим. Его жизнь до знакомства с Гердером, I, 130. Его «Сокра-

тические достопримечательности», I, 131. Крестовые походы филолога, «Aesthetics in puse» и т. д., I, 132; II, 123. Его характеристика в лафатеровской «Физиогномике», I, 133. Берет на себя редакцию Кёнигсбергской газеты, I, 138. Рекомендует Гердера Линднеру, I, 140. Отправляется в Митаву к Тоттиену, I, 155. Посещает Гердера в Риге, I, 155. Помогает Гердеру советами при сочинении «Отрывочных записок» о новейшей немецкой литературе, I, 217, 280. Его идеи служили руководством для Гердера в «Письмах о литературе», I, 233. Несочувственный о нем отзыв Гердера в «Торсе», I, 322. Его содействия Гердер искал для статьи об археологии евреев, I, 392. Не одобряет старание Гердера скрывать свое имя, I, 424. Его мнение о Мерке, I, 506. Его рецензия гердеровской статьи о происхождении языка, I, 640. Привязанность к нему Гердера, I, 643 и сл. Его «расправа с рецензентом», I, 645. «Предсмертные рассуждения кавалера Розенкрейца» и т. д., I, 645. Его ссора с Гердером и примирение, I, 644 и сл. Его философские причуды и сомнения, 647. Его письмо к «Salomon de Prusse», I, 648. «Разговор автора с самим собой», I, 648. Защищает Гердера от нападок Шлоцера, I, 779. «Prolegomena» по поводу «Древнейшего документа», I, 785. Утешает Гердера, поссорившегося со Шпальдингом, I, 798. Письмо, несомненно приписываемое ему, I, 932, прим. Получает от Гердера денежный подарок, I, 937. Огорчается победой, одержанной Николаи над Гердером. II, 180 и сл. Уговаривает Гердера писать продолжение «Древнейшего документа», I, 890; II, 186. Его отзыв о Канте, II, 273; сравн. II, 440. Его отношения к гердеровской «Метакритике», II,

740. Успокаивает Гердера, встревоженного полемическими статьями Канта. II, 281, 288. Проект свидания с Гердером, II, 439. Характер его дружеской привязанности к Гердеру, II, 440. Его участие в литературной деятельности Гердера, II, 441. Его позднейшие сочинения, написанные под влиянием Гердера, II, 441. Его позднейшие сочинения, написанные под влиянием Гердера, II, 444. Его письма к Гердеру, II, 445 и сл. Играл роль примирителя между Гердером и Гарткнохом II, 446. Его поездка в Вестфалию, II, 450. Его смерть, II, 541. Предположение издать его сочинения, II, 526.

Гамильтон, II, 464.

Гандвиг, городской доктор в Риге, I, 187.

Ган, барон; его дружба с Гердером, I, 494. Встреча в Пирмоне, I, 791, 847. Снабдил Гердера денежными средствами на дорогу, I, 937.

Ган, Фил. Матв., II, 295, прим. 2.

Гарве; его рецензия «Отрывочных заметок», I, 310. Перевел на немецкий язык сочинение Бурке о возвышенном и прекрасном, I, 487.

Гарденберг, см. Новалис.

Гердер, пастор в Сунцеле, сотрудничавший в «Рижских приложениях», I, 179. Его письмо к Клотцу о Гердере, I, 426, прим. Гердер предлагал ему перевести на немецкий язык некоторые из сочинений Бурке, I, 426, прим. Был назначен ректором рижского лицея, I, 599.

Гарнье, Жан-Жак, I, 474.

Гарольд; его перевод Оссиана и переписка с Гердером по этому предмету, II, 675 и сл.

Гаррис; его мнений придерживался Гердер, I, 349.

Гарткнох, книгопродавец, друг, Гердера в Кёнигсберге, I, 124

и сл. Его дом служил в Риме убежищем для Гердера, I, 151 и сл. Оказал Гердеру помощь перед его отъездом за границу, I, 430. Помогал Гердеру перед свадьбой, I, 680 и сл. Посещал его в Бюкебурге, I, 689, 900 и сл., 913, прим.; в Веймаре, II, 447 и сл. Его ссора с Гердером, II, 446. Она улажена, II, 449. Смерть Гарткноха, II, 450.

Гарткнох-сын, II, 270. Поощряет Гердера к изданию «Адрастеи», II, 817, 820.

Гартман; профессор в Митаве, I, 795, 901. Его смерть, I, 901, прим.

Гасс, I, 269, прим. 2, 395, прим. 3.

Геггард; его рецензия гердеровской статьи об Искупителе, II, 811.

Гегель; сходство его философских воззрений с гердеровскими «Идеями», I, 362 и сл. и с содержанием метакритики, II, 760, 761, 752. Его философия истории, II, 298.

Гегнер, I, 660, прим.

Гейденрейх; его сочинение: *Натура и Бог по учению Спинозы*, II, 335, прим.

Гейдефогель, в Риге, I, 149. Его загородное поместье, I, 151.

Гейгер, II, 385, прим. 2, 410, прим. 1.

Гейланд, II, 410, прим. 1, 411, прим.

Гейльман; Гердер сочувствует его идеям, I, 97, 267; II, 163.

Гейне; Гердер хвалит его как знатка древности, I, 384. Он был в дружбе с Гердером, I, 636. Восстанавливает Гердера против Михазлиса и Шлёцера, I, 775. Хлопочет о назначении Гердера в Гёттинген, I, 904. Его панегирик Винкельману, II, 90. Письма к нему Гердера, оставшиеся ненапечатанными, II, 94 и сл., прим. 3. Снова заводит с Гердером переговоры о назначении

в Гёттинген, II, 469. Приезжает в Веймар, II, 485. Его отзыв о «Древнейшем документе», I, 782.

Гейне, Тереза; ее переписка с Гердером, I, 636 и сл.

Гейнце, ректор веймарской гимназии, II, 411. Его смерть и произнесенная по этому случаю речь Гердера, II, 271.

Гейслер, I, 206, прим.

Гекзаметры; мнение о них Гердера, I, 233, 244.

Геллерт; его сочинениями пользуется Гердер, I, 73, 78. Мнение Гердера о нем, I, 550.

Гельдерлин, II, 362. В его «Гиперионе» слышатся отзвуки гердеровских «Идей», I, 862.

Гельмгольц; его физиологические исследования о музыке, I, 367.

Гельцер, II, 157, прим. 1 и во многих других прим.

Гемстергюи; намерение Гердера перевести его сочинения, I, 875. Сходство их воззрений, I, 875. Заезжает в Веймар, II, 378. Гердер переводит некоторые отрывки из его сочинений, I, 876, прим.; II, 378 и сл.

Гендель, один из любимых композиторов Гердера, II, 788. Похвалы, которыми осыпал его Гердер, II, 868. Немецкий текст для его «Мессии», II, 788.

Гений; понятие Гердера о нем, I, 863; II, 790.

Генриетта, принцесса Ангальт-Дессаусская ведет переписку с Гердером, II, 63.

Генц, Фридр.; предпринял издание нового ежемесячного немецкого журнала, II, 558.

География; была одним из любимых предметов изучения для Гердера, I, 102; сравн. II, 412. Влияние гердеровских «Идей» на развитие этой науки, II, 295.

Гервинус, II, 295, прим. 1, 591, прим.

Геркулес; его «Торс» в объяснении Гердера, II, 98, прим.

Гердер

Биографические подробности.

Рождение (1744), I, 66. Его родной город Морунген, I, 66. Посещает морунгенскую школу, I, 69. Берет частные уроки у ректора Грима, I, 70. Получает конфирмацию от пастора Вилламовиуса, I, 74. Слезная фистула, I, 75. Занятия переписчика у дьякона Трешо, I, 77 и сл. Из Морунгена отправляется к Кёнигсберг для изучения медицины, I, 86.

В Кёнигсберге поступает на теологический факультет (1762), I, 88. Посещает книжный магазин Кантера, I, 88, 197. Назначен надзирателем в коллегии Фридриха, I, 90. Занимается изучением геологии, I, 95 и сл. Слушает лекции Канта, I, 97 и сл. Его университетские товарищи, I, 123. Знакомится с Гаманом, I, 125, 128 и сл. Учится у Гамана английскому языку, I, 134. Приглашен преподавателем в рижскую церковную школу, I, 141.

В Риге (1764), I, 142. Прибытие туда, I, 147. Приватное введение в новую должность, I, 149. Частные уроки, I, 150. Знакомства, I, 150 и сл. Два раза посещает Гамана в Митаве, I, 155, 219. Воспаление легких и болезнь глаз, I, 157, 165, 280. Приглашение в Петербург, I, 158, 165, 321, 427. Официальное вступление в должность, I, 159. Экзамен *pro venia concionandi*, I, 165, 391, прим. 1. Второй теологический экзамен, I, 166. Избран пастором *adjunctus* и посвящен в духовное звание (1765), I, 166, 187, 280. Назначен помощником библиотекаря при рижской городской библиотеке, I, 166. Его проповеди имеют успех, I, 171. Столкновение с сослуживцами, I, 173; сравн. II, 424, прим. Посещение концертов и

театральных представлений, I, 184 и сл., 260. Вступление в масонскую ложу, I, 188 и сл. Назначен проповедником в пригородных церквях, I, 428. Его надежды на получение иных должностей, I, 429; получает увольнение, I, 429. Отъезд из Риги (1769), I, 429 и сл.

Копенгаген и Гельсингёр, I, 433. Намерение отправиться в Германию, I, 433. Едет вместе с Беренсом во Францию, высаживается в Пенбёфе и останавливается в Нанте, I, 434 и сл. Поездка по французским провинциям и посещение Анжера, I, 435. Подробности путешествия, I, 438 и сл. Глазная операция; поездка из Нанта в Париж, I, 472. В Париже, I, 473 и сл. Предложение князя епископа Любекского, I, 480. Гердер принимает это предложение, I, 481. Отправляется из Парижа через Брюссель, Антверпен, Гаагу, Лейден в Амстердам (1770), I, 483. Кораблекрушение, I, 483; знакомство в Гамбурге с Лессингом, с Клаудиусом и др., I, 487. Вторичное пребывание в Гамбурге, I, 493, прим. 1, 494. В Киле и в Эйтине, I, 494 и сл. Едет вместе с эйтинским наследным принцем в Страсбург, I, 497. Заезжает в Гамбург, в Ганновер, в Кассель, I, 497; в Гёттинген, в Ганау, в Дармштадт, I, 498; знакомится с Каролиной Флаксланд и с Мерком, I, 498 и сл., 501 и сл. Заезжает в Мангейм, в Гейльдерберг, Карлсруэ, I, 510. Приезжает в Страсбург, I, 512. Получает приглашение в Бюкербург, I, 515. Предъявляет свои условия, I, 514. Отказывается от данных в Эйтине обещаний, I, 515 и сл.; сравн. I, 522. Получает окончательный ответ и деньги на дорогу, I, 597. Медлит с отъездом, I, 598. Глазная операция в Страсбурге, I, 522 и сл., 597; I, 602. Намерение побывать в Швейцарии, I, 521. Нани-

мает особую квартиру, I, 522. Меняет квартиру, I, 525; сравн. I, 525, прим. 2. Знакомство с Гёте, с Юнгом Штиллингом, с Пегеловом и др., I, 525 и сл. Его манера одеваться, I, 528, 603 и сл., 615, 791, прим. 1. Отклоняет предложение должности в Гиссене, I, 597. Приглашение в Ригу приходит слишком поздно, I, 598, 639. Возвращается из Страсбурга через Карлсруэ в Дармштадт (1771), I, 599 и сл. Через Франкфурт (где останавливается в доме родителей Гёте) и Касель едет в Бюкебург, I, 603.

Прием у графа Вильгельма и статья о происхождении языка, получившая премию, I, 608 и сл. Часто бывает в доме Вестфельда, I, 613. Получает казенную квартиру, I, 613, 619. Бюкебургское общество, I, 615. Его положение церковного проповедника, I, 616. Его положение члена консистории, I, 617. Ищет наслаждений в природе, I, 618 и сл. Помышляет о поездках в Берлин, I, 627; в Ганновер, I, 633. Едет через Ганновер в Гёттинген (1772), I, 633 и сл. Знакомится с Гейне и с его женой, I, 636 и сл. Его отношения к графине Марии Липпе-Шаумбургской, I, 667 и сл. Его свадьба в Дармштадте (1773), I, 686. Едет вместе с женой в Бюкебург, I, 686, прим. 4. Намерение переехать в Гальберштадт или в Гёттинген, I, 789 и сл., 796. Видь на должность в Митаве, I, 796 и сл. Он даже помышляет о переезде в Петербург, I, 901, прим. Заботы его друзей о доставлении ему новой должности, I, 899. Его надежды на Гёттинген, I, 902 и сл. Поездки в Пирмон (1774), I, 791, 847; II, 12, 171. Поездки в Ганновер, I, 905 и сл., 908. Второе сочинение, удостоенное премии, I, 835. Новая стадия в переговорах о гёттингенской должности, I, 913. Поездка в Дарм-

штадт по поручению эйтинского правительства, I, 913 и сл. Глейм в Бюкебурге, I, 915. Дело Штока, I, 915 и сл. Приглашение в Гёттинген с условием выдержать испытание, I, 922. Свидание с Вестфельдом в Ольдендорфе (1776), I, 926. Прекращение переговоров с Гёттингеном вследствие назначения на должность веймарского генерал-суперинтенданта, I, 926, 932. Клаудиус в Бюкебурге, I, 931 и сл. Семейная жизнь и рождение двух сыновей, I, 934 и сл. Приезд Кантера и брата Каролины, I, 935. Экономическое положение Гердера, I, 937. Смерть графини и графа, I, 937 и сл.

Гердер отправляется через Гёттинген и Гальберштадт в Веймар (1776), II, 9. Недоразумение, возникшее перед приведением Гердера к присяге, II, 10. Вступительная проповедь, II, 11. Денежная нужда, II, 12, 50, 144, 433, 447 и сл., 690 и сл. Бремя должностных занятий, II, 12 и сл. Препятствия для деятельности, II, 15. Намеревается покинуть Веймар, II, 27. Рождение и крещение третьего сына, II, 30. Гердер занимается с герцогиней Луизой английским языком и латинским, II, 34 и сл. Отношения к Софии Шардт, II, 54 и сл. Болезнь в Пирмоне и в Готе (1777), II, 12, 80, 206. Получение мюнхенской премии (1778), II, 122. Получение второй премии от Баварской академии, II, 128. Школьная деятельность, II, 133. Надежда переехать в Берлин, II, 135. Третья премия, полученная в Берлине, II, 141. Назначение почетным членом Берлинской академии, II, 142. Г. Мюллер приезжает в Веймар и описывает домашнюю жизнь Гердера (1780), II, 156 и сл. Зимой 1782/83 г. он жил в доме Гердера, II, 158 и сл. Приезд Иоанна Мюллера, II, 160.

Надежда получить должность в Клостербергене, II, 182. Рождение четвертого сына, II, 210. Первая поездка в Карлсбад, II, 267, 343, 439. Гердер всего более работает в зимнее время, II, 267. Вторичная поездка в Карлсбад (1786), II, 268. Семейная жизнь, II, 822 и сл. Служебная деятельность (с 1783), II, 388, 400. Учреждение учительской семинарии, II, 401 и сл. Преобразование гимназии, II, 410 и сл. и даровой кухни, II, 416 и сл. Преобразования в сфере церковного управления, II, 421 и сл. Виды на Митаву, на Гамбург, на Берлин, II, 428 и сл., на Ганновер, II, 430; на Йену, II, 431. Гердер откровенно описывает герцогу свое положение (1788), II, 431 и сл. Увеличение жалованья, II, 433. Анонимный денежный подарок, II, 434. Смерть младшего ребенка, II, 434. Полученное от Дальберга приглашение предпринять путешествие в Италию, II, 435 и сл. Приезд Дальберга в Веймар, II, 436. Последние дни перед отъездом в Италию, II, 437 и сл. Неоднократные посещения Гердера Гарткнохом, II, 447 и сл.

Поездка в Италию (1788—1789). Отъезд через Готу, II, 452. В Бамберге, Нюрнберге и Аншпахе, II, 452. Отъезд из Аугсбурга в Рим вместе с Дальбергом и г-жой Секендорф, II, 453. Неприятное положение Гердера в Риме, II, 454 и сл. Гердер отстает от Дальберга и часто посещает герцогиню Амалию, II, 455. Знакомство в Риме, II, 456 и сл. Переезд в Неаполь (1789), II, 462. Два бракосочетания, II, 464. Возвращение в Рим, II, 466. Знакомство с Анжеликой Кауфман, II, 467 и сл. Новое приглашение в Гёттинген, II, 469. Переговоры в Гёттингене и Веймаре, II, 471. Возвращение домой через Флоренцию и Венецию, II, 470 и сл. Свидание с

герцогом Тосканским, II, 470. Решается остаться в Веймаре, II, 480 и сл. Назначен вице-президентом главной консистории, II, 480. Сумма его доходов, II, 480, прим. 1. Трудность свыкнуться с веймарской жизнью после возвращения из Италии, II, 492 и сл. В Готе у принца Августа (1789), II, 493. Неоднократные заболевания (1789—1792), II, 271, 492 и сл., 271, 526, 716. Третья поездка в Карлсбад (1791), II, 271, 494, 689, прим. Поездки на воды в Ахен (1792), II, 488, 494, 525, 527, 691. Поездки из Ахена в Пемпельфорт, II, 526 и в Ашаффенбург, II, 528. Здоровье Гердера поправилось после возвращения из Ахена, 494 и сл. Назначение эфора гимназии, II, 496. Его вмешательство в дела Йенского университета, II, 500. Приезд Г. Форстера, II, 507. Вечера у графини Амалии, II, 512 и сл., 540, 555. Неудовольствие при дворе (1793), II, 571 и сл. Посещает Глейма в Гальберштадте (1794), II, 657. В его доме живет его родная сестра, II, 691. Его дети, II, 691 и сл.; II, 764. Приезд Жан-Поля (1796), II, 718. Свидания с Виландом, II, 824. Свидания с Кнебелем, II, 824 и сл. Меркель навещает Гердера, II, 831. Воскресные собрания в доме Гердера. I, 836. Он встречается с Глеймом в Эйслебене (1796), II, 643. Посещает Глейма в Гальберштадте (1797), I, 635. Представлен прусскому королю (1799), II, 870. Совершает обряд конфирмации над наследным принцем (1799) и над принцессой Каролиной Луизой (1802), II, 640, 822. Посещает Глейма (1800), II, 880. Физические недуги (1800 и след. годы), II, 880 и сл., 886 и сл., 888, 894. Назначен президентом консистории (1801), II, 881. Поездка в Штахесрид, II, 650, 883 и сл. Возведение в дворянское достоинство, II, 883 и сл. От-

ношения герцога к этому делу и посредничество Гёте, II, 885 и сл. Вторичная поездка в Ахен (1802), II, 887. Возвращение в Веймар через Франкфурт, Ашафенбург, Нюрнберг, Штахесрид, Регенсбург, I, 887 и сл. Протест Гердера против назначения католического концертмейстера в гимназию, II, 890 и сл. Последняя встреча с Гёте в Йене (1803), II, 894 и сл. Болезнь и последняя поездка в Шнееберг, Эгер, Дрезден, II, 896 и сл. Пребывание в Дрездене, II, 897 и сл. Упадок сил, II, 900 и сл. Последняя болезнь, II, 907 и сл. Смерть и погребение, II, 909.

Семейство Гердера. Его родители, I, 68 и сл. Смерть его отца, I, 142; смерть его матери, I, 655 и сл. Его сестры, I, 67. Одна из его сестер была замужем за Гюльденгорном, II, 691, прим. 1. Его жена Каролина (см. *Флаксланд*) была верной подругой его жизни и помогала ему в литературной деятельности, I, 691; II, 822 и сл. Она изображена в «Доме Адмета» в лице Альцесты, II, 862. Ей было незнакомо чувство ревности, II, 65. Ее близкие сношения с герцогиней Луизой, II, 30. Она поощряла мужа к изданию народных песен, II, 106, «Разбросанных листков», II, 341 и к собиранию «Пальмовых листьев», II, 370. Ее участие в статье «Бог», II, 331. Она увлекалась французской свободой, II, 529, а потом изменила свое мнение о французах, II, 538. Отзывалась с раздражением о Гёте в 1782 г., II, 23 и сл. Содействовала возобновлению дружеских сношений между ее мужем и Гёте и с тех пор стала иначе отзываться о Гёте, II, 218 и сл., 221. Ее сношение с Гёте во время поездки Гердера в Италию, II, 473 и сл., 478, 686 и сл. Ее переговоры с герцогом, с герцогиней и с Гёте касательно

назначения пособия на воспитание ее детей, II, 692 и сл. Обида, которую нанес ей Гёте, II, 695. Ее пристрастные суждения о Шиллере и о Гёте по поводу гердеровских легенд, II, 653; по поводу «Ксений», II, 698; по поводу драматических произведений Гёте и Шиллера, II, 845. Впечатление, произведенное ею на Г. Мюллера, II, 154. Она обращается к Мюллеру за помощью в денежной нужде, II, 798. Она пожелала поручить Мюллеру надзор за воспитанием ее сына Августа, II, 691.

Дети Гердера. Готфрид, II, 207, 691, 823. Август, I, 934 и сл., 488, 691 и сл., 793, 896, 899. Вильгельм, II, 691, 898. Адальберт, II, 77, 134, прим., 691, 882 и сл., 897. Луиза, II, 61, 64, 823. Эмиль, II, 210, 823. Альфред, II, 434, 451. Ринальдо, II, 486, 823, 899.

Сочинения. «Адрастея»; ее возникновение, II, 721 и сл. Ее план, II, 824. Два первых номера, II, 838 и сл. Номера третий и четвертый, II, 847 и сл. Пятый номер, II, 869 и сл. Шестой номер, I, 866 и сл. Номера седьмой и восьмой, II, 872. Номера девятый и десятый, II, 864, прим., 901. «Древнейший документ», I, 710 и сл. Первая часть, I, 714 и сл. Вторая часть, I, 723. Третья часть, I, 724. Четвертая часть, I, 889 и сл. Стиль этого сочинения, I, 763 и сл., 765, прим. 2. Отзывы Лафатера. Гефели, Клаудиуса, Гамана, Канта и Николаи, I, 782 и сл. Отзыв Гёте, I, 927. Мнение Виланда, II, 43 и сл. «Еще философия истории», I, 693 и сл. «Письма об изучении теологии», II, 143 и сл. Были причиной разрыва между Гердером и Лафатером, II, 167 и сл. «Письма о гуманизме»; их первоначальный план, II, 523 и сл. Первоначальный сборник 24 писем, II, 532 и сл. Два первых сборника, II, 538. Запреще-

ны в Австрии, II, 552. Четвертый сборник, II, 553 и сл. Пятый сборник, II, 556. Сборники седьмой и восьмой, II, 561. Сборник девятый, II, 561. Десятый, II, 562. Письма двух братьев Иисуса, I, 817 и сл. «Христианские сочинения», II, 596. Первый сборник: о даре языков, II, 586, 588. О воскресении из мертвых, II, 591. Второй сборник: об Искупителе, II, 597. Третий сборник: о Сыне Божиим, II, 597. Четвертый сборник: о духе христианства, II, 611. Пятый сборник: о религии, о догматах и обрядах, II, 616. «О немецкой жизни и искусстве», I, 565. «О влиянии правительства на науки, II, 133 и сл. «О познании и чувствовании», I, 85. Возникновение этой статьи и ее старая редакция, I, 846 и сл. «Объяснения Нового Завета», I, 802. «Отрывочные заметки о новейшей немецкой литературе», I, 202 и сл. Их постепенное возникновение, I, 214 и сл. Их точка зрения в сравнении с точкой зрения «Писем о литературе», I, 220 и сл. Их слог, I, 287 и сл. 2-е издание первого сборника, I, 226 и сл. Переделка второго сборника, I, 292 и сл. Отзывы об «Отрывочных заметках», I, 308 и сл. Написанные на них рецензии, I, 309 и сл., 311, прим. 1. «О даре языков»; см. «Христианские сочинения». «О духе еврейской поэзии», II, 185 и сл. Объявления о предстоявшем издании этого сочинения, II, 187. Диалогическая форма первой части, II, 195 и сл. Намерение написать третью часть, II, 189, прим. 2. «О духе христианства»; см. «Христианские сочинения». Статья «Бог», II, 321. Буле написал ее рецензию, II, 331. Ее диалогическая форма, II, 338. «Есть ли у нас такая же публика и такое же отчество, как у древних?», I, 192. «Идеи о философии исто-

рии», II, 237 и сл. Первая часть, II, 229. Вторая часть, II, 244. Третья часть, II, 251. Четвертая часть, II, 253. Внешние причины, побудившие Гердера написать это сочинение, II, 266 и сл. Намерение написать приложение ко второй части, II, 268, 290. Намерение написать пятую часть, II, 521. Впечатление, которое производят «Идеи» в настоящее время, II, 385. «Каллигона», II, 779. «Катехизис» Лютера с объяснениями, II, 635. «Критические леса», I, 335. Первый лесок, I, 334. Второй, I, 384. Третий, I, 387. Стилистическая форма, I, 379. «Песни любви», II, 99. «Maranatha», I, 823 и сл. Первоначальная внешняя форма, I, 824. Ссора с Лафатером, II, 164. «Метакритика». Ее возникновение, II, 741 и сл. Ее полемический тон, II, 742. Ее содержание и изложение, II, 747 и сл. «Пластика», II, 82. Ее стиль, II, 88. Начало работы, I, 494, 496. Разговоры о ней с Мерком, I, 508 и сл. Временный перерыв в работе, I, 535. В Бюкебурге Гердер снова помышляет об этом сочинении, I, 633. Но не исполняет намерения, I, 864; сравн. I, 854 и сл. «Провинциальные листки для церковного проповедника», I, 733 и сл. Первоначальное содержание этих листков, I, 741 и сл. Разница между рукописными и напечатанными листками, I, 768 и сл. Их стилистический характер, I, 762 и сл., 765, прим. 2. Полемика, вызванная этим сочинением, I, 787 и сл. «Терпсихора», II, 575. А. В. Шлегель пишет на нее рецензию, II, 578. «Торс» о сочинениях Аббта, I, 276 и сл.; I, 278. Намерение продолжать эту статью, I, 302. «Причины извращения вкуса», I, 835 и сл. Новое издание этой статьи, II, 452. «О происхождении языка», I, 536 и сл. Эта статья удостоена премии, I, 610. Намерение

дополнить ее, I, 641. Гердер недоволен ею, I, 642 и сл. Ее новое издание, II, 452. «Народные песни», I, 874 и сл. Постепенное возникновение этого сборника, I, 877. Его старая редакция, I, 880. Боле объявил о предстоящем его издании, II, 108. Намерение издать вторично, II, 115. Сборник получает заглавие: «Голоса народов», II, 115, прим. 2. «Разбросанные листки». II, 341 и сл. Художественное распределение их содержания, II, 383. Три первых сборника, II, 341. Новое издание первого сборника, II, 384. Новое издание сборников второго и третьего, II, 384, 384, прим. 1. Четвертый сборник, II, 505 и сл. Пятый, II, 566. Шестой, II, 648. Новое издание сочинений о происхождении языка и о причинах извращения вкуса, II, 452; сравн, II, 123, прим.

Предисловия. К переводу «Плача Иеремии» Бёрмеля, II, 192. Ко 2-му изданию «Сакунталь» Форстера, II, 508, прим. 2, 509. К благочестивым поучениям Гюнтера, II, 848. К книгам церковных песен Гофмана и Глюзинга, II, 628. К новой исправленной книге церковных песен, II, 631 и сл. К «Истории культуры» Майера, II, 812. К сочинениям Монбоддо, II, 249. К исповеди Мюллера, II, 503. К «Пальмовым листьям», I, 73; II, 370. К переводу стихотворения Андреэ, II, 119, 567 и сл.

Статьи (со включением тех, которые были написаны в форме писем и диалогов). В сочинении «О немецкой жизни и искусстве»; извлечение из переписки об Оссиане и о песнях древних народов, I, 565, 566, прим.; о Шекспире, I, 564, 566, прим., 569. В рижских «Ученых приложениях»: о прилежании в изучении нескольких ученых языков, I, 180. Обзор того, что принес истекший год и что обещает буду-

щий, I, 182. «Телесная красота есть ли предвестница красоты душевной?», I, 182 и сл. Статья о кантате, I, 183 и сл. В «Ганноверском вестнике»: «Как древние представляли смерть», I, 864 и сл. Гердер намеревался включить эту статью в свою «Пластику», II, 83. Она была переделана для «Разбросанных листков», II, 376. В «Немецком Меркурии»: «Гадес и Элизиум», II, 198. Была перепечатана в «Разбросанных листках» под заглавием «Das Land der Seelen», II, 198, прим. «Exemplare der Menschheit» и т. д., II, 245, прим. О Гуттене, II, 18 и сл.; была перепечатана в «Разбросанных листках» с некоторыми изменениями, II, 18, прим., 567. О Копернике, там же. О Рейхлине, там же. О Савонароле, там же. «Философия и мистицизм», II, 46 и сл. «Любовь и самолюбие», I, 876, прим.; перепечатана в «Разбросанных листках», II, 378. О Винкельмане, Лессинге и Зульцере, II, 171 и сл. («Заметка о смерти» Лессинга, там же и II, 53, прим. 4); глава о Винкельмане была перепечатана в «Разбросанных листках», I, 294; глава о Лессинге была перепечатана там же, II, 377. «Разговоры о переселении душ», II, 234 и сл.; перепечатаны в «Разбросанных листках» с некоторыми изменениями, II, 237; сравн, II, 187 и сл., прим. 4. «Письма о тамплиерах», II, 176 и сл. О политеизме; участие Гердера в этой статье, II, 825. В журнале «Ноген»: Наша судьба, II, 662. «Гомер любимец своего времени», II, 663. «Гомер и Оссиан», II, 674. Эти две последние статьи возникли из прежней статьи о Гомере и Оссиане, II, 673. «Праздник Граций», II, 678. «Идуна», 679. В «Немецком музее»: «О сходстве средневековой английской поэзии с немецкой...», I, 887; II, 108. «Письма о старинных

немецких поэтах», II, 117. Были частью перепечатаны в «Разбросанных листках», II, 121. В «Тифуртском журнале»: «Святая Цецилия, или Каким путем достигают известности», II, 789. «О живописи и музыке», II, 379. «Рассудок и сердце», II, 912. В новом немецком ежемесячном журнале «Vogaussicht und Zurücksicht», II, 558. «О способности говорить и слушать», II, 559. «О Сенеке как философе и министре», II, 559. В изданиях Баварской академии: статья на премию о влиянии поэзии, II, 131 и сл. Ее рукописный план, II, 127. Статья на премию о влиянии изящных наук на высшие науки, II, 129 и сл. В карманной книжке Фивега: «Характер Элоизы», II, 857. В «Разбросанных листках»: «О том, как древние изображали смерть», I, 487; II, 376; сравн. II, 83. «Воспоминания о некоторых старинных немецких поэтах», II, 568; сравн. II, 117, 121. «Заметки об антологии и об эпиграмме», II, 357 и сл.; сравн. I, 629, прим. О параболах и диалогах Андрез, II, 567 и сл. О метафорах, о вымыслах и о басне. II, 363. «Цецилия», II, 789; сравн. II, 567. «О памятниках первобытного мира», II, 510 и сл. «Памятник Гуттену», II, 567; сравн. II, 18, прим. «О восточной драме», II, 508. «Das Land der Seelen», первоначально озаглавленная «Гадес и Элизиум», II, 645; сравн. II, 198, прим. «О легендах», II, 649 и сл. «О Лессинге», II, 377. «Любовь и самолюбие», II, 378. «Живопись и музыка, разговор богов», II, 379. «Немезида», II, 372. «Палингенезия», II, 645 и сл. «Персеполь», II, 380. «Разговоры о переселении душ», II, 234, 378. «Афоризмы и метафоры», II, 507. «Тифон и Аврора», II, 514. «О человеческом бессмертии», II, 513 и сл. «О знании и незнании будущего»,

II, 645; сравн. II, 375. «О знании, предчувствиях...», II, 645, 647.

Проповеди, речи и т. д. Конфирмация наследного принца Карла Фридриха и принцессы Луизы, II, 640. Молитва у могилы Марии, I, 938. Проповедь по случаю разрешения герцогини веймарской от бремени, II, 31. Проповедь у гроба Маргариты Кантер, I, 136 и сл. Проповедь перед погребением ректора Гейнце, II, 496. Речь во воспоминание о профессоре Музеусе, II, 415. Речи, произнесенные в кёнигсбергской школе, I, 91 и сл., 175 и сл.; речи, произнесенные в Риге, I, 159; в Веймаре, I, 162. Две проповеди по случаю рождения наследного принца, II, 31.

Рецензии. Во «Всеобщей Немецкой библиотеке», I, 224, 585, 626. Самые замечательные из гердеровских рецензий: «Уголино» Герстенберга, I, 263; перевод Оссиана Денисом, I, 234, 586, 587; Бодмеровские основные правила немецкого языка, I, 298, прим., 311, прим. 1. Поэтические произведения Гизеке, I, 301; сочинения Клотца «Carmina» и «Opuscula», I, 315; оды Клопштока, I, 591. Клопштовский «Давид», I, 623, прим. 2. Смешанные произведения Лессинга, I, 628. Характеристика Шекспира, I, 570, прим., 575 и сл. К публике лифляндской и эстляндской, I, 457, прим. 3. 2-е издание «Дифирамбов» Вилламова, I, 297. Письма «Душа о развитии вкуса», I, 262 и прим. В Эрфуртской ученой газете: письма Мюллера о науках, II, 806. О стихотворениях г-жи Карш, II, 812. Об одах Клопштока. II, 814. Об «Archimetria» Торильда, II, 814. О сочинениях Шлёцера, I, 781. Во Франкфуртском Ученом указателе, I, 630: Очерк Бетти о свойствах истины, I, 650. О некоторых сочинениях Михаэлиса, I, 730. О всеоб-

шей истории Шлёцера, I, 772 и сл. В Кёнигсбергской газете, I, 224. О кантовских «Грезах духовидца», I, 103, 224. О Вилламовских дифирамбах, I, 139, 224. Миллеровы ожидания лучших времен для школ, I, 164. Аббта «О заслуге», I, 176. История Дании Малле, I, 294. «Freidenker-Lexicon» Триниуса, I, 400, прим. 1. О «Песни песней», I, 398. Путешествия Шау, I, 508. «Гамбургские беседы», I, 585, прим. 4, 586, прим. 3. «Найденные листки из летописей новейшей немецкой литературы», I, 767. В «Избранной библиотеке», издававшейся в «Лемго», о «Физиогномике» Лафатера, I, 872 и сл. О других сочинениях Лафатера и Пфеннингера, I, 873. «Gesneri Isagoge», I, 872, прим. 2. В «Немецком Меркурии»: «Blatt zur Chronik von Rigau», II, 53, прим. 4. Об оставшихся после смерти Лессинга сочинениях, о сочинениях Мендельсона, о церковной истории Шпиттлера, II, 175 и прим. 1. Заметка о статье Фридриха Вел. «De la littérature Allemande», II, 53, прим. 4. В «Вандсбекском вестнике», I, 638, прим. 2.

Заявления. В Фоссовой газете об «Отрывочных заметках», II, 325; о «Критических лесах», II, 422. Другие заявления о том же в «Allgemeine Deutsche Bibliothek» и в «Гамбургском корреспонденте», I, 423. В «Немецком Меркурии» об издании всех сочинений, II, 900.

Статьи и отрывочные заметки, найденные после смерти Гердера в его бумагах: «Об оде», I, 199 и сл., 252. «Письма к Феофрону», II, 162, 385. Замечания о том, как теология объясняет содержание Библии, I, 395, прим. 2. Об ораторе Божиим, I, 167. О практическом применении теологических познаний, II, 21. Проект литературного памятника Баумгартену, Гейльма-

ну и Аббту, II, 212 и сл. Разговоры о масонстве, II, 875. Отрывочные заметки о еврейской археологии, I, 394 и сл.; сравн. I, 714 (здесь, между прочим, шла речь об образе жизни и долголетию патриархов, I, 411, об установлении в Библии празднования субботнего дня и о христианском праздновании воскресного дня, I, 74, прим. 2, 417). Разговоры о тайных обществах, II, 873 и сл. «Есть ли у нас французская театральная сцена?», I, 262. Вечерние лекции Годегета, II, 824, прим. 1. Критический лесок, четвертый, I, 356 и сл. Учебный план для Цешау, I, 910. «Сказка о зеркале», II, 612 и сл. Персепольские письма, II, 380. Статьи на премию: «Каким образом немецкие епископы превратились в государственные чины», I, 844. «Caroli Magni progenies», там же. Панегирик Винкельману, I, 296; II, 89 и сл., 93, прим. О влиянии реформация, в черновом очерке, II, 900. Путевой журнал, I, 438. Его слог, I, 440. Записные тетрадки, I, 85, 90, 93. О врожденной склонности человека ко лжи, II, 68. О свете, цветах и звуках, II, 868. «О различных религиях», I, 402. «О бытии», I, 100, 114. «Очерк истории поэзии», I, 199 и сл., 404. О возникновении и распространении первоначальных понятий о религии, I, 403. О вкусе англичан в трагедиях, I, 263. Предисловие и примечания к параллели трагиков, I, 199; сравн. I, 261, 263. О разнообразии вкусов, I, 109. Об изменении вкусов, там же. Каким способом можно согласовать философию с гуманностью, I, 120, 174.

Памятные записки и мемории: памятная записка об устроенном в Йене студенческом общежитии, II, 500. Мемория о преобразовании гимназии, II, 412 и сл. Мемория об упразднении должности гарнизон-

ного пастора, II, 415. Мемория о замещении должности кантора, II, 889, 892. Мемория о пересмотре литургии, II, 430. О введении новых текстов для церковных проповедей, II, 633. План учительской семинарии, первый, II, 401 и сл.; второй, II, 406. Протест против назначения Штока на должность пастора, I, 915. Записка касательно доноса на теологический факультет Йенского университета, II, 624 и сл. Об учреждении новой профессорской должности при гимназии, II, 736 и сл. Об основании патриотического института для возбуждения в Германии стремлений к объединению, II, 141, 542 и сл. Записка о даровой кухне Вильгельма Эрнста, II, 416 и сл. По вопросу о книге церковных песен, II, 628 и сл. Две мемории о церковной дисциплине, II, 911 и сл.

Поэтические произведения.

Стихотворения, напечатанные в гёттингенском «Альманахе муз», I, 556, 621; II, 354. В журнале «Норен», II, 662, прим. 2. В шиллеровском «Альманахе муз», II, 662, прим. 2, 829. В новом немецком ежемесячном журнале, II, 558, прим. 2. В Кёнигсбергой газете, I, 136, прим. 1, 138, 555, прим. 1; II, 345. В «Немецком Меркурии», II, 354. В Тифуртском журнале, II, 354. В «Рижских приложениях», I, 181, 183 и сл. В «Вандсбекском вестнике», I, 638, прим. 2. В «Адрастее», II, 842, 857. В сборниках народных песен, II, 114, 354. В письмах касательно теологии и в сочинении о еврейской поэзии, II, 354. В «Разбросанных листках», II, 354 и сл. Более значительные стихотворения: «Сид», II, 901, 906. «Пигмалион», II, 858. Кантаты: по случаю бракосочетания наследного принца Петра Курляндского, I, 194, прим.; по случаю разрешения

от бремени герцогини Луизы (1783), II, 31. О детстве Христа, I, 626. О воскресении Лазаря, I, 626. «Чужеземец на Голгофе», I, 138. Текст для «Мессии» Генделя, II, 788. Победа Михаила, I, 626, прим. 1. По случаю праздника Св. Троицы, I, 184 и сл., 626 прим. 1. По случаю освящения церкви св. Екатерины, I, 184 и сл. Драматические произведения: «Дом Адмета», II, 862; «Эон и Эонида», II, 842. «Ariadna Libera», II, 859. Брут, I, 623; сравн. II, 860. «Раскованный Прометей», II, 859. «Филоктет», I, 626. Проекты драм, I, 261. Поэтические произведения, написанные прозой: «Blätter der Vorzeit», II, 352. Иудейские стихотворения и басни, II, 248. «Иудейские параболы», II, 353. «Каллигения», II, 857. Легенды, II, 650. «Парамифии», I, 258 и сл., 299; II, 57, 349. Подражания другим поэтам: Бальде, II, 572. «Цветки из греческой антологии», II, 345. «Цветки из восточной поэзии», II, 506. Мысли некоторых браминов, II, 508. Из Горация, II, 558, прим. 2. «Сборник мелких греческих стихотворений», II, 357. Маратти-Цаппи, II, 643. Персий, II, 53, прим. 4, 903. Петрарка, II, 503. Римская канцона, II, 505. Сарбиевиус, II, 572. Отрывочные стихотворения: вечерняя песнь, II, 114. Песнь, написанная по случаю отъезда морем из Лифляндии, I, 430. Ода, написанная после отъезда из Риги, I, 391, прим. 2. «Амур и Психея», эпиграмма, II, 467, прим. 1. «К отсутствующему другу», I, 123, прим. 4. «К императору» (Иосифу II), II, 518, прим. 2. Воспоминание о Неаполе, II, 465 и сл. Ответ на гёттовское «Felsweihesang», I, 622, 678. О человеке, I, 85, прим. 2. На смерть Готшеда, I, 320, прим. 1. По случаю восшествия Екатерины на престол, I, 191. «Lebensjournal des Dichters», I, 136.

«Bilderfabel für Goethe», I, 622. «Очерки и мечты», II, 355. Цветки (в «Ostertaschenbuch» Секендорфа), II, 857. «Das ich», II, 643. Христианские песни и гимны, II, 632 и сл. Коалиция, II, 564. «Гений будущности», I, 442. «Жрец, песня перед алтарем», I, 159, прим. 2. «Грудной младенец», I, 142, прим. 1. «Отец, убивший своего сына», I, 555, прим. 1. «Die Farbengebung», II, 469, прим. 1. «Die Sinnende Zeit», эпиграмма, II, 467, прим. 1. Стихотворение о воспоминаниях детства, I, 68, 79, прим. 2. «Песнь о сотворении мира», I, 406. Элегия (написанная после смерти отца), I, 66, прим. 3; I, 124, прим. 1. Эпиграмма на Лессинга, II, 377. Эпиграммы в Кёнигсбергской газете, I, 555, прим. 1. Сочинение эпиграмм, II, 347 и сл. О немецкой национальной славе, II, 562. Басни, I, 508. «Fragment zweener dunkeln Abendgespräche», I, 124, прим. 1. Германия, I, 564, прим. 1. «Песнь к Киру», I, 80, 87. «Беседа со сновидением», I, 858. «Ländler auf Gravenheide», I, 152. «Гимн по случаю нового года», I, 181 и сл., 191. Хвалебная песнь в честь моего соотечественника (Винкельмана), I, 338, прим. Моя судьба, I, 66, прим. 6, 68, прим. 1. «Nänien an Eloisens Sarge», II, 857. «Negeridyllen», II, 565. Ода на сборник од Клопштока, I, 558. О христианстве вселенских соборов, II, 257. Одна в честь Петра Великого, I, 139. «Песнопения в день Пасхи», I, 139. «Партеноп», II, 463, 465. Вакхическое песнопение, I, 153. Гимн Шефтсбери к природе, II, 302. Стихотворение к Каролине, I, 680. «Selbst», II, 643. «Zweites Selbstgespräch», I, 86, прим. «Сон и смерть», I, 66, прим. 4. «Теодицея», I, 101. Застольная песня, I, 246. «Скорбная песнь над пеплом Кёнигсберга», I, 143.

«Мечты юности», I, 72, 79, прим. 2. «О человеке», I, 101, 122. «Около полуночи», I, 66, прим. 6. Стихи к г-же Шардт, II, 57, 59. Стихи к г-же Штейн, II, 314, прим. 1. О прошедшем, настоящем и будущем, I, 100. Композиция гердеровских стихотворений, II, 356 и сл. Намерение составить сборник из старых стихотворений, I, 555 и сл.

Стиль и язык. Гердеровский стиль был стилем красноречивого проповедника, II, 340, 390. Стиль «Отрывочных заметок», I, 288 и сл.; его сравнение со стилем Гамана, I, 289. Происшедшая в нем перемена, I, 291. Стиль «Критических лесов», I, 375. Слог путевого дневника, I, 439. Отзывы самого Гердера о его слоге, I, 629. Стиль и язык в литературных произведениях, написанных в Бюкебурге, I, 763, 765, прим. 2. Слог первоначально предисловия к народным песням, I, 883. Слог статьи о Гуттене, II, 19; «Пластики», II, 88; «Геологических писем», II, 145; 2-го издания этих писем, II, 385; «Метакритики» и «Каллигоны», II, 749, прим. Стиль гердеровской официальной переписки, II, 437 и сл. Стиль его проповедей, II, 388.

Характер литературной деятельности. Гердер неумоимо перedelывал свои сочинения, I, 217 и сл.; I, 356. Все его сочинения имеют характер отрывочных заметок, I, 217. Он любил воздвигать литературные памятники, I, 267 и сл. Его красноречие в проповедях и в письмах, I, 520. Он не был даровитым рассказчиком, I, 65, 438. Он не был способен логически распределять свои идеи по отделам, I, 95. Он не был одарен ни чисто критическим умом, ни чисто творческим, I, 390. Его неумение ясно видеть вещи, II, 467. Склонность к нраво-

учениям, II, 505. Его способность подмечать психологические особенности индивидуумов, I, 271. Его тонкое поэтическое чутье, I, 353. Полемические приемы, II, 743. Разумное сочетание психологической точки зрения с исторической, I, 303. Старание доискиваться первоначальных источников, I, 391. Жажда новых научных открытий, II, 382. Его любимые мысли о том, как молодеет и стареет человеческая душа, I, 187, 461, 463. Его руководящей идеей была история человеческого ума, I, 272, 332, 341 и сл., 396, 408 и сл.; II, 213 и сл. Его собственное суждение о его поэтических дарованиях, I, 555 и сл. Его манера работать, II, 187.

Факты из истории его внутреннего развития. Юношеская застенчивость, I, 80 и сл. Она скоро исчезла, I, 151. Его душевное состояние во время отъезда из Риги, I, 438, 461. Перемена, происшедшая в Бюкебурге, I, 645, 648, 649. Эпоха литературной деятельности в Бюкебурге, I, 690, 692. Новая эпоха в Веймаре, II, 48. Начало упадка, II, 522. Возвращение к теологии, II, 583. Ретроградные тенденции и отвлечение к классицизму, II, 651 и сл., 699, 704. Развитие теологических воззрений, I, 82, 95 и сл., 173, 395, 650, 809; II, 62 и сл., 175, 203, 205, 614 и сл.

Особенности характера. Суждения Гердера о самом себе, I, 67, 71, 93, 271, 277, 437 и сл., 439 и сл., 452 и сл., 471. Характеристика Гердера, сделанная Гёте, I, 526 и сл.; Его наружность, I, 527 и сл. Его гениальность, I, 771. Склонность к мечтательности, I, 71, 442 и сл., 446. Сангвиническая натура, I, 159. Подвижность ума и разносторонность дарований, I, 466. Благочестие, II, 156. Вера в его гений, I, 85. Педагогические дарования, I, 163,

530 и сл. Любезность в обхождении, I, 495 и сл.; II, 48. Мягкость и основательность его суждений, II, 75. Влечение к женскому полу и влияние на женщин, II, 62, 66. Любовь к детям, II, 691 и сл. Любовь к музыке, I, 184. Любовь к природе, I, 72; II, 155 и сл. Щедрость, II, 446. Склонность к противоречию и к насмешливости, I, 320. Болезненная раздражительность, I, 84 и сл., 156 и сл., 481, 486; II, 418. Склонность все порицать, I, 149, 446. Склонность к ипохондрии и недовольство самим собой, I, 643; II, 86. Недоверчивость, II, 455; сравн. II, 76 и сл. Склонность к преобразованиям и честолюбию, I, 452, 455. Не был создан для государственной деятельности, I, 462; II, 517. Его патриотизм, I, 463; II, 137. Между его убеждениями и пасторской должностью не было противоречия, II, 621. Его сравнение с Андреем, II, 118; с Гёте, II, 218; с Лессингом, I, 299; со Шлёцером, I, 773 и сл.; с Виландом, II, 50; с графом Вильгельмом Липпе-Бюкебургским, I, 610.

Гернинг; его сношения с Гердером, II, 830. Принимает Гердера у себя во Франкфурте, II, 888.

Геррман, эрфуртский профессор; просит Гердера доставлять рецензии для эрфуртской ученой газеты, II, 811.

Герстенберг; Гердер хвалит его журнал «Ипохондрик», I, 178; также хвалит его «Стихотворение скальда», I, 285. Гердер сравнивает его с Алкифроном, I, 247; сравн. I, 302. Его статья о Бурке, I, 487, прим. Его сотрудничество в шлезвигских письмах о литературе, I, 568. Имел влияние на содержание гердеровской статьи о Шекспире, I, 569. Его мнение о Шекспире, I, 571, его отзывы о народных песнях, II, 107, 109 и прим. 1.

Герц, преподаватель в Веймаре, II, 404.

Гессе, тайный советник в Дармштадте, I, 499. Его мнение о Гердере, I, 517.

Геснер, II, 412.

Гесснер, Соломон; Гердер сравнивал его с Феоокритом, I, 247.

Гесснер, I, 654, прим. 2.

Гетнер, I, 205, прим., 467, прим. I, 579, прим.

Гетц; Гердер иногда цитировал отрывки из его сочинений, II, 145; хвалил его, II, 709.

Гефели; его отзыв о «Древнейшем документе», I, 783; II, 44, 169. Его приезд в Веймар, II, 169. Его статья о последователях Лукиана, помещенная в «Меркурии», II, 441, 443.

Гёрц, граф, II, 36. Хлопочет о возведении Гердера в дворянское достоинство, II, 885. Гердер посещает его в Регенсбурге, II, 888

Гёте

Биографические подробности.

Его жизнь в Страсбурге, I, 525 и сл. В Дармштадте (1772), I, 621, 676 и сл., 684 и сл. Присутствует в Дармштадте (1773) при бракосочетании Гердера, I, 686. Приезжает туда в 1775 г. вместе с семейством Гердера, которое сопровождает во Франкфурте, I, 914; сравн. I, 934. Отправляется в Вецлар, I, 677. Время его восхождения на соборную колокольню в июле 1775 г., I, 929, прим. Его поездка в Швейцарию в 1779 г., II, 15, 23. Поездка в Ильменау и в Гарц в 1783 г., II, 219; в Италию, II, 223, 254, 336 и сл., 338, 436, 657. Его образ жизни в Италии в сравнении с образом жизни Гердера II, 456 и сл., 467. Поездка в Венецию и в Силезию в 1790 г., II, 487 и сл. Поход во Францию в 1792 г., II, 488, 528, 537 и сл., 654. В Пемпельфорте, II, 654. Осада Майнца в 1793 г., II, 489, 551

и сл. Положение в Веймаре после итальянского путешествия в сравнении с положением Гердера, II, 489. Болезнь в 1801 г., II, 895.

Личные отношения к Гердеру: свидания в Страсбурге, I, 525 и сл.; II, 156. Их значение для немецкой литературы, I, 534, Гёте замечает слабые стороны в характере Гердера, I, 528. Нравственные впечатления, вынесенные им из знакомства с Гердером, I, 531 и сл. Гердер не упоминает о нем в своих письмах из Страсбурга, I, 526. Первый отзыв Гердера о нем, I, 526. Он не высказывает Гердеру всего, что у него было на уме, I, 529, 533. Он пользуется устными наставлениями Гердера, I, 546 и сл., 563; II, 155. Под влиянием Гердера он изменяет свой взгляд на французскую литературу, I, 553 и сл. Собирает для Гердера народные песни, I, 563, 638, прим. 2. Уговаривает Гердера написать статью по поводу устроенного во Франкфурте праздника в честь Шекспира, I, 569 и сл. Занимает деньги для Гердера, I, 602. В доме его родителей останавливается Гердер, I, 603; останавливается еще раз после своей свадьбы, I, 686, прим. 4. Переписка с Гердером, I, 621, 653. «Bilderfabel für Goethe», I, 622, 653, 684. Не одобряет отношений Гердера к его невесте, I, 683. С его сочинениями знакомится графиня Мария через посредство Гердера, I, 909. Отношения к Гердеру после женитьбы этого последнего, I, 927. Хлопочет о назначении Гердера в Веймар, I, 932. Помогает Гердеру устроиться в Веймаре, I, 934 и прим. Был крестным отцом у Гердерова сына Августа, I, 934 и сл.; II, 488, 689 и сл. Первоначальные сношения с Гердером в Веймаре, II, 10. Мнение Гердера о нем и о герцоге, II, 16, 21. Изменчивые отношения к Гердеру

в течение первых семи лет пребывания Гердера в Веймаре, II, 22 и сл., 32, 169. Берет на себя роль посредника в первом столкновении Гердера с веймарским правительством, II, 11. Начало новых дружеских сношений в 1783 г., II, 169, 218 и сл. Они доходят до самой полной искренности, II, 220 и сл., 341. Их влияние на литературную деятельность Гердера, II, 224, 253, 256, 323, 330, 332 и сл., 340, 377, 441. Их влияние на служебную деятельность Гердера, II, 388, 400, 405. Мнение Гёте о первых письмах, написанных Гердером на пути в Италию, II, 453. Его мнение о положении Гердера в Риме, II, 455. Его отношения к Каролине во время отсутствия Гердера, II, 487, 684 и сл. Его старания удержать Гердера в Веймаре, II, 475 и сл.; сравн. II, 487 и сл., 685. Продолжение прежних дружеских сношений с Гердером после его возвращения из Италии, II, 487 и сл. В них замечается охлаждение в 1793 г. (по причине политического разномыслия), II, 572, 585, 654 и сл., 684, 687. Зародыши разномыслия (по этико-эстетическим вопросам) еще в 1783—1793 гг., в особенности во время поездки Гердера в Италию, II, 684 и сл.; сравн. II, 487. Триумvirат Гёте, Гердера и Шиллера (1795), II, 660 и сл., 683. Вмешательство Шиллера приводит к окончательному разрыву, II, 684. Внешние причины разрыва, II, 691. Столкновение Гёте с Каролиной, II, 693 и сл. Образ действия Гёте во время столкновения Гердера с Вольфом, II, 671. Окончательная ссора с Гердером, II, 714, 807. Поведение Гёте по случаю приглашения Г. Мюллера в Веймар, 799. Он берет сторону Гердера против Бёттигера (1797), II, 834. Ненависть к Гёте, постоянно высказывавшаяся

в семье Гердера, II, 837. Гёте играет роль посредника при возведении Гердера в дворянское достоинство, II, 886. Гердер допускает сына Гёте в первый раз к участию, II, 895. Последние сношения с Гердером, II, 895 и сл.

Участие Гёте в литературных занятиях Гердера; его суждения об этих занятиях, и их влияние на самого Гёте. «Пластика», I, 535. «Еврейская археология», I, 536. «Отрывочные заметки о литературе» и «Критические леса», I, 546, 548. «О происхождении языка», I, 547 и сл. «Народные песни», I, 559, 588; II, 112. «Песни любви», II, 100. Влияние Гёте на содержание «Идей», II, 218 и сл., 224 и сл., 267, 270 и сл., 334, 336. Гёте вслух читает герцогине Луизе выдержки из «Идей», II, 226 и сл., 239, 270. Гердер пользуется исследованиями Гёте по естествознанию, II, 225 и сл., 305, 655. О характеристике римской истории, II, 254. Статья «Бог», II, 336 и сл. «Разговоры о переселении душ», II, 235, прим. 1, 240. «Разбросанные листки», II, 341 и сл., 344, прим. 2, 348 и сл., прим. 1, 383 (Гёте руководствуется примером Гердера при распределении своих стихотворений). «Письма о гуманизме», II, 552. Несочувственная характеристика гётевских произведений в восьмом сборнике, II, 709 и сл., 717. Мнение Гёте об этом сборнике, II, 713; о переводе стихотворений Бальде, II, 574, 660; о Бальде, II, 708; «О даре языков», II, 586, 654; о воскресении из мертвых, II, 590; о Гомере, любимце своего времени, II, 663 и сл. «Метакритика», II, 766, «Каллигона» также направлена против воззрений Гёте на искусство, II, 780 и сл., 771, прим. 4. В «Адрастее» делаются косвенные нападки на театральную деятельность Гёте, II, 855, 860.

Мнение Гёте о проповеди, произнесенной Гердером по случаю рождения наследного принца, II, 32. Он получает от Гердера сборник поговорок мейстерзингеров, II, 453. Мнения Каролины о Гёте, I, 676 и сл., 683; II, 476, 490, 653, 656, 690, 699.

Отношения к принцу Августу Готскому, II, 77 и сл.; к Бёттигеру, II, 837, 846 (Гёте налагает запрещение на его рецензию драмы Шлегеля «Ион»); сравн. II, 853; к Клаудиусу, II, 336; к Гаману, I, 126 и сл., 550; к Гельдерлину, II, 362; к Якоби, II, 307, 309 и сл.; к Жан-Полю, II, 719, 722; к Шарлотте Кальб, II, 486; к Кнебелю, II, 37 и сл.; к Лафатеру, I, 656, 737; II, 25, 337 и сл., 588, 654; к Ленцу, II, 20; к Мерку, I, 502, 505; к Морицу, II, 685 и сл.; к романтикам, II, 700, 780, 817; сравн. I, 223; к Шиллеру, II, 657 и сл. (дружба Гёте с Шиллером в сравнении с его дружбой с Гердером), 221, 223 и сл. (сравнение дружбы Гердера с Гёте с его дружбой с Жан-Полем), 723 и сл.; к г-же Штейн, II, 54 и сл. (сравн. с отношениями Гердера к г-же Шардт); к Христиане Вульпиус (как смотрел на эту связь Гердер), II, 685; к Виланду, II, 44, 48, 50, 71 и сл.; к Луизе Циглер (Лили), I, 675 и сл., 677, прим. 1.

Сочинения. «Гёц», I, 566, 583, 623; сравн. I, 703; отзывы Гердера, I, 571, 593; II, 224, 698. «О двух библейских вопросах», I, 536. «Капризы влюбленного» и «Mitschuldigen», I, 553; сравн. I, 531. «О немецкой архитектуре», I, 566, 571. «Патер Брей», I, 601, 685; II, 685. «Ярмарка», I, 685 и прим. 1. «Стелла» (мнение Гердера о ней), I, 934; II, 18. «Вертер» (мнение Гердера о нем), I, 927, прим.; II, 128, 224. «Клавиго» (Гердер рекомендует это произведение Гаману и

Гарткноху), I, 927. «Эгмонт», II, 699. «Фауст» (отзыв Гердера), II, 709; сравн. I, 529. «Тассо»; Гёте придавал ему черты характера Гердера, II, 531 и сл. Гёте сообщал Каролине выдержки из этой драмы, II, 685. Отзыв о ней Гердера, II, 685 и сл.; II, 699. «Ифигения», II, 271. «Дочь любви» (похвальный отзыв Гердера), II, 847. «Grosskophta» (вызывает одобрение со стороны Гердера), II, 654, 709. «Bürgergeneral» (одобрен Гердером), II, 654. Перевод Вольтерова «Магомета» (отзыв Гердера), II, 845. «Палеофрон и Неотерпа» (отзыв Гердера), II, 842. Служили образцом для «Эона и Эониды» Гердера, II, 842. Мнения Жан-Поля, Бёттигера и Шиллера об этих двух произведениях, II, 842. «Герман и Доротей», II, 856; отзыв Гердера, II, 863; вызвали похвалы со стороны Гумбольдта и А. В. Шлегеля, II, 863. «Рейнеке Фукс»; сочувствие Гердера, II, 488 и сл., 569, 654. «Вильгельм Мейстер»; Гердер сначала относится к нему с сочувствием, II, 660, а потом с неодобрением, II, 688 и сл., 697, 710, 717, 854. «Поэзия и правда»; характеристика Мерка в сравнении с отзывами Гердера, I, 504 и сл. Верная характеристика, сделанная Гердером, I, 508. Рецензия во «Франкф. ученом указателе», I, 630 и сл.; в йенской «Литературной газете», II, 812. *Стихотворения*: «Der Wanderer», I, 556, прим. 3. «Fels weihegesang», I, 621, 622, прим., 678. «Der Fischer», II, 114. «Prometheus und Das Göttliche» (в письмах Якоби о Спинозе), II, 317, прим. Легенда о св. Петре и подкове, II, 650 «Бог и баядера» и «Коринфская невеста» (вызывают неодобрение со стороны Гердера), II, 699. «Ксении» также не нравятся Гердеру, II, 698 и сл. Эпиграммы, написанные в 1782 г., и Венециан-

ские эпиграммы; их появление вызвано занятиями Гердера антологией, II, 348 и сл. Они были напечатаны наперекор мнению Гердера, II, 690. Римские элегии (отзывы Гердера о них), II, 688, 690. «Сакунтала», II, 507 и сл. «Die Geheimnisse», II, 229. «Западно-восточный диван», II, 206, 506. «Римский карнавал» (мнение Гердера о нем), II, 687. Статья «Die Natur», II, 786. Намерение драматизировать произведения Сократа (в виде дополнения к «Гёцу»), I, 550, 623. Драмы «Цезарь» и «Магомет», I, 623. Объявление об издании в переводе сочинения «Du théâtre etc.», I, 638, прим. 2. Статья Гердера о Гуттене приписывалась Гёте, II, 19. Стихотворения Ленца и Лейзевица Гердер считал за гётевские, I, 927, прим. Статья касательно *os intermaxillare*, II, 226 и сл. Гётевская лирика, I, 594; II, 396. Была подготовлена Гердером, I, 243. Страсбургские песни, I, 559 и сл., 740. Их реалистическое направление, II, 760. Дифирамбический стихотворный размер, I, 235. Отношения к Гомеру, I, 550; к Оссиану, I, 563; к Шекспиру, I, 564 и сл.; к Спинозе, II, 313, 315 и сл. (влияние Гердера); сравн. II, 333, 757; к Канту, II, 683 и сл., 727, 730, 731, 757, 777, 808. Труды Гёте в области образовательных искусств, II, 356. О греческой пластике, II, 458. Отношение к немецкой архитектуре, I, 535. Гётевские воззрения на природу и натурфилософия Шеллинга, II, 336 и сл. Занятия анатомией, II, 488. Отношения Гёте к Ньютону в сравнении с отношениями Гердера к Канту, II, 746. Деятельность Гёте и Шиллера в пользу театра (осуждается Гердером), II, 845, 850, 853. Эстетика Гёте и Шиллера (в противоположность с гердеровской), II, 780. Политические воззрения, II,

654. Понятие Гёте о Боге, II, 318, 337. Умственное развитие, II, 48, 376. Его проза представляет собой образец повествовательного слога, II, 340.

Письма. Ссылки на письма Гёте к г-же Штейн, II, 37, прим., 343, прим. 5, 358, прим. 1. Письмо к Гердеру от 13 июля 1792 г., II, 488, прим. 2.

Гёхгаузен, г-жа, II, 456.

Гёце, Мельхиор, главный пастор в Гамбурге, I, 489 и сл. Его смерть, II, 428.

Гиббон; его влияние на содержание гердеровских «Идей», II, 257.

Гильдемейстер, I, 126, прим., 648, прим. 3.

Гимназия, веймарская, II, 410 и сл. Реформы, введенные в ней Гердером, II, 413 и сл. Намерение учредить новую профессорскую должность остается без исполнения, II, 738 и сл. См. *Детуш*.

Гирт, II, 455, 456.

Глейм; Гердер хвалит оригинальность его слога, I, 232; сравнивает его с Анакреоном и с Тиртеем, I, 247; сопоставляет его с Герстенбергом, I, 302. Его первое письмо к Гердеру, I, 314. Его приезд в Дармштадт, I, 674. Хлопочет о назначении Гердера генерал-суперинтендантом в Гальберштадт, I, 899 и сл. Его первая встреча с Гердером и приезд в Бюкебург, I, 915. Его посещает Гердер (1776), II, 9; уговаривает Гердера издать сборник народных песен, II, 106; его посещает Гердер (1783), II, 207, 210; снова в 1794 г., II, 657; еще раз в 1800 г., II, 880. Свидание между ними в Эйслебене, II, 643. Уговаривает Гердера собрать все его статьи, II, 342. Подает Гердеру надежду на получение новой должности в Клостерберге, II, 426. Желает назначения Гердера в Берлин, II, 430. Его

стихотворения на современные исторические события, II, 525, 549. Пристрастное отношение к литературной деятельности Гердера, II, 714 и сл. Смерть, II, 894.

Глюк; Гердер вступает в сношения с ним, I, 624 и сл.; превозносит его, II, 788.

Гольдсмит, Оливер; его «Векфильдский священник» нравится Гердеру, I, 551.

Гомер; Гердер требует перевода его произведений, I, 244. Гердеровская оценка его эпоса, I, 282, 298. Об индивидуальном отпечатке гомеровских характеристик, I, 341. О гомеровских богах, I, 343. Об эпическом творчестве Гомера, I, 345. Суждения Клотца о Гомере вызывают протест со стороны Гердера, I, 379 и сл. В уме Гердера рано возникло сомнение в том, что Гомер был творцом всех приписываемых ему произведений, II, 669. Гердер сравнивает его с Оссианом, II, 677.

Гораций; мнение Гердера о том, как следует переводить произведения Горация, I, 384. Объясняет свою мысль, переводя оду «О счастье», I, 386. Письма о чтении Горация, II, 894. Переводы од Горация, I, 638, прим. 2; II, 904, прим. 4. Намерение написать статью о Горации, II, 575.

«Горы», «Die Hogen», журнал, II, 660. Статьи, написанные для этого журнала Гердером, II, 671, 673, 675, 678, 679. Поэтические отрывки, II, 662, прим. 2.

Готшед; его положение в немецкой литературе, I, 203. Отрывок стихотворения, написанного Гердером по случаю его смерти, I, 320, прим. 1.

Граве, его сношения с Гердером в Риге, I, 150.

Графф, нарисовал портрет Гердера, II, 909.

Греки; по мнению Гердера, получили свою культуру от египтян, I, 295; II, 97 и сл. Гердер восставал против преувеличенной оценки греческой культуры, I, 341. Греки были представителями юношеского возраста человечества, I, 702; II, 125. Гердер ставит их поэзию ниже еврейской, II, 125. Напротив того, в «Идеях» превозносит греков, II, 253, 373.

Гретер; его «Северные цветы», II, 568. Не без успеха старается приобрести благосклонность Гердера, II, 813, прим. 2.

Гриллон, сотрудник «Писем о литературе», I, 208; сравн. I, 225, 246.

Грим, ректор в Морунгене и наставник Гердера, I, 69 и сл.

Гримм, братья; изданные им детские сказки, II, 371.

Громан; его статья об отношении критики к метакритике, II, 765, прим. 4.

Грубер, II, 39, прим. 2, 53, прим. 2, 824, прим. 3. См. *Данц*.

Групен, назначенный пастором в Штадтгаген, I, 912.

Гуманность; понятие о ней, II, 232. По мнению Гердера, вся история есть школа гуманности, II, 265. Художественные произведения — кодекс гуманности, II, 460 и сл. Гердеровский идеал гуманности не похож на гётевский, II, 689. Мысли о распространении гуманизма, II, 522 и сл. Тождество гуманных идей с христианскими, II, 616 и сл.

Гумбольдт, Александр; влияние гердеровских «Идей» на его «Космос», II, 295 и сл.

Гумбольдт, Вильгельм. Связь между его философией языка и гердеровской, I, 544 и сл. Статья о задаче историка, II, 294. Его мнение о полемике между Гердером и Вольфом, II, 667. Его отзыв о гердеровских диалогах, II, 339.

Гурауэр, I, 317, прим. 2, 350, прим., 354.

Гутген; его пристрастная характеристика, написанная Гердером, II, 19; сравн. II, 567.

Гюнтер, получил высшее значение по рекомендации Гердера, II, 881. Гердер написал предисловие к изданию его благочестивых поучений, II, 881. Посещает Гердера, II, 725. Помогает ему, II, 899.

Д'Аламбер, I, 475.

Дальберг, Гуго, каноник, II, 434. Приезжает в Веймар, II, 436. Едет вместе с Гердером в Италию, II, 453 и сл.

Дальберг, Гериберт, интендант маннгеймского театра, II, 545.

Дальберг, Карл, II, 66. Его «Размышления о вселенной», II, 68, 333. Его мнение о «Письмах о гуманизме», II, 552. Его последнее свидание с Гердером, II, 888.

Данцель, I, 212, прим.

Данц и Грубер, II, 399, прим. 3.

Дарвинизм; с ним не имели ничего общего идеи Гердера, II, 232.

Д'Арно; мнение Гердера о нем, I, 474 и сл.

Даровая кухня, заведенная по мысли герцога Вильгельма Эрнста, II, 416 и сл.

Де Гинь; его знакомство с Гердером, I, 474.

Делиль Десаль; его книга о философии природы, I, 554; II, 303.

Денис; перевел Оссиана, I, 234 и сл., 586; II, 675.

Детуш, концертмейстер, переговоры касательно его назначения на должность при веймарской гимназии, II, 889 и сл.

Дёдерлейн, тайный советник, II, 426.

Диде, г-жа; ее дружба с Гердером, II, 65 и сл., 457. Ее приезд в Веймар, II, 437.

Дидро, его знакомство с Гердером, I, 474. Сочувствие к идеям Гердера, I, 475. Статья о Сенеке, II, 559. Намерение Гердера перевести его сочинения на немецкий язык, II, 702.

Диссельгоф, I, 126, прим.

Догматика; мнение Гердера о ее значении, I, 756, 761; II, 150; сравн. II, 620.

Добантон; Гердер пользуется его исследованиями, I, 474; II, 231.

Домсиен, I, 89.

Дорнер, I, 395, прим. 3; II, 621, прим.

Драма, гердеровская теория драмы, II, 850. Прежние понятия Гердера о драматической поэзии, I, 260 и сл., 580; сравн. (о «Сакунтале») II, 507 и сл.

Древне немецкие литературные произведения привлекают внимание Гердера, II, 117, 568 и сл.

Дункер, II, 91, прим.

Дюмениль, актриса, I, 477.

Дюнцер, II, 19, прим., 29, прим. 2, 435, прим. 1. Главные ссылки на него сделаны в след. местах: I, 593, прим. 1; II, 123, прим., 181, прим. 2, 346, прим. 2, 347, прим., 353, прим., 434, прим. 4, 645, прим., 648, прим. 2, 662, прим. 2, 671, прим. 2, 725, прим. 4, 736, прим. 2 и 3, 863, прим. 2.

Евангелия, их критический разбор у Гердера, II, 599 и сл.

Евангелие св. Иоанна; намерение Гердера написать о нем особую статью, I, 804; сравн. II, 604.

Евреи; божественный характер их поэзии, II, 124. Суждения Гердера об их языке и поэзии, II, 196 и сл. В своих «Идеях» он смот-

рит на евреев с менее благоприятной точки зрения, II, 252 и сл.

Екатерина II, императрица, I, 457 и сл. Гердер неоднократно восхваляет ее, I, 191.

Жан, издатель переписки Гёте с Фойгтом, II, 37.

Женщины; как относился к ним Гердер, II, 62.

Жоре; его книга о Гердере, I, 474, прим.

Зальцман; Гердер познакомился с ним в Страсбурге, I, 527.

Зауппе, II, 411, прим.; II, 486, прим. 1.

Землер; его теологические воззрения, I, 395. Гердер находился под влиянием этих воззрений, I, 97; ссылался на них, I, 397; отзывался о Землере с похвалой, II, 163.

Зёммеринг; его письмо к Гердеру касательно «Идей», II, 278; сравн. II, 295 и прим. 2. Его личное знакомство с Гердером, II, 888.

Зонненфельс; его письма о венском театре, I, 261, прим. 2.

Зоэга, II, 456.

Зрение служит, по мнению Гердера, основой для живописи, I, 365 и сл.; II, 365.

Зульцер; его вмешательство в ссору Гердера со Шпальдингом, I, 790. Гердер изучал его сочинения, I, 106, прим. 1; не одобрял его проектов улучшения языка, I, 231; не одобрял его эстетику, I, 838; хвалил его как психолога, I, 852 и сл.; воздвигнул в честь его литературный памятник наряду с Лессингом и Винкельманом, II, 172.

Зюссмильх; его теория происхождения языка вызывает возражения со стороны Гердера. I, 282, 538, 540.

Идиллия; понятие Гердера о ней, I, 247.

Идиотизмы; Гердер одобряет их употребление, I, 232, 249; сравн. I, 282.

Иерархия, римская; ее характеристика в «Идеях», II, 257; сравн. II, 611.

Изелин, Исаак, I, 245. Его очерк истории человечества, I, 697.

Иллюзия; понятие Гердера о ней, I, 371. Иллюзия, производимая статуями, II, 85.

Иовене, герцогиня, II, 464.

Иов, в переводе Гердера, I, 621; II, 197.

Иосиф II; Гердер восхваляет его и делает его характеристику, II, 548.

Искусство; установленные Гердером и Лессингом границы между искусствами, I, 346. Теория искусства, изложенная в «Каллигоне», II, 781 и сл. Различие между поэзией искусственной и натуральной, I, 282.

История; мнение Гердера о том, как следует ее писать, I, 330 и сл., 386. Законы исторического развития по мнению Гердера, II, 260 и сл. Влияние Гердера на немецкую историографию, II, 294.

Италия; ее влияние на Гердера, II, 271, 460 и сл., 788 и сл.

Йена; донос на теологический факультет тамошнего университета, II, 624 и сл. Несочувствие Гердера к этому факультету, II, 808.

Како, французский поверенный в делах при неаполитанском правительстве, II, 464.

Кальб, Шарлотта, II, 486. Приглашает Жан-Поля переселиться в Веймар, II, 718.

Кампе, II, 749, прим.

Кампенгаузен, регирунгсрат, I, 151, 599.

Кампер; его сочинениями Гердер пользовался для содержания своих «Идей», II, 231. Его письма касательно «Идей», II, 284; сравн. II, 295 и прим. 2.

Кантер, кёнигсбергский книгопродавец, I, 80, 87, 88, 98. Основывает Кёнигсбергскую газету, I, 137. Маргарита Кантер, I, 137.

Кант; его влияние на Гердера в то время, как он читал лекции в Кёнигсбергском университете, I, 98 и сл. Его тогдашняя точка зрения, I, 114 и сл. Его наблюдения над влечениями к прекрасному и возвышенному оказывают влияние и на содержание, и на форму гердеровских сочинений, I, 109, 182. Знакомит Гердера с произведениями Руссо и Юма, I, 118. С сочинениями Гердер знакомит графа Вильгельма Липпе-Шаумбургского, I, 669. Его отзыв о «Древнейшем документе», I, 725, 728, 785; II, 275 и сл. Появление его «Критики чистого разума», II, 272. Гердер читает эту книгу, II, 272. Статья Канта о всеобщей истории, II, 274. Его рецензия первой части «Идей», II, 276 и сл. Рецензия второй части «Идей», II, 284. Всеобщая натуральная история, II, 278. Кант расправляется с Рейнгольдом, II, 279 и сл. Предполагаемая цель человечества, II, 285 и сл. Полемика, которую ведет с ним Гердер в разговорах о Спинозе, II, 24 и сл. Влияние его познавательной теории на поэтику Гердера, II, 365. Благоприятные отзывы Гердера о произведенной Кантом революции, II, 536 и сл.; сравн. II, 532. Такой же благоприятный отзыв о «Критике познавательной способности», II, 729. Гердер осыпает его похвалами в «Письмах о гуманизме», II, 729. Отличие его религиозных воззре-

ний от гердеровских, II, 732 и сл. Гердер нападает на него в христианских сочинениях, II, 732 и сл. Влияние его философии на юношество, II, 734. Противоположность его точки зрения и гердеровской, II, 745 и сл. Гердер восстает против разномыслия между университетскими факультетами, II, 762 и сл. Нападки Гердера на кантовскую философию в эрфуртской «Ученой газете», II, 814. Также в «Зоне и Эониде», II, 842 и сл. В «Адрастее» Гердер несочувственно отзывается о сочинениях Канта, II, 869. Суждение Гердера о «Грезах духовидца», I, 108; II, 869; сравн. I, 661.

Капечче-Латро, архиепископ тарентский, II, 463 и сл., 466.

Капельман, сопровождавший принца Петра Голштейн-Эйтинского в его путешествиях, I, 480, 497, 513, прим., 516.

Карл XII; Гердер пишет его характеристику, II, 869.

Карл Август, герцог веймарский, II, 15. Мнение Гердера о нем, II, 21. Неоднократно берет сторону Гердера, II, 401. Старался удержать Гердера в Веймаре, II, 475 и сл. Сочувствовал намерению Гердера основать всеобщую немецкую академию, II, 542, 544. Его отношения к «Письмам о гуманизме», II, 552. Разрешает напечатать гердеровскую конфирмацию наследного принца, II, 641. Его образ действий во время возведения Гердера в дворянское звание, II, 885. Его образ действий в вопросе о назначении Детуши на должность концертмейстера, II, 889 и сл.

Карл Фридрих, маркграф баденский, I, 510. Его намерение основать всеобщую немецкую академию, II, 542.

Картезиус; юный Гердер критикует его учение, I, 114.

Карш; Гердер сравнивал ее с Сафо и написал рецензию ее стихотворений, II, 814.

Категории пространства, времени и силы, I, 114 и сл., 117, прим. 1; II, 750 и сл., 771. Гердеровские категории, II, 752.

Катель, придворный бюкебургский проповедник, I, 612.

Кауфман, Анжелика; ее отношения к Гердеру, II, 468 и сл. Нарисованный ею портрет Гердера, II, 909.

Кауфман, Христоф., в Веймаре, II, 19; сравн. II, 164.

Кеннеди, секретарь Баварской академии, II, 123, прим.

Кестнер, преподаватель в веймарской гимназии, II, 415.

Кеферштейн, II, 787, прим.

Кёлер, Рейнгольд; написал статью о гердеровском «Сиде», II, 906.

Кёнигсберг; стихотворение Гердера по поводу происшедшего в городе пожара, I, 143.

Кёниг, Луиза; подруга Каролины Флаксланд, I, 929.

Кёрнер; его отзывы о Гердере, II, 651, 661, 678, 838.

Кёрте, II, 670, прим.

Кизеветтер; его разбор гердеровской «Метакритики», II, 769.

Кипке, кёнигсбергский профессор, бывший наставник Гердера, I, 95.

Кирхгоф, II, 159, прим. 2.

Клауэр; его гердеровский бюст, II, 909.

Клаудиус, Матвей; его дружба с Гердером, I, 490, 497. О нем горячо заботился Гердер, I, 637; он вступает за Гердера в споре со Шлёцером, I, 779. Посещает Гердера в Бюкебурге, I, 931 и в Веймаре, II, 312; сравн. II, 440. Получил денежное вспомоществование по ходатайству Гердера, II, 33. Приглашает к себе Гердера, II, 207.

Клейкер; подружился с Гердером в Бюкебурге, I, 935 и сл. Перевел «Зенд-Авесту», I, 935.

Клейст, Эвальд. Его влияние на Гердера, I, 78 и сл. Его портрет висел в комнате Гердера, I, 337. Гердер хвалил его произведения, I, 232.

Клёппер, II, 411, прим.

Климат; его влияние по мнению Гердера, II, 244 и сл.

Клокенбринг, ганноверский теолог, I, 762.

Клопшток; его сношения с маркграфом баденским, I, 510 и сл. Первое знакомство Гердера с его «Мессиадой», I, 79. Гердер защищает его от нападок Лессинга, I, 221, 224 и сл. Нередко ставит его наряду с Оссианом, Мильтоном и Гомером, II, 675. Подражает его стихотворениям, I, 136, 138, 555, 558. Сходство поэтических произведений Клопштока с гердеровскими, I, 556. Гердер хвалит его метрику, I, 591; музыкальность его од, II, 788. Гердеровская критика «Мессиады», I, 225, 243. Гердер ставит его наряду с Винкельманом, I, 337. Гердеровская характеристика поэтических дарований Клопштока. I, 590 и сл., 592. Гердер называет Клопштока высшим представителем лирической поэзии, I, 592 и сл. Впоследствии умеряет свои похвалы, II, 127; усматривает недостатки клопштоковских драм, I, 623; порицает орфографические нововведения Клопштока, II, 209; находит в нем помощника для борьбы с Кантом, II, 814. Посещает его в Гамбурге, II, 209.

Клотц; удостоился от Гердера похвал за свои сатиры, I, 314. Основал журнал — «Немецкая библиотека», I, 316 и сл. Его «Epistolae Nomericae», I, 379 и сл. «Vindiciae Horatii», I, 384. «Дополнение к истории изящного вкуса», I, 385.

Кнебель; его первые сношения с Гердером, II, 38. Его отношения к состарившемуся Гердеру, II, 824 и сл. Его статья о политеизме, II, 825. Его философские статьи, II, 825. «О способностях человеческой интеллигенции», II, 825. Переводы Проперция и Лукреция, II, 826. Женитьба, II, 826 и сл. Переписка с Гердером и взаимные посещения, II, 827. Его стихотворения, напечатанные в «Письмах о гуманизме», II, 556, 571, прим. Участие в «Адрастее», II, 821, 826. Его отзыв о рукописи «Писем о гуманизме», II, 532 и сл. Его похвальный отзыв о гердеровской «Метакритике», II, 766. Его отзыв о «Пигмалионе», II, 858 и сл.; о «Раскованном Прометее», II, 862 и сл.

Книга, серебряная, I, 560; такая же книга, принадлежащая графине бюкебургской, I, 560, прим., 909 и прим.

Книга, заключающая в себе стихотворения Гердера, I, 560, 909. Две веймарские книги церковных песен, II, 628. Гердер переделывает их заново, II, 630 и сл. Гердеровский проект новой книги церковных песен, II, 631 и сл.

Коллегия Фридриха в Кёнигсберге, I, 89.

Коппе, II, 158, 425, 430. Его личное знакомство с Гердером, II, 873.

Кох, подружился с Гердером в Нанте, I, 434.

Крамер, Иоанн Иак. Его статья о гердеровской «Метакритике», II, 769.

Крамер, Иоанн Андр.; Гердер берет его сторону против Лессинга, I, 224 и сл., 254; его стихотворения в восточном вкусе, I, 237; мнение Гердера об этих стихотворениях, I, 240.

Краус; его рецензия третьей части гердеровских «Идей», II, 291, прим.

Крейц; Гердер заимствует от него один эпиграф, I, 94, и называет его немецким Лукрецием, I, 252.

Крестовые походы; Гердер отзывается о них несочувственно, II, 58 и сл.

Критика; ее идеал, указанный Гердером в «отрывочных заметках о литературе», I, 222 и сл. Отличие критики Гердера от критики Лессинга, I, 223. Мнение Гердера о немецкой критике, II, 710.

Круг; его послание по поводу гердеровской «Метакритики», II, 769.

Крузиус; Гердер критикует его произведения, I, 114, и не одобряет его философских воззрений, I, 360.

«**Ксенин**», II, 697 и сл.

Курелла; подружился с Гердером в Кёнигсберге. I, 123, 137.

Кюгельген; нарисованный им портрет Гердера. II, 909.

Ларош, г-жа; I, 676. Хлопочет о назначении Гердера придворным пастором в Нейвид, I, 899.

Лафатер; его первое письмо к Гердеру, I, 313. Предложенные им три вопроса. I, 654. Первоначальное мнение Гердера о нем, I, 655. «Библейские рассказы для юношества», I, 655. «Мысли о вечности», I, 655; II, 169. Переписка с Гердером, I, 660. «Отрывки из дневника самонаблюдателя», I, 662. Отношения Гердера к его «Физиогномике», I, 870. Гердеровские дополнения к этому сочинению, I, 872, прим. 1. Гердер насмехается над сочувствием Лафатера к кантовской философии, II, 729; прекращает дружеские сношения с ним, II, 164 и сл. Приезд Лафатера в Веймар, II, 440. Вторичный приезд, II, 588. Его смерть, II, 894.

Лафонтен, Август Генрих Юлий; его романы читались с удовольствием в доме Гердера, II, 717.

Лафонтен, Жан де; Гердер защищает его басни от нападок со стороны Лессинга, I, 302.

Лейбниц; Гердер знакомится с его сочинениями, I, 106; II, 298; подчиняется влиянию его философских воззрений, I, 361 и сл., 412, 848; II, 298 и сл. Намерение Гердера написать статью о Лейбнице. Спинозе и Шефтсбери, II, 303. Идеи Лейбница проникли в гердеровскую статью «Бог», II, 324. Гердер освещает некоторые из идей Лейбница, II, 870.

Лейзевиц, II, 208.

Лейзенринг, дармштадтский придворный медик, I, 523, прим.

Лейзенринг, Франц Мих.; его встреча с Гердером в Лейдене, I, 484. Его поведение в Дармштадте, I, 620 и сл., 683 и сл. Намеревается издавать журнал для легкого чтения, I, 685.

Лекен, актер, I, 477.

Леман, Поль, II, 296, прим.

Ленц; его отношение к Гердеру, I, 927 и сл. Его письмо к Каролине, I, 929, прим. Его старание сблизиться с Гердером, I, 930. Приезд в Веймар, II, 20; его письма к Гердеру из Риги, II, 20, прим. 4.

Леопольд, герцог тосканский; свидание Гердера с ним, II, 470, 879, прим. 2. Гердер отзывается о нем с похвалой, II, 879.

Лерсе, один из страсбургских знакомых Гердера, I, 527.

Лессинг; знакомится с Гердером в Гамбурге, I, 486 и сл.; I, 492 и сл. Его смерть, II, 170 и сл., 24. Гердер помещает в «Меркурии» заметку по поводу его смерти, II, 53, прим. 4, 171 и сл. Его отношения к Гердеру, I, 767 и сл.; II, 669. Его переписка с Гердером, I, 327, 420; II, 170. Гердер пишет его характеристику и сравнивает его с Винкельманом, I, 334 и сл.; пытается воздвигнуть в честь его литературный

памятник, II, 170. Впечатление, произведенное на Гердера «Лаокооном» Лессинга, I, 334. Гердер, еще ребенком, читал более старые сочинения Лессинга, I, 79, 136, 336. Гердер пишет рецензию смешанных сочинений Лессинга, I, 628. Сравнение литературных приемов этих двух писателей, I, 298. Отличие критики Гердера от критики Лессинга, I, 223. Сравнение их стиля, I, 377 и сл. Участие Лессинга в «Письмах о литературе», I, 203 и сл. Его сочувствие к учению Спинозы, II, 310 и сл., 316, 322. Его отношения к Реймарусу, II, 74. Мнение принца Августа готского о его сочинениях, II, 76.

Либескинд, составитель сборника «Пальмовых листьев», II, 370.

Лилиенталь, кёнигсбергский профессор, наставник Гердера, I, 96.

Линднер, ректор рижской гимназии, а потом кёнигсбергский профессор, I, 93, 140. Хлопочет о назначении Гердера в Ригу, I, 140. Его школьная программа, I, 264.

Линкер; обер-президент веймарской консистории, II, 16. Его смерть, II, 881.

Лирика; ее сущность, по мнению Гердера, II, 578 и сл.

Литургия; ее пересмотр в Веймаре, II, 422.

Лихтенберг; посетил Гердера в Бюкебурге, I, 635, прим. Его отзыв о гердеровских «Идеях», II, 295.

Лиш, I, 494, прим. 2.

Лобштейн, профессор хирургии в Страсбурге, I, 522.

Лодер, Иоанн, пастор лютеранской церкви св. Якова в Риге, ректор дворянского лицея, I, 428.

Лотце; его история эстетики, I, 370 и сл., прим.

Луиза, герцогиня Саксен-Веймарская, II, 29. Ее отношения к

Гердеру, II, 30 и сл. Старалась удержать Гердера в Веймаре, II, 479.

Людовик XIV; его характеристика у Гердера, II, 841.

Люке, I, 732 и сл., прим.

Люттге, II, 295, прим. 1.

Люше, маркиз, II, 93.

Майер; его связи с семейством Гердера, II, 725.

Максимилиан Иосиф Баварский; Гердер говорил о нем с похвалой, II, 880. Возводит Гердера в дворянское звание, II, 885 и сл.

Макферсон, I, 584; II, 676.

Малле; на его историю Дании Гердер написал рецензию, I, 294.

Мария Элеонора, герцогиня Липпе-Шаумбургская, I, 565 и сл. У нее родится дочь, I, 667. Раскрывает свое сердце перед Гердером, I, 668 и сл. Лишается своего двойничного брата, I, 669. Ее характеристика, I, 908. Ее смерть, I, 937 и сл.

Мармонтель, I, 200, 435, 467.

Масонство в Риге и отношения Гердера к нему, I, 187. Гердер занимается вопросом о масонстве, II, 175 и сл., 872 и сл. Диалоги о масонстве, напечатанные и ненапечатанные, II, 874 и сл.

Маттиз; его статья в похвалу гердеровской «Метакритики», II, 769, прим. 4.

Мезер; о его личных отношениях к Гердеру нет удовлетворительных сведений, I, 937.

Мейер, Генр., живописец, II, 464, 467. Его отношения к Гердеру, II, 828. Склоняет Гердера к сочинению статей для шиллеровского «Альманаха муз», II, 828 и сл.

Мендельсон; его статьи в «Письмах о литературе», I, 205. Его рецензия гердеровских «Отрывочных заметок», I, 309 и сл. Его «Фе-

дон», I, 413. Встреча с Гердером в Пирмоне, I, 791; II, 171. Его ссора с Якоби, II, 309 и сл., 315 и сл. Сближение с Гердером, II, 171. Играл роль посредника между Гердером и Николаи, II, 181 и сл.

Мериан, I, 642, 836.

Меркель; его отношения к Гердеру, II, 831. Его «Письма к горничной», II, 815, 832. Гердер пишет рецензию одного из его произведений, II, 813.

«**Меркурий** Немецкий», II, 43 и сл. Гердер пишет статьи для этого журнала: II, 53 прим. 4, 121, 171, 175, 176, 192, 198, 234, 245, прим., 807.

Мерк, Иоганн Генрих, I, 498 и сл. Способствует сближению Гердера с Каролиной Флаксланд, I, 501. Его жизнь и характер, I, 501 и сл. Влияние на Гердера, I, 504. Подозрительный образ действий, I, 683. Пишет рецензию сочинений Гердера, II, 52.

Метафизика; Гердер отзывался о ней с неодобрением, I, 731; II, 239 и сл.

Мёзель, I, 422, 425.

Миллер, директор гимназии. Мнение Гердера о его школьной программе, I, 164.

Миннезингеры; Гердер изучал их песни, II, 105, 117; и обрисовал их характер, II, 111 и сл.

Миссионеры; мнение Гердера о них, II, 871.

Михаэлис, Давид; его воззрения на теологию, I, 395. Молодой Гердер восхищается его сочинениями, I, 239 и сл., 397. Впоследствии Гердер стал нападать на него, I, 730, но кончил тем, что отдал справедливость его заслугам, II, 163; сравн. II, 203.

Михальский, II, 760, прим.

Мниох, II, 814.

Мозер; его знакомство с Гердером, I, 914.

Монбоддо, автор сочинения о возникновении и развитии языка, II, 249.

Монтескьё; Гердер руководствовался его мнениями в своих политических сочинениях, I, 459 и сл., 460, прим., 470; II, 135. В своих «Идеях» Гердер пользуется его сочинениями. II, 254.

Мориц, I, 312, 436.

Морунген, родина Гердера, I, 65. Воздвигнутый там памятник Гердеру, I, 66, прим. 5.

Мот, рижский знакомый Гердера, I, 149.

«**Музей**, Немецкий», помещенные там статьи Гердера, II, 108, 117 и сл.; сравн. II, 172.

Музыка; изящное искусство слуха, по мнению Гердера, I, 542. Любовь к ней Гердера, II, 155.

Музеус, II, 415. Его смерть и речь, произнесенная по этому случаю Гердером, II, 415.

Мюллер Иоанн; его личное знакомство с Гердером, II, 159 и сл. Свидание с Гердером в Ашаффенбурге, II, 528. Его мнение о проекте учреждения всеобщей немецкой академии, II, 544 и сл. Его отношения к Гердеру, II, 796. Доставляет Гердеру материалы для «Персепольских писем», II, 815.

Мюллер Георг; история его юности, II, 152 и сл. Посещает Гердера, II, 154. Вступает в переписку с Гердером, II, 157 и сл. Живет в доме Гердера, II, 158. У него воспитываются сыновья Гердера, II, 692. Поощряет Гердера к продолжению «Идей», II, 270. Его отзыв о «Письмах о гуманизме», II, 524; о первой части «Адрастеи», II, 841. Его «Философские статьи», II, 502; «Исповеди замечательных людей», II, 503; другие сочинения, II, 795, 806 и сл. Его семейные дела и участие в политических переворотах, II, 795. Он встревожен Французской рево-

люцией, II, 797. Гердер хлопочет о его назначении в Веймар, II, 800. Его политическая деятельность, II, 801. Получает последнее письмо от Гердера, II, 805. Его биография, II, 794 и сл., прим.

Народные песни; первые указания Гердера на них, I, 243, 298. Намерение издать их, I, 876. Их издание, II, 106 и сл.

Народный писатель; его идеал, по мнению Гердера, I, 175.

Натуральная поэзия; ее отличие от искусственной поэзии, по мнению Гердера, I, 282 и сл., 588.

Науман, II, 92, прим.

Негры; их эмансипация, II, 565.

Немезида, понятие о ней очень нравилось Гердеру, II, 373 и сл.

Николай; его статьи в «Письмах о литературе», I, 205. Вступает в сношения с Гердером, I, 309; сравн. I, 211. Его отношения к Гердеру в качестве издателя «Всеобщей библиотеки», I, 627 и сл. Coelius Serotinus, I, 648. Его отзыв о «Древнейшем документе», I, 786 и сл. Его вмешательство в ссору Гердера со Шпальдингом, I, 790. Его альманах, II, 106; сравн. II, 108 и сл. Негодование Гердера на Николаи, II, 175. Статья касательно виновности тамплиеров, II, 176 и сл. Ее вторая часть, II, 179 и сл. Неудачная попытка примирения Гердера с Николаи, II, 181 и сл.; II, 427.

Новалис; его статья о христианстве основана на гердеровских воззрениях, I, 705. Его натурфилософия была также основана на этих воззрениях, I, 861. Его мистические парадоксы отзываются мнениями Гердера, II, 848.

Нольде, помощник ректора веймарской гимназии, II, 415.

- Оберлин**, I, 524; II, 117.
- Общества** тайные; намерение Гердера написать о них особую статью, II, 184, 873 и сл.
- Общество**, собиравшееся в Веймаре по пятницам, II, 513, 540, 555.
- Общество** любителей древности в Касселе, II, 89.
- Оверлах**, I, 165, прим. 1.
- Ода**; статья Гердера на эту тему, I, 200; сравн. I, 233, 239, 246, 250. Понятие Гердера об оде, I, 252 и сл., 386; II, 578 и сл.
- Опера**; ее сущность, по мнению Гердера, I, 477.
- Оссиан**; Гердер увлекается им, I, 561, 584 и сл. Переводит отрывки из Оссиана, I, 585. Пишет рецензию на перевод Дениса, I, 587. Как относился Гердер к вопросу о подлинности Оссиана, II, 674 и сл. Сравнивал Оссиана с Гомером, II, 677.
- Отрывки**, Волфенбюттельские, I, 488. Их изучает Гердер, II, 148; не одобряет их направление, II, 386. Их автор, II, 171.
- Палингенезия**, по мнению Гердера, есть единственный вид бессмертия, II, 239, 646.
- Паллеске**, II, 55, прим. 2, 436, прим. 3, 486, прим. 1.
- Памятник** Гердеру, воздвигнутый в Морунгене, I, 66, прим. 5. В Риге, I, 160. В Веймаре, II, 910.
- Параболы** и параболическая форма объяснения Священного Писания, II, 395.
- Парамифии**; возникновение, сущность и достоинства этого вида поэзии, II, 349 и сл.
- Патриархи**; мнение Гердера о причинах их продолжительной жизни, I, 411.
- Патриотизм**; настоящий смысл этого слова, по мнению Гердера, I, 193.
- Паульсен**, II, 115, прим. 4.
- Пегелов**, Даниил; посещал Гердера в Страсбурге, I, 525.
- Педагогические** воззрения Гердера, I, 448 и сл., 841 и сл., 862; II, 131 и сл., 136, 370, 638 и сл.
- Пейцер**, II, 413, прим. 1, 416, прим. 6.
- Персий**; Гердер переводит отрывки из его сочинений, II, 903.
- Перц**, II, 897, прим.
- Песнь песней** Соломона, II, 99 и сл.
- Песталоцци**; Гердер написал рецензию его сочинений, II, 813, прим. 2.
- Петрарка**; его «Тайны» переведены Г. Мюллером, II, 503. Мнение Гердера о них, II, 503. Гердер переводит некоторые из сонетов Петрарки, II, 505.
- Петри**, I, 126, прим.
- Петр III**, император; Гердер написал стихотворение в его честь, I, 80.
- Петр Великий**; Гердер пишет его характеристику, II, 869. Пишет в честь его оду, I, 139.
- Петр**, Фридр. Вильг., наследный принц Любекский, I, 480. Его характеристика, I, 496. Его сестра, I, 495.
- Пиндар**; Гердер занимается его произведениями, I, 386; ведет речь о его одах, I, 245, 297.
- Письма** о новейшей литературе; их возникновение и характер, I, 199 и сл.
- Письма** персепольские и теологические. см. *Гердер*.
- Письма**, шлезвигские о достопримечательностях литературы, I, 567 и сл.
- Пластика**; границы, отделяющие ее от живописи, II, 86.
- Платон**; Гердер знакомится с его произведениями, I, 106.
- Полемика**; Гердеровская манера писать; Полемические статьи, I, 377 и сл.

Политические воззрения Гердера, I, 460 и сл.; II, 136 и сл., 282, 516 и сл., 518, 533, 805.

Поэзия; ее отличие от образовательных искусств, по мнению Гердера, I, 368. Она есть искусство воображения, I, 369 и сл. Понятие о ней Гердера, II, 701. Отличие древней поэзии от новой европейской, II, 703.

Премонталь, II, 561.

Приложения, ученые к рижскому указателю, I, 180. Их издание прекращается, I, 187. Гердеровские проекты статей для этого издания, I, 185.

Приамели, II, 569 и прим.

Проповеди Гердера, произнесенные в Риге, I, 71 и сл., 400 и сл.; в Веймаре, II, 31 и сл., 389, 398 и сл. Идеал церковного проповедника, I, 67 и сл.

Пруц Г., II, 177, прим., 178, прим. 2.

Пруц Р., I, 206, прим.

Пфеннингер, II, 169.

Пфлейдерер, II, 760, прим.

Раванель, девица; воспитательница детей при дармштадтском дворе, I, 499, 500.

Рамлер; Гердер называет его оды образцовыми, I, 252. Потом изменяет свое благоприятное мнение о нем, I, 382; насмехается над его избранными лирическими стихотворениями, II, 113; снова хвалит его, II, 709.

Ранке; его всемирная история, II, 295.

Распе, инспектор кассельский художественной галереи; его знакомство с Гердером, I, 497 и сл. Его сомнения касательно принадлежности гомеровских поэм одному автору, II, 669.

Ратзамгаузен, I, 677, прим., 901 и сл., прим.

Ратиен, II, 326, прим.

Ратцель, II, 296, прим.

Раумер, II, 568, прим. 1

Реалис де Виенна; см. *Вагнер*.

Реберг, живописец, II, 455. Написанный им портрет Гердера, II, 909.

Революция Французская, II, 517. Как смотрел на нее Гердер, II, 520 и сл., 528. Он впоследствии стал смотреть на нее иными глазами, II, 538, 552.

Редлих; издал письма Лессинга, II, 170, прим. 1, 175, прим. 2.

Резевиц, сотрудник «Писем о литературе», I, 208; желание Гердера познакомиться с ним, I, 433. Передает Гердеру приглашение от князя-епископа Эйтинского, I, 480.

Рейке, II, 771, прим. 2.

Рейнгольд; вступает за Гердера против Канта, II, 279.

Рейтерн; посетил Гердера в Страсбурге, I, 525. Был поклонником Луизы Циглер, I, 677, прим.

Рейффенштейн, II, 456.

Рейхардт, издатель журнала «Германия», II, 701.

Рейхлин-Мельдегг, II, 913.

Религия; понятие Гердера о ней, II, 617 и сл. Он восхваляет ее в противоположность философии, I, 731 и сл.

Реце; его статья «Гердер против Канта», II, 770.

Реццонико, римский император, II, 456.

Рига; положение этого города во время прибытия Гердера, I, 147. Рижская церковная школа, I, 149. Политическое настроение местного населения, I, 189.

Ридель, один из приверженцев Клотца, I, 317. Его «Письма о публике», I, 324. Его теория изящных искусств и наук, I, 358. Его попытка сблизиться с Гердером, I, 624.

Римляне; их вредное влияние на дух немецкой нации, I, 249. Ха-

рактеристика той роли, которую они играли в истории, II, 254.

Ринг, гофрат; познакомился с Гердером в Карлсруэ, I, 511.

Ринк; его статья о «Метакритике», II, 771 и прим. 1.

Риттер, Карл; впечатление, которое произвели на него гердеровские «Идеи», II, 295.

Риттер, Иоанн Вильг.; его сношения с Гердером, II, 829 и сл.

Рохольд, I, 126, прим.

Рихтер, Жан-Поль; его отношения к Гердеру, II, 718 и сл. Их характеристика, II, 721 и сл. Приезд в Веймар, II, 718. Поселение в Веймаре на постоянное жительство, II, 723. Любовная связь с Каролиной Фейхтерслебен, II, 725 и сл. Переезд в Берлин, II, 725. Взаимное влияние Гердера и Жан-Поля, II, 726. Жан-Поль в качестве цензора гердеровской «Метакритики», II, 742. Снова неоднократно заезжает в Веймар, II, 824. Его суждения о Гердере и о его сочинениях, II, 722 и сл.

Романтики; подчинялись влиянию Гердера, I, 861.

Россия; суждения Гердера о просвещении в России, I, 459 и сл.

Роте, II, 391, прим. 2.

Руссо; Гердер восхищался его сочинениями, I, 101; подчинялся их влиянию, I, 120; его суждения о произведениях Руссо, I, 465.

Садоводство; мнение Гердера о нем, I, 368.

«Сакунтала»; мнение Гердера о ней, II, 509.

Сак, II, 391, прим. 2.

Салис, генерал; II, 464, 466.

Свифт, один из любимых писателей Гердера, I, 551; II, 840, 841. Гердер подражал ему, II, 613, 745, 841; сравнивал себя с ним, I, 618.

Свобода; в чем она заключается, по мнению Гердера, I, 858; II, 756.

Секендорф, г-жа; приезжает вместе с Дальбергом в Веймар, II, 436. Сопровождает Дальберга в Италию, II, 453 и сл.

Сиверс, I, 140, прим. 1, 141, прим. 3, 148, прим. 1.

Символические книги; отзыв Гердера о них в «Провинциальных листках», I, 756 и сл.

Сиротский дом в Веймаре, II, 407.

Скульптура обращается по мнению Гердера, к нашему осязанию, I, 364; сравн. II, 83 и сл. Отличие ее от поэзии, по мнению Лессинга и Гердера, I, 347 и сл.

Слух, лучший, по мнению Гердера, посредник для передачи испытанных ощущений, I, 542 и сл.

Спиноза; первое знакомство Гердера с его сочинениями, I, 812 и прим. 2. Намерение написать статью о Спинозе, Шефтсбери и Лессинге, II, 303. Учение Спинозы имело влияние на содержание «Идей», II, 305. Полемика о произведениях Спинозы, II, 310 и сл. Статья Гердера о Спинозе, II, 321; ее новое издание, II, 775 и сл.

Стихотворное искусство; попытка Гердера написать его историю, I, 201, 403. Гердер написал на мюнхенскую премию статью о влиянии этого искусства, II, 121.

Студенческие корпорации; мнение Гердера о них, II, 501.

Тамплиеры; полемика по поводу возведенных на них обвинений, II, 175 и сл.

Теллер; Гердер относится к нему враждебно, I, 754. Его вмешательство в ссору Гердера со Шпальдингом, I, 792.

Теске, кёнигсбергский наставник Гердера, I, 97.

Тишбейн, живописец, II, 464, 467. Написал портрет Гердера, II, 909.

Томас, I, 435 474.

Торильд; его «Maximum» и другие сочинения, II, 773. Принадлежал к числу поклонников Гердера, II, 773. Гердер написал рецензию его сочинений, II, 814.

Трешо, дьякон в Морунгене, I, 75; его сочинения, I, 76 и сл. Мнение Гердера о нем, I, 81 и сл.

Триппель, скульптор, II, 462, 470. Сделал бюст Гердера, II, 909.

Троица; понятие Гердера о ней, I, 397, 811.

Урсинус; его баллады и песни, II, 106.

Уц; Гердер знакомится с ним, II, 453; хвалит его сочинения, II, 709.

Фальконе; Гердер нападает на него, II, 84, 96; мнение Гердера о его конной статуе Петра Великого, II, 869.

Фальк, отклоняет Гердера от продолжения полемики с Кантом, II, 793. Гердер хорошо отзывается о его карманной книжке для любителей шуток и сатиры, II, 830.

Фесслер, II, 875, прим.

Фехнер; сходство его философских воззрений с гердеровскими, II, 756, прим.

Фихте, излагает основные воззрения Гердера, II, 708. Гердер восстает против него, II, 753 и сл. Гердер принимает в соображение его учение, II, 776, 779.

Фишер, кёнигсбергский приятель Гердера, I, 124.

Фишер Куно, I, 115, прим. 4.

Флаксланд, Каролина, впоследствии вышедшая замуж за Гер-

дера, I, 499. Ее переписка в то время, как она была невестой Гердера, I, 517 и сл.; I, 673. Она изображена в лице Леоноры в комедии «Патер Брей», I, 684 и сл.

Флаксланд, Сигизмунд, брат Каролины, I, 675, 935; получил должность в Дармштадте, I, 681. Помогает Гердеру при переезде в Веймар, II, 9.

Фогель, II, 184, прим. 5.

Фойгт Христиан Готл., веймарский министр. Его отношения к Гердеру, II, 36 и сл. Соперничает с Гердером в сочинении стихов, II, 37.

Фольгштедт, девица, II, 54.

Формализм в искусстве вызывает протест со стороны Гердера, II, 86.

Формей, секретарь Берлинской академии, I, 537; II, 141 и сл.

Форстер, Георг, восхищается «Идеями» Гердера, II, 295 и прим. 2. Его отношения к Гердеру и поездки в Веймар, II, 507.

Фосс; ищет должности ректора в Риге, I, 161, прим. 3. В Веймаре, II, 671.

Франкенберг, готский министр и его жена, II, 65, 452, 466, 693.

Франклин; Гердер занимается его сочинениями и читает лекцию о них, II, 539 и сл.

Фридрих Август, князь-епископ Любекский, I, 480.

Фридрих Август I, герцог Саксонский; Гердер говорит о нем с похвалой, II, 879; лично с ним беседует, II, 899.

Фридрих Великий; его сочинение о немецкой литературе, II, 24, 700. Мнения Гердера о нем, I, 705; II, 137, 548, 551.

Фриш, веймарский министр, II, 16.

Фронгофер, его речь в Баварской академии, II, 129.

Фюрстенберг, его отношения к Гердеру, I, 875, прим. 2; II, 413, прим. 2. Его приезд в Веймар, II, 378.

Холевиус, I, 346, прим.

Христианство; его характеристика у Гердера, II, 255 и сл. В чем заключается, по его мнению, дух христианства, II, 611 и сл. Официальное христианство, II, 257, 612.

Цантир; его сношения с Гердером в Бюкебурге, I, 935.

Цешау, бюкебургский паж; составленный для него Гердером учебный план, I, 910; II, 225.

Цезндер, II, 452, прим. 1.

Циглер, Луиза (Лили), впоследствии вышедшая замуж за Штокгаузена, I, 675 и сл., 677, прим., 914.

Циммерман; автор истории эстетики, I, 370 и сл., прим., 783, прим.

Циммерман Иоанн Георг; его дружеские сношения с Гердером, I, 905; II, 22, 165.

Циммерман, Георг, I, 502, прим.

Цинзерлинг, ассессор конси- стории, заменяет Гердера во время поездки в Италию, II, 437.

Цолликофер, I, 805, 824.

Цукербекер; его сношения с Гердером в Риге, I, 149, 151.

Человек, по мнению Гердера, есть существо среднего разряда, II, 231, есть гражданин двух миров, II, 241. Написанное Гердером на эту тему дидактическое стихотворение, I, 101.

Чувства служат, по мнению Гердера, основой для пластики, I, 364 и сл.; II, 84 и сл.

Шаллер, скульптор, II, 909 и сл.

Шардт, член веймарской кон- систории, II, 492.

Шардт, София; ее отноше- ние к Гердеру, II, 55 и сл., 208, 223, 486.

Шефтсбери; Гердер хвалит его сочинения, II, 301 и сл. Намере- вается написать о нем, о Спинозе и Лейбнице особую статью, II, 303. Его направление отозвалось на со- держании «Идей», II, 304, и на со- держании разговоров о Спинозе, II, 332 и сл. Гердер считал его сочи- нения за образцы разговорной формы изложения, II, 301; перевел его гимн к природе, II, 776.

Шауэр, II, 632, прим.

Швабе, помощник ректора в Веймаре, II, 415.

Шварцерло, врач; переводит Гердера в Кёнигсберг, I, 86.

Шварцкопф, I, 630, прим. 1.

Шварц; член рижского город- ского магистрата, I, 150.

Швейцер, II, 407, прим. 3.

Шекспир; Гердер читал его произведения, живя в Страсбурге, I, 558; изучал эти произведения с особенной любовью, I, 562 и сл.; написал статью о Шекспире, I, 469 и сл.; охарактеризовал значение Шекспира, I, 572. Влияние поэта на Гердера, I, 623. Анализ «Гамлета» и «Макбета», II, 852.

Шеллинг; II, 760 и сл., прим. Гердер имеет в виду его учение, II, 776, 779. Гердер читает его сочи- нения, но относится несочувственно к его философии, II, 867.

Шерер, I, 506, прим. 3.

Шеффнер, Иоанн Георг; всту- пает в письменные сношения с Гер- дером, I, 312.

Шёлль, Адольф, историк лите- ратуры; произнес торжественную речь при открытии в Веймаре па- мятника Гердеру, II, 910.

Шиллер; приезжает в Веймар, II, 209. Его отношения к Гёте и к Гердеру, II, 221 и сл. Сочувствует воззрениям Гердера, II, 379. Проводит две недели (1794) у Гёте, II, 657. Его первоначальные отношения к Гердеру и к Гёте после приезда в Веймар, II, 658. Склоняет Гердера к сотрудничеству в журнале «Ноген», II, 660. Его стихотворения нравятся Гердеру, II, 661. Гердер посещает его в Йене, II, 667. Отличие его эстетики от гердеровской, II, 680 и сл. Его статья о наивной и сентиментальной поэзии, II, 703; сравн. II, 709. Его статьи об эстетике, отзывающиеся воззрениями Канта, раздражают Гердера, II, 672. Его неблагоприятный отзыв об «Эоне и Эониде», II, 843. Насмешливый отзыв Гердера о шиллеровских драмах, II, 845 и сл., 854 и сл., прим. 2. Несочувственный отзыв Шиллера о седьмом и восьмом сборниках «Писем о гуманизме», II, 712. Такой же отзыв о личности Гердера, II, 898 и сл. Его отношения к Шарлотте Кальб, II, 486.

Шифферт; инспектор в кёнигсбергской коллегии Фридриха, I, 89.

Шлегель, преподаватель, а потом ректор рижской гимназии, I, 141. Вступает в должность ректора, I, 159. Становится во враждебные отношения к Гердеру, I, 174, прим.

Шлегель, А. В.; пишет рецензию гердеровской «Терпсихоры», II, 553. Возбуждает умы против Гердера, II, 770, прим. 3.

Шлегель, Фридрих.; влияние гердеровских «Отрывочных заметок о литературе», I, 245. Подобно Гердеру, требует новой мифологии, I, 257. Доводит идеи Гердера до парадоксов, II, 703. Его статья об изучении греческой поэзии, II, 703. Его «Аларкос», II, 847.

Шлейермахер; его суждение о Шпальдинге, I, 750. Точка зрения его речей о религии сходится с точкой зрения Гердера, II, 616 и сл.

Шлёцер; Гердер пишет рецензию на первую часть его всеобщей истории, I, 772 и сл. Вторая часть этой истории написана против Гердера, I, 777 и сл. «Всеобщая история севера», I, 774. Гердеровская рецензия сочинений Шлёцера, I, 779 и сл.

Шлоссер, редактор франкфуртского «Ученого указателя», I, 630. Гердер недоволен им, I, 632; вступает с ним в полемику, II, 235.

Шмидт Хр. Г.; Гердер пишет рецензию на его биографию поэтов, I, 638, прим. 2.

Шмидт, Кламер, II, 904.

Шмидт и **Шнелль**; объяснения трансцендентальной философии по поводу гердеровской «Метакритики», II, 769.

Шолль, скульптор, II, 910.

Шопенгауэр; его критика сочинений Канта имеет сходство с гердеровской, II, 756, прим.

Шрёдер; его переписка с Гердером, II, 875 и сл., 882.

Шротт и **Шлейх**, II, 578, прим. 2.

Шпальдинг; его теологическая точка зрения, I, 735. Его книга о пользе пасторской должности, I, 737 и сл. Его переписка с Гердером, I, 788 и сл. Впоследствии Гердер стал отчасти разделять мнения Шпальдинга, II, 617.

Шпацир, II, 718, прим. 3.

Шпиттлер; его письмо касательно вторичного приглашения Гердера на гёттингенскую должность, II, 471.

Шпрюкман, II, 378.

Штейн, г-жа; II, 31, 223, 226, 239, 479.

Штендер; автор статьи о Троице, I, 397.

Шток; кандидат на должность пастора, I, 916.

Штокар, II, 795, прим.

Штендлин; его рецензия гердеровских «Христианских сочинений», II, 739; сравн. II, 761.

Штольберг; мнение Гердера о его переходе в католицизм, II, 623.

Штридер, II, 93, прим.

Штурц; его знакомство с Гердером, II, 111. Его отзыв о проповедях Гердера, II, 397 и сл.

Шульц; директор коллегии Фридриха в Кёнигсберге, I, 89.

Эбергард, получивший вместо Гердера премию за статью о мышлении и чувствовании, I, 853 и сл.

Эберг; его свидание с Гердером в Брауншвейге, II, 208.

Эдельсгейм, баденский министр, II, 545, 546, прим. 3.

Эзоп; Гердер сравнивает его с Лессингом, I, 299, 300.

Эйхгорн; его первые сношения с Гердером, II, 203. Его теологические сочинения, II, 204. Его намерение написать всеобщую историю литературы, II, 216. Его отзыв о занятиях Гердера азиатской литературой, II, 511 и сл. Его «Всеобщая библиотека библейской литературы», II, 585. Стараются склонить Гердера к участию в составлении «Истории искусств и наук», II, 701 и сл.

Эйнзидель, Август, II, 69 и сл.; его «Идеи», II, 70 и сл., 518, 825. Его поездка в Африку, II, 75. Присылает Гердеру испанские книги, II, 905.

Эйнзидель, Фридрих, II, 69, 456.

Экардт, I, 125, прим., 146, прим., 151, прим. 1, 152, прим. 2, 179, прим. 2, 186, прим., 187, прим. 2, 190, прим.; II, 832, прим.

Элегия; как понимал ее Гердер, I, 254 и сл., 303 и сл.; II, 192.

Элеонора, графиня Бентгейм-Штейнфуртская, II, 63.

Эммерих, школьный товарищ Гердера, I, 87.

Эпиграмма; ее сущность, по мнению Гердера, I, 628; II, 357 и сл.

Эпос; его теория в изложении Гердера, II, 864 и сл.

Эрдман; II, 445, прим. 1.

Эрнести, его взгляд на теологию, I, 395. Гердер ссылается на него, I, 397.

Эссен, рижский обер-пастор, I, 166, 191. Его вражда к Гердеру, I, 173.

Эстетика Баумгартена в оценке Гердера, I, 273 и сл. Понятие о настоящей эстетике, по мнению Гердера, I, 360 и сл. Оценка кантовской эстетики, II, 781.

Эхсил; анализ его трагедии, сделанный Гердером, II, 851 и сл.

Эшенбург; Гердер хвалит его переводы, I, 628; встречается с ним в Брауншвейге, II, 208; ведет с ним дружеские сношения, II, 715, 813.

Юм; как относился к нему Гаман, I, 132. Гердер рано познакомился с его сочинениями, I, 118; сравн. I, 814. Гердер изучает его историю Англии, I, 164, прим. 1, 331. Мнение Гердера о достоинствах Юма как историка, I, 330, 331. С его воззрениями на религию соглашается Гердер, I, 403 и сл., 444 и сл. Гердер не одобряет нападок Юма на духовенство, I, 744 и сл. Гаман переводил его диалоги, II, 444; сравн. II, 53, прим. 4. Гердер сравнивает его с Кантом, II, 758 и сл.

Юнг; Гердер подчиняется влиянию его сочинения «On original composition», I, 241.

Юнг Штиллинг, познакомился с Гердером в Страсбурге, I, 527 и прим. 1.

Якоби, Георг, II, 307.

Якоби, Фр. Гейнр.; интересуется старыми сочинениями Гердера, II, 306. Первоначальное мнение Гердера о нем, II, 307. Ищет дружбы Гердера и читает «Теологические письма», II, 308. Вступает в переписку с Гердером, II, 308. Возбуждает полемику о сочинениях Спинозы, II, 310 и сл. Приезжает в Веймар, II, 312. Его книга об уче-

нии Спинозы, II, 314. 2-е издание этой книги, II, 335. Взаимное удовольствие, II, 525. Свидание в Ахене и примирение, II, 526. Отличие его политических убеждений от гердеровских, II, 527 и сл. Одобряет содержание «Христианских сочинений» Гердера, II, 609. Гердер старается шадить его во 2-м издании разговоров о Спинозе, II, 777.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5

К Н И Г А П Я Т А Я

ПЕРВЫЕ СЕМЬ ЛЕТ ЖИЗНИ ГЕРДЕРА В ВЕЙМАРЕ

Г л а в а п е р в а я

ПРИБЫТИЕ В ВЕЙМАР. НОВАЯ ОБСТАНОВКА И НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Приезд в Веймар и первые впечатления. — Недоразумения, возникшие при вступлении в консисторию. — Болезнь и поездка в Пирмон.— Жалобы на бремя служебных занятий. — Кауфман и Ленц в Веймаре. — Гердер недоволен Гёте и герцогом; история его отношений к Гёте в течение тех семи лет. — Отношения к герцогине Луизе, к графу Гёрцу, к Фойгту и к Кнебелю. — Гердер и Виланд; первые статьи для Меркурия: Гуттен; философия и мечтательность и т. д. — Непрочность дружеских отношений к Виланду. — Отношения к женщинам. Г-жа Шардт. Г-жа Берлепш. Г-жа Франкенберг. Г-жа Диде. — Карл Дальберг; замечания Гердера к его размышлениям о вселенной. — Август Эйнзидель; Гердер интересуется и его идеями, и его личными делами. — Принц Август Готский

9

Г л а в а в т о р а я

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1777—1779 гг.

Новая литературная программа. — Ее краткий обзор. — I. «Пластика». — История ее возникновения и ее отношения к другим однородным работам. — Содержание и достоинство сочинения. — Его стилистический характер. — II. Панегирик Винкельману. — Кассельская задача на премию. — Судьба гердеровского сочинения на премию. — Содержание этой статьи. —

III. «Песнь песней» Соломона. — Возникновение этого сочинения: Песни любви и т. д. — Его цель и направление. — Его хорошие стороны. — Дополнения. — IV. Издание сборника народных песен. — Препятствия и приготовления. — Статья о сходстве средневековой английской поэзии и немецкой. — Душевное настроение во время издания народных песен. — Предисловие ко второй части народных песен. — Главная цель и характер сборника. — Произведенное им впечатление. — Помещенные в «Немецком Меркурии» письма в воспоминание о некоторых старых немецких поэтах. — Знакомство с произведениями Андреса. — V. Написанная на премию статья о влиянии поэзии. — Возникновение статьи. — Ее содержание. — Выдержки из ее первоначальных набросков. — VI. Второе сочинение на баварскую премию. — Гердер и Баварская академия. — Статья о влиянии изящного на высшие науки. — Ее содержание и характер. Ее связь с педагогической деятельностью Гердера. — VII. Третья премия, полученная от Берлинской академии. — Задача на премию о взаимном влиянии правительств и наук. — Характер, план и содержание гердеровской статьи. — Назначение Гердера членом Берлинской академии

80

Глава третья

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПИСЬМА И ЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ. ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

I. «Теологические письма». — Возникновение писем. — Их внешняя форма. — Основные идеи и недостатки. — Либеральная теологическая точка зрения. — II. Гердер и Иоанн Георг Мюллер. — Юношество Мюллера и его приезд к Гердеру в Веймар. — Пребывание Георга Мюллера в доме Гердера зимой 1781/82 г. — Гердер и Иоанн Мюллер. — Письма к Феофрону. — III. Ссора с Лафатером. — Постепенно возникающий разлад. — Мнение Лафатера о «Теологических письмах» и ответ Гердера. Разрыв и продолжительное взаимное несочувствие. — IV. Памятник Лессингу. — Смерть Лессинга. Впечатление, произведенное ею на Гердера. — Сближение с Мендельсоном. — Написанная для «Меркурия» статья о Винкельмане, Лессинге и Зульцере. — Достоинства характеристики Лессинга. — V. Последняя распря с Николаи. — Три письма о литературе, напечатанные в августовском номере «Меркурия» 1782 г. — Статья Николаи о тамплиерах. — Poleмические нападки Гердера на эту статью. — Возражения Николаи. — Произведенное ими впечатление. — Неудачная попытка Гердера помириться с Нико-

лаи. — VI. «О духе еврейской поэзии». — Возникновение сочинения. — Его общий характер, мотивы и план. — Другие одновременные работы: иудейские поэтические произведения; предисловие к книге Бёрмеля. — Распределение содержания и вставленные переводы. — Диалогическая форма первой части. — Анализ содержания: элементы еврейской поэзии; история еврейской поэзии до пророков. — Отличающаяся либерализмом теологическая точка зрения автора. — Гердер и Эйхгорн. — Влияние и достоинства сочинения. — VII. После работы. — Планы путешествий. — Поездка с целью отдыха через Гальберштадт в Гарц, Брауншвейг и Гамбург. — Сношения с Клаудиусом и с Клопштоком. — Возвращение домой

143

КНИГА ШЕСТАЯ

ГЕРДЕР НА ВЕРШИНЕ СВОЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава первая

«ИДЕИ О ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ»

I. Основная мысль и начало работы. — Идеи о философии истории были совокупностью и средоточием гердеровских идей. — История возникновения сочинения. — Начало работы. — II. Намерение писать «Идеи» возникло в то время, когда Гердер сблизился с Гёте. — Возобновление дружеских сношений Гердера с Гёте в августе 1783 г. — Их тесная дружба. — Ее влияние на литературную деятельность обоих друзей. — Гердеровская философия истории и занятия Гёте естественными науками. — III. Первая часть «Идей» и разговоры о переселении душ. — Общий план сочинения. — Книги первая, вторая и третья: космические и географические условия человеческого существования. — Книга четвертая: человек создан для гуманизма. — Вопрос о бессмертии души. — Разговоры о переселении душ; Шлоссер и Гердер. — Гадес и Элизиум. — Книга пятая: человек — гражданин двух миров. — Научно-естественная основа и религиозная цель первой части. — IV. Дальнейшее содержание «Идей». — 1. Вторая часть. — Книга шестая, седьмая и восьмая: видоизменения одного и того же человеческого типа; совокупное влияние климата и генетической силы; влияние традиций; человек предназначен для блаженства. — Противоречивые идеи в гердеровской философии истории. — Книга девятая: средства постепенного развития человеческого рода; язык. —

Предисловие к сочинениям Монбоддо. — Книга десятая: начало истории человечества. — 2. Исторический обзор в третьей и четвертой частях. — Восточные народы. — Греки. — Римляне. — Новая Европа и христианство. — Германцы. — Средние века и церковная иерархия. — Конец средних веков. — 3. Заключительные историко-философские выводы третьей части. — История человечества есть не что иное, как естественная история. — Poleмические нападки на всякую плохую телеологию. — Нет никаких конечных целей, а есть закон прогрессивного развития. — Но и закон прогрессивного развития составляет неразрешимую задачу. — V. Внешняя и внутренняя история изложения «Идей». — История возникновения частей второй, третьей и четвертой. — Отрицательное влияние кантовской «Критики чистого разума». — Кантовская идея о всеобщей истории. — Кантовская рецензия первой части «Идей» и впечатление, произведенное ею на Гердера. — Нападки Рейнгольда на Канта и возражения Канта. — Poleмика с Кантом во второй части «Идей». — Кантовская рецензия второй части «Идей». — В чем заключался спорный вопрос? — Статья Канта о начале истории человечества. — Положение, занятое Гердером. — Окончательное суждение об отношении кантовской философии истории к гердеровской. — Влияние гердеровского сочинения; Гегель; Лотце. — Его влияние на историографию. — И на естествознание. Переход к «Диалогам о Спинозе». 213

Глава вторая

РАЗГОВОРЫ О СПИНОЗЕ

I. Спиноза, Шефтсбери, Лейбниц. — Отношения Гердера к Лейбницу. — Влияние Лейбница на содержание «Идей» в его связи с воззрениями Шефтсбери и Спинозы. — Проект статьи о Спинозе, Шефтсбери и Лейбнице. — II. Гердер и Якоби. — История сношений Гердера с Якоби до 1783 г. — Заискивания со стороны Якоби и первый шаг к сближению со стороны Гердера. — Якоби заинтересовывает Гёте и Гердера своими исследованиями о системе Спинозы и вызывает с их стороны возражения. — Якоби в Веймаре; продолжение споров о Спинозе. — Статья Якоби об учении Спинозы; впечатление, которое она произвела на веймарских друзей; неудовольствие Якоби по поводу того, как вели себя эти друзья в его споре с Мендельсоном. — III. Статья о Спинозе. — Ее возникновение. — Poleмика с Якоби и впечатление, произведенное на него этой статьей. — Дальнейшее содержание статьи: защита Спинозы и

видоизменение его воззрений при помощи воззрений Лейбница. — Гердеровский деистический спинозизм. — Сходство разговоров о Спинозе с «Идеями». — Недостатки и достоинства статьи. — Ее влияние. — Гёте одобряет ее содержание. — Ее диалогическая форма и гердеровский стиль 298

Глава третья

ТРИ ПЕРВЫХ СБОРНИКА «РАЗБРОСАННЫХ ЛИСТКОВ»

Повод для издания «Разбросанных листков». — Они вообще были работой, предпринятой для отдыха, и находились во внутренней связи с более обширными литературными предприятиями. — I. Поэтическое содержание «Листков». — Цветки из греческой антологии; приемы переводчика и участие со стороны Гёте. — Парамифии. — Листки из прошлого. — Собственные стихотворения. — II. О поэтике и об истории поэзии. — Статья об эпиграмме; ее содержание и ее достоинства. — О метафорах, вымыслах и баснях; содержание, достоинства и недостатки статьи. — Предисловие к «Пальмовым листьям». — III. Об археологии и об изучении древности. — Статья о Немезиде. — Переделка статьи «О том, как древние изображали смерть». — Любовь и самолюбие — дополнение к сочинениям Гемстергюи. — Приезд Гемстергюи в Веймар. — Что производит более сильное впечатление — живопись или музыка? Разговор богов. — Персеполь. — Искусственность во внешней форме и в распределении содержания «Разбросанных листков». — Сочувствие, с которым была принята эта статья. — 2-е издание «Теологических писем» 341

Глава четвертая

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Проповеди, которые произносил Гердер в Веймаре и в более раннюю пору своей жизни. — Он старается изменить прежнюю манеру произносить проповеди. — Гомилетическая теория. — Характеристика гердеровских проповедей. — Свидетельство современников о впечатлении, которое производили его проповеди. — План учреждения учительской семинарии. — Это дело не двигалось вперед в промежуток времени между 1777 и 1786 гг.; наконец, семинария была открыта в 1788 г. — Улучшение школ; гердеровский учебник. — Заботливость об увеличении жалованья низших преподавателей. — Гердер в качестве эфора вей-

марской гимназии. — Школьные речи. — Реформа гимназии. — Увеличение жалованья посредством упразднения должности гарнизонного пастора. — Реформа даровой кухни Вильгельма Эрнста и управление ею. — Церковные дела. — Уменьшение числа проповедей. — Соединение придворной церкви с гарнизонной. — Пересмотр литургии. — Столкновение с большинством высшей консистории по поводу способа введения преобразования в литургии. — Надежды на получение новой должности вне Веймара. — Запрос из Гёттингена и надежда получить новую должность в Клостеберге. — Гамбург, Берлин, Ганновер. — Желание получить профессорскую должность в Йене. — Увеличение жалованья и анонимный денежный подарок. — Гуго Дальберг приглашает Гердера предпринять путешествие в Италию. — Дальберг и г-жа Секендорф в Веймаре. — Приготовление к отъезду

388

Глава пятая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИТАЛИЮ

Предположенное свидание с Гаманом. — Прочность дружбы между Гердером и Гаманом. — Участие Гамана в веймарских литературных произведениях Гердера. — Влияние гердеровских произведений на гамановские. — Гердер и Гарткнох; Гаман мирит их. — Поездка Гамана в Германию и смерть. — Отъезд Гердера в Италию. — Пребывание в Бамберге, Нюрнберге, Аншпахе. — Переезд из Аугсбурга в Рим вместе с Дальбергом и г-жой Секендорф. — Неприятное положение Гердера после приезда в Рим. — Разлад с Дальбергом; Гердер примыкает к кружку герцогини Амалии. — Римское общество и римские впечатления. — Гердер изучает произведения пластики и называет древние скульптурные произведения кодексом гуманности. — Рим надоедает ему и он уезжает в Неаполь. — Пребывание в Неаполе; знакомства и загородные поездки. — Вторичное пребывание в Риме. — Поэтическая исповедь по поводу путешествия в Италию. — Анжелика Кауфман. — Отъезд из Рима и торопливое возвращение домой. — Новое предложение из Гёттингена. — Переговоры. — Желание Гердера выехать из Веймара; старания Гёте удержать его в Веймаре. — Гердер неохотно уступает настояниям Гёте. — Окончание письменных переговоров посредством устного объяснения. — Новый договор с веймарским правительством; назначение вице-президентом высшей консистории

439

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Глава первая

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ В ВЕЙМАРЕ

Отношения к г-же Кальб. — Отношения к Кнебелю. — Интимные сношения с Гёте. — Гердер в качестве вице-президента высшей консистории. — Невыгодные стороны нового служебного положения. — Недовольство Гердера и болезнь. — Карлсбад; тяжелая болезнь зимой 1791/92 г.; поездка в Ахен. — Служебная деятельность. — Смерть ректора Гейнце. — Переговоры о назначении Бёттигера. — Вступление Бёттигера в должность и его первоначальные отношения к Гердеру. — Мемория касательно студенческих корпораций. — Мемория касательно устроенной в Йене студенческой даровой кухни. — Литературные труды в течение 1791—1792 гг.; их обзор. — Предисловие к предпринятому Мюллером изданию исповеди замечательных людей. — Четвертый сборник «Разбросанных листков». Его характер и содержание. — Цветки восточной поэзии. — Рапсодические мысли о поговорках и метафорах. — Георг Форстер и письма о восточной драме. — Гердер интересуется индийской литературой; мысли некоторых браминов и памятники древности. — Общество, собиравшееся у веймарской герцогини по пятницам и лекция Гердера о человеческом бессмертии. — «Тифон и Аврора»

485

Глава вторая

ГЕРДЕР ПОД ВЛИЯНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Взгляд Гердера на политические вопросы. — Его симпатии к Французской революции. — Взамен предположенного продолжения «Идей» Гердер намеревается издавать письма касательно распространения гуманизма. — Начало упадка в литературной деятельности Гердера. — Пребывание в Ахене; примирение с Якоби. — Впечатления, вынесенные из Ахена и имевшие влияние на письма о гуманизме. — Первоначальное содержание самого старого сборника писем о гуманизме было наполнено пристрастными суждениями о Французской революции. — Перемена в воззрениях Гердера и изменение содержания в письмах о гуманизме. — Два первых сборника этих писем. — Вопросы, поставленные Франклином. — Проект основания всеобщей не-

мецкой Академии; судьба мемории, составленной Гердером. — Фридрих Великий и Иосиф II. — Лютер и статья о Лютере. — Диалоги Лессинга о масонах. — Как были приняты публикой письма о гуманизме. — Продолжение писем о гуманизме. — Политическое и патриотическое содержание четвертого сборника. — Такое же содержание пятого сборника; переделка старой статьи о публике и отечестве. — Статьи для журнала Генца. — Политическое содержание девятого сборника. — Статья о немецкой национальной гордости и некоторые другие, отложенные в сторону, статьи. — Последний сборник. — Пятый сборник «Разбросанных листков». — Параболы и диалоги Андреэ. — Воспоминания о некоторых старых немецких поэтах. — О «Рейнеке Фуксе». — Знакомство с произведениями Якова Бальде. — Переводы его стихотворений. — Возникновение «Терпсихоры». — Характер этих переводов. — Статьи о лирической поэзии. — Кенотафия Гальде 517

Глава третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕОЛОГИИ

Гердер снова начинает интересоваться теологией. — О даре языков; содержание и характер сочинения. — О воскресении из мертвых; точка зрения, цель и содержание сочинения. — Приостановка и продолжение «Христианских сочинений». — Об Искупителе и о Сыне Божьем; история, содержание и характер этих двух сочинений. — Их внешняя форма. — Гердеровская критика Евангелий и ее выводы. — Какое значение имеют для нас Евангелия; Гердер и Лессинг. — Два последних сборника «Христианских сочинений». — О духе христианства; содержание сочинения. — Сказка о зеркале. — О религии, догматах и обрядах. — Понятие Гердера о религии; Гердер и Шлейермахер. — Символы и таинства. — Теологические убеждения Гердера и его духовное звание; его воззрения и его метод. — Суждения Гердера о переходе Штольберга в католицизм. — Эйзенахский донос на Йенский университет и мемория, составленная по этому поводу Гердером. — Вопрос о книге церковных песен; первый пересмотр веймарской книги церковных песен и новая книга церковных песен, составленная в 1795 г. — Введение новых текстов для церковных проповедей. — Гердеровский катехизис. — Две конфирмации. — Шестой сборник «Разбросанных листков». — Нравственно-религиозный характер его содержания. — «Das Land der Seelen»; «Палингенезия»; о знании и незнании будущности и т. д. — Легенды и статья о легендах 583

Глава четвертая

ИЗМЕНИВШИЕСЯ ОТНОШЕНИЯ ГЕРДЕРА К СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Начавшееся с 1793 г. охлаждение дружеских отношений к Гёте. — Жалобы на одиночество в течение 1794 г. — Фосс в Веймаре. — Первое личное свидание Шиллера с Гердером; отношения Шиллера к Гердеру и к Гёте. — Начало дружбы между Шиллером и Гёте. — Триумвират 1795 г.: Гёте, Гердер и Шиллер. — Гердер сотрудничает в журнале «Horen»; «Наша собственная судьба». — Гомер — любимец своего времени. — Нападки со стороны Фр. А. Вольфа. — Вопрос о Гомере и отношении Гердера к вольфовским «Prolegomena». — Старая рукописная статья о Гомере и Оссиане; ее разделение на две статьи. — Гомер и Оссиан; Гердер и вопрос об Оссиане. — Праздник Граций. — «Идуна» и отзыв Шиллера о ней. — Эстетические воззрения Гердера и Шиллера. — Выход Гердера из триумвирата. — Цветущее время дружеской связи между Гердером и Гёте и причины ее охлаждения. — Внешние причины; столкновение Гёте с Каролиной. — «Ксении» и несочувствие к ним Гердера. — Седьмой и восьмой сборники «Писем о гуманизме»; новые «Отрывочные заметки о литературе». — Отношения Гердера к поэтике Шиллера и Фр. Шлегеля. — Содержание двух сборников; возникновение новейшей поэзии; характер поэзии средневековой; поэзия новейших европейских народов со времени эпохи Возрождения; англичане и немцы; современная немецкая поэзия. — Мнения Гёте и Шиллера о ретроградной и нравоучительной тенденции гердеровской критики. — Окончательное разделение на враждующие партии. — Гердер примыкает к старой генерации поэтов. — Непрерывающаяся дружба с Глеймом. — Более тесное сближение с Виландом. — Жан-Поль и Гердер. — Первый приезд Жан-Поля в Веймар. — Поселение в Веймаре; сношения с Гердером. — Отъезд Жан-Поля в Берлин. — Следы взаимного влияния

653

Глава пятая

БОРЬБА С КАНТОВСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

Как относился Гердер к Канту в своих «Письмах о гуманизме». — Религия Канта не выходила из пределов чистого разума. — Poleмика с Кантом в «Христианских сочинениях». — Причины несочувствия Гердера к учению Канта. — Неудавшееся намерение основать философскую кафедру при гимназии;

мемория по этому предмету. — Намерение вступить в литературную борьбу с учением Канта. — Метакритика и ее сходство с гамановской метакритикой. — Ее возникновение. — Способ борьбы. — Общая характеристика гердеровской точки зрения в противоположность с точкой зрения Канта. — Указание этой противоположности на отдельных главах «Критики чистого разума». — Оценка содержания «Метакритики». — Гердер восстает против учения Фихте и готовится к продолжению борьбы. — Как отнеслись к «Метакритике» друзья Гердера и приверженцы Канта. — Нападки на «Метакритику». — Нападки со стороны Ринка. — Бардили и Торильд берут сторону Гердера. — Новое издание «Разговоров о Спинозе»; его отличие от первого издания. — «Каллигона». — Возникновение этого сочинения. — Нападки Гердера на эстетический формализм. — Нападки на субъективизм кантовской эстетики. — Индивидуализм Гердера сталкивается с его влечением к объективизму. — Учение Гердера и учение Канта об искусстве. — Музыка. — Прежние мнения Гердера о музыке. — Возвышенное. — Разномыслие касательно связи между эстетикой и моралью. — Отзывы о «Каллигоне». — Предположенное, но отложенное в сторону продолжение борьбы с Кантом

728

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Непрерывающиеся дружеские сношения с Г. Мюллером. — Обмен мыслей о политических вопросах. — Мюллер поставлен в затруднительное положение взрывом швейцарской революции. — Советы, поощрения и заботливость Гердера; он радуется вступлению Мюллера на политическое поприще. — Гердер принимает живое участие в политической деятельности Мюллера. — Такое же участие он принимает в литературной деятельности Мюллера; пишет рецензию «Писем о науках». — Гердер недоволен Йенским университетом и литературной газетой. — Порицает тогдашнюю манеру писать рецензии и анонимность. — «Эрфуртская ученая газета» и ее новая программа. — Гердеровские рецензии в «Эрфуртской газете». — Намерение издавать «Критические листки». — Персепольские письма. — План и программа журнала «Аврора». — Этот план заменяется намерением издавать журнал «Адрастея». — Изолированное положение издателя. — Семейная жизнь Гердера; его жена. — Непрерывающиеся дружеские сношения с Жан-Полем и Виландом. — Дружеская и литературная связь с Кнебелем. — Отно-

шения к Г. Мюллеру, Риттеру, Гернингу, Фальку, Меркелю и Бёттигеру. — Начало «Адрастеи». — Исторические характеристики в номерах первом и втором. — «Эон и Эонида». — Несочувствие Гердера к веймарским театральным представлениям. — Поэтическое завещание «Адрастеи». — О басне, идиллии, опере, драме. — Теория драмы в четвертом номере «Адрастеи». — Полемические нападки на современную драму. — Отложенная в сторону глава о шлегелевском «Ионе». — «Элоиза». — «Каллигения» и другие статьи для карманных книжек. — «Пигмалион». — Драматические произведения: «Ариадна»; «Раскованный Прометей»; «Дом Адмета». — Достоинства этих произведений. — О теории эпоса в девятом и десятом номерах «Адрастеи». — Натурфилософия в шестом номере «Адрастеи». — Исторические характеристики в пятом номере. — О миссионерах, методистах, вольнодумцах и т. д. — Разговоры о тайных обществах. — Отношения Гердера к масонам и к Фр. Л. Шрёдеру. — Разговоры о масонах в восьмом номере «Адрастеи» и их продолжение, оставшееся ненапечатанными. — Вопрос об иудеях в седьмом номере. — Атлантида в восьмом номере. — Житейская обстановка Гердера с 1800 г. — Назначение президентом высшей консистории. — Гюнтер и предисловие к его благочестивым размышлениям. — Поездка в Штахерид. — Желание получить дворянское звание. — Возведение в дворянское звание. — Оскорбительный образ действий герцога. — Новая поездка в Ахен; пребывание там и возвращение в Веймар. — Столкновения по поводу театральных представлений; поражение в борьбе касательно назначения нового кантора. — Смерть Глейма и Клопштока. — Последние сношения с Гёте. — Последнее путешествие. — Шнееберг, Эгер, Дрезден. — Возвращение в Веймар. — Проекты новых литературных предприятий; намерение издать полное собрание его сочинений. — Поэтические отрывки в «Адрастее». — Подражание римским поэтам; Персий, Гораций. — «Сид». — Последняя болезнь, смерть и погребение. — Изображения Гердера. . . .	794
Дополнения и поправки	911
Алфавитный указатель	914

Научное издание

Рудольф Гайм

ГЕРДЕР, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

Печатается по: *Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения.
Т. 2. М., 1888

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Слово о сущем»*

Редактор издательства *Т. В. Глушенкова*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *О. В. Гусихина, Н. И. Журавлева,*
Л. Д. Колосова и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 6 октября 2000 г.
Сдано в набор 1.03.11. Подписано к печати 3.10.11.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 60.5. Уч.-изд. л. 58.2.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3995. С 186

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026361-1

9 785020 263611

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52,
292-46-52, 292-50-43

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22

142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60

443022 Самара, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60

- 191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
бук. 273-13-98
- 197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812)
323-34-62
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
- 450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Андре Мальро

ГОЛОСА БЕЗМОЛВИЯ

Книгу Андре Мальро «Голоса безмолвия» можно считать попыткой создания всеобъемлющей философии искусства, с той лишь оговоркой, что создается такая философия не в форме систематического трактата, а в рамках свободного, эссеистического изложения, в полной мере отражающего литературную одаренность автора. Кроме того, книгу Мальро можно воспринимать и как художественный альбом с развернутыми комментариями-медитациями к репродукциям. Философия искусства Мальро основана не только на его «трагическом гуманизме», выражающемся в данном случае в убеждении, что любое художественное произведение скрывает в себе ответ человека на вызов Судьбы, на «безмолвный голос» Ничто, ожидающего любое человеческое начинание на пороге смерти, но и на концепции «воображаемого музея», собирающего в своих виртуальных залах все изобразительное наследие человечества — от наскальных рисунков до современной живописи и скульптуры.

Книга объединяет цикл искусствоведческих работ Мальро, вышедших в разное время отдельными изданиями: «Воображаемый музей», «Метаморфозы богов», «Ценность абсолюта», и затем переработанных.

Ознакомиться с информацией об Издательстве, планах выпуска и наличии книг для реализации можно на сайте Издательства www.naukaspb.com

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Платон

ЗАКОНЫ

«Законы» — самый большой по объему диалог Платона. Он относится к числу поздних диалогов афинского философа и содержит подробно разработанное законодательство античного полиса. Проект наилучшим образом организованного полиса мы находим в диалоге «Государство», однако этот, с точки зрения Платона, близкий к идеальному проект философ не считал осуществимым в ближайшем будущем. В «Законах» он описывает устройство «второго по достоинству» государства, которое несколько дальше отстоит от идеала, но зато имеет, по-видимому, больше шансов на то, чтобы быть осуществленным на практике.

Небольшой диалог «Послезаконие» тематически примыкает к «Законам»; «Письма» позволяют получить представление о политической деятельности Платона.

Для тех, кто интересуется античной историей, философией, социологией.

Ознакомиться с информацией об Издательстве, планах выпуска и наличии книг для реализации можно на сайте Издательства www.naukaspb.com

